

ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2021–2022

МОСКВА
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2022

Редакционная коллегия

*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, О.Т. Ермишин, Т.В. Марченко,
М.Ю. Сорокина (отв. секретарь), Г.А. Тюрина*

Международный совет

*Корин Амашер (Женева, Швейцария)
Ирина Антанасиевич (Белград, Сербия)
Лукаш Бабка (Прага, Чехия)
Всеволод Багно (Санкт-Петербург, Россия)
Стефано Гардзонио (Италия)
Драган Гачич (Белград, Сербия)
Юлия Матвеева (Екатеринбург, Россия)
Виктор Москвин (Москва, Россия)
Ивона Анна Ндяй (Ольштын, Польша)
Жорж Нива (Женева, Швейцария)
Федор Поляков (Вена, Австрия)
Юрис Салакс (Рига, Латвия)
Игорь Силантьев (Новосибирск, Россия)
Иван Толстой (Прага, Чехия)
Режина Хелена де Фрейтас Кампос (Белу-Оризонти, Бразилия)
Манфред Шруба (Милан, Италия)*

Ответственный редактор

Н.Ф. Гриценко

Художник

И.И. Антонова

POST ANNIVERSARIUM
ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН
(1870–1953)

Вилла И. А. Вунина.

Подарок Ивана Алексеевича
"Восходу" и "Дням" Алексеевцам
в ответъ
на привѣтъ лѣтняго лагеря,
переданнаго группою "Дн. Алекс.
ѣздившими въ Гриссъ.

"Восходу" и "Дням" Алексеев-
цевцам
От Большой группы
1934. И. Вунина

Т.В. Марченко

ГОД ИВАНА БУНИНА В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ФОРУМ, ВЫСТАВКА, ИЗДАНИЯ

В 2020 г. мир отметил 150 лет со дня рождения великого русского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, эмигранта Ивана Алексеевича Бунина. Бунинский юбилей впервые праздновался в России на государственном уровне по указу президента, и с этим официальным признанием писателя классиком русской литературы согласны читатели. В России тиражи прозы Бунина не падают, в мире переводят его на всё новые языки, подтверждая, что Бунин — наш современник.

Это был также и первый торжественно отмеченный в стране юбилей великого соотечественника, покинувшего родину в результате революционной смуты и гражданского противостояния. Важная веха в признании современной Россией наследия русской эмиграции XX в. своим национальным достоянием. Огромную роль в возвращении, сохранении, популяризации духовного наследия русского зарубежья, в его изучении и издании вот уже четверть века играет Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. От его руководства исходила сама инициатива провести общероссийский Год Бунина.

В дни празднования бунинского юбилея директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин отмечал:

Бунинская тема для Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына — одна из ключевых, и объясняется это прежде всего значением И.А. Бунина для русской эмиграции. Он — гордость и знамя эмиграции. <...> Можно сказать, что наш Дом русского зарубежья им. А. Солженицына возник под сенью Ивана Бунина. Так случилось, что бунинские юбилеи совпадают с важными юбилеями нашего Дома. Тридцать лет назад — в сентябре 1990 года, в год 120-летия со дня рождения И.А. Бунина — мы проводили в Библиотеке иностранной литературы первую выставку парижского издательства «ИМКА-Пресс», которая стала точкой отсчета для нашего Дома. Спустя пять лет, в 1995 году, мы открыли Дом русского зарубежья, и это тоже были бунинские дни — 125 лет со дня рождения писателя. А в декабре этого года, в год 150-летия со дня рождения Бунина, мы отмечаем 25-летие Дома русского зарубежья.

И в центре экспозиции Музея русского зарубежья, который мы открыли в прошлом году, — речь «Миссия русской эмиграции» И.А. Бунина. Этот важнейший текст представлен в экспозиции полностью. <...>

В научно-издательской деятельности Дома русского зарубежья бунинская тема одна из самых важных [Бунин 2020, с. 7–8].

Юбилей выпал на небывало трудный в новейшей мировой истории год. Человечество столкнулось с пандемией нового вируса, и все ограничительные мероприятия, в России и за рубежом, казалось, препятствовали юбилейным торжествам. Не везде и не все задуманное получилось и было воплощено в том объеме, которого заслужил поэт, публицист, прозаик, мемуарист Иван Бунин — писатель, который по праву входит в мировой литературный пантеон.

В Москве, в Доме русского зарубежья, бунинский праздник состоялся и стал одним из знаковых культурных событий в непростом 2020 г. Научно-творческий коллектив организовал юбилейную буниниану с исключительным жанровым разнообразием и широким столичным, российским и международным резонансом. 150-летие классика XX в. было отпраздновано масштабно и одновременно изысканно, в подлинно классическом стиле и вместе с тем свежо и современно и превратилось настоящий триумф литературы и культуры в драматичные для всего мира времена. Локдаун *urbis et orbis* не воспрепятствовал встречам, прошедшим онлайн, выставке, для которой музейно-архивные институции с воодушевлением предоставили уникальные материалы, изданиям и публикациям на разных языках.

Программу бунинских мероприятий составили:

— международный научно-просветительский форум «Классик и современник» из цикла «Литература русского зарубежья: прошлое и настоящее» (12–13 октября 2020 г.);

— историко-документальная выставка «Бунин. Эмиграция. Творчество»;

— выпуск художественно-документального каталога выставки и научно-популярной книги Т.В. Марченко «Бунин и Франция» (М., 2020);

— видеотур по выставке (42 мин.) — развернутый монологический рассказ Т.В. Марченко о жизни и творчестве первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Бунина в интервью экспозиции;

— сувенирная продукция, обыгрывающая доминанты жизни и творчества писателя-юбиляра в годы изгнания. Маска «Окаянные дни» пользовалась особым успехом — Бунин оказался актуален, как никогда. Интерьерные духи с грасскими ароматами получили имена вилл в Приморских Альпах, на которых жил Бунин: «Мон-Флери», «Бельведер», «Жаннет»...

В бунинском юбилейном проекте Дом русского зарубежья впервые реализовал все самые современные музейные практики.

12–13 октября 2020 г. в Доме русского зарубежья проходила работа международного форума «Классик и современник. К 150-летию Ивана Бунина», ставшего вторым в серии монументальных проектов «Литература русского зарубежья: прошлое и настоящее». К участию в форуме были приглашены ведущие исследователи-буниноведы, издатели творческого наследия писателя, переводчики Бунина на языки ближнего и дальнего зарубежья, писатели, архивисты, зарубежные препо-

даватели-русисты, включившие тексты Бунина в учебные курсы. Были запланированы такие формы работы, как открытые лекции, мастерские перевода, круглые столы, презентации новых изданий (научных, учебных, художественных) и даже... выставка авторских кукол — персонажей хрестоматийных произведений.

Мы планировали собрать в стенах Дома русского зарубежья причастных к бунинскому творчеству исследователей, переводчиков, преподавателей со всех концов мира. Со многими мы знакомы очно, другим еще не доводилось переступить наш порог и выступать на наших научных встречах. Мы предвкушали не просто плодотворный научный диалог — мы мечтали о неформальном общении, о творческой атмосфере, а живое присутствие в зале представителей разных народов, стран, культур должно было сделать бунинский юбилей незабываемым праздником.

Но — времена не выбирают, вирус нарушил все планы. Грандиозный размах, который отличал первоначальную программу, пришлось ограничить «очно-заочным участием», сократить жанровое разнообразие запланированных мероприятий. Форум прошел в онлайн-формате, с минимальным числом очных участников. Как было в очередной раз не вспомнить поэтические строки Ф.И. Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! / Его призвали всеблагие / Как собеседника на пир». Слишком часто твердили эти слова бесправные полунитицы русские эмигранты на чужбине; в теплом удобном зале, с отлично отлаженной аппаратурой и всемерной помощью коллектива Дома русского зарубежья роптать на «роковые минуты» истории было бы нечестно.

Чем пришлось пожертвовать, что не получилось?

Получилось все, многое — даже лучше задуманного.

Атмосфера, царившая в зале, транслируемая на экран и шедшая обратно мощным потоком соучастия, сочувствия, кипения мысли и эмоций, огромного неподдельного интереса к предмету и к ораторам, определила успех форума. Все приглашенные специалисты откликнулись, в программе не было лакун, а перестановки коснулись только случаев абсолютного несовпадения во времени — с атлантическим побережьем США.

Бунинский форум состоялся, объединив участников с трех континентов, из девяти стран: Польши, Португалии, Франции, Италии, Германии, Турции, Ирана, США и России. Насыщенная программа форума была разнообразна и полифонична, докладчики коснулись ключевых тем творчества юбиляра. Несмотря на то что большинство участвовало в форуме виртуально, Бунин-онлайн оказался захватывающе интересным, необычайно свежим, каким-то обновленным, а общение — радостным.

Что было в центре внимания этой упоительной бунинианы онлайн? Творчество писателя, его рецепция в разных странах, переводы и интерпретации, экскурсии литературными тропами — по мотивам его произведений, с квестами и историко-культурным контекстом... и просто прочтение бунинских текстов специалистами-филологами высшей пробы и совсем юными, начинающими буниноведами, позволяющее по-новому взглянуть на знакомые строки. Это была очень нескучная буниниана, очень личная у каждого участника — от маститых профес-

соров до польской студентки, сделавшей видео со своим переводом стихотворения «И дождик, и ветер, и мгла...» и растрогавшей аудиторию до слез.

Проходных докладов не было, всех ждали и всех слушали заинтересованно и напряженно. Мы прошли путь писателя в эмиграцию и его путь к европейскому читателю, начавшийся сто лет назад и далекий от завершения. Один из ведущих отечественных специалистов по литературе русского зарубежья Д.Д. Николаев (ИМЛИ им. Горького РАН, Москва) поставил в название своего выступления, кажется, сугубо вопрос исследовательский: «С чего начинаются “Окаянные дни”?» Вопрос, однако, звучал экзистенциально, на него до сих пор нет ответа, если иметь в виду русскую смуту XX в. и ее истоки. Вслед за участниками форума мы проследили пути Бунина на Восток (который он полюбил раньше и едва ли не глубже Европы) и на Запад. А. Майер-Фраатц (Йена, Германия) проанализировала переплетение очерков из путевой дореволюционной книги «Тень птицы» с лирикой, Э. Эрнч (Кайсери, Турция) обратился к Босфору в русской эмигрантской традиции, а М. Яхъяпур и Дж. Карими-Мотаххар (Тегеран, Иран) показали подробную видеопрезентацию о знакомстве с творчеством Бунина «на земле шейха Саади»; на фарси ими переведено уже немало произведений русского писателя, и это тот редкий случай, когда поэзию переводят больше прозы. О том, как Бунин переводили на его «второй родине», во Франции, обстоятельно рассказала и показала — демонстрируя на экране книги, в том числе с дарственными надписями, — Т. Викторова (Париж — Страсбург, Франция); Э. Гаретто и М. Дзукелли (Милан, Италия) сделали двойной доклад о переводах Бунина на итальянский язык — в диахронии и в синхронии. Н. Герра (Лиссабон) представила настоящий бриллиант юбилейного года: впервые переведенный на португальский язык Ниной и Фелиппе Герра том «Темные аллеи». Всего за два года до появления книги, гуляя с Ниной в парке возле музея Гульбенкяна в Лиссабоне, мы задумали это издание — я уговаривала, а Нина сомневалась. Но и издательство нашлось, и права были получены, и перевод осуществлен, а изысканно оформленная книга поспела к самому юбилею. Нами было написано и предисловие, обращенное именно к португальскому читателю, в трезвом понимании, что он немного знает о России, об эмиграции и совсем ничего — о первом русском нобелевском лауреате по литературе. Этим текстом (разумеется, в русском оригинале) мы открываем наш «послеюбилейный» бунинский раздел.

Интересным оказалось поговорить о Бунине во французском контексте: о его непростых личных и творческих отношениях с писателями-модернистами размышляла А. Лушенкова Фосколо (Лион, Франция), а Н. Павлюк (Люблин, Польша) попыталась почувствовать изобразительность бунинской прозы в сравнении с живописью П.-О. Ренуара. Ю.Е. Павельева (ДРЗ, Москва) проанализировала некоторые приемы поэтики писателя, а биограф Бунина С.Н. Морозов (ИМЛИ РАН, Москва) осветил новыми документальными свидетельствами «парижские встречи» Бунина с К.М. Симоновым. Т.А. Кайманова (Пензенский литературный музей) и Т.В. Марченко познакомили собравшихся в зале и у экранов с сохранившейся перепиской Ивана Бунина и Александра Куприна. Ровесники, одновременно отметившие 150-летие, они одновременно оставили Россию в 1920 г. и поселились

по соседству в Париже... Судьбы их постепенно разошлись: пользовавшийся громадной популярностью до революции Куприн в эмиграции себя не нашел, хотя писал, публиковался, был литературным редактором, искренне полюбил французскую столицу, тем не менее никак не воспринимал всерьез парижскую жизнь. В 1930-х Александр Иванович пережил инсульт и через несколько лет после нобелевских торжеств Ивана Алексеевича, в 1937 г., вернулся на родину и вскоре скончался. Его товарищу предстояла совсем другая судьба и слава, за столетие только приумножившаяся. Как в лучшем из сценариев, в докладах специалистов панорамно развернулась творческая биография писателя-нобелиата: Л. Панова (Лос-Анджелес, США) предложила очень свежую интерпретацию «Жизни Арсеньева» как *Künstlerroman*'а, т. е. романа о формировании художника, творца, а Е.Р. Пономарев (Санкт-Петербург) представил динамику позднего творчества Бунина.

Поскольку на форум собралось много преподавателей, то с большим успехом прошел «открытый урок» по рассказу «Темные аллеи» Н.В. Кулибиной, преподавателя Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва), разработавшей оригинальный интерактивный курс чтения русской литературы. И не только преподаватели, но и исследователи затаив дыхание мысленно проделали почти детективный экскурсионный маршрут по Москве, подготовленный А.В. Пашковым по топосам бунинской прозы и биографии. Заведующий кафедрой мировой литературы Института Пушкина, он превратил аудиторию в увлеченных школяров, которые с упоением решали задачки из его бунинского квеста и, подобно детям из Гамельна за волшебной дудочкой Крысолова, готовы были немедленно проследовать за ним на улицы Москвы в поисках Бунина... Какие потрясающие преподаватели русской литературы выступали у нас на форуме! Профессор Варминско-Мазурского университета А.И. Ндяй (Ольштын, Польша), которая и сама сделала тонкий разбор бунинской прозы, и познакомила собравшихся с буниноведческими работами своих студентов; профессор МГПУ А.В. Громова, околдовавшая аудиторию таким блистательным монологом о Бунине, что, выбирай мы златоуста, точно бы отдали пальму первенства ей, а не юбиляру!.. М.Д. Шраер (Бостон, США) читал лекцию под шум стихии; силы природы стремились внести свое видение в «соствязание двух гениев» — Бунина и Набокова. К финалу форума несравненный профессор А.К. Жолковский (Лос-Анджелес, США) раскрыл два нарративных приема Бунина, слегка эпатировав публику сдвиганием флера с эротичнейшей поздней прозы писателя. Но времена стыдливой эмиграции, некогда закатывавшей глаза при выходе в свет «Темных аллей», давно прошли, и собравшиеся получили огромное литературоведческое наслаждение (все «американские» материалы публикуются далее).

А еще с нами были куклы Нины Герра — героини произведений русской классики. С нами и сам русский классик, оживая, шагнул в XXI в. Наш современник, наш спутник... наш собеседник на пиру.

Венцом юбилейных торжеств стала выставка «Бунин. Эмиграция. Творчество», созданная на основе материалов из музейного, архивного и библиотечного собрания Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (переписка писателя с

издательством «Петрополис» и Б.Г. Пантелеймоновым, автографы писателей русского зарубежья — Шмелева, Зурова, Кузнецовой, Цветаевой, Тэффи, Ремизова, прижизненные эмигрантские издания Бунина) с привлечением раритетов из целого ряда музейно-архивных хранилищ и от частных собирателей. В состав экспозиции вошли подлинные реликвии и копийные материалы, предоставленные партнерами выставки:

Ivan and Vera Bunin Estate, Special Collections, Leeds University Library (Великобритания)

Государственный архив Российской Федерации

Российский государственный архив литературы и искусства

Российский государственный архив кинофотодокументов

Российский фонд культуры

Орловский объединенный государственный литературный музей

И.С. Тургенева

Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля

(Государственный литературный музей)

Дом-музей Марины Цветаевой

Мемориальная квартира писателя Н.Д. Телешова

Музей печатных машинок Максима Суравегина

Кураторы выставки — автор идеи, основанной на глубоком буниноведческом опыте, заведующая отделом культуры русского зарубежья Татьяна Марченко и Светлана Романова, «комиссар» выставки, отвечавшая за нее на всех уровнях, — от этапа создания тематико-экспозиционного плана и собирания будущих экспонатов до монтажа и демонтажа, державшая под контролем всю документацию и бухгалтерию, переговоры, переписку, логистику, печать и проч. без числа множась функции, — начали подготовку к юбилею загодя, осенью 2019 г. Мир еще ничего не подозревал.

А уже в начале 2020 г. все планы пришлось корректировать. Ни о какой удаленной работе для Марченко и Романовой не было и речи, и в условиях самого жесткого соблюдения всех профилактических мер (ради благого дела кураторы бунинской юбилейной выставки и привились в числе первых москвичей) выставка продолжала готовиться.

Сроки создания выставки невероятно уплотнились: все лето 2020 г. были открыты архивы и музеи, и только Ричард Дэвис в библиотеке Лидсского университета успел еще в июне отсканировать по нашему списку, казавшемуся нам самим бесконечным, фотографии и документы. В сентябре был создан проект выставки, подобраны экспонаты, написаны экспликации. В октябре она была смонтирована и театрализованно открылась 29 октября (на нашу просьбу горячо откликнулся известный режиссер и актер Алексей Бурькин, создавший завораживающий микро-спектакль). И уже через две недели выставка закрылась из-за ужесточившихся правил посещения учреждений культуры, а потом проработала всего десять дней в январе 2021 г.

Впервые предметом мемориальной экспозиции стал эмигрантский период биографии русского писателя, 33 года прожившего на чужбине. На выставке в ДРЗ Иван Бунин предстал в разных ипостасях: беженец, глава русского литературного Парижа, Нобелевский лауреат, автор лучшей любовной прозы столетия... Личность писателя удалось встроить в контекст эмиграции, показать на широком историко-культурном фоне русского зарубежья — но не линейно, а на разных плоскостях, срезах: его «окаянные дни», светские рауты и балы, интенсивная литературная, издательская и публицистическая деятельность, профессиональные контакты и связи, личные и дружеские отношения...

Концепцию выставки разработала Т.В. Марченко. В газетных и журнальных публикациях, в репортажах на радио и в новостных программах центральных каналов и телеканала «Культура» отмечалось, что выставка захватывает, как остросюжетный фильм, поражает единством замысла и воплощения, эстетической целостностью и информационной насыщенностью, достигнутыми благодаря редкому сплаву научно-филологической, художественно-архитектурной и интерактивной составляющих. Дизайнер и архитектор выставочного пространства В.А. Кулишов предложил не просто стильные решения, но и разработал экспозицию с учетом возможности ее демонстрации в качестве передвижного арт-литературного объекта. Благодаря плакатной структуре выставку можно разворачивать в любом пространстве; тизер к ней является самостоятельным художественным продуктом.

Такого Бунина его отечественные читатели и почитатели — и даже знатоки и исследователи — еще не знали. Фотографии и кинохроника 1920–30-х гг. позволили посетителям выставки окунуться в жизнь зарубежной России, буквально — увидеть ее собственными глазами; С.В. Романова создала несколько видеосюжетов (русский Константинополь, Нобелевская премия, буниниана) и интерактивные панели с личными документами И.А. Бунина — истинными раритетами по истории зарубежной России — и нобелевскими сувенирами (их сканированные копии в высоком разрешении пришли из Лидса). Рукописи, книги, газеты и предметы литературного быта русской эмиграции были дополнены авторскими текстами Татьяны Марченко. Снятый и смонтированный режиссером Денисом Чуваевым и оператором Алексеем Горбатовым авторский видеотур Т.В. Марченко по выставке оказался лучшей альтернативой документальному фильму, который в ситуации 2020 г. снять было невозможно.

Выставка «Бунин. Эмиграция. Творчество», эксклюзивная по экспонированным материалам, — подлинное достижение открытого в 2019 г. Музея русского зарубежья и образец плодотворного музейно-архивного сотрудничества, в том числе и международного. В «кинозале» экспозиции звучал голос писателя и демонстрировались кадры запечатлевшей его кинохроники; с экрана о писателе рассказывали ведущие буниноведы, представители академической науки. В 2020 г. отмечалось и столетие русского исхода, частью которого был Иван Бунин. Историко-документальная выставка обрела остросовременные черты в эпоху всеобщей глобализации, иммиграционных потоков, захвативших многие страны. Русский писатель — изгнанник из отечества, проживший треть века на чужбине, где

к нему пришла мировая слава, хранитель классических традиций и новатор в литературе, — становится символической фигурой для «русского мира»; судьба его поучительна для всего человечества.

Открывшись ярко и театрализованно, инсценировкой получения Буниным известия о Нобелевской премии в грасском кинотеатре и проникновенными выступлениями высоких гостей (главы Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинского, директора Гослитмузея Д.П. Бака и директора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН В.В. Полонского), выставка экспонировалась всего пять недель, хотя интерес к ней был необычайный. Бунинский год, обещавший стать таким насыщенным в России и в мире, отразил драматизм времени. Однако выставке суждена долгая самостоятельная жизнь.

В День русского языка, 6 июня 2021 г., — в русском зарубежье в день рождения национального гения традиционно праздновался Пушкинский праздник, — при поддержке Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (НГЛУ) выставка «Бунин. Эмиграция. Творчество» открылась над волжскими просторами. 29 постеров, рассказывающих об эмигрантском периоде жизни писателя, были размещены в модном современном пространстве «Терраса Premio» у стен древнего Нижегородского кремля. Открытие выставки выпало на сезон упоительных «небывалых» закатов, а Татьяне Марченко пришлось подробно рассказать о непростых взаимоотношениях Ивана Бунина и Максима Горького, которые проделали эволюцию от дружеских до полного личного неприятия и идеологического противостояния. Именно поэтому, когда 7 июня в НГЛУ Т.В. Марченко читала лекцию для студентов, аспирантов и преподавателей университета, в рассказе о рецепции бунинского творчества за рубежом центральным стал эпизод номинации на Нобелевскую премию по литературе Бунина и Горького.

22 октября 2021 г. историко-документальная выставка «Бунин. Эмиграция. Творчество» торжественно открылась в Елецком государственном университете, носящем имя юбиляра. Нобелевский лауреат, один из духовных лидеров зарубежья, писатель, горячо любимый и ценимый, вокруг которого бурно развивается целая научная отрасль — буниноведение, — словно встретился с Ваней Буниным, мечтательным гимназистом. В Ельце начались годы учебы писателя, и, хотя он оставил гимназию после третьего класса и продолжил учиться дома, Елец вошел в его произведения, превратился в один из бессмертных литературных топосов. Бунин незримо присутствовал на нашей прогулке, входили ли мы в Великокняжеский собор, поднимались ли по чугунной кружевной лестнице в бывшей женской гимназии, вглядывались ли в залитые последним осенним солнцем дали, где простиралось некогда Дикое поле и шли на Русь орды Тамерлана...

Елец — небольшой, однако университетский город в черноземном подстепье. Блиц-экскурсия по университету впечатлила — новое здание, открывающиеся новые факультеты, несколько небольших музеев и трепетное отношение к елецкому буниноведению, традиции которого уходят в далекие пятидесятые годы

прошлого века и которое продолжает привлекать филологическую молодежь. Выставка была организована безупречно — коллеги получили ее в электронном виде, сами распечатали и развесили планшеты, продумали сценарий открытия. На церемонии присутствовали сотрудники и студенты ЕГУ им. И.А. Бунина, а также местные СМИ; было очевидно, что бунинский «вернисаж» — это событие для университета и для города, и опять была радость — в старинном гостеприимном городке, среди полыхающей на октябрьском холодном солнце рябины...

18 декабря 2021 г. предоставленная ДРЗ передвижная фотодокументальная выставка «Бунин. Эмиграция. Творчество» открылась в ефремовском Доме-музее И.А. Бунина. Мемориальный музейный комплекс в Ефремове Тульской области уникален: это последнее родовое гнездо семьи Буниных. В стенах краснокирпичного дома собиралась вся семья будущего лауреата Нобелевской премии, и он сам наведывался сюда в начале XX в., а в последний раз побывал в октябре 1917 г. Экспозиция музея повествует о связях семьи Бунина, самого Ивана Алексеевича с городом Ефремовом, о ефремовских мотивах в творчестве писателя. Владельца дома, старшего брата писателя Евгения Алексеевича Бунина с женой (мать, Людмила Алексеевна, скончалась до революции) выселили из обжитого гнезда, устроили в доме коммуналку, сожгли книги и бумаги — ведь его родственником был «белогвардеец»! В нищете, голоде и холоде (буквально — замерзнув в нетопленном жилище) старший брат Ивана Бунина скончался 21 ноября 1933 г. — через две недели после того, как мир облетело известие об увенчании писателя Нобелевской премией. Но тогда в Ефремове об этом не узнали.

Молодые сотрудницы музея необычайно творчески подошли к размещению плакатов о жизни Бунина на чужбине, выбрали созвучные с ними экспонаты. Словно сам Иван Бунин вернулся домой, в Россию, поспел с мороза к кипящему самовару — и привел с собой литературный пантеон эмиграции. Какими-то иными, потеплевшими глазами смотрят на уютную обстановку дворянского дома начала XX в. Тэффи и Цветаева, Набоков и Мережковские... Директор Дома-музея С.С. Иванова со своим маленьким штатом (всего пять сотрудников!) и ограниченным бюджетом сумела провести к 150-летию Бунина подлинную реконструкцию дома. Может быть, Бунины, семья которых все больше оскудевала, усадьбы и хутора распродавались, никогда и не жили в таких изящно обустроенных, обставленных чудесной мебелью интерьерах. В комнатах, обращенных на перекресток улиц Тургенева и Дворянской (ее сегодняшнее название не более чем историческое недоразумение), великолепно воссозданы кафельные печи, книжные шкафы наполнены книгами русских классиков и самого Бунина, столики и комоды украшены типологическими предметами быта, собранными с миру по нитке по Красивомечью. На открытии выставки собралась местная интеллигенция и представители бизнеса, охотно заботящиеся о музее. В этом маленьком городке на Красивой Мече не много знают о русской эмиграции, и наш фотодокументальный рассказ о русском зарубежье через жизнь и творчество их прославленного земляка восполнит этот пробел. Выставка осталась в подарок музею Дома русского зарубежья. Писатель-эмигрант вернулся в покинутое дворянское гнездо — это символично и настроило нас на обдумывание весьма заманчивых

идей и проектов, объединяющих дворянские гнезда России с судьбой их птенцов на чужбине.

К самому юбилею И.А. Бунина в свет вышла книга Т.В. Марченко «Бунин и Франция». Это издание в формате покетбук адресовано посетителям Музея русского зарубежья и в целом — широкому кругу читателей, любящих Бунина и интересующихся историей русской литературы и культуры в зарубежье. В оформлении были использованы автографы И.А. Бунина и фотографии, хранящиеся в Русском архиве в Лидсе и в Доме русского зарубежья. Все иллюстративные материалы опубликованы впервые с разрешения Отдела особых коллекций Библиотеки Университета Лидса (Великобритания).

Писатель прожил во Франции 33 года — как в сказке. Эмиграция, конечно, сказкой не была. Много было тяжелого, порой мучительного, но были и большие радости — нобелевский триумф 1933 г., выход новых книг — на русском и в переводе на иностранные языки. Татьяна Марченко выбрала всего два аспекта из французской саги Бунина. Первый раздел посвящен тому, как французы открывали для себя русского писателя-эмигранта. Через переводы, интервью, рецензии безвестный дебютант на французском книжном рынке вырастает в крупнейшую фигуру: писателя-мэтра, классика русской литературы, патриарха мировой словесности. Второй раздел — это «парижский текст» Бунина. Как великий русский стилист запечатлел мировую столицу, прекраснейший город Европы? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно углубиться в магию бунинских произведений.

Прожив треть века на чужбине, в belle France, Бунин, по твердому убеждению читателей и исследователей, «писал о России». Между тем Франция, в топосах Парижа и Лазурного Берега, пунктиром проходит через все творчество писателя. «Парижский текст» Бунина невелик, однако складываться он начал еще в дореволюционной бунинской прозе, в конце XIX в., а завершился в поздней послевоенной миниатюре. Почти нечувствительная к французской литературной традиции и «завоеванию» Парижа ее прославленными героями, литература русского зарубежья открыла свой Париж и свою Францию.

Открыла и Франция Ивана Бунина. На книжки русского изгнанника, выходявшие небольшими тиражами во французских переводах, отзывались лучшие критики, о нем писали крупнейшие газеты и провинциальные малотиражки. Первым на Нобелевскую премию Бунина выдвинул Ромен Роллан, русского эмигранта в Стокгольме представлял французский посол. Переводить и изучать Бунина продолжают и в современной Франции. На витринах крупнейших книжных магазинов всегда можно увидеть свежее издание прозы русского писателя. На улице Жака Оффенбаха, 1, где писатель жил в эмиграции, в 1995 г. была установлена памятная доска. В Грассе, где написаны почти все бунинские шедевры межвоенного времени, подготовили специальный путеводитель: стихийное паломничество русских курортников к любимому писателю направили в мирное туристическое русло. Как постигали друг друга Франция и оказавшийся в ней волею судьбы русский писатель? Об этом и рассказано в книжке.

Однако итоговым изданием стал каталог выставки «Бунин. Эмиграция. Творчество» [Бунин 2020], для которого были переработаны тексты и который потребовал непростых художественных решений от В.А. Кулишова. В каталог — или, точнее, альбом — вошло 149 иллюстраций! И это издание, богато иллюстрированное уникальными, почерпнутыми из музейных и архивных хранилищ документами и фотографиями, заняло достойное место в юбилейной буниноведческой продукции. Бунин выдвинулся в первые ряды интенсивно изучаемых и издаваемых отечественных классиков. Буниноведение переживает лучшие времена: в свет выходят и академические фолианты, и книги, подготовленные бунинскими музеями, и переиздания его произведений. Чем же выделяется на фоне этой богатой книжной бунинианы наш каталог?

Выставка принесла множество открытий, потому что исследователи, как правило, работают целенаправленно в фондах одного-двух архивов или музейных собраний, сейчас интенсивно в проекте «Академический Бунин» издается архивная коллекция писателя из библиотеки Лидского университета. Но благодаря выставке были скрупулезно изучены архивно-музейные фонды ДРЗ, к участию в экспозиции привлечены — напомним — десять государственных и частных собраний. Целенаправленная работа в целом ряде архивохранилищ позволила соединить разрозненные сюжеты, по-новому увидеть известные события и даже самого главного героя. Например, монографии Т.В. Марченко о Нобелевской премии (2007; 2017) основаны прежде всего на материалах архива Шведской академии и зарубежной периодики, — а материалы из различных фондов ДРЗ и РГАЛИ позволили восстановить сюжет «альтернативного чествования» (непосредственные участники событий именовали его даже «контр-чествованием») Бунина в дни нобелевского триумфа в 1933 г. Из писем и дневников, хранящихся в разных фондах нескольких архивов, сложился один из самых драматичных эпизодов в истории межвоенного русского Парижа (подробнее см.: [Марченко 2020]). «Правые» ожесточенно сражались с «левыми» за лауреата, но тот сумел отстраниться от этой борьбы, произвести фурор в Стокгольме (из лекции известного шведского слависта Бенгта Янгфельдта, прочитанной 10 декабря 2021 г. в ДРЗ, в день 120-летия первого вручения Нобелевской премии, мы узнали, что бунинский триумф был подготовлен русским представителем клана Нобелей, мужем Марты Людвиговны Нобель Георгием Олейниковым)... Письма и телеграммы Бунину из Стокгольма, от его читателей и почитателей сохранились в РГАЛИ, а в фонде Л.Ф. Зурова (ДРЗ) хранятся адресованные ему из Стокгольма, из дома Нобелей, письма Веры (Буниной) и Гали (Кузнецовой) — какие подробности торжеств и какие болезненные коллизии в жизни этого странного семейства! Наконец, лауреат затевает на полученные тысячи крон издание полного собрания сочинений — неслыханное в эмиграции дело! — и его необыкновенная напряженная, прямо-таки раскаленная, переписка с издательством «Петрополис» венчает эту нобелевскую сагу. А благодаря мемориальной библиотеке А.П. Будберга, хранящейся в ДРЗ, стало возможным экспонировать все тома этого знаменитого собрания.

И форум, и выставка, и издания были подготовлены в надежде, что юбилей И.А. Бунина в стенах Дома русского зарубежья станет открытием для участников,

посетителей, читателей, для всех, кто любит Бунина и хочет узнать о нем чуть больше хорошо известного. С любовью и тщанием собранные к юбилейной буниниане материалы будут использованы еще в одном бунинском проекте: осенью 2021 г. конкурсная комиссия Министерства культуры поддержала заявку киностудии «Русский путь» на создание полнометражного документального фильма о Бунине «В поисках утраченного» по сценарию Татьяны Марченко.

Литература

- Бунин 2020 — Бунин. Эмиграция. Творчество: К 150-летию со дня рождения писателя [Выставка в Музее русского зарубежья, 29 октября 2020 — 31 января 2021] / вступ. сл. В.А. Москвина; авт. текста Т.В. Марченко; дизайн В.А. Кулишова. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 136 с., 149 ил.
- Марченко 2020 — *Марченко Т.В.* Букет фиалок и немного нервно: штрихи к нобелевским дням 1933 г. // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 4. С. 472–505.

Т.В. Марченко

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН:
«СОВСЕМ КАК ПТИЦА БЫЛ Я ВСЮ ЖИЗНЬ...»
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОРТУГАЛЬСКОМУ ИЗДАНИЮ
«ТЕМНЫХ АЛЛЕЙ»*

Иван Бунин (1870–1953) прожил жизнь более долгу, чем Лев Толстой. Младший современник автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», Бунин не создал великих характеров, его герои часто остаются безмянными. В начале своей писательской карьеры и даже много позже, уже зрелым мастером, Бунин страдал от обвинений в эпигонстве, от упреков, что он идет в фарватере великой русской прозы, что никакой новизны в его творчестве нет.

Когда в 1933 г. ему — первому из русских писателей — присудили Нобелевскую премию по литературе, весь мир пожал плечами: такого писателя никто не знал. В мире читали Достоевского, Толстого и Чехова, спорили о М. Горьком и Шолохове, который уже опубликовал первый том «Тихого Дона». А кто такой Бунин? Он пишет рассказы о любви и о природе? Ну и что? Всемирная литература, начиная с древних времен, переполнена описаниями природы и любовных походов. В период между двумя мировыми войнами Бунина стали забывать в советской России, потому что он эмигрировал из страны после Октябрьской революции. Бунина очень мало переводили на Западе, потому что не видели в нем новатора — интереснее было переводить Толстого и Достоевского, которые слились в европейском восприятии, по остроумному замечанию Владимира Набокова, в «Толстоевского»; еще более интересной казалась экспериментальная советская литература. Иван Бунин считался мэтром литературы русского зарубежья; но даже если в эмиграции, по самым смелым подсчетам, оказалось около миллиона русских, то покупать книги для них было слишком большой роскошью. Почитали Бунина в эмиграции все, читали — немногие.

И вот, казалось, забытый, едва ли не маргинальный и почти провинциальный писатель спустя сто лет после русской революции 1917 г. стал одним из самых любимых и читаемых писателей у себя на родине, в России. Ему ставят памятники в разных городах, установлен такой памятник и в центре Москвы. Издания его сочинений есть в каждом книжном магазине, лучшие актеры читают его произведения, по ним ставят фильмы и спектакли, вызывающие жаростные эстетические дискуссии в обществе, а «буниноведение», *Bunin's Studies*, стало одним из самых продуктивных направлений российской филологии.

* Впервые опубликовано на португальском языке: *Búnin I. Alamedas escuras* / trad. N. Guerra, F. Guerra. 1ª ed. Alfragide: Dom Quixote, 2020. 345 p.

На пороге своего 150-летия, которое празднуется в 2020 г. в России на государственном уровне, Иван Алексеевич Бунин общепризнанно считается классиком русской литературы.

В чем же кроется секрет его необычайной популярности и безусловного признания? Что таится в прозе Бунина, какое волшебство, превращающее его тексты в магический и прекрасный источник художественного наслаждения? Проза Бунина подобна драгоценному вину: молодое, не перебродившее, оно выглядело слишком заурядным на цвет и вкус; через сто лет после его создания бунинское слово восхищает сложным букетом и тонким ароматом. Проза урожая 1925 г., когда Бунин написал в средиземноморских Альпах сразу несколько шедевров, включая рассказ «Солнечный удар», проза урожая 1944 г., когда Бунин называл себя Боккаччо, пишущим о любви во время страшной мировой войны. После освобождения Франции союзниками и побед Красной армии приблизилась победа в войне с нацистской Германией, и в Нью-Йорке впервые был напечатан цикл рассказов «Темные аллеи». Это название сейчас известно читателю так же хорошо, как названия романов Толстого и Достоевского. Ценители даже предпочитают бунинскую прозу, богатую красками, запахами, звуками, неувядаемо свежую и остросовременную, гармоничную и трагическую. Исследователи предлагают все новые, изощренные интерпретации сочинений писателя. А читатель читает и перечитывает томики прозы Бунина, и она не надоедает ему, как не прискучивает любимое вино. Оно неизменно прекрасно — и какая разница, по какой технологии и рецептуре оно приготовлено!

* * *

Иван Алексеевич Бунин родился в Воронеже в 1870 г. Он происходил из родовитой дворянской, но уже совсем обедневшей семьи. Детство его прошло в русском подстепье, в самых хлебных местах, и позднее он вспоминал, что хлеба подступали к самому дому и волнами уходили к горизонту. А зимой поля покрывались снегом, и белый этот океан тоже был необозримым. Простор, в котором рос Ваня Бунин, ощущение его безграничности формировали вольнолюбивую душу. Жизнь протекала по календарю: весной таяли снега, и безбрежная поля вода сливалась с небом; небо же чернело от птиц, летевших из жарких стран. Летом дома не усидеть: нужно обежать все рощи и поляны, облазить все овраги, искупаться в каждой речке, посмотреть, кто живет под громадным лопухом у сарая, и послушать, как пробирается по ночному саду в лунном свете еж... За осенним сбором урожая, охотой, отлетом птиц вновь наступала зима, морозы и, значит, пора чтения. Книги стали неотъемлемой частью жизни, ведь места, которые описывали Толстой, Тургенев, Лесков, были те самые, где рос маленький Ваня, а поступки героев Пушкина, Гоголя, Лермонтова, имена их героев, их мысли и надежды переживались как свои, и даже имя матери воспринималось как имя пушкинской героини — Людмила. О том, как «вошли в него» образы русской поэзии, русской прозы, шестидесятилетний Бунин написал целый роман, «Жизнь Арсеньева», автобиографическое откровение о двух стихиях — природе и литературе, определивших его личность и давших толчок его творчеству.

Проучившись три класса в гимназии захолустного Ельца, Иван Бунин категорически отказался возвращаться за школьную парту из деревенской вольницы. Под умным руководством старшего брата Юлия, окончившего два факультета в Московском университете, но высланного в родные места за революционные увлечения, Бунин занялся самообразованием. Мать, молясь об облегчении участи старшего сына, которому грозила Сибирь, дала обет никогда больше не есть мяса — и обет исполнила. А для Ивана Юлий Алексеевич стал главным учителем в жизни: он не только прошел с младшим братом курс гимназических предметов, но и щедро делился знаниями, учил иностранным языкам, прививал вкус к культуре. На всю жизнь сохранил Иван сердечную связь с братом.

Покорять мир — вернее, устроиться на какую-нибудь должность в губернском Орле — потомственный дворянин, помещик без клочка земли Иван Бунин отправился в дырявых, кое-как замазанных копиркой сапогах брата. Но не было у Бунина и секунды искуса обратить свое юношеское существование — полуничтоженское, скитальческое — в литературный капитал; возвести босячество в художественный статус и воспеть гордого человека, бродягу и бездельника. Жизнь делилась на кропотливую, скучную и малооплачиваемую работу в местной газете и на пылкие мечты о славе, о писательском подвиге. Его стихи появились в печати, первая любовь — к юной эмансипированной Варваре Пащенко — оказалась и счастливой, и мучительной. Дворянский недоросль без аттестатов и дипломов не внушил доверия отцу девушки, а всепоглощающая страсть к сочинительству казалась несерьезной самой Варваре: «Что же, миленький, все о погоде писать?» — недоумевала она. А Ивану только и хотелось писать «о погоде», о том, какой мелкой ржавой листвой трепещет старая береза с шелковистым стволом и как неприкаянно мотается на ее верхушке под холодным осенним дождем черный грач... Каким прекрасным казалось юному Бунину все, что окружало его: и свежая светлая стружка срубленного дерева, и запах черной блестящей ваксы, которой начищали ботинки, и сверканье дождевой воды, отражавшей синее, в белых кудрявых облаках небо, опрокинутое в лужу у крыльца...

Пылкий, влюбленный, отвергнутый, Бунин метался, стал толстовцем, простым бочаром и в трепетной робости начинающего поэта посетил в Москве великого писателя. В морозный снежный вечер он взошел на крыльцо барского дома, услышал треньканье гитары, пение и оживленный смех молодежи в ярко освещенной и хорошо натопленной столовой — у детей Льва Николаевича были гости, шумел самовар, пахло пирогами, ликеры придавали еще больше веселости, а озябший, голодный, плохо одетый робкий провинциал мялся перед мировой знаменитостью. Толстой всерьез посоветовал учиться и писать, вместо того чтобы клепать бочки, и эту историю полвека спустя вспомнили тоже морозным и снежным днем в Стокгольме, когда Бунину вручали высшую в мире награду по литературе.

А еще были странствия — пешком по солнечной Украине, в Крым, на пароходе по Волге. Между тем писал и публиковался Иван Бунин не переставая. Постепенно сложился круг знакомств, молодой писатель сблизился с Горьким и Чеховым. Сложился и новый ритм жизни: осенью и весной Бунин живет в Одессе,

у Черного моря, наслаждаясь солнцем юга, зимой ездит в Москву и Петербург, посещает литературные салоны, устраивает свои произведения в издательства и журналы, встречается с литературными друзьями и недругами, а на лето уезжает в деревню и напряженно работает.

Однажды летом в имении друга под Одессой он увидел идущую по саду знойную молодую красавицу и вскоре, недолго думая, женился. Интересы у супругов оказались слишком разными — Бунину претила любительская опера, которой увлекалась его похожая на языческую нимфу жена Анна Цакни, а она оставалась совершенно равнодушна к его литературному творчеству. «Это бревно какое-то!» — жаловался Бунин в письмах к брату на ее нечуткость. Рождение сына Коли не примирило супругов. Совместной жизни не получилось, а мальчик в пять лет умер от кори. Больше детей у Бунина не было. В 1906 г. в Москве он познакомился с прелестной, образованной Верой Муромцевой и уже не расставался с нею до самой своей кончины. В. Муромцева-Бунина вошла в историю русской литературы как идеальная спутница жизни писателя, настоящая помощница, преданная и жертвенная. С нею Иван Бунин встретил первые успехи — Пушкинские литературные премии и избрание почетным членом Российской Императорской академии наук.

В начале XX в. известность Ивана Бунина возрастает. Россия охвачена революционными брожениями, а писатель охвачен новой страстью — к путешествиям в далекие страны. Материальное благополучие, которое принесли ему его книги, позволяет отправиться сначала в Европу, затем посетить Ближний Восток и Египет, а потом через Суэц на пароходе по Индийскому океану добраться до Цейлона. Бунин повидал разные страны и народы, прикоснулся к древним цивилизациям. О них написано несколько рассказов («Братья», «Сны Чанга»). Но больше всего Бунин пишет о русской деревне, которую хорошо знает и любит, хотя и не скрывает в тревоге и все тяжелое, дурное, даже страшное, что творится в мужицкой России. Жуткой символикой веет от мрачной угрозы одного из бунинских героев: «Я все молчу!» (одноименный рассказ). Эта угроза звучит пророческим эпитафием к назревающей революции, когда народ взбунтуется и беспощадно разрушит казавшиеся крепкими и незыблемыми вековые устои русского бытия. Две бунинские повести — «Деревня» и «Суходол» — сейчас воспринимаются как уникальные литературные памятники ушедшей России, России крестьянской и дворянской.

Наблюдательный, точный в деталях, Бунин поражает современников необычайной остротой зрения, чутким ухом и каким-то невероятным нюхом. Но всего изумительнее его словесное мастерство. В поэме «Листопад» Бунин виртуозно описывает очарование осеннего увядания и умирания природы перед долгой зимой. Тема смерти входит в его творчество рука об руку с темой любви. Красота и тлен, ослепительный свет жизни и ледяной мрак небытия соединены в бунинской прозе с какой-то пронзительно-сладкой нежностью. Бунин словно останавливает время на Страстном четверге, когда все погружается во мрак и напряженно ожидает воскрешения мертвых, прихода Спасителя и предстоящего ликования. Этими настроениями проникнуты рассказы «Легкое дыхание» и «Грамматика

любви». Завораживающая прелесть этих и многих иных рассказов Бунина происходит оттого, что любовь для писателя — стихия, подобная природным катаклизмам. «Идет дождик, ну и что?» — недоумевал Лев Толстой, читая Бунина. Но мелкий осенний дождик, и летние ливни с грозами, и снега, на полгода укутывающие всю Россию белым покрывалом, и блестящее солнце, и темные тучи, и сияющие в черноте ночи звезды, и розовый утренний туман — весь земной мир, сам космос пропущены Буниным через душу человека. На смену «герою времени», то есть представителю определенных эпохи и общества, пришел человек как часть вселенной.

Гимном уходящей России становится рассказ «Антоновские яблоки». Вновь пора листопада: урожай уже собран, в садах пахнет прелой листвой, по утрам на пожухлой траве лежит иней... и терпко пахнет по всей черноземной России особым сортом яблок. По-русски они называются «антоновка» — самый любимый сорт, самый душистый. Крепкие, зеленые, эти яблоки кислы на вкус. Но долгую зиму они лежат в тепле, наполняя ароматом дом, постепенно созревают, становятся мягкими, их запекают с медом и грезят о лете, о минувшем... Антоновскому яблоку в России поставлен памятник, как и воспевшему его Бунину. Уже на закате жизни он вспоминал, как их обедневшая разорившаяся семья однажды всю зиму питалась одними яблоками. Конечно, это не надо понимать буквально: в лесах и в степи водилось много дичи, голодными не сидели, но хлеба запастись на зиму не смогли.

Шедевром дореволюционного творчества писателя стал рассказ «Господин из Сан-Франциско», написанный через три года после потрясшей человечество гибели «Титаника». Однажды в путешествии Бунин увидел в витрине книгу Томаса Манна «Смерть в Венеции». И у него внезапно зародилась мысль о «смерти на Капри» американского дельца-миллионера, приехавшего с семейством развлекаться в Старый Свет. Несколько вёсен, заканчивая свое путешествие, Бунин прожил на Капри — сначала гостем на вилле Горького, затем в отеле. И вот этот изумительно прекрасный остров, овеянный мрачной античной историей (здесь была резиденция жестокого императора Тиберия) и привлекающий богатых путешественников со всего мира, превращается под пером Бунина в «остров мертвых». От сердечного приступа умирает лишь некий «господин», но в своем рассказе Бунин как будто предсказывает мировые катастрофы — цивилизационный кризис, крушение империй, собственный путь на корабле в черной ночи, путь изгнанника из отечества.

Когда в 1914 г. разразилась война, культурно-интеллектуальная жизнь в России еще по инерции продолжалась: у Бунина выходили очередные тома собрания сочинений, он интенсивно работал. Революция 1917 г. резко переломила его судьбу. Наблюдая события в городе, в столицах — в Петербурге (Петрограде) и Москве — и в деревне, Бунин не видел никакого идейного, осмысленного отношения народа к изменению государственного строя, ему казалось, что захватившие власть большевики уничтожают тысячелетнюю Россию, все, что ему дорого, — православные святыни, историю, культуру. Он видел повсюду лишь насилие, беззаконие, разруху. Протест против происходящего, казавшегося Бунину гибелью

всего лучшего и ценного, целостного, мощного, процветающего государства, обращает перо писателя к публицистике. Он публикуется на страницах антибольшевистской печати, безоговорочно встав на сторону белых. Очерки, заметки, эссе, созданные Буниным в трагические послереволюционные годы белого и красного террора — гражданской междоусобицы, — позже оформились в публицистический дневник «Окаянные дни» (название это было взято из летописи о Смутном времени XVII в.). В России эта книга была издана только в постсоветские времена и по праву считается одним из самых ярких и самых страстных художественных документов революционной эпохи.

В 1920 г. начался русский «исход», массовое бегство и эмиграция из страны сотен тысяч людей вслед за потерпевшей поражение Белой армией. На судах союзников в Первой мировой войне — англичан и французов — военные эвакуировались из Севастополя, Одессы, Новороссийска. Вместе с ними покидало Россию гражданское население, прежде всего — «чуждые» новой власти сословия (дворянство, купечество, духовенство, чиновничество, профессура), образованные слои общества, интеллигенция. Бежали от большевистской пули — в неизвестность. Вместе с женой Бунин отплыл из Одессы по Черному морю в феврале 1920 г. Через год в рассказе «Конец» он так описал свои переживания: «Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?» Бунину шел пятидесятый год, когда он стал апатридом — лицом без гражданства.

Ровно треть жизни русского писателя Ивана Бунина прошла во Франции. С июня 1920 г. его парижский адрес оставался неизменным: улица Жака Оффенбаха, 1. Вторым домом стал для писателя Грасс в Приморских Альпах. В Париже Бунин сразу занял лидирующее положение. Твердость его убеждений в гражданском противостоянии вызвала уважение в среде эмиграции, а принципиальная непартийность позволяла участвовать в различных литературных и социально-культурных начинаниях русского зарубежья, печататься в газетах и журналах разного политического спектра (кроме радикальных). Ему платили самый большой в зарубежье гонорар, хотя капризы его были всем известны. Один и тот же текст мог быть опубликован как в «центральной» парижском издании, так и в каком-нибудь периферийном, Бунин мог изъять уже готовую публикацию на стадии верстки или внести огромную правку в корректуру, по существу меняя текст так, что его приходилось набирать заново. Вспомнив, что Л. Толстой как-то прочитал сто корректур (рассказа «Хозяин и работник»), Бунин вопрошал: «Во сколько раз я хуже Толстого? В десять? Тогда присылайте мне десять корректур». Понимая, какие трудности он доставляет редакторам, и вместе с тем отлично зная себе цену, Бунин заявлял: «Хотите меня печатать? Тогда терпите...» Деньги, разумеется, играли огромную роль в отношениях Бунина с редакциями эмигрантской периодики; но если писатель был недоволен собственным сочинением и продолжал работать над его отделкой, то добиться от него рукописи для печати было невозможно.

Утрата отечества обернулась неожиданным обретением: роль главы русской литературы в изгнании была отдана Бунину столь же неоспоримо, сколь невозможно было признать в нем литературного вождя на родине. События 1917–1919 гг. потрясли и возмутили весь дух писателя, швырнули его в гущу общественной жизни. В 1924 г. Бунин выступил с программной речью «Миссия русской эмиграции». Он словно нуждался в трагическом внешнем толчке, чтобы ощутить за собой тысячелетнюю историю русского государства, пережить национальную катастрофу как личную беду и со всей серьезностью отнестись к жизни в эмиграции как к высшей духовной и творческой миссии. В эмиграции Бунин не просто сбрил «чеховские» усы и бородку: разительно — под стать осознанной миссии, пусть и не историко-политической, а только литературной — изменился весь его внешний облик, в котором, как отмечали современники, появилось что-то величавое, римски-сенаторское.

Сейчас творчество Бунина оценивается безотносительно к его долгому изгнанию. Разумеется, оно не могло не наложить отпечаток на его послереволюционное творчество, направило его особым образом, обусловило темы, жанры, стиль. Но дарование Бунин в эмиграции не утратил, обогатив русскую литературу автобиографическим романом «Жизнь Арсеньева», лирико-философским трактатом «Освобождение Толстого», мемуарами — порой ошарашивающими, публицистической и литературной критикой. Письма Бунина составляют одну из интереснейших частей его творческого наследия, как и дневники — писателя и его жены, Веры Муромцевой-Буниной.

И все же для большинства читателей Бунин остается автором самой упоительной в русской литературе прозы о любви. В начале 1920-х гг., когда писатель делает первые попытки вернуться после трагических переживаний «окаянных дней» революции и беженства к художественному творчеству, он сам не может определиться в своих поисках, пробует то одну тему, то другую, создает рассказы на совершенно разном материале («Косцы», «Готами», «Безумный художник» и даже сказку «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее»). В 1924 г. в жизни Бунина появилась молодая писательница Г.Н. Кузнецова, которая в 1927 г. поселилась на бунинской вилле в Грассе. Новым ли увлечением, воздухом ли Французской Ривьеры или просто особенностями дарования Бунина объясняется его обращение к теме любви, но именно в изображении любовного чувства Бунин достигает вершин мастерства и создает подлинные шедевры. Стоило писателю обратиться к многогранной и поистине неисчерпаемой теме любви, как творчество его обрело новые силы. Эта тема будет определять все самое значительное из того, что напишет Бунин на протяжении всех последующих лет, вплоть до начала 1950-х гг.

К теме любви Бунин подбирался и раньше, в рассказах «Метеор», «Неизвестный друг», «В ночном море». Но с осени 1924 по осень 1925 г. Бунин написал пять произведений, в которых любовь трактуется как сильное, часто роковое потрясение в жизни человека, как солнечный удар, оставляющий глубокий, неизгладимый след в человеческой душе. «Митина любовь», «Солнечный удар», «Ида», «Мордовский сарафан», «Дело корнета Елагина» — это как бы пять изображений разновидностей любовного чувства, пять примеров паразитического воздействия

любви на разум, волю, сердце человека. С этого момента вся художественная сила Бунина направлена к познанию таинства любви как главного таинства жизни и смерти. Созданная в эмиграции проза Бунина о любви впечатляет тем совершенством и мощью исполнения, которые критика именовала «классицизмом».

Время в послереволюционной прозе Бунина условно приурочено к рубежу веков — железная дорога уже есть, но самолеты еще не летают, и только природный календарь соблюдается с неукоснительной точностью. Опрометчиво считать, что Бунин пишет о России прошлого. В описательно-изобразительном смысле это почти верно, но, по сути, Бунин вовсе не занимается портретированием «уходящей природы», быта и нравов России прошлого. Творчество Бунина периода эмиграции Юрий Лотман удачно назвал «реалистическим изображением реально не существующего мира». Существовал же этот мир в русской литературе, и именно к ней Бунина тянуло ностальгически, именно в ней он видел подлинную реальность. Бунин — конечно, классик, продолжающий великую традицию русской повествовательной прозы, но переписывающий ее словно заново в эпоху модернизма. Он не имеет себе равных в искусстве художественной памяти, которой он оперирует в своих произведениях (*évoquer*), с галлюцинативной достоверностью воссоздавая исчезнувшую Россию. Но не в этом ли и состоит гениальное искусство Бунина, что ему удалось остановить прекрасное мгновение на этой земле, безотносительно к преходящему государственно-политическому строю? Длящийся вечность миг — новая единица времени, которую Бунин вводит в русскую прозу.

В эмигрантских рассказах Бунин как будто и описывает прежнюю, «утраченную» Россию, но ее ведь уже «не было и в помине»; на самом деле в этих рассказах проступает их современное звучание. Бунин отказывается от традиционного психологизма, с необычайной точностью описывая, вернее воссоздавая, душевные состояния. События объективной жизни отражаются в мире частных человеческих судеб не объективно, а символически, как в миниатюре «Журавли». «Эх, барин, улетели журавли!» — в этой фразе шального мужика, напрасно несущегося по степи за улетающим журавлиным клином, внезапно раскрывается горечь такой потери, такой несказанной утраты, что небольшой, в полстраницы, рассказ становится объемной многосмысленной метафорой — растроченной жизни, обманутых надежд, оставленного навсегда отечества...

Работу над автобиографическим повествованием «Жизнь Арсеньева» Бунин начал в 1927 г. и писал свой единственный роман, или художественный трактат, или поэму в прозе, — жанр книги трудно определить в привычных понятиях — почти до последних дней жизни, внося исправления в первое полное издание. Первые четыре книги вышли отдельным изданием в 1930 г. под названием «Истоки дней». Пятая книга печаталась фрагментами в начале 1930-х гг. в эмигрантской периодике, но получение Нобелевской премии по литературе в 1933 г., а затем разрыв с Г.Н. Кузнецовой и затянувшийся душевный кризис надолго отсрочили завершение романа. В «Жизни Арсеньева», которую можно считать переписыванием набело под вымышленным именем биографии самого писателя, нет существенных признаков романа, то есть завязки сюжета, его развития, кульминации,

развязки. Единственное искусство, которое его действительно волнует, — это искусство воссоздания самой жизни, и прежде всего опыта жизни от младенчества до взросления и рождения новой, творческой личности. Главное для Бунина — не персонажи, их взаимоотношения, их действия, придающие роману драматизм и занимательность, а коренные элементы, первейшие стихии жизни, формирующие душу Арсеньева: природа, смерть, любовь, родина, литература. Вымышленный герой-протагонист понадобился Бунину для того, чтобы художественно подкорректировать некоторые события собственной жизни, иначе обозначить факты своей биографии, позволить себе немного поэкспериментировать с обликом и характером тех реальных людей, которых он вводит в повествование. Может быть, от этого страдает достоверность собственно бунинской биографии, которую нельзя изучать по «Жизни Арсеньева», но романная сторона от этого только выигрывает.

В эмиграции Бунин окончательно отказывается от социально-исторической конкретики, от времени как общественной эпохи. Совершенно иным предстает человек на страницах его прозы — остались любовь, страдания, тоска по родине, тоска по идеалу... Бунину удаются и страстные, и лирические художественные декларации, посвященные России, простое житейское воспоминание вдруг окрашивается горечью от потерянного рая и гордостью от принадлежности к именно этой стране, этому народу: «Гордость чем? Тем, конечно, что мы, русские, подлинные русские, что мы живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромна-то она только с виду, а на деле, как нигде, есть законное порождение исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире... Куда она девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены? Как бы то ни было, знаю точно, что я рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее». Это национальное самосознание и самопознание, во-первых, не исключает критики и не окрашено идеализацией и, во-вторых, очень далеко от национальной узости или национального чванства. И вместе с тем острота потерянной родины, как и острота утраченного времени, поэтически преображает картины русской жизни на страницах бунинской прозы.

Заканчивая роман «Жизнь Арсеньева», Бунин вновь возвращается к жанру рассказа и теме любви. В 1937–1938 гг. написаны «Кавказ», «Муза», «Баллада», «Темные аллеи». Последний и даст название книге, которая выйдет в самый разгар войны в Нью-Йорке (1943) и будет составлена всего из одиннадцати рассказов. Следующее, более полное издание появится в Париже (1946) и будет включать уже тридцать восемь рассказов, почти исключительно посвященных любви и почти неизменно имеющих трагический конец. Особенно плодотворными были сентябрь–октябрь 1940 г. и лето 1944 г., когда Бунин безвыездно жил в Грассе, а на средиземноморском побережье, в нескольких десятках километров от виллы «Жаннет», шли бои за освобождение Франции. Вспоминая Боккаччо, творившего некогда среди свирепствовавшей чумы, в разгар войны Бунин приступает к созданию рассказов о «самом значительном, важном и загадочном, что есть на све-

те». Ничего подобного ни по степени откровенности, ни по изысканности языка и стиля, ни по разнообразию сюжетов и, прежде всего, женских типов, но в первую очередь по исключительно высокому художественному мастерству не было дотоле создано в русской литературе. Это — ее высшее формальное достижение в прозе.

Персонажи «Темных аллей» являются не носителями индивидуально-психологических и социально-типических черт, а выступают как универсальное воплощение мужского и женского начал перед «колеблемым треножником» двуликого божества, нераздельного Эроса и Танатоса. Эрос и Танатос предстают на страницах поздней прозы Бунина в сложной неразрывности: Эрос ли торжествует над Танатосом, Танатос ли побеждает Эроса, Бунин словно испытывает все мыслимые модификации любовных отношений, неизменно разыгрывающихся перед лицом сил куда более всесильных и страшных, чем воля и желания отдельных людей.

Есть «нормальная» жизнь и есть некое нарушение нормы — любовь, всегда внезапно вторгающаяся в жизнь героев. Вводным рассказом цикла, давшем ему название, стал рассказ о первой любви, с ее «поистине волшебными» минутами, представленный в ретроспекции. Нечаянная встреча героев, казалось бы, свидетельствует о «хорошей жизни», прожитой обоими — аристократом из высшего света и ставшей хозяйкой постоялого двора горничной. Однако его семейная жизнь расстроена, она осталась одинокой и «не простившей» того, что он ее оставил, а все финальные рассуждения героя остаются неубедительным самоутешением. Он судит с сословных позиций (может ли простая женщина стать хозяйкой его петербургского салона?!), кажущихся нелепыми и незначительными рядом с тем великим счастьем, которое было ему подарено судьбой и от которого он так беспечно отказался. Социальное, таким образом, сразу выведено за пределы цикла, хотя читатель угадывает за сюжетом и образами рассказа отсылки к знаменитым романам Л. Толстого и Достоевского.

Неважно, насколько счастливо или несчастливо прожиты влюбленными час, день, иногда месяцы любви: смерть одного из возлюбленных («Натали», «Холодная осень», «Галя Ганская», «В Париже», «Генрих», «Три рубля») или разлука («Холодная осень», «Чистый понедельник», «Мадрид», «Таня», «Руся») — не большее нарушение нормы, чем то сверхчеловеческое счастье, которое выпадает на долю героев Бунина. Заплатить за него жизнью или потерей любимого человека кажется соразмерной, хотя и дорогой ценой. Бунин очень тонко строит трехчастный цикл «Темные аллеи», обдуманно размещает в нем рассказы. Как, казалось бы, мало соответствуют героям вышеперечисленных рассказов и огромному напряжению всего их любящего существа истории, изложенные в рассказах «Муза», «Алупка», «Речной трактир»! Но персонажи этих рассказов мучаются сами, мучают тех, кто состоит с ними в любовной связи или, напротив, не может о ней и помыслить, убивают себя («Кавказ») или других («Пароход “Саратов”») из-за несоответствия их обычного, заурядного существования внутренним притязаниям на что-то большее, высшее, чего им не суждено пережить и что приводит их к катастрофе, гибели, пустоте («Ворон»).

Рассказы из «Темных аллей» не обязательно заострены на феноменологии любви. Бунин вводит в цикл произведения, где вовсе нет никакой любви, а есть

физическое влечение («Визитные карточки»), сексуальные переживания («Зойка и Валерия») и даже почти анекдотические фривольные ситуации, в которых гротескно смешано и грустное, и смешное («Гость»). Почти всегда в центре повествования оказывается женский образ, и многообразие женских обликов, переживаний, судеб составляет одну из притягательных особенностей «Темных аллей», часто именуемых «энциклопедией любви». Иногда женский образ становится оправданной самоцелью Бунина; на одной странице ему удается совместить портрет, характер и целую жизнь, которая могла бы лечь в основу романа («Красавица», «Дурочка»). Местом действия становятся провинциальные русские города и Москва, в нескольких случаях — юг (Лазурный Берег, Камарг, Кавказ, Крым, Одесса) и Восток (Цейлон и Иудея). Но чаще всего действие разворачивается в русской деревне, на даче, в усадьбе, и почти непременно в действие вовлекается природа.

Бунин виртуозно владеет искусством психологического анализа души своих героев через изображение пейзажа, явлений и особенностей природы. Пейзаж перестает быть фоном действия, декорацией. Описание природы обычно замечает или сопровождает не только душевные состояния и движения, но и целые сцены, прежде всего — любовное свидание или любовное объяснение. Например, то, что произносит герой «Натали», в любом другом тексте показалось бы выпендренной чепухой, но в бунинском повествовании это откровенно эротичное признание в любви: «Как волшебным блеском вдали березы. Нет ничего страннее и прекраснее внутренности леса в лунную ночь и этого белого шелкового блеска березовых стволов в его глубине...» И Натали, откликаясь на эту сногшибательную «внутренность леса», отвечает: «Да, да, я вас люблю...» Та «месса пола», о которой Бунин писал в «Митиной любви», претворяется в этом рассказе в некое поистине волшебное таинство, поданное через феерию света ночной грозы, великолепной по игре света; сама природа предстает в апогее страсти. В грозу герои теряют друг друга, чтобы вновь встретиться и соединиться, уже навсегда, при лунном блестящем свете, когда в чем-то шелковистом таинственно является Натали.

Прежде чем приняться за собственное сочинительство, Бунин очень много читал, о чем сохранились записи в его дневниках и бесчисленные пометы на страницах книг из его библиотеки. Литература, вслед за мифологией Античности и христианства, сама обретает черты мифа, становится материалом свободного мифологизирования. Мир прозы Бунина символичен и одновременно точен и достоверен в описаниях. Бунин не только не отказывается от правдивого изображения окружающего мира, но с поистине звериной чуткостью всех пяти чувств улавливает мельчайшие подробности земной жизни и воссоздает ее с предельной заостренностью каждой подробности. А за откровенным натурализмом детали, за ее физиологической ощутимостью мерцают и переливаются символы, угаданные шестым чувством.

Хотя Бунин почти не писал о французах («не могу себе представить душу какого-нибудь Жана», — признавался он), но Франция, и особенно ее полный красок и жизни юг, отразились в его творчестве, которое кажется полностью посвященным утраченной России. Солнце — вот чем пропитана каждая строка его книг, написанных в Грассе. За бескрайними заснеженными степями прозы Бунина

угадывается его реальная жизнь — Средиземное море, пальмы, бушующий мистраль, яхта Мопассана в Антибах и слова его шкипера, которые Бунин любил повторять и которые стали девизом его творчества: «Я был неплохой моряк».

Скитальческие дни Бунина окончились в Париже в 1953 г. Он похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. В 1995 г. в Париже, на доме № 1 по улице Жака Оффенбаха (в присутствии автора настоящих строк) была открыта мемориальная доска Ивану Бунину, русском писателю, нобелевскому лауреату.

А.К. Жолковский

ЗАМЕТКИ О ДВУХ НАРРАТИВНЫХ ПРИЕМАХ БУНИНА:
ЭФФЕКТ «ВОРОНКИ» И «АВТОРСКИЕ» ПЕРСОНАЖИ

В духе классической статьи Л.С. Выготского о «Легком дыхании» Бунина и с опорой на ряд сравнительно недавних (в том числе своих) разборов его рассказов я попытаюсь развить два соображения о структуре бунинского нарратива.

Бунин — мастер натурализации, мотивировки приема, у него все кажется правдой. Он не настаивает на приемах, на какой-либо модернистской (символистской, авангардистской, имажинистской, конструктивистской...) эстетической программе, но модернистом, конечно, является — под маской традиционного реализма. Это, возможно, главная тайна его ремесла.

И его приемы не программны, не обнажены, это не монтаж аттракционов, провозглашенный в соответствующем манифесте. Приемы принципиально органичны, скрыты, сращены с сюжетом, фабулой, сутью повествования. Форма в высшей степени содержательна, содержание оформлено. И потому гармонию его текста так трудно разъять и поверить алгеброй, — но тем заманчивее эта задача.

Речь пойдет о двух конструкциях, отчасти мной уже описанных (см.: [Жолковский 2016; 2018]), но требующих дальнейшего изучения. Одна из них состоит том, что я назвал воронкообразной организацией повествования, другая — в использовании «творческих», «авторских», «литературно заточенных» персонажей.

1. Начнем с воронки.

1.1. В самом общем смысле (и в терминах «поэтики выразительности», разработавшейся мной совместно с покойным Ю.К. Щегловым) перед нами прием развернутого КОНТРАСТА, точнее, ПОДАЧИ и ОТКАЗА, — конструкция, организующая движение к тематически важной, кульминационной точке издалека, от противного (см.: [Жолковский, Щеглов 2016, с. 179–252]).

Так строится широкий круг литературных сюжетов. Особенность воронки состоит в длительной постепенности движения: это не один ход, а многоступенчатое сужение перспективы, завершающееся попаданием в некоторую драгоценную, вот именно, точку.

Тем самым КОНТРАСТ подвергается ВАРЬИРОВАНИЮ [Там же, с. 149–178], проводится через несколько аспектов конструкции, строится как переход:

- от чего-то одного к чему-то совершенно другому, т. е. контраст по содержанию;
- от большого к малому: контраст по масштабу;

— и от далекого к близкому, т. е. контраст по положению в нарративном пространстве.

Как правило, приближение к заключительному крупному плану не ограничивается КОНТРАСТОМ и ВАРЬИРОВАНИЕМ, но включает и серию ПРЕДВЕСТИЙ [Там же, с. 197–225], предсказывающих финал и направляющих движение к нему.

Это достаточно типовая схема. Но у Бунина она применяется не к произвольным сюжетным мотивам, а преимущественно к любовным, причем одновременно плотским, эротическим и так или иначе сублимированным — олитературенным, одухотворенным, замаскированным, виртуализованным.

Кроме того, Бунин обычно не останавливается на эффектном крупном плане, а в последний момент слегка размыкает композицию, завершая ее обратным КОНТРАСТОМ — финальным выходом в общий план.

1.2. Наглядный случай — композиция рассказа «Грамматика любви».

Повествование следует за передвижениями и переживаниями протагониста, Ивлева, который постепенно все больше фокусируется на загадочной давней любви его дальнего соседа по уезду, Хвощинского, к некрасивой горничной Лушке. Рано похоронив ее, Хвощинский целых двадцать лет — до собственной смерти — не выходил из ее спальни, бесконечно горюя об утрате.

Композиция рассказа строится по принципу воронки, постепенно засасывающей героя обрамляющей новеллы в самую сердцевину вставной. Все детали и перипетии сюжета:

- намерения возницы,
 - слова посещаемой по дороге графини,
 - воспоминания Ивлева о собственном раннем увлечении образом странной любви Хвощинского к Лушке,
 - готовность их сына продать Ивлеву отцовскую библиотеку,
 - скромная книжная полка Хвощинского
 - и в особенности смешная, столетней давности книжка «Грамматика любви»,
 - наконец, дешевенькие бусы Лушки —
- последовательно толкают Ивлева к:
- заезду в усадьбу Хвощинского,
 - посещению ныне нежилой части его дома,
 - физическому и символическому проникновению в святая святых былой любви двух покойников
 - и контакту с ее реликвиями.
- В результате Ивлев заряжается сильнейшими токами этой любви:

И такое **волнение овладело** им при взгляде на эти **шарики, некогда лежавшие на шее той**, которой суждено было быть столь любимой <...> что зарябило в глазах от **сердцебиения**¹.

¹ Все цитаты приводятся по изданию: Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., коммент., подгот. текста А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1993–2000. Все шрифтовые выделения в цитируемых текстах принадлежат мне. — А.Ж.

Тут налицо все характерные черты воронки: исходное широкое и далекое пространство, многоступенчатое сужение перспективы, постепенное сосредоточение на поместье, доме и комнате, где жила Лушка, венчаемое крупным планом мелких бус и интимного фрагмента Лушкиного тела — ее шеи. Психологической подоплекой этого устремления служит механизм так называемого «треугольного желания» [Girard 1965, p. 1–52], которое неуклонно влечет Ивлева к соучастию в интимной связи Хвоцинского и Лушки.

Но этим композиция рассказа не завершается. Вслед за эротически нагруженными бусами внимание Ивлева переносится на тоже малый и тоже «любовный», но подчеркнуто текстовой, литературный, культурный, чуть ли не научный объект, давший заглавие всему рассказу.

Насмотревшись, Ивлев осторожно поставил шкатулку [с бусами] на место; потом взялся за **книжечку**. **Это была крохотная**, прелестно изданная почти сто лет тому назад «Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым».

Таким образом, в острие воронки помещается не один тематически ценный миниатюрный объект, а двойчатка, представляющая телесный и духовный аспекты любовного влечения — собственно страсть и ее грамматику, сочетание типично бунинское. За большую цену Ивлев покупает книжечку и, покидая усадьбу Хвоцинского, он поглощен мыслями о Лушке: «Вошла она навсегда в мою жизнь!» — подумал он».

«Вошла» — характерная эмблема воронкообразного движения. Но тут же происходит и финальное размыкание конструкции: внимание переносится на окружающий пейзаж и целую «жизнь» героя. Впрочем, однозначного выбора в пользу размыкания Бунин не делает, совмещая крупный план с общим: в самый конец он выносит **четверостишие** о *Грамматике любви*, написанное Хвоцинским, которое Ивлев «медленно перечитал **при свете зари**».

1.3. Сходная воронкообразная конструкция лежит в основе сюжета еще одного «ивлевского» рассказа Бунина — «В некотором царстве» (см.: [Капинос 2014, с. 126–142; Жолковский 2016]).

Случайно прочитав на станции телеграмму о чьей-то женитьбе, имеющей состояться неизвестно где во время Святков, Ивлев мысленно переносится «туда», явственно воображает передвижения привлекательной невесты и ее старой тетки, внезапную смерть этой тетки и свой последующий минутный тет-а-тет с невестой — крупный план ее глаз и обнажаемой ножки.

Племянница **раздевается** чем дальше, тем все живей и веселей, неожиданно **оказывается тонкой, гибкой**, ловко присаживается на старинный ларь возле окна и **быстро снимает городские серые ботики, показывая ногу до колена, до кружева панталон** <...>.

И вдруг происходит то самое, **страшное приближение чего уже давно предвкушалось** <...> есть только радостный ужас этой темноты и отсутствие уже всяких преград между Ивлевым и той, что будто бы должна была быть не-

вестой какого-то Ивана Сергеевича, — есть один **дивный блеск черных глаз, вдруг вплотную приблизившихся к нему** <...> есть быстрая жуткая мысль, **как снимала она на ларе ботик**, и тотчас же вслед за этим то самое **блаженство**...

Ивлевым опять движет треугольное любовное желание — овладение невестой некого Ивана Сергеевича (не исключено, что символически и металитературно — Тургенева, с которым Бунина было принято сравнивать). И разворачивается это движение во многом аналогично: преодолеваются огромные пространства и разнообразнейшие препятствия, пока все не упирается в тело героини, причем реального обладания опять-таки не наступает, ибо все это происходит, так сказать, в порядке творческого миража. После чего следует размыкание: герой возвращается в свою далекую реальную жизнь, откуда, впрочем, вновь воображает якобы сужденное ему воссоединение с героиней.

1.4. Присмотримся с той же точки зрения к композиции «Легкого дыхания».

Рассказ начинается с кладбищенского пейзажа и могилы Оли Мещерской, охватывает всю жизнь героини, с ее любовными и иными перипетиями на широком, часто ветреном, городском, усадебном, вокзальном и гимназическом фоне и в конце устремляется к давно интриговавшему читателя заглавному мотиву «легкого дыхания». Он вводится в текст через мысли классной дамы, что позволяет предпослать его появлению еще несколько больших и далеких подступов, — упоминаются не имеющие отношения к делу «выдумки» классной дамы, в частности

<...> **ее брат**, бедный и ничем не замечательный **прапорщик**, — она соединила всю свою душу с ним, с его **будущностью**, которая почему-то представлялась ей **блестящей**. Когда **его убили под Мукденом**, она убеждала себя, что она — **идейная труженица**. Смерть Оли Мещерской пленила ее новой мечтой.

И тут завязывается финальная игра с шириной перспективы. Сначала внимание сосредотачивается на могиле Оли — возвращается средний план самого начала рассказа:

Теперь Оля Мещерская — предмет ее неотступных дум и чувств. Она ходит на ее могилу каждый праздник, по часам не спускает глаз с дубового креста, вспоминает бледное личико Оли Мещерской в гробу, среди цветов...

Потом следует некоторый отъезд камеры — во времени и пространстве: перспектива включает целую давнюю сценку в школьном дворе:

...и то, что <она> однажды подслушала: однажды (sic!), на большой перемене, гуляя по **гимназическому саду**, Оля Мещерская быстро, быстро говорила своей любимой подруге, полной, высокой Субботиной...

Затем — еще больший откат: в детское прошлое героини и историческое прошлое книжной культуры:

<...> Я в одной **папиной книге**, — у него много **старинных**, смешных книг, — прочла, какая красота должна быть у женщины... Там, понимаешь, **столько насказано**, что всего не упомнишь...

И из этой дали стартует постепенное укрупнение планов, сначала применительно к частям тела некой обобщенной красавицы:

<...> ну, конечно, черные, кипящие смолой **глаза** <...> черные, как ночь, **ресницы**, нежно играющий **румянец**, тонкий **стан**, длиннее обыкновенного **руки** <...> маленькая **ножка**, в меру большая **грудь**, правильно округленная **икра**, **колена** цвета раковины, покатые **плечи** <...> но главное <...> Легкое **дыхание!**..

После чего делается скачок обратно к самой героине, с фиксацией на ее дыхании, причем сначала чисто номинально, а затем в виде прямого указания на его физическую материализацию:

<...> А ведь **оно** у меня есть, — ты послушай, **как я вздыхаю**, — ведь правда, есть?

Единичная конкретность его реализации — в виде одной сиюминутной порции — подчеркивается указательным местоимением *это* в следующей фразе, заключающей повествование и в последний момент венчающей серию сужений перспективы (до размера одного вдоха/выдоха) бесконечным — мирового масштаба — расширением:

Теперь **это легкое дыхание** снова рассеялось **в мире**, в **этом** облачном небе, в **этом** холодном весеннем **ветре**.

Подчеркну, что, подобно финалу «Грамматики любви», своим узким концом воронка упирается в некий гибрид материального и спиритуального: в самое духовное из телесных проявлений человека — его дыхание, тем более дыхание легкое и прописанное книгой. И, как и в «Грамматике любви», в эту финальную точку поставлено давно ждавшее разгадки заглавие рассказа.

1.5. Как было сказано, не во всяком завершении нарратива крупным планом значимой детали следует усматривать воронку. Важно, чтобы имело место неуклонное поступательное сужение перспективы, поддержанное рядом сопутствующих эффектов. Интересный пограничный случай являет композиция бунинского «Кавказа»².

В целом повествование движется, хотя и скачками, от широких пространств (Москва, проезд по России, Кавказ) к финалу в номере сочинской гостиницы и выстрелу обманутого мужа себе «в виски из двух револьверов».

Правда, на первый взгляд, это самоубийство в очень кратком седьмом фрагменте, написанном не от 1-го лица любовника (как все предыдущие), а в 3-м лице объективного рассказчика, представляется полной неожиданностью.

Однако в длинном шестом фрагменте, где (как и в четвертом) отсутствуют какие-либо упоминания об угрожающем любовникам муже, вроде бы незаметно, но последовательно накапливаются детали пейзажа и обстановки, предвещающие смертельную развязку [Марченко 2015, с. 139–152].

² Проницательный анализ этого рассказа, критически учитывающий противоречивую традицию его рассмотрения, см. в [Марченко 2015, с. 123–165].

Сама же эта неожиданная, но подспудно готовившаяся пуанта совмещает — характерным для Бунина образом — прямой физический смысл (самоубийство отвергнутого мужа как очередную вариацию на темы любви и смерти) с богатой культурной символикой — опорой на «дуэльный дискурс» русской литературы [Там же, с. 152–163]. Причем дуэльный мотив искусно намечен уже в первом фрагменте: «не приходится сомневаться — Бунин пишет о готовящейся дуэли в самом начале рассказа» [Там же, с. 158]; имеются в виду слова героини:

Раз он мне прямо сказал: «Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!»

Так что нарративная конструкция «Кавказа» во многом сходна с воронкообразными структурами трех бунинских рассказов, рассмотренных выше. Тем не менее неуклонная постепенность сюжетного приближения к пуанте здесь не соблюдена: символические предвестия «чего-то, угрожающего смертью» (в предпоследнем фрагменте) не образуют достаточно прочной и наглядной воронки. Коннотации, указывающие в сторону развязки, сугубо имплицитны (недаром их выявление требует пристального исследовательского анализа), в целом же остается впечатление внезапного поворота, почти невероятного сюжетного виража.

2. Перейдем ко второму объявленному приему, состоящему в использовании «художественного» — авторского, режиссерского, актерского, переводческого и т. п. — поведения персонажей.

2.1. Это широко распространенный прием, подпитывающийся вечной металитературной озабоченностью литературы. Вспомним:

— Гамлета, — ставящего «Мышеловку»;

— Дон Кихота, — начитавшегося рыцарских романов и пытающегося разгрызть их в жизни;

— мадам Бовари, — еще одну гиперактивную читательницу;

— Ковчеля, — инсценирующего для «мещанина во дворянстве» Журдена сватовство к его дочери сына турецкого султана и посвящение его самого в сан *мамуши*;

— и других трикстеров, помогающих авторам сочинять сюжеты (типа пушкинского Сильвио и изобретательных лесковских крючкотворов);

— наконец, честолюбивых преступников, например антигероев американского сериала «Коломбо», претендующих на совершение идеального преступления — создание своего рода криминального шедевра;

— великих следователей, начиная с Шерлока Холмса и кончая тем же Коломбо, выступающих в роли проницательных критиков таких шедевров;

— и многие другие сходные построения [Жолковский 2020].

Своеобразный вариант «авторствующего» персонажа создал Чехов — образ претенциозного производителя бессмысленных текстов, ведущих к «провалу коммуникации» [Щеглов 2014; Степанов 2005, с. 305–321]. Таковы:

— Гаев, обращающийся с речью к «глубокоуважаемому шкафу»;

— три сестры, твердящие на протяжении всей пьесы: «В Москву, в Москву»;

— отставной моряк, произносящий за свадебным столом бесконечные флотские команды;

— различные нудные персонажи, поучающие других, как им жить: Лида в «Доме с мезонином», Модест Алексеич в «Анне на шее»;

— наконец, заглавная героиня «Душечки», — еще одна представительница этой корпорации горе-авторов, продуцирующая свои ненужные тексты путем элементарного копирования слов партнеров.

Тема «литературного» поведения явно занимала Бунина, и у него авторские персонажи тоже не редкость.

Таковы, например, фигурировавший в двух рассмотренных выше рассказах Ивлев и заглавная героиня рассказа «Муза Граф».

Такова и Оля Мещерская, разгадка всей жизни которой — и, как мы помним, заглавия рассказа — состоит в ее «книжной запрограммированности».

И этой Олей, — публично инсценирующей самоубийственное для нее и губительное для ее партнера-любownika чтение им ее дневниковой записи о свидании с другим мужчиной, книжной, но и вызывающе живой, — Бунин (во всяком случае, бунинский рассказчик), пусть несколько амбивалентно, восхищается.

Зато героиня «Дела корнета Елагина», откровенно нацеленная на роковые игры с жизнью и смертью и хладнокровно придумывающая и режиссирующая двойное самоубийство, дана негативно (см.: [Рапова 2019]).

Где-то между этими двумя «книжницами» располагается героиня «Чистого понедельника», настойчиво театрализирующая свою жизнь и любовь в лоне и духе нелюбимой автором культуры Серебряного века (см.: [Дзюбенко, Лекманов 2016]).

Единой общей установкой Бунина является, конечно, его критический взгляд на жизнетворческие сценарии символистско-декадентского типа.

2.2. Присмотримся с этой точки зрения к поведению Ивлева, протагониста «В некотором царстве», — отчетливо «авторскому». Независимо от того, трактовать ли сюжет рассказа как привидевшийся ему во сне или воображаемый им наяву (согласно соответственно [Капинос 2014] и [Жолковский 2016]), налицо со-творение этого сюжета на глазах читателя почти что «из ничего» — из случайно прочитанной краткой и не очень внятной телеграммы («Иван Сергеевич женится на Святках на племяннице лошади высланы»). Импровизация следует характерным чертам творческого процесса: вдохновляется случайным жизненным (и притом словесным!) впечатлением, вовлекает стандартные литературные топосы и коллизии (усадебную жизнь, санный путь, балладную атмосферу, любовь, смерть, треугольное желание, соперничество...) и разворачивается по принятым — в частности, типично бунинским — канонам (включая прием воронки).

В результате «авторский персонаж» оказывается практическим alter ego реального автора, Бунина, его чуть ли не лирическим двойником (а как известно, бунинская проза существенным образом лирична). Ивлев полностью контролирует сюжет, и остальные действующие лица покорно следуют его поэтической воле. Такой структурный солипсизм обнажает прием, повышая тем самым экспе-

риментальность повествования — в ущерб его прозаической мотивированности (натурализации).

Для сравнения рассмотрим противоположный случай — «Визитные карточки», образец мастерской натурализации сюжета, построенного Буниным на «творческом» поведении обоих главных героев.

2.3. Герой, знаменитый писатель, встречается на волжском пароходе провинциальную замужнюю женщину, читательницу, и у них возникает мимолетный роман, небольшая такая «Дама с собачкой», спрессованная в одно ночное свидание (one-night stand).

Я прочел этот рассказ сравнительно поздно и сразу пришел от него в восторг, особенно от вопроса, задаваемого героиней уже в каюте героя: «Все снять?» Фраза поразила меня, но о ее секрете и тем более секрете рассказа в целом я не задумывался еще долго. А потом задумываться начал и даже случайно обнаружил релевантный мопассановский подтекст («Une aventure Parisienne» («Парижское приключение»), 1881). Однако ответа на вопрос о глубинной структуре рассказа и (что особенно важно для нас здесь) о главном его нарративном приеме все не находил. Мое понимание оставалось в привычных буниноведческих рамках: любовь, претворенный автобиографизм, чувство природы, знание русской жизни и разных ее социальных пластов. И никакой всеобъясняющей доминанты, никакого конструктивного принципа.

Но однажды в разговоре с коллегой (disclosure: с собственной женой) о «Деле корнета Елагина», которым она тогда занималась, я сообразил, что ключ к неповторимой реплике где-то тут, рядом — один из тех, что подходят, как это и должно быть, и к другим текстам того же автора.

Счастливая догадка о тайне слов «Все снять?» состояла в том, что героиня готова, как послушная актриса (а не просто неопытная любовница), следовать режиссерским указаниям своего партнера, почитаемого ею художника слова.

Как только я понял это, на свои места быстро стали и остальные аспекты повествования. Во всем своем озорном великолепии мне открылся глубинный сюжет рассказа — «жизнетворческий дуэт двух партнеров, соревнующихся, следуя каждый своему скрипту, в любовной, в частности сексуальной, дерзости». При этом реплика героини, первой бросившаяся в глаза и годами меня занимавшая, оказалась даже не самым сильным из эффектов. В кульминационной точке повествования я разглядел прописанную полунамеком эротическую позу (по тем литературным временам рискованную: стоя, сзади), увенчавшую сценический дуэт героя и героини.

Действительно, все повествование разворачивается как своего рода скандальное па-де-де. Это вовсе не одностороннее соблазнение неопытной героини бывалым донжуаном, а сценарий, охотно разыгрываемый обоими партнерами.

Героя сначала удивляет, а затем все больше привлекает и провоцирует сочетание в героине беззащитной неопытности с неожиданной смелостью. В ответ на предупреждение героя: «Так тонут маленькие дети, / Купаясь летнею порой, / Чеченец ходит за рекой» героиня, подхватывая ссылку на пушкинского «Кавказского пленника», с вызывающей прямотой заявляет: «Вот чеченца-то я и жду!»

Готовность героини разжигает героя, и он решает не ограничиться обычной постельной интрижкой, а совершить что-нибудь особенное, каковым и оказывается упомянутый выше эротический тур-де-форс, приводящий героиню в состояние радостного бесстыдства.

Ощущение сценария, совместно импровизируемого, но и как бы разыгрываемого по нотам, подкрепляется обилием прямых и полускрытых литературных подтекстов, задающих этот скрипт. Тут и пушкинская цитата, и «Мадам Бовари», и «Дама с собачкой», и «Чайка», и мопассановская новелла, сюжет которой, кстати, эффектно выворачивается наизнанку.

В «Парижском приключении»³ в кульминацию тоже вынесен нестандартный секс:

Окутившись в комнате, она быстро разделась, скользнула в постель <...> и ждала, прижавшись к стене.

Но она была **неопытна**, как только возможно для законной жены провинциального нотариуса, а он был **требовательнее трехбунчужного паши. Они не поняли друг друга, совершенно не поняли.**

И он уснул. Ночь проходила <...> неподвижно лежа, она думала о своих супружеских ночах и с отчаянием смотрела на этого, спавшего рядом с нею на спине <...> маленького, шарообразного человечка, чей круглый живот выпячивался из-под простыни, словно надутый газом баллон. Он храпел <...> с протяжным фырканьем и смешным клокотанием в горле <...> Струйка слюны стекала из угла его полуоткрытого рта.

В отличие от уродливого героя Мопассана, бунинский, кстати, тоже писатель, наделяется мужской привлекательностью и творческой способностью правильно «читать» героиню и активно вести интригу (у Мопассана всем руководит дама).

А его партнерше, как и у Мопассана, провинциальной боваристке, Бунин дает насладиться непозволительным по ее провинциальным представлениям сексуальным опытом.

Она **покорно** <...> переступила из всего сброшенного на пол белья, осталась вся **голая** <...> и **победоносно пьяно** взглянула на него <...> Она вынула **шпильки, волосы** густо упали на ее худую **спину** <...> Она наклонилась, чтобы поднять спадающие **чулки**, — маленькие **груды** <...> повисли тощими грушками, прелестными в своей бедности. И он заставил ее **испытать то крайнее бесстыдство**, которое так не к лицу было ей и потому так возбуждало его жалостью, нежностью, страстью <...> Она с восторженным ужасом <...> слышала беспечный говор <...> проходящих по палубе под самым окном, и это еще страшнее увеличивало **восторг ее развратности** <...>

Потом он ее, как мертвую, положил на койку. Сжав зубы, она лежала с закрытыми **глазами** и уже со скорбным успокоением на побледневшем и совсем молодом **лице**.

³ См.: [Мопассан 1946, с. 132–138] (пер. Л. Лежневой).

2.4. С творческим взаимодействием персонажей все как будто понятно⁴. Но попутно возникает вопрос: а не применен ли тут заодно и прием воронки?

Действительно, повествование начинается с описания открытого волжского пейзажа и парохода в целом и краткой характеристики персонажей. Затем перспектива все больше сужается, — с переборами, позволяющими дать хронологически широкий охват школьной и замужней жизни героини, — до палубы, до ресторана и наконец до каюты героя, где фокусируется на постепенно обнажаемом теле героини. А в самом конце наступает и частое в таких случаях размыкание перспективы, завершающее кольцевую — «береговую» — композицию:

Перед вечером, когда **пароход причалил** там, где ей нужно было сходить, она стояла возле него тихая, с опущенными ресницами. Он поцеловал ее холодную ручку с той любовью, что остается где-то в сердце **на всю жизнь**, и она, не оглядываясь, побежала вниз **по сходням в грубую толпу на пристани**.

Чем не воронка?

Ну, разве тем, что в ключевую финальную позицию помещен не крупный план какой-то одной решающей детали, а целая серия фрагментов долгожданного ню, так что четкость устремления к горлышку воронки размывается. Более того, главным нарративным тур-де-форсом оказываются здесь не сами эти интимные фрагменты, а та нетривиальная эротическая поза, которая как раз не дается впрямую, а дразняще кодируется, вызывая о реконструкции читателем. Элементы воронкообразности налицо, но доминирует другой бунинский прием — полупрозрачная маскировка самого сокровенного момента сюжета. Однако это уже особая тема⁵.

2.5. А по поводу «Кавказа» возникает симметричный вопрос: не является ли заключительное самоубийство персонажа своего рода художественным жестом? То есть не просто сюжетным — и даже металитературным — мотивом, который автор (Бунин) создал в духе «дуэльного дискурса» русской литературы, но и творческим актом самого персонажа?

Литература

- Дзюбенко, Лекманов 2016 — Дзюбенко М.А., Лекманов О.А. Пояснения для читателей // Бунин И. Чистый понедельник [Опыт пристального чтения]. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016.
- Жолковский 2016 — Жолковский А.К. «В некотором царстве»: повествовательный тур-де-форс Бунина // Жолковский А.К. Блуждающие сны: Статьи разных лет. СПб.: Азбука, 2016. С. 81–94.
- Жолковский 2017 — Жолковский А.К. Позы, разы, перифразы: Заметки нарратолога // Звезда. 2017. № 11. С. 248–260.
- Жолковский 2018 — Жолковский А.К. Место «Визитных карточек» в эротической картолке Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2 (150). С. 164–186.
- Жолковский 2020 — Жолковский А.К. «Текст в тексте»: авторы и читатели среди персонажей // Звезда. 2020. № 1. С. 259–275.

⁴ Подробнее об этом рассказе см.: [Жолковский 2018, с. 175–184].

⁵ О такой «эзоповской» технике у различных авторов, включая Бунина, см.: [Жолковский 2017].

- Жолковский, Щеглов 2016 — *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* Ex ungue leonem: Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Капинос 2014 — *Капинос Е.В.* Поэзия Приморских Альп: Рассказы Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Марченко 2015 — *Марченко Т.В.* Поэтика совершенства: О прозе И.А. Бунина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015.
- Мопассан 1946 — *Мопассан Г., де.* Избранные новеллы. М.: ОГИЗ, 1946.
- Степанов 2005 — *Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Щеглов 2014 — *Щеглов Ю.К.* О художественном языке Чехова // Щеглов Ю.К. Избранные труды. М.: РГГУ, 2014. С. 394–419.
- Girard 1965 — *Girard R.* Deceit, Desire and the Novel. Baltimore; London: The Johns Hopkins UP, 1965.
- Panova 2019 — *Panova L.* «A very ugly story»: Fiction, Non-Fiction and Mimetic Desire in Ivan Bunin's «The Case of Cornet Elagin» // *Die Welt der Slaven*. 2019. № 1. P. 68–86 (= Русская литература. 2018. № 1. С. 151–163).

И.В. Кочергина

И.А. БУНИН:

«МНЕ НЕДАВНО ПРИСЛАЛИ ВЫРЕЗКУ...»
(ОБ АВТОРСТВЕ ФЕЛЬЕТОНА «ВЫСТРЕЛ В РОТ»
В ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ» ЗА 1925 г.)

В своих критико-публицистических статьях и заметках 1920-х гг. И.А. Бунин часто обращается к советской печати. Многое из того, что печаталось в это время в метрополии, его задевает и возмущает, особенно когда статьи касаются лично его и его творчества. В статье «Российская человечина», одной из наиболее ярких своих публикаций, посвященных советской литературе и критике, он затрагивает и заметку в «Известиях», в которой содержится оценка его повести «Митина любовь». Бунин пишет:

Мне недавно прислали вырезку из московских «Известий». Вырезка эта — статейка о моем романе «Митина любовь». И начинается она с больших похвал. Этот прием теперь вообще в большом ходу даже и в нашей, эмигрантской, печати: для видимости беспристрастия и для пущего эффекта унижение, например, дела Белой Армии начинают с поклонов: что ж, мол, и говорить, дело было в начале святое, прекрасное... Так и тут. Начинается с похвал. Произведение удивительное... и потому страшно показательное для эмиграции. «Бунин — художник и потому не может не чувствовать близкую ему среду и волей-неволей вынужден показать то, что он видит в ней и в себе, — то новое в смысле жизнеощущения, что нажито интеллигентской психикой в эмигрантщине... вынужден показать, до чего эта психика опустошена, выпотрошена, проституирована...» Почему она проституирована? А потому, что мой Митя есть человек с психикой чисто эмигрантской, — нужды нет, что он умер за двадцать лет до эмиграции! — что он «предан пороку Содомы и идеалу Мадонны» и стреляется. Да туда ему и дорога, говорит московская газета и прибавляет: «Выстрел в рот для эмигрантской интеллигенции — единственный выход!» [Бунин 2000, с. 174].

Как мы видим, писатель резко и болезненно реагирует на подтасовки в статье, на явные натяжки и обобщения, на декларативные выводы, сопровождает цитаты из них ядовитыми комментариями.

Удалось выяснить, что Бунин цитирует здесь фельетон «Выстрел в рот» за подписью П. Ш., опубликованный в «Известиях» 26 июля 1925 г.¹ [П. Ш. 1925а]. Речь в нем идет о разных представителях эмиграции, но в конце автор уделяет

¹ Возможно, об этой заметке идет речь в письме И.И. Фондаминского Бунину от 2 августа 1925 г.: «Посылаю вырезку из "Известий" — я знаю, Вы их любите» [Бунин 2012, с. 726].

две колонки — под названием «Единственный выход» — повести «Митина любовь» (см. Приложение 1).

Вероятно, эта анонимная публикация сильно задела писателя, потому что И.А. Бунин возвратился к ней в своих заметках в «Записной книжке»:

Вот вырезка из московских «Известий» за 25 год: опять начинается за здравие, с похвал — «Митина любовь» произведение такое, сякое, — а кончается опять за упокой: «Но тем-то это произведение и показательно для эмигрантской психики, психики опустошенной, проституированной... ибо Митя предан пороку Содомы и идеалу Мадонны...» [Бунин 2000, с. 229].

Следует особо оговориться, что в единственном существующем на сегодняшний день сборнике публицистических и литературно-критических статей Бунина эти пассажи никак не комментируются: не указана ни статья, которую цитирует писатель, ни тем более ее автор [Бунин 2000, с. 547–548, 559–563].

Несмотря на то что за последнее время вышло немало статей о литературно-критическом и публицистическом наследии писателя, в особенности периода революции и эмиграции (см., например, [Бунин 2014]), все же следует признать, что данная тема только начинает подробно изучаться. Объективным препятствием для ее детальной разработки было отсутствие публикаций материалов зарубежных архивов и малодоступность периодических изданий.

Что касается раннего периода советской прессы (1920-е гг.), в частности газеты «Известия», то из работ, затрагивающих литературно-критический и библиографический отделы этого издания, можно отметить, к примеру, диссертацию М.В. Гейнц [Гейнц 2015]; однако о фельетонах на эмигрантские темы, печатавшихся на страницах газеты, исследований нет. Хотя в последние десятилетия и появились публикации, в которых уделено внимание созданию образа эмиграции в советской прессе 1920-х гг., в особенности антиэмигрантской пропаганде (например, [Миронова 2006]), эта тема еще недостаточно разработана.

Чтобы определить, кто скрывался под инициалами *П. Ш.*, обратимся к другим фельетонам «Известий» за лето–осень 1925 г., касавшимся политики европейских стран и эмигрантских дел. Публикаций за подписью *П. Ш.* довольно много, есть фельетоны, подписанные *Петр Шубин*; можно найти и заметки других авторов на тему эмиграции. Под инициалами *П. Ш.* и до, и после революции писал Петр Абрамович Шубин-Виленский [Масанов 1958, с. 255], однако нигде не указано, что он был сотрудником «Известий». В приказах и распоряжениях по редакции «Известий» за 1926 г. есть выписка из протокола № 59 заседания Президиума ЦИК от 8 августа 1926 г., в которой утверждена редколлегия издательства «Известия» в составе: Скворцов-Степанов И.И., Гронский И.М., Шубин П.А.² В том же деле хранится письмо редактора «Известий» Скворцова-Степанова в ЦК ВКП (б), президиумы ЦИК и ВЦИК и отдел печати с просьбой о предоставлении отпуска с 4 сентября по 12 октября 1926 г.; «обязанности ответственного редактора» во вре-

² ГА РФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22.

мя отсутствия, как пишет автор письма, «будет исправлять член редакционной коллегии тов. П.А. Шубин»³.

Удалось найти письма за подписью «Петр Шубин» к главному редактору «Известий» И.И. Скворцову-Степанову за 1925–1926 гг. — они хранятся в фонде Скворцова-Степанова в РГАСПИ⁴. Шубин писал их на бланке «Известий» своему руководителю в Крым, где тот проводил летний отпуск: отчитывался о выпусках номеров газеты, сообщал о редакционных делах; из содержания писем понятно, что редакторские обязанности в отсутствие главного редактора он делил с И.М. Гронским⁵. Эксперт-почерковед С.В. Косенко, проведя сопоставительную почерковедческую экспертизу хранящейся в РГАЛИ записки П.А. Шубина-Виленского, адресованной Андрею Белому⁶ (см. Приложение 2), и письма за подписью «П. Шубин» Скворцову-Степанову от 18 сентября 1926 г.⁷, дала заключение: рукописные записи выполнены одним лицом⁸. Лишним доказательством того, что «П. Шубин» из «Известий» 1925 г. и П.А. Виленский — одно лицо, служит неоднократное упоминание «Петра Абрамовича» в письмах Гронского как коллеги по редактированию и выпуску номеров в отсутствие Скворцова-Степанова. Сличение машинописного варианта с рукописными вставками фельетона «Выстрел в рот»⁹ и указанными выше письмами П. Шубина Скворцову-Степанову показало, что авторские вставки и письмо написаны одной и той же рукой. Итак, с большой степенью уверенности можно утверждать, что автор фельетона «Выстрел в рот», который так задел Бунина, — Петр Абрамович Шубин-Виленский.

Петр Абрамович Виленский родился в 1878 г. в г. Ромны. Будучи студентом Киевского университета, в 1905 г. участвовал в революционном движении, за что был исключен из учебного заведения. Сотрудничал в газете «Киевская мысль», где впервые и использовал псевдоним «П. Шубин». Впоследствии он поменял свою фамилию в паспорте на Шубин-Виленский, а его дети уже носили фамилию Шубины. Окончил юридический факультет Московского университета, редактировал один из отделов газеты «Биржевые ведомости», сотрудничал в разных столичных газетах. Жил в Москве и в Петербурге, где вращался в среде прогрессивной интеллигенции: в его квартире на Офицерской бывали известные журналисты, писатели, юристы. Так, Андрей Белый не раз упоминает о Петре Абрамовиче Виленском в своих воспоминаниях «Между двух революций»; в частности, там описана внешность и образ мыслей этого незаурядного человека: «...бледный, грустный брюнет, с черными остановившимися глазами, этот дельный и честный газетчик, прекрасный техник (тогда — меньшевик, позднее — большевик), пред-

³ ГА РФ. Ф. 1244. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 43.

⁴ РГАСПИ. Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 79, 84.

⁵ Иван Михайлович Гронский (наст. фам. Федулов; 1894–1985) — журналист; с 1925 г. заведовал экономическим отделом «Известий» и был заместителем редактора. Впоследствии возглавлял газету.

⁶ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64.

⁷ РГАСПИ. Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 8 об.

⁸ Экспертное заключение № 438-21 от 7 июля 2021 г., сделанное ООО «Центрэкспертиза».

⁹ ГА РФ. Ф. 1244. Оп. 2. Ед. хр. 672. Л. 84–95.

ставлял интерес: с каким болезненным анализом впериался он в конфликты сознания; “то время” ведь для газетчика представляло собою сплошной конфликт; Виленский остро переживал вопросы совести, заостряя их до проблем романов Достоевского <...> Виленский интересовал переживаниями ужаса и гадливости перед разгулом желтой печати и всяческой провокации» [Белый 1990, с. 230].

После Октябрьской революции Виленский работал в Реввоентрибунале 12-й армии, затем на Украине, в газете «Коммунист» и украинском телеграфном агентстве. Переехав по приглашению Н.И. Бухарина в 1923 г. в Москву, сотрудничал в иностранном отделе газеты «Правда», а впоследствии — в Коминтерне [Шубин 1991, с. 339–341]. Помещал свои заметки и в «Новом мире» — этот журнал в 1925–1927 гг. также редактировал Скворцов-Степанов. Арестован в 1937 г. по обвинению в «участии в шпионско-террористической организации» и тогда же расстрелян [Открытый список]. Его сын, С.П. Шубин, был выдающимся физиком; он тоже был арестован и умер в лагере в 1938 г. Биографические сведения о П.А. Шубине можно найти в статье другого его сына, Евсея Петровича Шубина [Шубин 1991], однако работа в «Известиях» в ней не упоминается.

Вероятнее всего, Шубин был приглашен в «Известия» И.И. Скворцовым-Степановым. Последний сменил Ю.М. Стеклова на посту главного редактора «Известий» в июне 1925 г. — сделано это было явно для усиления контроля за публикациями газеты ЦИК и проведения в ней четкой партийной линии¹⁰ — Скворцов-Степанов был членом Секретариата ЦК ВКП (б), старым большевиком и опытным газетчиком. Он, вероятно, и попросил Шубина, работавшего в «Правде», помочь на первых порах «Известиям». Пик частоты публикаций Шубина относится ко 2-й половине 1925 г. С 1926 г. они редки — вероятно, он сосредоточился в «Известиях» на редакторской работе, о чем свидетельствуют письма за 1926 г. его и других членов редакции, адресованные Скворцову-Степанову.

Публикации Шубина в «Известиях» за 1925 г. в основном касаются жизни русской эмиграции, и — реже — внешнеполитических событий. Так, в «Политических заметках» от 1 августа он освещает выступление берлинского «Руля» по поводу позиции Англии в отношении СССР, реферирует отклики немецкой прессы на внутреннюю политику Советской страны [П. Ш. 1925д]. Свободно владея несколькими иностранными языками, Шубин делает обзоры иностранной прессы по интересующим ЦИК событиям (см., например, [П. Ш. 1925з]), пишет о делах социал-демократических партий Европы — о съезде II Интернационала [П. Ш. 1925в], деятельности лидеров немецких социал-демократов К. Каутского и Отто Бауэра [П. Ш. 1925е]. Часто его фельетоны направлены против конкретных газет, их издателей и обозревателей — например, против «Последних новостей» и лично П.Н. Милюкова [П. Ш. 1925ж], Е.Д. Кусковой [П. Ш. 1925б]. Для его пропагандистского стиля типичен фельетон, посвященный публикации Ф.А. Степуна «Забывшие истины. О нации и национализме» [Степун 1925], — Шубин выделяет

¹⁰ Юрий Михайлович Стеклов (наст. имя и фам. Овший Моисеевич Нахамкис; 1873–1941) был освобожден от должности главного редактора «Известий» постановлением Президиума ЦИК от 19 июня 1925 г. [Постановления 1925] в ходе борьбы И.В. Сталина и его окружения против старой партийной элиты, оппозиционно настроенной к вождю.

из всей статьи пассажи, касающиеся сожаления автора об утраченном мире дореволюционной России, и к ним сводит весь ее смысл. Дореволюционную Россию Шубин именует «распутинским строем» и, таким образом, автоматически делает Степуна сочувствующим Распутину и его окружению [П. Ш. 1925и]. В ход идут уничижительные ярлыки по отношению к враждебным явлениям и лицам, безосновательная генерализация, перенесение недостатков одного лица на всех, к нему причастных, — т. е. обычные методы пропаганды [Дзялошинский 2005, с. 51–54]. Изредка Шубин затрагивает внутреннюю политику СССР, процессы над контрреволюционерами и «террористами» (см., например, [П. Ш. 1925г]).

Фельетон «Выстрел в рот» в этом смысле довольно типичен для Шубина-журналиста. Он освещает ряд разнородных событий из жизни русской эмиграции, и потому делится на разделы. В первом разделе Шубин пишет о президенте Чехословакии Т. Масарике и его суждениях о русской интеллигенции: здесь есть и шпильки в адрес «Руля» и его издателя И.В. Гессена, и намеки на то, как щедро чехословацкое правительство к русской диаспоре [П. Ш. 1925а]. Во втором, под названием «Убиты морально», приводится письмо русских рабочих в редакцию «Последних новостей», в котором рассказывается, как бывшего офицера русской армии, возмущавшегося отказом в кредите, отхлестал нагайкой французский полицейский в присутствии директора завода. Далее Шубин пишет, что, поскольку редакция газеты «Последние новости» никаким комментарием не сопроводила это обращение рабочих, можно заключить, что «директор-француз избивает нагайкой продавшуюся ему эмигрантскую интеллигенцию» [Там же]. Безусловно, здесь фельетонист прибегает к пропагандистским приемам, характерным для 1920-х гг.: подмена одного объекта другим, близким и более общим, и перенос качеств одного объекта на другой (рабочий — интеллигенция, директор — полиция), яркая и броская метафора с гиперболизацией [Миронова 2006, с. 36]. Следующий подраздел называется «Контроль над рождением»: Шубин приводит суждения сотрудника «Последних новостей» Дионео (псевдоним И.В. Шкловского; 1864–1935) о проблемах в угольной промышленности Англии; в частности его совет «сократить рождаемость», чтобы в будущем этих проблем избежать. Шубин с издевкой говорит по этому поводу, что давно наблюдает, просматривая эмигрантскую прессу, «разжижение мозга у старшего поколения, собачью старость у белогвардейского молодняка» [П. Ш. 1925а].

Наконец, в последнем разделе под названием «Единственный выход» Шубин и обращается к повести И.А. Бунина «Митина любовь». Прежде всего он не упускает возможности лишней раз упомянуть парижского критика эмиграции, занимавшего последовательную антибольшевистскую позицию, — З.Н. Гиппиус. Отзывы Гиппиус об этой повести, которые она якобы «писала прямо захлебываясь», названы «восторженными». Здесь Шубин вводит в заблуждение своего читателя: оценка повести Зинаидой Гиппиус далеко не так однозначна (см. примечания к Приложению 1). Однако понятно, что автору фельетона необходимо подверстать всю «белогвардейскую интеллигенцию» к своим выводам, поэтому упоминание Гиппиус в этом контексте — обычный пропагандистский ход (см. о таких приемах пропаганды: [Миронова 2006, с. 163]).

Между тем Шубин признает несомненное художественное совершенство повести, что выгодно отличает его от последующего «рецензента» этого произведения на страницах «Известий» — лидера ВАПП (Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей) Л.Л. Авербаха [Авербах 1925]. Более того, он открыто восторгается Буниным-художником: «...последние строки повести написаны с сокрушительной силой». Рецензент обнаруживает знакомство и с «Братьями Карамазовыми» Ф.М. Достоевского, и с декадентской литературой: «Идея двойственности, раздвоения, так называемого “совпадения двух бездн: порока Содомы с идеалом Мадонны” составляла и раньше излюбленный мотив декадентской беллетристики». Однако далее следует пассаж, так задевший и возмущивший Бунина: «Но последний образ нов: это то, что интеллигентская “психика” приобрела в эмиграции. До чего выпотрошенной, опустошенной, действительно проституированной должна быть душа, чтобы искать и найти этот образ!..» [П. Ш. 1925а]. В этих суждениях Шубина отразился вульгарно-социологический подход к искусству как отражению идеологии какого-либо класса, представление о произведении как слепке с действительности. Пропагандистский прием перенесения частных явлений на общие и генерализация выводов, сделанных на основе такого переноса, в данном случае дополнен снижающим ярлыком «проституированный» и в контексте приобретает смысл, глубоко оскорбительный по отношению к личности писателя.

А далее в духе пропаганды эпохи первых лет советской власти Шубин сводит судьбу всей эмигрантской интеллигенции к судьбе юноши Мити и его самоубийству: «Выстрел в рот — для эмигрантской интеллигенции, неспособной сжечь свое прошлое, — единственный выход» [Там же].

В целом этот маленький фельетон практически открывает серию откликов советской печати на повесть Бунина «Митина любовь» и являет собой пример пропаганды, где выдающееся произведение литературы приносится в жертву «гражданской войне в литературе». В то же время нельзя не отметить восхищение Шубина художественным даром писателя, хорошее знание литературы и одновременно резкое неприятие всего того, что он считал болезненным декадентством, — т. е. по иронии судьбы всего того, что претило и самому Бунину.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

П. Ш.

ВЫСТРЕЛ В РОТ

<...>

Но особенно ярко проявляется полнейшее разложение интеллигенции в ее литературе. На эту сторону дела у нас обращается мало внимания. А между тем белогвардейская беллетристика и лирика чрезвычайно поучительны во многих отношениях. Мы здесь только бегло можем коснуться этого вопроса.

В последней книжке «Современных записок»¹ закончена печатанием повесть И.А. Бунина «Митина любовь». Об этой повести были уже восторженные отзывы в эмигрантской печати, а что касается Гиппиус, то она писала о ней прямо захлебываясь². Действительно, по форме эта повесть — лучшее, что написано в эмиграции за все время революции. Бунин чувствует близкую ему среду, как художник, он вынужден показать то, что он видит в себе.

«Митина любовь» — это длинная повесть о неудачной любви, по-интеллигентски заполняющей всю жизнь, символизирующей ее. Остановиться на всех перипетиях «Митиной любви», которая тянется на протяжении 30 глав, нет нужды. Значительная часть повести — сложность переживаний Мити, его падение, воскресение и т. д. — все это не ново в русской литературе. То новое в смысле жизнеощущения, что нажито интеллигентской психикой в эмигрантщине, — составляет содержание последней главы.

Митя покинут. Его возлюбленная пишет ему: «Я дурная, я гадкая, испорченная и недостойна вас, но я безумно люблю искусство! Я решила, жребий брошен, я уезжаю — вы знаете с кем...»³

И вот бунинский герой впадает в мистический сон. Он видит ее, видит, как к ней приближается «господин в смокинге, с бескровным бритым лицом, с черными короткими курчавыми волосами... Он снисходительно обнял ее за талию — она обвила его за шею, показывая свои темные подмышки, прильнула к нему, спрятала лицо на его груди». До сих пор все как будто обстоит благополучно, — все как полагается в хорошей дворянско-интеллигентской повести. Но вот начинается специальный бунинский чисто эмигрантский кошмар:

«Митя очнулся, весь в поту, с потрясающе ясным сознанием, что он погиб, что в мире так чудовищно безнадежно и мрачно, как не может быть и в преисподней, за могилой⁴. Всего же нестерпимее и ужаснее была чудовищная противостественность человеческого соития, которое как будто и он только что разделил с бритым господином»...

Идея двойственности, раздвоения, так называемого «совпадения двух бездн: порока Содомы с идеалом Мадонны» — составляла и раньше излюбленный мотив декадентской беллетристики. Но последний образ нов: это то, что интеллигентская «психика» приобрела в эмиграции. До чего выпотрошенной, опустошенной, действительно проституированной должна быть душа, чтобы искать и найти этот образ!..

Но Бунин — художник. И его герой знает, что ему жить больше нельзя, что он погиб. Последние строчки повести, посвященные этому, написаны с сокрушительной силой.

«Эта боль была так сильна, так нестерпима, что, не думая, что он делает, не сознавая, что из всего этого выйдет, страстно желая только одного — хоть на минуту избавиться от нее и не попасть опять в тот ужасный мир, где он провел весь день и где он только что был в самом ужасном, отвратном из всех земных снов, он дрожащей рукой нашарил и отодвинул ящик ночного столика, поймал холодный и тяжелый ком револьвера, глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил».

Выстрел в рот — для эмигрантской интеллигенции, неспособной сжечь свое прошлое, — единственный выход.

Известия. 1925. № 189. С. 3.

¹ Бунин И.А. Митина любовь // Современные записки. Париж. Кн. XXIII. С. 13–55; кн. XXIV. С. 5–41.

² Шубин имеет в виду эссе Гиппиус «О любви», в котором она отказала повести в достоверности изображения главного героя, «в падение которого с Аленкой, — по ее словам, — мы не поверим все равно» [Гиппиус 1925, с. 3]. Повесть вызвала в среде эмиграции споры. Если Г.В. Адамович в своих статьях, возражая Гиппиус, говорил о слабости Мити и, хорошо зная отношение писателя к декадентам, подчеркивал, что «столичная» Катя губит героя [Адамович 2015, с. 273], то Ю.И. Айхенвальд считал, что герой гибнет оттого, что «не соединились для него в каком-то высшем смысле физиология и психология», т. е. он оказался незрелой личностью [Айхенвальд 1925, с. 3].

³ Неточная цитата из повести Бунина «Митина любовь». Здесь и далее повесть цитируется с небольшими искажениями.

⁴ При цитировании Шубиным пропущено целое предложение.

*П.А. Шубин-Виленский – А. Белому [Б.Н. Бугаеву]*¹

Уважаемый Борис Николаевич!

Я приехал из Пе<трогра>да видеть Вас, но неудачно. Не знаю теперь, когда и где увижу вас. В понедельник придется уехать

Мой адрес

Арбат 49 кв Ашкинази², <и>

Тел. 23931

РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64.

¹ Записка на оборотной стороне визитной карточки Шубина-Виленского. На лицевой стороне по дореволюционной орфографии напечатано по центру: «Петр Абрамович Шубин». Ниже зачеркнут карандашом текст, выбитый более мелкими буквами: «Остоженка, Лопухин пер. 1. Тел. 211-8. Журналист».

Сам текст записки написан карандашом, по новой орфографии, однако с употреблением буквы «ять», из чего можно заключить, что датировка записки — 1917–1918 гг.

² В справочнике «Вся Москва» за 1917 г. указано, что по этому адресу проживает *Ашкинази Мих. Алдр., сотрудник газ. «Речь»*. Вероятно, это Михаил Александрович Ашкинази (1863–1936), писатель и журналист, брат известного эмигрантского писателя-фельетониста и театрального критика В.А. Ашкинази.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Бунин 2014 — *Бунин Ив.* «Музыка» / публ. А. Бакунцева // Новый журнал. Нью-Йорк, 2014. № 277. С. 233–240.

Авербах 1925 — *Авербах Л.* Живой труп // Известия. 1925. 13 сент. № 209. С. 4.

Адамович 2015 — *Адамович Г.* Литературные беседы: [«Митина любовь» И. Бунина] // Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. Т. 2. М., 2015.

Айхенвальд 1925 — *Айхенвальд Ю.* Литературные заметки // Руль. 1925. 22 июля. № 1408. С. 3.

Белый 1990 — *Белый А.* Между двух революций. М., 1990.

- Бунин 2000 — *Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 2000.*
- Бунин 2012 — «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Т. 2. М., 2012. С. 697–932.
- Гейнц 2015 — *Гейнц М.В. Литераторы и литература в газете «Известия ВЦИК» первой половины 1920-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2015. 203 с.*
- Гиппиус 1925 — *Гиппиус З. О любви // Последние новости. 1925. 25 июня. № 1585. С. 2–3; 2 июля. № 1591. С. 2–3.*
- Дзялошинский 2005 — *Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 1. С. 29–54.*
- Масанов 1958 — *Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 3. М., 1958.*
- Миронова 2006 — *Миронова Н.А. Образ «старой» художественной интеллигенции в советской печати «славного» десятилетия: 1917–1927 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006.*
- Открытый список — Открытый список жертв политических репрессий в СССР. URL: [https://ru.openlist.wiki/Шубин-Виленский_Петр_Абрамович_\(1878\)](https://ru.openlist.wiki/Шубин-Виленский_Петр_Абрамович_(1878)) (дата обращения: 19.07.2021).
- П. Ш. 1925а — *П. Ш. Выстрел в рот // Известия. 1925. № 189. С. 3.*
- П. Ш. 1925б — *П. Ш. Интеллигенция и эмиграция // Там же. 15 авг. № 185. С. 2.*
- П. Ш. 1925в — *П. Ш. «Конгресс мира» // Там же. 8 авг. № 179. С. 2.*
- П. Ш. 1925г — *П. Ш. Настоящее лицо // Там же. 3 июля. № 149. С. 3.*
- П. Ш. 1925д — *П. Ш. Политические заметки // Там же. 1 авг. № 172. С. 2.*
- П. Ш. 1925е — *П. Ш. «Праведник» в меньшевистском Содоме. // Там же. 14 авг. № 184. С. 3.*
- П. Ш. 1925ж — *П. Ш. Статистика и Милюков // Там же. 1 дек. № 283. С. 2.*
- П. Ш. 1925з — *П. Ш. Тоска по интервенции // Там же. 2 окт. № 225. С. 2.*
- П. Ш. 1925и — *П. Ш. У «потомков Майн-Ридовских краснокожих» // Там же. 8 окт. № 230. С. 2.*
- Постановления 1925 — *Постановления и распоряжения правительства СССР // Там же. 23 июня. № 140. С. 4.*
- Степун 1925 — *Степун Ф.А. Забытые истины. О нации и национализме // Дни. Париж. 1925. 20 сент. № 806. С. 2, 5.*
- Шубин 1991 — *Шубин Е.П. Детские и юношеские годы С.П. Шубина // Шубин С.П. Избранные труды по теоретической физике. Очерк жизни. Воспоминания. Статьи. Свердловск, 1991. С. 337–343.*

М.Д. Шраер

«БЫЛ МАРТЫНОВ ГАЛСТУК, БЛЕДНО-СЕРЫЙ...»:
ПОЭТ БУНИН И ПРОЗАИК БУНИН
В РОМАНЕ НАБОКОВА «ПОДВИГ»^{*1}

1. «ПОД УДАРЫ В БУБЕН»

В декабре 1929 г., отправляя Бунину из Берлина в Париж экземпляр сборника «Возвращение Чорба: Рассказы и стихи», Набоков сделал надпись, которая будет преследовать его в течение многих десятилетий: «Великому мастеру от прилежного ученика»². 15 декабря 1930 г. соредактор «Современных записок» Илья Фондаминский в письме Ивану Бунину из Парижа сообщил о готовящейся публикации романа «Подвиг» в этом парижском журнале: «...с янв<арской> книжки большой роман Сирина: “Романтический век”»³. Отмечен роман «Подвиг», принятый к публикации «Современными записками», и в дневнике Веры Муромцевой-Буниной: «...в нем описан путь молодого человека по всей Европе: романтическое отношение к миру, к аэропланам и всякой технике. Остро. Конечно, автобиографично»⁴. «Подвиг» печатался в книгах 45–48 «Современных записок» в 1931–1932 гг. и в 1932 г. вышел отдельным изданием. По некоторым свидетельствам, Бунин высоко оценил четвертый роман Набокова. В письме Набокову от 1 мая 1969 г. Глеб Струве писал: «...я недавно читал одно письмо И.И. Фондаминского, в котором он писал, что Бунин называет Ваш роман (по-видимому, “Подвиг” — судя по хронологии) “первоклассным”» [Струве 2007].

* Copyright © 2021 by Maxim D. Shrayer

¹ Части этой работы прозвучали в лекции 12 октября 2020 г. в Доме русского зарубежья на международном форуме к 150-летию И.А. Бунина «Классик и современник».

Ранний вариант первой части частично опубликован: [Шраер 2019а, с. 82–96; 2019б; Shrayer 2019]. Автор благодарит Андрея Бабикова, Александра Долинина, Татьяну Марченко и Григория Утгофа за ценные замечания, высказанные на разных стадиях подготовки этой работы. Автор выражает отдельную благодарность Манфреду Шрубе. Особая благодарность — Марии Максимовой и ее коллегам из Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына за подготовку к печати рукописи этой статьи.

О романе «Подвиг» существует значительная критическая литература, среди которой выделим комментарий Александра Долинина и Григория Утгофа в [Набоков 1997, т. 3, с. 200; 714–742], а также исследования А. Долинина [Долинин 2020], П. Тамми [Tammi 1995], Л. Токер [Toker 1989], Г. Утгофа [Утгоф 1998; 1999; 2015; 2019; 2020], Э. Хейбер [Haber 1977]. См. также [Шраер 1999], в несколько расширенной форме — [Шраер 2000; Shrayer 2000].

² Фонд Набокова, Коллекция Берг, Нью-Йоркская публичная библиотека. Об этом подробнее см.: [Шраер 2019а, с. 81–82].

³ «Романтический век» — раннее название «Подвига». Цит. по: [Современные записки 2011, с. 830].

⁴ Русский архив в Лидсе (РАЛ), Архив Буниных, MS. 1067/403; подробнее см.: [Шраер 2019а, с. 82].

Именно в «Подвиге» «среди прочего изюма» (как Набоков заметит по другому поводу в послевоенном комментарии к пророческому стихотворению «Поэты», опубликованному в 1939 г. под именем выдуманного поэта Василия Шишкова [Набоков 1979, с. 319]) появляется мотив писательских фамилий на букву «Б». Фраза о писателях на «Б» вложена Набоковым в уста Сергея Бубнова, представителя среднего поколения эмигрантских литераторов и соперника Мартына Эдельвейса («Мартина» в англоязычном варианте; о природе их соперничества речь пойдет ниже):

Писатель Бубнов, — всегда с удовольствием отмечавший, сколь много выдающихся литературных имен двадцатого века начинается на букву «б», — был плотный, тридцатилетний, уже лысый мужчина с огромным лбом, глубокими глазницами и квадратным подбородком. Он курил трубку, — сильно вбирая щеки при каждой затяжке, — носил старый черный галстук бантиком и считал Мартына франтом и европейцем [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 200]⁵.

Комментаторы уже указывали на то, что Набоков, вероятно, откликается на мотив, введенный в обиход Мариной Цветаевой в эссе «Герой труда. Записи о В.Я. Брюсове» (1925): «Обращено ли, кстати, внимание хотя бы одним критиком на упорное главенство буквы Б в поколении так называемых символистов? — Бальмонт, Брюсов, Белый, Блок, Балтрушайтис»⁶. Эссе Цветаевой было опубликовано в 1925 г. в пражском журнале «Воля России». В середине 1930-х гг., работая над первой главой романа «Дар» (1937–1938; полное изд. 1952), Набоков вернется к мотиву буквы «Б». В первом воображаемом разговоре главного героя Годунова-Чердынцева с поэтом Кончеевым цветаевский список вынесен за пределы русского символизма и полемически откорректирован: «Мое тогдашнее <т. е. юношеское> сознание воспринимало восхищенно, благодарно, полностью, без критических затей, всех пятерых, начинающих на “Б”, — пять чувств новой русской поэзии» [Набоков 1997–2000, т. 4, с. 258]. Есть основания думать, что в уточненном списке Набокова/Годунова-Чердынцева вместо Балтрушайтиса значится именно Бунин⁷. Возвращаясь к тексту и контекстам «Подвига», заметим, что, в отличие от разговора Годунова-Чердынцева с Кончеевым (и эссе Цветаевой о Брюсове), в «Подвиге» Бубнов не ограничивает «выдающиеся имена» поэзией. Сам Бубнов в романе заявлен и представлен именно как прозаик, а не как поэт. О поэтических предпочтениях Бубнова, который «не знал ни одного языка, кроме русского», можно догадываться по следующему описанию литературного суаре:

У Бубнова бывали писатели, журналисты, прыщеватые молодые поэты, — все это были люди, по мнению Бубнова, среднего таланта, и он праведно царил среди них, выслушивал, прикрыв ладонью глаза, очередное стихо-

⁵ Филд проводит параллель между «bow-tie» (бабочкой) Ивана Лукаша и бабочкой Бубнова в романе, см.: [Field 1977, p. 164].

⁶ См. комментарии А. Долинина и Г. Утгофа в [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 734]. См. текст Цветаевой: http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_geroj_truda (дата обращения: 13.11.2020).

⁷ См. комментарии А. Долинина в [Набоков 1997–2000, т. 4, с. 660]. См. также статью С. Карлинского [Karlinsky 1995].

творение о тоске по родине или о Петербурге (с неизменным присутствием Медного Всадника) и затем говорил, тиская бритый подбородок: «Да, хорошо»; и повторял, уставившись бледно-карими, немного собачьими, глазами в одну точку: «Хорошо», с менее убедительным оттенком; и, снова переменив направление взгляда, говорил: «Не плохо»; а затем: «Только, знаете, слишком у вас Петербург портативный»; и постепенно снижая суждение, доходил до того, что глухо, со вздохом, бормотал: «Все это не то, все это не нужно», и удрученно мотал головой, и вдруг, с блеском, с восторгом, разрешался стихом из Пушкина, — и, когда однажды молодой поэт, обидевшись, возразил: «То Пушкин, а это я», — Бубнов подумал и сказал: «А все-таки у вас хуже» [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 201].

Критиков давно занимает вопрос об источниках образа Бубнова. Сам Набоков, «режиссируя ход работы над книгой <...> Nabokov: His Life in Part (1977)» (выражение Григория Утгофа, см.: [Утгоф 2020, с. 652]), сообщил своему первому биографу, Эндрю Филду (Andrew Field), что портрет Бубнова указывает на писателя Ивана Лукаша (1892–1940), с которым Набоков был особенно близок в Берлине в первой половине 1920-х гг. (и которому в то время было за тридцать лет). По словам Филда: «Nabokov thinks that he may have put something of Lukash into *Glory*. There would seem to be a fair bit of Lukash in the character of Bubnov in the novel» («Набоков полагает, что он мог взять что-то от Лукаша для “Подвига”. Пожалуй, в характере Бубнова в романе есть немало от Лукаша»)⁸. Увы, многие набоковеды до сих пор с излишним недоверием относятся к трудам Филда. Кроме того, как уже отмечалось, в «Подвиге» Бубнов играет роль наставника молодых берлинских поэтов, и эта роль довольно точно соответствует месту, которое сам сочинитель «Подвига» занимал в 1920-х гг. в среде молодых русских поэтов в Берлине. Обратимся к свидетельству Евгении Каннак:

Владимир Набоков — тогда еще Сири́н — высокий, худой, стремительный — появлялся в кружке довольно часто, охотно читал нам свои стихи и любил поспорить о поэзии. Хотя он был тогда еще очень молод и напечатанных произведений за ним числилось немного <...> его блестящий, оригинальный дар, стилистическое богатство и своеобразие и авторитетный тон сразу создали ему в кружке особое положение: он считался «мэтром»⁹.

Согласно афористичной формулировке Александра Долинина, «Бубнов — это составной портрет двух друзей-прозаиков, Лукаша и самого Набокова»¹⁰.

Елена Толстая выдвинула гипотезу о том, что за образом Бубнова стоит Алексей Толстой (1882–1945), который переехал из Парижа в Берлин в конце 1921 г.,

⁸ См.: [Field 1977, p. 164; 1986, p. 124–125]. Здесь и далее дословные переводы с английского автора настоящей статьи.

⁹ См. комментарии Долинина и Утгофа в [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 734], см. также: [Каннак 1981, с. 364]. В другой публикации свидетельств Евгении Каннак о Набокове (впервые в газете «Русская мысль» 29 декабря 1977 г.) говорится: «В. Набоков и В. Корвин-Пиотровский у нас считались “мэтрами”; их авторитет признавали» [Каннак 2012]. См. также: [Струве 1992, с. 183; Долинин 1999].

¹⁰ Из электронного сообщения А. Долинина М. Шраеру 30 июля 2018 г.

не выдержав литературной конкуренции с Буниным. Согласно Е.Д. Толстой в образе Бубнова прочитывается не только внешний портрет, но и публичное поведение А.Н. Толстого в 1922–1923 гг. Как подметила Толстая, в «глубинной структуре “Подвига” возвращение Мартына контрастно сопоставлено с возвращением в Россию не Бубнова, а его прототипа» — т. е. с возвращением Алексея Толстого в СССР в 1923 г. Размышляя о месте А. Толстого в становлении Набокова, Е. Толстая предлагает «задаться вопросом о возможном ученичестве юного автора также у Алексея Толстого. <...> Путь, проложенный Толстым, — <...> путь, альтернативный бунинскому, возможно, привлекал Набокова своей дерзкой современностью»¹¹.

Примем во внимание подкрепленные словами Набокова размышления Эндрю Филда об Иване Лукаше как источнике образа Бубнова. Учтем также подтвержденные свидетельствами современников комментарии Александра Долинина об авторском присутствии Владимира Набокова в Бубнове, а также интересную гипотезу Елены Толстой об Алексее Толстом как прототипе Сергея Бубнова. Отметим, что в недавнем исследовании Григорий Утгоф показал, что в черновом варианте романа писатель сначала носил фамилию «Лагунов», а уже позднее был переименован в «Бубнова» [Утгоф 2020, с. 641–652]. Не станем игнорировать и тот факт, что до Набокова литературный персонаж с фамилией Бубнов — «Бубнов, каргузник, 45 лет» — появляется в пьесе Максима Горького «На дне» (1903), где подчеркивается связь этого персонажа с игрой в карты (бубны — одна из четырех мастей в картежной игре)¹².

Набоков — автор «Защиты Лужина» и «Подвига» (и будущий автор «Дара») — не был бы самим собой, если бы он наполнял садок своих романов и рассказов одноплановыми портретами современников. Вдыхая живую литературную жизнь в своих вымышленных персонажей, Набоков обыкновенно следовал небинарной или поливалентной модели использования источников. Доза Ивана Созонтовича

¹¹ См.: [Толстая 2017; Tolstaya 2018]. О Бубнове в связи с мотивом возвращения в Россию см. [Шраер 1999], в несколько расширенной форме — [Шраер 2000].

¹² Утгоф первым указал на возможные отголоски горьковской пьесы у Набокова (см.: [Утгоф 2020, с. 648–649]). Бунин приводит, со слов Леонида Андреева, историю возникновения окончательного названия пьесы «На дне»:

Заглавие пьесы «На дне» принадлежит Андрееву. У Горького заглавие было гораздо хуже: «На дне жизни». Однажды, выпивши, Андреев говорил мне, усмехаясь, как всегда в подобных случаях, гордо, весело и мрачно, ставя точки между короткими фразами твердо и настойчиво:

— Заглавие — все. Понимаешь? Публику надо бить в лоб и без промаху. Вот Горький написал «На дне». Показывает мне. Вижу: «На дне жизни». Глупо, говорю. Плоско. Пиши просто: «На дне». И все. Понимаешь? Спас человека. Заглавие штука тонкая. Что было бы, например, если бы я вместо «Жизнь человека» брякнул: «Человеческая жизнь»? Ерунда была бы. Пошлость. А я написал: «Жизнь человека». Что, не правду я говорю? Я люблю, когда ты мне говоришь, что я хитрый на голову. Конечно, хитрый. А вот что ты похвалил мою самую элементарную вещь, «Дни нашей жизни», никогда тебе не прощу. Почему похвалил? Хотел унижить мои прочие вещи. Но и тут: плохо разве придумано заглавие? На пять с плюсом (цит. по: [Публицистика 2017, с. 513–514]).

Наконец, можно предположить, что Набоков знал о важных исторических персонах, носивших фамилию Бубнов, среди которых историк и филолог Николай Бубнов (1858–1943), корабельный инженер и математик Иван Бубнов (1872–1919), советский политический деятель Андрей Бубнов (1884–1938) и другие.

Лукаша, самого Набокова или даже Алексея Николаевича Толстого в Бубнове не может исключать — и не исключает — возможности того, что в этом же образе скрыта, закодирована критика в адрес Ивана Алексеевича Бунина. Именно на рубеже 1920–30-х гг. Набоков разрабатывает метод усложнения и затуманивания источников путем скрещивания или спаривания черт портрета, характера или существенных аспектов творчества разных литературных прототипов. Уже начиная с середины 1920-х гг. литературные кентавры, василиски, грифоны, мантикоры и химеры становятся чертой творческого метода Набокова, и этот подход достигает своего первого апогея в романе «Дар». (К примеру, Джон Малмстад (Malmstad) заметил, что Христофор Мортус в «Даре» — это одновременно Зинаида Гиппиус и Георгий Адамович, а Александр Долинин добавил, что в Мортусе заметна еще и примесь Николая Оцупа; см.: [Малмстад 1996, с. 286; Долинин 1996, с. 173–180].)

В «Подвиге» на Бунина намекает фамилия писателя Бубнова, причем намек этот — не просто анаграмматический звон (б — у — н). Фамилии «Бубнов» и «Бунин» окружены близкими этимологическими пространствами, связанными прежде всего с корнем -бубен- (от праславянского *bъbьпъ, восходящего к праиндоевропейскому *bamb-) и корнем -бубн- (от праславянского *bъbьniti, в свою очередь связанного с праславянским *bъbьпъ и т. д.). Как происхождение этих славянских корней, так и словообразование их производных в русском языке (с одной стороны, «бубен», «бубенец», с другой — «бубнить», «бубнила» и т. д.) связано с приемами звукоподражания. Происхождение фамилии «Бунин» связывают или с возможным предком по имени «Буня», или же напрямую с диалектизмом «бунить» (гудеть; мычать; говорить невнятно)¹³. Если бы Набоков выбрал для своего персонажа фамилию «Бубнин», а не «Бубнов», то звуковой и этимологической намеки на Бунина были бы чересчур лобовыми, слишком узнаваемыми, — и потеряли бы свое изящество. При этом к узнаванию аспектов личности и творчества Бунина в писателе Бубнове подталкивает читателя и сам (изначально цветаевский) мотив буквы «Б» в современной русской литературе, в «Подвиге» расширенный, чтобы вместить прозаика Бубнова, а в «Даре» вновь суженный и доведенный до блеска. Если фикциональный Бубнов задумывается о «пят<и> чувств<ах> новой русской поэзии», то именно в качестве проекции Бунина (и его ученика Набокова), а не ожившего портрета Ивана Лукаша или даже отражения Алексея Толстого в зеркале романа.

Вспомним, что ко времени написания «Подвига» Набоков уже почти десятилетие состоял в переписке с Буниным, но все еще ни разу не виделся с ним. (Их первые встречи произойдут только в конце 1933 г. в Берлине¹⁴.) О внешности, одежде, характере, а особенно о речевых манерах Бунина Набоков мог судить

¹³ См.: Бубен <https://ru.wiktionary.org/wiki/бубен> (дата обращения: 15.02.2019); Бубнить <https://ru.wiktionary.org/wiki/бубнить> (дата обращения: 15.02.2019); Бунин http://names.neolove.ru/last_names/1/bu/bunin.html и <https://www.analizfamilii.ru/Bunin/proishozhdenie.html> (дата обращения: 13.11.2020). Вслед за Б.О. Унбегауном и Н.А. Баскаковым Григорий Утгоф подчеркивает связь фамилии Бунин с именем/прозвищем «Буня» и его значениями, см.: [Утгоф 2020, с. 644]. О происхождении фамилии «Бубнов» см.: <https://www.analizfamilii.ru/Bubnov/proishozhdenie.html> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁴ Об этом см.: [Шраер 2019, с. 125–130].

лишь по портретам, фотографиям и со слов своих родных (прежде всего отца), знакомых и литературных коллег. (О некоторых деталях портретов и фотографий Бунина речь пойдет ниже.) Позднее, в период встреч с Буниным в Париже в 1936–1937 гг., сам Набоков, быть может утрируя, отметит манеру Бунина «говорить в нос», причем эта характеристика сопровождает описания не только самого Бунина (в письме жене от 30 января 1936 г.: «явился в нос говорящий Бунин» [Шраер 2019, с. 95–96]), но и портреты сделанных под Бунина литературных персонажей (Известный Писатель в пьесе «Событие» 1938 г. «стар, львист, говорит слегка в нос, медленно и веско»; см.: [Бабилов 2008, с. 393]). Даже если портрет Бубнова мог быть списан Набоковым с натуры — с Ивана Лукаша, с Алексея Толстого 1922–1923 гг. и, наконец, с самого себя, то смысловые оттенки этой «бьющей в бубен» и «бубнящей» фамилии, пожалуй, более всего наводят на мысль о Буinine. Кстати сказать, в пассаже, где описываются литературные суаре у Бубнова, на важность звуковой и речевой артикуляции указывает глагол «бормотать» («to mutter» в английской версии) [Nabokov 1971, p. 140–141].

В тексте «Подвига» обыгрываются оба семантических ареала: «чей-то бубнящий голос» (в главе 6-й) и «густой звон бубенцов» (в главе 19-й). «Звон бубенцов» в тексте «Подвига» отсылает к стихотворению Бунина «Караван» (1908), строку из которого Набоков процитировал в рецензии на «Избранные стихотворения» Бунина: «Звон бубенцов подобен роднику» [Бунин 1965–1967, т. 1, с. 304; Набоков 1997–2000, т. 2, с. 674]. «Звон бубенцов» внедрен Набоковым именно в цитатной форме в 19-ю главу «Подвига»:

Софья Дмитриевна <мать главного героя романа Мартына> этот конверт сохранила вместе с письмами. Она складывала их в пачку, когда кончался биместр, и обвязывала накрест ленточкой. Спустя несколько лет ей довелось их перечесть. Первый биместр был сравнительно богат письмами. Вот Мартын приехал в Кембридж, вот — первое упоминание о Дарвине, Вадиме, Арчибальде Муне, вот — письмо от девятого ноября, дня его именин: «В этот день, — писал Мартын, — гусь ступает на лед, а лиса меняет нору». А вот и письмо с вычеркнутой, но четкой строкой: «Письмо принесет почтальон», — и Софья Дмитриевна пронзительно вспомнила, как, бывало, она с Генрихом идет по искрящейся дороге, между елок, отягощенных пирогами снега, и вдруг — густой звон бубенцов, почтовые сани, письмо, — и поспешно снимаешь перчатки, чтобы вскрыть конверт [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 151].

Меняющая нору лиса — это, пожалуй, не только дань «Месяцеслову» Даля (о чем писали комментаторы романа¹⁵), но и цитатный, диалогичный жест в сторону знаменитого стихотворения Бунина об эмиграции «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...» (1922).

Уже в конце бубновского эпизода «Подвига» именно на оноματοпоэтические свойства фамилии «Бубнов» указывает персонаж по имени Данилевский, говорящий Мартыну о любовных страданиях Бубнова: «А на днях, бу, а на днях, бу, Сережа Бубнов, буй, буй, — неистовствовал, бил посуду, у него запой, любовное

¹⁵ См. комментарий Долинина и Утгофа к «Подвику» в [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 728].

несчастье, нехорошо, — а ведь это же жениховством папахло» [Там же, с. 240]¹⁶. В английском переводе, выполненном Дмитрием Набоковым совместно с отцом, сохранено «бубнение», к которому добавлено еще устрашающее звучание английского «boo», денотирующего испуг, неодобрение, презрение: «And a few days ago, boo, a few days ago, boo, Sergey Bubnov, right here, smashed dishes, he's drinking heavily, disappointment in love, engagement babaroken» [Nabokov 1971, p. 194]. Вспомним, что глагол «бубнить» может означать «говорить быстро, неразборчиво или монотонно»; «бормотать»; «гундосить». Ко времени работы над «Подвигом» Набоков перечитал стихи Бунина, готовясь к написанию рецензии на его «Избранные стихи» (1929), и прочитал журнальный вариант «Жизни Арсеньева», который он также рецензировал. Набоков был хорошо знаком с дореволюционной прозой Бунина. Вот несколько примеров употребления Буниным-прозаиком форм существительного «бубен» и глагола «бубнить». В рассказе «Учитель» (1894) фигурирует «<г>орький пьяница, рабочий с завода, Бубен, огромный худой мужик, с лошадиным лицом, с растрепанными пьяными губами...» [Бунин 1965–1967, т. 2, с. 89]. В повести «Деревня» (1909–1910) встречается такой диалог: «Ай язык-то корова отжевала? — сипло крикнул Тихон Ильич, слезая с постели. — Что под нос-то бубнишь?» [Там же, т. 3, с. 43]. И наконец, в предвоенном рассказе «Чаша жизни» (1913), давшем название сборнику рассказов и стихотворений Бунина, до революции дважды издававшемуся в Москве и переизданному в Париже в 1921 г., появляется «серб с бубном и обезьяной»:

Однажды, когда появился на ней серб с *бубном* и обезьяной, несметное количество народа высыпало за калитки. У серба было сизое рябое лицо, синеватые белки диких глаз, серебряная серьга в ухе, пестрый платочек на тонкой шее, рваное пальто с чужого плеча и женские башмаки на худых ногах, те ужасные башмаки, что даже в Стрелецке валяются на пустырях. Стуча в *бубен*, он тоскливо-страстно пел то, что поют все они спокон веку, — о родине.

Синее море, белый пароход...

А спутница его, обезьяна, была довольно велика и страшна, старик и вместе с тем младенец, зверь с человеческими печальными глазами, глубоко запавшими под вогнутым лобиком, под высоко поднятыми облезлыми бровями. Только до половины прикрывала ее шерсть, густая, остистая, похожая на енотовую накидку. А ниже все было голо, и потому носила обезьяна ситцевые в розовых полосках подштанники, из которых смешно торчали маленькие черные ножки и тугой голый хвост. Она, тоже думая что-то свое, чуждое Стрелец-

¹⁶ Александр Долинин [Долинин 2004, с. 345] указал на возможный подтекст пассажа, в котором Бубнов говорит о имени Сони: «Ее имя как купол, как свист голубиных крыльев, я вижу свет в ее имени, особый свет, “кана-инум” старых хадирских мудрецов, — свет оттуда, с Востока...» [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 201]. Согласно Долинину здесь «скрытая цитата» из описания храма в «Тени птицы» Бунина: «Шестьдесят окон пробили купол, и никогда мне не забыть радостного солнечного света, который столпами озаряет из этой опрокинутой чаши всю середину храма! И светлая безмятежная тишина, чуждая всему миру, царит кругом, — тишина, нарушаемая только плеском и свистом голубиных крыльев в куполе...» [Бунин 1965–1967, т. 3, с. 327]. К наблюдению Долинина можно добавить, что слова Бубнова в целом указывают на тему Ближнего Востока и Палестины в жизни и творчестве Бунина.

ку, привычно скакала, подкидывала зад под песни, под удары в *бубен*, а сама все хватала с тротуара камешки, пристально, морщась, разглядывала их, быстро нюхала и отшвыривала прочь (курсив мой. — *М.Ш.*; [Там же, т. 4, с. 207].

Позднее Бунин внедряет «бубен» в одну из ключевых сцен рассказа:

Раз, когда примеряли это платье, донеслось в открытое окно глухое громыхание *бубна*, заунывное пение, потом шум, крики. И модистка, и Александра Васильевна, в кофте с одним рукавом, выскочили на крыльцо: по улице бежал народ, а возле калитки о. Кира шумела толпа, и лохматый сапожник бил *бубном* по голове кричавшего серба, опять появившегося в Стрелецке... И Александра Васильевна горько заплакала: боже мой, как, значит, ослабел о. Кир! (курсив мой. — *М.Ш.*; [Там же, с. 218]).

У серба из «Чаша жизни» есть стихотворный предшественник — хорват с шарманкой и обезьянкой из стихотворения Бунина «С обезьяной» (1909):

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредёт худой согнувшийся хорват

По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад [Там же, т. 1, с. 296].

В опубликованном нами ранее письме Бунину от 18 мая 1929 г. Набоков восхищался этим стихотворением и сожалел о том, что оно не вошло в рецензируемый им том «Избранных стихов»¹⁷.

Помня о внимательном прочтывании — и перечитывании — молодым Набоковым стихов Бунина, можно предположить, что фамилия «Бубнов» и сам онома-топозитический повтор «бэ-бэ-бэ» наводит читателя на мысль о некоторых поэтических привычках Бунина, уходящих корнями в русскую поэтическую культуру середины XIX в. Ниже в хронологическом порядке приводятся несколько примеров употребления Буниным усеченной частицы «б» сослагательного наклонения.

Разумеется, здесь речь не может идти о систематическом, сравнительном или частотном анализе употребления частицы «б» в русской поэзии. Наше предположение связано в целом с тем, что Набоков считал себя последователем поэтической музыки Бунина и, в частности, с тем, что к моменту написания «Подвига» Набоков внимательно перечитал и проанализировал поэтический корпус Бунина и особенно хорошо знал его стихи¹⁸. Примеры намеренно взяты не только из сти-

¹⁷ См.: [Шраер 2019, с. 55–56]. О трансформациях обезьяньего мотива у Бунина, Ходасевича и Набокова см.: [Жолковский 2019]. Всеобъемлющий комментарий к обезьяньим мотивам у Бунина можно прочитать в книге Всеволода Зельченко [Зельченко 2019, с. 17–25, 32–40 и passim].

¹⁸ Обращение к поэтическому корпусу в пределах Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>, дата обращения: 07.02.2021) показывает, что употребление усеченной частицы «б» начинает плавно падать в 1880-х и продолжает падать до 1920-х гг. Употребление Буниным частицы «б» вовсе не является исключительной чертой его поэзии. Я благодарен Татьяне Марченко за указание на то, что у самого Набокова есть примеры употребления частицы «б» («Острова», 1928; «От счастья влюбленному не спится...», 1928). Оба этих стихотворения написаны как раз в период глубокого взаимодействия Набокова с поэтическим наследием Бунина.

хотворений, вошедших в «Избранные стихи» (1929) Бунина. Прежде всего известное стихотворение 1894 г.:

* * *

Если б только можно было
Одного себя любить,
Если б прошлое забыть, —
Всё, что ты уже забыла,

Не смущал бы, не страшил
Вечный сумрак вечной ночи:
Утомившиеся очи

Я бы с радостью закрыл! (1894; [Бунин 1965–1967, т. 1, с. 94]).

А вот отдельные строки из стихотворений, созданных до и уже после эмиграции: «Если б вы и сошлись, если б вы и смирились, — / Уж не той она будет, не той!» («Если б вы и сошлись...» (1902); «Я вся дрожу. Но только б не измять / Зеленых лент! Ведь солнце будет снова» («Северная береза», 1903); «Я б из винтовки без пощады / Пробил его широкий лоб» («Сапсан», 1905); «Будь огонь в светце — я б погрелась, / Будь дрова в печи — похлебала б щец...» («Баба-Яга», 1906–1908; позднее переделанный вариант «Русская сказка», 1921); «...Если б, друг мой, было в нашей воле / Эту ночь вернуть!» («Тихой ночью поздний месяц вышел...», 1916); «Милый внучек, рада б, да не в силах: / Зелья те цветут не по лесам, / А в сырых могилах» («Дай мне, бабка, зелий приворотных...», 1920).

Некоторые из вышеприведенных примеров только подчеркивают поэтические привычки Бунина — стилизатора разговорной и народной речи. Другие так и просятся в руки пародиста («ябысрадостью»; «ябизвинтовки»). В тексте хвалебной рецензии Набокова на «Избранные стихи» Бунина, опубликованной в газете «Руль» 22 мая 1929 г., проступает полемический подтекст, который можно не заметить или сбросить с чаши весов:

Легко громить стихотворца, легко выуживать из его виршей смешные ошибки, чудовищные ударенья, дурные рифмы. <...> И еще есть трудности: музыка и мысль в бунинских стихах настолько сливаются в одно, что невозможно говорить отдельно о теме и о ритме. Пьянеешь от этих стихов, и жаль нарушить очарование пустым восклицанием восторга [Набоков 1997–2000, т. 2, с. 672–673].

Если на время забыть о внешности, портрете и повадках Бубнова, если перевести «биение в бубен» и «бубнение» на критический метаязык, то плоды скрещивания Лукаша с Набоковым, а возможно, и с Алексеем Толстым и приживления этих черенков на бунинский ствол наполняются особым набоковским остроумием. Если для Лукаша, самого Набокова и прежде всего А. Толстого характерно жанровое и формальное разнообразие, то проза Бунина, напротив, отличается прекрасным однообразием своего структурно-стилистического совершенства (психологические или любовные рассказы, новеллы и повести и один незавершенный автобиографический роман). Бунина-поэта до сих пор (и уж точно в 1920-х гг.) читатели знают главным образом именно как мастера «биения в бубен» — т. е. мастера од-

ной формы или интонации. (Последнее, кстати, досадно потому, что бунинские ближневосточные и библейские стихи особенно неповторимы.)

2. «СТАРЫЙ ЧЕРНЫЙ ГАЛСТУК БАНТИКОМ»

Задумаемся еще раз — о статусе прозы Бубнова и нарративной функции прозаика Бубнова в романе «Подвиг». Словно охотничья собака, Мартын берет след Бубнова вскоре после переезда в Берлин, где обосновались Соня Зиланова и ее семейство. Этот след — одновременно ложный и истинный, в зависимости от интерпретации всего «Подвига», и в особенности вопроса о художественной одаренности Мартына и его загадочного исчезновения в конце романа. Набоковский повествователь сообщает:

Через Зилановых Мартын узнал людей, среди которых сначала почувствовал себя невеждой и чужаком. <...> И теперь, когда на квартире у писателя Бубнова большими волнами шел разговор, полный имен, и Соня, все знавшая, смотрела искоса на него с насмешливым сожалением, Мартын краснел, терялся, собирался пустить свое утлое словцо на волны чужих речей <...> [Там же, т. 3, с. 200].

Вступление Мартына в круг Бубнова отмечено, с одной стороны, прелестной набоковской неопределенностью и недосказанностью, а с другой — роковой предопределенностью и расстановкой ударений.

Само присутствие Мартына в этом (пара)литературном обществе («писатели, журналисты и молодые прыщавые поэты») вызывает некоторое удивление, поскольку он не литератор. Один «острослов» даже дает Мартыну пропитанное гендерным сдвигом прозвище «наша мадам де Севиньи» (в честь эпистолярной писательницы, маркизы), поскольку он, «кроме писем матери, ничего не писал» — что, кстати сказать, неверно даже в самом узком смысле сочинительства. В то же время с Мартыном — в отличие от берлинских литераторов своего круга — «Бубнов дружил искренно и безбоязненно» [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 201].

Безбоязненной, может быть, но вот искренней дружбу Бубнова не назовешь, несмотря на то что он в подпитии откровенничает с Мартыном о своей любви к Со-не. Более того, почти маниакальная фиксация Мартына на Бубнове не может быть объяснена только ревностью и любовными страданиями набоковского романтического героя. Есть между ними и другая связь, одновременно литературная и металитературная. Общаясь с Бубновым, Мартын наблюдает распад литературного любовного треугольника (Бубнов — Соня — Мартын), на традиционность которого указывает и сам беллетрист Бубнов: «Да, это пошло, сладко, отвратительно, фу... презирай меня, пускай я бездарь, но я ее люблю» [Там же]. В то же время под влиянием Бубнова Мартын становится творцом и соавтором совершенно нетрадиционного литературного произведения (внедренного в роман по обретаемой Набоковым в поздних 1920-х — ранних 1930-х гг. модели «текста внутри текста»¹⁹).

¹⁹ См. ставшие классическими в набоковедении работы Сергея Давыдова [Давыдов 1982] и Дональда Бартона Джонсона [Barton Johnson 1985].

Этот внедренный в роман текст получает название «Зоорландия» и даже обретает публичное печатное существование — пусть не самым легитимным способом, — о чем еще пойдет речь ниже.

В предисловии к английскому переводу романа Набоков продолжает сбивать с толку многих своих читателей: «among the many gifts I showered on Martin, I was careful not to include talent» («в изобилие тех многих талантов, которыми я наделил Мартына, я намеренно не включил художественный дар»)²⁰. В причинно-следственной логике «Подвига» существенен тот факт, что именно под влиянием «литературных бесед с Бубновым» [Там же, с. 203] — «литературных» во всей полноте этого слова — Мартын обретает новое качество, становится реальным соперником Бубнова не только в любви, но и в сочинительстве (об этом см.: [Шраер 2000, с. 120–125]). Мартын поражает воображение Сони Зилановой импровизацией: «Гораций шел на Марсово поле, тщедушный, но с брюшком, лысый и ушастый, в неряшливой тоге, и слушал нежный шепот бесед под портиками, прелестный смех в темных углах» [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 203]. В отношениях между Мартыном и его Прекрасной Дамой меняется градус интимности. Вскоре после этого «началась между ними по случайному поводу серия особенных разговоров» [Там же, с. 205]. Результатом этих «особенных разговоров» становится создание «текстового пространства, где законы здравого смысла перестают действовать и где царит фантазия» [Шраер 2000, с. 119]. Зоорландия, сочиняемая Мартыном и Соней в период их наибольшей близости, становится не только утопическим / антиутопическим текстом, но пространством чистого искусства, где торжествуют творческая свобода и воображение, не обремененное литературными долгами и спорами.

Берлинские главы романа намеренно разделены на две части — до и после текстуализации и обнародования «Зоорландии». Мартын оказывается в любовном и литературном тупике: «А затем Мартыну стало казаться, что не только Соня, но и все общие знакомые как-то его сторонятся, что никому он не нужен и никем не любим. Он заходил к Бубнову, и тот смотрел на него странным взглядом, просил извинения и продолжал писать» [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 209]. Решив «развязаться с Берлином», Мартын отправляется в «экспедицию» на юг Франции, где получает от Сони решительное письмо-отказ. Уже на обратном пути, на швейцарской границе, он покупает свежий номер вымышленной эмигрантской газеты «Зарубежное слово»²¹, в котором обнаруживает «фельетон» С. Бубнова под заголовком «Зоорландия»:

Это оказался короткий, чудесным языком написанный рассказ «с налетом фантастики», как выражаются критики, и в нем Мартын со смущением и ужасом узнал (словно произошла страшная непристойность) многое из того, о чем он говорил с Соней, — но все это было странно освещено чужим, бубновским, воображением. «Какая она все-таки предательница», — подумал Мартын [Там же, с. 219].

²⁰ Мой дословный перевод из [Nabokov 1971, p. XIII].

²¹ О вымышленных и реальных газетах в романе Набокова см.: [Утгоф 2020, с. 648–652].

«Предательство» Сони здесь не только и не столько любовное, сколько литературное; она становится источником устных рассказов, из которых Бубнов тклет свою прозу. Участие Бубнова в создании опубликованного текста (а не устного эпоса) «Зоорландии» можно расценить как публикаторство (в романтическо-иронической традиции «Повестей Белкина» или дневника Печорина), как своего рода литературное сотрудничество (в нарушение этики соавторства) или как литературную кражу. Мартын колеблется в оценке произошедшего, вместе с ним колеблется и читатель романа. Набоковский рассказчик продолжает преломлять через сознание Мартына и сообщать читателю противоречивые оценки прозы Бубнова. На вокзале по пути в Ригу, «в последнем номере “Зарубежного дела”, которое читал, пока ел (заметим след каламбура *пока ел/покаял* и генеалогическую отсылку к «я иду по ковру, ты идешь, пока врешь» из «Ионыча». — М.Ш.), <Мартын> нашел между прочим ехиднейшую критику на бубновскую “Каравеллу”» [Там же, с. 213]. Вкупе с «налетом фантастики» в предыдущем «фельетоне» Бубнова само название «Каравелла», пожалуй, приглашает читателя задуматься не только о гумилевских «Колумбовых каравеллах» (из «Открытия Америки», 1910) и «отзвуке Гумилева в “Подвиге”²²», но об Александре Грине, важном источнике вдохновения молодого Набокова²³.

Уже после возвращения в Берлин Мартын узнает от художника Данилевского, что Соня отказала Бубнову (ранее фраза «а ведь это же жениховством папахло» рассматривалась в связи с приемом бубнения и слогоповторения) и что у Бубнова запой. Даже теперь Мартына тянет увидеться с Бубновым. Набоковский рассказчик характеризует этот магнетизм как «дурное любопытство» — почти дурную бесконечность [Там же, с. 241–242]. Мартын застаёт Бубнова «в постели, в черных штанах, в открытой сорочке, лицо у него было опухшее и небритое, с багровыми веками <...>. Он не был пьян, однако трезвым его тоже нельзя было назвать» [Там же, с. 241]. Слушая жалобы и излияния Бубнова, Мартын испытывает желание сказать писателю, что «его рассказ о Зоорландии — неудачный, фальшивый, никуда не годный рассказ» [Там же]. Заметим в скобках, что набоковский рассказчик опять себе противоречит — ранее в романе дается высокая оценка «фельетона» Бубнова. Мартын не высказывает Бубнову своих претензий отчасти потому, что жалеет писателя, который сам переводит разговор в иное русло, заговорив о «сердечной своей беде», т. е. о Соне.

Последняя значимая деталь, дополняющая историю любовного (и литературного) соперничества Мартына и Бубнова, появляется в той же короткой 39-й главе русского текста романа (в английской нумерация сдвинута): «Через несколько дней (уже в Латвии) Мартын нашел в русской газете новую бубновскую “новеллу”, на сей раз превосходную, и там у героя-немца был Мартынов галстук, бледно-серый в розовую полоску (в английской версии: «the tie Martin had on that day, pale

²² Выражение А. Зверева [Зверев 2004]. См. комментарий А. Долинина и Г. Утгофа в [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 734].

²³ См. новаторское исследование Маргариты Тадевосян Ордуханян [Tadevosyan 2005] и недавнее исследование Елены Толстой [Толстая 2020]. «Гриновость» «Каравеллы» Бубнова в «Подвиге» еще, кажется, не отмечалась комментаторами романа.

gray with pink stripes» [Nabokov 1991, p. 195]. — *М.Ш.*), который Бубнов, казавшийся столь поглощенным горем, украл, как очень ловкий вор, одной рукой вынимающий у человека часы, пока другой вытирает слезы» [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 242].

Этот «Мартынов галстук» в тексте наделен многослойным смыслом. В прозе Набокова метрическая маркированность подчеркивает особую значимость, семантическую нагруженность предложения, фразы, детали (об этом см.: [Shraye 1998, p. 134–161]). Несколько гуттаперчевая фраза «был Мартынов галстук, бледно-серый» — строка пятистопного хоря с женской клаузулой (ср. известное стихотворение Блока «Май жестокий с бледными ночами...» (1908); о версификации этого стихотворения см.: [Шраер 1994, с. 363–384]). Частичная метрическая маркированность сохранилась и в английском переводе. Вспомним, что в первом описании Бубнова набоковский рассказчик отмечает, что писатель «носил старый черный галстук бантиком и считал Мартына франтом и европейцем» («старый черный галстук бантиком» — строка четырехстопного хоря с дактилической клаузулой, ср. «Ваши пальцы пахнут ладаном...» (1916) Александра Вертинского; в английской версии тоже частично сохранена метрическая маркированность: «wore an old black bow tie, and considered Martin a fop and a foreigner» [Nabokov 1991, p. 140]). Старомодному по тогдашним меркам галстуку-банту Бубнова противопоставлен кажущийся Бубнову в 1920-х гг. модным (но ставший в наше время обыкновенным) галстук-самовяз Мартына. При этом вряд ли Бубнов знает, что расцветка и стиль галстука связаны с учебой Мартына в Англии, в Кембридже.

В английской версии романа в описании галстука (в скобках) появляется дополнительная деталь, которая отмечает галстук как будто бы носимый членами Кембриджского университетского спортивного клуба или сообщества: «...the protagonist, a young German, wore the tie Martin had on that day, pale gray with pink stripes (the treasured relic of a Cambridge club)...». Действительно, в следующей главе английской версии Дарвин, друг и бывший кембриджский однокашник Мартына, узнает галстук, быть может, тот самый, ранее замеченный и «украденный» Бубновым. В русском тексте романа Дарвин говорит Мартыну: «“Ну-с, — сказал он, повалившись на диван и сразу вытянув ноги, — какие новости?”» [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 243], а вот в английском тексте Дарвин идентифицирует галстук: «Well, he asked dropping onto the couch and immediately stretching out his legs, ‘what’s new? I see you still wear the C.C.C. tie»²⁴. Можно предположить, что «C.C.C.» — это Corpus Christi College (Колледж тела Христова) в Кембриджском университете. На традиционном галстуке этого колледжа — вишневые полоски наискосок по белому фону, который легко можно принять за «бледно-серый»²⁵. Сам Владимир Набоков учился в Тринити-колледже, на традиционном галстуке которого — красные и желтые полосы наискосок по темно-синему фону²⁶. Брат Набокова Сергей после

²⁴ См.: [Nabokov 1991, p. 195, 197]. Я очень благодарен Григорию Утгофу, который изначально обратил мое внимание на обогащение связанных с галстуком деталей в английском тексте «Подвига».

²⁵ См.: https://www.ryderamies.co.uk/shop/corpus-christi-college-striped-tie/?fbclid=IwAR1s34tCkzyP-mY0t-ltLs0bSxUYBgqOXlkFaiMq0Wp_eh1k37taIm6Y8 (дата обращения: 14.01.2021).

²⁶ См.: <https://www.ryderamies.co.uk/shop/trinity-college-striped-tie/> (дата обращения: 15.01.2021). В романе «Взгляни на арлекинов!» Вадим Вадимыч носит «стары<й> <...> шар<ф> Тринити-колледжа» («old

семестра в Оксфорде перевелся в Кембридж и учился в Колледже Христа (Christ's College); на традиционном галстуке Christ's College — гербы этого колледжа по темно-синему фону²⁷.

Похоже, что, проецируя на Бубнова черты «великого мастера» Бунина и одновременно позиционируя Мартына как авторского представителя в романе, Набоков в который раз вводит читателя в заблуждение, подчеркивая дистанцию между собой и Мартыном. В набоковской манере усложнения и перекрестного опыления биографических и литературных деталей галстук Бубнова и галстук Мартына приобретают привилегированное значение.

Набоков, боготворивший Бунина в молодости и продолжавший пристально следить за его жизнью и творчеством, наверняка обратил внимание на значимость мотива галстука в бунинском мире. Похоже, галстуки были для Бунина-человека и Бунина-сочинителя привилегированной деталью, признаком стиля и характера. Вера Муромцева-Бунина позднее отметит галстуки на фотографиях молодого Бунина: «Одет в мягкую рубашку, галстук широкий, длинный; однобортный пиджак застегнут на все пуговицы» (около 1889); «в пиджаке, в крахмальной с отложным воротником рубашке, галстук маленький, черный» (1892); «крахмальные высокие с загнутыми углами воротнички, темный галстук бабочкой, темный двубортный пиджак» (1895); «Бунин снят с двумя суданскими неграми: один в низкой феске, другой в каком-то непонятном головном уборе, а сзади них, положив руки им на плечи, стоит он — в темном костюме, в мягкой белой рубашке с длинным галстуком, без шляпы» (1903) [Муромцева-Бунина 1958]. Отмечены разные бунинские галстуки — как «метины» внешности — и в свидетельствах, и воспоминаниях современников²⁸. «Были у меня романтические глаза, такие синие, мечтательные. И нежный пушок на щеках, так что меня иногда принимали за молодого еврея. Галстук носил я атласный, двойной, пушкинского времени», — записывает Андрей Седых слова Бунина, относящиеся к 1892–1893 гг. — полтавскому периоду его молодости [Седых 1979, с. 214]. «Одет просто, изысканно просто. Черный сюртук. Зеленый галстук», — вносит в дневник Борис Юрковский в ноябре 1915 г.²⁹ «Широкий узел шелкового галстука — темного, с лиловыми разводами рисунка

<...> Trinity College muffler»), который позднее описан в стихотворении Одаса («в полоску шарф» / «one striped scarf» [Nabokov 1990, p. 91; 177]; ср. [Набоков 2015б с. 101, 191] и комментарий А. Бабикова [Там же, с. 310]). Бабиков считает, что прототип шарфа в «Взгляни на арлекинов!» — полосатый трехцветный шарф самого Набокова, который можно увидеть на фотографии, сделанной в Ментоне в декабре 1937 г. Бабиков также связывает этот кембриджский шарф с известной сценой ужина с Буниным и «разматывания мумии» в мемуарах Набокова (об этой сцене см.: [Шпраер 2019, с. 141, 144]). По словам Бабикова, «шарф связан с темой измены и соперничества двух писателей, превосходства Вадима и соблазнения им красавицы жены второго». Из электронного сообщения А. Бабикова М. Шпраеру 18 января 2021 г.

²⁷ См.: <https://www.ryderamies.co.uk/shop/christs-college-crested-tie/> (дата обращения: 15.01.2021). О Серее Набокове см.: [Zimmer 2015/2017].

²⁸ «Метины» — слово из стихотворения Вадима Вадимыча в романе Набокова «Взгляни на арлекинов!»: «Naromináyu cho vlyublyónnost' / Ne yáv', chto métiny ne té» [Nabokov 1974, p. 25].

²⁹ Цит. по: Литературный мир торжественно отмечает 150-летие выдающегося писателя — первого русского лауреата Нобелевской премии // <https://dommuseum.ru/speczproektyi/ivan-alekseevich-bunin.-k-150-letiyu-pisatelya> (дата обращения: 14.01.2021).

“павлиний глаз” и даже, кажется, жемчужной булавкой», — вспоминает Валентин Катаев, познакомившийся с Буниным в Одессе в 1914 г. [Катаев 1967, с. 45].

В том, что на сохранившихся фотографиях и прижизненных портретах, в воспоминаниях и свидетельствах современников Бунин запечатлен в галстуках разных фасонов, от мягких бантов-ленточек до широких самовязов и строгих бабочек, нет ничего удивительного. Менялась мода, менялись жизненные обстоятельства, менялся внешний облик писателя. Другое дело, что в свидетельствах и воспоминаниях галстуки Бунина можно разделить на две группы, которые четко сопоставимы с сохранившимися фотографиями и портретами художников. Это галстуки то черные и незатейливые, то изысканные и отмеченные особенной расцветкой — как зеленый галстук с полосками на портрете Россинского и фотографиях 1915–1916 гг.³⁰ Любопытно, что некоторые свидетели указывают на галстуки Бунина как черту его дендизма и изощренности. Размышляя о близком общении Бунина с писателями-неореалистами, Александр Бахрах, узнавший Бунина уже в эмиграции, замечает: «Да, конечно, что могло быть общего у “утонченного” Бунина, в той обстановке подлинного “дэнди” (с галстуком от Шанкса, как он любил спустя полвека прихвастнуть) с каким-нибудь Скитальцем с его “гусями-мыслями”...» [Бахрах 1979, с. 127]. Показательно свидетельство Сергея Лифаря из письма буниноведе Александру Бабореко от 6 февраля 1974 г.: «Иван Алексеевич был из породы “вечных лицейстов” — “франтов”, — пускай он был богат или бедный. Его канотье был его любимый головной убор. Монокль на черной ленте, на шее “вечный” мотылек — его галстук» [Бабореко 1993, с. 141].

В художественных портретах Бунина, выполненных с натуры в 1900–20-х гг., контрастно выделяются два амплуа — слегка утрирующий свою элегантность светский щеголь и творческая личность, погруженная в себя и менее озабоченная заметными деталями своей внешности. На графическом портрете, выполненном Евгением Буковецким в Одессе в 1900 г. (который считают первым прижизненным портретом), Бунин изображен анфас, в белой рубашке с темным галстуком-бантом и темном костюме (см.: [Корнеева])³¹. На более позднем портрете маслом 1919 г. Буковецкий сохранил ранее запечатленный им облик писателя, однако передал строгую расцветку галстука-самовяза³². Нечто противоположное щегольству, углубленность в себя или отрешенность от мира, подчеркнута в портрете 1905 г. кисти Леонарда Туржанского; на Бунине простой черный галстук,

³⁰ См. фотографии в [Бабореко 2009]; <https://biography.wikireading.ru/155543> и на сайте <http://bunin-lit.ru/bunin/family/foto-1.htm> (дата обращения: 14.01.2021). См. также: «Последний русский классик. Иван Бунин». Редкие фото // <https://ria.ru/20101022/287240536.html> (дата обращения: 15.01.2021). Кроме галстуков Бунина, к характерным чертам его внешнего вида следует отнести трости, которые писатель любил и собирал; я благодарен Татьяне Марченко за указание на эту важную деталь. О восприятии облика Бунина времени награждения Нобелевской премией см.: [Марченко 2011, с. 141–142].

³¹ См.: Корнеева И.В. Портрет И.А. Бунина. Художник Е.И. Буковецкий. Одесса // Новости музея И.А. Бунина. [Орел] // <http://turgenevmus.ru/portret-i-a-bunina-hudozhnik-e-i-bukoveckij-odessa/> (дата обращения: 15.01.2021).

³² В Одесском художественном музее: https://artchive.ru/en/artists/13694~Eugene_Iosifovich_Bukovetsky/works/588394~Portrait_of_Ivan_Bunin (дата обращения: 15.01.2021).

узел которого приспущен на шею³³. Портрет Владимира Россинского, написанный в 1915 г., — пожалуй, самый известный из прижизненных портретов писателя: Бунин стоит, опершись левой рукой на книжную полку; на нем костюм-тройка и запоминающийся, изумрудного цвета галстук³⁴. Упомянем также графический портрет уже эмигрантского периода — руки Леона Бакста (1921). На рисунке Бакста, который ценил сам Бунин, на писателе костюм-тройка и галстук-самовяз, надетый с некоторой небрежностью³⁵.

На значимость мотива галстука в бунинском мире указывает Константин Паустовский в выступлении 1946 г., в котором (с очевидными фактологическими неточностями) пересказывается «рассказ Горького об одной маленькой писательской игре, построенной на наблюдательности, очень любопытной»:

Горький очень любил писательские игры, и как-то в Берлине в таверне сидели Бунин, Леонид Андреев и Горький. Горький положил часы и сказал: вот за тем столиком сидит человек, каждый из нас будет на него смотреть полминуты, потом отвернется и расскажет совершенно точно, что он об этом человеке знает и что видел. Первым должен был говорить он: «Ну что, ну в сером костюме, ну бледный», больше ничего не мог сказать. Горький безусловно мог сказать больше, но так как сам придумал эту «игру», то он себя принизил.

Спросил Леонида Андреева, что это за человек. Леонид Андреев сказал всего несколько слов: «Это сын дьявола» — и все.

Тогда спросили Бунина, и Бунин рассказал, какой на этом человеке костюм, в какую полоску, какой у него галстук, какой воротничок, где он измят, какое у него лицо — все совершенно точно. А кто этот человек? Он сказал: «Это, очевидно, крупный международный вор, судя по всему»³⁶.

Как выясняется, наблюдаемый господин — действительно вор-аферист. О повышенном интересе Бунина к галстукам современников свидетельствуют его короткие заметки о Джероме К. Джероме:

Это был плотный, очень крепкий и приземистый старик с красным и широким бритым лицом, в просторном и длиннополом черном сюртуке, в крахмальной рубашке с отложным воротничком, под которым скромно лежала

³³ Лебедева Л.В., Матвеева С.А. Бунин. Портретная галерея: Туржанский. (По материалам книги Е. Киселева. Среди московских художников. Л., 1976) // <http://library.ispu.ru/content/бунин-портретная-галерея-туржанский> (дата обращения: 15.01.2021).

³⁴ См.: Братья Борис, Владимир и Федор Россинские // <http://www.domarchive.ru/gallery/rossinsky/6437> (дата обращения: 15.01.2021).

³⁵ См.: Теркель Е. Лев Бакст и русские писатели. Портреты Серебряного века // Третьяковская галерея № 2. 2017 // <https://www.tg-m.ru/articles/2-2017-55/lev-bakst-i-russkie-pisateli-portrety-serebryanogo-veka> (дата обращения: 15.01.2021). См. также: Прижизненные портреты Бунина. 26 июня 2017 // <https://vsegdargi.livejournal.com/226987.html> (дата обращения: 15.01.2021). См. также рисунок Филиппа Малявина (1920-е гг.), на котором Бунин (с усами, но без бороды) сидит в кресле в полупрофиль, в смокинге и, как кажется, в галстуке-бабочке.

³⁶ См. стенограмму беседы Паустовского на тему «Рассказ как жанр художественной литературы» 22 марта 1946 г. [Паустовский 1970, с. 90–140]. Цит. по: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/o-nouvelle.htm> (дата обращения: 15.01.2021).

завязанная бантиком узкая ленточка галстука, — настоящий старозаветный коммерсант или пастор [Бунин 1965–1967, с. 382]³⁷.

Просмотр корпуса стихов и прозы подтверждает мысль о том, что Бунин-художник придает особое внимание галстукам своих персонажей. Вот несколько примеров, намеренно выбранных из произведений, созданных и опубликованных до написания Набоковым «Подвига». Из третьей строфы бунинского стихотворения «Кошка в крапиве за домом жила...» (1907):

Помнишь? Лежит старичок-холостяк:
Кротко закрыты ресницы — и кротко
В черненький галстук воткнулась борода.
Свечи пылают, дрожит нависающий мрак... [Бунин 1965–1967, т. 1, с. 280].

В новелле «Господин из Сан-Франциско» (1915) бунинский рассказчик дважды отмечает галстуки американца. На Капри, за несколько минут до смерти, герой Бунина одевается к обеду: «...поспешно встав с места, господин из Сан-Франциско еще больше стянул воротничок галстуком, а живот открытым жилетом, надел смокинг, выправил манжеты, еще раз оглядел себя в зеркале...» [Там же, т. 4, с. 320]. И чуть ниже в тексте: «Но никто его не слушал, многие видели, как лакеи и коридорные срывали с этого господина галстук, жилет, измятый смокинг и даже зачем-то бальные башмаки с черных шелковых ног с плоскими ступнями. А он еще бился» [Там же, с. 322].

В рассказе «Казимир Станиславович» (1916) Бунин дает портрет своего персонажа, отмечая изношенный галстук:

Руки его, характерные руки привычного пьяницы и давнего жильца подвалов, зажигая спички, тряслись. О бедности и пьянстве свидетельствовало и все прочее: отсутствие манжет, заношенный бумажный воротничок, ветхий галстук, воспаленное и донельзя измятое лицо, ярко-голубые слезящиеся глаза [Там же, с. 342].

Особенно важен рассказ-виньетка «Роман горбуна» (1930), в котором, кстати, прочитывается отклик на хорошо известный Бунину рассказ Набокова «Картофельный Эльф» [Шраер 2019, с. 74–75]. В рассказе-виньетке, опубликованном в «Последних новостях» 2 ноября 1930 г., «<г>орбун получает анонимное любовное письмо, приглашение на свидание»:

В субботу он сходил к парикмахеру, купил (сиреневые) перчатки, новый (серый с красной искрой, под цвет костюму) галстук; дома, наряжаясь перед зеркалом, без конца перевязывал этот галстук своими длинными, тонкими пальцами, холодными и дрожащими: на щеках его, под тонкой кожей, разлился красивый, пятнистый румянец, прекрасные глаза потемнели... Потом, наряженный, он сел в кресло, — как гость, как чужой в своей собственной квартире, — и стал ждать рокового часа. <...> Когда же быстро вошел в сквер

³⁷ Заметки о Джероме были опубликованы в газете «Последние новости» 9 сентября 1929 г.

возле собора, вдруг оцепенел на месте: навстречу ему, в розовом свете весенней зари, важными и длинными шагами шла в сером костюме и хорошенькой шляпке, похожей на мужскую, с зонтиком в левой руке и с фиалками в правой, — горбунья [Бунин 1965–1977, т. 5, с. 410–411].

В связи с расцветкой галстука Мартына в «Подвиге» («бледно-серый в розовую полоску») примечательно, что у горбуна «серый с красной искрой» галстук, а горбунья идет в «розовом свете весенней зари <...> в сером костюме». И наконец, мотив галстука фигурирует и в первых четырех книгах «Жизни Арсеньева», вышедшей в Париже в 1930 г. под названием «Жизнь Арсеньева. Истоки дней». Как известно, 30 января 1929 г. Набоков рецензировал журнальный вариант романа в берлинской газете «Руль», а экземпляр книжного издания был подарен Бунинным Набокову в феврале 1930 г. [Шраер 2019, с. 76–79].

В книге 2 бунинского романа галстуки упоминаются дважды, оба раза в связи с простой, рутинной атрибутикой:

И вот, когда он приезжал, я из дома Ростовцева сразу попадал на два, три дня совсем в другой мир, опять на время становился барчуком, которому все улыбались, кланялись — и «резвые» у подъезда, и швейцар в подъезде, и коридорные, и горничные, и сам бритый Михеич в широком фраке и белом галстукке, бывший шереметьевский крепостной, всего когда-то отведавший на своем веку... ([Бунин 1930, с. 102]; ср. [Бунин 1952, с. 96]).

Писарева только что обмыли и убрали, когда мы вошли в его дом. <...> Он лежал с закрытыми глазами, — до сих пор вижу их лиловато-смуглую выпуклость, — но пока совсем как живой, с великолепно расчесанными, еще мокрыми смольными волосами и такой же бородой, в новом сюртуке, в крахмальной рубашке, с хорошо завязанным черным галстуком, по пояс прикрытый простыней <...> ([Бунин 1930, с. 147]; ср. [Бунин 1952, с. 140]).

А в книге 3 «Жизни Арсеньева» появляется описание альбома старинных фотографий с ударением на меняющиеся моды и стили:

Вот суровый чиновный старик с орденом под двойным галстухом (*sic!*), с большим и высоким воротом сюртука, с крупными и мясистыми чертами бритого лица. Вот светский щеголь времен Герцена с подвитыми волосами и с бакенбардами, с цилиндром в руке, в широком сюртуке и таких же широких панталонах, ступня которого кажется от них маленькой ([Бунин 1930, с. 208]; ср. [Бунин 1952, с. 200]).

Позднее, в книге 5 романа, Бунин добавит еще два галстука ([Бунин 1930, с. 302]; ср. [Бунин 1952, с. 317]).

Возвращаясь к бубновским эпизодам и к вопросу о присутствии Бунина в четвертом романе Набокова, отметим, что Набоков подарил Бубнову «старый черный галстук бантиком» (который можно контекстуально соотнести с русской классической традицией), наделил Мартына европейским галстуком вычурно-изысканной расцветки (который можно истолковать как знак литературной нерусскости), а потом передал этот галстук западному персонажу в новелле Бубнова.

Случайно ли, что галстук, украденный у Мартына и переданный «герою-немцу», не только фиксирует отмеченную бунинским присутствием деталь, но одновременно реанимирует указание на творчество Грина, ранее внедренное Набоковым в текст в связи с прозой Бубнова? Сам «Мартынов галстук» в рассказе, «бледно-серый в розовую полоску», судя по всему, перескочил в новеллу Бубнова из рассказа Александра Грина «Черный алмаз» (1916), где в наряде щеголя-скрипача Ягдина Трумов выделяет «пышный, бледно-серый галстук» [Грин 1965, т. 4, с. 141]. Александр Грин — автор приключенческих рассказов и романов, в которых действуют иностранные персонажи, — здесь особенно важен для перекалибровки читательских представлений о вымышленном, сотканном из разных литературных лоскутов Сергее Бубнове, писателе поливалентной литературной ориентации, одновременно «русском» и «нерусском». В каком-то смысле «кража» «Мартынова галстука» Бубновым может быть интерпретирована как культурная апроприация, как заимствование и внедрение в «русскую» прозу Бубнова-эмигранта более западных, иностранных, «нерусских» мотивов или персонажей.

Осенью 1931 г., в преддверии сериальной публикации третьей части «Подвига» в книге 47 «Современных записок», парижская газета «Россия и славянство» опубликовала большой отрывок из «Подвига» под названием «Зоорландия» [Набоков 1931, с. 3–4]; см.: [Шраер 2000, с. 122]. (Навязчивее, но точнее было бы поместить название отрывка в двойные кавычки.) Включив в отрывок 35-ю и 36-ю главы романа, как раз посвященные сотворению текста «“Зоорландии”» и соперничеству Мартына и Бубнова, Набоков словно замыкает метафигиональную цепочку искусства и жизни.

Учитывая генезис писателя Бубнова в «Подвиге», задумаемся еще раз о том, что же Бубнов «украл» у Мартына. Не только галстук «в розовую полоску», но нечто более важное — предмет, тематическое наполнение и название «фельетона»? Как прочитывается соперничество Мартына и Бубнова в контексте отношений Набокова и Бунина, которые на рубеже 1930-х гг. претерпевают метаморфозу? Как раз в это время Бунин, отчасти после глубокого осмысления рассказов Набокова, отчасти из-за переживаний по поводу провала номинаций на Нобелевскую премию, по-настоящему задумался о таланте молодого Набокова и стал ревностно следить за его публикациями. (10 октября 1931 г., после прочтения «Подвига» в «Современных записках», Вера Муромцева-Бунина записывает в дневнике: «Вот кто скоро будет кандидатом на Нобелевскую премию!» [Шраер 2019, с. 72–75; 96].) Не намекает ли автор «Подвига» на возможность влияния своей ранней прозы на автора «Жизни Арсеньева»?

В романе «Отчаяние» (1934), который следует за «Подвигом», Набоков в начале 7-й главы произнесет ключевые слова: «Во-первых: эпитафия, но не к этой главе, а так, вообще: литература — это любовь к людям. Теперь продолжим» [Набоков 1997–2000, т. 3, с. 467]. В выполненном самим Набоковым переводе романа на английский слова «к людям» опускаются, а остается только формула «Литература — это Любовь»: «To begin with, let us take the following motto (not especially for this chapter, but generally): Literature is Love» [Nabokov 1989, p. 177]. Публичное поведение и творческий поиск Мартына (авторского представителя Набокова) и

Бубнова (ипостаси Бунина) можно истолковать как соперничество именно в этом, набоковском смысле. Предмет соперничества не только любовь Сони Зилановой, но сама русская литература в изгнании. (В 1962 г., в предисловии к английскому переводу «Дара», Набоков скажет, что героиня романа «не Зина, но русская литература» («Its heroine is not Zina, but Russian Literature» [Nabokov 1981, p. 8]).)

Дополненная и расширенная трактовка бубновских (бунинских) эпизодов вносит коррекцию в наши представления о динамике отношений Бунина и Набокова. Если вписать воздействие Бубнова на Мартына в исторический контекст эмигрантской литературы середины 1920-х гг., то в этом воздействии можно увидеть черты развития Набокова-ученика в самый бунинский период его развития. Но при этом отношения Бубнова и Мартына озвучивают иную возможность — возможность того, что молодой Набоков-прозаик в период написания «Подвига» (1930 г.) уже задумывался о своем потенциальном воздействии на прозаика Бунина. Это воздействие станет ощутимо в поздних 1930-х и ранних 1940-х гг. — в период работы Бунина над «Темными аллеями» [Шраер 2019а, с. 193–217]. Исследователи Набокова уже много десятилетий размышляют о бунинских пассажах, мотивах, приемах у Набокова (см. обзор литературы в [Там же, с. 259–266]). Поиск набоковских мотивов и отголосков в прозе Бунина поздних 1920-х и ранних 1930-х гг. — и не только в «Жизни Арсеньева» — представляется весьма перспективным направлением буниноведения.

Анализ бунинского присутствия в романе «Подвиг» позволяет еще раз убедиться в том, как же многое изменилось в литературных представлениях и оценках Набокова к началу 1930-х гг. В образе Бубнова преломляется не только меняющееся отношение «прилежного ученика» Набокова к «великому мастеру» Бунину, но и отражается вопрос о литературном влиянии, реальном и потенциальном, а также о боязни литературного влияния. Можно полагать, что предвзятое представление о большом Бунине как о писателе с ограниченным диапазоном таланта на четверть века опередило не только нелестные оценки, данные Бунину-прозаiku Набоковым американского и швейцарского периода, но и послевоенное охлаждение Набокова к Бунину-поэту [Шраер 2019а, с. 225–250]. Внешний образ, характер и литературная аура Бубнова в «Подвиге» — это, вероятно, не только первая попытка Набокова внедрить тень Бунина — литературно-исторического персонажа и литературного мотива — в текст художественной прозы, но и один из первых метакритических выпадов (побеждающего, как ему казалось) ученика в адрес (непобежденного) учителя.

2019–2021

Бостонский Колледж

Литература

- Бахрах 1979 — Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. Bayville, NJ, 1979.
Бабореко 1993 — Бабореко А.К. Дороги и звоны: Воспоминания. Письма. М., 1993.
Бабореко 2009 — Бабореко А. Бунин. Жизнеописание. М., 2009.
Бунин 1930 — Бунин И. Жизнь Арсеньева. Истоки дней. Париж, 1930.

- Бунин 1952 — Бунин И. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк, 1952.
- Бунин 1965–1967 — Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. / под. общ. ред. А.С. Мясникова и др.; подгот. текста А.К. Бабореко. М., 1965–1967.
- Грин 1965 — Грин А.С. Собр. соч.: в 6 т. / под. ред. Вл. Россельса. М., 1965.
- Давыдов 1982 — Давыдов С. Тексты-матрешки Владимира Набокова. Berlin, 1982.
- Долинин 1996 — Долинин А. Две заметки о романе «Дар» // Звезда. 1996. № 11. С. 173–180.
- Долинин 1999 — Долинин А. Доклады Владимира Набокова в Берлинском литературном кружке: (Из рукописных материалов двадцатых годов) // Звезда. 1999. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/1999/4/doklady-vladimira-nabokova-v-beplinskoy-literaturnom-kpuzhke-iz-pukopisnyh-matepialov-dvadczatyh-godov.html> (дата обращения: 13.02.2020).
- Долинин 2004 — Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб., 2004.
- Жолковский 2019 — Жолковский А. Две обезьяны, бочки злата. URL: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/dvesite.htm> (дата обращения: 15.02.2019).
- Зверев 2004 — Зверев А. Набоков. М., 2004. (Жизнь замечательных людей). URL: <https://www.informaxinc.ru/lib/zhzl/nabokov> (дата обращения: 09.01.2021).
- Зельченко 2019 — Зельченко В. Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий. М., 2019.
- Каннак 1982 — Каннак Е. Берлинский кружок поэтов (1928–1933) // Русский альманах / под ред. З. Шаховской, Р. Терра, Е. Терновского. Париж, 1981. С. 363–366.
- Каннак 2020 — Каннак Е. Из воспоминаний о Сирине // Nabokov Online Journal. 2012. 4. URL: http://www.nabokovonline.com/uploads/2/3/7/7/23779748/29_memoirs_kannak.pdf (дата обращения: 13.11.2020).
- Катаев 1967 — Катаев В.П. Трава забвения // Новый мир. 1967. № 3. С. 45.
- Малмстад 1987 — Малмстад Д. Из переписки В.Ф. Ходасевича (1925–1938) // Минувшее. 1987. № 3. С. 286.
- Марченко 2011 — Марченко Т. «Венок лауреата ему точно впору»: Французская пресса о Нобелевской премии Бунина // Материалы международной научной конференции «От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии: (к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям)». М.: Русский путь, 2011.
- Муромцева-Бунина 1958 — Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина 1870–1906. Париж, 1958.
- Набоков 1979 — Набоков В. Стихи. Анн-Арбор, 1979.
- Набоков 1997 — Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. / сост. Н.И. Артеменко-Толстая. СПб., 1997–2000.
- Набоков 2008 — Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме / сост. и примеч. А. Бабилова. М., 2008.
- Набоков 2015 — Набоков В. Взгляни на Арлекинов! / пер. и коммент. А. Бабилова. 4-е изд. СПб., 2015.
- Паустовский 1970 — Паустовский К.Г. Из ранних лет / подгот. текста, публ. и предисл. Л. Левицкого // Новый мир. 1970. № 4. С. 90–140.
- Публицистика 2017 — Бунин И.А. Заметки (о современниках) // Публицистика 1918–1953 / под ред. А.М. Суриса. М.; Берлин, 2017.
- Седых 1979 — Седых А. Далекое, близкое. 3-е изд. Нью-Йорк, 1979.
- Современные записки 2011 — «Современные записки». (Париж 1920–1940): Из архива редакции: в 3 т. Т. 2 / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011–2012.
- Струве 1992 — Струве Г. Владимир Набоков по личным воспоминаниям, документам и переписке / подгот. текста и предисл. Г. Поляка // Новый журнал. 1992. Кн. 186. С. 176–189.
- Струве 2007 — Письма Глеба Струве Владимиру и Вере Набоковым 1942–1985 годов / публ., пер. и коммент. М. Маликовой // Русская литература. 2007. № 1. С. 215–256.

- Толстая 2017 — *Толстая Е.Д.* Два мэтра: Алексей Толстой в прозе Набокова // Толстая Е.Д. Игра в классики. Русская проза XIX–XX веков. М., 2017. С. 470–490.
- Толстая 2021 — *Толстая Е.Д.* Атака на невыразимое: Грин и Набоков. URL: https://helenadtolstoy.com/attack_on_unspeakable/ (дата обращения: 10.01.2021).
- Утгоф 1998 — *Утгоф Г.* Мотив «пути» в романе Владимира Набокова «Подвиг» // Русская литература первой трети XX века в контексте мировой культуры. Екатеринбург, 1998. С. 219–224.
- Утгоф 1999 — *Утгоф Г.* К проблеме интерпретации романа В. Набокова «Подвиг» // Русская филология. 10: Сб. науч. трудов молодых филологов. Тарту, 1999. С. 122–128.
- Утгоф 2015 — *Утгоф Г.* «Подвиг» В. Набокова-Сирина: Комментарий к комментарию // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 3. С. 262–274.
- Утгоф 2019 — *Утгоф Г.* «Я иду по дорогѣ одинѣ»: Из заметок о текстологии романа В. Набокова-Сирина «Подвиг» / «Glory» // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 1. С. 81–91.
- Утгоф 2020 — *Утгоф Г.* Заметки о «Подвиге» / «Glory» // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / eds. L. Fleishman, D.M. Bethea, I. Vinitsky. Stanford Slavic Studies. Vol. 50. Berlin, 2020. P. 633–652.
- Шпраер 1994 — *Шпраер М.Д.* О пределах современного стихотворного анализа: Комментарий к стихотворению А. Блока «Май жестокий с белыми ночами...» // Transactions of the Association of Russian-American Scholars. XXVI. 1994. P. 363–384.
- Шпраер 1999 — *Шпраер М.Д.* О концовке набоковского «Подвига» // Литературное обозрение. 1999. № 2. С. 57–62.
- Шпраер 2000 — *Шпраер М.Д.* Интерлюдия вторая: о концовке набоковского «Подвига» // *Шпраер М.Д.* Набоков: темы и вариации. СПб., 2000. С. 117–127.
- Шпраер 2019а — *Шпраер М.Д.* Бунин и Набоков. История соперничества. 3-е изд. М., 2019.
- Шпраер 2019б — *Шпраер М.Д.* Бунинский бубен: Отголоски учителя в четвертом романе Набокова // Новый мир. 2019. № 4. С. 165–172.
- Barton Johnson 1985 — *Barton Johnson D.* Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov. Ann Arbor, 1985.
- Dolinin 2020 — *Dolinin A.* On Some Contexts and Subtexts of Nabokov's *Podvig* // *Slavica Revalensia*. 2020. VII. P. 37–52.
- Field 1977 — *Field A.* Nabokov: His Life in Part. N. Y., 1977.
- Field 1986 — *Field A.* The Life and Art of Vladimir Nabokov. N. Y., 1986.
- Haber 1977 — *Haber E.* Nabokov's «Glory» and the Fairy Tale // *Slavic and East European Journal*. 1977. 21(2). P. 214–224.
- Karlinsky 1995 — *Karlinsky S.* Nabokov and Some Poets of Russian Modernism // *Суснос*. 1995. Vol. 12.2. URL: <http://revel.unice.fr/cycnos/index.html?id=1453> (дата обращения: 13.11.2020).
- Nabokov 1971 — *Nabokov V.* Glory / tr. D. Nabokov. N. Y., 1971.
- Nabokov 1974 — *Nabokov V.* Look at the Harlequins! N. Y., 1974.
- Nabokov 1981 — *Nabokov V.* Foreword // *Nabokov V. The Gift* / tr. M. Scammel in collaboration with the author. L., 1981.
- Nabokov 1989 — *Nabokov V.* Despair. N. Y., 1989.
- Nabokov 1990 — *Nabokov V.* Look at the Harlequins! N. Y., 1990.
- Nabokov 1991 — *Nabokov V.* Glory / tr. D. Nabokov in collaboration with the author. N. Y., 1991.
- Shrayer 1998 — *Shrayer M.D.* The World of Nabokov's Stories. Austin; L., 1998.
- Shrayer 2019 — *Shrayer M.D.* Bunin's Tambourine: Echoes of the Old Master in His Disciple's Fourth Novel // *Nabokov Studies*. № 16. 2019. URL: <https://muse.jhu.edu/article/747613> (дата обращения: 13.11.2020).

- Shrayer 2000 — *Shrayer M.D.* The Perfect Glory of Nabokov's Explot // Russian Studies in Literature. 2000. Vol. 35. № 4. P. 29–41.
- Tadevosyan 2005 — *Tadevosyan M.* The Road to Nowhere, a Road to Glory: Vladimir Nabokov and Aleksandr Grin // The Modern Language Review 100. 2005. № 2. P. 429–443.
- Tammi 1995 — *Tammi P.* «Glory» // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / ed. by V.E. Alexandrov. N. Y.; L., 1995. P. 169–178.
- Toker 1989 — *Toker L.* «Glory»: Good Example of How Metaphysics Can Fool You // Nabokov: The Mystery of Literary Structures. Ithaca; L., 1989. P. 88–106.
- Tolstaya 2018 — *Tolstaya E.D.* Glory Pallid and Glory Justified: Nabokov's Two Portraits of Alexei Tolstoy // Toronto Slavic Quarterly. 2018. Vol. 66. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/66/Tolstaia_66.pdf. (дата обращения: 16.10.2020).
- Zimmer 2015/2017 — *Zimmer D.E.* What Happened to Sergey Nabokov. 2015/2017. URL: <http://www.d-e-zimmer.de/PDF/SergeyN.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

Л.Г. Панова

ГОДЫ УЧЕНИЯ, СТРАНСТВИЙ И ВОСПИТАНИЯ ЧУВСТВ
РУССКОГО ХУДОЖНИКА В ЮНОСТИ:
«ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЖАНРА¹

Центонным заголовком настоящей статьи намечено созвездие европейских романов, в котором пристало находиться «Жизни Арсеньева. Юности» (1927–1929, 1933, 1938). «Годы учения» отсылают к «Wilhelm Meisters Lehrjahre» («Годы учения Вильгельма Мейстера»), «годы странствий» — к «Wilhelm Meisters Wanderjahre» («Годы странствий Вильгельма Мейстера»), «воспитание чувств» — к «L'Éducation sentimentale» («Воспитание чувств»), «художник в юности» — к «A Portrait of the Artist as a Young Man» («Портрет художника в юности»). Этот список не будет полным без эпопеи «À la recherche du temps perdu» («В поисках утраченного времени») с сигнатурными прустовскими формулировками «потерянное / обретенное время». В отличие от поименованных романов Гёте, Флобера и Джойса, «В поисках утраченного времени» активно привлекается к обсуждению «Жизни Арсеньева» начиная с 1930-х гг.

В список европейских романов просится и «Голод» («Sult») Гамсуна. Экзистенциально-ницшеанская фигура молодого писателя, голодающего дни напролет, и повествование от первого лица — лица писателя, в остальном никак специально не охарактеризованного, принесли «Голоду» славу первого модернистского романа.

Отношение Бунина к авторам шести названных шедевров (исключая Джойса) известно. Гёте и Флобера он почитал всю жизнь. Гамсун входил в сферу его дореволюционного чтения. В эмиграции Бунин остро реагировал на культ Пруста — во многом потому, что отдельные пассажи «Жизни Арсеньева» заработали себе репутацию «прустовских». Однако в письме к П.М. Бицилли от 5 апреля 1936 г. Бунин признавался, что с «Поисками...» познакомился поздно, закончив собственное сочинение.

В «Жизни Арсеньева» ощутимы разные литературные влияния. Зачем же выделять отдельной — красной — строкой «Годы учения / странствий Вильгельма Мейстера», «Воспитание чувств», «Голод», «В поисках утраченного времени» и «Порт-

¹ Принципы оформления данной статьи:

1) «Жизнь Арсеньева» цитируется по последнему прижизненному изданию [Бунин 1952], в круглых скобках указываются номер книги (арабские цифры) и через запятую номер главы (римские);

2) для Ельца и Полтавы, которые Бунин оставил не поименованными, восстанавливаются их названия;

3) пересказы произведений даются петитом с отступом слева, цитаты — тоже петитом, но с отступом слева и справа;

4) все выделения полужирным — мои.

рет художника в юности»? Затем, что «Жизнь Арсеньева» — еще одна история формирования ребенка / отрока / юноши как «художника», решенная в романном формате. Тот факт, что в качестве канвы для вымысла Бунин использовал личные обстоятельства, еще не делает «Жизнь Арсеньева» автобиографией. Это роман того специфического типа, каковыми являются и «В поисках утраченного времени», и «Портрет художника в юности»: non-fiction служит трамплином для сюжета, имеющего все признаки fiction, а над сюжетом возводится метахудожественный ярус.

Под мета-ярусом понимаются словесные прикосновения к теме искусства. По понятным причинам искусство занимает и героев-«художников», и тем более пишущих о них, авторов превыше всего.

С помещением «Жизни Арсеньева» в контекст европейских романов о повзрелении «художника» проясняется ее генеалогия. Гёте, Флобер и Гамсун — «предки» Бунина по прямой линии. Было бы заманчиво заодно причислить к «предкам» Пруста и даже Джойса. Но пока что складывается иная картина. Пруст и Джойс проторили дорогу русскому эмигрантскому роману о повзрелении «художника». Поскольку в этом формате работал и Бунин (о чем мне уже приходилось писать²), то его знакомство с модернистским подходом к топосу «писатель в юности», которым прославились Пруст и Джойс, было опосредованным. По тому же каналу к Бунину поступил модернистский запрос на то, чтобы история взрослеющего художника прозвучала как эстетический и / или идеологический манифест.

Сопоставление «Жизни Арсеньева» с шестью европейскими шедеврами дает основание для жанрового диагноза — главной цели настоящей работы. Для начала зафиксируем, что за 90 с лишним лет, прошедших с поэтапной публикации пяти книг «Жизни Арсеньева», критики и ученые так и не разобрались, что именно мы читаем, когда берем ее в руки: закамуфлированную автобиографию Бунина? вымышленную автобиографию бунинского alter ego Алексея Александровича Арсеньева (вариант: псевдоавтобиографию)?³ феноменологический роман?⁴ роман о работе памяти?⁵ роман о буддистском мировосприятии?⁶ антироман (вариант: бессюжетный роман ни о чем)?⁷ или все-таки роман созревания «художника» — так называемый *Künstlerroman*?⁸ Я попробую доказать, что верно последнее.

² См.: [Panova 2019].

³ Ср., например, монографию [Zweers 1997, р. 1–19 и сл.], в которой «Жизнь Арсеньева» сопоставляется как с автобиографиями Набокова, так и с «Детством. Отрочеством. Юностью» Толстого и «Детством. В людях. Моими университетами» Горького.

«Вымышленная автобиография» — идея из рецензии Владислава Ходасевича «О “Жизни Арсеньева”» (1933). «Псевдоавтобиография» — термин из [Wachtel 1990, р. 17–18, 178–185].

⁴ Идея высказана в [Мальцев 1994, с. 14, 86, 111, 305, 315–316 и сл.] и подхвачена буниноведами вплоть до [Lushenkova Foscolo 2017, р. 23].

⁵ См. главу «Метафизика памяти (“Жизнь Арсеньева” Ивана Бунина)» в [Аверин 2003, с. 176–230] и раздел «Память» в [Сливицкая 2004, с. 112–135].

⁶ Прочтение предложено в [Marullo 1998, р. 155–188] и [Сливицкая 2004].

⁷ Идея задана в [Степун 1934] и развита в [Мальцев 1994, с. 305 и сл.]. Юрий Мальцев утверждает, что сюжет «Жизни Арсеньева» слабый и не важный, а важна феноменология.

⁸ Эта дефиниция иногда всплывает в буниноведении — см. [Чувиляев], а также работы Анны Лушеноквой Фосколо, в том числе обобщающую монографию [Lushenkova Foscolo 2017]. Другое дело, что

1. В ПОИСКАХ ЖАНРА «ЖИЗНИ АРСЕНЬЕВА»

Глядя из XXI в., приветствующего все мыслимые идентичности, поверить в то, что вплоть до романа-трактата Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762) различий между детской и взрослой психологией практически не делалось, трудно. Тем не менее до эпохи Просвещения о ребенке / подростке было привычно думать как о маленькой копии взрослого. Детско-юношеский психотип если и выбирался в качестве главного героя романа, то плутовского.

Параллельно путь из периферийных персонажей романа в центральные проделал «художник». Просвещение, искавшее социального равновесия между всем и вся, «художников», особенно богемных, не жаловало. «Художник» слишком занят собой и искусством, чтобы из него получился примерный гражданин. Просвещение усвоило платоновский взгляд на вещи. В идеальном Государстве правящей кастой должны стать философы, поскольку их вклад и в воспитание молодого поколения, и в устройство социума будет самым эффективным; поэты — конкуренты философов — Государству не нужны и подлежат ostracism. В романтическом, а затем и реалистическом романе акции «художника» пошли вверх. Этот психотип начал конкурировать с героями, встроенными в классовую иерархию. Наконец, модернизм признал «художника» своим подлинным героем. Тогда же появилась новая тематическая опция — разглядывать в еще не сложившемся юном герое художественные задатки, что в свою очередь способствовало оформлению *Künstlerroman*'а в самостоятельный жанр.

Выделившись из более старого жанра — *Bildungsroman*'а, прослеживающего формирование, воспитание, социализацию, а в отдельных случаях также matrimoniaльные планы и профессионализацию юного существа, с особыми талантами и без, авторы *Künstlerroman*'а в уже обкатанных сюжетах расставили акценты по-своему. Среди новаций были: наведение лупы на талант героя и вообще метахудожественная оптика, а также перерастание нарратива о юном «художнике» в эстетический манифест. Появились и собственно *Künstlerroman*'ные сюжеты. Один из них, тернистая судьба «художника», представлен, например, в «Творчестве» Эмиля Золя («L'Œuvre», 1885–1886), «Голоде» (1890) Гамсуна и в «Мартине Идене» («Martin Eden», 1909) Джека Лондона. Первый прослеживает становление художника-импрессиониста вплоть до его самоубийства, а последний посвящен судьбе юного писателя-пролетария, который научился писать, достиг славы, но, потеряв смысл жизни, тоже решился на самоубийство. «Жизнь Арсеньева» — попытка в том же направлении, только без крайностей: Арсеньев питается скудной пищей, но все-таки не голодает; суицидальные настроения посещают его, но счеты с жизнью он тем не менее не сводит.

Что генезис «Жизни Арсеньева» лежит в области *Bildungs- / Künstlerroman*'ной традиции, убеждает прежде всего та «история литературы», которую Бунин выстроил в качестве подводки к явлению поэта, прозаика и переводчика Алек-

исследователи, употребив термин «роман воспитания “художника”», не анализируют «Жизнь Арсеньева» в заданном ключе.

сея Александровича Арсеньева. Путеводной нитью для юного Арсеньева служат: «Поэзия и правда» — автобиография Гёте, описывающая его ранние годы; «Детство», «Отрочество», «Казачи» и «Семейное счастье» — Bildungsromane Льва Толстого. Пусть это не афишируется, но в «Жизни Арсеньева» растворена топка «Годов учения Вильгельма Мейстера» и «Воспитания чувств». Если углубиться в сюжет «Жизни Арсеньева», то при всей своей оригинальности он придерживается схем из романов воспитания / формирования: одни схемы фундируют повествование, другие модифицированы под главного героя, третьи пересмотрены, а четвертые опрокинуты — как ложные или устаревшие.

«Жизнью Арсеньева» Бунин претендует на то, чтобы сделать итоговое, рубежное высказывание на тему о классической русской литературе, поставив ее в связь с судьбой «старой» России; обеим положил конец советский репрессивный строй. И русская литература, и история России сияют отраженным светом в двух ипостасях Арсеньева: юной, всецело принадлежащей «старому» русскому миру, и 50-летней эмигрантской, отрезанной от первой во времени и пространстве. Арсеньев-герой — обломок прежней цивилизации, а Арсеньев-рассказчик — последний представитель классической «русской литературы», выживший в историческом катаклизме, каковым стали Октябрьский переворот 1917 г. и Гражданская война.

Далее будут прослежены реальные пути и перепутья из истории западной и русской литературы, на скрещении которых только и могла появиться «Жизнь Арсеньева».

1.1. ГЁТЕ

Психотип подростка / юноши как выразителя современной писателю эпохи и психотип «художника» впервые соединились в «Годах учения Вильгельма Мейстера» (1795).

Юный бюргер пленяется миром искусства. Необходимость продолжать дело отца и подозрения в неверности актрисы Марианны вынуждают его бежать из родного города. Он путешествует, пробует себя на театральных подмостках — переводит, ставит и играет «Гамлета», любит и страдает. Тем временем Марианна производит на свет сына Феликса и умирает, а Феликс попадает под опеку Вильгельма, пока что не догадывающегося о своем отцовстве. Осуществленную Вильгельмом постановку «Гамлета» ждет успех. Но вскоре театр сгорает, а труппа предает героя. Во время премьеры «Гамлета» из родного города приходят вести о кончине Мейстера-старшего.

Дальше Вильгельм попадает в аристократическое общество, оно же — квазимасонское Общество Башни, где усваивает новую мудрость: искусство ниже жизни. Делая выбор в пользу практической деятельности, он окончательно воссоединяется с сыном Феликсом и женится на аристократке Наталии; она выше него как по статусу, так и морально.

Второстепенная линия «Годов учения...» — линия Миньоны — женская версия повзросления в артистической среде. В отличие от успешной мужской линии Вильгельма, история Миньоны трагична на всех этапах. Беззащитная, хрупкая девочка безраздельно предана Вильгельму, любит его, однако, к ее досаде, он вступает в связь

не с ней, а со старшими женщинами. Находясь при актерах, на сцену Миньона не выходит. Зато она сочиняет и поет свои песенки. В конце романа Миньона умирает, так и оставшись *mignon* — «милой, крошечной» (фр.).

В символическом и одновременно психоаналитическом преломлении «Годов учения...» Миньона — воплощение души Вильгельма⁹. Ее безвременная кончина поставлена в связь с Вильгельмовым вхождением в высшее / дворянское общество — по-платоновски идеальное. Герой может быть принят туда, лишь отказавшись от своей души / своего «оно» (id) / своей свободы. Вверившись разуму / *super ego* / наставничеству со стороны Общества Башни, Вильгельм в «Годах странствий...», продолжающих «Годы учения...», путешествует и обучается медицине, приобщаясь тем самым к тайнам жизни и смерти. Это придает его личности завершенность. На ситуацию Вильгельма можно посмотреть с точки зрения семейного романа: освободившись из-под опеки реального отца, он отдает себя во власть Общества Башни — совершенной отцовской фигуры.

Согласно Франко Моретти (Moretti) — ныне признанному классику в исследованиях *Bildungsroman*'а, «Годы учения Вильгельма Мейстера» наряду с последующими западными образцами этого жанра, вплоть до романов Джейн Остин, учили читателя, как примирить свое особенное «я» с социумом, который, будучи напуганным Великой французской революцией, предоставил потомкам буржуазии возможности для карьерного роста. Отсюда — дилемма, решаемая героем среднего сословия по ходу сюжета: либо счастье и общественное благо, либо свободы, которыми он наслаждался в беззаботной юности¹⁰. Отказ бюргера (Вильгельма Мейстера) или, например, бесприданницы (героини «Гордости и предубеждения» Остин) от юношеских свобод становится его / ее пропуском в аристократическую среду.

«Годы учения Вильгельма Мейстера» — пожалуй, самый влиятельный роман в *Bildungs- / Künstlerroman*'ном каноне. В нем были намечены базовые понятия, из которых писатели следующих поколений могли составлять новые композиции. Это: Индивид; Общество; Свобода; Искусство; Юность, дающая право на ошибки; Наставник, отвечающий за повзросление и профессионализацию Индивида. По наблюдениям того же Моретти, в *Bildungsromanè* Индивид складывается не в безвоздушном пространстве, а в Истории; она в свою очередь подается в разрезе Повседневности: через нюансированную подачу значимых мелочей.

Как мы увидим в §§ 1.3–1.4, в идущую от Гёте сюжетную схему *Bildungsroman*'а русские авторы внесли свои коррективы. Это прежде всего протест против Социума и гуманистическая тенденция, состоящая в защите прав Индивида на избранную им линию (а)социального поведения. В таком виде гётевская схема достается Бунину.

В «Жизни Арсеньева» Индивид пребывает в напряженных отношениях с Обществом, причем Истина — не на стороне Общества, а на стороне Индиви-

⁹ Об этой символике см.: [Minden 1998, p. 120].

¹⁰ См.: [Moretti 2000, p. 15–73].

да, безраздельно преданного своей «художнической» миссии. Бунин постоянно подчеркивает, что Арсеньев живет и творит в полную силу именно потому, что игнорирует нормы и требования, посторонние Искусству, и что для процветания России требуются вот такие — одаренные и независимые — личности. Понимание реальности юному Арсеньеву доступно лучше, чем коммуне революционеров, подхвативших утопические представления о Государстве, но в конечном итоге доведших Россию до диктатуры Ленина и Сталина. При наличии двух учителей, которые позаботились о становлении Арсеньева (а это губернатор Баскаков и брат Георгий), в Наставнике с большой буквы он не нуждается. Свобода для него превыше всего. Без Свободы — показывает на примере Арсеньева Бунин — создается не Искусство, а заидеологизированные тексты вроде тех, что так любит революционное подполье. Мастерски протоколируя Психологию главного героя, Бунин проецирует ее на Повседневность конца XIX в. Повседневность в «Жизни Арсеньева» — те обстоятельства, в которых Индивид складывается как «художник». Индивид соединен с дореволюционной Историей, прервавшейся в результате революционных чисток 1917–1921 гг., по принципу синекдохи. По уцелевшей «особи» Арсеньева можно восстановить «прежнюю» Россию, которая является «вечной» Россией: на самом взлете перешедшей в небытие.

В такой же мере, в какой «Жизнь Арсеньева» сориентирована на «Годы странствий...», сориентирована она и на автобиографию Гёте «Поэзия и правда» (1833), выдержанную в *Kunstlerroman*-ном формате. Что имеет в виду? В «Поэзии и правде» Гёте описал первые 26 лет своего развития не просто как человека, но главным образом как «художника», для чего сосредоточился на детско-подростково-юношеской психологии, на постепенном созревании своего творческого «я», на фактах истории и культуры того времени, на тщательнейшей прорисовке обстановок, сменяющих одна другую. Вместе с юным Гёте читатели (Арсеньев и Лика в их числе) погружаются в бюргерский, университетский / интеллектуальный и писательский круги третьей четверти XVIII в., а также следят за «воспитанием чувств» будущего классика — его многочисленными любовными историями.

Образ Арсеньева получает гётевскую подсветку.

Во-первых, Гёте, пишет ли он о Вильгельме или о себе, четко придерживается сюжетного формата «годы учения и странствий». Странничество — *modus vivendi* юного Алексея Арсеньева, недаром называющего себя *бродником*.

Во-вторых, в «Годах учения...» и «Жизни Арсеньева» герои проходят через «гамлетовский этап». С Вильгельмом мы уже разобрались; что касается Арсеньева, то, обучаясь английскому языку, он переводит шекспировскую пьесу прозой.

В-третьих, Арсеньев вдохновляется максимами Гёте — например, гласящими, что политика не дело писателя; что бессмертным дано творить, тогда как смертные производят себе подобных; и т. д.

Важный идеологический компонент «Годов учения...» и «Поэзии и правды» — ответ на запрос времени, состоящий в конструировании национальной идентичности. На примере Вильгельма Мейстера, т. е. «мастера», попробовавшего себя в поэзии и театре, и на своем собственном примере — человека среднего сословия, хотя и выучившегося юриспруденции, но ушедшего с головой в изобразительное

искусство и литературу, Гёте продемонстрировал формирование немецкого характера. Идеал «немецкости» в жизни — Вильгельм, а в складывающейся новой литературе — сам Гёте, удрученный засильем французской культуры и ищущий немецкие пути в искусстве. В отличие от «Поэзии и правды», бунинский концепт «русскости» устремлен не в будущее, а в прошлое. Основной хронотоп «Жизни Арсеньева» — «старая» Россия, сметенная Октябрьским переворотом 1917 г.

Отвоевание своей страны у большевиков, разумеется, не во власти писателя-эмигранта. Что ему под силу, это присяга на верность «старой» России. Воссоздавая «Россию, которую мы потеряли», «Жизнь Арсеньева» прозвучала еще и как гимн культурной элите, сложившейся в два послепетровских столетия, а затем пущенной большевиками под нож — ради утопической мечты о всеобщем равенстве. В лице Арсеньева выведен образцовый «русский»: это дворянин с ярко выраженной внешней и внутренней «породой», чувством собственного достоинства, свободными реакциями буквально на все, с совершенным владением русским языком и с той чувственностью, тем разгулом, той праздничностью, какие свойственны (стереотипному) русскому характеру и, как следствие, русской литературе.

1.2. О BILDUNGSROMAN'Е ТИПОЛОГИЧЕСКИ

В немецкой традиции «Годы учения Вильгельма Мейстера» — второй по времени Bildungsroman. Содержательные приметы этого жанра были перечислены выше, а здесь я остановлюсь на формальных.

В повествовательный фокус Bildungsroman'a выносятся духовное, интеллектуальное, физическое созревание мальчиков (девочек), как *everyman*'ов, так и с творческой жилкой. Воспитываться старшими или воспитывать себя самого; сформироваться как личность; двигаться по социальной лестнице вверх или вниз; войти в общество; овладеть специальностью; влюбиться, завести роман, вступить в брак; отдаться приключениям и авантюрам — таков набор вариантов повзроления, сложившийся в XIX в. Но Bildungsroman отнюдь не всегда история успеха. Герой вполне может оказаться и неудачником — не войти в социум, не овладеть в полной мере профессией, расстроить помолвку и т. д. В плане возрастных характеристик Bildung-героя спектр возможностей простирается от рождения до раннего этапа взрослости. Есть романы, начинающиеся с рождения героя и длящиеся вплоть до начала его взрослой жизни. Есть такие, что охватывают один или несколько этапов созревания. А есть освещающие совсем короткий, но судьбоносный период повзроления. Разброс сюжетов Bildungsroman'a тоже значителен, в диапазоне от закамуфлированной / беллетризованной автобиографии самого писателя (типа «Истории Дэвида Копперфилда, рассказанной им самим») до авантурных и явно придуманных историй (типа «Оливера Твиста»). Разнятся и финалы Bildungsroman'ов. (Квази)автобиографическое повествование тяготеет к открытому финалу, тогда как авантурная история должна по идее «выстрелить» поразительной развязкой. Для Bildungsroman'a типично хронологическое развертывание событий, позволяющее читателю следить за поэтапным развитием

главного героя, но встречаются и оригинальные эксперименты с композицией. Различаются одинарные Bildungsroman'ы и двойные. Так, в «Утраченных иллюзиях» Бальзака переплетаются судьбы сразу двух взрослеющих героев — кстати, неудачников.

В «Жизни Арсеньева» вплоть до книги 5, озаглавленной «Лица», на правах главного выступает один герой, по отношению к своему создателю — автобиографический. Он проходит через рождение, младенчество, отрочество. В книге 5 Бунин осложняет себе задачу, переплетая две линии: Künstlerroman'ную для Арсеньева и Bildungsroman'ную для Лики. В целом в «Жизни Арсеньева» фабула повзреления главного героя подана хронологически. Фабула — но не сюжет, состоящий из фабулы плюс рамки. Рамочная история сводится к тому, что взрослый Арсеньев занят написанием своей автобиографии. Эту автобиографию — назовем ее, согласно заголовку бунинского романа, «Жизнью», — мы как раз и читаем. В ней Арсеньев охватил первые 20 лет своего существования, включая судьбоносный роман с Ликой. Тот факт, что «Жизнь Арсеньева» и «Жизнь» Арсеньева — один и тот же текст, придает первой свойства метаромана (подробнее см. § 2). Концовка «Жизни Арсеньева» совмещает открытый финал (ведь герой, достигнув 20-летнего рубежа, пока не состоялся как писатель земли русской) и неожиданную любовную развязку (смерть Лики).

Любопытнее всего в «Жизни Арсеньева» — то, как Бунин перенаправляет Bildungsroman'ную традицию в русло Künstlerroman'a. Смена парадигмы заявляет о себе в системе персонажей. Благодаря своему таланту Арсеньев перерастает второстепенных персонажей, прошедших или проходящих те же этапы повзреления, что и он, но в качестве потенциально Bildungsroman'ных героев.

Среди Bildung-персонажей звездная роль отведена Лике. Любовь Лики и Арсеньева обогащает их сценарии повзреления и стимулирует их личностный рост.

У Алексея имеются старшие братья — Николай и Георгий, и младшие сестры — Надя (умершая в младенчестве) и Ольга. Для каждого из них регистрируется серия возрастных и социальных изменений. Трое из четырех братьев / сестер нашего героя прокладывают жизненные траектории, не похожие друг на друга. В результате перед внутренним взором Алексея возникает веер жизненных возможностей, к которым он примеряется — но которым предпочитает писательскую траекторию, в роду Арсеньевых (в отличие от рода Буниных) более никем не испробованную.

В ранней жизни Алексея действуют ложные Наставники. Его задача — не попасться в их сети, поскольку это было бы губительно для его писательской миссии.

Коллективный ложный Наставник — кружок харьковских статистиков с радикальными взглядами. Алексей, на тот момент — неоперившийся поэт, попадает в эту среду благодаря брату-социалисту, чьи взгляды он до какой-то степени разделяет. Там он наблюдает, как юношам и девушкам навязывается программа воспитания, долженствующая превратить их в правоверных социалистов. Непосредственно Алексею старшие товарищи внушают, что Искусство с большой буквы «народу» не нужно и что востребованные поэты — те, которые проповедуют гражданские идеалы и посвящают себя «делу», вдохновляясь Некрасовым и Чер-

нышевским. Но Алексей не позволяет коллективу поколебать свою веру в то, что элитарная литература с любовно выношенным и хорошо реализованным художественным замыслом, т. е. Искусство с большой буквы, выше идеологии. Изображая противостояние Индивида и харьковского кружка статистиков-социалистов, Бунин фактически подрывает схему отношений, сложившихся у Вильгельма Мейстера с Обществом Башни, где Индивид добровольно соглашается подчиниться Социуму. Из своего эмигрантского далека Арсеньев-рассказчик сообщает читателю, что в своем тогдашнем неприятии социалистического этоса он был прав: утопические идеалы кружка в конце концов обернулись величайшим бедствием для России.

Менее опасный, но тоже ложный Наставник — Иван Андреевич Балавин, с которым Арсеньев встречается по делам имения. Балавин делится с Арсеньевым своей историей повзреления. Издав в юности книгу стихов, он поставил на сочинительстве крест, остепенился — и преуспел в качестве перекупщика зерна. С высоты полученного жизненного опыта Балавин взвешивает небольшие шансы своего собеседника на успех и дает совет: помимо плана «А» — писательства, иметь наготове альтернативный план «Б». Перебирая варианты социальной карьеры для Алексея, Балавин оценивает его шансы низко. По его мнению, военная карьера типа отцовской — не то, на что Алексей мог бы рассчитывать, да и вообще, без образования, денег, привилегий, которые были у старшего поколения дворян, нужно здорово изловчиться, чтобы получить хорошее место.

На практический лад Алексея пытается настроить и старший брат Николай. Мы еще вернемся к тому, как Алексей, отстаивая свое право на ошибку, ссылается на самую авторитетную книгу — Библию, произнося: «Иди, юноша, в молодости твоей, куда ведет тебя сердце твое и куда глядят глаза твои!»; Николаю не остается ничего другого, как согласиться: «Ну, иди, иди...» (5, IV).

Бунин вносит в роман идею чуда. Писательского успеха Арсеньеву ничто не предвещает. Он не получил формального образования, беден, плохо социализирован. Но успех придет, правда за пределами фабулы. Арсеньев, которого мы видим в рамочной истории, — большой русский писатель явно бунинского калибра.

1.3. РУССКИЙ BILDUNGSROMAN

С полувековым опозданием, привычным для русской литературы XIX — начала XX в., Bildungsroman был освоен и ею. Ко времени создания «Жизни Арсеньева» классикой жанра стали: «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857) — трилогия Толстого; «Детские годы Багрова-внука» Аксакова (1858; к «Детским годам» примыкают «Воспоминания», 1856) и «Первая любовь» Тургенева (1860). На примере героя своего сословия, наделенного автобиографическими чертами, Толстой, Аксаков, Тургенев прочно утвердили дворянский сценарий повзреления. Согласно Эндрю Вахтелю (Wachtel) в русской традиции этот сценарий доминировал, и писателям, избравшим жанр Bildungsroman'a, приходилось с ним считаться — либо продолжая его, либо полемизируя с ним, либо отстаивая преимущество других сценариев. Вахтель подметил и другое важное обстоятельство: точку в толстовско-

аксаковской парадигме воспитания дворянина поставил не кто иной, как Бунин. Это было сделано в тот исторический момент, когда дворянство в России перестало существовать как класс, а эмигранты из числа дворян и интеллигенции вывезли «старую» Россию с собой в Европу (подробнее см.: [Wachtel 1990, p. 177–179]).

Между Bildung-трилогией Толстого, в «Жизни Арсеньева» упоминаемой, и бунинским романом пролегло почти восемь десятилетий. Не задаваясь целью перечислить всего, что было сделано в этой области русскими писателями, обозначу основные вехи.

Из прогремевших русских дворянских Bildungsroman'ов самый ранний — «Обыкновенная история» (1847) Гончарова. Там в сниженно-ироническом регистре проигрывается тема, известная нам по «Годам учения Вильгельма Мейстера»: Индивид вступает в Общество и забрасывает Искусство. Вот только у Гончарова Индивид неталантлив, а Общество коррумпировано. Наставник главного героя — плоть от плоти коррумпированного Общества — уже проделал этот путь. Если Индивид возьмет Наставника за образец, его ждет успех. Когда Адуев-племянник по стопам Адуева-дяди вступает в высшее петербургское общество, он предлагает социуму не лучшую, как Вильгельм Мейстер, а худшую версию себя.

Достоевский попробовал себя в жанре Bildungsroman'a, работая над «Неточкой Незвановой» (1848). Этот — по большому счету диккенсовский — сюжет был заброшен на отроческом этапе повзреления героини, когда Неточка начинает учиться на певицу. Вторая попытка овладеть жанром Bildungsroman'a — «Подросток» (1875). С «Неточкой Незвановой» «Подростка» роднит повышенный мелодраматизм; и там и там ребенок обделен родительским присутствием; изрядно настрадавшись, он наверстывает упущенное: у чужих людей (Неточка) и у биологических родителей («бастард» Аркадий Долгорукий).

Николай Гарин-Михайловский в автобиографической тетралогии «Детство Темы» (1892), «Гимназисты» (1893), «Студенты» (1895), «Инженеры» (не окончены; 1907) поместил в готовый дворянский сценарий принципиально нового героя — «бедового» Артемия Карташева. Жизнь Темы прослеживается с догимназических приключений (типа знаменитого спасения собачки Жучки из колодца) до окончательного повзреления, состоящего в обретении любимого дела и брака с женщиной-«спасительницей» типа жены Вильгельма Мейстера Наталии. Тетралогия Гарина-Михайловского — редкий в русской традиции случай, когда после многих сумасбродств, мытарств и попыток баловаться Искусством Индивид вступает в Общество не худшей, но лучшей версией себя.

В студенческие годы после неудачных попыток стать профессионалом в юриспруденции, писательстве и т. д. Артемий оканчивает университет по специальности инженера-путейца. Каким-то чудом он устраивается на строительство железных дорог, поначалу согласившись на низкую и малооплачиваемую должность. Благодаря смекалке, воле и желанию переобучаться Артемий быстро дорастает до руководителя участка.

«Воспитание чувств» — это множество дружб, любовных историй и отношения внутри большой семьи, рано лишившейся отца. Любовная инициация Темы происходит через изнасилование спящей служанки Тани — сироты, находящейся под по-

кровительством замечательной матери героя. Дальнейший тайный роман Темы с Таней приводит к рождению ребенка. Забеременевшая Таня открывается матери Темы, та отправляет ее подальше от сына, а на сына начинает смотреть как на изверга. В студенческие годы визиты Артемию к женщинам легкого поведения кончаются плачевно. Он заражается смертельным сифилисом, но излечивается. Карьера инженера-путейца сопряжена с любовными историями другого рода: случайные попутчицы охотно делят с Артемием постель, не претендуя на его свободу. Как-то, вернувшись на студенческую побывку в родной дом, он знакомится с молодой дамой — дворянкой, состоятельной, с твердыми моральными принципами, не красивой, но приятной наружности. Предложение руки и сердца Артемий откладывает до тех пор, пока не делается достойным своей избранницы.

Не законченные при жизни Гарина-Михайловского «Инженеры» дописывались Максимом Горьким. В финале вопреки правилам Bildungsroman'a с Артемием начинает конкурировать его младшая сестра: красавица-революционерка Маня Карташева.

В 1906 г. скандально прогремели «Крылья» Михаила Кузмина — повесть эстетического воспитания. В ней действует Ваня Смуров — сирота и гимназист. Появление в Ване жизни старших мужчин-эстетов позволяет ему нарастить «крылья» (в платоновском — философско-эротическом — смысле) и открыться к любви одного из трех Наставников: замечательного Лариона Штрупа. В задачи «Крыльев» — манифеста воинственного гомосексуализма, шокировавшего широкую публику, но очаровавшего артистическую среду, входил подрыв гомофобских норм. Своей повестью Кузмин продемонстрировал, что на культурную арену вышла новая сила, с которой обществу придется считаться.

В трилогии Горького «Детство» (1913–1914), «В людях» (1916), «Мои университеты» (1923) герой-рассказчик — мальчик / юноша с четко выраженными автобиографическими чертами и к тому же носящий подлинное имя писателя: Алексей Пешков. Изображая социальную несправедливость, практически ад, творящийся в низших слоях российского общества, Горький существенно стусил краски. Благодаря такому решению репертуар русского Bildungsroman'a обогатился новым типом героя. Алексей Пешков — трудовой элемент, узнающий на своей собственной шкуре, что такое неравенство. Вопреки всему он становится личностью, и этому способствуют книги¹¹. В последней части трилогии, в ногу с переменами в российской жизни, Алексей развивается в сознательного пролетария, а повествование, напротив, разваливается под грузом просоветской идеологии.

Что у Горького отсутствует и что делает его трилогию не модернистским, а, по старинке, реалистическим высказыванием, местами переходящим в бытописание, это отсутствие напрашивающейся Künstlerroman'ной подачи героя. Поскольку в лице Алексея Пешкова Горький вывел себя, он мог бы поставить добытый Алексеем нетривиальный жизненный багаж в связь с писательством.

¹¹ Согласно [Wachtel 1990, p. 131–152], Горький вступил в полемику с дворянским «Детством» Толстого и написал свое анти-«Детство». Там же отмечен мотив книг как источника воспитания и спасения главного героя.

Упущенную возможность использовал Бунин, когда взялся за описание трудной юности Алексея (!) Арсеньева.

В символистском лагере изображение младенчества потребовало для себя платоновской мифологемы, ранее представленной в «Крыльях»: душа, вселяясь в тело, некоторое время сохраняет память о сакральной вечности, из которой попала в земную юдоль печали и смерти. Этим временем является младенчество. Но если по Платону (и Кузмину) способом вновь приобщиться к вечности и узреть Божество является любовь, то Андрей Белый практиковал антропософские упражнения, способствующие «разгонке» памяти в прошлое: сначала в прошлое сегодняшнего дня, затем в прошлое текущего года и так далее вплоть до прошлого своей жизни. В результате появились «Котик Летаев» (1922) и «Крещеный китаец» (1927). В семье Летаевых, действующих в обоих Bildungsroman'ах, выведено семейство автора (Летаевы = Бугаевы). Повествование представляет собой смену бытовых ситуаций, на которые детское сознание Котика реагирует припоминанием вечных — мифологических — архетипов¹².

Сценарием повзрелости Арсеньева, который в общих чертах будет реконструирован в § 5, Бунин перебрасывает мостик от толстовско-аксаковской дворянской Bildung-традиции к другим русским (и не только русским) традициям.

В самом деле, «Жизнь Арсеньева» только начинается на дворянской ноте. Взрослея, главный герой узнает на собственном опыте, что такое деклассированность. Он не имеет денег не то что на одежду, но даже на записную книжку — оружие писателя. По железной дороге ему приходится путешествовать либо третьим классом, либо по бесплатному билету, взятому на чужую фамилию. Оставив гордость своим древним родом в гимназическом возрасте, во взрослую жизнь Арсеньев вступает на общих основаниях. Всего, что он добьется к своему 50-летию, он добьется своим талантом и волей.

В том, как Арсеньев видит свою писательскую миссию, опять актуализирована его принадлежность к дворянству. Он ассоциирует себя с элитарно-аристократической ветвью русской литературы, протянувшейся от Державина и Пушкина до Толстого, а демократическую — некрасовско-чернышевско-горьковскую, которая в советской литературе стала главенствующей, более того, единственно разрешенной, отвергает. Демократический лагерь социалистов, в литературе и в обществе, отталкивает Арсеньева своим догматизмом, сектантством, нечувствительностью к эстетике, издевательствами над «чистой» поэзией — т. е. над изделиями высшей художественной пробы. Среди русских классиков, вдохновляющих Арсеньева на творчество, помимо дворян — Державина, Анны Буниной, Пушкина, Тургенева, Толстого — фигурирует и Чехов (также нецензурный в демократическом лагере), очевидно, не только как гениальный художник слова, но и как прозаик и драматург, оплакавший дворянские гнезда с их вишневыми садами, вырубаемыми купечеством. В глазах Бунина Чехов обладал «породой» и являл «великий аристократизм духа».

¹² О «Котике Летаеве» см.: [Аверин 2003, с. 97–146].

Определившись с мерой дворянскости, заложенной в характере Арсеньева, сосредоточимся на том, чем он обязан другим русским Bildungsroman'ным сценариям.

Сперва Толстой, а затем Гарин-Михайловский, Кузмин и Горький избрали своими героями (полу)сирот, лишенных родительской фигуры и / или фигуры Наставника и оттого действующих самостоятельно — методом проб и ошибок. Так и Арсеньев: с Искусством и Жизнью он устанавливает отношения без чьего-либо посредничества.

У Толстого, Кузмина и Горького главный герой не поступает в университет или же не оканчивает его; да и сами авторы не преуспели с получением высшего образования. Более того, Горький, наименее образованный из этой писательской триады, назвал последнюю часть своей Bildungsroman'a «Мои университеты», а из героя сделал автодидакта. Арсеньев, несмотря на присутствие в его жизни любящих родителей и старшего брата с университетским дипломом, воспитывает себя сам.

Алексей смог воспользоваться дворянскими привилегиями в бытность гимназистом. В этот момент свой дворянский статус он воспринимает так же, как толстовский Николенька Иртенъев: оба пытаются понять, как им, дворянам, пристало обращаться с разночинцами, и совершают faux pas. Арсеньев, например, соглашается на предложение своего старшего по возрасту одноклассника Лопухина создать дворянский кружок, «чтобы не мешаться больше со всякими Архиповыми и Заусайловыми» (2, XI). Сексуальная инициация Арсеньева — «барчук» берет силой прислугу-крестьянку — как мы видели по тетралогии Гарина-Михайловского и еще увидим по произведениям Толстого — тоже укладывается в представления о том, что внимание прислуги положено молодому дворянину.

В городской среде Арсеньева ждет бедная жизнь богемного «художника». Слово *богема*, от фр. *la bohème*, производной от названия цыган, в «Жизни Арсеньева» не произносится, но подразумевается. Применительно к Алексею цыганскость фигурирует и на правах метафорического сравнения. Вернувшись из путешествий, он оценивает свою внешность так: «почернел, похудел, как **цыган, побывавший на пяти ярмарках**» (4, XVII).

Ведя богемное существование, Арсеньев испытывает притяжение к нищим. Яркие портреты нищих, появляющиеся на страницах «Жизни Арсеньева», — возможно, влияние гамсуновского «Голода», герой которого братается с нищими, а возможно, и соревнование с Горьким, который в своей Bildung-трилогии изобразил Алексея Пешкова и его семейный клан опустившимися на самое дно; так, бабушке героя приходится просить милостыню, чтобы прокормить близких.

1.4. ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО BILDUNGSROMAN'НОГО ПЕРСОНАЖА

А встречаются ли в русской Bildung-традиции художественные натуры — предтечи Арсеньева-писателя?

Вот Неточка Незванова пробует себя в вокальном искусстве. Вот Николенька Иртенъев («Детство») к именинам бабушки кропает неумелое поздравительное стихотворение и боится, что будет наказан за лживую риторичку. А вот Артемий Карта-

шев проходит через три стадии эстетического воспитания: сначала он автор школьного журнала, потом прозаик, не востребованный петербургскими журналами, а в дальнейшем поэт, сочиняющий стихи для себя. Самый яркий пример «художника», появляющегося в русском Bildungsromanе, — Александр Федорович Адуев.

Герой «Обыкновенной истории» — мелкопоместный дворянин-провинциал, балующийся литературой сентименталистско-романтической направленности. Ему не дано дорасти до профессионала из-за отсутствия таланта, и он с основного плана «А» — артистической карьеры — переключается на запасной план «Б» — карьеру чиновника.

План «Б» — имитационный от начала и до конца — осуществляется по примеру и под чутким руководством дяди. Петр Иванович Адуев — дворянин, чиновник и фабрикант, проторил колею, которой, пусть не сразу, воспользуется и Адуев-племянник. Плата за вхождение в социум дяди и племянника чрезмерная. Индивид позволяет коррумпированному Обществу разлить свою юношески восторженную душу и оставить негативный отпечаток на своей внешности. Так, Александр Адуев из красивого, с юношескими кудрями, поэта-дилетанта перерождается в неприятного на вид чиновника: лысеющего и с брюшком.

Первая, сентименталистская, попытка войти в петербургское общество, обрывается горьким провалом. В журналах Адуев-младший востребован исключительно как переводчик-перелгатель текстов сельскохозяйственной тематики. Это занятие он считает ниже своего достоинства и вскоре оставляет. Распростившись с мечтами о писательстве, Александр отказывается от всех видов письменной деятельности, кроме той, что требуется по должности в департаменте. Он заводит один за другим два сентиментальных романа с молодыми дворянками. Оба потенциально ведут к женитьбе, но в первом случае героя предает девушка, а во втором он сам отвергает влюбленную в него молодую вдову. В его романах литература играет важную роль. Девушка во время совместных прогулок внимает адуевским стихам. А вдова, воспитанная на низкопробной сентиментальной литературе, утомляет героя перенятиями оттуда поведенческими моделями.

Роль наставника молодого провинциала нехотя берет на себя дядя. Как впоследствии установит племянник, в далекой провинциальной юности Петр Иванович тоже начинал с сентименталистских деревенских забав, но в Петербурге выбросил глупости из головы. Дядя — образец практического подхода ко всему, вплоть до выбора супруги. Между чувствами и разумом он выбирает разум, деловую хватку, связи. С присущей ему иронией Адуев-старший прививает свои ценности Адуеву-младшему — поощряя юношу к карьерному росту в теплом местечке, куда сам же и устроил, отбивая охоту писать и издаваясь над его избранницами. Эмоциональной поддержки со стороны дядиной жены, на тот момент — воплощения золотой середины между чувством и разумом, оказывается недостаточно. Александр теряет вкус к жизни, озлобляется, подает в отставку и возвращается к матери в имение — полным неудачником.

Вторая попытка покорения Петербурга, чисто деловая, более чем успешна. В свои 35 лет Адуев-племянник получает и настоящую карьеру в департаменте, и юную невесту с большим приданым. Словом, все, как у дяди. Ирония состоит, однако, в том, что тем временем семейная жизнь Адуева-старшего разладилась. Его су-

пруга зачахла, утратив способность желать. Петр Иванович надеется все переиграть: выйти в отставку, продать заводы и увезти жену в Италию.

Закольцованной композицией романа передается авторское послание: «обыкновенная история», случившаяся со старшим Адуевым, повторится и с младшим.

Александр Адуев и Алексей Арсеньев — это, в сущности, негатив и позитив с одного фотопортрета. Начать с того, что фонетически имена и фамилии обоих героев начинаются на А. Сюжетно герои находятся в более или менее сходных обстоятельствах — тут и бедность, и неуверенность в себе, и (отроческий) сентиментализм, и любовная лихорадка плюс (отроческое) имитационное желание: любить согласно прописям поэтов-романтиков и сентименталистов. Не забудем и о работе в периодической прессе, которая недостойна героев. А чем Арсеньев и Адуев различны? Арсеньеву удастся перебороть стусившиеся вокруг него отрицательные обстоятельства, тогда как Адуев поддается им. Арсеньев полирует свой писательский талант, Адуев же убеждается в своей графомании. Поскольку повзросление Арсеньева — «необыкновенная история», он делает ставку исключительно на план «А», а о запасном практическом плане «Б», который Адуеву со второго раза удался, отказывается даже и думать. Тем самым, в отличие от Адуева, Арсеньев не позволяет обществу разлечь себя. И его предки-дворяне, и он сам постоянно работают над тем, чтобы из него получилась лучшая версия себя.

В «Жизни Арсеньева» имеется персонаж, реализовавший «обыкновенную историю» по-адоевски. Речь идет о Балавине, оставившем поэзию ради торговли зерном. Данью неосуществленному артистическому плану «А» остаются две привычки этого персонажа: носить прекрасную одежду, выделяющую его из купеческой среды, и следить за новой литературой по журналам. В разговорах с Арсеньевым Балавин критикует свой стихотворный сборник за фальшивость, Арсеньеву же настоятельно рекомендует подумать о запасном плане «Б». В лице Балавина, не владеющего хорошим русским языком ни в устном, ни в письменном регистре, выведена бесталанность графомана.

От появляющихся в «Жизни Арсеньева» персонажей-мужчин перейдем к героиням. В русской Bildung-традиции — у Толстого, Гарина-Михайловского и др. — женщины причастны к искусству, но только они не «творцы», как гётевская Миньона, сочинявшая свои песенки, а «исполнительницы». Лика — «сколок» с многочисленных русских «инструменталисток» и «вокалисток» типа главной героини «Семейного счастья» (Маши, играющей для будущего мужа на клавикордах) и Нечочки Незвановой (начинающей певицы).

Музыкальные обстоятельства романа Лики с Арсеньевым, включая исполнение «своей» песенки (из «Детского (!) альбома» Чайковского), к которым добавим безвременную кончину и отсутствие полного имени, отчества и фамилии, возможно, задуманы как напоминание о гётевской Миньоне.

1.5. ПУШКИН, ЯВИВШИЙСЯ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

В отличие от Бунина, русские авторы, начиная с Гончарова и Толстого и кончая Горьким и Белым, вопроса о русском характере не поднимали. Если их и за-

нимали идентичности, то локальные: классовая (от дворянской до пролетарской) и гендерная (в «Крыльях»). Бунин и другие эмигранты, работавшие в жанре *Künstlerroman*, сочли своей первостепенной задачей реанимировать «старую» Россию в лице героя-«художника».

Но каковы литературные прецеденты этой «русскости» по-бунински?

Прежде всего, Арсеньев мог бы вписаться в гоголевское эссе «Несколько слов о Пушкине» — в качестве «потомка» Пушкина по писательской линии. У Гоголя Пушкин представлен уникалом, задавшим ту программу русскости, которая неосуществима «сейчас», т. е. в 1832 г., но которая реализуется через два столетия — стало быть, к 2032 г. «Жизнь Арсеньева» призвана продемонстрировать, что уже к концу XIX в. тип русского писателя пушкинского калибра сложился, правда, чтобы исчезнуть в революционном катаклизме.

В «Жизни Арсеньева» имеется знаменитая «пушкинская» глава 3, VIII, постулирующая, что в семье Арсеньевых Пушкин почитался, если воспользоваться оборотом Аполлона Григорьева, «нашим всем». Любопытно, что Арсеньев не был ни первым, ни последним, кто отмечал формообразующее влияние Пушкина на свое детство и отрочество. Так, в автобиографии самого Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862, 1864) Пушкин — часть «книжных впечатлений» и «литературных веяний», пришедшихся на 1830-е гг., т. е. на годы детства автора.

В «Колеблемом треножнике» — «пушкинской» речи, произнесенной в 1921 г., Ходасевич настаивал на том, что его поколение — последнее, жившее в характерном для Пушкина быту и понимавшее — как быт, так и Пушкина — изнутри. В конце своего выступления Ходасевич предложил своим единомышленникам аукаться в надвигающейся культурной тьме именем Пушкина, чтобы не потерять друг друга. В «Жизни Арсеньева» «пушкинскость» растворена в описании дворянского быта, воспитывающего главного героя. Не забудем и о том, что отец героя носит пушкинские имя и отчество: *Александр Сергеевич*¹³.

В «Жизни Арсеньева» между героем-дворянином и текстами Пушкина, посвященными дворянской тематике, устанавливаются скрытые переклички.

Бунин вполне мог ориентироваться на «Мою родословную» Пушкина, в которой тот делился своими унижениями: столбовому дворянину нелегко в обществе, где чины и богатства ставятся выше знатного происхождения. Сходным с «Моей родословной» образом свою генеалогию, сильно уступающую пушкинской по родовитости, расписывает и Арсеньев. Для большей наглядности он предъявляет свой герб, а также рассуждает о том, что в Смоленске сгорели родовые грамоты, из-за чего Арсеньевы потеряли часть своих владений.

Но не знатность находится в центре арсеньевских рассуждений о своих славных предках, а этика «очищения» каждого нового поколения от скверны (1, I), очевидно, в духе античного понятия об «аристократии» (т. е. правлении лучших / достойнейших / наиморальнейших), восточных учений и Библии с ее переч-

¹³ См.: [Lushenkova Foscolo 2017, p. 122].

нами всех тех поколений, что привели к рождению царей и пророков, вершивших судьбы Израиля, Иудеи и всего мира.

Надпись на гербе Арсеньевых гласит: «Будь достоин своего благородства» (1, I). Мотивом достойного поведения, которым жизнь взрослого героя отмечена далеко не всегда, она ощутимо перекликается с первым эпитафией «Капитанской дочки» (1836): «Береги честь смолоду». Под аккомпанемент этой послловицы в своем историческом романе вальтер-скоттовского типа Пушкин развивает Bildung-линию «недоросля» Петруши Гринева.

1.6. РУССКИЙ ДВОРЯНИН ПО ВЕРСИИ ТОЛСТОГО

Заповеди дворянской чести, любви к народу и русской земле для автора и главного героя «Жизни Арсеньева» связаны с Толстым в еще большей степени, чем с Пушкиным.

Семействам Бунина / Арсеньева посчастливилось быть лично знакомыми с Толстым. С юности Бунин проявлял внимание к каждой мелочи в жизни и творчестве своего старшего современника: эссе «Освобождение Толстого» тому наглядное подтверждение.

Первую половину своей жизни вплоть до «обращения» Толстой писал преимущественно о дворянстве — классе, который, как он сам признавался, был ему знаком лучше других. В его картине мира дворянство неизменно шло в связке с крестьянством — «народом», минуя разночинцев. Последних Толстой недолюбливал. Особенно доставалось писателям-демократам. Чернышевского, в будущем — *bête noire* белоэмигрантов, включая Бунина / Арсеньева, он в письме к Некрасову от 2 июля 1856 г., опубликованном в 1913 г., обозвал «клоповоняющим господином». Эмигранты усилили нападки на «Что делать?», возложив на Чернышевского — вдохновителя Ленина — ответственность за то, что история России пошла по пути утопии и, следовательно, бесчеловечной тирании.

В плане сложного отношения Толстого к разночинцам показательны последние — «университетские» — главы «Юности».

Хорошее домашнее образование позволило Николаю Иртеньеву поступить в Московский университет. Попав в компанию разночинцев, герой мучится дилеммой: как ему, дворянину *comme il faut*, держать себя в этом кругу? Сравнивая себя с ними, он приходит к неутешительному выводу: его плюсы — ухоженная внешность и складная речь, зато его однокурники-разночинцы лучше образованы и вообще мотивированы к взрослой жизни. Невключенность Николая во взрослую жизнь проявляется во время совместной подготовки к экзамену по математике за первый год обучения. Отстав от товарищей, он проваливается на экзамене и подлежит отчислению.

Заканчивая «Юность» на том, что Индивид не входит в Общество, Толстой подчеркивает пользу этого явно негативного опыта. Николаю Иртеньеву предстоит пересмотреть те нравственные правила, которыми он руководствовался, и встать на путь самосовершенствования. У Бунина Арсеньев-герой, будучи гимназистом, также пытается отрезать себя от одноклассников-недворян, однако Арсеньев-

рассказчик смотрит на этот эпизод как на отроческие глупости. И Николай Иртенев, и (кстати, созвучный ему своей фамилией) Арсеньев учатся лениво и не получают аттестата. Самосовершенствование — еще один пункт, служащий мостиком между двумя героями.

Галерея толстовских героев-дворян не *comme il faut* это: незаконнорожденный Пьер Безухов; братья Константин и Николай Левины — представители рода Левиных, который Стива Облонский находит дикарским; и Дмитрий Нехлюдов, женившись на ровне предпочитающий спасение погубленной им в юности Катюши Масловой, бывшей прислуги в доме его теток. Арсеньев — дворянин того же «некомильфотного» пошиба. В начале своей самостоятельной жизни он чувствует себя не в своей тарелке на балах. Зато в среде крестьян ему вполне вольготно. Как Толстой и Константин Левин, он целый сезон косит и обрабатывает урожай вместе с деревенскими мужиками и бабами.

Поздний Толстой отказался от дворянских привилегий, отдав права: на Ясную Поляну и другие владения — семье, а на произведения, написанные после 1881 г., — в общественное пользование. Программа «опрощения» Толстого наложила свой отпечаток на его внешний вид и бытовое поведение. В журналистике и литературе, создававшимся после «обращения», Толстой усилил нападки на государство и различные институты, от школы до брака. Его утопический руссоизм состоял в отвержении государства и вообще любого насилия по отношению к личности; своим согражданам он советовал держаться принципа «непротивления злу насилием».

В книгах 4 и 5 «Жизни Арсеньева» через опыт опрощения по-толстовски проходит и главный герой. В Полтаве Арсеньев сближается с общиной толстовцев, а в Москве наносит визит самому Толстому.

Но толстовское влияние на «Жизнь Арсеньева» не сводится к программным идеологемам. Оно ощутимо в жанре, топике и контурах отдельных эпизодов этого романа. Рассуждая о перекличках с Толстым, следует помнить об известном признании Бунина (сохраненном его близким родственником Н.А. Пушешниковым): Толстому можно и нужно подражать «самым беззастенчивым образом», пусть даже это вызовет нарекания.

Возвращаясь к началу выше обсуждению Bildungsroman'ного направления в творчестве Толстого, замечу, что после трилогии «Детство. Отрочество. Юность» оно получило развитие в «Казаках» и «Семейном счастье». Поскольку оба произведения читаются и обсуждаются Ликой и Арсеньевым в период их гражданского брака, обратимся к ним и мы.

В «Казаках» прослеживается мужская рецептура повзросления — линия дворянина Дмитрия Оленина. Неудовлетворенный разгульной столичной жизнью, герой уезжает служить на Кавказ. Обосновавшись в казачьей станице, он попадает в обетованный — руссоистский — рай «простых людей». Понимая, что казаки выработали свои, минималистские, правила общежития и наслаждаются свободами, в том числе сексуальными, на других территориях Российской империи немислимыми, Оленин пытается стать одним из них. Но оказывается, что цивилизация его испортила, а потому руссоистский рай не для него.

«Семейное счастье» — камерный Bildungsroman с женской рецептурой повзрелости — становится настольной книгой для Лики полтавского периода.

Дворянка Марья Александровна — героиня-рассказчица «Семейного счастья» — в своем повзрелости проходит три стадии. Встав на правильный путь — семейного «райского» счастья, она отклоняется от него, пускаясь в светские развлечения, а когда пытается вернуться обратно, то понимает, что доверие мужа ею потеряно. Будущее у ее семьи есть, но его придется выстраивать на каких-то других основаниях.

Из «Биографии Л.Н. Толстого» П.И. Бирюкова читатель мог узнать, что «Семейное счастье» возникло в результате ухаживаний Толстого за 20-летней Валерией Арсеньевой (!), так и не перетекших в брак.

В 1856 г. Толстой-опекун охотно навещал Валерию. Избрав ее на роль своей невесты, он, однако, не был уверен, что это идеальная кандидатура. Чтобы проверить свои и ее чувства, Толстой разлучался с ней, писал ей из своего далека наставительные письма (приводимые в «Биографии Л.Н. Толстого» начиная с третьей публикации 1921 г.), целью которых было перевоспитать легкомысленную, жадную до светских удовольствий барышню. Толстой взвешивал силу обоюдного влечения, и в 1857 г. отказался от своих матримониальных планов.

Неслучившаяся ситуация «умудренный достойный муж — юная ветреная жена» была проиграна Толстым в «Семейном счастье». В приведенном автобиографическом контексте этот роман прочитывается как попытка писателя убедить себя в том, что брак с Валерией Арсеньевой был бы для него мучением.

Новый вираж толстовская Bildung-тематика совершает в «Войне и мире» — многожанровом эпическом высказывании с чертами исторического и семейного романов. (Бастард) Пьер Безухов, (московские дворяне) Николай, Наташа и Петя Ростовы, к которым в дальнейшем присоединится Николенька Болконский, — это всё герои, вырастающие в образцовую элиту, ответственную за судьбу России. В 1860-х гг. дворянская элита мыслилась Толстым в связке с «народом» (крестьянством), но в оппозиции к императору и любой бюрократии, от придворной до военной. И Пьер, и трое Ростовых вносят вклад в спасение России от Наполеона; каждый из них по-своему испытывает порыв единения с воюющей армией. Пьер Безухов и Николенька Болконский к тому же ведомы желанием свободы — личной, для себя, и для своих сограждан. Отсюда намеки на будущее декабристское восстание, которым семейный клан Безуховых-Ростовых расколется на два враждующих лагеря. Николай Ростов, присягнувший государю, станет действовать в его интересах, тогда как Пьер (и Николенька Болконский) окажутся в рядах восставших, а потом и сосланных в Сибирь. Русскость Наташи Ростовской, которая вместе с Пьером отправится в ссылку, усилена фольклорным элементом — от песен и танцев (у дядюшки после охоты) до участия в святочном гадании и маскаркаде.

Элитарность героев «Войны и мира» получает дополнительное автобиографическое измерение: в героях Толстой портретирует своих близких, по большей

части дворян. Николай Ростов и Марья Болконская наделены чертами его родителей, бесприданница Соня — чертами любимой тетушки Татьяны Ергольской, с которой у отца Толстого был юношеский роман; а в Наташе Ростовой выведена Татьяна Берс (Кузминская). Наконец, Пьер Безухов и Андрей Болконский переживают те моральные дилеммы, которыми мучился сам Толстой.

В «Жизни Арсеньева» сходный замес — элитарности, родственности, русскости, постановки на кон судьбы России.

В «Анне Карениной» также содержатся параллели к «Жизни Арсеньева». В жанровом отношении это двойной роман: заглавная героиня проживает свою жизнь в рамках французского романа измен, а Левин и Кити — в рамках английского семейного романа. Но для «Жизни Арсеньева» важнее другое: Арсеньев в такой же степени alter ego Бунина, как Константин Левин — alter ego Толстого.

В «Анне Карениной» имеется проходной Bildung-эпизод, едва ли укрывшийся от глаз Бунина. Сережа Каренин получает домашнее образование, от которого разит непереносимой официальщиной.

Уроки Закона Божьего, которые Алексей Александрович Каренин — чиновник с головы до пят — проводит с сыном лично, превращаются в муку для обоих. На одном занятии, перебирая образы ветхозаветных пророков, Сережа выглядит бессмысленно-туповатым мальчиком, каковым он на самом деле не является. Отец выговаривает ему за лень — и за то, что Сережей недоволен домашний учитель.

Образование, основанное исключительно на послушании, без заинтересованности в воспитаннике со стороны воспитателя, юного героя может только испортить. Как сообщает всезнающий рассказчик, Сережа легко обучаем, но для этого к его сердцу должен быть подобран «ключ любви» (5, XXVII). Таким ключом, несомненно, владела Анна, но она оставила мужа и сына ради Вронского и новорожденной дочери. Глухость к тому образованию, которое поступает по официальным каналам, проявит и Арсеньев в бытность гимназистом. Ему, как и Сереже, нужны любящие его воспитатели, но их он может получить только дома — в дворянском гнезде. Еще одна перекличка между Алешей Арсеньевым и Сережей — через входящий в программу обучения Ветхий Завет. Чтобы быть зачисленным в гимназию, Арсеньев должен ответить на вопрос экзаменационной комиссии, кто такие Амаликитяне. Его замечательный, чуткий отец реагирует на ветхозаветных Амаликитян иначе, чем Каренин-старший на ветхозаветных пророков: «И на чорта ему эти Амаликитяне?» (1, XIX).

После 1881 г. в творчестве Толстого оформляется мотив инициации молодого дворянина через секс с крестьянкой. В «Воскресении» юный студент Нехлюдов сохранил Катюшу Маслову — 16-летнюю прислугу в имении своих теток, и этот эпизод аукнулся ему в его взрослой жизни. В неотделанном «Дьяволе» рассказывается о любовном треугольнике «Евгений Иртеньев — жена — (замужняя) крестьянка», заканчивающемся трагедией (в одной версии Иртеньев убивает себя, в другой — любовницу-крестьянку). Заметим, что в «Жизни Арсеньева» любовная инициация главного героя также происходит с крестьянкой, муж которой уходит на заработки; как и в случае Иртеньева и Нехлюдова, «крестьянский» роман оказывается не ми-

молетным, а самым настоящим, выбивающим героя из колеи. Но морализаторство à la Толстой в «Жизни Арсеньева» присутствует лишь в гомеопатических дозах.

Описание семейного клана Арсеньевых тоже находится в орбите Толстого. Автор «Анны Карениной» вскрыл саморазрушительный механизм, запущенный в пореформенном дворянстве.

Константин Левин и еще один помещик — старый консерватор, во время земского съезда скучают, развлекая друг друга беседой. Они сходятся в понимании миссии русского дворянства: пока Россия находится в фазе дикого капитализма, необходимо сохранить свое имение в хорошем, доходном состоянии в расчете на потомство. Эмблему своей миссии они видят в столетнем дереве — украшении усадьбы: хозяева-дворяне не только не рубят его, но разбивают вокруг него сад, делая дерево доминантой (ср. многочисленные столетние деревья в имениях Арсеньевых и в создаваемой Алексеем автобиографической прозе); купцы, напротив, готовы пустить столетнее дерево на сруб, поскольку производство любого товара — средство обогащения (ср. «Вишневый сад», в котором поместье Аркадиной и вишневый сад будут разделены на доходные дачи). Себя Константин Левин и старый помещик уподобляют древней весталке, хранящей огонь разрушенного храма (6, XXIX).

Среди второстепенных героев-дворян фигурируют разрушители «храма» дворянства. Стива Облонский, чтобы оплатить долги, вызванные его жизнью на широкую ногу, готов продать купцам то лес из имения жены, то часть земли. А старший брат Левина, Николай, иссушает свое и без того подточенное чахоткой здоровье раздорами с близкими, социалистическими идеалами, неосуществимым проектом маленького кооператива. Все это доводит его до нищеты. Деклассированность Николая усугубляет его сожительница, из бывших проституток.

В «Жизни Арсеньева» в сходные обстоятельства поставлены любимые старшие родственники главного героя. Отец, бонвиван и шармёр, — литературный потомок Стивы Облонского. Если Долли все-таки запрещает Стиве Облонскому продавать землю своего имения, то Арсеньеву-старшему приходится пойти на эту крайнюю меру. В свою очередь, брату-социалисту Алексея Арсеньева, Георгию (чьим прототипом послужил Юлий Бунин, старший брат писателя), близка установка Николая Левина: польза «народу» превыше всего. Ради этого Георгий приносит в жертву те замечательные перспективы, которые появились у него на университетской скамье. Светлая, душевная личность Георгия Арсеньева — в отличие от личности Николая Левина — в период испытаний нисколько не портится.

1.7. ЕВРОПЕЙСКИЙ KÜNSTLERROMAN

Для Арсеньева / Бунина Толстой — компас, по которому искусство сверяется с жизнью, а жизнь с искусством. Обращенная в прошлое, «Жизнь Арсеньева» звучит как ностальгия по классической русской литературе. А представлен ли в этом романе полюс «настоящее» / «будущее»?

Это не праздный вопрос. Поскольку Арсеньев совершает вынужденный исход из дворянского сословия в богемные «художники», то «Жизнь Арсеньева» пра-

вильно интерпретировать как *Künstlerroman* — жанр из типичного модернистского репертуара, соответствующий полюсу «настоящее».

Модернист *malgré lui*, Бунин создал роман, полный парадоксов, один из которых — тот, что в наисовременнейшей жанровой оболочке совершается возврат к прошлому. Разумеется, ностальгия по ушедшей юности — неотъемлемая примета *Künstlerroman*'а, но Бунин ностальгирует еще и по эстетике «высокого реализма» — того самого, который Пруст «отменил» в металитературных рассуждениях «Обретенного времени».

В эпоху модернизма от автора *Künstlerroman*'а ожидалась принципиально новая эстетика, резонирующая с современностью или даже с культурной парадигмой будущего. «Феноменологическая» эстетика Пруста, замешанная на философии (в том числе философии времени Анри Бергсона), отвечает как одному, так и другому требованию. При всем желании ничего подобного в «Жизни Арсеньева» обнаружить не удастся. Для Бунина и Арсеньева «высокий реализм» Толстого и Чехова — кульминация русской, да и мировой, культуры.

В отличие от «Поисков...», отразивших достижения европейского и русского модернизма (вплоть до дягилевских сезонов в Париже), и даже от тетралогии Зайцева «Жизни Глеба», где выведен кружок московских символистов, «Жизнь Арсеньева» описывает строго домодернистскую культуру. Согласно Ф.А. Степуну — автору заметки «Иван Бунин» (1934) — создателя «Жизни Арсеньева», «Митиной любви» и других прозаических шедевров, отличала первозданность и подлинность таланта. Обладая «царственной свободой» — «инстинктивным знанием того, что <...> его таланту потребно и что непотребно» [Степун 1934, с. 201], — Бунин обходил моды стороны.

Для понимания творческого задания, решавшегося Буниным в «Жизни Арсеньева», углубимся в историю *Künstlerroman*'а.

О том, когда *Künstlerroman* отпочковался от *Bildungsroman*'а, ученые спорят. *Künstler*-проблематика наличествует, например, в «Годах учения Вильгельма Мейстера», особенно в «театральной» / гамлетовской середине, и в конце «Дэвида Копперфилда», когда Дэвид издает один за другим романы и получает известность. Еще сильнее она прозвучала в двух французских романах середины XIX в.: «Утраченных иллюзиях» Бальзака и «Сентиментальном воспитании» («Воспитании чувств») Флобера, посвященных миру культурного производства (журналистике, художественной литературе, изобразительному искусству и так далее вплоть до изготовления бумаги для книгопечатания) и его создателям. Люсьен де Рюбампре и Фредерик Моро воспитывают из себя «художников», а Давид Сешар изобретает новую рецептуру бумаги. При этом герои Бальзака и Флобера в избранных (около)артистических карьерах не преуспевают.

В полной мере потенциал *Künstlerroman*'а раскрылся в «Творчестве» натуралиста Золя. Дальше появились модернистские образцы этого жанра, и стали складываться свои эстетические конвенции: искусство выше жизни, производители информации / искусства — самые интересные персонажи, субъективность выше реалистической попытки передать мир объективно. Кроме того, писатели вступили в гонку за новые средства выражения и новое содержание.

С 1913 по 1927 г. вышли в свет семь томов эпопеи «В поисках утраченного времени». Говоря коротко и с прицелом на типологическую общность с «Жизнью Арсеньева», прустовский герой-рассказчик (Марсель) хочет стать писателем — и в «Обретенном времени», уже достигнув зрелости, становится им. Аналогичную динамику, происходящую с главным героем, мы наблюдаем и в «Жизни Арсеньева».

Занимающая Марселя тема — события, определившие его детское и юношеское бытие. С одной стороны, в «Поисках...» они поданы в хронологическом порядке: детство, отрочество, молодые годы, а дальше — перепрыгивая через временную пропасть — зрелость. С другой же — Пруст, в отличие от Бунина, делает акцент не на событиях как таковых, а на воспринимающем их субъекте. Для Пруста охарактеризовать героя не значит проследить его биографию — это было бы «старой» парадигмой, собственно, той, что представлена в «Жизни Арсеньева», а значит показать мир его глазами. «Поиски...», в сущности, сводятся к череде эмоциональных состояний, через которые проходит вырастающий Марсель, и его интеллектуальному и эстетическому восприятию — себя, разных слоев общества, культуры, также в разных фазах, от детской до юношеской и взрослой.

Предлог для повторного вступления в реку прошлого, куда, по идее, не вступают дважды, герою-рассказчику «Поисков...» дают произвольные акты памяти (типа вкуса пирожного «Мадлен», макаемого в липовой чай). По мысли Пруста, таков единственный способ прочесть книгу собственной жизни, после чего можно брать за перо, чтобы записать ее.

Вырастание прустовского героя в интеллектуала и эстета проведено через его мысленные возвращения к прежде отрефлексированным событиям (события оказываются не теми, какими казались прежде) и восприятие новых. Столь же важны его наблюдения за творческими актами признанных «художников» — писателя (Бергота), художника (Эльстира), композитора (Вентейля), актрисы (Берма). Что касается создания литературы, то это искусство Марселю долго не поддается. День за днем у него не получается усадить себя за письменный стол, и он корит себя за лень, а его первая публикация (в «Фигаро») долгое время остается единственной.

«Воспитания чувств» Марселя — это разнообразные влюбленности, в том числе на расстоянии — в герцогиню Германтскую; гражданский брак с Альбертиной Симоне; дружба с Робером де Сен-Лу и вращение в светских кругах.

Любопытно отметить, что Пруст рассредоточил свои собственные «проблемы» по персонажной структуре семи романов. Писатель был буржуа, и к этому же сословию принадлежит Марсель; оба, несмотря на происхождение, вхожи в высшее общество, в генах которого течет прошлое Франции. Свое еврейское (по матери) происхождение Пруст передал Свану — эстету, знатоку изобразительных искусств, другу семьи героя-рассказчика и другу Германтов, дрейфусару, а также семейству Блоков. В отличие от Пруста, любившего молодых мужчин, герой-рассказчик — гетеросексуал, но тянущийся к бисексуальным героям: Альбертине и ее бальбекской «стайке»; барону де Шарлю и Сен-Лу. Пруст опускается до конформистской демонстрации того, как «Содом и Гоморра» тайно пронизывают —

и отравляют — коллективное общественное тело. Бунин в «Жизни Арсеньева» тоже связывает дворянство с историей страны и тоже портретирует евреев, в том числе местечковых (в Витебске). Однако художественных реакций на уход его последней возлюбленной — Галины Кузнецовой к Маргарите Степун, отравивший последний период работы над «Жизнью Арсеньева», в тексте не обнаруживается.

В 1914–1915 гг. вышел «Портрет художника в юности», полностью посвященный становлению будущего писателя. Пруст активно эксплуатировал дворянскую, во всех отношениях элитарную, парадигму, а у Джойса, как позже и у Бунина, автобиографический герой, почувствовавший в себе творческую жилку, по мере разорения аристократической семьи опускался по социальной лестнице все ниже; зато в творческом отношении он — с каждым новым этапом повзреления — двигался к искомой цели.

Стивен Дедал и Алексей Арсеньев схожи и по ряду других параметров. Так, в их развитии имеется религиозный этап. И в исполнении Джойса, и в исполнении Бунина фабула повзреления писателя получает открытый финал. У обоих писателей взрослеющий герой — носитель национальной идентичности. Ирландец Стивен Дедал находится в непростых отношениях с английской цивилизацией, то отделяя себя от нее, то примиряясь с ней (к Ирландии у Стивена тоже немало претензий). Арсеньев пестует в себе русскую идентичность, каковая в скрытом виде противопоставлена зарождающейся советской (подробнее — в § 1.8).

Подлинно модернистские *Künstlerromane* отличала оригинально найденная оптика, благодаря которой сюжет формирования юного «художника» превращался в эстетическое высказывание. Эта оптика конкурировала с сюжетом — и преображала его. Пруст на подходе к «Поискам утраченного времени» (в неоконченном романе «Жан Сантэй») и Джойс на подходе к «Портрету художника в юности» (в тоже незавершенном «Стивене герое») пытались написать вполне традиционалистскую, во многом автобиографическую историю повзреления молодого человека. Не удовлетворившись этим опытом, они нащупали, каждый свою, художественную манеру, которая и придала их романам подлинно модернистское звучание.

Один пример новонайденной модернистской оптики — «обсессивный» дискурс Пруста, кружащий вокруг одного события на сотне и более страниц. А вот другой. В «Портрете художника в юности» повзрелению будущего писателя аккомпанируют стилистические усложнения в повествовании. В начале романа, когда Стивен Дедал только учится говорить, оно предельно простое, но с искореженными детской речью словечками. По мере человеческого и эстетического созревания Стивена Дедала «созревает» — усложняется, становясь все более изысканным, — и повествование.

А проходит ли оптика «Жизни Арсеньева» тест на модерность? До известной степени. Еще В.В. Вейдле подметил размыкание бунинской прозы в лирическое повествование — эффект, иногда называемый импрессионизмом / феноменологизмом. Если конкретизировать это наблюдение, то каждая из 107 главок «Жизни Арсеньева» — что-то вроде стихотворения в прозе. Соответственно, квантами бунинского *Künstlerromans* оказываются либо «остановленные мгновения», либо

периоды, спрессованные в высокохудожественную картину, а заключенная в них правда жизни рассматривается под лирической лупой.

Künstlerroman'ы Пруста и Джойса отмечены и более мелким экспериментаторством по-модернистски — словесными, грамматическими и прочими трюками. Грамматически спрессованное время и эффект «остановленного» / «ожившего времени» — то, что «Жизнь Арсеньева», очевидно, разделяет с Прустом (но, впрочем, и с «Дэвидом Копперфилдом»). Имеются у Бунина и другие эффекты такого рода, но не на поверхности, поскольку его главная установка — сугубо реалистическая: проза хороша, когда в ней все натурально и кажется безыскусным. По стопам Толстого и Чехова Бунин создает эффект погружения читателя не в текст, а в саму жизнь. Многих читателей, включая маститых буниноведов, этот эффект вводит в заблуждение. Они наивно полагают, что Бунин имел в виду написать свою или арсеньевскую (авто)биографию. Но нет, «Жизнь Арсеньева» попадает в другую, более высокую и по-настоящему честолюбивую лигу: Künstlerroman'a.

1.8. ЭМИГРАНТСКИЙ ДВОРЯНСКИЙ KÜNSTLERROMAN VS СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ BILDUNGSROMAN

Чтобы замерить степень жанровой оригинальности «Жизни Арсеньева», с европейского контекста переключимся на русский, а из классики XIX в. переместимся в 1920–50-е гг., на которые пришлось эмигрантская жизнь Бунина.

В 1920–50-х гг. усилиями Зайцева, Набокова, Шмелева, Бунина, Газданова и Куприна сложился формат, который по аналогии с русским дворянским романом XIX в. правильно будет назвать «эмигрантским дворянским Künstlerroman'ом». Место его рождения — Берлин и Париж, две европейские столицы.

Наверстывая новейший европейский жанровый тренд, Бунин, Зайцев, Шмелев и Куприн культивировали «старую» русскую, чаще всего дворянскую, идентичность, и все как один обращались к поэтике высокого реализма. Младозэмигранты Газданов и Набоков в том, что касается техники, приемов, композиционных и словесных трюков, держались скорее модернистского репертуара. В то же время со старшими современниками их объединяло ностальгирование по «старой» России. В эпоху между двумя мировыми войнами ни Газданов, ни Набоков не думали отказываться от своей «русской» идентичности. Для Набокова она равнялась *сгème de la сгème* русского дворянства¹⁴. В «Жизни Арсеньева» дворянскость конца XIX в. проблематизируется. Русский человек жаждет праздника, и этим расшатывается благосостояние дворянства как класса. В семье Арсеньевых отец — любитель покутить и выпить — спускает состояние детей; Георгий причащается социализма, позволяющего забыть про трудовые будни и жить ощущением, что он приближает славное будущее; наконец, Алексея накануне его 20-летия тянет вкусить всю полноту бытия, и это разрушает его гражданский брак с Ликой.

¹⁴ Подробнее об эмигрантском дворянском Künstlerroman'e и вкладе перечисленных писателей в его становление см. [Panova 2019].

В советской метрополии эмигрантский дворянский *Künstlerroman* прошел незамеченным. Зато там расцвел его конкурент — соцреалистический *Bildungsroman*, в качестве ролевой модели насаждавший своей аудитории психотип «*homo sovieticus*». Как известно, в типовом соцреалистическом сюжете главный герой проходит через классовую перековку, под руководством партии борется за установление власти рабочих и крестьян, проявляя завидный энтузиазм, участвует в индустриализации страны. Так в сознание страны вселялось имитационное желание: если ради претворения коммунистической утопии любимый персонаж охотно жертвовал собой, то почему бы не проявить героизма и читателю — когда партия призовет его на подвиг?

Эмигранты бунинского круга советской этики не разделяли. В прогремевшей речи «Миссия русской эмиграции» (16 февраля 1924 г.) Бунин заостренно сформулировал необходимость противостоять коммунистической идеологии. Сходный отпор Арсеньев дает харьковскому социалистическому подполью.

После сказанного не покажется удивительным, что главный герой эмигрантского *Künstlerroman*'а — антипод *homo sovieticus*'а. Если коллективистский *homo sovieticus* подчиняет свою свободу, личность, счастье сверхценной коммунистической идее, то *Künstler*-герой глубоко индивидуалистичен: он отстаивает свое достоинство и свое право на выбор жизненного пути. Если *homo sovieticus* настраивается на интернациональную волну, превращаясь в «ивана-родства-не-помнящего», то *Künstler*-герой пестует в себе истинного «русского». Наконец, если социалистический *Bildungsroman* представляет собой массовую продукцию, адресованную внушаемому — «простому» — читателю, то эмигрантский *Künstlerroman* претендует на элитарность.

В качестве гимна свободной творческой личности дворянский *Künstlerroman* — плоть от плоти идеологии гуманизма, поднятой на щит XX столетием. На глазах Бунина и его собратьев по эмиграции произошло множество катастроф с миллионными жертвами в результате установления диктатуры и фашистских государств или, проще, в результате идеологического посыла: будущее благополучие масс значит все, а судьбой отдельного человека можно пожертвовать.

В контексте бунинской речи «Миссия русской эмиграции» позволительно думать, что сценарий воспитания идеального «русского» в «Жизни Арсеньева» обращен в будущее — до востребования. Если бы советский строй пал, а дореволюционная Россия начала возрождаться из пепла, то Арсеньев мог бы послужить ролевой моделью для посткоммунистической молодежи.

1.9. ВОСПОМИНАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ О СВОИХ РАННИХ ГОДАХ

В русской литературе XIX–XX вв. были писатели, бравшиеся за воспоминания о своих ранних годах в режиме non-fiction. Поскольку «Жизнь Арсеньева» нередко рассматривается как завуалированная автобиография Бунина, в пару к ней ставится «История моего современника» Владимира Короленко, полностью напечатанная в 1922–1929 гг. (см.: [Berdnikova 1997, p. 54; Аверина 2003, с. 129; Пономарев 2019, с. 83–96]).

Не имея в виду поднимать весь корпус русской автобиографической прозы, позволю себе высказать гипотетическое соображение. Если бы Толстой с его установкой на интроспекцию довел «Мою жизнь» дальше руссоистского протеста против пеленания себя, то Бунину было бы на кого равняться. Но две другие упоминаемые в этом разделе автобиографии — «Мои литературные и нравственные скитальчества» Аполлона Григорьева (1822–1864) и «История моего современника» Короленко — существенно отстоят от «Жизни Арсеньева». Дело в том, что личность героя в них не важна, как не важен и самоанализ. Ни Григорьев, ни Короленко не выдержали того хорошо налаженного баланса между исповедальным разговором о себе и бытописанием, который принципиален для Bildungs- и Künstlerroman'a. В их исполнении личность героя тонет и задыхается в культурном (у Григорьева) и социальном (у Короленко) ландшафте.

Исповедальность, свойственная Бунину в рассказе о созревании Арсеньева, — физическом, сексуальном, духовном, интеллектуальном, — выглядит беспримерной на фоне русской традиции, исключая Гарина-Михайловского, впрочем не обладавшего бунинским литературным даром. У русских эмигрантов отдельные страницы бунинской прозы вызывали культурный шок. Хотя надо сказать, что европейские авторы вроде Джойса были еще откровеннее, физиологичнее, психологичнее. Но все-таки будем помнить, что за их спиной была целая традиция автобиографических откровений, таких как «Исповедь» Руссо или, например, «Жизнь Анри Брюлара» Стендаля.

2. KÜNSTLERROMAN'НЫЙ ДИЗАЙН «ЖИЗНИ АРСЕНЬЕВА»

«Жизнь Арсеньева» — произведение, в котором тема созревания писателя проведена — мастерски разыграна — буквально на всех уровнях. Künstler-принципу, состоящему в том, что главный герой растет, меняется, воспитывается, воспитывает себя сам, воспитывает для себя и под себя подругу (Лику), осваивает новые области знания и «чувствования», отвечает как сюжет в целом, так и отдельные эпизоды. В последних персонажи выступают: учителями, учениками, (ложными) наставниками; авторами / исполнителями произведений искусства и читателями / слушателями / зрителями — внимательными и не очень. В «Жизни Арсеньева» также наблюдается: борьба разных видов искусства — литературы и театра (победа присуждается литературе); отделение истинного искусства от дилетантизма (Арсеньев vs Балавин) и противостояние «столичной» литературы и литературы «провинциальной», заканчивающееся вничью. На примере Арсеньева и его кумиров Бунин демонстрирует, что истинная русская литература создается в имениях — Толстым, Тургеневым и т. д., в провинциальных городах — Ельце и Орле, и на Полтавщине — Гоголем, но что, конечно, правильное место для ее публикации — столичные журналы.

Для изображения судьбы начинающего писателя Бунин рассредоточил детали, создающие металитературный ярус, по всему роману. По эпизодам рассыпан (1) внушительный перечень прочитанных героем книг, способы их восприятия и

некоторые способы их переработки в оригинальное творчество Арсеньева¹⁵. Если подытожить перечень одним словом, то это будет русская и мировая классика — от Библии и Гомера до Чехова. В «Жизни Арсеньева» имеются также (2) многочисленные эпизоды, в которых книжные ситуации применяются героями к своим обстоятельствам, так что литература формирует жизнь, а эта жизнь в дальнейшем станет содержанием арсеньевской прозы. Даются описания: (3–4) библиотек — домашних и городских и (5) рабочего стола Арсеньева в родительском имении. Совсем мельком появляется (6) вокзальный книжный киоск, (7) присылаемые по почте номера журналов, в том числе с (8) публикациями Арсеньева, и (9) получение гонорара за одну из публикаций — тоже по почте. Во всех ракурсах показана (10) редакция орловского «Голоса». Арсеньев, будучи местной знаменитостью, приглашается туда (11) редактором. Его знакомство с «Голосом» начинается отнюдь не парадным образом: он ошибается дверью и сразу попадает в (12) производственный цех — место материализации журнальной продукции. Вскоре Арсеньев узнаёт, что такое (13) поденная журналистика. Ему придется погрузиться в редактирование чужих текстов, принятых для публикации. Выработывая собственную манеру письма, он присматривается к другим редакторам, а по внешнему виду визитеров — авторов «Голоса» — определяет, что это за люди. Список с металитературными деталями будет неполным, если не упомянуть (14) записные книжки Арсеньева — с 11 выдержками оттуда, (15) его стихотворный экспромт «И вновь, и вновь над вашей головой...» и четверостишие из бездарного стихотворения Балавина «Родился я в глуши степной...», (16) юношеские прозаические замыслы и воплощение одного из них — (17) автобиографии — в зрелом возрасте. Столь же мощно представлен в «Жизни Арсеньева» метаязыковой план, превращающий целый ряд главок в (18) «слово о словах». Наконец, с Ростовцевым, Балавиным, харьковскими статистиками, отцом Лики, самой Ликой Арсеньев (19) беседует на литературные темы, а с Ликой еще и (20) перебрасывается записками, письмами, телеграммами — образцами деловой корреспонденции, которая полностью приводится.

Тот факт, что бунинский *Künstlerroman* от первого до последнего слова является арсеньевской автобиографией, в которой к тому же процитированы арсеньевские экспромт и записные книжки, придает «Жизни Арсеньева» свойства метаромана, т. е. произведения, состоящего из текстов героя-писателя. Она, собственно, лежит на полпути от предыдущих русских эмигрантских *Künstlerroman*’ов к «Дару», где стихи Федора Годунова-Чердынцева, набросанная им, но незаконченная «жизнь» отца, а затем и нашумевшая «Жизнь Чернышевского» встроены в повествование, посвященное повзролению героя как писателя. В качестве человека и мужчины Годунов-Чердынцев не взролеет: родившись русским аристократом, он уже достиг «потолка».

К *Künstlerroman*’ному структурированию относится и различие трех авторских инстанций. Для буниноведения это не новость¹⁶, но я постараюсь расставить акценты более четко.

¹⁵ Подробности см. в [Lushenkova Foscolo 2017].

¹⁶ См. в особенности [Zweers 1997, p. 21 сл.].

Первая инстанция — Арсеньев в юношеской ипостаси, или творец своего артистического «я». Вторая — зрелый Арсеньев. Обдумывая и записывая свою Künstler-автобиографию (подобную гётевской «Поэзии и правде»), он доискивается до тех обстоятельств, которые сформировали из него «художника», а также человека и мужчину. Над двумя этим ипостасями — «Арсеньева-героя» и «Арсеньева-рассказчика» — возвышается сам Бунин. Это благодаря его присутствию арсеньевская автобиография, т. е. как бы non-fiction, приобретает свойства Künstlerromana, т. е. подлинно эстетического высказывания, в данном случае — о «художнике», в эмиграции сохраняющем память о «старой» России и ее литературе.

Два, казалось бы, взаимоисключающих повествовательных режима — non-fiction и fiction — в «Жизни Арсеньева» вовлекаются в то, что Б.М. Эйхенбаум назвал (применительно к гоголевской «Шинели») «построением и игрой». А благодаря бунинскому искусству натурализации fiction успешно мимикрирует под non-fiction.

Тем, что на глазах читателя 50-летний Арсеньев пишет свою «жизнь», имитируется творческий процесс. Получающийся в результате продукт обычно считается критиками и буниноведами как типичная non-fiction или несколько рыхловатая — и в этом смысле склонная к бессюжетности — автобиография, следующая двум принципам: один — что вспомнилось, то вспомнилось; другой — правда жизни, не нуждающаяся в приукрашивании, в частности в беллетризации.

Однако non-fiction — лицевая сторона словесной текстуры «Жизни Арсеньева». Есть и изнанка. Сюда относится прежде всего густота художественных приемов; литературные лекала из русской и европейской классики, по которым «выкроены» многие эпизоды; и бунинская реакция на различные нормы повзреления, существовавшие на тех или иных этапах романа воспитания.

В том, как режимы non-fiction и belles lettres в «Жизни Арсеньева» взаимодействуют друг с другом, намечаются четыре пары оппозиций.

«Свое» личное, сокровенное, исповедальное Бунин отчуждает от себя и передоверяет Другому, и этот Другой — Арсеньев. Бунин признавался, что Арсеньев — его несколько идеализированная и, очевидно, беллетризованная версия. Так или иначе, в романе Арсеньев выступает сразу и субъектом, наделенным сознанием, телесностью, голосом, волей, и объектом описания.

Где объектность, там недалеко и до объективности. В «Жизни Арсеньева» Бунин берется высказать свою правду — о тернистой судьбе начинающего писателя, судьбе дворянства и судьбе страны в целом. Пересоздавая себя в Арсеньеве, Бунин вдохновлялся примером Толстого, преподносившего свои автобиографические проекции (Николеньку Иртеньева, Константина Левина) без скидок на духовную и внешнюю близость. Аналогичным образом Бунин ведет счет хорошим и дурным проявлениям своего alter ego. Он даже отказывается от присущей ему позиции «над моралью»: Арсеньеву его дворянским родом заповедано благородство, однако в гражданском браке с Ликой не он, а она проявляет подлинное благородство. Из девушки с мещанскими вкусами, пробующей себе на сцене (по Бунину, рассаднику пошлости), героиня становится для Арсеньева идеальной

подругой, готовой внимать каждому его слову. Она постепенно осваивает ту высокую, элитарную литературную традицию, которую ценит он.

В отличие от Толстого, в «Жизни Арсеньева» парой к «правде / объективности» оказывается лиризм, вместе с которым приходит субъективный взгляд на мир. Так намечается вторая оппозиция. «Правда», по определению беспощадная, некрасивая, громоздко формулируемая и трудно выговариваемая, рассредоточена по 107 главам, представляющими собой лирические миниатюры. Лирическое голосоведение особенно заметно в тех главах, что посвящены душе главного героя, наблюдаемой им жизни природы, переживаемому любовному настроению. В одних главах появляются портреты, пейзажи, натюрморты, зарисовки психологических состояний; в других — приметы баллады, эпитафии, сатиры, любовных признаний.

Рассматриваемая оппозиция — назовем ее по-гётевски «поэзией и правдой» — фундирует характер главного героя, совмещающего в себе поэта и прозаика. Как поэт, Арсеньев взыскует лиризма, как прозаик — «мыслей» (если следовать пушкинскому определению прозы) и достоверного — реалистического — отражения действительности. Поэзия рождается в его голове сама, проза же требует сосредоточенного труда; Арсеньев пробует себя в прозе, но к рубежному 20-летию ничего значительного из-под его пера не выходит.

Развитие художественной личности, составляющее единую сюжетную линию пятикнижия, каковым является «Жизнь Арсеньева», и отдельные жизненные моменты, схваченные той или иной главкой в порядке следования гётевскому завету «остановись, мгновенье, ты прекрасно!», составляют третью оппозицию. «Жизнь Арсеньева» как целое — мозаика, сложенная из «малого», которое, в свою очередь, не уступает по своей ценности «большому». По сути бунинский роман равноценен тематическому сборнику стихотворений в прозе, замечательному как отдельными миниатюрами, так и целым, в которое эти миниатюры складываются.

О четвертой оппозиции — модернность vs традиционная эстетика — речь шла в § 1.7.

3. О ДВУХ ИПОСТАСЯХ АРСЕНЬЕВА

Четкое различие двух ипостасей Арсеньева входило в замысел Бунина. Показательно признание, вложенное им в уста Арсеньева-рассказчика об Арсеньеве-герое:

<Я> пытаюсь воскресить чей-то далекий юный образ. Чей это образ? Он как бы некое подобие моего вымышленного младшего брата, уже давно исчезнувшего из мира вместе со всем своим бесконечно далеким временем (4, II).

Раздвоение Арсеньева на старшую и младшую ипостаси имеет самое непосредственное отношение к рамочной композиции романа. «Внешняя», или рамочная, история, посвященная созданию автобиографии, отведена Арсеньеву-рассказчику — успешному, состоявшемуся писателю-эмигранту бунинского калибра. Внутри рамки разворачивается фабула повзреления Арсеньева-героя, рассказывающая о начале творческого пути методом проб и ошибок, вдохновен-

ного писания и прокрастинации, мыслей о том, как и что писать, и беззаботного наслаждения жизнью, свойственного истинно русскому характеру.

Две ипостаси Арсеньева и отличны друг от друга, и тождественны. Арсеньев-рассказчик направляет «прожектор» своего сознания на те обстоятельства, что способствовали его становлению как писателя, а потом отложились в его памяти — как нечто важное. Вспоминательность присуща и Арсеньеву-герою, причем чем дальше, тем сильнее. Соответствующий ментальный механизм запускается разлукой, особенно финальной — с Ликой. На отдельных отрезках «Жизнь Арсеньева» представляет собой письменные воспоминания Арсеньева-рассказчика об устных воспоминаниях Арсеньева-героя. Другие отрезки «Жизни Арсеньева» отмечены эффектом «текста в тексте». Приводя выдержки из своих ранних записных книжек, Арсеньев-рассказчик завершает повествование на — как бы визуальном — предъявлении одной такой записной книжки: подарка Лики. Как и устные воспоминания, эти записи — залог того, что арсеньевская жизнь материализуется в виде «Жизни».

Между юношеской и взрослой ипостасями Арсеньева пролегло 30 лет, заполненных поездками по всему свету, эмиграцией, любовными историями и, главное, овладением секретами писательского мастерства. Последнее удостоверяется тем, что пятидесятилетний Арсеньев «пишет» свою автобиографию безупречно — в стилистическом, композиционном и прочих отношениях. Он берет быстрый темп изложения событий, не дающий читателю заскучать, делится нешаблонными представлениями о психологии вырастания, о психологии творчества, о мужской и женской психо- и физиологии. Арсеньев-рассказчик, кроме того, транслирует бунинскую концепцию свободного творчества. Писатель ничего не должен обществу, но «должен» своему таланту, ибо авторство — тяжелейшая жизненная миссия, рискованная и не гарантирующая успеха. Чтобы выйти в первый ряд русских писателей, необходимо и стечение обстоятельств, и время для физического, психологического, душевного, стилистического созревания, и погружение в жизнь — через любовь, страдания, смерти близких, депрессию и ощущение праздника.

Под ипостась Арсеньева-дебютанта подходит заповедь бедности, которой Чехов как-то поделился с Буниным:

Писатель должен быть нищим, должен <...> зна<ть>, что помрет с голоду, если <...> будет потакать своей лени. Писателей надо отдавать в арестантские роты и там принуждать их писать карцерами, поркой, побоями... **Ах, как я благодарен судьбе, что был в молодости так беден!** [Бунин 1993–2000, 7, с. 83].

От Чехова Бунин услышал и противоположную заповедь — богатства:

Писатель должен быть <...> так богат, чтобы он мог в любую минуту отправиться в путешествие вокруг света на собственной яхте, снарядить экспедицию к истокам Нила, к Южному полюсу, в Тибет и Аравию, купить себе весь Кавказ или Гималаи [Там же].

Ей отвечает ипостась 50-летнего преуспевшего Арсеньева.

Разделением Арсеньева на дебютанта и состоявшегося писателя Бунин открывает изнанку творчества. Читателю предоставляется возможность следить за тем, как появляется — в юности, и как претворяется — в зрелости, замысел его автобиографии.

Как-то размышляя, о чем бы ему написать, юный Арсеньев приходит к выводу, что за отсутствием прочных гимназических познаний он сам должен сделаться сюжетом своей прозы. Прокручивая в голове возможный формат своей автобиографии, он — в духе «страха влияния» Гарольда Блума — напуган тем, что *Bildungs*-трилогия Толстого уже написана и, значит, нужно искать какой-то другой формат:

Основное было всегда свое, личное <...>. Что ж, думал я, может быть, просто начать повесть о самом себе? Но как? **Вроде «Детства, отрочества»?** Или еще проще? **«Я родился там-то и тогда-то...»** Но, Боже, как это сухо, ничтожно — и не верно! <...> Это стыдно, неловко сказать, но это так: я родился во вселенной, в бесконечности времени и пространства, где будто бы когда-то образовалась какая-то солнечная система, потом что-то, называемое солнцем, потом земля... (5, XIII).

Нащупывая свое видение прожитой жизни, Арсеньев-герой сочиняет, но пока что в голове, богатый зачин для будущей автобиографии, от которого Арсеньев-рассказчик оставляет самое простое¹⁷. «Жизнь Арсеньева» открывается словами: «Я родился полвека тому назад в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе» (1, I). Не проявляется ли и в этом следование урокам Чехова — в данном случае стилистическим, по принципу «чем проще, тем вернее»? Ср.:

Очень трудно описывать море. Знаете, какое описание моря читал я недавно в одной ученической тетрадке? «Море было большое». И только. Помоему, чудесно [Бунин 1993–2000, 7, с. 37].

В орловских эпизодах «Жизни Арсеньева» Арсеньев-герой делится с Ликой воспоминаниями о прошлом, каковые в конечном итоге войдут в его автобиографию. Но в ту пору он напрасно рассчитывает найти в своей подруге достойную слушательницу. Лика произносит общие, клишированные фразы, подделывающиеся под эмпатию:

Я нередко рассказывал ей о своем детстве, ранней юности, о поэтической прелести нашей усадьбы, о матери, отце, сестре: она слушала с беспощадным безучастием. Я хотел от нее грусти, умиления, рассказывая о той бедности, которая наступала порой в жизни нашей семьи <...> и что же видел вместо грусти, умиления?

— Да, это ужасно, — невнимательно говорила она (5, VIII).

При чтении арсеньевской «виты» как раз и возникает тот спектр эмоций, от грусти до умиления, каковые не давались Лике, пока из пианистки и актрисы она не сделалась читательницей и идеальной парой для Арсеньева.

¹⁷ Путь, который Арсеньев проделал от замысла автобиографии к ее первой фразе, ранее был прослежен в [Пономарев 2019, с. 120].

А вот другой эпизод из той же серии — Арсеньев вспоминает о своем прошлом, прицеливается к написанию автобиографической прозы, но его замысел оставляет Лику равнодушной:

Я рассказывал ей, как мы однажды с братом Георгием ездили поздней осенью покупать на сруб березу: в поварской у нас вдруг рухнул потолок, чуть не убил древнего старика, нашего бывшего повара, вечно лежавшего в ней на печи, и вот мы поехали в рощу, покупать эту березу на матицу. Шли непрестанные дожди (все мелкими, быстро сыплющимися сквозь солнце каплями), мы рысью катили в телеге с мужиками сперва по большой дороге, потом по роще, которая стояла в этом дробном, дождевом и солнечном сверкании на своих еще зеленых, но уже мертвых и залитых водою полянах с удивительной вольностью, картинностью и покорностью... Я говорил, как несказанно жаль было мне эту раскидистую березу, сверху донизу осыпанную мелкой ржавой листвой, когда мужики косолапо и грубо обошли, оглядели ее кругом и потом, поплевав в рубчатые, звериные ладони, взяли за топоры и дружно ударили в ее пестрый от белизны и черни ствол... «Ты не можешь себе представить, как страшно мокро было все, как все блестело и переливалось!» — говорил я и кончил признанием, что хочу написать об этом рассказ. Она пожала плечами:

— Ну, миленький, о чем же тут писать! Что ж все погоду описывать! (5, VIII).

Интересно было бы узнать реакцию Лики на толстовский рассказ «Три смерти» (1859), где главная из трех смертей — смерть дерева — как раз и «научила» Арсеньева-героя живописать красоту срубленной березы.

Рассказывая о своих ранних годах, Арсеньев-рассказчик воздаст любовью за любовь своим близким, ко времени написания автобиографии перешедшим в мир иной. Эмоция, родственная любви и еще сильнее согревающая автобиографическое повествование Арсеньева-рассказчика человеческим теплом, — это чувство невосполнимой потери: ни родителей, ни Лики, ни юности вернуть нельзя, как не вернуть и «старую» Россию. Что можно — это, положившись на свою память и на владение богатейшим русским языком, имевшим хождение в «старой» России, восстановить фрагменты прошлого, перенеся их на бумагу. Так вводится мотив «*vita brevis, ars longa*» или старое как мир упование на долговечность слова. Соответствующее переживание свойственно умудренному Арсеньеву-рассказчику, предваряющему историю своего повзросления металитературными рассуждениями на ту тему, что долговечное слово — записанное слово. Подробности ждут нас в § 4.2.

4. ФОРМУЛА АВТОРСТВА

В «Жизни Арсеньева» формула авторства приведена в соответствие с формулой романа воспитания, будь то *everypart's* или «художника», в его дворянском изводе. Бунин учел и судьбу России, и «русскую» идентичность, и золотой — дворянский — фонд русской литературы, и историю, аккумулированную индивидом через дворянское происхождение, и эстетское отношение к миру, аристократии свойственное в большей степени, чем другим сословиям. Творцом, разумеется,

нужно родиться, но таланту требуется шлифовка, и лучше, чтобы шлифовка шла естественно, незаметно, в частности через культурные модели быта дворянской усадьбы, впитываемые индивидом с младых ногтей, и через правильно выстроенные отношения внутри семьи.

4.1. ДУША, СОЗНАНИЕ, ТЕЛО

Подразумевая, что писателем нужно родиться, Бунин имеет в виду пригодные для творческой деятельности душу, сознание и тело. Или, как сказано об этом в «Дяде Ване» Чехова: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

О душе Арсеньева его пронизательный отец, носящий пушкинские имя и отчество, обронил два точных определения: она *золотая* и *несовременная*. Такое мироощущение сформулировано Буниным в его раннем стихотворении «В горах» (1916), часто приводимом при обсуждении «Жизни Арсеньева»: «Нет в мире разных душ и времени в нем нет!» [Бунин 2014, 2, с. 140]. Прочитанная строка не распространяется на персонажную структуру «Жизни Арсеньева», как склонны думать некоторые буниноведы. Она резонирует исключительно с писательским «я» Арсеньева.

Несовременность — вечность — души Арсеньева проявляется в мистических озарениях. В этом Бунин наверняка ориентировался на известное письмо Флопера Жорж Санд от 29 сентября 1866 г.:

<Я> существовал всегда! Некоторые мои воспоминания восходят ко временам фараонов. <...> Мое теперешнее «я» — итог моих исчезнувших индивидуальностей. Я был лодочником на Ниле, римским сводником времен Пунических войн, затем греческим ритором в Субуре, где меня пожирала клопы. <...> Я был пиратом и монахом, жонглером и кучером. А быть может, и императором Востока.

Многое разъяснилось бы, если б мы имели возможность узнать *подлинную* нашу родословную [Флобер 1984, с. 40].

По версии Флобера, метемпсихоз — способ прозреть иные цивилизации, исчезнувшие эпохи, далекие земли. Мысль Бунина движется в другом направлении — родовой прапамяти: Арсеньеву через его польско-русскую генеалогию передались как любовь к рыцарям, готике, холодному оружию, так и чувство России.

(Под)сознание Арсеньева оперирует «платоновскими» идеями, передающими суть выдающихся объектов материального и культурного мира, — от готических соборов и египетских древностей до Черного моря. Прочитав или услышав о каком-то из них, он визуализирует его настолько точно, что момент его посещения оборачивается радостным моментом узнавания. Всё это — предпосылки к реалистической прозе, которую Арсеньев будет осваивать.

Телесность в «Жизни Арсеньева» — широкая тема, поэтому выделю лишь несколько аспектов, важных для бунинского *Künstlerroman*'а. Арсеньев красив мужской красотой — и его тянет к красоте других. Это может быть женская красота, красота природы и красота, воплощенная в искусстве.

К природе Арсеньев проявляет экстраординарную, практически звериную чуткость. Он гордится своей способностью отличать плотный южный воздух Малороссии и Крыма от незаметного воздуха средней полосы России, и ему ничего не стоит разглядеть все семь звезд в Плеядах, услышать свист сурка и опьянеть от запаха ландыша или книги. Ту же чуткость Бунин знал за собой — и за Толстым, ср. запись в его дневнике от 9 (22) января 1922 г.:

«Я как-то физически чувствую людей» (Толстой). Я *всё* физически чувствую. Я **настоящего художественного естества**. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду — и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно! [Устами Буниных 2: 75].

Экстраординарная чуткость, а также ранняя сексуализированная тяга к девушкам и молодым женщинам — способ познать мир специфическим арсеньевским способом. Именно это познание наш герой и положит в основание своей прозы.

Что касается любви, то к двадцатилетнему рубежу у Арсеньева набирается донжуанский список из пяти покоренных женщин. С Тонькой и потом Ликой он познает всепоглощающую силу страсти.

4.2. ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К СМЕРТИ

Душе Арсеньева внятны и зримый мир, и незримый. Но писателем его делает болезненное переживание границы между ними, выливающееся в экзистенциальный ужас от сознания смертности — своей и близких. Обостренной чувствительностью к смерти всю жизнь мучился и Толстой. Поскольку на этом построено бунинское «Освобождение Толстого», то становится понятно, что аналогичные переживания Арсеньева — не свободный, а связанный мотив: без ушибленности смертью нет и не может быть писателя земли русской.

Интеллектуальное осмысление человеческой *condition humaine* в мире, где смерть напоминает о себе, приходит к Арсеньеву как по печальным поводам, так и через чтение Библии. Совсем ребенком после смерти сестренки Нади он делается анахоретом, укрощающим свою плоть. Гимназистом Арсеньев входит в экзальтированное состояние, выстаивая церковную службу. В странствия и эмиграцию он берет с собой фамильную икону Троицы с почерневшими от времени ликами — очевидно, как и он сам, странников.

В плане сюжета «Жизнь Арсеньева» изобилует эпизодами смертей и похорон. Ими кончаются книги 2, 4, 5 и начинается 3-я. Кончины близких и дальних людей надолго выбивают его из колеи¹⁸, зато, вернувшись к жизни, он переживает ее радости с удвоенной силой.

Чувствительность к смерти мотивирует Арсеньева к двум вещам: вкушать жизнь в полной мере и записывать увиденное и прожитое¹⁹. В истории литерату-

¹⁸ В [Сливицкая 2004, с. 97–103] подробно рассматриваются все такие эпизоды, названные «сквозным мотивом» «впечатлений о смерти в истории становления личности».

¹⁹ См.: [Wachtel 1990, p. 180].

ры соответствующая топка сложилась в прецедентных для Бунина древних текстах: египетской «Песне арфиста» и одах Горация 1.11 «К Левконое» и 3.30 «Eхegi monumentum». Отдал ей дань и сам Бунин — в «Слове» (1915), кстати, с древне-египетским колоритом:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
 Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
 Умейте же беречь
 Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
 Наш дар бессмертный — речь [Бунин 2014, 2, с. 107].

Возвращаясь к «Жизни Арсеньева», заметим, что ее начало украшено древнерусской цитатой: «Вещи и дела, аще не написани бывають, тмою покрываються и гробу безпамятства предаются» (I, 1)²⁰. Благодаря ей писательская миссия Арсеньева приобретает особый символический смысл: победы над смертью. И молодость героя миновала, и той России, с которой он себя ассоциирует, больше нет, но написать о них — значит продлить их существование. Перед нами, в сущности, вариация на египетские и горацянские мотивы, но только в древнерусском колорите, важном для главного героя как образцового представителя русского мира. Вот кто-то на древнерусском языке высказал вечную истину, и она дошла до людей первой трети XX в., пишущих на современном русском языке.

Такую же судьбу Арсеньев фактически предрекает своей «Жизни», а Бунин — своему *Künstlerroman*’у.

4.3. «ПОРОДА» И ПИСАТЕЛЬСТВО

Любуясь «отборными» представителями своего и других классов, от купцов до императорской семьи, Арсеньев произносит по их поводу слово *порода*. В терминах породы, дворянской и — уже — арсеньевской, думает он и о себе. Черты, передавшиеся Алексею как Арсеньеву — а это владение богатым русским языком и здравый смысл, доставшиеся от отца, ощущение связи с Богом, вплоть до некоторой отрешенности, и любовь к Пушкину, доставшиеся от матери, — позволили ему определиться с тем, что он такое.

Для писателя земли русской — утверждается зачином «Жизни Арсеньева», к которому мы обращались в предыдущем параграфе, — желательно родиться в славной своим прошлым дворянской семье, а в качестве нравственного императива унаследовать завет о благородстве. Эта мифологема аристократа смотрит и в прошлое, и в будущее. В Алексее благодаря славному роду аккумулирована русская история: как один из Арсеньевых, он породнен с ней. В то же время разви-

²⁰ Согласно [Блюм 2001, с. 681–682], у нее два возможных источника: «Поморские ответы» и «История о зачале Выговской пустыни, и в коих летех и от каковых жителей населися» Ивана Филиппова (конкретнее, ее раздел «История краткая в ответех сих...»).

ваться он должен так, чтобы доставшийся ему по праву рождения аристократизм сделался его натурой — определил его поведение и образ мыслей.

Еще важнее, чтобы семья, в которой рождается будущий писатель, была — тоже *родственно, кровно* (бунинские наречия!) — связана с русской литературой. В частности, чтобы она давала ощущение, что Пушкин — *наш*, а все описанное Пушкиным — *наше*; чтобы родительская усадьба соседствовала с имением предков Лермонтова («Кроптовкой»); чтобы отец сражался в Севастополе в Крымскую кампанию вместе с Львом Толстым; чтобы молодые Толстые охотились поблизости от усадьбы Арсеньевых Батурино; чтобы возникали поводы нанести визит самому Толстому; наконец, чтобы формирующийся писатель попробовал свои силы (очевидно, по-толстовски и по-левински) в косьбе с мужиками, а потом возвращался в коммуне толстовцев. Тогда на этапе становления писателя-дворянина Державин, Анна Бунина, Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Гоголь, Фет, Толстой, Чехов определяют его писательское ДНК.

4.4. ПОРТРЕТ «ХУДОЖНИКА» В СЕМЕЙНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

В бунинском романе действуют два последних поколения Арсеньевых. Описывая отца, мать, двух старших братьев и двух младших сестер, Арсеньев-рассказчик уделяет внимание тем родовым чертам, которые он с ними разделяет. Из этого семейного портрета становится многое понятно и про него самого.

От отца Арсеньев унаследовал не только черты, сделавшие из него писателя, но также повышенное желание жить. Материнское начало в Арсеньеве — погруженность в себя вплоть до полной отрешенности от мира, религиозность, страхи за жизнь близких. Противоположность унаследованных от родителей черт — то, что сформировало из Арсеньева психологически многогранную личность: личность писателя, которой внятно всё.

Отец, старшие братья и младшая сестренка Оля — в рамках создаваемого Буниным *Künstlerroman*'а — воплощают определенные жизненные стратегии. Пытаясь определиться со своим писательским квестом, Арсеньев держит эти стратегии перед мысленным взором.

Отец — бывший военный. Почему бы Алексею не пойти по тому же пути? В принципе, в русской литературной традиции «служба» и писательство составляли прекрасную пару: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов и Толстой тому примеры. Но у Алексея с его тонкой натурой, по слову Балавина, «не те мечтания», чтобы повторить военную карьеру отца, ибо он «слишком вдаль простирается» (4, IV). К тому же Арсеньев-старший предоставляет сыну свободу выбора, сострадает ему и поддерживает его начинания. Вообще, Алексей, будучи младшим сыном, — самый любимый из всех отпрысков Александра Сергеевича.

Брат Николай, бросивший гимназию, заведший подростковый роман с деревенской девкой Сашкой, в дальнейшем сделал ставку на практическую жизнь. Он взял в жены девушку более низкого социального происхождения, притом немку (подразумевается: с хозяйственной жилкой), снял соседнее имение и занялся фермерством. Какое-то время развитие Алексея идет в точности по проложен-

ному Николаем пути: он тоже бросает гимназию и заводит роман с крестьянкой, которая — что характерно — служит в доме Николая. Но между братьями есть существенное отличие, и это — литературный талант Алексея. Судьбы двух братьев в период окончательного повзреления расходятся. Николай, чувствуя себя старшим и, следовательно, ответственным за непутевого младшего брата, время от времени пытается его образумить:

— Итак, мой друг, романтическое существование твое благополучно продолжается. Все по-прежнему: «несет меня лиса за темные леса, за высокие горы» <...>

Я ответил полушутя:

— Всякого несет какая-нибудь лиса. А куда и зачем, конечно, никому неизвестно. Это даже в Писании сказано: «Иди, юноша, в молодости твоей, куда ведет тебя сердце твое и куда глядят глаза твои!»

Брат <...> грустно сказал:

— Ну, иди, иди... (5, IV).

В Алексее словами из Екклесиаста (11: 9) говорит «Оно» (id), а в Николае — репрессивное «Супер-Эго». Недаром Николай иронически цитирует реплику непослушного, то и дело попадающего в беду петушка из сказки «Петушок — золотой гребешок». Следя за тем, как «романтическое существование» Алексея с Ликой вот-вот перейдет в брак, Николай прогнозирует два возможных развития события: либо Алексей женится и поставит на себе крест, либо проявит свою непутевость, и тогда крест будет поставлен на его отношениях с Ликой.

Опасности, подстерегающие «эго» Алексея на рискованном пути раскрытия его незаурядной личности, воплощает юная сестра Оля. У нее, как дает нам понять Арсеньев-рассказчик, нет никаких жизненных перспектив: *молодая прелесть* — вот и все ее приданое. Мучительно осознавая, что Оле суждено коротать свой девичий век при стареющих родителях, Алексей проецирует эту ситуацию на себя. В случае неудачи ему не останется ничего другого, кроме как вернуться в родовое гнездо и жить при стареющих родителях, в частности при отце, тем временем деградировавшем — скатившемся до алкоголизма. Так все и происходит. Потеряв Лику, Алексей возвращается в Батурино разорителем своей жизни и жизни своей подруги.

Алексее невероятно повезло с братом Георгием. Это дворянин, который на короткой дистанции, т. е. во время учебы, успел воспользоваться своими дворянскими привилегиями. В принципе, для дальнейшей замечательной карьеры нет никаких препятствий, но Георгий уходит в социалистическое движение. За это его ждет арест, год в харьковской тюрьме и три года в родительском имении под полицейским надзором. Оставшись при своих социалистических идеалах, Георгий в дальнейшем находит себе занятие, в котором они получают практический выход. Это — статистические замеры народной жизни.

Жизненные дороги двух братьев, то и дело скрещиваясь, все-таки устремлены к противоположным целям. Георгий вкладывает душу в «общее дело». Алексей же

не приемлет ничего «общего», коллективного. Пестуя в себе индивидуальность, он совершает путешествие в незнаемое, каковым является писательство.

При всей разноустремленности своих жизненных стратегий братья всегда остаются близкими людьми. В одном эпизоде Алексей чувствует себя исключенным из жизни Георгия и испытывает обиду. Оказывается, тот имеет тайную жену, настолько тайную, что Алексей об этом даже не подозревал. Алексей в дальнейшем тоже заводит тайный роман — с Ликой в Орле. А когда отношения с Ликой входят в фазу гражданского брака, то Георгий, тем временем перебравшийся из Харькова в Полтаву, приглашает юную пару к себе и там мягко и тактично заботится о младшем брате и его избраннице.

В рамках сюжета «Жизни Арсеньева» Бунин устраивает «соревнование» трем братьям: кто из них выйдет в «люди»? Соревнование придерживается архетипа (русской) сказки: младший брат — Иван Царевич / Иван дурак, самый обделенный и непутевый, побеждает двух старших. Архетип, о котором идет речь, актуализуется в бунинском романе опять-таки через отношения братьев. Старший Николай, смеясь, не раз говорил младшему Алексею, что тот «от природы дурачок» (5, XXI).

Но «дурачок» становится сначала юным поэтом, дебютирующим в столичном журнале, а к своему 50-летнему юбилею дорастает до писателя бунинского калибра.

4.5. ЧУВСТВО РОССИИ

Русский писатель, по Бунину, должен не просто родиться с чувством России, но — вновь вспомним о жанре *Künstlerroman*'а — пестовать его в себе. Алексею в этом помогают, помимо родовой прапамяти, чтение и поездки по Центральной России, Украине (Харькову и гоголевской Полтавщине) и Крыму. Крепнущее чувство родины поставлено в связь с его миссией: стать писателем земли русской.

Пробуждающееся чувство родины Арсеньев впервые замечает в себе во время второго путешествия: из хутора Каменка в елецкую гимназию. В последующие, гимназические, годы он постоянно читает постороннюю литературу и «фланирует» по Ельцу, воспринимая его под специфическим углом зрения — древней истории и идущей из старины коммерции (кожного дела). Перед нами специфически арсеньевский способ впитывать в себя Россию.

В дальнейшем арсеньевское чувство России укрепится благодаря целенаправленным путешествиям. Увлекаясь «Словом о полку Игореве», рассказами отца об осаде Севастополя в Крымскую кампанию, семейными преданиями о Смоленске, где во время очередного пожара сгорели бумаги рода Арсеньевых, он начнет прокладывать маршруты по этим «святым» для всех русских и для арсеньевского клана местам.

Часть его путешествий вызвана любовью к словам, точнее к тому, что Пруст назвал «*Nom de pays: le nom*» [Имена стран: имя]. Вот он объясняет Авиловой — очарованной им молодой, прелестной, всячески расположенной к нему хозяйке «Голоса», почему его влекут в путь названия городов: «Очень нравятся слова: Смоленск, Витебск, Полоцк...» (5, XV).

Как-то Авилова предлагает ему прокатиться вместе в столицу, Арсеньев-герой отказывается, а Арсеньев-рассказчик оценивает это как потерю. Вскоре Арсеньев посещает Петербург и Москву в одиночку. Поселившись впоследствии с Ликой на гоголевской Полтавщине и пообещав ей совместные «литературные» экскурсии по окрестностям, он выбирается туда без нее. Возможно, тут дело в желании Арсеньева остаться с культурно и исторически значимым местом один на один. Вспоминается нелюбимый Буниным Блок: *О, Русь моя! Жена моя!* Поклонение родине — сродни поклонению женщине, и эти два начала Арсеньев не смешивает.

Русскость в смысле народности и фольклорности расположили Арсеньева к Лике. Во время знакомства она и Сашенька Оболенская предстали ему «в цветисто-расшитых **русских нарядах**, с разноцветными бусами и широкими рукавами» (4, XVII). Аналогичный прецедент в творчестве Толстого — русскость Наташи Ростовой, подсвеченная русскими танцами и святочными обрядами.

5. СЦЕНАРИЙ ПОВЗРОСЛЕНИЯ

В Bildungs- и Künstlerroman'ax, написанных до Бунина, наметились типовые сценарии вступления во взрослую жизнь: в общество, профессию, брак. Из них для «Жизни Арсеньева» релевантен прежде всего английский сценарий, который в союзе с руссоистскими идеями определил «Детство. Отрочество. Юность» Толстого и примыкающих к ним в качестве четвертой стадии развития «Кзакаов».

В младенчестве главный герой переживает период райской чистоты, невинности, постижения жизни во всей ее полноте и красоте; затем, в процессе развития, забывает об этом, пачкая свою душу и тело тем, что можно назвать грехами юности, которые вызваны либо непреодолимыми обстоятельствами, либо (психологической, гормональной и прочей) нестабильностью, свойственной подросткам; осознав глубину своего падения, он совершает рывок (в случае Толстого — волевой) обратно в потерянный рай.

Так, в «Оливере Твисте» Диккенса

при рождении заглавный герой теряет мать, связь с семейным кланом и свою аристократическую идентичность. Пройдя через множество испытаний, включая почти тюремное существование внутри шайки мошенников, он на законных основаниях возвращается в свой семейный клан и наслаждается той райской — дворянской — средой, к которой принадлежит как по праву рождения, так и в силу внутреннего благородства.

Еще более показателен «Дэвид Копперфилд». Там периодов райского счастья целых три.

С рождения малютка «Дэви» окружен заботой двух самых близких ему людей: матери и служанки Пегготти.

После того как Дэвид-подросток лишился матери, а отчим чуть не сжил его со свету, отправив мойщиком бутылок в свою лондонскую контору, герой попадает в заботливые руки бабушки, ранее не желавшей знать с его семьей. Бабушка отдает его в хорошую школу — не чету той, в которой ему по воле отчима пришлось учиться для избавления от своих якобы пороков. Тогда же происходит знакомство Дэвида с Уикфилдами, в чьем доме он поселяется «нахлебником». Агнесс, маленькая хозяйка, становится для Дэвида подругой, confidentкой, практически сестрой.

Пережив еще ряд бед, включая разорение бабушки и сложный брак с девочкой-женой, кончающийся ее смертью, Дэвид женится на Агнесс. Поскольку этот брак связал персонажей, выросших вместе и понимающих друг друга с полуслова, он полностью счастливый.

Для Толстого движение вниз и вверх по иерархической лестнице не столь существенно, как для романтика-реалиста Диккенса. Толстовская Bildungsroman'ная трилогия — интроспекция психологического повзреления домашнего ребенка, включающая освоение моральных императивов через жизнь в семье (особенно через любовь к рано умершей матери), общение с прислугой (крепостной Натальей Савишной — воплощением руссоистского понятия «l'homme de la nature et de la vérité»), дружбу с детьми без привилегий, городскую среду, в том числе университет. Состоявшийся взрослый, согласно Толстому, — тот, кто способен очиститься от скверны и внести в мир добро и справедливость.

Арсеньев в своем развитии проходит через этап райского детства, отсылающий к только что описанной английской / толстовской традиции. По контрасту следующий этап — типовой для русского Bildungs- / Künstlerroman'a период учебы в удушающей все живое гимназии. Бросив гимназию, Арсеньев получает в качестве подарка райское чувство полноты и красоты жизни. Возвращение из чуждой городской среды в семью — опять по рецептуре английского романа — играет в этом существенную роль. Но еще более важный фактор — осваиваемая Арсеньевым «дворянская» поэзия периода классицизма, сентиментализма и романтизма. Эта та призма, через которую дворянский мир разоряющегося Батурина приобретает райские приметы.

В том, как изображен следующий этап — трудная юность Арсеньева, — дает о себе знать другая, французская традиция, а именно «Воспитание чувств» (1869).

Провинциал Фредерик Моро, получив состояние, поселяется в Париже, где погружается то в одну художественную среду, то в другую; пробует он себя и на политическом поприще. Вместо того чтобы стать уважаемым профессионалом в какой-нибудь одной области, — а так поступают его парижские знакомые без состояния, он предпочитает дружбы и романы с молодыми женщинами, платоническую страсть к замужней мадам Арну и наблюдения за революцией 1848 г. Когда у Фредерика заканчиваются средства, он возвращается в провинцию, но все же этому печальному результату не перечеркнуть замечательно проведенной юности.

Параллели между Арсеньевым и Фредериком Моро в области «воспитания чувств», пробы себя в качестве «художника», возвращения домой неудачником

очевидны, поэтому остановлюсь на различиях. Во-первых, сквозная линия «Жизни Арсеньева» — как стать писателем земли русской, где «*éducation sentimentale*» — линия побочная, вливающаяся в главную на правах познания жизни, ценностей, страстей, — словом, всего того, что составит содержание его произведений. Во-вторых, согласно Пьеру Бурдьё (Bourdieu), Флобер действует как социолог культуры. Фредерик посещает различные «поля культурного производства», а также доминирующее над ними поле власти, благодаря чему читатель постигает, как эти поля функционируют²¹. Бунин сосредотачивается на становлении одного творческого организма, который не соприкасается с цветущей столичной культурой, а из всех сфер, интересовавших Флобера, а также Бальзака, постигает одну: журналистику. Особенности функционирования русского эмигрантского поля литературы впоследствии раскроет набоковский «Дар». Сила Бунина — не в концептуальном подходе к литературной карьере, а в человековедении.

У арсеньевского сценария повзреления намечается 6 фаз.

5.1. ПОЯВЛЕНИЕ НА СВЕТ (I, II–V): ПУСТОТА, ТИШИНА, ОДИНОЧЕСТВО

Отличительная особенность арсеньевского сценария повзреления — наличие нулевой отметки, или того краткого периода, когда душа, пересекая границу Вечности и земного мира, начинает обживать в младенческом теле. Среди дополнительных примет нулевого хронотопа — пустота, тишина, безлюдность.

В главах I, II–V Бунин фактически вступает на территорию символистского *Bildungsroman*а типа «Котика Летаева». Припоминая — прозревая? реконструируя? — как все это было, Арсеньев или, точнее, водящий его рукой Бунин обращается к словам-символам *луч*, *жучок*, *звезда*, которым под силу изобразить душу новорожденного, выражаясь по-тютчевски, *жилищей двух миров*.

5.2. МЛАДЕНЧЕСТВО (I, VI–XXI): РАЙСКОСТЬ БЫТИЯ

Собственно младенчество — это вкушение роскошной райскости бытия, архетипически повторяющее существование Адама и Евы до грехопадения. В роли Евы выступает сестренка Оля, подруга детских игр. Райскость подчеркнута тем, что Арсеньев-рассказчик вспоминает себя преимущественно на фоне лета, солнца, вместе с Олей пробуящим на вкус все без разбора дары матери-земли. Задним числом в поедании этих даров Арсеньев видит церемониал причащения к земле и земному.

Выход из состояния райскости, проявление человеческой — разрушительной / каиновской — природы — тоже часть формирования главного героя. Речь идет об убийстве, коварном и бессмысленном, ни в чем не повинного грача отцовским кинжалом. Этот эпизод показывает, что Арсеньев — человек из плоти и крови, подверженный страстям, а не какая-то ходячая добродетель.

²¹ См.: [Bourdieu 1996, p. 1–36].

5.3. ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ (2, I – 2, XIII):

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРЫВЫ, ОДИНОЧЕСТВО, ВСПЛОХИ ЧУВСТВЕННОСТИ

Если младенчество Арсеньева напрямую связано с чтением книг, то в гимназический период его обуревают желание писать. Но как и что писать? Этими вопросами Арсеньев будет мучиться вплоть до своего 20-летия. А пока что, в гимназический период, он, выражаясь по-фетовски, переживает творческие порывы в духе *Что не знаю сам, что буду / Петь — но только песня зреет*. По оставлении гимназии стихи польются на бумагу сами, без усилий.

Выход из комфортной для Арсеньева дворянско-усадебной среды в мещанскую городскую происходит в результате того, что он поселяется нахлебником в доме Ростовцевых. Хозяин дома сразу объявляет Алексею правила общежития, и Алексей твердо их исполняет. К Ростовцевым он испытывает неизменное уважение. Их отличительные особенности — чувство собственного достоинства и деловая жилка, справедливость и простота.

Основное состояние Арсеньева-гимназиста — одиночество. Отныне это осознанная им *condition humaine*, принимаемая за данность. Весомый «плюс» одиночества — в том, что герой научается самостоятельности и сосредоточенности на себе. И то и другое пригодится ему для литературного труда.

Самую большую радость Арсеньеву-гимназисту доставляют визиты отца, возвращающие его в привычный — семейный — формат общения. Герой переживает свою принадлежность к привилегированному дворянскому классу со всей остротой — и всей нелепостью, свойственной его возрасту.

Вопреки тому что гимназическое время — время мужской дружбы, Арсеньев заводит от силы одного-двух приятелей. С кем он охотно шел бы на сближение, это с девушками. Вот только возможностей для знакомств с ними мало из-за раздельного обучения. Балы, устраиваемые совместно мужской и женской гимназиями, и прогулки в парке — этим всё и исчерпывается. Наметившаяся было, но не состоявшаяся сексуальная инициация (с Налей Р.) вгоняет героя в состояние ступора. И при виде других девушек он переживает всплохи чувственности.

В остальном гимназическое отрочество идет под знаком получения ложных знаний и ложных социальных навыков — типа кружка для дворян. Гимназической рутины Алексей бежит как огня. Поварившись несколько лет в среде соучеников и учителей, он осознает, что жизнь по чужой, особенно учительской, указке не для него.

5.4. ОТРОЧЕСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ (2, XIV – 3, XII):

РАЙСКОЕ ОЩУЩЕНИЕ БЫТИЯ, КНИГИ, СТИХИ, ДЕВУШКИ

Посреди учебного года Арсеньев принимает судьбоносное решение: закончить с гимназией и вернуться домой — в Батурино. За первый сознательно сделанный выбор его ждет награда. Потерянное было ощущение райскости бытия возвращается, чтобы продлиться еще на целых три года!

Райскость — производная от нескольких факторов сразу. Семья Алексея опять в сборе — и ведет гармоничное, хотя и бедное существование. Алексей упи-

вается чтением поэзии и пишет стихи сам, ощущая себя полноценным творцом. Девушки проявляют к нему интерес и благосклонность.

Арсеньев участвует в жизни семьи и — шире — большого клана Арсеньевых, как и они участвуют в его. Из ближайших родственников Алексея брат Георгий находится в невыгодном положении — бесправного ссыльного, а брат Николай — в наиболее выгодном: женится, заводит свое хозяйство.

Много времени Арсеньев посвящает себе — учебе, чтению, вдохновенному поэтическому творчеству, платоническим увлечениям девушками, гостящими в соседних имениях, и прогулкам — пешим и конным. Все это — образ жизни типичного дворянина, который Арсеньеву полагается последний раз в жизни.

5.5. ВСТУПЛЕНИЕ В ТРУДНУЮ ЮНОСТЬ (3, XIII – 4, IX): «КРЕСТЬЯНСКИЙ» РОМАН, КРЕСТЬЯНСКИЕ РАБОТЫ

Сначала — о юности Арсеньева в целом.

Раньше Арсеньев черпал модели того, как правильно чувствовать, вести себя, любить и творить из книг. Отныне книгами определяется исключительно круг его чтения. В остальном Арсеньев должен сам, без подсказок со стороны, понять, кто он такой, чего он хочет добиться в жизни и, главное, как приступить к осуществлению избранной писательской миссии.

С глаз Арсеньева вдруг спадает романтическая пелена и начинается отрезвление. Теперь буквально все подвергается им холодной, безжалостной рефлексии. Арсеньев оказывается один на один с жизненными вызовами, которые раньше, в силу возраста и романтического настроения, не замечал. Что делать с ужасающей бедностью и деклассированностью? можно ли при отсутствии образования получить в том или ином городе хорошее место? как избыть непереносимое одиночество? достойны ли дебютные публикации того творческого потенциала, который он чувствует в себе? и, главное, как научиться замечать реальность, подвергать ее анализу и начать писать о ней по-арсеньевски?

Потеря невинности, попытки зарабатывать на жизнь и как-то сводить концы с концами, переход от легко дающейся поэзии к прозе, которую неизвестно как и зачем писать, — все это неотъемлемые приметы трудной юности Арсеньева. По идее, пройдя к 20-летнему рубежу жизненные испытания, герой должен полностью и окончательно повзрослеть. Но повзросления как раз и не наступает.

Физически Арсеньев — высокий, красивый, но чрезвычайно худой молодой господин. Будучи внешне привлекательным для женщин, ввиду своей бедности и божьего существования рассчитывать на прочные отношения он не может. Девушка, которая решила бы сделаться спутницей его жизни, рискует в такой же мере, в какой рискует он сам, избрав писательскую карьеру.

Фаза «трудной юности» для Арсеньева начинается в Батурине, в момент, когда он сходится с Тонькой. Этот «крестьянский» роман длится около полугода и кончается из-за вмешательства Тонькиного мужа. Расставшись со своей первой настоящей любовью, Арсеньев чувствует себя потерянным. На помощь приходят батуринские крестьяне. Они приглашают его на покосы и другие сельскохозяйственные работы.

Одна из новых крестьянских подружек Арсеньева предлагает ему себя за малую плату (ножницы), но он воздерживается, боясь завязнуть в Батурине навсегда.

5.6. СОБСТВЕННО ЮНОСТЬ (4, X – 5, XXXI):

СТРАНСТВИЯ, ПИСАТЕЛЬСТВО КАК МИССИЯ, ЛЮБОВЬ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Планы Алексея перебраться в город сбываются далеко не сразу, а когда сбываются, то благодаря заботе брата Георгия. Устроившись в Харькове, Георгий выписывает к себе Алексея.

Вплоть до своего 20-летия Арсеньев будет находиться в городской среде — помимо Харькова, в Ельце, Орле, Полтаве, — и менять раз за разом работу и образ жизни. Психологически годы странничества отмечены переходами от депрессии и ощущения безысходности к восприятию жизни как праздника.

Благодаря путешествиям по историческим и литературным местам к романтизированному переживанию Древней Руси добавляется очарованность гоголевской Полтавщиной. Что касается современной России, то Арсеньев тщетно пытается занять в ней подобающее ему место. Он хотел бы войти в писательскую среду, однако пропуском туда может служить лишь публикация чего-то действительно стоящего. Арсеньев не удовлетворен своей прозой. Журналы публикуют ее, но он корит себя за подгонку материала под тенденцию. Свежие публикации Чехова вызывают в Арсеньеве чувство белой зависти — и общего понимания, в какую сторону двигаться.

Символом этого, пока что подготовительного, периода в вызревании творческого «я» Арсеньева становится записная книжка. Последний, 5-й том «Жизни Арсеньева» представляет собой прямо-таки парад записных книжек.

Чтобы Арсеньеву выйти на тот уровень реалистического письма, который представляют Толстой или Чехов, он придумывает что-то вроде мыслительной гимнастики: разглядывая незнакомца со спины, отгадать его черты — лицо, характер, сословие. Проникновения в суть — людей, вещей, событий — стоят в одном ряду с врожденной способностью Арсеньева по краткому описанию или книжной иллюстрации визуально представить памятник культуры или Черное море. У Арсеньева-рассказчика, взявшегося за свою автобиографию, в сущности, те же задачи: диагностика себя, своего окружения, обстоятельств, в которых он сложился.

Встретив Лику, Арсеньев довершает «*éducation sentimentale*», начатую через платоническое поклонение девушкам и первый — «крестьянский» — роман. Отношения с Ликой протекают по-юношески бурно, отнимая у Арсеньева все силы. В период гражданского брака с ней Арсеньев полон жизни, счастья и любви, и ему не до литературы. Ему даже удается по-пигмалионовски пересоздать Лиду — сделать ее читательницей. Но Арсеньев слишком молод, чтобы вести свою линию — не мальчика, но мужа — по-взрослому. Он не только не исполняет обещанное — не женится на Лике, но изменяет ей с другими женщинами. Когда Лика чувствует, что попрано ее достоинство, она сбегает от своего возлюбленного, оставив вместо себя прощальное письмо. Потерю Лики Арсеньев будет переживать как потерю себя. Это пока что главное событие его жизни за первые 20 лет.

Сценарий повзреления Арсеньева — лишний аргумент, что своего протагониста Бунин видит «художником в юности», наращивающим как жизненный, так и писательский багаж для дальнейшего творческого прорыва.

Литература

- Аверин 2003 — *Аверин Б.* Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003.
- Адамович 1971 — *Адамович Г.* Бунин: Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 115–137.
- Блюм 2001 — *Блюм А.В.* Из бунинских разысканий // Бунин: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 651–693.
- Бунин 1952 — *Бунин И.* Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.
- Бунин 1993–2000 — *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Моск. рабочий, 1993–2000.
- Бунин 2014 — *Бунин И.* Стихотворения: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014.
- Мальцев 1994 — *Мальцев Ю.* Иван Бунин. 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994.
- Пономарев 2019 — *Пономарев Е.Р.* Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019.
- Сливицкая 2004 — *Сливицкая О.В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004.
- Степун 1934 — *Степун Ф.А.* Иван Бунин // Современные записки. 1934. № LIV. С. 197–211.
- Устами Буниных 1977–1982 — *Устами Буниных.* Дневники: в 3 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977–1982.
- Флобер 1984 — *Флобер Г.* О литературе, искусстве и писательском труде: Письма. Статьи: в 2 т. / пер. с фр. под ред. А. Андрес. Т. 2. М.: Худ. лит., 1984.
- Чувильяев — *Чувильяев И.* Иван Бунин «Жизнь Арсеньева» (1933) // Веб-сайт «Полка». URL: <https://polka.academy/articles/567> (дата обращения: 09.12.2021).
- Berdnikova 1997 — *Berdnikova O.* Бунинская концепция художника в контексте романа об искусстве в русской и европейской прозе // *Bounine revisité.* Paris: Institut d'études slaves, 1997. P. 53–60.
- Bourdieu 1992 — *Bourdieu P.* The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field / trans. by S. Emanuel. Stanford: Stanford UP, 1992.
- Lushenkova Foscolo 2017 — *Lushenkova Foscolo A.* Les Artistes-lecteurs chez Marcel Proust et Ivan Bounine. Classiques Garnier, 2017.
- Marullo 1998 — *Marullo T.G.* If You See the Buddha: Studies in the Fiction of Ivan Bunin. Evanston, IL: Northwestern UP, 1998.
- Minden 1998 — *Minden M.* Bildungsroman // Encyclopedia of the Novel / ed. by P. Schellinger: 2 vols. Vol. 1. Chicago; London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1998. P. 118–123.
- Moretti 2000 — *Moretti F.* The Way of the World: The Bildungsroman in European Culture / transl. by A. Sbragia. L.; N. Y.: Verso, 2000.
- Panova 2019 — *Panova L.* Homo Aristocraticus cum Artisticus: The Russian Émigré Künstlerroman and its Modernist Environment // The Many Lives of the Russian Avant-garde. Nikolai Khardzhiev's Legacy: New Contexts. Amsterdam: Pegasus, 2019. P. 207–238.
- Wachtel 1990 — *Wachtel A.B.* The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth. Stanford CA: Stanford UP, 1990.
- Zweers 1997 — *Zweers A.F.* The Narratology of the Autobiography: An Analysis of the Literary Devices Employed in Ivan Bunin's *The Life of Arsenèv.* N. Y.: Peter Lang, 1997.

П.А. Трибунский

СОБИРАНИЕ МАТЕРИАЛОВ И.А. БУНИНА
В ПРЕДВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ*

Покидая в 1918 г. Москву, И.А. Бунин оставил свой архив на попечение брата Ю.А. Бунина. Уже вне пределов России у писателя начал копиться новый, эмигрантский, архив. История бытования архива И.А. Бунина как в России / СССР, так и в эмиграции неоднократно привлекала внимание исследователей (см.: [Понятовский 1979, с. 3–4; Крюкова 1999; Филатова 2014; Костомарова 2018; Шинкова 2018; Трибунский 2019, с. 470–474, 480–481; Любомудров 2021; Neuwood 2000, р. XXVIII–XXX и др.]). Однако история взаимоотношений Бунина с Русским заграничным историческим архивом и Русским культурно-историческим музеем в Праге, попытки собирания документов и рукописей писателя, хотя изредка и упоминаются в существующей историографии, но системно не изучались.

Архив русской эмиграции был создан в 1923 г. комитетом Объединения российских земских и городских деятелей в ЧСР. С 1924 г. он получил название Русский заграничный исторический архив (РЗИА). Последний ставил себе целью собирание книжных и рукописных материалов по истории России эпохи мировой и Гражданской войн и революции, документов по истории русских беженских организаций. В 1928 г. состоялась передача архива в ведение МИД ЧСР, после чего общее руководство стал осуществлять уполномоченный министерства, а научное — Совет архива из русских ученых (подробнее об архиве см.: [Павлова 1990; Хорхордина 2006; Серапионова 2011; Серковская 2011а; 2011б; 2015; Родионова 2015]).

До 1933 г. И.А. Бунин не относился к числу деятелей, документальное наследство которых могло заинтересовать РЗИА. Но личные связи писателя втянули его в интригу, в центре коей оказался архив. Литературная и публикационная деятельность Бунина, а также заработки в начале 1930-х гг. стали давать сбои. Его постоянное сотрудничество в журнале «Современные записки» сошло на нет, возникли трения и с газетой «Последние новости». Ситуация обострялась тем, что один из соредкторов «Современных записок», И.И. Фондаминский, много сделавший для привлечения Бунина в издание и удерживания его в числе авторов, начал сворачивать свою деятельность в журнале, постепенно переориентируясь

* Считаю своим приятным долгом поблагодарить Л.И. Петрушеву (Москва), Л. Бабку (Прага) и Р. Дэвиса (Лидс) за помощь в сборе материалов для статьи.

Выдержки из писем и текст анкеты И.А. Бунина приводятся с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

на другие предприятия [Риникер 2010, с. 123–124]. В начале октября (до 16-го) 1931 г. Бунин написал Фондаминскому о своем тяжелом финансовом положении. Последний пообещал Бунину запросить проживавшую в Чехословакии Е.Д. Кускову, не найдется ли какая-либо возможность вспомоществования знаменитому писателю [Современные записки 2012, с. 839]. Что Фондаминский и сделал в письме Кусковой от 30 октября 1931 г.:

Иван Алекс<еевич> Бунин очень бедствует. Просить меня молить Вас о помощи сам, очевидно, стесняется. Знаю, что сейчас в Чехии сделать что-нибудь трудно. Но все же И<ван> А<лексеевич> — первый русский писатель. Может быть, для него возможно исключение. Он — академик, нельзя ли расшевелить Чешскую академию <?> Словом, прошу Вас сделать все, что можно, — Вы лучше знаете сами, куда броситься. Адрес И<вана> А<лексеевича> — Villa Belvédère, Grasse (A<lpes> M<aritimes>). Если что клюнет — напишите ему сами¹.

Судя по всему, Кускова пообещала Фондаминскому помочь с поисками финансирования для Бунина. Но самому писателю Кускова медлила с ответом, в результате чего Бунин аккуратно напомнил ей о просьбе, сопроводив письмо от 13 ноября 1931 г. выражением благодарности за будущие хлопоты².

В пространном ответе Е.Д. Кускова (29 ноября 1931 г.) сообщила И.А. Бунину о невозможности организовать прямую финансовую помощь. Однако она обозначила возможный косвенный путь для получения денежных средств писателем, вероятно подсказанный кем-то из высших чиновников чешского МИД:

Это — предложение с Вашей стороны продажи рукописей, дневников, записных книжек и прочих атрибутов писательской работы. Если у Вас таковые есть, быть может, действительно, можно попробовать? Другого пути здесь сейчас нет. Если Вы решите попробовать, напишите заявление и пришлите его мне. Я уже тут буду разговаривать о цене. И сообщу Вам — для согласия или отрицания — их решение. Постараюсь все это провести скоро. При продаже необходимо обусловить право пользования продаваемыми рукописями, письмами и пр. Вы можете, напр<имер>, написать, что всякое опубликование или использование материала не может совершаться раньше, как через 10, 15, 20 лет. Это Ваше право. За дискретность можно поручиться: ученая комиссия состоит из русских историков, хорошо понимающих значение условий подобного рода.

Е.Д. Кускова рекомендовала И.А. Бунину выслать заявление с предложением приобретения материалов немедля, обозначив желаемую сумму. Хлопотать в МИД о выделении Бунину оплаты по высшему разряду Кускова собиралась сама³. Вместе с письмом она переслала писателю примерный образец заявления в архив:

¹ И.И. Фондаминский — Е.Д. Кусковой, 30 октября 1931 г. // ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 526. Л. 10.

² И.А. Бунин — Е.Д. Кусковой, 13 ноября 1931 г. // Там же. Д. 73. Л. 9.

³ Е.Д. Кускова — И.А. Бунину, 29 ноября 1931 г. // LRA. MS. 1066/3461.

В Русский заграничный исторический архив в Праге

Писателя Ивана Алексеевича Бунина

Заявление.

Предлагаю Рус<скому> Загр<аничному> Ист<орическому> Архиву в Праге следующие материалы: 1) оригиналы — рукописи моих произведений (написать каких), 2) Дневники, 3) Записные книжки, 4) Письма. Условия использования ... какие?

За предлагаемые материалы желал бы получить ...?... крон.

Буду признателен за скорый ответ Ученой комиссии и Управления Архива.

Такой-то.

Адрес⁴.

Подобный путь улучшения финансового благополучия не прельстил И.А. Бунина. В ответном письме от 9 декабря 1931 г. писатель подытожил:

Бумаги свои пока не могу продать — как-то больно еще расставаться с ними. С этим делом, думаю, вообще следует погодить, будут дни, вероятно, гораздо более черные⁵.

Присуждение И.А. Бунину Нобелевской премии по литературе в 1933 г. сделало его знаковой фигурой для эмиграции. Русский заграничный исторический архив не мог пройти мимо такого выдающегося события в жизни русских беженцев, и 28 ноября 1933 г. писателю было послано нижеследующее письмо:

В деятельности Р<усского> З<аграничного> И<сторического> Архива, собравшего значительные материалы, посвященные жизни и деятельности российской эмиграции, было бы большим пробелом отсутствие в его фондах документальных материалов, касающихся такого выдающегося события, как увенчание Вашей литературной деятельности мировым признанием. Разрешите просить Вас передать в фонды архива (на условии передачи их со временем в государственные хранилища в России) все то, что Вы желали бы сохранить как документальную память о Вас в жизни отечественной литературы и об акте увенчания Вас мировой славой⁶.

РЗИА предлагал переслать бунинские материалы или непосредственно в архив, или через члена совета архива П.Н. Милюкова, или через представителя архива в Париже П.П. Менделеева. В череде многочисленных поздравлений письмо пражских архивистов, по-видимому, затерялось. По крайней мере, оно не сохранилось в фонде И.А. Бунина в Лидсе, и писатель на указанное обращение никак не отреагировал. При этом чуть более раннее коллективное письмо сотрудников РЗИА от 14 ноября 1933 г. нобелевскому лауреату отложилось в архиве писателя⁷.

⁴ Ibid.

⁵ И.А. Бунин — Е.Д. Кусковой, 9 декабря 1931 г. // ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 73. Л. 10.

⁶ Русский заграничный исторический архив — И.А. Бунину, 28 ноября 1933 г. // SK. Speciální sbírky. T-RZIA-6-261-1.

⁷ Сотрудники Русского заграничного исторического архива — И.А. Бунину, 14 ноября 1933 г. // LRA. MS.1066/2839.

Русский заграничный исторический архив не был единственным эмигрантским учреждением, желавшим заполучить материалы И.А. Бунина. Вторым стал Русский культурно-исторический музей в Праге (РКИМ). Идея создания музея была высказана в конце 1933 г. общественным деятелем В.Ф. Булгаковым (1886–1966). Инициативу удалось реализовать при содействии Русского народного университета (с 1934 г. — Русского свободного университета), в каком-то с 1928 г. трудился Булгаков. Связь музея с университетом осуществлялась через музейную комиссию, составленную из сотрудников учебного заведения. Заведующим музея был избран Булгаков (подробнее о музее см.: [Савинов 1966; Докашева 1993а; 1993б; Муромцева, Перхавко 1994, с. 18–21; Досталь 1995; Муромцева, Перхавко 2003, с. 204–214; Русский культурно-исторический музей в Праге в письмах и документах (1934–1944) 2006; Шальнева, Кулакова 2007; Щеблыгина 2008; 2015а; 2015б; Петрушева 2013]; см. также: [Командорова 2009, с. 275–280; Бочарова 2014, с. 238–241]).

Согласно «Положению о Русском культурно-историческом музее в Праге», утвержденному на заседании куратория общества Русского свободного университета 17 января 1934 г., целью музея провозглашалось собирание, хранение, изучение и экспонирование «памятников и материалов, относящихся к истории, жизни, творчеству и быту русской эмиграции и русского зарубежного населения вообще». Со временем и при определенных условиях коллекции музея должны были быть отправлены в Россию. Музей предполагал собирать реликвии, связанные с выдающимися русскими писателями, учеными, художниками и артистами в зарубежье, принимая их безвозмездно как на временное, так и на постоянное хранение. Создававшаяся при музее библиотека ставила себе целью «отображение литературного и научного творчества представителей русской культуры, находящихся за рубежом». Музей отказывался от собирания материалов по истории России в эпоху войн, революции и эмигрантских организаций, поскольку указанные документы аккумулировал РЗИА. В спорных случаях представители музея и архива должны были совместно находить выход из ситуации [Положение о Русском культурно-историческом музее в Праге 1934, с. 2–3]⁸. О тех же целях сообщалось в газетах, куда музей направил информацию о своем создании и деятельности (см., например: [Русский культурно-исторический музей 1934а; Русский культурно-исторический музей 1934б])⁹.

В 1934 г. В.Ф. Булгаков составил «План Русского культурно-исторического музея», в котором предусматривался, наряду с другими отделами, «Архив рукописей». В нем в девяти подотделах предполагалось собирать оригиналы черновых рукописей писателей, композиторов, ученых, корректуры с собственноручными авторскими поправками, русские тексты произведений писателей и ученых, вышедших только на иностранных языках, переписку представителей русской культуры, переписку выдающихся иностранцев с русскими корреспондентами, характерные письма, относящиеся к истории, жизни и быту русской эмиграции,

⁸ Мы использовали экземпляр «Положения...», сохранившийся в фонде В.Ф. Булгакова (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 1345).

⁹ Протоколы заседаний музейной комиссии // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об.–14, 88–88 об.

письма из советской России, старинные русские рукописи (жалованные грамоты, записки, воспоминания и пр.), фотографические снимки с оригинальных писем, документов, старинных грамот, надписей и т. п., отсутствующих в музее. В конце 1934 г. Булгаков переработал «План...» в «План-программу Русского культурно-исторического музея в Праге», сократив число подразделов в «Архиве рукописей» до шести, однако полностью сохранив перечень собираемых материалов. На заседании музейной комиссии 19 января 1935 г. Булгаков представил «План-программу», которая была одобрена с небольшими дополнениями¹⁰.

Впервые фамилия «Бунин» прозвучала на заседании музейной комиссии университета 13 марта 1934 г. Только что созданному музею философ Ф.А. Степун предложил устроить публичную лекцию об И.А. Бунине в пользу учреждения. Комиссия признала устройство лекции неосуществимым¹¹. В процессе сбора материала для экспозиции ректор университета, председатель музейной комиссии М.М. Новиков и заведующий музеем В.Ф. Булгаков 13 ноября 1934 г. обратились к И.А. Бунину с просьбой о предоставлении материалов писателя для экспонирования:

Мы были бы счаст<ливы>, если бы могли сохранить в нашем музее какие-либо или к<ак>ую-л<ибо> из подл<инных> черн<овых> рукописей В<аших> произв<еде>ний, по В<ашему> определению. Мы не смеем, кон<ечно>, просить и надеяться, но можем только желать, чтобы Вы доверили нам возм<ожно> большее кол<ичес>тво исписанных или испр<авленных> Вами листов, каждый из к<оторых> явится драгоц<енным> материалом в руках буд<ущего> исследовате<ля> — историка рус<ской> лит<ературы>. Если бы Вы нашли возм<ожным> посл<ать> Музею хотя бы некот<орые> издания В<аших> произв<еде>ний, как на рус<ском>, так и на иностр<анных> яз<ыках>, а также В<аш> портр<ет> (к<оторый> мы сами увеличим), то музей также был бы В<ам> за это чрезв<ычайно> призн<ател>ен. Збр<аславский> замок усиленно посещ<ается> не только русс<кой>, но и иностр<анной> публ<икой>, и для посл<едней> было бы особ<енно> интер<ес>но и даже поз<наватель>но живое напоминание о рус<ских> эмигрантах — Нобел<евских> лауреат<ах>.

Мы порадо<вались> бы также появлению в наш<ем> музее к<аких>-либо реликвий или памятки, связ<анных> с В<ашим> недав<ним> пребыванием в Стокгольме: программу, меню и т. д. Нам хот<елось> бы созер<цать> в музее перо, к<оторым> В<ы> писали.

Повторяем, все это — скорее пожелания. Мы уверены, ч<то> Вы, глубокоуваж<аемый> И<ван> А<лексеевич>, с симпатией отнесетесь к самой идее Р<усского> музея за рубежом, и будем Вам глубоко призн<атель>ны за все, что только Вы ни могли бы и ни пожелали бы сделать д<ля> того, чтобы посыл<но> содейст<вовать> осуш<ествлению> этой идеи¹².

¹⁰ <Булгаков В.Ф.> План Русского культурно-исторического музея (1934) // РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 13. Л. 2; <Он же>. План-программа Русского культурно-исторического музея в Праге (1934) // Там же. Л. 10 об.; Протоколы заседаний музейной комиссии // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 16 об.-17, 89-89 об.

¹¹ Протоколы заседаний музейной комиссии // Там же. Л. 3 об.-4.

¹² М.М. Новиков, В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 13 ноября 1934 г. // Там же. Д. 6. Л. 98-99.

В 1934 г. музей обратился ко многим деятелям культуры зарубежья, но письмо к И.А. Бунину написано в самом почтительном тоне. Однако и крайняя почитательность тона не стала причиной ответить на письмо и даже сохранить его в своем архиве. Лишь черновик, отложившийся в фонде РКИМ, дает представление о первом обращении музея к писателю.

Не получив никакого ответа, к И.А. Бунину с таковой же просьбой уже личным письмом от 16 декабря 1934 г. обратился В.Ф. Булгаков¹³. Бунин и Булгаков были знакомы еще по Москве (1917), в эмиграции их переписка началась в 1927 г., основной темой которой стала биография и творчество Л.Н. Толстого. В 1933 г. Булгаков был среди многих поздравивших Ивана Алексеевича с Нобелевской премией¹⁴. Но на письмо Булгакова от 16 декабря 1934 г. Бунин также не откликнулся.

Между тем РКИМ, в августе 1934 г. обретший помещения для экспонирования коллекций в Збраславском замке благодаря любезности его хозяина, чешского промышленника К. Бартон-Добенина (Bartoň-Dobenín; 1863–1953), готовился к торжественному открытию музея, запланированному на 29 сентября 1935 г. Накануне открытия В.Ф. Булгаков начал интенсивно посылать письма видным эмигрантским деятелям культуры. Булгаков дважды просил И.А. Бунина о присылке экспонатов для музея (письма от 6 и 10 августа 1935 г.). На этот раз Булгаков попытался затронуть честолюбивые струнки в душе писателя:

...еще в декабре прошлого года наш музей официально обращался к Вам с ходатайством о присылке Вашего портрета и отрывка подлинной рукописи. Ввиду того что организация музея заканчивается и он в сентябре будет торжественно открыт в своем прекрасном помещении, в историческом замке, — я позволяю себе «неофициально» поддержать наше ходатайство и горячо просить Вас не отказать нам, по крайней мере, в любезной присылке чего-нибудь из Ваших рукописей для *центрального места* в специальной витрине с автографами русских писателей. Музей будет Вам в высшей степени за это признателен¹⁵.

Обещание быть «на центральном месте» в новом музее, вероятно, нашло отклик в душе И.А. Бунина. В течение второй половины августа — начала сентября от него пришло 7 бандеролей с различными материалами: несколько портретов с автографами (дата получения в музее — 15 августа), 5 томов Полного собрания сочинений и книга К.И. Зайцева «И.А. Бунин: жизнь и творчество» (Берлин, 1934) (19 августа), 2 бандероли с 6 книгами (22 августа), «Жизнь Арсеньева» на итальянском языке (28 августа), 3 тома Полного собрания сочинений (29 августа), 2 иностранных книги и 1 журнал (9 сентября)¹⁶. В августе–сентябре между Булгаковым

¹³ В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 16 декабря 1934 г. // LRA. MS.1066/2000.

¹⁴ Булгаков В.Ф. Встречи с И.А. Буниным // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 86. Л. 31, 32, 33; В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 27 августа 1927 г. // LRA. MS.1066/1997; В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 15 ноября 1933 г. // Ibid. MS.1066/1999.

¹⁵ Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей. Дневник. 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 15. Л. 49 об., 51 об.; В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 6 августа 1935 г. // LRA. MS.1066/2001.

¹⁶ Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей. Дневник. 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 15. Л. 53, 54, 56, 58 об., 59 об.; Он же. Русский культурно-исторический музей. Дневник. Тетрадь 3-я.

и Буниным завязалась интенсивная переписка, посвященная передаваемым экспонатам¹⁷. Булгаков явно льстил писателю, сообщая:

Большой портрет Ваш, в раме, уже красуется в музее. Портреты малые и автограф — в особой витрине. Как хорошо Вы нас поняли, что были добры послать нам и книги на иностр<анных> языках!¹⁸

И.А. Бунин явно вдохновился идеей передачи части дублетов из своего архива в РКИМ. В письме от 12 сентября 1935 г. писатель сообщал Булгакову:

Простите, — все время шлю что попало — «архив» мой и до сих пор еще не разобран, многое, кроме того, в Париже, а главное: что именно посылать? Вырезок из газет, например, тысяча — как тут выбирать? Да и множество их — в *одном* экземпляре, а я могу посылать только дубликаты. То же и с переводами моих вещей — по моей небрежности, далеко не все переводы имеются у меня, — говорю о книгах, про периодические издания и говорить нечего, — и многие имеются опять-таки в 1 экземпляре. Словом — чем богат, тем и рад. Скоро надеюсь быть в Париже — оттуда пришлю еще что-нибудь¹⁹.

В ответ на просьбу И.А. Бунина сообщить ему список полученного, руководство Русского свободного университета и РКИМ 7 октября 1935 г., помимо благодарственного письма²⁰, выслало писателю список присланных экспонатов, позволяющий оценить состав бунинской коллекции в музее (на октябрь 1935 г.):

Прага, октября 7-го дня 1935 г.

Список предметов, принятых Русским культурно-историческим музеем в Праге в дар от Ив<ана> А<лексеевича> Бунина

1. Рукопись рассказа «История с чемоданом».
2. 6 фотографий И.А. Бунина и 1 фотография герба рода Буниных.
3. 9 томов Полного собрания сочинений И.А. Бунина.
4. «Избранные стихи» И.А. Бунина.
5. «Грамматика любви» И.А. Бунина.
6. Книга К. Зайцева «И.А. Бунин».
7. «Herrn Från San Francisko», Iv. Bunin (Стокгольм, 1934).
8. «The Gentleman from San Francisko» by Iv. Bunin (London).
9. Iv. Bunin, «Grammar of Lowe» (London, 1935).

2.IX.35 — 12.III.36 // Там же. Л. 63; *Он же*. Как прожита жизнь. Часть двадцать вторая «Русский культурно-исторический музей (1934–1939)» // Там же. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 75. Л. 37. См. также публикацию воспоминаний В.Ф. Булгакова в сокращенном виде: [Булгаков 1999].

¹⁷ В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 23 августа 1935 г. // LRA. MS.1066/2002; И.А. Бунин — В.Ф. Булгакову, 19 августа, 4 сентября, 12 сентября 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 530. Л. 2–4 об.; *Булгаков В.Ф.* Русский культурно-исторический музей. Дневник. 1935 г. // Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 15. Л. 56–56 об.

¹⁸ В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 23 августа 1935 г. // LRA. MS.1066/2002.

¹⁹ И.А. Бунин — В.Ф. Булгакову, 12 сентября 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 530. Л. 4–4 об.

²⁰ Русский культурно-исторический музей — И.А. Бунину, 7 сентября (ошибка, следует: октября) 1935 г. // LRA. MS. 1066/4243. Письмо было опубликовано: [Русский культурно-исторический музей в Праге в письмах и документах (1934–1944) 2006, с. 66–67]. Публикация осуществлена по черновику: ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 6. Л. 208.

10. Iv. Bunin, «The Well of Days» (N.Y., 1934).
11. — // — (London, 1933).
12. «The Village» (London, 1923).
13. «La Giovinezza die Arseniew», Iv. Bunin (Milano), с автографом.
14. «L'affaire du Cornette Elaguine» de Iv. Bunin («La Petite Illustration», Paris, 17.III.1934).
15. «Божье древо», оттиск из «Современных записок», с автор<ской> надписью.
16. Номер 48 «Иллюстрир<ованной> России» за 1933 г., с автор<ской> надписью.
17. Газеты «Россия и славянство» (с автор<ской> надписью), «Голос» и «Послед<ние> новости», по 1 экз<емпляру>.
18. 1 плакат и 1 проспект издатель<ьской> фирмы. Зав<едающий> музеем Вал<ентин> Булгаков²¹.

После открытия музея интенсивность посылок от И.А. Бунина резко сократилась: 2 января 1936 г. поступил первый том Полного собрания сочинений²², и до июня от писателя не было никаких вестей или бандеролей. Тем неожиданнее прозвучало экстраординарное предложение Бунина в письме от 6 июня 1936 г.:

В силу некоторых обстоятельств, нам, может быть, придется уехать из Франции и вести неопределенный образ жизни. У меня и Веры Николаевны (моей жены) есть такая часть наших «архивов», которую не хочется бросать на произвол судьбы. Напишите мне, пожалуйста, можно ли переслать кое-что в чешский архив на *временное* хранение, т. е. с правом взять, когда будет можно, *назад* это кое-что?

Пишу наспех и прошу *скорого* ответа²³.

Предполагаю, что запрос И.А. Бунина о возможности помещения своих материалов на хранение в РКИМ был обусловлен потраченной Нобелевской премией и начавшимися с 1935 г. многочисленными литературными турне по разным странам [Бакунцев 2012, с. 32]²⁴.

Как бы то ни было, В.Ф. Булгаков тут же подготовил ответ И.А. Бунину, не вынося вопрос на обсуждение музейной комиссии. В письме от 9 июня Булгаков давал принципиальное согласие:

Разумеется, музей с удовольствием примет на хранение Ваши материалы на указанных Вами условиях. Они будут хорошо сохранены, все права на них останутся за Вами, и Вы (или указанное Вами лицо) сможете получить их об-

²¹ LRA. MS.1066/4244. Машинопись со вставками от руки, подпись — автограф. На бланке «Русский свободный университет. Русский культурно-исторический музей. К № 449. Приложение». Сохранена орфография документа.

²² Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей. Дневник. Тетрадь 3-я. 2.IX. 35 — 12.III.36 // РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 15. Л. 85 об.; В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 3 января 1936 г. // LRA. MS.1066/2004.

²³ И.А. Бунин — В.Ф. Булгакову, 6 июня 1936 г. // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 530. Л. 6.

²⁴ См. также неопубликованную работу: Steer P. The Eternal Wanderer: A Critical Appreciation of Bunin's Travels 1920–1953 // LRA. MS.1066/9570.

ратно в любое время. Вы будете только добры, в случае обратной пересылки материалов из Праги за границу, принять на себя расход по этой пересылке, — именно поскольку Вы поместите эти материалы только *на хранение*.

Адресовать благоволите — точно так, как указано на обороте моего конверта, т. е. по нашему адресу, с прибавлением моего имени.

По получении материалов я вышлю Вам официальное подтверждение в их принятии на указанных Вами условиях²⁵.

Письмо В.Ф. Булгакова состояло из двух частей. И посыл второй части вносил уточняющую коррективу. Булгаков обратил внимание на то, что Бунин хотел поместить свои материалы на хранение в чешском архиве, под которым в эмигрантской среде обычно подразумевалось другое хранилище:

Я, по привычке, читал Ваше письмо (наскоро), *как обращенное к нашему музею*, и от имени Русского культурно-исторического музея написал и свой ответ Вам. А теперь, взглядевшись снова в Ваше письмо, вижу, что Вы говорите в нем о «Чешском архиве». И мне неясно: имели ли Вы в виду наш музей, находящийся в Чехии, или же Русский заграничный исторический архив при Чехословацком Министерстве иностранных дел? Все, что я написал в своем письме, остается в силе. Но если Вы хотите поместить Ваши материалы именно в «Русский Заграничный Исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой Республики», то и о нем мне известно, что он принимает разные материалы *на хранение*²⁶.

Свое письмо В.Ф. Булгаков завершил сообщением адреса РЗИА. Осторожность Булгакова была обусловлена непрекращающимися нападками на РКИМ с обвинениями в нездоровом параллелизме с Русским заграничным историческим архивом. В «Положении...», «Плане...», «Плане-программе...» музея оговаривался отказ от коллекционирования материалов по истории России в эпоху войн, революции и эмиграции, как собиравшиеся РЗИА, об отсутствии таковых планов музей неоднократно заявлял на страницах периодической печати (см. выше). Но заявления не спасали от претензий: в октябре 1935 г. из состава музейной комиссии вышел В.В. Саханеев, обвинив музей в дублировании деятельности РЗИА, в апреле 1936 г. делегаты архива Е.Д. Кускова и В.Г. Архангельский посетили ректора Русского свободного университета, председателя музейной комиссии М.М. Новикова, которому высказали опасения по поводу параллелизма работы музея и РЗИА, в мае 1936 г. директор РЗИА Я. Славик прислал Новикову встревоженное письмо, основываясь на полученной информации из Парижа²⁷.

²⁵ В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 9 июня 1936 г. // LRA. MS.1066/2005. См. также запись в дневнике В.Ф. Булгакова за 9 июня 1936 г.: «И.А. Бунин предлагает разные материалы на хранение; ответил согласием» (Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей. Дневник. Тетрадь 4-я. 13.П.36 — 13.Х.1936 // РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 15. Л. 118 об.).

²⁶ В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 9 июня 1936 г. // LRA. MS.1066/2005.

²⁷ Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей. Дневник. Тетрадь 4-я. 13.П.36 — 13.Х.1936 // РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 15. Л. 104; Протоколы заседаний музейной комиссии // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 22 об.-23, 28 об.-29; Я. Славик — М.М. Новикову, 12 мая 1936 г. // Там же. Д. 5. Л. 383; В.Ф. Булгаков — со-

Относительно предложения И.А. Бунина, о котором писатель, по-видимому, быстро забыл и более к нему не возвращался, опасения В.Ф. Булгакова, хоть не сразу, но подтвердились. Все началось с письма от 26 октября 1936 г. председателя совета РЗИА А.Н. Фатеева на имя председателя музейной комиссии М.М. Новикова. Фатеев выражал обеспокоенность случаями параллелизма в действиях музея и РЗИА. Ответ Фатееву было поручено подготовить Булгакову и Новикову. Судя по сохранившемуся черновику, ответ был подготовлен Булгаковым, однако отправлен Фатееву за подписью Новикова. В poslanном опровержении архиву Бунина был посвящен отдельный абзац:

Музею было поставлено в упрек, что будто бы он «уговаривает» писателя Ив<ана> А<лексеевича> Бунина передать музею его литературный архив. По проверке оказалось, что это писатель Бунин по своей собственной инициативе обратился к музею с письмом, в котором просил принять на хранение его литературный архив, причем заведующий музеем, отвечая Бунину, обратил его внимание на то, что, вероятно, и Р<усский> З<аграничный> И<сторический> архив принял бы его бумаги, и при этом сообщил знаменитому писателю полный адрес Р<усского> З<аграничного> И<сторического> архива²⁸.

После выяснения отношений в 1936 г. претензии РЗИА к РКИМ уже не фиксируются. Однако В.Ф. Булгаков, продолжая опасаться обвинений в параллелизме, всячески старался минимизировать сведения о собирании документов музеем. Так, посылая В.Ф. Зеелеру в декабре 1937 г. материалы о музее для заметки в «Последние новости», Булгаков просил «не давать архиву повода напрасно волноваться. Напр<имер>, не упоминать совсем о книгах и о рукописях и т. п.»²⁹ Окончательное примирение двух учреждений состоялось в мае–июне 1938 г., когда РЗИА отправил в РКИМ не подходившую ему по профилю коллекцию фетишей, вывезенную из Африки эмигрантом Н.В. Шарбо-д'Артуа, в обмен получив от музея собрание рукописей о культурной жизни в СССР, переданных в свое время музею вдовой доктора К. Велеминского³⁰.

Но вернемся к бунинской коллекции РКИМ. 15 октября 1936 г. она пополнилась еще одним экземпляром первого тома Полного собрания сочинений с авторской надписью от И.А. Бунина, однако просимый В.Ф. Булгаковым десятый том так и не был прислан³¹. Еще один музейный экспонат появился в результате

вету профессоров Русского свободного университета, 5 марта 1936 г. // Там же. Д. 6. Л. 244–247; Саханеев В.В. Доклад, 8 октября 1935 г. // Там же. Л. 248; М.М. Новиков — Я. Славику, 16 мая 1936 г. // Там же. Л. 282.

²⁸ Протоколы заседаний музейной комиссии // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 об.-38; А.Н. Фатеев — М.М. Новикову, 26 октября 1936 г. // Там же. Д. 7. Л. 90–91 об.; М.М. Новиков — А.Н. Фатееву, 20 ноября 1936 г. // Там же. Д. 6. Л. 383–385 об.; <Булгаков В.Ф. Ответ А.Н. Фатееву, 6. д.> // РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–9.

²⁹ В.Ф. Булгаков — В.Ф. Зеелеру, 20 декабря 1937 г. // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 8. Л. 192–192 об.

³⁰ Протоколы заседаний музейной комиссии // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 64 об., 66; В.Ф. Булгаков — Я. Славику, 27 мая 1938 г. // Там же. Д. 8. Л. 348–348 об.; Инвентарная книга // Там же. Д. 17. Л. 12.

³¹ Инвентарная книга // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 17. Л. 1; В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 28 января 1937 г. // LRA. MS.1066/2009.

визита И.А. Бунина в Прагу в октябре 1936 г. О своем желании приехать в Прагу, прочесть лекцию в 25-летнюю годовщину со дня смерти Л.Н. Толстого и подзаработать Бунин сообщил Булгакову еще в октябре 1935 г. По ряду причин поездка была перенесена на октябрь 1936 г. 20 октября Булгаков посетил Бунина в гостинице, предложив съездить в РКИМ, однако Иван Алексеевич отказался. 23 октября в Союзе русских писателей и журналистов состоялся литературный вечер Бунина, на котором он прочел отрывок из книги «Освобождение Толстого» и рассказ «Ида»³². Художник К.П. Пясковский выполнил рисунок «Писатель Ив. Бунин на литературном вечере в Праге, 23 октября 1936 г.», купленный в том же году РКИМ. Он был отмечен в «Каталоге художественных собраний» РКИМ (1938) [Каталог художественных собраний 1938, с. XIV; Сохранить для России 2015, с. 120].

В Праге В.Ф. Булгакову было затруднительно привлекать новые коллекции в музей — требовались личные встречи с художниками, скульпторами, писателями и учеными. В декабре 1935 г. он предложил музейной комиссии командировать его в Париж для осуществления заявленной цели, однако по настоянию члена комиссии Н.Л. Окунева командировку временно отложили. Лишь на заседании музейной комиссии 17 апреля 1937 г. поездка Булгакова в Париж была признана нужной для «привлечения в музей даров русских художников, писателей и ученых»³³.

Как вспоминал Булгаков,

своей задачей в Париже я поставил не только посещение русских художников, но и посещение русских писателей. У писателей, — более значительных, конечно, — я надеялся получить их портреты, автографы, черновые рукописи произведений, книги. Собирался даже просить их (и просил) подарить Русскому музею ручки с перьями, которые тоже считал достойными стать экспонатами музея³⁴.

В.Ф. Булгаков пробыл в Париже с 28 апреля по 31 мая 1937 г. Он посетил И.А. Бунина 3 и 4 мая, в свою очередь Бунин был 24 мая в Союзе русских писателей и журналистов в Париже, где на вечере, посвященном Л.Н. Толстому, с воспоминаниями выступил последний личный секретарь Льва Николаевича. В результате поездки Булгаков собрал большое количество предметов, рукописей, картин для музея. У Бунина он получил перьевую ручку писателя, рукопись наброска «Иван», 2 листа рукописи рассказа «Про обезьяну», ответы на две анкеты о европейской и о русской литературах (1930). Собранные вещи Булгаков отправил багажом в Прагу, в музейную инвентарную книгу бунинские экспонаты были вне-

³² Булгаков В.Ф. Встречи с И.А. Буниным // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 86. Л. 37; И.А. Бунин — В.Ф. Булгакову, 14 октября 1935 г. // Там же. Д. 530. Л. 5; В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 17 октября 1935 г. // LRA. MS.1066/2003; [Двинятина 2020, с. 233; Зет 1936; И.А. Бунин в Праге 1936; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике 2001, с. 388].

³³ Протоколы заседаний музейной комиссии // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 25 об.-26, 42 об.-43.

³⁴ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Часть двадцать вторая «Русский культурно-исторический музей (1934–1939)» // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 75. Л. 83.

сены 4 июля 1937 г.³⁵ Последним предметом бунинской коллекции, поступившим в музей до начала Второй мировой войны, стал фотопортрет с автографом писателя (17 декабря 1937 г.), но желанный десятый том Полного собрания сочинений Бунин, несмотря на многочисленные напоминания Булгакова, так и не выслан³⁶.

Обнаруженные материалы конца 1930-х — начала 1940-х гг. позволяют обрисовать условия существования «Архива рукописей» Русского культурно-исторического музея, куда поступила бунинская коллекция. По заявлению В.Ф. Булгакова в письме от 26 октября 1939 г. И.Ф. Наживину «музей наш вовсе и не является специально архивным учреждением. Архив занимает при нем лишь самое маленькое место»³⁷. И действительно, выделить для архива место в двух (позже — шести) комнатах, в которых помещался музей до конца 1939 г., было невозможно. Но после того как в декабре 1939 г. в замке на первом этаже поместилась Национальная галерея, К. Бартон-Добенин предоставил музею другие помещения на третьем этаже (13 комнат). В новых условиях архиву отводились 2 небольшие комнаты (№ 9 и 10), закрытые для посетителей. В отдельной комнате (№ 11) расположилась библиотека. Персонал музея был невелик: директор и один приходящий по воскресеньям сотрудник. В круг обязанностей директора входила классификация архивных материалов. Из-за множества обязанностей Булгаков не составил отдельную инвентарную опись материалов архива, однако их разбор был произведен. Комиссия, проверявшая музей 12 апреля 1942 г., отметила, что «большая часть их (рукописей. — П.Т.) строго классифицирована и распределена по отдельным папкам и коробкам, с надписями на коробках и на папках, заменяющими до известной степени инвентарную запись». Отдельно хранилась входящая и исходящая корреспонденция музея в строго хронологическом порядке. В архиве находилось большое собрание газетных вырезок, среди которых были биографии и некрологи выдающихся деятелей эмиграции, статьи о культурных достижениях и быте русских за рубежом, жизни зарубежной церкви и пр.³⁸

В музее, в отделении по истории русской эмиграции, экспонировались перьевая ручка И.А. Бунина, его большой портрет в раме, фотографии и автограф пи-

³⁵ Протоколы заседаний музейной комиссии // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 44 об.–45; Инвентарная книга // Там же. Д. 17. Л. 6 об., 7; Удостоверение В.Ф. Булгакова, 22 апреля 1937 г. // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 1345. Л. 14; Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Часть двадцать вторая «Русский культурно-исторический музей (1934–1939)» // Там же. Д. 75. Л. 83, 84, 101, 102; Он же. Встречи с И.А. Буниным // Там же. Д. 86. Л. 51–53; <Он же>. Кого видел? (Мои визиты в Париже) // Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 об., 10; <Он же>. Список рукописей // Там же. Л. 17; [Русское зарубежье 1996, с. 333; Документы 1998, с. 106; Новиков 2009, с. 270–271]; см. также: [Булгаков 1969].

³⁶ Инвентарная книга // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 17. Л. 9 об.; В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 17 декабря 1937 г. // LRA. MS.1066/2011.

³⁷ В.Ф. Булгаков — И.Ф. Наживину, 26 октября 1939 г. // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 11. Л. 233 об.

³⁸ Булгаков В.Ф. Отчет о деятельности Русского культурно-исторического музея в 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 19. Л. 73–75; Он же. Как прожита жизнь. Часть двадцать вторая «Русский культурно-исторический музей (1934–1939)» // Там же. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 75. Л. 120; Он же. Русский культурно-исторический музей в г. Збраславе под Прагой, 7 декабря 1945 г. // Там же. Д. 1345. Л. 60–60 об.; Акт о проверке состояния и имущества Русского культурно-исторического музея при Русском свободном университете в Праге, 12 апреля 1942 г. // Там же. Д. 1345. Л. 29–30; Протоколы заседаний музейной комиссии // ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 2. Л. 55 об., 56, 82 об., 83; В.Ф. Булгаков — музейной комиссии, 31 октября 1938 г. // Там же. Д. 10. Л. 40; [Пятнадцать лет работы Русского Свободного университета в Праге 1938, с. 17–18].

сателя — в особой витрине. Как писал В.Ф. Булгаков Бунину в письме от 9 июня 1936 г.:

При каждом объяснении музея знатым иностранцам, чешским и русским экскурсиям и т. д. поминается Ваше имя и рассказывается о Вас³⁹.

Музей и В.Ф. Булгаков без особых осложнений просуществовали до вторжения Германии в СССР, после чего директор, как держатель советского паспорта, был арестован и провел в заключении почти 3 месяца. Выйдя из тюрьмы, Булгаков проработал в музее до ноября 1941 г., когда сдал ключи новому директору, Н.В. Зарецкому. После ареста в марте 1943 г. Булгаков был отправлен в лагерь для интернированных советских граждан, откуда вернулся в Прагу только 22 июня 1945 г. (см.: [Булгаков 2000]).

Побывав в Збраславе, В.Ф. Булгаков узнал, что в окрестностях замка шли бои, в самом замке (в том числе в комнатах музея) одно время размещались немецкие, а позже — советские солдаты. Некоторые вещи из музея пропали, сильно пострадали библиотека и архив. Из вещей Бунина, как отмечал Булгаков в своих воспоминаниях, была украдена перьевая ручка писателя⁴⁰. Перед Булгаковым стал вопрос восстановления музея, что в послевоенных реалиях было делом нелегким. Он обратился к чешским властям с просьбой о содействии, но безрезультатно. Восстановленный летом 1945 г. Русский свободный университет занял уклончивую позицию по вопросу воссоздания музея. В сложившейся ситуации Булгаков в письме к секретарю советского посольства И.А. Зайцеву от 9 августа 1945 г. предложил на имеющейся базе создать Музей СССР в Праге с читальней и библиотекой, с государственным финансированием. Накал музейного вопроса достиг апогея в сентябре 1945 г.: 15 сентября президиум университета решил восстановить Булгакова в должности директора, надеясь, что тот согласится и возьмется за возрождение музея. Это постановление 22-го числа лично привез проректор П.А. Остроухов Булгакову, и последний принял должность. Но чуть ранее, 18 сентября, по инициативе советского посольства прошла встреча советника посольства И.А. Чичаева с Булгаковым. Чичаев заявил, что прежде принятия какого-либо решения надо ознакомиться с коллекциями в Збраславе, что и состоялось 1 октября. Катализатором решения музейного вопроса стали требования И. Бартон-Добенина, внука и наследника К. Бартон-Добенина: 11 ноября он попросил освободить три комнаты музея для проживания одному из служащих замка (заметим, что еще во время войны три другие комнаты музея были заняты мебелью Союза промышленников с согласия тогдашнего директора Н.В. Зарецкого). Булгаков освободил просимые помещения, но на этом требования не прекратились: через две с небольшим недели управляющий

³⁹ В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 23 августа 1935 г. // LRA. MS.1066/2002; В.Ф. Булгаков — И.А. Бунину, 9 июня 1936 г. // Ibid. MS.1066/2005; [Пятнадцать лет работы Русского Свободного университета в Праге 1938, с. 17].

⁴⁰ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Часть двадцать четвертая «Последние годы в Золотой Праге. Возвращение на Родину. Главы VII–X» // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 78. Л. 6; *Он же*. Русский культурно-исторический музей в г. Збраславе под Прагой, 7 декабря 1945 г. // Там же. Д. 1345. Л. 61 об.; В.Ф. Булгаков — Н.К. Рериху, 10 июня 1946 г. // [«Мы живем и творим для будущего» 1999, с. 242].

Збраславским именем потребовал еще три комнаты для коменданта Национальной галереи. Дело было спешное, и администрация замка сама упаковала музейные экспонаты, не дожидаясь согласия и даже присутствия Булгакова. Объяснение Булгакова с И. Бартон-Добениным о нарушении договора с музеем и обращение к К. Бартон-Добенину не дали никакого результата. Университет не располагал свободными помещениями для музейных экспонатов. В таких условиях Булгаков счел возможным обратиться в советское посольство с просьбой о спасении музея. Дипломаты предложили перевезти художественную коллекцию в советскую среднюю школу в Праге, а рукописи, книги, документы, фотографии, этнографические и исторические коллекции передать делегации АН СССР, прибывшей для приема материалов РЗИА, незадолго до того переданного чехословацкой стороной Советскому Союзу. В создавшейся сложной ситуации Булгаков с данным предложением согласился: 4 декабря делегация в составе начальника Главного архивного управления И.И. Никитинского, академика И.И. Минца, профессора С.К. Богоявленского и доцента С.Б. Сутоцкого посетила музей и осмотрела архив. Упаковка архивных материалов и библиотеки прошла 7 и 9 декабря, в результате 24 ящика, помеченные буквами «А.Б.» («Архив Булгакова»), 12 декабря были отправлены в СССР⁴¹, где по сложившейся практике их перераспределили между архивами, основная часть документов оказалась в нынешних ГА РФ и РГАЛИ. После ликвидации школы в 1948 г. находившиеся в ней картины по большей части были отправлены в советские музеи. В том же 1948 г. В.Ф. Булгаков вернулся в СССР.

Судя по всему, И.А. Бунин знал о вывозе материалов РКИМ в СССР. На письме из музея от 7 октября 1935 г. с благодарностью за присланные книги и фотографии писатель оставил помету: «Пришли в Прагу русские, подданные Сталина, и все увезли в Москву. Ив. Б.»⁴² Сведениями о судьбе своей коллекции в Чехословакии Бунин поделился в письме от 29–30 июня 1951 г. к М.А. и Т.М. Алдановым. Алданов, как и Бунин, вошедший в состав группы инициаторов по созданию Русского архива в Нью-Йорке [Русский архив в Нью-Йорке 1951], убеждал старшего товарища передать свои материалы во вновь создаваемое учреждение. Сбором документов для нового архива занимался директор-распорядитель Б.И. Николаевский, который через Алданова поинтересовался материалами нобелевского лауреата. В упомянутом послании Алдановым Бунин написал:

Передайте ему (Б.И. Николаевскому. — П.Т.), пожалуйста, что только на днях я вспомнил свое великое горе: года за 2 до войны с Гитлером я отправил

⁴¹ В.Ф. Булгаков — И.А. Зайцеву, 9 августа 1945 г. // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 1345. Л. 31–38; Русский свободный университет — В.Ф. Булгакову, 21 сентября 1945 г. // Там же. Л. 39–39 об.; <Запись беседы В.Ф. Булгакова с И.А. Чичаевым> // Л. 41–44; <Булгаков В.Ф.> Восстановление музея // Л. 45–45 об.; <Он же. Русский культурно-исторический музей в г. Збраславе под Прагой, 7 декабря 1945 г. // Там же. Л. 60–63 об.; <Он же. Справка о музее, 1945 г.> // Там же. Л. 67–67 об.; <Он же. Перестройка и ликвидация Русского музея // Там же. Л. 69–71; <Он же. Как прожита жизнь. Часть двадцать четвертая «Последние годы в Золотой Праге. Возвращение на Родину. Главы VII–X» // Там же. Д. 78. Л. 7–11, 16, 17, 20, 27–35; В.Ф. Булгаков — Н.К. Рериху, 10 июня 1946 г. // [«Мы живем и творим для будущего» 1999, с. 243]; см. также: [Командорова 2009, с. 316–318].

⁴² Бунин И.А. <Приписка> / Русский культурно-исторический музей — И.А. Бунину, 7 сентября (ошибка, следует: октября) 1935 г. // LRA. MS. 1066/4243.

в Прагу, в Государственный Архив, большое количество всяких документов (из наиболее интересных) моего «архива» — и все это слопала Москва. Так что теперь мой «архив» весьма беден. Надеюсь в начале осени послать Б<орису> И<ванови>чу эту бедность⁴³.

По какой причине И.А. Бунин вводил в заблуждение Алдановых и Б.И. Николаевского — неясно. Посланные в Прагу материалы не могли идти ни в какое сравнение с оставшимися в распоряжении Бунина. Да и хранилище в Чехословакии называлось совсем по-другому. Заметим: обсуждавшееся перемещение бунинских материалов в США не состоялось.

Что же дошло до наших дней из материалов бунинской коллекции, собранных в предвоенной Чехословакии? Рисунок К.П. Пяскового «Писатель Ив. Бунин на литературном вечере в Праге, 23 октября 1936 г.» отложился в РГАЛИ в документах музея⁴⁴. В фонде Русского культурно-исторического музея в ГА РФ из материалов Бунина сформировано дело⁴⁵. В деле сохранились отрывки из рукописей (рассказ «Про обезьяну» (1936) (Л. 13–14) и из неустановленного произведения (Л. 15)), анкета о популизме, полученная от Г. Неймарк (Neymarck) (Л. 25), и ответ Бунина на нее (Л. 24, см. приложение), ответ Бунина на анкету «Чисел» (Л. 23, опубликована: [Бунин 1930]) оттиск рассказа «Божье дерево» из «Современных записок» с пометой писателя «“Соврем. Записки” 1927 г. Первый текст. Ив. Бунин» (Л. 1–12 об.), таблички из витрин музея⁴⁶, вырезки из русскоязычных газет и журналов без пометок Бунина⁴⁷, вырезки из русскоязычных газет и журналов с пометами Бунина⁴⁸, вырезки статей из иностранных газет⁴⁹, целые номера пе-

⁴³ И.А. Бунин — М.А. и Т.М. Алдановым, 29–30 июня 1951 г. // ВА. М.А. Aldanov papers. Box 3, folder «Bunin, Ivan Alekseevich, 29–30 June 1951». Письмо было опубликовано: [Lettres d'Ivan Bunin a Mark Aldanov 1982, p. 483].

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 171. Л. 3.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 38 а. Ссылки на листы даются в тексте и в примечаниях.

⁴⁶ Таблички «Перо писателя Ив.А. Бунина» (Л. 21 об.), «Рукописи и фотографии Ив.А. Бунина. Дар И.А. Бунина» (Л. 22 об.).

⁴⁷ Статья «Праздник русской культуры. Нобелевская премия присуждена академику И.А. Бунину» из «Иллюстрированной России» (18.11.1933) (Л. 27), статьи И. Троцкого «В ожидании лауреата (Письмо из Стокгольма)» и «Нобелевская премия (Письмо из Копенгагена)» из «Последних новостей» (26.11.1933 и 8.12.1933 соответственно) (Л. 39, 41), статья И. Троцкого «И.А. Бунин в центре внимания на нобелевских торжествах» из «Сегодня» (14.12.1933) (Л. 42 об.), статья Н. Рощина «Литературный уголок (Вилла “Бельведер”» из «Сегодня» (01.01.1929) (Л. 40).

⁴⁸ Статья «Речь И.А. Бунина на банкете Шведской Академии наук» из «России и славянство» (01.02.1934, с пометой Бунина: «Не совсем точный текст. И по-русски не существовавший. Я говорил по-французски. Ив. Бунин») (Л. 28), статья «Иностранная печать о Бунине» из «Последних новостей» (12.11.1933, напротив характеристики себя как консервативного писателя Бунин отметил: «глупо. И.Б.») (Л. 33), статья «Разговор с Буниным по телефону» из «Возрождения» (10.11.1933, к фразе «о присуждении премии, которой, — что греха таить, — ждал давно» сбоку рукой Бунина приписано: «Этого я не говорил Ив. Б.») (Л. 43), статья Ариеля «Жизнь и творчество Бунина. Из материалов к биографии» из «Иллюстрированной России» (25.11.1933) (Л. 51, название под фотографией «И.А. Бунин у себя дома в девятистах годах» Бунин исправил на «1902 или 1903 г. в кабинете Чехова») (Л. 53).

⁴⁹ Статьи S. Chessin'a «Autour du prix Nobel de literature» и «L'émouvante apothéose d'une patrie perdue» из «Écho de Paris» (15.11.1933 и 08.01.1934 соответственно) (Л. 36 и 34) и его же «Le Prix Nobel de littérature.

риодических изданий, посвященных Бунину⁵⁰, фотографии⁵¹, конверт, в котором Иван Алексеевич прислал в музей первую порцию материалов в августе 1935 г. (Л. 66), брошюра «Pressen Världen Runt om Ivan Bunin Nobelpristagare 1933», содержащая выдержки из газетных статей разных стран о Бунине, фото девушки с короной и свечами с припиской Бунина «Получил от Lucia 1933. Декабрь. Стокгольм» (Л. 19 об.).

Подведем итоги. Собираание материалов И.А. Бунина в предвоенной Чехословакии никогда не носило систематического характера. Для Русского заграничного исторического архива, специализировавшегося на общественно-политических материалах, Бунин стал интересен только после получения им Нобелевской премии по литературе. Но писатель остался глух к призывам бесплатно передать что-либо для простого хранения в архиве. Напротив, просьба Русского культурно-исторического музея о присылке материалов для экспонирования, пусть и не сразу, нашла отклик в сердце писателя. В результате музей стал обладателем небольшой бунинской коллекции, которая после окончания войны практически вся оказалась в СССР.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (New York, USA)

LRA — Leeds Russian Archive (Leeds, UK)

SK — Slovanská knihovna (Praha, Česká Republika)

Бакунцев 2012 — *Бакунцев А.В.* Прибалтийское турне Ивана Бунина: опыт документальной реконструкции. М., 2012.

Бочарова 2014 — *Бочарова З.С.* Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России М.; СПб., 2014 (Русский мир в XX веке: в 6 т. / под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева; предисл. А.М. Рыбакова; т. 3).

Булгаков 1969 — *Булгаков В.Ф.* Встречи с художниками. <Л., 1969>.

Булгаков 1999 — *Булгаков В.Ф.* Русский культурно-исторический музей (1934–1939) // Ариаварта (СПб.). 1999. № 3. С. 149–198.

Булгаков 2000 — *Булгаков В.Ф.* В царстве свастики: по тюрьмам и лагерям / публ., подгот. Н.Н. Артемова // Москва. 2000. № 5. С. 112–157.

Les Journées russes de Stockholm» из «Les Nouvelles littéraires» (декабрь 1933 г.) (Л. 35), статья J. Kessel «Le Prix de l'exil» из «Le Matin» (13.11.1933) (Л. 37), статья J. et J. Tharaud «Hommage à Bouinine» из «Les Nouvelles littéraires» (02.12.1933) (Л. 38).

⁵⁰ «Последние новости» (16.11.1933), «Голос» (14.12.1933), «Россия и славянство» (декабрь 1933 г.), «Иллюстрированная Россия» (25.11.1933).

⁵¹ Фото И.А. Бунина 1925 г. в костюме (Л. 16 об.), в плавках (Л. 17 об.), почтовая карточка с фото Бунина с надписью «Прага, осень 1936 г.» и с неверной поправкой Бунина «Прага осень 1937 г.» (Л. 18, 18 об.), фото герба рода Буниных (Л. 20 об.).

- Бунин 1930 — Бунин И.А. <Ответ на анкету «Чисел»> / Литературная анкета // Числа. 1930. Кн. 2–3. С. 318.
- Двинятина 2020 — Двинятина Т.М. Иван Бунин: биографический пунктир: в 2 т. СПб., 2020. Т. 2. (Жизнеописание).
- Докашева 1993а — Докашева Е.С. Русский культурно-исторический музей в Праге. М., 1993.
- Докашева 1993б — Докашева Е.С. Русский культурно-исторический музей в Праге (к постановке проблемы формирования музейных коллекций в эмиграции) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е годы: Сб. материалов / общ. ред. Е.П. Чельшев, А.Н. Сахаров; сост. А.В. Лупырев, А.С. Федотов. М., 1993. С. 152.
- Документы 1998 — Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / сост. З. Сладек, Л. Белошевская = Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939) / sest. Z. Sládek, L. Béloševská. Прага, 1998.
- Досталь 1995 — Досталь М.Ю. Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова (по новым архивным данным) // Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Прага, 14–15 августа 1995 г.: Сб. докладов. Прага, 1995. Ч. 2. С. 548–556.
- Зет 1936 — Зет [Д.И. Мейснер]. Русская культура в Чехословакии (Письмо из Праги) // Последние новости. 1936. 2 нояб. № 5701. С. 2.
- И.А. Бунин в Праге 1936 — И.А. Бунин в Праге // Последние новости. 1936. 27 окт. № 5695. С. 3.
- Каталог художественных собраний 1938 — Каталог художественных собраний Русского культурно-исторического музея. Прага, МСМXXXVIII.
- Командорова 2009 — Командорова Н.И. Русская Прага. М., 2009 (Русские за границей).
- Костомарова 2018 — Костомарова И.А. Судьба парижского архива И.А. Бунина // Тургеневский ежегодник 2016–2017 года / сост. и ред. Л.В. Дмитрюхина, Л.А. Балыкова. Орел, 2018. С. 352–362.
- Крюкова 1999 — Крюкова Н.Г. Судьба архивов И.А. Бунина // Русская литература и эстетика конца XIX — начала XX в.: Проблема человека / отв. ред. В.А. Сарычев. Липецк, 1999. Сб. I. С. 131–134.
- Любомудров 2021 — Любомудров А.М. «Неприличная, позорная история». О несостоявшейся передаче бунинского наследия на родину (по архивным материалам) // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М., 2021. С. 398–433. (Академический Бунин; 3).
- Муромцева, Перхавко 1994 — Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. Из истории культурно-просветительской деятельности российской эмиграции в Чехословакии в 20–30-е годы // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1994. № 3. С. 17–26.
- Муромцева, Перхавко 2003 — Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. История и культура России в музейных собраниях эмиграции // История и историки: историографический ежегодник, 2003 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2003. С. 192–244.
- «Мы живем и творим для будущего» 1999 — «Мы живем и творим для будущего»: из переписки В.Ф. Булгакова и Н.К. Рериха / [публ. В.А. Росова] // Ариаварта (СПб.). 1999. № 3. С. 220–252.
- Новиков 2009 — Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М., 2009.

- Павлова 1990 — *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–30.
- Петрушева 2013 — *Петрушева Л.И.* Збраславский замок займет отныне почетное место в истории русской культуры (Русский культурно-исторический музей в Праге в собраниях Государственного архива Российской Федерации) // И.С. Шмелев и писатели литературного зарубежья (XXI Крымские международные Шмелевские чтения): Сб. науч. ст. междунаро. конф., 15–19 сентября 2013 г. / ред. В.П. Цыганник. Алушта, 2013. С. 131–139.
- Положение о Русском культурно-историческом музее в Праге 1934 — Положение о Русском культурно-историческом музее в Праге. Прага, <1934>.
- Понятовский 1979 — *Понятовский А.И.* Предисловие // Описание материалов Государственного музея И.С. Тургенева / сост. А.С. Логвинов, А.И. Понятовский, В.В. Сафронова, Е.М. Шинкова; науч. ред. Л.Н. Афонин. Орел, 1979. Вып. II: И.А. Бунин. С. 3–9.
- Пятнадцать лет работы Русского Свободного университета в Праге 1938 — Пятнадцать лет работы Русского Свободного университета в Праге = Patnáct Let Činnosti Ruské Svobodné University v Praze. Praha, <1938>.
- Риникер 2010 — *Риникер Д.* «Простить вас, “доведших страну до Учредительного собрания”, никак не могу»: Иван Бунин и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2010. С. 120–128.
- Родионова 2015 — *Родионова Н.А.* Русский заграничный исторический архив в Праге: история становления и деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2015. № 4. С. 108–119.
- Русский архив в Нью-Йорке 1951 — Русский архив в Нью-Йорке // Новое русское слово. 1951. 27 мая. № 14276. С. 5.
- Русский культурно-исторический музей 1934а — Русский культурно-исторический музей // Возрождение. 1934. 29 янв. № 3163. С. 2.
- Русский культурно-исторический музей 1934б — Русский культурно-исторический музей // Там же. 9 дек. № 3476. С. 5.
- Русский культурно-исторический музей в Праге в письмах и документах (1934–1944) 2006 — Русский культурно-исторический музей в Праге в письмах и документах (1934–1944). (Из собрания Государственного архива Российской Федерации) / вступ. ст., публ. и коммент. И.В. Щеблыгиной // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2006. № 6. С. 41–79.
- Русское зарубежье 1996 — Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940, Франция: в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Мнухина = L'Émigration Russe: Chronique de la Vie Scientifique, Culturelle et Sociale, 1920–1940, France / publ. sous la dir. de L. Mnoukhine. М.; Париж, 1996. Т. 3: 1935–1940.
- Савинов 1966 — *Савинов С.Я.* Пражский Русский культурно-исторический музей // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси / ред. Н.А. Слободчиков; вступ. сл. П.Ф. Константинова; предисл. А.С. Лукашкина. Сан-Франциско, 1966. С. 109–111.
- Серрапионова 2011 — *Серрапионова Е.П.* Русский заграничный исторический архив как хранитель национального наследия // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.: сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России / [отв. ред. Т.А. Покивайлова]. СПб., 2011. С. 325–338.
- Серковская 2011а — *Серковская Л.В.* Из истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА): проблемы методологии, теории и практики исследований // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 28–42.

- Серковская 2011б — *Серковская Л.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945 гг.): историко-архивоведческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Серковская 2015 — *Серковская Л.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945 гг.): монография. Коломна; Воскресенск, 2015.
- Современные записки 2012 — «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: [в 4 т.] / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2012. Т. 2.
- Сохранить для России 2015 — Сохранить для России: к 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге / отв. ред. Т.Л. Карпова; науч. ред. Е.А. Илюхина, Г.С. Чурак. М., 2015.
- Трибунский 2019 — *Трибунский П.А.* Русский зарубежный литературный архив при Тургеневской библиотеке // *Emigrantika et cetera: к 60-летию Олега Коростелева* / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 458–481.
- Филатова 2014 — *Филатова Е.Н.* Формирование бунинской коллекции дореволюционного периода творчества в фондах ОГЛМТ // Бунинские чтения в Орле — 2013: коллективная монография (по материалам всерос. науч. конф., 3–5 октября 2013 г.) / редкол.: Е.А. Михеичева (науч. ред.), П.А. Ковалев (отв. ред.), И.А. Билибина (техн. ред.). Орел, 2014. С. 3–7.
- Хорхордина 2006 — *Хорхордина Т.И.* Новое о Русском заграничном историческом архиве: события и люди // *Вестник архивиста*. 2006. № 2–3 (92–93). С. 339–357.
- Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике 2001 — Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике = *Kronika Kùlturního, Vědeckého a Společenského Života Ruské Emigrace v Československé Republice* / под общ. ред. Л. Белашевской. Прага, 2001. Т. 2: 1930–1939. (Práce Slovanského ústavu AV ČR. Nová řada; sv. 10).
- Шальнева, Кулакова 2007 — *Шальнева М.С., Кулакова Е.С.* «Маяк русского искусства и науки за рубежом»: история первого европейского Русского культурно-исторического музея в Збраславе (1934–1948) // *Культура и время*. 2007. № 1 (23). С. 121–139.
- Шинкова 2018 — *Шинкова Е.М.* К истории формирования личного фонда И.А. Бунина в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛМТ) // *Тургеневский ежегодник 2016–2017 года* / сост. и ред. Л.В. Дмитрихина, Л.А. Балыкова. Орел, 2018. С. 329–351.
- Щеблыгина 2008 — *Щеблыгина И.В.* Художественная коллекция Русского культурно-исторического музея в Праге (1934–1944): из истории создания // *Художественная культура русского зарубежья: 1917–1939: Сб. ст. / отв. ред. Г.И. Вздорнов*. М., 2008. С. 174–185.
- Щеблыгина 2015а — *Щеблыгина И.В.* Русский культурно-исторический музей в Праге и его художественная коллекция // *Сохранить для России: к 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге* / отв. ред. Т.Л. Карпова; науч. ред. Е.А. Илюхина, Г.С. Чурак. М., 2015. С. 18–35.
- Щеблыгина 2015б — *Щеблыгина И.В.* Собрать и сохранить для России: В.Ф. Булгаков и Русский культурно-исторический музей в Праге // *Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения — 2014: Труды междунар. науч. конф. / сост. П.Н. Базанов; редкол.: П.Н. Базанов (гл. ред.), Н.А. Слепухина (отв. ред.) и др.; вступ. ст. В.Ю. Черняева*. СПб., 2015. С. 204–219.
- Cossin 1930a — *Cossin J.* Enquête internationale sur la populisme // *La Grande Revue*. 1930. № 10. P. 529–546.
- Cossin 1930b — *Cossin J.* Enquête internationale sur la populisme // *Ibid.* 1930. № 11. P. 60–83.

- Cossin 1930c — *Cossin J.* Enquête internationale sur la populisme // *La Grande Revue*. 1930. № 12. P. 208–231.
- Cossin 1931a — *Cossin J.* Enquête internationale sur la populisme // *Ibid.* 1931. № 1. P. 398–415.
- Cossin 1931b — *Cossin J.* Enquête internationale sur la populisme // *Ibid.* № 2. P. 587–622.
- Heywood 2000 — *Heywood A.J.* Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina Collections / ed. by R.D. Davies with the assistance of D. Riniker. Leeds, 2000.
- Lettres d'Ivan Bunin a Mark Aldanov 1982 — *Lettres d'Ivan Bunin a Mark Aldanov*. II: 1948–1953 / publ. R. Fedulova // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1982. T. 23, № 3/4. P. 469–500.

Публикуемый текст И.А. Бунина появился как ответ на анкету о «популизме», французской литературной школе, оформившейся в 1920-х гг. усилиями писателей Л. Лемонье (Lemonnier; 1890–1953) и А. Терив (Thérive; 1891–1967). Анкета была затеяна молодым драматургом Жаком Коссеном (Cossin; 1911–1988), соавтором Л. Лемонье, по предложению издателя журнала «La Grande Revue» Поля Крузе (Crouzet; 1873–1952). «Популисты» стремились давать реалистическое изображение быта городской и сельской бедноты. Анкета ставила целью узнать мнение иностранных писателей, должны ли современные романисты перейти от описания высших классов общества к изображению жизни простого народа. Второй вопрос анкеты побуждал опрашиваемых оценить, станет ли вышеуказанный переход необходимой реакцией против дурного вкуса, надуманности, злоупотребления психоанализом в литературе. Анкета завершалась вопросом о будущем литературного движения («популизма») (ГА РФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 38 а. Л. 25. Текст анкеты на французском языке был воспроизведен при первой публикации ответов [Cossin 1930a, p. 530]).

Начиная с октября 1930 г. «La Grande Revue» стал публиковать ответы писателей на анкету. В октябрьском номере были помещены ответы писателей из Великобритании и Германии [Cossin 1930a], в ноябрьском — из Бельгии и Португалии [Cossin 1930b], в декабрьском — из Польши, Румынии и России [Cossin 1930c]. В 1931 г. ответы на анкеты появились в январском (писатели из Швейцарии, Испании, США) [Cossin 1931a] и февральском (писатели из Норвегии, Италии, Греции) [Cossin 1931b] номерах. Анкета русским писателям-эмигрантам была разослана профессором «Альянс Франсез» Генриеттой Неймарк (Neymarck (в замуж. Mayer); 1873–1944), дочерью экономиста Альфреда Неймарка (Neymarck; 1848–1921). После получения ответов на анкету от М.А. Алданова, И.А. Бунина, Н.Д. Городецкой, А.П. Ладинского, В.В. Набокова, М.А. Осоргина, И.Д. Сургучева, М.А. Струве, Б.К. Зайцева, В. де Вогта (В.Б. Фохта) Г. Неймарк перевела их на французский язык для «La Grande Revue», где они и были воспроизведены [Cossin 1930c, p. 225–231]. Перевод ответа Бунина на анкету оказался среди них [Ibid., p. 226]. Ниже впервые публикуется русский оригинальный текст ответа Бунина на анкету.

<ОТВЕТ НА АНКЕТУ О «ПОПУЛИЗМЕ»>

Не отрицаю печального наличия в современной европейской литературе того, о чем сказано в Вашей анкете, то есть и некоторой доли «дурного вкуса», и «надуманности», и «злоупотребления психологическим анализом». Но не думаю, что тут можно помочь делу чем-то вроде приказа современным романистам: «Вы должны перейти от описания высших классов общества к изображению жизни простого народа!» Ибо ведь можно и при изображении жизни простого народа проявить те же качества. Вот, например, в России, где теперь во всем царит полнейшее рабство и всюду приказ да «социальный заказ», писатели только и делают, что описывают самое «простое», а меж тем от¹ дурного вкуса, надуманности и всяческих «злоупотреблений» там просто² дышать нельзя.

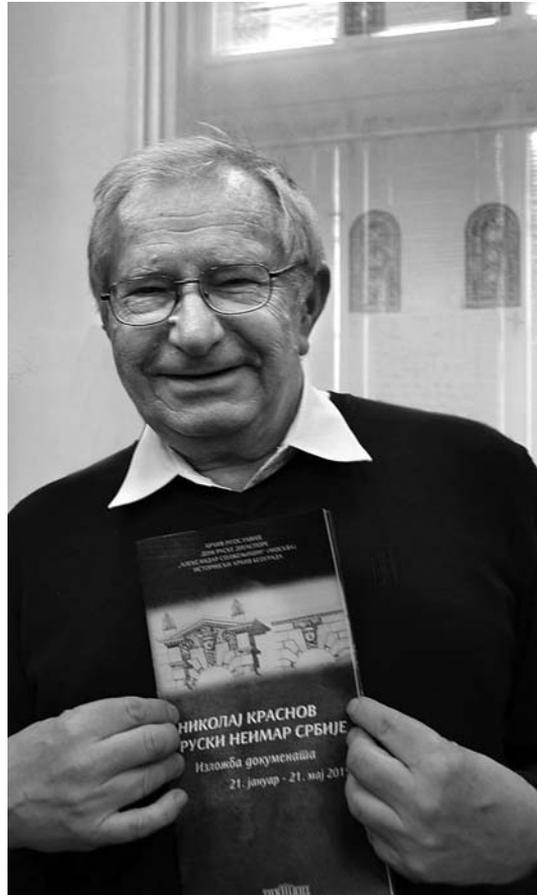
Ив<ан> Бунин
Ivan Bounine
9.VI.1930
Alpes Maritimes

ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 38 а. Л. 24. Автограф.

¹ *меж тем от* вписано вместо *какой прок от всего этого? От.*

² *там просто* вставлено над строкой.

К ЮБИЛЕЮ
АЛЕКСЕЯ БОРИСОВИЧА
АРСЕНЬЕВА

М.Ю. Сорокина

НЕСТОР РУССКОЙ СЕРБИИ: АЛЕКСЕЙ АРСЕНЬЕВ

У каждого народа есть свои летописцы. И не важно — большой этот народ или крохотный: если есть человек, который помнит, собирает, хранит и рассказывает о его истории, народ жив — в памяти, поколениях и даже академической историографии. Алексей Борисович Арсеньев сделал больше — он постоянно и неустанно передает и делится всем накопленным им с семьями, друзьями, коллегами, родственниками, историками.

Неудивительно, что, когда произносишь это имя — Арсеньев, на лице собеседника сразу появляется улыбка. Светлый, бесконечно скромный и в то же время обаятельный, по-семейному домашний и уютный, находящий слова поддержки и утешения для каждого и между тем абсолютно сосредоточенный на своей миссии человек.

Вот и в этот раз Алексей Борисович не хотел никаких чествований, не позволял публично поздравлять его, но мы не могли не нарушить данный запрет — настолько «дело Арсеньева» и само его имя сущностны, важны и значимы для каждого русского человека во всем мире.

Сын русских белых эмигрантов, выросший в сербском городе Нови-Сад, инженер по специальности, Алексей Борисович — бессеребреник и подвижник, сумевший стать настоящим Карамзиным русского балканского зарубежья, и прежде всего бывшей Югославии и настоящей Сербии. На протяжении десятилетий он собирал разбросанные по разным библиотекам и музеям, институтам и архивам, журналам и газетам, семьям и знакомым бесценные свидетельства триумфа, трагедии и каждодневной жизни русской белой эмиграции. Он делал это и тогда, когда это было «можно», и тогда, когда это было «нельзя» и даже опасно, и создал поистине эпическую картину трудов и дней наших соотечественников в бывшей Югославии.

Вместе с ним эту миссию на Балканах несли еще несколько человек, в том числе незабвенная Татьяна Витальевна Пушкадия-Рыбкина в Загребе. Архивные документы и фотографии, журнальные и газетные публикации, научные статьи и монографии, устные свидетельства родных и современников, наконец, собственная семейная память — все эти источники позволили Алексею Борисовичу и Татьяне Витальевне создать поистине исторический памятник — сложить и Стену плача, и Стену славы, гимн и реквием по русской балканской эмиграции одновременно.

Нет такой области социальной, образовательной, научной, художественной, культурной и всякой другой профессиональной деятельности русских белоэмигрантов, о которой бы Алексей Борисович не написал статью или книгу. Русская периодическая печать, гимназии и школы, театр и балет, кинематограф и поэзия, авиация и флот, различные сербские топонимы с русской историей, русский некрополь и — в этом выпуске — масоны, теософы, оккультисты — все эти темы впервые получили освещение благодаря Арсеньеву. Особое внимание Алексей Борисович, конечно, уделил тому краю, в котором живет, — Воеводине, городу Нови-Сад и его русской диаспоре. С гордостью отметим, что свою первую книгу «У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду» Арсеньев издал в 1999 г. в Москве, в издательстве «Русский путь», благодаря сотрудничеству с его директором и основателем Дома русского зарубежья В.А. Москвиным.

Как подсчитала известная сербская исследовательница М. Живанович, именем А.Б. Арсеньева отмечены более 200 статей, обзоров, рецензий и книг, опубликованных между 1986 и 2020 гг. А учитывая консультации и советы, «подброшенные» материалы, тексты и фотографии, сканы и ксерокопии, которые Алексей Борисович щедро и безвозмездно передавал и передает всем интересующимся, это число можно умножить в десятки раз.

Арсеньев — это живая энциклопедия русского зарубежья в Югославии. Поздравляя Алексея Борисовича с юбилейной датой, хотим пожелать ему энергии и здоровья! И еще сто лет плодотворного сотрудничества с Домом русского зарубежья! Живиле!

А.Б. Арсеньев

РУССКИЙ БЕЛГРАД:
МАСОНЫ, ТЕОСОФЫ, ОККУЛЬТИСТЫ, БУДДИСТЫ

Общественная жизнь русских на чужбине была богата и разнообразна. В первые годы беженства/эмиграции (1919–1922) их волновали жизненные и бытовые вопросы — материальная помощь, оказываемая государственными и гуманитарными организациями, устройство на какую-то («временную») работу, создание в своей новой среде русского духовного центра — церковного прихода со священником и хором, детского сада, школы, приюта, русского клуба с библиотекой, художественного кружка. Однако интеллигенция не остановилась на этом, и уже через год-два стали возникать кружки и общества наподобие ранее существовавших в России, например объединения выпускников разных высших учебных заведений, офицеров Генерального штаба, профессиональные объединения (врачей, инженеров, артистов), кружки землячеств...

Белград, конечно, не был исключением. В самом городе (в 1921 г. — 111 тысяч жителей) и в его пригородах осело около 10 тысяч российских граждан. Об их культурной деятельности в столице Королевства сербов, хорватов и словенцев (далее — Королевство СХС; с 1929 г. — Югославия) написано много работ.

Цель нашей статьи — представить несколько белградских русских кружков, изредка лишь упоминавшихся в исторической литературе по теме русской эмиграции в Королевстве СХС / Югославии.

МАСОНСКАЯ ЛОЖА «МАКСИМ КОВАЛЕВСКИЙ»

Масонские ложи в России стали появляться с 1731 г. В следующем веке, в 1822 г., император Александр I запретил работу этих лож, а в 1826 г. запрет был повторен императором Николаем I. В начале XX в. ложи стали восстанавливаться. По заданию Великой ложи Франции в 1904 г. ложу в России основал петербургский профессор, академик Максим Максимович Ковалевский. Его друг, профессор, юрист-криминалист Михаил Павлович Чубинский был принят в нее одним из первых.

Профессиональная и общественно-политическая деятельность М.П. Чубинского многогранна и значительна. Была она связана и с Сербией. Специалист по уголовному праву, он преподавал в Киеве, Ярославле, Париже, Харькове, Петербурге, Юрьеве, являлся членом ЦК Партии народной свободы, членом Общества славянского научного единения в Петербурге. Круг столичной профессуры и

часть либеральной интеллигенции живо интересовались вопросами освобождения и объединения славянских народов на Балканах. В 1917 г. в Петрограде отдельным изданием вышел трактат М.П. Чубинского «Идея сербско-хорватского единения в ее развитии и современной ситуации». В следующем году этот труд был опубликован на французском языке в Париже и получил хвалебный отзыв сербского правительства. В 1917 г. М.П. Чубинский стал сенатором уголовного кассационного департамента в Киеве, с мая 1918 г. — министром юстиции в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. В период властвования С.В. Петлюры он, как противник «самостийности», находился в тюрьме, с 1919 г. состоял обер-прокурором уголовного департамента Сената в Новочеркасске...

В марте 1920 г. профессор Чубинский оказался в эмиграции в Королевстве СХС. За свою многолетнюю петербургскую деятельность в интересах прежнего Королевства Сербии он был удостоен сербского ордена Св. Саввы 3-й ст. (см.: [Арсеньев, Ордовски-Танајевски 2017, с. 355]). Два с половиной года Чубинский преподавал на юридическом факультете в Белграде, а затем ему была предоставлена профессорская кафедра на недавно открывшемся юридическом факультете в г. Суботица, но были поручены и дела в столице. Как юрист с мировым именем, М.П. Чубинский разрабатывал проект Уголовного кодекса молодого государства, стал членом Постоянного совета по законодательным вопросам при Министерстве юстиции и автором важных научных трудов и практических пособий по юриспруденции (см.: [Чубинский 1930]).

В начале 1920-х гг. Белград являлся видным центром масонства. В нем действовали сербские ложи «Дружба, Труд и Постоянство» («Слога, Рад и Постојанство»), «Побратим», «Шумадија». С 1921 г. в столице работал Союз Великой ложи сербов, хорватов и словенцев «Югославия», принятый в членство Интернациональной масонской ассоциации (АМІ).

В 1924–1925 гг. началась активная работа парижских русских масонов в Белграде. 23 декабря 1924 г. к ложе «Дружба, Труд и Постоянство» примкнул выдающийся филолог Евгений Васильевич Аничков, масон «Великого Востока Франции», профессор Белградского университета. Из Суботицы в столицу периодически приезжал профессор М.П. Чубинский, член русской парижской ложи «Астрея» и член-основатель парижской ложи «Гермес». В марте 1925 г. в одну из белградских лож он ввел своего сына, адвоката Арсения Михайловича Чубинского, а вскоре и трех русских эмигрантов: профессоров Николая Николаевича Салтыкова и Леонида Яковлевича Таубера и генерал-лейтенанта Владимира Владимировича Марушевского.

В 1926 г. эти русские образовали в Белграде свой кружок вольных каменщиков. Уже 28 марта кружок получил разрешение открыть самостоятельную ложу. Ей было присвоено имя Максима Ковалевского в память основателя русского масонства в XX в. В сентябре ложа начала свою деятельность и вошла в Союз Великой ложи сербов, хорватов и словенцев «Югославия».

Интересно отметить, что с 11 по 16 сентября 1926 г. в Белграде состоялся Международный масонский конвент, в котором приняли участие 20 послушаний из Европы и США, в том числе Великая ложа и ложа «Великий Восток Франции». Конгресс проходил под девизом «Вольные каменщики в пользу Мира». На нем

была создана специальная комиссия для наблюдения за проживающими на территории Королевства СХС русскими антисемитами и антимасонами для парализации их деятельности. Ее председателем стал Василий Николаевич Штрандтман.

Архивные материалы о масонстве в Югославии частично сохранились и находятся в Архиве Югославии (ф. 100). О русской ложе «Максим Ковалевский» в нем имеются скудные сведения. Однако можно полностью положиться на собранные и опубликованные данные историков Зорана Ненезича и Андрея Серкова [Nenezić 1988; Серков 1997].

Состав белградской ложи «Максим Ковалевский» не был многочисленным:

Евгений Васильевич Аничков (1866, Боровичи, Нижегородская губ. — 1937, Белград), выдающийся историк литературы, фольклорист, профессор Белградского университета;

Михаил Павлович Чубинский (1871, Киев — 1943, Белград), правовед, криминалист, общественно-политический деятель, профессор Белградского университета;

Арсений Михайлович Чубинский (1895, Киев — 1962, Нью-Йорк), доктор права Белградского университета, адвокат;

Николай Николаевич Салтыков (1872, Вышний Волочек — 1961, Белград), математик, профессор Белградского университета, академик Сербской академии наук и искусств;

Леонид Яковлевич Таубер (1872, Харьков — 1943, Белград), экономист, профессор Торговой академии в Белграде;

Владимир Владимирович Марушевский (1874, Петергоф — 1951, Загреб), генерал-лейтенант, бывший командир 3-й особой пехотной бригады во Франции (1916), начальник Генерального штаба (1917). По приглашению английской и французской военных миссий назначен командующим войсками Северной области в Архангельске (1919), принимал участие в иностранной интервенции на севере России;

Иван Сергеевич Свищёв (1873, Белгород — 1973, Лос-Анджелес), ученый-геодезист, генерал-майор, профессор Белградского университета;

Петр Александрович Сергиевский (1874, Саратов — после 1944), врач, общественный деятель, основатель и редактор «Вестника Федерации союзов русских трудящихся христиан в Югославии» (РТХД);

Яков Матвеевич Хлытчиев (1886, Нахичевань — 1963, Белград), ученый, специалист по прикладной механике, профессор Белградского университета, академик Сербской академии наук и искусств;

Владимир Иванович Курилов (1872, Москва — после 1950, Германия), правовед, судья районного суда в Белграде;

Николай Антонович Пушкин (1875, Саратов — 1947, Белград), ученый, химик-технолог, профессор Белградского университета, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств;

Александр Юльевич Вегнер (1877, Харьков — после 1944), экономист-финансист, профессор Белградского университета;

Антон Дмитриевич Билимович (1879, Житомир — 1970, Белград), ученый, математик и механик, профессор Белградского университета, академик Сербской академии наук и искусств;

Семен Иванович Верещак (1889, Туапсе — 1937, Белград), агроном, экономист, публицист;

Алексей Александрович Лебедев (1876, Санкт-Петербург — 1964, Сантьяго, Чили), ученый, специалист по двигателям внутреннего сгорания, основоположник науки об авиационных двигателях, профессор Белградского университета;

Виктор Николаевич Челищев (1870, Боровск, Калужская губ. — 1952, Сан-Франциско), правовед, бывший председатель Московской судебной палаты, литератор, чиновник Министерства юстиции в Белграде;

Александр Иванович Мамонтов (1869, Москва — 1936, Париж), доктор права, промышленник, почетный член белградской ложи (Париж);

Дмитрий Александрович Шереметев, граф (1885, Санкт-Петербург — 1963, Париж), кавалергард, тайный советник, почетный член белградской ложи (Париж).

К 1929 г. в этой ложе значилось 12 братьев. Из-за своего высокого интеллектуального состава (профессура и ученые с мировым именем) ложа приобрела влияние в Белграде. Некоторые ее члены одновременно состояли и в сербских ложах, где занимали высокие посты: Великого оратора (М.П. Чубинский) и Великого обрядоначальника (В.И. Курилов).

Как уже упоминалось, русские в Белграде состояли и членами сербских лож:

«Югославия» — М.П. Чубинский, Е.В. Аничков, Н.Н. Салтыков, Владимир Иванович Лебедев (1884, Ахалцихе, Грузия или 1885, Ростов-на-Дону — 1956, Нью-Йорк), эсер-боевик, помощник А.Ф. Керенского, в Белграде — сотрудник журнала «Руски архив», в Париже в 1933 г. — член масонской ложи «Космос»;

«Дружба, Труд и Постоянство» — Е.В. Аничков, Н.Н. Салтыков, Владимир Алексеевич Чехов (ок. 1890, Ростов — 1964, Стокгольм), Ф.Е. Махин (с 1929 г.), В.В. Марушевский;

«Побратим» — М.П. Чубинский, В.Н. Челищев, Л.Я. Таубер, А.Ю. Вегнер, А.И. Ксюнин, В.И. Курилов;

«Шумадия» — А.М. Чубинский, С.И. Манжелей;

«Доситей Обрадович» — С.И. Верещак;

«Истина» — Андрей Дмитриевич Андреев, А.М. Чубинский;

«Препороджай» — П.А. Сергиевский.

Помимо вышеперечисленных, более-менее деятельными масонами в Белграде были (по З. Ненезичу):

Владимир Христианович Даватц (1883, Владимир-на-Клязьме — 1944, погиб рядом с г. Сиеница, Сербия), математик, публицист;

Евгений Андреевич Жуков (1898, Киев — 1959, Белград), журналист, общественный деятель;

Сергей Иванович Манжелей (1894 — 1957, Белград), правовед, адвокат;

Александр Александрович Никольский (1863, Тула — 1942, Белград), журналист;

Борис Михайлович Орешков (1881, Москва — после 1944), инженер, общественный деятель;

Борис Павлович Пелехин (1883, Санкт-Петербург — 1943, Биарриц, Франция), правовед, бывший советник Российской миссии в Белграде;

Евгений Васильевич Спекторский (1875, Острог, Волынская губ. — 1951, Нью-Йорк), правовед, социолог, профессор Белградского университета;

Александр Львович Погодин (1872, Витебск — 1947, Белград), славист, литературовед, профессор Белградского университета;

Петр Бернгардович Струве (1870, Пермь — 1944, Париж), видный социолог, политик и общественный деятель, профессор Белградского университета;

Федор Васильевич Тарановский (1875, Плонск, ныне Польша — 1936, Белград), историк славянского права, профессор Белградского университета;

Степан Федорович Колесников (1879, Адрианополь, Екатеринославская губ. — 1955, Белград), художник, академик живописи;

Александр Николаевич Лебедев (1874, Владимир — 1935, Белград), полковник;

Федор Евдокимович Махин (1882, Николаевск-на-Амуре — 1945, Белград), полковник Генерального штаба, эсер, директор журнала «Руски архив» в Белграде;

Василий Николаевич Штрандтман (1877, курорт По, Франция — 1963, Вашингтон), дипломат, председатель Делегации по защите интересов русских беженцев в Королевстве СХС, до 1917 г. член парижской ложи «Астрея».

Белградские «черносотенцы» отзывались о них как о заведомых масонах или как о «масонствующих».

На юридическом факультете в Суботице училось много русских студентов. Под влиянием и по рекомендации профессора М.П. Чубинского некоторые из них, ставшие юристами, одновременно становились и масонами. Среди них был Валериан Дмитриевич Порошин (1898, Санкт-Петербург — 1979, Нови-Сад), прямой потомок воспитателя юного цесаревича Павла Петровича.

Учитывая тот факт, что среди русской эмиграции в Королевстве СХС сильное влияние имели монархисты, высший офицерский состав, духовенство, придворное и правительственное чиновничество императорской России, масонское движение в Белграде не приобрело массовость. Оно осуждалось в посланиях митрополита Антония (Храповицкого) к русской пастве, в статьях Л.В. Сердаковского и Н.Д. Тальберга, пи-

Михаил Павлович
Чубинский.
1910-е гг.
Частное собрание.
Нови-Сад

савших в русской белградской периодике, как и в антимасонских книгах Г.В. Бостунича [Бостунич 1922; 1928], Б.Л. Бразоля и др. Антимасонские книги поступали в Белград даже с Дальнего Востока (см.: [Иванов 1934; Фара 1937]).

В связи с тревожной политической ситуацией в Европе в конце 1930-х гг. и сложным положением, в котором оказалось Королевство Югославия (член «Малой Антанты»), до формального присоединения к Тройственному союзу (пакту) государству необходимо было идти на уступки Гитлеру — Муссолини. В Югославии были приняты регламенты об ограничении гражданских прав евреев и оказано давление на работу масонских лож. В августе 1940 г. Великая ложа «Югославия» приняла решение о своем «самоусыплении» и ликвидации подопечных лож. Русская ложа «Максим Ковалевский» прекратила свою работу (кстати, она никогда не отличалась гласностью). Антимасонская позиция правительства Югославии привела и к закрытию югославских масонских газет и журналов.

Разведывательные органы нацистской партии Германии (SD) еще до оккупации и расчленения Югославии собирали данные о ее вольных каменщиках. Наряду с группой видных сербов-масонов в апреле 1941 г. оккупантами в Белграде были арестованы Петр Струве и Антон Билимович. Государственным служащим надлежало в анкетах высказаться о своей расовой принадлежности и связях с масонством. Такой листок был вручен и профессору М.П. Чубинскому.

22 октября 1941 г. в помещениях бывшей белградской Великой ложи «Югославия» открылась большая пропагандистская антимасонская выставка, которую до 19 января 1942 г. посетило около 100 тысяч человек. На ней побывали и любознательные русские белградцы, т. к. на экспозиции были выставлены и фотографии русских масонов.

В ночь с 4 на 5 ноября 1941 г. в Белграде были проведены массовые аресты интеллигенции и общественных деятелей, около 200 человек. Из распределительного лагеря «Дединье» они вскоре, как заложники, были переведены в лагерь «Баница» (окраина столицы). Симптоматично, что среди них оказались русские масоны: А. Вегнер, И. Голенищев-Кутузов, В. Курилов, А. Лебедев, Н. Салтыков, П. Сергиевский, Л. Таубер, М. и А. Чубинские, И. Свищёв, Н. Пушкин (см.: Архив САНУ). Все они вскоре были выпущены и дожили до окончания войны, за исключением М.П. Чубинского (умер 19 января 1943 г.) и Л.Я. Таубера (умер 12 апреля 1943). Однако не все дождалось освобождения Белграда и покинули город до 20 октября 1944 г.

Белградский журналист Николай Захарович Рыбинский, оказавшись после войны в своей второй эмиграции в США, вспоминал:

Я знал нескольких масонов, и все они были на редкость милые люди. Прежде всего — профессор Е.В. Аничков, историк литературы, ученый с большим запасом знаний, но большой сангвиник и еще бóльший болтун. Принципиальный либерал и оппозиционер, ныне совершенно исчезнувший тип русского интеллигента. Я с ним познакомился в Белграде в Союзе русских писателей и журналистов, где мы оба входили в правление. Вторым его словом в нашей беседе было то, что он масон. Впрочем, я не был исключением, это он делал со всеми, с кем знакомился. Меня несколько удивило такое афиширование

пребывания в организации, которая покрывалась ореолом таинственности. И когда я поделился этим впечатлением с другим членом нашего правления, проф. М.П. Чубинским, тот хитро улыбнулся и сказал:

— Что же вы хотите? — он в ложе Великого Востока, туда принимают всех. А вот в нашу ложу попасть очень трудно.

И М.П. Чубинский стал рассказывать, какие ограничения в их ложе, с каким разбором принимают. Таким образом, я совершенно неожиданно познакомился с двумя масонами. Оба они никак не походили на членов тайных организаций, очень любили общество, принимали деятельное участие в общественной работе, любили теплую компанию с соответствующей выпивкой и закуской.

М.П. Чубинский из старинной украинской семьи. Отец его — автор текста гимна «Ще не вмерла України». При гетмане в Киеве М.П. Чубинский занимал пост министра юстиции. <...> Несмотря на широкий либерализм, он делал в императорской России прекрасную учебную и служебную карьеру, очень рано был произведен в действительные статские советники и занял должность директора Демидовского юридического лицея в Ярославле. М.П. Чубинский — талантливый человек, умел смачно рассказывать. Конечно, для украшения он посыпал и собственной фантазии, но получалось убедительно, а главное — всегда интересно. <...>

Во время оккупации Югославии немцы устроили в Белграде большую антимасонскую выставку. Она проходила в плане борьбы с иудео-масонством. Для русских выставка приготовила несколько сюрпризов — на ней были выставлены портреты русских масонов в Югославии, найденные немцами в архиве ложи. Посетители увидели фотографии популярного врача П.А. Сергиевского, председателя Союза русских писателей и журналистов А.И. Ксюнина, секретаря Земского союза А.Д. Андреева и др. [Рыбинский 1953, с. 4].

ТЕОСОФСКАЯ ЛОЖА «ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ»

Международное теософское общество было основано в 1875 г. в Нью-Йорке. Основали его Елена Петровна Блаватская, Генри Стиль Олкотт (Olcott) и Уильям Кван Джадж (Judge). Общество выдвигало три основные цели:

1. Всеобщее братство, вне зависимости от цвета кожи, расы, пола, вероисповедания или касты;
2. Сравнительное изучение религий, науки и философии;
3. Исследование неизвестных законов природы и скрытых внутренних сил человека.

Девиз Теософского общества был «Нет религии выше истины».

Теософские кружки в России стали появляться с 1901 г. Первыми теософами принято считать Нину Константиновну Гернет (1864–?) и ее друга детства Анну Алексеевну Каменскую (1867–1952). Развитию теософии в России препятствовала церковная цензура. Официально Русское теософское общество (далее — РТО) было зарегистрировано в 1908 г. Советские власти в 1918 г. запретили его собра-

ния, реквизировали типографию, а в 1922 г. окончательно запретили теософское движение.

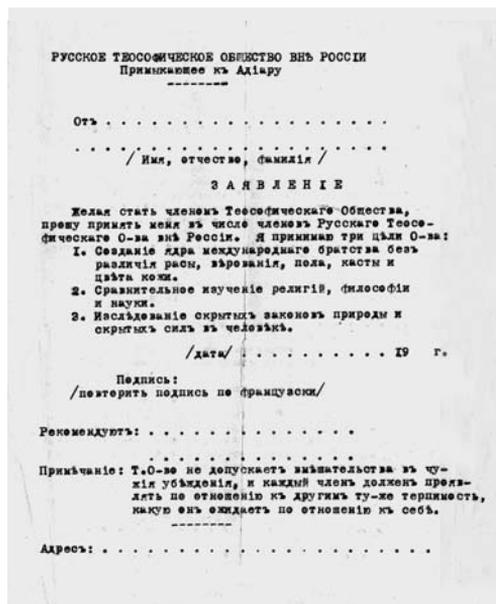
В начале июня 1921 г. А.А. Каменской, Ц.Л. Гельмбольдт и В.Н. Пушкиной удалось бежать в Финляндию. По распоряжению Анни Безант (Besant) А.А. Каменская поселилась в Женеве и начала работу по созданию и упорядочению русских теософских лож за рубежом. В январе 1926 г. был разработан и принят Устав РТО вне России (далее — РТОВР). Он восстанавливал статус РТО как 14-й национальной секции Теософского общества. К этому времени РТОВР уже имело 10 лож, 20 центров и 175 зарегистрированных членов во многих городах (Таллин, Рига, Белград, Лондон, Тяньцзинь, Прага, Париж, Брюссель, Берлин, Бостон и др.).

Современные исследователи РТОВР отмечают, что его члены и секции пропагандировали теософию как «эклектическое знание, сочетающее оккультизм, сиентологические воззрения и восточные культы, не имеющее отношения к православии, но члены его рассуждали о православии и заявляли о своей приверженности к православии» [Княжева-Карцева 2018, с. 456].

Русская теософская ложа «Ярослав Мудрый» основана в Белграде в 1925 г. Она считалась одной из самых деятельных лож в русском зарубежье. Устроителем, вдохновителем и ее первым председателем была Елена Павловна Соловская, особа, глубоко преданная теософии, обладательница глубоких знаний, культуры, двух университетских дипломов (Белград, Женева) и доктората по естественным наукам. Встречи членов ложи происходили на ее квартире, в присутствии ее матери и сестры. Следующими председателями белградской ложи поочередно

были М.И. Яхонтова, Л.К. Брезинская и Л.Б. Ткаченко. До своей трагической гибели при первой бомбардировке Белграда (6 апреля 1941 г.) Е.П. Соловская оставалась почетным председателем ложи [Аноним 1961, с. 50].

Важным событием для русских теософов в Белграде в первый год их деятельности был приезд из Парижа видной теософки Варвары Николаевны Пушкиной, урожденной княжны Голицыной (1873–1931, Париж), одной из первых теософов в России, председательницы русской секции ордена «Звезда на Востоке». В ноябре 1926 г. в актовом зале 2-й мужской гимназии она прочитала доклад «Кришнамурти и его наука — новый Будда или, возможно, Иоанн Предтеча». Необыкновенные способности выдающегося индийского писателя и гуманиста Джидду Кришнамурти (Krishnamurti;

Заявление о желании вступить в Русское теософское общество вне России. Собрание А.Б. Арсеньева

1895–1986) были отмечены Анни Безант, последовательницей Е.П. Блаватской [Политика 1926].

Теософская ложа «Ярослав Мудрый» была тесно связана с РТОВР, т. к. Е.П. Соловская периодически жила в Женеве и являлась личным секретарем г-жи Анни Безант. Первые годы существования белградской ложи отличаются и скромной издательской деятельностью. Так, установлено, что в 1926 г. на гектографе был размножен один труд Елены Петровны Блаватской (см.: [Блаватская 1926]).

В 1930-х гг. в ложе «Ярослав Мудрый» состояло около 15 членов, преимущественно женщины. Из разных источников нам удалось выявить следующих особ:

Елена Павловна Соловская (ок. 1894 — 1941, Белград), доктор агрономических наук;

Вера Александровна Дукшт-Дукшинская, урожд. баронесса Ван дер Ховен¹;

Мария Ивановна Яхонтова, урожд. Леман (1869, Санкт-Петербург — 1937, Белград);

Лидия Болеславовна Ткаченко (1881, Дешлагар, ныне: Сергокала, Дагестан — после 1970, Дублин);

Петр Михайлович Ткаченко (1874 — 1957, Дублин), подполковник;

Любовь Николаевна Курилова, урожд. Зиновьева (1875, Вильно — 1963, Рочестер, штат Нью-Йорк), вокальный педагог;

Владимир Иванович Курилов (1872, Москва — в 1949 г. уехал с семьей в Германию), правовед, судья районного суда в Белграде, масон;

Лидия Константиновна Брезинская, урожд. Свешникова (1897, Москва — 1956, Белград), библиотекарь;

Николай Николаевич Брезинский (ок. 1894 — 1980, Белград);

Зинаида Георгиевна Грицкат, урожд. Черникова (1889, Керчь — 1963, Белград), пианистка, педагог;

Елена Ивановна Сухачёва (1890, Добряны, Ковенская губ. — 1962, Торонто);

Наталья Павловна Миончинская (1902 — 1986, Нью-Йорк);

Татьяна Ивановна Хлытчиева, урожд. Ивановкова (1891, Москва — 1986, Белград);

Александра Николаевна Реут, урожд. Козинцова (1895, Санкт-Петербург — 1978, Белград), медицинская сестра;

Ксения Федоровна де Гильотен, урожд. Сердюкова (? — после 1958, Австралия), окончила косметические курсы в Париже;

Александр Львович Никитин-Невельский (1900, Гольдинген, ныне Кулдига, Латвия — 1969, Бразилия);

Михаил Львович Никитин (1902, Либава, Курляндская губ., ныне Лиепая, Латвия — после 1942);

Ольга Львовна Редлих, урожд. Вульфович (1888, Ковно — после 1944, Лисабон);

¹ Состояла членом ложи лишь в первые годы ее существования. Стала заниматься церемониальной магией, производила магические операции, образовала магический кружок. Воодушевилась Учением Живой Этики, возглавила Миссию женщин и Общество имени Н.К. Рериха в Белграде, которые вскоре покинула.

Вера Михайловна Лукьянова, урожд. Стежнева (1897, Юрьеvec, Костромская губ. — после 1960, Нью-Йорк), преподаватель музыкального училища;

Наталья Лукьянова (? — 1961, Белград);

Елена Владимировна Арсеньева, урожд. Бутлерова (1892, Москва — в 1950 г. уехала в Италию, обосновалась в Калифорнии);

Владимир Иванович Алисов;

Ольга Михайловна Ротер (1907 — после 1944 г. жила в Сан-Паоло, Бразилия);

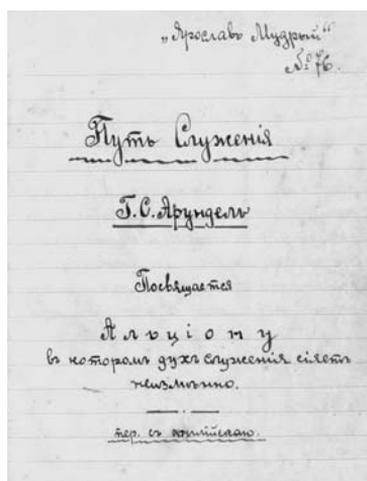
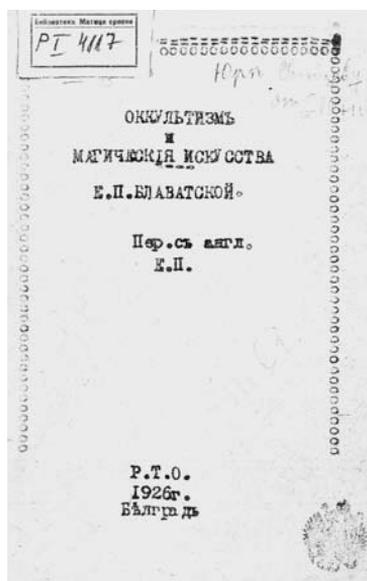
Ольга Владиславовна Финнэ (1899, Юрьев — в 1963 г. жила в Нью-Йорке);

Нина Федоровна Корш (1876, Москва — ок. 1954, Александровац, Сербия).

Вероятными членами или приближенными к ложе были студенты Александр Михайлович Асеев и Георгий Иванович Свищёв (о них речь пойдет ниже).

У белградской ложи не было своего органа печати, но она выписывала журнал «Вестник» Русского теософского общества (Женева), югославский журнал «Теозофија» (Zagreb, 1927–1936) и белградский журнал «Оккультизм и йога» (1933–1938), по заявлению редактора — «орган русских независимых оккультистов, страницы которого были открыты всем искателям истины, независимо от школы, которой принадлежали, и оккультных доктрин, которые исповедали» [Оккультизм и йога 1934, с. 3].

Ложа «Ярослав Мудрый» была весьма деятельной. Встречи проходили на квартирах членов. Сегодня трудно установить, какая теософская литература изучалась. Между тем на основании сохранившихся тетрадей З.Г. Грицкат по теософии (их всего 16) и ее послевоенной переписки с бывшими членами ложи², а также частично сохранившейся библиотеки ложи, находившейся у А.Н. Реут³, убеждаемся, что в ней имелись основные труды по теософии на русском и европейских языках: Блаватской, Безант, Писаревой, Ледбитера, Вивекананды, Кришнаджи, Джинараджадаса,

Обложки гектографированных изданий теософской ложи «Ярослав Мудрый». Собрание редких книг Библиотеки Матицы сербской, Нови-Сад; собрание А.Б. Арсеньева

² Хранятся у автора.

³ Хранится у В.А. Медведевой, Белград.

Рамагарани, Кришнамурти, Веджвуда, Коллинза, Арундэля, Папюса, Арнольда, но и работы Ренана, Папини, Платона, Пифагора, новопифагорейца Апполония Тианского, Аммиана Марцеллина, Джордано Бруно, Шюрэ, Донова, Серафима Саровского, Тимирязева, «Бхагават-Гита», Упанишады и др. Члены ложи записывали свои комментарии и мысли об этих книгах, фрагменты переводили и заносили в тетради, готовили лекции и читали их на своих заседаниях. Регулярно устраивались Дни «Белого лотоса» (дата кончины Е.П. Блаватской). На встречах обсуждались и различные этические вопросы.

*Встреча членов ложи «Ярослав Мудрый».
Белград. 1930-е гг. Стоит в середине
З.Г. Грицкат. Собрание А.Б. Арсеньева*

В 1938 г. Югославское теософское общество было организатором конгресса европейской федерации теософских обществ. Члены оргкомитета, съехавшиеся в Белград, два своих заседания провели на квартирах Л.К. Брезинской и З.Г. Грицкат. В своем отчете председательница этого комитета Милица Градишник отметила:

Какое удовольствие было оказаться в такой отлаженной среде, как русская ложа «Ярослав Мудрый»! Это собрание сестер и братьев с полной отдачей, совместным, гармоничным трудом выполняет продуктивную теософскую работу. Работать и преподавать в их среде — подлинное удовольствие [Из teozofskog svijeta 1938].

Конгресс состоялся в Загребе в августе 1938 г. Л.К. Брезинская, председательница белградской ложи «Ярослав Мудрый», выступила с докладом (см.: [Княжева-Карцева 2018, с. 452]), а пианистка З.Г. Грицкат приняла участие в музыкальной программе конгресса (исполняла фортепианные сочинения Бетховена). Из Белграда на конгресс приехала и Е.И. Сухачёва.

В 1940 г., когда Белград был еще сравнительно спокойным местом в Европе, далеким от военных действий, в ложе «Ярослав Мудрый» возникли расхождения, связанные с тем, что часть членов противилась проведению в Белграде конвенции представителей заграничных русских лож. Таково было предложение центра в Женеве и самой Соловской. Это привело к тому, что Л. Брезинская с мужем, Л. Курилова с мужем и еще несколько членов ложи «Ярослав Мудрый» (почти половина ее состава) покинули ложу и учредили независимую ложу «Братство», примкнувшую к Югославской теософской секции. При содействии Соловской конвенция все-таки состоялась в Белграде. Некоторые члены, покинувшие русскую ложу, вскоре в нее возвратились. В начале 1941 г. РТОВР прекратило работу, и ложа «Ярослав Мудрый» присоединилась к сербской ложе «Круг истины».

Трагическая гибель Е.П. Соловской при бомбардировке Белграда не остановила работу белградских теософов. Члены встречались и при немецкой оккупации. Деятельность русской ложи полностью прекратилась лишь в 1947 г., когда социалистическое правительство Югославии запретило работу теософских обществ. К тому времени преобладающее число членов ложи «Ярослав Мудрый» уже покинуло Югославию и обосновалось в Ирландии, Италии, США, Австралии, Парагвае, Бразилии. Связь между ними долго поддерживалась путем личной переписки и при их сотрудничестве в русском журнале «Оккультизм и йога», который после войны продолжил выходить в Южной Америке.

К концу Второй мировой войны Совет (международного) Теософского общества предложил А.А. Каменской вернуть хартию на установление РТОВР, а русским теософам присоединиться к местным национальным секциям Теософского общества. На месте РТОВР появилось Свободное объединение русских теософов вне России, которым и в таком варианте руководила А.А. Каменская. Однако это новое образование уже не являлось официальным объединением.

В 1966 г. в Югославии была восстановлена деятельность теософских лож. Бывший член ложи «Ярослав Мудрый» Николай Николаевич Брезинский стал председателем сербской ложи «Истина», которая возобновила свою работу, и этот пост он занимал до своей смерти (1980). А Ксения Федоровна Гильотен из Австралии регулярно сотрудничала в парагвайском журнале «Оккультизм и йога», при котором издавались и отдельные книги в ее переводе с английского.

Одним из первых и самых деятельных членов ложи «Ярослав Мудрый» была Зинаида Георгиевна Грицкат. У нас есть возможность подробнее рассказать об этой личности. С теософией З. Грицкат познакомилась еще в России. Будучи ученицей Петербургской консерватории, она зарабатывала себе на жизнь частными уроками, преподавала фортепиано в Смольном институте и аккомпанировала приезжим заграничным солистам. Жила она в семье В.В. Ергомышевой, родной сестры Александры Васильевны Унковской, бывшей в то время секретарем Русского теософского общества. Окончив консерваторию по классу фортепиано, Зинаида Георгиевна в 1914 г. вышла замуж. Мировая война и революция разлучили супругов, но в 1920 г. они нашли друг друга и обосновались в Белграде. С приездом в Белград теософки Е.П. Соловской З.Г. Грицкат приняла живое участие в дружной и интенсивной работе создавшейся ложи. В своих письмах она упоминает, что ее большими друзьями в те годы были Л.Н. Курилова, К.Ф. Гильотен и А.М. Асеев.

Зинаида Георгиевна очень любила музыку А.Н. Скрябина, который сам живо интересовался теософией, посещал европейские конгрессы теософов в Швейцарии. Как преподаватель белградского музыкального училища и консерватории, З.Г. Грицкат сотрудничала в сербских музыкальных журналах, писала о Скрябине, Римском-Корсакове, Чайковском, Бородине, о современной советской музыке. Сохранился конспект ее лекции «Теософия — в музыке».

С 1954 г. З.Г. Грицкат тяжело болела, но, несмотря на порой длительные невыносимые страдания, продолжала живо и пылливо интересоваться теософскими вопросами. Ее письма полны вопросов отвлеченного характера — об Абсолюте космическом и о Солнечном логосе. Также ее интересовали вопросы эволюции

Духа и формы. Со своими друзьями Ольгой и Надей, приходившими к ней на дружескую чашку чая, она делилась новыми мыслями, как и в теософских письмах корреспондентам, с которыми возникал деятельный обмен мнениями.

З.Г. Грицкат очень любила путешествовать. Около 10 лет ежемесячно отправляла деньги нуждающейся Надежде Федоровне Корш, в сербскую деревню (дочери Ф.А. Корша, драматурга, основателя частного Русского драматического театра в Москве). Зинаида Георгиевна любила церковь,

...где на душе было тепло, как дома, и страшно, как будто там остановилось время. Но, конечно, остановиться на этой ступеньке моего развития не было возможности, это сознавалось мною ясно. Божественная Мудрость объяснила почти всё и помогла мне понять самое главное в Христианстве, что Бог есть любовь [Н.Р. 1962, с. 81–82].

ОККУЛЬТИСТЫ

В 1920-х гг. в Белграде существовал Кружок по изучению эзотерических наук Востока. В 1928 г. им был выпущен единственный номер журнала «Крылья Духа», редакторами которого стали Елизавета Константиновна Кидалова (1900 — 1975, Белград) и Евгений Федорович Щербаков (1896, Одесса — 1972, США). К сожалению, нам не удалось обнаружить каких-либо сведений о других членах кружка и его деятельности, а также отыскать этот журнал. Можно предположить, что некоторые члены кружка состояли и членами белградской теософской ложи «Ярослав Мудрый».

В начале 1930-х гг. в Белграде несколько лет активным было югославское Общество имени Н.К. Рериха, основанное в 1930 г. Первым председателем общества был избран серб Милан Маркович, профессор Белградского университета. Вскоре на этом посту его сменила Вера Александровна Дукшт-Дукшинская (одновременно и председательница кружка Миссии женщин, близкого к идеям Е.И. Рерих). Помимо самых деятельных членов общества, А.М. Асеева и М.Л. Никитина (псевдоним М. Эфесов)⁴, в нем состояли Елизавета Константиновна Кидалова, Сусанна Николаевна Ершевская, Раиса Михайловна Здор, В.К. Дарьялова, Галина Витавская и еще несколько белградских русских дам. К 1934 г. председательница В.А. Дукшт-Дукшинская прервала переписку с Рерихами, и это югославское общество прекратило свою деятельность.

Несомненно одно — в 1930-х гг. Белград считался видным центром европейского оккультного движения. Отдельного кружка оккультистов, видимо, уже не существовало, но с 1933 г. стал выходить единственный оккультный журнал русского зарубежья — «Оккультизм и йога». Журнал не поддерживал близких отношений с женевским РТОВР и с его филиалом в Белграде, ложей «Ярослав Мудрый». Редакция журнала держалась от них в стороне, но не враждебно. Выходил он по инициа-

⁴ Братья Михаил и Александр Львовичи Никитины в 1926 г. в Белграде редактировали сборник «Лето Господне». Михаил Львович Никитин (1902, Митава — после 1942), выпускник Первой русско-сербской гимназии (1924), станет ближайшим сотрудником журнала «Оккультизм и йога». А.М. Асеев о нем высказывался как о выдающемся русском эзотерике.

*Александр Михайлович Асеев.
Белград. 1920-е гг.
Собрание Историко-культурного
музейного комплекса «Усадьба
Асеевых», Тамбов*

тиве и под редакцией молодого врача Александра Михайловича Асеева (1903, Арженка, Тамбовская губ. — 1993, Сантьяго, Чили), серьезно увлекшегося учениями Востока. Значение этой личности для русских эмигрантов-эзотериков трудно переоценить, поэтому стоит подробнее рассказать о его жизни и деятельности.

А.М. Асеев был младшим из восьми детей в семье тамбовского врача, состоятельного купца и фабриканта. Аттестат зрелости он получил в Первой русско-сербской гимназии в Белграде (1922), а диплом врача — на медицинском факультете Белградского университета (1930). Год Асеев работал стажером в Государственной больнице и в Центральном гигиеническом институте в Белграде, а затем, с 1931 по 1940 г., был направлен служить сельским врачом в глухих местах отсталой Восточной Сербии: на шахтах в местечке Рготи-на, затем в местечке Рудна-Глава, где занимался и частной практикой, держал свою аптеку.

В студенческие годы А.М. Асеев заинтересовался мистикой и на собственные средства издал сборник «Лето Господне»⁵. Прочитав в начале 1931 г. книгу «Агни-йога», он серьезно увлекся теософией и оккультизмом. Идеи, изложенные в книге, стали на всю жизнь его убеждениями и определили его судьбу. Асеев написал письмо академику живописи Николаю Константиновичу Рериху и получил ответ от его супруги Елены Ивановны. Завязалась переписка с Индией, продолжавшаяся до последних дней их жизни.

В 1933 г. Алексей Михайлович на собственные средства начал издавать журнал «Оккультизм и йога» (до лета 1938 г. вышло 10 книг). Журнал предоставлял трибуну широким кругам оккультистов-эзотериков русского зарубежья. У редактора завязалась переписка с сотрудниками из многих стран. Н.К. и Е.И. Рерихи направляли редактора в здоровое русло, не допуская считать сборники «Оккультизм и йога» агни-йогическим официозом. Е.И. Рерих курировала журнал, писала в нем под своим именем или под псевдонимом «Т.П. Сундри», предостерегала от контакта с оккультным центром в Шанхае. В одном из своих многочисленных писем А.М. Асееву она писала:

Не следует осуждать РТОВР. Много ошибок в обществе, но всё же там почитают учителей. Потому не раздражайте их поминанием ошибок. Кроме А. Каменской, все другие друзья. Особенно сейчас не нужно творить себе врагов. <...> Всё же главные друзья наши во всех странах, именно, из лагеря и бывших или настоящих теософов [Е.И. Рерих к А.М. Асееву 1936].

⁵ Лето Господне. Круг мистического чтения / ред. М.Л. Никитин и А.Л. Никитин. Белград, 1926.

Сам Н.К. Рерих в феврале 1934 г. прислал Асееву «перстень ученика» — знак доверия. В одном из своих писем к Е.И. Рерих Асеев писал:

Пройдя строгую оккультную школу, я мог бы принести гораздо больше пользы человечеству, я готов в любое время откликнуться на зов Учителя, ибо с Европой меня ничего не связывает. <...> Правда, у меня нет денег на дорогу в Индию, ибо все сбережения, которые я делал за 2,5 года службы, я отдал на издание журнала, и все ценное мое имущество ограничивается библиотекой, велосипедом и золотым хронометром — подарком покойного отца [А.М. Асеев к Е.И. Рерих 1934].

В своем почти аскетическом уединении Александр Михайлович штудировал книги Учения Живой Этики, пишет монографию «Фармакодинамика оккультизма» (отрывками публикует ее в выпусках своего журнала). Этот свой главный труд молодой, восторженный адепт Учения начинает так:

Кто из ищущих не желает всем сердцем достигнуть сверхчувственного восприятия, кто убоится войти в таинственные и светозарные чертоги Невидимого мира, вступить в контакт со светлыми его обитателями, вдыхать огненный и сладкий воздух Небытия, своими руками осязать тонкие планы жизни, своими глазами созерцать славу и величие Творца?! <...> Наша гордая академическая наука занимается исключительно изучением физических явлений, астрального плана не знает и, следовательно, отрицает его существование [Оккультизм и йога 1934, с. 59, 63].

В селе Рудна-Глава растет его популярность врача. Целыми днями он на велосипеде развозит по всему уезду, лечит.

В 1936 г. А.М. Асеев опубликовал 7-й выпуск журнала, полностью посвященный Атлантиде. Николай Рерих писал хвалебные письма А.М. Асееву:

«Атлантида» и «Герметизм» — оба эти выпуска заслуживают всякой похвалы. Только подумать, что в наши трудные дни Вы неустанно насыщаете ум человеческий такими нужными сведениями! И делаете это Вы с таким мужеством и упорством, что нельзя себе даже представить, какое бы обстоятельство могло отвлечь Вас от этого доброго и, повторяю, несложного пути [Н.К. Рерих к А.М. Асееву 1937].

Из-за удорожания почтовых тарифов в Югославии с 1937 г. журнал печатался в Болгарии (София, выпуски 8, 9 и 10). Летом 1938 г. издание по нескольким причинам прервалось. Редактор во вступительной статье 10-го выпуска сообщал:

Настоящий десятый том «Оккультизм и йога» — последний, который выходит в свет

Обложка 7-го выпуска журнала «Оккультизм и йога». Белград, 1936. Фонд Национальной библиотеки Сербии. Белград

Сотрудники журнала «Оккультизм и йога». Белград. 1937. Верхний ряд: М.Л. Никитин, Г.И. Свищёв; средний ряд: А.Л. Никитин, В.А. Дукишинская, А.М. Асеев; нижний ряд: К.П. Лесюк, В.Е. Дукишинский. Собрание Историко-культурного музейного комплекса «Усадьба Асеевых», Тамбов

под нашей редакцией. После зрелого и всестороннего обсуждения мы решили прекратить дальнейшее издание сборника. Главной причиной этого решения являются денежные затруднения. Издание сборника не окупалось, каждый выпуск давал дефицит, который целиком покрывался редактором. <...> Пятилетнее издание не дало полностью ожидаемых результатов. Приходилось встречать и прямое осуждение нашей деятельности или холодное к ней безразличие со стороны видных эзотерических центров русского зарубежья [Оккультизм и йога 1938, с. V].

Понимая политическое положение в мире, Рерихи одобрили временное прекращение издания журнала. Однако не остались довольны заявлением А.М. Асеева о полном закрытии журнала. Н.К. Рерих писал:

Очень рад, что Вы согласны с нами в том, <что> не следовало оповещать о прекращении «Оккультизма и йоги». Гораздо проще было бы сказать, что издание переходит на печатание отдельных книг и брошюр, а ведь срок таких изданий вовсе не обязателен [Н.К. Рерих к А.М. Асееву 1938].

С 1939 г. переписка с Индией и Югославией была прервана. Возобновилась она лишь в сентябре 1948 г.

Весной 1941 г. Асеев был призван в югославскую армию, но ему не пришлось принять участие в военных действиях из-за скоро последовавшей капитуляции Югославии. С 1941 по 1944 г. Асеев работал врачом в местечке Козари Придунайского округа. За оказание медицинской помощи партизанам Александр Михайлович

был арестован и приговорен к расстрелу. Приговор не успели привести в исполнение, и узник выжил. В 1945–1950 гг. Асеев служил врачом в городке Сопот, в 50 км от Белграда. С гонениями на русских эмигрантов, начавшимися в Югославии после разрыва этой страны с СССР, усложнилась и жизнь Александра Михайловича. Он понял, что его мечта возвратиться на родину неосуществима. Сохраняя югославское гражданство, он в 1951 г. уезжает в Парагвай, куда уже перебрались его мать и семья старшего брата. Асееву удалось увезти с собой и свою огромную библиотеку.

Для Елены Ивановны Рерих, проживавшей в Индии, Александр Михайлович и его альманах были форпостом Учения в Европе. С отъездом Асеева Европа теряла центр оккультизма. Но уже с 1952 г. и до самого 1977 г. Александр Михайлович в Асунсьоне продолжал издавать свой журнал «Оккультизм и йога». Кроме работ старых и новых сотрудников, в журнале публиковались и его собственные труды по истории русского оккультизма и по парапсихологии.

Потеряв место врача в столице Парагвая, А.М. Асеев не решился ехать в провинцию, а занялся производством косметических препаратов. Издание журнала приносило убытки, и Александр Михайлович был вынужден продавать книги из своей библиотеки. В одном из последних писем к Е.И. Рерих он писал:

Живу в духовном одиночестве — контакта с местной русской колонией у меня нет <...> меня даже начали травить, исключили из членов русской публичной библиотеки, писали доносы [А.М. Асеев к Е.И. Рерих 1954, с. 225].

За всю жизнь А.М. Асееву удалось выпустить 66 толстых тетрадей своего журнала, которые он рассылал в разные страны. Состарившись, он передал издание Русскому эзотерическому обществу в Нью-Йорке. Вышло еще два сборника (1978, 1982). В начале 1987 г. племянник А.М. Асеева вывез его в Чили, почти слепого, в очень плохом состоянии здоровья.

Но вернемся к белградскому периоду издания журнала «Оккультизм и йога». Перечислим его сотрудников, проживавших в Сербии: Александр Львович Никитин-Невельский, Михаил Львович Никитин (псевдоним М. Эфесов), профессор Николай Васильевич Краинский («Естественный мир перед лицом науки», «Сверхъестественный мир перед лицом науки»), Раиса Михайловна Здор, урожд. Асеева (сестра А.М. Асеева), Леонид Май, Георгий Иванович Свищёв, Павел Иванович Кравченко (псевдоним Тавва), Лидия Константиновна Брезинская, доктор Владимир Леонидович Лаушкин (1903, Полтава — после 1970, Маракай, Венесуэла).

Остальные сотрудники были из Риги, Таллина, Курресара (Эстония), Юрьева, Эрфурта, Берлина, Парижа, Константинополя, Харбина, Наггара (Индия), Буэнос-Айреса, Болгарии, Канады и других мест.

Первый выпуск журнала открылся публикацией четырех коротких работ оккультиста-эзотерика Владимира Николаевича Лотина (ок. 1869 — 1922, Белград): «Пути к высшему знанию», «Эволюция, спасение и гибель», «О чтении» и «Знание и вера». Русский издатель-журналист Алексей Алексеевич Суворин (1862, Москва — 1938, Белград) в том же выпуске журнала опубликовал некролог «Светлой памяти В.Н. Лотина», к сожалению не содержащий каких-либо биографических данных и сведений об эзотерической деятельности покойного. Суворин о Лотине высказался как о

человеке, который по душевной своей ценности и той массе блага — всяких исцелений, — которую он дал людям, заслуживает общественной памяти. Морской офицер <...> Владимир Николаевич относится к числу наиболее крупных русских эзотериков; он был хорошо известен еще в России как автор нескольких замечательных книг по вопросам Сокровенного Знания [Оккультизм и йога 1933, с. 93–94].

Нами установлено, что В.Н. Лотин опубликовал две работы в Петербурге, в 1910-х гг.: «Знание духа» и «Вера и знание по вере».

И самому А.А. Суворину, эмигранту в Белграде, были не чужды веяния восточной мудрости, он увлекался йогой. В 1914 г. в Петербурге вторым изданием вышла его книга «Новый человек». Она затрагивала вопросы самопознания и считалась лучшим введением в оккультную философию. Помимо прочих в книге содержались разделы: Здоровье человека и его тело; Человек в мироздании; Подсознание; Сверхсознание; Философия индусов; Восток и Запад в человеке и мироздании. В Белграде Суворин лечился голоданием, пропагандировал этот свой метод, публиковал брошюры на сербском и русском языках.

Центральное место в первом выпуске журнала «Оккультизм и йога» занял трактат доктора Александра Асеева о книге «Агни-йога» (Париж, 1929, 333 с.).

При журнале «Оккультизм и йога» выходила библиотека избранных трудов по оккультизму. Была сделана републикация труда Дмитрия Васильевича Страндена (с петербургского издания 1914 г.) [Странден 1937]. Сотрудник журнала Лидия Константиновна Брезинская перевела на русский язык вторую книгу, выпущенную в этой библиотеке, но она не была издана в Белграде [Холл 1938].

Сотрудник журнала художник и поэт Павел Иванович Кравченко (1886, Поти — после 1943) под псевдонимом Тавва публиковал в нем свои стихи. В Белграде вышел его сборник эзотерических стихотворений «Зеркала вездесущности»:

Из недр глубоких Бытия,
От вездесущих помышлений,
Ко мне бегущая ладья
Ведет богатства озарений [Тавва б.г., с. 22].

В журнале печатались стихи белградца Михаила Никитина (под псевдонимом М. Эфесов) и Нины Павловны Рудниковой (1890, Санкт-Петербург — 1940, Кёнигсберг) из Ревеля. Она была одним из самых верных заграничных сотрудников журнала. В Эстонии ее считали авторитетным эзотериком и теоретиком оккультизма, обладающим и экстрасенсорными способностями. Была она первой женой Гавриила Александровича Елачича (псевдоним де Бужим; 1894, Санкт-Петербург — 1941, Белград). Поэт, беллетрист и журналист Г.А. Елачич после развода с женой в 1921 г. поселился в Белграде. Скромный чиновник Министерства просвещения, он состоял членом Союза русских писателей и журналистов. Его многообразное литературное наследие трех жизненных периодов не изучено. Гавриил Александрович слыл в Белграде загадочным эзотериком, оккультистом и спиритистом. Современникам он говорил, что знает дату своей смерти, неоднократно ее указывал. Действительно, он погиб в предсказанный им день — 6 апре-

ля 1941 г. при первой немецкой бомбардировке Белграда. В стихотворении 1924 г. он писал:

Нет! Час не наступил, пророчеств медный голос
Пред злом не вздыбился, как перед змием конь,
И сердце пламенно еще не раскололось.

Молчи, пророк, молчи! О толщу косных бронь
До времени свой меч не иступи бесцельно;
Недвижен будь, расплавленный огонь

Еще не изливай в пустой сосуд скудельный...
Твой час не наступил. Храни огонь и жди,
Когда для всей земли придет миг предельный, —

Тогда разверзь уста; из скованной груди
Пусть больше не слова, а трубный голос грянет,
И по лицу земли живым огнем гряди! [Гамаюн 1924, с. 33–34].

В 1936 г. в белградской газете «Русский голос» была опубликована статья «Научный и народный оккультизм» с подзаголовком: «На основании последних докладов А.П. Брагина» [Русский голос 1936], что свидетельствует о прочитанных Брагиным публичных лекциях. Брагин был и автором статьи «Атлантида» в 7-м выпуске журнала «Оккультизм и йога».

Интерес русских к оккультизму подтверждается и переводом с сербского книги Тодора Петковича об оккультизме [Петкович 1936]. Перевод выполнил Михаил Алексеевич Соловьев (1874, Одесса — 1950, Цавтат, близ Дубровника, Хорватия), правовед, проживавший в Нови-Саде. В предисловии переводчик отметил:

В сокровищницу литературы по оккультизму д-ром Тодором Петковичем внесен ценнейший вклад. До сих пор у нас не было труда, который бы дал систему оккультной науки, почему всякий интересующийся теряется в беспорядочном чтении разных книг, руководств и теорий по оккультизму, не имея возможности осветить себе общее направление этой духовной науки, установить ее основные принципы и уяснить ее важность. <...> В книге дан строго логический, удивительно ясный, краткий, но полный, систематический обзор этой науки Востока [Петкович 1936, с. V].

В Нови-Саде вышли еще три труда, так или иначе связанные с оккультизмом: [Смирнов⁶ 1922; Пасыпкин⁷ 1925; Варгунин 1925].

Оккультизмом и теософией в Белграде серьезно увлекся и молодой Георгий Иванович Свищёв (1912, Санкт-Петербург — 1980, Белград), выпускник Первой русско-сербской гимназии в Белграде, как А.М. Асеев и В.Л. Лаушкин. Свищёв окончил Богословский факультет, «так как всегда интересовался философскими учениями Востока» [Г.И. Свищёв к А. Беличу 1954]. В журнале «Оккультизм и

⁶ Можно предположить, что автором является Борис Николаевич Смирнов (1883, Владимир — 1962, Нови-Сад).

⁷ Евгений Александрович Пасыпкин (ок. 1874 — 1941, Земун, пригород Белграда).

йога» была опубликована его статья «Свет Метохии» — отчет о предпринятом им путешествии на юг Сербии (Печ, Джаковица, Призрен) с целью изучения мистери мусульманских дервишей и сохранившихся там в чистом виде древнеарабских посвятительных традиций [Свищёв 1935]. До выхода на пенсию Г.И. Свищёв работал библиотекарем Богословского факультета. После его кончины в букинистический магазин при Матице сербской (Нови-Сад) поступило много ценных книг из личной библиотеки Георгия Ивановича. Среди них были редкие русские издания: книги Николая Рериха, выпущенные в Риге и Харбине, «Бхагават-гита» (Париж, 1925), «Карма-йога», «Азана-йога» (Русский оккультный центр. Шанхай, 1940), «Буддизм» (Библиотека сборника «Оккультизм и йога». № 3. Асунсьон, 1956), труды Ч.У. Ледбитера. Экземпляр книги «Буддизм» в библиотеке Г.И. Свищёва свидетельствует о его послевоенных контактах с А.М. Асеевым.

БУДДИСТЫ

Выдающийся славист Милосава-Мила Стойнич, профессор Белградского университета, вспоминала:

В 20–40-е гг. на белградских улицах можно было встретить низкорослых коренастых людей с широким, скуластым круглым лицом, плоским носом, косыми узкими черными глазами и черными волосами. Некоторые из этих людей завязывали свои волосы в узел на темени, а на лбу у них была челка. Весь облик этих людей выдавал их монгольское происхождение. Зимой и летом и мужчины и женщины ходили в суконных накидках и белых широких полотняных штанах, а на ногах у них было нечто вроде тапочек, сшитых из серого солдатского войлока, с двумя узкими кожаными ремнями, нашитыми на войлок в основании пальцев. Занимались они изготовлением этих тапочек, ставших популярными, так как были теплыми. Подошва их была на вате, простеганная по всей длине. Продавали они их на всех белградских рынках. Одинаково одетых и причесанных мужчин и женщин трудно было отличить друг от друга.

Говорили они лишь при необходимости, словно приняли обет молчания. Со своим товаром стояли они где-то на краю рынка, группой, старались казаться незаметными. Жили своей особой, неповторимой, жизнью. В их потаенное духовное богатство мог заглянуть лишь тот, кто догадался ступить в их маленький тихий буддийский храм на окраине Белграда, между районами Мали Мокри Луг и Звездара. Там они молча общались со своим божеством, поднося ему зерна и плоды земные [Стојнић 1994, с. 175].

Таковыми белградцы видели калмыков из Донской и Астраханской областей, «русских эмигрантов», прибывших в Королевство СХС в т. н. «новороссийской» и «крымской» эвакуациях, в составе Донского казачьего корпуса при Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

Калмыки приняли буддизм тибетской школы (в виде ламаизма), признавали верховную духовную власть далай-ламы. Но в их вере сохранились и элементы

монгольского шаманизма, с пантеоном добуддистских божеств (см.: [Šmitek 1988, s. 212]). Их язык принадлежит монгольской ветви урало-алтайских языков.

Буддизм в Россию принесли калмыки. В 1609 г. был заключен договор калмыков с русским царем о том, что они получают право жить на русской территории в обмен на защиту ими русских границ от набегов кочевников. Царское правительство не препятствовало их религии.

Жизнь и деятельность калмыков в Белграде/Сербии всесторонне исследовал белградский историк Тома Миленкович [Миленковић 1998]. Мы представим лишь их духовную жизнь.

Принято считать, что в Королевстве СХС на территории Сербии обосновалось 450–500 калмыков. Весь межвоенный период в самом Белграде проживало 300–400 человек. Это была их самая большая беженская колония в Европе.

Осевшие в Белграде калмыки постепенно сконцентрировались в пригородном районе Мали Мокри Луг. В 1931 г. одной из улочек этого бывшего поселка было присвоено название Будистичка (Буддистская; ныне это ул. Будванска). Отношение местного населения к ним было дружественное. Соседи принимали их за китайцев, монголов. Языкового барьера не существовало, т. к. пришельцы говорили или понимали по-русски. Разрушенный в Первую мировую войну Белград быстро восстанавливался и застраивался. Богатый сербский промышленник Милош Ячимович в районе Мали Мокри Луг владел многими земельными участками, имел строительную фирму и большой кирпичный завод. Калмыков он охотно принял на работу, бесплатно выделял им участки и снабжал кирпичом для строительства домов. Вскоре здесь возникло 20–30 одноэтажных калмыцких домов с двориками, садами, общими колодцами, туалетами и конюшнями. Калмыки чаще всего занимались извозным промыслом и работами на стройках (рыли котлованы), калмычки зарабатывали шитьем белья, одежды, меховых полушубков, военного обмундирования.

К сентябрю 1923 г. в Белграде проживало 10 буддийских священников-калмыков: 3 бакши (настоятелей храма) и 7 духовников рангом пониже. Однако вскоре осталось всего два бакши и два духовника. Старший из них — бакша Гавн Джимба (Манчуда) Боринов (1872–1928).

В 1923 г. из Константинополя (с последней партией эмигрировавших калмыков) была привезена необходимая ритуальная утварь. Для создания своего духовного очага в Белграде калмыки обратились с просьбами в Министерство внутренних дел, Министерство вероисповеданий и в канцелярию Сербской православной церкви. После получения согласия в большом одноэтажном доме (ул. Воислава Илича, 47) были арендованы две комнаты, в которых был сооружен храм и размещена необходимая утварь для проведения молений. В этом доме также проживало несколько калмыцких семейств, бакша Боринов и будущий священник гелонг Санджа Игнатов (1878–1968). Помещение молельни (хурула) было скромно обставлено, пол покрывали дешевые ковры, стены украшали несколько ковров и символических фигур. В алтаре располагалась небольших размеров бронзовая статуя Будды.

В середине января 1925 г. буддийская молельня переехала на соседнюю улицу — Метохийска, д. 51 (ныне ул. Янка Лисяка, дом не сохранился). Этот храм на новом месте 25 мая 1927 г. посетили посланник США в Белграде Джон Принс

(Prince) вместе с военным атташе Годсоном (Godson). Они присутствовали на торжественной службе, на празднике Урус. Служили настоятель Боринов, Санжа Умальдинов и кантор Санжа Игнатов [Политика 1927]. Бакша Боринов поддерживал контакты и с посольством Великобритании в Белграде. Можно предположить, что оба посольства оказывали калмыкам материальную помощь.

Буддийское духовенство (манджи, гецели и высшее — гелонги) не женится, им не разрешается работать, они живут на содержании у верующих. Им положено знать язык древних рукописей, иметь познания в тибетской медицине и астрологии, наблюдать за жизнью каждой семьи, при обряде посвящения давать имя младенцу, определять дату свадеб прихожан, лечить больных, хоронить, давать советы прихожанам по насущным вопросам.

Из четырех буддийских священников в Белграде трое имели сан гелонгов, один из них был гецелем. Бакшей становился старший по годам гелонг. Белградский бакша пользовался своей круглой печатью с текстом на сербской кириллице: *Бакша будистичког храма, Београд*. В центре печати располагался буддийский символ *очир (бадма)*.

Первым настоятелем храма в Белграде был Манчуда Боринов — предприимчивый, энергичный человек, разбиравшийся в религиозных и запутанных мирских вопросах своих соотечественников. Скончался он неожиданно, 25 февраля 1928 г., на 57-м году жизни. Похоронен на белградском Новом кладбище (участок 84, могила 208).

Вторым настоятелем стал Санжа Умальдинов; оставался на своем посту до сентября 1944 г. По характеру отличался от предшественника: был замкнутым человеком, занимался преимущественно вопросами религии. Мирские проблемы предоставлял решать другим. Неохотно выступал с публичными обращениями, был молчаливым.

Третьим, гелонгом, белградского буддийского храма был Санжа Игнатов. В первые годы своей эмиграции он работал кучером и чернорабочим, жил при молельне.

Четвертый, гецель Санжа-Рагба Меньков, был образованным молодым человеком, полным энергии и жизненного оптимизма, всегда улыбался. Писал лирические стихотворения на калмыцком языке, плохо говорил по-русски.

Пятым священником был Бадма (Бадка) Васильевич Петров (р. 1900, станица Новоалексеевская Донской обл.). В первые годы тоже зарабатывал на жизнь физическим трудом [Миленковић 1998, с. 100–102].

В годы общего экономического кризиса помощь в содержании буддийских священнослужителей оказывал муниципалитет Белграда (например, в 1934 г. четверым священникам было выдано 16 000 динаров). Начиная с 1930 г. Калмыцкая комиссия культурных работников в Чехословакии (КККР) выдавала по 50 чешских крон на содержание буддийского храма в Белграде.

Буддийские священники в Белграде проделали важную работу, значимую не только для калмыков белградской колонии. Свои молитвы с тибетского языка они перевели на калмыцкий. Таким образом, верующие не должны были механически заучивать целые молитвы или их части, совершенно не разбирая их значения. Эти переводы С. Умальдинов и С. Меньков записали на русской кириллице — наглядный

пример их приверженности новым веяниям времени и отхода от догматизма.

Идея о необходимости постройки буддийского хурула (храма) в Белграде возникла у бакши Боронова. Он хлопотал во многих инстанциях Белграда и всюду находил сочувствие и понимание. После неожиданной кончины бакши Боронова это дело продолжили его последователи. Энергичный председатель калмыцкой колонии полковник Абуша Апелевич Алексеев стал председателем Строи-

Духовенство буддийского храма в Белграде: бакша Джамин Санжа Умальдинов (справа) и Санжа Рагба Меньков с двумя учениками. Из книги Т. Миленковича «Калмыки в Сербии». Белград, 1998

тельного комитета, секретарем — врач Эрэнжен Хара-Даван, казначеем — Санжа Меньков. Первым помощь оказал все тот же промышленник Милош Ячимович. В октябре 1928 г. он бесплатно предоставил калмыкам земельный участок в 524 м², подарил 10 600 шт. кирпичей и 7500 шт. черепицы. Строительными материалами калмыков снабдили еще 17 частных предприятий, материально помогли и калмыцкие колонии из Болгарии, Чехословакии, Франции, помогли и сербы. Строительство Калмыцкого дома с храмом началось весной 1929 г. по проекту белградского архитектора Андрея Николаевича Клепинина. Сперва вырыли колодец с питьевой водой. Торжественное освящение харула состоялось 12 декабря 1929 г. Освящение совершил прибывший из Парижа верховный калмыцкий буддийский глава бакша Намджал Нимбушев при сослужении настоятеля бакши Санжи Умальдинова.

Создание первого в Европе буддийского хурула представляло собой важнейшее событие в жизни калмыков зарубежья. Поздравления были получены из Лондона и США. Академик Н.К. Рерих прислал из Индии тибетские тханки (священные картины) и книги.

Одноэтажное здание в основе имело форму креста. Мирская часть Калмыцкого дома состояла из кладовой, помещения для заседаний правления колонии и классной для учеников начальной школы. Большая часть пространства была выделена под храм, над которым возвышалась башня. На ее вершине был установлен очир (бадма), направленный в небо (символизирует правду и мудрость). В одном из двух боковых пространств храма находился вход с массивными деревянными воротами. Башня над храмом, квадратного сечения, была построена в виде пагоды: крыша имела три уровня, каждая из которых по краям была незначительно приподнята. С внешней стороны трехступенчатая башня была украшена колокольчиками хонхо и бубенцами (защита от демонов), которые колыхались под дуновением ветра, приятно звенели и брнчали. Плафон храма поддерживали четыре деревянных столба,

расписанных буддийской символикой (колеса учения Будды, цветы лотоса и проч.). Пол из деревянных досок покрывали ковры. В начале марта 1934 г. от Общества Буккио Ренго Кай из Токио в белградский хурул прибыли ценные подарки: бронзовая статуя Будды в натуральную величину, каранг, гонги, барабан, кидже, разные священные сосуды, кадилницы, курительные налыки и прочие ритуальные принадлежности [Аноним 1939]. В 1935 г. была проведена реконструкция храма: достроены вход и алтарная часть, что увеличило площадь хурула на 38 м².

В храме три раза в сутки молились четыре священника — за себя и за соотечественников. Богослужения могли продолжаться по 3–4 часа. Особенно торжественно отмечался переходящий праздник Цаган (конец февраля — начало марта), сим-

Буддийский храм

Внутренний вид хурула

волизирующий победу добра над злом, правды над ложью, света над тьмой, а по сути — встречу весны. Вторым по значимости был праздник Ова (26 мая), в день встречи Будды с Белым старцем, властителем мира.

По буддийскому ритуалу покойников следовало сжигать. В России им это запрещалось, поэтому культ сжигания калмыки проводили символически: священник на клочке бумаги рисовал человеческий контур и писал начальную букву имени покойника, затем бумагу сжигал на лампаде и пепел смешивал с землей. Смесь высыпал в пирамидальную формочку и все это кидал в прозрачную проточную воду [Политика 1939].

До или после освящения храма в Белграде был создан Буддийский духовный совет и принят его Устав. Первым председателем был избран Санжа Умальдинов, секретарем — доктор Эренжен Хара-Даван (1883–1942). Совет являлся духовным фактором, объединяющим все слои калмыцкой диаспоры на территории Сербии [Информация 1930, с. 47].

Белградский хурул в сентябре 1933 г. навестила калмыцкая княжна Нирджидма Торгутская (1907–1983), а в сентябре 1935 г. — атаман Всевеликого войска Донского генерал-лейтенант граф Михаил Николаевич Граббе (1868–1942), оба парижане.

10-летие своего хурула калмыки отметили 23 ноября 1939 г. На этом торжестве особая благодарственная грамота была вручена промышленнику Милошу Ячимовичу, их благотворителю и другу.

В военные годы калмыки лишились работы. Некоторые вступили в Русский охранный корпус, большинство уехало на заработки в Германию, часть покинула Белград и перебралась в деревни Баната, где выжить было легче. В Малом Мокром Луге остались в основном женщины, дети, старики и неспособные к труду жители. Председатель колонии Абуша Апелевич Алексеев (1883–1948) и буддийские священники — бакша Санжа Умальдинов и гелонг Санжа Игнатов, Санжа Меньков и Бадма Васильевич Петров — не покинули Белград, но и не приняли нацистскую политику и идеологию. Богослужения в храме продолжались. В первые месяцы оккупации два священника продолжали получать жалованье от города. В июле 1942 г. эта помощь была прекращена, священникам помогали прихожане. Санжа Меньков уехал на работы в Германию, Бадма Петров исчез, но храм по-прежнему действовал, посещался калмыками. Общественные помещения здания использовались как жилые для бездомных и проезжих через Белград калмыков.

Не дождавшись окончания войны на просторах Югославии, почти все «сербские калмыки» из Белграда и банатских деревень эвакуировались в Австрию, затем в Германию. Им удалось оставаться вместе, и к ним примкнули калмыки, недавно покинувшие Советский Союз.

Все внутреннее убранство белградского хурула калмыки взяли с собой, включая прах ламы донских калмыков Аркада Чубанова, вывезенный из России во время беженского отступления.

В пути (продвигались пешком, с детьми, стариками), ценности хурула на какой-то станции сдали в камеру хранения, с надеждой потом при благоприятных обстоятельствах их взять, но такой момент им не представился. Прах ламы А. Чубанова они вывезли в Америку⁸ [Алексеева 2002, с. 48–49].

Имеется свидетельство, что в 1946 г. в лагере Нидерраунау содержался буддийский священник. В 1947 г. калмыков из этого лагеря перевели в лагерь Пфаффенхофен. Здесь находился буддийский храм, настоятелем которого был белградец Санжа-Рагба Меньков [Полчанинов 2006, с. 2]. Позже калмыки со своим храмом были переведены в лагерь Ингольштадт (1949), затем в большой ди-пи лагерь Шляйсхайм (1950).

Наконец, калмыки из германских лагерей осели в США, почти все в штатах Пенсильвания и Нью-Джерси. Пожилой священник бакша Санжа Умальдинов скончался уже в 1946 г. в городке Крумбах (Бавария), а священники Санжа Игнатов и Санжа Меньков — оба в 1969 г. в США [Миленковић 1998, с. 205].

В ожесточенных боях за освобождение Белграда, которые велись с 12 по 16 октября 1944 г., на подступах к столице вблизи района Мали Мокри Луг рухнула крыша буддийского святилища. В эти дни при храме оказался лишь один священник.

⁸ Ныне хранится в Бурун хуруле в г. Хауэлл, штат Нью-Джерси.

Вскоре новые социалистические власти в стране посчитали, что буддийский храм утратил смысл своего существования, поскольку фактически остался без паствы. Крыша здания была реконструирована, башня снесена (1950 г.), а помещение отдано под Дом культуры. Позже его снесли, построив на этом фундаменте двухэтажный дом. Одно время в нем размещался сервис для ремонта холодильного оборудования⁹.

* * *

При сборе данных о представителях пестрой русской колонии Белграда высветились и портреты людей, сумевших реализовать не только в своей профессии. Они стремились глубже познать личность и окружающий нас мир, несли некую миссию: самообразования, всеединения, гуманизма, сплочения единомышленников, сохранения веры отцов. Также появилась возможность более подробно осветить жизнь и деятельность правоведа М.П. Чубинского, пианистки З.Г. Грицкат, врача М.А. Асеева, священников С. Умальдинова и С. Менькова — переводчиков священных буддийских текстов на калмыцкий язык.

После Второй мировой войны число русских в Белграде уменьшилось более чем вдвое. При социалистическом строе в Югославии не могли быть восстановлены прежние культурные организации и кружки русских, да и отношение к «белоэмигрантам» и их потомкам было настороженным или недружелюбным. В Сербии тихо прозябали лишь русские церковные приходы в пяти городах и три-четыре русских приюта для престарелых. Однако русские масоны, теософы и оккультисты в Белграде не «самоусыпились».

При новом государственном строе наступил период борьбы за международное признание Югославии. Некоторые свободные каменщики, члены довоенных лож, приняли участие в политической, общественной и культурной жизни страны. Большая часть интеллигенции, не покинувшая страну, стала сотрудничать с новой властью. Среди сербской университетской профессуры и академиков оставались русские масоны — Антон Билимович, Яков Хлытчиев, Николай Салтыков.

Одна группа масонов в Белграде уже в 1946 г. организовалась на антиюгославских и антисоциалистических позициях, формально создав «Белградскую ложу». Их нелегальные встречи происходили на частных квартирах, без проведения установленных масонских ритуалов. Вторая группа объединилась в т. н. «Югославскую ложу свободных каменщиков», ее членами стали более молодые люди. Известно, что к ней примкнул академик Антон Билимович. В 1956 г. было предложено объединить обе группы. Однако это не устраивало «Белградскую ложу» и привело к раздорам. «Югославская ложа» имела поддержку влиятельного иностранного (американского) масонства. При попустительстве властей подпольная «Югославская ложа» просуществовала до 1967 г. Основная причина ее угасания заключалась в том, что новое поколение югославской интеллигенции и сыновья маститых масонов не проявляли интереса к масонству [Nenezić 1988, s. 499–511]. Им выгоднее было вступить в Коммунистическую партию Югославии.

⁹ Популярный голливудский киноактер Стивен Сигал (Seagal; p. 1952), буддист, имеющий, помимо американского и российского, также сербское гражданство, недавно заявил, что крайне заинтересован в восстановлении буддийского храма в Белграде.

Русские теософы, оставшиеся после войны в Белграде, примкнули к восстановленным сербским (югославским) ложам (Н.Н. Брезинский, А.Н. Реут, З.Г. Грицкат и др.) и сами продолжили встречаться, поздравляли друг друга с Днем «Белого лотоса», обменивались книгами и теософской периодикой. В 1962 г. Зинаида Георгиевна Грицкат писала в Нью-Йорк:

...У А.Н. Реут по средам бывают наши знакомые тео-друзья. <...> Я в постоянной переписке с Л.Б. <Ткаченко> и с Ксенией Гильотен — ее письма очень интересны. Тетя Любочка <Л.Н. Курилова>, видимо, умерла, т. к. никто не получил ответа от <ее> дочери. Елена Владимировна <Арсеньева> с целой семьей в Калифорнии, если я не ошибаюсь¹⁰.

Выехавшие из страны русские теософы продолжили свое самообразование и усовершенствование духа, сотрудничали в журнале «Оккультизм и йога» А.М. Асеева, позднее и в русском теософском журнале «Alba», выпускаемом в Бостоне (А.М. Асеев, А.Л. Никитин-Невельский, К.Ф. Гильотен). Александр Львович Никитин-Невельский и его сестра Н.Ф. Елачич стали редакторами-издателями эзотерического вестника «Звоны Китежа» (Жуиз-де-Фора, Франция; пять выпусков 1961–1963 гг.), публиковали там свои работы¹¹, а в 4-м выпуске поместили статью трагически погибшего белградского эзотерика Г.А. Елачича «Подходы к пониманию Астрологии».

Сохранились свидетельства о том, что бывшие белградские теософы и оккультисты поддерживали связь между собой до последних дней своей жизни. Забыты были их прежние настороженность друг к другу и разногласия. Подтверждение тому письмо А.М. Асеева к А.Н. Реут:

...До конца дней своих я с радостью буду посылать Вам очередные выпуски «Оккультизма и йоги» бесплатно. Одновременно с этим письмом отправляю Вам заказной паровой почтой четыре последних сборника (58, 59, 60 и 61). Не знаю, есть ли у Вас предыдущие, может быть, Вы их своевременно получили через Николая Николаевича <Брезинского>. Большинство наших старых друзей уже покинули земной план своего существования. Изредка получаю письма от Ксении Федоровны <Гильотен> из Австралии. Духа своего она не угашает, по-прежнему интересуется Теософией. Изредка прилетают письма и от Наталии Павловны <Миончинской>. От Лидии Болеславовны <Ткаченко> года два-три не имею вестей¹².

А в России при возросшем в XXI в. интересе к учениям Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих была опубликована их обширная переписка с Александром Михайловичем Асеевым, его сербского и парагвайского периодов.

¹⁰ Письмо З.Г. Грицкат к Н.П. Миончинской в Нью-Йорк от 7 ноября 1962 г. // Собрание автора.

¹¹ Статьи А.Л. Никитина-Невельского в вестнике «Звоны Китежа»: «О пути едином и о путях своих»; «Оккультизм и Мистика как пути духовного роста»; «Самотворчество и Эволюция».

¹² Письмо А.М. Асеева из Асунсьона к А.Н. Реут в Белград от 9 сентября 1976 г. Рукопись // Архив А.Н. Реут (хранится у В.А. Медведевой, Белград).

В заключение особо хочется отметить толерантность Сербской православной церкви и Министерства вероисповедания Королевства Югославия, не препятствовавших возведению буддийского храма и теплому отношению белградцев к сплоченной колонии калмыков. И конечно, подчеркнуть исключительно благоприятные условия для разнообразной культурной деятельности русской эмиграции в Королевстве Югославия, о чем свидетельствует свободное существование и представленных нами ячеек «русского Белграда».

Источники и литература

- Архив МЦР — Архив Международного центра Рерихов, Москва
 Архив САНУ — Архив Сербской академии наук и искусств, Белград
 АЮ — Архив Югославии, Белград
 Собрание А.Б. Арсеньева, Нови-Сад
 Собрание В.А. Медведевой, Белград
- А.М. Асеев к Е.И. Рерих 1934 — Письмо А.М. Асеева к Е.И. Рерих от 2 апреля 1934 г. // Архив МЦР. Ф. 1. Оп. 5–2. Д. 164. Л. 1 об. — 2.
- А.М. Асеев к Е.И. Рерих 1954 — Письмо А.М. Асеева к Е.И. Рерих от 22 ноября 1954 г. // Архив МЦР. Ф. 1. Оп. 5–2. Д. 164.
- Алексеева 2002 — *Алексеева П.Э.* Бакша Джамьянг Умальдинов (1882–1946) // Богшрахинский аймак и богшрахинцы: Краткие исторические очерки. Элиста, 2002. 256 с.
- Аноним 1939 — *Аноним.* Десятилетие основания буддийского храма в Белграде // Русский голос (Белград). 1939. 3 дек.
- Аноним 1961 — *Аноним.* Воспоминания о ложе «Ярослав Мудрый» // *Alba: Теософический журнал* (Бостон). 1961. № 6. С. 49–52.
- Арсеньев, Ордовски-Танајевски 2017 — *Арсеньев А., Ордовски-Танајевски М.* Делатност М.П. Чубинског и В.Д. Плетьова у Петрограду везана за уједињење словенских народа Балкана // Србија и руска револуција 1917. Нове теме и изазови: Тематски зборник радова / Институт за новију историју Србије; Институт славјановедения РАН. Београд, 2017. С. 347–358.
- Блаватская 1926 — *Блаватская Е.П.* Оккультизм и магические искусства / пер. Е.П. Белград, 1926. 26 с.
- Бостунич 1922 — *Бостунич Г.В.* Массонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Новый Сад, 1922. 228 с.
- Бостунич 1928 — *Бостунич Г.В.* Массонство в своей сущности и проявлениях. Белград, 1928. 271 с.
- Варгунин 1925 — *Варгунин В.К.* Сказание старого Востока. Слова мудрейшаго из мудрых живущим в благе на земле. Новый Сад, 1925. 80 с.
- Г.И. Свищёв к А. Беличу 1954 — Письмо Г.И. Свищёва к А. Беличу от 30 ноября 1954 г. // Архив САНУ. АБ-VIII-67.
- Гамаюн 1924 — Гамаюн — птица вещая. Сб. 1: Стихи. Белград, 1924. 68 с.
- Е.И. Рерих к А.М. Асееву 1936 — Письмо Е.И. Рерих к А.М. Асееву от 22 июня 1936 г. // Архив МЦР. Ф. 1. Оп. 5–2. Д. 164.
- Иванов 1934 — *Иванов В.Ф.* От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934. 613 с.
- Информация 1930 — Информация КККР (Прага). 1930. 15 апр. № 1.
- Княжева-Карцева 2018 — *Княжева-Карцева Е.В.* Деятельность русских отделений Международного Теософского общества в эмиграции (1926–1938 гг.) // Вестник Рос-

- сийского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 2. С. 451–470.
- Миленковић 1998 — *Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд, 1998. 243 с.
- Н.К. Рерих к А.М. Асееву 1937 — Письмо Н.К. Рериха к А.М. Асееву от 25 мая 1937 г. // Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М. «Оккультизм и Йога». Летопись сотрудничества: Сб. М., 1996. Т. 2. 352 с. URL: <http://cat.convdos.org/index-11799> (дата обращения: 06.11.2012).
- Н.К. Рерих к А.М. Асееву 1938 — Письмо Н.К. Рериха к А.М. Асееву от 26 сентября 1938 г. // Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М. «Оккультизм и Йога». Летопись сотрудничества: Сб. М., 1996. Т. 2. 352 с. URL: <http://cat.convdos.org/index-11799> (дата обращения: 06.11.2012).
- Н.Р. 1962 — *Н.Р.* Памяти ушедших. Зинаида Георгиевна Грицкат // *Алба: Теософический журнал* (Бостон). 1962. № 9. С. 79–80.
- Оккультизм и йога 1933 — Оккультизм и йога (Белград). 1933. № 1.
- Оккультизм и йога 1934 — Оккультизм и йога (Белград). 1934. № 2.
- Оккультизм и йога 1938 — Оккультизм и йога (София). 1938. № 10.
- Пасыпкин 1925 — *Пасыпкин Е.А.* Свет-победитель. Историко-оккультный роман из времен Древнего Египта. Белград, 1925. 292 с.
- Петкович 1936 — *Петкович Т.* Научный оккультизм. Основы духовной жизни. Новый Сад, б.г. [1936], 120 с.
- Политика 1926 — Политика (Белград). 1926. 22. новембра.
- Политика 1927 — Политика. 1927. 21. маја.
- Политика 1939 — Политика. 1939. 24. априла.
- Полчанинов 2006 — *Полчанинов Р.В.* Калмыки и ОРЮР // Страницы истории разведчества-скаутизма (New Hyde Park. NY, USA). 2006. Апр. № 107.
- Русский голос 1936 — Русский голос (Белград). 1936. 1 июня.
- Рыбинский 1953 — *Рыбинский Н.* Масоны // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1953. 27 июля.
- Свищёв 1935 — *Свищёв Г.И.* Свет Метохии // Оккультизм и йога. 1935. № 4. С. 26–42; № 5. С. 26–39.
- Серков 1997 — *Серков А.И.* История русского масонства (1845–1945). СПб., 1997. 400 с.
- Смирнов 1922 — *Смирнов Б.Н.* Бог и денница. По вопросам оккультно-религиозной жизни. Новый Сад, 1922. 53 с.
- Стојнић 1994 — *Стојнић М.* Руско-српска књижевна преплитања. Београд, 1994. 312 с.
- Странден 1937 — *Странден Д.В.* Герметизм, его происхождение и основные учения: Сокровенная философия египтян. Библиотека сборника «Оккультизм и йога». № 1. Белград, 1937. 80 с.
- Тавва б.г. — *Тавва (псевд.).* Зеркала вездесущности. Белград, б.г. 61 с.
- Фара 1937 — *Фара (псевд.).* Масонство и его деятельность. Харбин, 1937. 97 с.
- Холл 1938 — *Холл М.П.* Оккультная анатомия человека. Библиотека сборника «Оккультизм и йога» № 2. Таллин, 1938. 80 с.
- Чубинский 1930 — Професор М.П. Чубинский и 35-летие его научной, литературной и общественной деятельности: Юбилейный сборник / Союз русских писателей и журналистов; Союз русских студентов. Белград; Суботица, 1930. 63 с.
- Iz teozofskog svijeta 1938 — Iz teozofskog svijeta (Zagreb). 1938. Svezak 3. [Страницы не пронумерованы].
- Nenezić 1988 — *Nenezić Z.D.* Masoni u Jugoslaviji (1764–1980). Pregled istorije slobodnog zidarstva u Jugoslaviji. Prilozi i građa. Treće, dopunjeno izdanje. Beograd, 1988. 786 s.
- Šmitek 1988 — *Šmitek Z.* Kalmiška skupnost v Beogradu 1920–1944 // Tradiciones. Acta Instituti ethnographiae slovenorum (Ljubljana). 1988. Letnik 17. Številka 1. S. 217–228.

М. Живанович

ВКЛАД АЛЕКСЕЯ БОРИСОВИЧА АРСЕНЬЕВА
В СОХРАНЕНИЕ РУССКОГО НАСЛЕДИЯ В СЕРБИИ

Представители как первого, так и второго поколения русских эмигрантов внесли огромный вклад в развитие культуры, разных отраслей науки, экономики Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославия, а также Демократической Федеративной Югославии / Федеративной Народной Республики Югославия / Социалистической Федеративной Республики Югославия [Арсеньев 1994; Руска емиграција 1994; Јовановић 1996; Јовановић 2006; Косик 2007; Пушкадья-Рыбкина, Грубмайр 2019]. Принадлежность к русской культуре естественным образом подтолкнула их к деятельности, направленной не только на ее развитие за пределами родины, но и на сохранение памяти о русских, которые нашли свой последний приют в этой стране: они начали писать их биографии, составлять списки погибших и умерших, устанавливать места их захоронения, заботиться об их могилах, переносить их останки, возводить памятники [Арсеньев 2011; Живановић 2020]. Этим важнейшим делом — сохранением русского наследия на чужбине — продолжили заниматься и потомки — представители третьего поколения. Выдающимся из них является Алексей Борисович Арсеньев.

Алексей Борисович родился в 1946 году в г. Кикинда (на севере Сербии), но с двух лет его жизнь связана с городом Нови-Сад [Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018]. Как утверждает сам А.Б. Арсеньев: «Родители и широкий круг русских людей, с которыми он рос и общался в Нови-Саде (Новом Саду), воспитали его на почве русской культуры» (цит. по: [Арсеньев 1999]). Интерес к той части русской культуры и русского мира, которая оказалась на чужбине, — к судьбам людей, осевших в Королевстве СХС / Югославии, — Алексей Арсеньев стал проявлять позднее. Он собирал свидетельства современников, рукописи, фотографии русских, которые покинули свою родину, а также работал со старой периодикой и архивными материалами [Арсеньев 1999]. Исследовательская и историографическая деятельность Алексея Борисовича началась в 1980-х гг. Ее результатом стали 200 статей, обзоров, рецензий и книг, опубликованных в период между 1986 и 2020 гг.

Монографии Арсеньева — своеобразные энциклопедии русского зарубежья в Югославии. В них описываются история русских колоний, жизнь и деятельность русских на чужбине, их вклад в науку, культуру, экономику страны, даны портреты выдающихся представителей диаспоры. Так, повествуя об истории русской эмиграции в г. Нови-Сад на протяжении всего XX в. — с 1920 по 1990-е гг., — а именно о жизни двух поколений эмигрантов, в своей первой книге «У излучины

Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду» (М.: Русский путь, 1999), Алексей Арсеньев раскрывает целый мир на микроуровне. Его работа по сохранению памяти о русских на чужбине — это и жизнеописания ярких представителей диаспоры, и составление списков учеников Русской реальной гимназии в Нови-Саде на 1925/26 учебный год, а также тех, кто нашел свой последний приют в данном городе с 1920 по 1998 г. (см.: [Арсеньев 1999]). Такие же перечни, основанные на широком круге источников, опубликованы и в других его трудах [Арсеньев 2007; 2011]. Все они собраны в капитальной монографии «Самовары на равнине. Русская эмиграция в Воеводине» (2011). Для иллюстрации объема проведенных им исследований отметим, что на основании просмотра более 500 ежегодных отчетов, публикуемых с 1920 по 1954 г., а также десятка юбилейных памяток Арсеньев составил список, содержащий около 400 русских имен преподавателей средних учебных заведений в Воеводине в межвоенный период [Арсеньев 2011].

Говоря о вкладе Алексея Борисовича в дело сохранения памяти о русских, нельзя не упомянуть еще один фундаментальный труд, двухтомник, написанный им в соавторстве с М.Л. Ордовским-Танаевским, — «Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)» (2018). В нем представлены сотни судеб гимназистов, педагогов и членов их семей — поистине история русского зарубежья! И это не только «уникальный памятник второму поколению» русской эмиграции, как справедливо отмечено в аннотации, но и первому [Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018]. Многие имена и фамилии авторы-составители спасли от забвения, увековечили их память.

Кроме упомянутого направления деятельности Алексея Борисовича, следует отметить и его работу по составлению списков русских захоронений на городских кладбищах в стране. Так, еще в конце 1970-х гг., когда нависла угроза полного или частичного уничтожения захоронений на старых кладбищах г. Нови-Сад (в первую очередь неухоженных), Алексеем Борисовичем была проведена тщательная работа по выявлению могил русских эмигрантов, описанию их состояния, регистрации эпитафий. Собранный материал Арсеньев позже дополнил записями из метрических книг русского прихода в данном городе за 1922–1955 гг., некрологами, опубликованными в печати, а также свидетельствами современников [Арсеньев 1999]. Подобную работу он провел и в отношении захоронений на кладбищах других городов в бывшей Югославии: Земун, Панчево, Сремски-Карловцы, Бела-Црква, Зренянин, Суботица, Сомбор, Кикинда, Дубровник. Своеобразной вершиной его деятельности является список русских захоронений на Новом кладбище в Белграде — итог сбора Алексеем Борисовичем данных из различных источников. Здесь в алфавитном порядке расположены имена русских, скончавшихся в период с 1920 по 1996 г., примерно 2900 имен [Арсеньев 1997].

Составленными списками и биографическими сведениями Алексей Борисович поделился не только со своими читателями, но и с составителями многотомного издания «Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997» [Незабытые могилы 1999–2007]. Приняв участие в подготовке данного объемного издания, содержащего сведения о более чем 50 000 лиц, он не только проявил человеческое добродушие, но и увековечил память об этих людях.

Алексей Арсеньев занимался — и продолжает заниматься — также общественной деятельностью. В связи с возникшей возможностью передачи здания бывшего Дома советской культуры — Русского дома в Белграде — под посольство одной из стран СНГ, что привело бы к концу существования самого Дома как русского культурного центра, в 1992 г. Алексей Борисович совместно с доктором филологических наук О. Джуричем и заместителем директора Фонда славянской письменности и славянских культур С. Йовановичем опубликовал в нескольких русских зарубежных газетах и журналах статьи с призывом сохранить Дом [Джурич и др. 1992, с. 3]. Со знаменитыми сербскими писателями Д. Максимович, Д. Чосичем, М. Павичем, а также протоиереем Василием Тарасьевым он написал открытое письмо президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину с просьбой не допустить закрытия Дома [Максимович и др. 1992, с. 4–5]. Таким образом, в том числе благодаря усилиям Алексея Борисовича Арсеньева, Русский дом был спасен, продолжив работу в качестве учреждения Российского агентства международного сотрудничества и развития [Русские в Сербии 2009, с. 310].

Наконец, отметим и его великодушную помощь коллегам — исследователям истории русской эмиграции в Югославии. Делясь своими знаниями, собранными материалами, опытом, Алексей Борисович помогает им внести посильный вклад в сохранение русского наследия в данном регионе.

Многогранная деятельность Алексея Борисовича Арсеньева, направленная на сохранение памяти о русских в Сербии, впечатляет и вдохновляет. Занимаясь этим делом, он лишь подтверждает, что действительно является заслуженным потомком тех русских людей, благодаря которым в Югославии развивались культура, наука и экономика.

Литература

- Арсеньев 1994 — *Арсеньев А.Б.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1994. С. 46–99.
- Арсеньев 1997 — *Арсеньев А.Б.* Русский некрополь в Белграде 1920–1996 гг. Алфавитный список захоронений, составленный А.Б. Арсеньевым. Белград; Новый Сад, 1997. 193 с.
- Арсеньев 1999 — *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. 253 с.
- Арсеньев 2007 — *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2007. 86 с.
- Арсеньев 2011 — *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Дубровнике // Европа: Международный альманах. Вып. X. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. С. 75–140.
- Арсеньев 2011 — *Арсеньев А.Б.* Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. 291 с.
- Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018 — *Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л.* Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Т. 1–2. Белград, 2018. 638 + 690 с.
- Джурич и др. 1992 — *Джурич О., Йованович С., Арсеньев А.Б.* Сохраним Русский дом в Белграде // Наша страна (Буэнос-Айрес). 1992. № 2171. 14 марта. С. 3.
- Живанович 2020 — *Живанович М.* И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку. Београд: Институт за новију историју Србије, 2020. 567 с.

- Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. 386 с.
- Јовановић 2006 — *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006. 560 с.
- Косик 2007 — *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда?: Очерки о русской эмиграции в Белграде 1920–1950-е годы. М., 2007. 267 с.
- Максимовић и др. 1992 — *Максимовић Д., Ђосић Д., Арсенић А.* Сачувајмо Руски дом!: Отворено писмо председнику Руске Федерације — Јељцину, Москва // НИИ (Недељне информативне новине) (Београд). 1992. № 2157. 1 мая. С. 4–5.
- Незабытые могилы 1999–2007 — Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. Т. 1: А–В. М., 1999. 659 с.; Т. 2: Г–З. М., 1999. 648 с.; Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. Т. 3: И–К. М., 2001. 676 с.; Т. 4: Л–М. М., 2004. 699 с.; Т. 5: Н–П. М., 2004. 640 с.; Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. Т. 6, кн. 1: Пос–Скр. М., 2005. 603 с.; Т. 6, кн. 2: Скр–Ф. М., 2006. 724 с.; Т. 6, кн. 3: Х–Я. М., 2007. 704 с.
- Пушкадија-Рыбкина, Грубмајр 2019 — *Пушкадија-Рыбкина Т.В., Грубмајр И.И.* Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы. Загреб, 2019. 442 с.
- Руска емиграција 1994 — Руска емиграција у српској култури XX века Зборник радова. Т. 1–2. Београд, 1994. 314 + 326 с.
- Русские в Сербии 2009 — Русские в Сербии. Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии — последних 60 лет и сегодня / сост. А.Ю. Тимофеев, А.Б. Арсенић. Белград, 2009. 356 с.

И. Антанасиевич, А.Б. Арсеньев, М.Ю. Сорокина

«ДУША, КАК СНЫ, ВОЛЬНА...»:

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕР ОБ ИЛЬЕ ГОЛЕНИЩЕВЕ-КУТУЗОВЕ

Жизнь трудно локализовать, поймать в ловушку. Трудно определить бесконечность, скрытую в оболочке конечного. В скорлупе, как в яйце. Вот тут-то и начинается история — история воспоминаний.

Публикуемый ниже текст поэтессы Екатерины Леонидовны Таубер (1903–1987), жившей и творившей в эмиграции в Югославии и Франции, — ценный документ не только тем, что дает пытливому исследователю факты, заполняющие лакуны в общей картине представлений о русской литературной Сербии между двумя мировыми войнами, но прежде всего тем, что автор с позиций настоящего делает попытку воссоздать прошлое, которое описать именно ей невероятно сложно, поскольку она не какой-либо сторонний наблюдатель, а часть той жизни.

Невозможно дать оценку системе, когда ты внутри нее, — мы знаем это из «Менин» Веласкеса или, точнее, из описания «Менин», с которого Мишель Фуко начинает свои «Слова и вещи». Вот почему в данном тексте наличие факта не менее важно, чем рецепция процесса чтения, — перемещение курсора зрачка по актуальным написанным строчкам, воскрешающим некоторые реалии прошлого.

Реалии, в которых есть запах реки, молодые лица и звонкие голоса. Есть тугая юношеская дерзость, шальная радость, желание творить, которое не совпадает

с ключевыми словами, задействованными в поэзии, поскольку поэзия — часто поза, а жизнь позы не приемлет.

Общение круга молодых друзей — Ильи Голенищева-Кутузова, Алексея Дуракова, Юрия Бек-Софиева и их товарищей — русских белоэмигрантов, а также их учителя — «мудрого шута» профессора Евгения Аничкова, еще ждет своего рассказа, а письмо Екатерины Таубер — лишь одна страничка. Один, но бесценный взгляд человека, бывшего частью той среды (известное «Я говорю за всю среду...»), который, старательно перечисляя факты, все же успешно избегает западни сухого перечисления и успеваает передать нам то, что недоказуемо, но ощущаемо. Трудно описывать систему, если в прошлом ты был ее частью, но еще труднее быть медиумом. Пронзительно рассказать о прошлом — редкий дар, и в тексте Таубер сквозь графику фактов сквозит чувство — белый карандаш, которым

*Екатерина Леонидовна Таубер. <1920-е гг.>
Частное собрание*

закрашивается белое пространство чистого листа, ненужное на первый взгляд, но очень важное, поскольку лишь оно способно передать нам слепок подлинной истории жизни.

Публикуемое письмо Екатерины Таубер, адресованное известному сербскому литературоведу, исследователю литературной жизни русской Сербии доктору Остое Джуричу (1934–2018), предоставлено нам Алексеем Борисовичем Арсеньевым совсем недавно. Как известно, именно Арсеньев многие годы помогал Джуричу собирать материалы и для его докторской диссертации, изданной в 1990 г. как монография «Русская литературная Сербия» [Ђурић, 1990], и для существенно дополняющей ее «Антологии поэзии русского Белграда» [Ђурић, 2002], остающейся и по сей день самой полной подборкой биографического и поэтического материала 27 русских поэтов-эмигрантов.

Впрочем, значение сделанного доктором Джуричем выходит далеко за рамки литературной истории. Его работа стала первым после десятилетий вынужденного молчания, немоты и забвения значительным научным исследованием, посвященным российским эмигрантам межвоенной Югославии, затрагивая широкий культурный, образовательный и научный контексты эпохи. Конечно, она не могла бы состояться в таком виде без огромной направляющей помощи А.Б. Арсеньева, который многие годы переписывался с бывшими русскими эмигрантами на всех континентах, узнавая и уточняя многие имена, факты и реалии их жизни в Югославии и после нее.

Екатерина Таубер была в эпицентре литературной домны русского Белграда 1920–30-х гг., и эта степень близости и посвященности придает ее очень женским, не свободным от повторов и слухов воспоминаниям удивительную трогательность и подлинность. Напомним, что вместе с семьей она покинула Россию в 1920 г., затем окончила эвакуированный Харьковский девичий институт в сербском Нови-Бечее, а в 1928 г. — романское отделение философского факультета Белградского университета. Последующие четыре года Екатерина преподавала французский и немецкий языки в Торговой академии города Панчево, промышленном спутнике Белграда, после закрытия которой в 1932 г. продолжала работать здесь, хотя все ее дружеские, духовные и метафизические интересы и связи были сосредоточены в столице королевской Югославии — Белграде.

Написанное в 1982 г. как ответ на вопросы О. Джурича письмо Екатерины Таубер — уникальное мемуарное свидетельство еще и потому, что в то время только-только начали приоткрываться шлюзы памяти о русской югославской эмиграции, казалось бы исчезнувшей после

*Илья Николаевич Голенищев-Кутузов. 1933.
Частное собрание*

Второй мировой войны и конфликта Сталин — Тито (1948). Его главный герой — будущий выдающийся филолог-романист и славист, а тогда поэт, литературный критик, переводчик и неформальный лидер многих литературных кружков русского Белграда граф Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969) — был одной из центральных фигур молодого поколения русской эмиграции в Югославии.

Еще в 1921 г. он стал инициатором создания первого русского эмигрантского поэтического объединения королевской столицы — кружка «Гамаюн»¹, в который вошли в основном студенты Белградского университета: Ю.Б. Бек-Софиев, А.П. Дураков, Ю.Ф. Вереницын, И. фон Меран, Б.Н. Пуцин, А.М. Росселевич, Б.Ф. Соколов, В.А. Эккерсдорф и в котором Екатерина Таубер была единственной представительницей слабого пола. После того как к середине 1920-х гг. кружок распался, а некоторые его участники покинули Белград, остававшимися была сделана попытка создания нового, очень закрытого по своей структуре литературно-художественного кружка «Одиннадцать». К сожалению, пока достоверно установлены фамилии лишь девяти его участников: Евгений Аничков, Гавриил Елачич, Алексей Дураков, Илья Голенищев-Кутузов, Юрий Софиев, художники Ананий Вербицкий, Владимир Загороднюк, Владимир Жедринский и Николай Исаев. Эта группа также существовала совсем недолго, о ее создании и литературно-художественных постановках и вечерах известно лишь из документов небольшого фонда Ильи Голенищева-Кутузова в Национальной библиотеке Сербии.

Этот фонд, к счастью, пережил все политические катаклизмы второй половины XX в., неоднократные аресты и заключения самого филолога в 1930–50-х гг. (см. об этом в комментариях к публикации), а также его отъезд в СССР в 1955 г., сохранив драгоценные эпистолярные материалы об интеллектуальной и литературной жизни и самого ученого, и русского довоенного Белграда XX столетия. Наряду с публикуемым свидетельством Е.Л. Таубер, покинувшей Югославию в 1936 г., они позволяют сегодня постепенно восстанавливать историческую мозаику незаурядной судьбы И.Н. Голенищева-Кутузова и литераторов его поколения.

Литература

- Бек-Софиев 2013 — *Бек-Софиев Ю.Б.* Синий дым. Алматы, 2013.
 Герра 2020 — *Герра Р.* Памяти Екатерины Таубер // Новый журнал. 2020. Кн. 300. С. 280–300.
 Голенищев-Кутузов 1935 — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Память. Париж, 1935.
 Голенищев-Кутузов 2004а — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Лики времени: Парижские эссе / сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2004.
 Голенищев-Кутузов 2004б — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Благодарю, за все благодарю: Собрание стихотворений / сост., подгот. текста, примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой; предисл. С. Гардзонио. Pisa; Томск; М., 2004.
 Дураков 2005 — *Дураков А.П.* Один из солнечных лучей: Собрание стихотворений / сост., подгот. текста В.А. Резвого. М., 2005.
 Иванов 1989 — *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство // Эсхил. Трагедии. М., 1989.

¹ Название кружка цитирует известное стихотворение А.А. Блока «Гамаюн, птица вещая» (1899), в котором молодые люди находили «отзвуки своей изгнаннической судьбы и трагических событий в России».

Сорокина 2017 — Сорокина М.Ю. И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): к истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 114–128.

Таубер 1935 — Таубер Е.Л. // Журнал Содружества. Выборг, 1935. № 8. С. 37–38.

Ђурић, 1990 — *Ђурић О.* Руска литерарна Србија, 1920–1941: (Писци, кружоци, издања). Горњи Милановац, 1990.

Ђурић 2002 — Антологија поезије руског Београда. Српско-руско издање / избор. превод, предговор и белешке о песницима: Остоја Ђурић. Београд, 2002.

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Из архива Остои Джурича (Белград)

Я познакомилась с Ильей Кутузовым в Белградском университете. Мы изучали французскую литературу, оба писали стихи и постоянно встречались с Алексеем Дураковым и Юрием Софиевым¹, друзьями Ильи. Я тогда благоволела² перед критическими способностями и знаниями Кутузова и была под его влиянием.

На Красную горку 1925 года³ Кутузов женился на Елене Александровне Циглер⁴, приехавшей из Америки и дававшей ему уроки английского языка. Свадьба была в русской церкви в земунском парке⁵. Ехали мы туда пароходом большой компанией молодежи и пароходом же возвращались в Белград.

Алексей Дураков, видя, как Кутузов вертел на пальце свое обручальное кольцо, шутливо спрашивал:

— Что? Жмет? Мешает?

В доме родителей⁶ Кутузова нас встретили шампанским. Был с нами и наш профессор Евгений Васильевич Аничков⁷. Затем молодые уехали в Дубровник⁸, где Кутузов получил место учителя французского языка. Я сразу подружилась с женой Кутузова. Эта дружба, с большими перерывами, когда мы жили в разных

Церковь Свв. Архангелов Михаила и Гавриила в Земуне, где венчались Голенищевы-Кутузовы. Фото М.Ю. Сорокиной

Интерьер церкви Свв. Архангелов Михаила и Гавриила в Земуне. Фото М.Ю. Сорокиной

странах, продолжалась до ее смерти в 1977 г. Из Дубровника Кутузовы часто приезжали в Белград, и мы встречались. Прожили они в Дубровнике до 1930 года, когда Кутузова отправили в Париж писать докторат⁹. Я посетила Кутузовых в Дубровнике в 1927–1928 и 1929 годах.

Когда Кутузов пишет:

Гляжу я вниз с террасы вознесенной
На зыбкий склон, оливами покрытый,
На облака, на голые вершины
Бесплодных гор, где лепятся лишь сосны...¹⁰ —

я вижу их домик, стоящий высоко над городом, под самым фортом Наполеона¹¹. Сколько часов, проведенных над кутузовской террасой, припоминается теперь. Атмосфера кутузовского дома была творческим горением. Споры о поэзии не прекращались. Мы забывали все. Даже голод не мог загнать в кухню, где Лена готовила ужин. И сколько истинной дружбы было тогда между нами! Все кончилось, когда Илья разошелся с женой в 1936 г.

Стихотворение «Цирцея»¹² отлично передает тогдашнее душевное состояние Кутузова:

Я сам — Цирцея, зачарован
Самим собой, самим собой¹³.

В смысле музыки и ритма это одно из лучших стихотворений кутузовского сборника «Память».

Прав Вячеслав Иванов, написавший предисловие к сборнику: тень Лермонтова встает часто над этими строками, где возмущение и «стих, облитый горечью и злостью»¹⁴ иногда все же сменяются верой в будущее воскресение России. Не вина нас, поэтов 30-х годов, что воскресения не свершилось. Мы в него тогда верили.

В годы Дубровника Илья ездил в Рим. Кутузовы жили скудно, а поездки еще больше увеличивали нужду. Но перед нами был человек, твердо знающий, чего он хочет. А хочет он славы и денег. Деньги же совершенно отсутствуют. Он задавлен материальными заботами, семейной жизнью, от которой уже бежит то в Италию к своему кумиру Вячеславу Иванову, то в антропософы к очаровавшей его в Париже антропософке¹⁵, то в неосуществимые планы о своем журнале, о своей группе поэтов. Он горд, насмешлив, у него злой и острый язык и много врагов повсюду.

Обложка поэтического сборника «Память» И.Н. Голенищева-Кутузова

Но одновременно он верный друг тем, кого признал своими друзьями: Алексея Дуракова, профессора Е. Аничкова, музыканта Роговского¹⁶ и меня. Для нас он готов многое сделать. И абсолютно лишен литературной зависти — общеписательской болезни. Он царит (в мечтах) над всеми. Ждет судьбы своего любимого поэта Данте, чью «Vita Nuova» переводит, не думая, что жизнь изгнанника Данте и горький хлеб эмигранта не совместимы с профессорской карьерой, с почетом и материальным благополучием. Но в те годы перед ним еще этот роковой выбор не предстоял. Он писал стихи выпренные и торжественные, которые читал в Белграде друзьям, а в Париже — на литературных собраниях.

Пишет он и злые эпиграммы. Вот одна из них, на писателя Алданова¹⁷:

Недолго пил я из чужих стаканов¹⁸,
Трудами праведными заслужил я свой.
Стакан мой мал, но я зовусь Алданов!
Я — Франс для бедных, классик для болванов
И на Пассах я — Лев Толстой!

(Пасси — один из кварталов Парижа.)

Или о профессоре-богослове, а впоследствии священнике о. Василии Зеньковском¹⁹:

Рот небольшой, но все ж акулий.
Златая челюсть — Златоуст!
Как он сутулится на стуле,
Велеречив и важно пуст.
Нет, он не пуст! Медоточивы
Слова согласные текут.

И длится, длится морок сладкий
Всеразрешающих словес,
И только щурится украдкой
Из-под стола лукавый бес.

Вокруг внимательные лица,
Поклонников келейный ряд.
Кой-где елейные девицы
В благоговении молчат.

И все кончается тем, что бес, сидящий под стулом,

Насторожив свиное ухо,
Вникает в смысл елейных строк,
И оскорбителен для уха
Его нервический зевок.

Конечно, подобные эпиграммы вызывали злобу. Профессорская карьера, которую он определенно делал, — зависть среди задавленных жизнью современников. «Бегство от семейного счастья», как он выражался, от любящей его до самозабвения, но все же властной жены привело к тому, что однажды, на моих именинах в 1935 г., он познакомился с Ольгой Бревнер²⁰ и бросил первую жену.

Я была с нею дружна, она сыграла большую роль в моей жизни, и я была огорчена. А когда я сказала Илье, что меня не устраивает, что он назначает свидания Ольге в моей комнате, он ответил: «Катя²¹ записалась в Армию Спасения!» — а я даже тогда не знала, что это такое²².

В 1936 г. Илья окончательно бросил жену и маленького сына, и наши отношения испортились. В ноябре того же года я уехала на Ривьеру²³, и мы почти не виделись. Я знала, что он развелся, женился вторично. Потом до меня дошли слухи о каком-то плагиате Кутузова. Это была, кажется, статья о Пушкине во время пушкинских торжеств 1937 года²⁴. Точно я ничего не знаю.

Мы еще виделись в 1938–39 годах, когда я приезжала к родителям²⁵ в Белград. Илья, встретив меня, очень жаловался: «Меня все покинули» — и просил непременно к ним зайти. У них я встретила в последний раз А. Дуракова, который нам читал свои прекрасные и провидческие стихи «Голубая смерть»²⁶.

сopстaвник кyбe
sopстaвник кyбe
xотeл
hotеl

нeгoв стaн
njegov stan

ПРИЈАВА — PRIЈАВА
ПРИЈАВЉУЈЕ СЕ: — PRIЈАВЉИЈУЈЕ СЕ:

Улица, број, спрат — Улица, број, спрат
Име породично и рођено. За уdatу или удату и рођено име мужа и девојачко породично и рођено име жене и девојачко породично и рођено име мајке и девојачко породично и рођено име

Занимање — Zanimanje
Држављанство — Državljanstvo
Дан, месец и година рођења
Dan, месец i година rođenja
Место рођења, срез, земља
Mesto rođenja srez, zemlja
Завичајна општина, срез, земља
Zavičajna opština, srez, zemlja
Брачно стање — Брачно stanje
Вера — Vera
Рођ. име оца и мајке, и мајчино девојач. презиме
Rođ. име оца i мајке, i мајчино девојачко презиме
Ранији стан у Београду: улица и број, или у ком другом месту: село, срез, Бановина
Raniji stan u Beogradu: улица i број, или u ком другом месту: село, srez, Banovina

Савански бр. 17
Голенишчев-Кутузов
Илья
Професор
4. IV. 1904
Сарајево
Дураков
Вера
+ Никола - Вера Вера

ЖЕНА И ДЕЦА ИСПОД 18 ГОДИНА — ŽENA I DECA ISPOD 18 GODINA

Рођено име и девојачко породично име жене и рођено име деце Rođeno име i девојачко породично име жене i рођено име деце	мушко muško	женско žensko	Дан месец и година рођења Dan, месец i година rođenja	Место рођења Mesto rođenja
I Вера Кутузов Илья		Илья	4. IV. 1904	Сарајево
II Олга		Илья	19. VII. 1926	Сарајево
		Вера	30. III. 1910	Сарајево

Ветеран Артев. Савански бр. 25/140/30. Крајина Дураков

НАПОМЕНА: 9. IV. 1906. адреса породице Ильян 12. IV. 37
ПРИЛОЖИ: Ильян 12. IV. 37

Станар — Stanar (datum) (mesto) (mesto) Власник кyбe-управитељ-станодавац
Vlasnik kuće-upravitelj-stanodavac

Регистрационна карточка жителя г. Белграда
И.Н. Голенишчева-Кутузова. Исторический города Белграда, Республика Сербия

Как жил и что делал Кутузов во время войны, я не знаю. Пишу только по слухам. Его исключили из преподавателей гимназии за политику²⁷. Затем он прикнуд к партизанам. Потом попал в тюрьму в Сараево с другими русскими²⁸. Потом его выпустили. Он стоял на перепутье и написал мне, прося найти в Париже его сына, т. к. хотел бы туда вернуться. Я ему честно написала, как мы тут все

живем. Его знакомый поэт Ю. Терапиано²⁹ (он был много старше нас) уже ушел в русский старческий дом. Другие зарабатывали как шоферы такси или работали на заводах. И он уехал в Москву³⁰, получил в Московском университете кафедру югославской литературы³¹, писал о писателях Далмации³². Снова развелся и женился в третий раз³³. Он достиг положения и денег, но поэзия кончилась. Выбор был сделан. О его московской жизни я ничего не знаю, но он остался в дружбе со вдовой А. Дуракова³⁴, вышедшей потом за писателя М. Иванникова, и только от нее Вы сможете получить сведения о последних годах его жизни.

Скончался он в 1969 г.

Что касается стихов, то рука его тверда, уверена. Хороши стихи об украинских чумаках, идущих за перекопской солью³⁵. Сборник правильно назван «Память»³⁶. Это не воспоминанья, а «память» древнего рода, оставшаяся в душе³⁷. Это юность, прерванная страшной смутой, но не утраченная. Кутузов горд подвигом знаменитых предков: «Меня тоска сжигает родовая», и он верит, что узнает «твои пути, грядущая Россия»³⁸. Только невозможно теперь сказать, что он думал, вернувшись на родину.

Что касается «Далматинского цикла»³⁹, то он любил Дубровник кровной любовью, как и многие из нас. Был знаком с писателем Войновичем⁴⁰, музыкантом Роговским, и его посещали белградские друзья. Жил он высоко над городом, который лежал у ног, в творческом уединенье и горенье. Это были дни напряжения, невыполнимых, но влекущих планов. Но на его первой жене Елене от тех дней остался смертоносный след их разлуки навеки. Жизнь в Дубровнике кончилась, когда он уехал в Париж писать диссертацию. В 1931 г. я приехала впервые в Париж, перезнакомилась со всеми русскими поэтами, бывала с ними на литературных собраниях, и нужно признаться, что более внимательно, чем Кутузовы, тогда ко мне нельзя было отнестись.

Ни мира, ни гармонии в эти годы в душе его не было. Был разлад, протест, недовольство, «тревожных воспоминаний, всех опьянений, буйств и мятежей»⁴¹. И в Париже же он стал антропософом.

Одно из лучших его стихотворений сборника — это «Офорт»⁴². Тот, кто бывал в окрестностях Рима, не может не оценить правдивость и образность этих стихов. А в «Колизее» встречаются редкие для Кутузова слова:

Там, над ареною позорной,
Как бы победней и ясней
Сияет крест — нерукотворный.

И он спрашивает:

О, Боже, истина и красота — одно ли?⁴³

Конечно, стихийный бунт — это молодость, но т. к. продолжения поэтического творчества не было, то что можно сказать о годах зрелости!

Сверстники-поэты упрекали Кутузова за архаизм, ученость, ложноклассицизм. В это время в Париже уже родилась «парижская нота» и отвращение от «громких слов».

Парижский цикл стихотворений Кутузова открывается прекрасным стихотворением «Jardin de Luxembourg». В «Ночных голосах»⁴⁴ — отзвук семейной драмы 1930 года. Здесь перед нами их «дом бездомный» и желание разрыва под ледяным взглядом Люцифера. Роковая любовь к антропософке, увлечение Штейнером. Таким я его застала в Париже в 1931 г. И все же брошенная им жена в то время, когда он сидел в тюрьме, сама голодая в Чикаго, посылала ему продуктовые посылки. Но послевоенный период его жизни мне совершенно неизвестен.

Демоническая парижская любовь Кутузова оставила в нем

Только боль и музыку
Твою, Люцифер⁴⁵.

Это страшное имя вошло в его жизнь. Он посвящает стихи своему демону. Конечно, это влияние Лермонтова, но это и личный путь Кутузова.

Однако роковая любовь тоже кончается. Снова свобода:

Душа, как сны, вольна.
Такое одиночество,
Такая тишина⁴⁶.

Потом снова Белград, вторая женитьба. Наконец Москва... Каков был его московский опыт, не знаю.

1982 г. Мужен. Е. Таубер

¹ Гардемарин Алексей Петрович Дураков (1898–1944) и поручик Юрий Борисович Бек-Софиев (1899–1975) оказались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев после Гражданской войны и учились на философском факультете Белградского университета (воспоминания Софиева об этом см.: [Бек-Софиев 2013]). В дальнейшем Дураков жил, работал и погиб в Югославии, Бек-Софиев обосновался во Франции, в 1955 г. вернулся в СССР, жил в Алма-Ате.

² Так в тексте. Возможно, опечатка: вариант: благоговела.

³ Красная горка (Фомино воскресенье) — религиозный праздник, отмечающийся в первое воскресенье после Пасхи; считается праздником молодежи. В 1925 г. приходился на 26 апреля.

⁴ В первом браке И.Н. Голенищев-Кутузов был женат на Елене Александровне Циглер (1902–1977), с которой имел сына Иллариона, родившегося 19 августа 1926 г. в Дубровнике.

⁵ В 1918 г. городок Земун, до того находившийся в составе Австро-Венгерской империи, вошел в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, а в 1934 г. стал частью его столицы Белграда. Православная церковь Свв. Архангелов Михаила и Гавриила, где венчались Голенищевы-Кутузовы, была возведена в 1786 г. на месте лагеря для чумных больных. Использовалась также православными паломниками, вынужденными проводить некоторое время в карантине при переезде из Османской империи в Австро-Венгрию. С прибытием в 1920-х гг. русских эмигрантов церковь до конца Второй мировой войны была русской, затем пришла в запустение и только в 1981 г. восстановлена иеромонахом (ныне епископом) Филаретом.

⁶ Голенищев-Кутузов Николай Ильич (1875–1925), граф, полковник Отдельного корпуса жандармов до 1907 г.; после отставки служил в Крыму по таможенному ведомству. В эмиграции вместе с семьей с февраля 1920 г. — сначала в Болгарии, затем в КСХС. Скон-

чался в Белграде. Голенищева-Кутузова Вера Александровна (урожд. Бодиско; 1877–1961), мать И.Н. Голенищева-Кутузова, вместе с ним вернулась в СССР.

⁷ Аничков Евгений Васильевич (1866–1937), историк литературы, писатель, фольклорист, педагог. В эмиграции жил в Белграде (КСХС). С 1920 г. председатель Русской академической группы; внештатный профессор философского факультета Белградского университета. Заместитель председателя Союза русских писателей и журналистов в КСХС. С 1926 г. профессор философского факультета Белградского университета в Скопье по контракту, с 1930 г. — ординарный профессор. С 1936 г. в отставке, вернулся в Белград, сотрудник Русского научного института. Похоронен на Новом кладбище в Белграде.

⁸ Сначала Голенищевы уехали в Никшич, а затем уже перебрались в Дубровник.

⁹ В 1933 г. И.Н. Голенищев-Кутузов защитил в Сорбонне докторскую диссертацию «Легенда о Гризельде во Франции в XIV и XV веках» («L'histoire de Griseldis en France au XIVE et au XVe siècle»).

¹⁰ Здесь и далее цитируются стихотворные произведения И.Н. Голенищева-Кутузова, собранные в его первом и единственном персональном прижизненном поэтическом сборнике «Память», изданном в Париже в 1935 г. (см. также: [Голенищев-Кутузов 2004б]). Предисловие к сборнику написал поэт Вячеслав Иванов (1866–1949), оно датировано 24 августа 1931 г. Приведенная цитата — из стихотворения 1928 г. «После грозы в Дубровнике» [Голенищев-Кутузов 1935, с. 32].

¹¹ Форт Империял на холме Срдж построен в 1812 г. французами, торжественное открытие состоялось 15 августа, в день рождения Наполеона Бонапарта.

¹² В тексте: «Сирокко», название исправлено карандашом О. Джурича.

¹³ [Голенищев-Кутузов 1935, с. 34].

¹⁴ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...» (1840).

¹⁵ Имеется в виду скульптор, антропософ, общественный деятель Наталья Алексеевна Тургенева-Поццо (1888–1942). С конца 1920-х гг. жила в Париже. Входила в Русский антропософский кружок, в котором в 1929–1938 гг. неоднократно выступала с докладами. На протяжении ряда лет преподавала эвритмию (искусство движения), некоторое время руководила эвритмической школой в Берлине. В сборнике «Память» ей посвящено стихотворение «Все те же сны во тьме предсуществленья...» [Голенищев-Кутузов 1935, с. 22].

¹⁶ Роговский Людомир Михал (1881–1954), польский композитор и дирижер, живший в Дубровнике.

¹⁷ Алданов Марк Александрович (псевд., наст. фам. Ландау; 1886–1957), известный в эмиграции писатель, литературный критик, мемуарист. Эпиграммы И.Н. Голенищева-Кутузова см. также: [Голенищев-Кутузов 2004б, с. 221–230].

¹⁸ Обыгрывается фраза «Мой стакан не велик, но я пью из своего стакана» из драматической поэмы «La coupe et les levres» («Чаша и уста», 1832) Альфреда де Мюссе.

¹⁹ Зеньковский Василий Васильевич, протоиерей о. Василий (1881–1962), философ, психолог, педагог; религиозный и общественный деятель. Читал курсы общей психологии, логики и теории познания, истории древней и новой философии на богословском и философском факультетах Белградского университета (1920–1922). Член правления Общества русских ученых в КСХС.

²⁰ Жена И.Н. Голенищева-Кутузова во втором браке — Ольга Вальтеровна (урожд. фон Бреверн; 1912–1983). В письме Вячеславу Иванову от 11 июля 1937 г. И.Н. Голенищев-Кутузов так представлял свою невесту: «Невесту мою зовут Ольга Вальтеровна фон Бреверн, по матери она из моих мест — мы могли бы встретиться на балу у пензенского предводителя или в имении Чембарского или Сердобского уезда. Ей двадцать пять лет (мне уже тридцать три!). Очень недурна собой. Учится в университете (филолог) и служит в банке. Надеюсь, что на этот раз Гименей и Гера будут ко мне благосклонны — умоляю Вас, ввиду Вашей

несомненной близости к древним богам, вопреки всем палинодиям, походатайствовать за нас перед небожителями!» (см: [Голенищев-Кутузов 2004б, с. 279–280]).

²¹ Так в тексте.

²² Известная международная христианская благотворительная организация.

²³ В конце 1936 г. Е.Л. Таубер переехала во Францию, где вышла замуж за К.И. Старова, офицера-добровольца, с которым была знакома еще со времен Гражданской войны в России. Они венчались в Каннах в русской православной церкви Св. Архангела Михаила 24 января 1937 г. На ее свадьбу И.Н. Голенищев-Кутузов послал следующую эпитамию:

Не в галилейской — в гальской Канне
Ваш совершился тайный брак,
Как в самом выпрленном романе —
Вдали от сплетен, слухов, врак.
А старый друг от чувств избытка
Вам пожелает лишь одно —
Чтоб воду брачного напитка
Вы претворили бы в вино [Голенищев-Кутузов 2004б, с. 224].

Старовы жили в городке Мужен, недалеко от Грасса. В 1949 г. Таубер-Старова приняла французское гражданство. Похоронена в Каннах на кладбище Гран-Жас (см.: [Герра 2020; Голенищев-Кутузов 2004а, с. 18]).

²⁴ В августе 1937 г. И.Н. Голенищев-Кутузов, в то время приват-доцент Белградского университета, опубликовал во влиятельном и весьма популярном среди югославской интеллигенции литературно-общественном журнале «Српски книжевни гласник» статью «Читатели Пушкина» и вскоре был обвинен в газетах (белградской «Политике» и рижской «Сегодня») в плагиате — использовании полного содержания статьи Ю.А. Григоркова «Пушкин и советский читатель» из мартовского и апрельского номеров за 1937 г. «Журнала Содружества», издававшегося в Выборге (тогда — Финляндия). Несмотря на то что сам Ю.А. Григорков в письме в редакцию эмигрантской газеты «Сегодня» специально указал на абсурдность обвинений коллеги в плагиате (в основу обеих статей легли одни и те же источники), дело получило значительную огласку и расследовалось на уровне ректората Белградского университета. Все обвинения в адрес И.Н. Голенищева-Кутузова были сняты.

²⁵ Отец — Леонид Яковлевич Таубер (1872–1943), правовед, до 1917 г. экстраординарный профессор Харьковского университета; мать — Мария Петровна (1882–1944). По сведениям Р. Герра, Е.Л. Таубер была в Белграде зимой 1937–1938 гг., Новый 1938 год она встретила у писателя-эмигранта и кинооператора Михаила Дмитриевича Иванникова (1904–1968) и его первой жены Лидии Девель (Алексеевой), а также встречалась с Е. Кискевичем, И. Голенищевым-Кутузовым, Ю. Ракиным. Ее последний приезд в Белград состоялся в 1965 г., где из бывших друзей оставался только М.Д. Иванников [Герра 2020].

²⁶ Стихотворение А.П. Дуракова «Голубая смерть» (1936) посвящено И.Н. Голенищеву-Кутузову (см.: [Дураков 2005, с. 57–58]).

²⁷ Весной 1938 г., после выхода его статей о первом томе романа М. Шолохова «Поднятая целина» и романе А. Толстого «Петр I», И.Н. Голенищев-Кутузов был арестован в Белграде, лишен югославского подданства и уволен с государственной службы за пропаганду советской литературы и культуры. В сентябре 1939 г. ему удалось через суд восстановить свой прежний статус. С приходом Второй мировой войны в Югославию, в начале ноября 1941 г., Голенищев-Кутузов вновь оказался за решеткой — на этот раз как заложник в концлагере «Баница».

²⁸ Сведений об аресте И.Н. Голенищева-Кутузова в Сараево не имеется.

²⁹ Терапиано Юрий Константинович (1892–1980), поэт, прозаик, переводчик и литературный критик, организатор и участник ряда литературных объединений Парижа.

³⁰ Путь в Москву был для И.Н. Голенищева-Кутузова весьма тернист (см.: [Сорокина 2017]). С 1940 г. он дважды безуспешно пытался вернуться на родину, но только в августе 1946 г. получил советский паспорт. 22 июня 1949 г. ученый был в третий раз арестован югославскими властями по обвинению в шпионаже в пользу СССР и подрывной деятельности против Югославии. Два года находился в тюрьме под следствием, в августе 1951 г. осужден Белградским окружным судом на четыре года заключения и до июня 1953 г. отбывал его в городе Сремска-Митровица. После освобождения еще в течение года И.Н. Голенищев-Кутузов находился под надзором полиции и не мог получить разрешения на выезд от югославских властей. Только 28 сентября 1954 г. он выехал в Будапешт, где проживала его семья, высланная из Югославии в 1950 г. Разрешение на въезд в СССР Голенищев-Кутузов получил 14 апреля 1955 г. и 6 июня того же года вместе с женой и матерью вернулся в Москву. В июле 1955 г. он поступил на работу в ИМЛИ АН СССР в должности старшего научного сотрудника сектора зарубежных литератур.

³¹ И.Н. Голенищев-Кутузов был профессором филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 1956–1958 гг.

³² См.: Поэты Далмации эпохи Возрождения XV–XVI веков / сост. и пер. И.Н. Голенищев-Кутузов. М., 1959.

³³ В третьем браке И.Н. Голенищев-Кутузов был женат на филологе, сотруднице Института мировой литературы АН СССР Искре Вениаминовне (урожд. Мурштейн; 1925–2010).

³⁴ Речь идет о второй супруге А.П. Дуракова (с 1939 г.) Любови Михайловне Лещук.

³⁵ Стихотворение «Бежит ковыль, трепещут травы...» [Голенищев-Кутузов 1935, с. 20].

³⁶ В письме Вяч. Иванову от 9 июля 1931 г. из Парижа И.Н. Голенищев-Кутузов писал: «Книгу назову “Память”, ибо — из озера Памяти плещут, / Влаги студеной струи» [Голенищев-Кутузов 2004б, с. 256]. Речь идет об «озере Памяти» (Mnêmosynês apo limnês), о котором пишет Вяч. Иванов в главе «Дионис орфический» [Иванов 1989].

³⁷ Здесь Е.Л. Таубер повторяет оценку, уже использованную в своей рецензии на сборник стихов Ильи Николаевича: «И. Голенищева-Кутузова никак нельзя отнести к “непоминающим родства”. Он не отрекается и не отворачивается от “наследия родового”. Недаром и книга его названа “Памятью”» [Таубер 1935].

³⁸ Из стихотворения «Все те же сны во тьме предсуществленья...», посвященного Н.А. Тургеневой-Поццо [Голенищев-Кутузов 1935, с. 22]. См. также примеч. 15.

³⁹ Один из циклов сборника «Память» (1935).

⁴⁰ Войнович Иво (1857–1929), сербский писатель и драматург.

⁴¹ Из стихотворения «После грозы в Дубровнике» [Голенищев-Кутузов 1935, с. 32].

⁴² [Голенищев-Кутузов 1935, с. 38–39].

⁴³ Из стихотворения «Колизей», как и «Офорт», входившего в цикл «Рим» [Там же, с. 40].

⁴⁴ Цикл «Ночные голоса» [Там же, с. 58], парижский цикл.

⁴⁵ Из стихотворения «К вечерней звезде» [Там же, с. 67].

⁴⁶ Из стихотворения «За это одиночество...» [Там же, с. 81].

Н.Ю. Масоликова

«СТИХИ И ЗВЕЗДЫ ОСТАЮТСЯ, А ОСТАЛЬНОЕ — ВСЕ РАВНО»
(Г. ИВАНОВ): НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
ВИКТОРА ИРЕЦКОГО

Дотошный и педантичный писатель. Он контролирует свои мысли и управляет своим стилем. Он интересуется фактами и страстно их записывает, как будто — оправданно — он боится, что все, что он не записывает, однажды перестанет существовать как факт¹.

С Алексеем Борисовичем меня свела совсем не Сербия, а более близкий Санкт-Петербург. Мы познакомились в 2014 г. на конференции, посвященной обсуждению темы детства и школы в русском зарубежье. И тема, и компания традиционно преимущественно женские, но в нашем случае в лице Алексея Арсеньева мы приобрели совершенно уникальный фокус обзора темы — от независимого исследователя, мужчины, потомка эмигрантов первой волны, владеющего и материалом, и словом, покоровшего, кроме всего прочего, все наше женское царство своим человеческим обаянием. Редкое сочетание.

Подбирая достойное обрамление для выражения своего уважения, я познакомилась подробнее с библиографией Алексея Борисовича, инженера по образованию (!), включающей более 200 публикаций о сербской странице российского зарубежья. Начинаясь в 1970-х гг., этот список сделанного на день сегодняшний как бы цементирует 50-летие исследовательской деятельности Алексея Арсеньева. Сложилось ощущение, что первые 20 лет на этой библиографической линии времени — некий разгон, иногда с большими паузами, как проба пера, как прощупывание направления и глубины своего интереса, своей темы, своего почерка... Этот разгон включал в себя в том числе и переводы стихов сербских поэтов на русский язык — Мирослава Антича и Вуицы Решина. «Переводчик в прозе — раб, переводчик в стихах — соперник» — это известное высказывание великого русского поэта Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) афористично выражает то, что известно даже непрофессионалам, — сколько сложностей возникает в процессе поэтического перевода, насколько тонок должен быть внутренний слух и чувство языка. Перевод с сербского на русский имеет, помимо всего прочего, свои дополнительные сложности в гармонии, размере и смысловом наполнении текстов. Для меня эта биографическая страница из личного досье Алексея Борисовича стала неожиданностью и одновременно и объяснила, и подтвердила мои первые ощущения от знакомства — когда строгая последова-

¹ Самовари у равници — интервью са Алексејем Арсењевим // Моја Бирилица. Часопис за културу и уметност. 2012. № 1. С. 28.

тельность, доказательность и твердость в изложении, щепетильность в деталях удивительным образом сочетались с человеческой мягкостью, певучестью, лиричностью в общении.

Как неожиданно приятно мне было открыть в биографии Алексея Борисовича его стихотворно-переводческий период, так же волнующе было для меня как для исследователя познакомиться с единственно известным мне пока поэтическим опытом другого эмигранта, с которым Алексея Борисовича разделяет почти столетие, — литератора, писателя, журналиста Виктора Яковлевича Ирецкого (1882–1936). Он не имеет отношения к Сербии — он имеет отношение к эпохе и обстоятельствам, которыми вот уже полвека озабочен и Алексей Арсеньев. Короткое стихотворение В. Ирецкого — тоже из первых (1906), созданное на этапе творческого восхождения. Оно носит скорее философский характер — подобного содержания поэтические строки оживил для русскоязычной аудитории в 80-х гг. прошлого века Алексей Арсеньев, показав своими переводами красоту сербской поэтической мысли. Наконец, оно так же уникально, как и первые переводческие публикации юбиляра.

Возрождая из пепла поэтическое произведение Виктора Ирецкого, я позволю себе посвятить его сегодня Алексею Борисовичу Арсеньеву: от эмигранта — эмигранту, от мастера слова — хранителю, о том — что неизменно по прошествии даже ста лет.

До новых встреч, уважаемый Алексей Борисович.

ЖИЗНЬ²

Волну за волною на берег отлогий
Шлет, полон тревоги, немолчный прибой
И будит дремоту безбрежного моря
И вздохами горя, и тихой мольбой...

* * *

Усталые волны из дали туманной
На берег песчаный спешат отдохнуть,
Но только прихлынут, послушны прибою,
Обратной чредою пускаются в путь.

* * *

Куда-то уходят неясными снами
Века за веками неслышной стопой,
А берег холодный, безмолвствуя, дремлет
И внемлет, бесстрастный, как плачет прибой!...

В. Г.³

² Опубликовано: Иллюстрированная неделя: Еженедельное художественно-литературное приложение к газетам «Речь» и «Реформа». 1906. 30 апр. № 4. Благодарю Андрея Устинова за предоставление копии документа.

³ В.Г. — Виктор Гликман — настоящая фамилия писателя, позднее использовались псевдонимы Ирецкий, Старозаветный, Ириксон.

О.П. Янчевецкая

ДНЕВНИКИ

(1909–1910, 1918–1920, 1935–1936)

Публикация, вступительная статья и комментарии И.В. Просветова

Ольга Петровна Янчевецкая (1890–1978) — одна из выдающихся певиц русского зарубежья и, без преувеличения, самая популярная исполнительница романсов в Югославии прошлого века. Концерты, грампластинки, спектакли, выступления на радио и телевидении, зарубежные гастролы, ноты и песенные сборники, съемки в кино — несколько десятилетий немеркнувшей славы. Белградская пресса называла Янчевецкую королевой романса. Она многократно давала интервью, ее автобиография, записанная журналистом Костой Димитриевичем, дважды издавалась в Белграде. В 2010 г. «Радио и телевидение Сербии» выпустило документальный фильм о жизни знаменитой артистки. Но о дневниках Янчевецкой ничего не было известно. После смерти певицы они хранились в Москве у ее сына Михаила Янчевецкого, их существование не афишировалось, и лишь недавно наследники после разбора семейного архива согласились на публикацию этих записей. Дневники сохранились частично: тетрадь за 1909–1910 гг., фрагменты (отдельные листы) за 1918–1920 гг., тетрадь за 1935–1936 гг. Тем не менее они ценны тем, что отражают три разных периода биографии Янчевецкой и позволяют понять, как формировался ее характер и жизненные принципы, развивался талант и складывался путь к успеху — через упорный труд, преодоления и потери.

«Наша семья была музыкальной, все играли и пели. И я сама, сколько себя помню, пела», — рассказывала Ольга Янчевецкая [Димитријевић 2003, с. 19]. Она родилась 5/18 марта 1890 г. в Брест-Литовске. Отец — штабс-капитан Петр Михайлович Виноградов, мать — Наталья Ивановна (урожд. Иговская), дочь полковника и потомственного дворянина. Благополучие большой семьи — у Ольги были два брата и две сестры — нарушилось после внезапной смерти отца в 1900 г. Эта потеря, последующие неурядицы и своевольный темперамент обусловили ее желание рано начать взрослую жизнь. В 15-летнем возрасте Ольга уехала из Севастополя, где жила на попечении у тетки и училась в гимназии, в Санкт-Петербург. «У меня было 30 рублей и убеждение, что мне не нужна ничья помощь, никому я не должна быть обязана и сама могу отвечать за свое будущее», — вспоминала Янчевецкая [Янчевецка 1975]. Ольга работала прачкой, портнихой, продавщицей в пекарне. Счастливое стечение обстоятельств обеспечило ей поддержку влиятельной благотворительницы княгини Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой. Ольга смогла окончить гимназию и устроиться корректором в газету «Россия». Спустя некоторое время ей сделал предложение руки и сердца Василий Янчевец-

кий — выпускающий редактор «России» (в будущем советский писатель-историк, лауреат Сталинской премии Василий Ян). Венчание состоялось в апреле 1909 г.

Судя по раннему дневнику Янчевецкой, материальный достаток не погасил в ней стремления к самостоятельности. Романтичность сочеталась в ней с практичностью, она старалась быть хорошей домохозяйкой, но тяготилась этой ролью: «На сцену хочу я, прожить жизнь бурную, блестящую, красивую» (запись от 18 августа 1909 г.). С января 1910 г. Ольга целенаправленно брала уроки вокала, а затем и танцев. И одновременно боролась с болезнью, которая могла погубить ее мечту, — хроническим тонзиллитом. Настойчивость взяла свое. Сыграла свою роль и моральная поддержка мужа, обладавшего к тому же связями в артистическом мире столицы. В семейном архиве сохранилась вырезка из газеты о благотворительном вечере в концертном зале А.И. Павловой, на котором «пела г-жа Янчевецкая», — это было ее первое публичное выступление, в одной программе вместе с такими известными людьми, как композитор П.П. Шенк и актеры В.В. Сладкопевцев, Н.М. Шмитгоф, Е. Валерская. На несомненный талант обратил внимание и директор новомодного цирка «Модерн». Он подписал с Янчевецкой контракт на десять концертных номеров. Были придуманы эффектный антураж, сценический псевдоним «графиня Елена Рок» и подобраны соответствующие романсы. Но после второго представления, несмотря на возгласы восторга и долгие аплодисменты, Ольга отказалась продолжать: «Я чувствовала, что сил уже нет. И как только мы добрались домой, то решительно сказала супругу: “Я больше не хочу петь!”» [Димитријевић 2003, с. 37].

Желание прервать только-только начавшуюся карьеру совпало с долгожданным материнством. В декабре 1911 г. Ольга Янчевецкая родила сына. Новые хлопоты не оставляли времени для личного увлечения. Через год ее муж отбыл в долгую командировку в Константинополь, и этот отъезд расширил давно наметившуюся трещину в отношениях. Несмотря на взаимную любовь, полного понимания между супругами не сложилось: сказалась разница в возрасте, жизненном опыте (в молодости Василий Янчевецкий много путешествовал, служил чиновником особых поручений в Туркестане, как журналист участвовал в Русско-японской войне) и постоянная занятость мужа. Редакторство в «России» Янчевецкий совмещал с преподаванием в гимназии, руководством скаутским отрядом, изданием еженедельника «Ученик» и журналистскими командировками, в том числе опасными. В Турции он работал корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства, выполняя одновременно задания разведывательного характера. С октября 1914 г. исполнял те же обязанности в Румынии и оставался за границей после вступления королевства в мировую войну [Просветов 2017].

В 1916 г. Ольга Янчевецкая «окончательно решила жить одна и учиться петь» (запись от 28 апреля 1936 г.). Поступила в Школу сценического искусства Петровского, брала уроки оперного вокала, занималась у знаменитого исполнителя цыганских романсов Петра Истомина, выступала в одном из театров миниатюр Петрограда. В результате режиссер молодого, но уже популярного Театра музыкальной драмы предложил ей место в своей труппе и роль Кармен в спектакле на открытии осеннего сезона 1917 г. Премьера не состоялась. Революционная смута

Янчевецкая с сыном Мишей. 1914

Встреча с сыном в Москве. 1970

навсегда разлучила Янчевецкую с мужем (формально они не были разведены) и более чем на полвека — с сыном Мишей. Последний раз она виделась с ними в сентябре 1917 г. в Яссах и согласилась, чтобы сын, гостивший вместе со сводной сестрой у отца, остался там еще на некоторое время. Никто тогда не мог предвидеть, что произойдет спустя всего пару месяцев.

Весной 1918 г. Ольга Янчевецкая уехала (фактически бежала) из Петрограда в Севастополь, где жила ее мать с сестрами. В Крыму она видела немецкую оккупацию, многократную смену власти, весь хаос Гражданской войны. При белых зарабатывала на жизнь сольными концертами в Симферопольской оперетте. «Я не разбиралась в политике и всегда была далека от нее, — говорила Янчевецкая на склоне лет. — Как артистка я могла пользоваться благосклонностью новой власти, и мне не нужно было эмигрировать. Но судьба распорядилась иначе, поскольку моя чувствительная, лирическая женская натура не могла вынести того кровопролития, которого требовала революция» [Димитријевић 2003, с. 45, 48]. Дневники свидетельствуют об ином: Янчевецкая восприняла большевистскую революцию как катастрофу, разрушающую все устои нормальной жизни, и ни минуты не задумывалась, когда 29 октября 1920 г. в Севастополе была объявлена эвакуация Русской армии и гражданских лиц, желающих покинуть родину.

Как и все беженцы из Крыма, Ольга сначала оказалась в Турции, далее воспользовалась возможностью попасть в Королевство сербов, хорватов и словенцев, принимавшее русских эмигрантов. На берег в Дубровнике она сошла буквально нищей — почти весь скудный багаж украли в Константинополе. С ней оставался ее голос, настоящее меццо-сопрано, однако не было громкого имени — такого, как у Надежды Плевицкой или Анастасии Поляковой. Талант позволял выжить, только если его помножить на упорство и смелость. Янчевецкая не потеряла ни того, ни другого. Летом 1921 г. при ее активном участии в небольшой русской колонии в Сплите образовался театр миниатюр «Шишмиш» («Летучая мышь»). Труппа ездила на провинциальные гастроли и была хорошо принята публикой. В Сплите Янчевецкая познакомилась с Юрием Азбукиным — бывшим адвокатом, добровольцем Белой армии, способным музыкантом. Азбукин стал ее спутником жизни и аккомпаниатором до конца дней. В 1924 г. они переехали в Загреб — там Янчевецкая пела в ресторане «Moskva», а в 1926 г. поселились в Белграде. Ольга

Сплит. Начало 1920-х гг.

Вместе с Ю. Азбукиным. 1968

получила ангажемент в эмигрантском театре «Би-Ба-Бо». Спустя год она уже выступала в ресторане отеля «Славия», что можно было считать признанием. «Публика с нетерпением ждала моего выхода в цыганском костюме, и как только я начинала по слогам “Ша-ра-бан”, все поднятые бокалы со звоном разбивались о пол, — вспоминала певица. — Смеясь, владелец ресторана говорил: “Госпожа Янчевецкая, производители стекла должны выдать вам особую награду и назначить пенсию”» [Димитријевић 2003, с. 69].

С 1934 г. Янчевецкая поет в «Казбеке» — самом престижном русском ресторане Белграда. Ее регулярно приглашают на радио выступать в прямом эфире, записывают на грампластинки. Ольга сочиняет собственные романсы и танго, издает ноты со своими песнями — и даже не думает почивать на лаврах: «Я совсем не воображаю, что смогу в этом году пройти так блестяще, как в прошлом. Хотя я самая модная и самая известная сейчас русская певица в Югославии» (запись от 11 сентября 1935 г.). Благополучие она связывает с непрестанным трудом: «Надо работать, работать и работать, и систематически, а там результаты сами появятся» (запись от 23 апреля 1936 г.). Профессиональный успех обеспечивает самостоятельность и независимость. «Свобода дает силу и дает великодушие. Я в это верю» (запись от 28 апреля 1936 г.). По словам внучки, Марии Янчевецкой, Ольга Петровна любила вспоминать, как поклонники в восторге бросали ей под ноги банкноты и драгоценности. На вопрос же, почему не накопила состояние, отвечала: «Надо было помогать людям. Не всем же русским без родины так повезло, как мне».

Ей хотелось заслуженного покоя и размеренной жизни где-нибудь на природе, но после ухода из «Казбека» Янчевецкая ненадолго оставила любимое дело: согласилась на театральные гастроли в Македонии, а осенью 1937 г. подписала контракт с владельцем белградского ресторана «Мимоза». Специально для этого заведения она сочинила одноименный романс, ставший одним из самых востребованных в ее репертуаре. В годы немецкой оккупации Югославии принципиально ушла со сцены, считая, что «во время войны не поют», а свои отказы объясняла тем, что после бомбардировки Белграда от страха потеряла голос. После освобождения страны и провозглашения народной республики Янчевецкая участвовала в добровольных концертах как в столице, так и в отдаленных селах. С 1948 г. она снова выступает на эстраде со своей программой — в белградском «Лотосе», «Имперiale», позднее в ресторане «Скадарлия», куда время от времени приходил ее слушать сам Иосип Броз Тито — президент Югославии и генеральный секретарь КПЮ.

О том, что ее муж и единственный сын не сгинули в огне Гражданской войны в России, Ольга Янчевецкая узнала, когда появился перевод романа Василия Яна «Чингисхан» на сербохорватский язык с краткой справкой об авторе. Она пыталась писать письма, сообщила о себе через племянника из Пинска. Но Михаил отбывал срок в ГУЛАГе, осужденный по доносу, а Василий Янчевецкий, скрывавший беду, случившуюся с сыном, предпочел не отвечать. Отношения СССР и Югославии в те годы безнадежно испортились. В 1954 г. знакомые прислали Янчевецкой вырезку из «Литературной газеты» — короткий некролог, сообщавший о смерти «известного писателя В. Яна». Приехать в Москву и обнять совсем взрослого сына, ставшего уважаемым архитектором, она смогла только в 1970 г. [Просветов 2017].

Даже в старости Янчевецкая удивляла современников непреходящей энергией и артистическим обаянием. Она ездила на гастроли, известные югославские режиссеры приглашали ее сниматься в кино, ученицы сами становились звездами. «Пусть это прозвучит нескромно, но мне удалось сохранить живой и динамичный интерес публики, что немаловажно в моем возрасте», — говорила она в интервью журналу «Эстрада» [Милић 1966, с. 12]. «Когда я в Белграде, в Союзе писателей, сказал, что хотел бы познакомиться с какой-либо цыганской певицей, — вспоминал переводчик Лев Гинзбург, — мне сразу в один голос назвали Янчевецкую» [Гинзбург 1981, с. 100]. На свое 85-летие Ольга Янчевецкая дала концерт в знаменитом зале Дома профсоюзов в Белграде (здесь проходили все крупные югославские музыкальные фестивали и выступления балканских и мировых звезд). «Легенда романса еще раз доказала, что годы иногда не берут свое, и она по-прежнему может радовать свою преданную публику», — писала об этом пресса. «Я люблю общество, молодой мир вокруг себя, люблю, когда я сижу за роялем и пою с гостями. Потому что песня — это моя жизнь. Вот почему я счастливый человек и не чувствую лет, — объясняла Янчевецкая. — И если бы мне не нравилась песня, если бы я не умела петь, то не знаю, жила бы вообще» [Radio TV revija 1975].

Текст дневников О.П. Янчевецкой публикуется по автографам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации при полном сохранении

особенностей ее стиля. В угловых скобках раскрыты сокращенные слова; переводы сербских слов и названий сообщаются в концевых примечаниях. При составлении биографических комментариев удалось найти сведения не обо всех упомянутых в дневниках лицах, и эта работа ждет своего продолжения.

Автор вступительной статьи благодарит М.М. Янчевецкую за разрешение на публикацию, переданные материалы из семейного архива и помощь в подготовке данной статьи и комментариев, а также М.Ю. Сорокину и И.Н. Антанасиевич за содействие в текстологической обработке и комментировании текста дневников.

Литература

- Гинзбург 1981 — *Гинзбург Л.* «Разбилось лишь сердце мое...» // Новый мир. 1981. № 8. С. 100–102.
- Димитријевић 2003 — *Димитријевић К.* Краљица руске романсе. Београд: Стручна књига, 2003.
- Јанчевецка 1975 — *Јанчевецка О.* Страница мог живота. Уз стоту годишњицу В. Јана // «TV новости» (Београд). 29.08.1975.
- Косик 2010 — *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010.
- Милић 1966 — *Милић Л.* Доајен романсе Олга Јанчевецка не предаје се // Эстрада. (Београд). 1966. № 11–12. С. 12–13.
- Просветов 2017 — *Просветов И.В.* Десять жизней Василия Яна. М.: Центрполиграф, 2017.
- Radio TV revija 1975 — Вечно свежа мимоза. Полавека на певачкој сцени // Radio TV revija. (Београд). 21.03.1975.

1909 год

9-го августа.

Какое счастье! Я получила от Васи чудесное ласковое письмо¹. Любимый мой, ты еще любишь меня, я нужна тебе, я могу еще жить.

Приехал на короткое время из своего имения дедушка². Был у меня с Колей, сыном от второго брака. Дедушка нашел, что я очень изменилась, похудела и с прежней ничего общего. Стала женщина.

10-го.

Великолепно спала и ела с аппетитом. Вот что значит получить такой живительный экстракт, как Васино письмо. Ни о чем не думаю и больше не мучаю себя сомнением. Все время стараюсь быть занята. Лягу и буду спать без просыпу до утра.

11-го.

Хорошо спала. Нашла свой дневник лета 1908. Написан на разных кусочках бумаги. Купила тетрадь, буду переписывать. Днем сегодня получила от Васи телеграмму: едет обратно. Боюсь верить, что скоро увидимся. Мы с Женей³ мечтаем об этом как о чем-то невозможном.

13-го.

Вчера не было ни минуты свободной. Весь день шила. Сегодня получила опять телеграмму, приедет не раньше 24-го. Безобразие. Боюсь, что искусственный покой мой нарушится огромным кошмаром. Взгрустнулось.

Женя прочла ужасный рассказ и даже всплакнула. Прижалась ко мне и вытирала слезы о мое платье. Перед сном любит она посидеть со мной на диване, крепко меня обнять, словно влюбленная. Задать обязательно такой вопрос, на который я никак ответить не могу. Удивляется она, отчего детей находят только муж с женой, а она найти не может.

15-го.

Сейчас одела кофточку, которую еще носила в дни службы. Она вся пропитана любимыми духами Васи. И вдруг сразу вспомнились те дни. Любовь, отчаяние и неожиданное счастье. Далеко-далеко все это.

16-го.

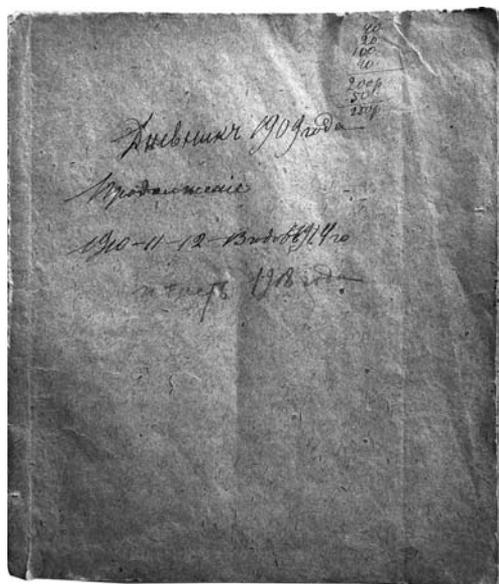
Была у княжны⁴. Много спорили. Она называет дураками тех, кто добровольно обрекает себя на вечную борьбу и непокой тем, что любит. Думаю, что и она попадется.

18-го.

Сосед на верхнем этаже играет на пианино что-то очень красивое. Возможно, свое, он композитор. Я сижу у открытого окна и читаю историю камелий, где упоминается о знаменитой Маргарите Готье и о ее любовнике Армане Дюваль⁵. Какая трогательная история. Я ее без слез не могу читать. Чудный, слегка влажный вечер, я положила голову на подоконник, закрыла глаза. Ветер тихо-тихо обвевает лицо, и кажется, кто-то нежно целует меня. Музыка громче и ясней. Я слышу в ней стоны и рыдания, а вот сейчас уже тоска и смирение. Как хорошо он играет. Неужели ничего великого впереди, смелого, самобытного? На сцену хочу я, прожить жизнь бурную, блестящую, красивую. А то что это? Жена воспитателя гимназии, казенная квартира, насиженный угол, отложенный пансион на черный день. Неужели Вася смирится? «Ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют»⁶. Нет, ничего не надо, что это я, неблагодарная.

19-го.

Днем получила от Васи письмо, а сейчас телеграмму. Приедет 21-го. Не верю своим глазам, послезавтра будет здесь. Ужели я вздохну от всего пережитого, даже не верится. Мир всему, что было пережито.

Обложка дневника 1909–1914 гг. (страницы с записями после октября 1910 г. утеряны)

15-го сентября.

8-го переехали на казенную квартиру в I-ую гимназию по Ивановской у<лице> (Целый месяц не писала ничего. С приездом Васи много занятого времени, и как-то отодвинулись на задний план личные переживания.) Переехав, попали в ад. Квартира ремонтировалась при нас. Сырость от клея, вонь от краски (две комнаты выкрашены вместо обоев масляной краской). Холод и грязь. Все злило и раздражало. Теперь понемногу привожу все в порядок. У нас четыре комнаты, одна Женина, вход в квартиру со двора, но светло и, главное, тепло. Идем сегодня в Малый театр. Премьера «Звезда нравственности»⁷. Играет Тарский⁸.

Приехала сестра Васи, Леля. Привезла маленькую Лелю в институт⁹.

21-го октября.

Опять ничего не писала месяц. Все с делами вожусь, хозяйством и Васиным транжирством. Женя меня очень любит. Славная такая девочка. Мы завели себе ручного кролика. Какой славенький, точно снежный комок бесшумно катится из одной комнаты в другую. Гарик сегодня дежурит в пансионе и ночует там¹⁰.

Вчера мы были у Гриневской Изабеллы, с которой познакомились в театре Александринском, где шла пьеса ее перевода, «Мертвый город». Она уже старая женщина, но вся полна молодых идей и стремлений вперед¹¹. У нее в квартире, как у настоящей поэтессы, поэтический беспорядок. Завтра она будет у нас. По пятницам мы принимаем.

28-го.

День идет за днем. Вася работает как вол. День в гимназии, вечер в редакции. А Маша все по-прежнему неряшлива, ничего поделать с ней не могу. Сейчас швырнула в нее яйцами, которые она мне подала опять крутые, а я сто раз уже прошу ее не переваривать. Ой, как я сейчас зла.

31-го октября.

Были в Малом. Вернулись с головной болью. Ну и пьеса. Шла первый раз, «Человек». В первом действии землетрясение, беготня, крики. Второе: качка на море, беготня, крики. 3-тье: кораблекрушение, крик <сплошь>. 4-ое: крики голодных на необитаемом острове. До конца не досидели. Видела Терехову. Миллионерша, для каждой премьеры новый костюм и серьги. Сегодня были дивные изумруды. Позавидовала. Мой любимый камень.

2-го ноября.

Сегодня выпал первый снег. Проснулась с приятным чувством выпавшего человека. В окно светит солнышко, его давно не было. Сейчас идет снег, но солнца уже нет. Мне предложили поучаствовать в благотворительном концерте. Не знаю, петь ли? Вася очень хочет.

4-го.

Сегодня год с тех пор, как мы поехали первый раз с Васей вместе на Осеннюю выставку. Эта же выставка открылась сегодня¹². Но Вася поехал один. Я нездорова, и нельзя встать с постели. Как часто, однако, я больна. Мне заказали меховое пальто и теплые боты.

6-го ноября.

Была у доктора, велел делать впрыскивание мышьяку¹³. Зашла к тете Соне и затащила ее к себе. Бедняжка теперь очень нуждается. Продажа товара в магазине не покрыла всех долгов, и пришлось даже квартиру распродать. Живет в комнате, ищет место. Сама ко мне не идет, насилу уговорила. Я ее очень люблю. Во-первых, за то, что она очень хорошо играет Бетховена, а во-вторых, у нее чудный характер, веселый, живой, и она большая умница. Сегодня очень хороший день, ясный,

морозный. Я много ходила и бодро себя чувствовала, но сейчас сводит ногу и болит сердце. Вася на дежурстве в редакции. Интересно, останется ли «Россия» на будущий год.

14-го.

Вчера был литературно-музыкальный вечер в гимназии. Я пела. Все мне шумно аплодировали, и я еще спела на бис несколько романсов. Много говорили о моем голосе, никто не подозревал, что такой большой и красивый, удивляются, отчего не учусь. Подарила мою гитару гимназисту 6-го класса пансионеру Константину Иванову. Он был очень рад, а я не менее тем, что доставила ему нужное. У него здесь нет родных, он всегда такой грустный.

Сейчас уже 6 часов, а Васи все нет с дежурства.

16-го.

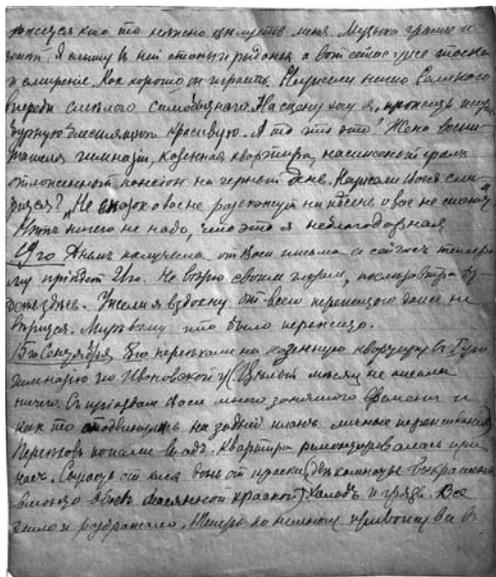
Сегодня вместо заболевшей Лукерьи мне из конторы прислали совсем деревенскую девушку. Презабавная. Я к ней обращаюсь на «вы», а она мне отвечает «мы». Опять повышенная температура, нельзя выходить на улицу. Выкупила Васе золотые часы и свои брошки. Еще надо выкупить заложенные за 250 р. соболя (муфта и большой палантин). Сейчас Вася в редакции. Сколько он работает, ужасно. Я делаюсь скупой. Все впустую куда-то уходит. Я его совсем не вижу, только урывками. Хорошо бы взять сюда младшую сестру мою Анечку, а то Женя все время одна, это нехорошо. Запретила ей много читать. Тоже вредно.

18/XI.

Сосчитала, сколько у нас долгов. Больше 2-х тысяч. Это еще от Моро осталось наследство¹⁴. Высчитала, сколько можно выплачивать каждый месяц. Вася поссорился с Грассом и хочет ему не подавать руки¹⁵. Старые счета. Боюсь, чтобы не было серьезного недоразумения.

21-го ноября.

Мы опять переехали на другую квартиру, тоже здесь, в гимназии. Та оказалась сырой, здесь сухо и потолки выше. Больше никуда не поеду. Надоело устраиваться. Ведь все хлопоты по перевозке на мне, ужасно утомительно. Директор Е.И. Ветнек¹⁶ прислал нам на новоселье торт, я очень тронута его вниманием. На днях он женился на немолодой даме, бывшей начальницей

Страница дневника
с записями за сентябрь 1909 г.

гимназии в Кишиневе. Я еще с ней не знакома, говорят, очень симпатичная дама и умница.

Завтра ровно год нашей совместной жизни. Была тетя Соня. Предложили ей поехать в Екатеринославль к П.Е. Хмелевскому¹⁷, он теперь там редактирует «Приднепровский край» и может взять ее вместо секретаря, она ведь очень деловая дама.

25-го.

Вчера Вася и я пили вечерний чай в кабинете, как и в прошлом году, когда я приходила к нему. Ели виноград, обварив его кипятком. Было хорошо и тепло на душе. Как редко это бывает. Всегда я одна. Зачем ему такая масса дел? Можно бы что-нибудь бросить. Я очень прошу его оставить пансион.

1910 год

9-го января.

Как давно ничего не писала и не знаю, с чего начать. Прежде всего отдала Женю в закрытый пансион. Трудно было уговорить Васю. Ему казалось, что я хочу это сделать с недобрыми чувствами. Я объясняла ему, что девочке не место сейчас здесь, раз нет у нее сверстницы и бонны. Она видит многое, чего не должна видеть, и слышит тоже немало. Вообще, за последнее время из-за Жени было немало неприятностей, но сейчас, слава Богу, тихо.

7-го февраля.

С 15-го января занимаюсь пением и музыкой. Женя в пансионе чувствует себя хорошо, ей весело. Порозовела и пополнила. Я получила от сестры Анечки письмо.

25 марта.

На время оставила уроки пения, занимаюсь танцами. Разучиваю с Е.Э. Бибер «Менуэт»¹⁸. Ее посоветовал Козлянинов, балетный критик «Нового времени»¹⁹. У Васи с Сигмой недоразумения, и он третирует Васю²⁰. Мне это очень больно. Вася какой-то странный человек. Иногда я начинаю его критиковать и даже боюсь этого. Он слишком податлив, в нем мало сопротивления.

Открылась выставка картин импрессионистов «Треугольник»²¹. Вася выставил кое-какие свои картины в отделе писателей. Я очень люблю его картины. Ему очень удаются полутона серых петербургских дней и белые ночи. Его картины многим нравятся. Там же выставил кое-какие иллюстрации к своим сочинениям Н.Н. Евреинов, Васин приятель²². Но настоящие импрессионисты морочат публику. Познакомилась со странным Бурлюком²³, который долго объяснял мне, каким образом море кажется ему розовым, а лошади голубыми и почему «Портрет сестры» больше похож на гнилой апельсин, чем на человеческое лицо. Предложил нарисовать мой портрет. Я убедила его, что не достойна этой чести.

Стоят чудные дни весны. Завтра хочу к маленькой Леле, возьму ее из института, а к Жене поеду в субботу. Она очень хорошо учится и ведет себя лучше.

На душе тяжело. Хочется уехать подальше от дрязг и долгов. Написала маленькую повесть, где описала свои мытарства 1907 года, назвала «Письма к девушкам». Послала в «Приднепровский край». Напечатали. Произвели целую сенсацию. Масса отцов и матерей посещали редакцию, расспрашивая, правда ли все это. Издатель Копылов очень просил еще что-нибудь в этом же роде. Получила гонорар 68 р. с коп.

Вася сильно кашляет, но никак не уговорить его пойти к доктору.

31-го марта.

Была сегодня у Васиной приятельницы К.Ф. Рупрехт²⁴. Она знает его еще очень молодым, до женитьбы на Моро, очень к нему расположена, со средствами и часто помогала Васе временными ссудами. Давно он взял у ее процентную бумагу 400 р. и заложил ее. По этому делу я и была у нее. Там же познакомилась с хиромантом, который предсказал мне полную перемену жизни на 24-м году, и материальную, и сердечную. От первой не откажусь, а вторая не дай Бог. Опять ломка жизни. Вспомнила Толю. За что я его гнала, кричала? Стыдно вспоминать, как вела себя позорно. Фу! Когда же удастся выплатить все прежние долги? Учю теперь испанский танец. Он гораздо интересней и больше мне по духу, чем менуэт.

1-го апреля.

Гимназисты в саду играют в лапту. Им очень весело. Счастливец, кто молод и весел. Теперь я никогда не смеюсь.

4-го ночью.

Была сегодня у княжны Ольги. Она вышла замуж и, конечно, очень любит своего мужа. Так всегда. Фамилия ее Пальмова. Он врач, она тоже медичка. К сожалению, его не было дома. Она говорит теперь, что была не права раньше и что любовь — большее счастье.

Была сегодня на выставке князя Гагарина²⁵ в Академии художеств. Много копий со старинных картин из Лувра, много своих собственных этюдов Крыма, Кавказа, Италии. Дорогой мой Гарик, как мало я тебя вижу. Все время занята.

7-го апреля.

Больше недели стояли солнечные дни, а сегодня небо заволокло и началась петербургская весна. Была Бибер. Выучила последнюю часть испанского танца. Митя прислал письмо, собирается приехать на Фоминой²⁶. С понедельника возмимся с уборкой квартиры. Моя новая прислуга Элеонора выставляет окна. Когда еще я жила у тети Сони, Элеонора служила у нее, и теперь я ее охотно взяла, она очень аккуратная. Машу пришлось отпустить. Произошел маленький эпизод. У меня ночевала сестра Васи Леля, вышла на кухню за водой и, возвратясь, сказала, что ей послышался мужской голос. Я не поверила, зная Машу, поднялась на антресоли и действительно увидела полураздетого мужчину (Маша на минуту куда-то вышла). Когда она вернулась, я попросила ее расстаться со своим другом и ночью не приводить, так как я не знаю <его> и не могу быть спокойна. Она

обиделась и ушла вместе с ним ночью, а утром забрала свои вещи. Не понимаю, отчего она раньше мне не сказала о своей связи, я ведь ее очень любила, но все вышло из-за Лели, которая всегда меня предостерегала, и мне не хотелось при ней переговорить с Машей. 9-го будет месяц, как она ушла от нас.

Вася на дежурстве в гимназии, а завтра в редакции. Он думает поехать на пасхальные каникулы куда-нибудь отдохнуть. Написала брату Сереже во Владивосток письмо. Когда думаю о нем, всегда болит сердце. Он какой-то несчастный, неудовлетворенный, ненавидит военщину, а должен служить, потому что получил образование в корпусе, не было средств на гимназию²⁷. Какой он умница, а какой красивый, что за глаза.

15-го.

Читаю дневник Башкирцевой. Конечно, она не могла долго жить²⁸. Опять простудилась, сижу дома. Вася стал собирать марки. У него вообще страсть коллекционера, собирает еще монеты. На праздники он никуда не уехал. Взяли Женю до 26-го.

19-го апреля.

Второй день Пасхи. Вчера Вася целый день делал визиты, я была дома. Много купила разных яств и красиво убрала дом. Массу цветов прислал отец Васиного ученика Кампинского из царской оранжереи в Царском Селе. Вася дежурит в пансионе, он очень любит детей и доволен, но я ненавижу этот пансион. Всегда одна.

21-го, среда.

Утром так крепко спала, что не слышала, как Вася вернулся с дежурства. Это первый раз со мной. В 1 ч<ас> ушла с Женей в гимназический сад. Видела гимназиста 8 кл<асса> Кузнецова, все со своей словесностью бродит. Иванов тоже зубрит, готовится к экзаменам. Сидела на солнышке. Читала «Злой дух» Авсеенко²⁹. Женя бегала. Пришел Вася и с взрослыми учениками стал играть в футбол. Раскраснелся, таким я его никогда не видала.

Пришла m<adam> Marie, надо заниматься, но погода так хороша, что вместо урока после завтрака поехали в Летний сад. Народу много, но зелени еще нет. Сейчас XI ч<асов> вечера. Вася приходил за ночной рубашкой, он дежурит. Опять болит горло. Как хотела бы я быть богатой. Я делала бы всем добро и прожила интересную жизнь. Путешествовала бы много.

2-го мая.

Вчера были на Коломяжском шоссе, видели авиаторов³⁰. Летал Моран, Эдмонд, Христианс, Винцерс. Должна была летать де Ларош, но отказалась, а Попов как поднялся, сейчас же упал, сломал аппарат и ранил нескольких человек. Лучше всех летал Эдмонд и взял приз за продолжительность. Вася был с учениками, а я приехала в другом поезде и его так и не нашла. Со мной был самый маленький ученик Молчанов, его все очень интересовало. Народу было очень много, несколько тысяч.

Купила сегодня билет на 6-ое и еду в Севастополь. Нужно поправиться, сильно нервничаю и худа. Была у Клары Федоровны, мы с ней давние друзья. Она подарила мне хорошенький чайничек. Знает, что люблю хозяйственные вещи.

8-го мая, Севастополь.

Хотя очень устала и еле дышу, но хочется черкнуть несколько слов. 6-го утром Гарик проводил меня в Крым, и вот уже приехала и устроилась у мамы. У нее была свободная комната, солнечная и большая, я ее взяла. Сейчас только что вернулась из городского театра. Водила сестер и маму. Ставили «Мирра Эфрос»³¹. Сильная пьеса. Наташа все время повторяла ее слова.

Накануне отъезда были с Васей на «Шантеклере». Ерунда. Масса денег затрачено на постановку. Остроумие какое-то дешевое. Ростан мог бы создать что-то более шалостливое. Жаль автора «Принцессы Грезы». Музиль-Бороздина очень хороша, Глаголин, Валерская³². Все мои любимцы. Больше писать не могу. Совсем сплю.

9-го.

Послала Васе, Жене и брату Коле письма. Видела комету Галлея, здесь хорошо видно, громадный хвост. Убрала комнату. Наташа спит со мной, но на другой кровати. Ела сегодня много овощей. Приятно. В нижнем этаже справляют крестины и веселятся по-старинному, с песнями, криками, танцами. Ну и здорово. Погода хорошая.

10-го.

Сестра Наташа принесла мне сирени и акации. Говорила с мамой о сестрах. Не нравится мне, что они вместо подходящих им занятий моют полы и возятся с младшими детьми от второго брака. Отчим — не интеллигентный человек, признает только физический труд, и потому он здесь не помощник. А мама? Что о ней говорить. Грустно. Можно ли было выходить замуж так глупо, имея взрослых детей, и этим выгнать их из дому, а младшим ничего не дать. Что могу я сделать, чем помочь? На столе у меня расставлены карточки Васи, так трудно глядеть на них.

11-го мая.

Получила от Васи письмо и телеграмму, посланную 8-го. Она лежала уже 2 дня на почте, я не знала. Мама усиленно хочет, чтобы я взяла к себе сестер. Легко сказать. Ведь своих у меня денег нет, а на Васины могу ли я рассчитывать? У нас и так много трат. Я, конечно, попрошу его. Но старая история. Маму всегда звали кукушкой. Была у тети Лели, двоюродной маминной сестры Зубковой. Она рассказывала, что мама совсем омещанилась, не поверишь, что когда-то была барыней. Странно, как легко и скоро.

12-го мая.

Сегодня послала Васе письмо. В доме крик, шум, спор, все кричат, начиная мамой и кончая маленьким 2-летним Мишей. Славный мальчик, умница, и как

забавно говорит, с ним не скучно. Вот если бы такого сына дал мне Бог, как бы Вася был счастлив.

14-го.

Переехала, не выдержала общего крика. С мамой все время недоразумения. Наняла комнату на Нахимовском, с балконом. Только бы дождаться Васеньки. Беру морские теплые ванны.

15-го.

Вчера была в театре, видела «Холопы»³³, которых не удалось посмотреть в Александринке. Сейчас вернулась с бульвара. Ужинали со знакомой дамой и ее мужем. Много смеялись. Румыны играли родные модные танцы и вещицы. Я довольна.

Получила от Васи удивительно холодное письмо. Неужели только обязательная пошлая напыщенная любезность супруга, а не открытые нежные отношения любящих? Обидно. Смешна моя любовь. Чудная теплая ночь. Несмотря ни на что, я люблю его больше всего на свете, даже больше сцены, но он меня не любит. Вблизи, около него, я забываю это, но здесь одна. Я чувствую это. Он не любит меня. Любит меня Толя, а я чем отплатила!

21-го.

Получила от Галочки — Васи письмо, ласковое-ласковое. Как я счастлива! Целый день провела у тети Лели, она играла когда-то очень хорошо на рояле, сейчас же больна, все время в постели, но все же я уговорила сыграть для меня Шопена. Я плакала. Опять захотелось в какой-то другой мир, что-то сильного, смелого самой творить...

26-го мая.

Получила от Васи деньги. Отнесла часть маме. Совсем расстроилась в разговоре с ней. Была на днях с мамой на бульваре. Встретила знакомого, который еще знал меня в 15 лет и задним числом пожалел, отчего он на мне не женился. Я только плечами пожимала. Разве я когда-нибудь за него собиралась?

31-го мая.

Нет писем. Настроение ниже нуля. Масса предположений и опасений, подожду до завтра и pošлю телеграмму. Отчего не пишет, что с ним. Никого не вижу и не хочу видеть.

1-го июня.

Какое сегодня чудное утро, ясное, тихое, ласковое, а мне грустно. Когда я связала мою жизнь с Васей, с тех пор я узнала счастье, святое счастье. Узнают ли когда-нибудь его мои сестры и братья? Как тяжело мне бывать у них. Какая тяжелая их жизнь. Приехал Колечка-кадет, у него, оказывается, ревматизм, его надо лечить, а денег нет. Я плачу, плачу горько и ничем не могу помочь. Я не видала Колю 6 лет. Из мальчика он стал юношей, высокий, немного горбится. Красивые

глаза, похож на Сережу. Ах, если бы у меня были деньги. Хорошо, если Коля не будет офицером и ему удастся поступить в специальное учебное заведение³⁴. Я могу давать ему обед и, если хватит места, будет жить у меня.

3-го.

Вчера у меня были Коля и Наташа. Я угостила их чаем с пирожными. Опять говорили о маме и об общем семейном горе. Давняя история, и не хочу сейчас об этом думать. Купила себе зонтик зеленый и шелковые чулки того же цвета к белому костюму. Хочу Галочке понравиться. Если все будет благополучно, то через три дня она приедет.

Не могу собраться написать что-нибудь. Все время занято с Васей. 7-го приехал он. Побывали, конечно, у всех родных и 11-го на пароходе поехали в Батум, но, начиная от Херсонесского маяка, стало так невыносимо качать, что я как пласт лежала в каюте. В Ялте, пока стоял пароход, сошли на берег, наскоро съела что-то в городском саду и опять в каюту. В Анапе упростила Васю сойти на берег. Остановились в гостинице «Россия». Самая большая, но что за грязь. Пароход к пристани не подошел, и нас доставили на шлюпке на берег. Извозчиков не было. Какой-то подозрительный человек взял наш чемодан и отнес в отель. Ночь, увы, не прошла спокойно, некие жители стен и кроватей не давали покоя, и до утра проворочались без сна. Утром пошли знакомиться с местностью. Анапа — маленький курорт, чистенький, светленький, очень хорошее купанье. Маленькие беленькие домики, улицы обсажены акацией. Все дачники чувствуют себя как в деревне. Ходят дамы в капотах, детишки бегают босиком. Уютно.

15-го.

Утром поехали дальше на лошадях степью, до станции Тоннельная. На нас напала целая туча цикад. Нескольких я словила и спрятала в коробочку от спичек, чтобы отвезти домой. В Новороссийске сели на пароход и вот сейчас в Новом Афоне. Окружающая красота восхищает меня. Тропическая растительность. Масса пальм, кактусов, померанцевые деревья в цвету. Олеандры одуряют запахом белоснежных цветов. Чудный вид открывается с Иверской часовни. Вася сделал несколько рисунков с натуры. Ужасная жара. Монахи кормят чудными маслинами и рыбой. Завтра едем в Сухум лошадьми. Я очень счастлива, что наконец он только мой. Вечером мы идем на берег моря и долго сидим там, прижавшись друг к другу крепко-крепко... От маяка к берегу бежит золотистая змейка, тихо плещется волна о камни. Так тихо и как хорошо нам...

18-го.

Сухум мне очень нравится. Красивая набережная, но еще лучше Ботанический сад, какая масса интересных растений и пальм, пальм без конца. Но лучше всего персики. Ах, какие персики! В Питере и не знают таких. Я целый день объедаюсь фруктами. Гостиницы плохие, как и везде. Купила восточную материю для капота. Собираемся домой.

30-го июня.

Из путешествия вернулись 22-го и сейчас уже живем на даче в поселке Ольгино. Здесь все песок да сосны и чудный воздух. Купили на выплате землю 900 кв. саженей, 3000 р. Сегодня Вася не ночует здесь, а в городе. Мы с Женей и Элеонорой живем втроем. У нас есть две маленьких собачки — фоксика Боби и Таби. С ними проводим целые дни. Много гуляем.

4-го июля.

Сегодня мы городили свой участок сами, вырубали маленькие сосны, пилили, делали колышки, вбивали в землю и набивали поперечные перекладины. Вся Лахта собралась посмотреть, как «господа» работают, и особенно сами рабочие. Отняли мы у них хлеб. У Васи все руки в мозолях, а я так засорила себе глаз, что вот уже несколько часов не могу без боли открыть его. В пятницу 2-го вечером уехали в город. Вася выпускал номер, я была с ним в редакции до 4 ч<асов> утра, пока не кончились работы. Ночевали в разоренной квартире без подушек и одеял, по-походному. Утренний кофе пили у Филиппова³⁵. Вася все время занят своим журналом, который он думает начать издавать с осени. Я предсказываю ему провал этого издания. Вася не практик, а фантазер, и издателем ему быть не годится. Он же обещает подарить мне к весне автомобиль. Думаю, ничего, кроме новых долгов, не будет.

19-го.

На именины получила от мужа брильянтовую маркизу с сапфиром. Не знаю почему, но часто вспоминаю тетю Соню, мою комнатку и жизнь нашу с ней. Как дружно мы жили. Помню однажды такой случай. Настроение адское, тоска, все надоело. Ни играть, ни петь не хочется и никого видеть. Пришли знакомые, мы их не приняли. И вот решили кутнуть вдвоем, послали Элеонору за бутылкой «Редерера», фруктами, фисташками разными. Одели на себя простыни вроде тоги, разлеглись на ковре, пили за счастье и любовь, декламировали стихи. Потом тетя Соня села за рояль, а я танцевала что-то вроде античных танцев. Да мало ли разного было. Все было еще впереди, много впечатлений, страданий и чего-то нового, захватывающего, а замужество казалось последней ступенью жизни. Нет! Прожить жизнь тихо, спокойно и однообразно не могу, не в силах. Должно быть что-нибудь, к чему бы можно было стремиться. Сцена. Ах, сцена! Толпа, блеск-грязь и интриги. Но побороть все, идти вперед подальше от рутины. Но как начать? Нет уверенности.

22-го июля.

22-ое! Право, эта цифра больше не трогает меня как раньше. Отчего? Разве я разлюбила его или он? Не знаю. Мне как-то пусто. Вероятно, на меня плохо действует беспорядок на городской квартире и отсутствие уюта здесь. Уют — необходимое для нервного человека. Хотя не знаю, может быть, и нет. Ну конечно, нет, как кому нравится. Не знаю, что, собственно, настраивает меня на такой минорный тон. Хочется уйти подальше от домашней суеты, долгов, платежей, трат.

Забывать о Жене, о ее воспитании. Иногда не знаешь, с какой стороны к ней подойти. Ее самое большое желание — стать красивой и кончить гимназию с золотой медалью. Второе ей очень легко, а первое невозможно совсем. Она вся в мать, а мать была некрасива. Время покажет.

Ну а Вася? Ему не сидится на месте, он набрал 10 мальчиков и возится с ними, обучая по системе Баден-Пауля, английского генерала, разведчеству. Ну да все равно, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Ему дома скучно. Хотя я не совсем права. Он предприимчив и жизнерадостен. Его все интересует.

Мыла голову себе и Жене. Мои косы стали значительно тоньше, хотя и теперь еще ими восхищаются. До болезни они были рыжеватые с золотым отливом, теперь потемнели. Девочкой была я забавна. А какая была веселая, всех заражала своим смехом. А Толя меня любил. За что? Никогда не забуду, как иногда, зная, что у меня нет ни копейки, он мучился, не зная, как предложить мне деньги, и только. Когда мы входили на темную лестницу моего подъезда, он быстро доставал заранее приготовленные деньги и, протягивая их, говорил: «Оля, милая, возьмите, прошу вас, они все равно уйдут без пути, на “Аквариум” или что-либо в этом роде, они мне не нужны. Я получил их случайно!» Может быть, и так. Я брала с просьбой отдать, когда будет возможность. Я знала, что имею возможность отдать из денег, которые получу по совершеннолетию. И знаю, Толя помогал мне, как это сделал бы брат мой. Он был хороший, остался ли он таким? Уже три года мы не виделись, да, верно, и не увидимся никогда. В марте 1912 <года> пошлю ему 85 р., взятые в разное время, и все кончено. У него останется на всю жизнь мнение обо мне как легкомысленной и заурядной натуре, а я буду его вспоминать с тоской и благодарностью.

26-го.

Была в городе 23-го. Вернулась 24 вечером. В Ольгино сгорела дача и другая 25<-го> загорелась, но ее отстояли энергичные пожарные добровольцы. Была целая история из-за моей золотой цепочки, которую я оставила дома. Женя взяла ее, пошла на улицу. Играя, она уронила ее, и только что хотела поднять, как какая-то прислуга схватила и убежала. Хозяйка наша все это видела, бросилась за ней бежать, потом подбежал дворник и Элеонора. Похитительница вбежала в дом и отказать отказалась. Пришлось обращаться к власти урядника, который и вернул мне ее в целости. Женя получила, конечно, по этому поводу соответствующее внушение. Но хорошо то, что хорошо кончается.

Вася сегодня уехал в город и завтра вернется. Целый день шел дождь. Порола платье и рассказывала фантастическую историю. Ходили за грибами, варили похлебку с картофелем, маслом и сметаной. Сейчас очень дурила. Танцевала разные танцы под граммофон. Женя и Элеонора в восхищении. С Васей как-то разошлись. Его долгое отсутствие всегда меня легко отучает от него. Совсем я не женщина и боюсь мужских ласк. Какою дикою я становлюсь. А ведь я люблю только его. Я знаю, что, если когда-нибудь сойду с кем-нибудь, разобью всю жизнь. Иногда мне кажется, что Вася слишком мало времени уделяет мне одной, не то что дому, а именно мне. Хочется посидеть с ним, поговорить, как на Кавказе,

и чтобы никого не было. Я точно Женья. Холера опять увеличилась, и надо быть очень осторожной³⁶.

7-го августа.

Сегодня Вася не вернулся из города, хотя обещал. Мы ждали его до Х ч<асов> вечера. Обед перестоялся, и не хотелось ничего есть. Ходили на станцию. Грустно. Завела граммофон. Как хорошо поет Панина Варя³⁷. А ведь настанет время, когда он никогда не придет. Возможно ли это? Обручальное кольцо на моей руке кажется мне случайным гостем, а лицо осталось девичье, тот же полунаивный, полугрустный взгляд больших глаз, тот же нежный изгиб полукрытых губ. Васина страсть пугает меня, я бы хотела больше нежности, больше ласки, а страсть — это грубо, и в этом нет любви.

Завтра воскресенье. В Петербург переехала жить сестра Васи Леля из Ревеля, поближе к своим девочкам, они учатся здесь в институте. Как быстро темнеет. Опять простудилась и хриплю. Вася еще больше занят, чем в прошлом году. Он будет издавать журнал. У меня появились какие-то припадочки злобы, вернее, истерии. Что я могу сделать с этим, как бороться? На днях я была в «Аквариуме» с Васей и Н.И. Дмитриевым³⁸. Скучно и скучно. Больше не пойду. Певицы без голоса, шансонетки худы и некрасивы, мужчины пошлы и не остроумны. Тоска. Правда, ужин был великолепный, достали мое любимое вино, розовый мускат. Мне хотелось кричать громко и плакать, что не то, не то я делаю, что чувствую себя неудовлетворенной. Любви мало. Может быть, жить нельзя мне. Иногда Вася кажется мне неискренним и двуличным. Иногда я очень страдаю.

9-го августа.

Вчера была очень хорошая погода, мы ходили далеко по полотну железной дороги. Ждали Лелю с детьми, но она не приехала. Ходили долго близко от моря, но к самому берегу попасть не могли, между нами и берегом топкое болото. В одном месте отважно решились перескочить по кочкам, но, пройдя несколько шагов, попали по колено в грязь и еле выбрались. Васик уехал в город, он полон забот о своем журнале, который назовет «Ученик»³⁹. Дай Бог ему успеха.

10-го августа.

Ждем Митю со дня на день из Персии⁴⁰. Пишу детскую повесть «Миша Збруев» для журнала⁴¹. Писательницей сделалась. Наняла работника корчевать участки. Масса торфа. Кашляю, насморк, горло болит. Куда гожусь?

2-го сентября.

Я давно не писала, как всегда, когда у меня много дел, впечатлений и перемен. С дачи переехали 15-го августа. Элеонора уехала 14-го вечером, чтобы кое-что прибрать. По приезде несколько дней сутолоки, мытья и перестановок. 20-го послала маме письмо, где написала, что я решила взять сестер к себе. Вася все время занят со своим журналом. Корректуры, наборы, оттиски, клише кишат на его столе. 26-го слегла в постель. Сильная ангина. 40 гр<адусов> темпер<атура>, по

ночам мучительно болят ноги. В горле раны, вокруг распухло. 24-го утром приехали сестры, и через несколько часов приехал Митя, что совсем не устраивало. Некуда было всех уложить, но Митя переехал к Леле 31-го утром. Женю отвезла в пансион сестра Наташа.

1-го сентября вышел № 1 «Ученика», чему я очень рада, гора с плеч. После болезни я сильно похудела и слабость, но все равно нужно работать, дел масса. Сегодня Анечка тоже заразилась, от меня, но, слава Богу, в легкой форме. Состояние духа странное. Душно и тесно, точно мыслям негде поместиться, голова лопается от дум. С приездом сестер заботы увеличиваются. Васи почти никогда нет дома. Вот список занятых часов.

Понедельник от 12 до 2½ уроки. В 3 ч<аса> редакция, от 5 до 8 спит, от XI до 4 утра редакция.

Вторник своб<оден> от уроков, к 12 в контору или типографию. В 2½ обед и сейчас же редакция, в 5 на дежурство в пансион до 8 утра среды.

Среда. Уроки от 12 до 2½, в 3 ч<аса> в редакцию до 5-ти, с пяти дежурство.

Четверг. Уроки с 12 до 2½, в 3 ч<аса> редакция до 8 ч<асов>, с XI до 4 ут<ра> редакция и т. д.

7-го сентября.

Вася дежурит и ночует в пансионе. И так тоскливо. Нужно ловить каждую минутку, чтобы перекинуться с ним одним словом. Была у Клары Ф., зашла мимоходом. У нее так уютно, люблю посидеть немного, подальше от своих забот. Все у нее так красиво, и сама она такая воспитанная, приветливая. Она — бывшая фрейлина великой княгини. Зашла к инспекторше Марковой. У нее свое горе, муж изменил ей. Уже старый человек. В гимназии сама добродетель и строг ужасно, педант, а втихомолку сошелся с какой-то девочкой. И всегда так. Ох, не верю я светской добродетели.

Скучно все. Сестренки поведу на экзамен в гимназию Стеблин-Каменской на Литейном⁴². Дорого там, 200 р., но мне как жене преподавателя сделают скидку. Сколько трат! Журнал печатается, и каждый номер изрядно стоит, но окупится ли, еще большой вопрос. Боюсь, что только одни долги принесет он, но разве Васю уговоришь.

От ангины стал какой-то хриплый голос. Опять не занимаюсь. Когда же буду я учиться?

8-го. Среда.

Когда гляжу я на фотографию Толи, я вижу в ней далекое, но родное, когда же гляжу на Васю, то, наоборот, это близкое кажется мне чужим. И странно, отчего это так. Мне кажется, что здесь я не друг и помощник, а только жена-домоседка, хозяйка, не больше. И странно, почему. Казалось бы, я больше всех других соблюдала бы его интересы. Ведь сердце любящей женщины много подсказывает. Но в жизни все так загадочно. Что нам недостает? Его откровенности. Всегда молчит, спросишь о деле — старается двумя словами ответить. У меня же слишком откровенный характер, меня гнетет всякая утаенная мысль.

Какой беспокойный двор! Гимназисты все время орут, трубят, а церковь Синода не дает покоя. И утром, и днем, и вечером перезвон колоколов, да так громко, что нельзя в комнате разговаривать друг с другом, ничего не слышно. Вася ушел с учениками в Летний сад. Неужели вся жизнь пройдет так, в ожидании чего-то великого. Всегда ли это так, или у меня нет предела желаньям, и ничто не удовлетворяет, все не то, не то и не то. Как неудобно, что нет здесь ванны, после бани я всегда простужаюсь. На Адмиралтейской было лучше. Ах, всегда кажется лучше там, где нас нет. Если бы я могла выразить словами мысли мои такие беспокойные и неуловимые.

14-го сентября 1910 года.

Начала лечить зубы себе. Действует на нервы. Хотели сегодня поехать за город, но опоздали на 12-час<овой> поезд, а следующий только в 2 ч<аса>, не было бы времени вернуться. Поехали в Зоологический сад и видели там опаршивевших и забитых зверей в ужасном виде. Несчастные. Жестокие у нас нравы. Какой порядок, гигиену и удобство видела я в Вене в Зоологическом саду. Каких только птиц и зверей там не было, и все живут в привычной для них обстановке, в соответствующей температуре. Я восхищалась. А у нас всякий знает, что значит «Зоология», просто кабак-шантан.

Читала «Воскресение» Толстого. Какие нравы, какова любовь. Да нет любви там, где ложь, обман. В воскресенье была у Жени. Она очень соскучилась без меня, а главное — без сладкого. В субботу возьму ее домой. Пришли вещи сестер, а в них моя детская книга «Ясное солнышко»⁴³. Чудная книга. Как любила я ее перечитывать по несколько раз. У меня на столе стоит много Васиных карточек. Он хороший, добрый, он единственный, но он меня не любит. Возможно, я не понимаю, не знаю настоящей любви, но я хотела бы, чтобы он любил меня так, как я его. Но, возможно, я не права. Просто когда его нет, мне в голову глупости лезут. Да ведь Христос сказал: «Какая вам заслуга, если вы любите любящих вас?»⁴⁴ Надо любить всех, отказаться от личного счастья. Но это ведь нелегко. Эгоизм, себялюбие, чувство собственника во мне очень сильно развиты. А все-таки нужно, иначе всегда будешь чувствовать себя неудовлетворенной. Вот Вася, он всех любит вообще и никого в частности. Все у него хорошие, а я, наоборот, выбираю и очень трудно наделяю своей любовью, но зато отдаюсь вся. Или все, или ничего.

Получила от мамы письмо, она хочет стать сестрой милосердия. Это хорошо, она всегда умела ходить за больными, у нее к этому призвание.

19-го.

Вчера взяла Женю в 3 ч<аса> дня и сегодня в 7 отвезла обратно. Целый день, не отрываясь, шила ей платье и к вечеру успела. Вчера Женя, Наташа и я ходили в баню (Аня осталась дома, у нее флюс). Девочки пришли в восхищение от номера, где были мягкая мебель, зеркала и ковер. Наташе понравился больше всего душ, а Жене парадная лестница. Обоих разморило после мытья, и обе с удовольствием легли бы сейчас же спать, да ждали арбуза, который должен был принести Вася. Арбуз оказался великолепный, сладкий и красный. Для меня Васенька принес ма-

лаги, я ее очень люблю. Были на днях в Александринке. Шли «Три сестры» Чехова. Играли неважно. Я ожидаю большего. Предпочитаю Малый театр. «Тайфун», драма из жизни японских студентов в Париже⁴⁵, которую недавно видела там, произвела сильное впечатление. Глаголин замечательно играл, а Сладкопевцев — настоящий япошка. Я предпочитаю читать Чехова.

Сейчас успокаивала Аню, не спит всю ночь из-за флюса. Сидела и читала ей вслух, бедняжка так страдает. Я не могу видеть, когда она плачет так покорно и жалостно. Сейчас она заснула, слава Богу, а я села побеседовать с безмолвным другом моим — дневником.

19-го октября.

14-го первый раз в этом году выпал снег и лежал до сегодняшнего дня толстым слоем, хотя на санях еще не ездили. Я очень люблю снег. Какое-то бодрое настроение просыпается сразу, легко дышится, хочется шутить, дурить, весело смеяться, как в детстве. Продолжаю писать «Мишу Збруева» и еще воспоминания детства, которые назвала «Детство Жени». С утра сегодня сильная головная боль. Подписка на <записи обрываются>.

1918 год

18-го декабря.

Есть вещи, которые необходимо делать, как бы скептически ты ни относишься к жизни и ее цели. Надо зарабатывать себе пропитание (или уйти из жизни), иначе это упадет на других, и от твоего пребывания на земле кому-то станет еще тяжелей. Не надо смешивать тунеядство с скептицизмом.

Мужчина, женись на девушке, требует в большинстве случаев от нее сильной, почти рабской любви без критики и анализа. Понятно почему. На пытливые вопросы молодого существа они не могут ответить иначе как ложью, ибо истина и грязна, и страшна, а главное, непонятна для молодой, начинающей жизненный путь души. В то же время они негодуют на женщин, если не встречают в них должного знания жизни, умения угождать мужу, угадывать его настроение, создавать «уютный уголок», где муж мог отдыхать от прежних дел и настоящих. Редкий мужчина задумался, женись, над воспитанием своей жены и над преимуществом своего положения — практика и старшего. Я говорю о нормальном браке, когда муж старше жены на 8–10 и больше лет. Очень часто супруги, прожившие изрядное количество лет вместе, не знают друг о друге ничего, кроме внешних привычек, видных «простым глазом», а внутренне остаются чужими. Такой брак ничего не дает и, подобно дому, построенному на песке, рушится от малейшего толчка. Дети в таком браке не являются радостью и связывают родителей кандалами преступников. Дети живут между матерью и отцом как пленные между двумя враждующими лагерями. Мало тепла в таком семействе для всех членов его. Не говорю уже, что дети, выросшие в такой семье, не являются проводниками света, а народят себе подобных и еще больше затемнят жизнь.

Вчера были у Подоводских — мама, Геня, Женя и я⁴⁶. Пели, играли, говорили, спорили. Был <Зонкин>, старенький композитор, опять играл свои вещи. На этот раз они понравились мне больше. Я выучила один его романс и пела, всем понравилось, и ему было приятно. Сегодня пригласил меня участвовать в концерте д-р <Гурко>, совсем случайно. Я согласилась, но что это будет, еще не знаю⁴⁷.

Иногда бывает настроение, когда вдруг становится жаль детства, родных. Такая грусть обвивается вокруг. С умилением думаешь о всех, хочется сказать всем: «Миленькие мои, бедненькие мои, жаль мне вас, и всех вас я люблю...» Неподвижно лежишь и вслушиваешься в окружающие тебя звуки и вдруг видишь себя таким маленьким, скромным и покорным, и видишь все человечество, идущее с поникшей головой, с глазами, устремленными в землю, подавленное, не смеющее смотреть вперед как не имеющее надежды. И вся жизнь с ее прошлым и настоящим кажется чем-то безнадежным, ненужным и слепым.

19-го.

Пошла к Стериони, думала узнать, как здоровье ее больной дочери. Иду. Кто-то окликает меня. Поворачиваюсь, она сама. Худая, желтая, с красными воспаленными глазами, взволнованная.

— Вы ко мне?

— Ну что, как здоровье? — спрашиваю я.

— Надежды мало или почти никакой. Воспаление мозга, легких, тиф... Шесть докторов лечат ее... Я бегая от одного к другому, не знаю, что делать... Да... Не ходите ко мне, я избегаю, чтобы ее видели...

Пошла скорей по двору, еле удерживая слезы. Я смотрела ей вслед, не имея сил ничего сказать. Почему-то сейчас же пришла в голову мысль написать рассказ о ней, о маленькой Валечке, черненькой, с громадными глазками, как звездочки блестящими, но потом сразу стало стыдно. Как смею я писать об этом горе, для меня чужом, как вообще могу я врваться посторонним звуком в печальную гармонию чувств умирающего ребенка и его страдающей матери. Мне кажется это кощунством. И всякий раз, когда берусь я описывать переживания человеческие, рука моя бессильно падает под ударом непонятого, но властного чувства, которое говорит мне: «Не трогай страданий людских, ибо они выше и сильнее всего того, что сможешь ты написать. Миллионы раз рождаются они и умирают вместе с людьми, понятные только для тех, кто их переживает. Самые сильные воплощения их не будут истиной, а только пародией, которая оскорбляет и поругивает всякое искреннее чувство». Оттого ведь и осмеяно все теперь в наш 20-ый век, что нет чувства, которое не проникло бы в литературу и не стало бы явным для массы. Что такое теперь любовь, верность, семья, долг, честь, благородство? Пустые слова, отжившие, ненужные. Так думают массы, но, увы, они заблуждаются. Никогда не наступит такого времени, когда общечеловеческие принципы благородства, добра и любви отживут и станут ненужными, ибо в них самих жизнь и цель жизни.

<Записи обрываются.>

1919 год

10-го апреля. Вчера была у Щепиных. Приехал ее кузен⁴⁸, которого они считали сошедшим с ума после всех ужасов, происшедших в Бахчисарае. Вот что он рассказал о своих приключениях. Когда началось избиение их эскадрона, после восстания татар, он дежурил и последний выехал из ворот казарм⁴⁹. У него была великолепная лошадь, с которой он решил не расставаться. Матросы гнали за ним и еще несколькими другими эскадронцами на автомобиле и загнали их на гору, где с противоположной стороны была отвесная скала и пропасть. Некоторые предложили бросить лошадей и самим попробовать спуститься, но Алек<сандр> Алек<сандрович> не согласился и решил со своей лошадью спуститься. Кое-кто последовал за ним, несколько татар свалились в пропасть и разбились насмерть, а он благополучно спустился, следуя высшей школе верховой езды, и присоединился к другим беглецам, но их опять настигали, пришлось лошадь совсем загнать. Около одного имения он соскочил и полуживую лошадь отдал ему, прося сохранить, а сам уже бежал пешком, скрываясь за кочками, деревьями и канавами. Наконец дошел до полотна железной дороги и на каком-то полустанке после 3-дневной голодовки и ходьбы сел в товарный вагон, где перевозили скот. Там же ехали несколько матросов, которые только и говорили о том, как бы им встретить эскадронца, вот бы они потешились над ним, разорвали бы! А<лександр> А<лександрович> сидел и только боялся одного, что распахнется его солдатская шинель и там выглянут брюки кавалериста. Когда был обыск, солдат, который ехал с ним, посоветовал ему оружие зарыть в помете, но он не захотел, и только случай спас его. Они почему-то решили его не обыскивать. По приезде в Харьков на вокзале его опять окружили большевики — они же убийцы и грабители, и опять случайность дала ему возможность бежать. Дома все оказалось отнято — и дом, и деньги. И вот блестящий кавалерист, свиты ее величества полка, решил сделаться простым извозчиком-лихачом. Весь город знал об этом. Дамы брали нарасхват бывшего лихого кавалера-танцора. И было забавно, когда извозчик, беря деньги, галантно преподносил к своим губам ручку дамы. Народ вокруг останавливался в недоумении. Зарабатывал он 1800 р. в месяц и жил припеваючи, пока большевики не узнали и не реквизировали лошадь. Тогда он собрал своих товарищей-эскадронцев и пошел отбирать свою лошадь. В то время немцы уже подходили к Харькову, и большевики спешно отступали. Он у входа во двор, где стояли лошади, встретил самого инспектора кавалерии большевиков и его слуг, ведущих нескольких лошадей. А<лександр> А<лександрович> со своими товарищами напал на них внезапно, обезоружил и их же револьверами их убил. На другой день в газете была заметка «Неизвестными лицами убит инспектор кавалерии большев<истских> войск...» и т. д. Много еще разного он рассказывал, все не записать. Ко мне по-прежнему не равнодушен. Просили очень опять прийти послезавтра, но не знаю.

<Записи обрываются.>

1920 год

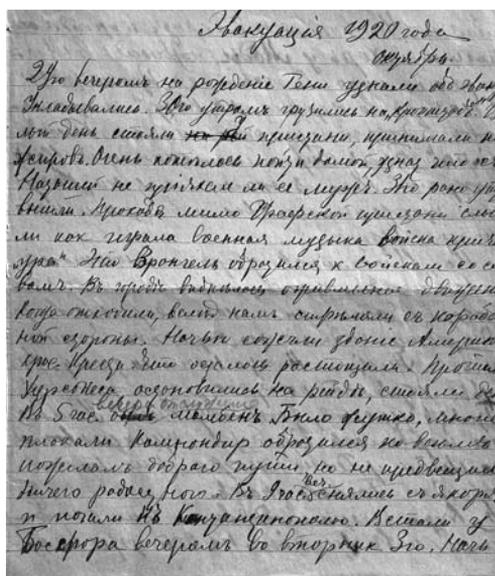
Октябрь.

29-го вечером на рождение Гени узнали об эвакуации. Укладывались. 30-го утром грузились на «Кронштадт»⁵⁰. Целый день стояли у пристани, принимали пассажиров. Очень хотелось пойти домой, узнать, что с Надюшей, не приехал ли ее муж. 31-го рано утром вышли. Проходя мимо Графской пристани, слышали, как играла военная музыка, войска кричали «ура». Это Врангель обратился к войскам со словом. В городе виднелось оживленное движение. Когда отходили, вслед нам стреляли с Корабельной стороны⁵¹. Ночью сожгли здание Американского Красного Креста. Что осталось, растащили. Против Херсонеса остановились на рейде, стояли день. В 5 час^{ов} вечера отслужили молебен. Было жутко, многие плакали. Командир обратился ко всем, пожелал доброго пути, но не предвещал ничего радостного. В 9 час^{ов} вечера снялись с якоря и пошли к Константинополю.

Встали у Босфора вечером во вторник 3-го. Ночь стояли. 4-го вошли в Босфор и, пройдя его, бросили якорь у Моды в Мраморном море. Съехали с «Кронштадта» 17-го ноября во вторник на «Качу» и переправились на «Владимира». Был страшный скандал. Нас обокрали. 18-го съехали опять на «Качу», где прожили до 21-го и вечером попали на «Херсон»⁵².

На «Владимире» украли мешок со всеми вещами, летними платьями, материю, ботинки и массу разных вещей. 25-го еще сидели на «Херсоне». Записались в Грецию. Никто ничего не знает. Французы кормят, дают сахар, чай, консервы. Грязь ужасная, заедают вши. У меня все порвалось вдребезги, прикрываюсь пальто. У Гени тоже. Что нас ожидает, Господь знает.

26-го, вчера вечером, объявили, что сегодня посадка в Грецию, но вот уже вечер, и ничего в волнах не видно. С грязью бороться бесполезно, все и всё на полу. А вши! Я даже представить ничего подобного не могла бы раньше. Тело разрывается до крови от укусов, и негде и нечего переменить. Все украли. Утешаю себя только тем, что бывает еще хуже. Вещи у всех пропадают, эвакуационная болезнь. На «Херсоне» народу масса, каждый кусочек палубы занят, трудно пройти. А трюмы? Боже ты мой, воздуху нет совсем. Я, увидев все это, заплакала. Насилу удалось нам устроиться в кают-компании между перилами и пианино, на полу. Это очень комфортабельное место. Ночью к нам в помещение заходят погреться

Страница дневника с записями
за 1920 г.

застывшие сонные жители палубы. Или валяются около нас на полу и мгновенно засыпают. Есть счастливицы, живут в каютах по 6–8 человек, но это все люди с протекцией. Какая смесь костюмов и званий здесь, в кают-компани! Тут губернаторы, адмирал, просто люди с громкими фамилиями. Дамы в каракулевых пальто, мехах и просто рядовые сторожа, лакеи и простые казачки. Князь Путятин⁵³ организует эту поездку в Грецию, все к нему съезжаются и просят записать. Но сегодня узнали, что можно въехать в Болгарию, все хлынули туда и записываются в Болгарию. Кажется, предложили бы на луну, и туда бы нашлись охотники.

Я на все махнула рукой, ибо не знаю вообще, куда лучше ехать. Который день стоим мы на рейде против Стамбула и любуемся закатом солнца у Золотого Рога. Хочется очень белого хлеба, а главное, хочется помыться. <Записи обрываются.>

1935 год

17 августа.

Юра⁵⁴ приехал вчера в 3 часа дня. Очень рада, т. к. я была совсем одна и беспомощна. Поля вообще куда-то уехала, а я после ванн слабая, выходить нельзя, а принести мне некому ничего. Хорошо, что я из С<ремски>-К<арловцев> привезла рыбу, масло, хлеб и виноград, вот и питалась, пока Юра <не> приехал. Вот ничего в среду не делаю. Решила попробовать, поехала в среду, и что же, все неудача. Во-первых, пароход вместо 3 отошел в 5 ч<асов> ½, день был самый жаркий во все лето, 37 гр. по Цельсию. Подошли к Земуну в полдевятого⁵⁵. Передают нам, что мы должны переходить на другой пароход, т. к. этот, «Фрушка гора», будет стоять в Земуне 2 часа. Пока ждали парохода, поднялась буря, стало качать. Полдевятого поехала домой. Дома все благополучно, но на другой день Поля не пришла, весь мой план перепутан. Коля тоже не пришел, его вообще нет, видимо, в Белграде, и не знаю, где он, ничего не написал⁵⁶. Я беспокоюсь. Боюсь верить, что он получил какое-нибудь место. Это было бы так хорошо.

Клавдия Ивановна⁵⁷ не появлялась, значит, с оркестром помирились. Я очень рада. Лучше, если будет старый. Сегодня с Юрой учили репертуар для 19-го на Радио. Юра мне давно не аккомпанировал. Я много получаю похвал о моем пении на Радио. Говорят, что так хорошо никто на белградском Радио не поет. Как жаль, что я сама не могу слушать.

Получила от мамы открытку⁵⁸. Пишет, что они еще не получили те 500 динар<ов>, которые послала им через банк. Ну что мне делать. Послала с поляком Глинкой посылку и 400 д<инаров>, украл и то и другое, послала через банк — не получили еще, а уже прошло 2 месяца. Просто беда. Хочу помочь им и не могу.

Был у меня сегодня Орлов Алексей⁵⁹. Приходил предложить работать с ним в «Яре»⁶⁰. Эпидемия! Все хозяева хотят немедля иметь русский ресторан, даже сербы, и русский персонал. Все думают, что будут работать, как «Казбек»⁶¹, и все приглашают меня. Юра пошел переговариваться с одним таким предполагаемым делом. Туда приглашают Сибирякову петь⁶². Это хорошо, она красивая женщина. И поет неплохо, во всяком случае, это достойная мне конкуренция.

5 сентября.

Завтра рождение короля Петра II⁶³, первое после смерти короля Александра, и его решили торжественно отпраздновать. Сейчас перед моими глазами творилось что-то неопишное. По улице Краля Милана прошла процессия, состоящая, наверное, из 30 тыс. человек, полтора часа шли густой массой с факелами, флагами и портретами молодого короля. Музыка, крики «Живие», пение смешалось в общий гул. Все это освещали два прожектора колоссальной величины, с неба аэропланы бросали ракеты и римские свечи, все окна в домах были иллюминированы, Терази⁶⁴ вся увита гирляндами из электрических разноцветных лампочек. Феерическая и грандиозная картина. И полный порядок — вот что меня поражает всегда, как они здесь умеют направлять толпу, и сама толпа умеет поддерживать порядок. Мастера.

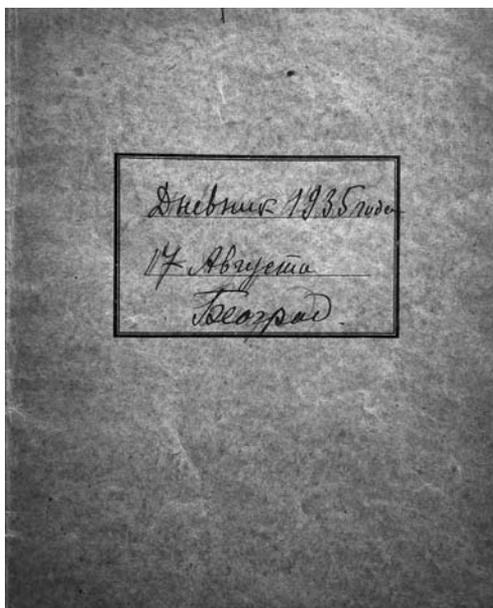
А я, как всегда, когда много дел, ничего не пишу. Завалены работой Юра и я, все по нотной части. Страхов⁶⁵ каждый день приходит, Юра ему аранжирует его ноты. Пели с Юрой на Радио 19-го и 29-го августа, а сейчас пою опять — 7-го, послезавтра. Все идет пока хорошо, но здоровье никуда. От ванн этих проклятых у меня все разболелось еще больше все, что когда-нибудь болело. Больше я ни ногой. Эти ванны только все усилили. Я страшно огорчена. В «Казбеке» полная перемена, оркестр окончательно поссорился с хозяевами и уходит 18-го сентября. Пианистом будет Юрий, и пока больше никого нет. Нет скрипача, нет хора, есть баритон Григорьев, я и Юрий, это все. Что получится, не знаю. Вообще все вышло нелепо. Я говорила Кл<авдии> Ив<ановне> давно, что они не будут работать, что оркестр распустится, хамят, грубят, что их надо подтянуть, пока не поздно. Я думаю, что и оркестр не выиграет от того, что уходит в «Крокодил»⁶⁶.

Мы целый день провели с Юрой сегодня в Топчидере⁶⁷, вернулись домой в 6 вечера, а сейчас Юра пошел подыграть в Инженерский дом. «Платочек голубой» будет на днях издан⁶⁸.

7-го вечером.

Пела на Радио в 8 ч<асов> вечера. «Платочек голубой» пела по просьбе публики. Заказывают и просят по телефону. Теперь до 29-го свободна. Завтра собираюсь и послезавтра уезжаю в Аранжеловац⁶⁹ на воздух на 9 дней. Говорят, там очень хорошо. В «Казбеке» начинаю 23-го.

Коля еще не устроился. Просто не знаю, что делать. Подкармливала его, пока была здесь, а сейчас опять, верно, будет голодать. Вот и здесь опять на мое вышло. Много я с ним ссорилась,

Обложка дневника за 1935–1936 гг.

доказывала, что нельзя так легкомысленно жить. Не любительскими спектаклями надо было заниматься, а работать на одном поприще, создавать себе реноме и знакомства. А теперь видит, что промахнулся, да поздно. Ведь 15 лет мы здесь, целая взрослая жизнь прошла. Мне его очень жаль, но что могу сделать. Достала такую рекомендацию, как М. Радосавлевич⁷⁰, и то не берут. Как малому он здесь научился, никакой практичности, и заносчив больно, все обиды да раздражения. Да, самая сильная борьба — это с самим собой. Есть счастливые люди, они как-то рождаются уже умеренными и кроткими, но наша виноградовская порода — один сплошной протест. Я укаталась потому, что ранохватила горького, рано узнала людей и вообще неудачи, пришлось самой всюду выбиваться.

Иду спать, пока не работаю, сижу дома. Да, вчера посетил меня В. Титов⁷¹, он с Верой разошелся, и она таки предполагает выходить за Евсея Козинского, доктора, замуж. Вот тебе и жили 13 лет, а теперь врозь.

10-го сентября. 7 ч<асов> вечера.

Аранжеловац, или Буковичка Баня, — место, где находится источник минеральной воды замечательно приятного вкуса «Князь Михайло»⁷². Из Белграда выехала в XI ч<асов> дня. В XII час<ов> была в Младеновце и пересела на узкоколейку, ведущую к Аранжеловацу. Паровозик и вагоны маленькие, игрушечные, дорога серпантином крутит. Видела издали Опленац⁷³. Высоко на горе, ближе к Богу. Жаль Короля Александра! Как жестоко и рано прекратилась его жизнь! Жизнь умного и гуманного человека!

Приехала в Аранжеловац в 2 часа дня. Воздух чудный, горный! Комнатку нашел мне носильщик в частном пансионе, в саду. Была голодна. На мое счастье, был жареный цыпленок у хозяйки, довольно больших размеров, я отхватила половину, да и хлебца уплела домашнего, вообще всему уделила внимание. Выпила пол-литра минеральной водички, а потом легла на веранде на скамью и уживала⁷⁴. Было тихо, воздух душистый струился, деревья едва шелестели, рыжий пес доедал моего курчонка. Я дремала. Тихо. Деревенская тишина. Вот такой тишины хочу я теперь. Ненавистно мне жить в городе. Вольтер в «Кандиде» заканчивает так: «Нужно культивировать свой сад»⁷⁵. Да уже пора. В природу.

Гуляла в парке, встретила знакомого студента. Мой поклонник и моего Биче Касно⁷⁶, он был один из первых,

Ноты романса с записями о встрече с сослуживцем своего отца

который просил ему дать слова, когда еще танго не было напечатано. Ой, переела я сегодня, купила винограду, персиков и слив, все стоит 3 динара. Дешевизна. Послала Маше письмо. Она была именинница вчера, и сестра Наташа тоже. Вложила нашу карточку. Ложусь спать.

11-го.

Погода определенно портится. Видно, недолго мне придется наслаждаться чистым воздухом. Ночью было холодно, лаяла собака, будила меня часто. Сейчас тишина, только женщины трендят на общей кухне. Есть еще запоздалые дачники, и какие они темы находят, понять не могу. Я молчу все время с большой охотой, ни с кем не знаколюсь, а они тарахтят без конца. Воздух холодный, сижу все время в пальто. Половина вещей, которые я взяла, не нужна. Вообще, кроме костюма и пальто, ничего не нужно. Ветер. Барышня сербская здесь ходит перед моим окном туда-сюда, живет в другой комнате. Красивая у нее фигура, высокая, стройная, тонкая, и сама хороша — типичная сербка.

Побаливает желчь. Большой хороший парк окружает курортное здание. Здесь хорошо, но и сюда ехать было поздно. Небо густо покрылось тучами, холод, если завтра утром не развеется, еду домой. Ну! Конец всему, пошел мелкий дождик, осенний. 7 часов вечера, сижу с двумя свечами (электричества нет) и с тоской думаю, как глупо я провела это лето. На воздухе была мало, не купалась. Ну что делать. Пора начинать зимний сезон.

Конкуренция в этом году колоссальная. «Крокодил» открывает 3 зала. В одном — театр миниатюр, Страхов режиссер, в другом — бар, в третьем — чайная московская. Даут уже открыл в бывшем «Трокадеро». Валя открывает «Новинарский дом» и пригласил петь Сибирякову Ксению. «Русское собрание» переходит в «Градский подрум» и тоже будет держать программу. И напоследок мы, «Казбек». Все это рассчитано на одну и ту же публику. А в «Казбеке» для начала дела слабые. Налицо только пианист, баритон и я, которая начинает 23-го, а Юра начинает завтра. Хозяева наши, кажется, не унывают и верят в свой успех и свою популярность. Я совсем не воображаю, что смогу в этом году пройти так же блестяще, как в прошлом. Хотя я и самая модная и самая известная сейчас русская певица в Югославии, мои портреты печатаются на нотах, мои репродукции⁷⁷ раскупаются. Я хочу только еще эту зиму удержать успех в своих руках, а на будущий год, если все будет благополучно, покупаю где угодно домик. Пора! Пора!!!

14-го сентября, Белград.

Приехала инкогнито, всем просила передать, что меня еще нет. Но, увы, недолго это продолжалось. Прошлась по улице, и готово. Так много людей меня знают, что не спрячешься. Была в «Казбеке», там тоска сейчас. Вообще все начнется 1-го октября. Я тоже начинаю там 31-го. Будет у нас играть скрипачка из «Синей птицы» Южного⁷⁸ Полина Шустер. Приезжает бас. Ну, увидим.

Вот и одна радость. Получила от мамы письмо. Они получили наконец посылку, которую поляк Глинка полгода назад взялся отвезти в Варшаву. Это меня очень обрадовало, т. к. там много вещей, и все им нужное. А Коля все без места!

Что делать? Ну, может, и это когда-нибудь устроится. А у меня масса работы: шью платье для выступлений, поправила пелеринку меховую, еще одно платье надо шить, пододеяльник себе и Юрию. Все надо успеть до 1-го октября. Когда буду петь, не могу ничего делать, устаю.

Сегодня открытие «Крокодила». Вот интересно, пойду в понедельник, пока свободна. Воображаю волнение у актеров. Премьера. Помню, когда сама служила в «Руской круне» еще у Яковлева Яшки⁷⁹, <нрзб.>. Как мы всегда волновались! Большое ревью, 7 картин. А было это уже 6 лет назад. Давно уже все переменялось, и немного осталось налицо тех, с кем служила.

21-го ноября.

Сегодня именины Мишеньки⁸⁰. Как всегда, мне задолго до этого дня грустно и не по себе. Но от судьбы не уйдешь. Ведь еще в 1912 году гадалка-хиромантка в Петербурге все это мне предсказала, и все почти уже сбылось, даже мой успех на Радио.

Опять 2 месяца ничего не писала. Дни бегут, какой-то водоворот, а не жизнь. В «Казбеке» работа идет неплохо, но все же не так, как в прошлом году. Коля, слава Богу, уже месяц работает на постройке дороги в Инджии⁸¹. Маме послала 100 злотых. Занимаюсь с басом, учу его петь, делает успехи. Пели на Радио несколько раз, и опять пою 30-го ноября. Работает у меня Зоя опять, чинит все и перешивает.

Дует сильнейший ветер с морозом. Новость! «Казбек» перестраивается и увеличивается. Я была против этого, но дело хозяйское. Благодаря перестройке не топят, холод и сыро. Я простудилась. Юрий едва говорит, но что делать, вдвоем зарабатываем до 9 тысяч в месяц. Это деньги. Решила окончательно, если ничего не помешает, взять племянника Игоря к себе. Юрий принимает подданство. А мне надо дозволу за рад⁸² хлопотать, нас всех русских приравняли к иностранцам. Это на 15-м году жизни в Югославии.

1936 год

5-го января.

Завтра наш сочельник! Какую массу денег я потратила. И все на посуду. Купила чудный сервиз — рюмки для водки и вина и два графина, сервиз для ликера. Вообще, чудачка я, мы никого не принимаем, а я все покупаю, люблю стекло и хрусталь. Купили елку. Католический новый год прошел шумно. В «Казбеке» была масса народу. Были приглашены и другие артисты, танцевали Проскурникова и Максимова⁸³. Пела Вальяни⁸⁴. Я тоже. Стрельнула на полчаса в «Аэро-клуб». Там была самая элита. Какие туалеты, какие меха и брильянты. Я даже не знала, что такие иммигранты в Белграде. Дамы старались превзойти самих себя. Пела тут вещи. Получила 300 д<инаров> и в «Казбеке» 300 д<инаров>. Ушли из ресторана в 7 ч<асов> утра. Устали сильно. Едва дождалась конца.

Завтра мы приглашены к Туржанским⁸⁵ на сочельник. Они были на Новый год в «Казбеке», им понравилось. Елочку я уже начала украшать. Без елки нет Рождества. Я как ребенок люблю елку. Купила Зое в подарок сервиз для ликера. Она

решила своих гостей угощать. Опять болит желчь. Как поем чего нельзя, сейчас же болит. Вот скучно голодать, когда есть что есть.

10-го.

Не пошла сегодня на работу — пусть мои слушатели хоть день без меня побудут. Завтра пою на Радио вечером. Аккомпанировать будет Комаров⁸⁶, Юра не может, должен быть в «Казбеке» не позднее 9 ч<асов>.

Получила наконец от мамы письмо. Все у них благополучно, очень рада. Жаль, что не успею <на> этот раз дать знать, когда пою на Радио следующий раз. Слагин, кажется, решил меня на программу не ставить чисто из мести, что я обратилась не к нему по делу, а к <нрзб.> секретарю⁸⁷. Он очень несимпатичный и мстительный, старается всем русским портить, я это уже не раз слышала. Ну, подождем, что будет.

У меня «гости». Вымыла голову, сижу, слушаю граммофон. Купила месяца 2 назад и очень рада. Чудные есть пластинки. Рождество прошло весело, приезжал Коля с работы, обедал первый день у нас. Раиса, Мишка, были еще визитеры. Была Женя Лудонова, пили и ели изрядно, всего было достаточно. Поля сделала чудные пирожки, все их хвалили. Погода стоит весенняя во всей Европе, тепло, и о снеге нечего мечтать. Глупо тем, кто торопился купить себе лыжный костюм. И саночки тоже. Мой ученик вместо успехов поехал обратно. Трудно с ним, у него слух неважный, но все же успехи есть. Как трудно стать образованным певцом, недаром по 5 лет учились в доброе старое время.

20-го февраля.

Всего много, разные события. Во-первых, на Радио пока петь не буду. Слагин своего добился, выдумал, что кто-то писал письма, зачем так много русских поет. Ну а может, и не он вообще. Я ушла обиженная, зная, как много есть желающих меня слушать. Просто чья-то зависть. Черт с ними. Второе: послала матери деньги, 1000 динар<ов>. Третье: ученик мой Морозов женился и перестал заниматься. Дурак! Женился на даме на 10 лет старше его, 34 года, чахоточная, худая и некрасивая. Чего только не бывает на свете. Четвертое: Раиса и Мишка остались без ничего — ни денег, ни вещей, ни места. Поэтому Мишка где-то приютился у какого-то князя со столярной мастерской, а Раиса живет у меня вторую неделю, спит на английском шезлонге и помогает мне по хозяйству. Орлов организует какую-то труппу и пригласил Раису, она ходит репетировать. 22-го в субботу они начинают. Пятое событие: я ездила в Новый Сад, там выступала на Чайанке в русском доме⁸⁸. Успех был очень большой. Продали моих нот 40 штук разных. Они оплатили мне и пианисту дорогу и авто и заплатили мне 400, а Валу, который со мной ездил, 100 д<инаров>. Все прошло хорошо, только я очень устала, т. к. работала в субботу в «Казбеке» до 4 ч<асов>

Белград. Вторая половина 1930-х гг.

утра, а встала в воскресенье в 10 ч<асов> и уже была в поезде в 12 ч<асов>, а вечером с поезда прямо в «Казбек» и опять до 4 ч<асов> утра понедельника. Было тяжело! Но это уже прошло. Вообще, я очень устаю, и погода плохая эту зиму, мокро и сыро. Шестое — купила себе чернобурую лисицу. Долго я присматривалась, долго не решалась, но наконец купила у одного русского, очень хорошую и много дешевле, чем в магазине, — за 3600 д<инаров>, а в магазине такая 5–6 тысяч.

Скрипачка наша поехала в Вену повидать своего мужа, он с хором Жарова⁸⁹ концертирует по Австрии. Опять меня подговорили наши купить сречну⁹⁰ — лотерейный билет 250 д<инаров>. А ведь знаю, что не выиграю! Вчера не ходила на работу, спала уже в 11 мертвым сном. Приятно иногда отдохнуть. Я стала еще более дальнзоркая, ничего не читаю, глаза устают.

15-е марта.

8-го марта в Коларчевой Задужбине (самый большой концертный зал) было поставлено русское ревью, которое написали Февр и Страхов, с колоссальным успехом, при полном зале⁹¹. Я участвовала в третьей картине, которая называлась «Телевизия». Я сначала пела за сценой у микрофона, а за освещенным полотном Раиса стояла в профиль и подражала мне и моим жестам, а потом я вышла на сцену. Меня встретили бурными аплодисментами и долго не давали мне петь. Я пела четыре вещи, а могла бы петь очень много, т. к. публика меня без конца вызывала. Страхов мне потом сказал, что он такого огромного успеха моего не ожидал. Я была очень довольна выступлением. 22-го марта объявлена реприза. Как она пройдет, не знаю. Раиса завтра переходит в комнатку, которую сняла на Кралице Марии 27, там и Мишка работает.

А сегодня у меня неприятность. Получила от кварта⁹² позывницу⁹³. Завтра надо идти в полицию. Йованович, соседка, приявила⁹⁴, что я живу невенчаная, а здесь по закону это не допускается. Противно за людей. У этой особы вообще со всеми в коридоре суд. Она невозможна. Ну, я отчасти рада. Это даст мне толчок уехать отсюда, т. к., правду сказать, окружающая обстановка не соответствует моему положению известной артистки, а мне стронуться трудно. Я все распродаю и уезжаю на целый год в Загреб, т. к. все равно здесь уже нельзя мне выдержать третий сезон. Как-то я буду завтра выпутываться в полиции?

На лотерейный билет ничего не выиграла. Одна богатая дама m-me Момчилович пригласила меня к себе в свой особняк на Шафариковой улице 7. Какая роскошь, как в кино! Внутри лестница ведет на второй этаж, 14 комнат, а их трое, а прислуги 5 чел<овек>. Все в плюше, персидских коврах, все комнаты разного цвета, мебель стильная, хрустальные люстры старинные. Дворец! Она дала мне много нот, которые я буду учить, чтобы создать новый репертуар. Учю всю жизнь.

18-го мое рождение, по-старому 5 марта. Хочу устроить чай, т. к. все равно надо идти на работу вечером, а если послать замену, то слишком сложно.

9-го апреля.

Страстной четверг. Весь день возились — Поля, Раиса и я. Раиса никуда не уехала и все по-прежнему живет у меня. А в полицию звали меня из-за нее.

Она не приявилась, и Иовановичка это сказала писарю полицейскому, который приходил проверять документы. Меня и вызвали. Пришлось заплатить штраф 140 д<инаров>. Пела у Момчилович на бридже, были какие-то посольские дипломаты, сопровождал Валов. Ревю было отложено из-за болезни Страховой. Пойдет на третий день Пасхи. Слатин соблаговолил и прислал мне приглашение петь на Радио тоже на 3-й день Пасхи, т<ак> ч<то> я буду петь в 9 ч<асов> на Радио, а в 10 ч<асов> в Коларчевой Задужбине в 3-й картине, а в 11 — в «Казбеке» до 3 ч<асов> ночи. Все в один день. Не беда! Как-нибудь словчу. 1-го мая кончается наш ангажемент в «Казбеке», а скрипачка Полина Шустер ушла 1-го апреля. Зачем она 6 месяцев была у нас? Для дела она ничего не дала, такой номер не подходит к репертуару.

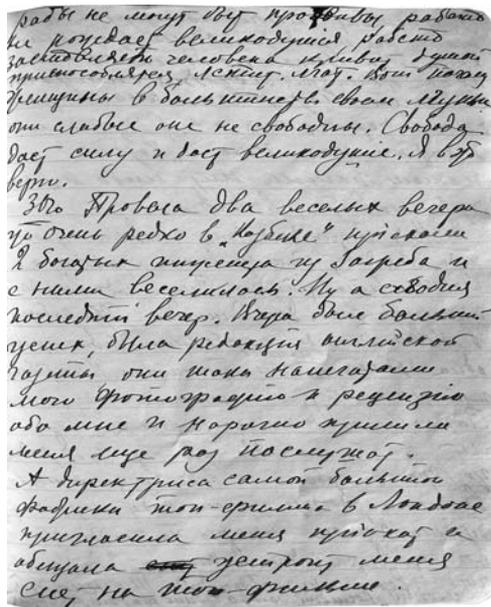
Рождение мое прошло мирно, были Орловы Катя и Алексей, был Бонкович Сергей с женой Ружей, была Полина, Раиса, Валов. Должны были быть Туржанские, но Юрий поздно позвонил им по телефону, такой растяпа. Юра мне поднес много цветов — гиацинтов, Бонковичи тоже, запах в комнатах был одуряющий, пришлось цветы выставлять за окно на ночь. Я на работу не ходила. Вспоминали наши театральные дела. Да и это прошло! А сегодня Юрий получил от меня 200 д<инаров> на праздники и поехал куда-то за город отдохнуть от семейной жизни, и ночевать не будет дома. Я ему позволила. Пусть проедется. Сегодня буду красить волосы хной. Что получится, не знаю. Весь город красится. Некоторые имеют очень красивый цвет, а что у меня получится, не знаю. Мы не работаем 3 дня, я так рада, хоть выплюсь.

Какая масса денег уходит! Не знаю, как живут другие, но мы тратим очень много. Хорошо, что есть что тратить. Надо маме письмо послать, поздравить с праздником ее. Ой, как хочется спать. Сейчас намажу волосы и лягу.

23-го апреля.

Еще 7 дней «Казбека». Денег будет мало, но зато отдых. Получила сегодня от Наташи письмо. Мама лежит в больнице, очень больна, просит послать денег, а я уже послала 1000 динар<ов> 3 дня назад и так рада, что они их уже имеют. Как мамины дела, выздоровеет ли? Грустно! Все уходит!

Волосы вышли очень красивого цвета, буду еще мазать в конце апреля. А Юрий так веселился на отдыхе, что вышел по анекдоту — «за миг наслаждения год леченья». Его укусила в Земуне собака, и он теперь из пред-

Страница дневника с записями
за апрель 1936 г.

осторожности делает инъекции от бешенства, держит диету и должен опять через месяц идти принимать вторую порцию. Праздники прошли хорошо. Было у нас много народу, так что время проводили по-праздничному, пили и ели целый день. А Коля недолго был у дела, получил отказ, и опять я, раба Божия, не буду иметь покоя. Ну что могу я, так всю мою жизнь. Я — это столб, на который все опираются. Да! Приходила ко мне Катя Орлова перед праздниками. Пришла просить дать ей денег под залог каких-то квитанций. Ну тут я уже разозлилась. Что я, ростовщиком еще должна для них делаться? Живут не думая, все прожирают, когда есть, а потом, как приспичит, так я опять должна спасать. Не дала ничего и еще нотацию прочитала. Так дружбе конец.

Еще явление. Появилась пропавшая мадам Вера Титова, теперешняя м<адам> Козинская. Жена доктора, а не газетчика⁹⁵. Но, увы, оказалось, что лучше было быть за хорошим газетчиком, чем за плохим доктором. Скулит, жалуется, жизнь тяжелая, он ее унижает, третирует, не балует, как Володька. Вот тебе и квартира в партере с ванной и прислугой. Вечная и старая сказка о «золотой клетке». Я это все знала наперед, но кто же слушает советов, все должны на своей шкуре пережить. Вот и Раиса. Тренирую ее, учу уму и работать, хоть она меня старше, а никакой системы в жизни. Раньше злилась, а теперь понемногу приучается. А то все хотят с ветра хватать. Надо работать, работать и работать, и систематически, а там результаты сами появятся.

Грустно мне! Давно я чувствую, что мать больна, и жаль мне ее, старушка она, как ни прожила, а мало было в ее жизни хорошего. Правда, виною ее характер, отсутствие рассудительности, порядка, да много всего, но все же жаль и грустно. Она очень добрая, правда, без рассудка. Сегодня все отдает, а завтра сама просит. Я совсем иначе. Я себя переработала за многие годы лишений, труда и забот.

27-го.

У мамы воспаление желчного пузыря, Наташа пишет, что она, бедняжка, очень страдала во время припадка, похудела сильно. Бог даст, еще поправится.

Ревю-реприза прошла тоже с успехом, но не так удачно материально, пришлось уступить немного устроителям. Танго Страхова «До встречи с вами» имеет успех. Хорошо было бы, если бы Юра получил место на эти два месяца, пока мы поедем на море. Жили бы тогда от его заработка, а не за готовые. А я предполагаю в мае лечить зубы и делать себе электризацию. Перечитала, что писала в начале сезона в сентябре. Боялась конкуренции, а она сама себя провалила. «Крокодил себя сам проглотил» — так все говорят. Уже 3 месяца, как закрылся. Не пришлось ему 3 зала открывать. Новинарский дом тоже закрылся, провлачив довольно жалкое существование в конце. «Русский яр» закрылся. Остался один «Казбек» без конкуренции. Правда, и в «Казбеке» дела не так блестящи, но все же рядовно⁹⁶ проходим на 9 тысяч вдвоем. Да еще есть «Черная роза» Даута, там поет

Белград. Вторая половина 1930-х гг.

Борис Бруно и Вендерович. Они работают на кутежах, а у нас публика солидная, спокойная, и потому легче работать.

28-го.

Еще 3 дня работы в «Казбеке». Рубен и Клавдия Ив<ановна> ожидают от нового состава «богатые милости». Старые не интересны, надоели, но и нам надоело, в особенности мне, одно и то же, пора переменить и отдохнуть. Я вся в золотых браслетах, покупала, когда есть лишние деньги. Как красиво для выступлений, и люди так уж созданы, посмотрят на драгоценности и проникнутся чувством уважения с завистью пополам. Это как будто ширма, резерв. Я это делаю, но в это не верю. А все же лучше иметь что-нибудь, что можно продать в «минутку черную». Ерунда. Была в кино. Поля рассказала про жениха Зои, далматинца, опять к ней приехал, опять ей предлагает себя, хочет жениться. Молодая она еще, не знает жизни, а он, видимо, хороший человек и ее любит.

Поля очень хочет ее выдать замуж. Ей сейчас будет 18 лет. 18 лет! Боже, когда это мне было 18 лет. Была влюблена в Янчевецкого, а сколько потом всего было. Венчалась 26-го апреля, был теплый вечер, без фаты, тренов и веночков из флердоранжа, без кареты, в авто поехали в церковь 1-й гимназии на Ивановской ул. Было только 4 свидетеля и моя подруга Соня Кокорева, а квартира была в Чернышевском переулке, на Адмиралтейской набережной, маленькая — 2 комнаты, кухня, передняя, ванная. Окна большие, выходили в сад Адмиралтейства. Тогда 2 ком<наты> можно было нанять только молодоженам на короткое время, а здесь мы живем с Юрием в 2-х ком<натах>. 7 лет без ванны и кухни — и не пропали. Все изменилось, мне искренно не надо сейчас большой квартиры, это было бы стеснительно и тяжело для уборки. Да, после венчания пили у нас шампанское, и Юрий Людвиг<ович> Грасс был шафером. А он сам хотел на мне жениться, он был секретарь в редакции «России», и у нас был флирт раньше, но не серьезно. После мы встретились, когда он разошелся с женой и я — с мужем в 16-м году, в конторе агентства⁹⁷ «Спа», когда я окончательно решила жить одна и учиться петь. А воздух был особый — весенний, душистый, густой и ласковый, такой воздух бывает только на севере. Случайные посетители, швейцар в гимназии изумлялись, как это у молодой нет фаты, трен, и как можно без кареты, и где мальчик с иконой. Возмущались: вот интеллигенты — господа, а нехристи! Хор не пел, все было тихо в слабо освещенной церкви. Почему нас не учат тому, что всего нужней, почему не говорят, что будет после венца, зачем учат геометрии, тригонометрии, математике и черт его знает чему, а не говорят, что жених — это еще не муж, что знания интимной жизни не помогут все 8 классов гимназии и даже высшие курсы и университет. Как поздно мы узнаем себя, какой дорогой ценой платим мы за это. Тяжелая доля выпадает женщине, если она всецело зависит от мужчины, а потому я всецело стою за полную свободу женщины. Рабы не могут быть правдивы, рабство не рождает великодушия, рабство заставляет человека кривить душой, приспосабливаться, льстить, лгать. Вот почему женщины в большинстве своем лгуньи. Они слабые, они не свободны. Свобода дает силу и дает великодушие. Я в это верю.

На выступлении в «Мимозе». 1938

30-го.

Провела два веселых вечера, что очень редко в «Казбеке». Приехали 2 богатых инженера из Загреба, и с ними веселилась. Ну а сегодня последний вечер. Вчера был большой успех, была редакция английской газеты, они таки напечатали мою фотографию и рецензию обо мне и нарочно пришли еще раз послушать. А директриса самой большой фабрики тонфильмов в Лондоне пригласила меня приехать и обещала устроить меня снять на тонфильме.

Предстоит много концертов и потому не придется очень уж отдыхать. Ах, была не была, живи, пока живется. Сегодня снимались с Колей Морозовым, мы втроем: они — в черкесках, а я — в черном платье, как пою в «Казбеке».

А потом пошли пить пиво в «Каличу», славить *abschied*⁹⁸.

2-го мая.

Второй день дома и совсем не знаю, куда себя девать, так привыкла к работе, а главное — вставать поздно. Теперь надо весь день изменить. Какой день длинный. Юра работает в «Новом Белграде» с сербскими певачицами⁹⁹, одна хромая, без ноги, но очень хорошенькая. Имеет большой успех. Поют наши романсы в переводе Страхова: «Мы только знакомы», «Вам 19 лет», его танго «Две-три сузе»¹⁰⁰. Я рада, что Юра на работе, он ведь без занятия невыносим. Вообще, ужасно видеть мужчину без дела. Конечно, понятно, что слабые спиваются. Вчера ходила в кино на <нрзб.>, очень скверно и неправдоподобно. Из русской жизни. А сегодня «Последний вальс» — очень хорошо. Тоже русская.

¹ Летом 1909 г. В. Янчевецкий по собственной инициативе участвовал в экспедиции правительственного Главного управления землеустройства по Русскому Северу.

² Иван Иванович Иговский — дед О. Янчевецкой по материнской линии, полковник в отставке, владелец имения в Гродненской губернии.

³ Приемная дочь В. Янчевецкого от первого брака, в 1909 г. ей исполнилось девять лет.

⁴ Вероятно, одна из молодых княгинь рода Дондуковых-Корсаковых.

⁵ Роман А. Дюма «Дама с камелиями».

⁶ Цитата из стихотворения Максима Горького «Легенда о Марко» (1902 г.), на основе которого известный петербургский композитор А.А. Спендиаров создал музыкальную балладу «Рыбак и фея».

⁷ Пьеса Виктора Викторовича Протопопова (1866–1916).

⁸ Александр Иоасафович Тарский (1875–1913) — актер, драматург, служил в Театре Корша, позднее в Театре Литературно-художественного общества (Малый театр). Первых ролей не играл, но был заметным членом труппы.

⁹ По всей вероятности, Смольный институт благородных девиц.

¹⁰ Гарик — шутовское семейное прозвище В. Янчевецкого.

¹¹ Изабелла Аркадьевна Гриневская (1864–1944) — поэтесса, драматург, переводчица (упомянута пьеса Д'Аннунцио); глубоко интересовалась культурой Востока, стала приверженцем вероучения бахаи. На момент упомянутой встречи ей было 55 лет.

¹² «Осенние выставки» в Санкт-Петербурге в 1906–1916 гг. устраивал художник и маршал Р. Ауэр, декларировавший принцип равноправия всех жанров живописи.

¹³ По всей вероятности, О. Янчевецкая страдала хроническим тонзиллитом. В старой медицине мышьяк использовался для терапии различных инфекционных болезней — тифа, малярии, ангины и др.

¹⁴ Семейное прозвище первой жены В. Янчевецкого — Марии Бурмантовой.

¹⁵ Юрий Людвигович Грасс — секретарь редакции «России». Его старший брат Б.Л. Грасс, столоничальник Департамента общественных дел МВД, следил за финансированием подконтрольной и лояльной правительству прессы. «Россия» формально была частной газетой, но фактически подчинялась МВД.

¹⁶ Евгений Иванович Ветнек (1870–1923) возглавлял гимназию в 1908–1918 гг.

¹⁷ Петр Евстигнеевич Хмелевский — бывший сотрудник газеты «Россия», в 1909–1914 гг. редактор газеты «Приднепровский край».

¹⁸ Евгения Бибер (1891–1974) — танцовщица Мариинского театра, в 1910–1913 гг. участвовала в «Русских сезонах». Солистка Мариинского театра с 1916 по 1954 г.

¹⁹ Леонид Лаврович Козлянинов (1867–1911) — военный гидрограф, капитан 2-го ранга, в отставке — театральный критик.

²⁰ Сигма — псевдоним Сергея Николаевича Сыромятникова (1864–1933), известного журналиста и публициста, редактора газеты «Россия» и давнего друга В. Янчевецкого.

²¹ Выставка была организована художниками Д. Бурлюком, Н. Кульбиным и журналом «Сатирикон». Экспонировались рисунки писателей и поэтов разных поколений — от Пушкина и Тургенева до Горького, Блока, Волошина, Хлебникова и др. В. Янчевецкий симпатизировал Д. Бурлюку, хвалил его творчество в рецензиях в «России», позднее с пониманием отнесся к уходу в футуризм.

²² Николай Николаевич Евреинов (1879–1953) — режиссер, драматург, теоретик и историк театра. Был свидетелем со стороны жениха на венчании Янчевецких.

²³ Давид Давидович Бурлюк (1882–1967) — поэт и художник, один из основоположников футуризма.

²⁴ В адресных книгах «Весь Петербург» за 1901–1910 гг. упомянута Клара Федоровна Рупрехт — возможно, дочь Федора (Франца) Рупрехта (1814–1870), бывшего директора Ботанического музея Императорской Академии наук.

²⁵ Имеется в виду живописец и иллюстратор, вице-президент Императорской Академии художеств Григорий Григорьевич Гагарин (1810–1893).

²⁶ Дмитрий Григорьевич Янчевецкий (1873–1938) — журналист, старший брат Василия Янчевецкого. Подразумевается Фомина неделя, начинающаяся на следующее воскресенье после Пасхи.

²⁷ Сергей Виноградов, старший брат О. Янчевецкой, окончил артиллерийское училище, до 1909 г. в чине подпоручика служил в Керченской крепостной артиллерии, затем — во Владивостокской крепости.

²⁸ Мария Константиновна Башкирцева (1858–1884), талантливая художница, училась и жила в Париже, умерла в 1884 г. от туберкулеза в возрасте 25 лет. На русском языке ее дневник, отразивший жажду жизни и признания в сочетании с чувством обреченности, издавался в 1901 и 1910 гг. Книга пользовалась большой популярностью в России.

²⁹ В.Г. Авсеенко — публицист и писатель-беллетрист, издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» (1883–1896). Роман «Злой дух» (1881), представляющий типичную для литературы того времени попытку разобраться в кризисе нравов, переиздавался несколько раз.

³⁰ 25 апреля — 2 мая 1910 г. на ипподроме близ названного шоссе в преддверии Первой Всероссийской недели авиации проходили первые в России авиационные соревнования, в которых участвовали летчики из Франции, Бельгии, Германии, Швейцарии, в том числе считавшаяся первой женщиной-пилотом француженка баронесса Раймонда де Ларош (1882–1919). Россию представлял Николай Попов на аэроплане американской фирмы «Райт».

³¹ Пьеса еврейского драматурга Якова Михайловича Гордина (1853–1909).

³² Постановку новой комедии Э. Ростана в петербургском Малом театре критики называли «экстравагантностью, граничащей с курьезом», а саму пьесу «растянутой, бездейственной, крикливо-напыщенной». Но отмечали прекрасную игру Б. Глаголина (1879–1948) и Н. Музиль-Бороздиной (1880–1952).

³³ Пьеса Петра Петровича Гнедича (1855–1925).

³⁴ Николай Виноградов, младший брат О. Янчевецкой, в 1911 г. окончил Сумской кадетский корпус и Николаевское инженерное училище. В мировую войну служил подпоручиком в саперном батальоне, за храбрость был награжден тремя орденами и георгиевским оружием.

³⁵ Подразумевается одна из булочных Филиппова — популярной сети магазинов-пекарен в Санкт-Петербурге и Москве.

³⁶ Во время эпидемии лета 1910 г. в Санкт-Петербурге заболели свыше 2600 человек, умерли около 1000.

³⁷ Варвара Васильевна Панина (1872–1911) — знаменитая в 1900–1910-х гг. исполнительница цыганских песен и романсов.

³⁸ «Аквариум» — популярный увеселительный сад с театром и концертным залом. Николай Иванович Дмитриев (1875 — не ранее 1946) — директор Николаевских судостроительных заводов, близкий друг В. Янчевецкого.

³⁹ Еженедельный журнал «Ученик» выходил с сентября 1910 г. по август 1914 г. О коммерческом успехе издания судить трудно, но стоит отметить, что, помимо Санкт-Петербурга, подписчики у него были по всей империи — от Архангельска до Тифлиса и Ташкента, и даже за границей (в Париже и Токио).

⁴⁰ В 1909–1911 гг. Дмитрий Янчевецкий служил корреспондентом газеты «Новое время» в Персии (в Тегеране).

⁴¹ По словам М.В. Янчевецкого, его мать опубликовала в журнале «Ученик» «несколько рассказов и повесть о своем детстве».

⁴² Одна из лучших в Санкт-Петербурге женских гимназий, располагалась в доме, принадлежавшем князю Феликсу Юсупову.

⁴³ Сборник повестей и рассказов Клавдии Владимировны Лукашевич (1859–1931) — самой популярной детской писательницы в России 1900-х гг.

⁴⁴ Мф. 5: 46.

⁴⁵ Пьеса венгерского драматурга Мельхерта Лендьела (1880–1974).

⁴⁶ Константин Дмитриевич Подоводский (1868 — не ранее 1936 (репрессирован)) — одесский поэт, драматург, организатор художественных выставок; после революции жил в

Севастополе. Гея Якоби — чех по национальности, журналист, близкий друг Янчевецкой в Севастополе; у них складывались любовные отношения, вместе они отправились в эмиграцию, но расстались вскоре после прибытия в Югославию.

⁴⁷ С декабря 1918 г. по март 1919 г. Севастополь жил относительно спокойно, находясь под контролем войск Антанты, занявших в Крыму районы, ранее оккупированные Германией.

⁴⁸ Александр Александрович Дурилин — поручик 2-го Крымского конного полка. В 1919–1920 гг. в Вооруженных силах Юга России и Русской армии Врангеля, умер от ран в августе 1920 г.

⁴⁹ Под восстанием татар, вероятно, подразумевается безуспешная попытка войск крымскотатарского правительства (Директории во главе с Н. Челебиджиханом), находившегося в Бахчисарае, занять подконтрольный большевикам Севастополь. В результате ответного наступления красные отряды овладели Бахчисараем.

⁵⁰ «Кронштадт» — транспорт-мастерская, по эвакуационному плану должен был взять 3000 человек.

⁵¹ Запись об обстреле неясна. На момент эвакуации к Севастополю подошел красный партизанский отряд, однако в боестолкновения не вступал и ждал, пока Русская армия полностью оставит город.

⁵² «Кача» — канонерская лодка, «Владимир» и «Херсон» — мобилизованные гражданские пароходы.

⁵³ Князь Николай Сергеевич Путятин (1862–1927) — контр-адмирал в отставке, с января 1921 г. — председатель Бюро помощи русским при Российском генеральном консульстве в Салониках.

⁵⁴ Юрий Николаевич Азбукин (1889–1969) — муж и постоянный аккомпаниатор Янчевецкой.

⁵⁵ Земун — старинный город на правом берегу Дуная, с 1934 г. окраинный район Белграда.

⁵⁶ Н. Виноградов, младший брат О. Янчевецкой. В эмиграции оказался после поражения в Гражданской войне Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича, где служил офицером; умер в Базеле в 1980 г. Старший брат С. Виноградов также воевал в Белой армии (в Вооруженных силах Юга России), в эмиграции жил в Париже, умер в 1942 г.

⁵⁷ Жена владельца ресторана «Казбек» (в котором выступала О. Янчевецкая) Рубена Рагинова.

⁵⁸ Мать О. Янчевецкой и сестра Наталья жили в Пинске, в то время входившем в состав Польши.

⁵⁹ Алексей А. Орлов — певец, выступавший с различными русскими ресторанными оркестрами Белграда.

⁶⁰ Балалаечный оркестр «Яр».

⁶¹ Один из самых известных русских ресторанов в Белграде.

⁶² Ксения Сибирякова — дочь режиссера А.Д. Сибирякова и актрисы Л.В. Мансветовой, известных в театральном мире Белграда.

⁶³ Петр II Карагеоргиевич (1923–1970) — последний король Югославии, правивший с 9 октября 1934 г. по 15 апреля 1941 г. Унаследовал престол несовершеннолетним (на тот момент ему исполнилось 11 лет), страной фактически управлял Регентский совет.

⁶⁴ Центральная площадь Белграда.

⁶⁵ Сергей Сергеевич Страхов (1900 — не ранее 1945) — поэт, композитор, владелец нотного издательства «Музыкальные новости» и ресторана «Руска круна» («Русская корона»), в котором неоднократно выступала О. Янчевецкая.

⁶⁶ Ресторан в здании Югославского банка.

⁶⁷ Топчидер — крупнейший парк Белграда, любимое место отдыха горожан.

⁶⁸ По-видимому, другое название одной из популярнейших песен О. Янчевецкой — «Цветочек голубой».

⁶⁹ Город в центральной Сербии, известен своим бальнеокурортом.

⁷⁰ По-видимому, речь идет об известном экономисте, управляющем Национальным банком и русофиле.

⁷¹ Возможно, Титов Владимир Михайлович (1892–1942), русский военный эмигрант.

⁷² Верное название — «Князь Милош». Михаил Обренович (1823–1868), сын князя Милоша (1780–1860) — основателя города, построил здесь резиденцию, позднее ставшую главной курортной гостиницей.

⁷³ Храм-усыпальница княжеской и королевской династии Карагеоргиевичей, расположенный на холме Опленач. Александр I, создатель и первый правитель объединенного Королевства сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Югославия), был убит в 1934 г. активистом македонской националистической организации.

⁷⁴ Наслаждалась (*серб.*).

⁷⁵ Буквальный перевод с французского «Il faut cultiver son jardin». Герой повести, пройдя череду скитаний и драматичных приключений, делает такой вывод после встречи с крестьянином, который счастлив тем, что возделывает пусть маленький, но собственный сад. «Панглос говорил иногда Кандиду:

— Все события неразрывно связаны в лучшем из возможных миров. Если бы вы не были изгнаны из прекрасного замка здоровым пинком ноги в зад за любовь к Кунигунде, если бы не были взяты инквизицией, если бы не обошли пешком всю Америку, если бы не дали хорошего удара шпагой барону, если бы не потеряли всех ваших баранов из доброй страны Эльдорадо, вы не ели бы здесь ни cedры в сахаре, ни фисташек.

— Это хорошо сказано, — отвечал Кандид, — но надо все-таки возделывать свой сад» (цит. по первому изданию перевода Ф. Сологуба: Вольтер. Кандид, или Оптимизм. СПб., 1909. С. 154).

⁷⁶ «Будет поздно» (*серб.*). Название песни, исполнявшейся О. Янчевецкой. Благодарю И. Антанасиевич за справку.

⁷⁷ Т. е. граммофонные пластинки.

⁷⁸ Театр миниатюр (кабаре), созданный в Берлине эмигрантами-актерами из Петрограда и Москвы; директор Яков Южный (1883–1937) — бывший актер Театра Корша. Автором многих пьес и скетчей «Синей птицы» был Владимир Набоков. С конца 1920-х гг. театр активно гастролировал по европейским городам — центрам русской эмиграции.

⁷⁹ Яков Яковлев — руководитель балалаечного оркестра «Сокол» и театра миниатюр «Би-Ба-Бо».

⁸⁰ Сын О.П. Янчевецкой.

⁸¹ Город в Сербии, центр одноименной общины в Сремском округе Воеводины.

⁸² Разрешение на работу (*серб.*).

⁸³ Известные в то время артистки белградского балета.

⁸⁴ Вальяни Евгения Дмитриевна (1901–1962) — оперная и концертная певица (меццо-сопрано).

⁸⁵ Возможно, семья Павла Николаевича Туржанского, некоторое время начальника русской колонии в Заечаре.

⁸⁶ Евгений Евгеньевич Комаров (1909–1993) — известный пианист и музыкальный педагог, выпускник Белградской консерватории.

⁸⁷ Владимир Ильич Слатин (1889–1947) — знаменитый скрипач, создатель русской музыкальной программы на Радио Белграда.

⁸⁸ Чаянка — т. е. встреча на чашку чая (*серб.*). По всей вероятности, подразумевается «Русский клуб», который размещался в Нови-Саде в небольшом одноэтажном доме в центре города. Благодарю за справку А.Б. Арсеньева.

⁸⁹ Камерный хор донских казаков, основанный в 1921 г. С.А. Жаровым, пользовался огромной популярностью во всем мире.

⁹⁰ По всей вероятности, сокращенное «срећна картица» — счастливая карта.

⁹¹ Коларчева Задужбина — неофициальное название здания Народного университета в Белграде, где был открыт концертный зал на 1200 мест с лучшей в городе акустикой. Николай Михайлович Февр (1907–1951) — журналист и театральный сценарист.

⁹² Власти городского округа.

⁹³ Повестка (*серб.*).

⁹⁴ Заявила (*серб.*).

⁹⁵ Известный белградский журналист Евсей Абрамович Козинский.

⁹⁶ Регулярно (*серб.*).

⁹⁷ Т. е. агентства.

⁹⁸ Отставку (*нем.*).

⁹⁹ Певицами (*серб.*).

¹⁰⁰ «Две-три слезы» (*серб.*).

«РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ РАЗЛОЖИЛАСЬ
НИЖЕ ВСЯКОЙ КРИТИКИ»:
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.Ф. СКОРОДУМОВА

*Публикация, вступительная статья, подготовка текста
и комментарии М.М. Гофинова-мл.*

Как известно, после окончания Гражданской войны в России Сербия гостеприимно принимала российских эмигрантов. Одним из символов русско-сербской дружбы является величественный Памятник Русской славы (Николаю II и русским воинам, павшим в 1914–1918 гг. в боях за Югославию). Он был воздвигнут

Памятник Русской славы

в 1935 г. на русском участке Нового кладбища в Белграде по проекту архитектора Р.Н. Верховского (1881–1968), автора Памятника защитникам Белграда (сербским воинам, павшим во время Первой мировой войны). Это самый большой монумент русским солдатам, павшим в Первую мировую войну, в Сербии и во всем мире. Долгое время этот памятник был единственным местом памяти и поклонения русским людям, отдавшим свои жизни за отечество в годы Первой мировой войны.

Монумент выполнен из серого камня в форме снаряда, на вершину которого помещена фигура архангела Михаила с устремленными вверх крыльями. У подножия снаряда полулежит на знамени русский воин, держащий в правой руке шашку. На памятнике высечены российский герб (двуглавый орел), дата (1914) и надписи.

Одна из них — на русском языке — гласит: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». Другая — на сербском: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте. 1914–1918 гг.»

К монументу ведут несколько ступенек, под ними находится часовня-склеп. В склепе похоронены останки погибших на Салоникском фронте 387 солдат и офицеров¹; 136 солдат и офицеров двух русских артиллерийских батарей, участвовавших в обороне Белграда; четырех русских военнопленных, расстрелянных австрийцами за отказ грузить снаряды на сербский фронт; двух русских моряков с

¹ Воинов 2-й и 4-й особых русских бригад. Всего на этом фронте погибли более шести тысяч русских солдат.

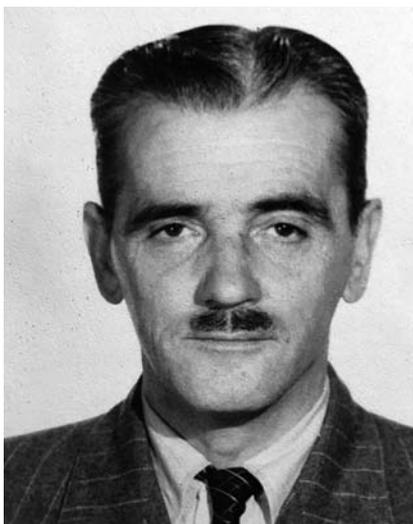
корабля «Тирасполь», погибших у порта Кладово; около ста русских солдат, умерших от ран в госпиталях на территории Югославии, оккупированной австрийскими войсками. В часовне памятника установлен крест с надписью: «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии».

Памятник Русской славы является знаковым монументом Белграда, свидетельствуя о тесных братских связях между Россией и Сербией. Изучение его создания важно для понимания истории русско-сербских взаимоотношений и российской эмиграции. Одним из источников для такого изучения стал отрывок из воспоминаний одного из создателей монумента полковника Михаила Федоровича Скородумова (1892–1963). Человек крайне правых взглядов, он пользовался среди эмигрантов известностью как участник Первой мировой и Гражданской войн, георгиевский кавалер, многократно раненный и потерявший в боях правую руку.

Его воспоминания — «Наша гибель и наше спасение» — хранятся в фонде Всероссийской мемуарной библиотеки Архива Дома русского зарубежья (ф. 1, оп. 2, д. 265, л. 1–265). В специальном разделе «Материал для постройки государства Российского», входящем в состав третьей главы воспоминаний, автор кратко освещает обстоятельства создания Памятника, атмосферу вокруг этого события, отношение к нему современников. Ценность публикуемого материала обусловлена и тем, что он показывает, как в истории вокруг создания Памятника отразились противоречия между различными группами русской эмиграции, характерные и для русского дореволюционного общества. Воспоминания Скородумова являются свидетельством того, что даже внутри патриотического монархического лагеря были существенные разногласия.

Текст М.Ф. Скородумова «Наша гибель и наше спасение» был написан в Белграде в 1941–1942 гг., но оккупационная немецкая администрация не допустила его к печати².

В четырнадцати главах книги³ Скородумов определяет причины крушения Российской империи — «моральное разложение» правящего класса, аристократии, интеллигенции и большей части русского народа⁴. Он предлагает серию пре-

*Михаил Федорович Скородумов.
Фотография предоставлена
профессором И. Антанасиевич*

² Скородумов М.Ф. Наша гибель и наше спасение // Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 265. Л. 1–265.

³ Там же. Гл. 1. Виновики крушения Российской империи. Гл. 2. Понятие о государстве. Гл. 3. Как надо строить будущую Россию. Гл. 4. Сердце: церковь, духовенство. Гл. 5. Церковь. Гл. 6. Духовенство. Гл. 7. «Глаза государства» — подрядчики. Гл. 8. Русская женщина. Гл. 9. Упорядочение вопроса деторождения. Гл. 10. Школа. Гл. 11. Мозги, правящий класс — интеллигенция. Гл. 12. Армия. Гл. 13. Суд. Гл. 14. Кровь — контроль.

⁴ Там же. Л. 5.

образований по будущему возрождению России: восстановление самодержавной монархии, справедливое разрешение земельного и рабочего вопросов, строгий контроль государственных служащих, создание справедливых судов, национальных по духу школ, поддержка твердой патриархальной семьи⁵.

Самым сложным для Скородумова являлся вопрос о человеческом «материале», из которого придется строить будущую Россию. Он считал необходимым привлечь к государственной работе честных и порядочных патриотов, лучшую часть русского народа. И хотел сделать предварительный отбор таких людей, прежде всего среди представителей эмиграции. Специальный раздел третьей главы книги «Материал для постройки государства Российского»⁶, отрывок из которого мы представляем к публикации, и посвящен русской эмиграции, подвергшейся Скородумовым критике за трусость, аморальность (коррупционность), нежелание осудить собственные пороки и осмыслить причины крушения Российской империи. Тем не менее лучшие ее представители должны были, по замыслу автора, вернуться в Россию и заменить собою «самозванный» советский правящий класс⁷.

Проживая после Второй мировой войны, с начала 1950-х гг., в США, в Лос-Анджелесе, Михаил Федорович собирался выпустить свою работу уже там, внося небольшие поправки. Но не успел этого сделать ввиду своей кончины в 1963 г. Книга была издана его женой, Екатериной Дмитриевной, в 1966 г. под названием «За Россию» в сокращенном варианте⁸. Она выполнила эту работу в память и во исполнение желания покойного мужа. Скородумов не претендовал на научность или литературность своего труда, он ставил своей задачей «исполнить долг перед родиной», содействовать будущему преобразованию России [Скородумов 1966, с. 4]. Книга была написана для «морально здоровой части русского народа», которая будет способна согласиться с изложенными в ней идеями и взять их на вооружение при строительстве новой России, освобожденной от большевиков [Там же, с. 2].

Обратимся к биографии Михаила Федоровича Скородумова. Этот человек является одним из ярких представителей русской эмиграции в Югославии. Между тем известно о нем крайне мало, имеющиеся биографические сведения грешат неточностями, перекочевывающими из одной работы в другую. Материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), в особенности хранящиеся в нем послужные списки, позволяют основательно документировать его жизненный путь.

Михаил Федорович родился 28 марта (9 апреля) 1892 г. в Санкт-Петербурге в семье дворянина, коллежского советника, военного врача Федора Федоровича Скородумова и его жены Лидии Иосифовны. В 1910 г. окончил 1-й петербургский

⁵ Скородумов М.Ф. Наша гибель и наше спасение. Л. 29–30, 35, 90, 97, 126, 167, 192, 202, 222, 239, 243.

⁶ Там же. Л. 35–90.

⁷ Там же. Л. 90, 248.

⁸ Скородумов М.Ф. За Россию. Лос-Анджелес, 1966. В опубликованной книге Скородумова отсутствуют главы 8–10, 13–14.

кадетский корпус⁹. Сохранилась характеристика, данная Михаилу руководством этого учебного заведения. «По характеру живой, веселый и несколько легкомысленный. Натуру имеет размашистую. К старшим предупредителен, но скрытен. С товарищами хорош. Правдив и честен. Бережлив <...>. К религиозным обрядам относится внимательно. В общем, представляет цельную и нетронутую натуру»¹⁰.

В сентябре 1910 г. Михаил был зачислен юнкером Павловского военного училища, в ноябре 1911 г. произведен в унтер-офицеры¹¹. Во время пребывания в училище подвергался взысканиям со стороны дисциплинарного комитета: за младший класс получил три взыскания, за старший класс — шесть¹².

В аттестате, выданном Михаилу при переходе в старший класс, его наставник штабс-капитан А.Е. Эверт (1857–1918) отмечал, что тот обладал живым и веселым характером, к требованиям военной службы относился серьезно, был «отличным гимнастом». Он мог быть одним из лучших юнкеров, но этому мешал «низкий балл по учению». А в характеристике, данной после производства Скородумова в офицеры, Эверт назвал его благовоспитанным, аккуратным, достаточно настойчивым, но обидчивым человеком. При этом писал, что дух военной службы и дисциплину Скородумов «понимает правильно» и добросовестно выполняет служебные обязанности¹³.

6 августа 1912 г., по окончании училища, Михаил Федорович был произведен в подпоручики 95-го пехотного Красноярского полка¹⁴, а уже 9 августа того же года прикомандирован к лейб-гвардии Павловскому полку для испытания по службе, 8 сентября зачислен в 3-ю роту этого полка¹⁵.

С 25 сентября по 4 октября 1913 г. Михаил Скородумов командовал 4-й ротой Павловского полка. Затем был откомандирован для обучения в Главную гимнастическо-фехтовальную школу в Санкт-Петербурге. 18 июля 1914 г. возвратился в полк и был зачислен в 5-ю роту¹⁶.

В составе полка М.Ф. Скородумов вступил в Первую мировую войну. 25 августа 1914 г. был ранен в бою при деревне Кастановка Волынской губернии (сквозная рана правого локтевого сустава). За «отличия в делах против неприятеля» награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и орденом Св. Станислава 3-й степени¹⁷. После выздоровления был признан негодным к строевой службе, однако настоял на возвращении на фронт [Чухнов 1967, с. 15; Александров 2005а, с. 465].

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 191621 (п/с № 258–614). Л. 1–1 об.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35032. Л. 523; Ф. 409. Оп. 1. Д. 191621. Л. 1–2.

¹² Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 191621. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 2 об.

¹⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35032. Л. 523.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. 409. Оп. 2. П/С № 351–829. Л. 4–5.

¹⁷ Там же. Л. 1, 5, 7.

В феврале 1915 г. Скородумов вернулся в Павловский полк, командовал различными его ротами: 5-й его величества ротой, 7-й и 4-й¹⁸. С 7 марта по 15 июня 1915 г. участвовал в боях за оборону ломжинских позиций, 6–10 июля — в Холмской операции. 10 июля 1915 г. стал командиром 10-й роты Павловского полка. Прикрывал отступление 2-й гвардейской пехотной дивизии. В бою при деревне Верещин 22 июля 1915 г. был вновь ранен и пленен немцами¹⁹. Трижды неудачно пытался бежать [Неелов 1966, с. 2; Александров 2005а, с. 465; Тимофеев 2010, с. 20].

25 февраля 1917 г. в результате обмена военнопленными М.Ф. Скородумов прибыл в Петроград. За него как за выдающегося офицера ходатайствовали товарищи по Павловскому полку и лично великая княгиня Мария Павловна Романова (1890–1958) [Цурганов 2001, с. 114].

Как инвалид, Скородумов поступил на учет 134-го петроградского тылового распределительного эвакуационного пункта. В июне 1917 г. произведен в поручики, затем в штабс-капитаны. В августе 1917 г. был назначен начальником учебной команды Павловского полка. Приказом войскам 11-й армии от 25 сентября 1917 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В октябре 1917 г. командирован для несения службы в распоряжение командира гвардейского Павловского резервного полка²⁰.

После захвата власти большевиками Михаил Федорович был участником подпольной офицерской организации, а после ее раскрытия бежал на юг России. Несмотря на инвалидность, сражался в рядах Добровольческой армии. Возглавлял команду конных разведчиков в Павловском батальоне 1-го сводно-гвардейского полка сводно-гвардейской бригады Вооруженных сил Юга России (далее — ВСЮР; 1919). В 1919 г. в конной атаке при взятии Киева ранен в ногу. Участвовал в походе генерала Н.Э. Бредова (1920), был интернирован в Польше. Затем воевал в 1-м армейском корпусе Русской армии П.Н. Врангеля в Крыму²¹, являлся участником обороны Перекопа [Цурганов 2001, с. 114–115; Александров 2005а, с. 465]. В ноябре 1920 г. в составе Русской армии эвакуировался из Крыма. В 1920–1921 гг. жил в Галлиполи, где генерал А.П. Кутепов (1882–1930) назначил его, как выдающегося боевого офицера, командиром батальона Корниловского военного училища. В 1921 г. вместе с батальоном переехал в Болгарию, приказом генерала П.Н. Врангеля от 22 марта 1922 г. был назначен комендантом города Ловеч²².

В 1922 г. решением правительства А.С. Стамболийского (1879–1923) М.Ф. Скородумов вместе с А.П. Кутеповым был выслан из страны по подозрению в участии в заговоре по свержению этого правительства [Неелов 1966, с. 3; Александров 2005а, с. 465; Тимофеев, 2010, с. 20]. В том же году прибыл в Королевство сербов,

¹⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. П/С № 351–829. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 1, 5.

²⁰ Там же. Л. 6, 8.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 6. Л. 157.

²² Там же. Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 8. Л. 33–34; Ф. Р-6711. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

хорватов и словенцев, жил в Белграде, служил чиновником в Администрации белградских кладбищ [Лобачев 1997, с. 102].

Политические убеждения Михаила Федоровича всегда были монархическими. Пребывание за границей, знакомство с политической жизнью демократических стран лишь укрепили его убеждение в том, что неограниченное самодержавие, при котором государь стоит выше партийных интересов, является наилучшим государственным устройством. Скородумов был одним из самых активных и ярких проповедников монархии: выпускал обращения к эмиграции, публиковал газетные статьи и организовывал «монархические встречи», на которые собирались тысячи людей²³. При этом он являлся монархистом-легитимистом. Когда в 1924 г. великий князь Кирилл Владимирович Романов (1876–1938) провозгласил себя российским императором, Михаил Федорович немедленно присягнул ему на верность и вступил в ультрамонархический Корпус офицеров императорских армий и флота [Неелов 1966, с. 3–4]. В 1930 г. был назначен генерал-майором этого Корпуса [Александров 2005а, с. 465]. Активно боролся за объединение русской эмиграции под стягом «главы императорского дома великого князя Кирилла Владимировича». Рассуждая о пути возвращения на родину, Скородумов и его соратники считали безосновательными надежды на внутренний антибольшевистский переворот в России, поскольку ОГПУ располагает собственными вооруженными силами, которые подавят любое восстание. Они рассчитывали только на вторжение в страну Русской армии во главе с законным, по их мнению, императором Кириллом Владимировичем [Миленковић, Павловић 2006, с. 63]. Корпус вел активную агитацию среди офицеров, конкурируя с Русским общевоинским союзом (далее — РОВС), что привело к острому конфликту между этими организациями [Там же, с. 33].

В 1934 г. Скородумов создал и возглавил Союз бывших кадровых царских русских офицеров и остальных военнообязанных, получивший название «Русское народное ополчение». Оно занимало крайне правые, последовательно монархические позиции, выражая чаяния тех русских эмигрантов, которые не смирились с поражением в Гражданской войне и стремились к продолжению борьбы с «поработителями Святой Руси». Символ «Русского народного ополчения», «ополченский крест» (равноконечный крест с полукруглыми, расширяющимися на конце ветвями), в 1935 г. был запечатлен на Памятнике Русской славы [Тимофеев 2010, с. 21].

Будучи сторонником неограниченной монархии и активной борьбы с большевиками, Скородумов подвергал безжалостной атаке практически все русские эмигрантские организации, обвиняя их либо в бездействии, либо во вредной деятельности. С одинаковым ожесточением он критиковал как политиков, так и старых генералов [Миленковић, Павловић 2006, с. 33, 61]. В 1930 г. Михаил Федорович втянулся в многолетнюю борьбу с руководством РОВС, считая абсурдной

²³ Скородумов выступал с докладами на встрече легитимистов в белградском ресторане «Мон-Реп», посвященной жизни Владимира Кирилловича Романова (4 июня 1931 г.), на собрании в память Николая II в Офицерском доме г. Нови-Сад (25 марта 1934 г.), на торжественном собрании Народно-монархического объединения в Русском доме в Белграде (15 марта 1936 г.).

заветную идею последнего о необходимости созыва Учредительного собрания для установления формы правления в будущей России («непредрешенчество»). Скородумов полагал, что русский народ еще не созрел для участия в выборах [Неелов 1966, с. 3]. 26 января 1930 г. агентами Иностранного отдела ОГПУ в Париже был похищен и убит председатель РОВС А.П. Кутепов. Михаил Скородумов стал публично доказывать, что похитители имели сообщника в руководстве РОВС, и потребовал производства дознания в штабе Союза [Там же, с. 19].

В свою очередь генерал-лейтенант Е.К. Миллер (1867–1939), сменивший А.П. Кутепова на посту председателя РОВС, в июне 1930 г. обвинил Скородумова и его соратника генерал-майора Н.В. Шинкаренко (1890–1968) в связях с большевиками [Царский вестник 1930, с. 5]. Кто был прав в этом споре, показали следующие события. В 1937 г. Е.К. Миллер стал жертвой генерала Н.В. Скоблина (1893–1937/1938), оказавшегося агентом НКВД [Маевский 1966, с. 233].

Заслуживает особого внимания деятельность Скородумова в Союзе русских военных инвалидов Югославии, членом которого он являлся. Этот Союз, основанный в 1923 г., занимался материальной поддержкой инвалидов (выдачей пособий, ссуд), организацией для них бесплатных обедов, содействием их устройства на работу, в лечебные заведения и санатории [Царский вестник 1931, с. 4]. Союз имел отделы в крупных городах страны, состоял под покровительством принца Павла Карагеоргиевича (1893–1976) и финансировался королевским правительством²⁴. Русские военные инвалиды получали правительственную материальную помощь в виде пенсии по трем категориям. Инвалиды первой категории (со 100-процентной нетрудоспособностью) — 800, второй категории (с 75 %-ной) — 400, третьей (с 50 %-ной) — 200 динаров ежемесячно [Миленковић, Павловић 2006, с. 73–74]. Учет выделяемым деньгам вело центральное правление Союза инвалидов. Ведомости для раздачи денег инвалидам должны были подписываться министрами финансов и социальной политики югославского правительства и председателем Союза инвалидов [Русский инвалид 1931, с. 5].

С начала 1930-х гг. Скородумов развернул ожесточенную кампанию против центрального правления Союза. Он обвинил заместителя председателя правления полковника В.В. Добровольского в том, что тот при попустительстве председателя правления князя Н.П. Вадбольского (1869–1944) и других членов правления занимался тратой средств не по назначению [Неелов 1966, с. 7]. По версии Скородумова, Добровольский подкупил и подчинил своему влиянию ревизионную комиссию, почти всех председателей провинциальных отделов и даже суд части Союза и исключал нелояльных [Скородумов 1966, с. 31].

В ответ центральное правление Союза инвалидов сместило руководство белградского отдела, который возглавлял соратник Скородумова полковник Н.Л. Неелов (1896–1983). Прошедший 7–9 августа 1932 г. частичный съезд председателей провинциальных отделов Союза (из 21 на съезде было 9 человек) постановил отстранить того от должности. Неелову инкриминировались «формальные нарушения устава <Союза инвалидов>, решений съездов и распоряжений центрального

²⁴ В 1935 г. в Союзе состоял 2421 инвалид.

правления». Было распущено все правление белградского отдела. Многие белградские инвалиды выразили недовольство этим решением, поскольку Николай Леонидович пользовался их уважением за свою энергичную деятельность. Именно он нашел источники средств на нужды отдела, построил в Белграде Дом русских военных инвалидов имени императора Николая II (1931), создал кредитное товарищество, предоставлявшее инвалидам дешевые кредиты [Царский вестник 1932а, с. 2–3; 1932б, с. 3]. В результате протестовавшая против смещения Неелова группа инвалидов, и в их числе Скородумов, была исключена из состава Союза без права на пособие по инвалидности [Царский вестник 1934а, с. 2]. Исключение было инициировано съездом и РОВС [Миленковић, Павловић 2006, с. 33].

Кроме того, Добровольский убедил членов съезда подписать заготовленное им обращение к министру внутренних дел Югославии. В нем Скородумов и Неелов обвинялись в том, что их деятельность совпадала с деятельностью шестого конгресса Коминтерна в Москве²⁵, и содержалась просьба о лишении их инвалидной пенсии и об их высылке из Югославии. В ответ Скородумов и Неелов подали на всех участников съезда в суд за оскорбление и клевету [Неелов 1966, с. 8]. На этом Михаил Федорович не остановился. Однажды в воскресный день после церковной службы он подошел к одному из участников съезда, генерал-лейтенанту В.П. Агапееву (1876–1956), и дал ему пощечину. Суд признал членов съезда виновными в клевете и оскорблении и приговорил их к денежному штрафу [Там же, с. 8–9].

Однако противники Скородумова не успокоились. Центральное правление Союза инициировало против него тридцать пять судебных процессов, пытаясь заставить его прекратить разоблачение их деятельности. Адвокаты Добровольского привлекали Михаила Федоровича, писавшего газетные статьи с критикой правления, по обвинению «в оскорблении в печати». Скородумов и его сторонники вначале защищались сами, затем стали пользоваться услугами белградского адвоката В.И. Лехно [Там же, с. 8; Царский вестник 1937б, с. 3; 1937г, с. 2].

На шестом делегатском съезде Союза русских военных инвалидов²⁶ (24–29 марта 1934 г.) была единогласно осуждена «вредная деятельность» исключенных из Союза лиц, а центральному правлению Союза предъявлено требование принять самые решительные меры к ее прекращению [Русский инвалид 1934, с. 8].

В конфликте Скородумова с центральным правлением Союза русских военных инвалидов в Югославии Зарубежный союз военных инвалидов, находившийся в Париже, занял сторону последнего. Так, секретарь Зарубежного союза С.Д. Позднышев (1889–1980) в редактируемой им газете «Русский инвалид» обвинил Михаила Федоровича в клевете на белградский Союз. Он писал, что Скородумов, распуская слухи о «мифических административных расходах», занимаясь травлей правления белградского Союза, подрывал доверие к Главному правлению

²⁵ Шестой конгресс Коммунистического интернационала, проходивший в Москве 17 июля — 1 сентября 1928 г., принял программу и устав Коммунистического интернационала и провозгласил социал-демократию «социал-фашизмом».

²⁶ На съезде присутствовали делегаты всех отделов Союза.

Зарубежного союза и ввиду этого являлся орудием ОГПУ в «разложении» военной эмиграции [Позднышев 1931, с. 7].

В 1932 г. председатель Зарубежного союза Н.Н. Баратов (1865–1932) с удовлетворением писал:

Я глубоко был тронут, видя, что если в нашей многотысячной военно-братской семье и нашелся один блудный сын, который взбунтовался и вступил в борьбу с главой семьи и его ближайшими сотрудниками во имя своих частных интересов (неверно понимаемых при этом), то за интересы общего дела вступились единодушно все остальные 19 союзов-братьев²⁷, и этим дружным единодушным выступлением помогли мне своим добром победить чужое зло²⁸ [Русский инвалид 1932, с. 3].

Казалось, борьба М.Ф. Скородумова с правлением Союза военных инвалидов закончилась поражением. Однако в конечном итоге победил именно он. Помогли связи Михаила Федоровича в югославских верхах. Его политическим единомышленником был Д. Лютич (1891–1945), руководитель монархической партии «Збор», бывший министр юстиции Югославии (1931). В свою очередь близким к Лютичу оказался действующий министр социальной политики и народного здравоохранения Югославии, в ведении которого находился Союз инвалидов. Скородумов переговорил с Лютичем, тот передал министру весь материал по растрате инвалидов средств правлением Союза. Министр, ознакомившись с документами, в сентябре 1937 г. назначил в Союз правительственного комиссара, генерала югославской армии в отставке Йоксима Гайича, и учредил особую комиссию, которой поручил провести детальное расследование. Гайич и комиссия подтвердили достоверность представленных Скородумовым сведений [Неелов 1966, с. 9; Царский вестник 1937а, с. 2]. За три месяца следствия они выяснили, что правлением Союза было роздано займы различным частным предприятиям, ничего общего с инвалидами не имеющим, около 500 000. Была обнаружена тайная касса, из которой председатели провинциальных отделов Союза получали от центрального правления, помимо положенного жалованья, еще и неофициальное [Маевский 1966, с. 232]. Кроме того, вскрылась махинация вокруг концессии, предоставленной югославскими властями руководству правления для организации в тавернах Белграда лотереи в пользу инвалидов. Оказалось, что выручку от нее поделили между собой отдельные члены правления [Миленковић, Павловић 2006, с. 74].

Добровольский и все замешанные в злоупотреблениях лица все же были лишены званий военных инвалидов. В 1938 г., по окончании расследования, состоялся делегатский съезд белградского Союза инвалидов, который избрал новое центральное правление Союза [Неелов 1966, с. 9–10]. Михаил Федорович считал,

²⁷ Зарубежный союз военных инвалидов объединял 20 союзов, находившихся в различных государствах Европы, Азии и Америки. К 1 мая 1935 г. в Зарубежном союзе числилось 6538 инвалидов [Русский инвалид 1936, с. 5].

²⁸ На втором делегатском съезде Зарубежного союза в Праге осенью 1930 г. все русские зарубежные союзы инвалидов выказали поддержку белградскому Союзу.

что честь русского имени восстановлена, т. к. злоупотребления были раскрыты самими русскими.

Другой важнейший эпизод деятельности М.Ф. Скородумова в Югославии — возведение в Белграде Памятника Русской славы. Скородумов был непосредственным организатором возведения мемориала и одним из главных участников сбора и перенесения туда останков русских воинов, погибших во время Первой мировой войны на Салоникском фронте и при обороне Белграда [Межинская Милованович 2014, с. 206]. В этой деятельности Скородумов получил всемерную поддержку властей Югославии. При поддержке своего друга Н.М. Богдановича, шефа отдела по вопросам кладбищ Белградского муниципалитета, почетного председателя Русского народного ополчения, Скородумов смог выхлопотать у белградских властей участок земли в 20 квадратных метров на Новом кладбище, напротив Иверской часовни [Никифоров 1992, с. 37; Межинская Милованович 2014, с. 207]. Был создан Комитет по возведению мемориала. Его председателем стал руководитель Союза городов Югославии, адвокат и первый советник Белградского муниципалитета Д.М. Богданович²⁹. А его заместителем — полковник в отставке, бывший командир артиллерии при обороне Белграда и Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев на Салоникском фронте С.И. Тасовац, секретарем Комитета — Скородумов, казначеем — полковник Н.Л. Неелов. Комитет действовал по благословию патриарха Сербского Варнавы (1880–1937) и митрополита Русской православной зарубежной церкви Антония (А.П. Храповицкого; 1863–1936) [Царский вестник 1934в, с. 1; Межинская Милованович 2014, с. 206–207].

Скородумов организовал специальную кампанию по сбору необходимых средств. Пожертвования на памятник были собраны в течение первой половины 1930-х гг. Сбор средств как в денежной форме, так и в бронзе, меди, цементе, камне, мраморе был осуществлен с одобрения министерств транспорта, армии и флота и просвещения. Среди многочисленных жертвователей значился и патриарх Варнава [Межинская Милованович 2014, с. 207]. Денежный сбор находился под контролем специальной комиссии, возглавляемой полковником С.И. Тасовцем. Каждый камень, пошедший на строительство памятника, был оценен в 300 динаров, на нем выбивалась фамилия дарителя [Никифоров 1992, с. 37; Косик 2010, с. 341]. План строительства мемориального склепа был предварительно рассмотрен и утвержден технической дирекцией Белградского муниципалитета [Царский вестник 1934б, с. 1]. Сербская жандармерия мобилизовала крестьян, которые обходили поля сражений, разыскивали и выкапывали останки русских солдат и вместе с найденными вещами, нательными крестами и документами укладывали их в мешки. Михаил Федорович вместе с ними ходил по полям, откапывал погибших, несмотря на опасность заражения трупным ядом [Неелов 1966, с. 5].

19 августа 1934 г. фундамент гробницы был освящен. В течение первой половины 1935 г. в построенный склеп были перенесены останки погибших воинов. Торжественная церемония началась в ночь с 23 на 24 мая 1935 г., когда останки

²⁹ Добра Богданович являлся братом Николы Богдановича.

русских, павших на Салоникском фронте, в сопровождении военной музыки были отправлены из Скопье и встречены во Вране и Нише. 24 мая в 10 часов утра гробы прибыли в Белград. После панихиды кости 387 русских воинов, павших за Сербию, поместили в крипту русского склепа [Межинская Милованович 2014, с. 207–209]. Организацию перевозки останков на Новое кладбище блестяще провело Русское народное ополчение. В этом траурном торжестве принимали участие представители югославских властей, русских организаций и населения столицы. Каждому заранее отвели свое место, и порядок ни разу не нарушался [Неелов 1966, с. 6]. Чтобы продемонстрировать благодарность Югославии русскому народу, циркулярным распоряжением Министерства просвещения было предписано: учащимся всех средних учебных заведений городов Битола, Скопье и Ниш участвовать во встрече и проводах останков, а ученикам старших классов белградских школ содействовать их перенесению от вокзала до Нового кладбища. Кроме того, всем учителям югославских школ рекомендовали в течение недели (12–19 мая) прочесть учащимся на уроках истории лекции о значении России в освобождении южных славян [Царский вестник 1935, с. 2].

Памятник Николаю II и русским воинам в то время, когда проходила эта церемония, еще не был окончательно завершен; в течение лета 1935 г. и позднее собирались средства для окончания проекта. Он был открыт и освящен 12 января 1936 г. в 11 часов утра. На торжестве присутствовало большое число официальных лиц, с речами выступили патриарх Варнава и генерал Скородумов [Косик 2010, с. 341; Межинская Милованович 2014, с. 210–211]. Сербский патриарх произнес благодарственные слова русским воинам, «которые поднялись, как один человек, за свободу маленькой Сербии в наиболее тяжелый момент ее истории и которые пали за эту свободу» [Никифоров 1992, с. 37]. В свою очередь Скородумов отметил, что восстановление царской России является вопросом чести и существования всего славянства, поскольку без нее славяне не смогут долго существовать. Михаил Федорович упрекнул союзников России по Антанте в том, что, получив победу в Первой мировой войне при помощи царской России, они предали ее и заключают пакты с коммунистической властью. Он также поблагодарил югославский народ за непризнание власти большевиков и выразил надежду на то, что славянство поможет русским людям сбросить их власть [Царский вестник 1936а, с. 1–2].

Памятник Русской славы высотой в 19 метров производил огромное впечатление на современников, его посещали тысячи людей. Ежегодно 19 июля, в час объявления Германией войны России, в присутствии русских и югославов у Памятника совершалась торжественная панихида [Косик 2010, с. 342].

Михаил Федорович продолжал сбор средств на его содержание. За период с мая 1936 по июль 1937 г. на приобретение и содержание инвентаря было собрано пожертвований по подписным листам на 2548 динаров [Царский вестник 1937в, с. 3]. При этом минимальная сумма, необходимая на содержание Памятника, составляла 9–10 тысяч динаров (4800 динаров — жалованье сторожу; 3000 — материалы для ремонта памятника: камень, цемент, клумбы; 1000 — на устройство годовщин и прием высокопоставленных лиц) [Царский вестник 1938, с. 4].

8 мая 1938 г. Русское народное ополчение организовало на улицах Белграда кружечный сбор, а 11 июня 1939 г. обратилось ко всем русским организациям с просьбой участвовать в этом мероприятии [Царский вестник 1939, с. 2]. Но мало кто его услышал! Как и во время возведения Памятника, казалось, что он больше нужен сербам, чем русским. Так, председатель правления Союза русских писателей и журналистов Югославии А.И. Ксюнин (1882–1938) в воскресенье 30 сентября 1934 г., проходя по белградским улицам, где производился сбор на сооружение Памятника, публично протестовал против этого мероприятия [Царский вестник 1934г, с. 3].

Некоторые лица приписывали работу Скородумова другим людям. Так, в 1936 г. белградский корреспондент газеты «Возрождение» Ю.В. Офросимов (псевд. Юров О.; 1894–1967) утверждал, что сбором средств на Памятник занимался якобы В.Н. Штрандман (1873–1963), ведавший делами русской эмиграции в этой стране [Возрождение 1936, с. 5].

История с Памятником Русской славы, как и финансовые аферы правления Союза русских военных инвалидов, привели Скородумова к жестокому разочарованию в подавляющем большинстве русской эмиграции. Михаил Федорович писал позже в своих воспоминаниях:

Дабы остановить развивавшиеся симпатии сербов к Совдепии и вернуть их к царской России, я затеял постройку памятника русским воинам и переноску останков русских офицеров и солдат с Салоникского фронта в Белград. Казалось бы, что это в интересах всех русских эмигрантов, предлог объединиться и устроить обще-югославянско-русскую манифестацию в честь национальной России.

Но не тут-то было, поднялся страшный шум, интриги, грязь, анонимки и борьба, чтобы во что бы то ни стало вырвать у меня эту инициативу. Чуть не сорвали все дело. Писали королю, писали министрам, писали моим приятелям сербам, что я коммунист, сумасшедший, что я убил своего отца и мать, что я криминальный тип...³⁰

С памятником Николаю II и русским воинам связана любопытная история. Каждый год представители государств Антанты, объединившиеся в организацию «Фидак», служили панихиды, возлагали венки, отдавали воинские почести и исполняли государственные гимны на всех союзнических военных кладбищах. И только перед Памятником Русской славы в первый год после его постройки венки были возложены без всяких почестей. После этого организацию «Фидак» перестали пускать к Памятнику до тех пор, пока перед ним не стала совершаться та же церемония, что и перед всеми другими союзными памятниками и кладбищами [Маевский 1966, с. 40–41].

В апреле 1941 г. немецкая армия после ожесточенных боев оккупировала Югославию. 22 мая 1941 г. приказом командующего немецкими вооруженными силами в Сербии была сформирована единая организация русских эмигрантов — Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии. Его ру-

³⁰ Скородумов М.Ф. Наша гибель и наше спасение. Л. 39.

ководителем был назначен М.Ф. Скородумов, как и многие русские эмигранты, наивно считавший Третий рейх союзником по борьбе за возрождение Великой России. Постоянная резиденция Бюро находилась в Белграде, в Русском доме имени императора Николая II [Александров 2005а, с. 465; Тимофеев 2010, с. 23].

Главными задачами Бюро стали: обеспечение русских эмигрантов работой и жильем, которое многие из них потеряли из-за гитлеровских бомбардировок [Цурганов 2001, с. 114–115]. Бюро удалось добиться возвращения многих русских, уволенных после оккупации из административных учреждений, обратно на службу. Были открыты дешевая столовая для беднейших русских эмигрантов и бесплатная столовая для безработных. С приходом немцев прекратилась ежемесячная государственная субсидия в сумме одного миллиона динаров на содержание русских средних учебных заведений, детских приютов, домов для престарелых, больниц. В этой ситуации по предложению Скородумова при финансовом отделе Бюро был образован Русский национальный фонд, который в короткий срок сумел собрать полтора миллиона динаров, направленных на поддержку этих учреждений [Неелов 1966, с. 7, 16; Чухнов 1967, с. 16]. Бюро также организовало многочисленные курсы (административно-полицейские, педагогические и др.) для будущих «администраторов земли Русской». Последовали заявления Скородумова и его соратников о скором возвращении эмигрантов в Россию. Однако это противоречило политике Третьего рейха [Тимофеев 2010, с. 23–25, 27] и вызвало раздражение немецких оккупационных властей.

Летом 1941 г. югославскими коммунистами был развязан террор против русских эмигрантов, в ходе которого уничтожались иногда целые семьи. На 1 сентября 1941 г. полицейские органы зарегистрировали более 250 случаев таких убийств. Возглавлявший русскую эмиграцию в Югославии Скородумов выступил с инициативой организации русской части для защиты эмигрантского населения. 12 сентября 1941 г. им был отдан приказ о формировании Отдельного русского корпуса³¹, который впоследствии предполагалось перебросить на Восточный фронт для борьбы против большевиков. Однако добивавшийся максимальной автономии Корпуса от немецкого командования Скородумов быстро впал в немилость. 14 сентября 1941 г. Михаил Федорович был арестован гестапо, отстранен от командования Корпусом и смещен с поста начальника Бюро. Гитлеровское командование стремилось не к возрождению национальной России, а к ее расчленению, геноциду русского и других народов. А потому сильная самостоятельная русская армия была ему не нужна³².

³¹ Это воинское формирование неоднократно меняло свое название: с 2 октября 1941 г. — Русский охранный корпус, с 18 ноября 1941 г. — Русская охранная группа, с 30 ноября 1942 г. — Русский охранный корпус, с 10 октября 1944 г. — Русский корпус в Сербии, с 31 декабря 1944 г. — Русский корпус, с 1 ноября 1945 г. — Союз бывших чинов Русского корпуса [Цурганов 2001, с. 111].

³² Корпус, возглавленный генерал-майором Б.А. Штейфоном (1881–1945), остался в Югославии [Гончаренко 2005, с. 207–208; Танин 2009, с. 167]. Всего в 1941–1945 гг. в составе Корпуса были сформированы пять полков, через которые прошли 17 090 человек. В 1941–1944 гг. подразделения Корпуса несли охранную службу на коммуникациях немецких войск в Сербии и Восточной Боснии, вели бои с партизанами И.Б. Тито (1892–1980). С сентября–октября 1944 г. полки и батальоны Корпуса в составе группы армий «Ф» генерал-фельдмаршала М. Вейхса (1881–1954) участвовали в боевых действиях против регулярных

Через три недели после ареста Скородумов был освобожден из тюрьмы, дав подписку, что не будет комментировать немецкую политику на востоке. В годы войны он не участвовал в политической деятельности, работал простым сапожником. В 1944 г. вступил в Русский корпус рядовым и дошел с ним до Австрии [Цурганов 2001, с. 117; Танин 2009, с. 167–168, 264]. В мае 1945 г. был арестован в Тироле американскими властями. Содержался в лагере Моосбург, в психиатрической лечебнице Егфлин Хаар под Мюнхеном, затем в лагере Дахау, откуда был освобожден в 1946 г. В 1946–1950 гг. жил в Мюнхене³³. В 1950 г. выехал в США, обосновавшись в Лос-Анджелесе (Калифорния). Занимался спасением бывших чинов Русского корпуса от выдачи большевикам и организацией их переезда из Австрии в США [Чухнов 1967, с. 117–123; Александров 2005а, с. 466]. Скончался от инсульта 15 ноября 1963 г. в Лос-Анджелесе, похоронен на Голливудском кладбище [Неелов 1966, с. 1; Александров 2005а, с. 466].

Михаил Федорович Скородумов являлся ярким, активным представителем российской эмиграции в Югославии. Будучи человеком волевым, энергичным, он содействовал созданию Памятника Русской славы. Он выиграл борьбу с правлением Союза русских военных инвалидов и способствовал прекращению злоупотреблений в этой организации. Причинами этих успехов были уверенность в правоте своего дела, настойчивость и исключительная способность привлекать к содействию нужных людей своей идейностью, бескорыстием, смелостью. Создание памятника русским воинам, инициирование расследования деятельности Союза инвалидов были бы невозможны без поддержки сербских правящих кругов. Вместе с тем сложный, конфликтный характер, которым отличался Скородумов еще с юных лет, его нетерпимость, несдержанность, грубость, бескомпромиссность весьма усложняли его позиции внутри российской эмиграции. Можно даже сказать, что в ее рядах он являлся своего рода белой вороной.

Воспоминания Скородумова публикуются по машинописному варианту, хранящемуся, как уже было сказано выше, в Архиве Дома русского зарубежья, в фонде Всероссийской мемориальной библиотеки (Ф. 1. Оп. 2. Д. 265. Л. 38–43). Он был передан супругой Скородумова Екатериной Дмитриевной Александру Исаевичу Солженицыну (1918–2008) в ответ на его «Обращение к русским эмигрантам» 25 декабря 1975 г. в парижской газете «Русская мысль» с просьбой прислать документальные свидетельства о революциях 1917 г. и Гражданской войне. Этот вариант единственный, сведения о существовании рукописного оригинала отсутствуют.

Текст передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Проведено деление текста на абзацы. Сохранены стилистические особенности оригинала. В угловых скобках восстановлены недостающие по смыслу части слов. Выдержаны современные принципы расстановки кавычек.

частей 65-й и 57-й советских армий [Александров 2005б, с. 374–375]. Русский корпус, выведенный заменившим Штейфона полковником А.И. Рогожиным (1893–1971) в Австрию, прекратил существование 1 ноября 1945 г. в лагере Келлерберг [Гончаренко 2005, с. 208; Танин 2009, с. 178].

³³ Скородумов М.Ф. Наша гибель и наше спасение. Л. 8.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

- Александров 2005а — *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб.: Б. и., 2005. 599 с.
- Александров 2005б — *Александров К.М.* Русские солдаты вермахта. Герои или предатели: Сб. статей и материалов. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 752 с.
- Возрождение 1936 — *Возрождение*. 1936. № 3882.
- Гончаренко 2005 — *Гончаренко О.Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой. Судьбы белогвардейцев. М.: Вече, 2005. 352 с.
- Косик 2010 — *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX — начало XXI века). М.: Институт славяноведения РАН, 2010. 460 с.
- Лобачев 1997 — *Лобачев Ъ.П.* Кад се Волга уливала у Саву: мој животни роман. Београд: Просвета, 1997. 309 с.
- Маевский 1966 — *Маевский В.А.* Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии: 1920–1945. Т. 2. Нью-Йорк: Издание Исторического кружка, 1966. 366 с.
- Межинская Милованович 2014 — *Межинская Милованович Е.К.* Историко-художественное значение русского некрополя // Русский некрополь в Белграде: символ исторической дружбы / ред. М. Радоевич, М. Кович; пер. с серб. А.А. Ведяевой, А.Н. Матрусовой, Е.В. Сагалович, О.А. Сарайкиной. Белград: Фонд поддержания, восстановления и сохранения комплекса историко-мемориальных памятников в Республике Сербия «Русский некрополь»: Институт политического и экономического диалога, 2014. С. 194–219.
- Миленковић, Павловић 2006 — Белоэмиграција у Југославији: 1918–1941. Т. 2 / приредили Т. Миленковић, М. Павловић. Београд: Институт за савремену историју, 2006. 359 с.
- Неелов 1966 — *Неелов Н.Л.* Краткая биография генерала М.Ф. Скородумова. Воспоминания // Скородумов М.Ф. За Россию. Лос-Анджелес, 1966. С. 2–24.
- Никифоров 1992 — *Никифоров К.В.* Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33–44.
- Оороков 2003 — *Оороков А.В.* Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 336 с.
- Позднышев 1931 — *Позднышев С.Д.* На инвалидном фронте // Русский инвалид. 1931. № 26. С. 7.
- Русский инвалид 1931 — Русский инвалид. 1931. № 12.
- Русский инвалид 1932 — Русский инвалид. 1932. № 48.
- Русский инвалид 1934 — Русский инвалид. 1934. № 66.
- Русский инвалид 1936 — Русский инвалид. 1936. № 88.
- Скородумов 1966 — *Скородумов М.Ф.* За Россию. [Лос-Анджелес, 1966]. 106 с.
- Танин 2009 — *Танин С.Ю.* Русский Белград. М.: Вече, 2009. 304 с.
- Тимофеев 2010 — *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М.: Вече, 2010. 400 с.
- Царский вестник 1930 — Царский вестник. 1930. № 123.
- Царский вестник 1931 — Царский вестник. 1931. № 178.
- Царский вестник 1932а — Царский вестник. 1932. № 294.
- Царский вестник 1932б — Царский вестник. 1932. № 295.
- Царский вестник 1934а — Царский вестник. 1934. № 378.

- Царский вестник 1934б — Царский вестник. 1934. № 404.
Царский вестник 1934в — Царский вестник. 1934. № 407.
Царский вестник 1934г — Царский вестник. 1934. № 417.
Царский вестник 1935 — Царский вестник. 1935. № 449.
Царский вестник 1936а — Царский вестник. 1936. № 485.
Царский вестник 1936б — Царский вестник. 1936. № 486.
Царский вестник 1937а — Царский вестник. 1937. № 572.
Царский вестник 1937б — Царский вестник. 1937. № 576.
Царский вестник 1937в — Царский вестник. 1937. № 578.
Царский вестник 1937г — Царский вестник. 1937. № 580.
Царский вестник 1938 — Царский вестник. 1938. № 603.
Царский вестник 1939 — Царский вестник. 1939. № 659.
Цурганов 2001 — *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Интрада, 2001. 288 с.
Чухнов 1967 — *Чухнов Н.Н.* В смятенные годы. Очерки нашей борьбы в годы 1941–1965. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1967. 304 с.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.Ф. СКОРОДУМОВА
«НАША ГИБЕЛЬ И НАШЕ СПАСЕНИЕ»

ГЛАВА III. КАК НАДО СТРОИТЬ БУДУЩУЮ РОССИЮ.
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<...> История утверждает, что каждая эмиграция морально разлагается, т. к. она отрезана от своего государства и фактически гуляет по всему свету без всякой русской власти, и нет сдерживающего начала.

Но как ни странно, в Совдепии¹ и в эмиграции сейчас происходит то же самое, что было с Россией до революции, но только в обратном направлении. Царская Россия наружно расцветала, а внутренне гнила. Совдепия и эмиграция наружно гниет, а внутренне процветает, т. е. лучшая часть русского народа и эмиграции, видя всю мерзость аморального гноя у власти, еще крепче стала в своих взглядах и своей незаметной работой производит оздоровление всего русского народа и эмиграции, но, конечно, до полного оздоровления еще далеко, и очень далеко.

Русская эмиграция действительно благодаря безвластию и отрицательному возглавлению разложилась морально ниже всякой критики. Я могу привести миллион примеров не для того, чтобы копаться в грязном белье, а для того, чтобы лучшая часть эмиграции увидела, что до полного оздоровления еще очень далеко, еще надо много и много поработать и помучиться.

Еще в 1930 году, сразу после похищения ген<ерала> Кутепова², когда я выступил в печати, доказывая, что в штабе ген<ерала> Кутепова гнездо ГПУ³, и требовал, чтобы там произвели дознание⁴, и указывал путь объединения эмиграции около законной русской династии⁵, меня исключили из всех русских обществ, организаций⁶ и из армии, пытались обвинить в большевизме и даже через знакомства убедили сербов уволить меня с сербской службы⁷. Я очутился на улице. Спрашивается: за что?

Но теперь я думаю, что все знают, кто был тогда прав. Ибо похищение ген<ерала> Миллера⁸ подтвердило, что все мои подозрения и указания были совершенно правильными⁹.

Дабы остановить развивавшиеся симпатии сербов к Совдепии и вернуть их к царской России, я затеял постройку памятника русским воинам и переноску останков русских офицеров и солдат с Салоникского фронта в Белград¹⁰. Казалось бы, что это в интересах всех русских эмигрантов, предлог объединиться и устроить обще-югославянско-русскую манифестацию в честь национальной России.

Но не тут-то было. Поднялся страшный шум, интриги, грязь, анонимки и борьба, чтобы во что бы то ни стало вырвать у меня эту инициативу. Чуть не сорвали все дело. Писали королю¹¹, писали министрам, писали моим приятелям

сербам, что я коммунист, сумасшедший, что я убил своего отца и мать, что я криминальный тип и вообще все, что хотите. Этим занимались верхи, т. е. возглавители эмиграции, но и низы немногим оказались лучше. В русском театре¹² группа артистов при переполненном театре ставила пьесы на злобу дня, где высмеивались и памятник, и переноска костей, а больше всего, конечно, я и моя протезная рука. Публика награждала артистов громовым аплодисментом. В юмористическом журнале «Бух»¹³ та же картина: весь юмор был направлен на высмеивание постройки памятника и переноски костей наших героев. Но здесь иногда настолько переходили границы, что приходилось обращаться к сербскому суду. Так, например, была помещена одна карикатура, где за столом и я, и редактор «Царского вестника» г<осподи>н Рклицкий¹⁴ играем в кости, и под карикатурой надпись: «Небывалый случай — оба играют в кости и оба выигрывают». На переноску останков и на открытие памятника¹⁵ из 11 тысяч эмигрантов в Белграде¹⁶ явилось всего лишь 3–4 тысячи, причем половина оказались сербы. А какая бы могла быть грандиозная манифестация, если бы явились все как один, 11 тысяч русских, и каждый бы привел с собой хотя бы по одному сербу. Антипатриотическое воспитание не научило нас, русских, работать на общее дело. Мы привыкли служить только лицу, а не делу, и притом тому лицу, от которого можно извлечь выгоду или который нам симпатичен, а на общее дело наплевать.

Когда была мною открыта афера в Союзе русских инвалидов¹⁷, где инвалидные возглавители¹⁸ обворовали приютившее нас государство на три миллиона динар, никто из русских официальных возглавителей¹⁹ не хотел прекратить это безобразия и позор²⁰. А когда пришлось обратиться к сербам и просить их убрать от нас этих воров, то в этой борьбе мне и моему помощнику, полк<овнику> Неелову²¹, пришлось выдержать тридцать пять судебных процессов в ложных обвинениях, с лжесвидетелями, которых нанимали инвалидные возглавители за небольшое вознаграждение из морально павших инвалидов.

Наконец, девять генералов и полковников, председателей провинциальных инвалидных отделов, получавшие от инвалидных возглавителей вознаграждение по 300–500 динар, не побрезговали написать на нас тайный донос министру²², что якобы мы агенты ГПУ, работающие на разложение Союза инвалидов, с целью нас выслатить из Белграда, дабы мы не могли раскрыть эту инвалидную аферу²³. К счастью, нам удалось вовремя об этом узнать и даже получить копию²⁴.

В воскресенье, выходя из церкви, я увидел ген<ерала> А<гапеева>²⁵, первого из девяти, подписавших этот тайный донос. Я прямо подошел к нему и спросил, на каком основании он написал министру, что я агент ГПУ. Ген<ерал> А<гапеев> заявил, что он ничего не знает; тогда я вынул копию и, показав ему, спросил: «А чья это подпись?» — на что ген<ерал> А<гапеев> ответил, что: «здесь не только моя подпись, и вообще я не желаю здесь с Вами разговаривать». Подобное поведение меня настолько возмутило, что я не выдержал и дал ген<ералу> А<гапееву> левой рукой пощечину. Ген<ерал> А<гапеев> в ответ ударил меня палкой по голове, я ему ответил тем же. После нас присутствовавшие развели.

Так произошел инцидент, но ген<ерал> А<гапеев>, как представитель старшего аморального поколения, подал на меня ложную жалобу в Суд чести, что я

якобы на него неожиданно напал и ударил палкой по голове. Свидетель, который во время инцидента был с ним рядом, некто полк<овник> К<ашкин>²⁶, это письменно подтвердил.

Суд чести под председательством гене<рала> от кавалерии Д<абича>²⁷ вынес решение, что ген<ерал> А<гапеев> поступил как полагается офицеру русской армии, и выразил ему соболезнование. Все возглавители русской эмиграции, в количестве около 300 человек, прислали ген<ералу> А<гапееву> свои письменные одобрения и соболезнования. Расхрабрившись, что на Суде чести это прошло, ген<ерал> А<гапеев> подал на меня и в сербский суд, причем указал, что я напал на него с целью его убить, что по сербским законам карается каторжными работами. Тогда и мне пришлось подать в сербский суд на всех девять генералов, председателей инвалидных отделов. На сербском суде по делу ген<ерала> А<гапеева> его же собственный свидетель, полк<овник> К<ашкин>, испугавшись каторжных работ за лжеприсягу, сказал правду, а именно: что никакого покушения на жизнь ген<ерала> А<гапеева> не было, а просто ген<ерал> Скородумов дал ему пощечину. Адвокат с одобрения ген<ерала> А<гапеева> потребовал внести в протокол суда 500 динар за полученную пощечину, но на другой день, очевидно по совету других генералов, ген<ерал> А<гапеев> от этих 500 динар за пощечину отказался.

Сербский суд, конечно, разобрал дело честно, по совести, а не так, как наш Суд чести, и дал мне лишь пять суток ареста, и то условно, за самоуправство, т. е. ничего.

Через несколько дней был суд по делу девяти генералов, подавших на нас ложный донос. Здесь этим господам выкрутиться не удалось, и сербский суд осудил их за намеренный ложный донос министру с целью нас представить агентами ГПУ, со всеми вытекающими из этого обвинения последствиями и осудил каждого на 23 суток ареста или 1680 динар штрафа. Но после апелляционным судом им было наказание смягчено и заменено денежным штрафом.

Затем был поставлен в Союзе инвалидов комиссар, сербский генерал Г<айич>²⁸, который обнаружил все указанные нами злоупотребления и воровство. Но благодаря тому, что в этой афере оказались замешаны не только русские, дело было положено под сукно, и комиссар устранен²⁹. Причем комиссар открыто сказал инвалидам-возглавителям, что «если бы вам дали Россию, то вы вторично бы ее погубили». А когда эти генералы сказали комиссару, что он слишком строг, то комиссар сказал, что «всех вас надо свезти на Теразию (площадь в центре города), полить керосином и сжечь».

Когда Югославия признала советскую власть³⁰, желая хоть чем-либо выразить протест, в день приезда советского посла³¹ я хотел на памятнике русским воинам вывесить национальный русский флаг в траурной кайме, но желающих это сделать не нашлось, и даже старый кубанец В.³² отговорился тем, что у него от высоты кружится голова, и мне пришлось самому с одной рукой влезть на 19-метровый памятник и водрузить этот флаг. Провисел этот флаг только пять часов, т. к. немедленно донесли в полицию, поднялась суматоха, и полиция флаг сняла. Меня вызвали в полицейский участок, хотели арестовать, но я поехал в Главную полицию и с большим трудом доказал, что это есть оскорбление русской святыни,

памятника тех героев, которые погибли за Югославию. В результате по телефону было сообщено в полицейский участок, чтобы флаг мне немедленно вернули.

Как-то раз поздно вечером явился ко мне жандарм и говорит, что меня вызывают в участок. Мои приятели, которые случайно засиделись у меня, были удивлены, что в такое позднее время меня вызывают в участок, одного меня не пустили, боясь возможных провокаций, и мы пошли все вместе.

Придя в участок, мне заявили, что они получили секретное сообщение, что один русский еврей-коммунист завтра утром около кафаны³³ «Гиничас» должен меня убить, и предложили мне жандарма, который бы сопровождал меня на службу. Я, конечно, поблагодарил за такое внимание и сказал, что у меня в моем Ополчении³⁴ три тысячи офицеров, солдат и казаков³⁵, а потому я очень благодарен, и жандарма мне не надо. На другой день, идя на службу, я взял с собой кубанца В., чтобы он шел на всякий случай позади меня. Когда я подходил к кафане Нинича, оглянулся и увидел, что казака нет. Когда же я пришел на службу, то казак уже был там и божился, что он все время шел сзади меня. Еврей этот был арестован.

Вообще, потрясающая трусость — это главная черта белградских беженцев; все боятся всего, а старшее поколение — даже своей собственной тени. На что-либо активное и чуть рискованное желающих найти невозможно. Чтобы кто-либо защитил себя, или вообще русское имя, или Россию, таких почти нет, а если и есть, то единицы. Колоссальных размеров трусость достигла во время бомбардировки Белграда³⁶. Русские ходили в панике, и только было слышно, что сербы расстреляли Петрова, расстреляли Иванова, расстреляли Сидорова, и так почти $\frac{3}{4}$ эмиграции в Белграде, якобы за «шпионаж» и за «принадлежность к пятой колонне». Когда же все успокоилось, то оказалось, что нет ни одного расстрелянного русского.

Вообще, отрицательных примеров из жизни эмиграции можно привести сколько угодно.

Эмиграция в массе морально разложилась и опустилась, и в таком виде только враги русского народа могут вернуть ее на родину.

Полная аполитичность, безграничный эгоизм, материализм, безграничная трусость, пьянство, безыдейность и все пороки, но в то же время колоссальная критика и требовательность. Всеми недовольны, кто-то обязан их содержать, кормить, поить, давать пособия и, народив детей, кто-то обязан их одевать, кормить, поить и даже учить. Кто-то, но, конечно, не они сами. Все хотят наслаждаться жизнью без долга, без борьбы, без риска, без лишений, т. е. во всем желание словчиться на чужой счет и сесть на место, приготовленное кем-то другим. Антипатриотическое воспитание создало русских с отрицательной психологией, не идейных борцов, а трусливых ловчил.

Конечно, я это не обобщаю, т. к. есть, хоть и небольшой, процент сохранившихся честных русских людей, идейных русских патриотов и чудо-богатырей, которые скромно затерялись в общей массе.

Ни в чем не разбирающийся обыватель будет опять все это читать с кислой гримасой, рассуждая: «И зачем эта грязь? Что было, то прошло; надо думать о будущем, а не копать в прошлом». Но конечно, обыватель не прав, ибо государ-

ство — это то же самое, что часовой механизм. Но нет на свете ни одного человека, у которого испортились и стали часы и который бы сказал: «Ну что я буду в них копать и искать причину, почему они испортились и не идут» — и стал бы носить испорченные часы. Как в государстве после катастрофы, так же и в испорченных часах надо немедленно найти причину, т. е. виновников перебоев, остановки и катастрофы, удалить испорченное, исправить, что можно, сделать общую чистку, и только тогда государственный и часовой механизм начнут точно и нормально работать. Не искать и не удалить причины и виновников порчи часового и государственного механизма могут только глупые или ненормальные люди. <...>

¹ Пренебрежительное обозначение советской России в эмигрантской среде.

² 26 января 1930 г. агентами Иностранного отдела ОГПУ в Париже был похищен и убит при задержании председатель РОВС (1928–1930) и Союза национальных террористов (1922–1930) генерал от инфантерии А.П. Кутепов.

³ ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР — орган государственной безопасности СССР.

⁴ Генерал А.П. Кутепов // Русский инвалид. Париж. 1930. 22 февр. № 1. С. 1. Свое убеждение о наличии в рядах помощников руководителей РОВС агентов советских спецслужб он выразил и в «Письме в редакцию» газеты «Царский вестник», см.: [Царский вестник 1936б].

⁵ М.Ф. Скородумов являлся монархистом-легитимистом, т. е. сторонником великого князя Кирилла Владимировича Романова, объявившего себя императором Кириллом I в 1924 г.

⁶ В августе 1932 г. М.Ф. Скородумов был исключен из Союза русских военных инвалидов Югославии и ряда монархических организаций.

⁷ Скородумов служил чиновником в Администрации белградских кладбищ.

⁸ Е.К. Миллер — генерал-лейтенант, руководитель Белого движения на севере России (1919–1920), начальник РОВС после гибели А.П. Кутепова (1930–1937), был похищен и вывезен агентами НКВД из Парижа в Москву 22 сентября 1937 г. Находился в заключении в тюрьме НКВД на Лубянке. Был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян во внутренней тюрьме НКВД 11 мая 1939 г.

⁹ В похищении генерала Е.К. Миллера участвовал генерал-майор Н.В. Скоблин — начальник Объединения чинов Корниловского ударного полка, один из членов РОВС, оказавшийся агентом НКВД.

¹⁰ Имеется в виду Памятник Русской славы на Новом кладбище в Белграде, инициатором создания которого был М.Ф. Скородумов. В мае 1935 г. в часовню-склеп, являющуюся частью Памятника, были торжественно перенесены останки павших за Сербию русских воинов.

¹¹ Королем Югославии Александру I Карагеоргиевичу (1888–1934).

¹² В Русском драматическом театре А.Ф. Черепова в Белграде.

¹³ Ежемесячный сатирический журнал «Бух» издавался Б.К. Ганусовским (1906–1993) в 1931–1936 гг. в Белграде.

¹⁴ Рклицкий Николай Павлович (1892–1976; архиепископ Никон) — выпускник юридического факультета Университета св. Владимира (1915), участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1921 г. в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Редактор-издатель белградских газет: «Русский военный вестник» (1925–1928), «Царский вестник» (1928–1940), «Русский народный вестник» (1940–1941). Член Комитета по сооружению памятника русским воинам на Новом кладбище в Белграде (1934–1936).

В 1941 г. принял монашеский постриг. Служил военным священником в Русском корпусе. В 1944 г. покинул Югославию, с 1946 г. жил в США. С 1960 г. архиепископ Вашингтонский и Флоридский, с 1964 г. один из заместителей председателя и постоянный член Синода РПЦЗ.

¹⁵ Торжественное открытие памятника русским воинам на Новом кладбище в Белграде состоялось 12 января 1936 г.

¹⁶ Согласно данным А.В. Тимофеева в этот период в Белграде проживало 11 133 русских [Тимофеев 2010, с. 23].

¹⁷ В Союзе русских военных инвалидов в Югославии. В начале 1930-х гг. Скородумов обвинил центральное правление Союза в растрате средств.

¹⁸ Речь идет о руководстве Союза русских военных инвалидов в Югославии. Председатель правления Союза (1930–1938) генерал-лейтенант князь Н.П. Вадбольский, заместитель председателя полковник В.В. Добровольский, заведующий финансовой частью генерал-майор М.А. Скворцов (1887–1967), член центрального правления полковник М.К. Исаев (1877–1957).

¹⁹ Скородумов имеет в виду руководителей Зарубежного союза русских военных инвалидов в Париже: председателя Союза (с марта 1932 г.) генерал-лейтенанта М.Н. Кальницкого (1870–1961), его заместителя и казначея организации генерал-лейтенанта профессора А.А. Гулевича (1866–1947) и секретаря Союза генерал-майора С.Д. Позднышева.

²⁰ В конфликте Скородумова с центральным правлением Союза русских военных инвалидов в Югославии Зарубежный союз военных инвалидов встал на сторону последнего.

²¹ Неелов Николай Леонидович — друг и ближайший сотрудник М.Ф. Скородумова. Окончил 3-й московский кадетский корпус (1914), Александровское военное училище в Москве (1914), капитан лейб-гвардии Волынского полка. Георгиевский кавалер. С 1919 г. начальник учебной команды в сводном полку 3-й гвардейской пехотной дивизии ВСЮР. Участник бредовского похода. Полковник сводно-гвардейского полка Русской армии П.Н. Врангеля (1920), был тяжело ранен в ногу. Эвакуирован на пароходе «Ялта», жил в Галлиполи. В эмиграции в КСХС с 1921 г. Окончил Торговую школу (1926) и Торговую академию (1929) в Белграде, работал бухгалтером в государственных учреждениях. Активный деятель, председатель Белградского отдела Союза русских военных инвалидов в Югославии (1930–1932), организатор постройки Дома русских военных инвалидов имени императора Николая II в Белграде (1931). С 1934 г. заместитель руководителя Русского народного ополчения М.Ф. Скородумова, его помощник по финансовой части. Казначей и делопроизводитель Комитета по сооружению памятника русским воинам на Новом кладбище в Белграде (1934–1936). В мае–сентябре 1941 г. заведовал финансовым отделом Бюро по защите интересов и оказанию помощи русским эмигрантам в Сербии. Служил в Русском корпусе. После 1945 г. жил в Аргентине, работал бухгалтером, скончался в пригороде Буэнос-Айреса Вижа-Бажестер.

²² Министру социальной политики и народного здравоохранения Югославии, в ведении которого находился Союз русских военных инвалидов.

²³ Этот донос был составлен 7–9 августа 1932 г. на «частичном» съезде председателей провинциальных отделов Союза русских военных инвалидов в Югославии (из 20 председателей отделов на собрании присутствовало 9).

²⁴ Скородумов смог получить копию доноса от своего знакомого, работавшего в Министерстве внутренних дел Югославии.

²⁵ Агапеев Владимир Петрович. Выпускник Санкт-Петербургского Николаевского кавалерийского училища (1895), Академии Генерального штаба (1901), офицер лейб-гвардии уланского его величества полка. В 1907–1909 гг. военный агент в Сербии. В годы Первой мировой войны начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии (1914), 6-го кавалерийского корпуса (1915–1917), 35-го армейского корпуса (1917) и 1-го Польского корпуса (1917).

Генерал-майор (1916). Организатор Харьковского центра Добровольческой армии (1918). В феврале–июне 1919 г. начальник штаба 2-го армейского корпуса ВСЮР, в августе 1919 — марте 1920 г. представитель ВСЮР при союзном командовании в Константинополе. Генерал-лейтенант (1919). С 1920 г. в эмиграции в КСХС. Служил в Военно-топографическом институте в Белграде, активно участвовал в работе IV отдела РОВС. Состоял в Союзе русских военных инвалидов в Югославии. С 1930 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Главный редактор «Вестника Объединения российских Пажеского, Морского и кадетских корпусов в Королевстве Югославия». В 1941 г. поступил рядовым в Русский корпус. Поняв, что корпус не будет отправлен на Восточный фронт, осенью 1942 г. переехал в Австрию, с 1948 г. жил в Чили, с 1950 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина), состоял начальником отряда Союза русского зарубежного воинства в Аргентине.

²⁶ Кашкин Сергей Александрович (?–1972) — полковник лейб-гвардии Волынского полка. Воевал в Добровольческой армии и ВСЮР. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. член редколлегии «Вестника Объединения российских Пажеского, Морского и кадетских корпусов в Королевстве Югославия». После 1945 г. жил во Франции, Германии и США. Заместитель руководителя Корпуса императорской армии и флота в США.

²⁷ Скорее всего, Дабич Михаил Федорович (1868 – между 1942 и 1945). Выпускник Санкт-Петербургского Николаевского кавалерийского училища (1889), офицер лейб-гвардии уланского его величества полка. Генерал-майор, в годы Первой мировой войны командир лейб-гвардии конно-гренадерского полка, инспектор конского состава 8-й армии. Воевал во ВСЮР и Русской армии П.Н. Врангеля. В эмиграции в КСХС с 1922 г., на 1938 г. представитель объединения конно-гренадерского полка в Югославии.

²⁸ Правительственный комиссар, отставной генерал Й. Гайич, назначенный Министерством социальной политики Югославии для расследования злоупотреблений в Союзе русских военных инвалидов.

²⁹ Генерал Гайич представил в Министерство социальной политики подробный рапорт о подтвердившихся злоупотреблениях. В.В. Добровольский был лишен звания военного инвалида и исключен из Союза русских военных инвалидов. В 1938 г., по окончании расследования, состоялся делегатский съезд Союза, который избрал новое правление Союза.

³⁰ Дипломатические отношения между Югославией и СССР были установлены 25 июня 1940 г.

³¹ С 26 июня 1940 по 8 мая 1941 г. полномочным представителем СССР в Югославии являлся В.А. Плотников (1898–1958). Он прибыл в Белград 26 июня 1940 г.

³² Лицо не установлено.

³³ Сербский ресторан.

³⁴ В Русском народном ополчении, организованном М.Ф. Скородумовым в марте 1934 г. как новая монархическая организация военного типа. Оно базировалось на строгом подчинении начальнику — М.Ф. Скородумову — и российским императорским законам. Ополчение было разделено на дружины (пехотную, кавалерийскую, артиллерийскую, морскую, гражданскую, женскую), которые имели свое обмундирование, выхлопотанное Скородумовым в Министерстве армии и флота Югославии. Печатным органом Ополчения были газеты «Царский вестник» (орган народного движения за восстановление престола православного царя-самодержца; редактор Н.П. Рклицкий) и «Партизан» (редактор А.В. Ланин).

³⁵ По данным А.В. Огорокова, в 1934 г. численность Ополчения составляла, не считая командного состава, только около 500 строевых офицеров, солдат и казаков, а к началу Второй мировой войны — более тысячи [Огороков 2003, с. 126].

³⁶ Речь идет о массированных авиационных налетах на Белград немецкой авиации 6–10 апреля 1941 г. в ходе вторжения Германии в Югославию.

Ф.Б. Поляков

ПАРТИЗАНСКИЙ ЭПИЗОД В БИОГРАФИИ А.В. ИСАЧЕНКО:
СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ*

Научная и педагогическая деятельность лингвиста, специалиста по истории и диалектологии славянских языков Александра Васильевича Исаченко (21 декабря 1910 / 3 января 1911, Санкт-Петербург — 19 марта 1978, Клагенфурт) во время Второй мировой войны, после переезда его семьи из Любляны в Братиславу в марте 1941 г., изучена достаточно подробно, как и обстоятельства его дальнейшего жизненного пути в послевоенной Чехословакии ([Harbuřová 2003; Eliáš, Matejko 2011]; см. также обширную литературу в статье: [Поляков 2021а; 2021б]). Однако в событийной канве тех лет затерялся эпизод, многое определивший в судьбе ученого, — связь Исаченко с партизанским движением на территории Словакии, едва не обернувшаяся гибелью для него. Постепенно эти сведения были заслонены другими биографическими деталями, более соответствующими политической ситуации в Чехословакии и ГДР, где проходила профессиональная деятельность Исаченко. Реконструкция малоизвестного партизанского эпизода становится возможной на основании документов из семейного архива А.В. Исаченко, переданных нам для публикации его дочерью Варварой Александровной Кюнельт-Леддин.

Официально засвидетельствованная версия событий отражена в приводимой ниже ранней чехословацкой автобиографии А.В. Исаченко. Примечательной особенностью этого документа является упоминание множества имен, причем иногда сведения о научных занятиях неотделимы от информации политического характера. Так, здесь названы славист В.А. Погорелов и лингвист Генрих Бартек, которые были не только академическими недоброжелателями Исаченко, но и идеологически враждебными элементами в чехословацком контексте — в конце войны эмигрантами, осевшими в американской зоне оккупации в Баварии. С другой стороны, некоторые слависты, принявшие самое непосредственное участие в судьбе Исаченко после 1938 г., по разным причинам в этой автобиографии упомянуты не были. Прежде всего, это люблянский профессор Фран Рамовш (Ramovš; 1890–1952), которого Исаченко имел основания называть своим «вторым отцом» (ср. в послесловии В.А. Кюнельт-Леддин к: [Issatschenko 2003, s. 145]). Именно

* За помощь в подготовке статьи благодарим Варвару Александровну Кюнельт-Леддин (Вена), а также Татьяну Двинятину (Санкт-Петербург / Бремен), Наталию Корину (Вена), Штефана Михаэля Неверкла (Вена), Марину Юрьевну Сорокину (Москва), Анне Хульч (Вена).

усилиями Рамовша он был спасен от преследования после присоединения Австрии национал-социалистами в марте 1938 г. [Poljakov 2005, s. 411–413]. Рамовш сделал возможным официальное приглашение Исаченко из Вены в Люблянский университет, поддержал защиту его диссертации и ее публикацию, при участии президента Сербской академии наук и искусств Александра Белича несколько лет пытался найти для Исаченко в Югославии постоянную работу по специальности (ср. также: [Derganc 2011; Дерганц 2012, с. 129–131]).

Но если отсутствие имени Рамовша можно объяснить (на основании их переписки) охлаждением личных отношений, то другой очевидный биографический диссонанс обусловлен, вероятно, политическими соображениями: в документе не упоминается один из виднейших словацких лингвистов Людовит Новак (Novák; 1908–1992). С ним Исаченко сближала и принадлежность к кругу пражских структуралистов, и совместные занятия во время их стажировки в Париже в 1933–1934 гг. (см. упоминания о них обоих в письмах Н.С. Трубецкого: [Trubetzkoj 1985, p. 294, no. CXXXVI (5.12.1933); p. 300–301, no. CXXX (май 1934)]). В январе 1941 г. Л. Новак был назначен ординарным профессором в Братиславе; Любомир Дьюрович, близкий друг Исаченко, связывает приезд последнего в Братиславу именно с предпринятыми Новаком организационными шагами: «Тогда же он принял приглашение в Братиславу, где профессор Л. Новак собирал структуралистов для полуопустевших институтов университета и новосозданных институтов академии» [Дьюрович 1979, с. 118]. Дочь А.В. Исаченко также называет Л. Новака инициатором переезда отца в Словакию (устное сообщение). Обзор деятельности Л. Новака см.: [Vykurělová 2005]. Действительно, по документальным свидетельствам, выявленным М.Ю. Досталь, переезд Исаченко в Словакию был связан с приглашением Словацкого научного общества (Slovenská učená spoločnosť) для работы над «Сравнительным словарем славянских наречий»; в марте 1941 г., подписав договор, «...Исаченко сразу же отправился в научную командировку в Берлин» ([Досталь 1993, с. 58], см. также: [Ницко 2018, s. 12, № 29]). Л. Новак был генеральным секретарем Словацкого научного общества [Vykurělová 2005, s. 75–76]). О своем путешествии из словацкого государства в столицу рейха (еще в статусе германского подданного) Исаченко в чехословацкой автобиографии предпочел не распространяться. Но поскольку в послевоенное время Л. Новак быстро попал под репрессии и несколько лет находился в тяжелейшем положении [Ibid., s. 76–77], это, по нашему предположению, и сделало нежелательным упоминание его имени в таком документе с политическим подтекстом.

Ниже публикуется отрывок из этой ранней чехословацкой автобиографии А.В. Исаченко, которая касается партизанского эпизода (в переводе Н.Б. Кориной и с нашим комментарием); словацкий оригинал приведенного фрагмента помещен в приложении. Источник представляет собой машинопись (копия) без даты и подписи, на четырех страницах, половина листа четвертой страницы отрезана. Последняя из упоминаемых в тексте дат — 1949 г. (когда Исаченко участвовал в создании Русского семинара в Братиславском университете); поскольку документ написан по-словацки, то его хронологические рамки ограничены временем до отъезда Исаченко из Братиславы в Оломоуц в 1955 г.

Проф. д-р А.В. Исаченко

АВТОБИОГРАФИЯ

<...> Я был политически пассивным. Когда в марте 1938 г. немецкие фашисты оккупировали Австрию, мне стало ясно, что я не могу оставаться под немцами. Моя научная работа обеспечила мне контакт с некоторыми учеными из Любляны (Югославия): у меня было несколько довольно объемных публикаций о словенских диалектах¹. На основании этих работ мои словенские друзья пригласили меня в Люблян, и в начале апреля 1938 г. я переехал в Люблян.

Поскольку у меня не было никаких средств к существованию, сначала я жил на авансы к моей хабилизации², которая была опубликована в 1939 г. В мае 1939 г. меня назначили доцентом славянской филологии в Люблянском университете. Должность доцента тогда не оплачивалась, так что мне снова пришлось содержать семью за счет случайных заработков и публикаций.

В 1935 г. я получил в Вене австрийское гражданство, которое после оккупации Австрии и ее присоединения к Германии автоматически было заменено на немецкое. Зимой 1940 г. я получил из Братиславы предложение занять кафедру русской филологии после ухода на пенсию проф. Погорелова, известного реакционера и врага Советского Союза³. Я очень обрадовался возможности получить наконец работу, соответствующую моим научным интересам. В марте 1941 г. я приехал в Братиславу, однако здесь узнал, что немецкие советники тогдашнего Министерства образования отказались дать согласие на то, чтобы я преподавал на факультете. С другой стороны, некоторые члены тогдашнего профессорского коллектива, а именно проф. Ян Станислав⁴, который был деканом, чинили мне препятствия и не пускали меня на факультет. Временно я получил работу в бывш<ем> Научном обществе, в мае получил предложение стать лектором русского языка в Высшей коммерческой школе в Братиславе. Там я мог преподавать, потому что институт существовал на частные средства (торговые палаты) и в выборе кадров не подчинялся Министерству образования. В годы войны было нелегко преподавать русский язык в высшей школе. Тем не менее я издал первый учебник русского языка для коммерческих институтов, который до освобождения издавался дважды⁵. Об этой книге проф. Погорелов написал в журнале «Культура», выпуск XVI, январь 1944 г., стр. 62, кроме прочего, следующее: «Следует добавить, что большинство статей учебного пособия взято из большевистских учебников, что придает книге определенный тенденциозный налет»; там же он обвинял меня в использовании «большевистских слов». Подобная «критика» в условиях оккупации была равносильна доносу. Мои студенты в Высшей коммерческой школе знакомились с жизнью в СССР, с его государственным и экономическим устройством в то время, когда в обществе любое упоминание о Советском Союзе считалось политически неблагонадежным. Когда зимой 1943 г. мне стала грозить опасность, что я, как гражданин Германии, буду либо мобилизован, либо отправлен в Германию, я подал ходатайство о словацком гражданстве, получил его и освобожден таким образом от немецкой юрисдикции.

В феврале 1944 г. я с семьей эвакуировался от бомбардировок в Пьештяны. В Братиславу ездил только на лекции, остальное время работал дома. Летом 1944 г. я со своей дочерью проводил каникулы в деревне Ладомирова (район Свидник), мы жили у семьи Шкурловых. Юлия (*sic!*) Шкурлова (ныне Фецанинова) была моей студенткой⁶. Я записывал украинские диалекты. Годом раньше, летом 1944 г. <recte: 1943 г. — Ф.П.>, я встретил в лесу у Ладомировой раненого советского военнопленного. Я доставил его нелегально в Бардейов к знакомому врачу, который оказал ему помощь и у которого он остался вплоть до выздоровления. Позднее я продолжал помогать этому офицеру деньгами и одеждой. На следующий год я узнал, что он ушел к партизанам, которые, как говорилось, действовали во Врановском районе. О подготовке к Восстанию я ничего не знал, поэтому события августа 1944 г. (я уже был снова в Пьештянах) застали меня врасплох. Я не присоединился к Восстанию, поскольку, во-первых, еще совсем недолго находился в Словакии, чтобы приобрести хорошие контакты, а во-вторых, был недостаточно осведомленным и не видел европейского значения этого восстания⁷.

После оккупации Пьештян немцами мое положение стало очень тяжелым. С одной стороны, в Пьештянах меня знали как русского и прогрессивно и антифашистски мыслящего человека, а с другой стороны, я узнал, что на меня донесли, что я якобы еврей. Поэтому я счел нужным уехать из Пьештян, где меня знали, в другой город. В Пьештянах я снимал жилье у семьи фотографа Шоулы, быв<шая> улица Андрея Глинки, 128. В декабре 1944 г. мы переселились в Тренчин, где работала моя жена. Мы жили на быв<шей> Годжовой, 7. В Братиславу я ездил крайне редко, поскольку из-за налетов занятий не было⁸. Остальное время я жил очень закрыто, никуда не ходил и писал свою книгу «Фонетика литературного русского языка», которая вышла позже⁹. В конце февраля 1945 г. (это могло быть 23 или 24) я был арестован немецкими властями в своей квартире в Пьештянах. В ходе допроса в Тренчине выяснилось, что меня подозревают в связях с мартинскими партизанскими отрядами. Я уже несколько лет как не был в Мартине, вообще никуда не ездил (кроме Братиславы) и ничего не знал об этих партизанах. Из допроса я вынес впечатление, что на меня донес д-р Генрик (*sic!*) Бартек, который был тогда председателем Общества зарубежных словаков¹⁰, поскольку на допросе меня выспрашивали про это общество, с которым я не имел ничего общего. Из Тренчина меня перевезли в Братиславу — сначала на Сасинкову улицу, где у гестапо имелись какие-то отделения, потом в Областной суд. Меня держали в заключении в немецком отделении, и над дверью у меня был красный знак, т. е. я был политическим заключенным. Во время заключения в Братиславе мне были запрещены прогулки, у меня не было очков. Я не знал, кто сидел вместе со мной. В Братиславе меня уже не допрашивали. Только в самом конце, когда тюрьму стали эвакуировать, меня перевели в общую камеру еще с девятью заключенными. Я знал по имени только двоих: д-ра Палковича, адвоката из Братиславы¹¹, и тов. Адамеца, шофера Зернового общества, ныне работающего в Словацкой академии наук. Поскольку заключенных эвакуировали, меня вместе с другими заключенными передали словацким органам, которые меня выпустили.

1 апреля я оказался на свободе. Хотя моя семья находилась в Тренчине и ничего обо мне не знала, я решил остаться в Братиславе, потому что было слишком рискованно пробиваться через отступающие немецкие армии в Тренчин. Фронт я пережил в Братиславе, в подвале, где по случайности находилась также Юлия Шкурлова-Фецанинова, у которой я летом жил в Ладомировой. По приходе советской армии меня допросили компетентные советские органы и определили в штаб Политпропа братиславской комендатуры, где я работал переводчиком до конца войны. Там меня встретил и д-р Ондрей Павлик, председатель Словацкой академии наук¹².

После освобождения я с энтузиазмом принялся за работу. Одно время я помогал в новом Департаменте образования, начал преподавать на факультете и в Высшей коммерческой школе, организовал первый летний курс для учителей русского языка летом 1945 г., написал и издал первый словацкий учебник русского языка для школ¹³. Тогда же я организовал и вел на факультете Русский семинар, до 1949 г. руководил Институтом по изучению иностранных языков в ВШЭН¹⁴, в Бродзянах неподалеку от Топольчан я нашел архив из наследия близких родственников Пушкина и отправил большинство материалов в Москву (их отвез Михал Хорват из Словацкой академии наук)¹⁵. Вместе с товарищами я основал первичную организацию Коммунистической партии Словакии¹⁶ на нашем факультете и в 1947 г. был членом комитета парторганизации. Я был одним из учредителей и первым председателем организации Революционного движения профсоюзов¹⁷ на нашем факультете и в ВШЭН. <...>

¹ Список ранних исследований А.В. Исаченко по словенской диалектологии начиная с 1935 г. см. в его библиографии: *Studia Linguistica*. 1978. P. XI–XII.

² *...моей хабилитации...* — [Isačenko 1939].

³ *...проф. Погорелова, известного реакционера и врага Советского Союза.* — Упоминается филолог, лингвист, палеославист, историк литературы Валерий Александрович Погорелов (1872, Санкт-Петербург — 1955, Мюнхен). Антагонизм А.В. Исаченко и В.А. Погорелова, помимо личной антипатии, усиливался из-за несовпадения политической ориентации. Биографические сведения о Погорелове, касающиеся российского периода и жизни в эмиграции (Болгария, Чехословакия, Западная Германия), см. в работах: [Досталь 1993, с. 54–58; Harbulová 2001; Rymarenková, Matejko 2002; Карачорова 2003; Pogorielová 2004; Сорокина 2011, с. 487–488; Галчева, Ковалев 2018, с. 370–371; Гарбульова 2019].

Упомянем некоторые труды Погорелова, не утратившие своего значения и по настоящее время. В 1896–1902 гг. как сотрудник библиотеки Московской синодальной типографии он занимался описанием рукописных и печатных фондов этого собрания, обрабатывая различные типы источников [Погорелов 1899–1903]. Разброс гетерогенного материала по эпохам повлиял на некоторую неровность каталогов, где часть сведений отражала результаты исследований Погорелова, а часть — нуждалась в уточнении из-за отсутствия сопоставительного тематического изучения других свидетельств (ср. рец.: [Соболевский 1905]). О значимости работы Погорелова с рукописным материалом свидетельствуют и результаты нового комплексного исследования [Мошкова 2006–2013].

К этой серии публикаций примыкает каталог иностранных изданий того же собрания [Погорелов 1903а]. Описание Погореловым «Ведомостей» петровского времени сопровождалось отдельным изданием выпусков газеты [Погорелов 1903б]; эта работа была про-

должна его преемником, выдающимся археографом А.А. Покровским [Покровский 1906], в архиве которого отложились и разные научные материалы Погорелова [Жучкова 1990].

Другой цикл изданий и лексикографических трудов Погорелова связан с церковно-славянской переводной литературой, в частности с изучением древнеболгарского перевода Псалтыри толковой Феодорита Кирского по «Чудовской псалтыри» XI в. (Москва, ГИМ, Чуд. 7; [Погорелов 1910]; см. перечень его варшавских публикаций: [Сводный каталог 1984, с. 73–74, № 31; Карачорова 2012]), кирилло-мефодиевской проблематики, карпато-русской традиции [Práce 1996, s. 586–587].

После прибытия в Софию (ноябрь 1920 г.) Погорелов не смог получить места в университете, преподавал в первой мужской гимназии и при содействии писателя Стилияна Чилингинова, директора Народной библиотеки, был принят в ее сотрудники для составления каталога ранних болгарских книг [Погорелов 1923; Димитров 2010, с. 173]. Он также состоял в комиссии по обсуждению (нереализованных эмигрантских) планов по открытию в Софии русского университета в составе двух факультетов — историко-филологического и экономическо-юридического, в который предполагалось принимать до тысячи русских студентов из Софии и Константинополя [Петкова 2010, с. 235]. В это время Погорелову пришлось пережить ухудшение политической ситуации в Болгарии для русских беженцев в связи с репрессиями просоветского правительства, выселением из квартир и издательствами полицейских (ср. [Кёсева 2008, с. 39]). В декабре 1921 г. он получил приглашение в Братиславу, прибыл туда в марте 1923 г. и занял должность профессора русского языка и литературы «по договору»; ординарным профессором Погорелов стал лишь в конце 1939 г. в словацком государстве.

После смерти первой жены, Марии Николаевны (урожд. Савинич; р. 1872, Санкт-Петербург), от тифа в Ростове-на-Дону (в 1919 или 1920 г.) у Погорелова на руках осталось семеро детей; 2 декабря 1923 г. он заключил брак с Брониславой Матвеевной Рунт (Runtová, в замуж. Погорелова (Pogorielová); 1885–1983), свояченицей Валерия Брюсова. Ее имя хорошо известно по переводам, публиковавшимся в России, а также по упоминаниям в источниках и мемуарной литературе Серебряного века. Она была секретарем брюсовского журнала «Весы» (1905, январь — февраль 1906 г. [Лавров, Гречишкин 2004, с. 208]; в 1905 г. там были опубликованы три ее рецензии [Соболев 2003, № 582, 844, 891]), в середине 1910-х гг. собирала богемный литературный кружок, характер которого ярко описал его участник Дон-Аминадо ([Дон-Аминадо 1991]; ср. [Шруба 2004, с. 183–184 и 34–37]), состояла в «Обществе свободной эстетики». Уже в мюнхенский период вышло в свет ее несколько отрывочных воспоминаний об этой поре московской жизни [Погорелова 1952; 1953; 1955]; еще одна публикация — рецензия [Погорелова 1958] — указывает на общение с кругами второй эмиграции.

Перед приходом советских войск Погореловы, как и многие из числа первой эмиграции, приняли решение уехать в западном направлении, в Баварию. Описание их беженского маршрута в неизвестность накануне краха Третьего рейха содержится в воспоминаниях «О нашем Исходе» [Pogorielová 2004]. Они находились в американском лагере перемещенных лиц в Пассау [Ульянкина 2010, с. 340, № 109], позднее в домах престарелых; в феврале 1951 г. Погорелова писала известному общественному деятелю М.М. Новикову из социального приюта в верхнебаварском городке Прин о невозможности и бесперспективности их отъезда из Германии [Там же, с. 116]. Затем Погореловых перевели сначала в дом престарелых в местечке Дорнштадт неподалеку от Ульма, потом — в Мюнхен. В.А. Погорелов скончался 2 сентября 1955 г.; отпевание состоялось 10 сентября в мюнхенской Свято-Николаевской церкви (объявление в газете: Новое русское слово. Нью-Йорк. 1955. 8 сент. № 15839. С. 1; подписано: «Дочь Мария Ромаскевич и внучка Ирина с мужем»). Б.М. Погорелова умерла в Мюнхене 21 июня 1983 г.

⁴ Станислав Ян (Stanislav; 1904–1977) — лингвист, специалист по церковнославянскому языку, диалектологии и истории словацкого языка; с 2005 г. его имя носит Славянский институт Словацкой академии наук. См. о его научной деятельности: [Skladaná 2016; Doruľa, Žeňuch 2016].

⁵ ...первый учебник русского языка для коммерческих институтов, который до освобождения издавался дважды. — [Isačenko 1943], второе издание — 1944 г.; третье, послевоенное издание вышло в 1946 г. См. подробнее: [Reuther 2005].

⁶ Юлия Шкурлова (*sic!*) (ныне Фецианинова) была моей студенткой. — Фецианинова Ульяна (Fecaninová, урожд. Škurlová; 1922–1995), училась в Братиславском университете по специальностям русский и немецкий языки (1942–1946), с 1953 г. до ухода на пенсию работала там же, на философском факультете; основная область научных занятий — фонетика и дидактика русского языка. О поездках Исаченко в Ладомирово см.: [Harbuľová 2011, s. 26].

⁷ Словацкое национальное восстание продолжалось с 29 августа по конец октября 1944 г.; см. подробно: [Марьина 2009, с. 201–245; Пречан 2013]. В формировании словацких партизанских отрядов участвовали и советские организаторы, проникавшие в страну в течение июля и августа 1944 г. [Мичев 2017].

⁸ Необходимо дополнить, что Исаченко в зимнем семестре 1944/45 г. также читал лекции (3 часа в неделю) и вел семинары (2 часа в неделю) в Братиславском университете как доцент, замещаая Погорелова [Досталь 1993, с. 59].

⁹ ...«Фонетика литературного русского языка», которая вышла позже. — [Isačenko 1947].

¹⁰ ...д-р Генрик (*sic!*) Бартек, который был тогда председателем Общества зарубежных словаков... — Бартек Генрик (Bartek; 1907–1986) — словацкий лингвист, преподаватель, публицист, сторонник языкового пуризма, с 1945 г. в эмиграции в Баварии, скончался в Платлинге, похоронен в Нидеральтайхе. См. о нем: [Ondrejovič 2001; Kačala, Rydlo 2017; Katrebová Blehová 2019].

Научное общество зарубежных словаков (Vedecká spoločnosť pre zahraničných Slovákov) — культурно-политическая организация, основанная в мае 1939 г. для поддержки национальных, культурных, общественных и экономических интересов словаков, находящихся за пределами новообразованной Словацкой республики; занималась также издательской деятельностью.

¹¹ ...д-ра Палковича, адвоката из Братиславы... — Палкович Юрай (Palkovič), личный секретарь Милана Ходжи (Hodža), чехословацкого политика, последнего премьер-министра (1935–1938) Первой Чехословацкой республики.

¹² ...д-р Ондрей Павлик, председатель Словацкой академии наук. — Павлик Ондрей (Pavlík; 1916–1996), педагог, коммунистический деятель во время Словацкого национального восстания, политик; возглавлял Академию в 1953–1955 гг., в 1957 г. был исключен из компартии Чехословакии, реабилитирован в 1968 г.

¹³ ...написал и издал первый словацкий учебник русского языка для школ. — [Isačenko 1947a].

¹⁴ ВШЭН — Высшая школа экономических наук / VŠHV, Vysoká škola hospodárskych vied.

¹⁵ Хорват Михал (Chorvát; 1910–1982), писатель, публицист, переводчик; политик, участник Словацкого национального восстания. См. о нем: [Matisková 2008, s. 43–44].

О пушкинских материалах Исаченко и разысканиях в Бродянах, в замке семьи барона Фризенгофа, женатого на Александрине (урожд. Гончаровой), имеются противоречивые свидетельства, требующие отдельного расследования в контексте разветвленной чехословацкой пушкинианы. Ср. [Isačenko 1947b; Раевский 1962; 1978; Досталь 1993, с. 59–60; 2009, с. 404].

¹⁶ ...первичную организацию Коммунистической партии Словакии... — základná organizácia Komunistickej strany Slovenska.

¹⁷ ...Революционного движения профсоюзов... — ROH, Revolučné odborové hnutie.

* * *

Итак, после отхода военных сил нацистов с территории Словакии находившийся до этого в братиславской тюрьме А.В. Исаченко был выпущен на свободу «словацкими органами» государства-сателлита. Поскольку это произошло 1 апреля 1945 г., а Братислава была взята советскими войсками 2-го Украинского фронта (командующий — Родион Малиновский) 4 апреля, то встреча Исаченко с представителями войскового Смерша и контрразведки могла привести к драматической развязке. Как известно, сразу же, в апреле 1945 г., в Братиславе, как и повсюду на чехословацкой территории, начались репрессии против русских и украинских эмигрантов [Марьина 2009, с. 312–313]. Поэтому тот факт, что Исаченко при своей эмигрантской биографии не только не пострадал, но и был привлечен к работе в идеологическом отделе советской комендатуры, показывает, что ему удалось внушить доверие во время допросов «компетентными советскими органами» (*príslušnými sovietskymi úradmi*). Тогда же он познакомился с германистом, литературоведом и переводчиком Н.Н. Вильям-Вильмонтом (1901–1986) — майором административной службы, который с мая 1943 г. являлся инструктором-литератором редакционно-издательского отделения 7-го отдела Политуправления 2-го Украинского фронта¹. Вместе с ним в мае 1945 г. они ездили по «пушкинским местам» в Бродзяны [Раевский 1978, с. 43; Досталь 1993, с. 59].

Хотя Исаченко незамедлительно предпринял попытку (по свидетельству его дочери — вполне искреннюю) вступить в Словацкую коммунистическую партию, такое настроение оказалось массовым и не обязательно могло предоставлять защиту лицам с эмигрантским прошлым. Вообще же, по донесению того же политуправления фронта от 30 апреля 1945 г., в Братиславе к этому времени были образованы райком и обком партии: «В организацию компартии города поступило более двух тысяч заявлений местных жителей, желающих вступить в компартию. Прием в партию временно прекращен» [Марьина 2015, с. 27–28; Слоистов 2015, с. 99]. Как мы предполагаем, при проверке биографии Исаченко определенную роль сыграла *внутренняя* информация о его сотрудничестве с советским партизанским движением. Именно она могла стать веским аргументом в глазах сотрудников следственных органов 2-го Украинского фронта. Действительно, в архиве А.В. Исаченко сохранился нотариально заверенный документ такого рода (машинопись), который был оформлен позднее, по-видимому, для использования в обстоятельствах новой (чехословацкой?) жизни.

СПРАВКА

Настоящая (*sic!*) дана Александру Васильевичу И с а ч е н к о, доценту Братиславского университета, рожд. 21-го декабря 1910 г. в г. Ленинграде, в том, что он начиная с 1943 г. помогал развитию партизанского движения на востоке Словакии.

¹ См.: <https://pamyat-naroda.su/person/political/386098> (дата обращения: 23.12.2021).

В 1943/44 гг. нелегально посылал посылки с платьем через д-ра Дакснера для врановского партизанского отряда<, > а также поддерживал денежными суммами из своих собственных средств.

От второй половины 1944 г. до февраля 1945 г. помогал политическим заключенным и русским партизанам, сидевшим на Крайском суде в г. Братислава, посылая им продукты и деньги. Заботился о юридической помощи советским партизанам, находящимся (*sic!*) в заключении словацких фашистских властей.

Направлял русских военнопленных, бежавших из концлагерей и лагерей военнопленных в Германии, во Врановский и Ганушовский партизанские отряды.

Что и удостоверяю подписью:

Б<ывший> к<оманди>р Врановского партизанского отряда,
стар<ший> л<ейтенан>т пограничных войск НКВД

<подпись> (С.А. Ощепков)

В Тренчине, 03.08.45

Na základe zápisnice č. s. 273/1945 dosvedčujem, že mne menom a osobne známy p. Štefan Alexandrovič Oštepков z Bratislavy, túto listinu predou mnou vlastnoručne podpísal. ----

---- V Trenčíne, dňa 3.-ho /tretieho/ augusta roku 1945. /tisícdeväťstoštyridsiateho piateho./

Verejný notár: <подпись>

<Круглая гербовая печать:

Dr. Michael Slávik, verejný notár>

[Перевод:

На основании протокола № 273/1945 свидетельствую, что лично и по имени мне известный г-н Штефан Александрович Оштепков из Братиславы собственноручно подписал настоящий документ в моем присутствии.

В Тренчине, 3-го (третьего) августа 1945 (тысяча девятьсот сорок пятого) года.

Публичный нотариус: <подпись>

<Круглая гербовая печать:

д-р Михаэл Славик, публичный нотариус>]

Эта справка свидетельствует о наличии конспиративных связей и разностороннем участии Исаченко в партизанском движении. В документе в качестве связного Исаченко упомянут известный в послевоенной Чехословакии юрист и политический деятель коммунистической ориентации Игорь Дакснер (Daxner; 1893–1960) ([Kučera 2009; Čarľovič 2013; см. послевоенный рассказ самого Дакснера о партизанской борьбе и его участии в Словацком национальном восстании: [Daxner 1946]). Дислокация партизанских отрядов указывает на города Восточной Словакии — Вранов-над-Топлём (Vranov nad Topľou) и Ганушовце-над-Топлём (Hanušovce nad Topľou). Благодаря материалам сайтов «Память народа 1941–

1945»² и «Обобщенный банк данных “Мемориал”»³, содержащих рассекреченные данные (2007 г.) и репродукции ряда документов, оказалось возможным отождествить и свидетеля, составившего приведенную справку. Это уроженец деревни (ныне село) Чекмени (Нытвенский район, Пермский край) Степан Александрович Ощепков, из крестьянской семьи, родившийся 15 августа 1911 г., кадровый офицер пограничных войск НКВД. В информации о нем встречаются противоречия, однако основные вехи биографии сомнений не вызывают. На военную службу Ощепков поступил 25 ноября 1933 г., служил в 87-м погранотряде (впоследствии полк), в 1941 г. был дислоцирован в Белоруссии, имел звание старшего лейтенанта войск НКВД. Считался пропавшим без вести (ошибочно) 23 июня 1941 г., на следующий день после вторжения германских войск на советскую территорию. 1 июля 1941 г. под городом Тельшяй на северо-западе Литвы Ощепков попал в плен, находился в офицерском лагере XIII D (62) под Нюрнбергом, в Лангвассере (ныне район на окраине самого города), где имел лагерный номер 3974. В армейской регистратуре снова считался пропавшим без вести между 4 декабря 1941 г. и 18 декабря 1942 г. Датой окончания военной службы названо 13 марта 1946 г.; 9 августа 1957 г. Ощепков был награжден орденом Отечественной войны I степени. Очевидно, Ощепкову удалось спастись из лагеря военнопленных, вернуться на службу, сохранив звание, попасть к партизанам в Восточной Словакии; какое-то время после войны он оставался в Чехословакии. Справка, выданная им Исаченко, подписана в Тренчине, однако нотариус называет местопребыванием Ощепкова Братиславу. Само наличие такой справки доказывает имевшуюся возможность идентификации партизанского помощника командиром партизанского отряда и их личной встречи. Документально зафиксированное перечисление действий А.В. Исаченко в поддержку партизанских отрядов в Восточной Словакии также позволяет взглянуть на список его работ 1943–1945 гг. и на его биографию тех лет как на еще одно свидетельство преданности научному творчеству «под крылом у гибели».

Литература

- Галчева, Ковалев 2018 — *Галчева Т.Н., Ковалев М.В.* Переписка А.П. Мещерского с А.В. Флоровским (1956–1967) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск, 2018. С. 361–397.
- Гарбульова 2019 — *Гарбульова Л.* Русские ученые в Словакии: интеракция словацкой и русской науки в 1920–1945 годы // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 64–73.
- Дерганц 2012 — *Дерганц А. А.В.* Исаченко в Любляне // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении / гл. уред. Б. Станковић; приредило за штампу П. Буњак. Београд, 2012. С. 127–132.
- Димитров 2010 — *Димитров Е.* Стилиян Чилингиров и Александър Митрофанович Фьодоров // «Погасла дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България 1919–1944 / съст. и науч. ред. Р. Русев, Й. Люцканов, Х. Манолакев. София, 2010. С. 146–200.

² См.: <https://pamyat-naroda.ru>.

³ См.: <https://obd-memorial.ru>.

- Дон-Аминадо 1991 — *Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. М., 1991.
- Досталь 1993 — *Досталь М.Ю.* Российские слависты-эмигранты в Братиславе // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 49–62.
- Досталь 2009 — *Досталь М.Ю.* Как феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы). М., 2009.
- Дюрович 1979 — *Дюрович Л.* Александр Васильевич Исаченко (1910–1978) // *Russian Linguistics*. Vol. 4. № 2. 1979. P. 117–127.
- Жучкова 1990 — *Жучкова И.Л.* Новые материалы к биографии историка А.А. Покровского (По документам ЦГАДА) // *Археографический ежегодник за 1989 год*. М., 1990. С. 230–234.
- Карачорова 2003 — *Карачорова И.* Погорелов, Валерий Александрович // *Кирило-Методиевска енциклопедия*. Т. 2. София, 2003. С. 138–140.
- Карачорова 2012 — *Карачорова И.* Из лексиката на славянския Псалтир с тълкованията на Теодорит Кирски // *Язык Библии: лингвотекстологические исследования*. М.; СПб., 2012. С. 47–62.
- Кёсева 2008 — *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. М., 2008.
- Лавров, Гречишкин 2004 — *Лавров А.В., Гречишкин С.С.* Символисты вблизи. Очерки и публикации. СПб., 2004.
- Марьина 2009 — *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2: 1941–1945 гг. М., 2009.
- Марьина 2015 — *Марьина В.В.* 1945 год: Освобождение Братиславы и Праги // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2015. № 10. С. 22–36.
- Мичев 2017 — *Мичев С.* Граждане Советского Союза в словацком движении Сопротивления // *Запад — Восток*. 2017. № 10. С. 245–251.
- Мошкова 2006–2013 — Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1 / сост. О.В. Беляков, И.Л. Жучкова, Б.Н. Морозов, Л.В. Мошкова; под ред. Л.В. Мошковой. 2-е изд., стереотип. М., 2006; Вып. 2 / сост. О.В. Беляков, И.Л. Жучкова, Б.Н. Морозов, Л.В. Мошкова; под ред. Л.В. Мошковой. М., 2013; Вып. 3 / сост. И.Л. Жучкова, Б.Н. Морозов, Л.В. Мошкова; под ред. Л.В. Мошковой. М., 2013.
- Петкова 2010 — *Петкова Г.* Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940) // *Русские в Болгарии. Юбилейный информационный альманах русского зарубежья в Болгарии 1877–2007 гг.* Пловдив, 2010. С. 222–314.
- Погорелов 1899–1903 — *Погорелов В.* Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1: Рукописи. Вып. 2: Сборники и лексиконы. М., 1899. Вып. 3: Псалтыри. С приложением статьи «О редакциях славянского перевода Псалтири» и четырех фототипических таблиц. М., 1901. Вып. 4: Материалы и оригиналы Ведомостей 1702–1727 гг., с приложением 6 фототипических таблиц. М., 1903.
- Погорелов 1903а — *Погорелов В.* Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 2: Печатные книги. Вып. 1: Иностранные книги XV и XVI вв. (1485–1538). М., 1903.
- Погорелов 1903б — *Ведомости времени Петра Великого*. Вып 1: 1703–1707 гг. В память двухсотлетия первой русской газеты. М., 1903.
- Погорелов 1910 — *Погорелов В.* Чудовская Псалтырь XI в. Отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древне-болгарском переводе. СПб., 1910. (Памятники старославянского языка Т. 3, вып. 1).
- Погорелов 1923 — *Погорелов В.* Опис на старите български печатни книги (1802–1877). София, 1923.
- Погорелова 1952 — *Погорелова Б.М.* К.Д. Бальмонт // *Новое русское слово*. Нью-Йорк, 1952. 14 сент. № 15750. С. 2, 8.
- Погорелова 1953 — *Погорелова Б.М.* Валерий Брюсов и его окружение // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1953. № 33. С. 176–198.

- Погорелова 1955 — *Погорелова Б.М.* «Скорпион» и «Весы» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. № 40. С. 168–178.
- Погорелова 1958 — *Погорелова Б.М.* [Рец. на кн.: Бунин И.А. Избранные произведения. М., 1956] // Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. № 26 (январь–март). Мюнхен, 1958. С. 140–141.
- Покровский 1906 — Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2: 1708–1719 гг. В память двухсотлетия первой русской газеты. М., 1906.
- Поляков 2021а — *Поляков Ф.Б.* Ранние годы Веры Макаровой (княгини Вики Оболенской) в воспоминаниях А.В. Исаченко // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2020. М., 2021. С. 28–39.
- Поляков 2021б — *Поляков Ф.Б.* Ранние годы Веры Макаровой (княгини Вики Оболенской) в воспоминаниях А.В. Исаченко // Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2021. С. 10–25.
- Пречан 2013 — *Пречан В.* Словацкое национальное восстание — наиболее драматичный эпизод словацкой истории // Историк-славист: призвание и профессия. К юбилею В.В. Марьиной / отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб., 2013. С. 50–95.
- Раевский 1962 — *Раевский Н.А.* В замке А.Н. Фризенгоф-Гончаровой // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 4. М.; Л., 1962. С. 379–393.
- Раевский 1978 — *Раевский Н.* Избранное. М., 1978.
- Сводный каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. М., 1984.
- Слоистов 2015 — *Слоистов С.М.* Освобождение Словакии в донесениях ГлавПУРККА в ЦК ВКП (б) февраль–апрель 1945 года // Славяноведение. 2015. № 6. С. 90–99.
- Соболев 2003 — *Соболев А.Л.* «Весы», ежемесячник литературы и искусства. Аннотированный указатель содержания. М., 2003.
- Соболевский 1905 — *Соболевский А.И.* [Рец.: Погорелов 1899–1903] // Отчет о присуждении Ломоносовских премий в 1903 году. СПб., 1905. С. 41–42. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXXI. № 2).
- Сорокина 2011 — Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / гл. ред. Ю.В. Мухачев, ред.-сост. М.Ю. Сорокина; под общ. ред. Г.А. Месяца и Е.П. Чельшева. М., 2011.
- Ульянкина 2010 — *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010.
- Шруба 2004 — *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004.
- Čaplovič 2013 — *Čaplovič M.* Daxner, Igor Michal, 1893–1960 // *Vojenské osobnosti dejín Slovenska 1939 — 1945* // František Cséfalvay a kolektív. Bratislava, 2013. S. 47.
- Daxner 1946 — *Daxner I.* Ako sme pracovali // *Nad Tatrou sa blýska. Slovenské národné povstání / Zost. František Oktavec.* Praha; Bratislava, 1946. S. 139–142.
- Derganc 2011 — *Derganc A.* A.V. Isačenko v Ljubljani // *Eliáš, Matejko* 2011. S. 14–23.
- Doruľa, Žeňuch 2016 — *Ján Stanislav a slovenská slavistika / J. Doruľa, P. Žeňuch (eds.).* Bratislava 2016
- Eliáš, Matejko 2011 — *Florilegium in honorem Alexandri Isačenko ad iubiliaeum centinarium oblatum / A. Eliáš, L. Matejko (eds.).* Bratislava, 2011.
- Harbuľová 2001 — *Harbuľová L.* Ruská emigrácia a Slovensko. Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939. Prešov, 2001.
- Harbuľová 2003 — *Harbuľová L.* Prvé roky pobytu A.V. Isačenka na Slovensku // *Slavica Slovaca.* Roč. 38, 2003. Č. 1. S. 60–63.

- Harbuľová 2011 — *Harbuľová L.* A.V. Isačenko a jeho činnosť na Slovensku v rokoch 1941 až 1945 // Eliáš, Matejko 2011. S. 24–29.
- Hučko 2018 — *Hučko J.* Slovenská učená spoločnosť (1935) 1939–1944. Inventár. URL: http://archiv.sav.sk/inventare/data/fond_2.pdf (дата обращения: 23.12.2021).
- Isačenko 1939 — *Isačenko A.V.* Narečje vasi Sele na Rožu. Ljubljana, 1939.
- Isačenko 1943 — *Isačenko A.V.* Príručka ruského jazyka: Systematická gramatika, čítanka, glosár. Bratislava, 1943.
- Isačenko 1947 — *Isačenko A.V.* Fonetika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1947.
- Isačenko 1947a — *Isačenko A.V.* Ruský jazyk. Učebnica pre nižšie stredné a meštianské školy. Bratislava, 1947.
- Isačenko 1947b — *Isačenko A.V.* Pushkiniana in Slovakia // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 26. № 66. 1947. P. 161–173.
- Issatschenko 2003 — *Issatschenko A.V.* Eine Kindheit zwischen St. Petersburg und Klagenfurt. Momentaufnahmen / Aus dem Russischen übersetzt, bearbeitet und ergänzt von Warwara Kühnelt-Leddihn. Klagenfurt; Ljubljana; Wien, 2003.
- Kačala, Rydlo 2017 — *Henrich Bartek* v slovenskej jazykovede a kultúre / J. Kačala, J. M. Rydlo (eds.). Bratislava, 2017.
- Katrebová Blehová 2019 — *Katrebová Blehová B.* Slovenská emigrácia v Taliansku v rokoch 1945–1950. Bratislava; Roma, 2019.
- Kučera 2009 — *Kučera M.* Daxner Igor // *Biografický slovník českých zemí*. T. 12. Praha, 2009. S. 150–151.
- Matisková 2008 — *Matisková E.* Literárne osobnosti mesta a okresu Zvolen. Biografický slovník. Zvolen, 2008.
- Ondrejovič 2001 — *Ondrejovič S.* Slovenský jazykovedec Henrich Bartek (1907–1986). I // *Slovenská reč*. Ročník 66/2. URL: https://www.juls.savba.sk/ediela/sr/2001/2/sr2001_2.html; II. // *Slovenská reč*. Ročník 66/3. URL: https://www.juls.savba.sk/ediela/sr/2001/3/sr2001_3.pdf (дата обращения: 23.12.2021).
- Pogorielová 2004 — *Pogorielová B.* Pamäti emigrantky 1945–1955. Bratislava, 2004.
- Poljakov 2005 — *Poljakov F.* Nikolaj S. Trubetzkoy's eurasische Vision: Hintergründe und Wirkung // *Nikolaj Trubetzkoy. Rußland — Europa — Eurasien. Ausgewählte Schriften zur Kulturwissenschaft* / Hrsg. von F.B. Poljakov. Redaktion und Vorwort von H. Miklas. Wien, 2005. S. 315–461 (Schriften der Balkan-Kommission, 45).
- Práce 1996 — *Rachůnková Z., Řeháková M., Vacek J.* Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945 (Bibliografie s bibliografickými údaji o autorech). Díl I, svazek 2. Praha, 1996.
- Reuther 2005 — *Reuther T.* Das sprachdidaktische und lexikografische Werk A.V. Isačenko // *Slavistische Linguistik* 2003. Referate des XXIX. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / Hrsg. von S. Kempgen. München, 2005. S. 263–286 (Slavistische Beiträge, 442).
- Rymarenková, Matejko 2002 — *Rymarenková T., Matejko L.* Neznáma kapitola zo života profesora Valerija Alexandroviča Pogorielova // *Slavica Slovaca*. Roč. 37, 2002. № 2. S. 155–161.
- Skladaná 2016 — *Skladaná J.* Ján Stanislav a jazyková kultúra // *Slavica Slovaca*. Roč. 51, 2016. № 2. S. 147–154.
- Studia Linguistica 1978 — *Studia Linguistica Alexandro Vasiliij filio Issatschenko a collegis amicisque oblata* / H. Birnbaum, L. Ďurovič, G. Jacobsson, N.-Å. Nilsson, A. Sjöberg, D. S. Worth (eds.). Lisse, 1978.
- Trubetzkoy 1985 — *N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes* / Prepared for Publication by Roman Jakobson with the Assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1985 (Janua Linguarum, 47).
- Vykypělová 2005 — *Vykypělová T.* Ludovít Novák: Skizzen zu seinem Leben und Werk // *Litteraria Humanitas*. T. XIII. 2005. S. 73–108.

Prof. Dr. A.V. Isačenko

ŽIVOTOPIS

<...> Politicky som bol pasívny. Keď v marci 1938 nemeckí fašisti obsadili Rakúsko, bolo mi jasné, že nemôžem zostať pod Nemcami. Moja vedecká práca ma priviedla do styku s niektorými vedcami z Lubľane (Juhoslávia): mal som totiž niekoľko väčších publikácií o slovinských nárečiach. Na základe týchto prác ma zavolali moji slovinskí priatelia do Lubľane, takže začiatkom apríla 1938 som sa pristahoval do Lubľane.

Keďže som nemal nijaké prostriedky, žil som najprv z prednávkov na môj habilitačný spis, ktorý vyšiel 1939. V máji 1939 som bol menovaný docentom slovanskej filológie na Lubľanskej univerzite. Docentúra vtedy bola bezplatná, takže som zasa musel živiť rodinu z príležitostných publikácií a kondícií.

Roku 1935 som nadobudol vo Viedni rakúske štátne občianstvo, ktoré sa po obsadení a pripojení Rakúska k Nemecku automaticky zmenilo na nemecké. V zime 1940 dostal som z Bratislavy ponuku, či by som nechcel prevziať katedru ruskej filológie po odchode do penzie prof. Pogorielova, známeho zpiatočníka a nepriateľa Sovietskeho sväzu. Veľmi som uvítal možnosť konečne dostať zamestnanie, primerané mojím vedeckým záujmom. V marci 1941 som prišiel do Bratislavy, ale tu som sa dozvedel, že nemeckí poradcovia vtedajšieho ministerstva školstva odmietli súhlasiť s mojím prednášaním na fakulte. Na druhej strane niektorí členovia vtedajšieho profesorského zboru, menovite prof. Ján Stanislav, ktorý bol dekanom, robili mi prekážky a nepúšťali ma na fakultu. Prechodne som dostal zamestnanie v býv. Vedeckej spoločnosti, v máji som dostal ponuku na lektorát ruského jazyka na Vysokej obchodnej škole v Bratislave. Tam som mohol prednášať, lebo škola bola vydržovaná zo súkromných prostriedkov (obchodné komory) a personálne nepodliehala ministerstvu školstva. Vo vojnových rokoch nebolo ľahko prednášať ruštinu na vysokej škole. Predsa som vydal prvú učebnicu ruštinu pre vysoké školy obchodné, ktorá mala pred oslobodením dve vydania. Na túto knihu napísal prof. Pogorielov v časopise „Kultúra“, ročník XVI., január 1944, str. 62 medziiným toto: „Dodať treba, že väčšina článkov Čítanky je prevzatá z boľševických učebníc, čo dáva knihe istý tendenčný náter“, na tom istom mieste mi vytyka používanie „boľševických slov“. Takáto „kritika“ za podmienok okupácie sa rovnala udaniu. Moji poslucháči na VOŠ oboznamovali sa so životom v SSSR, s jeho štátnym a hospodárskym zriadením vtedy, keď vo verejnosti sa každá zmienka o Sovietskom sväze pokladala za politicky povážlivú vec. Keď v zime 1943 mi začalo hroziť nebezpečenstvo, že ako nemecký štátny občan budem musieť buď narukovať, alebo budem nasadený do Nemecka, požiadal som o slovenské štátne občianstvo, dostal som ho a tak som sa vymanil zpod nemeckej kompetencie.

Vo februári 1944 som s rodinou evakuoval pred bombardovaním do Piešťan. Chodieval som do Bratislavy iba na prednášky, ostatný čas som pracoval doma. V lete 1944 som so svojou dcérou letoval v obci Lodomirova (okr. Svidník) a žili sme u rodiny Škurlových. Júlia Škurlová (teraz Fecaninová) bola mojou poslucháčkou. Zapisoval

som ukrajinské dialekty. Pred rokom, v lete 1944 <recte: 1943 — F.P.> stretol som v lese pri Ladomirovej raneného sovietskeho zajatca. Nelegálne som ho dopravil do Bardejova k známemu lekárovi, ktorý ho ošetril a u ktorého zostal až do vyzdravenia. Potom som i naďalej pomáhal tomuto dôstojníkovi peniazmi i šatstvom. Na budúci rok som sa dozvedel, že odišiel k partizánom, ktorí vraj operovali vo Vranovskom okrese. O prípravách Povstania som nič nevedel a preto ma udalosti v auguste 1944 (bol som už zasa v Piešťanoch) prekvapily. Nepripojil som sa k Povstaniu, lebo jednak som bol príliš krátko na Slovensku, aby som mohol nadobudnúť dobré spojenia, jednak som nebol dostatočne uvedomelý a nevidel som európsky význam tohto povstania.

Po obsadení Piešťan Nemcami stala sa moja situácia veľmi povážlivou. Jednak ma poznali v Piešťanoch ako Rusa a pokrokového a antifašistického smýšľajúceho človeka, jednak som sa dozvedel, že som bol udaný ako vraj Žid. Preto som pokladal za správne odísť z Piešťan, kde ma ľudia už poznali, do iného mesta. V Piešťanoch som žil v podnájme u rodine fotografistu Šoulu, býv. ulica Andreja Hlinku 128. V decembri 1944 presťahovali sme sa do Trenčína, kde bola zamestnaná moja žena. Bývali sme na býv. Hodžovej 7. Do Bratislavy som chodieval iba veľmi málo, lebo pre nálety sa neprednášalo. Ostatný čas som žil veľmi uťahnuto, nechodil som nikam a pripravoval som svoju knihu Fonetika spisovnej ruštiny, ktorá neskoršie vyšla. Koncom februára 1945 (mohlo to byť 23. alebo 24.) bol som vo svojom byte v Piešťanoch zaistený nemeckými orgánmi. Počas výsluchu v Trenčíne vysvitlo, že ma upodozrievajú zo styku s martinskými partizánskymi skupinami. Nebol som už niekoľko rokov v Martine, vôbec som nikam necestoval (okrem Bratislavy) a nevedel som nič o týchto partizánoch. Z výsluchu som mal dojem, že ma udal Dr. Henrik (*sic!*) Bartek, ktorý bol vtedy práve predsedom Spoločnosti pre zahraničných Slovákov, lebo sa ma na túto spoločnosť, s ktorej som taktiež nemal nič dočinenia, pri výsluchu vypytovali. Z Trenčína ma previezli do Bratislavy, najprv na Sasinkovu ulicu, kde malo gestapo nejaké oddelenia, potom na Krajský súd. Bol som väznený v nemeckom oddelení, mal som nad dvermi červený znak, t. j. bol som väznený ako politický väzeň. Počas uväznenia v Bratislave som nemal vychádzku, nemal som okuliare. Nevedel som, kto vtedy bol so mnou spolu väznený. V Bratislave už som vyslychaný nebol. Až celkom ku koncu, keď sa väzenie začalo evakuovať, bol som odvedený do spoločnej cely ešte s deviatimi väzňami. Podľa mena poznal som iba dvoch: Dr. Palkoviča, advokáta z Bratislavy, a súdr. Adamca, vtedy šoféra Obilnej spoločnosti, teraz zamestnaného u Slovenskej Akadémie vied. Keďže väzňov evakovali, bol som spolu s inými spoluväzňami odovzdaný slovenským orgánom, ktoré ma prepustili. Dňa 1. apríla som sa dostal na slobodu. Hoci moja rodina bola v Trenčíne a o mne nič nevedela, rozhodol som sa, že zostanem v Bratislave, lebo bolo príliš riskantné prebývať sa cez ustupujúce nemecké armády do Trenčína. Front som prežil v Bratislave, v pivnici, kde náhodou bola i Júlia Škurlová-Fecaninová, u ktorej som v lete žil v Ladomirovej. Bol som po príchode sovietskej armády vyšetrený príslušnými sovietskymi úradmi a zadelený do štábu Politpropu Bratislavskej komandatúry, kde som pracoval ako prekladateľ do konca vojny. Tam ma stretol aj Dr. Ondrej Pavlík, predseda Slovenskej Akadémie vied.

Po oslobodení som sa s elánom pustil do práce. Jeden čas som pomáhal na novom Povereníctve školstva, začal som prednášky na fakulte a na Vysokéj obchodnej, organizoval som prvý letný kurz pre učiteľov ruštiny v lete 1945, napísal a vydal som

prvú slovenskú učebnicu ruštiny pre školy. Odvtedy som zorganizoval na fakulte Ruský seminár, viedol som do r. 1949 Ústav pre štúdium cudzích jazykov na VŠHV, objavil som v Brodzanoch pri Topoľčanoch archív z pozostalosti blízkych Puškinových príbuzných a väčšinu materiálu som odoslal do Moskvy (odviezol ho Michal Ch<0>rvát zo SAV). Zakladal som spolu so súdruhmi ZO KSS na našej fakulte a bol som r. 1947 členom výboru ZO. Bol som jedným zo zakladateľov a prvým predsedom ZS ROH na našej fakulte a na VŠHV. <...>

ОТКРЫТИЕ ИМЕНИ
Художник Михаил Хрисогонов:
Семейная история, страницы биографии,
творческое наследие

*Художник Михаил Хрисогонов.
Каракас, Венесуэла. Нач. 1950-х гг.*

Т.В. Марченко

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ РУССКИЕ:
ХУДОЖНИК МИХАИЛ ХРИСОГОНОВ

В истории русского зарубежья XX в., изучение которого интенсивно ведется в последние десятилетия, остается еще немало белых пятен, неустановленных фактов и неизвестных на родине имен соотечественников, в эмиграции добившихся успеха, прославившихся и составляющих гордость тех стран, где им пришлось жить и работать. На слуху самые громкие имена, выдающиеся достижения, порой планетарного масштаба. Разбросанные революцией по всем континентам, русские люди честно трудились в промышленности, образовании, медицине, сельском хозяйстве; часто были пионерами в науке; преданно сражались, когда давшая им приют страна бывала втянута в войну. Сколько оказалось среди русских талантливых музыкантов, певцов, танцовщиков, выступавших на самых прославленных сценах, и сколько служителей муз остаются несправедливо забытыми, их имена — неизвестными в их отечестве. Особенно трудно всегда живет писателям и художникам: они не собирают огромных залов, гонорары их мизерны, выставки устроить сложно, как и найти богатых клиентов. Порой стихотворение становится песней на слова «неизвестного автора», а хорошо известные, массово тиражируемые картины атрибутируются неверно или вовсе приписываются анонимам.

Неизвестные известные имена — одно из важнейших направлений в исследовании русского зарубежья. Осмысление истории русской эмиграции и ее культурного наследия представляется, особенно самим исследователям, делом науки. Уже более трех десятилетий российское научное сообщество в тесном сотрудничестве со своими коллегами по всему миру по крупицам восстанавливает целостные знания о зарубежной России. Направления работы научной гуманитарной мысли становятся все разветвленнее, выявляется все более имен, публикуются забытые тексты, проходят вернисажи художников первой волны эмиграции. Погружение в источники только подтверждает, что, как и всякая история, русская эмигрантика — «колодец глубины несказанной», по меткому выражению Томаса Манна.

Есть, однако, еще одно направление исследований. Оно не реализуется в публикациях авторитетных трудов, но без них продвижение в изучении русского рассеяния уже не мыслится. Это — народная история, включение большого числа наших современников в процесс постижения истории страны через историю своего рода, своей семьи. Гражданская война — трагедия всего народа. Раскол его на два враждующих лагеря — самоубийственный удар для нации. Победители на

какое-то время отворачиваются от побежденных; клеймо врагов отечества слишком долго тяготело над Белой армией и сочувствующими Белому делу нашими соотечественниками. Русский исход стал национальной трагедией, за пределами России оказались русские люди не за преступление, а за верность другим идеям, идеям тысячелетней России. Патриотов заклеили врагами, писателей не издавали, ученых считали прислужниками буржуазной науки, не знали о тысячах своих гениальных соотечественников, обогативших знаниями, изобретениями, книгами человечество, верой и правдой служивших приютившим их странам.

Общество раскололось, семьи разрушались, братья и сестры оказывались по разные стороны границы: одни в изгнании, другие жили и трудились на родине. Когда идеологический прессинг немного ослабевал, становилась возможной переписка, родные узнавали о судьбе друг друга — о жизни и смерти в разлуке с близкими. Эпистолярные реликвии хранили в семьях трепетно. Брат В.Н. Муромцевой-Буниной Дмитрий Муромцев дорожил письмами сестры, которые она посылала ему в 1934–1936 гг. (сейчас эти письма хранятся в фондах ОГЛИМТ). После получения Буниным Нобелевской премии Вера Николаевна наладила контакты с адресатами в СССР, чтобы финансово помогать очень тяжело живущим на родине родственникам — потомственным московским интеллигентам. Бунину не с кем было наладить контакты, один его брат, Юлий (1857–1921), до революции неизменный «представитель прогрессивной общественности», скончался в голодной революционной Москве через год после эмиграции будущего нобелевского лауреата, другой брат, Евгений (1858–1933), изгнанный из собственного дома, умер, в сущности, тоже от голода и холода в провинциальном Ефремове через две недели после того, как мир облетела весть о мировом признании Ивана Бунина. Племянники боялись признавать родство с «белогвардейцем» — нобелевским лауреатом — вплоть до 1970-х гг.

Вот от такого «белогвардейца», своего младшего брата «Мини», прабабушка Виктора Львовича Шульгина, москвича, кандидата технических наук, а потом и другие их близкие родственники в СССР получали весточки на рубеже 1920–30-х гг. из Югославии, а в 1960-х — из Венесуэлы. В советскую эпоху эти послания приходили как из тридцатого царства — слишком закрытой и слишком иной была жизнь советских людей. В предвоенное время контакты с «заграницей» интеллигенцию, находившуюся на подозрении у «рабоче-крестьянской» власти, отпугивали, после войны новые поколения уже плохо помнили исчезнувшего родственника, да и Каракас, откуда приходили письма, казался чересчур далеким и экзотичным. Но в семейном архиве все присланные из-за морей-океанов письма и открытки аккуратно отложились и ждали своего часа.

Разбирая эти немногочисленные, но очень любопытные реликвии, В.Л. Шульгин самостоятельно провел огромную поисковую работу, собрал множество документальных свидетельств, а когда осознал, что далекий родственник — самообытный, известный в эмиграции художник, — обратился за профессиональным содействием в научный центр Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ведь это была не просто семейная сага: художник Михаил Михайлович Хрисогонов, подробную информацию о котором еще только предстояло собрать, оказался

прежде всего превосходным портретистом-графиком. Запечатленные его карандашом и углем современники — знаменитые представители эмиграции первой волны — гораздо живее фотографий, и потому портреты Хрисогонова охотно воспроизводят в изданиях, представлены они (увы, в копиях) и в Музее русского зарубежья. Постепенно наследие забытого художника стало раскрываться, по удачному выражению Е.Н. Трубецкого, как «мировоззрение в красках». Был Хрисогонов и жанристом, особенно в первый — югославский — период своей жизни на чужбине, а в Латинской Америке, хотя и писал по-прежнему портреты, но увлекся пейзажами — яркими, необычными, праздничными — и натюрмортами, порадовав свою палитру буйной многокрасочностью цветов на дальних берегах. Колористом он оказался тоже превосходным, не боящимся сочных мазков и резких контрастов, — ведь таким был окружавший его мир.

За два с небольшим года В.Л. Шульгин как «независимый исследователь», а по сути — как вольный сотрудник отдела культуры Дома русского зарубежья тщательно поработал с литературой в библиотеках, основательно покопался в московских архивах, установил связи с Каракасом и Белградом, откуда получил большую поддержку в своих «хрисогоноведческих» начинаниях и очень много разнопланового материала, от мемуарно-биографического до различных свидетельств печатной эмигрантики, библиографии и искусствоведческих консультаций. Особенно ценную помощь оказали — и продолжают оказывать — коллеги из Сербии А.Б. Арсеньев и Е.К. Межинская Милованович (ее статью о картинах М.М. Хрисогонова в сербских галереях и частных собраниях мы публикуем в настоящем разделе). В Каракасе живут потомки тех юных кадетов, которых некогда обучал основам рисования и прививал им любовь к искусству М.М. Хрисогонов. Оттуда благодаря любезному содействию интернета В.Л. Шульгин получил массу уникальных сведений о венесуэльском периоде жизни и творчества своего двоюродного прадеда. Огромную, неоценимую помощь в исследовании оказала Эльга Лобова (Каракас) — хранитель памяти семьи, частью которой стал и М.М. Хрисогонов, она любовно берегла фотографии, документы, рисунки художника; этими материалами она щедро поделилась с В.Л. Шульгиным, дополнив их собственными подробными воспоминаниями.

8 апреля 2021 г. в Доме русского зарубежья в рамках научно-просветительского проекта «Отражения» (руководитель Т.В. Марченко) состоялся семинар «Михаил Хрисогонов: неизвестный известный художник», на котором и произошло, по сути, «открытие имени». Впервые были визуализированы картины М.М. Хрисогонова — на экране мы пролистали фотографии его картин и рисунков, хранящихся главным образом в частных собраниях Москвы, Белграда и Каракаса. Жизненный и творческий путь художника — эмигранта из послереволюционной России — оказался и весьма характерным для молодых людей его поколения, волевавших в Белой армии или эвакуировавшихся с нею наряду с прочими гражданскими беженцами, и одновременно уникальным, поскольку главными инструментами, сопровождавшими Хрисогонова всю жизнь, были кисть и палитра. Высокое мастерство и ценность творческого наследия М.М. Хрисогонова подтвердили искусствоведы — участники семинара А.Д. Маполис (Москва) и О.Л. Лейкинд

(Санкт-Петербург). Восстанавливая историю своего рода, В.Л. Шульгин вписал имя Михаила Хрисогонова — рисовальщика-портретиста, педагога-новатора в сфере художественного образования, самобытного живописца, создателя церковных фресок и икон — в энциклопедию русского зарубежья.

В полной драматизма судьбе художника XX в. самое драматичное — это исчезновение его полотен из оборота: их почти нет в музеях, а в Каракасе после кончины дожившего до глубокой старости М.М. Хрисогонова его картины увез на машине некий «доктор-итальянец». А ведь в комнатах, которые занимал художник, его картинами были увешаны все стены! Но кропотливые разыскания В.Л. Шульгина добрались и до этого вполне детективного момента. Постепенно раскрылась и светлая личность доктора, «завладевшего» картинами художника. Вот что писал на исходе своего девятого десятка М.М. Хрисогонов Г.П. Струве (на эти письма как на ценнейший источник опирается и открывающее раздел исследование В.Л. Шульгина):

Нас сблизил и его любовь к живописи. Я написал его портрет углем, а трех очаровательных девочек подростков — его дочек — пастелью. С тех пор доктор заявил, что будет нашим домашним врачом до конца нашей взаимной жизни.

По визитам — вызовам на дом — он не приезжает, для нас он делает исключения в любое время.

Особенно я его ценю как человека.

И из дальнейшего текста письма следует, что в один из таких экстренных вызовов на дом ранним утром доктор практически спас Михаила Михайловича. Удалось узнать имя этого доктора — Джакомо Вигиланца Коретто (Giacomo Vigilanza Coretto). Друг и наследник картин Михаила Хрисогонова скончался 4 августа 2007 г., но живы его дочери, и одна из них, Анна Тереза, сейчас решила продать — в связи с переездом из Каракаса — находящиеся у нее картины Хрисогонова. Большой частью коллекции владеет другая сестра, но в ее планы не входит расставаться с нею. Дом русского зарубежья провел переговоры с Анной Терезой о приобретении у нее нескольких картин М.М. Хрисогонова для музейных фондов; в мае они прибыли из Каракаса в Москву. Предлагая вниманию читателей раздел «Открытие имени» о художнике русского зарубежья Михаиле Хрисогонове, мы надеемся, что в не столь отдаленном будущем сможем пригласить посетителей на экспозицию, основанную на художественном наследии нашего героя.

В.Л. Шульгин

РОССИЯ – ЮГОСЛАВИЯ – ВЕНЕСУЭЛА:
ЖИЗНЬ ИЗГНАННИКА «С ПАЛИТРОЙ И КИСТЬЮ В РУКЕ»

Михаил Михайлович Хрисогонов (в семье его звали Миня) приходится младшим братом Вере Михайловне Преображенской (Хрисогоновой), родной прабабушке автора. Заинтересовавшись историей рода, автор настоящих строк обнаружил в семейном архиве несколько открыток разных лет. Миня до войны писал родным в Советский Союз из Югославии, а в 1960-х — уже из Венесуэлы. Желание познакомиться ближе с прожившим долгую жизнь вдали от родины художником, собрать о нем сведения и, если повезет, выявить следы его творческого наследия и стало отправной точкой этого разросшегося к настоящему времени и обогатившегося многими документальными источниками семейного «расследования». Часть сведений о европейском периоде жизни М. Хрисогонова стала известна из его писем Глебу Петровичу Струве. Копии этих девяти писем (1970–1979) в виде микрофильмов хранятся в ГА РФ¹.

Наиболее полным на сегодняшний день изданием о художниках русского зарубежья является двухтомный биографический словарь, изданный Фондом имени Д.С. Лихачева. О Михаиле Хрисогонове в нем даются скупые биографические сведения (всего 8 строк) и справка о четырех выставках в Югославии, в которых он участвовал [Лейкинд и др. 2019, с. 578]. Эта же информация с дополни-

*Михаил Хрисогонов. На обороте надпись: «...фотография случайная, снята для удостоверения. Здесь я во времени, когда занялся рисованием портретов». Конец 1930-х гг.
Архив семьи И.П. Смеловой.
Публикуется впервые*

¹ ГА РФ. Ф. 10003. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира. Оп. 14. Струве Г.П. Д. 150. Предметный раздел, 1846–1985 (продолжение). Л. 096–189. Коробка 96. ХРИСОГОНОВ МИХАИЛ. 2 папка. Переписка между Михаилом Хрисогоновым и Глебом Струве, 1970–1980.

(В описи допущена ошибка в фамилии художника, указано — Хрисагонов; та же ошибка присутствует в англоязычном названии раздела на пленке: Khrisagonov Mikhail.)

тельными ссылками содержится в разделе «Искусство и архитектура русского зарубежья»² на сайте данного фонда.

Благодаря доброжелательной помощи многих людей по разные стороны Мирового океана частная исследовательская инициатива автора в русле семейной истории постепенно оформилась в виде монографической работы о жизни, судьбе и творчестве русского художника Михаила Хрисогонова, который оказался весьма интересным самобытным художником и чье имя теперь открывается заново.

Особо хочется отметить многоплановую поддержку руководства Дома русского зарубежья, сотрудников и руководителей нескольких отделов, и прежде всего автор хочет искренне поблагодарить и за первоначальный интерес к этому новому имени, и за большую помощь заведующую отделом культуры российского зарубежья ДРЗ Т.В. Марченко. Благодаря ее двухлетнему руководству этим исследовательским проектом работа значительно подкреплена документальными и архивными источниками, прошла апробацию на семинаре «Отражения» в ДРЗ в апреле 2021 г., и, главное, ее постоянная заинтересованность развивающимся исследованием привела к нахождению автором более 50 работ художника в частных собраниях в разных странах. Также хочется поблагодарить Т.В. Марченко за неоценимую помощь при подготовке настоящей статьи.

Рассказ о художнике М.М. Хрисогонове хотелось бы предварить также выражением самой горячей благодарности Эльге Борисовне Лобовой (Венесуэла – США).

Художник прожил треть века в Каракасе, в доме Лобовых-старших (родителей мужа Э. Лобовой). И хотя сама Эльга Лобова жила своим домом и совсем мало пересекалась с художником, однако после смерти Лобовых-старших и М. Хрисогонова уже в своей семье она, помимо немалого числа картин, бережно сохранила фотографии, копии и оригиналы ряда писем, рисунки и другие материалы, принадлежавшие Михаилу Михайловичу Хрисогонову. Большую часть этих материалов Э. Лобова собрала, упорядочила и составила альбом, стараясь придерживаться хронологического и тематического порядка. Альбом состоял из 36 страниц. Все эти страницы она оцифровала (сфотографировала или отсканировала) и переслала автору в приложении к электронным письмам.

В общей сложности Эльга Лобова, кроме своих воспоминаний о жизни художника в Венесуэле, составленного и отсканированного ею альбома, прислала автору ряд подлинных документов — бесценных реликвий: фотографии родителей Михаила Михайловича, его детскую карточку, два фотоснимка из его жизни европейского периода, фрагмент его рабочих дневников, один рисунок работы М. Хрисогонова. Кроме того, она любезно предоставила нам десять отсканированных фотографий самого М.М. Хрисогонова и более двух десятков отсканированных фотоснимков его работ. Автор выражает огромную благодарность Э.Б. Лобовой, сохранившей, а затем передавшей наследие художника в Москву.

В 2021 г. рисунок (оригинал), несколько других подлинных предметов, а также копии писем, воспоминаний, статей М. Хрисогонова и прочие материалы, в том

² Искусство и архитектура русского зарубежья (фонд им. Д.С. Лихачева). См.: artz.ru/1804787202.html (дата обращения: 09.01.2022).

числе полная авторская рукопись и репродукции картин, переданы автором в Архив Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына³.

Публикуемые в статье письма даются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. В угловых скобках раскрыты сокращенные слова, а также вставлены подходящие по смыслу, но пропущенные автором.

1. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕХИ

Михаил Михайлович Хрисогонов родился в Казани 5 (17) января 1891 г.⁴, скончался 11 июня 1982 г. в Каракасе, Венесуэла⁵.

Будущий художник и педагог появился на свет в семье надворного советника Михаила Андреевича Хрисогонова, чиновника по особым поручениям Лесного отделения Казанского управления государственных имуществ. В 1896 г. его отец произведен в статские советники. Михаил рос младшим сыном в семье. Кроме него, у Михаила Андреевича было еще три дочери и два сына — все намного старше Михаила (на десять-двадцать лет)⁶.

Отец умер, когда Мише не исполнилось и девяти лет⁷. После этого он официально находился под опекой мужа своей старшей сестры Веры, Николая Преображенского, приходского священника в небольшом селе Казанской губернии. В 1900 г. Михаил поступил в подготовительный класс классической гимназии в Симбирске, где жила семья другой его старшей сестры, Варвары Михайловны Котовщиковой (Хрисогоновой). В августе 1910 г. по прошению опекуна был уволен из числа учеников 7-го класса, как указано в прошении, для продолжения обучения в Нижегородском среднем механико-техническом училище⁸.

В симбирской гимназии (и в подготовительном, и в младших классах) его учителем рисования был Егор Семенович Сергеев⁹, окончивший московское Строгановское училище. В гимназии практиковались дополнительные занятия по рисованию для талантливых учеников, в том числе для учащихся старших классов, в учебной программе которых рисования уже не было. В последний учебный год пребывания М. Хрисогонова в симбирской гимназии вместо Е.С. Сергеева рисование начал преподавать Дмитрий Иванович Архангельский, позднее первый учитель крупнейшего русского советского художника Аркадия Пластова (1893–1972).

³ Архив ДРЗ. Ф. 346.

⁴ Метрические книги Евдокиинской церкви г. Казани, за 1891 г. // НА РТ. Ф. 4. Оп. 169. Д. 17. Л. 483.

⁵ Письмо от 24 сентября 2009 г. // [Лобова 2009–2021].

⁶ Формулярный список о службе Хрисогонова Михаила Андреевича, август 1898 г. // НА РТ. Ф. 534. Оп. 3. Д. 2012. Л. 10, 13, 15.

⁷ Архив семьи И.П. Смеловой, г. Арск.

⁸ ГАУО. Ф. 101. Симбирская 1-я мужская классическая гимназия. Оп. 1. Д. 1226. Общий список учеников за 1900–1901 учебный год. Л. 281; Д. 1781. Сборник прошений о принятии и увольнении учеников из гимназии, 1909–1911 гг. Л. 1, 2, 5.

⁹ Сведения предоставлены И.Ф. Макеевой, руководителем музея «Симбирская классическая гимназия» (Ульяновск) по материалам фонда симбирской классической гимназии (ГАУО. Ф. 101).

Из анкет самого М. Хрисогонова известно, что он обучался в частной художественной школе (студии) И.И. Машкова в Москве¹⁰ перед Первой мировой войной¹¹. Илье Ивановичу Машкову (1881–1944), которого Хрисогонов считал своим главным учителем, он посвятил первую искусствоведческую статью. Сохранилось и такое признание художника: «Одну зиму 1916 г. в Москве работал под руководством Кости Коровина»¹².

В сентябре 1912 г. М. Хрисогонов поступил вольноопределяющимся на службу в 193-й пехотный Свияжский полк, в котором окончил курс учебной команды и успешно выдержал испытания на чин прапорщика запаса¹³. Тогда же был награжден светло-бронзовой медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых»¹⁴.

После начала Первой мировой войны М. Хрисогонов 13 августа приступил к несению службы¹⁵. Его послужной список таков: с 16 декабря 1914 г. — командир 7-й роты 136-го пехотного запасного батальона 27-го армейского корпуса Двинского военного округа¹⁶. Уже 10 декабря 1914 г. командир батальона направил рапорт командиру корпуса с ходатайством о награждении Михаила Хрисогонова и шести других прапорщиков (список по алфавиту) орденом Св. Станислава 3-й степени¹⁷ за служебное рвение еще в сентябре 1914 г., но 24 декабря наградной лист был возвращен из штаба корпуса с резолюцией: «возвращаю три наградных листа (Хрисогонова, Фокина, Шумскера), которые вследствие превышения нормы могут быть представлены к награде в следующую очередь»¹⁸.

Прапорщик Михаил Хрисогонов был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (25 июня 1915 г.) и Св. Анны 3-й степени (20 февраля 1916 г.)¹⁹, но высочайшее утверждение этих наград произведено позднее, приказами от 5 сентября 1916 г.²⁰ и от 23 января 1917 г.²¹ — «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий».

18 мая 1916 г. прапорщик М. Хрисогонов определен в 288-й пехотный запасный батальон батальонным адъютантом²². Высочайшим приказом награжден ор-

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6792. Управление делами русской эмиграции в Сербии (Державная комиссия). Оп. 2. Д. 66. Переписка с Министерством просвещения Югославии и списки преподавателей эмигрантских учебных заведений. Л. 8 об., 132 об., 138 об.-139.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 3033. Волков Николай Николаевич (1897–1974) — художник, искусствовед. Оп. 1. Д. 74. Письмо М. Хрисогонова Н. Волкову, август 1972 г. Л. 2.

¹² Там же.

¹³ Рапорт и послужной список, 1912–1913 гг. // РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 9. Д. 34723. Ч. 2. Л. 359–361.

¹⁴ Там же. Ф. 7852. 136-й пехотный запасный полк. Оп. 2. Д. 19. Л. 407 об. Список по старшинству, 1915 г.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Донесение о списочном составе с адресами рассылки, 1915 г. // Там же. Л. 36.

¹⁷ Переписка и наградные списки, 1914 г. // Там же. Л. 104.

¹⁸ Там же. Л. 113.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Ф. Печатные издания. Д. 14835. Высочайшие приказы, с. 204.

²¹ Там же. Д. 14847. Высочайшие приказы, с. 1083.

²² Там же. Ф. 7948. 288-й пехотный запасный полк. Оп. 2. Д. 18. Списки офицеров, 1916 г. Л. 7 об.

деном Св. Станислава 2-й степени — приказ от 24 ноября 1916 г. («за отличия в делах против неприятеля»²³). Боевую службу М. Хрисогонов закончил в звании поручика²⁴. По окончании офицерской школы маскировки в Москве в 1917 г. он причислен к инженерным войскам. Как писал сам М. Хрисогонов, школа «краско-маскировки» основана во времена Керенского; и в нее были посланы художники с фронта. После окончания школы в конце 1917 г. он отправлен в Тифлис²⁵. С 1 января 1918 г. вышел в запас армии»²⁶.

Много позже М.М. Хрисогонов так вспоминал то время:

Как только в Тифлисе появился приказ о возможности офицерам запаса выйти из действительной армии, я это немедленно проделал и вступил на очень тернистый путь художника — путь настоящего голода. Но я работал. Свой скудный гонорар за статью в ежемесячном журнале «Ars», № 2–3, «Сезанн, или Четвертое измерение в живописи» я получал в costume: нижнее белье, поверх <него> офицерского покроя защитного цвета шинель без погон, на голове кавказская папаха и 4-й день на воде, другого питания не было. Статья была посвящена моему учителю Илье Ивановичу Машкову²⁷.

Но мне этого было мало. Мне хотелось кричать на весь мир о том, что я увидел у Сезанна. Я собрал все свои силы и в том же виде явился на свою лекцию на ту же тему в Народный университет г. Тифлиса²⁸.

Лекция состоялась в воскресенье 23 июня 1918 г. в час дня. А в сдвоенном номере журнала «Ars»²⁹ № 2–3 (1918) после стихотворений С. Городецкого, Н. Бараташвили, Т. Табидзе и других было напечатано несколько статей и рецензий, и среди них работа М. Хрисогонова «Сезанн, или Четвертое измерение в живописи»³⁰. Этой публикацией Хрисогонов гордился всю жизнь.

Свою педагогическую деятельность М. Хрисогонов начал в том же 1918 году. В продолжении 1918/19 и 1919/20 гг. он состоял преподавателем рисования выс-

²³ Там же. Ф. Печатные издания. Д. 14836. Высочайшие приказы, с. 1224.

²⁴ Послужные списки, ноябрь 1917 г. // Там же. Ф. 7948. Оп. 2. Д. 2. Л. 91–92.

²⁵ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 3, март 1971 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 115.

²⁶ Анкеты педагогического и административного персонала Донского кадетского корпуса (1923–1928) // Там же. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 116. Л. 120.

²⁷ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 3, март 1971 г. // Там же. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 115–116.

²⁸ Там же. Л. 116.

²⁹ «В 1918 г. в Тифлисе, где собрались бежавшие от революционного террора, голода и разрухи сотни представителей творческой интеллигенции — поэты, художники, композиторы, актеры, музыканты, создалась совершенно особая художественная атмосфера. Столица благословенной теплой Грузии, давшая приют московским и петербургским беженцам, превратилась на время в европейский культурный центр, своего рода маленький Париж. Среди многочисленных художественных кружков, салонов, поэтических объединений <...> газет, журналов своей серьезностью, широтой охвата тем, глубиной, разнообразными культурными начинаниями выделялся журнал «Ars», издателем которого была А. Антоновская, а редактором — поэт-акмеист С. Городецкий, друг А. Блока и С. Есенина, ставший в эти годы одним из лидеров художественной, интеллектуальной жизни Тифлиса» [Никольская 2000, с. 9, 12, 136].

³⁰ [Хрисогонов 1918].

шего начального училища и гимназии в станице Новоджерелиевская Кубанской области³¹.

А затем М. Хрисогонов покинул Россию. Есть данные, что он прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) в 1921 г. [Маричевич 2008, с. 366], что подтверждают и списки русских эмигрантов по колонии Херцег-Нови за октябрь 1921 г.³² Службу в русских учебных заведениях КСХС М. Хрисогонов начал в 1921–1922 году преподавателем рисования в херцеговской гимназии (ныне г. Херцег-Нови в Черногории, в Боко-Которском заливе)³³.

В своих письмах и родственникам в Советский Союз [Хрисогонов 1967, с. 4], и Глебу Струве³⁴ в США М. Хрисогонов пишет, что осенью 1923 г. он поступил в университет в Любляне (Королевство СХС) на философский факультет; однако высшее образование не было завершено.

С 1922/23 по 1926 г. М. Хрисогонов преподавал чистописание и рисование в русской гимназии «Поновичи» в Словении [Pulko 2018, s. 208]. Как писал в одной из своих статей сам Михаил Михайлович: «В 1926 г. я был переведен из реального училища в Поновичах, где классы стали сокращаться, в кадетский корпус в Горажду» [Хрисогонов 1981, с. 24]. С 1926 по 1933 г. М. Хрисогонов преподавал рисование во Втором Русском Донском императора Александра III кадетском корпусе [Кадетские корпуса за рубежом 1970, с. 272], который размещался в Горажде, небольшом городке в Боснии, на берегу р. Дрина, к юго-востоку от Сараево. С 1 августа 1933 по 1 августа 1938 г. М.М. Хрисогонов служил преподавателем рисования в Первом Русском великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе [Там же, с. 494], который размещался в г. Бела-Црква на границе с Румынией.

В 1938 г. М. Хрисогонов переехал в Белград, где занимался живописью и портретами. Там он находился по крайней мере до начала сентября 1944 г. В материалах Державной комиссии сохранилась копия справки, выданной М. Хрисогонову, о том, что он работал учителем в Русском кадетском корпусе. На обороте имеется расписка Хрисогонова: «документ получил 4 сентября 1944 года»³⁵. Затем он оказался в Австрии [Хрисогонов 1981, с. 24–25], вероятнее всего, до того, как советская армия начала освобождать Югославию³⁶, и не дожидаясь возможных арестов и преследований. Но этот период жизни М. Хрисогонова пока не документирован. Сам же художник писал, что был в Австрии «на принудительных работах». В 1948 г. М.М. Хрисогонов перебрался в Латинскую Америку, в Венесуэлу в ходе развернувшейся кампании по перемещению лиц из европейских лагерей беженцев [Плотников 2008–2012; Шлеев 1994].

³¹ ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 116. Л. 120.

³² Групповые списки русских эмигрантов 2-й французской (Крымской) эвакуации по колонии Херцеговни, 1921–1922 гг. // Там же. Оп. 1. Д. 358. Л. 38 об.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 116. Л. 120.

³⁴ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 2, декабрь 1970 г. // Там же. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 108.

³⁵ Переписка с Министерством просвещения Югославии // Там же. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 66. Л. 1–1 об.

³⁶ Освобождение Белграда завершилось 20 октября 1944 г.

Последние 35 лет своей жизни художник прожил в Каракасе, столице Венесуэлы. Обосновавшись на новом месте, он открыл багетную мастерскую, давал уроки рисования. Писал портреты, много пейзажей и натюрмортов. В начале 1950-х гг. участвовал в нескольких коллективных выставках, в 1968 г. и в 1972 г. прошли его персональные выставки.

В 1954 г. состоялась XXVII биеннале современного искусства в Венеции. На этой выставке Венесуэла стала первой латиноамериканской страной, которая выстроила свой постоянный павильон. Художественную жизнь Венесуэлы наряду с другими художниками страны представлял Miguel Hrisogono (так русский художник Михаил Хрисогонов подписывался в Венесуэле, сменив имя на испанское, а фамилию начав писать на греческий лад). Экспонировалось шесть его работ.

Художник Михаил Хрисогонов скончался 11 июня 1982 г. на 92-м году жизни.

Большое и разнообразное наследие Хрисогонова после его жизни разошлось по различным частным собраниям, следы многих картин, особенно венесуэльского периода, затерялись.

Однако так казалось лишь в начале исследования, когда достоверно было известно лишь о трех графических портретах, созданных Хрисогоновым. В настоящий момент автору статьи удалось выявить местонахождение около 70 работ М.М. Хрисогонова и собрать фотографии более 100 работ художника — 27 фотографий рисунков и картин европейского периода и более 80 фотографий его картин венесуэльского периода (из них более 50 — цветных).

Остановимся подробнее на художественно-педагогической деятельности Михаила Хрисогонова в разные периоды его жизни в эмиграции. Среди наших источников — письма художника, адресованные Г.П. Струве, письма родным в СССР, эпистолярные сообщения разных лиц из Белграда и Каракаса (личная электронная переписка автора статьи), архивные источники.

2. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. ХРИСОГОНОВА В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕРИОД (1921–1947)

2.1. ПРЕПОДАВАНИЕ В ХЕРЦЕГ-НОВИ И ПОНОВИЧАХ

Михаил Хрисогонов прибыл на территорию Королевства СХС, в Бoko-Которскую бухту (ныне Черногория), в 1921 г. В документах Державной комиссии его фамилия встречается в групповых списках русских эмигрантов³⁷. Такие списки оформлялись для выдачи пособия в размере 20 динаров на человека в месяц. И его «служба в русских учебных заведениях КСХС началась в 1921–1922 году преподавателем рисования в херцегновской гимназии»³⁸.

К этому периоду относится одна из сохранившихся групповых фотографий. Фотография не датирована, но наиболее вероятно, что она сделана в 1921–1922 гг. в

³⁷ ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 1. Д. 358. Л. 38 об.; Д. 320. Групповые списки эмигрантов Крымской эвакуации по колонии Бухта Которская, 1921–1924 гг. Л. 62 об.

³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 116. Л. 120.

*Михаил Хрисогонов (сидит крайний слева) в группе русских эмигрантов.
Херцег-Нови. 1921–1922 гг.*

Архив семьи В.Л. Шульгина. Москва. Публикуется впервые

г. Херцег-Нови. На оборотной стороне открытки приведены автографы и расшифровки подписей большей части изображенных на снимке лиц (11 человек из 14). В списках русских эмигрантов по колонии Херцег-Нови (за октябрь 1921 г.) фигурируют 10 из 11 фамилий, записанных на обороте этого снимка (см. Приложение 1)³⁹. Фотография, скорее всего, запечатлела коллектив учителей школы, о которой учившийся в ней Ростислав Сазонов вспоминал, что она была создана по инициативе инженера А.А. Земляницына, ставшего ее директором [Сазонов 1980, с. 70–73]. Оставив свои довоенные специальности, в ней работали и преподавали следующие дисциплины: Земляницын А.А. — директор и преподаватель математики в старших классах; Романова Е.Г. — инспектор; Левицкий — чистописание, русский язык, история, география (в младших классах); Крамаренко В. — арифметика (в младших классах); Хрисогонов М. (в статье фамилия ошибочно указана как «Хрисоногов») — в младших классах — рисование, а в старших — рисунок и живопись; также в старших классах преподавали: Севрюгина А.А. — русский язык и литература; Феттинг Е.Н. — русская и всеобщая история; Калантаров Г.С. — физика, химия и немецкий язык; Коверницкая Е.Б. — французский язык [Там же, с. 73].

Администрация школы сразу занялась поисками подходящего помещения, которые, однако не дали желаемого результата. <...> Наконец осенью

³⁹ ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 1. Д. 358. Л. 15 об.–38 об.

1921 года поиски более подходящего помещения увенчались успехом, и гимназия получила в наем большое двухэтажное здание, недалеко от центра города. В нижнем этаже имелось несколько больших комнат, и там разместились приготовительный и первый классы, кухня <...> и студия, где давались уроки рисования, лепки и так называемого «ручного труда». В верхнем этаже, состоявшем из одной залы с окнами на все стороны, поместились все остальные классы — по старой системе — один класс, один стол — с той только разницей, что каждый класс имел собственную доску [Там же, с. 71].

Кроме преподавания рисования, М. Хрисогонов вел внеклассные занятия для учеников по скульптуре и делал доклады о русской литературе.

В конце 1921 г. приехавшая из Белграда комиссия (профессор а Брянский, Кульбакин и протодиакон о. Петр Беловидов) осталась весьма довольна постановкой дела в гимназии, успехами учащихся, концертом хора и художественно-ремесленной выставкой [Там же].

Двое добрых знакомых Михаила Хрисогонова, с кем он и много позже поддерживал отношения, также упомянуты в списке эмигрантов по колонии Херцег-Нови: Евграфов Петр Федорович, подпоручик, 27 лет, одинокий (л. 15 об.); Кобяков Дмитрий Юрьевич, дворянин, 25 лет (л. 19 об.)⁴⁰. В своих письмах Глебу Струве Михаил Хрисогонов вспоминает, что в Херцег-Нови, помимо преподавания в школе, он принимал активное участие в деятельности ЛАКа — литературно-артистического кружка, который организовался сразу после прибытия эмигрантов на берега Боко-Которского залива:

...в 1922 г. я был уже преподавателем гимназии и товарищем председателя «Лак'а». <...> С первых шагов Кобяков принял участие в «Лак'е», читая свои произведения⁴¹.

<...> Вместе с Кобяковым появился и художник Лев Шульц. Это было время, когда еще все русские получали пособие в размере 240 динар, что давало каждому не умереть с голоду и искать работу⁴².

<...> Из «Лак'а» остается, кроме меня, еще в живых поэт Петр Евграфов, бывший секретарь кружка, живущий в Белграде, с которым я поддерживаю переписку⁴³.

<...> После окончания первого учебного года в херцеговской реальной гимназии мне предложили место преподавателя искусств и воспитателя в закрытом учебном заведении — реальной гимназии «Поновичи» в Словении⁴⁴.

Русская гимназия, где М. Хрисогонову предложили работу, с 1922 г. размещалась в старом австрийском замке Поновичи, расположенном среди гор и лесов не-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 2, декабрь 1970 г. // Там же. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 103.

⁴² Там же. Л. 104.

⁴³ Там же. Л. 111.

⁴⁴ Там же. Л. 104.

далеко от Любляны. В 1925 г. гимназии по финансовым причинам пришлось переехать в другой замок — принадлежавший графу Герберштейну Храстовец близ Марибора [Раевская 1926]. Несмотря на переезд, школа продолжала называться «Поновичи» или «Поновичи — Храстовец».

Михаил Хрисогонов вспоминал: «“Поновичи” перекочевали в старый средневековый замок “Храстовец” в 16 километрах от Марибора, с 70 комнатами, подъемным мостом для входа и четырьмя башнями вокруг его высоких стен»⁴⁵. Более подробно описывала здание школы одна из ее бывших учениц: «...настоящий средневековый замок с фресками на высоченных потолках и стенах, с каменными широчайшими лестницами и коридорами, с привидениями и чудившимися нам голосами из глубоких подвалов замка, с бесконечным парком, с богатой, зимой и летом, красотой Словении» [Сива 1985, с. 21].

Но уже в октябре 1925 г. на заседании педсовета рассматривался вопрос «о положении домового церкви гимназии после переезда в замок Храстовец» (в котором не было подходящего для службы помещения). В докладе сообщается, что «Михаилу Хрисогонову заказаны эскизы для обустройства церкви в подвальном помещении замка. Пока же было принято решение, что временно церковь будет размещаться в парадном зале после завески картин не подходящего для церкви содержания»⁴⁶.

На декабрьском заседании педсовета заслушивали доклады воспитателей за 1-ю треть учебного года. В протоколе зафиксирована забота преподавателя рисования Хрисогонова М.М. «о национальном воспитании детей, оторванных от родной природы, церкви, русских городов, деревень»: «На уроки рисования в младшем возрасте надо смотреть более серьезно, так как они имеют воспитательное и образовательное значение»; «Детей надо знакомить с русским бытом, хотя бы по русским национальным картинам. В развитие этого планируется построить русский дом, церковь и хату трудами детей старших классов»⁴⁷.

1923-й г. принес изменения в жизнь М. Хрисогонова:

В этот 1923 год, осенью, мы все трое, я, Кобяков и Шульц, поступили в Люблянский университет, записавшись на философский факультет.

Зимой я оставил воспитательство в Поновичах, сохранив за собой лишь преподавание рисования, и т<аким> об<разом> у меня стало больше свободного времени: пятница, суббота и воскресенье, и понедельник до 12 часов дня. Зиму мы провели трое, посещая лекции, писали рефераты по искусству, сдавали зачеты и успели перейти на второй курс фил<ософского> факультета⁴⁸.

Когда в 1923–1924 гг. М. Хрисогонов совмещал учительство в гимназии «Поновичи» с обучением в Любляне, то в одной из университетских аудиторий он прочитал лекцию о своем методе преподавания рисования по фантазии или

⁴⁵ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 7, июнь 1979 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 145.

⁴⁶ Там же. Ф. 5771. Представительство Объединения русских земских и городских деятелей в Белграде (Земгор). Оп. 1. Д. 34. Журналы педагогического совета гимназии «Поновичи», 1925–1926. Л. 39.

⁴⁷ Там же. Л. 55.

⁴⁸ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 2, декабрь 1970 г. // Там же. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 108.

творческому воображению в детском возрасте. Эта тема о возможности и необходимости развития творческого воображения еще в детском возрасте тогда была внове. Сходство интересов свело художника Христогонова с профессором Василием Васильевичем Зеньковским, который «в то время работал над книгой “Психология детства”, был он своего рода и ревизором учебного дела нашей гимназии от какого-то эмигрантского министерства — Державной комиссии. Здесь мы познакомились и до самой его смерти переписывались. Отвечал он на письма как колокольчик, в тот же или на следующий день»⁴⁹.

Очень интересны воспоминания Наталии Сивы о Михаиле Христогонове в период ее обучения в гимназии «Поновичи» [Сива 1985, с. 21]:

А больше всего я любила, когда Михаил Михалыч приносил гитару или балалайку на урок, играл нам вальс «На сопках Маньчжурии», а мы должны были изобразить то, что нам под музыку грезилось. <...>

Пока Михаил Михайлович работал учителем рисования, он собирал и хранил рисунки, которые создавали ученики. И целую папку этих рисунков он сумел сохранить за годы войны, а затем привез с собой в Венесуэлу. Рисунки были собраны для отдельных учеников в хронологическом порядке. Рисунок — в семь лет, потом того же ученика в двенадцать лет, а потом — в пятнадцать. «Я знала, что Мих<аил> Мих<айлович> собирал материал для педагогической книги по развитию способности у детей к живописи» [Там же].

Все эти методические приемы: «рисование по творческому воображению или фантазии», «рисование под музыку» и многие другие — нашли отражение в педагогических публикациях М. Христогонова. Именно в период работы в Поновичах — Храстовце он начинает печатать в педагогических журналах «Русская школа за рубежом» (Прага) и «Русская школа» (Прага) серию статей по преподаванию рисования детям и статьи по другим вопросам [Христогонов 1924, Христогонов 1926а, Христогонов 1926б, Христогонов 1928, Христогонов 1929].

В первой из этих статей — «Метод рисования по творческому воображению или фантазии» — М. Христогонов уделяет много внимания психологии детского творчества в раннем и среднем возрасте, базируясь на собственном опыте. Среди прочего он отмечает, что в младшем возрасте очень полезно такое рисование, когда дети рисуют на вольную тему. Ребенок в этом возрасте «стремится во всей полноте изложить графически все свои переживания»: «Если на пути творчества ребенка иногда и встречаются затруднения, то он легко и свободно преодолевает их, выходя из создавшегося положения», так как маленький художник еще не скован условностями и обязанностью рисовать все правильно «с точки зрения взгляда взрослого» [Христогонов 1924, с. 122, 124].

И содержание статей, и сам факт сотрудничества с педагогическими журналами подтверждают устремленность М. Христогонова к художественно-педагогической деятельности.

И это самым серьезным образом отразилось на его художественной биографии.

⁴⁹ Письмо М. Христогонова Г. Струве, № 3, март 1971 г. // Там же. Л. 122.

Об одном из нарисованных им в 1922 г. портретов сам М. Хрисогонов писал: «Это — тот самый портрет поэта Кобякова, за который ректор Академии художеств принимал меня в качестве ученика <...> от заманчивого предложения из-за своих научно-педагогических работ я должен был отказаться...» [Лобова 1985, с. 2].

Между тем когда в 1927 г. в Праге проходил VI Международный конгресс по рисованию, художественному воспитанию и прикладному искусству, то Хрисогонов был заявлен в состав его участников. Об этом радостном для себя факте он сообщает в первой (недатированной) открытке, посланной родным (или, возможно, первой до них добравшейся) в Советский Союз: «летом получаю бесплатную командировку в Прагу на Международный конгресс по рисованию»⁵⁰.

Как жилось русскому художнику-эмигранту в те годы на Балканах, Хрисогонов рассказывает очень подробно в этом нежном и теплом послании:

Дорогие родные!

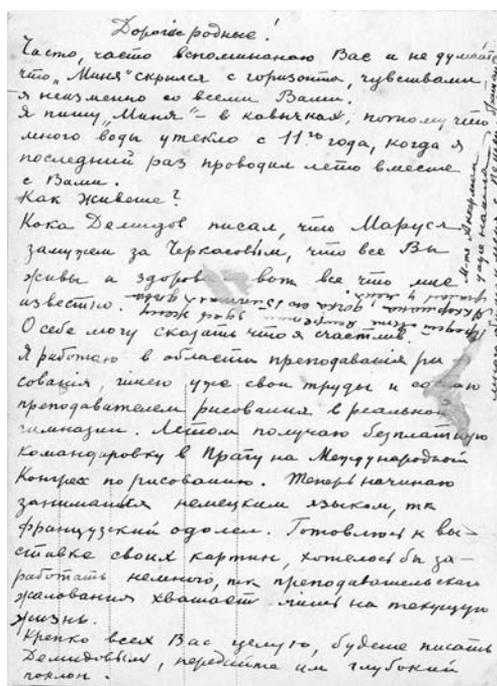
Часто, часто вспоминаю Вас, и не думайте, что «Миня» скрылся с горизонта. Чувствами я неизменно со всеми Вами. Я пишу «Миня» — в кавычках, потому что много воды утекло с <19>11 года, когда я последний раз проводил лето вместе с Вами. <...>

О себе могу сказать, что я счастлив. Я работаю в области преподавания рисования, имею уже свои труды и состою преподавателем рисования в реальной гимназии.

<...> Теперь начинаю заниматься немецким языком, т. к. французский ододел. Готовлюсь к выставке своих картин, хотелось бы заработать немного, т. к. преподавательского жалования хватает лишь на текущую жизнь.

Крепко Вас всех целую... [Там же].

Своими творческими размышлениями художник стремился поделиться не только с единомышленниками из среды русской эмиграции. Сохранилось два письма М. Хрисогонова в Советский Союз 1960-х гг. Одно было отправлено в Волгоград племяннику Л.Н. Преображенскому, и в нем Михаил Михайлович сообщает только краткие сведения о своих родителях. А вот

Текст письма М. Хрисогонова на обороте открытки № 1. 1927. Архив ДРЗ (передана в 2021 г. из архива семьи В.Л. Шульгина). Публикуется впервые

⁵⁰ Архив ДРЗ. Ф. 346.

в письме И.П. Смеловой в Арск (в большом послании на 25 страницах и с 8 фотографиями) он сообщает много сведений о своей жизни в 1920-х гг., затронув несколько особенно волновавших его тем.

Во-первых, это изобретательство и новации в сфере рисования и педагогики:

Когда дети мои — ученики гимназии, стали нуждаться в механическом рисовании овала, а на рынке продавался аппарат сложной конструкции, я построил циркуль своей собственной системы, удобный, портативный, и снабдил им классы училища [Хрисогонов 1967, с. 4].

Во-вторых, подготовленное им авторское пособие для учителей дошкольного образования «Энциклопедия детских знаний при изображении их мелом на классной доске»:

От Министерства народного просвещения Югославии я получил апробации, но напечатать мне <тогда> не удалось. Книга была приготовлена для всех славянских языков. Теперь я вижу, что тогда по молодости я не догадался ее просто продать в большое книгоиздательство. Сейчас мне удалось рукопись получить из Югославии, одно время я думал приспособить к школам USA, но я уже стар, остается немного времени до перехода в иной мир, и хотелось бы перейти в него с палитрой и кистью в руке [Там же, с. 12].

В-третьих, открытие и обоснование новаторских приемов в живописи, основанных на психофизиологии творчества:

Одной из моих лучших побед в период университета и преподавательства было удачное завершение работы по психотехнике живописи и рисования, которую я окончательно закончил уже значительно позднее. Маленькая статья «Влияние нормального астигматизма и мускулов глаза на рисование с натуры» заняла у меня 9 лет, но она открыла мне новые пути не только с точки зрения педагогики, но и проложила новую дорогу как художнику.

Я нигде ничего не слышал о психотехнике живописи и рисования — это я так назвал ту область, куда мне пришлось заглянуть своими глазами. Работа моя позволяет классифицировать способности человека к рисованию и определить их в отношении специализации его дальнейших художественных задач.

<...> Хотя работа эта во время бомбежек, бегства, холода и голода Второй мировой войны и была утеряна, но я так с ней сжился, внимательно изучив этот вопрос, что мне не представляет особого труда ее восстановить по памяти и напечатать в английском, а может быть, и в русском (у Вас) журнале по искусству [Там же, с. 5-а-6].

Об этой же работе художник пишет и в письме Г. Струве⁵¹.

И несколько раз в письме родным М. Хрисогонов четко формулирует желание передать на родину (тогда в Советский Союз) многие свои изобретения и разработки [Хрисогонов 1967, с. 6, 14].

⁵¹ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 3, март 1971 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 120.

2.2. ПРЕПОДАВАНИЕ В РУССКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ (1926–1938)

С 1926 по 1938 г. М.М. Хрисогонов преподавал рисование в русских кадетских корпусах в Югославии (сначала в Горажде, а потом в г. Бела-Црква).

Преподавательская жизнь Хрисогонова, судя по некоторым дошедшим до нас сведениям, не была скучной и однообразной. В журнале кадетского корпуса сохранилась запись о том, что 19 мая 1936 г. состоялся доклад преподавателя М.М. Хрисогонова о русской живописи последнего времени [Первый Русский кадетский корпус 1997, с. 248]. В Первом Русском кадетском корпусе (в г. Бела-Црква) М. Хрисогонов руководил художественной секцией литературно-художественного кружка [Там же, с. 72], выезжал с группой кадетов на различные художественные выставки в Белград (в том числе в апреле 1938 г. на выставку «Итальянский портрет») [Там же, с. 253]. В кадетской Памятке Первого Русского кадетского корпуса приводятся несколько коллективных фотографий, на которых есть Михаил Хрисогонов [Там же, с. 92, 177].

Эти скудные сведения удалось разнообразить воспоминаниями бывших учеников Хрисогонова — кадетов, в чьей памяти уцелели и уроки рисования, и сам учитель.

Наиболее объемные воспоминания оставил бывший кадет Борис Плотников (18-й выпуск, 1937/38 г.), опубликовав статью о своем учителе «Последний из могикан (Хрисогонов М.М.)» [Плотников 2006] и поделившись некоторыми не вошедшими в нее деталями с автором настоящих строк.

Пять лет провел я кадетом в Донском корпусе на берегу реки Дрины в Горажде. Через 5 лет корпус закрыли и перевели меня в другой корпус, в Белую Церковь.

Одним из штатских преподавателей был в это время и преподаватель рисования М. Хрисогонов.

Михаил Михайлович <...> считал нас своими дорогими детьми. <...> Был он нашим строгим преподавателем и вместе с тем нашим добрым благожелательным отцом. В Горажде, в Белой Церкви, в Белграде, в Мюнхене, в Зальцбурге и в Каракасе он не только учил нас рисовать и жить, но и помогал материально, кто в такой помощи нуждался.

Был Михал Михалыч не строгим преподавателем, он был нашим добрым другом. Были у нас преподаватели, которых мы не любили или к которым относились с равнодушием, но Михал Михалыча все уважали и любили <...> [Плотников 2008–2012, письмо от 28 декабря 2008 г.].

Его уроки были всегда интересными и полными разнообразия, развивали в нас вкус, воображение и знакомили с новыми горизонтами. Он часто сопровождал нас на наших прогулках по окружающим Горажду горам и по берегам прекрасной Дрины — то спокойной, изумрудной, то буйной и шоколадной. Мы, малыши, которым он заменял мать и отца, полюбили нашего жизнерадостного и веселого преподавателя [Плотников 2006].

В Горажде, в Донском корпусе у М.М. Хрисогонова появился еще один «ученик» и близкий друг, архимандрит Иоасаф (Скородумов)⁵². Оба были знакомы еще по херцегновской гимназии, в которой вместе работали в 1921–1922 гг., а подружились именно в Горажде, где о. Иоасаф был законоучителем с 1925 по 1929 г. [Архиепископ Иоасаф 1977, с. 116].

Об этой дружбе также сохранилось мемуарное свидетельство одного из бывших кадетов, опубликованное под анонимной подписью «Церковник»:

Живописью он (Владыка Иоасаф) начал заниматься в корпусе под влиянием преподавателя рисования художника М.М. Хрисогонова (обычная ошибка в написании фамилии. — *В.Ш.*). У батюшки с ним установились самые дружеские отношения, которые он сохранил до конца жизни, переписываясь с Михаилом Михайловичем. Оба большие любители природы, они со складными мольбертами отправлялись в горы или на берег реки Дрины писать этюды, проводя время в занимательной беседе. Замечательно, что М.М., человек интересный, начитанный, любознательно заглянувший в самые разнообразные отрасли человеческого знания, совершенно не был церковным человеком, а в некоторых богословских вопросах оставался при своем, иногда довольно свободном, мнении, никогда не навязывая его другим [Там же, с. 28].

Сам Михаил Хрисогонов признавался, «что Владыка был первый, у которого <он> снова исповедовался после долгого перерыва» [Там же, с. 30]. В тех же воспоминаниях об о. Иоасафе М. Хрисогонов упоминает, что уже после отъезда того епископом в Канаду он беседовал о нем с «митрополитом Антонием <Храповицким>» в Сремски-Карловцах, где «в это время рисовал его портрет» [Там же].

Другой ученик художника в кадетском корпусе, А.Г. Генералов (18-й выпуск, 1937/38 г.), так вспоминал о своих первых месяцах послевоенной жизни в американской оккупационной зоне в Австрии:

Еще я сбывал крестьянам гипсовые изделия моего производства. Наконец-то по-настоящему пригодились уроки нашего учителя рисования в кадетском корпусе М.М. Хрисогонова. Еще тогда, в кадетах, он научил меня скульптуре из глины и гипса. Михаил Михайлович не позволял раскрашивать фигурки животных, которые я наспециализировался тогда делать, и вообще приучал нас относиться к искусству лепки и рисования, соблюдая классические традиции. И я каждый год под руководством Михаила Михайловича делал фигурки для лотереи в пользу кадет-выпускников, для покупки им костюмов [Генералов 2007, с. 198].

В Бюллетене Объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле было опубликовано несколько фотографий 1930-х гг. их корпусных преподавателей в неформальной обстановке [Бюллетень 1983].

⁵² В дальнейшем о. Иоасаф (И.В. Скородумов; 1888–1955) был переведен в Канаду (1929 г.), стал епископом Монреальским (с 1930 г.), а затем архиепископом Буэнос-Айресским и Аргентинским (с 1951 г.).

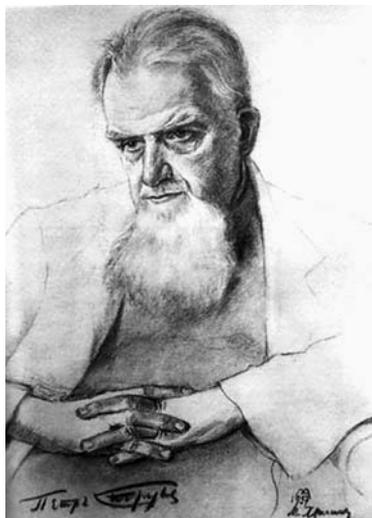
2.3. ПОРТРЕТНАЯ ГРАФИКА И ЖИВОПИСЬ М. ХРИСОГОНОВА И ЕГО УЧАСТИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВКАХ

Зарабатывая на хлеб насущный преподаванием, М.М. Хрисогонов был прежде всего художником — по призванию и по постоянному занятию творчеством, проявив себя в разных техниках и жанрах.

На сегодняшний день из наследия М.М. Хрисогонова нам известны несколько графических (бумага, карандаш или уголь) портретов, нарисованных в 1930-х гг. в Югославии. Это портреты крупнейших представителей диаспоры — П.Б. Струве, И.А. Ильина, В.В. Шульгина, поэтов Игоря Северянина и Дмитрия Кобякова, генерала Б.В. Адамовича.

В письмах Глебу Струве художник упоминает еще несколько портретов:

В Белграде (Югославия) я исполнил много портретов наших ученых, писателей, художников, общественных деятелей и т. д., среди которых кроме П. Струве были: пьянист Орлов⁵³, В.Н. Штрандман⁵⁴ и его супруга Ксения Орестовна, Бунин, Игорь Северянин и т. д., Сикорский⁵⁵.

М. Хрисогонов. Портрет философа П.Б. Струве. 1937.
Из кн.: «Петр Бернгардович Струве» (М., 2012)

Остановимся на портретах, достаточно известных и часто воспроизводившихся, хотя нередко с искажением имени автора (или вовсе анонимно).

О начале своей карьеры портретиста М.М. Хрисогонов рассказывал своим ученикам-кадетам:

Мои первые портреты я писал на базарах юга России во время революции. По два рубля за портрет <...>. Как-то в корпусе генерал Адамович попросил меня нарисовать несколько программок для предстоящего бала. Программки я рисовать отказался, а предложил написать углем портрет генерала. Вы все помните этот портрет [Плотников 2006].

Портрет директора кадетского корпуса генерал-лейтенанта Б.В. Адамовича появился в 1933 г. и неоднократно воспроизводился в самых разных изданиях начиная с середины 1930-х гг. В частности, он был приведен в Юбилейной кадетской памятке 1940 г. [Первый Русский кадетский корпус 1940, с. 29]. Б.В. Адамович скончался в 1936 г., и, несмотря на большое количество хороших фотографий генерала, после его смерти один из залов кадетского корпу-

⁵³ Вероятно, имеется в виду пианист Н.А. Орлов (1892–1964).

⁵⁴ В.Н. Штрандман (1873–1963), русский дипломат, с 1914 г. поверенный в делах Российской империи в Сербии, один из наиболее влиятельных представителей русской эмиграции в Югославии.

⁵⁵ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 1, октябрь 1970 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 97.

са украшал его портрет работы М. Хрисогонова. Об этом свидетельствует одна из сохранившихся фотографий [Там же, с. 102].

Годом позже был создан портрет русского философа, писателя, публициста И.А. Ильина (1934). Оригинала в составе вернувшегося на родину архива русского философа нет; фотокопия портрета хранится в архивных фондах МГУ⁵⁶ и опубликована на сайте «Наследие русского философа И.А. Ильина»⁵⁷. В книге почетных посетителей кадетского корпуса (где, как уже отмечалось выше, Михаил Хрисогонов преподавал рисование) И.А. Ильин сделал запись от 4 ноября 1934 г. [Первый Русский кадетский корпус 1997, с. 173]; именно эта дата проставлена на его портрете и дает основание полагать, что Хрисогонов рисовал почетного гостя во время этого визита. Портрет так удался, что его часто предпочитают фотографиям (например, в постоянной экспозиции Музея русского зарубежья).

Портрет Петра Бернгардовича Струве 1937 г. публиковался неоднократно, например в издании [Петр Струве 2012, с. 161], но с пометкой, что подпись художника «не авторизована». М.Ю. Сорокина смогла уточнить, что авторство этого портрета, «выполненного в технике карандашного рисунка (одного из лучших портретов П.Б. Струве)», принадлежит мастеру «русской рисовальной школы, эмигранту Михаилу Михайловичу Хрисогонову» [Проблемы российского самосознания 2012]. С этого времени при публикации рисунка указывалось, что это карандашный портрет работы художника М. Хрисогонова (см., например, в 2015 г. [Кара-Мурза 2015]). В настоящее время портрет хранится у потомков П.Б. Струве во Франции [Струве 2020]. В 2021 г. этот портрет экспонировался на выставке «История одной дружбы» (П.Б. Струве и И.А. Бунин) в Париже, в Культурном центре им. А. Солженицына.

М. Хрисогонов. Портрет генерал-лейтенанта Б.В. Адамовича. 1933. Из кн.: [Первый Русский кадетский корпус 1940]

М. Хрисогонов. Портрет философа И.А. Ильина. 1934. Фотография из архива И.А. Ильина в МГУ

⁵⁶ Научная библиотека МГУ имени М.В. Ломоносова. Отдел редких книг и рукописей. Архивные фонды. Ф. 47. И.А. Ильин. Оп. 4. Ед. хр. 4.6.

⁵⁷ См.: <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru> (дата обращения: 09.01.2022).

Из писем художника Глебу Струве известно, что он часто пересекался с П.Б. Струве по воскресеньям в доме Хлытчиевых⁵⁸, «куда оба бывали приглашаемы»⁵⁹. Но портрет был нарисован в домике Струве, «недалеко от дома Державной комиссии». М. Хрисогонов сообщает также, что портрет П.Б. Струве был приобретен Татьяной Хлытчиевой⁶⁰.

Кроме этих трех ранее известных портретов, нами обнаружено еще несколько портретных работ М. Хрисогонова европейского периода.

Один из них — портрет общественного деятеля Василия Витальевича Шульгина (1878–1976), который в эти годы тоже жил в Югославии (с 1924 г. наездами, в 1929–1944 гг. постоянно). В настоящий момент портрет хранится в частном собрании в Венесуэле.

М. Хрисогонов так рассказывал о личности своей модели:

С Василием Витальевичем Шульгиным я познакомился в Горажде (Босния, Югославия), куда он с женой приехал навестить своего племянника, кадета Донского корпуса Могилевского. <...> Производил он на меня <впечатление> человека энергичного и молодежового. Мне только не нравилась его «прическа». Я попросил надеть шляпу и увидел, что в шляпе он получил совсем бравый вид. Рисовать его было удобно, позировал он хорошо⁶¹.

В оставшихся после М.М. Хрисогонова бумагах сохранились фотография рисунка и текст к портрету В.В. Шульгина, вероятно, это — копия письма, быть может неотправленного, но очевидно адресованного кому-то в СССР:

Фото с портрета углем известного обществ<енного> деятеля Василия Васильевича Шульгина (в действительности Василий Витальевич. — *В.Ш.*), — того самого, который из ярого монархиста превратился в револ<юционный> деятеля и участвовал в поднесении требования об абдикации <отречении> имп<ератора> Ник<олая> II. Сейчас Шульгин находится у Вас. Надо полагать, что ему под девяносто лет. Портрет-набросок сделан сразу за один присест.

Вас<илий> Вас<Васильевич> (Витальевич. — *В.Ш.*) оказался прекрасным поэтом и посвятил мне поэму.

Я не ожидал, что он так свободно владеет стихом. <...> Поэма была написана в мой альбом, пропавший после бомбардировок, сначала немцев, а потом англичан. Caracas, 1967 [Лобова 1985, с. 3].

Еще одна замечательная работа М. Хрисогонова — портрет поэта Игоря Северянина. Портрет датирован («Горажде. 16 I 1931») и подписан автором. Как и на многих других портретах, имеется и автограф модели. Портрет Игоря Северянина создавался во время выступления поэта с чтением стихов. И, «по всей

⁵⁸ Хлытчиев Яков Матвеевич (1886–1963), русский эмигрант, в то время — профессор Белградского университета, а в дальнейшем — академик Сербской академии наук; Хлытчиева Татьяна Ивановна (1891–1986), жена профессора.

⁵⁹ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 1, октябрь 1970 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 97–98.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 3, март 1971 г. // Там же. Л. 119–120.

М. Хрисогонов. Портрет общественного деятеля В.В. Шульгина. 1933.
Фотография из архива Э. Лобовой. США. Публикуется впервые⁶²

⁶² Для всех фотографий получено владельческое разрешение.

вероятности, это единственный его портрет в эмиграции, — вспоминал много позже М.М. Хрисогонов. — Он приезжал в г. Горажду (Босния) к нам в кадетский корпус, где я был преподавателем искусств. Я сделал тогда два его портрета. Второй, небольшого размера, вместе с его женой, подарил ему на память. <...> Только за неимением времени (1 сеанс) я должен был взять технику угля»⁶³. Упомянутый двойной портрет Игоря Северянина с женой, по словам М. Хрисогонова, исполнен в «стиле Брюллова», когда на фоне женского портрета проецируется мужской профиль (сохранился ли этот портрет, не установлено). Портрет Игоря Северянина хранится в частном собрании в Венесуэле, но находится в сильно поврежденном состоянии.

Первым же из галереи портретов, созданных М. Хрисогоновым в его европейский период, является портрет поэта Дмитрия Кобякова (1922). Так же как и портреты Северянина и Шульгина, этот рисунок был вывезен художником в Венесуэлу и сейчас находится в частном собрании. С этого портрета, когда он был в идеальном состоянии, была снята фотография; она также сопровождалась поясняющим текстом (копия с письма):

Это — тот самый портрет поэта Кобякова⁶⁴, за который ректор Академии художеств принимал меня в качестве ученика. Ректором был с мировым именем Мештрович⁶⁵. Ты знаешь, от заманчивого предложения из-за своих научно-педагогических работ я должен был отказаться. Прилагаемый портрет углем исполнен после большого перерыва <в моей рисовальной практике> с 1914 по 1922 г. [Лобова 1985, с. 2].

Судьба у портретов и картин Хрисогонова была разной. Как он сам писал: портрет Льва Шульца «моей работы погиб во время Второй мировой войны»⁶⁶. Рисовал и «Юрия Викторовича Офросимова⁶⁷, который приезжал в Белую Церковь (Югославия) читать свои литературные произведения. Портрет тогда исполнен за время его чтения»⁶⁸, а затем был благополучно вывезен в Каракас. Некоторые работы остались в Югославии. К этому же периоду начала 1920-х гг. относятся несколько рисунков М. Хрисогонова, но они известны только по фотографиям, тоже привезенным в Венесуэлу.

Известно, впрочем, и о другом направлении в творчестве М. Хрисогонова. В 1928 г. по приглашению иеромонаха Николая (Ружнецова) и о. Петра (Семеновых) из монастыря Дужи близ города Требине в Боснии Хрисогонов расписал в обители церковь «в русском стиле». К сожалению, его фрески, в том числе об-

⁶³ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 1, октябрь 1970 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 98–100.

⁶⁴ Кобяков Дмитрий Юрьевич (1898–1978), поэт, писатель, переводчик, языковед. Жил в Югославии и Франции. В 1958 г. вернулся в СССР. Жил в Барнауле.

⁶⁵ Мештрович Иван (1883–1962), югославский скульптор. Учился в Вене, в Академии художеств. В 1908–1917 гг. жил и работал в Париже, Риме, в Англии. После Римской выставки 1911 г. получил признание в Европе. В 1919 г. возвратился на родину. С 1922 г. — профессор Академии художеств в Загребе.

⁶⁶ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 2, декабрь 1970 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 102.

⁶⁷ Офросимов Юрий Викторович (1894–1967), поэт и театральный критик, псевдоним — Г. Росимов.

⁶⁸ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 2, декабрь 1970 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 100.

*М. Хрисогонов. Портрет поэта Игоря Северянина. Горажде. 1931.
Фотография из архива Э. Лобовой. США. Публикуется впервые*

М. Хрисогонов. Портрет поэта Дмитрия Кобякова. Далмация. 1922. Уголь.
Фотография из архива Э. Лобовой. США. Публикуется впервые

разы святителя Николая Чудотворца, великомученика Пантелеимона, святого Саввы и евангелистов, были записаны при восстановлении храма в 1990-х гг. [Косик 2012].

Михаил Хрисогонов был участником нескольких выставок в Югославии в 1930–40-х гг. По косвенным данным, в Югославии о Хрисогонове «заговорили после успешной индивидуальной выставки его работ в Рагузе (Дубровнике. — В.Ш.)»⁶⁹. Первая и самая главная из выставок, в которой принимал участие М.М. Хрисогонов, это «Большая выставка русского искусства», состоявшаяся в Белграде в марте 1930 г. [Лейкинд и др. 2019, с. 770]. Она охватывала едва ли не все зарубежье. Власти Югославии предоставили для нее зал Общества друзей искусства «Цвета Зузориич» (Уметнички павильон «Цвијета Зузорић») на Калемегдане — лучший выставочный зал в Белграде. Русские художники, приславшие свои картины в Белград, в это время жили и работали в разных городах и странах: во Франции, Финляндии, Бельгии, Болгарии, Дании, Италии, Латвии, Литве, Латвии, Персии, Чехословакии. Экспозиция включала свыше 400 произведений 100 художников. Среди участников выставки были такие знаменитости, как Александр Н. Бенуа, И. Билибин, А. Головин, Н. Гончарова, И. Дикий, М. Добужинский, К. Коровин, М. Ларионов, Ф. Малявин, И. Репин, Н. Рерих, З. Серебрякова, К. Сомов и др. Из числа художников, проживающих в самой Югославии, в выставке участвовало 38 человек, в частности и М. Хрисогонов, представивший пять картин: «Иконописец», «У отворенного окна», «Боснийский⁷⁰ мотив» (2 картины с таким названием), «На солнце» [Велика изложба руске уметности 1930, с. 33–34]. Был издан каталог «Велика изложба руске уметности», в котором перечислялись все представленные на ней работы. В каталоге напечатаны репродукции не всех экспонированных на выставке произведений, а лишь 26 картин наиболее крупных и известных художников, и работ М. Хрисогонова среди иллюстраций каталога нет.

Подготовиться к выставке было нелегко даже с материальной точки зрения. Уцелело заявление «преподавателя рисования Донского кадетского корпуса

М. Хрисогонов. Портрет Юрия Офросимова. 1936. Уголь. Фотография из частного собрания. Венесуэла. Публикуется впервые

⁶⁹ Там же. Л. 154. Вырезка из газеты «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1972, со статьей В. З-н «Пейзажи и цветы Михаила Хрисогонова» содержится как приложение к письмам М. Хрисогонова Глебу Струве.

⁷⁰ Хрисогонов использует название народа и производное от него сербские — «босанский», «босанец», поскольку, вероятно, не знает их русских эквивалентов — боснийский, босниец. В названии картины мы внесли исправление, а в письме оставили оригинальное написание.

М. Хрисогонова от 10.01.1929 г. в Державную комиссию» с просьбой о субсидии⁷¹. Стоит привести его целиком:

В марте месяце с <его> г<ода> в Белграде Союзом русских художников устраивается большая выставка картин русских художников, находящихся за границей. Будучи членом Общества художников и желая принять участие в выставке, мне необходимы лишние расходы на обрамление картин. Прошу не отказать выдать мне заимообразную сумму в 1500 динаров с исполнением ежемесячными взносами в размере 100 динар.

Художнику выделили 1200 динар в кредит на 10 месяцев с погашением по 120 динар с марта 1929 г.

Участие Михаила Хрисогонова в этой выставке документировано и несколькими письмами на родину. В семейном архиве автора сохранилось пять почтовых открыток 1927–1930 гг. от М.М. Хрисогонова. Адресат неизвестен, но, скорее всего, это В.М. Преображенская (Хрисогонова). Лицевые стороны открыток представляют собой фотографии — на двух изображен он сам, а на остальных — его картины. На оборотной части содержатся пояснения к ним. Если сопоставить названия и сюжеты картин, фотокопии которых со своими пояснениями пересылает Хрисогонов, то можно думать, что две из них, хотя и с несколько измененными названиями, экспонировались в 1930 г. в Белграде. Эти открытки, помимо того что служат биографическим и искусствоведческим комментарием, любопытны подробностями балканской жизни. Приведем текст этих кратких посланий. Одно из них помечено 2 февраля 1929 г.:

Дорогие родные! 14 марта месяца здесь устраивается большая выставка русского искусства. Посылаю плохую фотографию с части картин, мною выставяемых. Фотография снята без желтого светофильтра, и поэтому все голубые и синие цвета вышли чересчур светлыми. Также выставяю жанровую картину из местной жизни: спящий турок за кафой, размер 1 м / 80 см. По-прежнему живу хорошо, много работаю. <...> Пишите. Крепко целую всех, любящий Вас М. Хрисогонов [Хрисогонов 1929–1930].

Другая открытка без даты (вероятнее всего, она отправлялась вместе с открыткой № 3 от 12 ноября 1930 г., в которой сказано, что посылаются еще фотографии с картинами):

Картина называется «Црна кава» («Черный кофе»), писана в 1930 г. Размер 120 сант<иметров> × 95 сант<иметров>. Продана тогда же. Здесь изображен мусульманин босанец за питием черного кофе, которое очень распространено у них. Пьют его везде и наслаждаются.

Есть специальное выражение «уживают»⁷² [Там же].

Речь, конечно, идет о «Боснийском мотиве».

⁷¹ Заявления русских эмигрантов в Державную комиссию об оказании им материальной помощи. На букву «Х» (1929 г.) // ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 1. Д. 266. Л. 79–81.

⁷² Уживати (серб.) — наслаждаться, получать наслаждение.

Лицевая сторона почтовой открытки № 2 (февраль 1929 г.) с фотографией картин художника для предстоящей выставки. Архив семьи В.Л. Шульгина. Москва. Публикуется впервые

Еще одно письмо, от 12 ноября 1930 г., дополняет представления о жизни художника в те годы:

Дорогие родные! В наступающем <19>31 году исполнится 20 лет, как мы не виделись. <...> Я по-прежнему преподаю в школе, а в свободное время занимаюсь искусством. Посылаемые фотографии дают некоторое представление о работах, это все картины <19>30 года.

Теперь я устроился так, что занимаюсь живописью ежедневно. Пишу быстро сравнительно — картину оканчиваю в 3–6 двухчасовых сеанса, чувствую, крепну как художник, но еще теперь я без бороды, видимо, молодеть закончил [Там же].

Действительно, в 1930-х гг. Михаил Хрисогонов активно занимается живописью, а не только графикой. В декабре 1934 г. он организовал выставку своих работ со сменной экспозицией (картин, рисунков и эскизов) в г. Бела-Црква в

М. Хрисогонов «Црна кава». Лицевая сторона почтовой открытки № 3. Ок. 1930. Архив семьи В.Л. Шульгина. Москва. Публикуется впервые

*Михаил Хрисогонов у своих картин. Лицевая сторона почтовой открытки № 4.
Ноябрь 1930. Архив семьи В.Л. Шульгина. Москва. Публикуется впервые*

витрине стекольного магазина Вильгельма Вурца, что уже в то время было замечено местной прессой⁷³ (см. также: [Радосавлевич 1994, с. 13; Маричевич 2008, с. 366]). Выставки русских художников не отличались частотой, до войны их состоялось всего две, и в обеих Хрисогонов принимал участие: в Первой периодической выставке русских художников (Белград, 26 декабря 1937 г. — 10 января 1938 г. [Периодична изложба руских уметника 1937, с. 366]) и во Второй периодической выставке русских художников в Русском доме царя Николая II (Белград, с 4 по 17 апреля 1939 г.) [Межинская Милованович 2020–2021]. В изданном каталоге первой выставки указаны четыре работы М.М. Хрисогонова: портрет девушки, портрет Н.З. Рыбинского⁷⁴, портрет М.В. (неустановленное лицо) и «Осеннее солнце». Репродукции этих работ и их местонахождение неизвестны.

Во время войны М.М. Хрисогонов не оставлял занятий живописью, а его картины экспонировались на выставках русских художников в зале «Цвета Зузорич» на Калемегдане (Белград, 2–23 августа 1942 г. и 20 июня — 11 июля 1943 г.). Последний раз Хрисогонов показывал свои работы на Выставке-аукционе русских художников в белградском Русском доме 15 декабря 1943 г.

Вскоре М. Хрисогонов покинул Югославию, а затем и Европу.

⁷³ Bela-crkvaer Volksblatt. 23 Dez. 1934. S. 3.

⁷⁴ Рыбинский Николай Захарович (1887–1955), в эмиграции в Югославии с 1922 по 1945 г., затем в США; русский журналист, писатель, драматург, актер, режиссер.

Спустя полвека в Белграде состоялись несколько выставок русских художников-эмигрантов из частных сербских собраний (1997, 1998 и 2003 гг.). На каждой из них экспонировались работы М.М. Хрисогонова.

Для этих выставок подготовили скромные каталоги-буклеты («один перегиб картонки»⁷⁵), но на обложке каталога первой из этих выставок (1997 г.) помещалась цветная репродукция портрета некой дамы. Поскольку на картине присутствовала только монограмма и не было ни подписи художника, ни подробного описания работы в буклете, то этот портрет ошибочно приписали известной художнице Елене Киселевой-Билимович. Неверную атрибуцию растиражировали печатные издания. На самом деле портрет был выполнен М. Хрисогоновым⁷⁶, который имел обыкновение не всегда ставить полную подпись, а ограничивался монограммой. На портрете изображена Татьяна Ивановна Хлытчиева, жена профессора Белградского университета Я.М. Хлытчиева (см. цв. вкл.). Сейчас портрет, созданный в 1936 г., находится в частном собрании в Сербии.

На следующей выставке художников из белградских частных собраний (1998 г., Русский дом, Белград, Сербия) было представлено три работы Михаила Хрисогонова. В каталоге есть описания картин, но их репродукции среди иллюстраций не представлены⁷⁷. Это портреты Марии Алексеевны Брянской (1938, уголь на бумаге, 38 × 30 см), Ксении Михайловны Марчетич (1940, карандаш и пастель на бумаге, 43,5 × 33,5 см) и Юлии Борисовны Литвиновой (1943, масло на доске, 86 × 68 см). Последний портрет выставлялся в Белграде в 1943 г.⁷⁸ и получил известность под названием «Тоска по родине».

Наконец, на Третьей выставке русских художников из белградских частных собраний (14–20 апреля 2003 г., Русский дом, Белград, Сербия) М. Хрисогонов был представлен всего одной работой. Но это был портрет известной сербской поэтессы Десанки Максимович⁷⁹ (см. цв. вкл.). Наличие на этом портрете одновременно и монограммы художника, и его подписи позволяют верно атрибутировать и работы М. Хрисогонова, подписанные только монограммой.

М. Хрисогонов. Без названия
(предположительно, вид Дубровника).
Фотография из архива Э. Лобовой. США.
Публикуется впервые

⁷⁵ Сообщение А.Б. Арсеньева, март 2020 г.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Сообщение Е.К. Межинской Милованович, 2021 г.

⁷⁹ Сообщение А.Б. Арсеньева, март 2020 г.

Е.К. Межинская Милованович приводит и описывает в своей статье (см. далее в настоящем разделе) работы М. Хрисогонова, находящиеся в частных собраниях в Сербии: портреты Я.М. Хлытчиева, М.А. Брянской, К.М. Марчетич, Ю.Б. Литвиновой, С.Н. Сластикова. По авторитетному мнению исследовательницы, озвученному на посвященном художнику семинаре в Доме русского зарубежья⁸⁰, портреты прославленной сербской поэтессы Десанки Максимович и академика Я. Хлытчиева присутствуют в визуальной культуре Сербии, они связывают художника уже не только с деятелями закрытого эмигрантского круга, но и с более широкой общественностью страны, где он проживал, т. е. Югославии. На настоящий момент установлено более двух десятков портретов деятелей русской эмиграции и югославской культуры, созданных в 1930-х гг. (см. Приложение 2). Помимо портретов, была выявлена картина М. Хрисогонова «Гамаюн» (см. цв. вкл.), предположительно, тоже европейского периода.

2.4. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В ЕВРОПЕ (1938–1947)

Сам Михаил Хрисогонов, вспоминая Марко Враньешевича, писал, что «вместе с ним мы оставили преподавательскую деятельность в Корпусе в 1938 г. Я стал заниматься портретами, а он переехал в одно из средних уч^ебных заведений в г. Белград»⁸¹.

Военные годы М.М. Хрисогонов провел в Белграде с «палитрой и кистью». Как и когда точно художник попал в Австрию, пока доподлинно неизвестно. Наиболее вероятно, что это произошло во второй половине 1944 г., перед тем как началось освобождение Югославии советской армией. Но этот период его жизни пока не документирован. В статье, посвященной тому же Враньешевичу, и в позднейших письмах Г.П. Струве Михаил Хрисогонов подробно описал свою эпопею в Австрии вплоть до отъезда через океан:

Прошло много времени... Я был в Австрии на работах: в лесу распиливал дрова, складывая их в метровые штабеля. Норма — два кубических метра на человека в рабочий день. Несмотря на свою силу и выносливость, нагрузка в два метра при плохом питании оказалась для меня большой <...>. В одну из предыдущих на фанере простым углем я написал портрет (своего непосредственного начальника, австрийского крестьянина, у которого работал. — *В.Ш.*), который на следующий день по случайности попал в руки местного губернатора, пожелавшего видеть меня и предложившего сделать портрет его детей. Надо заметить, что принадлежности — масло, пастель, уголь и бумага, с которыми я никогда не расставался, дали мне возможность начать эти портреты немедленно. Я выбрал технику пастели — она позволяла работать в любое время, а главное, я получил негласное освобождение от физической работы [Хрисогонов 1981, с. 24].

В 1946 г. я находился в Австрии после принудительных (там же) работ на рубке леса в местечке Брук, в пятидесяти километрах по железной дороге от

⁸⁰ Межинская Милованович Е.К. Выступление на семинаре «Отражения»: «Михаил Хрисогонов: неизвестный известный художник», Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 8 апреля 2021 г.

⁸¹ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 7, июнь 1979 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 145–146.

Зальцбурга. Там стоял американский полк, в Красном Кресте которого я открыл школу рисования для военных и где я неплохо зарабатывал портретами солдат и офицеров⁸².

Знакомые были уже кто в Америке, кто в Канаде, Аргентине.

Получал я кор-пакеты от Василия Николаевича Штрандмана, бывшего последнего посланника старой России в Сербии, от владыки канадского Иоасафа, звавшего к себе, и др. Приходилось думать о своей дальнейшей судьбе⁸³.

В самом начале 1948 г. М. Хрисогонов перебрался в Латинскую Америку, в Венесуэлу, в ходе развернувшейся после окончания Второй мировой войны кампании по перемещению лиц из европейских лагерей беженцев. Один из бывших учеников Хрисогонова Борис Плотников проливает свет на то, как они стали «дипийцами»:

Михаил Михайлович попал в Венесуэлу, как и все мы, оказавшиеся здесь, после войны. <...> Лично я встречался с ним в Мюнхене, в котором я провел шесть лет чертежником и студентом в баварском Hochschule (университете. — *В.Ш.*), на техническом факультете.

Из послевоенной Германии все мы разлетались по миру по нашему свободному выбору при материальной помощи UNRA (правильнее UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration — Международное агентство по оказанию помощи и реабилитации. — *В.Ш.*), американской организации для «ДП (displaced person. — *В.Ш.*) — перемещенных лиц» [Плотников 2008–2012, письмо от 28 декабря 2008 г.].

Выехал Хрисогонов с семьей Лобовых: Иваном Яковлевичем, Марией Михайловной и их сыном Олегом (выпускником русского кадетского корпуса в Югославии). Выехал как брат Марии Михайловны [Лобова 2009–2021, письмо от 24 сентября 2009 г.].

В Венесуэле прошла вся оставшаяся часть жизни художника.

3. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МИХАИЛА ХРИСОГОНОВА В ВЕНЕСУЭЛЕ (1948–1982)

3.1. ХУДОЖНИК ИЗ КАРАКАСА МИГЕЛЬ ХРИСОГОНО

В Венесуэле художник поселился в столице страны, в Каракасе. Жил он в доме родителей Олега Лобова, учившегося в одном из русских кадетских корпусов в Югославии в 1930-х гг., где М.М. Хрисогонов преподавал рисование. В доме у Ивана Яковлевича и Марии Михайловны Лобовых художник снимал комнату еще в Югославии [Лобова 2009–2021, письмо от 24 сентября 2009 г.]. Их невестка, Эльга Лобова (урожд. Зарина; переехала с родителями в Венесуэлу из Маньчжурии осенью 1957 г. и через некоторое время стала женой Олега Лобова), сохранила и переслала в Россию большое количество материалов, связанных с жизнью

⁸² Там же. Л. 146.

⁸³ Там же.

М. Хрисогонова в Венесуэле, и воспоминания о нем. Свидетельств о жизни русской колонии в Венесуэле сохранилось не так уж много, поэтому процитируем мемуарные фрагменты из писем Э. Лобовой подробно:

<В конце войны> вся семья <Лобовых> с Михал Михалычем вместе уехали в Австрию. Олег уже окончил школу. И жили в лагере для беженцев, <мужчины> работали — пилили деревья в лесу для дальнейшего сплава вниз по реке. После войны надо было куда-то уезжать, и представилась возможность ехать в Венесуэлу. Чтобы Михал Михалыч мог выехать с ними, была придумана целая история, и он стал братом Марии Михайловны (отчества-то совпали). <...> [Там же]. Так он в доме Лобовых-старших и остался.

В Каракасе Лобовы сняли дом и стали делать рамы для картин. Мария Михайловна говорила, что это был первый в городе такой «магазин» [Там же, письма от 24 сентября 2009 г. и 27 марта 2020 г.].

Материалы для рам Лобовы покупали на метры длинными гладкими рейками разной ширины на фабрике, которая изготавливала их специально для музеев. И из них Иван Яковлевич сам делал рамы [Там же, письма от 27 марта и 11 апреля 2020 г.].

В 1940-х гг. Каракас был маленьким, и молва о знаменитом художнике пошла быстро, и, должно быть, поначалу были хорошие заказы и уроки. Мы приехали на 10 лет позже, когда и уроков стало меньше, и картины рисовались «для музея», как говорила Мария Михайловна [Там же, письмо от 19 мая 2020 г.].

<С большим количеством портретов> продолжалось недолго, и он не успел сделать себе крепкого имени. Виной тому был его характер — когда одна мама, дочку которой он рисовал, попросила пририсовать на портрете новые, только что купленные серьги, а портрет был почти закончен, то Михал Михалыч страшно возмутился и не захотел этого сделать... Портрет не продан <...>. [Там же, письмо от 24 сентября 2009 г.].

Сам М. Хрисогонов так рассказывал об устройстве на новом месте:

По приезде в Венесуэлу я сразу занялся портретами, и мы вскоре встали на ноги, открыв небольшую мастерскую рам. Дело это оказалось очень интересным и для Марии Михайловны. Надо было суметь подобрать раму к картине, суметь так положить в цвете и тоне патину, чтобы картина выступала, а рама ее обрамляла, подчеркивала. Муж ее режет и сколачивает багет, она же в небольшом магазине принимает заказчиков. Я больше по общему руководству художественных работ, а вообще я занят картинами и реставрацией заказных работ, испорченных временем [Хрисогонов 1967, с. 15–16].

Венесуэлу можно назвать страной весны. Здесь вечно солнце. <...> Красота тропических деревьев, растений и цветов необычайная. Во время цветения многие деревья покрываются шапкой цветов, издали кажущихся одним букетом [Там же, с. 17–18].

По русской периодике Каракаса можно составить некоторое представление о жизни «перемещенных» русских эмигрантов. Например, в журнале «Русский уголок» (который сам называл себя «эпизодическое издание») печатались разные за-

метки о жизни русской общины, насчитывавшей в Венесуэле несколько тысяч человек. Подборку архивных материалов из этого журнала, печатавшихся в 1967 г. к 20-летию пребывания российской эмиграции в Венесуэле, собрала и опубликовала в виде приложения в своей книге «Растворенные в тропиках» В. Тархова [Тархова 2016, с. 273–290].

Вот некоторые выдержки (в хронологическом порядке) из этого «Приложения»:

19 июня 1949 г. состоялось ПЕРВОЕ публичное общественно-культурное выступление российской эмиграции в Венесуэле. В этот день в театре Каракаса «Атенео» очень удачно был проведен большой юбилейный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Был произнесен доклад, были музыкальные номера, чтение стихов, пение. На сцене был большой портрет Пушкина прекрасной работы художника М. Хрисогонова. Отчет о данном вечере был напечатан в газете «Новое Русское слово» в Нью-Йорке [Там же, с. 276].

В середине 1950-х гг. (между февралем 1954-го и июлем 1956-го г.) в Русском доме им. Пушкина в Каракасе состоялась «Первая русская выставка в Венесуэле»:

Выставлялись портреты, натюрморты, пейзажи как профессиональных художников, так и любителей. Свои работы представили следующие художники, работавшие в Венесуэле: Дикой, Колесников, Нешумов, Новицкая, Резников. В военно-исторической комнате были выставлены великолепные работы Хрисогонова, Дикого и Бельского [Там же, с. 289].

Именно в Венесуэле талант художника развернулся во всей своей многоплановости, а пестрая, цветущая, вся в буйстве зелени и ярких красок земля раскрепостила его палитру. За четверть века активной творческой работы Мигель

М. Хрисогонов на этюдах с учениками. На обороте надпись: «Мне 62 года. Я еще давал уроки рисования. С группой своих учеников на просторах Каракаса». 1953. Архив семьи И.П. Смеловой. Публикуется впервые

М.М. Хрисогонов (справа) с Иваном Яковлевичем и Марией Михайловной Лобовыми в их первой мастерской-магазине. Каракас. 1948. Архив Э. Лобовой. Публикуется впервые

Хрисогоно (венесуэльский псевдоним М. Хрисогонова) стал участником более десятка выставок (см. Приложение 3), некоторые из них были крупными проектами с откликами в прессе, а одна прошла с международным резонансом. Михаил Хрисогонов создавал картины самых разных жанров, писал с натуры, на пленэре, продолжал экспериментировать в художественном творчестве, искал и осваивал новые техники в живописи, исследовал разные возможности цветовых решений.

Кроме того, М. Хрисогонов имел непосредственное отношение к оформлению (росписи) православной церкви в Каракасе в 1950-х гг. Об этом сообщает Эльга Лобова в своих письмах автору: «Я точно знаю, что большую икону распятия, которая стоит всегда слева от аналоя, писал Михал Михалыч», «но первоначальный эскиз, отличается от итога: там нижние фигуры — на коленях» [Лобова 2009–2021, письма от 9 июля 2010 г. и 17 января 2012 г.]. Речь идет о Никольском православном соборе в Каракасе. Инициатором строительства православной церкви, построенной в районе Дос-Каминос в 1954 г., был ее первый настоятель протоиерей Иоанн Бауманис. Русские жители Каракаса очень тепло, с большим уважением отзывались об о. Иоанне, служившем в Никольском соборе до своей кончины в 1985 г.

Его портрет можно считать одним из шедевров М. Хрисогонова в графике. Расписана церковь была в 1955 г. художниками И.П. Диким, В.А. Ивановым и Ж.М. Петровичем и позже получила статус кафедрального собора.

В 1960–70-х гг. М. Хрисогонов не только внимательно следил за книгами, выходящими на русском языке за рубежом (например, в письмах он цитирует «Грасский дневник» Г.Н. Кузнецовой), а также в советских издательствах, узнавая о новинках через еженедельные бюллетени-каталоги «Новые книги СССР» издаваемые Внешнеторговым объединением «Международная книга». В письме Глебу Струве он сообщал, что начал выписывать бюллетень сразу же, как узнал о его существовании через книжный склад В.П. Камкина, и выписывает его уже третий год⁸⁴. В письмах Хрисогонов упоминает разные книги, выходящие в Советском Союзе. Кроме того, он постоянно читал или хотя бы просматривал газету «Новое русское слово» и следил за художественной жизнью, выписывая ряд журналов, в том числе по искусству⁸⁵.

После Всемирной выставки в Брюсселе (ЭКСПО-58) в 1958 г. М. Хрисогонов подготовил статью «Нечто о реальном в искусстве» (статья по поводу разногласия оценки русского искусства на международной выставке в Брюсселе) [Хрисогонов 1958], копию которой он также приложил к одному из своих писем Г. Струве⁸⁶, но место публикации пока неизвестно.

В 1950-х — начале 1960-х гг. М. Хрисогонов давал достаточно много уроков, в том числе русским, проживавшим в Венесуэле. Его ученики были не только из Каракаса, но даже из некоторых других близлежащих городов. Например, Михаил Цейс (сын русских эмигрантов, перебравшихся в Венесуэлу в 1948 г.) приезжал к нему по субботам на урок из города Маракай (в 120 км от Каракаса). Ему

⁸⁴ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 9, март 1971 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 179–180.

⁸⁵ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 7, июнь 1979 г. // Там же. Л. 148.

⁸⁶ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 8, декабрь 1979 г. // Там же. Л. 151.

было тогда девятнадцать лет. В своих воспоминаниях Михаил Цейс рассказывает, что М. Хрисогонов сам предложил ему брать у него уроки, где-то увидев рисунки Миши, любившего рисовать. При этом художник сказал: «Приходите ко мне на уроки, тогда у Вас будет получаться так, что будет видно, что у Вас есть талант». И уроки М. Хрисогонова, кроме самих приемов и практики рисования, были полны рассказами учителя о русской культуре во всей ее широте. «Михаил Михалыч был изумительным, очень приятным и интересным как человек, а не только как художник. К тому же он был очень хорошим рассказчиком, и молодой его ученик много вынес для себя из этих бесед» [Савицкая и Цейс 2021].

Еще одна ученица из тех, кому Михаил Михайлович давал уроки в 1950–60-х гг., стала профессиональным художником. Это — Тая Бурмицкая (Тауа, полное имя Тамага Вигмicky), художница, ныне живущая в Словении. В Венесуэле она приехала десятилетней девочкой, и ее первым учителем оказался Михаил Хрисогонов. Тая брала уроки каждую субботу в 1959–1961 гг. В их семье тоже были работы М. Хрисогонова, часть из них сохранилась. Свои уроки М. Хрисогонов проводил не только в своей студии или на пленэрных этюдах. Он водил учеников, в том числе и Таю, в художественные музеи, рассказывая и показывая разные стили, направления и приемы живописи [Бурмицкая 2018–2021].

3.2. ОТ ВЫСТАВКИ К ВЫСТАВКЕ

Об участии Михаила Хрисогонова в венесуэльских выставках 1950-х гг. известно из его писем, из некоторых статей с отзывами о его участии в выставках, а также из его рабочих дневников конца 1953 — начала 1955 гг.⁸⁷ Этот бесценный документ автору прислала из Венесуэлы Эльга Лобова в 2010 г. Дневники представляют собой двойные листы в линейку из тетради большого формата (страницы пронумерованы: 6–25, 30–33), на которых содержатся рабочие записи самого разного характера.

Наибольший интерес с искусствоведческой точки зрения представляют записи, связанные с созданием картин, их отбором к выставкам. Так, страница 12 озаглавлена «Выставка (только пейзажи и цветы)» и на ней размещена таблица для подготовки к выставке из двух столбцов: «Что имеется готового» и «Размер <картины>». Всего в таблицу включены названия 24 картин, из них 11 обозначены синей отметкой «Были на выставке в Музее искусств»⁸⁸. Также в рабочих дневниках представлен план написания картин и их подготовки к выставкам в период с декабря 1953 г. по октябрь 1954 г. Этот план содержит названия 41 картины, а на странице 13 план продолжается на период с ноября 1954 г. по июль 1955 г., и это еще 27 картин⁸⁹.

В дневниковые записи занесен и ряд других моментов: например, сколько потребуется средств на выписку книг и журналов, на взносы в общества худож-

⁸⁷ Архив ДРЗ. Ф. 346. Рабочий дневник М. Хрисогонова (автограф) — до 2021 г. в семейном архиве автора, с сентября 2021 г. — в Архиве ДРЗ.

⁸⁸ Там же. С. 12.

⁸⁹ Архив ДРЗ. Ф. 346. С. 13.

ников, на благотворительность и т. п.⁹⁰ Нашли отражение в рабочем дневнике и наблюдения за природой и погодой весной 1954 г., изложенные с точки зрения возможностей для создания тех или иных пейзажей с натуры.

Об одной из выставок М.М. Хрисогонов писал Георгию Гребенщикову в сентябре 1954 г.⁹¹ К письму была приложена вырезка из венесуэльской газеты от 10 октября 1953 г. со статьей, посвященной Седьмому Салону независимых художников в Музее изобразительных искусств Каракаса (скорее всего, это газета «El Universal»).

На выставке «независимых» было представлено более 250 работ разных художников. Miguel Hrisogono был отнесен авторами статьи к опытным мастерам, «чьи картины — превосходного качества»⁹²:

С другой стороны, Мигель Хрисогоно показывает самые разные техники. В цветовой живописи он достигает эффектов с помощью сплошных цветовых фактур, которые напоминают последние работы Ван Гога. Есть и пастельный портрет с невероятной тонкостью нюансов, подчеркивающих красоту женщины, позировавшей для портрета <...> (пер. с исп.)⁹³.

К упомянутому письму также было приложено несколько черно-белых фотографий, интересных тем, что они отражали этапы работы М. Хрисогонова над женским портретом, который экспонировался на этой выставке (размер 110 × 83 см). А на обороте фотографии, запечатлевшей последний (десятый) сеанс, художник дал словесное описание оконченного портрета в красках: «1) Зелено-красноватый фон. 2) Черные с синим отливом волосы. 3) Блеклые желтовато-розовые розы. 4) Кремное связанное с фоном в тенях кружевное платье. 5) Слоновой кости веер с голубым пятном в середине. 6) Прозрачная перчатка с голубыми <нрзб.>»⁹⁴.

В 1954 г. работы Miguel Hrisogono были представлены на венесуэльской экспозиции на очередной XXVII биеннале современного искусства в Венеции.

Первый отзыв о Венецианской биеннале появился в «Журнале национальной культуры» Министерства образования Венесуэлы за 1954 г. [Revista nacional de cultura 1954, p. 256]. Полвека спустя этот текст был воспроизведен в монографическом исследовании [Roldan 2001, p. 185] — трехтомной энциклопедии по истории изобразительного искусства Венесуэлы, изданной Венесуэльским университетом. О Михаиле Хрисогонове говорится:

Один из выдающихся своей техникой художник — это Мигель Хрисогоно, что он и показывает в своих шести выставленных картинах. Его пейзажи полны света и удивительно правдивой глубины. Он является одним из немногих

⁹⁰ Там же. С. 9–10.

⁹¹ Yale University Library. Beinecke Rare Book and Manuscript Library. General Collection of Modern Books and Manuscripts. Alyce Batchelder Collection of George Grebenstchikoff, GEN MSS 589. Box 2, folder 28/ Series I. Correspondence: Grebenstchikoff, George / General correspondence A–Z, 1924–1953. P. 21–34.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid. Здесь и далее перевод с испанского языка А. Маполис.

⁹⁴ Ibid.

иностранных художников, кому удалось воспроизвести дух венесуэльского пейзажа. Очень интересна картина «Продавщица цветов». Мягкость линий и живые цвета помогают видеть ее как живую (пер. с исп.).

Как видим, речь идет о жанровой картине, буквально — уличной зарисовке, в центре которой — типичная представительница Каракаса, продавщица цветов (оригинальное название картины «Vendedora de flores»). Очевидно, что латиноамериканские типы, своеобразие и интенсивность кипящей в Каракасе жизни привлекают пишущего с натуры художника. Тогда же, в начале 1950-х гг., Михаилом Хрисогоновым была написана большая по размеру картина, изображающая чистильщика обуви. Вероятно, так она и была названа автором; к счастью, уцелела цветная фотография с этой картины, сделанная самим М. Хрисогоновым (см. цв. вкл.). О судьбе данной работы сохранилось воспоминание Э. Лобовой: «Картина была сразу продана. Михал Михалыч считал ее самой лучшей своей картиной. Очень уж хорошо вода с зонтика получилась» [Лобова 2009–2021, письмо от 29 октября 2009 г.].

В биографическом словаре «Художники русского зарубежья» указано, что в Каракасе в 1968 г. прошла персональная выставка Михаила Хрисогонова [Лейкинд и др. 2019, с. 579]. В парижской газете «Русская мысль» в ноябре 1968 г. была опубликована статья, посвященная этой выставке [Тарасов 1968].

В ноябре 1972 г. в галерее Ботто в Каракасе состоялась самая крупная персональная выставка картин Михаила Хрисогонова. На ней экспонировалось 65 работ. На цветной обложке каталога имя «MIGUEL HRISOGONO» напечатано цветовой имитацией рельефного выступающего шрифта, его новым методом, о котором он написал в письме одному из своих корреспондентов, приложив приглашение на выставку. Пока с каталогом ознакомиться не удалось; в распоряжении автора оказалась фотография лишь одного натюрморта из каталога (№ 55, 62 × 72 см) «Желтые хризантемы» («Crisantemos Amarillos»).

Помимо приглашения, письмо, датированное 7 ноября 1972 г. и отложившееся в архиве Э. Лобовой, содержит рассуждения М. Хрисогонова о некоторых техниках рисования и представления печатных материалов:

<...> Вопрос выступающих и уходящих цветов уходит далеко за пределы нашей живописи.

Два плана в живописи мне удалось применить в обыкновенной печати, когда буквы выступают вперед (первый план), а бумага уходит вдаль (второй план), создавая между ними воздушное пространство, позволяющее лучше схватывать печать.

Этот оптический закон облегчает чтение книг и, конечно, ускоряет затрачивание времени на прочитанное <...>.

Но самое главное — оказалось возможным применить это на всех видах обычной бумаги, что имеет практическое значение в нашей обычной жизни. <...> [Лобова 1985, с. 28–29].

Отклики о выставке М.М. Хрисогонов заботливо сохранил и вложил вырезки из прессы в одно из писем, адресованных Г.П. Струве. Их немного — заметка в

газете «Новое русское слово» и «критика из испанского журнала по поводу персональной выставки в гал<ерее> Ботто в 1972».

Процитируем фрагмент из нью-йоркской русской газеты по архивной коллекции:

Михаил Хрисогонов приобрел имя выдающегося лирического поэта цветов и деревьев, который применяет линии и краски вместо слов. Прирожденный естествоиспытатель и цветовод соединяются в нем с опытным художником-традиционалистом. <...> Во всяком случае, цветы, написанные Михаилом Хрисогоновым, привлекают артистическим благородством исполнения.

Еще более интересен Михаил Хрисогонов, когда он изображает деревья в цвету или деревья, шелестящие листво⁹⁵.

А вот что писал о Мигеле Хрисогоно другой рецензент на испанском:

Выставка пейзажей окрестностей Каракаса <...> и пляжа Лагуна-Бич, а также натюрморты — это выставка, которую югославский художник⁹⁶ Мигель Хрисогоно представил в галерее Ботто. <...>

В дополнение к его недавним работам можно было оценить и несколько работ, которые выполнены художником за двадцать пять лет проживания в Венесуэле и которые представляли его на различных салонах. <...>

Мигель Хрисогоно — одаренный и опытный колорист, благодаря чему зритель в полной мере может ощутить богатство тонов его палитры и оценить его мастерство в создании оптических иллюзий.

Свои тезисы многообразия искусства художник впервые сформулировал еще в 1918 г., в статье «Сезанн, или Четвертое измерение в живописи», опубликованной в журнале ARS (Тбилиси). С тех пор изучение им яркости цвета и тона не прекращается, и результаты можно оценить на этой выставке, которую он проводит в галерее Ботто (пер. с исп.)⁹⁷.

В своих письмах Глебу Струве Михаил Хрисогонов писал: «Моя работа последних лет и месяцев с художественной стороны самая сильная — по-видимому, практика и возраст, когда ничего уже не боишься, даже ошибок»⁹⁸. По крайней мере, до конца 1970-х гг. М. Хрисогонов продолжал работать и в портретном жанре. Среди сохранившихся или обнаруженных после интенсивных поисков — портрет Кати Рудневой (1959), внучки Всеволода Руднева, героя Русско-японской войны, командира легендарного крейсера «Варяг». С семьей Рудневых М. Хрисо-

⁹⁵ Приложение к письмам М. Хрисогонова Глебу Струве // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 154.

⁹⁶ Во время жизни в Каракасе Михаил Хрисогонов (Miguel Hrisogono) числился у местных искусствоведов и критиков «югославским» художником, и в базе данных художников Академии изящных искусств Венесуэлы (Academia Nacional de Bellas Artes) и сейчас числится «югославским» художником (сообщено А.Д. Маполис).

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 154.

К сожалению, отсылка к статье революционной эпохи, изданной в малотиражном, ставшем библиографической редкостью тбилисском журнале, наводит на грустные мысли, что автором заметки о Хрисогонове был кто-то из очень близких ему лиц. — *Примеч. Т.В. Марченко.*

⁹⁸ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 8, декабрь 1979 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 150.

*В залах галереи Ботто на персональной выставке М. Хрисогонова в Каракасе. 1972.
Михаил Хрисогонов (в шляпе) с гостями выставки у своих картин.
Архив Э. Лобовой. Публикуется впервые*

гонов был близко знаком. Портрет брата Кати Рудневой, Георгия Георгиевича, и сейчас хранится в семье потомков Рудневых.

Эльга Лобова, которая четверть века, до последних лет жизни художника, наблюдала его в процессе творчества, вспоминает:

Писал Михал Михалыч очень хорошо, особенно цветы и пейзажи. Синие дали гор и глубина неба были у него прекрасные. Портреты лучше всего получались пастелью. Михал Михалыч обожал писать [Лобова 2009–2021, письмо от 24 сентября 2009 г.] (см. цв. вкл.).

Оформлению своих работ Михаил Михайлович уделял большое внимание, и багеты у его картин часто были очень объемными и роскошными. Однако прежде чем переносить картину на холст, Хрисогонов писал на картоне и не обрамлял эти первоначальные, подготовительные наброски, благодаря чему они сохранились в частном собрании при переезде из одной страны в другую. Не теряя интереса к жанровым сценам, Хрисогонов все больше предпочитал пейзажи и цветочные композиции. Эльга Лобова поделилась довольно подробными, живыми воспоминаниями о художнике, рядом с которым ей довелось жить:

Обычно Михал Михалыч писал с натуры маленькую картинку, размером так 25 на 30 см. Но всегда это был не набросок, а <готовая> картинка. Потом, если ему нравилось, он «раздувал» ее в большую картину. Я где-то у него читала, что так делал какой-то знаменитый русский художник, и ему тоже нравилось [Там же, письмо от 9 июля 2010 г.].

Михал Михалыч сам фотографировал свои картины, и эти карточки остались у нас. Фотографий много. <...> Фотографии делал он сам в разные годы. Часть — еще черно-белые, часть — цветные [Там же, письмо от 24 сентября 2009 г.].

В 1988 г., когда Михаила Хрисогонова уже не было в живых, на XI Общекадетском съезде (проходившем в Каракасе) семьей Лобовых в дар оргкомитету от объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле была передана одна из картин художника [Бюллетень 1988, с. 38]. В 1996 г., на XV Общекадетском съезде, состоявшемся в Калифорнии, в числе других подарков съезду от Объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле была передана другая картина их преподавателя рисования М.М. Хрисогонова [Бюллетень 1996, с. 9].

3.3. «ММ» В ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКЕ И В ПАМЯТИ УЧЕНИКОВ

В 1950–70-х гг. Михаил Хрисогонов восстановил благодаря переписке отношения со своими давними знакомыми по жизни в Югославии и наладил эпистолярные контакты с различными деятелями русского зарубежья, в послевоенный период ставшего воистину всемирным.

Из прежних корреспондентов первым можно назвать поэта Петра Евграфова, с которым Михаил Хрисогонов был знаком еще с первого года своего пребывания в Югославии. Петр Федорович Евграфов (1894–1972), русский поэт; в Югославии прожил с 1921 г. всю жизнь. Печатался в белградской русской газете «Новое время», в разных сборниках, опубликовал в Белграде два сборника своих стихов (1934, 1937). Одно из своих стихотворений Петр Евграфов посвятил Михаилу Хрисогонову (см. с. 342 наст. изд.).

Обмен письмами с профессором В.В. Зеньковским продолжался до кончины философа и педагога в 1962 г.; с архиепископом Иоасафом (Скородумовым), которого М. Хрисогонов знал еще с 1921 г., переписка продолжалась тоже до последних дней жизни церковного иерарха в 1955 г. Среди корреспондентов художника был и Н.З. Рыбинский, портрет которого он рисовал еще в Югославии. Из новых знакомых можно отметить таких известных лиц, как историк литературы Г.П. Струве (1898–1985), главный редактор газеты «Новое русское слово» (США) М.Е. Вейнбаум (1890–1973), писатель Г.Д. Гребенщиков (1883–1964), книгоиздатель и книготорговец В.П. Камкин (1902–1974).

В начале 1960-х гг. Михаилу Хрисогонову напомнил о себе Марко Враньешевич (1903 — после 1962), преподаватель сербского языка в Донском кадетском корпусе в Горажде и сербский поэт. М. Враньешевич пришел в корпус тогда же, что и М. Хрисогонов, и вскоре они подружились. Потом судьба их разбросала, а Марко Враньешевича потрепала очень сильно: он оказался в концлагере в титовские времена, и здоровье его катастрофически ослабло. Позже его реабилитировали и даже разрешили публиковаться. В сентябре 1962 г. у М. Враньешевича в Белграде вышел сборник стихов «Любав», а затем он оказался в Париже на лечении [Хрисогонов 1981, с. 25]. Оттуда поэт выслал в Каракас свою книгу с дарственной надписью: «Эту книгу любви и грусти дарю дорогому другу Михаилу Михайловичу Хрисогонову с искренним к нему расположением. Марко Враньешевич. Сентябрь 1962. Париж» [Там же, с. 26].

Позже случилось то, о чем в своей статье вспоминал сам М. Хрисогонов:

И вот тут у <Марко> начался денежный кризис. Он написал мне, прося хоть чем-нибудь помочь. Я вспомнил его учеников, не знаю, хорошо ли к этому времени устроившихся. Я рассказал им о критическом положении их преподавателя. Телеграфом я послал ему то, что нам удалось собрать. Марк был несказанно благодарен и, как писал, — наша помощь его буквально спасла [Там же, с. 25].

В память о своем друге и преподавателе русских кадетских корпусов М. Хрисогонов написал воспоминания для Бюллетеня Объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле. И те же кадеты, бывшие ученики, с такой же радостной готовностью откликнулись много позже на нашу просьбу поделиться воспоминаниями о самом М.М. Хрисогонове:

Сегодня, отбрасывая китайские церемонии, я хочу сказать вам, что я всегда готов вам помочь в вашем добром деле сохранить воспоминание в вашей большой семье и в России о ее добром сыне, о моем большом друге Михал Михалыче Хрисогонове, —

признавался в одном из своих мемуарных писем о «ММ», как часто именовали Хрисогонова близкие ему люди, Борис Плотников [Плотников 2008–2012, письмо от 19 июля 2009 г.]. В его воспоминаниях переплетаются балканское детство и зрелые годы в Каракасе:

В 1981-м я поздравлял в Каракасе с девяностым годом рождения моего преподавателя рисования. <...> Итак. Воскресное утро 18 января 1981 г. <...> Мы — это три одноклассника с приготовительного класса Донского корпуса: Жорж Волков, Олег Лобов и Борис Плотников. И вот мы едем по раскаленным улицам Каракаса и вспоминаем те далекие дни, когда мы впервые познакомились с Михал Михальчем. <...> Пятьдесят лет тому назад на берегах зеленой Дрины мы впервые встретились с Михал Михальчем. Это он познакомил нас с цветами радуги, с композициями, с берлинской лазурью, с охрой и перомредис. Он рассказывал нам на своих всегда интересных и занимательных уроках о России, об искусстве <...> [Плотников 2006].

<...> И вот некоторым из его учеников привелось встретиться с ним на склонах других гор и на берегах другой реки. <...> Наш преподаватель не изменился. Все тот же берет или широкополая шляпа, все те же разносторонние интересы — старый, знакомый нам энтузиазм, все та же знакомая и кипучая энергия. Старенький дом, в котором расставил свои мольберты Михал Михальч, как и подобает храму искусства, пахнет масляными красками и скипидаром. Все стены увешаны маленькими, средними и большими картинами. Вот роскошный букет хризантем в красивой вазе, вот портрет чопорной дамы, <...> вон домик на берегу Карибского моря [Там же].

<У меня> остались светлые воспоминания об Учителе, который учил меня жизни, для него она была прекрасной не только в розе, но и в колючем репейнике. Ну, в колючем кактусе, за неимением репейников у нас в Венесуэле [Плотников 2008–2012, письмо от 11 ноября 2008 г.].

Не забывал наставника и еще один бывший кадет и ученик М. Хрисогонова, сам ставший художником А.Г. Генералов:

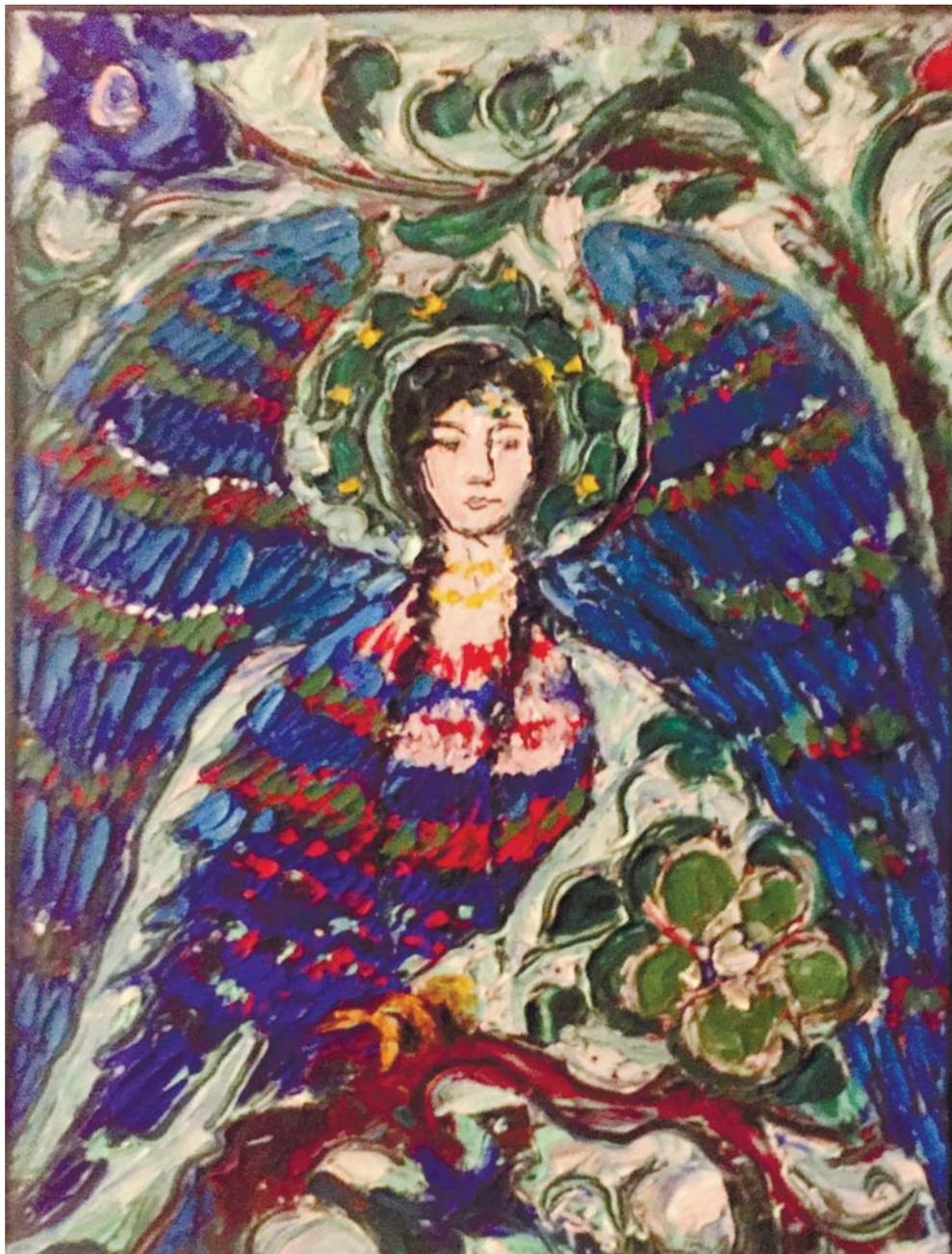
Мне вспоминались лекции и беседы моего учителя по кадетскому корпусу, художника Хрисогонова, который и здесь, в Венесуэле, продолжал быть моим наставником. Приходя в его мастерскую, я слушал продолжение его уроков-бесед о магнетизме и самовнушении, о способах изготовления красок, о правилах камуфляжа в современных приемах изображения, о технике средневековых фресок... Дом Михаила Михайловича в Каракасе, как и тот дом в далекой Сербии, тоже полон набросков, рисунков, картин.

Со стен смотрят на тебя цыганки в ярких нарядах, экзотичные турки, а пышные букеты хризантем, сирени, царствующие

Художник Михаил Хрисогонов (второй слева). Корпусные одноклассники (слева направо): Георгий Волков, Олег Лобов и Борис Плотников поздравляют М.М. Хрисогонова, своего учителя рисования в кадетском корпусе, с 90-летием. Каракас. Январь 1981. Из статьи Б. Плотникова «Последний из могикан», 2006 г.

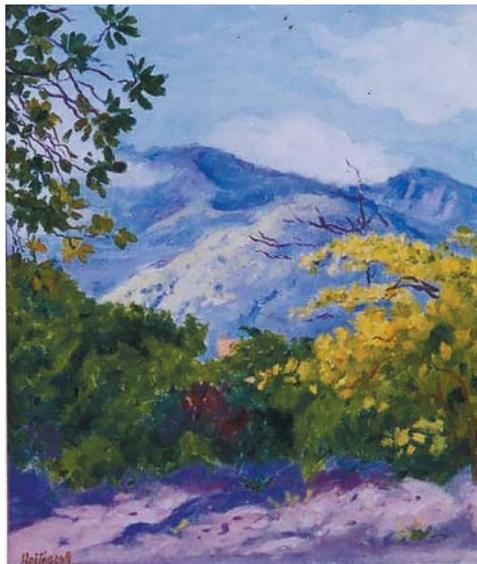
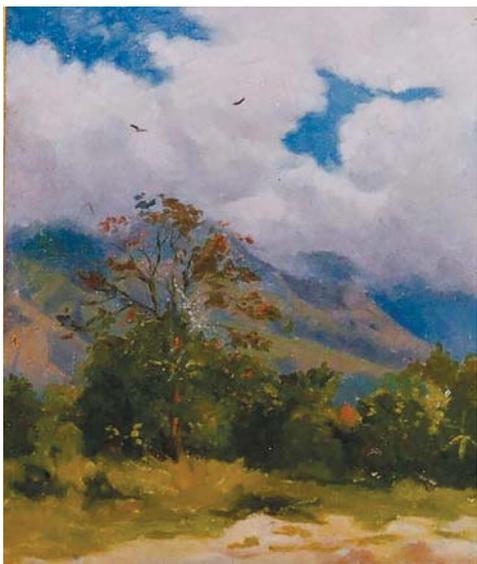
МИХАИЛ ХРИСОГОНОВ:
КАРТИНЫ ИЗ РУССКОГО РАССЕЯНИЯ

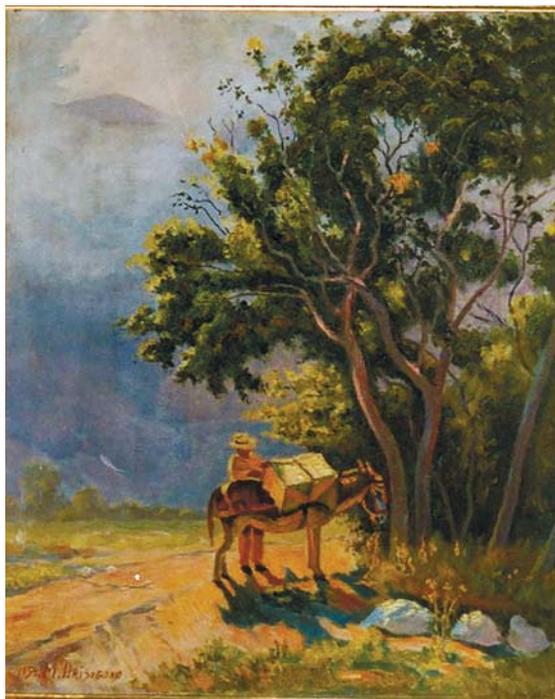
Птица Гамаюн. Картон, 35 × 27 см. Отнесение данной картины к европейскому периоду — предположительное. Частное собрание. США. Публикуется впервые

Чистильщик обуви. (На улицах Каракаса). Ок. 1950. Фотография с картины, сделанная автором. Архив семьи В.Л. Шульгина. Москва. Публикуется впервые

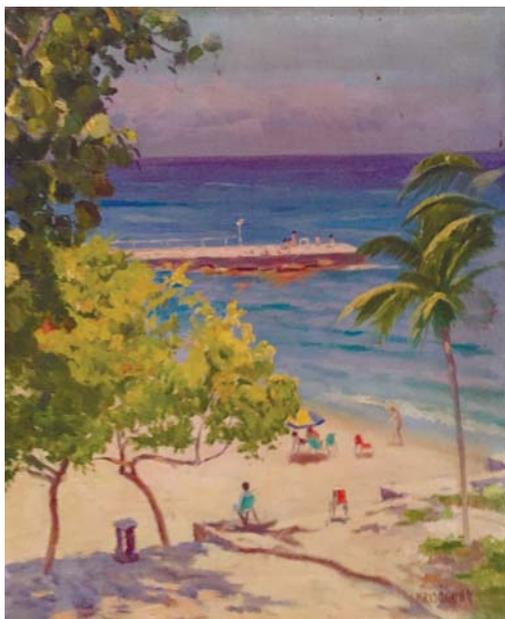
*Пейзажи в окрестностях Каракаса.
Фотографии картин из архива Э. Лобовой. Публикуются впервые*

*Крестьянин с ослом. Холст, масло.
Дом русского зарубежья. Москва. Публикуется впервые*

Эскиз. (В окрестностях Каракаса). Картон, 19 × 15 см.
Частное собрание. США. Публикуется впервые

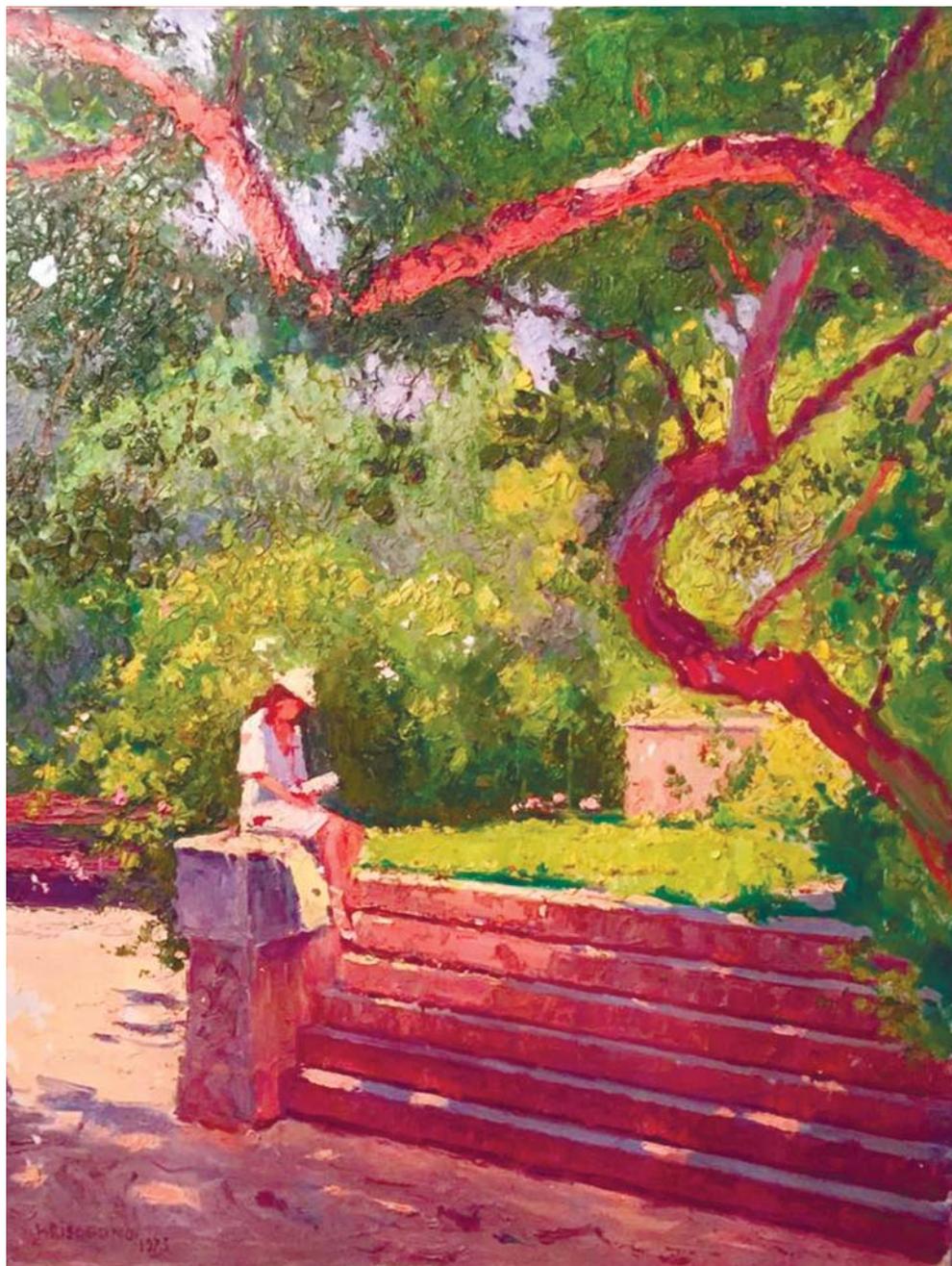
Морской пляж в Лагуна-Бич, Венесуэла. Холст, 39 × 32 см.
Частное собрание. США. Публикуется впервые

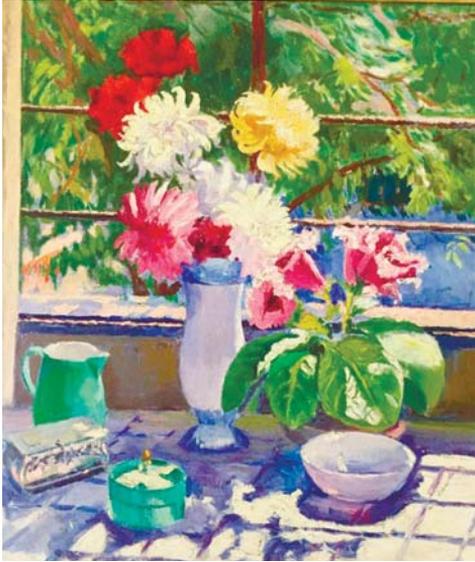
*Старый базар. 1954.
Частное собрание. США. Публикуется впервые*

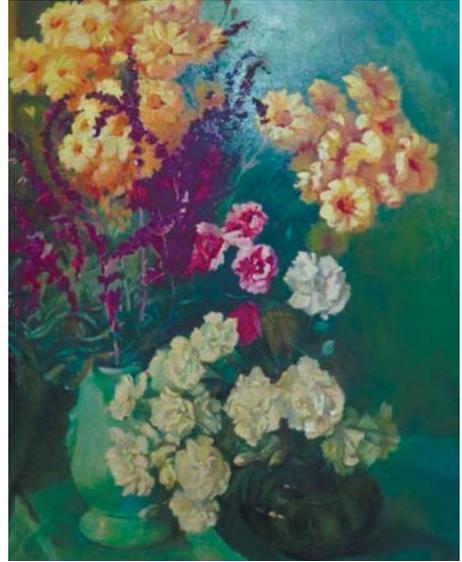
*Цветочная лавка.
Фотография картины из архива Э. Лобовой. Публикуется впервые*

*Читающая девушка в шляпе. 1973. 93 × 74 см.
Дом русского зарубежья. Москва. Публикуется впервые*

*Цветы и пейзаж за окном. 71 × 60 см.
Частное собрание. Венесуэла.
Публикуется впервые*

*Цветы. 99 × 55 см.
Частное собрание. Венесуэла.
Публикуется впервые*

*Сирень. 1974.
Частное собрание. Венесуэла. Публикуется впервые*

*Портрет Оли В., 18 лет. Каракас, 1976.
Частное собрание. Венесуэла.
Публикуется впервые*

*Одна из последних картин М. Хрисогонова.
Частное собрание. США. Публикуется впервые*

ИЛЛЮСТРАЦИИ К СТАТЬЕ Е.К. МЕЖИНСКОЙ МИЛОВАНОВИЧ

Пейзаж. 1927. Картон, масло. Внизу слева подпись¹

*Пейзаж. Масло. 21 × 20 см. Без подписи.
Частное собрание. Белград*

¹ Madl'Art auction house, Prva aukcijska kuća u Srbiji. См.: <http://www.madlart.com/auctions/item.php?id=5219&results=> (дата обращения: 28.03.2021).

Портрет Татьяны Ивановны Хлытчиевой. 1936.

*Бумага, пастель. 40 × 30 см. Внизу справа монограмма: МХ/1936/М. Хрисогонов.
Частное собрание. Белград.*

Портрет экспонировался с 19 по 26 июня 1997 г. в Русском доме в Белграде на выставке «Работы русских художников в белградских частных коллекциях» («Дела русских уметника у београдским приватним збиркама»). Фотография Милана Миловановича

Портрет Десанки Максимович. 1938. Бумага, уголь. 57 × 41,5 см.

Внизу справа монограмма: МХ/1938/М. Хрисогонов; внизу слева: Десанка Максимовић/1938.
Частное собрание. Белград (?)

Портрет экспонировался с 15 по 30 апреля 2003 г. в Русском доме в Белграде на выставке
«Работы русских художников в белградских частных коллекциях III» («Дела русских
уметника у београдским приватним збиркама III»). Фотография Душана Миличича

Мария Алексеевна Брянская. 1938. Бумага, уголь. 38 × 30 см.

Внизу справа монограмма: МХ/1938/М. Хрисогонов. Частное собрание. Белград (?)
Портрет экспонировался с 6 по 16 апреля 1998 г. в Русском доме в Белграде на выставке
«Работы русских художников в белградских частных коллекциях II» («Дела русских
уметника у београдским приватним збиркама II»). Фотография Милана Миловановича

Ксения Михайловна Марчетич. 1940.

Бумага, карандаш, пастель. 43,5 × 33,5 см. Внизу справа монограмма: МХ/1940/М.

Хрисогонов. Частное собрание. Белград (?).

Портрет экспонировался с 6 по 16 апреля 1998 г. в Русском доме в Белграде на выставке «Работы русских художников в белградских частных коллекциях II» («Дела русских уметника у београдским приватним збиркама II»). Фотография Елены Межинской Милованович

Тоска по родине / Юлия Борисовна Литвинова. 1943.

Доска, масло. 86 × 68 см. Внизу слева монограмма: МХ/1943/М. Hrisogonov.

Частное собрание. Белград.

Портрет экспонировался в 1943 г. в белградском павильоне «Цвета Зузорич» на Калемегдане, а также с 6 по 16 апреля 1998 г. в Русском доме в Белграде на выставке «Работы русских художников в белградских частных коллекциях II» («Дела русских уметника у београдским приватним збиркама II»). Фотография Елены Межинской Милованович

*Одна из стен дома, в котором жил М. Хрисогонов. 1960-е гг. Архив семьи И.П. Смеловой.
Публикуется впервые*

на холстах, превратили мастерскую художника в чудесный сад. Михаилу Михайловичу много лет, но он уверен, что доживет до ста. И самым плодотворным в его жизни станет последнее, завершающее жизнь десятилетие! А потом Господь призовет его, художника, в Свою мастерскую, где он найдет те краски, которые так настойчиво, не всегда успешно, искал всю жизнь на земле, и тогда Бог отпустит ему и простит все прегрешения, совершенные за столетний земной срок <...> [Генералов 2007, с. 226–227].

4. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА И СУДЬБА ЕГО НАСЛЕДИЯ

О последних годах жизни Михаила Хрисогонова и о судьбе его картин автору известно из эпистолярных рассказов Э. Лобовой. На ее глазах уходило поколение первой волны русской эмиграции:

Надо сказать, что Мария Михайловна <Лобова> обожествляла Михал Михайлыча и охраняла его от всего. Бывшие кадеты заходили редко, и Марии Михайловне, по-моему, эти визиты не нравились. Не знаю, ходил ли он когда-нибудь на кадетские собрания. При мне — никогда. <...> Он не встречался со здешними художниками, и я никогда не слышала, чтоб у семьи <Лобовых-старших> или у самого Михал Михайлыча были бы друзья [Лобова 2009–2021, письмо от 24 сентября 2009 г.].

Первым умер Иван Яковлевич Лобов <в мае 1976 г.>. Через некоторое время начал болеть Михал Михалыч. Был у них знакомый доктор-итальянец, которого Михал Михалыч рисовал в свое время, и он стал приходить к Михал Михалычу как врач. Что было у него — я так точно и не знаю. Мария Михайловна всегда говорила, что у него очень плохое сердце [Там же].

Сам М. Хрисогонов хорошо отзывался о докторе-итальянце и доверял ему. В письме Г. Струве он пишет:

Мне удалось познакомиться с одним итальянцем, правда еще довольно молодым для практики доктора, ему нет и 60-ти лет, но оказавшимся хорошим человеком.

Нас сблизил и его любовь к живописи. Я написал его портрет углем, а трех очаровательных девочек-подростков — его дочек — пастелью. С тех пор доктор заявил, что будет нашим домашним врачом до конца нашей взаимной жизни.

По визитам — вызовам на дом — он не приезжает, для нас он делает исключения в любое время.

Особенно я его ценю как человека⁹⁹.

Любому художнику хотелось бы передать свои картины в музей, лучше всего на родину, но...

Доктор не брал деньги с условием, что все картины будут его. <...> Один раз Мария Михайловна упала и сильно ушибла руку и позвонила нам, что хочет поместить Михал Михалыча в больницу для стариков, потому что не может за ним больше ухаживать. Мы с мужем <Олегом> такую больницу нашли. <...> В больнице на кресле с колесами его повезли в отдельную комнату, и я пошла с ним, а Олег пошел в канцелярию. Когда я осталась с Михал Михалычем одна, мне показалось, что он умер. Пульса нет, дыхания тоже нет <...> пришел Олег с доктором, который сам смерил давление и сказал, что Михал Михалыч умер. <...> Это было 11 июня 1982 г.

Доктор приехал и увез два грузовика картин <...> <Мария Михайловна> прожила еще три года. <...> [Лобова 2009–2021, письмо от 24 сентября 2009 г.].

Мы после смерти стариков подарили много картин, что остались от доктора (бабушкина комната в нашем доме была завешана с полу до потолка), и нам хотелось, чтобы у всех наших кадет была бы память о Михал Михалыче.

Судьба картин, «уехавших» к доктору, мне неизвестна [Там же].

Теперь мы знаем, что картины уцелели и даже начали возвращаться на родину художника.

Скажем еще несколько слов в заключение.

«Михал Михалыч писал каждый день, и не только на стенах двухэтажного дома от пола до потолка не было места, чтоб повесить еще одну картину, но и на полу в коридоре, и в пустой комнате стояли картины», — вспоминала Э. Ло-

⁹⁹ Письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 6, июнь 1979 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 137.

бова [Там же]. Местонахождение портретов, пейзажных рисунков и картин Михаила Хрисогонова как 1920–30-х, так и его картин 1950–60-х гг. в большинстве своем на настоящий момент неизвестно. Возможно, что какая-то их часть и не сохранилась, но часть из них разбросана по разным частным архивам и домашним коллекциям. Некоторые из этих архивов переданы различным архивным учреждениям и фондам, и присутствие в них документов, связанных с жизнью М.М. Хрисогонова, можно обнаружить в описях фондов, посвященных другим персонам.

Иногда картины Михаила Хрисогонова всплывают на интернет-аукционах, например в 2006 г. на аукционе Odalys в Венесуэле.

В процессе работы над биографией автора было выявлено, что фамилию «Хрисогонов» в разных источниках (письмах, статьях, и даже официальных документах) часто пишут неправильно. Хрисагонов, Хризагонов, Хрисагунов, Хрисочонов, Хрисоногов, Христогонов. Даже в нашем главном военно-историческом архиве (РГВИА) в послужном списке Хрисогонова (ноябрь 1917 г.) его фамилия на двух соседних страницах написана в трех (!) вариантах: Хрисогонов, Хорисогонов и Харисогонов. Это приходится учитывать при поиске в разных поисковых системах, указателях и архивных описях.

Надеюсь, что и эта выявленная деталь поможет разным специалистам (как историкам, так и искусствоведам) в их будущих исследованиях жизни и творчества Михаила Хрисогонова.

Эльга Борисовна Лобова (Зарина), жена бывшего кадета Олега Лобова, приславшая автору свои воспоминания о Михаиле Хрисогонове и ценные материалы, связанные с его жизнью.

Остров Маргарита, Венесуэла.

Декабрь 2008. Архив семьи

В.Л. Шульгина. Москва

ФАМИЛИИ ИЗОБРАЖЕННЫХ НА ОТКРЫТКЕ ЛИЦ
И СВЕДЕНИЯ О НИХ

(приведены в алфавитном порядке,
с указанием номера листа архивного дела¹⁰⁰)

1. Земляницын Н. — отсутствует.
2. Калантаров — Калантаров Георгий Сергеевич, дворянин, 46 лет; жена — Клавдия Ивановна, 44 года; дети: Дмитрий, 17 лет, Екатерина, 12 лет (л. 18 об.).
3. Ковернинская Е. — Ковернинская Елена Борисовна, 39 лет, муж — Ковернинский Сергей Борисович, полковник, 43 г. (л. 19 об.).
4. Крамаренко В. — Крамаренко Всеволод Илларионович, штабс-капитан, 39 лет (л. 21 об.).
5. Левицкий Я. — Левицкий Яков Николаевич, чиновник, 32 года; жена — Дарья Михайловна, 28 лет; сын — Георгий, 9 лет (л. 22 об.).
6. Никитенко А. — Никитенко Анна Андреевна, 50 лет; муж — Никитенко Николай Кондратьевич, 65 лет; сын — Георгий, 28 лет (л. 27 об.).
7. Романова Ел. (Густ.) — Романова Елена Густавовна, 26 лет; муж — Романов Александр Александрович, капитан, 30 лет (л. 31 об.).
8. Севрюгина А. — Севрюгина Анастасия Александровна, 30 лет; муж — Севрюгин Виктор Николаевич, подполковник, 30 лет; сын — Виктор, 9 лет (л. 33 об.).
9. Стремоухова Т. — Стремоухова Татьяна Николаевна, 27 л. (л. 35 об.).
10. Феттинг Е. — Феттинг Елизавета Николаевна, 36 л.; муж — Феттинг Владимир Александрович, 52 г.; сын — Александр, 5 л. (л. 37 об.).
11. Хрисогонов М.М. — Хрисогонов Михаил Михайлович, гражд., одинокий, 38 лет* (л. 38 об.).

* Возраст Хрисогонова указан ошибочно, в 1921 г. ему было 30 лет.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 6792. Оп. 1. Д. 358. Л. 15 об.–38 об.

СПИСОК ПОРТРЕТОВ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
АВТОРСТВА М.М. ХРИСОГОНОВА

1. Портрет митрополита Антония (Храповицкого), нарисован в Сремски-Карловцах [Архиепископ Иоасаф 1977, с. 30] и [Милеант 2004].
2. (*)¹⁰¹ Портрет поэта Игоря Северянина (1931) — находится в частном собрании (Венесуэла).
3. Портрет авиаконструктора Игоря Сикорского¹⁰².
4. Портрет И.А. Бунина.
5. Портрет поэта Игоря Северянина (2-й портрет), с женой Ф. Лотаревой.
6. Портрет Штрандмана Василия Николаевича, дипломата.
7. Портрет Ксении Орестовны Штрандман, жены В.Н. Штрандмана.
8. Портрет пианиста Н.А. Орлова (1892–1964).
9. (*) Портрет Ю.В. Офросимова (русского поэта и театрального критика), уголь, 1936 г. — находится в частном собрании (Венесуэла).
10. (*) Портрет поэта Дмитрия Кобякова (1922) — находится в частном собрании (Венесуэла).
11. (*) Портрет общественного деятеля Василия Витальевича Шульгина (1933) — находится в частном собрании (Венесуэла).
12. (*) Портрет философа и экономиста П.Б. Струве (1937) — находится в семье потомков П. Струве (Париж, Франция).
13. Портрет философа И.А. Ильина (1934).
14. Портрет генерал-лейтенанта Б.В. Адамовича (1933), директора 1-го Русского кадетского корпуса (Бела-Црква, Югославия), — вероятнее всего, не сохранился после освобождения Югославии войсками советской армии в 1944 г.
15. (*) Портрет сербской поэтессы Десанки Максимович (1938) — находится в частном собрании (Сербия).
16. (*) Портрет С.Н. Сластикова (1938), мужа Десанки Максимович, — находится в частном собрании (Сербия).
17. (*) Портрет Т.И. Хлытчиевой (1936, цветной), жены профессора Белградского университета Я.М. Хлытчиева, — находится в частном собрании (Сербия).

¹⁰¹ (*) — работы, местоположение которых известно (12 работ).

¹⁰² Портреты № 3–11 упоминаются в: ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 097–099 (письмо М. Хрисогонова Г. Струве, № 1, октябрь 1970 г.).

-
18. (*) Портрет Я.М. Хлытчичева (1938), профессора Белградского университета, впоследствии академика (находится в Белградском университете)¹⁰³.
 19. (*) Портрет Марии Алексеевны Брянской¹⁰⁴ (1938), известного врача, работавшей в Югославии (находится в частном собрании).
 20. (*) Портрет Ксении Михайловны Марчетич (1895–1978), служащей Министерства юстиции в 1930-х гг., а затем известнейшего преподавателя русского языка в Югославии (1940, в частном собрании).
 21. (*) «Тоска по родине» — портрет Юлии Борисовны Литвиновой (1943, в частном собрании).
 22. Портрет Светланы Борисовны Орешковой, дочери директора Русского дома в Белграде.
 23. Портрет Н. Яхонтовой (предположительно, находится в США).
 24. Портрет Н.З. Рыбинского, русского журналиста, писателя, драматурга, актера.
 25. Портрет девушки.
 26. Портрет М.В. <?>

¹⁰³ [Межинская Милованович 2020–2021].

¹⁰⁴ О портретах с № 18–26 упоминается в докладе: *Межинская Милованович Е.К.* Выступление на семинаре «Отражения»: «Михаил Хрисогонов: неизвестный известный художник».

ВЫСТАВКИ, В КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ М. ХРИСОГОНОВ
В ВЕНЕСУЭЛЬСКИЙ ПЕРИОД СВОЕЙ ЖИЗНИ

1. Персональная выставка в Клубе «Касабланка», Каракас, 1948 г.
2. Выставка-конкурс в Общественном центре «Ateneo» (Каракас, 1952 г.) — выставлялась картина «Primavera tropical» («Тропическая весна»), заняла 2-е место (из 26 выставленных работ).
3. Сборная выставка в Майами (1 картина) — начало 1950-х гг. — выставлялась та же картина «Primavera tropical» («Тропическая весна»), получила приз «Award of Merit».
4. Сборная выставка в Музее искусств в Каракасе — ранее середины 1953 г.
5. Одна из ежегодных выставок «Салон Планчарт» (Planchart) — 1950-е гг.
6. Сборная выставка VII Салона независимых, Каракас, октябрь 1953 г.
7. Сборная выставка — Официальный Салон (в Венесуэле) — около марта 1954 г.
8. Сборная выставка VIII Салона (в Венесуэле) — приблизительно сентябрь 1954 г.
9. XXVII биеннале современного искусства в Венеции (6 картин) — 1954 г.
10. Первая выставка русских художников-эмигрантов в Венесуэле (сборная) в Русском доме в Каракасе, середина 1950-х гг.
11. Персональная выставка в Каракасе (38 картин) — октябрь 1968 г.
12. Персональная выставка в Каракасе, Galeria Botto (65 работ), — ноябрь 1972 г.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области
ДРЗ — Дом Русского зарубежья имени Александра Солженицына
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Арсеньев 2020 — *Арсеньев А.Б.* Письма В.Л. Шульгину по электронной почте, март 2020 // Архив семьи В.Л. Шульгина, Москва.

Архиепископ Иоасаф 1977 — Архиепископ Иоасаф (И.В. Скородумов) в воспоминаниях его современников. Буэнос-Айрес, 1977. 137 с.

- Бурмицкая 2018–2021 — *Бурмицкая Т.* (Burmicky Taya — Tamara). Письма В. Шульгину по электронной почте и аудиописьма — декабрь 2018, июнь 2021 // Архив семьи В.Л. Шульгина, Москва.
- Бюллетень 1983 — Бюллетень объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. К 100-летию Донского кадетского корпуса. Специальный выпуск. Каракас (Венесуэла), 1983. № 15, авг.
- Бюллетень 1988 — Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. Об XI съезде кадетских объединений. Каракас, 1988. № 24, май.
- Бюллетень 1996 — Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. Сан-Франциско, 1996. № 50, июль–август–сентябрь.
- Велика изложба руске уметности 1930 — Велика изложба руске уметности. Каталог. Београд. Март 1930 г. 102 с. (Большая выставка русского искусства. Каталог. Белград. Март 1930).
- Генералов 2007 — *Генералов А.Г.* Фрагменты биографических записок // Денисов Н.В. Огненный крест: Повествования. Екатеринбург, 2007. С. 153–233.
- Записная книга Хрисогоновых — Преображенских — запись от 11 декабря 1899 г. (Записная книга с рукописными календарными записями о датах рождений, бракосочетаний, смертей и др. в семьях Хрисогоновых, Преображенских). 260 с. // Семейный архив И.П. Смеловой (Арск).
- Искусство и архитектура русского зарубежья (фонд имени Д.С. Лихачева). URL: artz.ru/1804787202.html (дата обращения: 09.01.2022).
- Кадетские корпуса за рубежом 1970 — Кадетские корпуса за рубежом, 1920–1945 (сборник). Нью-Йорк: Изд-во Объединения кадет Российских зарубежных кадетских корпусов, 1970. 502 с.
- Кара-Мурза 2015 — *Кара-Мурза А.А.* «Их спор все еще идет» // Независимая газета. 26 мая 2015.
- Косик 2012 — *Косик В.И.* Дужи (Статья о монастыре Дужи в электронной «Православной энциклопедии», т. 16, с. 324–325, 2012). URL: <https://www.pravenc.ru/text/180548.html> (дата обращения: 09.01.2022).
- Лейкинд и др. 2019 — *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья: Первая и вторая волна эмиграции: Биографический словарь: в 2 т. / Фонд имени Д.С. Лихачева. Т. 2: Л–Я. СПб.: Изд. дом «Мир», 2019. 852 с. (Хрисогонов М.М. — с. 578–579).
- Лобова 1985 — *Лобова Э.* «Альбом о М. Хрисогонове», ~ 1985, 36 с. (Альбом, составленный Э. Лобовой во второй половине 1980-х гг. из фотографий работ М.М. Хрисогонова разных лет, фотографий с его персональной выставки 1972 г., фотографий самого М. Хрисогонова и др. — всего более 100 фотографий). До 2014 г. альбом находился в семейном архиве Эльги Лобовой (Венесуэла); фотокопии страниц альбома находятся в архиве семьи В.Л. Шульгина.
- Лобова 2009–2021 — *Лобова Э.* Письма В.Л. Шульгину по электронной почте в Москву из Венесуэлы (август 2009 — январь 2015) и из США (февраль–ноябрь 2020 г.) // Архив семьи В.Л. Шульгина, Москва.
- Маричевич 2008 — *Маричевич С.* Творчество С.Ф. Колесникова в контексте художественной культуры русской эмиграции в Югославии в период между двумя мировыми войнами: Дис. ... канд. искусствоведения. МГХПУ им. С.Г. Строганова. М., 2008. 436 с.
- Межинская Милованович 2020–2021 — *Межинская Милованович Е.К.* Письма к В.Л. Шульгину (по электронной почте), 2020–2021 // Архив семьи В.Л. Шульгина, Москва.
- Милеант 2004 — *Милеант А., ep.* Архиепископ Иоасаф (Скородумов, 1888–1955), 2004 г. URL: https://fatheralexander.org/booklets/russian/archbishop_ioasaf_skorodumov.htm (дата обращения: 09.01.2022).

- Наследие русского философа И.А. Ильина — Наследие русского философа И.А. Ильина (1883–1954). Фотоальбомы. Портреты И.А. Ильина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru> (дата обращения: 09.01.2022).
- Никольская 2000 — *Никольская Т.* Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000. 192 с.
- Пейзажи и цветы Михаила Хрисогонова 1972 — *В. З-н.* Пейзажи и цветы Михаила Хрисогонова // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1972.
- Первый Русский кадетский корпус 1940 — Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. Шестая кадетская памятка. Юбилейная. Королевство Югославия, 1940. 350 с.
- Первый Русский кадетский корпус 1997 — Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус (Белая Церковь). Седьмая кадетская памятка. Юбилейная: 1920–1995. Нью-Йорк, 1997. 464 с.
- Периодична изложба русских уметника 1937 — Периодична изложба русских уметника. 26 декабря 1937 г. — 10 января 1938 г., Београд, 1937.
- Петр Струве 2012 — Петр Бернгардович Струве / под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М., 2012. 327 с.
- Плотников 2006 — *Плотников Б.Е.* «Последний из могикан» (Михаил Михайлович Хрисогонов). URL: <http://www.passion-don.org/family.html>, подраздел «Хроники потомков Савельева» —> «Письма из Венесуэлы» —> «Последний из могикан», май 2006 (дата обращения: 09.01.2022).
- Плотников 2008–2012 — *Плотников Б.Е.* Письма В.Л. Шульгину по электронной почте из Каракаса (Венесуэла) в Москву, ноябрь 2008 — август 2012 // Архив семьи В.Л. Шульгина, Москва.
- Проблемы российского самосознания 2012 — Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры. Научно-практическая конференция: восстановление исторической правды и справедливости. URL: iphgas.ru/struve.htm (дата обращения: 09.01.2022).
- Радосавлевич 1994 — *Радосавлевич О.М.* Руски ликовни уметници у Белој Цркви. Белоцркванца штампа. 1994. 16 с.
- Раевская 1926 — *Раевская Н.* Русская гимназия среди природы // Русская школа за рубежом. 1926. № 19–20. С. 129–141.
- Савицкая и Цейс 2021 — Савицкая Майя и Цейс Михаил. Воспоминания о Михаиле Хрисогонове. Записаны В.Л. Шульгиным на диктофон по телефону, май 2021 г. // Архив семьи В.Л. Шульгина, Москва.
- Сазонов 1980 — *Сазонов Р.* Три школы // Кадетская переключка. 1980. № 25. С. 69–79.
- Сива 1985 — *Сива Н.* [Б. н.] (Воспоминания о Михаиле Михайловиче Хрисогонове) // Бюллетень объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле, Каракас, Венесуэла. 1985. № 16, февраль. С. 21–24.
- Струве 2020 — *Струве Д.Н.* Письма В.Л. Шульгину по электронной почте, апрель 2020 // Архив семьи В.Л. Шульгина, Москва.
- Тарасов 1968 — *Тарасов Л.* Выставка картин художника Хрисогонова в Каракасе // Русская мысль (Париж). 1968. 21 нояб.
- Тархова 2016 — *Тархова В.М.* Растворенные в тропиках. Саратов, 2016. 424 с.
- Хрисогонов 1918 — *Хрисогонов М.* Сезанн: (Четвертое измерение в живописи) // *Arg* (Тифлис). 1918. № 2/3. С. 71–79.
- Хрисогонов 1924 — *Хрисогонов М.* Метод рисования по творческому воображению или фантазии // Русская школа за рубежом (Прага). 1924. № 10/11. С. 122–132.
- Хрисогонов 1926а — *Хрисогонов М.* Художественная сторона рисунка в детском творчестве // Русская школа за рубежом (Прага). 1926. № 21/22. С. 327–333.

- Хрисогонов 1926б — *Хрисогонов М.* Характеристика детского рисунка // Педагогический бюллетень. Прага, 1926.
- Хрисогонов 1928 — *Хрисогонов М.* Метод преподавания плаката в общеобразовательной средней школе // Русская школа за рубежом (Прага). 1927–1928. № 26. С. 210–218.
- Хрисогонов 1929 — *Хрисогонов М.* ... Русская школа (Прага). 1929.
- Хрисогонов 1929–1931 — *Хрисогонов М.* Три открытки родственникам в Советский Союз с репродукциями его картин на лицевой стороне // Архив семьи В.Л. Шульгина, Москва.
- Хрисогонов 1958 — *Хрисогонов М.* «Нечто о реальном в искусстве» (статья по поводу разногласия оценки русского искусства на международной выставке в Брюсселе в 1958 г.) — место публикации пока неизвестно¹⁰⁵.
- Хрисогонов 1967 — *Хрисогонов М.М.* Письмо И.П. Смеловой в Арск, 1967 г., 25 с. // Архив семьи И.П. Смеловой, Арск.
- Хрисогонов 1981 — *Хрисогонов М.* Это было вчера (Воспоминания о Марко Враньешевиче) // Бюллетень объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. Каракас, Венесуэла, 1981. № 9, август. С. 24–26.
- Шлеев 1994 — *Шлеев В.В.* Художники-эмигранты в Латинской Америке // Латинская Америка. 1994. № 9.
- Roldan 2001 — *Roldan E.G.* Fuentes documentales y criticas de las artes plasticas venezolanes: siglos XIX y XX. Caracas, 2001 (Документальные источники и критика изобразительного искусства Венесуэлы XIX–XX века. Каракас, 2001).
- Pulko 2018 — *Pulko R.* Rusko zamejstvo v slovenskih dezelah. Kidricevo, 2018. 369 s. (*Пулко Р.* Русские зарубежники в словенских краях. Кидричево (Словения), 2018. 369 с.).
- Revista nacional de cultura 1954 — *Revista nacional de cultura (Venezuela)*. 1954. № 106–108. (*Журнал национальной культуры (Венесуэла)*. 1954. № 106–108).

¹⁰⁵ Машинописная копия статьи находится: ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 14. Д. 150. Л. 167–175.

Е.К. Межинская Милованович

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.М. ХРИСОГОНОВА В БЕЛГРАДЕ*

После Первой мировой войны и Октябрьского переворота многие русские беженцы прибыли в новообразованное Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Среди них было более трехсот живописцев и скульпторов — как профессионалов, так и любителей.

Имена некоторых художников-эмигрантов нам известны только на основании подписей на работах из маленьких частных коллекций, из статей в газетах и т. д., но были в их числе и известные русские художники и их ученики: сотрудник Ильи Репина — Николай Кузнецов, ученики Репина — Степан Колесников, Елена Киселева (Билимович); ученик и внук Ивана Айвазовского — Алексей Ганзен. В 1920–30-х гг. в КСХС также проводились выставки приезжавших из Европы Филиппа Малявина и Николая Богданова-Бельского. В кругах русской эмиграции в Сербии появились немногочисленные, привезенные из России работы И. Шишкина, И. Репина, И. Айвазовского и других известных русских авторов.

Русские эмигранты внесли значительный и особый вклад в разные области развития страны. После Первой мировой войны многие русские архитекторы и инженеры своими зданиями создали новый образ центра Белграда — столицы молодого королевства южных славян (Николай Краснов, Василий Баумгартен и др.), а также воздвигли многочисленные церкви во всем государстве (Василий Андросов, Виктор Лукомский и др.). Исходя из тенденций русского театрального искусства и используя опыт мирискусников и «Русских сезонов», художники, покинувшие Россию, способствовали развитию театрального творчества в мастерской Национального театра в Белграде и в других столичных и провинциальных театрах (Леонид Браиловский, Владимир Жедринский, Владимир Загороднюк и др.). В период с 1934 по 1941 г. русские художники-эмигранты возглавляли «Белградский круг комиксов» (Сергей Соловьев, Всеволод Гулевич, Иван Шеншин, Владимир Жедринский, Юрий Лобачев, Константин Кузнецов, Алексей Ранхнер, Николай Навоев). Их деятельность в области церковной живописи и иконописи представляет собой один из важнейших сегментов их художественного присутствия в сербской и югославской средах (Андрей Быщенко/Быценко, Борис Образков, Иван Дикий, Николай Мейендорф, Владимир Предоевич, Виктор Шевцов,

* Научно-просветительский проект «Отражения»: «Михаил Хрисогонов: неизвестный известный художник», Большой зал Дома русского зарубежья, 8 апреля 2021 г.

Матфей Рейтлингер, Евгений Варун-Секрет, Пимен Софронов и мн. др.). Значительным является их вклад и в педагогическую сферу. Многие из русских художников преподавали рисование и чистописание не только в учебных заведениях для русских детей, но и в сербских/югославских школах. Они обучали поколение учеников между двумя мировыми войнами. Таким образом, их деятельность на новой родине вышла за пределы узкого эмигрантского круга.

Одним из приоритетов для русской белой эмиграции за границей была именно организация школ и образовательной системы. В начале 1920-х гг. в Белграде была основана Русская гимназия. Так как кадеты бежали вместе с войсками из

*Члены столярной мастерской в кадетском корпусе в Королевстве СХС.
Преподаватель рисования М.М. Хрисогонов сидит второй слева.
Фотокопия самиздата о русских кадетских корпусах в эмиграции
инженера Владимира Тимофеевича Соболевского. Белград, Сербия*

России, т. е. со своим начальством и педагогами, в Королевстве СХС, изначально в Словении, затем в Боснии и позже в Сербии, конкретно в Воеводине, сформировались русские кадетские корпуса.

Михаил Михайлович Хрисогонов (Michail Khrisogonov / Miguel Hrisogono; 5/17 января 1891, Казань — 11 июня 1982, Каракас, Венесуэла) — художник, живописец, график, в 1921 г. эмигрировал в Королевство СХС [Лейкинд и др. 1999, с. 594; Хрисогонов; Шульгин; Из журналов 1982]. С 1923 по 1926 г. работал преподавателем чистописания и рисования в русской реальной гимназии Поновиче в

Хростовце в Словении (Ruski otroški dom in realna gimnazija Ponoviče v Hrastovcu [Pulko 2011]) и печатал статьи о педагогике в области искусства. С 1926 г. преподавал рисование в Боснии во 2-м Русском Донском кадетском корпусе в Билече и Донском императора Александра III кадетском корпусе в Горажде [Радосављевић 1994, с. 13; Хрисогонов].

В каталоге аукциона, состоявшегося 7 июня 2010 г. в аукционном доме «Madl'Art» в Белграде, под лотом № 90 была картина «Пейзаж» (картон, масло, 29 × 32 см), атрибутированная М.М. Хрисогонову. Из подписи в нижнем левом углу понятно, что это работа М.М. Хрисогонова 1927 г.¹ На основании даты можно предположить, что это боснийский пейзаж, который художник писал, когда преподавал в Горажде и Билече (см. цв. вкл.).

Очень похожий пейзаж маслом, но без подписи, незначительно меньшего размера (21 × 20 см), в 1990-х гг. встречаем в одной из частных коллекций в Белграде (см. цв. вкл.).

В 1930 г. в столице Королевства Югославия состоялось важнейшее для того времени художественное мероприятие в русской эмигрантской среде в Европе — «Большая выставка русского искусства», организованная под покровительством короля Александра Карагеоргиевича. Наряду с работами И. Репина, Ф. Малявина, А. Бенуа, М. Добужинского, И. Билибина, К. Коровина, З. Серебряковой, А. Яковлева и многих других известных художников и произведениями русских беженцев, проживавших в Королевстве, М. Хрисогонов представил пять своих работ — «Иконописец», «У открытого окна», два «Боснийских мотива» и «На солнце». На основании каталога данной выставки нам известно, что художник в марте 1930 г. все еще жил в Боснии [Велика изложба руске уметности, с. 33–34].

М.М. Хрисогонов, заявивший о себе в столичной белградской среде в начале 1930-х гг., в то время (с 1933 г.) преподавал рисование в Первом русском великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе в городке Бела-Црква в Банате — в Воеводине, где в 1934 г. организовал небольшую выставку своих эскизов и картин в витрине местного стекольного магазина Вильгельма Вурца [Радосављевић 1994, с. 13; Хрисогонов].

Из воспоминаний его учеников, с которыми он часто выходил рисовать на природу, мы узнаем, что из-за бороды у Хрисогонова было прозвище Навуходносор [Радосављевић 1994, с. 13].

В середине 1930-х гг. Хрисогонов еще связан с Боснией и Герцеговиной, в некоторых источниках упоминается его присутствие в монастыре Дужи, где он, вероятно, занимался иконописью и живописью [Древни српски манастири; Манастир Дужи].

Хрисогонов, живший в ту пору недалеко от Белграда, столицы страны, которая всячески поддерживала (в том числе королевский двор и Сербская православная церковь) русскую эмиграцию, начал создавать портреты выдающихся деятелей русского зарубежья: Ивана Александровича Ильина (1934), генерала Бориса Викторовича Адамовича (1935) [Хрисогонов] — возможно, его известнейшие работы

¹ Цена лота составила 150 евро [Madl'Art auction house].

М.М. Хрисогонов. Портрет Якова Матвеевича Хлытчиева. 1938. Бумага, уголь. 41 × 47 см.

Внизу справа монограмма: МХ/1938/М. Хрисогонов. Строительный факультет Белградского университета. Фотография Душана Милиича

сегодня. Таким образом, деятельность художника расширилась и, помимо сферы педагогики, стала включать область создания общественной хроники, в первую очередь русской эмигрантской среды, а затем и шире — сербской культурной сцены.

В белградских коллекциях хранятся и другие портреты Хрисогонова данного периода. Так, в конце XX в. строительному факультету Белградского университета был передан портрет русского эмигранта Якова Матвеевича Хлытчиева (1886–1963) (видимо, после смерти его вдовы), инженера, профессора Белградского университета, члена Сербской академии наук и искусств, который Хрисогонов, вероятно, нарисовал в 1938 г.

В белградской частной коллекции хранится ланонный портрет супруги академика Хлытчиева — Татьяны Ивановны Хлытчиевой, 1936 г., — одна из редких цветных работ Хрисогонова, которые встречаются в сербской среде (см. цв. вкл.). Портрет написан пастелью — в противоположность более строгому и сдержанному портрету профессора.

Из воспоминаний современников нам известно, что портрет Петра Бернгардовича Струве (проживавшего в Белграде с 1928 по 1942 г.), который Хрисогонов написал в 1937 г., — год спустя после портрета Т.И. Хлытчиевой, до начала 80-х годов XX в. хранился в белградской квартире Татьяны Ивановны, и именно по желанию вдовы академика Я.М. Хлытчиева был передан в Париж — семье П.Б. Струве².

Из письма Глеба Петровича Струве (сына П.Б. Струве), присланного из Беркли (США) в Белград 25 января 1971 г. Татьяне Ивановне Хлытчиевой, мы узнаем, что Хрисогонов, который переписывался с Г.П. Струве, был автором и портретов поэтов Игоря Северянина³ и Юрия Викторовича Офросимова (проживавшего с 1933 г. в Белграде), а также Василия Витальевича Шульгина⁴. Репродукции этих трех портретов, которые Хрисогонов хранил у себя в Каракасе, художник прислал Г.П. Струве. Последний писал Т.И. Хлытчиевой, что на портрете В.В. Шульгина 1935 г. Хрисогонов изобразил известного политического и общественного деятеля «en beau... помолодевшим, сухощавым, элегантным», а не таким, каким Струве запомнил его, когда в 1930–1931 гг. интервьюировал Шульгина в Булури-сюр-Мер

² По воспоминаниям Елены Игоревны Шайкович, которая по поручению Т.И. Хлытчиевой увезла портрет во Францию.

³ Свое стихотворение «Прогулка по Дубровнику» Игорь Северянин посвятил Т.И. Хлытчиевой [Северянин].

⁴ Окончательно перебравшись из Франции в Королевство СХС, с 1924 г. В.В. Шульгин жил в г. Нови-Сад (где женился во второй раз). Позже, в 1930 г., — в Белграде и Дубровнике, а в 1938 г. обосновался в Сремски-Карловцах, где проживал до своего ареста советскими властями в декабре 1944 г.

(Boulouris-sur-Mer) во Франции⁵.

Будучи портретистом, Хрисогонов продолжал преподавать в кадетском корпусе в Бела-Цркве, где его деятельность выходила за рамки педагогической: так, 19 мая 1936 г. (когда написаны портреты Хлытчиевых) им был сделан доклад о русской живописи последнего времени [Кадетские корпуса].

После написания портрета П.Б. Струве, как указано в каталоге «Периодической выставки русских художников», прошедшей в Белграде с 26/27 декабря 1937 по 10/12 января 1938 г., Хрисогонов продолжал жить в Бела-Цркве. На данной выставке художник представил четыре работы: «Портрет девочки» (масло), «Осеннее солнце» и два рисунка — «Портрет Н.З. Рыбинского» и «Портрет М.В.» [Сутра се отвара изложба, с. 8; Председник Академије наука, с. 6; Изложба руских уметника, с. 17; Периодична изложба, с. 14].

19 апреля 1938 г. преподаватель кадетского корпуса М.М. Хрисогонов снова посетил Белград, чтобы провести экскурсию для группы кадетов с целью ознакомления с итальянскими портретами на выставке — важнейшем мероприятии в югославской культурной среде [Кадетские корпуса].

После генерал-лейтенанта Б.В. Адамовича и преподавателей рисования подполковника Г.Л. Реммерта и подполковника И.П. Трофимова М.М. Хрисогонов руководил Художественной секцией «Константиновского литературно-художественного кружка», которая ежегодно создавала декорации, плакаты, программы, зарисовывала разные предметы для лотереи в пользу выпускников, принимала участие в лепке и украшении здания корпуса и т. д. Так как в учебном 1938/39 г.

Не так давно получил второе — и на этот раз длинное — письмо от М.М. Хрисогонова, к которому он приложил репродукции с нескольких своих портретов, которые у него при себе: в том числе В.В. Щутина, Игоря Северянина и Ю.В. Отросимова. Портрет Щутина (1935 г.) очень интересный, но я бы его не узнал: либо он очень не велик, либо Щулин, переехав из Франции в Югославию, очень изменился. Какой-то он на портрете помолодел, сухохавый, элегантен. В 1930 или 1931 г., когда я ездил в Boulouris-sur-Mer интервьюировать его, я не таким его помню. А как раз перед тем я получил от его племянницы (дочери А.Д. Билимовича) недавнюю его фотографию, советскую, тоже неузнаваемую —

на этот раз потому, что он с бородой.
Хрисогонов почему-то думал, что Вы живете в Калифорнии — так он мне написал в связи с тем, что говорил о своем портрете П.Б. Ему сейчас, кажется, за 80 лет. А Щулину — 93!
Простите еще раз за долгое молчание. При случае кланяйтесь от меня Шайковичам и Острогорским. Рада
Целую ручку.
Ваш
Глеб Петрович Струве

Конверт и фрагменты письма Глеба Петровича Струве Татьяне Ивановне Хлытчиевой. Белград. Частное собрание

⁵ Письмо Г.П. Струве из частного семейного архива, Белград, Сербия.

секцией кадетов руководил уже Н.И. Александров [Кадетские корпуса, Кружки], а из биографии Хрисогонова известно, что он с 1938 г. жил в Белграде [Хрисогонов], становится ясным, что художник переехал в столицу между апрелем и сентябрем этого года.

Видимо, уже как житель Белграда, в 1938 г. Хрисогонов пишет портрет врача Марии Алексеевны Брянской (1877–1965, Белград), которая в 1907 г. окончила медицинский факультет в Лозанне, в 1910–1918 гг. работала хирургом в хирургическом отделении московской городской больницы, а в Белграде, в эмиграции, служила врачом в Областной канцелярии страхования рабочих (Окружном уреду за осигурање радника) (1922–1926), с 1 июня 1920 г. руководила женским отделением хирургической клиники в Поликлинике Русского общества Красного Креста [Арсеньев 2009, с. 268; Литвињенко 2007, с. 65, 112] (см. цв. вкл.). М.А. Брянская была замужем за Виктором Диодоровичем Брянским (1868–1944), владельцем недвижимости в Москве, активным общественным деятелем в России, товарищем московского городского головы и председателем Всероссийского союза городов в Москве, активным деятелем Всероссийского союза городов в эмиграции в Королевстве СХС, членом Главного школьного совета русских образовательных учреждений в КСХС при Министерстве просвещения, председателем Издательской комиссии при Русском культурном комитете в Белграде и управляющим Русской публичной библиотекой в Белграде⁶ [Смѣта на дѣтскіе сады; Захаров 1930, с. 82; Арсеньев 1994, с. 236; Миленковић и др. 2006, с. 89, 165, 174, 341; Арсеньев 2010].

М.М. Хрисогонов. Портрет Сергея Никифоровича Сластикова (Калужанина). 1938. Частное собрание. Белград (?). Портрет экспонировался с 15 по 30 апреля 2003 г. в Русском доме в Белграде на выставке «Работы русских художников в белградских частных коллекциях III» («Дела русских уметника у београдским приватним збиркама III»).

Фотография Душана Миличица

и председателем Всероссийского союза городов в Москве, активным деятелем в эмиграции в Королевстве СХС, членом Главного школьного совета русских образовательных учреждений в КСХС при Министерстве просвещения, председателем Издательской комиссии при Русском культурном комитете в Белграде и управляющим Русской публичной библиотекой в Белграде⁶ [Смѣта на дѣтскіе сады; Захаров 1930, с. 82; Арсеньев 1994, с. 236; Миленковић и др. 2006, с. 89, 165, 174, 341; Арсеньев 2010].

В том же 1938 г. М. Хрисогонов пишет портрет еще одного выдающегося русского эмигранта в белградской среде — переводчика и детского писателя Сергея Никифоровича Сластикова (псевд. Калу-

⁶ О том, что М.А. и В.Д. Брянские — супруги, указал нам Алексей Борисович Арсеньев, за что автор его искренне благодарит.

жанин; 1898–1970)⁷, с 1933 г. супруга поэтессы Десанки Максимович. Репродукция этого портрета, как и портрет самой поэтессы, хранится в частной коллекции в Белграде.

Портрет 1938 г. работы М. Хрисогонова уже известной в то время сербской писательницы Десанки Максимович и сегодня присутствует в визуальной культуре Сербии, связывая таким образом художника уже не только со значительными деятелями закрытого эмигрантского круга, но и с более широкой общественностью страны, в которой Хрисогонов проживал [Межински Миловановић 2015] (см. цв. вкл.).

Репродукция портрета (в зеркальном отображении) использована в оформлении обложки к долгоиграющей пластинке «Desanka

Maksimović» с записью стихов известной сербской поэтессы в издании Радиотелевидения Белграда (Радио-телевизије Београд — РТБ) в конце 70-х гг. XX в., но, к сожалению, без данных об авторе портрета [Zvuci Jugoslavije].

Оба портрета супругов работы Хрисогонова опубликованы в монографии Радована Поповича о Десанке Максимович [Поповић 2009, с. 36].

С 3 по 17 апреля 1939 г. Хрисогонов выставил свои произведения на второй периодической выставке русских художников в Русском доме имени императора Николая II в Белграде [Отварање изложбе; Симовић 1939].

В белградской частной коллекции потомков преподавательницы русского языка Ксении Михайловны Марчетич (1895–1978) [Терзич 2013, с. 353–358] хранится ее портрет — еще одна работа Хрисогонова, которую в 1940 г. художник выполнил карандашом на бумаге, раскрасив пастелью лишь детали (см. цв. вкл.).

Из воспоминаний современников и знакомых художника в Белграде нам известно, что Хрисогонов был автором и других работ между двумя мировыми войнами, например лика «Христос с терновым венцом»⁹ и сцены «Крестьянка в поле», а также, что его работу 1934 г. имела семья Бабич в Бела-Цркве [Радосављевић 1994, с. 13].

desanka maksimović

Репродукция портрета поэтессы работы М.М. Хрисогонова на долгоиграющей пластинке в издании Радиотелевидения Белграда (РТБ Zvuci Jugoslavije. Sounds of Yugoslavia, Desanka Maksimovic 1979 2LP)⁸

⁷ Сластиков активно переводил и после Второй мировой войны [Ступени 1927, с. 46, 47; Јевтушенко 1962; Ђурић 1990, 88; Арсењев 1994, с. 304; Поповић 2009, 35].

⁸ См.: <http://jugozvuk.blogspot.com/2012/08/desanka-maksimovic-1979-2lp.html> (дата обращения: 01.04.2021).

⁹ По воспоминаниям Ирины Бородкиной, Белград, Сербия.

Хрисогонов является и автором портрета Светланы Борисовны Орешковой, дочери Бориса Михайловича Орешкова¹⁰, главного секретаря Государственной комиссии по делам русских беженцев и первого директора Русского дома в Белграде [Антанасиевич 2014, с. 380–382; Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018, с. 301, 302].

К этому времени относится и портрет эмигрантки Нины Владимировны Яхонтовой, выполненный пастелью, который в настоящее время, вероятно, хранится в США¹¹.

Есть сведения о том, что Хрисогонов является автором портрета женщины среднего возраста (1930-е), написанного углем на бумаге, хранившегося в 1990-х гг. в запасниках белградского Национального музея¹².

Во время Второй мировой войны Хрисогонов выставлял свои работы в Белграде на экспозициях русских художников-эмигрантов, одна из которых проходила со 2 по 23 августа 1942 г. в павильоне «Цвета Зузорич» на Калемегдане [Выставка русских художников 1942].

В следующем 1943 г. «Выставка русских художников» проходила с 20 июня по 11 июля на том же месте [Выставка русских художников 1943]¹³, на ней М.М. Хрисогонов представил свою работу «Тоска по родине» — портрет восемнадцатилетней Юлии Борисовны Литвиновой (см. цв. вкл.). В семье портретируемой помнят, что существовал и вариант, сделанный карандашом на бумаге для самой модели, которой портрет маслом не очень понравился¹⁴.

15 декабря 1943 г. Хрисогонов участвовал в «Выставке-аукционе русских художников» в Русском доме в Белграде (с Г. Бояджиевой, А. Вербицким, В. Загороднюком, А. Золотаревым, Л. Ковалевской-Рык, С.Ф. Колесниковым, О. Колб-Стелецкой, С. Кучинским, И. Рыком, А. Сосновским и Л. Шрамченко) [Выставка-аукцион].

Как и многие его соотечественники, после войны, с приходом Красной армии и наступлением в стране коммунизма, Хрисогонов покинул Белград и через Австрию перебрался дальше на Запад, в Венесуэлу, где спустя почти четыре десятилетия художник скончался [Из журналов 1982; Хрисогонов].

В конце XX — начале XXI в. «белградские» работы Хрисогонова продолжали храниться в Белграде, в основном в частных коллекциях, в семьях у потомков или знакомых тех, кого Хрисогонов писал. Пять женских портретов из этой серии были показаны на трех выставках русских художников-эмигрантов в белградском Русском доме, организатором которых является автор этих строк. Портрет Т.И. Хлытчиевой выставлялся с 19 по 26 июня 1997 г. на первой выставке «Работы

¹⁰ По воспоминаниям Нины Владимировны Яхонтовой, Белград, Сербия.

¹¹ По воспоминаниям Нины Владимировны Яхонтовой, Белград, Сербия.

¹² Портрета, подписанного внизу справа монограммой, около 70 × 50 см.

¹³ Выставка русских художников. Белград, павильон «Цвета Зузорич» на Калемегдане. 20 июня — 11 июля 1943 г. // <https://artz.ru/articles/1804976803/index.html> (дата обращения: 27.03.2021).

¹⁴ Приносим искреннюю благодарность проф. Андрею Тарасьеву (Белград, Сербия) за предоставленные сведения.

русских художников в белградских частных коллекциях» («Дела русских уметника у београдским приватним збиркама»), портреты М.А. Брянской, К.М. Марчетич и Ю.Б. Литвиновой — с 6 по 16 апреля 1998 г. на второй выставке «Работы русских художников в белградских частных коллекциях II» («Дела русских уметника у београдским приватним збиркама II»), а с 15 по 30 апреля 2003 г. белградской публике была предоставлена возможность ознакомиться с портретом Д. Максимович, на третьей выставке «Работы русских художников в белградских частных коллекциях III» («Дела русских уметника у београдским приватним збиркама III»).

Вклад русских художников-эмигрантов в сербскую культуру, несмотря на возрастающий интерес искусствоведов, пока недостаточно исследован. М.М. Хрисогонов, будучи педагогом в русской эмигрантской среде, а позже и активным портретистом, внес свой вклад и в сербскую историю искусства, написав портрет одной из известнейших сербских поэтесс — Десанки Максимович. Данная работа стала известной широкой публике, а ее автор до сих пор остается анонимным — и не только для сербов, но и для большинства экспертов, так как его опубликованные работы не идентифицированы.

Литература

- Антанасиевич 2014 — Антанасиевич И.Н. Русская эмиграция на Балканах: проблема понимания и взаимопроникновения культур // Сборник радова Филозофског факултета Универзитета у Приштине. Косовска Митровица, 2014. XLIV (2). С. 373–390. URL: <https://drive.google.com/file/d/0BzVmKuYmVqYmRNSk9BYzdSNlk/view> (дата обращения: 30.03.2021).
- Арсеньев 1994 — Арсеньев А. Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. II. Београд, 1994. С. 225–326.
- Арсеньев 2009 — Арсеньев А.Б. Вклад русских эмигрантов в культуру, науку, экономику Сербии // Русские в Сербии. Белград, 2009. С. 211–269.
- Арсеньев 2010 — Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Дубровнике 1918–1921 гг. Сентябрь 2010 г. URL: <http://www.newreviewinc.com/?p=479> (дата обращения: 03.03.2015).
- Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018 — Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л. Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Кн. 2. Белград, 2018. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2018_arsenjevev_2.pdf (дата обращения: 30.03.2021).
- Велика изложба руске уметности — Велика изложба руске уметности, каталог изложбе. Београд, 1930.
- Выставка-аукцион — Выставка-аукцион русских художников. Белград, Русский дом. 15 дек. 1943 г. URL: <https://artruz.ru/articles/1804976948/index.html> (дата обращения: 27.03.2021).
- Выставка русских художников 1942 — Выставка русских художников. Белград, павильон «Цвета Зузорич» на Калемегдане. 2–23 августа 1942 г. URL: <https://artruz.ru/articles/1804977142/index.html> (дата обращения: 27.03.2021).
- Выставка русских художников 1943 — Выставка русских художников. Белград, павильон «Цвета Зузорич» на Калемегдане. 20 июня — 11 июля 1943 г. URL: <https://artruz.ru/articles/1804976803/index.html> (дата обращения: 27.03.2021).
- Древни српски манастири — Древни српски манастири: Манастир Дужи. URL: <https://www.in4s.net/drevni-srpski-manastiri-manastir-duzi/> (дата обращения: 24.09.2021).

- Ђурић 1990 — *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Горњи Милановац, Београд, 1990.
- Захаров 1930 — *Захаров Е.* Живот девет хиљада Руса у Београду // Општинске новине, службени орган општине града Београда. Београд, 1930. № 1. 1. јануар. С. 80–83.
- Из журналов 1982 — Из журналов «Кадетская переключка», 31, 1982 г. URL: <http://www.xx13.ru/kadeti/kp31.htm#%D1%85%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC> (дата обраћања: 16.02.2014).
- Изложба руских уметника — Изложба руских уметника на Универзитету отворена до 12 јануара закључно // Правда. Београд, 1938. 12. Јануар. С. 17.
- Јевтушенко 1962 — *Јевтушенко Е.* Ракете. Чачак, 1962.
- Кадетские корпуса — Кадетские корпуса. Русский кадетский корпус на чужбине. Хроника Первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса 1920–1940 г. URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1918_1964/yugoslavia/7-cadet-rem/12.htm (дата обраћања: 28.03.2021).
- Кадетские корпуса. Кружки — Кадетские корпуса. Русский кадетский корпус на чужбине. Кружки. URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1918_1964/yugoslavia/7-cadet-rem/06.htm (дата обраћања: 28.03.2021).
- Лейкинд и др. 1999 — *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья: Биографический словарь. СПб., 1999.
- Литвињенко 2007 — *Литвињенко С.* Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007.
- Манастир Дужи — Манастир Дужи. URL: https://eparhija-zahumskohercegovacka.com/?page_id=2099 (дата обраћања: 24.09.2021).
- Межински Миловановић 2015 — *Межински Миловановић Ј.* Ликовни уметници — руски емигранти у контакту са кругом Земгора у Краљевини СХС / Југославији // Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС / Југославији: Зборник радова. Београд, 2015. С. 487–511.
- Миленковић и др. 2006 — *Миленковић Т., Павловић М.* Белоемиграција у Југославији 1918–1941. Т. 1. Београд, 2006.
- Отварање изложбе — Отварање изложбе радова руских ликовних уметника // Правда. Београд, 1939. 3. април. С. 9.
- Периодична изложба — Периодична изложба руских уметника, каталог изложбе, 26 децембра 1937 г. — 10 јануара 1938 г. Београд, 1937.
- Поповић 2009 — *Поповић Р.* Песникиња душе Србије. Београд, 2009.
- Председник Академије наука — Председник Академије наука г. др. Александар Белић отворио је данас велику изложбу руских уметника на Новом универзитету // Правда. Београд, 1937. 27. децембар. С. 6.
- Радосављевић 1994 — *Радосављевић О.М.* Руски ликовни уметници у Белој Цркви // Белоцркванске свеске. 5. Бела Црква, 1994.
- Северјанин — *Северјанин И.* Адриатика. Лирика. Нарва (Естонија), 1932. URL: <https://webzone.ee/severjanin/text/Adriatika/Adriatika.htm> (дата обраћања: 03.12.2020).
- Симовић 1939 — *Симовић М.Т.* Друга периодична изложба руских уметника у Београду (2–17 априла 1939) // Београдске општинске новине, часопис за комунално-социјални, привредни и културни живот Београда. Београд, 1939. 4. април. С. 212–213.
- Смѣта на дѣтскіе сады — Смѣта на дѣтскіе сады, начальныя школы и гимназіи В. С. Г. с интернатами и безъ интернатовъ на 1923–24 учебный годъ // Архив Сербской академии наук и искусств в Белграде. Фонд Александра Белича. Историческое собрание № 14386 / III — 9/5(3).
- Ступени 1927 — Ступени: Обществено-литературный сборник. Бѣлград, 1927. Април. Сутра се отвара изложба — Сутра се отвара изложба руских уметника у Београду // Време. Београд, 1937. 25. децембар. С. 8.

- Терзич 2013 — *Терзич Б.* Место Ксении Михайловны Марчетич (1895–1978) в послевоенном преподавании русского языка в Сербии // Русское зарубежье и славянский мир: Сборник трудов. Белград, 2013. С. 353–358.
- Хрисогонов — Хрисогонов Михаил Михайлович. URL: <http://www.artrz.ru/menu/1804681482/1804787202.html> (дата обращения: 27.03.2021).
- Шульгин — *Шульгин В.Л.* Хрисогонов Михаил Андреевич — чиновник Казанской губернии. URL: http://foto-progulki.ru/chrisogonov_m_a (дата обращения: 27.03.2021).
- MadlArt auction house — MadlArt auction house, Prva aukcijska kuća u Srbiji, Kralja Petra, 32, tel. 011/3243009; 20. Aukcija antikviteta i slika 07. jun 2010, Lot broj 90. URL: <https://www.madlart.com/mihail-mihajlovi%C4%8D-hrisogunov-pejza%C5%BE> (дата обращения: 28.03.2021).
- Pulko 2011 — *Pulko R.* Ruska realna gimnazija v Slovenskih goricah // Časopis za zgodovino in narodopisje. 4. Maribor, 2011. P. 87–106. URL: <http://ukm.um.si/ruska-realna-gimnazija-v-slovenskih-goricah> (дата обращения: 30.03.2021).
- Zvuci Jugoslavije — Zvuci Jugoslavije — Sounds of Yugoslavia. URL: <http://jugozvuk.blogspot.com/2012/08/desanka-maksimovic-1979-2lp.html> (дата обращения: 01.04.2021).

*П.Ф. Евграфов*¹
Я БУДУ ПОМНИТЬ²

М.М. Хрисогонову

Я буду помнить долго, долго,
Огни ушедших кораблей!..
Огни протеста, веры, долга,
России изгнанных детей!..
И боль, сковавшую сознание,
Тоску души и ряд обид...
Лишь потому, что в дни страдания
Алтарь России был разбит!..

* * *

И буду помнить долго, свято,
Пожатье дружеской руки!..
Смирившее всю боль... когда-то...
Боль непомерную тоски!..
И взгляд идейного собрата –
Бодрящий взгляд, в стране чужой...
Лишь потому — что в дни утраты
Несем мы Крест Руси Святой!..

¹ С поэтом Петром Евграфовым, как уже говорилось выше, Михаил Хрисогонов познакомился в 1921 г., почти сразу после прибытия в Королевство СХС. Они подружились, а после переезда художника в Венесуэлу продолжали переписываться.

² Копия вырезки из газеты (журнала) с этим стихотворением, посвященным Михаилу Хрисогонову, была любезно прислана автору из Сербии А.Б. Арсеньевым (место публикации пока не установлено).

МАТЕРИАЛЫ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Кривцова

«И ВИДЕЛ Я ДРУГОГО АНГЕЛА...»¹
(«ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ» СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА
В СОБРАНИИ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА)

...Фабула завершается катастрофой. От конца не уйти, а в нем искупление.

*Б.Н. Демчинский. Из письма к С.С. Прокофьеву. Петроград, 12 июля 1923 г.*²

I

Одним из наименее исследованных актуальных вопросов биографии С.С. Прокофьева является изучение степени влияния культурной и общественно-политической жизни русского зарубежья на эволюцию творчества композитора с 1918 по 1936 г. Многочисленные дружеские и деловые контакты, активное присутствие композитора в разных сферах жизни русского зарубежья — свидетельство неоспоримого авторитета Прокофьева, основанного на исключительной и всесторонней одаренности личности. Крепкую связь с миром русской эмиграции, равно как и причастность судьбы Прокофьева к истории Русского исхода, не смогли разрушить ни мировая слава и успешная ассимиляция композитора³ в музыкальных кругах Европы и Америки, ни его возвращение в советскую Россию, ни навязанное политиками «размежевание» культур и «антипрокофьевские» выступления в эмигрантской прессе с конца 1920-х до середины 1930-х гг. В таком контексте обращение к творчеству С.С. Прокофьева в эмиграции открывает новые возможности интерпретации смыслов и содержания его произведений с точки зрения исторического опыта русского зарубежья. Пожалуй, самыми значительными сочинениями зарубежного периода С.С. Прокофьева являются опера «Огненный Ангел»⁴ (1919–1927) и Третья симфония (1928)⁵, основанная на тема-

¹ Отрывок из Откровения Иоанна Богослова. Полностью стих звучит так: «И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого. И воскликнул он громким голосом к четьрем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря...» (Откр. 7: 2).

² Цит. по: [Савкина 2015, с. 150].

³ О тернистом пути признания русской композиторской школы в Париже, культурной столице послевоенного Запада, Прокофьев писал в своей Автобиографии: «Переехать в Париж еще не значит сделаться парижанином. Франция желала быть победительницей и в музыке» (цит. по: [Прокофьев 1961, с. 173]).

⁴ Прокофьев пишет слово «Ангел» всегда с заглавной буквы, в отличие от названия «Огненный ангел» (со строчной буквы) в современных источниках, в том числе изданиях одноименной повести В.Я. Брюсова.

⁵ Опера «Огненный Ангел» в 5 актах. Ор. 37. По одноименной повести В. Брюсова. Либретто С. Прокофьева. Премьера фрагментов 2-го акта оперы (концертное исполнение) — Париж, зал Плейель,

тическом материале оперы. Уникальность этих двухopusов, помимо художественных достоинств, заключается в единстве произведений как объекта изучения: источники музыкального текста (оперы в двух редакциях и симфонии), история состоявшихся и несостоявшихся постановок, концертных исполнений, варианты текстов либретто, нотные издания, в том числе прижизненные и современные, ассоциированная часть эпистолярного и мемуарного наследия, семантика и бытование сочинений. Все вместе — это единое, в некоторой степени отчужденное от литературной основы (одноименного произведения В. Брюсова) культурно-историческое явление мирового значения.

«Огненный Ангел» Сергея Прокофьева прежде не рассматривался как музыкальный символ Русского исхода, хотя историческим фоном создания музыки явились военные и революционные события в России, распад Российской империи, небывалая по массовости эмиграция, в том числе деятелей музыкальной культуры. Годы работы над «Ангелом» (1919–1928) — драматическое десятилетие биографии Прокофьева. Он тяжело переживает не только разлуку с оставшейся в России матерью Марией Григорьевной⁶, материальную нестабильность, проблемы со здоровьем, потерю родственников и близких друзей, но и события, по выражению Прокофьева, «буйного российского смерча» [Прокофьев. Дневник, т. 2, с. 302]. На страницах его дневника с регулярной частотой появляются скудные новости из России, «пунктиром» фиксирующие ход Гражданской войны и беженства: «ужасные разбои в России, голод в Петрограде, озлобленная чернь» [Там же, с. 199]; «Читал “Последние новости”⁷ <...>. Поваяло таким ужасом из России и Константинополя, что стало стыдно увлекаться здесь (в США. — Е.К.) постановкой “Апельсинов”, когда там такой плач. Но чем поможешь?» [Там же, с. 361]. Чувство бессилия обостряло душевные муки: «Ростов опять заняли большевики. Прямо одно отчаяние с мамой: попасть в город, переходящий из рук в руки.

14 июня 1928 г., под управлением С. Кусевицкого, с участием Н. Кошиц (Рената). Премьера полной версии оперы (в концертном исполнении) — Париж, Театр Елисейских Полей, 25 ноября 1954 г., дирижер Ш. Брюк. Сценическая премьера — Венеция, театр «Ла Фениче», 14 сентября 1955 г., под управлением Н. Санцоньо. Третья симфония с-moll в 4 частях, ор. 44, 1928. Посвящена Н.Я. Мясковскому. Премьера — Париж, 17 мая 1929 г., под управлением П. Монте.

⁶ Прокофьева Мария Григорьевна (урожд. Житкова; 1855–1924) — мать С.С. Прокофьева, родилась в Петербурге в семье бывших крепостных графа Шереметева, окончила гимназию с золотой медалью в Москве, проявила себя как способная ученица по классу фортепиано, обладала талантом музыкального педагога. В 1877 г. вышла замуж за агронома С.А. Прокофьева, с 1878 г. управляющего имением помещика Сонцова в Екатеринославской губернии. Там, в селе Сонцовка, в 1891 г. у четы Прокофьевых родился единственный сын Сергей. Свою жизнь М.Г. Прокофьева посвятила воспитанию и поддержке будущего композитора С.С. Прокофьева. Революция застала М.Г. Прокофьеву в Кисловодске. С волной беженцев она добралась через Новороссийск до Константинополя, затем в июне 1920 г. на пароходе «Souirah» прибыла в Марсель, где встретила с сыном.

⁷ «Последние новости» — газета русской эмиграции, выходила в Париже с 1920 по 1940 г. Являлась самой популярной и влиятельной газетой русского зарубежья. С.С. Прокофьев читал выпуск этой газеты (номер не установлен) 20 ноября 1921 г. в Чикаго (США) в период постановки оперы «Любовь к трем апельсинам» в Чикагской опере.

У Дерюжинского⁸ мать в Херсоне, а у Анисфельда⁹ в Одессе. И на все три города навалилась большевистская рать. А мы — три артиста — сидим здесь и одинаково не можем помочь, только просыпаясь ночью с ужасом, рисуем страшные картины» [Там же, с. 267]. С большими трудностями вызволяя из России мать, пытаюсь восстановить ее здоровье, подорванное разлукой с сыном и беженством, Прокофьев сочинил основную часть музыки «Огненного Ангела». Мария Григорьевна Прокофьева скончалась в начале декабря 1924 г. на руках сына. Примириться с утратой, преодолеть состояние постреволюционного синдрома «русского на чужбине» и закончить «Ангела» Прокофьеву было непросто. Работа над сочинением, начатая в 1919 г., с небольшими перерывами затянулись на годы. От природы жизнерадостной натуре Прокофьева было невыносимо долгое пребывание в сумраке духовного уныния. О светлой Третьей симфонии и окончании мрачного периода в своем творчестве Прокофьев впервые упомянул в 1926 г.: «О, да, моя 3-я симфония будет светлой» [Там же, т. 3. с. 43]. Однако, завершив работу над клавиром и партитурой второй редакции оперы «Огненный Ангел» в сентябре 1927 г., Прокофьев в ноябре оставляет далеко не «светлую» запись в дневнике: «Раньше Апокалипсис мне представлялся нелепым нагромождением непонятных фигур. Теперь они становятся всё образнее и интереснее. Планы написать большую вещь на Апокалипсис. Но раньше — мажорную симфонию» [Там же, т. 2, с. 253]. «Мажорной», третьей по счету симфонии не случилось — в ноябре 1928 г. Прокофьев заканчивает, пожалуй, самый «минорный», трагический из своих симфонических опусов. В исследованиях, посвященных Прокофьеву, упускается тот факт, что композитор приступил к завершению оперы и созданию Третьей симфонии по возвращении из советской России. Триумфальные гастроли на родине в 1927 г., после десятилетнего отсутствия, теплая встреча с друзьями и коллегами, радушный прием российской публикой, восторженные отклики в советской прессе не смогли компенсировать чувство горечи. Основным итогом встречи с Россией драматичен, и Прокофьев не доверил его дневнику: общество, страна изменились, есть угрозы, и риск реален, но рано или поздно он все равно вернется в этот другой Русский мир, возникший на обломках прошлого, сделав тяжелый выбор, пожертвовав многим. Предопределенность и фатальность грядущего отразились в музыке. Грандиозная Третья симфония, написанная для тройного состава оркестра на музыкальном материале оперы «Огненный Ангел», — своеобразная кульминация,

⁸ Дерюжинский Глеб Владимирович (1888–1975) — русский художник, выдающийся американский скульптор, эмигрировал в 1919 г. из Новороссийска, устроившись на судно «Владимир» матросом, разыскал свою мать и брата в Копенгагене, в середине 1920-х гг. перевез ее в США. Отец скульптора — известный правовед В.Ф. Дерюжинский — умер в 1920 г. от тифа в лагере русских беженцев Буюк-Дере под Константинополем. Глеб Дерюжинский — автор ряда скульптурных портретов деятелей русского искусства в эмиграции, в том числе портрета С.С. Прокофьева (1921).

⁹ Анисфельд Борис (Бер) Израилевич (1878–1973) — российский и американский художник, график, сценограф. Оформлял спектакли «Русских сезонов» С. Дягилева, балеты А. Павловой, В. Нижинского, М. Фокина. Накануне революции, в 1917 г., по приглашению выехал в США через Японию. Как театральный художник сотрудничал с Метрополитен-опера и Чикагской оперой. Оформил первую постановку оперы С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» в Чикаго (1921). В конце жизни занимался в основном педагогической практикой.

творческий и жизненный итог зарубежного периода композитора. В авторской аннотации на французском языке, отправленной в Бостон С.А. и Н.К. Кусевицким¹⁰, вероятно для программы к будущему исполнению симфонии Бостонским оркестром¹¹, Прокофьев дает краткую характеристику частям Третьей симфонии:

Третья симфония, ор. 44, была завершена 3 ноября 1928 г., но в ней используются темы, которые послужили при создании оперы «Огненный Ангел», первые наброски к которой были написаны в 1920 г. Это произведение, следовательно, представляет собой симфоническое развитие тем, созданных гораздо раньше и уже использованных в опере, но совершенно в иной манере: можно вспомнить, например, заимствование, сделанное Бетховеном в его Героической симфонии, из балета Прометей. Первая часть соответствует типичному сонатному или симфоническому Allegro: после точки наивысшего напряжения в репризе снова звучат те же темы пианиссимо. Вторая часть — это спокойное Andante, абстрактное и метафизическое. В третьей части своей симфонии Прокофьев нам представляет лишенное жизнерадостности, мрачное скерцо: «Вначале это что-то вроде постоянной темы, исполняемой струнными, немного напоминающей финал Сонаты си-бемоль минор Шопена. Трио — это канцонетта на несколько голосов. Затем постоянная тема возобновляется, но на этот раз в нее встраиваются фрагменты тем канцонетты». Последняя часть — мощный финал, построенный крупными блоками. В экспозиции три темы, затем вводится эпизод, отсылающий к молитве, созерцательности, и тем самым близкий ко второй части. Наконец, снова возвращаются три темы, но на этот раз контрапунктом к другим темам¹².

Скупая аннотация интересна тем, что вводит содержание сочинения в круг трагических образов Бетховена и Шопена. Автор, не акцентируя на характере и настроении сочинения, обращает внимание на эпический размах и трагедийный накал симфонии. Так, непрерывное нагнетание лирико-драматических образов в первой части симфонии постепенно усложняется и перерастает в контрастирующую, волевою фанфарную тему (в опере лейтмотив Рупрехта и сцена дуэли) в характере зловещего шествия¹³: «В чеканном “вдалбливании” аккордов сопровождения проступают черты военного марша в чудовищно-гротесковом

¹⁰ Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) — дирижер, контрабасист, основатель «Конcertов Кусевицкого» и Российского музыкального издательства (РМИ). Кусевицкая Наталия Константиновна (урожд. Ушкова; 1881–1942) — меценат, скульптор, издатель, жена дирижера С.А. Кусевицкого.

¹¹ С.А. Кусевицкий восторженно отзывался о Третьей симфонии С.С. Прокофьева, но так и не исполнил произведение. Аннотация *Troisième symphonie*, ор. 44 представляет собой машинопись на французском языке с подписью С.С. Прокофьева, без даты (не ранее 1929 г.). Документ хранится в Архиве Кусевицкого в Отделе исполнительских искусств Библиотеки Конгресса (США). Опубликован впервые на языке оригинала (без перевода на русский язык) в [Переписка 1910–1953, с. 454–455].

¹² [Там же]. На русском языке публикуется впервые. Перевод с французского С.Н. Дубовиной.

¹³ В русской музыке марш, который разрастается в фатальную торжествующую силу, берет начало в творчестве П.И. Чайковского (марш 3-й части Шестой «Патетической» симфонии), продолжается в сочинениях Прокофьева (опера и симфония «Огненный Ангел»), Стравинского (например, маршевая часть «Симфонии в трех движениях»). Апофеозом XX в. стал известный всему миру маршевый эпизод «Нашествия» из 1-й части Симфонии № 7 «Ленинградской» Д.Д. Шостаковича.

преломлении» [Тараканов 1968, с. 156]. Генеральная кульминация первой части рождает сложные реминисценции с «Закатом Европы» О. Шпенглера, аллюзиями эпического действия «Расцвет и падение города Махагони» Б. Брехта¹⁴ (созданного в одно время с Третьей симфонией). Две темы четвертой части Третьей симфонии — траурный марш (в опере это лейтмотив Агриппы) и призывный набат, переходящий в погребальное звучание колокола в финальной коде, — смысловый итог всего симфонического произведения: «Напряженность звучания постепенно нарастает, чувствуется, что должно наступить событие гигантского, почти космического масштаба <...>. Впечатление космической катастрофы, крушения мира достигнуто, быть может, самыми интенсивными средствами выражения, которые возможны в музыкальном искусстве» [Там же, с. 190]. Торжество неумолимой темной силы, возможно, символизирует трагедию необратимой утраты родины. Теперь в заданной реальности на чужбине русской эмиграции предстояло исполнить особую миссию сохранения преемственности культуры, «завязывания надорванной нити русской традиции»¹⁵. В таком истолковании музыка «Огненного Ангела» представляет глубинный смысловой пласт, обобщающий в звучащем веществе¹⁶ множественность категорий русского изгнанничества. Не случайно композитор настойчиво отрицал связь симфонии с оперными образами и сюжетом, программное сочинение на основе оперы Прокофьев мог создать в жанре сюиты: достаточно вспомнить многочисленные сюиты из его сочинений — опер «Игрок», «Три апельсина», балетов «Стальной скок», «Ромео и Джульетта», «Золушка» и других. Найдя поддержку «Огненному Ангелу» в лице Н.Я. Мясковского (ему посвящена Третья симфония), Прокофьев перерабатывает тематический материал оперы в симфоническую форму, которая имеет другую смысловую нагрузку, иные художественные задачи. В симфонии насыщенность музыкальной ткани воспринимается как звукопись светопреставления, отсылающая слушателя к «Апокалипсису нашего времени»¹⁷. Для каждой эпохи свой Апокалипсис: для Прокофьева и миллионов русских изгнанников это Исход — трагическая веха необратимой потери России. Подсознательно, быть может интуитивно, но именно в Третьей симфонии Прокофьев реализовал замысел Апокалипсиса¹⁸: «Откровение

¹⁴ «Aufstieg und Fall der Stadt Mahagonny» (также «Возвышение и падение города Махагони», «Подъем и упадок города Махагони») — созданная в 1929 г. экспериментальная «эпическая» опера Курта Вайля на либретто Бертольта Брехта — это пародия или характеристика цинично-безумного общества.

¹⁵ Милоков П.Н. Речь на празднике русской культуры // Последние новости. Париж, 1927. 17 июня. № 2277. С. 3 (цит. по: [Бакунцев 2013, с. 337]).

¹⁶ Сравнение музыкального материала со «звучащим телом» и «веществом» встречается в работе Б.В. Асафьева [Глебов [Б.В. Асафьев]. 1924, с. 39, 43–45].

¹⁷ Розанов В.В. «Апокалипсис нашего времени» — предсмертные статьи Розанова, издававшиеся отдельными книжечками в Сергиевом Посаде в 1918 г., в которых утверждается мысль о революции как о бесповоротной и окончательной гибели русского государства. Нетрадиционные оригинальные взгляды Розанова на историю, религию, мораль, литературу вызвали неприятие и полемику у современников. При советской власти его имя было предано забвению, труды не печатались, творчество не изучалось.

¹⁸ События революции 1917 г. оказались долговременной травмой в памяти не только русского зарубежья и проявились в устойчивом бытовании эсхатологических мотивов в философии и литературе. Музыкальное искусство в связи с этим упоминается редко, хотя, помимо «Огненного Ангела» Прокофьева,

Иоанна Богослова. 8: 13 — И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле...» До этого потребность Прокофьева осмыслить трагические события XX в. получила творческое выражение в оперном замысле, возникшем после прочтения повести о Германии XVI в. В. Брюсова. Традиция стилизации исторических эпох, использование средневековых тем и сюжетов с элементами мистики и визионерства, характерная для символизма и русского искусства Серебряного века, казалось бы, осталась в прошлом. Но выбор оперного сюжета, озадачивший и удививший многих в окружении композитора своей несовременностью, не отголосок *post scriptum* минувшей эпохи, а вызов времени. Музыкальное обращение композитора к средневековому сюжету перекликается с русской философской мыслью в эмиграции — работой Н.А. Бердяева «Новое средневековье»¹⁹. Обозначив исторические процессы первой четверти XX в. «переходом в средневековье», Бердяев рассматривает общенациональную катастрофу России в русле общемирового процесса как «ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму <...> средневекового типа» (цит. по: [Бердяев 1924, с. 3]). В таком ключе столкновение рационального с иррациональным представляется смысловой «доминантой» одного из самых загадочных, с присутствием «потустороннего», сочинения С.С. Прокофьева. «Ритмическая смена» как стилеобразующая особенность «Огненного Ангела» проявилась в особом значении ритма как «явления высшего порядка» [Друскин 1952, с. 44] — в ритмической «полиостинатности» варьирования и перевоплощения лейтмотивов (см. об этом: [Гаврилова 2004]). В музыкальной ипостаси «Огненный Ангел» глубже, сложнее, многозначительней, чем литературная основа. Кризис рассудочности, конфликт разума и веры, отход от схем и «клише» прежней жизни обрушился ошеломительной музыкой, в которой Прокофьев не заклинает и не предугадывает Зло, как прежде в «Семеро их», во Втором фортепианном концерте или Второй симфонии²⁰, а встает перед ним лицом к лицу, твердо зная, что, по выражению И.А. Ильина,

надо научиться смотреть в глаза сатане. Это смотрение или суггестивно подчиняет ему смотрящего <...> или же эти лучи обжигают поверхность души, вызывают в глубине ее накал белых, Божьих лучей и стимулируют в ней образование непроницаемого, неразложимого ядра религиозного видения [Ильин 2005, с. 112–113].

апокалиптические пореволюционные образы присутствуют в Шестой симфонии Н.Я. Мясковского (1921–1923), «Симфонии псалмов» И.Ф. Стравинского (1930), Третьей симфонии С.В. Рахманинова (1932), оратории «Хождение Богородицы по мукам» Н.Н. Черепнина (1938) и в ряде других сочинений русских композиторов.

¹⁹ Бердяев Н.А. Новое средневековье: (Размышление о судьбе России). Берлин: Обелиск, 1924.

²⁰ Сочинения С.С. Прокофьева с элементами пророчества, «предугадывания» бедствий: «Семеро их», ор. 30, кантата для драматического тенора, смешанного хора и большого симфонического оркестра, на текст К. Бальмонта «Зовы древности» (1917–1918); Второй концерт для фортепиано с оркестром соль минор в 4 частях, ор. 16 (1913, 1923). Вторая симфония в 2 частях, ор. 40 (1924), — новаторский эксперимент по форме и музыкальному языку в жанре симфонии. В отечественном музыковедении концепция Второй симфонии рассматривается как «тревожная атмосфера неустроенности, порожденная Первой мировой войной», зарождение силы, «способной отбросить мир к новому варварству» (цит. по: [Тараканов 1968, с. 127]).

В такой «схватке» со Злом Прокофьев словно переболел «Ангелом», пройдя через сомнения и творческие муки, обрел «религиозное видение» своего предназначения в мире²¹, совершив подлинный прорыв в мировом музыкальном искусстве. В процессе работы трагические образы «Огненного Ангела» угнетали Прокофьева: он чувствовал греховность идеи произведения с точки зрения духовного несоответствия с постулатами вероучения «Христианская наука», которой он следовал с 1924 г.²² Композитор не раз пытался внутренне дистанцироваться от произведения, даже бросить, но не смог, словно обязан был выговориться этой музыкой до конца. «Огненный Ангел» покинул Прокофьева в начале 1930-х гг.²³, когда композитор преодолел в себе «разлад мироздания», получил творческий импульс, увидел перспективу в осуществлении музыкальных идей, названных им «новая простота», или «Большая музыка для Большой эпохи» [С.С. Прокофьев 1961, с. 190, 192]²⁴.

II

В современном музыкознании существует немало неожиданных интерпретаций и смелых гипотез, посвященных музыкальной семантике «Огненного Ангела» Прокофьева²⁵, в том числе «апологетическое» сравнение музыки сочинения с «Сатанической поэмой» и Сонатой № 9 для фортепиано А. Скрябина²⁶ с употребле-

²¹ В 1924 г. С. Прокофьев, равнодушный к религии до эмиграции, обращается к вероучению «Христианская наука» (Christian Science). Методы «Христианской науки», проповедовавшие исцеление человека и мира силой внушения, стали для Прокофьева каждодневной духовной практикой до конца жизни.

²² «Христианская наука» отрицала существование зла, которое в трактовке адептов вероучения не является реальностью бытия, присутствует только в мыслях человека, следовательно, это лишь Пустота и Ничто.

²³ В письмах Н.Я. Мясковскому композитор указывает начало работы над «Ангелом» — 1920 г. (хотя наметки работы над сценарным планом оперы начаты в 1919 г.), называет и дату окончания клавира и партитуры второй редакции «Огненного ангела» — 1927-й г., но с оговоркой: «Кончил, на этот раз окончательно, «Огненного Ангела» <...> Окончательно! — ведь это только иллюзия: не оберешься корректур, проверок иностранных переводов и прочих шлейфов, тянущихся за, казалось бы, законченным сочинением» (С.С. Прокофьев. Письмо Н.Я. Мясковскому. 23 сентября 1927 г. Сен-Пале. Франция; цит. по: [С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский 1977, с. 264]).

«Шлейф» работы над «Ангелом» протянулся до 1930 г., включая подготовку к премьере Третьей симфонии (1929) и к изданию партитуры симфонии в Российском музыкальном издательстве (1931).

²⁴ Об этом см. также: [Кривцова 2013].

²⁵ Семантика «Огненного Ангела» С.С. Прокофьева «многолика», истолкования разнообразны: отражение средствами музыкального искусства вселенской катастрофы, бедствия космического масштаба (М.Е. Тараканов); отголосок Серебряного века, философская метафора русского Эроса, связь любви чувственной и творческого начала (Л.Д. Никитина); мотивы греха и мученичества, вины и искупления (Л.В. Кириллина). Ведущий исследователь оперы «Огненный Ангел» Н.П. Савкина рассматривает несколько этапов эволюции мировоззрения Прокофьева, повлиявших на создание сочинения, и выдвигает свою версию смыслового содержания музыки: усиление религиозности Прокофьева в лоне учения «Христианская наука» в музыке «Огненного Ангела» воплотилось в категориях всепрощения и преображения, «посягновения ада» на христианство, борьбы Света и Тьмы. В финале Смерть видится как освобождение от тлена греховной жизни, открывающее душе путь «к надзвездным мирам и пространствам», к обретению утраченного рая.

²⁶ Рассуждая о «темной», искушающей стороне музыкального искусства в категориях Добра и Зла, Прокофьев заявлял о повороте в своем творчестве к «диатонизму и мелосу»: «Ибо бесовская мелодия —

ем почти кощунственного для лучезарного гения Прокофьева эпитета — «Черная месса»²⁷. Тем не менее трансцендентное зло в тяжелой, *destroying* (разрушающей) форме с элементами мессы появляется у Прокофьева именно в «Огненном Ангеле», причем наиболее ярко в симфонии, без отвлечения на особенности оперного жанра. В классической четырехчастности Третьей симфонии условно различимы два раздела «простой» раннехристианской «*Missa brevis*» (короткой мессы): 1-я и 2-я части симфонии — Литургия Слова; 3-я и 4-я части — Причастие. В свою очередь, пять актов оперы (неизменное число в двух существующих редакциях) и «геометрия луча» в архитектонике соподчиненности частей и персонажей оперы выстраивают пентакль (или пентаграмму), один из самых сакральных знаков человечества, ставший символом советской России²⁸. Нравственная коллизия «Ангела» заключена в исповедальном выражении духовного катарсиса при столкновении с Тьмой. Однозначной победы Света в музыке Прокофьева нет, как нет апостасии или торжества Зла. Художественно безупречные сцена «Суд над Ренатой» или картина «У Агриппы Неттестеймского» не разрешают сомнения: так кто же «дух лукавый», кто судьи, кто свят, а кто грешен? В пятом акте высоко на хорах под сводами монастыря лицедействует Мефистофель (то ли шарлатан, то ли могущественный «Князь Тьмы»), показывая потрясенному Рупрехту трагический итог поисков лучезарного ангела Мадиеля, явившегося Ренате в образе красивой бабочки с золотыми усиками. Завершает оперное действие суд, приговор и «апокалиптическое» пламя: «...Пытать её, сжечь ведьму на костре!» Амбивалентность финала в силе искупления, побеждающей смерть, в отсутствии мрака неизбежной гибели. Заключительные созвучия оперы²⁹ тонально неустойчивы — прерванный или несовершенный каданс по форме, по смыслу посыл или вопрос. Исследователь прокофьевского творчества Н.П. Савкина так характеризует финал оперы: «У концовки, которую написал Прокофьев, нет аналогов. Уникальность звучания сочетается в ней с бесконечностью смысловой дали. Она открывается в заключительном созвучии оперы — светоносной терции des^2-f^2 — грандиозной перспективой иных миров», как «...достижение катарсиса, утраченного Рая, выхода души в безмерность» [Савкина 2015, с. 239]. В звуках финала — освобождение от оков телесности, прорыв в иное пространство, момент бессознательного «имаго». И здесь общность Скрябина и Прокофьева, основанная на несомненном влиянии скрябинского творчества на стиль «Огненного Ангела», неоспорима. Сходство в

“Тристан” Вагнера, “Поэма экстаза”, “Сатаническая поэма” Скрябина и т. д. — всегда хроматична, так как именно ущемления хроматизма дают томления страсти. Диатоническая же мелодия хранит свои корни в народной песне и в ладовых церковных напевах» (С.С. Прокофьев — Б.Н. Демчинскому. Эталь, Германия. 1923, 27 июля; цит. по: [Савкина 2015, с. 153]).

²⁷ «Черная месса» — название фортепианной Сонаты № 9 Скрябина; в отличие от авторского названия Сонаты № 7 — «Белая месса», дано современниками при жизни Скрябина. Об этом см.: [Левая 2019].

²⁸ Накануне отъезда Прокофьева из России, в мае 1918 г., Л.Д. Троцкий утвердил новую военную эмблему — «марсова звезда с плугом и молотом». После Гражданской войны пятиконечную красную звезду включили в изображение герба РСФСР, а затем СССР и всех союзных республик, сделав символом советского государства и господствующей идеологии.

²⁹ Третья симфония «Огненный Ангел» С. Прокофьева завершается почти так же — «светоносной терцией», которая «рушится» под тяжестью заключительного тремоло ударных.

сложном гармоническом языке, в обилии диссонансов и хроматизмов, в принципе лейтмотивности. В тайных доктринах скрябинской музыки Прокофьев ищет ответы на вопросы о границах пространства музыкального искусства:

А вдруг он был прав? А вдруг его безумие было возможно, но там, где-то в запредельном шла тоже борьба, и в пылу борьбы его оттуда срезали невидимой стрелой? <...> Что более настоящее для художника — идти в глубь своего мастерства или в ширь космоса? [Прокофьев. Дневник, т. 2, с. 417].

В «Огненном Ангеле» Прокофьев соединяет два «полюса» — музыку, устремленную «в ширь космоса», с «земной» плотностью звучания, — и открывает слушателю иные миры, где царят божественный свет и любовь человеческая: «Смерть, страдания, зло — это лишь мрачные вкрапления в сияющей палитре мироздания» [Савкина 2015, с. 212]. Гуманистическая направленность «Ангела» кардинально отличается от вселенского холода экстатичных мистерий Скрябина.

Стихия Вашей оперы только «человек», но он выражен с такой силой, так насыщено, в таком «мировом» аспекте, что звуковые образы, становясь почти зримыми, подавляют своей значительностью. Для меня «Огненный Ангел» больше, чем музыка! <...> подлинная и необычайно «едкая» человечность этого произведения сделают его вечным³⁰, —

восторженно отзывался о сочинении Прокофьева Н.Я. Мясковский. Художественная ценность и философская значимость сочинения не меркнут со временем — музыка восхищает и живет в развитии истолкований и интерпретаций. Вневременная константа сочинения оказалась шире исторических вех своего времени. Семантика «Огненного Ангела», отходя от сюжетной линии «Рената — Рупрехт», меняется в сторону, по выражению Н.Я. Мясковского, «мирового аспекта» [С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский 1977, с. 283]: вопросов экзистенции бытия, бессмертия души, нравственно-этического выбора.

III

Рост интереса со стороны исследователей к «Огненному Ангелу» приходится на начало 1990-х гг. До этого немногочисленность обращений к данному сочинению объяснялась малодоступностью источников, редкостью исполнений и негласным запретом по идеологическим причинам: «Огненный Ангел» — музыкальное произведение среднего периода творчества Прокофьева (читай: созданного в эмиграции), чуждого формалистического толка. Из трудов советских музыкальных теоретиков можно было узнать, что сочинение «...не кажется крупным событием ни в творческой биографии, ни в общей картине музыкальной культуры XX века (*sic!*)» [Ржавинская 1972, с. 96]. Научному освоению темы препятствовала не только смысловая неоднозначность произведения, выходящего за рамки обще-

³⁰ Письмо Н.Я. Мясковского С.С. Прокофьеву. 18 июля 1928 г. Москва (цит. по: [С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский 1977, с. 283]).

принятой биографии «классика советской музыки» С.С. Прокофьева, но также недостаточное развитие в советском музыкознании методов междисциплинарного подхода, суть которого — в одновременном присутствии различных парадигм с общим полем изучения — художественной практикой и освоением темы с включением смежных с музыкознанием дисциплин³¹. Важное место в таком процессе принадлежит историческому источниковедению — выявлению и критическому анализу всех сохранившихся документальных свидетельств по теме. Поступившие в музейное собрание Дома русского зарубежья и не вошедшие в поле зрения исследователей материалы, посвященные сотрудничеству С.С. Прокофьева и Б.Н. Демчинского³² над оперой «Огненный Ангел», значительно пополняют корпус источников по теме. Материалы, ранее встречавшиеся в перечнях лотов и в каталогах аукционов, аннотированные порой с ошибками и неточностями, потребовали уточнения, частичной переатрибуции, актуализации значения и оценки подлинности.

Обзор материалов целесообразно начать с сенсационного документа — авторизованного машинописного экземпляра либретто С.С. Прокофьева 1-й редакции оперы «Огненный Ангел»³³ с правкой композитора и замечаниями на полях Б.Н. Демчинского. Либретто, считавшееся утерянным [Савкина 2015, с. 6, 155], композитор послал в Россию Демчинскому в середине 1923 г. В тексте Прокофьев сделал вставки чернилами (поправки, названия, слова на латыни) и развернутое замечание простым карандашом в конце текста либретто. Что же проясняет обнаружение этого документа? 25 декабря 1922 г., после нескольких лет разлуки, Прокофьев возобновляет переписку с Б.Н. и В.Ф. Демчинскими (отмечу: позже, чем с другими адресатами в советской России — Н.Я. Мясковским, Б.В. Асафьевым и Э.А. Дамской)³⁴. Завязывается своеобразный эпистолярный роман Прокофьева с Демчинским на тему «Огненного Ангела» и не только. Очевидно, в письмах продолжился давний мировоззренческий спор между ними. Обнаруженное либретто — чудом сохранившийся фрагмент архива Бориса Николаевича Демчинского, сыгравшего значительную, отчасти не проясненную, роль в жизни Прокофьева. Их отношения остаются загадкой: именно Демчинскому Прокофьев, по его сло-

³¹ О проблеме интеграции научного познания в современном искусствознании см.: [Карпов 2015].

³² Демчинский Борис Николаевич (1877–1942) — по образованию агроном, журналист, шахматист-любитель. Родился в семье инженера путей сообщения, метеоролога и садовода Н.А. Демчинского. До революции Б.Н. Демчинский служил чиновником по особым поручениям при Управлении землеустройства и земледелия. Встречался с Львом Толстым. Печатался с 1907 г. Автор «фантазии» «Христос в революции» (1907), статьи «Сокровенный смысл войны» (1915), антиутопии «Возмездие за культуру. (Движение к общемировому голоду)» (1923), литературного этюда «Трагедия чистой мысли (о шахматах)» (1924), очерка «К нетронутым недрам» (1939) и др. Погиб в блокаду Ленинграда.

³³ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Прокофьев С.С. Огненный Ангел. Опера в 5 актах 7 картинах. Либретто. [Этгаль, Германия, 1922]. Машинопись, автограф — пометы в тексте и на полях. Бумага, чернила черные, карандаш. 23 листа. Одностороннее заполнение. Листы сшиты нитками в тетрадь в верхней части страниц. 33 × 21. Шрифт печатной машинки русский, дореформенной орфографии. Вероятно, это печатная машинка «Cорона», приобретенная Прокофьевым в США для матери Марии Григорьевны в начале 1921 г.

³⁴ После установления почтового сообщения первые письма С.С. Прокофьева в советскую Россию датированы 1921 г. (см.: [Деклерк 2001]).

вам, «разбалтывался на претолстые»³⁵ письма, доверял адресату свои мысли о мироздании, вере, смысле жизни; только от Демчинского Прокофьев безропотно принимал суждения весьма критического толка в свой адрес, в том числе упреки в «бравурности мотивов», «комфортабельности мирозерцания», «недостатке священных сосудов» [Там же, с. 148, 151]. Только к Демчинскому Прокофьев проявлял мало свойственные ему снисходительность и терпение. На желчные строки Демчинского, «змеиные извивы» [Там же, с. 148], по выражению Прокофьева, миролюбиво отвечал: «Но да побреем Ваше косматое сердце смирением и да унавозим Вашу душу нашей лаской!»³⁶ Б.Н. Демчинский вошел в жизнь Прокофьева в 1914-м и занял там важное место до самой своей смерти в 1942 г. Три последних в России рождественских сочельника Прокофьев провел в семье Демчинских, с ними делился планами отъезда за рубеж. Демчинский — автор первой записи о солнце в знаменитой «Деревянной книге» Прокофьева, записи довольно двойственной, не без иронических намеков на пульсирующий темперамент Прокофьева: «...всем служит с одинаковой готовностью <...> так поступают боги и гетеры» [Прокофьев 2002, с. 1, 109]. Демчинский был одним из немногих доверенных, близких лиц после возвращения Прокофьева на родину (возвращения неимоверно трудного, с мучительной адаптацией к «Большевиизии»³⁷). Обладая мы сейчас полным эпистолярием Прокофьева и Демчинского, эта переписка могла бы по праву соперничать с перепиской Прокофьева и Мяскового, а может быть, в чем-то и затмила ее. Однако не все письма сохранились. Во время войны и эвакуации вдовы Демчинского Варвары Федоровны³⁸ из Ленинграда большая часть писем Прокофьева Демчинскому была уничтожена новыми жильцами в ее квартире. После смерти Варвары Федоровны в 1962 г. выяснилось, что личный архив Бориса Николаевича также не уцелел. Часть документов архива Демчинского оказалась у второй жены Прокофьева Миры Александровны Мендельсон, что сохранилось у близкой приятельницы Прокофьева Элеоноры Александровны Дамской и ее наследников — семьи Тонтегоде. После смерти С.С. Прокофьева в 1953 г. все они поддерживали связь с Варварой Федоровной Демчинской, что отчасти объясняет историю возникновения словно из небытия материалов архива Б.Н. Демчинского.

³⁵ С.С. Прокофьев — Б.Н. Демчинскому. Париж. 1923, 24 декабря (цит. по: [Савкина 2015, с. 155]).

³⁶ С.С. Прокофьев — Б.Н. Демчинскому. Этгаль, Германия. 1923, 2 июля [Там же, с. 149]. Прокофьев шутивно обыгрывает обороты речи из книги агронома по образованию Б.Н. Демчинского «Возмездие за культуру. (Движение к общемировому голоду)» (Петроград: тип. Финотдела Петрогубисполкома, 1923) — экологической антиутопии с использованием данных агрономии, лабораторных и полевых опытов.

³⁷ В своем Дневнике с 1918 до 1933 г. Прокофьев называл СССР «Большевиизией», что немного мягче, чем «Совдепия», — распространенное название страны среди русских эмигрантов.

³⁸ Демчинская Варвара Федоровна (?1890-е — 1963) — жена Б.Н. Демчинского, мать двух его сыновей Леба и Кирилла, помогала мужу в литературном творчестве, вела его деловую корреспонденцию, принимала участие в переписке С.С. Прокофьева и Б.Н. Демчинского по поводу «Огненного Ангела». Потеряла в блокаду мужа и сына. После войны жила в Ленинграде. Получая небольшую пенсию за мужа, нуждалась, подрабатывала шитьем на дому. В 1940–50-х гг. С.С. Прокофьев и его первая жена Лина Ивановна помогали В.Ф. Демчинской деньгами, вещами и продуктами. Материалы и документы В.Ф. Демчинской хранятся в ЦГАЛИ СПб. Ф. Р- 440. Оп. 2. Д. 856.

Крайние даты создания представленного экземпляра либретто Прокофьева 1-й редакции оперы «Огненный Ангел», скорее всего, — период с 31 декабря (по старому стилю) 1922 г. по июль (не позднее 13-го или 14-го) 1923 г. Место создания — Этталь в Германии³⁹. Благодаря исследованиям и публикациям Н.П. Савкиной известно, что на последней странице автографа клавира 1-й редакции «Огненного Ангела» Прокофьев сделал запись об окончании: «*Конец. Этталь. 13 января 1923 (31 декабря 1922 старого стиля) СП*»⁴⁰. Следовательно, осень 1922-го и начало следующего года Прокофьев посвятил завершению «Огненного Ангела», а значит, и тексту либретто. Об этом его записи в дневнике за 1922 г.: «В сентябре я писал четвертый акт “Ангела”» [Прокофьев. Дневник, т. 2, с. 390]; «сценарий оперы “Движилице” Сувчинского в современном стиле⁴¹, а я еще “Ангела” не кончил» [Там же, с. 393]. «Четвертого октября я закончил четвертый акт, написав сцену Мефистофеля с Фаустом с большим удовольствием, затем “Ангел” запнулся, так как надо было хорошенько продумать либретто...» [Там же, с. 390]; «принялся за “Огненного Ангела”, где застрял на скандале⁴², который очень трудно не то что писать, но охватить. Дел полно, графический план (как при сочинении “Семеро их”), дополнил текст, роясь в Брюсове» [Там же, с. 400]. У Прокофьева всегда под рукой экземпляр повести⁴³, подаренный композитору в 1919 г. в Нью-Йорке эмигрантом Борисом Самойленко⁴⁴. Одновременно с «Ангелом» настольной книгой Прокофьева в это

³⁹ Этталь — населенный пункт в Германии, по одноименному названию монастыря в Баварских Альпах, недалеко от Обераммергау. Прокофьев поселился там на вилле «Christophorus» в марте 1922 г. и прожил полтора года: «Это был живописный и тихий край, идеальный для работы. Я засел за “Огненного Ангела”, кстати, и ведьмовские шабаши, описанные в нем, происходили где-то по соседству» [Прокофьев 1961, с. 171].

⁴⁰ Автограф клавира первой редакции оперы С.С. Прокофьева находится в частном собрании «The Serg Prokofiev Archive» (SPA) в Колумбийском университете в Нью-Йорке (США). Иллюстрация — страница клавира — опубликована с датировкой Прокофьева (см.: [Савкина 2015, с. 235]).

⁴¹ Имеется в виду оперный замысел С.С. Прокофьева «Движилице» по сценарию лидеров евразийского движения П.П. Сувчинского и П.Н. Савицкого «Солнце» [Человеческое солнце] (1922) — мрачная антиутопия про некую экспериментальную «всеобщую фабрику», где люди обретают «злое и доброе бессмертие», при этом забывая свое прошлое и всю историю человечества. Финал сценария — налет кометы на землю (см. об этом в переписке П.П. Сувчинского и П.Н. Савицкого: [Савицкий 2018, с. 556, 558]). Элементы замысла «Движилица» с конструктивистской «в современном стиле» «музыкой машин» С.С. Прокофьев воплотил в одноактном балете в 2 картинах «Стальной скок» (1925) (номера «Фабрика» (Lusine) и «Молоты» (Les marteaux)).

⁴² Запись в дневнике от 21 декабря 1922 г. Судя по хронологии сочинения оперы, в декабре Прокофьев работал над 5-м актом, следовательно, под «скандалом» подразумевается сложная по драматургии «Сцена экзорцизма». Полифоническое развитие действия, насыщенное экспрессией и динамизмом, потребовало сложной работы с текстом (в том числе на латыни) [Прокофьев. Дневник, т. 2, с. 400].

⁴³ Брюсов В. Огненный ангел: в 2 ч. М.: Скорпион, 1908. Книга с пометами С.С. Прокофьева хранится в РГАЛИ (ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 8).

⁴⁴ Самойленко Борис Николаевич (1878–1936) — русский эмигрант, дворянин, до революции служил в лейб-гвардии драгунском полку, занимался земской деятельностью в Минской губернии, был хорошо знаком с Б.Н. Демчинским. Б.Н. Самойленко скончался в Париже. Он и его жена Фатъма Ханум Самойленко (хозяйка шляпной мастерской и артистического салона в Париже) неоднократно упоминаются в дневнике С. Прокофьева.

время становится литературная новинка — поэма А. Белого «Первое свидание»⁴⁵, вероятно выписанная из советской России по почте. «Первое свидание» часто читалось вслух вместе с невестой Линой Кодина⁴⁶ и жившим в Эттале поэтом Борисом Вериним⁴⁷. Прокофьев восхищался стихами, цитировал наизусть большие фрагменты. О том, что Андрей Белый — прототип графа Генриха — Мадиеля, а также о биографичности сюжета Брюсова Прокофьев узнает от А.П. Остроумовой-Лебедевой гораздо позже, в 1926 г. Поэтические строки про ушедшую в небытие интеллектуальную и художественную жизнь Москвы Серебряного века удивительным образом отсылают к «Огненному Ангелу»:

И Гревса Зевс — не переладит;
И физик — посреди небес;
И ненароком Брюсов адит;
И гадость сделает Гадес.

И далее:

Судьба трагическая дышит
Атмосферическим дымком,
И в «Новом времени» о том
Демчинский знает, но не пишет, —

Андрей Белый упоминает автора повести «Огненный Ангел» Валерия Брюсова и Демчинского, правда другого, не Бориса Николаевича, а его отца — Николая Александровича, сотрудничавшего в журнале «Новое время». Не исключено, что по прочтении «Первого свидания» Прокофьев укрепился в мысли обратиться к Борису Демчинскому за помощью в либретто. И хотя в первом письме к Демчинским⁴⁸ в советскую Россию об «Ангеле» речь не ведется, можно предположить, что письмо Прокофьева «прелюдирует» просьбу о помощи в либретто. Уже 2 июля 1923 г. Прокофьев пишет Демчинскому:

Не гневайтесь на меня, если в ближайшие дни я Вам пришлю либретто и попрошу Вас закритиковать дурное с <...> inferнальной жгучестью <...>. Отметьте карандашом и верните — я буду Вам искренне и от души благодарен (цит. по: [Савкина 2015, с. 150]).

⁴⁵ Белый А. Первое свидание. Петроград: Алконост, 1921.

⁴⁶ Прокофьева Лина Ивановна (урожд. Каролина Кодина (Codina); 1897–1989) — первая жена С.С. Прокофьева, певица, родилась в Мадриде. Ее отец — певец Хуан Кодина из Каталонии, мать — уроженка Одессы Ольга Владиславовна Немысская. В октябре 1923 г. в Эттале С. Прокофьев и Л. Кодина официально оформили свой брак.

⁴⁷ Верин Борис — с 1916-го г. литературный псевдоним Башкирова Бориса Николаевича (1891 — после 1935) из семьи русских промышленников Башкировых (мукомольное дело и торговля зерном), поэт-дилетант, входил в близкое окружение Игоря Северянина, называвшего Башкирова «Принцем фиолетовой сирени». Б. Башкиров дружил с К. Бальмонтом, Н. Гумилевым, С. Прокофьевым. Бежал из России через Финляндию в 1920 г. Жил в Германии, Франции, работал таксистом, публиковал стихи в эмигрантской прессе. После 1935 г. следы Б. Верина теряются. Дата смерти неизвестна. Вилла «Christophorus» в Эттале была арендована Б. Вериним и С. Прокофьевым совместно, возможно, при участии старшего брата Б.Н. Башкирова — Владимира Николаевича Башкирова — в эмиграции обеспеченного и успешного предпринимателя.

⁴⁸ С.С. Прокофьев — Б.Н. и В.Ф. Демчинским. Этталь, Германия. 1923, 25 декабря [Савкина 2015, с. 148].

С поступлением либретто в фонды Дома русского зарубежья факт, что материал был выслан Прокофьевым и получен адресатом, доказан. Точно неизвестно, был ли этот экземпляр либретто потом возвращен автору (например, при встрече друзей во время гастролей Прокофьева в СССР в 1927 г. или позднее) либо так и остался среди бумаг Демчинского. По просьбе композитора Демчинский сделал в либретто (думается, сразу после получения) ряд замечаний, позволяющих проследить историю создания второй редакции оперы и понять ход мыслей, предшествовавших созданию Б.Н. Демчинским собственного плана⁴⁹, в известной степени повлиявшего на драматургию 2-й редакции оперы «Огненный Ангел». Итак, на обложке либретто Прокофьев расположил название оперы и список действующих лиц. Внизу страницы помета рукой Б.Н. Демчинского (все записи по просьбе Прокофьева сделаны простым карандашом): «[портрет] Агнессы. Склонность к теоретической передаче темы без волнующих моментов». Демчинский упоминает (или предлагает включить в оперу?) Агнессу. Прокофьев отказался от этого брюсовского персонажа. Агнесса, сестра Матвея, влюбленная в Рупрехта, — бледный, вяло выписанный в повести образ, увел бы драматургическую линию оперы в сторону. К тому же у Прокофьева возникли музыкальные аналогии с проходными персонажами в мировой оперной литературе, такими как, например, не слишком удачная партия крестьянской девушки Микаэлы из оперы Бизе «Кармен». Упрек Демчинского в «теоретической», т. е. сухой, передаче темы, скорее всего, вызван публичным имиджем Прокофьева, несправедливо казавшимся многим современникам сухим и «аэмоциональным».

Акт первый:

— 1-й лист (далее цитаты со ссылкой на листы либретто по авторской пагинации): «Откуда она знает его имя?» — удивляется Демчинский. Так в повести Брюсова! В момент первой встречи Ренаты с Рупрехтом она называет его по имени. Это одна из первых загадок Ренаты: проявление ясновидения или случайно услышанное имя нового постояльца придорожной гостиницы. Далее вертикальное подчеркивание на полях около слов: «Рупрехт (обнажив шпагу и взяв ее за лезвие, устремляет ее крестообразным эфесом). Сгинь, видение!» Во второй редакции оперы Прокофьев охотно поменял движение эфесом на крестообразное движение шпагой, возможно, ради удобства мизансцены. Позже Демчинский объяснит целесообразность такой замены: «Иначе перед зрителем восстанут картины из “Фауста”»⁵⁰. Думается, Прокофьев напрасно согласился с Демчинским, ведь именно эфес рыцарского меча, а позднее шпаги нередко изготавливался в форме креста или распятия для исполнения ритуальных обрядовых функций.

— 2-й лист. Около монолога Ренаты Демчинский пометил: «Слишком литературно». При вокальной адаптации брюсовского текста Прокофьев максимально близок к первоисточнику — развернутый превосходный в музыкальном отношении рассказ Ренаты занимает место главной характеристики героини и ключевой сцены всей оперы.

⁴⁹ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Демчинский Б.Н. План либретто «Огненный Ангел». [Л., 1926]. Маш. копия. 3 л.

⁵⁰ Там же. Л. 1.

— 3-й лист. Около монолога Хозяйки «Ах, господин рыцарь, лучше не спрашивайте» помета на полях «вступление», т. е. Демчинский рекомендует перенести слова хозяйки гостиницы во вступление, которого у Прокофьева нет и не будет, — опера начинается без какой-либо интродукции, увертюры или пролога. Прокофьев не посчитал нужным изменять начало оперы.

Акт второй — «У Агриппы Неттесгеймского» — вызвал у Демчинского полное неприятие:

— 8-й лист. В разговоре с Рупрехтом Агриппа жалуется на гонения и «происки врагов», упоминает «Апологетическое послание к Кёльнскому Сенату»⁵¹ и его издателя Готфрида Геторпия, давшего письменную рекомендацию Рупрехту. Рядом с монологом Агриппы Демчинский оставляет вопрос-замечание: «К чему добавлено?» Агриппа Неттесгеймский — одно из центральных действующих лиц оперы, ключевая фигура оперного действия, который знает ответ на вопрос Рупрехта: «Так что же такое магия: истина или заблуждение, наука или нет?» (л. 9). К вымышленному Брюсовым Готфриду Геторпию Прокофьев питал особый интерес и расположение — недаром персонаж с таким именем появился в рассказе Прокофьева «Умерев, часовщик попал в ад» (см.: [Прокофьев 2003, с. 159–163]), написанном в ноябре 1921 г. в Чикаго.

— 9-й лист. В конце 2-го акта «у Агриппы» Демчинский помечает: «А для чего этот акт?» Во второй редакции оперы сцена с Агриппой стала 2-й картиной второго акта и музыкальным, смысловым центром, связующим остальные действия и картины оперы. Партия «Magister doctissimus» («трижды доктора»), задуманная Прокофьевым для баса⁵², позже, во второй редакции, изменена на высокий тенор: не сильный по звучанию «серебристый» тембр с диапазоном до второй октавы (басу Прокофьев поручил в своей опере партию Фауста). Отмечу, что Фауст Гуно, Юродивый из «Бориса Годунова» Мусоргского, Звездочет из «Золотого петушка» Римского-Корсакова также написаны для высокого тенора, придающего действующим лицам тембральную таинственность. Эффектно и рельефно на фоне насыщенного оркестрового сопровождения звучит голос Агриппы с декларацией о сущности магического: «Истинная магия есть наука всех наук, полное воплощение совершеннейшей философии, кладезь всех тайн, всех времен и всех стран». Завершает 2-й акт первой редакции оперы мимическая сцена также с магическим подтекстом: оставшись в одиночестве, «Агриппа раздвигает стену. Там видна группа собак с блестящими глазами <...>. Агриппа склоняется перед группой собак. Группа залита таинственным светом». Появление собак объясняется в начале действия: в приемной магистра Рупрехт слышит рассказ посетителя-купца о том, что «здесь в его <Агриппы> покоях бродят черные собаки, большие собаки. Косматые собаки... И в каждой из них сидит домашний демон». Во второй редакции Прокофьев изъясил из оперы диалог Рупрехта с купцом, выход и хор учеников магистра, сцену с соба-

⁵¹ «Апологетическое письмо к Кёльнскому сенату» (1535) — сочинение Агриппы Неттесгеймского (1486–1535), немецкого гуманиста, философа, врача, алхимика и астролога.

⁵² По утверждению Н.П. Савкиной, партия Агриппы в 1-й редакции оперы написана для баритона. Возможно, причина расхождения — несоответствие авторского либретто и автографа клавира [Савкина 2015, с. 227].

ками и ввел во 2-ю картину 2-го акта три весьма эпатажных персонажа — скелеты с репликой-опровержением: «Ты лжешь!» слов Агриппы в беседе с Рупрехтом.

Третий акт:

— 10-й лист. Рената и Рупрехт на улице у таверны: «...я был принят Агриппой...» Демчинский пишет: «*Пусть и расскажет об Агриппе*», т. е. предлагает «усечение» предыдущего акта, заменив его рассказом Рупрехта о походе к Агриппе.

— 11-й лист. Волнистое подчеркивание сбоку слов Рупрехта «*Мне жутко слышать то, что ты рассказываешь*», вероятно, обозначает, что для Демчинского литературный стиль здесь небезупречен. Слова во второй редакции оперы остались неизменными.

— 12-й лист. В конце 1-й картины 3-го акта Демчинский подчеркивает фразу Рупрехта «*душа наполнена черным дымом от взрыва*», что также вызвано сомнением в литературных достоинствах фразы.

— Картина 2-я 3-го акта: вносят раненого Рупрехта, в том числе Генрих и Люциан Штейн, который по ошибке не указан Прокофьевым в действующих лицах его либретто. Маргиналия Демчинского логична: «*В присутствии Генриха этого не может быть*». В итоге граф Генрих будет изъят из этой картины и во второй редакции вообще «лишен голоса» (тенора), а Люциан Штейн исключен из действующих лиц оперы. Это то, что Прокофьев изменил по совету Демчинского.

— 13-й лист. Около признания Ренаты «Я люблю тебя, Рупрехт!» на полях помета: «*Это нужно дать тоньше*». К сожалению, Демчинский не слышал музыкального воплощения этой фразы — искренность признания в пленительном «аморозном» мотиве. В музыке Прокофьева эти четыре слова искупают все грехи Ренаты. Она прощена, ибо любит. Отмечу, что в либретто есть ремарка — хор за сценой с хохотом (передразнивая?) повторяет слова Ренаты. Во второй редакции оперы хохот исчез — хор звучит нежно и мягко, вторит как тихое эхо. Далее пометы Демчинского в либретто Прокофьева отсутствуют. Однако несомненный интерес представляет текст 2-й картины 5-го акта, отвергнутой Прокофьевым во второй редакции. По замыслу композитора первую и вторую картины акта разделяет музыкальный антракт, а финальная сцена — это смерть Ренаты на руках у Рупрехта. Текст, в том числе авторские ремарки, дает дополнительный материал для анализа пресловутой «проблемы финала» в двух редакциях оперы. Мелкие детали, любопытные пояснения — «связка больших ключей» в руке у Рупрехта, «крошечная темница», которая, оказывается, притаилась в декорациях подземелья, где происходил суд над Ренатой, тема Мадиеля в исполнении «женского хора с закрытыми ртами» за кулисами, и вот, «как сломанный стебель цветка», «Рената тихо и незаметно умирает» — указывают на чужеродность, нелогичность, местами мелодраматическую неловкость 2-й картины 5-го акта. Заключительное слово в этой версии финала «делегировано» Мефистофелю, подошедшему, «кривляясь» (ремарка Прокофьева), к Рупрехту: «Мой повелитель доктор Фауст велел вам передать совет: пока не сожгли вас самого, скорее бегите назад в Америку. (Уходя, указывает на Ренату.) А эту вещь оставьте». Ответ оцепеневшего Рупрехта «Да... да...» не добавляет смысла концовке оперы. Ясно, отчего Прокофьев не удовлетворен такой развязкой, близкой сухому повествованию Брюсова, но далекой от яркой и вдохновенной музыки оперы. Поэтому

тут же в либретто, вероятно перед самой отправкой письма, на последней странице карандашом, без обычных сокращений слов, в «старой» (дореформенной) орфографии⁵³ Прокофьев записывает важную мысль:

Мне недавно пришло в голову, что, пожалуй, лучше уничтожить всю последнюю картину, закончив оперу гневным возгласом инквизитора. Вопрос: развяжет ли драму его приговор Ренаты к пыткам (в таком случае можно прибавить и к смерти, как у Брюсова) — или же без последней картины опера окажется с обрубленным концом? Конечно, эффектно закончить оперу монастырским беснованием, чем тихую смертью, которую кончается $\frac{3}{4}$ всех опер С.П.

В последующем письме Демчинскому Прокофьев настойчиво напоминает о своем решении финала: «Я карандашом приписал предложение выбросить последнюю картину и завершить действие наиболее страшной сценой»⁵⁴. Эта запись предвосхищает последующие замечания Демчинского о нежелательности отсылок к «Фаусту» Гуно: «Либретто нельзя кончать темницей и приходом туда Рупрехта. Это опять вызвало бы аналогию с Маргаритой в Фаусте»⁵⁵. Несомненно, что выбор финала второй редакции был решен Прокофьевым сразу по окончании клавира первой редакции. И главным «аргументом» стала написанная музыка. Приступая к переработке клавира и к инструментовке оперы в 1926 г., Прокофьев видел и слышал «кульминацию-финал» оперы сценой с Инквизитором⁵⁶, персонажем, отсылающим к фигуре Великого инквизитора Достоевского, что поднимает проблему финала «Огненного Ангела» Прокофьева на иной уровень: «...не литературный спор, но бытийственный. Исходная точка возможного нового бытия» [Розанов 1902, с. 4]. Твердо уверенный в качестве музыкального воплощения «Ангела», Прокофьев испытывает сомнение только в драматургической слаженности произведения и ждет от Демчинского «наложения тугих лубков на либретто»⁵⁷.

Процесс дальнейшей работы над оперой «Огненный Ангел» отражен в письмах, поступивших в фонды Дома русского зарубежья. Первое из них — письмо С.С. Прокофьева⁵⁸, отправленное Б.Н. Демчинскому из местечка Сен-Жиль-сюр-Ви в Вандее (Франция) летом 1924 г. Начало года ознаменовано важными собы-

⁵³ С.С. Прокофьев долго не принимал реформу русской орфографии, задуманную А.А. Шахматовым в 1911 г. и проведенную в советской России в 1918 г. Реформа также была не принята большинством изданий, печатавшихся на территориях Белого движения и в русском зарубежье. «И» десятиричное и «ять» исчезают из автографов композитора к концу 1920-х гг. Машинопись Прокофьева еще долго оставалась «дореформенной», так как за рубежом было сложно приобрести печатную машинку с новым русским шрифтом.

⁵⁴ С.С. Прокофьев — Б.Н. Демчинскому. Этгаль, Германия. 1923, 27 июля (цит. по: [Савкина 2015, с. 154]).

⁵⁵ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Демчинский Б.Н. План либретто «Огненный Ангел». Л. 3 об.

⁵⁶ Замена Архиепископа Трирского (так в повести В. Брюсова) на Инквизитора сделана Прокофьевым, чтобы не вызывать упреков в пренебрежении чувствами верующих при постановке оперы в католических странах.

⁵⁷ С.С. Прокофьев — Б.Н. Демчинскому. Этгаль, Германия. 1923, 27 июля (цит. по: [Савкина 2015, с. 154]).

⁵⁸ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Письмо С.С. Прокофьева Б.Н. Демчинскому. Сен-Жиль-сюр-Ви, Вандея, Франция. 1924, 23 июля. 2 л. Оригинал. Авторизованная машинопись, шрифт дореформенной орфографии. Подпись черными чернилами: «СПрокофьев». Размер листа 27,5 × 21. Бумага белая, плотная, хорошего качества. Копия этого письма отложилась в черновиках отправленных писем С.С. Прокофьева, хранится в семейном архиве Прокофьевых и опубликована (см.: [Савкина 2015, с. 148]).

тиями в жизни Прокофьева: он переезжает из Эттала в Париж, ждет пополнения семейства (в конце февраля родился его старший сын Святослав) и пытается заключить контракт на постановку оперы «Огненный Ангел». 16 февраля композитор присутствует на вечере «Миссия русской эмиграции» в парижском Salle de Géographie, слушает знаменитую речь И.А. Бунина и выступления других ораторов. Будничность, отсутствие пафоса в чуть ироничном отклике Прокофьева на это событие (которое он называет в дневнике «митингом русской колонии») свидетельствуют о назревающих переменах композитора в отношении эмиграции:

<...> говорили Бунин (сухо и академично, я не люблю его), Мережковский (более интересно, но у него тоненький голос и незадача с буквой «р»), Карташев⁵⁹ и другие. Все они ругали большевиков, жалели поправленную Россию и во имя Христа призывали к ненависти. Я с интересом слушал их, хотя душой был как-то в стороне [Прокофьев. Дневник, т. 2, с. 429].

На следующий день, 17 февраля, Прокофьев получил из советской России письмо Демчинского с критикой драматургии «Огненного Ангела» и обещанием добавить «пульсацию жизни» в статичное, по его мнению, либретто [Там же]⁶⁰. Прокофьев рад обещанию, отвечает немедленно, в письме напоминает, что музыка хоть и не оркестрована и не везде отделана, но уже написана, и он с радостью примет изменения. Судьба «Ангела» явно интересует Прокофьева больше, чем призывы «во имя Христа к ненависти». 1 апреля Прокофьев провел вечер у М.О. Цветина. Его литературно-музыкальный салон — центр писательской эмиграции:

<...> Опять все наши писатели: Бунин, Мережковский, Гиппиус, Куприн, Ремизов, а также сотрудники «Последних новостей». Очень было любопытно, как Осоргин, нашумевший своими призывами к русской молодежи — ехать немедленно в Россию, и Милюков играли в шахматы. Милюков защищался очень осторожно, но проиграл. Тогда я сел с Осоргиным и разнес его, пожертвовав ферзя. Хотел я поговорить с Мережковским о Гильгамеше⁶¹, но он так важно беседовал с Буниным о миссии русской эмиграции, что не удалось... [Там же, с. 435].

На второе собрание «Миссия русской эмиграции», состоявшееся 5 апреля, Прокофьев не пошел. В это время он был на премьере парижской театральной новинки — пьесы Карела Чапека «Р.У.Р.» про восстание универсальных роботов Россума.

⁵⁹ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — последний обер-прокурор Святейшего синода; министр исповеданий Временного правительства, либеральный теолог, историк Русской Церкви, церковный и общественный деятель. Активный деятель русской эмиграции — занимал должность председателя Русского национального комитета в Финляндии, затем в Париже, член епархиальных собраний и епархиального совета Русского экзархата Вселенского престола, участник съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД), был одним из редакторов и идеологов парижского еженедельника «Борьба за Россию». Преподавал русскую историю на историко-филологическом факультете русского отделения Парижского университета. Один из основателей и профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже.

⁶⁰ Запись от 17 февраля 1924 г. О письме Б.Н. Демчинского от 4 февраля 1924 г. известно по ответу Прокофьева от 20 февраля того же года и по упоминанию содержания письма в комментарии в [Савкина 2015, с. 156–158].

⁶¹ Имеется в виду книга Д.С. Мережковского «Тайна трех: Египет и Вавилон», написанная в 1923 г. (Прага: Пламя, 1925).

Летом 1924 г. Прокофьев с семьей отдыхает на побережье Атлантического океана. Композитор занят доработкой, инструментовкой и корректурой ряда сочинений. Немаловажный штрих — в перерывах между музыкальными трудами Прокофьев увлеченно читает книгу Ф. Оссендовского «И люди и звери и боги»⁶² на французском языке. Автор книги — поляк, бывший подданный Российской империи, сподвижник Колчака и барона Унгерна — в беллетризованной форме описывает бегство от большевиков, скитания по Сибири и Монголии. Помимо интересных этнографических зарисовок, в книге приводится пересказ пророчеств Востока, которые в устах Оссендовского звучат как подлинные свидетельства очевидца Гражданской войны в России:

<...> хлынут толпы беженцев. В огне сгинут прекраснейшие города <...>. Отец поднимается на сына, брат — на брата, мать — на дочь. Порок, преступление, растление души и тела распространятся повсеместно. Распадутся семьи. Истина и любовь покинут землю⁶³.

А в работе над «Ангелом» наступил перерыв — Прокофьев продолжает безуспешные переговоры о постановке «Ангела» с антрепризой Ж. Эберто и С. Кусевицким⁶⁴. Доработка сценической стороны оперы по-прежнему беспокоит композитора. Прокофьев не теряет надежды найти в Демчинском соавтора. В письме из Сен-Жиля композитор «куртуазно» укоряет адресата:

Дорогой Борис Николаевич! Полгода назад по поводу либретто «Огненного Ангела» один почтенный джентльмен писал другому полупочтенному: «торжественно обещаю посылать вам акт за актом» — и что же вышло из этой торжественности — один туман, а для полупочтенного джентльмена — сплошное огорчение⁶⁵.

Далее Прокофьев оставляет шуточный тон:

Я стою перед решением: или вообще выбросить всю вещь, как неудавшуюся со сценической стороны, или же использовать благоприятно сложившуюся конъюнктуру для того, чтобы закончить и пустить в свет⁶⁶.

⁶² Оссендовский Фердинанд Антоний (Ossendowski; 1878–1945) — польский путешественник, журналист, общественный деятель. Европейскую известность как писатель получил в 1922 г. после выхода книги «И люди и звери и боги» на польском языке и ее перевода на английский и французский языки. В названии книги — цитата из стихотворения К. Бальмонта: «Я заснул на распутии глухом...»: «Я лежал на избитом пути, / На краю много знавшей дороги. / Здесь и люди и звери и боги / Проходили, чтоб что-то найти».

⁶³ Цит. по: litmir.me/br/?b=135556&rp=50 (дата обращения: 19.06.2022).

⁶⁴ Эберто Жак (Hébertot; 1886–1970) — французский издатель, журналист, владелец оперной и концертной антрепризы в Париже. Переговоры о постановке оперы антрепризой Ж. Эберто с участием С.А. Кусевицкого продолжались до осени 1924 г. Издательство Кусевицкого должно было обеспечить спектакль нотным материалом. Ф.Ф. Комиссаржевский дал согласие стать режиссером спектакля. Несостоявшаяся премьера «Огненного Ангела» предполагалась в 1925 г.

⁶⁵ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Письмо С.С. Прокофьева Б.Н. Демчинскому. Сен-Жиль-сюр-Ви, Вандея, Франция. 1924, 23 июля. Л. 1.

⁶⁶ Там же. Л. 2.

Долгожданную помощь в либретто от Демчинского в виде подробного плана оперы «Огненный Ангел» Прокофьев получит только два года спустя, в 1926 г. Об этом второе из поступивших в фонды Дома русского зарубежья письмо — оригинальная, т. е. отложившаяся у корреспондента (Демчинского), копия письма С.С. Прокофьеву:

Посылаю Вам план либретто, разработанный настолько подробно, даже с указанием страниц текста, — что, вероятно, не встретилось бы никаких затруднений, если бы написать либретто решили Вы сами...⁶⁷

Распространенная в прошлом эпистолярная традиция оставлять у себя копии отправляемых писем позволила получить полноценный исторический источник. Копия, которую Демчинский оставил у себя, представляет машинопись через копировальную бумагу. Шрифт современный, двухстороннее заполнение листов. Письмо сопроводительное по форме, но с «приговором» Прокофьеву-либреттисту:

При составлении плана я не руководствовался Вашим либретто, да иначе нельзя было поступить. Сохранить его схему — значило бы погубить оперу⁶⁸.

Копия письма заканчивается сообщением о вложении — статье А.В. Луначарского «Бетховен и Прокофьев»: «...упомянутую статью прилагаю»⁶⁹. Видимо, газетной вырезки со статьей при отправке письма не оказалось, поэтому в оригинале письма есть приписка рукой Демчинского: «Статью с отчетом Луначарского дошлю при случае»⁷⁰. К письму Демчинский приложил свой план либретто «Огненного Ангела»⁷¹. Также двухстороннее заполнение листов и узкий по сравнению с письмом межстрочный интервал. Нестандартные по размеру листы, бумага

⁶⁷ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Л. 2. Письмо С.С. Прокофьева Б.Н. Демчинскому. Сен-Жиль-сюр-Ви, Вандея, Франция. 1924, 23 июля. Л. 2. Письмо Б.Н. Демчинского С.С. Прокофьеву. Б.м., б.д. [Ленинград, 1926, 30 мая]. Маш. копия. 1 л. Отсутствующая в письме дата дана по публикации оригинала, сохранившегося в семейном архиве С.С. Прокофьева. Там приводятся две даты — в начале письма (30 мая 1926) и в конце, около подписи «Б. Демчинский» — «26.05» (возможно, обозначающие «1926 год, май»), место создания не указано, предположительно, Ленинград; см.: [Савкина 2015, с. 177–179].

⁶⁸ Там же. Письмо Б.Н. Демчинского С.С. Прокофьеву. Б.м. б.д. [Ленинград, 1926, 30 мая], см. также: [Савкина 2015, с. 179].

⁶⁹ Имеется в виду речь А.В. Луначарского в Акфилармонии «Бетховен и Прокофьев», опубликованная в «Красной газете» (веч. вып., Л., 1926, № 119, 22 мая, с. 4). В сокращенном варианте напечатана в художественно-литературном журнале «Жизнь искусства». В своем выступлении А.В. Луначарский оценивает состояние современного музыкального искусства как период «превышения формальных достоинств над внутренними», «исчезновения идеи» и дает поверхностную, неактуально-упрощенную характеристику композиторам-эмигрантам: «...Два наших крупных музыканта — Стравинский и Прокофьев. Характерная для последнего большая свежесть и богатство изобретательности говорят об исключительности его дарования. В своем творчестве Прокофьев возвращается к кругу детской — откуда радость и грация его композиций <...>. Стравинский в значительной мере уже пошел в лапы блестящего шукаря. Прокофьеву, чтобы всецело развернуться, надо вернуться к нам, пока “нечисть” американизации не подавила его» [Луначарский 1926, с. 16].

⁷⁰ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Письмо Б.Н. Демчинского С.С. Прокофьеву. Б.м., б.д. [1926, 26 или 30 мая]. Маш. копия. Л. 1 об.

⁷¹ Там же. Демчинский Б.Н. План либретто «Огненный Ангел». [Ленинград, 1926]. Оригинал. 34 × 22. Маш. копия. 3 л. План оперного либретто, подробный его анализ и сравнение с редакциями оперы см. в [Савкина 2015].

некачественная, тонкая, рыхлая, пожелтевшая. На то, что это оригинальная авторская копия через так называемую карбонную (копировальную) бумагу, указывают пропуски в тексте, оставленные для того, чтобы вписать от руки названия и рисунок декорации 1-го акта, присутствующие в оригинале письма. Блестящая эрудицией, Демчинский уверенно излагает свою концепцию оперы:

«Огненный Ангел» написан психопатологом, случайно влюбившимся в средневековые узоры. Поэтому в основе лежит физиология. Патологический физиологизм Ренаты, по внешним признакам приближающийся к духовным восторгам, перебивается призывами тела⁷².

Рассуждения Демчинского грешат распространенным в 1920-х гг. в СССР «механицизмом» (разновидность вульгарного материализма) — т. е. упрощенным сведением сложных явлений к их физическим причинам. Вместе с тем предложенный Демчинским план либретто выглядит как изящный чувственный «кунштюк» Серебряного века, живописно-красочный, словно на картинах прерафаэлитов, одновременно напоминающий оперный анахронизм «большой французской оперы» вроде мейерберовского «Роберта-Дьявола»⁷³. К сожалению, Демчинский так и не понял, что уже написанная музыка декретирует сценическому действию, и его добротный план не имеет шансов на реализацию в новаторской опере Прокофьева, созданной в духе музыкального экспрессионизма XX в.

К оригинальным копиям письма и плана либретто «Огненного Ангела» Демчинского примыкает документ, приложенный, видимо, по ошибке прежними владельцами или держателями материала, решившими, что это продолжение плана оперы. На деле оказалось, что это самостоятельный документ, представляющий точную перепечатку либретто С.С. Прокофьева оперы «Огненный Ангел» 1-й редакции со 2-го по 5-й акты⁷⁴. Оттиск машинописи через копировальную бумагу на листах большого формата сделан с чистым левым листом в развороте. Редкие пометы — аккуратные маргиналии и подчеркивание текста (машинисткой? Демчинским?). Документ без указания места и даты. Бумага того же качества, что копия плана либретто Демчинского, только край более неровный (вероятно, после разрезания листа крупного формата ножом для бумаги). Исследовательский, информационный ресурс неполной копии либретто 1-й редакции оперы «Огненный Ангел» Прокофьева в том, что обнаружен и существует еще один оригинальный источник текста. Таким образом, при сопоставлении материалов, поступивших в Дом русского зарубежья, и опубликованных ранее источников канва истории сотрудничества Прокофьева и Демчинского над «Огненным Ангелом» предстает следующим образом. В ответ на предложение Прокофьева стать соавтором либретто Демчинский сначала выражает полную готовность к сотрудничеству: «...в

⁷² Там же. Л. 1.

⁷³ По мнению Н.П. Савкиной, в плане Б.Н. Демчинского есть отсылки к «Лоэнгрину» Р. Вагнера, который сам написал либретто оперы [Савкина 2015, с. 223].

⁷⁴ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Прокофьев С.С. Огненный Ангел. Фрагмент либретто. 2–5-й акты. Б.м., б.д. Маш. копия. Чернила черные. Рукописные пометы. 35,5 × 22. 12 л.

либретто Огненного Ангела я с восторгом Вам помогу»⁷⁵. О сюжете отзывается, что «выбор великолепный», и хотя в этом же письме называет Прокофьева «ведьмой двадцатого века», а оперу квалифицирует как «музыкальную дерзость греха» [Савкина 2015, с. 151], Демчинский пишет, что «...уже заранее предчувствует, что ведьмы обеспечат триумф». Он обещает Прокофьеву наполнить либретто «тонкими узорами из исторических книг» [Там же, с. 152]. Поступившая в собрание ДРЗ неполная копия либретто 1-й редакции оперы Прокофьева из архива Демчинского подтверждает это намерение. Копия изготовлена с широкими полями и чистым листом в развороте для возможного внесения помет. Очевидно, после получения прокофьевского либретто Демчинский поручает машинистке (предположительно, жене, Варваре Федоровне) перепечатать через копировальную бумагу либретто, оставив место для работы над новым текстом параллельно с текстом либретто. Однако вскоре энтузиазм Демчинского сменяется молчанием. С 12 июля 1923 г. до 4 февраля 1924-го он не отвечает на письма Прокофьева и далее выходит из ситуации постепенным отступлением от своего обещания. Вероятно, Демчинский не мог в письмах прямо изложить причины отказа, которые крылись как в обстоятельствах личной жизни⁷⁶, так и в реалиях советской действительности, — советскому гражданину отнюдь не пролетарского происхождения переписка и сотрудничество с зарубежным корреспондентом не сулили ничего хорошего. Несмотря на информированность эмигрантского сообщества о тотально-репрессивном характере власти в советской России, Прокофьев в середине 1920-х гг. еще не в полной мере понимал возможные угрозы «всевидящего ока» власти в адрес Демчинского. Причины несостоявшегося соавторства в либретто Демчинского и Прокофьева, безусловно, важны, но вторичны по отношению к главному — несходству видения сверхзадачи оперы. Суть разногласий в диаметрально противоположном восприятии повести Брюсова. Блестящий ум материалиста Демчинского ищет в не слишком оригинальной, по его мнению, основе «Огненного Ангела» «внятный ответ: дьявол или психопатология»⁷⁷ и видит в обращении Прокофьева к произведению Брюсова лишь «скептически-эпикурейскую усмешку»⁷⁸. Однако композитор подходит к сюжету оперы «не с точки зрения ведьмовства или катастрофы ведьмовства»⁷⁹. Credo Прокофьева — правдивость, яркость и чистота музыки, а задача — в том, чтобы, услышав эту музыку, слушатель «мог задуматься», «испытать свою совесть» [Там же, с. 154]. «Огненный Ангел» Сергея Прокофьева — это преодоление Зла и Тьмы, «профетическое» странствие гениальной музыки в поисках ответа на вечный вопрос: «Так что же такое жизнь?»

⁷⁵ Б.Н. Демчинский — С.С. Прокофьеву. Петроград. 1923, 12 июля (цит. по: [Савкина 2015, с.152]).

⁷⁶ Неизвестна судьба одного из сыновей Б.Н. Демчинского, Глеба, лишь глухое упоминание в дневнике Прокофьева — в конце 1920-х гг. он узнает, что сын Демчинского погиб.

⁷⁷ ДРЗ. Ф. Редкие документы. Письмо Б.Н. Демчинского С.С. Прокофьеву. Маш. копия. Б.м., б.д. [Ленинград, 1926, 30 мая]. Л. 1.

⁷⁸ Там же. Л. 1.

⁷⁹ С.С. Прокофьев — Б.Н. Демчинскому. Этталь, Германия. 1923, 27 июля (цит. по: [Савкина 2015, с. 154]).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1918 г. перед отъездом Прокофьева из России Демчинский его упрекнул, что тот «убегает от истории» [Прокофьев. Дневник, т. 2, с. 188]. Восемнадцать лет зарубежных странствий Прокофьева меньше всего напоминают бегство «от истории» — это плодотворные годы личностного и творческого роста, наполненные встречами, событиями, познанием мира, музыкальным поиском и экспериментом. Жизнь в эмиграции не стала миссией или судьбой, но этапом долгого возвращения Прокофьева домой — к своим корням, к своему слушателю, к России. «Самое неподходящее для такого человека, как я, — это жить в изгнании, — говорил Прокофьев. — Я должен вернуться <...>. В ушах моих должна звучать русская речь, я должен говорить с людьми моей плоти и крови, чтобы они вернули мне то, чего мне здесь недостает: свои песни, мои песни. Здесь я лишаюсь сил»⁸⁰. С прозорливой чуткостью гения эту истину Прокофьев воплотил в своей музыке вне времени и пространства.

Источники и литература

- ДРЗ — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
- Бакунцев 2013 — *Бакунцев А.В.* Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 268–337.
- Бердяев 1924 — *Бердяев Н.А.* Новое средневековье (Размышление о судьбе России). Берлин: Обелиск, 1924.
- Гаврилова 2004 — *Гаврилова В.С.* Стилиевые и драматургические особенности оперы С.С. Прокофьева «Огненный ангел»: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2004. 253 с.
- Глебова [Б.В. Асафьев] 1924 — *Глебов И.* [Б.В. Асафьев]. Глазунов. Опыт характеристики. Л.: Светозар, 1924.
- Деклерк 2001 — «Долгая дорога в родные края»: Из переписки С.С. Прокофьева с российскими друзьями / публ. Ю. Деклерк // Сергей Прокофьев: К 110-летию со дня рождения. Письма, воспоминания, статьи. М.: ГЦММК, 2001. С. 5–119. (Труды ГЦММК им. М.И. Глинки).
- Друскин 1952 — *Друскин М.С.* Вопросы музыкальной драматургии оперы. Л.: Музгиз, 1952.
- Ильин 2005 — *Ильин И.А.* Кризис Безбожия. М.: Дарь, 2005.
- Карпов 2015 — *Карпов А.В.* Междисциплинарные подходы в современной теории и истории искусства: проблемы подготовки магистров-искусствоведов // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. ст. по материалам XLVIII Международной научно-практической конференции. № 5 (48). Новосибирск: СибАК, 2015.

⁸⁰ По воспоминаниям французского музыкального критика Сержа Морэ (Moret), его разговор с Прокофьевым состоялся в Париже в 1933 г., записан в 1953 г. после смерти композитора [Морэ 1962, с. 367].

- Кривцова 2013 — *Кривцова Е.В.* Опус 45: «Странствующее странно» Сергея Прокофьева // Сб. науч. трудов Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры им. М.И. Глинки: Альманах. Вып. 4. М.: Композитор, 2013. С. 420–434.
- Левая 2019 — *Левая Т.* «Черная месса»: Скрябин и Прокофьев. Публикация 13 октября 2019 г. URL: <http://opentextnn.ru/music/muzykalnye-jerohi/hh-v/tamara-levaja-chnernaja-messa-skrjabin-i-prokofev-29-53-kb/> (дата обращения: 23.04.2020).
- Луначарский 1926 — Луначарский о творчестве Бетховена и Прокофьева // Жизнь искусства: Журнал. Л., 1926. № 22. 1 июня. С. 16.
- Морэ 1962 — *Морэ С.* Глазами друга // Сергей Прокофьев. 1953–1963. Статьи и материалы. М.: Сов. композитор, 1962. С. 361–367.
- Переписка 1910–1953 — Сергей Прокофьев. Сергей Кусевецкий. Переписка 1910–1953 / подгот. текста и коммент. В. Юзefовича. М.: Дека-ВС, 2011.
- Прокофьев 1961 — *Прокофьев С.С.* Автобиография. Гл. 3. Годы пребывания за границей // С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания / под ред. С.И. Шлифштейна. 2-е изд., доп. М.: Гос. муз. изд-во, 1961.
- Прокофьев 2002 — *Прокофьев С.С.* Деревянная книга. Факсим. изд. СПб.: Вита Нова, 2002.
- Прокофьев 2003 — *Прокофьев С.С.* Рассказы. М.: Изд. дом «Композитор», 2003.
- Прокофьев. Дневник — *Прокофьев С.С.* Дневник. 1907–1933: в 3 т. М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2017.
- Ржавинская 1972 — *Ржавинская Н.* О роли оstinато и некоторых приемах формообразования в опере «Огненный ангел» // С.С. Прокофьев. Статьи и исследования / сост. В. Блок. М.: Музыка, 1972.
- Розанов 1902 — *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Предисловие ко второму изданию. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1902.
- Савицкий 2018 — *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства. Статьи и письма / ред. и сост. К.Б. Ермишина, О.Т. Ермишин. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Викмо-М, 2018.
- Савкина 2015 — *Савкина Н.П.* «Огненный Ангел» С.С. Прокофьева: К истории создания. М.: Науч.-изд. центр «Московская консерватория», 2015.
- С.С. Прокофьев 1961 — С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания / под ред. С.И. Шлифштейна. 2-е изд., доп. М.: Гос. муз. изд-во, 1961.
- С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский 1977 — С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский. Переписка. М.: Сов. композитор, 1977.
- Тараканов 1968 — *Тараканов М.Е.* Стиль симфоний Прокофьева. М.: Музыка, 1968.

К.Б. Ермишина

СТО ЛЕТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕЕ:
ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЕВРАЗИЙСТВА

С начала 1990-х гг. появились первые републикации евразийских текстов, к этому времени относятся и первые осмысления евразийского движения и его идей. Сначала исследователи не имели доступа ко многим материалам, позже опубликованным, тем не менее довольно рано оформилось два исследовательских направления. Одно апеллировало к понятиям «культура» и «культуроцентричное мировоззрение» [Половинкин 1995; Соболев 2008], другое отталкивалось от разоблачительной статьи Г.В. Флоровского «Евразийский соблазн» (1928 г.) [Очерк русской философии истории 1996; Вандалковская 1997]. Были многочисленные работы, которые являлись скорее выражением впечатлений авторов о прочитанной евразийской литературе [Гиренок 1992, Аверинцев 2003], но они не внесли значимого вклада в евразийствоведение. Исследователи первого направления высказывались о евразийстве в духе известного мнения С.Л. Франка: «Я <...> отнесся к нему (к евразийству. — *К.Е.*) с интересом как к единственному в эмиграции проявлению свежей и оригинальной общественной мысли» [Франк 1956, с. 146]. Второе направление постепенно оформилось в критику евразийства, — и опиралось не на аналитику или научные исследования, но на эмоциональные впечатления или личные предпочтения. Евразийство обвиняли в фашизме, коммунистических и марксистских симпатиях, сотрудничестве с Трестом (ГПУ), антисемитизме, имперских амбициях и т. д. Это направление продолжило традицию, которая сложилась еще в эмиграции. В статье «Оппонентам евразийства»¹ сподвижник Савицкого Я.Д. Садовский дал первый обзор критической литературы о евразийских идеях в эмиграции (евразийцы якобы — пассивные богоискатели, они зовут к отказу следовать общечеловеческой западноевропейской культуре и призывают Россию к союзу с варварами, идеализируют допетровскую Русь, поносят реформы Петра и послепетровский период истории России, являются национал-большевиками, антисемитами, реакционерами и т. д.). В 1931 г. Савицкий написал статью «В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х гг.», в которой утверждал, что «с конца сентября 1921 г. стал складываться антиевразийский фронт в эмигрантской печати» [Савицкий 2010, с. 355]. Савицкий разделил критические статьи и рецензии, — а их за десять лет в эмигрантской печати вы-

¹ Садовский Я.Д. Оппонентам евразийства (Письмо в редакцию) // Евразийский временник. Берлин, 1923. С. 149–173.

шло несколько сотен — на следующие направления: «критику: антирелигиозную, антиправославную, антивосточную, антирусскую, антиэтническую, антиидеократическую, антиэтатическую, антифедералистическую, антиавтаркическую, антисистематическую» [Там же, с. 367]. Таким образом, критическое направление имеет давнюю историю, а в наше время критики повторили аргументы, уже высказанные современниками евразийцев. На ряд обвинений критиков евразийцы дали развернутые ответы. Слабое место современного критического направления в том, что его представители зачастую не учитывают опыт «предшественников», не знакомы с ответами евразийцев своим оппонентам².

Вторая волна интереса исследователей к евразийству совпала с началом активной издательской работы и публикации архивных документов — писем, протоколов допросов евразийцев из Особого архива Литвы (Л.П. Карсавина, В.Э. Сеземана, П.Н. Савицкого, П.С. Арапова), постановлений Евразийской партии и Советов Пяти и Семи, издательских планов и протоколов совещаний из архива П.Н. Савицкого, который был изъят у него в Праге после 1945 г., а ныне хранится в ГА РФ (ф. 5783, оп. 1–2). Архивные документы дали возможность увидеть лабораторию евразийской мысли, показали споры в среде лидеров, психологические сложности. Самая известная внутривевразийская полемика состоялась между Л.П. Карсавиным и Н.С. Трубецким, к ней присоединились П.С. Арапов и П.Н. Малевский-Малевич [Степанов 2002]. Полемика была восстановлена на основании архивных материалов, выявивших, что существовали две евразийские концепции личности — «хоровая» Н.С. Трубецкого и «симфоническая» Л.П. Карсавина. Также евразийцами были созданы две концепции государства и Церкви. Лидеры не желали, чтобы их споры стали известны непосвященным, поэтому решили закрыть дискуссию и приняли карсавинскую версию. Трубецкой посчитал это методологической ошибкой и оказался прав: именно на «карсавинское» евразийство обрушился с критикой Флоровский. Его критическая статья «Евразийский соблазн» стала основой для последующей полемики как современников движения, так и критиков наших дней. Многие из них не учитывают, что Флоровский критиковал именно концепцию Карсавина, в то время как Трубецкой выступил также ее критиком.

Базу источников о евразийстве можно разделить на две группы. В первую (официально опубликованные или программные тексты) входят материалы, которые евразийцы опубликовали сами. Все евразийские тексты до Клармарского раскола (кроме статей газеты «Евразия») прошли строгую цензуру самих евразийцев. В определенной степени эти тексты могут носить характер взаимовлияний идей евразийских лидеров. Были тексты, которые лидеры публиковали, не советуясь друг с другом. Они касались исключительно профессиональной сферы каждого из них, например лингвистические работы Трубецкого, журнал «Версты» Сувчинского или географические и экономические работы Савицкого. Вторая группа источников связана с архивами. За редким исключением, материалы

² Как на отрядное исключение можно указать на статью: [Погодин 2022]; см. также работу: [Ермишина 2022].

из них не предназначались для публикации, поэтому письма, программные документы, постановления, издательские планы и подобные тексты носят характер дискуссионный, часто противоречивый. Этот материал привлекает внимание исследователей, поскольку содержит многие неожиданные идеи, раскрывает историю евразийства с особой глубиной, дает психологические портреты участников, показывает принципы евразийской самооценки и т. д. Тем не менее, работая с материалами обеих групп, нужно точно отмечать, к какой из них относится тот или иной текст.

Публикация большого числа архивных документов породила особый феномен — о евразийстве стали судить не столько по текстам, сколько по письмам. Возникло исследовательское направление, сосредоточенное на эпистолярном наследии и архивных документах. Ярким примером этого направления может служить исследование Терезы Оболевич «Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы» [Оболевич 2020], в котором нет ни одной ссылки или цитаты из евразийских текстов. Работа Т. Оболевич базируется на евразийском эпистолярном наследии, с привлечением небольших выдержек из протоколов допросов Л.П. Карсавина, сохранившихся в особом архиве Литвы³. Появление подобных работ (без опоры на официальные тексты, которые мы отнесли к первой группе) о целом направлении мысли, которое объединяло большое число интеллектуалов русского зарубежья, весьма характерно и заслуживает особого внимания. Все сказанное выявляет проблемы евразийствоведения — как критического, так и архивно-эпистолярного направления. Исследователи и первого, и второго направления не учитывают многие факторы (наличие предшественников-критиков в эмиграции, официальные евразийские тексты, которые мы обозначили как первую группу материалов), поэтому выводы, результаты изысканий оказываются довольно скромными. Общей чертой работы исследователей, которые имеют дело только с первой или только со второй группой материалов, является то, что они не принимают во внимание важнейшие моменты истории формирования евразийских идей. С другой стороны, это показывает, что мы имеем дело с очень сложным феноменом истории русской мысли и русской эмиграции. Евразийство выступает как многоуровневая структура: разнообразие участников, «лицевая» (опубликованные тексты) и «внутренняя» стороны (переписка, архивные материалы), наличие нескольких конкурирующих идейных течений внутри самого движения. Это ставит перед нами проблему нахождения оптимального исследовательского метода евразийства как историко-культурного феномена и идейного направления русской эмиграции. На мой взгляд, необходимо комбинировать «официальные» и архивные тексты, чтобы получить объемную, объективную картину истории евразийства и его идей.

Современные исследователи евразийства склонны рассматривать движение или как неудачную попытку возрождения славянофильского дискурса, или как триумфальное шествие новой «русской идеи», которая способна дать ответы на все сложнейшие вопросы современности. Первые говорят о постепенной дегра-

³ См. рецензию на это издание, в котором разобраны его слабые и сильные стороны: [Ермишина 2021].

дации первоначального импульса движения, вторые считают евразийство в себе законченным историко-культурным феноменом, который прошел определенные фазы развития, а в будущем породил неоевразийство и традицию политической неоконсервативной мысли. Родоначальником концепции упадка и деградации движения можно считать Г.В. Флоровского, родоначальником концепции прохождения этапов и развития первоначального импульса — П.Н. Савицкого. Первую концепцию следует признать пессимистической: «Судьба евразийства — история духовной неудачи» [Флоровский 1998, с. 311], вторую, напротив, — позитивной, оптимистической:

<...> все сделанное ими доселе евразийцы рассматривают только как вступление и начало, хотя бы и существенное <...>. Евразийство начинало с утверждения России-Евразии как особого мира. Именно это утверждение привело евразийцев к познанию необходимости вселенских горизонтов [Савицкий 2018, с. 116].

Тем не менее даже Флоровский в своей критической статье говорил, что евразийцам

<...> первым удалось увидеть больше других, удалось не столько поставить, сколько расслышать живые и острые вопросы творимого дня <...> нужно вернуться к исходной точке. И оттуда, быть может, откроются новые кругозоры, протянутся новые и верные пути [Флоровский 1998, с. 311].

Таким образом, Флоровский признавал по меньшей мере правду первоначального (до 1923 г.) евразийства, кроме того, сам отличался крайне критической позицией по отношению ко всей русской философии. Недаром его знаменитую книгу «Пути русского богословия», по меткому замечанию А.Н. Бердяева, можно было бы с равным успехом назвать «Беспутство русского богословия»:

<...> и даже ввиду широкого захвата книги «Беспутство русской мысли» или «Беспутство русской духовной культуры» <...> она продиктована не любовью, а враждой, в ней преобладают отрицательные чувства [Бердяев 1937, с. 53].

В данном случае критическое замечание Бердяева свидетельствует о том, что современники евразийцев могли быть пристрастными судьями, поскольку они были эмоционально вовлечены в дискуссию. Их суждения нужно подвергнуть критическому анализу. Вряд ли верна и точка зрения, основанная на убеждении в спасительности евразийских идей сегодня. Евразийство было создано 100 лет назад и опиралось на реалии своего времени, стало ответом на вызовы своей эпохи.

Среди современных исследователей — авторов оригинальных концепций о евразийстве — можно указать в первую очередь на Р.Р. Вахитова⁴, представителя «левого» евразийства, Б.В. Назмутдинова, уделяющего особенное внимание по-

⁴ Значительная часть исследований Р.Р. Вахитова опубликована в интернет-источниках (см., например: Вахитов Р.Р. Четыре периода классического евразийства // <http://nevmenandr.net/vaxitov/eurperiod.php> (дата обращения: 25.03.2021); Он же. Классическое левое евразийство // <http://nevmenandr.net/vaxitov/kle.php> (дата обращения: 25.03.2021); Он же. Евразийство: суть, периодизация, актуальность // <https://skurlatov.livejournal.com/1198352.html> (дата обращения: 25.03.2021) и др.).

литико-правовым аспектам евразийства [Назмутдинов 2017], А.Г. Гачеву [Гачева 2011], которая сосредоточена на исследовании связей между евразийством и идеями Н.Ф. Федорова и русского космизма, И. Вишневецкого [Вишневецкий 2005], О.Т. Ермишина [Ермишин 2019], И.Ф. Кефели [Советская цивилизация 2002], А.Г. Дугина [Дугин 2002а; 2002б], яркого представителя неоевразийства Л.В. Савина [Савин 2020; 2022], отстаивающего евразийскую теорию *Ordo pluriversalis* (многополярного мира). В.Я. Пащенко [Пащенко 2003] рассматривал евразийство с точки зрения социологии. Он также уделял внимание историческим, психологическим, социальным истокам евразийской идеологии, ставил важнейший вопрос о преемстве славянофильских и евразийских идей, прослеживал истоки евразийской историософии в концепциях XIX в. По мнению Пащенко, вопрос о соотношении славянофильских и евразийских идей имеет не академический, но идейно-политический подтекст. Он выступает против мнения тех исследователей, которые пытались противопоставить славянофильство и евразийство, и утверждает, что «целый ряд его (евразийства. — К.Е.) основополагающих понятий взят из арсенала славянофилов. Это прежде всего понятия соборности, цивилизации и культуры, принцип взаимосвязи природы и общества» [Там же, с. 161].

Необходимо отметить работы С.М. Половинкина, указавшего на то, что евразийская идея возникла не в XX в., но ее корни идут от «Послания старца Филофея» (первая треть XVI в.) и тянутся вплоть до предчувствий и видений Серебряного века у А.А. Блока, Н.А. Клюева, М.А. Волошина, Н.К. и Е.И. Рерихов и многих других деятелей того времени. Русская революция 1917 г. стала точкой отсчета в отказе от европейской ориентации русской цивилизации, евразийцы поставили задачу проанализировать новую идейно-геополитическую ситуацию. Они выработали оригинальный взгляд на русскую историю, русскую идею и миссию России, разработали социальный идеал (идеократия, демотия) и наметили пути его реализации. С.М. Половинкин вслед за С.С. Хоружим полагал, что «философской основой евразийства служил христианский персонализм» [Половинкин 2020, с. 1107]. Как и А.В. Соболев, Половинкин не склонен преувеличивать политическую составляющую евразийства:

У основателей евразийства не было цели построить империю на любом основании и любыми способами, они стремились объединить народы Евразии посредством «идеи-правительницы», в основе которой лежало Православие, органическим путем, избегая имперского насилия [Там же, с. 1121].

Он подчеркивал, что Флоровский, критика которого вдохновила несколько поколений исследователей евразийства, выступил против движения отнюдь не по бескорыстным соображениям:

В сентябре 1926 г. Флоровские переехали из Праги в Париж, где Флоровский был приглашен читать лекции по патристике в Православном богословском институте. Евразийцы оказались ему не только не нужными, но и обременительными для его репутации <...> здесь появилась насущная потребность в отмежевании от евразийства [Там же, с. 1122–1123].

Критика Флоровского была поверхностной, игнорировала персонологию евразийцев, искажала их основные историософские воззрения:

никаких принципиальных расхождений у Флоровского с евразийцами не было до 1926 г. <...> в 1928 г. он опубликовал обличительную статью «Евразийский соблазн», где искажил и суть движения, и свою роль в нем [Там же, с. 1126].

Это мнение одного из самых авторитетных исследователей евразийства, по сути — его первооткрывателя, идет вразрез с концепцией Андруса Мартинкуса, сделавшего критику Флоровского краеугольным камнем своей исследовательской концепции, исходя из которой якобы только и возможно понять евразийство. У Мартинкуса Флоровский выступает едва ли не пророком, изначально видевшим опасный «соблазн» евразийства, предупреждая о нем евразийцев и общественность. Свою монографию Мартинкус заканчивает торжественными словами:

В замороженной «титаническим жизнеощущением русской формации социализма» (Карсавин) газете «Евразия» окончательный триумф праздновал «соблазн религиозно-исторического имманентизма», о котором уже давно предупреждал Флоровский и который с самого начала искушал евразийскую мысль [Мартинкус 2013, с. 265].

В этом высказывании, как и в целом в книге упомянутого автора, обильно присутствует не научный, но скорее публицистический или мифологический, образный язык, отсылающий нас к религиозным архетипам искушения и запретного плода (мечты об имперском могуществе⁵), грозного обличения прозорливого пророка и конечного падения искушаемого. Это еще раз доказывает, что во многом критика евразийства идет от истоков, которые не всегда поддаются рациональному анализу. Евразийцы коснулись корневых для русской цивилизации проблем. Падение СССР стало причиной потери веры в будущее русской цивилизации, пессимизма и скептицизма в отношении особого русского пути, что табуировало возможность рассуждать о русской идее или ее инвариантах, в частности ее евразийской версии.

Евразийство изучают не только отечественные, но и западные исследователи [Босс 1992; Люкс 1993; 2003; 2013; Ларюэль 2004; 2006; Хаген 2004; Байссвенгер 2008]. Свободны ли западные исследователи от штампов и «мифов»⁶, которые ослепляют отечественного ученого? Научные подходы на Западе имеют свои, западные «мифы» и предрассудки. Распад СССР вызвал цепочку кризисов идентичности предмета исследования у западных русистов. До падения СССР в среде исследователей на Западе был достигнут определенный консенсус: Россия не есть классическое государство-нация европейского типа, но империя, наряду с

⁵ Название книги А. Мартинкуса также отсылает нас к работе французской исследовательницы М. Ларуэль «Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи» (см.: [Ларуэль 2004]).

⁶ Слово «миф» в данном случае я рассматриваю в интерпретации философа А.Ф. Лосева (см.: [Лосев 1930]), а именно: миф есть устойчивый, иррациональный паттерн сознания, который переопределяет реальность его носителя.

Византийской, Китайской, Османской, Монгольской. Типична в этом отношении работа классика американской русистики, книга Карла Виттфогеля «Восточный деспотизм» [Wittfogel 1957]. Виттфогель выдвинул теорию гидравлического детерминизма, согласно которой Россия, Китай и Древний Египет объединяются в особый кластер деспотических государств. Деспотизм и тоталитаризм были понятиями-маркерами для западной русистики, а евразийцы в таком понимании выступили как апологеты этих деструктивных идей. На подобных представлениях воспитывались западные русисты, эти идеи невозможно преодолеть одномоментно. Идеологические штампы врезаются в сознание и, возможно, в подсознание, образуя мир интеллектуального манихейства: борьбы светлых (добра) и темных (зла) начал, драматического противостояния Духа и Материи, Востока и Запада, тоталитаризма и демократии, однозначно понятого коллективизма и индивидуализма. Западное мышление склонно к формированию дуальных схем, несмотря на провозглашаемую полицентричность и толерантность. В последнем случае в мышлении формируется разделение на толерантные и нетолерантные, деспотические и демократические враждующие между собой начала. Соответственно, любой вид манихейства как дуалистического мировоззрения невероятно мифологизирован.

К примеру, современные западные исследователи евразийства ищут параллели между идеологией «новых правых» и неоевразийством Л. Гумилева. Так, по мнению М. Ларюэль, книги и статьи которой регулярно переводят в России, Л. Гумилев грешит тем, что для него характерен «примат группы над индивидом; утверждение о том, что истинными действующими лицами истории являются национальные общности; отказ от западной политической системы, основанной на представительной демократии и либерализме» и т. д. [Ларюэль 2006, с. 42]. Гумилев, который более 10 лет жизни провел в лагерях и тюрьмах, в 1930-х, 1940-х или даже 1980-х гг. вряд ли мог открыто проявлять сочувствие западной демократии и либерализму. Вероятно, на Западе в это же время выступать в поддержку СССР и его ценностей было безопаснее, но не настолько, чтобы можно было бы всерьез предъявлять подобные обвинения Гумилеву или, к примеру, А.Ф. Лосеву (узник Белбатлага в 1930–1933 гг.) и о. П. Флоренскому (расстрелян на Соловках в 1938 г., в год, когда Л. Гумилева арестовали в третий раз). Учитывая все сказанное, можно сделать вывод о том, что западные авторы едва ли могут дать нам трезвый, беспристрастный взгляд на евразийство, предложить нам эталонную методiku исследования движения как целостного феномена. К сожалению, они пленены собственными «мифами», которые с успехом навязали некоторым российским коллегам.

Тем не менее необходимо отметить, что за последние 10–15 лет на Западе возникло новое исследовательское направление, не связанное с традициями западной русистики. Во многом это направление сформировалось под влиянием идей А. Дугина. Исследователи и переводчики евразийских текстов на английский язык Джейф Арнольд (Arnold) и Джон Стачельски (Stachelski) предлагают новые подходы к евразийству как к альтернативной геополитической, литературоведческой, историософской доктрине. В совместной статье «Preface: Translating Eurasianism»

Стачельски и Арнольд выступают с критикой предвзятых западных подходов, которые они считают слишком политизированными:

На фоне перманентных политических кризисов в США и Европейском союзе все, что ассоциируется с Россией и русскими, вновь и даже еще в большей степени, чем со времени разгара холодной войны, подвергается демонстративному уничтожению, рассматривается как некая карикатура, вызывает подозрение, так что по-прежнему сложно встретить должное, беспристрастное отношение к евразийским идеям и перспективам⁷ [Arnold, Stachelski 2020, p. 11–12].

В качестве исключений авторы указывают на англоязычных исследователей евразийства, проживающих в США, но имеющих русское происхождение, — Сергея Глебова [Glebov 2017] и Николая Смирнова [Smirnov 2019]. Стачельски и Арнольд заявляют о том, что западные исследования, если их авторы не владеют русским языком, вряд ли можно рассматривать как серьезные научные работы, поскольку

за исключением тома избранных работ Трубецкого, изданного Мичиганским университетом в 1991 г., который стал библиографической редкостью, англоязычного издания книги Александра Дугина «Евразийская миссия: введение в неоевразийство» и отдельных работ евразийцев в сети Интернет на ресурсе «Eurasianist Internet Archive», корпус евразийских работ на английском языке не был сколько-нибудь доступен вплоть до настоящего времени⁸ [Ibid., p. 15].

Стоит признать, что наиболее интересные работы, посвященные евразийству, основаны на оригинальных авторских политико-философских концепциях. Среди авторов этого направления необходимо назвать В.Л. Цымбурского и А.Г. Дугина. Цымбурский критикует евразийские идеи и подходы, но его критика не имеет ничего общего с мифологизированной и публицистической версией исследовательского направления «евразийского соблазна». Именно поэтому данная критика интересна, продуктивна, имеет научно-теоретические перспективы, т. е. поднимает важные вопросы евразийствоведения. В критической статье, направленной против евразийских методов исследований в области историософии «Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства», Цымбурский упрекает евразийцев в том, что центральные понятия «Евразия» и «евразийство» совершенно неконкретны, более того, у самих евразийцев есть как минимум два понимания «Евразии». Во-первых, как части света и, во-вторых, Евразией они называют Россию («большую» Россию — в границах империи до 1914 г.). Евразийцы, согласно Цымбурскому, сознательно не хотят уточнить свой центральный

⁷ В оригинале: «Amidst the prevailing political crises in the United States and much of the European Union, where anything Russian or from Russia has, once again and to an extent unparalleled since the height of the Cold War, come to be subjected to the most glaringly decorative caricaturization, mistreatment, and suspicion, it remains difficult to imagine any empathetic receptivity to Eurasianist perspectives» (здесь и далее перевод с английского языка автора настоящей статьи).

⁸ В оригинале: «With the exception of the University of Michigan's now rare 1991 volume of selected texts by Trubetzkoy, Alexander Dugin's English-language book *Eurasian Mission: An Introduction to Neo-Eurasianism*, and the individual translations published online by Eurasianist Internet Archive, the Eurasianist corpus has not been made widely accessible in English, until now».

термин — то ли по недомыслию, то ли по злему умыслу. В результате рождается целый веер противоречивых определений:

То нам преподнесут домысел о жаждущем воправославиться «наследии Чингисхана». То нарекут Малую Азию апостольских дней и возникшую из нее Византию первой православной «Евразией», чтобы тут же свести это определение на «варварскую» пестроту «азиатско-византийской» культурной стилистики. То обыграют тему России как европейско-азиатского «промежуточного члена» при помощи квазибиблейской фразеологии воссоздания «рассыпной храмины» континента [Цымбурский 1989, с. 26].

Цымбурского возмущает, что евразийцы определяют Россию-Евразию то как «ни Азия, ни Европа», то как «и Европа, и Азия», одним словом:

Сопряжение двух смыслов под одной словесной оболочкой было, по-видимому, врожденным пороком раннеевразийской мысли, мешавшим Савицкому и Трубецкому распознать различие двух путей, по которым оба они пытались двигаться **одновременно** [Там же].

Этим замечанием Цымбурский обращает внимание на важнейшую черту евразийства: полисемантичность, многовекторность и даже антиномичность. Дело в том, что евразийцы вводят полисемантические дефиниции намеренно. Савицкий, к примеру, воспринимает Россию именно как «географически-поэтическую реальность» и вовсе не желает эту многозначную реальность сводить к однозначной формуле: «и Европа, и Азия» или «ни Европа, ни Азия», но нечто третье. Судя по текстам самого Савицкого, он буквально наслаждается многозначностью, многоликостью, полисемантичностью (по Цымбурскому — омонимичностью) терминов «Евразия» и «евразийство», отсюда — различные определения, которые он дает центральным терминам, — то географического характера, то культурологического, когда он утверждает, что в слове «евразийский» присутствует «азиатский», а не «азиатский», поскольку Малая Азия есть прародина первой евразийской культуры — византийской [Савицкий 2010, с. 188]. Савицкий сам подчеркивает полисемантичность определений «Евразия» и «евразийство», справедливо усматривая в этом важнейший ресурс евразийских идей, — к евразийству присоединилось большое число сторонников и участников имевших порой разные до противоположности взгляды. Цымбурский выдвигает две альтернативные геополитические евразийские теории — «Остров Россия» [Цымбурский 2007] и «Земля за Великим Лимитрофом» [Цымбурский 2016], успешно конкурируя с евразийцами за право занимать идейное пространство в области геополитики. Но сила евразийства была именно в многоуровневых идейных конструкциях, в полисемантичности, междисциплинарном подходе, поэтому в современном мире оно и пользуется особым вниманием.

А.Г. Дугин является автором идейно-политического и геополитического неоевразийского проекта. Его работы, посвященные классическому евразийству, написаны в комплементарном ключе и исполнены пафоса. Дугин ставит вопрос о понимании евразийства как целостного историко-культурного феномена, ос-

новываясь на общих для отцов-основателей геополитических и историософских идеях. Согласно Дугину:

Исторически евразийство сложилось в 20-е годы в качестве попытки осмыслить логику политико-социального, культурного и геополитического развития России как единого и по сути непрерывного процесса от Киевской Руси до СССР. Евразийцы разгадали за диалектикой национальной судьбы русского народа и Русского государства единую историческую миссию <...>. Светский национализм Романовых был формальным и имитировал европейские режимы. Советский патриотизм игнорировал национальную стихию, обрывал связь традиций, отметал веру Отцов. Был необходим синтез, новый подход. Такой подход и получил развитие в евразийской философии [Дугин 2002а, с. 7–8].

По мнению философа, «евразийская философия выражает основные константы русской истории <...> основным принципом евразийской философии является “цветущая сложность”» [Там же, с. 16], у России есть собственный путь, который не совпадает с основным направлением западной цивилизации. Основной акцент Дугин делает на противопоставлении евразийцами Европы и России, хотя это утверждение небесспорно. Классическое евразийство содержало как минимум три концепции взаимоотношений России и Европы (как олицетворения западной цивилизации вообще): Россия как новая Европа (П.П. Сувчинский), непримиримое противостояние с Европой (Н.С. Трубецкой), Россия как успешный конкурент Европы и США (П.Н. Савицкий).

Ведущий российский исследователь евразийства Р.Р. Вахитов пишет:

На сегодняшний день можно констатировать, что исследования евразийства 1920–30-х гг. как цельной концепции (а не как политического движения или фактов биографий его участников или их отдельных произведений, а также эпистолярного наследия) зашли в тупик. <...> Интересы исследователей чем дальше, тем больше смещаются в сторону публикаций архивных материалов и их комментирования, выяснений взаимоотношений участников евразийской группы <...>. *Из поля зрения исследователей выпало евразийство как таковое <...>. Можно констатировать, что мы столкнулись с парадоксом. Уже сложившаяся поддисциплина истории русской философии — «евразийствоведение» — лишается своего предмета <...>. Этот парадокс по аналогии с парадоксом исчезновения времени, описанным блаженным Августином, можно назвать «парадоксом исчезновения евразийства»* [Вахитов 2020, с. 139].

Указанный парадокс действительно выявляет определенный дисбаланс между корпусом опубликованных евразийских источников и сравнительно небольшим объемом монографий и аналитических статей, посвященных евразийству. Речь идет главным образом о концептуальных работах, а не об описательных, пересказывающих основные идеи евразийцев, с интерпретацией отдельных положений с точки зрения авторских предпочтений. Среди наиболее качественных трудов такого рода можно выделить монографии А.В. Антощенко [Антощенко 2003] и В.Ю. Быстрыкова [Быстрыков 2007], проделавших значительную работу по си-

стематизации евразийских идей, исследованию биографий основоположников и составлению евразийской библиографии. Тем не менее в настоящий момент стоит задача понимания евразийства как целостного историко-философского феномена, на что указывает Р.Р. Вахитов. Важнейшими проблемами евразийствоведения являются анализ евразийства как особого политического, идейного течения и понимание его с точки зрения современных геополитических, антиколониальных, структуралистских концепций. Немаловажной задачей можно считать также проблему изучения и анализа евразийской идейной платформы цивилизационного развития России, ее альтернатив и возможности встроиться в современную действительность, избегая искажения исходных смыслов. Существенной исследовательской темой является понимание евразийства как особой социальной группы русского зарубежья. Последняя задача выводит нас к теме «евразийство и русская эмиграция», работа над которой позволит увидеть евразийство в историческом контексте, как неотъемлемую часть русского зарубежья.

В монографии И. Вишневецкого [Вишневецкий 2005] евразийство исследуется именно в историческом и социальном контексте. Автор показывает, что во многом евразийство — «пограничный синдром», порожденный не столько революцией, сколько предшествующим бурным цветением русской культуры:

Идея евразийства могла зародиться и зацвести только у жителей периферийных по отношению к равнинному «российскому центру» и переходных областей (Украина, вышедший к морю Петербург, где сформировался как минимум один идеолог евразийства — Л.П. Карсавин) либо у тех, кто всерьез столкнулся с периферией, как москвич кн. Н.С. Трубецкой [Там же, с. 27].

На Украине родились и выросли П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и А.А. Ливен (в имени Змеево под Харьковом), в Одессе, городе пограничном, многоязычном и многонациональном, — Г.В. Флоровский. Н.С. Трубецкой немало времени провел на Кавказе, занимаясь языками и фольклором кавказских народов. Именно эти пять мыслителей составили первоначальное ядро евразийства. Важно добавить: все основоположники (кроме Флоровского) имели высокое аристократическое или дворянское (как Савицкий) происхождение. Светлейший князь Ливен, князь Трубецкой (одна из самых известных аристократических фамилий России), граф Сувчинский выросли или в роскоши, или вращаясь с детства, как Трубецкой, в определенных кругах — в самом центре политической жизни страны, среди именитых родственников, имеющих отношение к управлению империей. Флоровский чувствовал себя неуютно среди аристократов, о чем есть свидетельства в его письмах, и это было одной из причин (на что не указывают исследователи), побудивших его покинуть евразийство. Таким образом, евразийство предстает как отдельная социальная группа, противопоставившая себя русскому зарубежью. Они подчеркивают свою идейно-психологическую инаковость (см. статью Н.С. Трубецкого «Мы и другие», 1925), делают акцент на поколенческом факторе, называя, к примеру, мыслителей русского зарубежья предшествующего поколения (рожденных в 1860–70-х гг., отчасти — в начале 1880-х гг.) «старыми грим-

зами», мыслят себя как движение «новое», «пророческое»⁹, группу, создающую идеи для будущего, а не только для настоящего. Вишневецкий подчеркивает, что евразийство было с самого начала движением революционным, противостоящим модернизму Запада, претендующим на «новое» творчество:

Евразийство мыслилось ими как проект не менее революционный и амбициозный, чем сама вызвавшая его к жизни русская революция. Целью движения полагалась «революция в сознании, в мировоззрении интеллигенции» (из письма кн. Н.С. Трубецкого к Р.О. Якобсону от 7 марта 1921 г.), «умопремена-метанойя» (Л.П. Карсавин, вторая половина 1920-х гг.) <...>. Эволюционный иерархизм Трубецкой предлагал заменить революционно-анархической горизонталью [Там же, с. 38].

Р.Р. Вахитов, чья исследовательская позиция во многом опирается на структуралистское евразийствоведение Патрика Серию [Серио 2001], полагает, что необходимо найти «структурно-функциональное понимание сущности» евразийства [Вахитов 2013, с. 120], при этом

сущность есть некая идеальная структура, то есть мыслительная схема, лежащая в основе феномена культуры и являющаяся некоей формообразующей его моделью. Важным атрибутом такой структуры является ее бессознательный характер <...>. Другой не менее важный атрибут этой системы — это наличие в ней системы оппозиций, каждая из которых есть пара признаков, имеющих и сходство и различие и обретающих существенное различие только когда они начинают противопоставляться [Там же, с. 120].

Применяя структурный анализ, Р.Р. Вахитов стремится выявить бессознательную структуру, лежащую в основании исходной идеологии, т. е. то, что, по его мнению, есть

истинная сущность евразийства и его внутренняя органическая, объективная цель или культурная функция, отличная от тех субъективных целей, которые декларировали евразийцы, когда создавали свою теорию [Там же].

В другой своей работе Вахитов делает предположение, что эта искомая структурная оппозиция есть противопоставление органического и механического типов единства, при этом органическое единство (положительное единство и целостность) во многом характерно для России-Евразии, а искусственное единство (отрицательное) преимущественно — для Запада. Поиск органического единства

⁹ Фактор «пророчества» особенно важен для П.Н. Савицкого (см., например, его многочисленные замечания о «пророчествах», т. е. о геостратегических прогнозах, в работах «Миграция культуры» 1921 г., «Континент-океан» 1921, «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ» 1937 г. и др.). В 1950-х гг. Савицкий создает теорию «фактов-пророчеств», опираясь на которые возможно предвидеть ход исторических событий, хотя общий исторический контекст, переживаемые события могут свидетельствовать об ином развитии ситуации. Но именно отдельные «факты-пророчества», которые «выбиваются» из общего исторического контекста, проявляют скрытые механизмы развития общества, истории отдельной страны или целой группы государств одного геополитического ареала («месторазвития»). Савицкого можно считать основоположником геостратегического анализа.

составляет сущностную характеристику евразийства, оно объединяет разных, порой до противоположности, участников движения:

евразийство — не просто учение о двух типах единства, но и об их диалектических взаимопревращениях и связях — как в истории России-Евразии, которая возвращается к себе через европеизацию, становится православной через победу атеизма и великой империей чрез разрушение старой империи, и в истории всего человечества [Вахитов 2020, с. 146].

Вахитов предполагает, что это даст исследователям возможность

продуктивно дальше изучать евразийство, не распыляя его на «множество евразийств» и не попадая в ловушки позитивистской методологии [Там же].

Несомненно, этот метод продуктивен, он уводит нас от мифологических концепций «евразийских соблазнов», пророческих предречений Флоровского, искушений политической активностью и мечтами, которым, как утверждают некоторые исследователи «мифологического направления», поддалось евразийство. Тем не менее структурный анализ евразийства наряду с диалектическим методом в итоге даст нам немного. Этот метод приводит нас к простым, односложным формулам, в которые, как в прокрустово ложе, такое сложное явление, как евразийство, укладывается с огромным трудом.

Согласно Р.Р. Вахитову «изначально евразийство — это познавательная, гносеологическая практика» [Там же, с. 141], т. е.

евразийство 1920–1923 гг. было набором научных работ, в крайнем случае, философских и публицистически-философских статей, цель которых была — понять, что же произошло с Россией, каковы отношения России и Европы, какова судьба культуры после катастроф мировой войны, революции и Гражданской войны [Там же].

Стоит заметить, что гносеологической практикой евразийство стало только в начале 1930-х гг. Об этом свидетельствуют многочисленные тексты и евразийские сборники, опубликованные после Кламарского раскола. Трубецкой даже упрекнул Савицкого за обилие поставленных гносеологических задач:

Ваша статья «Научные задачи евразийства» очень интересна по существу. Но с внешней стороны в ней как будто происходит смешение двух тем. Непонятно, о чем идет речь, — о научной программе евразийства на ближайшие 10 лет или о пожеланиях, адресованных к русской науке (письмо Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому от 8–10 декабря 1930 г. [Соболев 2008, с. 341]).

Одновременно даже в 1930-х гг. евразийство не отказывалось и от пафоса действий, настроая на революционное преобразование действительности:

Евразийцы объясняют окружающую их действительность и в то же время ставят своей задачей сделать ее иной [Савицкий 2010. с. 479].

Таким образом, необходимо признать, что мы имеем дело с чрезвычайно сложным феноменом, в сущности, глубоко антиномичным, как это подчеркивал и сам Савицкий:

Евразийцы не боятся противоречий. Они знают, что из них соткана жизнь. Евразийцы живут в противопоставлениях. В своей системе они совмещают традицию и революцию [Там же].

Поэтому однолинейный подход к евразийству даже такого тонкого аналитика, как В. Цымбурский, оказывается малопродуктивным. Если исследователями не что уверенно и однозначно утверждается о евразийстве, то в большинстве случаев в самих евразийских текстах можно найти этому опровержение или альтернативное утверждение. Это является основной методологической сложностью при изучении евразийского движения и одновременно открывает широкие горизонты для исследователя, имеющего дело с таким богатством идей, фактов, неожиданных поворотов сюжета истории развития евразийства. Таким образом, к настоящему моменту накоплен огромный материал, основываясь на котором можно осуществить большой исследовательский проект. Это понимают и современные исследователи, которые объединяют усилия, выпуская коллективные монографии, проводя многочисленные конференции, переиздавая евразийские тексты как комплексные, академические издания¹⁰. Скорее всего, интерес к евразийству будет возрастать, а исследовательская база евразийствоведения в ближайшее время обогатится новыми работами, которые будут свободны от критических подходов в духе теории «евразийского соблазна», распыления евразийства на множество отдельных евразийских авторских мнений и подходов или рассмотрения евразийства вне исторического или социологического контекста.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

Аверинцев 2003 — *Аверинцев С.С.* Несколько мыслей о «евразийстве» Н.С. Трубецкого // Новый мир. 2003. № 2.

Антощенко 2003 — *Антощенко А.В.* «Евразия» или «святая Русь»? Петрозаводск, 2003.

Байсвенгер 2008 — *Байсвенгер М.* Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ. Прага, 2008.

Босс 1992 — *Босс О.* Учение евразийцев. Евразийцы и смысл русской революции // Начала. 1992. № 4.

Быстряков 2007 — *Быстряков Ю.Б.* В поисках Евразии: общественно-политическая и научная деятельность П.Н. Савицкого в годы эмиграции (1920–1938 гг.). Самара: Самарское кн. изд-во, 2007.

¹⁰ См., например, два издательских проекта, которые предполагают публикацию евразийских текстов по принципу «полного собрания сочинений»: первый — проект движения «Молодая Евразия» — полное собрание сочинений Н.С. Трубецкого (*Трубецкой Н.С. Собрание сочинений. Т. I: Евразийские статьи* (М.: Перо, 2021), второй — проект «Новая Евразия» — переиздание всех евразийских программных текстов (в настоящее время вышел первый том (академическое издание): «Евразийство» (СПб.: Лимбус, 2021), в котором под одной обложкой объединены первые три евразийских сборника).

- Дугин 2002а — *Дугин А.Г.* Основы евразийства. М.: Арктогея центр, 2002.
- Дугин 2002б — *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Мыслить пространством. М.: Арктогея центр, 2002.
- Вандалковская 1997 — *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн» / Рос. академия наук, Ин-т философии. М., 1997.
- Вахитов 2011–2012 — *Вахитов Р.Р.* Онтологический структурализм евразийцев // Записки Русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью-Йорк, 2011–2012. С. 281–317.
- Вахитов 2013 — *Вахитов Р.Р.* Исследования евразийства и методология гуманитарных наук // София: Альманах. Вып. III: Евразийство и А.И. Лосев: миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Уфимское религиозно-философское общество им. А.Ф. Лосева, 2013. С. 93–122.
- Вахитов 2019 — *Вахитов Р.Р.* Евразийство: мифы революционной эпохи // Проблемы цивилизационного развития. М., 2019. Т. 1. № 1. С. 69–90.
- Вахитов 2020 — *Вахитов Р.Р.* Диалектическое определение евразийства // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 136–149.
- Волгогонова 1998 — *Волгогонова О.Д.* Образ России в философии Русского Зарубежья. М., 1998.
- Вишневецкий 2005 — *Вишневецкий И.* Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. М.: РОССПЭН, 2005.
- Гачева 2011 — *Гачева А.Г.* Константин Чхеидзе. Путник с Востока. М.: Русский путь, 2011.
- Глебов 2010 — *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. М.: Новое издательство, 2010.
- Гиренок 1992 — *Гиренок Ф.И.* Евразийские тропы // Alma mater. Вестник высшей школы. М., 1992. № 7–9. С. 54–63.
- Ермишин 2019 — *Ермишин О.Т.* Философия русского зарубежья XX века. М.; СПб.: Летний сад, 2019.
- Ермишина 2021 — *Ермишина К.Б.* Рецензия на книгу Терезы Оболевич «Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы» // Соловьевские исследования. М., 2021. Вып. 1. С. 47–61.
- Ермишина 2022 — *Ермишина К.Б.* Идеиные споры русского зарубежья: евразийцы и западники // Тетради по консерватизму. М., 2022. № 2. С. 213–228.
- Ларюэль 2004 — *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Ната-лис, 2004.
- Ларюэль 2006 — *Ларюэль М.* Теория этноса Льва Гумилева и доктрина западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 36–43.
- Лосев 1930 — *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Изд. автора, 1930.
- Люкс 1993 — *Люкс Л.* Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–114.
- Люкс 2003 — *Люкс Л.* Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 23–34.
- Люкс 2013 — *Люкс Л.* Евразийство и консервативная революция: соблазн антизападничества в России и Германии // Политическая концептология. 2016. № 1. С. 144–157.
- Мартинкус 2013 — *Мартинкус А.* Соблазн могущества (трансформация «Русской идеи» в философии «классического» евразийства (1920–1929). М.: Директ-Медиа, 2013.
- Назмутдинов 2017 — *Назмутдинов Б.В.* Законы из-за границы. Политико-правовые аспекты классического евразийства. М.: Норма, ИНФРА-М, 2017.
- Оболевич 2020 — *Оболевич Т.* Лев Карсавин и евразийцы. Исследования по истории русской мысли. Т. 24. М., 2020.
- Очерк русской философии истории 1996 — Очерк русской философии истории: антология / ред.-сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Ин-т философии РАН, 1996.
- Панченко 2003 — *Панченко В.Я.* Социальная философия евразийства. М.: Альфа-М, 2003.
- Погодин 2022 — *Погодин С.Н.* Кто и за что критиковал евразийцев? // Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век. СПб., 2022.

- Половинкин 1995 — *Половинкин С.М.* Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
- Половинкин 2020 — *Половинкин С.М.* Русский персонализм. М.: Синаксис, 2020.
- Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким 2011–2012 — Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921–1924) // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2011–2012. Т. 37. С. 32–145.
- Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн 1993 — Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1993.
- Савин 2022 — *Савин Л.В.* Сущность евразийства: современные оценки // Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век: Коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2022. С. 182–195.
- Савин 2020 — *Савин Л.В.* Ordo pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства. М.: Кислород, 2020.
- Савицкий 1997 — *Савицкий П.Н.* Евразийство // Русский узел евразийства. М.: Беловодье, 1997. С. 76–94.
- Савицкий 2010 — *Савицкий П.Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010.
- Савицкий 2011–2012 — *Савицкий П.Н.* К обоснованию евразийства // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2011–2012. Т. 37. С. 318–328.
- Савицкий 2018 — *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Викмо-М, 2018.
- Серю 2001 — *Серю П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе 1920–30 гг. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Соболев 2008 — *Соболев А.В.* О русской философии. СПб.: Миръ, 2008.
- Советская цивилизация 2022 — Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век: Коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2022.
- Степанов 2009 — *Степанов Б.* Интеллектуалы и евразийство в эпоху его массовой воспроизводимости // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. М., 2009. № 1.
- Степанов 2002 — *Степанов Б.Е.* Спор евразийцев о церкви, личности и государстве (1925–1927) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 гг. М., 2002. С. 74–174.
- Трубецкой 1995 — *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
- Трубецкой 2008 — *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М.: Русский путь, 2008.
- Флоровский 1998 — *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.
- Хаген 2004 — *Хаген М., фон.* Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 127–170. (Библиотека Ab Imperio).
- Франк 1956 — *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.
- Цымбурский 1989 — *Цымбурский В.* Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1989. № 1–2 (4–5). С. 6–30.
- Цымбурский 2007 — *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: геополитические и хронологические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.
- Цымбурский 2016 — *Цымбурский В.* Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. М.: Книжный мир, 2016.

Хоружий 1991 — *Хоружий С.С.* Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. 1991. № 3. С. 22–29.

Хоружий 1992 — *Хоружий С.С.* Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78–87.

Arnold, Stachelski 2020 — *Arnold J., Stachelski J.* Preface: translating Eurasianism // Foundations of Eurasianism. Prav publishing, 2020.

Glebov 2017 — *Glebov S.* From Empire to Eurasia: Politics, Scholarship, and Ideology in Russian Eurasianism, 1920s–1930s. De Kalb, IL: NIU press, 2017.

Smirnov 2019 — *Smirnov N.* Left-Wing Eurasianism and Postcolonial Theory // E-Flux Journal 97 (2019).

Wittfogel 1957 — *Wittfogel K.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

Н.В. Ликвинцева

ПАСХА В ЭМИГРАНТСКОМ ПАРИЖЕ 1920-х гг.:
ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ДНЕВНИКОВ
П.Е. КОВАЛЕВСКОГО

Церковные службы Страстной седмицы и Пасхи всегда привлекают в храм множество людей: даже не очень укорененные в церковной жизни, но искренне верующие или ищущие веры люди стараются побывать в эти дни в церкви, приобщиться к тайне перехода от отчаяния распятия к полноте радости Воскресения. В эмигрантском Париже 1920-х гг. православная церковь была не только духовным, но и социальным центром, местом встречи и общения многих представителей русской диаспоры, плацдармом для развертывания благотворительной деятельности и взаимопомощи. В пасхальную ночь собор Св. Александра Невского на улице Дарю обычно бывал переполнен. Попробуем проследить, как отразились празднование Пасхи, службы Страстной недели и пасхальной ночи в соборе и традиции празднования в дневниках Петра Евграфовича Ковалевского (1901–1978), историка и церковно-общественного деятеля, автора книги «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)» [Ковалевский 1971].

В 1920–1922 гг. Петр Ковалевский — студент историко-филологического факультета Сорбонны, в 1923–1925 гг. он пишет докторскую диссертацию на тему «Лесков, недооцененный бытописатель русской жизни», защита которой состоялась 30 января 1926 г. С 1925 г. Петр Евграфович преподает латынь в только что созданном парижском Свято-Сергиевском православном богословском институте; с 1926 г. преподает также русский язык, литературу, историю и географию России в государственном французском лицее Мишле. Помимо преподавания, с 1924 г. Ковалевский работает в Центральном комитете по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей и активно участвует в РСХД. Но центром его жизни всегда остается собор Св. Александра Невского на Дарю: иподьякон с 1921 г., он заведует там штатом прислуживающих (который позднее организует в Братство св. Александра Невского) и отвечает за устройство архиерейских служб. Бывать почти ежедневно на службах для Ковалевского так же естественно, как дышать: все многочисленные работы и учеба уже выстраиваются вокруг этого жизненного центра, обрамляют его — каждый день становится наполнен множеством встреч, разговоров, церковных событий. Дневники Петра Евграфовича в чем-то противоположны дневникам еще одного выдающегося церковного деятеля русского зарубежья, протопресвитера Александра Шмемана (начинавшего прислуживать в церкви как раз под руководством П.Е. Ковалевско-

го и признававшего определяющее влияние последнего на собственную жизнь¹): если Шмеман в дневниках стремится отрешиться от постоянной суеты, побыть наедине с собой и своими мыслями, проникнуть в самую суть праздничного богослужения и законов духовной жизни, то Ковалевский чувствует себя изначально именно историком, историческим свидетелем жизни русского Парижа, и в первую очередь — церковной жизни русской эмиграции. Поэтому он последовательно выносит в своих дневниковых записях за скобки все интимно-личное, стараясь просто фиксировать само течение эмигрантской жизни в ее церковно-общественных проявлениях, в ее ежедневных событиях. Из обширного наследия таких дневников, которые автор вел с ранней юности и до последних лет жизни, в настоящее время издано только два сборника: том ранних дневников 1918–1922 гг., подготовленный Н.П. Копаневой [Ковалевский 2001], и подборка отрывков из дневников 1930–40-х гг. по церковно-исторической тематике, составленная Н.Г. Россом [Ковалевский 2014]; к ним стоит добавить две небольшие публикации отрывков, подготовленных нами для «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» за 2019 и 2020 гг. (см.: [Ковалевский 2019; 2020]). В данной работе мы будем опираться на еще не изданные дневниковые записи 1923–1929 гг., на авторизованную машинопись из архивного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (ф. 69 «Семейный фонд Ковалевских»).

Итак, сухой свидетельский тон дневниковых записей П.Е. Ковалевского позволит нам вычлнить отрывочные, но показательные сведения о количестве причастников и исповедников в предпасхальные и пасхальные дни на службах в соборе на Дарю. 1923 г.: 250 причастников в Лазареву субботу, 400–500 исповедников в Великий четверг и 1100 причастников в Великую субботу, причащавшихся из трех чаш; в пасхальную ночь «весь двор был набит битком и на улице стояла толпа у каждых ворот» (Архив ДРЗ, ф. 69, оп. 1, д. 9, л. 39²). 1924 г.: около 300 причастников в Лазареву субботу, «человек 200 и 150 детей» причащались в Великий понедельник (д. 11, л. 57); в Великий четверг на литургии «исповедующихся масса», а на вечерней службе 12 Евангелий «набито было и вверху, и внизу», в верхнем и нижнем храмах, да еще двор «полон опоздавшими, работавшими до 6 часов» (д. 11, л. 58, 59); в Великую субботу «причащались до 3 часов», «выходили 3 раза с чашей» (д. 11, л. 60); в пасхальную ночь «сад был набит битком», «на улице было полно, в середине, по *Pierre le Grand*³ стояли экипажи и отряды полиции, а по улице *Daug* с обеих сторон — густая толпа русских. Всюду зажжен-

¹ Узнав о смерти П.Е. Ковалевского в 1978 г., о. Александр Шмеман записывает в своем дневнике: «Смерть, в Париже, Пети Ковалевского. Сколько с ним связано в моей церковной жизни. В сущности, большинство людей не знает, наверно, как часто, неведомо для себя, они оказываются решительным толчком в жизни других людей. В моей жизни это, в хронологическом порядке — генерал Римский-Корсаков, о. Зосима, Петя Ковалевский, о. Савва, о. Киприан, о. Флоровский. <...> И вот каждый оказался проводником, явлением, даром чего-то бесконечно для меня важного, того, чем я на глубине души живу (когда живу)» [Шмеман 2005, с. 431–432].

² Далее при ссылках на дневниковые записи П.Е. Ковалевского 1920-х гг. в скобках будут указываться только номера дела и листа.

³ Петра Великого (*фр.*), название парижской улицы рядом с улицей Дарю, на которой расположен собор Св. Александра Невского.

ные свечи и усердно молящиеся лица» (д. 11, л. 61). В тот год открылась еще одна небольшая церковь в Кламаре, там «на Пасху было человек 60, а на Страстях — до 100» (д. 11, л. 66). 1925 г., начались службы в еще ремонтируемом, всем миром купленном Свято-Сергиевском подворье. В Лазареву субботу в соборе на Дарю 300 причастников; в Вербное воскресенье митрополит Евлогий служил на Подворье, там было «около 100 причастников», а на Дарю — около 600 (д. 13, л. 34); в Великий четверг — 450 причастников; в Великую субботу — 500 исповедников: «Причащались в течение 2 часов, а потом до 3½ все еще подходили люди, и вновь и вновь выносили чашу. Я от усталости едва держал плат» (д. 13, л. 37). В пасхальную ночь служили недолгую заутреню и в Медоне, где «собралось до 200 человек», 250 человек было на службе в Кламаре; «У галлиполийцев и казаков тоже была масса пришедших на заутреню, кроме своих» (Там же). «На rue Daug с двух сторон — человеческие реки. Pierre le Grand тоже черен от людей, и все со свечами. <...> На литургию осталось мало народа, все больше рабочие и обычно не попадающие в церковь: до 150 причастников» (д. 13, л. 38). 1926 г.: в Лазареву субботу «до 400 причастников» (д. 15, л. 50), в Вербное воскресенье — 450, в Великий четверг — до 500, в Великую субботу — до 1000 человек. В пасхальную ночь в Медоне на заутреню собралось до 300 человек, кроме того, были службы в Шавиле и Бийанкуре, а на Дарю — «7000-ная толпа», сад битком набит, двор полон; «причастников так много, что пришлось сделать общую исповедь для 70 человек» (д. 15, л. 55, 56). 1927 г.: в Лазареву субботу 500 причастников, в Вербное воскресенье на елеосвящении подходили под помазание «до 1000» человек (д. 17, л. 36); в Великий четверг около 600 причастников, причащавшихся из трех чаш; в пасхальную ночь «на взгляд — тысяч 12» (д. 17, л. 40). 1928 г.: в Лазареву субботу «причащалось более 200 человек» (д. 19, л. 36); на вечерне под Вербное воскресенье «прошло у иконы до 2000 человек» (Там же), на литургии Вербного воскресенья причастников в верхней церкви «до 350 человек, а с нижней церковью — до 500» (д. 19, л. 37), 800 просфор; в Великий четверг более 500 причастников; в пасхальную ночь «бесконечно много причастников. Вышли из церкви только после 4» (д. 19, л. 42). 1929 г.: на всенощной под Вербное воскресенье «толкучка была очень велика, но порядок поддерживали своими средствами хорошо. До 9 часов подходили все новые и новые люди» (д. 21, л. 50); в Великий четверг «бесконечно причастников» (д. 21, л. 52); в Великую субботу «масса причастников: человек 600–700. Вообще в этом году количество исповедников и причастников сильно увеличилось, и весь пост их было очень много» (д. 21, л. 54).

Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях о первых годах в Париже в начале 1920-х тоже отмечает этот наплыв людей, не помещающихся в соборе на Дарю, который прежде, до эмигрантского исхода из России, был главным образом посольской церковью: «Наплыв богомольцев был так велик, что храм не вмещал всех собравшихся, была давка; на церковном дворе, даже на улице перед церковью — всюду толпился народ» [Евлогий, митр. 1994, с. 375]. В дневниках 1923 г. у Ковалевского красной нитью проходит эта тема: тесноты и скученности в храме и настоятельной необходимости создания еще одного православного прихода в Париже. Вот характерная запись от 21 октября / 3 ноября 1923 г.:

«Были у всенощной, впечатление тяжелое, очень много людей, несмотря на средний праздник; все новые люди, с вида обнищальные, потрепанные, и теряешься в этой человеческой волне» (д. 10, л. 59). Постепенно создание новых приходо-в (в частности, открытие Свято-Сергиевского подворья в 1924 г.) несколько улучшило ситуацию в будние дни, но по большим праздникам, а особенно на Страстной и на Пасху, собор, конечно (как мы видим из приведенных выше цифр причастников), по-прежнему оставался переполнен⁴.

Одной из главных забот П.Е. Ковалевского, как заведующего штатом при-служивающихся, в эти предпраздничные и праздничные дни было обеспечение порядка в соборе: толпу нужно было как-то рассредоточить, предпринять уси-лия, чтобы люди не давили друг друга, не мешали ходу службы и сами могли спо-койно молиться. Вот особо яркий пример нарушения порядка на службе выноса плащаницы в Страстную пятницу 1928 г.: «Как только кончилась проповедь, на-чалась настоящая, невообразимая давка. Люди почему-то остервенели и показа-ли свою неимоверную недисциплинированность: бросались, дрались, ругались. Старый генерал тузил кулаками мальчиков. Был даже вызван кто-то на дуэль. До половины шестого не прекращалась драка. Что подумают об этом многочислен-ные французы?» (д. 19, л. 40). Итогом таких прорывов толпы становились порой разбитые окна и вышибленные двери. Поэтому к пасхальной ночи в соборе на-чинают готовиться заранее, стараясь максимально грамотно распределить все пространство — и внутри, и снаружи (верхний и нижний храмы, двор, сад); во дворе и на улице (где тоже скапливается множество зрителей) служащих собора страшует французская полиция, которая не мешает ходу службы, но появляется в случае какого-либо инцидента⁵. П.Е. Ковалевский привлекает к дежурству в соборе и обеспечению порядка в большие праздники юношеские религиозные организации (витязей, соколов, разведчиков), которые помогают сдерживать толпу⁶. Тщательно обустраивается прихрамовое пространство: во дворе ставится церковная палатка, в которой также проводится часть служб и происходит освя-щение пасхальных яств накануне⁷; заутреня, таким образом, служитя одновре-

⁴ Эту особенность эмигрантской церковной жизни отмечает и Николай Росс в своем «Предисловии» к дневникам П.Е. Ковалевского 1937–1948 гг. Он пишет: «В Великий пост и на Страстной неделе испове-дующиеся и причастники насчитывались многими сотням, а в пасхальную ночь, ежегодно с 1920-х по 1950-е, народом заполнялся не только церковный двор, но и соседние с храмом улицы. Многотысячная толпа с зажженными свечами громогласно отвечала на пасхальное приветствие архиерея с паперти храма» [Ковалевский 2014, с. 26]. В указанном издании последовательно приведены все «пасхальные» дневниковые записи П.Е. Ковалевского с 1937 по 1948 г.

⁵ Вот, например, запись о пасхальной ночи 1923 г.: «Полиция не показывалась, кроме одного agent de ville (полицейского (*фр.*) — *Н.Л.*), но когда понадобилось удалить хулигана, так откуда ни возьмись явилось пятеро и увели его, по требованию Ник. Вл. Шидловского, в участок, за ругань и беспорядок» (д. 9, л. 39).

⁶ См. запись в «Curriculum Vitae» П.Е. Ковалевского: «Кроме того, в большие праздники по инициа-тиве П.Е. Ковалевского к помощи по кафедральному храму привлекались организации русской молодежи (Витязи НОВ, Скауты, Сокола и Разведчики)» (д. 80, л. 8).

⁷ Вот, например, запись о пасхальной ночи 1924 г.: «В палатке все прекрасно устроено, висит люстра и стоят подсвечники. <...> Крестный ход сейчас же разделился, и часть с маленькими хоругвями пошла в палатку, где все было очень хорошо устроено, зажжены три люстры и поставлен стол. Вокруг палатки со-бралась густая толпа и стояли члены царского дома» (д. 11, л. 60–61).

менно в трех местах: и в верхней, и в нижней, и в палаточной церквях. В 1927 г. на улице даже поставили «столики с закусками (постными) для ожидающих», а в саду — «палатку-амбулаторию, на случай дурноты или несчастий» (д. 17, л. 39). Отдельно устраиваются также на Страстной или в Вербное воскресенье детские говения, когда все основное храмовое пространство отдано детям⁸.

Уделено в дневниках внимание и праздничному убранству храма: описаны многочисленные букеты цветов, которые люди приносят в Страстную пятницу для украшения плащаницы; щедро декорирована церковь цветами и для пасхальной службы, даже «дикирий и трикирий⁹ обвиты и украшены лилиями» (д. 9, л. 39). Подробно описано также праздничное освещение в алтаре, у царских врат, как, например, в 1927 г.: «На церкви из лампочек, украшенных цветами, Х.В.» (д. 17, л. 39–40) — Христос воскрес! Особое место отводится описанию погоды в пасхальную ночь, и это не прихоть: дело в том, что большая часть людей в собор не помещается и остается на улице, поэтому существенно важно, чтобы не было дождя, который помешает людям приобщиться к празднику. О дождливой пасхальной ночи П.Е. Ковалевский пишет в 1928 г.: «Никогда еще не было такой грустной Св. Ночи, как в этом году. Зато все говорят, что она — последняя здесь. — В 8 пошел дождь, и когда мы выезжали, лил такой ливень, что мы едва добрались до поезда... В церкви из-за дождя пустовато, настроение скучное и томительное. Прекратится ли дождь? Люди вялые. Собралось достаточно для трех служб. <...> Крестный ход вышел ровно в 12, но Афонский¹⁰ начал капризничать и задержал нас в церкви у входа. В этот момент начался страшный ливень, шли все под дождем, среди зонтиков, по лужам, и ни одной свечки кругом. При входе — давка, крестный ход не может войти, фонарик набит, едва удалось втиснуться духовенству» (д. 19, л. 41).

Само описание службы пасхальной ночи (встреча митрополита, полунощница, крестный ход вокруг храма, заутреня и литургия, христосование в храме, возгласы «Христос воскрес», зажженные свечи, чтение Евангелия на разных языках) сделано автором дневников обычно не столько как последовательная фиксация разворачивания праздника, сколько как дискурс гиперответственного человека, этот праздник готовившего и претворяющего в жизнь: чувствуется постоянное напряжение, все ли в порядке, нет ли где-нибудь сбоя, не прорвалась ли толпа, помешав ходу службы, согласован ли выход на крестный ход из верхнего и нижнего храмов, хорошо ли поет хор и не перепутали ли что-то в процессе богослужения. Но даже в эту тональность заботы проникает все величие праздника, растущего, как на дрожжах и овладевающего даже тем, кто не просто празднует, но праздник создает и за него отвечает. Вот, например, характерная запись о крестном ходе пасхальной ночи 1927 г.: «В церкви все потушено. Полунощница окончилась без

⁸ См. запись от Вербного воскресенья 1928 г. (26 марта / 8 апреля): «Заезжал в церковь на детское говение. Детей — масса: 400, а то и больше. Был крестный ход и освящение верб» (д. 19, л. 37).

⁹ Дикий и трикий — подсвечники для двух и трех перекрещенных свечей, использующихся в архиерейском богослужении как символы двух природ Иисуса Христа и трех Лиц Пресвятой Троицы.

¹⁰ Афонский Николай Петрович (1892–1971), с 1925 по 1947 г. псаломщик и регент хора Свято-Александро-Невского собора на Дарю; затем переехал в США.

10 минут, долгое ожидание. Наконец — полночь. Идут все в главные двери. Сад, улица, двор, все прилегающее пространство заполнено людьми плечо к плечу. На взгляд — тысяч 12. Вокруг церкви идем по сплошной толпе. <...> Колокол бьет громко и заглушает хор. Настроение не столько веселое, сколько торжественное, величественное» (д. 17, л. 40).

В более легких и праздничных тонах описано разговенье после службы, когда деятельное напряжение уже спадает и труд сменяется праздничным пиром. Вокруг храма по-прежнему полно людей: «Многим некуда было деваться после службы, и поэтому на лестницах было столпотворение: все скамейки и ступеньки были полны ожидающих рассвета и метро» (1924 г. (д. 11, л. 63)). Сам П.Е. Ковалевский обычно разговляется с духовенством и прислуживающими: сначала все торжественно поздравляют митрополита Евлогия («со святой водой и поздравлением к празднику (угощения не положено)» (1924 г. (Там же)), а затем расходятся по разным праздничным трапезам. Петр, по обыкновению, отмечает у о. Иакова (Смирнова), настоятеля собора, где щедро накрыт стол с мясными угощениями, куличом и творожной пасхой. На рассвете все шумно прощаются, провожают друг друга, из-за чего Ковалевские нередко опаздывают всей семьей на первый поезд в Медон (живут они в этом парижском пригороде), приезжают следующим поездом и ложатся, чтобы поспать хотя бы несколько часов перед воскресным продолжением празднования.

Именно в описаниях разговенья и снятия напряжения после службы и появляются иногда в дневниках забавные праздничные происшествия, своеобразные «пасхальные анекдоты» из жизни собора. Вот, например, пасхальная ночь 1924 г.: «На лестнице, по 4 на ступеньке, сидели люди. Когда матушка Ел. Вл. заметила одному из них, что он положил горящую спичку на ковер и что ковер прогорит, он ответил: “так точно, барыня, прогорит, рады стараться!”» (д. 11, л. 63). Или 1925-й г., на этот раз происшествие во время крестного хода, но зафиксированное уже ретроспективно: «При выходе фотограф снял магнием, что послужило слухом для Подворья о взрыве в церкви бомбы, так что спрашивали по телефону, как прошло все дело» (д. 13, л. 38).

Максимального эмоционального подъема автор дневников, с его изначально довольно сдержанной манерой изложения, стремящейся к свидетельской беспристрастности и выносу за скобки собственных переживаний, обычно достигает, когда переводит взгляд с себя на другого, передает чужие эмоции, свидетелем которых он стал. Саму атмосферу праздника в пасхальную ночь, всю красоту и величественность события П.Е. Ковалевскому особенно ярко удастся описать, воспроизводя впечатления и эмоции присутствовавших на службе иностранцев. Вот, например, запись о праздничной ночи 1926 г.: «Вышли ровно в 12, двор был полон, сад — особенно справа — битком набит, так что трудно было двигаться. Капнуло несколько раз, но дождя не было. Дошли благополучно до фонарика. После первых “Христос Воскресе” Владыка вышел и со ступеней громко сказал во все стороны: “Христос Воскресе!” — и 7000-ная толпа, стоявшая перед церковью, как один человек, грянула: “Воистину воскрес!” Впечатление было столь потрясающее, что французы говорили потом: “C’est la première fois que nous voyons tous

les russes unis»¹¹ Полиция все время была очень любезна, а brigadier¹² сказал Тих. Ал.: «Je me mets à votre entière disposition, jamais je n'ai vu une manifestation aussi majestueusement calme»¹³. <...> Все иностранцы в один голос говорят, что только на пасхальной православной заутрене чувствуется первохристианский дух и что небо спускается на землю» (д. 15, л. 55–56, 58). А в записи 1928 г. к общему описанию праздника Ковалевский прибавляет: «Были многочисленные французы, греки, армяне, эфиопы и др. национальности, несколько аббатов, из них один стоял на амвоне и был так восхищен, что простоял 5 часов, не двигаясь» (д. 19, л. 41).

Праздничный стол дома, в семье Ковалевских, готовится заранее, до выхода на ночную службу: яйца обычно красят в субботу днем, в промежутке между службами, заранее делают творожную пасху, куличи и другие угощения. Пасхальным утром семья завтракает, разговляется, пьет кофе, поздравляет друг друга с праздником, вступившим в свои права: «Стол красиво убран, яств множество» (1924 г. (д. 11, л. 64)). Затем начинается эпопея праздничных посещений: в дневниках сохранились подробные описания первого пасхального дня, полностью заполненного визитами, которые, один за другим, наносят знакомым Петр Ковалевский со своими братьями Максимом и Евграфом¹⁴; мама Петра¹⁵, Инна Владимировна, чаще всего сама в это время принимает дома гостей¹⁶. Нередко, помимо и сверх визитов, Ковалевские принимают у себя на Светлой неделе, например в

¹¹ «Мы в первый раз видим, что все русские объединились» (*фр.*).

¹² Сержант (*фр.*). Тих. Ал. — Тихон Александрович Аметистов (1884–1941), с 1922 г. епархиальный секретарь при митрополите Евлогии (Георгиевском).

¹³ «Полностью отдаю себя в ваше распоряжение, никогда я еще не видел столь величественно спокойного собрания» (*фр.*).

¹⁴ Вот подробное описание такого наполненного визитами дня в пасхальное воскресенье 1926 г.: «Встали рано, но все же, пока поднялись, пока привели себя в порядок, уже было 11 часов. Не завтракали, а разговелись и пили кофе, подошли Игнатовичи: Танюша и Сергей, потом — отец Лев Липеровский. В 2 часа выехали. Я был в 3 у Нелидовых. Как всегда, их чудная встреча всем семейством. Все по порядку. Сперва был Митрополит, потом о. Иаков, о. Николай. Я встретился на лестнице с о. Георгием. После меня был Максим и Лотин. Угощения обильны. Вечерня прошла как-то особенно хорошо. Прислуживал [я] и Максим. Потом зашли с ним к протодьякону, который был бесконечно рад, потчевал, чем только мог, по своему холостому хозяйству, и восхотел нас сфотографировать своим чудесным аппаратом, сперва в отдельности, а потом вдвоем. Жалко протодьякона, такой он одинокий. Я заехал к О.В. Палей, застал и княгиню, и Ирину Павловну, поили меня чаем и угощали. Оттуда заезжал к кн. Гавриилу Константиновичу, собрались там все втроем, долго беседовали, смотрели рисунки, заходили к матушке. Были у них только свои и Белосельские-Белозерские. К 7 нас ждала Мар. Ал. Каллаш, закармила нас совершенно, так что едва ушли, чествовала нас всячески, редко видимся втроем вместе. Вчера на литургии меня схватил в церкви Ю.А. Оленин и говорил о каком-то месте на хуторе. Я думал о Юрии и хотел ему сообщить. Зашел к Шидловским, Юрия не было. Ал. Андр. и Соня дремали, но звонок их разбудил. Соня угощала меня своими изделиями, а потом сели в стороне, и в то время, как Ал. Андр. прилегла на диване, Соня стала мне рассказывать о своей жизни в голоде в Москве, о Герм. Герм. Пуше, о бегстве, службе в комиссариате, о приезде в Ревель. Самое страшное — это дни голода, когда все лежали больны, все были истощены, Юрий и Сергей Иллиодорович уже бежали, комната холодная, нет водопровода, в 5-м этаже. Потом хождения по снегу в Петровско-Разумовское, служба и церковная жизнь, взаимное понимание всех с первого намека. — Засиделся там и не знал, который час. Входит Юра, смотрим — уже 12: значит, сидели 3 часа» (д. 15, л. 56–58).

Два младших брата Петра: Максим Евграфович Ковалевский (1903–1988), математик и духовный композитор, и Евграф Евграфович Ковалевский (1905–1970), иконописец и церковный деятель, впоследствии епископ Иоанн Сен-Денийский.

Светлый понедельник, — тогда бывает много молодежи, царит веселье и, если погода позволяет, устраиваются подвижные игры в саду¹⁷.

Из пасхальных угощений отдельного упоминания заслуживает праздничный стол в семье Нелидовых¹⁸: в 1928 г., например, у них был «особенно богатый стол, целый поросенок, барашек. Угощали усердно и обильно» (д. 19, л. 42). Званые обеды случаются и на протяжении всей Светлой недели, ведь по православной традиции всю неделю служатся пасхальные богослужения, продолжающиеся и домашними празднованиями. Например, в четверг Светлой седмицы 1925 г. Михаил Михайлович Фирсов¹⁹ устроил для Ковалевских праздничный «раут»: «Чудный обед, с закусками, белыми грибами, с зубровкой; пирог, борщ, телячье филе, картофель под сметаной, фрукты, чай, прекрасное вино» (д. 13, л. 39). В обычае было также рассылать перед праздником друзьям и знакомым открытки-поздравления: Петр Евграфович пытается успеть их написать и отправить вопреки напряжению служб Страстной недели (которое еще и совпадает обычно с работой или учебой) и очень радуется, когда и сам получает такие открытки²⁰. Пасхальными подарками, как правило, становятся цветы, угощения, пасхальные яйца (крашеные или сувенирные²¹). Иногда, правда, бывают и необычные подарки: так, в 1924 г. знакомая подарила брату Петра Евграфу сувенирного «ослика с качающейся головой, несущего яйца. Намек на доклад “Об осле в Священном Писании”» (д. 11, л. 64), сделанный Евграфом накануне в христианском кружке.

Кроме домашних праздников и праздничных церковных служб, по дням можно составить представление и о других видах пасхальных застолий и церков-

¹⁵ Инна Владимировна Ковалевская (урожд. Стрекалова; 1877–1961), педагог.

¹⁶ Вот запись от первого дня Пасхи 1927 г.: «Обедали за большим пасхальным столом, много угощений, три кулича, чудная пасха. С 3 начали делать визиты, а мать принимала дома поздравителей...» (д. 17, л. 41).

¹⁷ Вот, например, запись от Светлого понедельника 1923 г.: «После обеда у нас была молодежь, страшно веселились и бегали по саду, хотя было холодно, и только на чай пришли домой, а потом опять убежали. Была Елена Татищева, Алеша и Федорка Татищевы, двое Звегинцевых, Николай Мещерский, Сергей Метальников, трое Муравьевых, Сережа Третьяков, Саша Нелидов, Ирина Левшина. Некоторые пай-дети сидели в гостиной: Максим, Саша Гронская, Марина, Миша Головин, Сережа Матвеев, Аня Крылова. Из взрослых были только Е.Д. Крылова и Ант. Андр. Пионтковский. Петя пришел в половине седьмого и все время сокрушался, что пропустил игры, и веселье, и беготню, а сидел и отчаянно скучал у Дадии. Игры в доме не очень удавались, так как преобладали те, кто не хотел сутолоки» (д. 9, л. 41).

¹⁸ Очень церковная и состоятельная (и потому имевшая возможность щедро угощать гостей) семья Нелидовых нередко упоминается в дневниках П.Е. Ковалевского. Глава семьи — Дмитрий Александрович Нелидов (1863–1935), дипломат и камергер высочайшего двора, в эмигрантском Париже в 1920-х гг. был казначеем и членом приходского совета собора на Дарю; его жена — Александра Федоровна Нелидова (урожд. Маврокордато; 1880–1970), их дочь Ольга (1906–1935) и чаще всего упоминаемый в дневниках сын Александр Нелидов (1907–1975), который прислуживал в соборе на Дарю под руководством П.Е. Ковалевского, с 1930 г. иподьякон, с 1967 г. священник, с 1974-го архимандрит.

¹⁹ Фирсов Михаил Михайлович (1873–1947), окончил Тамбовскую духовную семинарию, с 1911 г. псаломщик Свято-Александро-Невского собора в Париже.

²⁰ Запись 1927 г.: «Поздравлений получил необычайно много: сотни две, и от людей, от которых не думал получить» (д. 17, л. 41).

²¹ Запись 1923 г., святая ночь: «...преподнес от нас яйцо владыке. Митрополит был очень доволен и восхищен» (д. 9, л. 40). Тот же год, запись от среды Светлой седмицы: «Я ездил поздравлять Алексашку и вообще Шидловских и Марию Акинфиевну. Складное яичко привело маленьких друзей в восторг» (д. 9, л. 42).

ных собраний, проходящих на Светлой седмице: детский праздник с угощением и играми для детей, который устраивает старшая сестра Сестричества при Свято-Александро-Невском соборе Вера Васильевна Неклюдова, заведующая церковно-приходской школой²²; праздничный прием Сестричества собора²³; с 1925 г. в Светлое воскресенье — разговенье и митрополичья служба на Свято-Сергиевском подворье (так как ночью митрополит служит в соборе)²⁴; на Светлой неделе владыка Евлогий обязательно устраивает разговенье и для церковнослужителей собора, на котором Петр Ковалевский, как заведующий штатом прислуживающих, конечно, обязательно присутствует²⁵. Если на праздничной неделе дома у Ковалевских собирается православный кружок РСХД, то такое собрание тоже неизменно сопровождается пасхальным угощением и праздничным настроением²⁶.

Есть между тем одна особенность, ярко выраженная в дневниках П.Е. Ковалевского, немного отличающая эмигрантское сознание и праздничный быт русской диаспоры, соблюдающей в целом те же самые, веками складывавшиеся традиции празднования православной Пасхи. И это даже не строгая верность обычаям, которая при церковном укладе семьи Ковалевских формируется сама собой, без дополнительных усилий, как единственно возможный образ жизни, организованной вокруг храма, церковного богослужения, молитвы и христианского служения церкви и ближним. Этот новый компонент, хорошо заметный на всем протяжении дневникового текста Петра Евграфовича, как константа его самосознания и как свидетельство о настроении, характерном для церковного удела митрополита Евлогия, — верность гонимой Церкви на родине, постоянное памятование о тех православных христианах, которые претерпевают там гонения за веру и умирают как мученики, молитвенная солидарность с ними. Это находит отражение и в «пасхальном тексте» анализируемых дневниковых записей. Так, в

²² Запись 1923 г., пасхальное воскресенье: «Как только встали, после обеда, поехали в школу к Неклюдовой на разговенье, помогать устраивать и угощать маленьких и больших гардемарин. Угощений было заготовлено столько, что осталось много, несмотря на массу ртов. После многолетия Митрополиту и вел. княгине молодежь бегала по саду и играла» (д. 9, л. 40).

²³ Пятница Светлой седмицы 1924 г.: «Вечером был на приеме Сестричества. Из мужчин были: митрополит, три протоиерея, о. Евгений, Фирсов и трое “братьев”: я, Ник. Вас. и Владимир, командовавший убиравшими церковь, и 50 сестер. Угощений была масса, за столом молодежи было очень весело, оживленно» (д. 11, л. 67).

²⁴ Запись 1925 г.: «Встали поздно. После завтрака сразу поехали на Подворье на разговенье, помогли умеренно Е.Е. Была молитва, освящение пасох и куличей и обильное угощение. Было около 500 человек, причащались в 2 очереди. Владыка снимался среди детей. Потом была вечерня с чтением Евангелия. Я передал Владыке грамоты» (д. 13, л. 38–39).

²⁵ Вот, например, запись о таком приеме в понедельник Светлой недели 1926 г.: «После литургии Владыка пригласил всех церковнослужителей к себе на разговенье. Ради нас изгнали всех посетителей, даже почетных гостей, не было даже отца Евгения. Владыка председательствовал за столом, а я резал куличи и заведывал по чину распределением. На этот раз владыка был в духе и все время болтал с малышами. Не могли осилить и трети угощений, которые было приказано все съесть» (д. 15, л. 58).

²⁶ Запись от четверга Светлой седмицы, 10/23 апреля 1925 г.: «Вечером у нас было большое собрание: два Кружка, гости Н.А. Бердяев и С.С. Безобразов. Собралось 26 человек, приготовили массу угощений, пасху, куличи, яйца. Был обмен мнений о докладе до 11½. Говорили об отношении к инославии и иноверию» (д. 13, л. 39).

1925 г. пасхальные дни еще полны памяти о недавно почившем патриархе Тихоне, смерть которого Петр Ковалевский, как и многие церковные эмигранты, переживал искренне и глубоко. В первый день Пасхи в этот год «Владыка и за службами, и детям говорил о Великом Господине. Очень хорошо и утешительно. Многие восчувствовали» (д. 13, л. 39). В 1927 г., в среду Светлой недели на разговенье для священнослужителей митрополит Евлогий «читал письма из России от епископов, заключенных на Соловках...» (д. 17, л. 43). А в 1929 г. П.Е. Ковалевский оставляет в дневнике свидетельскую запись о настоящем пасхальном чуде: «Узнали от о. Иакова подробности о женщине, бросившейся утром обнимать митрополита и со всеми христосоваться. Она сидела в Чека несколько лет, бежала, попала сперва в Польшу, а затем в немецкую тюрьму, как беспаспортная, и только несколько дней, как освободилась, и прямо попала на заутреню» (д. 21, л. 59).

Надежда на воскресение России, чаяние такого воскресения естественным образом накладывались на переживание пасхальной радости верующими, церковными русскими эмигрантами. Сдержанный в эмоциях и ставящий перед собой задачу передать в дневниках не поток собственных мыслей и чувств, а историческое свидетельство о жизни зарубежной России, Петр Ковалевский редко позволяет захлестнуть себя надеждой. Его связь с утраченной родиной отражена в пласте воспоминаний и в постоянной передаче свидетельств и даже слухов о жизни в современной ему, утраченной, советской России, о положении церкви там, о жизни тех людей, которые ему дороги и близки. Эта постоянная молитвенная связь с гонимыми христианами становится естественной составляющей и пасхального настроения наряду со столь же естественной нотой миссионерского свидетельства о красоте православного празднования Пасхи перед инославными на Западе, в Париже. Здесь тоже нет никаких эмоциональных «перегибов» — например, в национально-конфессиональную гордость, превозношение или педагогически-поучающий дискурс, — только чистая радость от передачи слов и впечатлений иностранцев, побывавших на пасхальной службе в соборе. В итоге сдержанно написанный и наполненный множеством бытовых деталей «пасхальный текст» дневников П.Е. Ковалевского позволяет современному читателю прикоснуться к церковной жизни в Париже 1920-х гг., к церковно-праздничным традициям русской диаспоры и разделить с нею и радость Христова воскресения, и ее молитвенную приобщенность к Церкви новомучеников.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, фонд 69 «Семейный фонд Ковалевских», опись 1 «Дневники П.Е. Ковалевского: 1918–1938», дело 9 «Январь–июль, 1923 г.», дело 10 «Июль–декабрь, 1923 г.», дело 11 «Январь–май, 1924 г.», дело 13 «Январь–июль, 1925 г.», дело 15 «Январь–июнь, 1926 г.», дело 17 «Январь–август, 1927 г.», дело 19 «Январь–июнь, 1928 г.», дело 21 «Январь–июнь, 1929 г.»; опись 1, дело 80 «“Curriculum Vitae” П.Е. Ковалевского на 21 декабря 1952 г.»

- Евлогий, митр. 1994 — *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Моск. рабочий: ВПМД, 1994.
- Ковалевский 1971 — *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж: Librairie des cinq Continents, 1971.
- Ковалевский 2001 — *Ковалевский П.Е.* Дневники. 1918–1922. Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 2001.
- Ковалевский 2014 — Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2014.
- Ковалевский 2019 — *Ковалевский П.Е.* Дневники (январь–февраль 1924) / публ., вступ. ст. и коммент. Н.В. Ликвинцевой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. С. 85–118.
- Ковалевский 2020 — *Ковалевский П.Е.* О похищении генерала А.П. Кутепова: Дневниковые записи с 27 января по 24 февраля 1930 г. / публ., вступ. ст. и коммент. Н.В. Ликвинцевой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2020. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2020. С. 151–187.
- Шмеман 2005 — *Шмеман А., прот.* Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2005.

С.А. Бешанова, Е.Н. Ельцова

«ЗДЕСЬ, В ТУНИЗИИ, НЕТ РОДНЫХ
И КРОВНЫХ ПЕЧАЛЬНИКОВ...»^{*}
СЛУЖЕНИЕ МИТРОФОРНОГО ПРОТОИЕРЕЯ
КОНСТАНТИНА МИХАЛОВСКОГО В ТУНИСЕ

Практически с самого начала прибытия русских беженцев на кораблях Русской эскадры в Бизерту важным центром обустройства эмигрантов стала столица — Тунис. В арабской части города, в доме № 60 на улице Селльер, предоставленном потомком богатого тунисца Мохамеда Баккуша¹, разместились больничная касса взаимопомощи русских беженцев с амбулаторией под управлением врача Н.З. Ищенко (1882, Харьковская губ. — 1972, Париж)² и съемные комнаты для беженцев. Этот дом в старом арабском городе стал центром жизни русских эмигрантов Туниса. В сентябре 1921 г. здесь по инициативе помощника епископа армии и флота Врангеля протоиерея Георгия Спасского (1877, Вильна — 1934, Париж) прошло собрание, на котором присутствующие эмигранты выразили желание организовать в Тунисе русскую церковь. На кораблях Русской эскадры, в Морском корпусе и беженских лагерях близ Бизерты были церкви. Они давали утешение в нелегком пути изгнания, объединяли и помогали переносить тяготы эмигрантской жизни. Преподаватель бизертинского Морского корпуса Н.Н. Кнорринг (1880–1967, Алма-Ата) в книге «Сфаят» пишет:

...церковная жизнь вошла существенным элементом в наш русский африканский быт. К ней привыкли и с ней свыклись все, не только одни православные. Вспоминая наши многочисленные церковные службы, можно сказать с уверенностью, что церковь вносила какую-то умиротворяющую регулярность в наш годовой служебный обиход, объединяла, давала много сладких минут своим утешением и красотой [Кнорринг 1998, с. 156].

^{*} Из письма протоиерея Константина Михаловского от 23 сентября (13 октября) 1928 г. // Архив храма Воскресения Христова в Тунисе (фонд не описан). Здесь и далее знаки препинания приводятся в соответствии с правилами современной орфографии.

¹ Дом на улице Селльер, более известный как «Дар Баккуш», принадлежал политическому деятелю и коммерсанту Мохамеду Баккушу (1833–1896, Тунис), выходцу из семьи андалузского происхождения, прибывшей в Тунис в начале XVII в. «Дар Баккуш» считался авангардистским, т.к. при его строительстве были использованы новшества в области архитектуры жилых домов. Крытый квадратный двор «патио» с деревянным потолком является центром жилого дома.

² С 1923 г. больничная касса прекратила свое существование. Доктор Н.З. Ищенко переехал на съемную квартиру на бульваре Баб Менара, а затем уехал на строительство плотины в Сиди-Бу-Бакер [Русская колония 2008, с. 287].

В «патио» церкви после торжественного молебна. Слева направо, 1-й ряд: К.Р. Тириштейн, А.Е. Завалишин, В.А. Потапьев (?), В.И. Лебедев, В.А. Григорков, о. Константин Михаловский, Н.Р. Гутан (наполовину закрыт), А.М. Попов, М.А. Ветров, Н.З. Ищенко, В.Н. Клоков, А.П. Подушко, В.Н. Новиков. 2-й ряд: Н.И. Полетаев, И.В. Палимсестов (в очках), неустановленное лицо, сын Клокова Михаил. 1928. Фотография из кн.: [Русская колония 2008]

Инициатива создания церкви в Тунисе была поддержана командованием Русской эскадры. С этого времени в арабской Медине в Русском доме разместилась церковь, освященная во имя Воскресения Христова. Ее настоятелем стал протоиерей Константин (Михаловский Константин Павлович, 1869, Гродненская губ. — 1942, г. Тунис, Греческое кладбище), сыгравший особую роль в жизни русской общины Туниса. В 1923 г. после отъезда протоиерея Георгия Спасского в Париж он стал настоятелем русского православного прихода в Тунисе.

Протоиерей Константин Михаловский родился в семье священнослужителей Литовской епархии. Окончил Виленскую духовную семинарию (1889) и был рукоположен во священника кобринской Петропавловской церкви в 1891 г., где прослужил 15 лет (1891–1906). В 1900 г., в год столетия смерти великого полководца Александра Суворова, Константин Михаловский выступил с идеей строительства нового большого каменного Свято-Петровского Суворовского храма-памятника и возглавил Комитет по его постройке. Эту идею поддержал сам император Николай II. В декабре 1907 г. о. Константина назначили ключарем гродненского Софийского кафедрального собора (1906–1914). Священник уделял большое внимание развитию церковно-приходских школ в Гродненской епархии. За заслуги в церковной, педагогической и общественной деятельности 6 мая 1912 г. был возведен в сан протоиерея. Закладка нового Суворовского храма состоялась в Кобрине в мае 1913 г., но строительство храма не было завершено из-за начавшейся войны [Ильин 2017].

Семья Михаловских на праздновании 50-летия священства протоиерея Павла Михаловского. Среди сидящих в центре: о. Павел Михаловский, среди стоящих слева: о. Константин Павлович Михаловский и его супруга Екатерина Николаевна Михаловская. Черевачицы. 1911. Из собрания А. Ильина

Во время Первой мировой войны и начавшейся Гражданской о. Константин стал священником лейб-гвардии Финляндского полка, где служил его сын Николай (1896, Кобрин — 1981, Нитра, Словакия). За примерное усердие и самопожертвование Константин Михаловский был награжден четырьмя государственными орденами и золотым наперсным крестом на георгиевской ленте.

В числе тысяч беженцев семья о. Константина эвакуировалась из Крыма в Константинополь, а далее в Бизерту в составе Русской эскадры на плавучем транспорте-мастерской «Кронштадт» [Люди Русской эскадры 2015, с. 291]. Отцу Константину шел уже 51-й год. Здесь, в эмиграции, с сентября 1921 г. он становится настоятелем домового церкви Воскресения Христова в Тунисе и вместе с семьей переезжает из Бизерты в Русский дом на улице Селльер. Иконостас был перенесен с транспорта-мастерской «Кронштадт» [Бортоли 2008, с. 168]. Дом и разместившуюся там церковь описал на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» старший лейтенант, подводник А.В. Зернин (1891–1962, Ницца, Франция):

Примыкая к бульвару Баб Менара, под небольшим уклоном вниз идет рю де Селье, на которой находится русский дом, церковь и библиотека. Массивная дверь ведет в широкий коридор, стены которого по обычаю всех общественных учреждений пестрят многочисленными объявлениями по общественным делам. Это местный русский центр. Здесь всякий русский, особенно приезжий, не имеющий знакомых, чувствует себя дома, на родной почве. Здесь он всегда получит добрый совет и духовную поддержку от чтимого всеми настоятеля церкви и заведующего домом о. Константина.

Дом устроен по-арабски. Внутри — мощный мрамором дворик с фонтаном и пальмами посреди. Через стеклянные двустворчатые двери по сторонам дворика видны выложенные изразцами глубокие комнаты с альковами и нишами. Все комнаты выходят на двор, и внутреннего сообщения между ними нет.

В одной из комнат — заботливо украшенная, сияющая огнями церковь. Идет всеобщая. Уставно-благолепно служит настоятель. Дружно и усердно поет сама паства. В церкви и на дворике много нарядных русских, модно одетые дамы и кавалеры. А перед иконостасом на коленях, как отклик дней минувших, — верная древним обычаям старушка няня господ Ю.³, в головном платке, завязанном по-деревенски, в истовой молитве олицетворяет далекую Россию [Зернин 1926, с. 2].

Приведем и воспоминания старейшины русской колонии Туниса А.А. Манштейн-Ширинской (1912, имение Насветевич в селе Рубежное под Лисичанском — 2009, Бизерта, Тунис):

Духовная жизнь русской колонии долго оставалась связанной с этим домом. Отец Константин Михаловский со своей многочисленной семьей⁴ занимал несколько комнат, все остальные были тоже сданы русским жильцам. В самой большой из комнат был алтарь. Когда места не хватало, люди молились во дворе. Отец Константин олицетворял с большим достоинством моральные ценности русского православия, и матушка была доброй и разумной помощницей [Ширинская 2003, с. 243].

В воскресенье и в праздники в церкви пел русский хор под руководством С.И. Русаневича (1900, Екатеринослав — 1956, Тунис). На втором этаже над церковью был ряд комнат, в одной из них проходили собрания русских офицеров, позже в этой же комнате разместилась библиотека, которой заведовал капитан 1-го ранга К.В. Мордвинов (1875–1948, Тунис). В 1922 г. был открыт клуб под названием «Русское собрание», возглавляемый поручиком по Адмиралтейству, юристом А.М. Поповым (1877, Одесса — 1956, Тунис). По четвергам и воскресеньям здесь проходили занятия для детей [Вестник 1923, с. 19–20]. Другие комнаты занимали семьи и холостые люди⁵. «Сосуществование было мирным и гармоничным» [Бортоли 2008, с. 169].

³ Речь идет о Новиковой Анне Панкратьевне (1894?, Костромская губ. — 1947, Тунис), матери лейтенанта инженера-механика А.П. Новикова (1894, Смоленская губ. — 1979, Тунис). Она была няней в семье полковника А.Э. фон Юргенса (1883, Москва — 1962, Сан-Рафаэль, Франция) [Русская колония 2008, с. 326, 383].

⁴ Семья о. Константина Михаловского была большой. Дети: Константин (1892, Кобрин — 1978, Тунис), в Тунисе работал заведующим лабораторией на известковом заводе в Хаммам-Лифе, пел в церковном хоре и играл на скрипке; Любовь (в замуж. Моисеенко; 1893, Кобрин — 1976, Тунис, Греческое кладбище) всю жизнь находилась при церкви, могла при необходимости заменить псаломщика, преподавала французский язык; Екатерина (в замуж. Перзинская; 1895, Кобрин — 1997, Ницца); Николай (1896, Кобрин — 1981, Нитра, Словакия), Александр (1898, Кобрин — 1975, Франция), Таисия (в замуж. Шлейфер; 1907, Кобрин — 1999, Ницца) [Там же, с. 320].

⁵ В Русском доме в разное время жили А.А. Воробьев, Л.А. Коржиков, В.С. Крестлинг, А.Н. Моисеенко, П.Ф. Шелюмов, М.Н. Шереметев, А.К. Шнеур, Л.Н. Цыганкова (урожд. Сцепуро), семьи Б.Л. Коптева, В.И. Морозова и самого о. Константина Михаловского (см.: [Русская колония 2008, с. 169, 370, 458]).

Фотографии старшего лейтенанта, подводника А.В. Зернина в журнале «Иллюстрированная Россия» (1926, № 23, с. 14). Празднование Пасхи в 1926 г. В центре — Русский дом на ул. Селльер в Медине Туниса, слева — о. Константин с группой русских эмигрантов после заутрени, справа — разговение в Русском доме

Двадцать лет подряд о. Константин воплощал собой церковь: аккуратно и строго справлял службы, занимался всеми церковными делами, преподавал Закон Божий детям, безупречно вел метрические книги, утешал сломленных бедностью и одиночеством. Раз в год с матушкой Екатериной Николаевной (урожд. Сцепуро; 1872–1958, Тунис, Греческое кладбище) уезжал навестить работающих на фосфатных шахтах на юге страны (в Сфакс, Габес, Метлауи) и служащих французского Иностранного легиона, кавалерийский полк которого базировался в городе Суссе, переписывался со священнослужителями многих стран. Его усилиями русский приход Туниса был присоединен к Синодальной Русской Зарубежной церкви, созданной в 1920 г. в Югославии, в Сремски-Карловцах.

В 1931 г. русская колония Туниса отметила 40-летнее служение в священном сане настоятеля Воскресенской церкви — «скромного и всеми искренне любимого» о. Константина. Поздравления от имени всей русской общины были зачитаны председателем Русского собрания А.М. Поповым, от имени Тунисского отдела Союза русских офицеров — капитаном 1-го ранга В.А. Потапьевым (1882–1961, Тунис) [Возрождение 1931, с. 5].

Отец Константин поддержал идею русских офицеров и моряков о возведении храма-памятника кораблям Русской эскадры в Бизерте и вошел в состав организационного комитета. 10 октября 1937 г. он совершил торжественную церемонию закладки храма в Бизерте, 10 сентября 1938 г. им же было проведено малое освящение храма, отслужена первая всенощная и литургия, на которой присутствовала вся русская колония Туниса. В начале 1940-х гг. он возглавил ассоциацию «Православное общество церкви Воскресения Христова в Тунисе» (Communaute Orthodoxe de l'Eglise de la Resurrection de Tunis) и стал инициатором строительства Воскресенского храма в Тунисе, но начавшаяся война и инфляция не позволили реализовать эти планы.

С самого начала служения в эмиграции о. Константин уделял особое внимание сохранению русских имен и захоронений на христианских кладбищах страны, а также созданию общих русских могил. Уже с середины 1921 г. он вел записи, из которых можно узнать не только имена почивших, но и место их рождения,

Торжественная закладка русского храма в Бизерте. 1937. Из собрания А.В. Плотто

*Одна из первых служб в храме Святого благоверного Александра Невского в Бизерте.
Из собрания А.В. Плотто*

возраст, воинское звание, причину смерти, имена родственников, место захоронения и т.п. Все эти подробные записи показывают, насколько важно было о. Константину сохранить сведения о русских на чужбине.

Русские беженцы жили и работали в стране, находящейся под французским протекторатом (1881–1956). Французские акты четко регламентировали все стороны жизни эмигрантов, в том числе и процедуру приобретения прав на участки (концессий) на христианских кладбищах: временных (бесплатных) и вечных (платных). Согласно французским актам концессии на кладбищах могли быть временными (на 15, 30, 50, 100 лет) и вечными. Бесплатными могилы оставались первые 5 лет, после чего требовалось продлить срок аренды земли. Право на участок передавалось только путем наследования или раздела. В исключительном случае и при наличии разрешения Муниципалитета владелец концессии мог захоронить на своем участке лицо, не являющееся членом его семьи. Любая временная концессия, кроме столетних, переходила в распоряжение администрации города, если в течение года со дня окончания ее срока не производилась доплата. В одном из интервью об этом же говорит и А.А. Манштейн-Ширинская:

В ряду русских могил — графины, адмиралы, капитаны и их жены. Земля была арендована на пять лет. Потом пришлось «переселиться» в братские могилы. Если нет родственников, готовых платить за место. А ведь скоро людям не стало чем платить... [Калве 1992, с. 135].

У похороненных в 1921–1923 гг. срок аренды участка заканчивался в 1926–1927 гг., в тяжелый период для эмигрантов — время рассеяния и поиска работы. Родственники или знакомые многих уже покинули Тунис, и некому было позабо-

Храм в Бизерте по завершении строительства. Из собрания А.В. Плотто

Рукописные списки протоиерея Константина Михаловского похороненных с 1921 г. по 9 (22) февраля 1927 г. на христианском кладбище Бельведер в г. Тунисе (ныне не существует). Архив храма Воскресения Христова в Тунисе

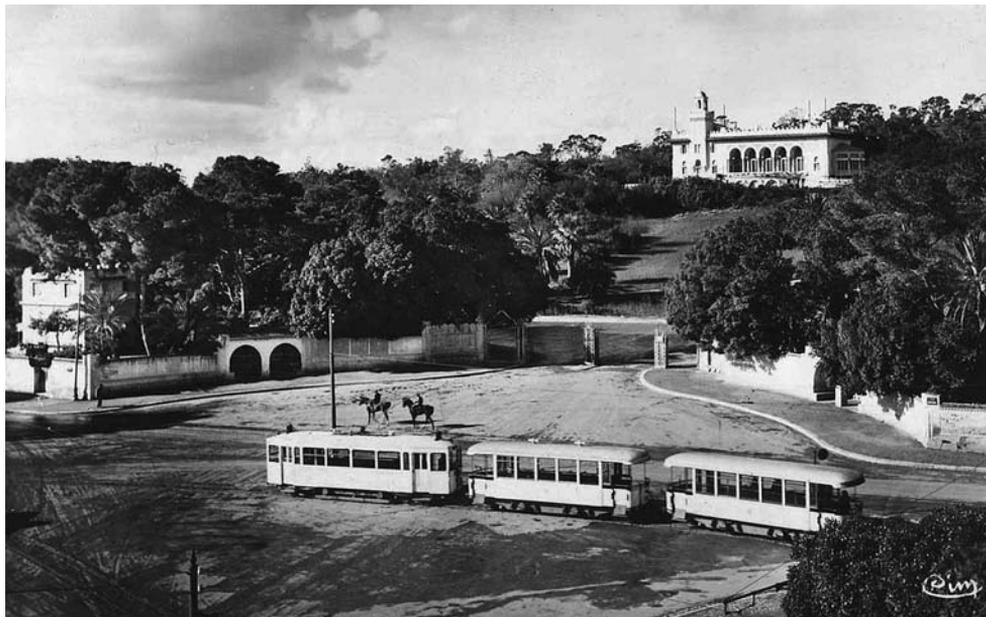
тяться о продлении срока концессии. Эту функцию взяли на себя протоиерей Константин Михаловский, Тунисский отдел Союза русских офицеров участников Великой войны (Union des Officiers Russes Anciens Combattants) и в дальнейшем Приходской совет Воскресенской церкви.

Союз русских офицеров участников Великой войны был образован во Франции летом 1921 г. на съезде Русского национального объединения в Париже и имел свои представительства в Париже, Ницце, Марселе, Лионе и Тунисе. Тунисский отдел Союза действовал с середины 1920-х гг. Его первым председателем стал капитан 2-го ранга А.И. Кублицкий (1884, Рига — 1946, Тунис), затем, с конца 1928 г., был избран капитан 1-го ранга В.И. Лебедев (1881 — 1944, Тунис). К июлю 1928 г. в Союзе числилось 64 человека, и он считался одним из больших зарубежных объединений [Морской журнал 1928, № 6, с. 24]. После трагической смерти В.И. Лебедева в 1944 г. председателем Тунисского отдела стал капитан 1-го ранга В.А. Григорков (1886–1965, Франция). В 1930–40-х гг. члены Союза играли большую роль в жизни русской общины Туниса. Деятельность Тунисского отдела была направлена на сплочение офицерства, сохранение русской культуры и православной веры, празднование исторических и памятных дат, проведение культурных вечеров и благотворительных акций, оказывалась помощь нетрудоспособным и находящимся в трудном положении, в устройстве больных и престарелых во французские пансионаты. Союз помогал о. Константину с организацией похорон и панихид по сослуживцам, а также в проведении мемориальных мероприятий, приуроченных к памятным датам в истории России (см.: [Ельцова, Бешанова 2020]).

Среди документов Воскресенской церкви сохранились обращения о. Константина и Церковно-приходского комитета к Тунисскому отделу Союза русских офицеров и к русским эмигрантам о сборе средств на приобретение вечных концессий для некоторых соотечественников в связи с истечением срока их аренды, о создании общих русских могил. Деньги собирались и по подписным листам. Например, так собирали деньги на покупку «вечного» участка руководителю Тунисского отделения Национальной организации русских разведчиков капитану армии М.Н. Шереметеву (1888–1942, Тунис).

В случае истечения срока и неоплаты концессии земельный участок продался, а прах усопшего переносился в оссуарии (общие могилы). С этими административными нормами и связано появление общих могил на европейских кладбищах Туниса, в частности военных. Среди архивных документов сохранились свидетельства о том, что первый русский оссуарий в столице был на христианском кладбище Бельведер, одном из основных мест захоронения русских в Тунисе в 1920-х гг. Как уже говорилось выше, бесплатно хоронили на 5 лет. Отец Константин так описывает местонахождение этого русского отдела:

Когда трамвай идет из города к кладбищу, то при подходе к кладбищенской остановке он предварительно проходит мимо восточной кладбищенской стены (тростниковой или из пальмовых ветвей в настоящее время). За этой стеной — бесплатный отдел (из примечаний о. Константина к списку, составленному в феврале 1927 г.) (Архив храма).

Тунис. Бельведер. Из собрания Бертрана Буре

С 1928 г. здесь уже было запрещено хоронить в «бесплатных» могилах, т. к. кладбище планировалось закрыть. При этом продление сроков имеющихся временных концессий разрешалось, как и перевод временных концессий в вечные. Благодаря о. Константину до нас дошли списки с фамилиями и датами смерти тех, кто был похоронен на кладбище Бельведер. Сохранились письма-обращения о. Константина к Тунисскому отделу Союза русских офицеров, переписка с Муниципалитетом Туниса и архитекторами по поводу переноса останков и создания там русской общей могилы, метрические записи об усопших. Приведем цитату из письма о. Константина, ярко характеризующую чаяния протоиерея: «Прочие усопшие не имеют здесь, в Тунисии, родных и кровных печальников о местах их вечного покоя, и поэтому судьба их могил, безусловно, подлежит нашему общему непосредственному братскому о них попечению» (из письма протоиерея Константина Михаловского от 23 сентября (13 октября) 1928 г. // Архив храма). В письмах он выражает большое беспокойство об уничтожении целого ряда русских могил в 1927 г. на этом кладбище. Без уведомления о. Константина по истечении срока прах семи русских военных был перенесен администрацией кладбища в уже имеющуюся братскую могилу — оссуарий «Souvenir Français»⁶, но без указания их имен на памятнике. Приведем фрагмент одного из таких писем с пометкой «весьма спешное» в Тунисский отдел Союза русских офицеров:

⁶ «Souvenir Français» — французская организация по увековечиванию памяти солдат, погибших в годы Первой мировой войны.

Памятью внезапное уничтожение администрацией кладбища Бельведер в минувшем 1927 году, приблизительно в это же время целого ряда могил наших соотечественников в отделе, что у Французского военного памятника, я весьма беспокоюсь и опасуюсь, чтобы то же не повторилось и в нынешнем году с могилами наших братьев, которым уже истек или истекает пятилетний срок бесплатного пребывания в бельведерской кладбищенской земле.

Это побуждает меня почтительнейше просить Правление Отдела не отказать ускорить приведение в исполнение решения о приобретении места для нашей «русской братской могилы» на городском христианском кладбище в Бельведере или в Боржеле, смотря по тому, где будет возможностей легче и шире осуществить идею соответствующего устройства этой «могилы», применительно к общей наличной сумме поступивших на это дело пожертвований, а также — и перенесения в нее останков наших усопших (Письмо о. Константина Союзу русских офицеров от 13 октября 1928 г. // Архив храма).

С этого момента о. Константином составляются подробные списки русских, погребенных в индивидуальных бесплатных могилах кладбища Бельведер, с указанием точного места захоронения тех, чей прах подлежит последующему переносу. В справке он приводит фамилии 14 взрослых и 12 детей. В том же 1928 г. Тунисским отделением Союза русских офицеров объявляется «открытие сбора средств на устройство общей братской могилы» и приобретает особый участок земли на кладбище Бельведер [Вестник Союза офицеров 1928, с. 6]. Письмо Союза в Муниципалитет Туниса о создании русской братской могилы на кладбище Бельведер также датируется маем 1929 г. В эту братскую могилу 8 мая 1929 г. был перенесен прах 14 взрослых и младенцев — Людмилы Мухи (ум. 1923) и Людмилы Кушнир (ум. 1924).

Учитывая непростое положение беженцев, городские власти предложили также хоронить русских на недавно открывшемся кладбище Боржель, в отдельной русской секции, с предоставлением в виде исключения 15-летнего бесплатного срока захоронения. Сейчас этот участок называется «Carré Russe I». В последствии русский оссуарий с кладбища Бельведер был перенесен в братскую могилу на «Carré Russe I» кладбища Боржель. На ее нижней плите указаны все 16 фамилий в том же порядке, что и в списках о. Константина, кроме 10 детских фамилий (хотя в документах архива церкви есть сведения о переносе праха этих младенцев в русский оссуарий кладбища Бельведер). Другие индивидуальные и даже «вечные» могилы кладбища, как ни парадоксально, были утеряны навсегда, о них остались упоминания лишь в документах о. Константина. Кладбище Бельведер было закрыто и упразднено. Сейчас на этом месте стоит отель «Golden Tulip El Mechtel».

Французский оссуарий «Souvenir Français» с закрытого кладбища Бельведер, куда перезахоронили русских без указания имен, в период с 1966 по 1968 г. был перенесен в оссуарий французского военного кладбища Гаммарт⁷, как и другие

⁷ Французское военное кладбище Гаммарт было открыто 5 января 1944 г. Общая площадь — более 7 гектаров. Изначально создано для захоронений военнопленных — немусульман группировки Северной Африки, погибших во время Тунисской кампании (19 ноября 1942 — 13 мая 1943). С 1966 по 1968 г. сюда же были перенесены захоронения (разных периодов — Первая и Вторая мировые войны, война в Индокитае)

Русский участок Carré Russe I с общей могилой на христианском кладбище Боржель усилиями волонтеров приводится в достойный вид. Тунис. 2020

22 общие могилы с военных участков кладбищ со всей страны. Записи о. Константина сохранили фамилии этих семерых военных: «Если взойти на территорию (на кладбище Французского памятника жертвам Великой войны) и стать лицом к памятнику — к северу, то вправо, за чертой военных могил бесплатный отдел, в котором находятся могилы Маркова, Небоженко, Романовского, Лбова, Белоусова, Брунук-Мурdziнова и Шулейко» (Записи о. Константина от 9 (22) февраля 1927 г. // Архив храма).

Сверка имеющихся списков, мартирологов и архивных документов позволила установить имена и биографические сведения об этих военных, чьи имена так хотел сохранить о. Константин Михаловский.

Марков Василий Иванович (1886–1921). Выпускник Морского корпуса с производством в мичманы 6 ноября 1914 г., в ноябре 1917 г. получил старшинство, 30 ноября 1919 г. произведен в лейтенанты. Проходил службу в Вооружен-

с военных участков муниципальных кладбищ различных городов. Всего похоронено около 5000 французских военнослужащих; 1875 индивидуальных захоронений. Также имеется 23 перенесенные общие могилы и 1220 безымянных могил. Колумбарий существует с 1971 г. (всего 1403 ячейки). Каждый год на этом военном кладбище проходят многочисленные мемориальные мероприятия. После признания независимости Туниса в 1956 г. на военное кладбище Гаммарт было перенесено много памятников, установленных в стране в период французского протектората: Могила неизвестного солдата Тунисской кампании, памятник Corps Francs d'Afrique, мемориал и оссуарий экипажа подводной лодки «Morse», затонувшей у Сфакса 17 июня 1940 г., памятник погибшим из г. Хаммамета, многочисленные мемориальные доски из действующих храмов, образовательных учреждений и военных участков. Последняя из них, с именами погибших солдат в Суссе в 1881–1883 гг., была перенесена в октябре 1993 г. (по данным консульства Франции в Тунисе [Cimetiere millitere de Gammarth]).

Французское военное кладбище Гаммарт. Площадка с флаги́тком, где проходят мемориальные мероприятия. Декабрь 2020. Фотография С.А. Бешановой

Французское военное кладбище Гаммарт. Общий вид

ных силах Юга России (далее — ВСЮР). Эвакуирован из Одессы. До эвакуации из Крыма служил на вооруженном ледоколе «Всадник»: в ноябре 1920 г. — артиллерийский офицер, в декабре 1920 г. — старший офицер (по февраль – март 1921 г). На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. В книге С.В. Волкова

Оссуарий (общая могила) на французском военном кладбище Гаммарт

«Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога» ошибочно указано, что В.И. Марков был в эмиграции в Бельгии и умер до 1939 г. в Брюсселе [Волков 2004, с. 299]. Согласно спискам, составленным протоиереем Константином Михаловским 9 (22) февраля 1927 г., лейтенант В.И. Марков умер в апреле–мае 1921 г. от брюшного тифа в возрасте 33–34 лет. Отец Константин в примечаниях к своему списку написал: «Марков Василий Иванович погребен до моего приезда в Тунис. О дне смерти и погребения его можно получить справку из книг кладбищенской конторы (правая дверь перед входом в кладбищенские ворота). О том, что Марков Василий Иванович в апреле–мае 1921 года погребен на тунисском кладбище, сказала мне Татьяна Степановна, супруга Александра Карловича Ланге⁸» (Записи о. Константина от 9 (22) февраля 1927 г. // Архив храма). Похоронен в Тунисе в бесплатной могиле кладбища Бельведер. В 1927 г. прах был изъят из могилы и перенесен в оссуарий «Souvenir Français» без извещения об этом русской церкви и общины. Запись о погребении В. Маркова в метрических книгах отсутствует [Волков 2004, с. 299; Люди Русской эскадры 2015, с. 275].

Небоженко Николай Федорович (1902–1921) родился в Харькове. Служил кочегаром на линкоре «Генерал Алексеев». Умер в 19 лет от брюшного тифа 5 сентября 1921 г., 7 сентября погребен на кладбище Бельведер в бесплатной могиле № 316. Есть запись протоиерея Константина Михаловского в метрической книге церкви Воскресения Христова в Тунисе. В 1927 г. прах был изъят из могилы и перенесен в оссуарий «Souvenir Français» без извещения об этом русской церкви и общины [Выписки 2018; Люди Русской эскадры 2015, с. 304; Русская колония 2008, с. 429].

⁸ Ланге Татьяна Степановна (урожд. Касаткина, в первом браке Шульгина; 1843–1983, Тунис) — супруга капитана 2-го ранга А.К. Ланге, шляпный мастер, имела свою мастерскую-магазин [Русская колония 2008, с. 302–303].

Романовский Михаил Владимирович (1896/1897–1921) родился в Староконстантиново (ныне город Староконстантинов в Хмельницкой области Украины). Умер в возрасте 24 лет от брюшного тифа 6 сентября 1921 г., погребен 9 сентября в бесплатной могиле № 319. Сохранилась запись митрофорного протоиерея Константина Михаловского в метрической книге церкви Воскресения Христова в Тунисе. В 1927 г. прах был изъят из могилы и перенесен в оссуарий «Souvenir Français» без извещения об этом русской церкви и общины [Выписки 2018; Русская колония 2008, с. 430].

Лбов Григорий Александрович (1900–1921) из крестьян деревни Деревенёк Владимирской губернии. Прибыл в Тунис матросом на линкоре «Генерал Алексеев». В январе 1921 г. выражал желание ехать в Константинополь на пароходе «Константин». В записи митрофорного протоиерея Константина Михаловского в метрической книге церкви Воскресения Христова в Тунисе указано, что Григорий Лбов умер 21 сентября 1921 г. от лихорадки в возрасте 21 года, был погребен 22 сентября 1921 г. на кладбище Бельведер в бесплатной могиле № 338. В 1927 г. прах был изъят из могилы и перенесен в оссуарий «Souvenir Français» [Выписки 2018; Люди Русской эскадры 2015, с. 251; Русская колония 2008, с. 428].

Белоусов Михаил Иванович (1898–1921), казак Области войска Донского, родился в 1898 г. в станице Кочетовской (ныне станица в Семикаракорском районе Ростовской области). Младший фейерверкер на крейсере «Алмаз». Собирался ехать в Константинополь на пароходе «Константин». Отправлен на берег 31 января 1921 г. Умер 27 сентября 1921 г. в возрасте 23 лет от аппендицита. Похоронен 28 сентября в Тунисе на кладбище Бельведер в бесплатной могиле № 347. Имеется запись митрофорного протоиерея Константина Михаловского в метрической книге церкви Воскресения Христова в Тунисе. В 1927 г. прах был изъят из могилы и перенесен в оссуарий «Souvenir Français» без извещения об этом русской церкви и общины [Выписки 2018; Люди Русской эскадры 2015, с. 62; Русская колония 2008, с. 425].

Брунук-Мурdziнов (?–1921), солдат-калмык, буддист, умер 27 сентября 1921 г., был погребен 28 сентября 1921 г. согласно спискам Константина Михаловского. В примечаниях о. Константин записал: «Брунук-Мурdziнов погребен своими друзьями и единоверцами вблизи М. Белоусова. № могилы можно узнать в той же кладбищенской конторе» (Список по погребенным на кладбище Бельведер составлен К. Михаловским // Архив храма). В 1927 г. прах был изъят из могилы и перенесен в оссуарий «Souvenir Français» без извещения об этом русской общины. Запись о смерти в метрических книгах отсутствует.

Шулейко Всеволод Борисович (1896/1897–1922). Мичман Морского корпуса, воевал во ВСЮР и Русской армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Стал лейтенантом Черноморского флота 28 марта 1920 г. По метрическим записям, служил на пароходе «Великий князь Константин» [Шугаев 2018]. Однако в списках А.В. Плотто указан как лейтенант на линкоре «Генерал Алексеев» [Люди Русской эскадры 2015, с. 478]. При переходе из Константинополя в Бизерту был с женой Верой Алексеевной на пароходе «Константин». На 25 марта 1921 г. числился в составе Русской эскадры в Бизерте на пароходе «Константин». Соглас-

но записям протоиерея Константина Михаловского в метрической книге церкви Воскресения Христова в Тунисе Всеволод Шулейко умер 25 февраля 1922 г. от самоличного ранения в возрасте 26 лет. Был похоронен 28 февраля в Тунисе на кладбище Бельведер в бесплатной могиле № 97. В 1927 г. прах был изъят из могилы и перенесен в оссуарий «Souvenir Français» без извещения об этом русской церкви и общины [Выписки 2018; Волков 2004, с. 540; Люди Русской эскадры 2015, с. 478; Русская колония 2008, с. 432].

* * *

Протоиерей Константин Михаловский пользовался большим уважением и русских эмигрантов, и греческой общины, и тунисцев. Помимо служения в храме Воскресения Христова, он совершал службы в греческих храмах, прекрасно владел латинским языком, который изучил в семинарии. Екатерина Бортоли (урожд. Перзинская), внучка о. Константина, вспоминает: «Священник старой школы, потомок многих поколений священнослужителей, он внушал почтение. Когда он проходил по узким улочкам Медины, ведущим к центру европейского города, торговцы тунисцы выходили из лавок, чтобы поклониться ему и поцеловать руку» [Бортоли 2008, с. 169].

Умер митрофорный протоиерей Константин Павлович Михаловский в 73 года 1 сентября 1942 г. и был похоронен на Греческом кладбище в городе Тунисе. В этой же могиле покоятся матушка Екатерина Николаевна (ум. 1958) и их дочь Любовь (ум. 1979, без указания имени на памятнике).

Весной 2019 г. исполнилось 150 лет со дня рождения о. Константина. Волонтеры ассоциации «Русское наследие» в марте организовали субботник, привели его могилу в порядок, а в мае настоятель храма Воскресения Христова в Тунисе и храма Святого благоверного Александра Невского в Бизерте митрофорный протоиерей Димитрий Нецветаев отслужил панихиду на Греческом кладбище. Волонтеры познакомились с потомком о. Константина, проживающем сейчас в Тунисе. Надеемся, что со временем сведения о годах жизни о. Константина и его деятельности в Тунисе пополнятся благодаря архивным документам и воспоминаниям очевидцев и родственников.

Русские могилы встречаются по всему Тунису на муниципальных христианских и военных кладбищах. Волонтеры за эти три

Могилы митрофорного протоиерея Константина Михаловского, его супруги Елены Николаевны (урожд. Сцетуро) и их дочери Любви на Греческом кладбище г. Туниса, приведенная в достойный вид волонтерами ассоциации «Русское наследие». Тунис. 2019

года побывали на кладбищах городов Мензель-Бургибы, Бизерты, Туниса, Карфагена, Табарки, Кефа, Сфакса, Гаммарта и Такруны. К сожалению, до сих пор нет полного списка захоронений с указанием точного их местоположения и описания нынешнего состояния. Некоторых из христианских кладбищ, указанных в метрических книгах, уже не существует. На добровольные пожертвования на субботниках и воскресниках русские участки приводятся волонтерами в относительно достойный вид. И сегодня слова из Воззвания Приходского совета Церкви Воскресения в Тунисе от 18 июля 1942 г. звучат актуально:

Об этих могилах, где покоятся те русские люди, о которых некому вспомнить или родственники которых находятся в нужде, должны позаботиться общими усилиями все соотечественники <...>. Имена их постепенно уходят в забвение. Соединим свои усилия, им должны воздвигнуть на этих могилах скромные памятники, на которых будут высечены имена, сохранившиеся благодаря заботам о. Константина. Все великие народы чтут память своих умерших, и мы не можем изменить этому правилу (Архив храма).

Источники и литература

Архив храма — Архив храма Воскресения Христова в Тунисе. Фонд не описан

Бортоли 2008 — *Бортоли Е.* Русские церкви в Тунисе // Русская колония в Тунисе. 1920–2000: Сб. / сост. К.В. Махров. М., 2008. С. 168–171.

Вестник 1923 — Вестник русского национального комитета: Издание русского национального союза. Париж, 1923. 25 мая. № 3. 35 с.

Вестник Союза офицеров 1928 — Вестник Союза офицеров участников войны. Париж, 1928. № 2. 32 с.

Возрождение 1931 — Возрождение. Париж, 1931. 19 апр. № 2147.

Волков 2004 — *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. 560 с.

Выписки 2018 — Выписки из метрических книг церкви Воскресения Христова в г. Тунисе (протоиерей Константин Михаловский, июнь 1921 — июль 1939) / сост. А. Шугаев, 2018 (не опубл.).

Ельцова, Бешанова 2020 — *Ельцова Е.Н., Бешанова С.А.* Общественные организации и православная церковь в жизни русской общины Туниса. 1920–1960. Тунис, 2020. 64 с.

Зернин 1926 — *Зернин А.* Город Тунис и его быт // Возрождение. Париж, 1926. 17 июля. № 410. С. 2.

Ильин 2017 — *Ильин А.* Черевачицкие Котовичи — священники, деятели культуры и просто люди. Митрофорный протоиерей Константин Павлович Михаловский // Историческая Брама. 2017. № 1 (28). URL: <http://brama.brestregion.com/nomer28/article07.php> (дата обращения 16.03.2021).

Калве 1992 — *Калве А.* Анастасия Александровна из Бизерты // Даугава: литературно-художественный и публицистический журнал. Латвия. 1992. 1 ноября. № 6. С. 131–135.

Кнорринг 1998 — *Кнорринг Н.* Сфаят // Узники Бизерты. Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–25 гг. / сост. и предисл. С. Власова. М., 1998. С. 119–216.

Люди Русской эскадры 2015 — Люди Русской эскадры / сост. А.В. Плотто. М., 2015. 512 с.

Морской журнал 1928 — Морской журнал. 1928. № 6.

Панова 2008 — *Панова М.* Русские в Тунисе. Судьба эмиграции «первой волны». М., 2008. 296 с.

Русская колония 2008 — *Русская колония в Тунисе. 1920–2000: Сб. / сост. К.В. Махров.* М., 2008. 496 с.

Ширинская 2003 — *Ширинская А.А.* Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. 344 с.

Cimetiere millitere de Gammarth — Cimetiere millitere de Gammarth. URL: <https://tunis.consulfrance.org/Cimetiere-militaire-de-Gammath> (дата обращения: 16.03.2021).

А.С. Быкова

РУССКИЕ ЖИТЕЛИ ИРЛАНДСКОГО ДОМА
ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ «СЕНТ-ЭНДРЮС»

После окончания Второй мировой войны и распространения коммунистического режима в Китае многие тысячи бывших русских и европейских беженцев, живших в стране, оказались неуютны новому строю, лишились средств к существованию и имели серьезные основания опасаться за свою жизнь. Первой волной потенциальных эмигрантов занималась Международная организация по делам беженцев, работавшая в Шанхае в 1947–1951 гг. Из 29 тысяч зарегистрированных ею человек примерно 13,5 тысячи эмигрировали за четыре года и еще 5,5 тысячи были перевезены на остров Самар, Филиппины. К декабрю 1951 г., когда деятельность Международной организации по делам беженцев завершилась и ей на смену пришло Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (далее — УВКБ), 4 тысячи зарегистрированных беженцев все еще оставались в Китае, в основном в Шанхае. И еще порядка 12 тысяч со всего Китая прибавилось к ним в следующие два года. К августу 1953 г. в Китае насчитывалось примерно 15–20 тысяч желающих выехать в другую страну. Ситуация усугублялась тем, что большинство стран, готовых принять беженцев, не имели консульств на территории Шанхая, что означало для переселенцев переезд в Гонконг. Большинство из них были русские, бывшие подданные Российской империи, а также армяне, греки, евреи, испанцы и др. Малочисленным группам евреев, немцев, австрийцев, греков и испанцев было легче получить паспорта, и они не являлись «беженцами» в строгом смысле этого слова — лишь нуждались в помощи для выезда из Китая. А вот оставшиеся группы, в основном русские эмигранты, оказались в куда более тяжелом положении. Отношение китайских властей к этим людям выразилось совершенно ясно: для них нет места в новом Китае и к ним не будет жалости, если они останутся.

Геррит Ян ван Хеувен Гёдхарт (van Heuven Goedhart), Верховный комиссар ООН по делам беженцев, в декабре 1953 г. заявлял, что «примерно 15 тысяч беженцев европейского происхождения находятся в Шанхае или рядом с ним, причем примерно 800 из них представляют собой сложные случаи (пожилые, больные, инвалиды, которые будут представлять экономическое бремя для любой принимающей стороны). Некоторую помощь этим людям обещают оказать страны Латинской Америки. Их нельзя просто бросить. Задача состоит в том, чтобы развивать проекты по переселению, и добровольные организации должны заняться этим» [Aged, III... 1954, p. 131]. С середины 1953 г. началась специальная программа по обеспечению новых мест проживания для «трудных случаев». Десять европейских стран согласились разместить и обеспечить уход примерно 300 беженцам, и первые группы вылетели из Гонконга.

В сентябре 1953 г. в Ирландию со специальной миссией — уговорить ирландское правительство поучаствовать в размещении нуждающихся — приезжал замдиректора УВКБ М. Генри Тремо (Trémeaud). Ирландское правительство согласилось принять 40 пожилых эмигрантов, имеющих проблемы со здоровьем, из группы европейских беженцев, все еще находящихся в Китае. Содержание и размещение должны были быть обеспечены Ирландским Красным Крестом в специальном доме, для чего Управление обещало выделить 20 тысяч долларов из Фонда ООН по экстренной помощи беженцам. С самого начала Ирландский Красный Крест будет собственником дома и будет им полностью управлять. Правительство настояло на том, что количество беженцев в доме не превысит 20, и новые беженцы будут прибывать только в случае освобождения мест (в связи со смертью или отъездом из страны кого-либо из жильцов), но не более 40 в общей сложности¹. На содержание дома и его жильцов, если потребуется, правительство обещало выделять ежегодно грант в размере необходимой суммы с максимальным лимитом в 5 тысяч фунтов из средств расходов на оборону².

Ирландский Красный Крест занялся выбором места для будущего дома и отбором беженцев. Как видно из документов, хранящихся в Национальном архиве Ирландии, процесс затянулся. С самого начала обеспечение такого дома для беженцев было сопряжено со многими проблемами: религиозные и языковые нужды постояльцев, медицинское обслуживание и уход. Комитет Красного Креста настаивал на том, что для лучшего решения возникших вопросов и трудностей, а также по экономическим соображениям дом для беженцев должен располагаться именно в Дублине, где находится штаб-квартира Красного Креста³. Подходящее здание было найдено на улице Темпл-роуд в районе Ратгар (Temple Road, Rathgar). УВКБ просило ирландскую сторону принять срочные меры по размещению беженцев, поскольку уже двое из выбранных для переезда в Ирландию были репатриированы в СССР. Составление списков Красным Крестом и согласование с Верховным комиссаром, проверка их Министерством юстиции Ирландии в целях «безопасности», процесс выдачи ирландских виз, получение выездных документов в Китае, переезд выбранных беженцев в Гонконг и обращение за новыми визами, так как действие предыдущих истекло (Ирландия выдавала визы на полгода), занимало многие месяцы. Список беженцев, которые в итоге приехали в Ирландию, сильно отличается от первоначального — многие просто не дожили до дня переезда, были репатриированы в СССР, с ними был потерян контакт или они добились переезда в другие страны.

Помимо Ирландского Красного Креста, помощью беженцам из Северного Китая занимался Ирландский совет по еврейским беженцам и Объединенный совет христианских церквей. Нам известно только об одном деле, выполненном Ирландским советом по еврейским беженцам по программе помощи беженцам из

¹ NAI. 419/33/6 1. Letter from H. Trémeaud, Deputy Director, Office of the High Commissioner for Refugees, to Mr. Butler, Ministry for External Affairs, from 25 September 1953.

² Решение было принято правительством 19 февраля 1954 // The Government's decision of 19th February 1954 S.110078.

³ NAI. 419/33/6 1. Memorandum for the Government, September 1955.

Северного Китая. В сентябре 1953 г. они согласились принять и взять на полное обеспечение двух беженцев: Исаака и Хаю Шапиро. Совет по еврейским беженцам не мог сам содержать эту пару, грант на их содержание обещал предоставить Американский объединенный распределительный комитет⁴. Визы были выданы 3 марта 1955 г.

Исаак Шапиро (1873–1955), родом из Брест-Литовска, торговец, так и не дождался переезда, умер. **Хая Шапиро / Haya Shapiro**⁵ (урожд. Гордон; 1880–1960) родилась 1 мая 1880 г. в Умани, получила домашнее образование. В 1897 г. вышла замуж и с тех пор жила при муже, домохозяйка. В 1917 г. переехала в Харбин, с 1920 г. пара жила в Тяньцзине. В 1946 г. оба получили советские паспорта. У Шапиро было двое детей, но их судьба неизвестна⁶.

Хаю Шапиро привезли из Гонконга в Ирландию 6 ноября 1957 г. в сопровождении санитаря и разместили в Еврейском доме престарелых в Дублине (Лейнстер-роуд, Рафмайнс), где она прожила чуть менее трех лет. Хая умерла 14 октября 1960 г., похоронена на еврейском кладбище Долфинс-барн в Дублине (Dolphins barn. Секция E, ряд 08, участок 21). Могильный камень очень скромный, совсем маленький по сравнению со стоящими рядом.

Могила Хаи Шапиро

Объединенный совет христианских церквей, представлявший протестантские церкви Ирландии, оборудовал для европейских беженцев специальный дом

The Haven, который изначально предназначался для беженцев после Второй мировой войны, на освободившиеся места принимали и белых эмигрантов из Китая: Глафира и Дмитрий Поповы, Галина и Иван Фотопуло, Евгения и Александр Бакакины, Наталия Андреева-Урбанович и Ольга Гамрекели, Юлий Каменский, Юлия и Михаил Климович [Быкова 2019]. Так как The Haven существовал за счет добровольных пожертвований и небольших грантов от УВКБ, ирландское государство не спонсировало его; в данной статье деятельность дома не рассматривается.

Дом для размещения «трудных случаев» (пожилых, больных, с ограниченными возможностями здоровья и ментальными проблемами) европейских беженцев из Китая был куплен в 1955 г. за 10 200 фунтов. Средства на покупку обеспечили грант от Верховного комиссара ООН по делам беженцев (20 тысяч долларов, что составило примерно 7140 фунтов), 2 тысячи фунтов от частного лица и грант от ирландского правительства. В то время в Ирландии не было принято давать

⁴ NAI. 419/33/6 1. Letter from H. Trémeaud to A.N. O'Brien, 7 April 1955.

⁵ Здесь и далее указываются английские версии написания имен, как они были использованы в документах Управления по делам беженцев.

⁶ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81623505.

домам номера — дому присвоили имя Naomh Aindrias (ирл.), или St. Andrew's (англ., «Сент-Эндрюс»). Место было выбрано тихое и респектабельное, рядом располагались небольшой сквер и церковь. Непосредственно данным домом престарелых занималась так называемая «Ратмайнс групп» (The Rathmines Group; Ратмайнс — название района в центре Дублина), одна из групп, сформировавшихся после оконча-

Вход на территорию «Сент-Эндрюс»

ния Второй мировой войны для присмотра за престарелыми и оказания им помощи. Среди членов группы были люди всех возрастов, занятий и вероучений, общей целью которых являлась помощь тем, кто в силу своего возраста более не мог сам себя обеспечить [History of Merrick House 2020, p. 4]. Членами общества состояли в основном женщины.

«Сент-Эндрюс» был просторным и комфортным, с собственным садом, с центральным отоплением. Дом получил ценные подарки от доброжелателей, в том числе пианино и радиолу, чтобы сделать жизнь пожилых людей более комфортной.

В итоге первая группа беженцев прибыла из Гонконга 4 ноября 1957 г.:

Маландина Прасковья;

Васильковская Хеония;

Ринос Валентина;

Буцнева Елена;

Кириллов Николай;

Бржевская Владислава;

Кириллова Лидия.

Вторая — 4 июня 1958 г.:

Халаимов Влас;

Халаимова Христина;

Ефремов Петр.

Третья — 6 декабря 1958 г.:

Веневцев Семен;

Веневцева Пелагея;

Батуева Мария;

Котлярова Анна;

Кардашевская Екатерина;

Михайлова Мария;
 Михайлов Василий;
 Михайлова Екатерина⁷.

Как легко можно заметить, из 19 беженцев (с первой группой прибыла и Хая Шапиро, о которой мы говорили выше) только 5 — мужчины, Ирландский Красный Крест отбирал в основном женщин. Практически все православные. Только семеро из приведенных имен были в списке, сформированном в начале 1957 г.⁸, остальные заменили тех, кто по каким-то причинам не пожелал или не смог поехать в Ирландию. Также хочется подчеркнуть, что со времени приезда в Ирландию М. Генри Тремо, донесшего до ирландского правительства просьбу о помощи беженцам, до прибытия первой группы прошло более четырех лет. Все это время люди пожилого возраста с различными проблемами со здоровьем ждали помощи во все ухудшающихся условиях. Мало у кого из них была возможность зарабатывать, жили, как правило, за счет сбережений, продажи имеющихся вещей и помощи от представителей Верховного комиссара ООН по делам беженцев и различных благотворительных организаций.

Первую группу беженцев из 8 человек встретили генерал-майор, генеральный секретарь Ирландского Красного Креста Дж. А. Свини⁹, вице-председатель Ирландского Красного Креста миссис Хакетт¹⁰, казначей Ирландского Красного Креста Ш. Морайн (Morain), помощник секретаря Министерства обороны полковник Т. Дж. МакКинни (McKinney), почетный секретарь Анджела Расселл (Russell); от еврейского сообщества Дублина были раввин Алони (Aloni) и представитель Еврейского дома престарелых мистер М. Баум (Baum) [Ireland haven 1957]. Следующие приветственные встречи были менее представительны, третью группу беженцев приветствовали миссис Хакетт, мистер Морайн и генерал-майор Свини [Eight White Russian Refugees 1958].

Самой яркой и самой известной обитательницей дома «Сент-Эндрюс» была **Екатерина Александровна Кардашевская / Catherine Kardashevsky** (урожд. Михайлова; 1891–1979). Екатерина Александровна родилась 29 мая 1891¹¹ (1887¹²) г. в Брест-Литовске. Ее отцом был армейский врач Александр Михайлович Михайлов, в «Российском медицинском списке» 1902 г. он значится как лекарь, коллежский советник, старший врач 41-го драгунского полка в Пинчове Келецкой губернии [Российский медицинский список 1902, с. 218], погиб во время Первой мировой

⁷ NAI. 419/33/6 1. The Irish Red Cross Society to The Secretary, The Department of External Affairs, 2 February 1959. Порядок указания имен соответствует списку Ирландского Красного Креста.

⁸ NAI. 419/33/6 1. Irish selection. 20 February 1957.

⁹ Джозеф Алоизиус Свини (Sweeney; 1897–1980) — ирландский политик и военный, работал в Ирландском Красном Кресте с 1950 г., генеральный секретарь Ирландского Красного Креста в 1956–1962 гг.

¹⁰ Мэри Хакетт (Hackett; 1886–1968) — жена профессора Феликса Хакетта (1882–1970), оба активно занимались социальной работой и благотворительностью. Мэри была первым президентом «Ратмайнгрупп» и затем вице-президентом Ирландского Красного Креста.

¹¹ Регистрационная карточка Кардашевской Екатерины Александровны. SH/51323 // Регистрационные карточки русских эмигрантов, проживавших в Шанхае в период 1939–1945 (архив К.В. Чачина).

¹² ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81586028.

войны. Как рассказывала сама Екатерина Александровна, она училась в частной школе в Санкт-Петербурге и посещала занятия в музыкальной школе, год училась в Университете Гренобля. В 1910 г. вышла замуж за кавалерийского офицера Леонида Ивановича Кардашевского, у супругов была квартира в городе Кельцы (ныне Кельце, Польша. —А.Б.). В 1914 г. муж был мобилизован и в самом начале войны серьезно ранен¹³, долгое время пользовался костылями, затем был послан в Сибирь для закупки лошадей для армии, Екатерина Александровна отправилась вместе с ним. О революции вспоминала с ужасом: «Моя мать больше не могла оставаться в имении, так как крестьяне вели себя отвратительно, и она приехала к нам, но это было ужасное время для офицеров. Офицеры стали вне закона. Прекратили выплачивать пенсии по ранению, жизнь стала очень тяжелой» [O'Brien 1967, p. 6]. Когда город Семипалатинск заняли белые войска, Кардашевского отправили для закупки лошадей еще дальше на восток, к границе с Китаем, там семья прожила около года, затем их перевезли в Харбин, «так что мы переехали в Китай и теперь были вне опасности быть убитыми» [Ibid.]. Семья вскоре переехала в Шанхай, где Леонид Иванович нашел работу в школе верховой езды, открытой русскими офицерами. Там они и жили в течение многих лет. Леонид Иванович умер в 1947 г. Тогда же, в 1947 г., Кардашевская получила советский паспорт.

Екатерина Александровна давала частные уроки музыки, русского и французского языков, преподавала русский язык в коммерческом колледже. Но когда в Шанхае пришли к власти коммунисты, вынуждена была перейти в государственный институт — Шанхайский институт иностранных языков, что было не самым приятным временем в ее жизни: «Было очень опасно. Повсюду были доносчики. Я постоянно боялась. Арестовывали учителей. И постоянно что-то придумывали» [Ibid.]. После получения ирландской визы проинформировала Красный Крест, что не может приехать сразу же, ссылаясь на контракт, действующий до июля 1958 г.¹⁴ На самом деле Екатерина Александровна не хотела ехать в Ирландию: ее смущал влажный климат, матери было уже более 90 лет, она бы предпочла переехать во Францию, но выбора не оставалось — пришлось согласиться на Ирландию. И в июне 1958 г. Екатерина Александровна даже написала письмо в Министерство иностранных дел Ирландии, в котором благодарила за одобренные ей и матери визы, обещала не терять времени и соблюсти все необходимые процедуры для немедленного переезда¹⁵. Ее опасения не оправдались — она влюбилась в Дублин с первого взгляда.

Мадам Кардашевская, несмотря на серьезный ревматизм и кардионевроз¹⁶, запомнилась своей красотой, элегантностью и редким сочетанием бодрости и достоинства. В 1967 г. вышло ее большое интервью в газете «Irish Times», на све-

¹³ Согласно документам сайта www.gwar.ru ротмистр 14-го уланского Ямбургского полка Кардашевский Леонид Иванович был ранен 22 августа 1914 г. у поселка Линско; был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

¹⁴ NAI. 419/33/6 I. The Irish Red Cross Society to The Department of External Affairs, 12 September 1957.

¹⁵ Ibid. DFA/6/422/240. Letter from C. Kardashevsky to Department of External Affairs. 26 June 1958.

¹⁶ Ibid. DFA/ 419/33/6 I. List of refugees approved for admission to St. Andrews, 30 January 1957.

дениях из которого и основан наш рассказ о жизни Екатерины Александровны. Она давала уроки русского языка в «Сент-Эндрюс», учеников было немного, на каждого она произвела неизгладимое впечатление. Так, уроки русского языка у нее брала сотрудница Министерства иностранных дел М. Ли (Lee), из ее записки мы знаем, что занятия у мадам Кардашевской стоили 15 шиллингов в час¹⁷. Другая ученица, Анита Рамбольд, до сих пор хранит учебники, по которым изучала русский язык, и вспоминает о грации, достоинстве и изысканных украшениях мадам Кардашевской¹⁸. Екатерина Александровна умерла 19 декабря 1979 г. В своем завещании она просила передать все имеющиеся у нее иконы представителю Русской православной церкви в Лондоне, часть сохранившихся драгоценностей она оставила подруге, а наиболее ценные украшения завещала сестре Вере Смелтцер (Smeltzer), проживавшей в Вашингтоне.

Мать Кардашевской — **Мария Александровна Михайлова / Maria Mihailoff** (урожд. Перротте; 1865–1961) — родилась 8 мая 1865 г. в Москве, в 1886 г. вышла замуж, имела двух дочерей — Екатерину и Веру¹⁹. После революции 1917 г. проживала в Шанхае вместе с дочерью Екатериной и вместе с ней переехала в Ирландию. Тоже получила советский паспорт в 1947 г. Относилась к «тяжелым случаям» беженцев, так как, помимо преклонного возраста — 91 год — страдала деформирующим артритом, немощью и артериосклерозом²⁰. Мария Александровна умерла 24 марта 1961 г. в возрасте 95 лет.

Владислава Антоновна Бржевская / Vladislava Brzevska (урожд. Криванская; 1884–?) родилась 8 июня 1884 г. в д. Зовада Люблинской губернии. Первый муж Бржевский, Андрей Владимирович, ветеринарный врач Российской императорской армии, погиб в августе 1914 г., оба ребенка умерли в раннем возрасте. Согласно анкете, заполненной для УВКБ, до 1907 г. Владислава проживала в Польше, с 1907 по 1913 г. — в Санкт-Петербурге, затем около года в Чите и Верхнеудинске, в 1917 г. прибыла в Маньчжурию, в 1924–1939 гг. жила в Харбине, а с 1940 г. в Шанхае. Второй муж, Билтуловский Михаил Николаевич, русский из Владивостока, инженер-железнодорожник, умер в 1934 г. Также она указала третьего мужа — Шидловского Аполинария Антоновича, 1890 г.р., поляка, хирурга²¹. Дело Бржевской Владиславы Антоновны из архива БРЭМ содержит ту же информацию; сословие — крестьянка, вероисповедание — римско-католическое, подданство — эмигрантка, национальность — полька, политические убеждения — правые (аполитична), в общественных, политических организациях не состояла²². По данным Красного Креста, вдова, католичка, говорила на русском и польском языках, страдала гипертонией и тремором головы²³.

¹⁷ Ibid. DFA/6/422/240. Note of Maire Ni Laor from 1 August 1969.

¹⁸ Анита Рамбольд в личной беседе с А. Быковой.

¹⁹ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81586031.

²⁰ NAI. DFA/ 419/33/6 I. List of refugees approved for admission to St. Andrews, 30 January 1957.

²¹ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81563016.

²² ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5719.

²³ Там же.

Профессии у Владиславы не было, жила домохозяйкой, неграмотная. С самого начала переезжать должна была одна, без членов семьи. Она недолго задержалась в «Сент-Эндрюс». Несмотря на свой возраст, в 78 лет решила выйти замуж и попросила Красный Крест перевести ее в дом для польских беженцев во Франции, в замке под Орлеаном, где проживал ее друг. Кроме того, в этом доме находились только польские беженцы и она могла бы говорить с ними на ее родном польском языке. 12 марта 1961 г. Владислава Бржевская покинула Ирландию.

Прасковья Тимофеевна Маландина / Paraskeva Malandina (1877–1961). По данным Красного Креста, родилась 26 октября 1877 г., вдова, детская няня, отнеслась к «тяжелым случаям», так как страдала нарушением подвижности левой ноги и гипертонией²⁴. В анкете УВКБ указано, что Прасковья Тимофеевна родилась 10 ноября 1881 г. (рядом с датой стоит знак вопроса) в г. Мариинске Николаевской области (в другом документе говорится о Мариинске в Сибири) в семье Тимофея и Марфы Маландиных. Замужем не была. Образования не имела, говорила только на русском языке. Порядка десяти лет работала детской няней сначала у миссис Гудбисари в Тяньцзине, затем в семье Меньшиковых в Шанхае²⁵. Имела советский паспорт, выданный в 1947 г. Умерла 7 октября 1961 г.

Хеония Андреевна Васильковская / Hionia Vasilkovsky (урожд. Картошева; 1884–1962). По данным Красного Креста, родилась 16 августа 1884 г., вдова, домохозяйка²⁶. Из анкеты УВКБ следует, что Хеония Андреевна должна была переезжать вместе с сыном, Николаем Васильковским, его женой и пасынком, но в 1955 г. они были репатриированы в СССР, Хеония Андреевна осталась одна. В анкете указано сыном, что она родилась 16 июля 1884 г. в Змеиногорске на Алтае, имела начальное образование²⁷. В 1902 г. вышла замуж за Петра Никаноровича Васильковского, 1879 г.р., русского, военного, умершего в России (год смерти не указан). Имела китайский паспорт, остальные члены семьи получили паспорта СССР. Работала портнихой примерно в 1919–1928 гг., затем жила на содержании у сына, последние годы — за счет помощи от Комитета ООН²⁸. Хеония Андреевна не могла толком ответить на вопросы анкеты: из-за возраста уже не помнила подробности и даты, владела только русским языком, могла немного читать и не могла писать, правый глаз не видел. Также Васильковская Хеония Андреевна упоминается как жена Баранова Арсения Федоровича²⁹ в его деле из архива БРЭМ. Умерла 27 октября 1962 г.

Валентина Яковлевна Ринос / Valentina Rinos (урожд. Ошева; 1883–1961). По данным Красного Креста, родилась 12 августа 1883 г., не замужем, медсестра, владела английским и немецким языками³⁰. Родилась в Перми, после школы окончила специальные курсы при Российском Красном Кресте в 1902–1906 гг. Этого нет

²⁴ NAI. DFA/ 419/33/6 I. List of refugees approved for admission to St. Andrews, 30 January 1957.

²⁵ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81600834. Personal Data Form of Paraskeva Malandina.

²⁶ NAI. DFA/ 419/33/6 I. List of refugees approved for admission to St. Andrews, 30 January 1957

²⁷ ITS Archives. ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81640855.

²⁸ Ibid. 3.2.3.2./8164085.

²⁹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 2833.

³⁰ NAI. DFA/ 419/33/6 I. List of refugees approved for admission to St. Andrews, 30 January 1957.

в документах, но, вероятно, в 1906 г. вышла замуж за Ушахина Александра Ивановича. Следующие девять лет жила во Владивостоке, вела обычную жизнь домохозяйки. Рассказывала, что в Первую мировую войну отправилась медсестрой на Варшавский фронт, где служила в 1915–1917 гг., найти этому подтверждение не удалось [Список сестер милосердия 1915]. Муж, как она утверждала, капитан 2-го ранга, погиб в 1918 г.³¹ В том же 1918 г. во Владивостоке она родила сына Александра. До 1922 г. оставалась во Владивостоке, зарабатывала как частная медсестра, затем переехала в Харбин, где работала в госпитале Красного Креста и у доктора Раубаха. В 1924 г. в Харбине вышла замуж за немецкого гражданина, электромеханика Густава Адольфовича Риноса. С тех пор жила в Шанхае, продолжала частную практику медицинской сестры³². Семейная жизнь была недолгой — Густав Адольфович скончался в 1930 г. Сын — Александр Александрович, по ее словам, получил американское гражданство, стал лейтенантом военно-воздушных сил США, умер в 1949 г. в госпитале Нью-Йорка от полученных в сражении ранений³³. Оформила советский паспорт в 1947 г.

Валентина Яковлевна умерла 28 марта 1961 г. Похоронена отдельно от остальных жильцов дома на участке North/D/119, что связано, скорее всего, с ее принадлежностью к римско-католическому вероисповеданию (так значит в регистре кладбища, хотя до этого в документах УВКБ она указывала себя как православную). Могила не обозначена, ее удалось найти по номерам соседних могил.

Елена Ильинична Буцнева / Elena Butsneva (урожд. Попова; 1891–1967). По данным Красного Креста, родилась 28 мая 1891 г., без образования, частная сиделка и домоправительница, проживала отдельно от мужа в Тяньцзине, страдала высоким давлением и варикозом³⁴. Из дела УВКБ мы знаем, что Елена Ильинична родилась в Уфе, в семье Ильи и Пелагеи Поповых, в возрасте трех лет потеряла мать, и ее забрали к себе дедушка с бабушкой, а когда ей исполнилось десять, она стала жить с тетей, вместе с которой переехала в 1910 г. в Благовещенск, где тетя умерла в 1916 г., Елене предложили работу в качестве домоправительницы в Харбине — так она оказалась в Китае. В 1921 г. переехала в Тяньцзинь, где в 1923 г. вышла замуж за Буцнева Андрея Никитича, 1890 г.р., русского эмигранта из Оренбурга, фотографа; с тех пор вела домашнее хозяйство, в 1945 г. муж отправился в Чифу как раз во время освобождения города, с тех пор она ничего о нем не слышала. Последние годы в Китае зарабатывала на жизнь в качестве сиделки³⁵. Владела только русским языком. Умерла 12 января 1967 г.

Лидия Вячеславовна (урожд. Покровская; 1898–1979) и **Николай Иосифович Кирилловы / Lydia and Nikolai Kirilloff** (1897–1969). Николай Иосифович ро-

³¹ Найти информацию про капитана 2-го ранга Ушахина Александра Ивановича не удалось, в документах РГАВМФ есть Ушахин Александр Иванович — коллежский регистратор 1914–1916 гг. (РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 19. Ед. хр. 55. Л. 6 https://rgavmf.ru/sites/default/files/opis_pdf/_873_19_full.pdf).

³² ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81619246.

³³ Ibid. Подтверждения найти не удалось.

³⁴ NAI. DFA/ 419/33/6 I. List of refugees approved for admission to St. Andrews, 30 January 1957.

³⁵ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81563406.

дился 2 апреля 1897 г. в Вологде, а Лидия Вячеславовна — 2 февраля 1898 г. (или 1899 г.³⁶) в Иркутске³⁷ Согласно послужному списку Николай Иосифович родился 2 апреля 1899 г., из крестьян Костромской губернии, окончил пять классов харбинской 1-й частной мужской гимназии В.Л. Андерса и Телавскую школу прапорщиков. 14 ноября 1916 г. прибыл в 235-й пехотный запасной полк и назначен младшим офицером 9-й роты. Был в походах и делах против Турции с 22 октября 1915 по 10 июня 1916 г.³⁸ В анкете для УВКБ Николай Иосифович был весьма скуп на информацию, кратко указал, что в 1917–1918 гг. был на Юго-Западном фронте, 1918–1923 гг. провел в Константинополе, затем до 1928 г. работал на молочной ферме в Белграде, вернулся в Харбин к родителям, с 1930 г. работал фотографом в шанхайской французской полиции, в 1943–1945 гг. без работы, в 1945–1949 гг. провост-маршал³⁹, с 1949 г. снова без работы⁴⁰. Из личного дела Лидии Вячеславовны из архива БРЭМ мы знаем, что она окончила гимназию в городе Иркутске в 1917 г., в Шанхай прибыла из Владивостока в 1922 г., все время состояла при муже и вела домашнее хозяйство, языками не владела, имела антикоммунистические убеждения⁴¹. Лидия Вячеславовна до 1917 г. жила в Иркутске, затем четыре года во Владивостоке, где работала в правительственном офисе, с 1921 г. — в Шанхае. Модистка. Владела английским языком⁴². Лидия Вячеславовна — вторая жена Николая Кириллова, первой была Мария Орлова, она умерла в 1930 г.⁴³ Супруги сначала собирались отправиться в Уругвай, им были выданы визы, и 4 апреля 1956 г. они прибыли в Гонконг. Здесь Кирилловы решили попробовать обратиться в американское консульство за разрешением на переезд. Однако у Николая Иосифовича случилось обострение депрессии, он впал в маниакальное состояние и немедленно был помещен в психиатрический госпиталь⁴⁴, об обращении за американской визой пришлось забыть. Чиновники Комитета по делам беженцев решили не отправлять их в Уругвай, чтобы не навредить программе, и срочно стали искать другие возможности для переезда Кирилловых. Оба имели статус русских эмигрантов, из документов — только документы от УВКБ. Детей у них не было. Вероятно, решение переехать в Ирландию оказалось для них удачным, так как рядом, в Великобритании, жила сестра Николая Иосифовича — Екатерина Иосифовна Ватсон.

Николай Иосифович рассказал ирландскому корреспонденту, который взял у него интервью сразу после прибытия беженцев в Дублин, что до революции

³⁶ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20323. Л. 1.

³⁷ Регистрационная карточка Кириллова Николая Иосифовича. SH/51862 // Регистрационные карточки русских эмигрантов, проживавших в Шанхае в период 1939–1945 (архив К.В. Чащина).

³⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 70496. https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_posluzhnoi_spisok50522348/.

³⁹ Провост-маршал (Provost marshal) — звание, присваиваемое лицу, руководящему группой военной полиции.

⁴⁰ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81587121.

⁴¹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20323. Л. 1, 2.

⁴² ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81587126.

⁴³ Ibid. 3.2.3.2./81587121.

⁴⁴ Ibid. 3.2.3.2./81587125.

1917 г. он был офицером Императорской армии, его дом был в 600 милях от Москвы, около сорока лет он служил фотографом во Французской муниципальной полиции в Шанхае, а последние четыре с половиной года работал в отделе баллистики и фотографии американской армии [Ireland haven 1957]. В Гонконге им пришлось оставить свою собаку, при этом Лидия Вячеславовна пошутила, что это была «та же порода собаки, что русские сажают в спутники» [Ibid.].

Кириллова дружила с мадам Кардашевской и тоже подрабатывала, давая уроки русского языка в дублинской языковой школе, принадлежавшей известной сети языковых школ Берлиц (Berlitz-Languages). Вот таким экстравагантным слогом было написано объявление, которое давалось в газетах «Irish Times» и «Irish Independent» в 1960 г.: «РУССКИЙ ЯЗЫК (Мадам Кириллова). Изучите их язык, чтобы вы могли осознать грубости и жестокости за железным занавесом. Проспект по обращению. — Языковая школа Берлиц, площадь Фицвильямс, 39» [Irish Times 1960, 16 January; Irish Independent 1960, 16 January и др.]. Николай Иосифович умер 20 апреля 1969 г., Лидия Вячеславовна — 27 февраля 1979 г. Похоронены они раздельно. Лидия Вячеславовна почему-то записана протестанткой и похоронена отдельно от остальных беженцев в могиле North/12/72.

Христина Семеновна (урожд. Четверткова; 1876–1968) и **Влас Стефанович Халаимовы / Hristina and Vlas Halaimoff** (1879–1966). Влас Стефанович родился 11 февраля 1879 г. в местечке Песчано Балтского уезда Каменец-Подольской губернии в семье крестьянина. В 1902 г. приехал в Харбин в поисках работы, в 1911 г. уехал на Амурскую железную дорогу, в 1915 г. был мобилизован, служил во 2-м российском железнодорожном батальоне до 1917 г., по демобилизации уехал в Приморье на станцию Гондатьевскую Уссурийской железной дороги, зачислился там в волость крестьянином и работал слесарем в Главных механических мастерских дороги по 20 августа 1919 г., в сентябре того же года приехал в Харбин и поступил в Земельный отдел КВЖД на лесную концессию в Шитоухедзе в качестве лесного десятника, в 1923 г. был уволен, в 1925 г. вновь поступил и служил до 1932 г., когда уволился и в Харбине работал у частных лиц в качестве слесаря, плотника и чернорабочего. Получил советский паспорт в Харбине в 1932 г., в 1938 г. отказался от его пролонгации и сдал в советское консульство. Кроме членства в Профсоюзе КВЖД, в других каких-либо советских организациях не состоял и политикой не занимался⁴⁵.

Влас Стефанович трижды был женат, последний раз женился в Харбине в сентябре 1943 г. на Христине Семеновне Четвертковой. Христина Семеновна родилась 19 августа 1876 г. в д. Балаклеевское Тамбовской губернии. До 1923 г. жила в деревне, в тот год переехала в Харбин в качестве домашней прислуги генерала Хорвата. В 1926–1928 гг. была сиделкой в Госпитале Красного Креста в Харбине. С 1928 г. работала на собственной молочной ферме⁴⁶. Вероятно, тогда же и вышла замуж. Первым мужем был Корин Григорий Павлович, имевший молочную ферму, умер в 1940 г.⁴⁷ Вела домашнее хозяйство и помогала на ферме, была неграмотна, владела

⁴⁵ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. Халаимова Власия Стефановича. Л. 10.

⁴⁶ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81581891.

⁴⁷ Ibid.

только русским языком. В анкете Комитета по делам беженцев Влас Стефанович основным занятием указал собственную молочную ферму, скорее всего, речь идет о ферме Христины, что досталась ей после смерти мужа, с 1956 г. без работы.

Влас умер 23 января 1966 г., Христина — 6 марта 1968 г. в возрасте 92 (96 — в свидетельстве о смерти) лет.

Петр Никандрович Ефремов / Peter Efremoff (1877–1962) родился 4 июня 1877 г. в г. Боугот Бирюченского уезда Воронежской губернии, крестьянин, окончил 4 класса гимназии в г. Петрограде (именно так указано в его анкете) в 1889 г. и служил в частных предприятиях, в 1910–1919 гг. заведовал домом инженера Н.В. Дмитриева, в мае 1920 г. уехал от петроградского голода в Харьков, где поступил на Южную железную дорогу конторщиком, в 1922 г. вернулся ненадолго в Петроград, в следующем году уехал на восток и нелегально перешел границу в Маньчжурию, бежал от большевиков⁴⁸. По специальности маляр, домовладелец. Зарабатывал арендой и малярным делом. Документы УВКБ содержат ту же информацию, добавлено, что с 1922 по 1934 г. работал на Восточной железной дороге, а в графе «сфера занятий» Петр Никандрович указал «маляр и печник»⁴⁹. Женат не был. С 1946 г. имел советский паспорт. Умер 10 августа 1962 г.

Пелагея Андреевна (урожд. Анпелогова; 1888–1959) и **Семен Максимович** (1884–1975) **Веневцевы / Pelegeria and Semen Venetzeff**. Семен Максимович родился 3 февраля 1884 г. в пос. Благодолный Оренбургской губернии. Имел начальное образование, 3 года служил в 6-м Оренбургском казачьем полку рядовым, во время Первой мировой войны был мобилизован и служил в 8-м оренбургском казачьем полку, присоединился к Белой армии, в 1920–1923 гг. устроился в Синьзяне рудокопом, затем переехал в Тяньцзинь, где работал на строительстве дорог и затем упаковщиком на Арахисовой фабрике Ханс. Основная сфера занятий — сельское хозяйство, также подрабатывал сторожем⁵⁰. В 1946 г. вместе с женой получили советские паспорта. С 1950 г. без работы.

Пелагея Андреевна родилась там же, в Благодолном, 4 мая 1888 г., вышла замуж в 1905 г.,

Могила Пелагеи и Семена
Веневцевых

⁴⁸ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 15130. Л. 9–12.

⁴⁹ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81571851.

⁵⁰ Ibid.

детей не было, работала на собственной молочной ферме, занималась домашним хозяйством и вязанием⁵¹. Жила при муже. Пелагея Андреевна умерла 13 октября 1959 г. — первой из русских беженцев, прожив в «Сент-Эндрюс» всего 10 месяцев. У Пелагеи Веневцевой, единственной из рассматриваемой группы эмигрантов, надпись на могильном камне сделана на русском языке и выбит небольшой православный крест. Семен Веневцев умер 1 января 1975 г. в возрасте 90 лет, похоронен вместе с женой, однако его имя на камне некому было заказать выбить.

Мария (Маруся) Николаевна Батуева / Maria Batueva (урожд. Гольцева; 1905–1989) родилась 20 мая 1905 г. в Хабаровске, с 1914 по 1917 г. училась в Гоголевском училище, в 1921 г. окончила краткие курсы сестер милосердия, после чего работала в Хабаровской гарнизонной амбулатории по 1922 г. В 1923 г. прибыла в Харбин, где в 1924 г. вышла замуж и с тех пор жила на иждивении мужа⁵². В анкете 1935 г. отмечено, что вдова⁵³, но, скорее всего, развелась или ушла от мужа и поэтому переехала в Шанхай примерно в 1936 г. Имя мужа не отмечено ни в деле из архива БРЭМ, ни в деле УВКБ. Мария Николаевна указана как первая жена Батуева Георгия Максимовича, 1896 г.р. из г. Усть-Каменогорска, крестьянина, русского эмигранта⁵⁴. При заполнении анкеты УВКБ про родителей написала, что не знает ни дат, ни мест рождения, так как оставила их в раннем возрасте; в разделе «близкие» написала: «Никого в целом мире — потеряла все контакты с родными сорок лет назад»⁵⁵. Владела английским языком. Всю жизнь занималась домашним хозяйством, в 1936–1945 гг. работала маникюршей и время от времени частной сиделкой. С 1946 г. жила за счет поддержки от Комитета по делам беженцев, страдала язвой и проблемами со зрением.

В «Сент-Эндрюс» здоровье Марии Николаевны поправилось, и она прожила 83 года. Была активной прихожанкой, она запомнилась тем, что всегда просила похоронить ее по православному обряду, и после смерти в ее Библии нашли десятифунтовую банкноту, прибереженную для священника [Mac Eoghain 1999]. В 1983 г. она дала небольшое интервью Хелен Конвей из Irish Press. Журналистка описала Марию Николаевну как выглядящую довольно молодо, лет на 20 моложе своего возраста, с серьезно ограниченными возможностями передвижения из-за артрита шеи, из-за которого она редко могла выбираться за пределы «Сент-Эндрюс». Была ожесточена по отношению к коммунистам и режиму в СССР. В ее комнате на одной стене были приколоты пожелтевшие фотографии царской семьи, а на полочке в углу благоговейно расставлены русские иконы — единственные памятные вещи, сохранившиеся у Марии Николаевны из страны, которую она вынуждена была покинуть юной девушкой [Conway 1983]. Последние годы жизни не были спокойными: после 25 лет проживания в доме «Сент-Эндрюс» ей

⁵¹ Ibid. 3.2.3.2./81638540.

⁵² ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 3217. Л. 3, 4.

⁵³ Там же. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Д. 3210, 3216.

⁵⁵ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81560692.

снова пришлось переезжать, на этот раз уже в связи с продажей дома для беженцев. Мария Батуева умерла 25 февраля 1989 г.

Анна Викторовна Котлярова / Anna Kotliarova (урожд. Седико; 1885–1970) родилась 27 января 1885 г. в г. Нежине Черниговской губернии в семье дьякона Виктора Павловича Седико. Окончила среднюю школу. В 1908 г. вышла замуж за священника Котлярова Николая Ивановича, вместе с ним жила во Владивостоке вплоть до 1927 г., затем они переехали в Харбин, где ее муж служил главным священником церкви Корпусного городка. После смерти мужа в 1939 г. жила в доме престарелых митрополита Мефодия⁵⁶. Имела паспорт эмигранта, в 1949 г. получила советский паспорт. Владела только русским языком. Умерла 11 декабря 1970 г.

Екатерина Степановна (урожд. Земницкая; 1893–1975) и **Василий Александрович** (1885–1967) **Михайловы / Ekaterina and Vasily Mihailov**. Василий Михайлович родился 23 октября 1885 г. в местечке Батурино Черниговской губернии в дворянской семье. Учился в Киевском университете на юридическом факультете в 1909–1913 гг., затем год в Томском университете, где и получил диплом юриста. В 1912 г. в д. Кнуты Черниговской губернии женился на Екатерине Степановне⁵⁷. С 1914 г. в Киевском окружном суде по гражданскому отделению, с 1915 г. до революции в личной канцелярии Оренбургского губернатора, затем в Областном казначействе управления (милиции) в г. Оренбурге заведующий юридическим отделом, а в 1919 г. в личной охране в Управлении дежурного генерала при особе Верховного Правителя в г. Омске, поездом Верховного Правителя эвакуировался из Оренбурга в Иркутск. В Маньчжурию прибыл в 1920 г. с Японской военной миссией из Иркутска. В 1925 г. принял китайское подданство⁵⁸. Работал на концессии КВЖД на станции Шитоухэцзы конторщиком, уволился после китайско-советского конфликта в 1930 г., в 1931 г. переехал в город Цицикар, где работал помощником аптекаря до августа 1935 г.⁵⁹ После закрытия аптеки переехал в Харбин, некоторое время был безработным, потом служил конторщиком, кладовщиком, в охране, помощником делопроизводителя. По убеждениям монархист и националист. Состоял в Союзе беспартийных, Китайском профессиональном союзе, жертвователем многих благотворительных организаций. Позже состоял в БРЭМ. Несмотря на возраст, производил впечатление весьма энергичного человека, безукоризненно честного и в политическом отношении безупречного⁶⁰. Детей не было. С 1953 г. пенсионер. Кроме русского языка знал латынь и немецкий.

Екатерина Степановна родилась в г. Новая Прага Херсонской губернии 14 января 1893 г., окончила гимназию в г. Александрия Херсонской губернии, до замужества работала практикантом фармацевта в аптеке Марцинкевича в Киеве⁶¹.

⁵⁶ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81589591.

⁵⁷ Ibid. 3.2.3.2./81603127.

⁵⁸ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. Михайлова Василия Александровича. Л. 1 об., 8, 10, 11.

⁵⁹ Там же. Л. 2 об.

⁶⁰ Там же. Л. 20.

⁶¹ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81603130.

В 1922 г. нелегально приехала в Маньчжурию, оттуда в Харбин. По приезде в Маньчжурию предъявила советский паспорт и возбудила ходатайство о выдаче эмигрантского паспорта, в 1925 г. перешла в китайское подданство⁶². В 1931 г. Е.С. Михайлова снова устроилась на работу помощником провизора и фельдшерницей сначала в городе Цицикар, потом в Харбине в аптеке Маршнера. В 1942 г. Екатерина Степановна окончила курсы медсестер и работала по совместительству медсестрой, с 1946 г. имела частную практику медсестры⁶³. Знала латынь. В 1946 г. оба получили советские паспорта.

Василий Александрович умер 26 мая 1967 г. Екатерина Степановна — 2 февраля 1975 г.

Остальные жильцы дома «Сент-Эндрюс» прибывали в Ирландию поодиночке.

12 ноября 1960 г. приехала **Анна Семеновна Вазилова / Anna Vazilova** (урожд. Козлова; 1886–1966). Анна Семеновна родилась 2 сентября 1886 г. в Санкт-Петербурге. Три года посещала городскую школу, владела только русским языком. В 1905 г. вышла замуж за Вазилова Михаила Григорьевича, 1878 г.р., из Могилева, офисного клерка, убитого в Первую мировую войну, дату смерти она не знала. С мужем переехала в Москву, где они жили до 1912 г., потом переехали в Нерчинск. В 1918 г. она перебралась в Читу и оттуда в 1920 г. в Харбин⁶⁴. Ее имя есть в справочнике «Весь Харбин» 1926 г.: Пекинская ул., 49, 50 [Весь Харбин 1926, с. 156]. Модистка. С 1921 по 1942 г. работала в дамском ателье «Софи», потом шила дома⁶⁵. Последние годы в Китае ее поддерживал Всемирный совет церквей⁶⁶. Получила советский паспорт в 1946 г. Что интересно, в графе «Люди, которых вы знаете и которые проживают за рубежом» указала Глафиру Николаевну Попову, проживающую в Дублине⁶⁷. Умерла Анна Семеновна 20 июля 1966 г.

В декабре 1959 г. прибыл **Вильгельм Христофорович Клевинский / Wilhelm Klevinski** (1880–1964). Вильгельм Христофорович родился 6 сентября 1880 г. на хуторе Орсте Курляндской губернии. С 1890 по 1900 г. учился в школе в Риге, начал работать в торговле. Позже уехал и работал в Омске, Барнауле, Чите и Владивостоке. В 1904 г. женился в Барнауле на Елене Харитоновой, 1886 г.р., русской. В 1920 г. перебрался в Харбин. В справочнике «Весь Харбин» 1926 г. есть его адрес: Большая ул., 6, угол Ляоянской [Весь Харбин 1926, с. 260], там же указаны имена проживавших с ним жены, Елены Александровны, и, вероятно, сына, Леопольда Вильгельмовича. Основным занятием была торговля, занимал хорошие должности и работал на представительства американских компаний. С 1930 г. по ноябрь

⁶² ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. Михайловой Екатерины Степановны. Л. 2 об.

⁶³ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81603130.

⁶⁴ Ibid. 3.2.3.2./81640913.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid. 3.2.3.2./81640915.

⁶⁷ О Глафире Николаевне Поповой, русской эмигрантке, которая тоже проживала в Харбине и позже была перевезена в Дублин в специальный дом для беженцев The Haven, мы писали в 2019 г. (см.: [Быкова 2019]).

1955 г. работал в городе Циндао, затем в Тяньцзине. С ноября 1949 г. без работы, жил на сбережения⁶⁸. Жена умерла 9 января 1957 г.

В 1947 г. получил советский паспорт. Как утверждал сам Вильгельм Христофорович, с 1919 г. имел латвийское гражданство, но его латвийский паспорт был конфискован в декабре 1941 г. японцами, а СССР восстановило его русское гражданство и конвертировало его в советское⁶⁹. Лютеранин. Владел латышским, русским, немецким и английским языками. Не указывал никого из родных, так как их не было в живых или с ними не было контактов уже длительное время. Вероятно, сына ко времени заполнения анкеты (июль 1957 г.) не было в живых. По его просьбе его отправили не самолетом, как обычно отправляли беженцев из Гонконга в другие страны, а на корабле. Он должен был прибыть в Лондон 24 декабря 1959 г., а оттуда в Дублин⁷⁰. Поскольку приезд совпал с рождественскими праздниками, была достигнута договоренность с Британским Красным Крестом о том, что они встретят Клевинского и позаботятся о нем несколько дней, чтобы переждать рождественскую суету, а потом отправят в Дублин.

Вильгельм Христофорович умер 1 февраля 1964 г. После Клевинского осталось небольшое наследство, завещания не было, и в газетах давали объявление о розыске наследников [Irish Times, 1969, 21 March, 28 March и др.].

30 июля 1962 г. в Дублин прибыли два беженца: Василий Кравец и Степан Шавриков.

Василий Степанович Кравец / Vasili Kravetz (1884–1967) родился 4 января 1884 г. в с. Лекковицы Изяславельского уезда Волынской губернии. В 1906–1909 гг. служил в 1-м Восточно-Сибирском саперном батальоне в военно-телеграфной роте; окончил военно-телеграфные классы. Служил жандармским унтер-офицером на станции Муравьев-Амурский Уссурийской железной дороги. В Манчжурию прибыл в 1920 г. Работал полицейским на железной дороге. Владел хозяйством на станции Сарту⁷¹. Дважды был женат. Имел дочь и пять сыновей. Получил советский паспорт в 1947 г. В анкете для УВКБ указал основными занятиями «молочную ферму» и «кузнечное дело», из родственников упомянул только дочь и внучку и умолчал о работе полицейским, наоборот, отметил, что служил машинистом в 1918–1929 гг.⁷² Изначально планировалось, что он едет с семьей своей дочери, Валентины Виноградовой, в Австралию, но, видимо, ему не дали визу, Валентина с мужем и дочкой уехали без него, а для Василия Степановича нашли место в Ирландии. Умер 7 декабря 1967 г.

Степан Георгиевич Шавриков / Stephen Shavrikov (1901–1983) родился 15 августа 1901 г. в Петропавловске (в ряде анкет: в Кривозерской станице) Акмолинской губернии. Учился в сельской школе, которую не окончил, занимался хозяйством в Акмолинской области, в 1919 г. был мобилизован в Сибирское казачье

⁶⁸ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81587486.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ NAI. DFA/ 419/33/6 I. Letter of J.A. Sweeney from 10 December 1959.

⁷¹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23751. Л. 3–3 об.

⁷² ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81640159.

войско, во 2-й Сибирский полк, участвовал в Ледяном походе, вместе с Белой армией отступил в г. Хуньчунь. По убеждениям фашист, состоял в Обществе Сибирского казачьего войска, младший унтер-офицер. Был женат церковным браком на Марии Лаврентьевне Шавриковой, 1887 г.р., тоже эмигрантке⁷³. С 1923 г. брался за разные случайные работы в г. Гирине, где жил с частями отступившей армии, перебрался в Харбин, в 1927–1934 гг. работал дворником у домовладельца В. Церцвадзе, с 1935 г. — санитар в Государственной железнодорожной больнице, в марте 1943 г. был уволен за небрежное отношение к железнодорожному имуществу, вынос без разрешения казенных предметов, частую отлучку с дежурств без разрешения, игнорирование распоряжений старшего больницы, неоднократное нетрезвое состояние на службе и некорректное обращение с посетителями⁷⁴. Не мог выполнять серьезные работы из-за ранения в правую руку. В 1946 г. получил советский паспорт, с женой не проживал совместно с 1957 г., в анкете для УВКБ указал, что она живет за границей⁷⁵. В качестве основных рабочих навыков Шавриков отметил: «слесарь», также утверждал, что владел собственной молочной фермой в 1959–1961 гг.⁷⁶ Обоих коров пришлось продать китайскому правительству. Ему было все равно, в какую страну переезжать, лишь бы жить с русскими людьми. Умер 28 мая 1983 г.

В марте 1963 г. в «Сент-Эндрюс» приехала **Евдокия Тимофеевна Кондратьева / Evdokia Kondratieva** (урожд. Кукина; 1885–1969). Евдокия Тимофеевна, крестьянка, родилась 1 марта 1885 г. в д. Большой Антибес Томской губернии⁷⁷. Неграмотная. Попала в Харбин еще в 1908 г. как прислуга. В 1918–1922 гг. работала проводницей служебного вагона на КВЖД, с 1922 по 1928 г. — в депо прачкой, ушла с работы по болезни⁷⁸. Первый муж Фадеев Павел Андреевич, 1884 г.р., крестьянин из Мариинска, умер в 1922 г. Второй раз она вышла замуж в 1926 г. за Семена Яковлевича Кондратьева, 1882 г.р., из Саратова, железнодорожника. Семен Яковлевич служил на КВЖД электромехаником, имел советское гражданство, к 1942 г. был нервнобольным, являлся пенсионером КВЖД, на эмигрантское состояние переходить не собирался⁷⁹. Семен Яковлевич умер в 1959 г. Большую часть жизни Евдокия Тимофеевна жила на иждивении мужа, после его смерти — на собственные сбережения. Имела советский паспорт с 1926 г. из-за службы на КВЖД, в 1935 г. возбудила ходатайство о переходе в эмигрантское состояние. Затем снова оформила советский паспорт в 1946 г. Умерла 7 апреля 1969 г.

В июне 1964 к группе русских беженцев присоединился **Николай Сергеевич Толпегин / Nikolai Tolpegin** (1898–1988). Николай Сергеевич родился 12 ноября 1898 г. в с. Колунец Тетюшского уезда Казанской губернии в семье священника.

⁷³ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. Шаврикова Степана Георгиевича. Л. 3–5 об.

⁷⁴ Там же. Л. 18.

⁷⁵ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81630172.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid. 3.2.3.2./81594218.

⁷⁸ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. Кондратьевой Евдокии Тимофеевны. Л. 5–9.

⁷⁹ Там же. Л. 11.

Окончил семинарию в Казани и Казанский университет (1917–1923). Знал латынь и греческий. Женат не был. С 1923 г. в Харбине, первые пять лет зарабатывал на жизнь как рабочий, с 1928 г. послушник и наборщик в типографии монастыря, в 1950–1963 гг. псаломщик Ильинской церкви Харбина⁸⁰. Все время оставался лицом без гражданства. Его комната в «Сент-Эндрюс» была заполнена стопками книг и, как и у Марии Батуевой, на стенах комнаты висели изображения царской семьи, а также вырезки из газет с фотографиями принца Чарльза и принцессы Анны в королевском облачении; Николай Сергеевич проводил свои дни в библиотеке Тринити-колледжа, где изучал книги по лингвистике [Conway 1983]. Умер 21 января 1988 г.

27 февраля 1969 г. в «Сент-Эндрюс» поселился человек с весьма звучным именем — граф **Владимир Татищев** / Vladimir Tatistcheff (1901–1970). Владимир Владимирович родился 17 октября 1901 г. в Санкт-Петербурге⁸¹, сын графа Владимира Сергеевича Татищева и его второй жены Маргариты Жюстины де Шартрон (de Chartron). В 1910–1917 гг. учился в 4-й московской гимназии, после революции перебрался в Крым, Россию покинул в январе 1919 г. как второй секретарь дипломатической миссии Крымского правительства, учился год в Оксфорде, потом в Королевском колледже Лондона, диплом так и не получил. Далее, как в калейдоскопе: Брюссель, Берлин и Данциг, Париж и Аддис-Абеба, снова Париж, затем Марсель. В 1929 г. присоединяется к Иностранному легиону и служит в Северной Африке, после сложного ранения уходит в отставку. 1930-е гг. проводит то в Барселоне, то в Париже. За это время перепробовал самые разные работы и службы — клерк, секретарь, репортер, учитель, корабельный смазчик и электрик. В 1935 г. обосновывается в Шанхае, сначала работает в журнале, управляющим в салоне красоты, потом в кофейне и снова в журналистике. С 1948 г. занимается преподаванием языков в собственной языковой школе. Владел русским, английским, французским, немецким, испанским, итальянским и латинским языками. Подрабатывал переводчиком. Был женат трижды. Первый брак был заключен с бельгийкой Симоне Долез д'Оси де Луной (d'Auxy de Launoi) в 1923 г. и кончился разводом в 1928 г. Вполне возможно, развод и подтолкнул Владимира Владимировича записаться в Иностранный легион. Второй женой стала русская эмигрантка Зоя Ежова, брак был заключен в 1939 г. в Шанхае, она скончалась в 1956 г. в Сан-Франциско, как указано в анкете Татищева. В 1957 г. он женился снова — на русской эмигрантке Неонилле Коротеевой, которая скончалась в 1965 г. в Новосибирске⁸². От первого брака имел дочь.

В сентябре 1956 г. приговорен к 4 годам тюрьмы за контрреволюционную деятельность, а в 1961 г. по такому же обвинению к 5 годам. Его освободили в 1964 г. С совершенно разбитым здоровьем Владимир Владимирович обратился к Всемирному совету церковей в Гонконге с просьбой помочь ему эмигрировать в любую страну. Более четырех лет Совет церковей и УВКБ пытались найти стра-

⁸⁰ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81636215.

⁸¹ Ibid. 3.2.3.2./81635551.

⁸² Ibid.

Могила графа Владимира
Татищева

ну, которая приняла бы графа. В качестве основных рабочих навыков он указал «учитель и газетчик»⁸³. Отказы следовали один за другим. Наконец Республика Ирландия согласилась принять у себя Татищева. Переезд прошел не очень гладко. При пересадке в Лондоне обнаружилось, что Владимир Владимирович потерял багаж и билет до Дублина после прохождения эмиграционного контроля в Гонконге. К счастью, билет нашли и переслали следующим рейсом в Лондон, затем отследили и вернули багаж [Murphy 1969].

Уже из дома для беженцев он писал: «Здесь, в Сент-Эндрюс, я как в раю, но все еще болен, должен оставаться в кровати и поэтому, пожалуйста, извините меня за мой ужасный почерк» [Ibid.]. Владимир Владимирович недолго наслаждался покоем, чуть более полутора лет, он умер 5 ноя-

бря 1970 г. в госпитале. Похоронен в отдельной могиле на участке St.Paul/I/41, на могиле установлен черный камень с надписью: «Граф Владимир Татищев / князь Соломерский / рожденный в Киеве 17 октября 1900 / умерший в Дублине 5 ноября 1970 / покойся с миром». Место и дата рождения не совпадают с теми, что указаны в документах УВКБ. В записях кладбища значится католиком (хотя сам Татищев при заполнении анкеты отмечал себя православным). Могила в очень хорошем состоянии; видно, что поребрик недавно ремонтировался.

Стефания (урожд. Саврас; 1905–1981(?)) и **Павел Брух / Stefania and Pawlo Bruch** (1901–1985) — им принадлежит одна из самых печальных историй обитателей «Сент-Эндрюс». В архиве Бад Аролзен нашлись регистрационные карточки Павла и Стефании. К сожалению, такие карты содержали не очень много информации. Из них нам известно, что Павел Брух родился 23 мая 1901 г. в деревне в Польше или на Украине (в досье встречаются разные написания места рождения) и содержался в лагере в городе Биберах⁸⁴. В Ирландию были отправлены из французской зоны оккупации в марте 1951 г. на работу к миссис Линч из Роскоммона (Mrs. C.J. Lynch, Lisbride, Roscommon), им предложили зарплату в 35 и 25 шиллингов еженедельно плюс питание и проживание⁸⁵.

Корреспондентке Irish Press в 1983 г. Павел рассказал, что родом из Польши, как и многих других, во время войны его депортировали из родных мест в Германию на работы. После войны освободили, и вскоре он женился на польской девушке, работавшей по соседству на ферме, Павел в это время трудился на лесозаготовках. Когда они подали документы на эмиграцию, им предложили на выбор Канаду и Ирландию, но Канада им отказала, поэтому они приехали в Ирландию.

⁸³ ITS Archives. Bad Arolsen. 3.2.3.2./81635551.

⁸⁴ Ibid. 3.1.1.1. oS/66710021.

⁸⁵ Ibid. Copy of n.A. / 81726066, copy of 3.2.1.4 / 80928673.

Павел нашел работу в лесничестве Эннискерри, где супругам предоставили дом. Это был старый деревянный дом, и как-то ночью в декабре 1981 г. он загорелся, огонь было невозможно потушить, Павел успел выскочить, но его жена погибла в огне. Тогда его отправили в дом беженцев «Сент-Эндрюс», у него не было с собой никаких личных вещей. Брух хорошо помнил авианалеты на Штутгарт, где в то время работал, и даже теперь, услышав самолет, пугался, что снова будут бомбить. Журналистка также написала, что, когда пришла поговорить с ним, он сидел один в своей комнате в темноте и смотрел в окно [Conway 1983]. Видимо, так и проходили его дни: в одиночестве и горестных воспоминаниях.

Павла и его жену вспомнил один из сотрудников Красного Креста, Фрэнк Келли (Kelly). В 1950 г. он был молодым кадетом Ирландского Красного Креста, и в его задачу входила обязанность навещать пожилую пару, живущую в доме в лесу в местечке Гленкри (недалеко от Эннискерри), проверять, что у них есть все необходимое, и снабжать их одеждой. Он не вспомнил их имен, но рассказал, что пара жила под вымышленными именами, мужчина работал в лесничестве, и в Красном Кресте они проходили как белые русские эмигранты, мужчина представлялся как поляк, чтобы местные жители ни в коем случае не связали его с коммунистами (русский = коммунист)⁸⁶. Супругов Брух плохо помнят местные жители — пара старалась не общаться с соседями, поэтому они не знают, что случилось, куда исчезли Павел с женой и где похоронены. Про пожар они тоже не помнят.

Павел умер 9 мая 1985 г. в госпитале Св. Брендана. Похоронен как католик, а фамилия в кладбищенской книге записана с ошибкой — Брук, из-за чего поиски информации о нем затянулись. Дату смерти и место захоронения Стефании Брух установить пока не удалось.

Среди беженцев, захороненных на участках Красного Креста на кладбище Динстрейндж, есть две женщины, про которых нам почти ничего не известно: Мария Ханс, умершая 6 февраля 1983 г. в возрасте 54 лет, католичка, вдова, и Анна Кудеранка (фамилия в свидетельстве о смерти и в кладбищенской книге совершенно нечитаемая, поэтому в ее написании уверенности нет), умершая 2 ноября 1959 г. в возрасте 51 года, беженка из Польши.

Как мы видим, «Сент-Эндрюс» собрал русских беженцев разного происхождения и статуса. Наверное, им было непросто уживаться вместе. Немногие из них владели языками и могли подрабатывать. Остальным, думается, приходилось тяжело в стране, где их с трудом понимали и они мало с кем могли поговорить на родном языке. Скорее всего, именно с этим связаны ошибки при написании имен и данных в свидетельствах о смерти и записях кладбища. Кроме того, супруги (за исключением Веневцевых) похоронены раздельно — по всей видимости, персонал «Сент-Эндрюс» плохо знал истории своих жильцов или не заботился о таких «мелочах». Практика публикаций в газетах сообщений о смерти беженцев тоже была нерегулярной.

Следует отметить, что при анализе анкет беженцев обнаружилось, что многие из них в середине 1940-х гг. оформили советские паспорта, без которых не

⁸⁶ Frank Kelly and Kilmacanogue History Society to Anna Bykova, 4 April 2018.

*Общее захоронение беженцев,
проживавших в «Сент-Эндрюс»*

могли бы работать. При заполнении анкет для УВКБ подчеркивали свои рабочие навыки и умалчивали о службе в полиции и военной службе, но, что самое интересное, завышали свой возраст. В нескольких случаях, когда мы можем сравнить анкетные данные из дел БРЭМ и УВКБ, явно завышен возраст — вероятно, чтобы получить материальную поддержку и попасть в категорию «трудных случаев».

Беженцам был обеспечен материальный комфорт и медицинское обслуживание, их старались порадовать и развлечь. Имена прибывших вносились в Генеральный регистр медицинских услуг, и им выдавались медицинские карты с правом получения медицинских услуг. Для них устраивались концерты. Каждый получал раз в неделю небольшие деньги на карманные расходы. Управляющая до-

мом помогала делать покупки и следила, чтобы все имели необходимую одежду и средства личной гигиены. Представители ООН периодически навещали беженцев, чтобы проверить, все ли у них в порядке и довольны ли они. Сохранились свидетельства, что в 1979 г., когда М. Ростропович приезжал с концертом в Дублин, он играл в Тринити-колледже, а после концерта попросил отвезти его в дом престарелых для русских и там играл для них. Жильцам выписывали русскоязычные газеты из Франции. Несколько раз в год приезжали православные священники из Англии, устраивались службы; в 1967–1977 гг. у православных появился свой священник — о. Николай Курис, и в Дублине стали проводиться регулярные службы [Быкова 2020]. Его духовные наставления помогали людям пережить горечь невозможности вернуться на родину и справиться с беспокойством о судьбе родных.

В доме «Сент-Эндрюс» в разное время жили беженцы и из других стран — Польши, Венгрии, Югославии, Вьетнама, Южной Африки и Кубы (кубинская пара останавливалась на время, ожидая американские визы), они также похоронены на участках, приобретенных Красным Крестом. УВКБ и Ирландский Красный Крест договорились, что в «Сент-Эндрюс» могут быть размещены и другие беженцы, не только из Северного Китая, как предполагалось изначально, — для заполнения вакантных мест в доме, чтобы выполнить обязательства о проживании 40 человек.

«Сент-Эндрюс» прекратил существование в 1984 г. — здание было продано Сестрам-миссионеркам Святого Розария (Missionary Sisters of the Holy Rosary), которые устроили там дом престарелых для своих сестер. Были сделаны пристройки, но само здание кардинально не перестраивалось. Никаких архивов или предметов от предыдущих обитателей не осталось⁸⁷. На территорию дома автора настоящей статьи не пустили.

Можно понять причины, по которым Ирландский Красный Крест продал здание в хорошем районе Дублина: содержание дома требовало больших расходов, а беженцев было мало, в декабре 1983 г. их оставалось всего семеро — Мария Багуева, Николай Толпегин, Павел Брух, Золтан Рингвальд из Венгрии, пара из Вьетнама и беженец из Южной Африки. Оставшихся обитателей расселили в другие домах престарелых. Печально осознавать, что люди, несколько раз в жизни терявшие все и вынужденные искать убежище в чужих странах, уже в преклонном возрасте обретя убежище в Ирландии, снова должны были переселяться на новое место и менять привычное окружение.

⁸⁷ Nuala Collins, MSHR, to Anna Bykova, 26 February 2018.

СХЕМА ЗАХОРОНЕНИЙ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ,
ПРОЖИВАВШИХ В ДОМЕ «СЕНТ-ЭНДРИУС»,
НА КЛАДБИЩЕ ДИНСГРЕЙНДЖ,
БЛЭКРОК, ИРЛАНДИЯ

SOUTH

H2/74 Nikolai Tolpegin, 1988 Stephen Shavrikov, 1983 Irish person, 1889	H2/73 Hristine Halaimoff, 1968 Vasili Kravetz, 1967 Vlas Halaimoff, 1966 Irish person, 1889	H2/72 Wilhelm Klevinski, 1964 Hionia Vasilkovsky, 1962 Peter Efremoff, 1962 Paraskeva Malandina, 1961 Irish person, 1889	H2/71 Cathrine Kardashevsky, 1979 Ekaterina Mihailov, 1975 Maria Mihailoff, 1961 Irish person, 1889	H2/70 Semen Venetzzeff, 1975 Pelagia Venetzzeff, 1959 2 Irish persons, 1889
	I2/73 Maria Hans, 1983 Luu De, 1980 Nikolai Kiriloff, 1969 Irish person, 1889	I2/72 Anna Kotliarova, 1970 Evdokia Kondratieva, 1969 Vasily Mihailov, 1967 Irish person, 1889	I2/71 Ton Chang, 1981 Phung Fan, 1979 Elena Butsneva, 1967 Anna Vazilova, 1966 Irish person, 1889	
			J2/71 Marie Batueva, 1989 Paul Bruch, 1985 Irish person, 1889	J2/70 Zoltan Ringwald, 2000 Irish person, 1889

NORTH

D/119 Valentina Rinos, 1961 Anna Kuderanka (?), 1959 Irish person, 1878		I2/72 Lydia Kirilowa, 1979 Irish person, 1905 Irish person, 1891
---	--	--

ST.PAUL

I/41 Vladimir Tatistcheff, 1970

Список сокращений

- БРЭМ — Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
УВКБ — Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев
MSHR — Missionary Sisters of the Holy Rosary

Источники и литература

- ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского флота
Регистрационные карточки русских эмигрантов, проживавших в Шанхае в период 1939–1945 (архив К.В. Чащина)
www.gwar.ru — Портал «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов», созданный Министерством обороны России при поддержке Федерального архивного агентства и Российского исторического общества [Электронный ресурс]
ITS — International Tracing Service — Международная служба розыска (Германия)
NAI — National Archives of Ireland — Национальный архив Ирландии
Быкова 2019 — Быкова А. Русские могилы на кладбище Маунт Джером (Дублин, Ирландия) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. С. 421–448.
Быкова 2020 — Быкова А. Николай Курис и школа русского языка для шпионов и дипломатов. URL: <http://muzeemania.ru/2020/01/20/николай-курис-1895-1977-и-школа-русского-языка/>.
Весь Харбин 1926 — Весь Харбин на 1926 год: Адресная и справочная книга / ред.-изд. С.Т. Тернавский. Харбин, 1926. 882 с.
Российский медицинский список 1902 — Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1902 год: (По сведениям к 15 февраля 1902 г.). СПб., 1902. 638 с.
Список сестер милосердия 1915 — Список сестер милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебные учреждения Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц: составлен по сведениям, имеющимся в Канцелярии Главного управления Российского общества Красного Креста к 1 августа 1915 года. Петроград: Гос. тип., 1915. XVI, 924 с.
Aged, Ill... 1954 — Aged, Ill European Refugees from China // United Nations Bulletin. 1954. 1 February. P. 130–132.
Conway 1983 — Conway H. No home for White Russians // Irish Press. 1983. 2 December.
Eight White Russian Refugees 1958 — Eight White Russian Refugees Fly to Dublin // Sunday Independent. 1958. 7 December.
History of Merrick House 2020 — History of Merrick House. URL: https://merrickhouse.ie/2020.10.16_revised_Merrick_History_Angela.pdf. P. 4.
Ireland haven 1957 — Ireland haven for White Russians // Irish Press. 1957. 5 November.

- Mac Eoghain 1999 — *Mac Eoghain R.* Memories of Father Nicholas, 1999. URL: <http://web.archive.org/web/20030728112349/www.orthodoxireland.com/history/frnicholascouris/vie>.
- Murray 1969 — *Murray G.* He lost his ticket to Paradise // St. John's Parrish Messenger, supplement to «The Church News». 1969. July. P. 3.
- O'Brien 1967 — *O'Brien E.* A vivacious refugee from Russia // Irish Times. 1967. 9 January.

ПУБЛИКАЦИИ

«ДЛЯ РУССКИХ МЫ, ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ,
СМЕСЬ ИДОЛА С ИДИОТОМ»:
ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА
МИХАЙЛОВИЧА В ЭМИГРАЦИИ

Публикация, вступительная статья и комментарии К.В. Сак

Российская послереволюционная эмиграция представляла собой особый социокультурный феномен, начало осмысления которого положили сами эмигранты. Первые несколько лет на чужбине они воспринимали как период временных потрясений. Уже в середине 1920-х гг. стало очевидно, что спрогнозировать окончание этого периода невозможно и нужно приспособляться к новым условиям. Поскольку значительная часть беженцев состояла из представителей русской науки и культуры, политической элиты и творческой интеллигенции, то актуальным был запрос на осмысление причинно-следственных связей событий дальнего и недавнего прошлого, а также сохранение в окружении «чужих» своей национальной светской и духовной культуры. В результате проживания коллективной травмы изгнания сложился трагический эмигрантский нарратив, который впоследствии воплотился в символическом понятии «Русский исход», или «Великий русский исход».

Исследование феномена Русского исхода в антропологической перспективе неизбежно сталкивается с проблемой идентичности. Этот термин на сегодняшний день хотя и широко используется, но не имеет общепризнанного определения, т. к. относится к «субъективному измерению» истории. Речь может идти, например, о ментальной, культурной, исторической, национальной, наднациональной, интегрирующей идентичности. В последнее время появились и такие понятия, как «мозаичная», «составная», «бинарная» идентичность [Сорокина 2017, с. 43; Селунская 2018, с. 179–180]. Они аккумулируют все возможные траектории формирования идентичности эмигрантов в условиях поиска оптимальных жизненных стратегий и адаптации в социокультурном и политическом пространстве русского рассеяния в странах Европы, Северной и Южной Америки, Африки, Азии и Австралии.

Идентичность не является постоянным, устойчивым конструктом и может меняться в зависимости от тех обстоятельств, в которых оказывается человек. Рассмотрение проблемы формирования, проявления и трансформации идентичности в условиях постоянных жизненных вызовов на индивидуальном уровне дает исключительную возможность наполнить этот термин конкретным содержанием. Методологически индивидуальное наиболее полно раскрывается при анализе эго-документов, в частности дневников и писем, которые фиксируют непосредственную субъективированную реальность автора.

В Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГА РФ) хранятся копии уникальных писем великого князя Александра Михайловича, написанные в конце 1910-х — начале 1930-х гг. (всего 88 писем). В 2014 г. их приобрел на Парижском аукционе и передал в архив фонд «Связь времен» [Петрушева, Зарембо 2015]. Эти письма представляют собой те копии, которые использовали французские переводчики, участвовавшие в составлении аукционного каталога. Подлинники в основном рукописные (как можно судить по фотографиям из каталога), написаны от руки чернилами, однако незначительное число писем набрано на печатной машинке русским и латинским шрифтами. В результате копирования документов качество изображения ухудшилось, что при особенностях почерка великого князя Александра Михайловича, который крайне трудно поддается прочтению, составляет существенную проблему для расшифровки. Показательно, что, вероятно, из-за этого при формировании двух архивных дел письма были пронумерованы без соблюдения хронологического порядка¹. Части одного длинного письма вовсе «разбросаны» среди других писем. Первые письма написаны в марте 1918 г. Они не датированы, а дата реконструируется по упомянутым событиям образования независимой Таврической республики (в крайних датах дела описи ГА РФ ошибочно указано 14 декабря 1918 г.). Последнее письмо датировано автором — 27 сентября 1931 г.

В публикации представлена выборка из 25 писем (датировка по новому стилю). Это те письма, которые наиболее полно отражают обстоятельства жизни великого князя Александра Михайловича в эмиграции, его публичную деятельность и приватную сферу и позволяют определить его идентичность в меняющемся мире.

Великий князь Александр Михайлович (1866–1933) по своему рождению был членом правящей династии, достаточно далеко по родству стоящий от престола. Он впитал в себя традиции и культуру Русского императорского двора и по закону в публичной сфере должен был транслировать их верноподданым империи. Однако в привычный великокняжеский стереотип Александр Михайлович не вписывался. Он родился в Тифлисе и рос на Кавказе, где его отец великий князь Михаил Николаевич служил в должности наместника. Атмосфера южной окраины империи отличалась от атмосферы столичной придворной жизни, и как воспитатели ни старались привить юным Михайловичам высокие манеры, чтобы те не выросли «кавказскими дикарями», для петербургской публики они так и остались эксцентричными «кавказцами». В 1879 г. Сандро побывал в столице и познакомился со своей многочисленной родней, которая, судя по его воспоминаниям, не вызвала у него восторга: «Глядя на гордые лица моих кузенов, я понял, что у меня был выбор между популярностью в их среде и независимостью моей личности <...> и в течение всей моей жизни в России я имел очень мало общего с членами Императорской семьи, за исключением императора Николая II, его сестер и моих братьев» [Александр Михайлович 1933]. Летом 1894 г. Александр Михайлович женился на великой княжне Ксении Александровне, дочери Александра III, войдя в близкий круг царской семьи.

¹ Письма великого князя Александра Михайловича сосредоточены в трех делах фонда коллекции документов Юсуповых-Романовых: ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19, 20, 21. В деле № 21 отложился фрагмент письма по поводу убийства Г.Е. Распутина, написанного еще до революции.

Сандро получил типичное для Романовых образование: в 1885 г. он окончил Морское училище и поступил на службу в престижный Гвардейский экипаж, а на следующий год совершил свое первое кругосветное плавание [Экштут 2018]. Его отец в это время возглавлял Государственный совет, ключевой законосовещательный орган Российской империи, пробыв в этой должности до 1905 г. Таким образом, к моменту воцарения Николая II, своего близкого друга, великий князь имел значительный символический и профессиональный капитал [Сак 2021, с. 137–138]. Однако в силу обстоятельств и бюрократических интриг Александр Михайлович в последний период монархии не смог до конца реализовать свои амбиции, связанные прежде всего с организацией современного морского флота.

Незадолго до начала Первой мировой Сандро занялся новым делом — авиацией. По его инициативе в 1910 г. была открыта первая офицерская авиационная школа под Севастополем. Во время войны ее выпускники под началом Александра Михайловича, назначенного генерал-инспектором военно-воздушного флота, участвовали в разведке и боях в воздухе.

После отречения Николая II великий князь Александр Михайлович поселился вместе с супругой, семью детьми, императрицей Марией Федоровной и некоторыми другими родственниками в Крыму. Оттуда он выехал 11 декабря 1918 г. на борту английского корабля «Форсайт».

Великий князь хорошо знал, что из себя представляет Европа в политическом и социокультурном измерениях. Романовы исторически были наиболее интегрированы в европейскую культуру, ведь основу культуры публичной и частной жизни русского двора — церемонии, этикет, материальный мир — они во многом заимствовали у европейских королевских домов. Исключение составляли публичные православные обычаи, включавшие в себя торжественные выходы и особые службы в дворцовых церквях. Члены династии Романовых имели немецкие корни, заключали междинастические браки с представителями европейских правящих домов, в качестве членов Дома Романовых регулярно официально присутствовали на многочисленных семейных и государственных церемониях за границей. Со второй половины XIX в. они активно осваивали и рекреационные европейские территории, а также путешествовали в Новый Свет.

Тем не менее в декабре 1918 г. в качестве «бывшего великого князя» Александр Михайлович отправлялся в Европу впервые [Сак 2021]. При этом, судя по письмам, уже тогда он начал испытывать проблемы с самоидентификацией. С одной стороны, Сандро воспринимал свой отъезд исключительно в категориях «свободы», но с другой — ехал во Францию по решению семейного совета как официальный представитель династии Романовых, претендуя на политическую роль. Александр Михайлович стремился попасть на Парижскую мирную конференцию, начавшую свою работу в январе 1919 г., и убедить союзников в необходимости интервенции против большевиков². Вероятно, бывший великий князь до конца не отдавал себе отчет в том, что в тот момент в Париже он являлся «свободным»

² ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3 Д. 19. Л. 35–36 об.

частным лицом, за которым уже не стояло не только никакой реальной политической силы, но и символического капитала. Взгляды его были неопределенными, позитивная программа отсутствовала. Во время Парижской конференции Александр Михайлович не примкнул ни к одному русскому либеральному эмигрантскому объединению, но и явно не выступал за реставрацию монархии:

Я никогда ни слова не говорю о том, какой режим настанет после изгнания большевиков, да это меня, по правде, мало интересует. Зато наши милые русские, которым мой успех здесь неприятен, распространяют слухи, что я веду пропаганду за монархию, какие подлецы, и главное не левые элементы говорят это, а мерзавцы кадеты. Конечно, их интриги не имеют никакого успеха, так как никто не слышал от меня ни слова о монархии³.

Никакой альтернативы большевизму, кроме абстрактного восстановления старой России, в письмах Сандро не предлагал, а с середины 1920-х гг. тема будущего политического устройства отечества вовсе отсутствовала.

Несмотря на попытки Александра Михайловича встретиться с официальными представителями стран-союзниц и председателем Парижской мирной конференции Ж. Клемансо (Clemenceau), ему этого не удалось. Не помогли и многочисленные встречи с прессой с целью оказания влияния на европейское общественное мнение. Как вспоминала великая княгиня Ольга Александровна, «...мы все полагали, что один из представителей нашего Дома должен поехать в Париж и поставить вопрос о положении в России перед союзными державами. И что же из этого вышло? К Сандро отнеслись так, словно он был предателем. Его даже не принял Клемансо. А личный секретарь Клемансо в ответ на предупреждения Сандро о том, какую угрозу представляют собой большевики, имел наглость заявить, что большевизм — это болезнь побежденных наций» [Воррес 2003, с. 251].

В эмиграции Александр Михайлович оказался на периферии европейской политической жизни и был вынужден адаптироваться к новым для себя условиям в пока еще неопределенном статусе. Под влиянием новостей из России уже в ноябре 1923 г. он публично заявил, что хотя большевизм остается величайшей опасностью для человечества и цивилизации, интервенция недопустима — русский народ должен сам осознать, что большевизм ведет в рабство, изгнать его и выбрать желанную форму правления. Романовы, по словам Сандро, готовы служить и отдать жизнь за Россию, но только в том случае, если на это будет воля русского народа⁴. Эта публикация в газете стала неким водоразделом, фактически означавшим, что возврата в прошлое Александр Михайлович уже не ждет.

Местом своего постоянного пребывания в эмиграции Сандро избрал Францию, наиболее политически стабильную, по его мнению, страну. Места эти не были связаны с памятью об имперском прошлом и не имели для него символического значения. В отличие от своей супруги Ксении Александровны, которая поселилась в коттедже Фрогмор-хаус рядом с Виндзорским замком, или своей

³ ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 35.

⁴ The New York Herald. European edition. 1923. 29 November.

свекрови императрицы Марии Федоровны, жившей в приобретенном до революции коттедже Видере в Дании, Александр Михайлович предпочел поселиться в элитных кварталах Парижа, пространства которых не имели символического «королевского» подтекста. Первое время он снимал номер в фешенебельном отеле «Ритц», затем квартиру недалеко от Елисейских полей и время от времени по долгу гостил на квартире у великого князя Кирилла Владимировича в 16-м округе Парижа, где поселились и другие представители русской знати [Гусефф 2014, с. 140]. Единственное место, которое могло вызывать у него ностальгию и которое он искренне любил, — это Биарриц, город на Лазурном берегу.

Круг общения Александра Михайловича в эмиграции состоял главным образом из его родственников, обосновавшихся во Франции, Англии, Италии, Германии и Дании. Он принимал участие во всех коллективных семейных церемониях, таких как свадьбы и похороны, встречался с отдельными Романовыми в неформальной обстановке. Поддерживая непрерывную связь с ближайшими родственниками через переписку и личные встречи, Сандро продолжал в эмиграции идентифицировать себя с династией Романовых. Именно ему в 1923 г. принадлежала инициатива собрать мужских представителей династии, чтобы выработать единый взгляд на будущее семейства и решить проблему престолонаследия, — так он хотел положить конец спорам между «кирилловцами», сторонниками Кирилла Владимировича, и «николаевцами», выступавшими за главенство Николая Николаевича Младшего. Сам Александр Михайлович, вопреки позиции Ксении Александровны и Марии Федоровны, считал, что право на престол принадлежит великому князю Кириллу Владимировичу. Однако стать третейским судьей Сандро не удалось — созванное совещание не имело никаких практических результатов [Закатов 2013, с. 184]. Трудности эмиграции не сплотили разобщенных еще до революции Романовых. Александр Михайлович, вероятно, не обладал достаточным авторитетом, чтобы преодолеть внутрисемейные противоречия.

Если в том, что касалось политики, Александр Михайлович идентифицировал себя с династией, то в сфере частной жизни и личных интересов он позволял себе действовать, выходя за рамки традиционных для русской монархии практик. Наиболее показательным в этом отношении его твердое намерение получить от Ксении Александровны развод. Разлад между супругами произошел еще в 1907 г., когда Александр Михайлович официально представил жене свою даму сердца. Вскоре и у Ксении Александровны появился любовник [Боханов 2013, с. 153]. Хотя по Учреждению об Императорской фамилии развод в связи с нарушением церковных указаний по разрешению Святейшего синода и императора допускался, положение Александра Михайловича в обществе в случае расторжения брака с родной сестрой императора могло сильно пошатнуться и, главное, ударить по престижу правящего Дома. Поэтому развод до революции для Сандро был невозможен.

Эмиграция открывала новые перспективы. Несмотря на то что Александра Михайловича, сторонника Кирилла I, можно назвать «легитимистом», свои брачные отношения он выносил за границы династических принципов. Накануне нового 1922 г. он написал Ксении Александровне письмо с просьбой о раз-

воде⁵. Великий князь намеревался жениться на некоей молодой особе, вероятно, также эмигрантке, которая была вынуждена зарабатывать себе на жизнь танцами. Ксения Александровна, ссылаясь на чувства детей, развода не дала. Этот эпизод из семейной жизни, эмоционально зафиксированный в письмах, отражает чрезвычайно важную тенденцию в восприятии членами династии морганатических браков. Потеря прав на престол не останавливала некоторых представителей молодого поколения Романовых до революции, не останавливала она их и после и даже в тех обстоятельствах, когда наследник престола официально не был признан. До революции морганатические браки роковым образом отразились на кризисе династии как политического института. Кризис этот, судя по отношению к семейным ценностям, продолжался и в эмиграции, о чем Александр Михайлович недвусмысленно писал дочери.

К русским эмигрантам, бывшим верноподданным империи, Александр Михайлович относился скептически. Он состоял в качестве почетного председателя в ряде эмигрантских объединений военного типа и участвовал в деятельности Русского общевойскового союза [Русское зарубежье 2008, т. 1, с. 35], но в своих письмах ни разу не затрагивает эту тему. Более того, деятельность Феликса Юсупова, своего зятя, по сбору денег для Красного Креста и помощи беженцам он считал отчасти бессмысленной⁶. Нет в письмах упоминаний и о его участии в жизни православных приходов, которые в эмиграции выступали своеобразным катализатором русской идентичности. Вместо этого Александр Михайлович увлекся спиритизмом, модным занятием богемы, о чем в подробностях писал своей дочери. Компанию в этом ему составляли отдельные родственники, а также новые европейские знакомые.

Александр Михайлович, отталкиваясь от полученного на спиритических сеансах духовного опыта, призвал соотечественников к возрождению на основе Евангелия вне границ официальной Церкви. Для этого он создал «Союз Душ», члены которого становились братьями и сестрами. Первый съезд «Союза Душ» состоялся 30 апреля 1923 г. в Париже, о чем на следующий день в популярной французской ежедневной газете «Голуа» вышла небольшая заметка⁷. Показательно, что больший интерес этот союз вызвал не у русских эмигрантов, а у американцев. В связи с этим к Северо-Американским Соединенным Штатам у Александра Михайловича было особое отношение.

Сандро впервые побывал в САСШ еще в годы своей юности во время кругосветного плавания. Уже в эмиграции в 1923 г. великий князь недвусмысленно высказался в прессе о том, что «будущая Россия будет иметь в лице Америки верного духовного, коммерческого и технического друга и союзника»⁸. Своих детей он ориентировал на поиск работы в Америке. Сам же Александр Михайлович оказался в Новом Свете в новом статусе в 1928 г. Это было его первое турне с проповедью

⁵ ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 20. Л. 7–8; Д. 19. Л. 92–92 об.

⁶ Там же. Д. 19. Л. 8.

⁷ L'Union des Ames // Le Gaulois. 1923. 1 mai.

⁸ The New York Herald. European edition. 1923. 29 November.

«Союза Душ». Сандро побывал в Нью-Йорке, Питсбурге, Колумбии, Филадельфии, Айове, Коламбусе, Чикаго, Ричмонде, Детройте и других городах. Везде он встречал живой интерес к своим лекциям о «религии любви», получал массу писем:

Здесь читал в университете Колумбии, и двумстам человекам было отказано за неимением мест. У меня, слава Богу, нет боязни толпы, так что меня не смущают большие аудитории, в Филадельфии было 3200 человек, в большом театре, и потом масса вопросов, это я люблю, когда люди спрашивают объяснение того, что не поняли. Больше всего мне было приятно в университете в Айова-Сити, там я читал перед 1300 студентами обоего пола и так хорошо слушали. Вот-с, как видишь, твой папка пошел по новому пути, который стар, как мир⁹.

Американская культура не вызвала у Александра Михайловича протеста. Напротив, он считал, что в Соединенных Штатах была более здоровая атмосфера, чем в Париже. Проблемы афроамериканского населения, распутного джаза и откровенных женских нарядов, о которых он в одном письме иронично написал Ирине, не нарушали картину мира Сандро. Ему, безусловно, льстило большое внимание к его лекциям простых американцев на фоне равнодушия русской колонии:

Я иногда выезжаю, встречаю такой теплый прием повсюду, что сердце радуется, не то, что среди несчастных русских, их ничем не исправишь, они все почти без исключения полны злобы, зависти и только и умеют, что критиковать, никогда даже не давая себе труда призадуматься над моей работой. Я всегда говорю, что для русских мы, великие князья, смесь идола с идиотом, от этого понятия они не могут и теперь отвыкнуть, все эти монархисты хуже большевиков¹⁰.

Так, этой фразой Александр Михайлович дал понять, что хотя и чувствовал себя русским, но не принадлежал ментально к русской эмиграции — ни к «гнилой интеллигенции», ни к левым, ни к монархистам.

Письма Александра Михайловича дают уникальную возможность не только реконструировать событийный ряд его жизни в эмиграции, но и вникнуть в его эмоциональную сферу, которая особым образом раскрывается в период жизненных перемен. Как ощущал себя бывший великий князь в эмиграции, какие видел для себя альтернативы и что оставил в прошлом? Неизменной основой его идентичности составляла принадлежность к династии Романовых. В то же время в своих повседневных практиках Александр Михайлович нередко отклонялся от династических традиций, был космополитом и применял то, что было необходимо для успешной адаптации. Александр Михайлович ассоциировал себя с русским миром, но при этом не считал нужным к нему приспособливаться и становиться его неотъемлемой частью. Он не ностальгировал, не обращался к символам и памятным датам имперской истории. Трагический эмигрантский дискурс присутствовал лишь в тех письмах начала 1920-х гг., в которых он обсуждал с дочерью невозможность вернуться в Россию и возникавшие в связи с этим финансовые трудности.

⁹ ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 73–73 об.

¹⁰ Там же. Л. 74.

Значительная дистанция между членами династии и большинством русских эмигрантов сохранялась и за пределами бывшей Российской империи. Однако в случае Александра Михайловича это не только не мешало ему успешно адаптироваться к новым условиям, но делало его более свободным в своем выборе и служило стимулом к поиску новых форм самореализации.

Александр Михайлович умер от рака 26 февраля 1933 г. в Рокбрюне, небольшом французском городке на Лазурном берегу. Незадолго до этого он написал в своих воспоминаниях, что пребывание в эмиграции — одно из самых счастливых периодов в его жизни, и первое, что бы он сделал, оказавшись снова в Российской империи, — отказался бы от своего великокняжеского титула [Александр Михайлович 1933, с. 330].

Письма публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сокращенные слова раскрыты в угловых скобках. Сохранены авторское оформление и датировка писем. Примечания автора публикации обозначены звездочками и даются в постраничных сносках.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

- Александр Михайлович 1933 — *Вел. Кн. Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. Париж: Иллюстрированная Россия, 1933. 337 с.
- Боханов 2013 — *Боханов А.И.* Сердечные тайны Дома Романовых. М.: Вече, 2013. 411 с.
- Воррес 2003 — *Воррес Я.* Ольга Александровна. Мемуары. М.: Захаров, 2003. 271 с.
- Гусефф 2014 — *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 321 с.
- Закатов 2013 — *Закатов А.Н.* Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. 2013. Т. 6, № 153. С. 146–237.
- Петрушева, Зарембо 2015 — *Петрушева Л.И., Зарембо Н.Г.* Архивы представляют // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 121–125.
- Письма 2013 — Письма (1918–1940) к княгине А.А. Оболенской / имп. Мария Федоровна, вел. кн. Ольга Александровна, вел. кн. Ксения Александровна. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2013. 494 с.
- Сак 2021 — *Сак К.* Сегодня он играет «жаз» // Родина. 2021. № 2. С. 106–109.
- Селунская 2018 — *Селунская Н.Б.* Мифологема «русский европеец» как субъективное измерение идентичности эмигрантов «первой волны» // Диалог со временем. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 179–195.
- Сорокина 2017 — *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье как зеркало русской революции // Русское зарубежье: История и современность: Сб. статей. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 40–50.
- Русское зарубежье 2008 — Русское зарубежье во Франции: 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. М. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1: А–К. М.: Наука, 2008. 794 с.
- Экштут 2018 — *Экштут С.А.* Штурмовые вахты великого князя // Родина. 2018. № 6. С. 50–55.
- Юсупов 2008 — *Юсупов Ф.Ф.* Мемуары: в 2 кн. М.: Захаров, 2010. 430 с.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА
В ЭМИГРАЦИИ

1

*14 (27) декабря 1918 г.
Константинополь*

Моя собственная душка Ирина!

Трудно словами описать, что я чувствую, никогда в жизни я не ощущал того, что я чувствую теперь, это сознание свободы, после четырех лет с лишним это такое божественное ощущение, что описать невозможно. В то же время мне ужасно тяжело, что вы все не с нами, я убежден, что все вы более или менее чувствовали бы то же, что я, и я был бы вполне счастлив, имея вас с собой! Непрестанно повторяй Мама, что надо ехать скорей ко мне, и ты приезжай тоже. Здесь так красиво, сегодня был совсем летний день, мне все еще не верится, что я уехал, еще вчера в Ай-Тодорской тюрьме, а сегодня я свободная птица, Боже, что за благодать. Андрияша¹ и Эльза² тоже так счастливы, и Дудуся даже все время говорит. Беби³ не в духе и начинает привыкать.

Много и долго тебя целую, моя дорогая, и очень люблю, целую Феликса и мою внучку. Завтра едем дальше, в среду, вероятно, будем в Риме (1 янв<аря> нов<ого> стилия). Храни Вас Господь.

Твой собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 1–1 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Андрей Александрович (1897–1981), князь императорской крови, старший сын великого князя Александра Михайловича. Эмигрировал в декабре 1918 г. вместе с отцом и женой, которая находилась на большом сроке беременности.

² Елизавета Фабрициевна (1887–1940), в первом браке — жена адъютанта великого князя Бориса Владимировича А.А. Фридрици. 12 июня 1918 г. вышла замуж за князя императорской крови Андрея Александровича.

³ Обычно так Александр Михайлович называл внучку Ирину Феликсовну Юсупову. В данном случае имеется в виду другой ребенок.

10 января 1919 г.
Париж

<...>^{1*} Судя по газетам, общественное мнение все больше и больше сознает необходимость сокрушить большевизм в России и восстановить бывшую Россию, но САСШ и Францию тревожит мысль, что они будут работать над восстановлением монархии, для двух республик это невозможно, хотя в то же время умные люди и той и другой страны понимают, что без монархии единой сильной России быть не может. Другое затруднение, <нрзб.> война, все устали после столь долгой войны, решено вызвать добровольцев, в Англии тоже, и, наверное, найдется масса желающих. Но больше всех тормозит все эти вопросы Вильсон¹, но, как я слышал, Clemenceau² и Lloyd George³ взяли его в железные тиски. Я на днях, может быть, встречу с одним или двумя влиятельными американцами Col. House⁴, Lansing⁵ и Sharp⁶. Двух влиятельных французов увижу сегодня за завтраком у duchesse d'Uzès⁷. Я действую крайне осторожно, не хочу, чтобы думали, что я за англичан, политический интриган. Я буду говорить просто *comme un bon russe*^{2*}.

От Федора⁸ пока не имею известий.

Ты мое письмо прочти Мама, я не могу всем писать то же самое, одно письмо дополняет другое.

Надеюсь на днях переехать на квартиру, в гостинице дорого, но места нигде нет, все гостиницы переполнены, а половина реквизирована различными правительствами для мирной конференции.

На этом пока кончаю, что у вас делается? Пиши мне через англичан или через французов, почта последних идет на Салоники и дальше сюда.

Благословляю. Крепко обнимаю тебя и Феликса. Также Папа и Мама Феликса. Твой собственный любящий Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 4–4 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Вильсон Томас Вудро (Wilson; 1856–1924), в 1913–1921 гг. президент США.

² Клемансо Жорж (Clemenceau; 1841–1929), в 1917–1920 гг. премьер-министр Франции. В 1919–1920 гг. председатель Парижской мирной конференции.

³ Ллойд Джордж Дэвид (Lloyd George; 1863–1945), в 1916–1922 гг. премьер-министр Великобритании, глава Либеральной партии.

⁴ Хауз Эдвард Мандел (House; 1858–1938), американский дипломат, советник Вудро Вильсона. Был сторонником разрушения целостности Российской империи.

⁵ Лансинг Роберт (Lansing; 1864–1928), в 1915–1920 гг. государственный секретарь США.

⁶ Шарп Уильям Гейвс (Sharp; 1859–1922), американский дипломат, в 1914–1919 гг. посол во Франции.

^{1*} Начало письма отсутствует.

^{2*} Как достойный русский (*фр.*).

⁷ Юзес Анна, д', герцогиня (д'Юзес; duchesse d'Uzès; 1847–1933), французская аристократка, политический деятель, писательница; выступала за расширение прав женщин.

⁸ Федор Александрович (1898–1968), князь императорской крови, второй сын великого князя Александра Михайловича. Эмигрировал вместе с матерью и другими родственниками 11 апреля 1919 г. на линкоре «Мальборо».

3

22 января 1919 г.
Париж

Моя душка Ирина!

Завтра приезжают Дудуся и Эльза из Рима, я радуюсь, пока они будут со мной здесь, думаю послать их в Биарриц и, может быть, сам поеду. Я ежедневно вижу много интересных людей, *politicians* больше, американцев, французов, совершенно заодно с нами, англичане (как это ни странно) против, американцы пока на стороне англичан, но нетвердо. Ты уже слышала, конечно, позорное решение конференции, пригласить большевиков и представителей других мест России на остров *Principe* (Принцезы острова) и там устроить примирительное совещание? Это величайший позор и ошибка, никто не поедет, но вред сделан этим актом огромный, большевики поют победу. Мое пребывание здесь полезно для России, и я работаю вовсю. Русских, кроме Мордвиновых¹, никого не вижу. Каждый день меня зовут обедать, и я провожу время приятно. Но разговоры с разными *politicians* меня утомляют, как пример, вчера с 1–5 в продолжение 4х часов я говорил с разными людьми, в конце концов чувствовал себя *tout a fait abruti*^{3*}. Но это все равно, лишь бы была польза России. Прилагаю список дам, которых я вижу или видел, некоторые бывают только проездом. Список не полон, так как я встречаю много дам, но фамилий не знаю, там <нрзб.> называют ее, и без того 40 дам, количество хорошее. Из этого числа десять мне помогают вовсю, и заместитель, и адвокат, и секретарь, и я очень тронут, все работают *pour la cause russe*^{4*}. Вообще должен сказать, что дамы куда надежнее мужчин, за пять лет они поразительно развились и все понимают гораздо скорее мужчин.

28/15. Поезд опоздал, и Дудуся еще не приехал. Я только что был <у> дантиста, его работа — это просто наслаждение, он заменил *Mr. Spaulding*, Феликс его знает, почти кончил, поеду еще 2 раза. Вчера был снег и мороз. Обедал у *Michel Murat*, которую я знаю из Киева, совсем симпатичный обед и потом танцевали, человек 30 всего. Занятно смотреть, я не танцую, *trop vieille*^{5*}, хотя дамы приставали, но я обещал начать танцевать, когда будет решено *intervention*, а пока ни за что.

Все газеты ежедневно полны статьями о большевиках, наконец все поняли надвигающуюся опасность, кроме мирной конференции.

^{3*} Совсем одуревшим (*фр.*).

^{4*} За русское дело (*фр.*).

^{5*} Слишком стар (*фр.*).

Я не понимаю отчего, но от вас никаких известий, ни телеграмм, ни писем. Между тем все письма, которые я посылал из Ай-Тодора через англичан, дошли до своего назначения.

Piedita² находится в Londa (Италия), зовет меня к себе, но я не могу ехать, пишет, что приедет сюда около 15 февраля, значит, скоро, буду ужасно рад ее видеть. Т<ея> Настя³ ужасно хлопочет, чтобы ее пустили или во Францию, или в Италию, но ее не пускают. Ну вот пока все, целую душку внучку, поклон всем parents^{6*}.

Крепко обнимаю Тебя и Феликса.

Благословляю.

Твой собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 41–41 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Семья Анатолия Александровича Мордвинова (1870–1940), с 1913 г. флигель-адъютанта. Во время Первой мировой войны служил в Ставке Верховного главнокомандующего.

² Итурбе Пьедита (Iturbe; 1892–1990), испанская аристократка, дочь мексиканского посла в Санкт-Петербурге.

³ Великая княгиня Анастасия Михайловна (1860–1922), внучка Николая I, родная сестра Александра Михайловича. В 1878 г. замужем за великим герцогом Мекленбург-Шверинским Фридрихом Францем II. После его смерти в 1897 г. жила за пределами Шверина, в основном во Франции и России. С началом Первой мировой войны не могла оставаться во Франции, т. к. являлась немецкой герцогиней. В 1920-х гг. поселилась во Франции на Лазурном берегу на собственной вилле в Эз.

4

10 февраля 1919 г.

Париж

Моя душка Ирина, какой ужас — убийство моих двух братьев, Павла¹ и Мити², бедные, ни за что совершенно зря убили, какой-то нескончаемый кошмар, их кровь на головах этой поганой мирной конференции, и главное, на Lloyd George и Wilson³. Я работаю с утра до вечера, вижу массу народа, обратился в говорильную машину, почти каждый день приходят разные корреспонденты, все же известную пользу я вижу. За это время я переговорил по меньшей мере с 300 людьми, французы, американцы, англичане, итальянцы, твержу всем то же самое — они говорят с другими и т. д., так что все же есть толк.

Я должен сказать, что порядочно устал.

Многие спрашивают о Феликсе и хотят знать подробности, но я их не говорю. Общее мнение, что Феликс был убит, но теперь они знают, что он жив. Что касается Р<аспутина>⁴, то мнение, преобладающее там, что было сделано слишком поздно.

^{6*} Родителям (*фр.*).

Иногда по вечерам удается играть в bridge и, подумай, мне здесь везет, уже выиграл 562 фр<анков>, вероятно, проиграю, но все-таки начало хорошее. В общем, игроки плохие.

Брасова⁵ приехала из Константинополя, увижу ее сегодня — она имеет сведения, что д<ядя> Миша⁶ жив, дай Бог, хотя я этому не верю. Относительно д<яди> Ники и его семьи у меня больше надежды нет. Меня успокаивает, что дела России поправятся, что, в конце концов, вмешательство будет, но теряют зря время. Иногда я прихожу в отчаяние, но меня поддерживают французы. Мне ужасно хочется, чтобы вы все уехали из Крыма, близость большевиков меня сильно тревожит. Право, надо уехать, еще долго ничего хорошего не выйдет.

В Англии дела очень плохи, забастовки все время. Самая надежная страна — это Франция.

Только что получил письма от Мама, Оди⁷, Никиты⁸ от 15/28 января, ужасно рад, свежие новости. Радуюсь за арнольфов⁹, помолвке Павлика и Муси, поздравь их от меня и скажи, что я радуюсь за них сердечно и желаю им счастья.

Мама пишет, что наши денежные дела плохи, что все упало в цене, это грустно, что же будет дальше? Я сейчас буду завтракать с Андрюшей, Эльзой и couple Larenty, она урожд<енная> Шереметева, очень мила. Воображаю, какая у вас, арнольфов, была суета. Храни Вас Господь. Крепко обнимаю Феликса, тебя и беби.

Твой собственный любящий Папа.

Поклон Папа и Мама Феликса.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 37–37 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Павел Александрович (1860–1919), великий князь, шестой сын Александра II. В 1902 г. вступил в мorganатический брак с О.В. Пистолькорс (с 1915 г. княгиня Палей). Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

² Дмитрий Константинович (1860–1919), великий князь, внук Николая I, сын великого князя Константина Николаевича. Полковник. По состоянию здоровья был вынужден покинуть военную службу. Занимался разведением лошадей и курированием конников в кавалерийских частях. Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

³ Вероятно, описка. Правильно: Wilson (Вудро Вильсон).

⁴ Распутин Григорий Ефимович (1896–1916), крестьянин из Сибири. Был приближен к семье Николая II как старец и целитель. Убит во дворце Юсуповых на Мойке. Среди убийц были Ф.Ф. Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович.

⁵ Брасова Наталья Сергеевна (урожд. Шереметьевская; 1880–1952). Была трижды замужем. В 1912 г. стала мorganатической супругой великого князя Михаила Александровича.

⁶ Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, младший брат Николая II. 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола в пользу брата. 3 марта Михаил Александрович принять престол отказался до созыва Учредительного собрания. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. расстрелян под Пермью.

⁷ Семейное прозвище князя императорской крови Федора Александровича.

⁸ Никита Александрович (1900–1974), князь императорской крови, сын великого князя Александра Михайловича. В 1922 г. женился на графине Марии Илларионовне Воронцовой-Дашковой.

⁹ Портрет четы Арнольфини, художник — Ян ван Эйк, 1434 г. На портрете, написанном по случаю свадьбы, изображен супруг с беременной женой. Однако, возможно, что округлый живот — признак не беременности, а плодovitости.

5

*Не ранее февраля 1919 г.
Париж*

Моя душка Ирина! Как время летит, на днях 2 месяца пройдет со дня моего отъезда.

Я вовсе не раскаиваюсь, что приехал сюда, мое чувство мне верно подсказывало, что я должен был ехать. Русские дела, кажется, принимают хороший оборот, это есть немного результат моей работы, при помощи всех моих друзей, ты не можешь себе представить, что я перевидал народу и корреспондентов разных газет, и раз я убежден в правоте своих убеждений, то, конечно, является способность говорить убедительно.

Я никогда ни слова не говорю о том, какой режим настанет после изгнания большевиков, да это меня, по правде, мало интересует. Зато наши милые русские, которым мой успех здесь неприятен, распространяют слухи, что я веду пропаганду за монархию, какие подлецы, и главное не левые элементы говорят это, а мерзавцы кадеты. Конечно, их интриги не имеют никакого успеха, так как никто не слышал от меня ни слова о монархии. Даже американцы, этакие дубы, начинают понимать, что вооруженное вмешательство необходимо.

Такая радость, вчера наконец приехала Piedita, так мила, и несмотря на то, что я ее почти не знал прежде, мы встретились как давнишние хорошие друзья, я ее не видел почти шесть лет с сентября 1913 года, она много спрашивала про тебя, она тебя нежно любит. Я ее буду видеть часто, и теперь, что она здесь, я уже чувствую себя лучше, есть около верный друг.

Из новых знакомых я подружился с *princesse Duky de Broglie*¹, она умна, красива и мне помогает видеть много влиятельных лиц и работает в том же направлении, как и я. Конечно, общество решило, что я *madly in love with her*^{7*}, как быстро. Здесь нельзя видеть лишней раз кого-нибудь, сегодня же решают, что *in love*, идиоты. Началась весна, 10–12 <градусов>, иногда солнце, но больше дождь, но два дня уже пахнет весной. Андрюша и Эльза вчера переехали на квартиру, 40 rue D'Arbois, очень мило, уже устроились, я перееду на днях, когда они обживутся, у меня все есть из старой квартиры, белье, серебро, посуда, мебель.

Н.С. Брасова здесь, ее выдаю довольно часто, удалось устроить ей разрешение ехать в Англию, сначала не позволили, о дяде Мише она имеет сведения, что он был жив в ноябре, но где он, ничего не известно. Я никак не могу успокоиться, меня мучает смерть бедного дяди Гоги², он так и не дождался увидеть своих детей, и Мити, ужас, как грустно за него. Ему, конечно, теперь хорошо.

^{7*} Я безумно влюбился в нее (англ.).

Чуть не убили Clemenceau³, но теперь он в неопасности, стрелял анархист, но, конечно, это все то же что большевики.

В Англии очень обеспокоены большевистской пропагандой и принимают меры, здесь тоже идет пропаганда, но не имеет успеха.

В Германии со спартакистами⁴ расправляются по-настоящему, и я уверен, что они сумеют справиться с этой мерзостью.

Показалось солнце и греет мне лицо, приятно. Я надеюсь, что американцы Riggs и Whitehouse благополучно доставят вещи, которые ты просила. Из новых знакомых есть mrs. Elkins, американка из Калифорнии, красива, но a hard face^{8*}, зовет меня в Калифорнию, говорит, что есть отличные college для детей.

На несколько дней приезжала итальянская королева, мила и страшно любезна, ее дочь Иоланда⁵, красива, но черногорский тип, вторая Мафальда⁶, некрасивая. Md. Letellier уехала, жалко, она такая добрая и трогательная, сестра ее умнее, но и злее. Из новых знакомых есть еще Md. Sassoun, жидовка, красива, тип Ребекки.

Играю довольно часто в bridge, пока идет недурно, выиграл 1520 f., проиграл 224, так что +1296, это недурно для начала. Видаю изредка La Mouche и Jean. Меня все время тянет в Биарриц, но теперь ехать не могу, должен исполнить обязанности матери у Эльзы, нельзя ее оставлять, и бедный Дудуся, дай Бог, чтобы все прошло хорошо, но, конечно, Дудуся будет мучиться и страдать. Maisy еще здесь, кажется, видится с разными бывшими убийцами вроде Савинкова⁷. Но я должен сказать, что все эти господа думают и говорят так же, как и я.

Оно понятно, раз думаешь только о пользе родине, что все должны быть одного мнения, это поражает иностранцев. Ну вот, целую внучку очень крепко, напхни ей обо мне. Поклон родителям. Тебя и Феликса крепко обнимаю. Храни Вас Господь. Какая же будет следующая арнольфинная свадьба?

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 35–36 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Речь идет о дочери или невестке герцога де Брой, поэтому ее титул не герцогиня (duchesse), а «княгиня <из дома> герцога де Брой». Наиболее вероятно, что имеется в виду писательница Полина де Брой (1888–1972).

² Георгий Михайлович (1863–1919), великий князь, внук Николая I, сын великого князя Михаила Николаевича. С 1895 г. управляющий Русского музея императора Александра III. Генерал-адъютант. Обе его дочери, Нина и Ксения, вместе с матерью великой княгиней Марией Георгиевной с начала Первой мировой войны проживали в Англии.

³ 19 февраля 1919 г. рядом со зданием Военного министерства анархист Эжен Коттэн трижды стрелял в Ж. Клемансо, ехавшего в автомобиле. В результате председатель Парижской конференции был легко ранен.

⁴ Союз Спартака — революционная организация немецких левых социал-демократов. Образован 11 ноября 1918 г. В состав Центрального комитета организации вошли К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг и др. В декабре на конференции спартаковцев и радикалов создана Коммунистическая партия Германии.

^{8*} Дерзкая, наглая; нахалка (англ.).

⁵ Принцесса Иоланда Савойская (1901–1986), старшая дочь короля Италии Виктора Эммануила III и принцессы Елены Черногорской.

⁶ Принцесса Мафальда (1902–1944), вторая дочь короля Италии Виктора Эммануила III и принцессы Елены Черногорской. Погибла в Бухенвальде.

⁷ Савинков Борис Викторович (1879–1925), террорист, руководитель Боевой организации партии эсеров. После приговора к смертной казни в 1906 г. за подготовку покушения на командующего Черноморским флотом адмирала Г.П. Чухнина бежал из-под ареста в Румынию, затем перебрался во Францию и жил в Париже. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию. Занимал видные военные посты в Военном министерстве Временного правительства. Участвовал в Гражданской войне на стороне Белой армии. В 1920 г. жил в Варшаве, с 1921 г. в Лондоне. В 1924 г. нелегально приехал в СССР, был арестован 16 августа и 29 августа приговорен к смертной казни, замененной 10 годами лишения свободы. Покончил жизнь самоубийством.

6

17 февраля 1919 г.
Париж

Моя душка Тити, так ты и не собралась мне написать, хотя из последнего письма Мама, от 4/17 февраля, я вижу, что вы находитесь на точке замерзания, тем не менее твое письмо доставило бы мне большое удовольствие. Поздравляю с племянницей Ксенией¹, она родилась 25/10 в ½ 4 ночи, все прошло прекрасно и скоро, внучка душка, похожа на тебя, когда ты была такая же, Дудуся сияет и трогателен, ребенок спокойный, Эльза сама кормит, глаза голубые, много черных волос, крестины будут, вероятно, в субботу, крестная мать будет Саша Ver.², а я крест<ный> отец. Моя жизнь проходит так же, только с тех пор как приехала Piedita, я меньше выезжаю в монд. Она должна была уехать 2 дня тому назад, но осталась еще на неделю, чему я очень рад.

Мою работу для России продолжаю, почти каждый день выдаюсь с разными американцами, bankers, pressmen^{9*} etc.

Погода отвратительная, холодно и дождь каждый день, весна никак не может установиться, но все-таки скоро должно быть тепло. Мама в своем письме ничего не пишет про большевиков, а, судя по газетам, у них на Украине успехи продолжают. Союзники никак не могут решиться на intervention, и со дня решения предложить делегатам большевиков и других правительств приехать в Principo³ ничего нового не предпринимают, тем не менее русский вопрос стоит на очереди, и rease conference^{10*} должна будет им заняться. Думаю отправить Андриюшу с семьей в Биариц через 2 недели и потом сам туда поеду.

Иногда играю в bridge, большею частью выигрываю, так что balance в мою пользу около 1500 francs. Вчера обедал с Брасовой, Вяземской, Ляпуновым⁴ и еще какая-то дама в restaurant Larérouse, что на quay^{11*} около Notre Dame, маленькие

^{9*} Банкиры, журналисты (англ.).

^{10*} Мирная конференция (англ.).

^{11*} Набережная (англ.).

комнаты, жара, но еда недурная. Брасова уезжает в четверг в Англию, будет жить в своем имении, где-то в Sussex, она очень этому радуется. Я читал interview Кирилла в Daily express, как всегда, наговорил глупостей о монархии и между сказал: «I must be at hand near the door to Russia»^{12*}, одним словом, сказал именно то, что не надо было говорить. Здесь ходят слухи, что М.П.⁵ с сыновьями должна приехать, и все меня об этом спрашивают, но я ничего не знаю, кроме того, говорят, что будто бы Борис⁶ и Андрей⁷ хотели, чтобы английское военное судно взяло их и их maîtresses^{13*}, но что англичане были согласны взять их, но не их дам, что правда, что нет, не знаю.

Видел двух братьев Чихачевых⁸, которые приехали из Румынии, дрались с большевиками у Ровно, они оба кавалергардского полка, мне понравились. Ernest Daudet⁹ предлагает написать мемуары Феликса, прилагаю его письмо. Только легенду о сепаратном мире не надо печатать, потому что это неправда. Целую мою внучку и крепко обнимаю тебя и Феликса. Кланяюсь родителям и всем <нрзб.>. Храни Вас Господь.

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 20. Л. 3–4. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Романова Ксения Андреевна (1919–2000), дочь князя императорской крови Андрея Александровича и княгини Елизаветы Фабрициевны, внучка великого князя Александра Михайловича.

² Александра Verola (1864–1952), урожденная графиня Александра Николаевна фон Остенбург, дочь герцога Николая Константиновича Ольденбургского и Марии Булацель; супруга Поля Вероля.

³ Предложение Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона, высказанное 21 января 1919 г.

⁴ Ляпунов Сергей Михайлович (1859–1924), русский композитор. В 1894–1902 гг. помощник управляющего Придворной певческой капеллой.

⁵ Мария Павловна (1854–1920), герцогиня Мекленбург-Шверинская, великая княгиня, с 1874 г. замужем за великим князем Владимиром Александровичем.

⁶ Борис Владимирович (1877–1943), великий князь, внук императора Александра II, сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. 12 июля 1919 г. женился морганатическим браком на своей любовнице Зинаиде Сергеевне Елисейевой (урожд. Рашевская; 1896–1963).

⁷ Андрей Владимирович (1879–1956), великий князь, внук императора Александра II, сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. В 1921 г. женился морганатическим браком на Матильде Феликсовне Кшесинской (см. также примеч. 4 к письму № 14).

⁸ Вероятно, сыновья Чихачевых Федора Платоновича и Марии Петровны (урожд. Альбединской).

⁹ Доде Луи-Мари Эрнест (Daudet; 1837–1921), французский журналист и писатель.

^{12*} Я должен быть под рукой (поблизости, наготове) у дверей России (англ.).

^{13*} Любовниц (фр.).

23 октября 1919 г.
Париж

Моя душка Ирина!

Спасибо за письмо, Мама приехала вчера с опозданием больше часу! Я нашел, что у Мама вид хороший. Мы живем в Ritz, и, слава Богу, здесь топят, у меня в квартире я совсем замерз, на улице теплее, чем в комнатах. Получил письма от Феодора и Никиты, оба пишут, что решили ехать в Аргентину с Matos, для чего? Неизвестно. Matos, может быть, очень милый человек, он очень богат и проживает свою жизнь, так что если их цель ехать в Аргентину, чтобы сделаться людьми (людьми), то хуже выбор было трудно сделать. Для меня ясно, что вся эта поездка обратится в *partie de plaisir*^{14*}, что, собственно, Феодор и хочет, но я, конечно, на это не согласен, если они действительно хотят сделаться людьми и работать, то нужно ехать в Америку (U.S.A.) к кому-нибудь серьезному, который может ими руководить и может их направлять; у меня там есть на примете colonel John Y<нрзб.>, он может из них сделать людей, но Matos, смешно об этом говорить, и еще после той роли, которую он сыграл в истории с Ysabel; она здесь больна и очень несчастна, она живет в Hotel Meurice (Comtesse Banuelos), детей у нее отбирают, и она может их видеть только один месяц в году, но она борется и надеется отстоять свои права, бедная, мне ее очень жалко. Никита уже пропал, я его видел вчера одну минуту, а сегодня он и не появляется.

Именно благодаря вашей халатности у вас украли бриллиантовые jewelry^{15*}, право, нужно перестать быть детьми, особенно теперь, когда денег нет, что это за беспечность¹.

Я радуюсь, что ты решила ехать в Рим, нужно же помнить, что у тебя есть дочь, нельзя жить, игнорируя ее существование, отдав ее beaux parents^{16*}, право, довольно. Подумай, что это такое, месяцами ты живешь без нее, именно тогда, когда влияние матери наибольшее. Храни вас Господь.

Крепко тебя и Феликса обнимаю.

Твой собственный любящий Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 20. Л. 1–2. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Феликс Юсупов так пишет об этом в своих воспоминаниях: «По субботам собирались в нашей найтсбриджской квартире. Цыганские песни под гитару напоминали о России. <...> Иногда приходили люди и вовсе нам не знакомые. В одно воскресное утро, после такого вот собрания, собираясь идти с Ириной в церковь, у себя в кабинете я открыл ящик письменного стола, где хранил деньги и ценности, и увидел, что мешок с брильянтами Шоме исчез. Опрос слуг ничего не дал. Я велел им заняться поисками, пока нас не будет. Мешок не отыскали. <...> Я отправился к директору Скотленд-Ярда сэру Бэзилу

^{14*} Развлечение (*фр.*).

^{15*} Ювелирные украшения (*англ.*).

^{16*} Дедушке и бабушке (*фр.*).

Томпсону и рассказал дело. Сначала он попросил у меня список гостей. Но знал я не всех. <...> Прошли недели. Ни вора, ни брильянтов не отыскали. Не нашли и потом. Разумеется, я сам виноват, потому что взял себе за привычку и за принцип никогда ничего не запирасть на ключ. Я считал, запереть — значит оскорбить слуг наших» [Юсупов 2008, с. 58].

8

11 сентября 1920 г.
Париж

Моя душка Ирина! Спасибо за письмо, слава Богу, что тебе лучше, твоя болезнь меня сильно расстроила, тем более что телеграммы приходили редко и такие неопределенные. Я люблю знать точно, что, собственно, у тебя было, инфлюэнца и легкие были задеты или нет, умоляю тебя, берегись, помни, что у тебя легкие слабые, и они вполне окрепнут, если ты будешь беречься и жить в подходящем климате, отнюдь не возвращайся в Лондон¹, скорее следовало бы тебе спуститься на юг, в Неаполь или Сорренто?

Поездка ваша в Америку меня тоже расстраивает, это будет для тебя сплошное утомление, пусть Феликс едет один с Феодором. Его деятельность по Красному Кресту очень похвальна, но, в конце концов, я не понимаю, для кого и куда это все идет?

Мама лучше, но она еще слаба, как и ты. Вот тебе и юг, все переболели. Великие молчальники переехали в Beaulieu² и как настоящие <нрзб.> не сообщили своего адреса. Т<етя> Настасья бомбардирует меня письмами и телеграммами, прося выхлопотать ей разрешение вернуться во Францию. Т<етя> Михен взяла виллу в Grasse, Борис в Ницце. Я переехал на квартиру Кирилла, он мне это разрешил, светло и хорошо, и я вполне доволен, мой адрес теперь: 32 Avenue Henri Martin, запомни.

Погода стояла все время прекрасная, сегодня дождь.

Я ездил три раза в Saint Cloud³, играл в golf, но не могу вернуть моего прежнего удара, что меня сердит. В последний раз играл с Marie Claire и Алеком⁴, оба играют отвратительно, так что с ними играть не удовольствие.

Вот, появилось солнце.

Мама, может быть, поедет к Андрюше в Beaulieu.

Я все читаю разные спиритические книги, есть очень интересные 2 книги: «Claude's books»⁵, письма с того света, он молодой авиатор, англичанин, был убит в 1915 г. Я был у Md. Brofor, она мне говорила много интересного.

Напиши еще и скажи, как твое здоровье. Храни тебя Господь. Крепко обнимаю тебя и душку внучку.

Твой собственный любящий Папа.

Поклон beaux parents

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 8. Рукопись. Ксерокопия.

¹ В это время Ирина Александровна с дочерью и братом Федором жила в Риме у свекрови Зинаиды Юсуповой.

² Больё-сюр-Мер (Beaulieu-sur-Mer), город на юго-востоке Франции в провинции Прованс.

³ «Сэн-Клод» — частный парижский гольф-клуб.

⁴ Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932), герцог. По отцу правнук императора Павла I. После революции эмигрировал в Финляндию, затем во Францию. С 1921 г. вместе с семьей жил на собственной вилле Машелон в Биаррице.

⁵ Claude's book / edited by L. Kelway-Bamber; with an introductory letter from Sir Oliver Lodge. N. Y., 1919.

9

5 марта 1921

Париж

Моя душка Ирина, спасибо за письмо от 25-го из Неаполя.

Карабасов никакого пакета с духами не имеет, может быть, уложено в сундуке?

Я веду жизнь спокойную, всего за 2 месяца обедал вне дома раз 10. Воображаю, как хорошо в Палермо, но и здесь дивная погода, полная весна, все распускается и совсем тепло, иногда даже жарко.

Теперь расскажу тебе вкратце, что мне удалось недавно видеть и чувствовать. Все по порядку. Ни имена, ни фамилии называть не буду. Два месяца тому назад, в одном доме, в Париже, который одна семья снимает с 1913 года, появилось так называемое привидение, живут в доме отец семейства, его жена, два брата жены, племянник, дети и прислуга. Отец давно занимается спиритизмом и изучает психические науки и т. п., но никогда в доме никаких сеансов не производил, жена занималась этим изредка, братья и племянник никогда и во все это не верили, все это нужно понимать. Так вот, со дня, когда появилось привидение, в доме стали происходить удивительные вещи, предметы летали, люди получали неизвестно откуда удары, стуки и проч. Одним словом, жизнь становилась невыносимой. Отец решил устроить сеансы, и вот с первого же сеанса оказалось, к общему удивлению, что один из братьев и племянник — медиумы, они этого никогда не подозревали, а жена вдруг начала писать и, кажется, уже написала 400 страниц на высшие темы, пишет она бессознательно.

Так вот, на первых же сеансах выяснилось, что явился добрый дух, который изгнал злого и обещал их охранять, и действительно все неприятные явления прекратились, но зато во время сеансов, которых было 20 (я был на 20-ом), происходили и происходят удивительные вещи.

Как видишь, все это происходит в одной семье, так что не приходится вовсе думать о каком-либо мошенничестве, — узнав обо всем этом, я просил меня пригласить на сеанс, это было введение, теперь, наконец, что я сам видел.

Было это 28 февраля, почти неделю тому назад. Я пришел в ½ 9 вечера, приготовления заняли 2 часа времени, устанавливали точные аппараты, прилаживали фотографические аппараты, их было шесть, проводили проводники к магнию и проч.

Наконец, в ½ 11 мы все, нас было 9 человек, семья 6 человек, ученый физик, я и еще одно лицо. Задача вечера была получить снимок руки духа на пластинке, зачерненной копотью, пластинка на аппарате, рядом электроскоп, провода к магниту, кругом фотогр<афические> аппараты, которые сни<мут> всех присутствующих и то, что должно происходить.

Все сидели кругом комнаты по стенам, медиумы недалеко от стола, где находилась пластинка, но настолько далеко, что руки до стола достать не могли. Отец около концертно, на котором он играет во время сеанса. Огни потушили, открыли фотографические аппараты, прочли общую молитву. Не прошло трех минут, как в комнату стали прилетать вещи из других комнат, затем вода, на голову, на руки, меня рука легко тронула за плечо, других за лицо, в то же время видно в темноте некие огоньки вроде звездочек.

<...>^{17*} собирал вещи, между прочим, один гвоздь и медная втулка ударили меня по груди, и я поймал их в руку во время полного света, замечательно, что никогда не видно вещей в полете, а только когда они тронут ноги или тело.

Это была первая часть сеанса, во второй брат и жена с треском упали и впали в транс, опять вода, вещи и проч. Мне в руки прилетел мячик <для> golf'a, откуда неизвестно, при второй части сеанса был полусвет, опять масса воды.

Во время третьей части сеанса <...>^{18*} масса вещей падала около меня, гвозди, карандаши, разные принадлежности из лаборатории, колокольчик, который три дня прилетал (должен сказать, это было жутко), но вода приятна, у меня голова была мокрая.

Приблизительно через минут 15–20 вдруг сильный треск, зажегся магний, значит, кто-то тронул пластинку, зажгли свет, на пластинке ясный отпечаток всей руки в перчатке. Что замечательно, что при полном свете вещи продолжали падать откуда-то.

Семья так привыкла, что не обращает на это внимания, а я или беби^{19*} <...> но ее не было, затем все стало стихать, вещи стали летать реже, сеанс кончился. Пошли вниз пить чай, есть сэндвичи. Слушай теперь: около часу я простился со всеми, одел пальто, положил руку в карман и удивился, что мои перчатки свернуты вместе, я никогда так перчаток не свертываю. Я всем показал и говорю: «Странно, кто-то трогал мои перчатки». Я их развернул, и получил шок, новая перчатка^{20*}, вся ладонь была в копоту, общее удивление, каким образом дух одел мою перчатку и тронул ею пластинку!!?

Фотографии проявили, все мы сидели на местах, медиумы, конечно, тоже, я в этом и не сомневался, но это делается или для собственной проверки и для получения снимка руки, только раз удалось получить снимок чего-то вроде руки.

Я всего рассказать не могу, еще были явления, о которых расскажу, писать не хочу.

^{17*} Далее часть письма в деле отсутствует.

^{18*} Последняя строка письма обрезана при копировании.

^{19*} Не откопирована последняя строчка письма. Возможно, отсутствует следующая страница.

^{20*} Далее зачеркнуто: была.

Я в восторге, что все это видел, всегда верил, но, наконец, собственными глазами видел и телом чувствовал. Буду ходить и на следующие.

Конечно, братья, племянник и дядя сделались вполне верующими, после того что они видели во время 20 сеансов. Неправда ли интересно?

Благодарю Оди за письмо. Напишу ему на днях. Никита едет в Cannes на здешнюю Пасху.

Да, конечно, это все делается во время сеанса с молитвой, и я должен сознаться, что много молился.

Храни Вас всех Господь.

Крепко обнимаю тебя, Феликса и Оди.

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 24–25 об., 31–32 об. Рукопись. Ксерокопия.

10

15 октября 1921 г.

Париж

Моя душка Ирина, опять ты молчишь, уже сколько недель, это несносно, неужели нельзя хотя бы иногда писать друг другу?

Я видел раз Феликса, и сегодня он будет у меня завтракать, но думаю, что он забыл.

Я очень радуюсь, что ваше денежное положение улучшилось¹, хотя наше ухудшилось до крайности, и после 1 декабря просто не на что будет жить. Я делаю все возможное, чтобы найти деньги, но пока их не нашел, наряду с этим Эльза за нашей спиной делает долги, которые мы должны платить, чтобы не вышло скандала.

Я вернулся из Биаррицы неделю тому назад, к свадьбе Ксении².

В Биаррице было хорошо, жара все время, я много играл в golf и много видел знакомых. В среду начали сеансы у Юрьевской³, хотя сеанс был хороший, нас было всего 4 человека, но злые опять пришли и всему мешали, главная забота найти способы удаления злых, если мы этих способов не найдем, то продолжать сеансы не стоит. Жду Никиту, который вовсе не торопится получить место в Лондоне. Димитрий уехал в турне (деловое) с греком <нрзб.>, надеюсь, что хотя бы он устроится хорошо⁴. Феодор окончательно запутался с <нрзб.> Orsini, к счастью, она богата и в деньгах не нуждается. Здесь погода стояла все время жаркая, а сегодня первый прохладный день с ветром. Настроение мое гораздо ниже среднего, я нигде не бываю, только иногда обедаю у Marie Claire. Да, если можешь, верни мне деньги, которые я тебе дал за квартиру, и эта сумма будет помощью.

Почти 4. Феликс не забыл и завтракал с Феодором, оказалось, что они оба завтра уезжают. Не помню, писал ли тебе, что О.К. в Menton, Borrigo, Villa Sabatini, напиши ей несколько слов, она будет так рада.

Крепко обнимаю тебя и душку внучку, поклон родителям. Храни Вас Господь.

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 29–29 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Из воспоминаний Ф.Ф. Юсупова: «Весной 1921 года с деньгами у нас стало совсем туго. На поддержку беженцев ушло все. На самих себя и на тех же беженцев пришлось заложить часть драгоценностей. Остальное мы продали, а Рембрантов решили тоже или продать, или заложить. Стоили они, понятно, немало» [Юсупов 2008, с. 256]. В июле 1921 г. Феликс Юсупов заключил сделку с Джозефом Уайденом, американским бизнесменом и коллекционером. За картины Феликс получил 100 тыс. фунтов с правом выкупа до 1924 г. и без права их последующей продажи в течение 10 лет [Там же].

² Ксения Георгиевна (1903–1965), княжна императорской крови, дочь великого князя Георгия Михайловича и великой княгини Марии Георгиевны. 9 октября 1921 г. вышла замуж за Уильяма Лидса, потомка американских промышленников и бизнесменов. В 1925 г. родилась дочь Нэнси Лидс. Развелись в 1930 г.

³ Возможно, имеется в виду Юрьевская Екатерина Михайловна (урожд. Долгорукая; 1847–1922), морганатическая супруга Александра II.

⁴ Из письма великой княгини Ксении Александровны к А. Оболенской: «Это большое табачное дело, во главе которого стоит один грек, который живет в New York'e. Мне о нем писали как об очень хорошем, дельном человеке, который с удовольствием возьмет кого-нибудь из моих сыновей в свою к<компанию>. Он приехал сюда по делам, был у меня и предложил свои услуги, но в такой милой и деликатной форме, что сразу расположил к себе! Дмитрий, от которого я скрыла всю эту комбинацию до приезда грека, пришел в такой восторг от этого предложения, что объявил сейчас же, что поступит к нему, хотя тот совсем не торопил его» [Письма 2013, с. 154].

11

29 декабря 1921 г.

Париж

Моя душка Ирина, вот то письмо, которое я хотел написать тебе и братьям после согласия Мама дать мне развод: «С болью в сердце я должен сообщить тебе о том решении, которое я принял. Мы разводимся, знаю и чувствую, как это известие тебя огорчит и расстроит, но обстоятельства принудили меня решиться на этот шаг. Помни, что Мама сделала все, чтобы меня отговорить, вините только и всецело меня.

Дети не должны судить родителей, но понятно, что в твоей душе поднимется чувство осуждения, чувство горечи, и ты будешь поражена, что я мог решиться на такой шаг, после 27 лет брачной жизни, в мои годы и имея вас всех, дорогих мне детей.

Помни только, что, решившись на этот шаг, моя дружба и любовь к Мама и моя любовь ко всем вам останется нетронутой; во мне вы все всегда найдете любящего отца, который никогда не перестанет вас любить и о вас заботиться. После развода я женюсь. Не осуждай строго и постарайся в душе своей простить меня. Будь с Мама мила и люби ее больше, чем когда-либо, вы все должны заменить меня и облегчить ей то великое горе, которое я ей причиняю». Теперь это письмо не имеет больше значения, так как Мама после разговоров с тобой и, кажется, с

Федором взяла свое согласие обратно. Мама мне передала, в каком вы были горе и отчаянии, когда узнали о моем решении, я это понимаю и ценю, но решение Мама взять свое согласие обратно окончательно меня убило.

Легко критиковать и решать, не зная обстоятельств, не имея ни малейшего представления о том, что творится в моей душе. Я хотел и после развода сохранить с Мама те же отношения, которые у нас были все время, я хотел, чтобы мы могли видеться и даже жить вместе с ней и с вами, когда это было бы возможно, но теперь, конечно, всему конец, я не мог и не хотел жить *under false pretence*^{21*}, но своим отказом дать мне свободу Мама меня оттолкнула окончательно от себя и от вас¹.

Жить было без того тяжело, теперь стало невыносимо. Прошу тебя не винить ту, которую я люблю больше всего на свете, ту, которая для меня все, ты ее не знаешь, она ни в чем не повинна, она ничего не ищет, я заставил ее развестись, будучи уверен, что Мама даст мне развод, теперь она находится в невыносимом положении благодаря мне, у меня нет возможности ее *réhabiliter*^{22*}, *I ruined Her life for nothing*^{23*}. У меня в душе ад, но имею слабую надежду, что Мама, в свое время, все же даст свое согласие. Если я решился на этот шаг, вероятно, у меня для этого есть веские причины, ведь мне не 20, а 56 лет, и нельзя винить меня слишком строго, если я жаждал и хотел получить немного счастья на этой земле. Ведь мне осталось жить очень недолго.

Писать легче, чем говорить, и вот я решился тебе написать, чтобы ты немного поняла меня. Если хочешь со мной говорить об этом, я не отказываюсь, но не только как с дочерью, но как с другом по-человечески.

За 2 года я передумал все и нет ни одной причины против развода, которую я бы не взвесил. Помни одно — я совестью своею отвечаю только перед Богом и перед самим собой.

Крепко обнимаю.

Твой собственный любящий Папа.

Если ты отнесешься к моему письму легко, то, конечно, у тебя явится мысль: «Бедный Папа, как она его окрутила», если же ты почувствуешь меня душою, то поймешь.

Это письмо только для тебя.

Скажи Феликсу, чтобы он раз навсегда ни с кем не говорил бы о разводе.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 20. Л. 7–8; Д. 19. Л. 92–92 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Из письма великой княгини Ксении Александровны к А. Оболенской от 13 января 1922 г.: «Вопрос стоит не так остро сейчас: она отговорила от раз<вода>, но он все же умоляет меня и надеется, что я ему дам свободу! Письма его душу раздирающие и меня совершенно убивают, но Бог даст, когда-нибудь глаза откроются, и он все поймет. Он, Ирина,

^{21*} Под фальшивым предлогом (*англ.*).

^{22*} Реабилитировать (*фр.*).

^{23*} Я зря разрушил ее жизнь (*англ.*).

Феодор и Мария В<оронцова> приехали сюда третьего дня, и дом ожил — и я так им всем рада» [Письма 2013, с. 154].

12

12 января 1922 г.
Париж

Моя душка Ирина, все эти дни я хотел с тобой говорить все о том же вопросе, но говорить тяжело, писать легче. Я сознаю, что это дико, просить дочь помочь отцу в разводе, но раз Мама с тобой говорила, и ты и братья являются главной причиной отказа Мама, то я считаю себя вправе говорить с тобой не только как с дочерью, но как с другом, который должен меня понять. Пойми, что ни ты, ни Мама, ни братья не имеете права насиловать мою душу, держать меня привязанным, когда я этого не желаю. Ты, вероятно, замечаешь, в каком состоянии я нахожусь, но при тебе я стараюсь сколько возможно взять на себя, но, когда я один, я нахожусь в полном беспросветном отчаянии. Видеть мучения той, которую я люблю, выше моих сил, ведь я оказался преступником, поклялся в свое время, вполне сознательно, я теперь лишен возможности исполнить мою клятву.

Мама и вы все, мои дорогие, не имеете права делать из меня преступника, за что вы все обрекаете меня на постоянные страдания, взгляни на вопрос с точки зрения души, не с точки зрения земной.

Пойми, что, получив развод, я не переменюсь ко всем вам, все останется по-старому, но дайте мне жить и дышать. Мама и вы все не можете быть палачами своего мужа и отца, а ведь теперь это так и, конечно, мне тяжело быть с вами и все время это чувствовать.

Вы встретите новый год с Мама, но неужели в ваших душах не шевельнется желание дать мне жить? Мне ужасно тяжело все это писать, но раз Мама с тобой говорила, то я имею право искать помощи у тебя, хватаюсь за тебя, как утопающий хватается за соломинку. Я написал Мама длинное письмо, поговори с Мама по душе, по сердцу, и если в вас есть ко мне настоящая любовь, вы поймете ваш долг дать мне свободу. Прости, что пишу тебе, но что же мне делать, я нахожусь в *impasse*^{24*} и страдаю невыразимо.

Храни тебя Господь.

Поцелуй от меня Мама и братьев — желаю вам всего, всего хорошего в новом году, Феликсу тоже.

Крепко обнимаю,

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 40–40 об. Рукопись. Ксерокопия.

^{24*} (Нахожусь в) тупике (англ.).

21 февраля 1922 г.
Париж

Моя душка Ирина!

Бедная Мама просит передать тебе этот счет, она не может его уплатить.

Это так грустно, что Амама¹, имея массу *bijoux*^{25*}, не хочет расстаться хотя бы с частью, чтобы помочь Мама; ей эта мысль даже не приходит в голову.

Обнимаю крепко,

Твой собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 42. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Мария Федоровна (1847–1928), императрица, супруга Александра III.

12 марта 1922 г.
Эз, вилла Фантазия¹

Моя душка Ирина, спасибо за письмо, такой неожиданный приятный сюрприз, я получил его в момент моего отъезда вчера из Парижа.

Ну вот т<ея> Настасья перешла в другой мир, все прошло весьма быстро, она скончалась без сознания, без агонии и без всяких страданий, слава Богу. Я ее не застал в живых, она ушла вчера в субботу в 2 ч<аса> дня. Я получил телеграмму, что ей плохо, вчера утром и тотчас собрался и уехал. Доктора определили кровоизлияние в мозг, еще во вторник она обедала в Monte^{26*} — танцевала, в среду жаловалась на сильную головную боль, температура была высокая, в четверг позвала доктора, он определил грипп, а в пятницу утром в 9 ч<асов> удар и больше она в сознание не приходила.

У Алекса² инфлюенца, и он не мог выехать со мной, вероятно, приедет во вторник.

Здесь много родственников, были сегодня на панихиде, Эни, Надя³, Ксения, все с мужьями, Андрей с Малей⁴ и Вовой⁵ и разные знакомые. Адини⁶ приезжает во вторник, вероятно, в среду перевоз в Cannes, в русскую церковь, я не знаю место, где будут хоронить, неизвестно, так как завещание еще не открывали. Интересно, что в пятницу вечером, после обеда у Мордвиновых, был сеанс с Md Morebia, и духи меня предупредили: «Demain une importante nouvelle inattendue»^{27*}, и вот утром в субботу пришла телеграмма, правда интересно?

Здесь чудно, лето, у меня комната наверху, дивный вид на море, и я слышу прибой, напоминает Крым.

^{25*} Украшений (фр.).

^{26*} Монте-Карло (фр.).

^{27*} Завтра неожиданная важная новость (фр.).

Ты знаешь мои взгляды на смерть (так называемую), я уверен, что т<етя> Настасья счастлива и нас всех видит, но пока не может сообщаться, я хотел сегодня сделать сеанс с Малей, но она отказалась, жалко, наверное, т<етя> Настасья хотела что-нибудь передать. Останусь, вероятно, до конца недели. Завтра поеду в Menton^{28*}, повидать О.К. Вот тебе и жизнь, сегодня жив, завтра ушел, зачем же меня мучить, кому от этого легче, а сколько вреда той, которую я люблю, и мне. Это прямо грех так поступать. Поклон beaux parents^{29*}. Крепко обнимаю тебя, Феликса и душку, и Оди. Храни Вас Господь.

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 45–45 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Эз (Èze), город на юго-востоке Франции в регионе Прованс.

² См. примеч. 4 к письму № 8.

³ Надежда Петровна (1898–1988), княжна императорской крови, дочь великого князя Петра Николаевича и великой княгини Милицы Николаевны. В 1917 г. вышла замуж за князя Н.В. Орлова. Развелась в 1940 г.

⁴ Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1971), русская балерина, любовница цесаревича Николая Александровича. В 1921 г. вышла замуж за великого князя Андрея Владимировича.

⁵ Красинский Владимир Сергеевич (с 1921 г. Андреевич) (1902–1974), светлейший князь Романовский-Красинский, внебрачный сын М.Ф. Кшесинской и великого князя Сергея Михайловича.

⁶ Александрина Августа Мекленбург-Шверинская (1879–1952), герцогиня, дочь великой княгини Анастасии Михайловны и наследного принца Фридриха Франца Пауля. В 1898 г. вышла замуж за будущего короля Дании Кристиана X. С 1912 г. королева Дании.

15

1 мая 1922 г.

Париж

Моя душка Ирина, наконец сегодня получил твое письмо, в том, что ты пишешь, я не видел препятствия моему приезду, но я в Рим не собирался ехать, хотел поехать в другое место, но ничего из этого не вышло.

Здесь погода не может установиться, все время холода, у меня была простуда, которая отчасти прошла, я никогда так не мерз в своей квартире, как теперь. У меня часто бывают сеансы с <нрзб.> очень удачные, последнее время понравилось мне говорить о России, прежде никогда не говорили, вот, к чему сводятся их сообщения: судьба России решается в настоящий момент, союз с Германией¹ для России хорош, это начало возрождения России, страшная болезнь, через которую проходит Россия, пройдет, перелом уже произошел, порядок в России восстановится через 2 года, нам говорят не унывать, все будет хорошо. Как видишь,

^{28*} Ментон (фр.).

^{29*} Свекру и свекрови (фр.).

в общем, утешительно. Раз у Мордвиновых приходил Ники и написал длинный message^{30*} в том же роде, что я написал выше².

Видаю довольно часто Ирину. От Мама ничего, ни привет, ни ответа. Мое состояние душевное очень плохое. Я 2 раза был в театре Femina³, вроде летучей мыши и очень хорошо.

Видел несколько раз Zia^{31*}, она уезжает в среду. Все ищу квартиру, но ничего не могу найти.

До скорого свидания. Крепко всех обнимаю, беби нежно целую. Храни Вас Господь.

Твой собственный любящий Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 48–48 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Рапальский мирный договор между РСФСР и Веймарской республикой был заключен 16 апреля 1922 г. С его подписанием восстанавливались дипломатические отношения между странами.

² Вероятно, имеется в виду сеанс с вызовом духа Николая II.

³ Театр, расположенный в отеле «Фемина» на Елисейских Полях. Открыт в 1907 г., закрыт в 1929 г.

16

6 октября 1922 г.
Ницца

Моя душка Ирина, я вернусь в Париж во вторник 10 октября.

Может быть, ты догадалась, что я приехал сюда, чтобы видеть А. И вот я испытываю величайшее наказание Божие, из-за меня, чтобы жить, она брала уроки танцев для сцены и здесь в театре <нрзб.>, ее первое выступление, вместе с Седовой¹. Она идеальна, красива, танцевала идеально, имеет громадный успех. Я каждый вечер смотрю на ее танцы и невыразимо страдаю, я ее привел к этому, хуже я ничего не мог себе представить; она должна, чтобы зарабатывать насущный хлеб, показывать свою красоту публике. Я испытываю такие муки и угрызения совести, что об этом лучше не говорить. Мы весь день вместе, есть одно утешение, ее идеальная душа услышала мою, и она начинает понимать, что же я понимаю и знаю. Ты знаешь, я тебе говорил раньше, что наши отношения совершенно чистые.

Радуюсь скоро тебя обнять. Пожалей меня и помолись за меня. Твой собственный любящий Папа^{32*}.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 60–60 об. Рукопись. Ксерокопия.

^{30*} Послание (англ.).

^{31*} Тетя (итал.).

^{32*} Нарисован православный крест.

¹ Седова Юлия Николаевна (1880–1969), русская балерина, педагог-хореограф. В Петербурге выступала в Мариинском театре. В 1918 г. выехала во Францию. Прима-балерина и балетмейстер Русского балета в Монте-Карло. В Ницце открыла балетную школу «Александрино».

17

11 апреля 1923 г.
Париж

Моя душка Ирина, спасибо за письмо, воистину воскресе.

Посылаю вырезку из *Matin*^{1,33*}, надеюсь, одобришь.

По вопросу об *Union des Ames*^{34*}, меня просили сделать *conference* в *Société des études politiques et sociales*^{35*}, вероятно, в мае. Я получаю много трогательных писем от людей, которые восприняли мою мысль и хотят быть *soeurs et frères de l'Union*^{36*}. Надеюсь скоро тебя и беби обнять.

Здесь началась весна, и все в цвету, так тяжело жить в городе, тянет куда-нибудь, но некуда ехать и денег нет.

Мои друзья из Чехии здесь, и такое горе — отец Татьяны опасно заболел и был при смерти, ему сделали операцию, и он еще в опасности. Это знать было горе, я все время был с ними и сам расстроился. Привези мне 2 дюжины гомеопатического лекарства *Mattei Anticanceroso* № 5. Господь с вами!

Крепко обнимаю тебя и беби.

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 13–13 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ *Le Matin* — французская ежедневная газета, издававшаяся с 1884 по 1944 г.

18

1 мая 1923 г.
Париж

Моя душка Ирина, вот и первое мая, а тебя все нет, я теряю надежду тебя скоро увидеть, хотя если тебе хорошо в Риме, оставайся там. Ты продолжаешь свой обет молчания, и мне этим делаешь больно.

Сегодня дивный жаркий день, 20 в тени.

Вчера была моя первая конференция об *Union des Ames*, посылаю тебе вырезку из *Le Gaulois*¹, но я думаю, тебя это не интересует. Вообще самые близкие меня

^{33*} «Матэн» (*фр.*).

^{34*} Союз Душ (*фр.*).

^{35*} Конференцию в Обществе социально-политических исследований (*фр.*).

^{36*} Сестрами и братьями Союза (*фр.*).

вовсе не понимают, кроме Никиты и Мари², это тоже больно, люди совершенно чужие меня поняли, но это всегда так бывает: «Своя своих не познаша». Меня это не смущает, но огорчает, да т<ея> Ольга³ совсем со мной и меня чудно поняла.

Отец Татьяны поправляется, это тоже счастье для семьи. Надеюсь, до скорого свидания. Крепко обнимаю тебя и беби. Господь с вами.

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 64–64 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Le Gaulois — французская ежедневная газета, выходившая с 1868 по 1929 г.

² Воронцова-Дашкова Мария Илларионовна (1903–1997), графиня. В 1922 г. вышла замуж за князя императорской крови Никиту Александровича.

³ Ольга Александровна (1882–1960), великая княгиня, младшая дочь Александра III и императрицы Марии Федоровны, родная сестра великой княгини Ксении Александровны. Эмигрировала в 1920 г. и до 1948 г. жила в Дании, затем в Канаде.

19

6 декабря 1923 г.
Париж

Моя душка Ирина, спасибо за письмо. Наверное, тебе страшно быть в Америке, но ты видишь, как просто и приятно туда доезжаешь, по-моему, приятнее, чем сутки железной дороги. Вася¹ еще здесь, экзамены начались. Ириша чувствует себя хорошо и имеет большой аппетит. Никита приехал на несколько дней один, осмотрит помещение на мельнице.

Печатание моей книги наконец приходит к концу, надеюсь, до праздников выйдет. Я уже начал третью книгу, но что это будет, еще не знаю. Я все дома, редко, редко выхожу, нигде не бываю. Сеансы продолжаются и дают мне громадное утешение, единственное в моей теперешней жизни. Две недели тому назад я собрал наличных членов нашей семьи, Кирилл, Борис, Андрей, Дмитрий, Гавриил, Феодор и я. Мы пришли к кое-каким решениям², но главное, что мне удалось всех объединить, теперь остается Николаша, но с Божьей помощью и это удастся.

Господь с тобой

Обоих крепко целую,

Твой любящий собственный Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 67–67 об. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Василий Александрович (1907–1989), князь императорской крови, младший сын великого князя Александра Михайловича. С 1928 г. жил в США, где поступил в сельскохозяйственный колледж в Сакраменто (Калифорния). Работал в авиакомпании И.И. Сикорского.

² Совещание прошло 25 ноября 1923 г. «Императорский дом пока уклонялся от подчинения старшему в порядке первородства Кириллу Владимировичу и выводил внутридинастическую дисциплину и иерархию за рамки обсуждения. В то же время предполагалось

политическое подчинение Николаю Николаевичу — не как члену династии, а как вождю и Верховному главнокомандующему. Но, одновременно, его статус члена императорского дома, со всем комплексом присущих этому званию прав и обязанностей, не забывался, а подчинение ему членов императорского дома обуславливалось его публичной декларацией в верности идеалу монархии. Без этого условия, равно как без настоящей народной (а не партийной) природы главенства Николая Николаевича, решения совещания утрачивали всякое значение» [Закаатов 2013, с. 184].

20

2 ноября 1923 г.

Париж

Моя душка Ирина, успокойся, я не собираюсь в настоящее время отвечать на статью твоего мужа, которую я прочел с чувством глубокого сожаления, сколько в ней безграничной гордости, самомнения, злобы и при этом полное отсутствие чувств христианина.

Как он смеет бросать тень на чистую душу Государя, говоря слова: «et qui conduisant à sa perde un des plus grands pays du monde avec son Empereur et sa dynastie tout en trahissant nos alliés, étant le pire ennemi de l'entente»^{37*}, когда ты и он знаете, что самое тщательное следствие, которое велось под руководством Керенского¹, при всем желании, не нашло ровно ничего, что бы давало малейшее указание на измену союзникам.

Я тебе давал читать три года тому назад брошюру следователя, к счастью, это был человек чести. Конечно, у Ф<еликса> есть неопровержимые доказательства обратного, для меня это сплошная неправда. Далее Ф<еликс> пишет: «Je ne comprends pas comment cela qui^{38*} и т. д.». Конечно, он этого и не может понять, но есть люди, которые, думая и действуя, 7 лет тому назад, под влиянием угара распространяемой лжи и мерзости, опомнились, поняли свое преступление перед Государем и Россией, раскаялись, покаялись и очистились. Это и есть то очищение, о котором я твержу во всех моих обращениях, и те люди, которые этого не поняли, России будущей не нужны.

Ты понимаешь, что после этой статьи, в которой Ф<еликс> на весь свет объявляет свое credo: «Le but justifie les moyens»^{39*}, формула сатанинская, мои отношения с ним на этом совершенно прекращаются.

Я верю, что хорошие качества его души все же проявятся, это только вопрос времени, и об этом я неустанно молюсь 7 лет и в особенности теперь. Последние слова Ф<еликса> идут вразрез со всей статьей: «Chacun de nous doit y contribuer dans la mesure de ses moyens et de ses forces, sans haine, ni vengeance, mais avec espoir,

^{37*} «И что одна из величайших стран мира вместе со своим императором и династией, предавшая наших союзников, будучи злейшим врагом Антанты» (фр.).

^{38*} «Я не понимаю, как это...» (фр.).

^{39*} «Цель оправдывает средства» (фр.).

confiance et abnégation»^{40*}???!!! Какое непонимание самого себя и полное отсутствие души. Крепко тебя целую и обоих благословляю.

Твой собственный любящий Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 20. Л. 13. Рукопись. Ксерокопия.

¹ 4 (17) марта 1917 г. Временное правительство учредило Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц. В рамках работы комиссии были рассмотрены слухи о попытках заключения сепаратного мира с Германией. Для этого у членов царской семьи были изъяты все документы. Доказательств этим слухам найдено не было.

21

26 декабря 1923 г.

Париж

Моя душка Ирина, спасибо за второе письмо от 15 декабря. Ты жалуешься, что тебе никто не ответил на твои первые письма. Но ты забыла, что письма из Америки идут не меньше 10 дней, а иногда и 14. Я на твоё первое ответил на другой день, а получил его 5 декабря, так что мой ответ ты могла получить между 16–20 декабря. Как жаль, что вещи не продаются. Вася уехал в Лондон 5 дней тому назад, окончив хорошо экзамены. Никита прожил здесь 10 дней, приезжал по вызову своего beau-rège^{41*} на какие-то заседания директоров мельницы, но так как Ларька¹ — старый колпак, то в результате никаких заседаний не было, Ника даром сюда приехал, но я был рад его видеть. Ириша и Феодор здоровы, последний, как всегда, ничего не делает, он безнадежен. Я по-прежнему много пишу, нигде не бываю, все вечера дома один, кроме двух вечеров, когда бывают сеансы, и Золя меня утешает, каждый раз приносит цветы, я так это люблю.

Моя вторая книга еще не вышла, типография задерживает, а я пишу уже третью.

Мама, как всегда, в нерешительности, когда ехать в Данию, все повторяется ежегодно то же самое.

У меня было семейное совещание, мы вынесли кое-какие резолюции, которые сообщили Н<иколаю Николаевичу Младшему>, но он, как всегда, молчит, воображает из себя нечто среднее между сфинксом и богдыханом, боюсь, что за этой тайной ничего не кроется, это будет большим разочарованием, если Богу угодно, чтобы он освободил Россию от вампиров. Сегодня видел Елену Вл<адимировну>², она, Ники и все дочери здесь, у нее ужасно плохой вид, худая и старая, боюсь, что она чем-нибудь больна, нельзя в ее годы так выглядеть. У Ники болит нога, застал

^{40*} «Каждый из нас должен внести свой вклад в это в меру своих возможностей и сил, без ненависти и мести, но с надеждой, доверием и самоотречением» (фр.).

^{41*} Тестя (фр.).

его лежащим на кресле и слушающим в граммофон неприличные шансоньетки, вот занятие, достойное развенчанных принцев. Елена очень мила и с ней хорошо можно говорить, с Ники трудно, он слишком земно-умен, видел тоже Ольгу и Павла³, они имеют счастливый вид. Иногда завтракаю у кн<ягини> Палей⁴, она все поет ту же песню «*ravite moi qui a tout souffrances*»^{42*}, мне эта песня надоела. Татьяна и семейство Рихтеров уехали в Бриу. Татьяна помолвилась без любви с сыном кн<язя> Кудашева, но из этого ничего не выйдет.

Как жалко, что вы пока ничего не могли продать. Грустно, что я тебя не увижу так долго.

Из России сведения хорошие, главари начинают ссориться, и катастрофа может разразиться скоро⁵, а может быть, они еще и протянут, важно, что среди их самих начались принципиальные нелады. Об остальных братьях сведений не имею, но, кажется, все благополучно. Теперь ½ 10 вечера, я скоро пойду в постельку, я много сегодня писал и хочу отдохнуть, купил «Strand»⁶, буду читать для развлечения. Видаю иногда Мари, она одна, буля⁷ работает в <нрзб.>, что между ними произошло, не знаю. Lady Michelham, слава Богу, молчит, а потому никаких gossip^{43*} не знаю.

Ирина Вор<онцова> уехала в Cannes представительницей дома Molineux⁸, я рад за нее, какая бы она ни была, но я ее не бросаю, именно сбившиеся души надо стараться направлять, а отворачиваться от них не по-христиански. Поедешь ли с Mrs. Warburton в Phila<delphia>? Видела ли Mary Moun? Может быть, ты встретишься с Mrs. Mac Fadden, тоже из Филадельфии, она милейшая. От души желаю вам счастья и всего лучшего к новому году. Крепко обнимаю и благословляю.

Твой собственный горячо любящий Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 20. Л. 14–15. Рукопись. Ксерокопия.

¹ Воронцов-Дашков Илларион Илларионович (1877–1932), граф, полковник, в 1909–1914 гг. адъютант великого князя Михаила Александровича. Его дочь Мария была замужем за великим князем Никитой Александровичем.

² Елена Владимировна (1882–1957), великая княжна, дочь великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. В 1902 г. вышла замуж за греческого принца Николая (1872–1938), сына Георга I. Уехал с семьей из Греции в 1917 г. после отречения его старшего брата Константина I. В браке родилось трое детей: Ольга (1903–1997), Елизавета (1904–1955), Марина (1906–1968).

³ Павел Карагеоргиевич (1893–1976), князь, племянник короля Сербии Петра I. В 1923 г. женился на принцессе Ольге Греческой, русской великой княжне. В 1934–1941 гг. регент при короле Югославии Петре II Карагеоргиевиче.

⁴ Палей Ольга Валерьяновна (1865–1929), морганатическая супруга великого князя Павла Александровича, расстрелянного в Петропавловской крепости в 1919 г.

⁵ Речь идет о конфликте руководства ЦК РКП(б) с Л.Д. Троцким и его сторонниками.

⁶ Strand Magazine — британский ежемесячный журнал с рассказами детективного и приключенческого жанра.

^{42*} «Я, бедная, так страдаю» (фр.).

^{43*} Сплетен (англ.).

⁷ Вероятно, домашнее прозвище князя Никиты Александровича.

⁸ Дом высокой моды модельера Эдварда Молине, впервые открытый в Париже в 1919 г. Через несколько лет филиал дома моды открылся в Каннах.

22

8 февраля 1929 г.
Нью-Йорк

Моя душка Ирина, наконец ты раскачалась и написала мне письмо. Время летит невообразимо быстро, уже десять недель я здесь, а я этого даже не заметил. Дело в том, что я все время в разъездах, возвращаюсь сюда на несколько дней и снова уезжаю. Я премного доволен моим пребыванием, конечно, я ожидал, что еду сюда не зря, но не ожидал такого удивительного, скажу даже трогательного, отношения ко мне лично, а главное, к тем мыслям, которые я излагаю в моих лекциях. Я получаю столько трогательных по своей искренности писем, так много предложений читать лекции, к сожалению, я связан контрактом с моим менеджером и не могу соглашаться на лекции без его согласия, но я обхожу его и по секрету читаю частные лекции, мне неприятно, что люди должны платить за мои лекции, но это здесь принято, и иначе все равно я бы не мог сюда приехать. Дмитрия я вижу все время, он очень мил, себе на уме, работает хорошо, и все его любят, это единственный из нашей семьи, имеющий деловой ум, поставил он себя прекрасно, и сердце мое радуется. Ростислав¹ тоже очень мил, но он совсем в другом роде, Алека² душка, мне очень понравилась и так была мила со мной, как будто всегда меня знала. У меня масса приглашений, не только монда, но разных людей, которые хотят помогать мне в моем новом движении, которое, конечно, они должны сами создать, а я могу их только направлять и вдохновлять. Наши бедные русские, насколько я вижу, ничего не понимают, что я делаю, и, конечно, как подобает настоящим русским, всегда в протесте, вот если бы я кутил и вел себя неподобающе, они были бы в восторге, а так им не за что зацепиться, и они в отчаянии. Но есть исключения даже среди них, я от нескольких получил такие милые письма, но это, конечно, не из нашей гнилой интеллигенции. В общем, мне все время хорошо и до сих пор не было ничего, что бы шло против шерсти. Пресса удивительно мила и отзывчива ко мне, так что, как видишь, все идет прекрасно, и, конечно, мои потусторонние друзья мне помогают в моей задаче вовсю, я это так хорошо чувствую и это такое громадное утешение, когда-нибудь ты это поймешь, но тогда будет поздно. Скулить против меня и все критиковать, и слушать, и выдумывать разные небывлицы легко, и меня глубоко огорчает, что мои собственные дети, которых я так нежно люблю, меня не понимают и находятся в глухом протесте. Мне это не мешает, ибо как может помешать людская глупость и недоброжелательство, но грустно за вас самих.

Я занят с утра до вечера, масса писем, <на> все я отвечаю сам, нельзя давать секретарю отвечать на письма, идущие от душ. На днях читал лекцию в Питтсбурге, и там энтузиазм публики превзошел все, что было раньше. Здесь читал в уни-

верситете Колумбии, и двумстам человекам было отказано за неимением мест. У меня, слава Богу, нет боязни толпы, так что меня не смущают большие аудитории, в Филадельфии было 3200 человек, в большом театре, и потом масса вопросов, это я люблю, когда люди спрашивают объяснение того, что не поняли. Больше всего мне было приятно в университете в Айова-Сити, там я читал перед 1300 студентами обоего пола, и так хорошо слушали. Вот-с, как видишь, твой папка пошел по новому пути, который стар, как мир. Как твои дела, надеюсь, все идет ладно. Про Чайковскую³ ничего не знаю, она где-то спряталась, и никто не может мне даже сказать, где она, да и не важно, она кончена, конечно, Боткин⁴ еще выдумает что-нибудь грязное, но это все пустяки. Надеюсь, что вы все здоровы, старайся поменьше простужаться, я думаю, это у тебя от меня, я в твои года тоже очень часто простужался, а потом все это прошло.

Господь с Вами. Крепко тебя обнимаю. Твой любящий Папа^{44*}.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 73–73 об. Машинопись. Ксерокопия.

¹ Ростислав Александрович (1902–1978), князь императорской крови, сын великого князя Александра Михайловича.

² Голицына Александра Павловна (1905–2006), княгиня, в 1928 г. вышла замуж за князя императорской крови Ростислава Александровича.

³ Чайковская Анастасия (1896–1984), полька Франциска Шанцковская (Schanzkowska), известная как Анна Андерсон, с 1920 г. выдававшая себя за великую княжну Анастасию. Страдала психическим заболеванием. Ее личность подтвердили Татьяна и Глеб Боткины, дети лейб-медика двора Е.С. Боткина. В 1928 г. Дом Романовых официально выступил с опровержением версии о спасении великой княжны Анастасии. По вопросу признания родства между Анной Андерсон и Романовыми прошло несколько судебных процессов, пока суд в Германии в 1970 г. не постановил, что Чайковская не имеет кровного родства с Романовыми.

⁴ Боткин Глеб Евгеньевич (1900–1969), сын Е.С. Боткина, эмигрировал в 1918 г. Большую часть времени жил в США. В 1927 г. встречался с Анной Андерсон и заявил о том, что она действительно является великой княжной Анастасией Николаевной, якобы спасшейся во время расстрела царской семьи в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 г.

23

5 ноября 1929 г.
Нью-Йорк

Моя душка Ирина!

Прости, что не отвечал на твое милое письмо от первого октября, но милая Марья Ивановна прислала его мне только сегодня, вообще надо принять за правило иногда не пользоваться оказиями. Спасибо за новости, рад, что ты освободилась от Ирфе¹, давно надо было покончить с этой затеей, которая могла бы отлично пойти при других условиях; интересно было бы подсчитать, сколько часов твоей

^{44*} Вписано от руки чернилами.

жизни ты просидела в этих душных, пропитанных духами комнатах и сколько ты потеряла в них здоровья. У меня все идет хорошо, только дурак мой менеджер так глупо ведет дело, что слишком много времени я теряю в Нью-Йорке. В Канаде был большой успех, в Бостоне и Ланкастере, 14 ноября еду в турне — в Колумбус, Детройт, Чарльстон (Южная Калифорния), в Ричмонд и потом в Чикаго и проч. ... Радуюсь увидеть Ростислава. Вася уже устроился у Сикорского², приезжает сюда по пятницам, очень доволен своей работой, Федор сюрпризом приехал сюда, думаю, что и он устроится, ему Америка нравится, жду его сюда завтра. Дмитрий переменил своего босса, тоже доволен. Вообще мы всем премного довольны, я должен сказать, что здесь здоровая атмосфера, чего не могу сказать про Париж.

Ну вот и княгиня Палей перешла, мне ее глубоко жалко, ибо она сделала так много зла своим недобрым языком, она была такой настоящей ипокриткой, притворялась верующей и религиозной, но все это было показное, в душе она не верила; все добро, которое она делала, было только для рекламы, чувства не было ни капли. Вот таким душам страшно тяжело в будущем мире, ибо нет хуже греха самообмана сознательного, это есть грех против Духа Святого, иначе говоря, против своего собственного. Надо за нее много молиться. Какой ужас она будет переживать, когда поймет, что все, что было в тайне, сделалось явным, вот этой великой правды многие люди не понимают или не хотят понять, и таких я больше всего жалею, ибо знаю, что их ждет.

Вот уже два дня осени, но солнце светит, и это я так люблю, моя комната каждое утро заливается солнцем, и мне хорошо. Мне так жалко, что ты, благодаря наветам, так плохо думаешь обо мне, конечно, ты переносишь все на других, но не понимаешь, что они — это я, ибо они самые преданные люди той цели, которую я преследую, когда-нибудь познаешь, но будет поздно, а я молчу, ибо сами должны доходить до правды и не *быть* слепыми.

Я иногда выезжаю, встречаю такой теплый прием повсюду, что сердце радуется, не то, что среди несчастных русских, их ничем не исправишь, они все почти без исключения полны злобы, зависти и только и умеют, что критиковать, никогда даже не давая себе труда призадуматься над моей работой. Я всегда говорю, что для русских мы, великие князья, смесь идола с идиотом, от этого понятия они не могут и теперь отвыкнуть, все эти монархисты хуже большевиков.

Провел последний уикенд около Филадельфии у Жозефин Макфаден, было удивительно *приятно* проспать две ночи в полной тишине, видел многих старых знакомых и наслаждался всеми удобствами жизни американских богачей.

До свидания когда-нибудь, целую всех, как беби, поправились ли? Что с Мари, отчего нет ребенка.

Господь с Вами. Твой сердечно любящий Папа^{45*}.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 74–75. Машинопись. Ксерокопия.

^{45*} Вписано от руки чернилами.

¹ ИРФЕ — дом моды, основанный Ириной (ИР) и Феликсом (ФЕ) Юсуповыми в Париже в 1924 г. В 1926 г. открылась дополнительная парфюмерная линия. В 1931 г. предприятие закрылось по экономическим причинам.

² Сикорский Игорь Иванович (1889–1972), авиаконструктор, создатель самолетов и вертолетов. Эмигрировал в 1918 г., с 1919 г. проживал в США. В 1923 г. основал компанию «Авиационно-инженерная корпорация Сикорского».

24

21 января 1930 г.

Нью-Йорк

N-Y. <city> Генваря 21, года от Р.Х. 1930^{46*}

Иринушка, ты моя кровная доченька, премного любезная, радость моей души и сердца; раскрасавица ты моя расписная.

Ждали мы долго твоего привета новогоднего, но уже две недели прошло и нетути от тебя никакого писания, а посему не дождавшись желанного звестия, шлем тебе наше отцовское благословение и пожелания здравия и благоденствия и во всем благого поспешения, пусть и грошей тебе Господь пошлет, ибо без грошей жить тяжело, до нас слухи дошли, что с грошами у тебя плохо. Ты бы мужа своего к себе бы прибрала и сама мозгами шевелила, нету толка никакого в разные дела лезть, когда человек не из сословия купеческого, продувного; ну куда мужу твоему с акулами тягаться, всякий его обойдет, а особливо если из рода иудейского, а то и хуже из армянского; да и русский всякий человек, по нынешним лихим временам, только и смотрит, как бы чужой карман пообчистить; на лезть твой муженек сильно падок и все за чистую монету принимает; свой хуже татарина, он сиятельством да княжеством так заворожит, что и воистину подумаешь, что из себя что-то представляешь; а за спиной на все корки всем ругает, это уже теперь такой народ пошел, подлости и свинства хоть отбавляй. А притом русский^{47*} представляется человеком церковным, в церковь кажнное воскресенье ходит, свечи пудовые ставит, поклоны отбивает земные и воистину себя за христианина почитает; в голову ему мышление не придет, что он ведь Бога старается одурачить. Да, времена, и все это от дьявола, который тапереча крепко на спину человека русского сел и когтями своими в шею вцепился и ведет он человека, куда хочет. Одно слово, «Князь Мира» сего торжествует.

Но мы в уныние от сего не впадаем, знаем, что время и наше придет, божеское, духовное, когда народ весь приведем мы к пониманию истинному Христова учения о любви, ибо на этом законе, на законе любви, существование мира зиждется, и нет другого средства с Богом соединиться, как только следовать этому закону во всех мышлениях и во всех деяниях своих. И вот здесь в Америках, несмотря на то что народ сильно падок до долларов и за богатством все стремятся, а все же души у них истосковались по истине, ищут, родимые, правды, хотят понять, в чем

^{46*} Вписано от руки чернилами.

^{47*} Вписано от руки чернилами.

жисть, в чем смысл и в чем цель; мы им сии вопросу по нашему крайнему разумению разъясняем, и наши толкования они понимают, в особенности женский пол у них до духовного сильно падок и с полслова тебя понимает.

Конечно, много оне танцам бесовским предаются, под чертовскую музыку — жазом называется, а музикишки все черные, как чертенята, глазами ворочают, пасти открывают и орут во всю глотку; но надо правду сказать, американцы это, их игру видят и ходу им не дают, как что, сейчас линчем их кончают¹; так и не понял я, зелье это какое или что там, но только приканчивают. В особливости падки чертеняты до белого мяса и все норовят белых женщин упортить, так вот тогды линчу пускать в ход. Боятся их энти черные, сказывали мне, что прежде они у них рабами были, и тогда все шло гладко, ходу им не было никакого, а затем нашлись люди вумные, говорили, что черт тоже человек, вот ужо додумались, а другие на своем стояли и говорили, что черт и есть черт, и что его как не пробуй, человеком не сделаешь. Из-за этого спора у них война завелась, говорят, пять лет бились друг с дружкой, это те, что за черта, с теми, что супротив черта были. Ну те, что за черта, победили и ослобонили *его*. Вот мне и говорят, что черти эти хитрые, дабы американский народ себе подчинить, выдумали ритму, и ритму эту они на жазах играют, а как заиграют, так все, и стар и млад, в пляс пускаются, и непременно норовят это, женщину подцепить, а потом известно, что творится; это выходит вроде наших хлыстов², только у нас они в тайне собирались и свинство творили, а тут публично, совсем до крайности не доходят, но доводят себя до точки, а потома домой и там ужо в настоящую. Да, соблазнов здесь сколько хотите, и радуемся мы, что ты, Иринушка наша, не с нами. Если бы ритмы не было, еще жить можно было, а то, как огни зажгут по фонарям, так эта ритма и в домах, и на улицах, ну и, конечно, хошь не хошь, тянет тебя туды, все же и мы люди. Да, грех один.

Со вчерашнего дня Россею вспомнили, мороз хватил, небольшой, всего градусов семь, но все же уши защипало и водку пить захотелось; этого добра тута нема, прогибиция царствует и не дозволяет пить³, где эта самая баба американская царствует, не сказывают, в тайне держут, но все с ней брешут, кто уважает, кто нет, и говорят, война будет из-за этой прогибиции, кто хочет ее свалить, а другие крепко за нее держатся. Пьянство большое идет, говорят, пьют тайно, это може быть так, только пьяные все наяву, так что и понять не могу, причем эта самая царица прогибиция.

Слыхали мы с печалью великою, что племянница наша, Ксюша дорогая, великий грех решила совершить, с мужем задумала разводиться, говорят, что через месяца три уже ослобонится. Вот не знаешь, что думать, оно и греховно, а и то верно, что Вильям, ее муж, большой беспутник, все с миссами возится и все открыто, так что один соблазн всем, притом и другое за ним числится; сей год на пузыре весь свет облетел; женушка его ужо сильно удивилась и упрошала его не творить греха и не лететь на пузыре, а он в ответ — плевать, грит, мне на тебя, хочу и лечу. Вот она, Ксенюшка, зело разобиделась на него за то, что он ее ни в грош не ставит, и грит ему: «Ну ты этакий такой, сякой, брошу я тебя, а он опять — у меня, говорит, миссов сколько угодно, убирайся к чорту». Конечно, ежели до того дошло, то

делать нечего, решила это Ксенюшка, что или я, или миссы, он говорит миссы. Ну вот и бросила, прости ее Господь.

Сестрицу⁴ ее выдаю от времени до времени, баба крепкая, местное пойло — вискей обожает, как вечер, так уж беспременно выпимши, и страсть сколько дымища кругом себя напускает; мужа⁵ видал такожде, походить стал на Мерликанца, брехали мне, что он из князей Грузии и быдто быть права как имеет на этот самый престол грузинский, а пока что посыльным служит в одном заморском торговом доме, что кораблики по всем морям рассылает; и вот жене его надоело небо зря копить, поступила она в лавку и торгует всякой декольтой, по-нашему и не понять, что это, бабы вишь здесь под сарафаном николи не поддевают, как мать родила ходят, так вот перед самим собой зазорно им стало и оне всяким трепьем стараются прикрыть грех это и всяку нежну часть, все енто из самых тонких шелков и все наровят как можно меньше наготу свою прикрыть.

Газеты все о писе⁶ толкуют; то значит, самыя что ни на есть большия державы порешили более никогда с друг дружкой не драться. Для сего конгрею в Лондоне собрали, самые сановитые бояре отсюда, из Франции, Италии и Жапонии собралися тамо, заварил эту пису Мак какой-то, говорят, из Скотов (су... с..., который изуверам гонителям Христа в Россее руку подал).

Мне только невдомек, как это они эту самую пису установят; всех других держав они не пригласили на конгрею — говорят им — ты это циц, не смей болтать, что мы порешим, то и будет вам закон; ну оне и молчат да свою думу думают. Так вот, этот Мак грит: давай потопим мы малую толику наших кораблей, а у них их тьма тьмуще, этак, к примеру, у меня и у тебя, это у Америки, пусть будет по 50 крузеров, и там по сту али больше мелких судов всякого роду, значит, чтобы поровну было, тогда, грит, нам драться неохота будет; свели это они все на цифирь, то значит, пусть у меня и у тебя 5 и 5, у Жапошек 3, а у Франции и Италии (это где Папа римский сидит) по 2 у каждой; те жалятся не согласны, грят, как же у тебя с Америкой десять, а у нас троих всех вместе 7, знаться, вы нас это, завсегда побьете, а они в ответ — так надобить, у нас всесветских антересов больше, а кроме того, задумали их подводки похерить (это что исподтишка из-под воды мины пускают), грят, что это не по-льцарски так воевать, значит, что по морде открыто бить следует. Ну те, у которых подводки похерить порешили, как завопят, чуть до конгреи не передрались, так те, что постарше, видя, что их не перехитришь, им в ответ, ладно, право даем вам их иметь только махонькия, это значит, чтобы далеко от берегов отойти не могли. Только мне невдомек, как это писа будет оттого, что меньше корабликов станет, да если и совсем их похерить, ведь народы-то на сухопутье дерутся, а на воде только малость самая; а Англичанка и Американка говорят, это опосля, изначала корабликов поменьше, а там увидим. По-моему, ты это, всякое оружие похерить можешь, а все же пока эта страсть драться в человеке жить будет, все одно, оружие али нет, дубьем аль камнями, аль просто кулачками драться будут, нам в Россее это и способнее, страсть любит народ на кулачках драться.

Дай им Господь эту пису заполучить, только моему уму-разуму не понять, в чем дело, куда оне гнут.

Братья твои все, Богу слава, в добром здравии пребывают: Митька людям по-могает гроши наживать и терять, Васька еропланы строит, Ростиславушка всякую немецкую дрянь продает, а Федька все в глуши Конетикутской живет и в тетку со старушками играет; все тебе поклоны и любовь шлют. Матушке нашей поклон передай и скажи, чтобы кумушек в порядке *содержала*, не давала бы им воли поклёпы на всех наводить, хотя оне и святошами себя почитают, а все же лучше за собой поприсмотрят, ибо скоро время настанет в Мир другой перейти. Все наше благословение с тобой.

Твой любящий отец^{48*}.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 20. Л. 22–25. Машинопись. Ксерокопия.

¹ Суд Линча — практика убийства без суда человека, подозреваемого в совершении преступления. Появилась в 60-х гг. XIX в. и существовала до конца Второй мировой войны, когда еще случались единичные подобные эпизоды. Чаще всего жертвами становились афроамериканцы.

² Хлысты — русская религиозная секта на основе православия. По некоторым данным, к хлыстам принадлежал Григорий Распутин.

³ «Сухой закон» в США действовал в соответствии с Восемнадцатой поправкой в Конституции с 1920 по 1933 г.

⁴ Нина Георгиевна (1901–1974), княжна императорской крови, дочь великого князя Георгия Михайловича. В эмиграции с 1914 г. В 1922 г. вышла замуж за князя П.А. Чавчавадзе. С 1927 г. вместе с семьей проживала в США.

⁵ Чавчавадзе Павел Александрович (1899–1971), князь, супруг княжны императорской крови Нины Георгиевны.

⁶ Гаагская конференция по репарациям, проходила в 1929–1930 гг.

25

21 сентября 1930 г.
Шато-Сален

Моя душка Ирина!

Спасибо от души за письмо, исполнились слова: «*Tout vient à celui qui sait attendre*»^{49*}, а так как мы живем вне времени и пространства, то безразлично, когда получаешь письмо — месяц тому назад или сегодня. Меня особенно порадовало, что в первый раз ты не болела, надо полагать, что стало меньше микробов или вы изволили акклиматизироваться (извиняюсь за длинное слово).

Нет, я не приеду, у меня возраст солидный, укладываться и раскладываться мне надоедает, все равно скоро увидимся в центре мировой цивилизации, где люди правящие не смеют произнести имя Бога, изволите усмотреть относительность цивилизации, которая с точки зрения мировой есть темнота непроглядная. Прошу меня извинить за мои полеты в область так называемого мистицизма, но,

^{48*} Вписано от руки чернилами.

^{49*} «Все вовремя приходит к тому, кто умеет ждать» (*фр.*).

занимаясь с утра до вечера писанием курса духовного воспитания, мысль невольно витает в чистых сферах духовных. Мне здесь очень хорошо, пишется легко, и мне удалось закончить «the fourth stage»^{50*}, если вы удостоили своим вниманием мою книжку «Spiritual Education»^{51*}, то, вероятно, уразумеете, о чем идет речь. Мой день начинается в семь или половина восьмого, кофе с хлебом, w.c., ванна и тотчас работа, сначала в комнате, затем, если погода позволяет, на маленькой площадке перед домом, с которой открывается чудный вид на мир Божий; имея в руках маленькую бумажку и маленький карандаш, пишу о том, о чем не принято думать, и выходит хорошо; в одиннадцать Armand, служащий, приносит Porto^{52*} и два сендвича; закусив, продолжаю писать. Жители Chateau мирно почивают в это время, и меня никто и ничего не тревожит. Долгий сон — занятие почтенное, ибо в это время душа живет и дышит в обществе других душ и отдыхает от жизни в теле. Только около половины первого жители начинают вылезать. В час завтрак, пища простая, русская, угощают водочкой. После завтрака один роббер бриджа, затем легкий отдых. После отдыха я или немного гуляю по кручам, или опять пишу, но главное творчество только до полдня. Что меня огорчает, это то, что Елена Ивановна отсутствует, была со мной только пять дней; из всей честной компании только она меня понимает, только с ней я могу говорить о вечной действительности, с другими разговоры пустые, которые ни к чему не ведут и здесь же испаряются jako дым. Да, трудно жить с людьми, которые живут только телом, какая бесполезная потеря времени, сколько мучения нашим душам, они, бедненькие, бессильно присутствуют при глупости человеческой. Почти все время идеальная погода. В пист^{53*} пью молоко, иногда опять бридж на площадке, потом перестукиваю то, что написал утром. В восемь обед и опять бридж; мне продолжает не везти, мои партнеры ссорятся все время, и почти доходит до мордобития. Но как только бридж кончается, все забывается и царит дружба. Здесь тишина и мир невероятные, раза два пролетали аэропланы где-то высоко и жужжали, как большие жуки. За все это время мир как-то притих, кроме Германии, которая пробуждается и, пробудившись, начнет войну, это совершенно неизбежно; трудно себе представить, что тогда произойдет?! Не хочется жить, видя злобу людей; уроки прошлого прошли безрезультатно. Сегодня полупасмурно и свежо, теперь девять часов, давно уже прозвонили к ранней обедне, Савояре помолились Богу и теперь будут весь день пить плохое «vin du pays»^{54*}.

Мне очень понравилось твое выражение, что ты нашла свою дочь «более симпатичной», это верно, причина, что душа ее нашла возможность проявиться. Она тебя обожает, а ты весь день лаешь на нее; у тебя душа зело хорошая, открой ей свою душу, вызови ее душу на ответ, и вы заживете друзьями; она больше не ребенок и жаждет доброты, отзывчивости и понимания ее внутреннего «я».

^{50*} Четвертая ступень (англ.).

^{51*} Духовное образование (англ.).

^{52*} Портвейн (исп.).

⁵³ Так в тексте. Возможно, «В пять».

^{54*} Местное вино (фр.).

Я заболтался, пора кончать и приниматься за работу, надо начать пятую «stage»; всегда трудно начинать, найти «point de depart»^{55*}, а потом идет само собою. Мари писала, нет Мама, что Ростислав работает на новом месте «Statesian of the N.W. Railway» и доволен своим положением, я рад за него, это работа умственная, как раз что ему нужно и подходит. Господь с вами. Всех крепко обнимаю.

Твой крепко любящий Папа.

ГА РФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 19. Л. 77–79. Машинопись. Ксерокопия.

^{55*} Отправную точку (*фр.*).

В.Н. Ильин

ДНЕВНИК 1920 г.

Публикация, вступительная статья и комментарии

О.Т. Ермишина

В начале февраля 1920 г. бывший студент Киевского университета, будущий философ, богослов, литературный критик Владимир Николаевич Ильин (1890–1974) навсегда покинул Россию, вместе с множеством русских беженцев он оказался в Турции, в Стамбуле (Константинополе). Уже спустя месяц, в марте 1920 г., В.Н. Ильин начал вести дневник, в который заносил свои мысли и переживания. Записи этого периода представляют собой интересный материал как для изучения его личности и биографии, так и для понимания психологии русского эмигранта сразу после изгнания.

Характерной для общего состояния В.Н. Ильина является первая запись в дневнике, от 24 марта 1920 г.: «Моя душа не только не тухнет, но все более и более обнажается, и уже касание к “мирам иным” стало моим обычным состоянием. Я дрожу, трепещу и молюсь от каждого намека. Это мой рай и мой ад» (Архив ДРЗ, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2¹). И далее Ильин цитирует стихотворение М.Ю. Лермонтова: «В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я...» Следует признать, что психология Ильина в 1920 г. определялась повышенной остротой переживаний и тем, что можно назвать крайней «обнаженностью души». Ильину вообще была свойственна необыкновенная подвижность душевной жизни, которая заставляла его постоянно «разбрасываться», т. е. искать приложения своих творческих сил сразу во многих областях деятельности — музыке, философии, богословию, истории науки, литературоведении (его университетский учитель В.В. Зеньковский называл это «растрепанностью»).

В первой половине 1920 г. Ильин в основном захвачен литературными планами. Он постоянно делает наброски, записывает сюжеты, образы, диалоги, которые предполагает включить в какое-то большое литературное произведение, посвященное революционной и предреволюционной эпохе (называемое в дневнике «трилогией»). Литературных эскизов становится все больше, названия для задуманного произведения постоянно меняются («Кровь», «Червь-Победитель» и т. д.), но дальше планов дело не идет. Возможно, это связано с тем, что Ильин выводит целую галерею обобщенных, немного искусственных персонажей — полковника царской армии Половцева, которому изменяет жена; продажных, беспринципных журналистов, обслуживающих революционную общественность;

¹ Далее при ссылке на дневник 1920 г. в скобках приводится только номер листа.

композитора Черемухина, мечтателя, беспомощного перед революционным насилием; пьяницы и проходимца Ивана Ивановича Иванова; и т. д. Трудно представить, как можно было бы объединить вместе всех этих совершенно разных персонажей. Вместе с тем постепенно начинают появляться размышления о социализме, революции, русской интеллигенции... Это только первые ростки мысли, которые со временем разрастутся и дадут плоды в виде статей и книг.

В дневнике В.Н. Ильина встречаются наброски к большому сочинению «Последняя философия (Записки старого романтика)». Давая такое название, Ильин был убежден, что ему, несмотря на 29-летний возраст, осталось жить совсем немного (1–2 года). Он хотел подвести какой-то жизненный итог в сочинении, в котором тесно переплетаются литературные и философские мотивы.

В.Н. Ильин, размышляя о себе и своем эмигрантском положении, приходит к следующему выводу: у него нет настоящего, но есть только прошлое в воспоминаниях и туманное будущее, в которое он хочет заглянуть силой мысли и воображения («я как некий кудесник смогу прозревать будущее над текущим и колеблющимся покровом настоящего» (л. 40)). Исходя из такой установки, дневник приобретает особое значение — Ильин не просто описывает какие-то события и окружающий быт, а анализирует историческую ситуацию и делает прогнозы на будущее. Основным врагом России и движущей силой, направленной на разрушение, Ильин считал русскую радикальную интеллигенцию. Он пишет о русских интеллигентах, от В.Г. Белинского до В.И. Ульянова (Ленина): «А ведь это они и только они воспитали в своих колбах-книгах чумную бациллу нигилизма, посуду, в которой содержимое уже начало разлагаться и выдыхаться, как вдруг несчастье — война и бездарное правительство — разбили эту колбу и ее содержимое вылилось на русские раны» (л. 4 об.–5). «Чуме» революции Ильин мог противопоставить только духовную красоту, которая, как он считал, в лице поэтов Серебряного века победила до начала Первой мировой войны, и революционерам пришлось только терпеть «триумфальное шествие своего противника по сердцам русского юношества» (л. 6 об.). Упомянув К.Д. Бальмонта и цитируя А.А. Фета, Ильин восклицает: «Пища богов, небесный мед, райское пение и его сила, счастье, счастье без конца!» (Там же). Культурные ценности определяют точку зрения Ильина. Из них формируется не политическое, а аксиологическое неприятие революции в размышлениях философа, и в будущем оно осталось неизменным и нашло отражение во многих его работах, включая позднюю книгу «Религия революции и гибель культуры».

Отрицательное отношение Ильина к совершившейся революции вполне понятно, но его увлекают прогнозы будущего России. Так, он пишет: «Я предчувствую второе великое Возрождение, Возрождение в духе свободы и жизни из тьмы буржуазно-социалистической тюрьмы» (л. 11). Однако далее Ильин предполагает два пути — гибель всего человечества или обращение человечества к «правде Божией». Таким образом, для него существует простая дилемма — гибель или духовное возрождение. Ясно, что Ильин надеется на второе и предлагает бороться с врагами России — прежде всего «силой пера». Разоблачить ложь коммунизма — вот главная задача, которую он ставит для подготовки будущего возрождения.

Все бытовые зарисовки и наблюдения, возникающие на страницах дневника, так или иначе связаны с размышлениями Ильина о революции и интеллигенции, — например диалог с русской социалисткой, которая отрицает классическое образование и изучение древних языков. Он считал, что нашел подтверждение тому, что социалисты боролись не со старым политическим строем, а именно с культурой, и разрушение культурных основ и ценностей было их главной задачей. Анализа политических событий в дневнике практически нет, но культурных оценок очень много, поэтому не лишним будет понять общее культурное мировоззрение Ильина, литературно-философский контекст его размышлений.

Прежде всего перечислим тех писателей, поэтов и драматургов, которых Ильин в дневнике 1920 г. не только упоминает, но и цитирует. Их довольно много: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.И. Дмитриев, А.К. Толстой, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, И.А. Бунин, С.Я. Надсон, Л.Н. Андреев, У. Шекспир, Ф. Шиллер, И.В. Гёте, Ф. Ницше, Г. Ибсен. Больше всего Ильин цитирует А.А. Фета (лирический сборник «Вечерние огни»), не скрывая своего восхищения перед этим поэтом. Для Ильина существуют единый идеал красоты и критерий для оценки литературного творчества. Так, например, он положительно оценивает пьесу «Черные маски» Л.Н. Андреева и в то же время критикует его роман «Сашка Жегулев» за «жалкую беспомощность формы», считая идеалом «благородство формы и содержания». Вероятно, именно высокий, практически недостижимый идеал не позволил Ильину воплотить свои литературные планы. С другой стороны, к концу 1920 г. в дневнике становится все больше философских размышлений.

Философия постепенно начинает занимать важное место в сознании Ильина. В дневниковой записи от 13 ноября 1920 г. одновременно появляются А. Бергсон, Г.Ф.В. Гегель, Платон и И. Кант, причем первых двух Ильин критикует, противопоставляя им последних двух: «Права, в конце концов, конечно, останутся Кант с Платоном» (л. 42 об.). Далее он цитирует «Свет Невечерний» (1917) С.Н. Булгакова, а конец дневника особенно изобилует цитатами из известного труда «Мир как воля и представление» (т. 1 — 1819, т. 2 — 1844) А. Шопенгауэра. Появляется первый философский проект: «Надо составить “Краткий курс философской пропедевтики” в трех частях» (л. 53 об.) (запись от 9 декабря 1920 г.). А 27 декабря впервые возникает термин «морфология», который в дальнейшем Ильин будет использовать для определения своей философской системы: «...логика есть лишь первооснова и, т<аким> образом, — обоснование общей морфологии. <...> Логика, так же как и морфология, есть наука a priori» (л. 66 об.). Как видим, в дневнике 1920 г. можно найти потенциальные элементы будущей философии В.Н. Ильина.

Интересно сопоставить, как некоторые идеи В.Н. Ильина, возникшие на страницах дневника, отличаются от последующего их развития и оформления. Так, Ильин очень много пишет о Л.Н. Толстом. Однако в 1920 г. у него было преимущественно отрицательное отношение к писателю. С одной стороны, В.Н. Ильин считал Л.Н. Толстого «великой загадкой» и заявлял: «Его игра антиномий — антиномии самой России. Разгадающий их — разгадает загадку российского сфинкса. Один из величайших художников — один из величайших разрушителей художе-

ственных ценностей (и своих, прежде всего). Последователь Христа — и безбожник, каких не бывало. Величайший рационалист — и один из первых отрицателей науки» (л. 46 об.—47). С другой стороны, он рассматривал Л.Н. Толстого в первую очередь как нигилиста, который делал общее дело с русской радикальной интеллигенцией, т. е. разрушал основы русской государственной и культурной жизни. По мнению В.Н. Ильина, непротивление злу, которое проповедовал Л.Н. Толстой, есть отказ от борьбы с революционным разрушением и преступниками, поэтому интеллигенция так поддерживала толстовский антигосударственный нигилизм.

В 1920 г. В.Н. Ильин делал радикальный вывод: «Не Толстой и Достоевский, а или Толстой, или Достоевский. Нельзя служить одновременно Богу и дьяволу» (л. 50 об.). Позднее его отношение к личности и творчеству Л.Н. Толстого заметно смягчается. В книге «Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого и его место в истории философии XIX века» (написана в 1950-е гг.) В.Н. Ильин называет Л.Н. Толстого «мудрецом в области художественного гения» и опять сравнивает с Ф.М. Достоевским. Если Ф.М. Достоевский был наделен, по мнению Ильина, метафизическим и богословским даром, то Л.Н. Толстой обладал литературной гениальностью, но при этом еще склонностью к рациональному анализу, «познавательной анатомии». В результате он, раздираемый противоречиями, всю жизнь пытался их примирить и обрести разумно обоснованное миросозерцание. О том, что миросозерцание Л.Н. Толстого и его учение о непротивлении имели связь с революцией и радикальной интеллигенцией, В.Н. Ильин в поздней книге уже не вспоминает. Его больше волновали судьбы философского «пессимизма» в России, и в данном случае следует обратить внимание на то, что в дневнике 1920 г. цитируется А. Шопенгауэр (семь цитат).

Сначала В.Н. Ильин ссылается на А. Шопенгауэра в связи с критикой прогресса, идея которого активно использовалась в пропагандистских целях русской интеллигенцией, в том числе для оправдания реформ и революционных изменений. Далее Шопенгауэр возникает в контексте размышлений В.Н. Ильина о материализме, науке, понятии индивидуальности и т. д. Из цитат видно, что В.Н. Ильин внимательно читал книгу «Мир как воля и представление», которая стала основой для его будущих идей, имеющих отношение к «философии пессимизма». Только в будущем Ильин полностью разошелся с концепцией А. Шопенгауэра, с его пессимистическими представлениями о мировой воле. Ильин пришел к пониманию философского «пессимизма» как противоположности «философии оптимизма», основанного на идеях прогресса, цивилизации, эволюционного развития. В конечном итоге для него «философия пессимизма» совпала с религиозной философией, христианским богословием и эсхатологией Апокалипсиса.

По сравнению с литературой и философией музыка занимает более скромное место в дневниковых записях, хотя В.Н. Ильин в 1920 г. воспринимал себя прежде всего как композитора. Музыкальные темы возникают дважды: в связи с размышлениями о Р. Вагнере и его философии музыки (запись от 22 октября), на репетиции 7-й симфонии Л. Бетховена, когда В.Н. Ильин вспоминает первое знакомство (в возрасте 11 лет) с этой симфонией (запись от 25 ноября). На основе дневника можно сделать вывод, что в изгнании, уже в первый год эмиграции, с

В.Н. Ильиным произошли заметные изменения: от музыки и литературы он обратился к философии. Так, он пишет: «разбиты мои мечты о музыке, о науке, о литературе» (л. 28 об.), и это заставляет его задуматься о новых путях и формах для приложения своей творческой энергии. Эмигрантское положение, ситуация подавленности и бездействия, несомненно, оказали влияние на то, что Ильин начал заниматься философскими проблемами. Вместе с тем музыка и литература не исчезли из сознания В.Н. Ильина, они стали частью его философского мировоззрения, которое носило оригинальные черты культурного и идейного синтеза.

В философии уже высказывалось мнение, что для появления философского мировоззрения необходимо возвышение над окружающей действительностью, своеобразное метафизическое отстранение, о чем, например, писал Ф.А. Степун в статье «Миросозерцание Достоевского» (1962). Можно сказать, что В.Н. Ильин в эмиграции естественным образом отстранился от текущего процесса жизни. Предпосылкой его философского обращения стало ощущение потерянности, отсутствия связи с настоящим, что наиболее ярко описано в дневниковой записи от 20 декабря 1920 г.: «Так же как и на родине прекрасна зимняя луна, плывущая среди пушистых волн облаков, также прекрасны ночные силуэты деревьев и домов, то же чувство овладевает моею душою. То ли? О, нет, это лишь запасы прошлого — они, быть может, неисчерпаемы, быть может, настоящее — ложь (это, конечно, так) и лишь прошлое есть, а потому и будет, так или иначе, в настоящем меня нет» (л. 59 об.). Таким образом, в дневнике В.Н. Ильина можно проследить постепенное рождение его философии как из тоски изгнания, так и из «духа музыки» и литературы.

* * *

Дневник В.Н. Ильина публикуется по архивному тексту: Архив ДРЗ, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1–68 об. Текст воспроизводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сохранены авторские подчеркивания отдельных слов и употребление квадратных скобок. В угловых скобках (< >) раскрыты сокращенные слова, в них же отмечено то, что не поддается прочтению (<нрзб.>), вставлены фразы и слова, необходимые по смыслу, но пропущенные автором. Комментарии и переводы иностранных слов обозначены арабскими цифрами и приводятся в конце публикации.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Вехи 1991 — Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 167–199.

Гёте 1982 — Гёте И.В. Фауст: Трагедия / пер. с нем. Б.Л. Пастернака. М.: Московский рабочий, 1982.

Толстой 1975 — Толстой Л.Н. Воскресение // Собр. соч.: в 12 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 11. С. 7–450.

Шопенгауэр 1993 — Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2.

Шруба 2018 — Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2018.

В<ладимир> И<льин>
 Константинополь, 1920 г.

24 (11) марта.

Сегодня я узнал, что есть возможность отправить письмо в Польшу, в наши края. К маме! Господи! К маме. Ведь уже второй год, второй год!

Если страдания мои на столыпинской¹ <дороге> были моим 1905 годом, то Константинополь стал 1917 ...

Моя душа не только не тухнет, но все более и более обнажается, и уже касание к «мирам иным» стало моим обычным состоянием. Я дрожу, трепещу и молюсь от каждого намека. Это мой рай и мой ад. Вот только что

В полдневный жар в долине Дагестана
 С свинцом в груди лежал недвижим я;

.....

И снилась ей долина Дагестана;
 Знакомый труп лежал в долине той;
 В его груди, дымясь, чернела рана,
 И кровь лилась хладеющей струей².

Уже в ином смысле с нездешней тоской вливается мне эта песня в сердце.

25 (12) марта.

О милый куст! Ты бледен стал;
 Где зелень, запах твой? — Увы! — он отвечал. —
 Я на чужбине³.

Дмитриев

Все мне опостылело. И если не умру через несколько месяцев, мне пойдет четвертый десяток — тоже смерть.

«Отовсюду надвинулась смерть. Ничего не видно, кроме смерти».

В «Крови». Вошин⁴: «ввиду массовых самоубийств, грозящих лишить советскую республику необходимых работников и красноармейцев, впредь лишать пайка и всеми мерами, вплоть до расстрела, преследовать родственников и ближайших знакомых самоубийц».

Теплая компания — блок прогрессистов будет издавать «Народную энциклопедию», где естественники будут писать по гуманитарным вопросам, а гуманисты — по естественным. Так, например, Вошин поместит статьи о Добролюбове, Ап. Григорьеве, Писареве, Фете и друг<их>, а Спичка (Грищук), юрист и «социолог» [с позволения сказать], поместит статьи по «естественным научным вопросам», где будет «разрушать предрассудки» и «доказывать научно, что верить в Бога нельзя». Статья о Менделееве, где не будет ни слова о его научных заслугах и о периодической системе, но зато будет ругань на «Россию»⁵. То же и с аграрным вопросом, который будет поручен стихоплету Трунтрункевичу [подписывает свои стихи Трун-Трун.]

Не лучше ли вместо «последней философии» назвать последнюю часть трилогии «последним романтиком».

Оставшийся без матери с больным и полусумасшедшим отцом музыкант привяжется к ангельски доброй Александре Дмитриевне, и она станет для него матерью даже тогда, когда Варя изменит ему.

С музыкантом в большевизме случится то, что я уже раз писал. Больной отец будет валяться в конуре на рваной постели. Знойко (музыкант) будет удален из консерватории и черным трудом и частными уроками будет добывать себе пропитание. Завистливый музык<о>кропатель донесет на них, к ним придет комиссар и красноармейцы с обыском. В горячке в них швырнет подушкой отец З<нойко>. Красноармеец-латыш хладнокровно прицелится и выстрелит, прострелив ему печень. Тот скажет:

— Ну, теперь конец.

Прижмет рукой рану и повернется лицом к стенке.

— Прощай, Леня.

Леня побежит за автомобилем убийцы, упадет в снег и будет рыдать долго, долго. Потом встанет и пойдет в свой подвал [куда они выселены]. Отчим уже лежит на спине и слегка еще дышит. Но на слезы и вопросы будет молчать и скоро умрет.

Борис полон своей службой и кокаином. Горе родителей не поддается описанию. Перед этим ему изменит Варя.

28 (15) марта.

Во вчерашней «Journal d' Orient»⁶ статья о русских беженцах — можно сказать, высшее проявление галльского тупоумия и злобности, махрово распустившихся в развращающей обстановке спекулятивной войны [так называемой] Великой, мировой] и большевизма. Она может быть прямо-таки памятником нашей проклятой эпохи.

«Духовная свобода вполне уживается с политическим рабством» (Виппер. Цитир<уется> у Кузнецова. «Идея совр<еменного> общества и государства»⁷).

Действительность [русская] показала: что это положение допускает люд<ские> обращения и вариации 1) духовное рабство вполне уживается с политической свободой и мало того 2) его обосновывает, что ведет к сугубому духовному рабству, на этот раз уже превращающего доведенную до абсурда полит<ическую> свободу в ее антипод.

Политическое рабство. Поэтому сложная антиномия политической свободы может быть сформулирована так: политическая свобода ведет к духовному рабству и сугубому политическому рабству. Это верно как по отношению к бур-

жуазному строю Запада [рабство у капитала], так и социалистическому строю России [рабство у главарей коммуны]. Отсюда вывод: единственную абсолютную ценность представляет духовная свобода. Политическая же <свобода> — мираж, заводящий блуждающее после истории человечество в абсурдные тупики и трупщобы.

Этизация Вошинской революции приведет к тому, что будет считаться нравственным гарем Дрозен<a> и его фабрика людей и безнравственным — чтение Фета и занятия музыкой Черемухина и его чистая поэтическая греза к Верочке Свендсон [ранее жившей с Дрозен<ом>]. Лариса Б. будет уговаривать их в том смысле, что их буржуазно-мещанская идиллия отнимает у коммуны здоровый приплод, и уже с угрозой потребует от Верочки возвращения к Дрозен<у>. В заключение позовет товарищей красноармейцев и прикажет отвести упирающуюся и плачущую Верочку Свендсон к Дрозен<у> в гарем. Это будет весной в Киевском Царском [пролетарском саду]. Верочку будут уводить. Окаменелый Валя Черемухин останется на месте. Долго будет видна рыдающая, оборачивающаяся и плачущая Верочка. Наконец она скроется за поворотом. Черемухин сначала попросит красноармейца «Я — буржуй, убей меня!», но тот, добродушие русское, не сделает этого. Тогда он достанет цианистый калий, но прежде, чем донести его до губ, не выдержит бедное истощенное сердечко и перестанет биться. А Верочка... Доведут ее ... и, охваченная цепким сладострастным мужем, не найдет она в себе сопротивления и отдастся гаду. Будто из всего мира исчезла любовь, чтобы заменилась коммунистическим гаремом «червя-победителя» Дрозен<a>. А бедный трурик Вали Черемухина растаскают собаки и съедят черви.

Не лучше ли вместо «Крови» <назвать мое сочинение> «Червь-Победитель»?

Вслед за Л. Андреевым я буду бороться за права личности и, прежде всего, своего я — вот почему я долго и давно уже <нрзб.> клятву борьбы с социализмом и в первую голову с российской интеллигенщиной.

*Omnis homo unus homo*⁸. Вот мой девиз.

За эти дни я резко изменил свою позицию по еврейскому вопросу. Для меня стало ясно, что евреи-коммунисты и революционеры — лишь черты интеллигентской болезни, разведенной чисто русскими людьми — декабристами, Нечаевым, Белинским, Чернышевским, Писаревым, Добролюбовым, Герценом, Михайловским, Лениным. Ни одного нерусского лица. А ведь это они и только они воспитали в своих колбах-книгах чумную бациллу нигилизма, посуду, в которой содержимое уже начало разлагаться и выдыхаться, как вдруг несчастье — война и бездарное правительство — разбили эту колбу и ее содержимое вылилось на русские раны. Только тут тогда и явились к шапочному разбору евреи-коммунисты. Это и создает вредную и опасную иллюзию, отвлекая удар от главных врагов. Враг же тем труднее уязвим, что он в прошлом и формировался из мелкотравчатой сволочи, отметенной от жизни грандиозными фигурами российского императорского периода — русским воинством с русским царем (ведь это русский воин

создал в 1613 году русского царя). Теперь необходимо, чтобы вымерло поколение российской <нрзб.> радикальщины (хотя и оттесненной от дел большевиками, вроде того, как чумная бацилла затмевает собою тифозную или холерную, что та становится от того менее опасной) и родилось новое <поколение>, воспитавшееся в атмосфере ненависти к социализму. Оно-то и совершит великое возрождение России, если до того времени на Европу, а значит и на Россию (прежде всего), не свалится самое значительное из завоеваний революции — желтое нашествие.

Г<осподин> Короленко! Помните, как в одном из ваших писаний издевались над брошюрой анонимного автора «Китай или мы»? Позвольте вас <по>просить посмотреть нам в глаза теперь, когда китайские палачи мучат русского мужика и мерзкие гноящие волны грозят залить не только Россию, но и всю европейскую культуру?

К трилогии. Борис Сестрорецкий будет тип естественника-материалиста, вместе с тем сноба и франта, в <нрзб.> он плохо понимает музыку и поэзию [поклонник Мейербера¹⁰ и ведет споры с Знойко-Дятловским], превосходный знаток латинского языка — <окончил> два факультета. Споры <идут> также о материализме, и по недостатку знаний музыкант, хотя и правым будет, но все же окажется побежденным. С Варей Борис сойдется из-за преподавания латинского языка, потом любовь и травля родителей.

Сущность русской революции можно формулировать так: не потому свергнут царь, что произошла революция, а потому произошла революция, что свергнут царь. Что же касается до правительства с демагогами, то оно и свергнуто не было. Оно развалилось по собственной неопытности. Отсюда иллюзия легкости и бескровности рево<люции>.

Меня опять томит тоска, и я не могу отыскать ее причины.

«Душа моя мрачна»¹¹.

29 (16) марта.

Музыкант<ом> будет Савельев и его любимый ученик Черемухин. Вместо Знойко-Дятловского будет Знойко [Дятловский]. Верочка Томсон, а не Свендсон. Интеллигент будет не Крафт, а Ливанов. Борис — не Сестрорецкий, а лучше Паризо, а хирург — Крафт.

Ларису Кольницер и Коритовского назовут в насмешку общим именем Кори-топийцы.

Спутник, помощник, подражатель и рабский поклонник Вошина — Сестрорецкий — не что иное, как его *edition diminuée et gâtée*¹² во всех мыслях и даже в физическом <облике>, по выражению проф<ессора> Паризо.

Вчера был у Сорокиных и попросил у Елены Вас<ильевны> в гимназии записать вот это стих<отворение> Бальмонта¹³. Оно не все, но и достаточно этого благоухающего «кусочка неба, упавшего на землю». Мы его читали с Б. М.<нрзб.> уже давно, до войны, до революции, когда духовно победившая красота в прах по-

вергла шушенцев¹⁴, не имевших пушек и пулеметов и потому в бессильной ярости вынужденных <терпеть> триумфальное шествие своего противника по сердцам русского юношества.

Пища богов, небесный мед, райское пение и его сила, счастье, счастье без конца!
Вот стихи:

На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
А исцеление от муки¹⁵.

1 апр<еля> (19 марта).

Л. Кольницер совместно с Коритовским и Вошиным будут переиздавать русских поэтов и очищать их от «буржуазно-феодалных пережитков», в частности будут заменять в стихотворении Кольцова¹⁶ слова «Доблесть царская» фразой «Доблесть пролетарская». Скажут: хотя не складно, но зато предохранили юных гимназистов от растления царистской пропагандой.

Еще до большевистского переворота тот пролетарий, который выгонит Черемухина из дому и захочет обучаться на <нрзб.>, поместит в «Пасторали» несколько бездарных стихов, а после революции сочинит гимн, который будет отмечен «Прогрессивной мыслью» среди в общем, надо признаться, неудачных стишков этого рода

Грозно взлетает над нами
Стая черных ворон,
В бой мы вступили с врагом
Большевизма с разных сторон.

с таким припевом

Победим и слева,
Свалим и справа,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

По этому же поводу статья там же «Пробуждение народного творчества».

Наконец там же [Спичка-Грищук, заменивший свою неблагозвучную фамилию <на> Леонидов] будет вести войну с новой литературой и издеваться над ее корифеями, ставшими уже классиками [Ремизов, Андреев, Блок, Белый, Брюсов, Игорь Сев<ерянин>], и будет придерживаться мнений Пронина и Трубецкого [проф<ессор> Знойко-Дятловский]. Его лекции по этому поводу. Конец лекции доктора Краинского об <нрзб.>, где как пример дегенерации приведет связь пьяницы отца Спички-Грищук с его лишенным всякой этики писанием. Присутствующий на этой лекции Грищук вместе с редактором «Прогр<ессивной> мысли» завопят «городового!». Трагикомический скандал. Это в «Святых».

Не забыть игры Худ<ожественным> театром «Братьев Карамазовых». «Мучения и слезы» в особенности. Особу вроде Грушеньки, водящую по сцене сам<у> себя. Мастер; «Черные маски».

Борис Паризо — внешний облик Стеф<ана> Стеф<ановича> Мокцинского [«Надменный взгляд, очень красив. Политически легкомыслен. Любит парадоксы. В общем черты сноба перемешаны с чертами задушевности и красоты и борются, последние <черты> выступают в любви к Варен<ьке>»].

С первых же дней революции «Прогрессивная мысль» распояшется до постыдных пределов, сбросив даже внешние декорации литературных традиций... Усиленная четырьмя новыми «постоянными» сотрудниками и целым ворохом «путешественников» по провинции — субъектами, ранее промышленными преимущественно сочинением реклам в стихах и мелким шантажом — они дописались до «огненных языков» над головами Совета солдатских и рабочих депутатов. Нанятый за бешеные деньги фельетонист «-ского Слова» Душенькевич взял на себя ампулу оправдания и приукрашивания мерзейших сторон революции, для чего нужен был этот опытный борзописец, знавший себе и своей работе цену. Все это сообщило газете, и ранее не отличавшейся чистоплотностью, такой гнусный характер, что многие из постоянных читателей, оставшихся при своих полит<ических> убеждениях, почувствовали к ней непреодолимое омерзение и взялись за чтение других, не столь бесстыдных листков. Атмосфера быстро сгущалась.

Был на Вербной всенощной. Сегодня Вербная суббота. Опять светлый праздник на чужбине...

Господи, верю и надеюсь, что переложить Ты гнев на милость, и наступят дни, если не для нас, то хотя <бы> для наших детей — когда мы будем поминать Твои святые страсти и честное Воскресение Твое дома у родных очагов, на родной земле.

Мамочка моя! Да смягчит Тебе Господь горечь одиноких праздников! Да даст Он Тебе провести их тихо, мирно, безмятежно в надежде нашей скорой встречи!

Страстная седмица. Великий понедельник.

Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобой!¹⁷

.....

Господи! Смягчи, преобрази и исправь сердца злодеев, распинающих ныне народ Твой русский... И если нет на это воли Твоей, то покарай их карой Иуды Искариота, Иезавели¹⁸, Корея, Дафана и Авирона¹⁹.

Да свершится суд Твой праведный!

Еще мольба к Тебе, Господи!

Дай силу мечу слова моего, силу, карающую врагов Державы Твоей Святой! Ты видишь, Боже, что я — рыцарь св<ятого> Твоего Духа — слабый, <нрзб.>, но любящий Имя Твое святое беспредельно и неизменно. Как Твоего древнего пророка ревность по Тебе снедает меня!

Люблю Тебя, Боже! Люблю Страсти Твои, Воскресение Твое, Славу Твою люблю, Боже!

<5 апреля (23 марта)>.

Пошел я сегодня в посольство по делу и наткнулся на труп генерала Романовского²⁰, который выносили куда-то... Про него говорили много нехорошего, его обвиняли в ряде злостных злоупотреблений, доведших до крушения Добр<овольческую> армию... Но он мертв, убит, и я вижу его беспомощно, жалко повисшие ноги в сапогах. Мне только жаль его, и от всей души я говорю: Прости его, Господи, и отпусти ему все прегрешения — вольные и невольные!

25 марта (ст<арого> ст<иля>).

Страстная среда. Благовещение. Говею.

Сегодня закончил прелюдию в des-dur²¹. Работая над нею, все время мечтал о крымской поездке.

26 марта (ст<арого> ст<иля>).

Вернулся с Двенадцати Евангелий²² при посольской церкви.

Слава Страстям Твоим, Господи!

Слава долготерпению Твоему, Господи!

Со страстью, с мольбою, с благоговением и любовью прильнул я лобзанием к истерзанному в багрянице и терновом венце образу Спасителя...

27 марта (ст<арого> ст<иля>).

Все неразрешимые загадки, грех пренебрежения ими, поток ежедневной самодовольной пошлости, не находящей ничего иного, кроме своего звериного подполья, — все это как в океане поглощается и карается смертью.

Велика и Свята, Премудра праведность Твоя, Господи!

27 марта (ст<арого> ст<иля>).

Страстная Пятница. «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив, и вонями во гробе нове покрыв, положи»²³.

Господи, Иисусе Христе! Для вкусившего Твою сладость, поистине прогорк мир! И я по мере данных мне, смиренному рабу Твоему, сил покажу миру его горечь!

Завтра на исповедь и св<ятое> Причастие иду, если жив буду.

28 марта ст<арого> ст<иля>.

Сподоби меня, Господь, причаститься святых Его Тайн!

Слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже.

О матери моей, рабе Божией Вере, молюсь — ее сподоби, ее защити и утеши, Господи!

Ночь на 29 марта ст<арого> ст<иля>.

Иду в церковь встречать Светлый Праздник. Милая мама! Пошли Тебе, Господь, спокойную и святую встречу Светлого Праздника! Все мои мысли с Тобой! Христос Воскрес! Моя мамочка, обращаюсь я к Тебе с этим вечным приветом.

В «Последней философии». Ночной разговор с умным циником о регрессе эпохи и о том, что музыка и философия больше не нужны. Разговор под слякотью и дождем [последняя ночь].

Записки кончаются словами: Я сам не знаю, для чего написал я все это. Оскоптившееся человечество меня не поймет, свиное хрюканье или обезьяньи ужимки — вот единственные рецензии, на которые я могу рассчитывать. Трудно мне разобраться в себе самом. А разве вот что: именно вследствие этой трудности и пишу. Но дальше яснее не будет, конец мой подошел вплотную и пора уничтожать эти листки. Впрочем, ведь всегда успею, да и жаль ведь. Перечитывать <время> от времени эти страницы — вот все, что мне осталось в моей жизни. Преждевременно их уничтожить было бы грехом. Пусть поживут. Лишь бы меня не пережили.

Желание автора записок не сбылось, и они его пережили. На другой день рано утром он умер. Записки эти попали в руки издателя путем, о котором он считает лишним распространяться. Он их издал, выпустив места слишком интимного и просто неинтересного для постороннего человека свойства.

1 апреля ст<арого> ст<иля> (14 нов<ого> ст<иля>).

Теперь для меня стало окончательно ясно и очевидно, что самое важное, несоизмеримо более важное всего прочего — религия. Ибо она определяет судьбу человека навсегда. Все прочее во времени — одна религия в вечности. Это очевидно. Но как мало, как тускло видят эту очевидность. Для меня очевидна и качественная сторона этой истины — святость и правота христианско-православного исповедания религии. Благодарю, Тебя, Господи, что Ты сподобил меня узреть эту истину и написать об этом. Дай мне сил и впредь для прославления имени Твоего Святого!

Но сколько сомнений, сколько мук в прошлом, и чуть я не соблазнился о словах «Боже мой, Боже мой, вскую мя оставил!»²⁴.

Теперь это все позади. И вот мольба моя: «...по сне ночнем возсияй ми день безгрешен, Христе Боже, и спаси меня!»²⁵

К «Крови». Разговор Софии Григорьевны Половцевой с мужем после бала [настроение того летнего бала в 1912 г., можно — Овруч].

— Это что же за ухаживания? Не говоря уже о том, как сильно это вам не идет — не забыли вы о том, что вы — муж и отец?

Полковник смутился. При всей его несчастной влюбленности в жену эта наглость привела в что-то похожее на негодование. Он посмотрел на нее исподлобья и, побледнев, ответил так тихим шепотом:

— Сонечка, тебе великолепно известно, что супружескую верность нарушаешь ты, а не я. Наконец! Наконец, при твоём отвращении ко мне, ты так меня ненавидишь, что мое ухаживание не может тебя очень огорчить.

Глаза полковника наполнились слезами, и губы задрожали.

С ненавистью посмотрела m-me Половцева на своего мужа и заговорила грудным низким голосом проститутки, совершенно непохожим на ее обычную медовую интонацию.

— Ну, да, вы мне противны, я вас не люблю, но я не позволю вам ухаживать за другими.

— И это почему?

— Потому что я не желаю быть женой мужа? Неужели вы не понимаете, как вы смешны в роли ухажера?

Похолодев от ужаса и недоумения, вслушивался полковник в мерзкую грудную интонацию проститутки и уже смысла речи не улавливал. Эта интонация хуже всяких других доказательств подтверждала то, во что он до последнего момента не хотел верить. Пошатываясь, встал он, пошел сначала в столовую — там встретил на диване Крафта, машинально пробормотав какое-то извинение, вышел он на веранду, где уселся на скамейку. И погрузился в мучительное полузабытие, куря папиросу за папиросой. Он не плакал, но лицо его приняло изжелта-старый, мертвецкий цвет. Стало холодно. Небо затянулось серой пеленой облаков, и шелестя и шепча, вкрадчиво и тихо начал накрапывать мелкий, противный дождь.

Я предчувствую второе великое Возрождение, Возрождение в духе свободы и жизни из тьмы буржуазно-социалистической тюрьмы. Оно может совершиться двумя путями — либо гибелью павшего человечества, его низвержением в ничто — великий плюс, ибо отрицание отрицания есть утверждение. А отрицание абсолютного отрицания социал-буржуазии есть абсолютное утверждение.

Или же человечество опомнится, возненавидит мрак, отряхнет прах от ног своих и вззовет к правде Божией. И тогда все прочее приложится. И наступит теплый, солнечный полдень человечества, где плоть и дух потянутся к солнцу и сами станут солнцем!

Для социализма как для абсолютного нигилизма чрезвычайно характерна ненависть к настоящему и любовь к подмене. Не имея возможности сразу вовлечь соблазненное им человечество в бездну собственного небытия, они придумывают, так сказать, унию бытия с небытием — царство миража скудости, царство настоящего, царство подделки: вместо религии Бога — догматизированный атеизм, вместо ума — хитрость, вместо науки — начетничество, вместо искусства — тенденциозное кропанье, вместо свободы — произвол, вместо государства — коммуна, вместо чиновников — комиссары, вместо наград и пожалований — отдача на позор и разграбления, вместо торговли — спекуляция, вместо законов — декреты, вместо наказания — месь, вместо мужества — наглость, вместо афиш — тайна, вместо войны — междоусобица и т. д., вплоть до суррогатов пищевых веществ.

Получая эти подделки, человечество без особого сожаления расстанется с ними и очутится лицом к лицу с бездной у жерла, девиз которого «конец всему» или «все сначала» — что, по существу, конечно, одно и то же.

Но отрицающие — сами себя отрицают: социализм — величайший подделыватель, контрафакт, самая величайшая подделка, контрафакция.

И потому, моя бедная мятущаяся душа, во имя Бога успокойся!

За сказавшим «Аз есмь Сый»²⁶ и ты получила свое бытие, и никаким миражам князя мира сего не убить тебя. Проще будет петь ликующие гимны возрадовавшейся вселенной — новому небу, новой земле и их Виновнику!

Ночь. Тяжело. Мрак, пустота, угнетение и страдание без конца. Истинное «Leid ohne Ende»²⁷. Даже числа отметить не могу — не знаю.

Вот для «Святых» — подробность о студентах и курсистках: <в> 1895–<189>6 году во время беспорядков арестованных студентов и курсисток отвели в цирк, где им предложили обед. Наевшись, они нагадили на столы, на которых им было подано. Курсистки же кололи шпильками шляп конную стражу в кровь. Причем случился такой инцидент. Лошадь, которой была засажена по головку огромная шпилька, лягнула и расшибла в кровь физиономию курсистки — из этого <произошел> скандал, размалеванный красной печатью.

Краткий разговор в «Черве-Победителе»:

— Вы говорите, что молодежь виновата, да, но она же и наказана, она же и страдает больше всех.

— Ничего подобного — страдают именно неповинные, терпевшие от красной сволочи и тогда, но имевшие защиту в общем законодательстве, а ныне совершенно беззащитные.

— Но смотрите — все эти черные труженицы из интеллигенции, эти газетчики и газетчицы.

— Среди них нет ни одной революционерки — хотите приведу вам кучу имен.

— Позвольте, но позвольте, куда же nibудь делась умеренно революционная молодежь.

— Вопрос, извините, просто наивный, чтобы не сказать более. Куда девалась? Во-первых, умеренных революционеров не существует, все они большевики и только занимали различные амплуа в революционном представлении — в зависимости от вкуса и темперамента. И в общем все они сейчас или служат большевикам, или составляют «оппозицию его величества».

— То есть как так?

— Вы не знаете, что такое «оппозиция его величества»?

— Нет... не то... то есть я знаю, что это немцы у Вильгельма, я не про то, а вот про служащих у большевиков.

— Во-первых, нет никаких большевиков, а есть повидавшие революционеры, осуществляющие свои *soi-disant*²⁸ идеалы, а во-вторых, загляните в ----скую чрезвычайку и вы увидите, что она состоит исключительно из студентов, курсисток и гимназистов старших классов, т. е. из *extrait triple*²⁹ русской революции.

— Это странно, никак не ожидал.

— Очень жаль, но это так, и вот вам факт — все «умеренные революционеры».

Федька Скицкий станет писателем а la Максим Горький и будет подвизаться под кличкой Софрона Кислого, разрабатывая босяцкие «антимещанские» темы. Составит себе огромное состояние, уедет во Францию, где приобретет земельную собственность и куда вложит капитал. Во время торжества революции приедет в Россию «углублять». В общем типичный представитель революционной пошлости и революционного мещанства.

Проф<ессор> Знойко поднимет вопрос о назначении его званием академика, но даже радикальная профессура найдет это неудобным, ссылаясь на его молодость и малое количество литературных трудов «при неоспоримой их талантливости и даже гениальности, заключающейся в совершенно новой точке зрения, с которой трактуется пролетариат и трудящиеся массы, причем последние трактуются не как угнетенные, а <как> угнетающие, т. е. виноват, я спутался. Я хочу сказать, что главные достоинства чествуемого писателя — новая трактовка пролетариата и вообще всех эксплуатируемых не с точки зрения буржуазного сострадания и буржуазного реформизма, в том, что... виноват, я прочитаю не так».

Набравшись смелости, прочел:

«Я хочу сказать: пролетариат у чествуемого писателя выступает как свежая, бодрая, мощная сила, гордо идущая в бой и властно заявляющая о своих правах, — и что в этом его бессмертная заслуга перед трудящимися и эксплуатируемыми всего мира!».

Обливаясь потом и раскрасневшись, приват-доцент сел на свое место.

Этот же приват-доцент — Хинчук — будет одним из главных деятелей травли новых, действительно талантливых сил и не устанет их упрекать в том, что своим отчуждением от реальной политики и погоней за искусственными эффектами словесной эквилибристики <они> льют только воду на колеса мельницы крепнущей реакции. Затем напишет ругательную статью на «Черные маски»³⁰ Л. Андреева, о которых скажет, что это «кульминационный пункт символической неразберихи и символического безумия, сквозь котор<ые> ясно проглядывают аристократические тенденции и отрывка католической клерикальной реакции, что удивляет нас тем более, что до сих пор мы видели автора в рядах борцов за права трудящихся и эксплуатируемых, рассказом о семи повешенных золотыми буквами вписавшего свое имя в страницы революционного движения». Зато необыкновенный, прямо сказать, неистовый восторг вызвал у него роман того же автора «Сашка Жегулев»³¹. В красках для выражения своего восхищения он не поскупился, и причем не обошлось даже без «клерикально-католической отрывки»: мать Сашки Жегулева оказалась Мадонной, сам Сашка — Христом, а Женя Эгмонт — Марией. Да и над головой автора критик увидел огненный язык. Совсем как из сборника проповедей, включая державинский тон и отчасти язык. Впрочем, безоблачно лекционный

тон статьи в конце был омрачен руготесной³² экскурсией в область русской литературы. Онегин, Гринев, Печорин, Райский, Лаврецкий, Лиза, князь Андрей, Пьер Безухов, старец Зосима, Алеша Карамазов, всем досталось за мещанство, причем заодно оказался прихваченным и автор «Мещан»³³. Достойным предшественником Сашки Жегулева оказался один Рахметов Чернышевского. Статья вызвала сочувственный отзыв и множество комментариев в большинстве газет и журналов. Ее трактовали как новое слово в области прогрессивной критики. В общем хоре похвал резким диссонансом звучала статья в левейшем марксистском «Новом мире», где анонимный автор ядовито заметил, что подобными статьями легче всего поставить «пролетарскую критику на четвереньки a la Rousseau» и прогнать ее под стол буржуазной науки, а не посадить ее за стол рядом с сидящим, наговорив много других неприятностей. Автор контр-критики прозрачно упомянул в заключении, что «услужливый дурак опаснее врага». Не то, чтобы был целиком приведен этот афоризм, столь обидный многому множеству не по разуму усердных, а так дан был его вольный пересказ, впрочем, только увеличивающий ядовитость подлинника. Статья произвела большой конфуз в соответствующей среде. Как журнал, так и автор статьи, эмигрант П-в, были вне всяких подозрений с точки зрения левой благонадежности. Оставалось проглотить и молчать, что и сделали. Замолчали, как воды в рот набравши, но злему року показалось мало этого, вскоре после статьи П-ва совершилось событие, увеличивающее неприятность положения облаянного. [Далее история Половцева и Краинского] Целых три дня не показывалась злополучная жертва «спиртуозного престолонаследия», как острили в редакции одной известной «черносотенной» газеты. На четвертый день пришел, как ни в чем не бывало, а через неделю написал статью, в которой как дважды два доказал, что «демократического читателя не могут интересовать барские фантазии и мечты разного рода Николенок Иртеньевых и Андреев Болконских, выросших в атмосфере помещичьего безделья и крепостной жизни на счет трудящихся и эксплуатируемых». Далее еще основательнее замечалось, что для того же демократического читателя «гораздо важнее те общественно-политические выводы, к которым пришел Толстой и в которых, несмотря на пережитки контовской мелкобуржуазной этики³⁴, есть много интересного». Еще важнее оказывается «принятие Толстым земельной программы Генри Джорджа³⁵, что ставит его в уровень с самыми передовыми течениями российской общественной мысли».

Статья называлась так: «Литература и общественность» (неистребима наследственность).

Процесс превращения Федьки Скицкого [Софрон Кислый] из эс-эра в марксиста. <нрзб.>, идеал женщин — <нрзб.>, уважение товарищей за безлюбивость, шедшую за аскетизм, впрочем, это и был аскетизм навыворот, преследование и травля изнутри и извне всего мало-мальски благородного, высокого, красивого.

Я живу только, как и раньше, ради *ars et scientia*³⁶, а пережитое мною крушение в области внешней не затронуло моего духа, моего мира умопостигаемого.

Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали³⁷.

Но я вижу только эту даль. Теперь я и в прямом и в переносном смысле принял этику любви к дальнему. Я вижу, что славные и честные враги, Ницше и христианство подают друг другу руки через голову оскотинившихся современников, ибо нет места в настоящем их божественному стимулу — бескорыстному служению идеалу. И недаром оба эти врага, а ныне друзья так ненавидели социалистов, а социалисты — их.

Der wollust ist dem Wurm gegeben
Und der Cherub steht vor Gott³⁸.

И теперь, когда ребром поставлена проблема избрания, мы видим, как кажущиеся союзы расходятся и враги делаются друзьями. Проблема избрания поставлена так, что никакие влияния не мыслимы. Жизнь-судьба громовым голосом возвещает:

Или — или.

Пред лицом такой альтернативы тварь дрожащая показала свой истинный лик и вся ушла в настоящее. Прошлого у нее нет — ибо там Великое, которого она боится, как смерти.

Настало время Пер Гюнтгов³⁹, сбываются вещие пророчества и прозрения.

Христос и Антихрист с одной стороны, мещанство и социализм — с другой. Ибо всем стало ясно, что Червь противопоставляет Атому, ничто ведет войну с «что».

Как мы, рыцари св<ятого> Духа, знали всегда, с кем имеем дело, как всегда, видели злейших врагов нашего Бога в социалистическом мещанстве, в мещанском социализме.

Мы избегали всегда «честных» работников, «партийных аскетов», ибо всегда понимали, что их аскеза — аскеза еще не выбившегося Чичикова, аскеза в настоящем для рысаков и обедов в будущем, мы негодовали всегда на слепцов и глупцов, обманутых видимостью и желавших видеть героя там, где был Чичиков.

Теперь слепцы прозрели, глупцы поумнели и торопятся приписаться в совладельцы херсонских имений Чичикова и вместе с ним пуститься отплясывать по комнате в «шотландском костюме» пошлую нелепую пляску...

Пляшите — но вопрос печальный —

Куда вас пляска заведет в последний час?⁴⁰

Таня, любовь моя! хоть ты и потерпела крушение, но дух любви твоей живет в моем заколдованном замке, и не добраться туда никакому врагу, моя прекрасная царевна, Дама сердца моего! Я знаю, я вижу, ибо это уже чудно — прекрасное прошлое, что любовь наша была осознание друг в друге великого, святого и чистого... оно было в Тебе, быть может, Бог милостив, есть, а значит, и пребудет вовеки. Любовь моя, я ведь знаю, что любовь к Тебе есть любовь к Твоему Творцу, а потому так громко, торжественно, чисто, свято ликующе поет все мне Твоя душа, несмотря на то что мы разлучены, быть может, навеки в этом мире.

Посещай почаще мой одинокий сон, Возлюбленная моя, чаще напоминай мне о горнем свете, где мы были и куда пойдем, если захотим.

Любовь моя вечная и неизменная!

Тебя забыть, моя любовь? Забыть свою душу, свое Бытие... любовь моя, этого не будет...

Я — паноптик<ум>, я вечный юноша,
И я не забуду Тебя, возлюбленная моя!

В моем саду мерцают розы белые,
Мерцают розы белые и красные,
В моей душе дрожат мечты несмелые,
Стыдливые, но страстные.
Тебя я видел только раз, любимая,
Но только раз мечта с мечтой встречается,
В моей душе любовь непобедимая
Горит и не кончается.
Лицо твое я вижу побледневшее,
Волну волос, как пряди снов согласные,
В глазах твоих признание потемневшее,
И губы, губы красные.
С тобой познал я только раз, любимая,
То яркое, что счастьем называется,
О, тень моя, бесплотная, но зримая,
Любовь не забывается.
Моя любовь — пьяна, как гроздь спелые,
В моей душе — звучат призывы страстные,
В моем саду — сверкают розы белые
И ярко, ярко-красные⁴¹.

Таня, услышь мою молитву во имя гения! Ведь Ты знаешь мою душу, переполненную музыкой.

В «Черве-Победителе» изобразить разгром и уничтожение скромного гнезда машиниста Любичского [Сушицкого], приобретенного на скопленные тяжким трудом всей жизни средства.

К «Святым». Не забыть издания Народной Большой Энциклопедии со всеми ее «идейными» особенностями.

Идеология Вошина и его стада: есть то, что мне нравится, нет того, что мне не нравится.

В русское посольство въехала комиссия по устройству русских беженцев под председательством небезызвестного Пильца⁴², и первым ее делом было... выселить русских офицеров-беженцев, чтобы самим там поселиться.

Кроме того, вот что. Пока у власти был жулик [rum Reichspiel⁴³ — генерал] Агапеев⁴⁴, получавший по 50 тур<ецких> фунтов в день, были взяты для тяжелой целодневной работы по паспортному делу несколько голодавших офицеров. После трехнедельной тяжелой работы им уплатили по два тур<ецких> фунта на человека. Комментарии излишни. А вот еще разговор со знакомой дамой, оказавшейся социалисткой, к которому комментарии тоже излишни:

— Вы не собираетесь уехать отсюда?

— Надо сначала заработать деньги.

— А я бы уехала без денег, если бы меня выпустили!

— Почему же вас не выпускают?

— Я же выслана из Италии и Испании за социализм.

— Так вы — социалистка!?

— А разве вы не знали?

— Признаться, никак не ожидал.

— Только не подумайте, что я — большевичка. Я против поджариваний, вывертывания суставов и прочего. Я — умеренная социалистка.

— Полноте, все социалисты — большевики. Фракции — дело темперамента — не более. Социализм я изучил детально и пришел к вполне определенному взгляду на этот счет... уверяю вас.

Дама начинает краснеть и волноваться. Я говорю медленно и методически спокойно, что ее раздражает, по-видимому, еще более, чем мой антисоциализм.

— <К> какому же взгляду... вы пришли?

— А вот к какому: социализм есть определенная реакция против культуры, не более, не менее.

— Вот признаться, никак не ожидала такого вывода от вас.

— Я не буду затруднять вас философскими деталями на эту тему, приведу только характерный пример. Есть в Петербурге профессор Фаддей Францевич Зелинский⁴⁵, знаток античного мира.

— Как же, знаю...

— Ну так вот, когда он выступил со своими статьями в пользу классического образования, на него с такой ненавистью обрушился один из виднейших русских социалистов А. Богданов⁴⁶ и облял так, как еще не ругали никакого Победоносцева⁴⁷. Согласитесь, что это ведь показательно.

— Почему?

— Очень просто. Ведь вы не можете не согласиться, что вся современная культура проникнута духом античности, им оживлена, им держится и упадет вместе с ним. Вы не можете не согласиться с тем, что классическая древность есть зерно, корень, из которого наша культура вечно растет и питается.

— Я бы вашего Зелинского сама поджарила, я бы его повесила.

— !?

— Он — полоумный, он хочет вернуть античный дух.

— Но позвольте, вы подтверждаете мои слова, так мы это и запишем.

Дама побагровела и спохватилась.

— В какой же вы газете это напишете[?] — ядовито спросила она, помолчав несколько мгновений.

— Пока запишу только у себя. Потом, когда нужно, воспользуюсь. Очень рад, что получил лишнее подтверждение вывода, к которому давно пришел.

Дама стала совсем синяя и вспотела.

— До свидания, — она сердито дернула мою руку и побежала [мы шли вверх по Пера⁴⁸].

Я посмотрел ей вслед и побрел восвояси.

Вторая лекция [Краинского] — еще больший скандал. Тема: Вера и Маркс. Вечная трагедия при свете современности.

В «Святых» [не лучше ли «Студенты»] вывести «фантаста-писателя», по художественным соображениям поддерживающего вооруженную спекуляцию социалистического мещанства и не видящего Вошина и вошиновщины. Честный и симпатичный человек, не имеющий, впрочем, никакого влияния и лишь эксплуатируемый социалистическими дельцами.

Начало двадцатого века — славнейший период в истории русского искусства, в равной мере как для музыки, так и для литературы. Особенно для последней. Роскошный ослепительно прекрасный дворец нового русского искусства был уже почти закончен, пока рука вандалов-революционеров, в своей дикой ярости обрушившаяся на культуру прежде всего, святотатственно коснулась белых мраморов этого дворца. И сделали это не одураченные, голодные и нищие плебеи, а профессора, приват-доценты, публицисты-газетчики: Пыпины, Трубицыны, Чаговцы, Ожеговы, Александровские⁴⁹ — вовсе не темные массы, а просвещенные и великолепно знающие то, что они делают, служители зла, и тем сознательно внушившие толпе вздорные и преступные мысли, глушившие в ней светлые и поддерживавшие темные инстинкты.

На обеде у Сестрорецких Варя познакомилась с Иваном Ивановичем Ивановым. Знаете ли вы, читатель, Ивана Ивановича, которого сотнями и тысячами встречали на своем веку, а может быть, и сами имели честь представлять его своей особой? Ручаюсь, что не знаете. Прежде всего вы, наверное, не вглядывались в его лицо, да и во всю его фигуру. Он представляется вам в виде добродушного толстяка средних лет, слегка страдающего одышкой. Полное красное улыбающееся лицо, украшенное благообразнейшей, тщательно выхоленной бородкой и такими же усами, с головой, слегка оплешивевшей, что, впрочем, делает его еще более симпатичным и благообразным. Правда, его лоб и глаза как будто маловаты и нижняя часть лица чересчур развита — но не всем же быть красавцем. Зато у него такой приятный голос: иногда вкрадчивый со склонностью к высоким, несколь-

ко осипшим интонациям, особенно, когда он просит или льстит, или же мягкий, робкий, бархатный баритон, лучше всякого чесания пяток располагающий ко сну, тем более, что все им высказываемое никогда не выведет вас из чувства равновесия, а, наоборот, породит в вас твердую уверенность в том, что на дворе сейчас превосходная погода, и что летом будет жарко, а потому лучше перебраться из города на дачу. Вы отмечаете в нем бездну других наичудеснейших качеств, из которых главнейшее то, что вы видите перед собой зеркало, доподлинно повторяющее не только все ваши жесты и телодвижения — конечно, если вы нормальный «как все» человек — но все ваши слова и мысли. Однако всмотритесь попристальнее — не надо быть талантливым физиогномистом, будьте только добросовестны, и вы увидите много другого, часто совершенно для вас неожиданного. Вы увидите, что толщина, плешь, краснота и одышка происходят от ничегонеделанья, обжорства и пьянства... да, да, Иван Иванович любит заливать зачастую, чаще, чем вы думаете, и не далее как вчера <он> в костюме Адама отплясывал в веселом заведении канкан, причем его трясущийся как желе живот и кривые, толстые и грязные ноги представляли зрелище, далекое от всякого благообразия и солидности. Вы увидите, что и лба-то у него вовсе нет, а просто одно недоразумение, и что в его маленьких глазках сверкают животная хитрость, злоба, зависть и недоброжелательство, а в отвислых, толстых как у негра губах бездна грязнейшей чувственности. Поговорив с ним, вы убедитесь, что он только то и делает, что ходит по гостям и толчется между людьми, ибо «наедине с собой» состоит из кучи костей, мяса, жира и мозга в количестве, нужном для заведывания растительными функциями организма, и элементарной житейской хитрости, и что, несмотря на «высшее образование», его знания ограничиваются грамотностью — для чтения газет и писания прошений и четырьмя правилами арифметики для счета денег, да из смутного сведения о том, что «чего бы только Лермонтов ни написал, если бы его не убили на дуэли» с прибавлением вздоха и грустного покачивания головой — плотный обед всегда порождает у Ивана Ивановича склонность к меланхолии и особенно если возле него есть вблизи хорошенькое личико. Покопавшись немного в обстоятельствах его интимной жизни, вы узнаете, что личным благосостоянием Иван Иванович обязан своей жене, которую он после перевода ее состояния на свое имя выгнал из дому, имея любовницу [которую скоро тоже оберет и выгонит] и бездну таких махинаций, за которые он, если и не посажен на скамью подсудимых, так это потому что никакими законами <эти махинации> не предусмотрены, да и любимых адвокатов-советчиков развелось нынче видимо-невидимо. Если вы хорошенько расспросите красноносого субъекта на углу -й улицы и -го бульвара, просящего у публики «на книги для бывшего студента», то узнаете, что это сын Ивана Ивановича, благодаря блестящим педагогическим способностям своего отца ставший «убежденным интернационалистом».

Иван Иванович появился у Сестрорецких в середине обеда.

Когда подали второе, в передней раздался звонок и в полуоткрытую дверь выставилось красное улыбающееся лицо.

— А, Иван Иванович, сколько лет, сколько зим! — вскричала вся семья.

Профессор быстро встал и пошел навстречу грузной высокой фигуре гостя.

— Здравствуйте, здравствуйте, как поживаете?

— Благодарю вас, ничего, как вы? — сказал гость, подходя к ручке хозяйки. Перездоровавшись с членами семьи, он с недоумением и некоторой небрежностью качнул головой Варя, в то же самое время сально блеснув глазами. Он сразу почувствовал со свойственной ему житейской смекалкой, что она здесь не в особенной чести.

— Позвольте представить, — заторопился профессор, — Иван Иванович Иванов. Варвара Герасимовна Лашнюкова.

— Очень рада познакомиться, — со своей обычной полуулыбкой и тихим мелодичным голосом и едва заметным носовым оттенком сказала Варя и села на свое обычное место возле Лиды.

— Откуда изволили пожаловать в наши края? — спросила хозяйка, накладывая второе, приказала Ксении <подать> прибор гостю.

— А я прямо из Петербурга. Только что из поезда, заехал в гостиницу и оттуда прямо к вам.

— В таком случае вы голодны. Ксения, принеси суп — холодный — поставьте его разогреть. А вы тем временем съешьте второе, ведь вы, я знаю, всегда едите суп после второго.

— Совершенно верно, благодарю вас, — сказал гость, принявшийся уплетать жаркое с могучим аппетитом, несмотря на то, что успел за день покушать по крайней мере раз пять.

— Вам какое <вино> прикажете — белого, красного? — угощал, с другой стороны, профессор.

— Я попрошу красного, впрочем, — он засмеялся полупридушенным смехом, который все называли милым, — я, впрочем, вижу у вас Chateaux la tourge blanche... моя любимая марка, пожалуйста, мне в таком случае беленького.

— Я вижу, вы — такой же знаток и любитель вин, как и раньше, — медово улыбнулся профессор.

После обеда, на котором будет разговор об устройстве и комплименты Ивану Ивановичу за умение устроиться, все пойдут в залу, затеется на минутку «умный» разговор о Лермонтове и со вздохами о падении новой литературы. Варя не выдержала и стала возражать, к крайнему неудовольствию всех Сестрорецких. Ее перебили предложением сыграть что-нибудь. Не то чтобы ее хотели послушать, надо было только прекратить разговор. Мало того, рассчитывали на то, что Варя откажется, и будет играть Лида, но Варя совершила вторую нетактичность и села играть, да еще вдобавок длиннейшую Fis-moll-ную сонату Шумана⁵⁰... Гость так явно заскучал, что С.К. решила действовать энергично и попросила сыграть для гостя что-нибудь более легкое и понятное.

Варя вспыхнула и быстро встала.

— Я не могу, не знаю, может быть, Лидочка сыграет.

Все стали упрашивать Лидочку, и та, поломавшись малость, села и пробарабанила какую-то чепуху Лешетицкого⁵¹ и Падеревского⁵². Однако и это для го-

стя оказалось слишком сложным, потому что, слегка поаплодировав и сказав обычные комплименты, он принялся расписывать «Веселую вдову» и цыганский репертуар и ругать классиков, сочетав в одну кучу Бетховена, Метнера, Рубинштейна, Вагнера и Скрябина [нет мелодии, одни шум и техника]. Варя опять не выдержала и при собравшихся в довольно большом количестве гостях подняла спор уже вовсе «неприличный» и не на шутку рассердила родителей Бориса. Вечером они между собой и говорили об этом и о том, что это, по-видимому, неподходящая партия для Бориса.

Прекрасное есть эстетическая модификация вещи в себе.

8 мая нов<ого> стиля.

К «Крови» («Ч<ервь>->П<обедитель>»).

Знакомая площадь полна народу... но что за чуждые лица... и говор-то будто свой и не свой. На низком помосте — в этом-то и весь ужас, что на низком, так что все кажется перед самыми глазами — на помосте виден дымок, там копошатся люди в красных рубахах, что-то раздувают в маленьком горне, в щипцах что-то держат... кузнецы они, что ли... в стороне от горна двое держат под локти связанного худого мужичонку, полуобнаженного и босого, с бледным, истощенным лицом и короткой бородой лопатой... борода и волосы на голове сожжены...

Народ гудит, изредка улавливает слух:

— Кого это будут заливать нонче-то.

— А Мишку-скорняка — вон стоит.

— А и взаправду-то он, ах, батюшки святы.

— Это за медные-то деньги.

— А за чтой-то другое, человек милый...

— Должно, страсть как болит.

— А ты что думала, тетка, сладко что ль?

— А я-то говорила ему, ну его к ляду, и деньги покуда бы ужо остались.

— Берут, берут, ой, батюшки святы, видеть не могу.

К мужичку подошли двое, один схватил его за волосы и запрокинул голову, другой потянул за бороду и раскрыл жертве рот... к ним в это время подошел грузный гигант в красной рубахе, держа в щипцах только что снятую с огня железную, докрасна раскаленную коробочку... начал что-то говорить своим помощникам.

— Не надо, не будет, он отказывается, подумал, простил...

Но вдруг он быстрым коротким движением вставил угол [край] в рот несчастному и стал медленно опрокидывать... густой дым окружил голову жертвы... мертвая тишина... ни стоны, ни крика... мгновения ужасные, тягучие... тело свернувшегося в комок мужичонки медленно опустилось на помост... Палач отшвырнул коробочку и, взявшись в бока, стал смотреть на дымившийся у его ног черный комок...

По площади пронесся легкий гул:

— Кончился, царствие ему небесное.

Сквозь площадь, стены и дома стали просвечивать переплет окна и стены комнаты. Рассветало... утро прекратило отвратительный кошмар...

Крафт встал и подошел к окну... занималась заря... ясная, теплая, книжная заря июльского утра... но на душе у него были тоска и отвращение. В голове на мгновение промелькнула мысль «Не вещей ли сон...». Поймав себя на этой мысли, он покраснел от стыда.

К «Последней философии».

«Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой»⁵³.

Как тут не сопоставить с ницшевским:

«Кто от черни, того память восходит до деда, с дедом же теряется время»⁵⁴.

Да, женщина по своей природе хам, чернь, и притом в самом безнадежном виде, она помнит постель и сладострастные содрогания, но не помнит имени и сегодня готова плюнуть в душу тому, кого боготворила вчера... а уж если дело касается чего-нибудь стороннего адюльтеру, то тут уж и говорить не стоит! Все царства мира и славу их она готова продать за хорошенький опереточный мотивчик или красивую кошку...

Никогда женщине не понять святых и таинственных слов.

«Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и <тобою>»⁵⁵.

Поэтому никогда не бывать ей художником — днесь, присно и во веки.

Но тогда почему же так мучительна, ты, женщина? Почему занозой вошла ты в душу и с болью воспаляются сердца от прикосновения твоих деревянных точеных пальцев, ты, сладострастная кукла?

Да, я знаю, и на тебя пал отблеск извечной красоты Творца, как пал он на змею и мясную муку... ты полна гнили и сени смертной, которую возжелала принять от своего извечного любовника-сатаны... и с оболочкой ангела стала капищем нечистоты и мерзости...

Я не виню Тебя, Творец — Ты сотворил ее свободной и прекрасной — она сама восхотела сатану — и приняла его. О, какой скорби полно мое сердце... моя музыка никогда не перестанет оплакивать это несчастье... Но не про тебя писана она... своими страданиями экстаза, мукой ремесленных будней, терпеливо обрабатывающих дары царственной Голгофы творческого вдохновения — приобрел я право презрительно пройти мимо тебя, Лже-Диотима⁵⁶...

Ведь я знаю, что попроси я у тебя слово утешения моему распятому гению... ты ответишь мне гортанным хохотом проститутки и оттолкнешь протянутую для дружеского пожатия руку — это, видите ли, неприлично...

...постойте, милостивая государыня... целовать вчера руки своему любовнику, имеющему на каждый день месяца и года по одной, вроде вас, с пролитием слез, томными вздохами и пошловатым взглядом, — это, конечно, прилично! Не так ли? Мерзко, тошно...

Начало мая по старому стилю.

Мои маленькие разлуки в детстве, когда я расставался с родным гнездом и матерью, для пансиона и скопища маленьких хулиганов и негодяев, преобразовались теперь <в> мое большое изгнание, когда я бросил родину и свой народ ради чужбины и иностранцев, недаром я так рыдал тогда... Я предчувствовал!

«Покуда на свете есть слезы»⁵⁷ и т. д.

Это значит вот что. Так как родной угол — понятие, не ограниченное ни пространством, ни количеством живущих на этом пространстве людей, то естественно и необходимо распространить сей стихотворно-гражданский афоризм на всю родину его автора, т. е. не более не менее как на всю Россию — не на буржуазную Россию, а именно на ту рабоче-крестьянскую Россию, о которой заботятся изо всех пушек и пулеметов, застенков и эшафотов <как> н<азываемые> эпитоны поэта-гражданина. Но так как по некоторым обстоятельствам, главным образом вследствие козней белогвардейцев и буржуев, мировая революция не совершается во всех странах одновременно, и в них продолжает царить непроглядная мгла культурной жизни и правопорядка, не освещаемая ни пожаром, ни взрывами, и об этой тьме проливают (крокодиловы) слезы авторы гражданских стихов, то, следовательно, заботиться о тепле и довольстве хотя бы и рабоче-крестьянской России бесконечно постыдно. Надо не делать этого бесконечно постыдного дела, т. е. *eo ipso*⁵⁸ делать обратное — заботиться и грезить о «холоде и расстройстве родного угла» — что будет не бесконечно постыдно, а бесконечно похвально. Или *voilà*⁵⁹, или *mot*⁶⁰ — революционно честно. *Quid faciunt*⁶¹.

Если русский народ физически переживет свою беду, то можно сказать, что он выздоровеет и возродится лишь тогда, когда нынешнее поколение русской интеллигенции, зараженное нигилистическими тенденциями, не вымрет все, а оставшиеся в живых единицы радикально не переродятся, что равносильно смерти.

Большевики переименовали различные московские улицы в улицы Герцена, Белинского, Огарева и проч. — лишнее доказательство того, что большевики есть дело исключительно интеллигентское.

Земский врач, пятикурсный студент — хотя и оставляет по целым месяцам неразрезанным медицинский журнал, на казенные средства выписывавшийся -оской земской больницей, — зато писал бесчисленное множество рассказов с направлением — громивших хозяйственную деревню и восхвалявших хулиганов и воров, за это он скоро приобрел патент на «популярность» на страницах бесчисленных направлен<че>ских газет и журналов — толстых и тонких, а «Нива» собралась издать полное собрание его сочинений, о чем и оповестила почтеннейшую публику. Однако этот проект не удался, ибо направления прихлопнули не только «Ниву» и все журналы [они свою службу отслужили и теперь были лишни и даже вредны], но и самого «доктора» — он был на фронте и не успел вовремя снять погоны.

Меня поймут и оценят только униженные и оскорбленные — настоящие оскорбленные, чуткие, отзывчивые, любящие сердца, и настоящие униженные, те художники, писатели, композиторы, и ученые, и инженеры, которые вместо того, чтобы служить каждый в своей области — хотя бы тому же пролетарию, — чистят сапоги Ивану Ивановичу своему и чужому — потому что их дети голодны и им не хочется выпустить свою жену на улицу.

Меня поймут и сочувственно отзовутся даже из своих могил тени певца, не спевшего песен своих до конца, кому надоел вой шакалов и кому хочется отделаться от этого воя

для вдохновенья, для звуков сладких и молитв⁶².

Меня поймут все те, кто дружно гребет

Во имя прекрасного
Против течения⁶³.

Они вместе со мною скажут:

Пускай на пенье мне ответят воем звери, —
С святыней над челом и песнью на устах,
С трудом, но я дойду до вожделенной двери⁶⁴.

И в этом их отрада — их, униженных и оскорбленных.

В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит⁶⁵.

Одна ли Таня, одна ли мечта о величии родины, одна ли безумная нежность к матери... нет, их не сосчитать!.. разве не разбиты мои мечты о музыке, о науке, о литературе? Ведь я мог бы многое свершить во всех трех областях, а что я свершаю и свершил... Мне нужны покой и созерцание, а судьба треплет меня немилосердно из стороны в сторону, шатает как былинку...

Господи, спаси, Господи, смилуйся!

27 мая (нов<ого> ст<илия>).

В моих руках Фет «Вечерние огни»⁶⁶, «Мелодии»⁶⁷, природа...

...и мне не страшны гробы, гробы, повапленные гробы хулиганствующей интеллигентщины.

Со мной светлое дитя, Душа Великого Поэта.
О дитя! как легко средь незримых зыбей
Отдаваться мне песне твоей⁶⁸.

2 июня (20 мая).

Сволочь не выдержит, ибо она поставила себе несовместимые задачи: свое материальное благополучие и развал России.

3 июня (21 мая).

К «Красному игу». Вступление (вместо пред<исловия>). Хотя брошюра Ювенала «Отцы и дети большевизма»⁶⁹ представляет собою уже, к сожалению, явный анахронизм, тем не менее за нею всегда останется два крупных достоинства: введение исторического термина социалистического «красного ига» и констатирование единства революционно-социалистического фронта. Автор этих строк приносит свою глубокую благодарность г. Ювеналу за установление названных понятий, исходя из которых <есть> возможность и необходимость прийти к нижеследующим выводам.

Каждое крупное деяние исторического масштаба, каждая эпоха сплошь и рядом характеризуются девизами, характерными лицами и действиями, выражающими сущность момента, переживаемого человечеством и его отдельными нациями.

8 июня (нов<ого> ст<иля>).

Вчера ночью умер Остроумов⁷⁰. Эти строки я пишу на квартире А.Г. и В.Г. Сорокиных. Отпевали сегодня ночью, читают Псалтирь. Я измучен, и смерть ранее своей окончательной победы надо мною, тоскою смертельною изнывает мое сердце. Господи, смилуйся, изведи из темницы душу мою.

9 июня.

Сегодня его перенесли в церковь, отпели и, набальзамировав, закопали. Я присутствовал при всем этом и при отвратительной процедуре бальзамирования — и страдал тяжело, страдал трудно.

Теперь передо мною его осиротевшая лабораторийка [он был провизор и химик] — склянки, банки, порошки, весы, ступка. Бедные вы, бедный он!.. что вы будете делать друг без друга! А каким работником он был, ведь он начал, говорят, с 63 руб<лей> и кончил огромным промышленным предприятием, часть которого работает даже при большевиках. Личная скромность, тихий, сердечный, вдумчивый, несмотря на короткое знакомство, он произвел на меня самое хорошее впечатление. Царство ему небесное, вечный покой!

24 июня (нов<ого> ст<иля>).

От дяди Миши (Ковалевского) получил вот это письмо, завтра пойду разыскивать Силу Стахурского⁷¹.

15 августа ст<арого> стилия.

Завтра день моего рождения, день моей печали. Мне пойдет четвертый десяток. Но

Блаженных снов душа не поделила:
Нет старческих и юношеских снов⁷².

Боже, как летят года... Точно пыльный вихрь гонит их, то преждевременно сорванных, зеленых и умирающих, то засохших и жестких как лик мертвеца. И мне сию чашу пить — я ведь не исключение. Нет, я исключение.

Душа моя, Элизиум теней...⁷³

И с гордостью могу сказать:

Procul este, profani!⁷⁴

Мое место в этом Элизиуме, ибо сказано:

«Где сокровище Ваше, там будет и сердце Ваше»⁷⁵.

Мое сокровище — великие мужи Духа Истины и переее всего, Ты, Господи Иисусе!

2 сент<ября> нов<ого> ст<иля>.

Единственный мотив второй русской революции — чувство безнаказанности.

Понятие истины — понятие первоначальное и элементарное. Определить ее — значит разложить на элементы, которые суть уже не истина — что противоречит самому существу этого понятия. Поэтому демаркации подлежат лишь методы достижения истины, а не сама Истина.

Вопрос Пилата нелеп логически и бесполезен практически.

На этот вопрос надо отвечать словами Анаксагора о бытии:

το ὄν ἐστίν⁷⁶, перефразируя их так: τὰ ἀληθεία ἐστίν — Истина есть!

И Она безмолвная в образе Богочеловека стояла перед Пилатом, в своей слепоте видевшего в ней только Праведника.

Истина есть!

21 сент<ября> (нов<ого> ст<иля>).

В прошлый четверг слушал вот этот симфонический <концерт>⁷⁷, а вчера был у двоюродного брата Сили Стахурского, об этом завтра.

Необходимо основать «Общество русской книги», целью которого было бы переиздание имеющих значение и цену русских книг, размножение их и распространение среди русского народа — от академии до деревни. Общество должно делиться на секции в зависимости от отделов и не преследовать никаких коммерческих целей, имея в виду лишь интересы русской книги [ни публицистическая, ни политическая литература здесь в виду не имеется, и общество <она> интересоваться не будет].

14 сент<ября> (ст<арого> ст<иля>). Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня.

В посольской церкви служили митрополит Антоний⁷⁸ и архиепископ Анастасий⁷⁹. Первым была сказана проповедь о несении креста, потрясающая своей

простотой и выразительностью. Я подошел к высокопреосвященному в конце и получил от него антидор⁸⁰.

17 сент<ября>. День маминых именин.

Господи, спаси и помилуй рабу Твою Веру!

Господь смилуется над нами и пошлет нам <нрзб.> скорую и безмятежную встречу.

9 окт<ября> нов<ого> ст<иля>.

Прямым идейным и отчасти кровавым предшественником нашей радикал-антипатриотической интеллигенции надо считать тех бояр Тушинских⁸¹ и Салтыковых и проч., которые в детстве Иоанна Грозного и Смутное время расхищали государ<ственное> состояние, губили народ и продавались иностранцам.

Софрон Кислый (Васька Скицкий) предложил уничтожить самый термин «нация» с заменой его термином «учило»!

22 октября (нов<ого> ст<иля>).

Andantino mosso⁸²

Вагнер есть воплощенная философия музыки и с нею всего искусства. Вместе с тем он и философия, положенная на музыку: противоречие мира необходимости и мира, разрешенного в практике художественного суждения.

Кстати, отдельные главы в мировоззрении Вагнера. Свобода воли в произведениях Вагнера.

Кроме того, весьма интересно было бы философско-политическое исследование на тему «Свобода воли и свобода политическая». Высшим идеалом внешней обстановки, способствующей наиболее полному расцвету человеческой личности, была бы, несомненно, анархия. Но так как железная необходимость приводит к тому, что абсолютная свобода лица или группы неминуемо приводит к абсолютному рабству остальных членов общества, причем самой худшей фор-

мой такого рабства будет зависимость каждого члена от всех остальных и всех остальных от каждого члена, то самой лучшей формой будет, как это доказано в соответствующих трудах, взаимные ограничения избытка свободы каждого члена относительно другого и наоборот с целью обеспечить необходимый *maximum* всем и каждому. Функцией этого ограничения и заведует государство — это его уже и задачи. Поэтому можно сказать, <что> государство наиболее осуществимая форма анархии, с большей или меньшей степенью совершенства обеспечивающая обладание и равномерное распределение благ анархии всем своим подданным. Органы власти — это аккумуляторы, впитывающие в себя избыток своеволия и пополняющие его недостатки. Поэтому при взгляде на полисмена, солдата, судью каждый гражданин, если он — не преступник, т. е. желающий сознательно воспользоваться избытком своеволия в ущерб остальным сочленам общества, должен сказать: вот воплощение моей свободы, моей анархии, моего своеволия. Те же, что в настоящее время называют себя по недоразумению анархистами, суть не что иное, как рабовладельцы-деспоты, считающие всех своими рабами и путем насилия осуществляющие свои воображаемые права рабовладельца. То, что анархия и социализм теоретически антиподы, а фактически близнецы, доказывает, что социализм есть форма деспотии, отличающаяся от т<ак> наз<ываемой> анархии лишь постоянством состава рабовладельческой группы. Если бы человечество не являло собою печального примера ограниченности, способной в погоне за блестящими погрешками явно несбыточных обещаний сваливаться в пропасть полного рабства — социалисты и т<ак> наз<ываемые> анархисты были бы растерзаны и уничтожены как злейшие враги человеческого рода, покушающиеся на то, что нормальному человеку дороже жизни — на свободу

13 ноября (нов<ого> ст<иля>).

Бергсон повторяет Гегеля навыворот: последний скрыто проводит в логические схемы эмпирический материал, первый скрыто вкладывает поток интуиции в трансцендентальные схемы. И это неизбежно. Правы, в конце концов, конечно, останутся Кант с Платоном.

«Под демоническим плащом таятся Хлестаков и Чичиков, и феерический демон обращается в безобразного черта с копытом и насморком. Пошлость есть скрываемая изнанка демонизма»

[Булгаков. Свет Невечерний <М., 1917>, стр. 182].

«На безднах утверждено бытие человека, от них не укрыться под кушей обыденности»

[*ibid.*].

14 ноября.

Евреи постольку погубили Россию, поскольку они были русской радикальной интеллигенцией. Мне лично кажется, что евреи должны принять одно из главных или главное участие в спасении и восстановлении России — своей волей, и вла-

стью, и практицизмом. Вообще же, по-моему, предстоит американизация России, и те толпы жуликов, спекулянтов, мародеров, кулаков и проч., которые ныне реквизируют, грабят (не в интересах мировой революции, конечно, а в собственных интересах), концессионеры и масса иностранцев, смешавшихся с оставшимся населением, образуют новую деятельную массу, чуждую всяких идеологий и прочих благоглупостей. Мечтателей не будет, и очень хорошо — помечтали и будет!

Европа дважды учила Россию — при Петре Великом — военному искусству, <нрзб.>, практицизму, здравому эгоизму, антиидеологической политике.

Россию сгубило славянофильство. Рань, им нанесенные, послужили удобным мостом проникновения русско-социалистического социализма — это же своего рода славянофильство. Ныне только эгоизм, только Россия, только выгода. Наславянствовали, будет!

Англия сделала дело Макбета по отношению к России — ее и постигнет судьба Макбета. А Россия воскреснет!

Супруги Макбет — революционная российская интеллигенция, и Англия может тоже про себя сказать:

...у всех без исключения
Я содержу шпионов на мой счет.
«Макбет», д<ействие> III, сцена IV.

Но никакой шпион им не поможет.

Двигется Бирнамский лес на Донзинанский замок: и услышан был громкий глас:

Так сдайся, трус.
Ты редкий зверь; народу на потеху
Мы в клетке выставим тебя: пусть смотрят
На изверга, какого не бывало⁸³.

И вот для обоих финал:
Да здравствует король! Смотри, Малькольм!
Вот гнусного злодея голова!
Свободен мир!
(«Макбет», д<ействие> V, сц<ена> VIII)

И это будет настоящая свобода, а не их свобода.

Сколько бы тысяч лет ни прошло еще до дня последнего свершения, учение Господа нашего Иисуса Христа будет всегда новым, и Новый Завет Его всегда новый, потому что могучим и вечно новым началом вторгается он <в> вечно старую, вечно истлевающую и разлагающуюся плоть. Плоть живет смертью, старостью, дух вечно юн, вечно творит. Я имею здесь в виду не плоть, освященную образом и подобием Божиим, но плоть, оскверненную злым хотением рассудка, соблазненного дьяволом и говорящим «нет ничего, кроме плоти».

Тогда голос мировой Истины отвечает на это: Твоя плоть сгнила, и нет более уст, глаголющих — «все есть плоть».

20 ноября.

Итак, я у последней черты. Терять мне больше нечего — и жизнь моя уже окончена, и если смерть медлит, то это только увеличивает для меня важность наступления этой минуты. Пока она подведет свой итог, попытаюсь я подвести свой. У меня есть большое основание полагать, что оба они сойдутся, и в результате получится одно и то же.

Я не смею вторгаться в тайну, абсолютно и навсегда закрытую для живого, я только твердо убежден, что земные итоги полновесным грузом лягут на чашку весов загробного правосудия, как бы его себе люди ни представляли.

Надо осмотреться, оглянуться. Дело ведь серьезное, гораздо посерьезнее тех цветочков земных радостей и страданий, воспоминание о которых готово опять пробудить мое уснувшее сердце. Ну, что ж. Пожить второй раз не мешает, тем более я как некий кудесник смогу прозревать будущее над текущим и колеблющимся покровом настоящего. Одна эта иллюзия чего стоит. Ведь время все превращает в чистое золото — оно алхимик непревзойденный.

А пока я устал, устал смертельно, до полного изнеможения, до холодных слез безысходного отчаяния... Все мое я воплощено в одном — устал... отдохнуть... Но перед отдыхом навсегда мне еще надо немало поработать над этими листками... а ведь я не хочу этого. Я устал, хочу полного бездействия, немоты, оцепенения. О как я устал!..

23 ноября (нов<ого> ст<иля>).

«Эстетическое отношение обычно сопровождается практической незаинтересованностью, бескорыстием. Искусство не имеет дела с утилитарными оценками этого мира, ибо оно зачаровано красотой иного, горнего мира и стремится сделать ее ощутимой. Оно показывает то, чего жаждет и о чем тоскует душа, являя тварь в свете Преображения. Его голос есть как бы зов из другого мира, весть издалека. Для этой таинственной силы, для этой благодати искусства имеет сравнительно второстепенное значение, каков его предмет, на чем именно отразилась небесная голубизна. Существует один белый луч красоты, — свет фаворский, который разлагается на семицветную радугу искусства».

(«Свет Невечерний» <М., 1917, с. 355>, С. Булгаков).

Если древний маг-музыкант не знал законов природы и свое магически-музыкальное действо практиковал в неведении этих законов, то современный маг-художник игнорирует их, забывает о них. Смысл тут и там один и тот же.

Величайшее дело Вагнера — примирение Христа с Аполлоном.

25 ноября (нов<ого> ст<иля>).

Был на репетиции VII симфонии Бетховена, слушал эту интродукцию *rososostenuto*⁸⁴, равной по красоте которой нет в мире, слушал божественную игру первого скрипача, слушал серьезный и замирал от чрезмерного блаженства нот — трио и скерцо — и как из бесконечной дали выплыл ко мне образ первого знаком-

ства с этой красотой красот, красавицей-симфонией, которой не было и не будет равной. Мне было 11 лет, я был жив, я был в родном гнезде, в дворянском гнезде. Во сне ли, наяву ли бродил по аллеям, замирая от счастья, от лика этой симфонии. Я был жив, я был жив...

А теперь — заживо погребенный, с глухую болью в сердце, с тупой тоской могу лишь вспоминать о том, как эти родимые звуки были ласковы, как любили они меня, когда-то живого.

26 ноября (нов<ого> ст<илия>).

Так называемый> эволюционный социализм представляет собой вопиющее *contradictio in adjecto*⁸⁵, ибо в ряду общей эволюции последняя подвержена несомненно <стремлению> к идеалу [в эволюционном социализме — социалистический строй — идеал, к которому должно прийти человечество через естественную эволюцию в силу самого исторического процесса⁸⁶], социализмом является лишь эсхатологический социализм, единственным смелым образчиком которого являются французские коммунары 1871 года и русские коммунисты-большевики, но тогда и речи не может быть о научном социализме в строгом смысле этого слова. Социализм есть типичная религия со всеми ее атрибутами, догматами, святоотческой и жреческой иерархией и своеобразным культом (сравн<ите> культ Grand Être⁸⁷ О. Конта). Причем так называемый> научный социализм не что иное, как богословие при этой религии; и <нрзб.> совершенно прав, указывая в письме к <И.Г.> Фихте тому на то, что настоящей науке делать здесь нечего, что научная работа под эгидой социал-коммунистов сведется в лучшем случае к закладке основ новой теологии.

Курьезно то, что в России социалистическая религия проникла сначала в форме социалист<ических> ересей — народничества (эсеры) и марксизма (меньшевики) подобно тому, как <к> готам христианство проникало в форме арианства. Лишь революция 1917 г. дала господство догматическому пуризму социалистической религии под именем большевизма.

Так называемый> субъективный метод Михайловского⁸⁸ есть, по существу, принципиальное и с точки зрения последовательности весьма целесообразное отрицание метода вообще. Об этом надо подробнее.

Народное благо в форме материального благосостояния для адептов социалистической религии, конечно, лишь средство привлечения новых прозелитов — вроде того, как при введении католицизма в Литве новокрещенным обещалась белая свитка и, кажется, еще кусок сала. По существу своему к материальному благосостоянию соц<иалистическая> религия глубоко равнодушна — скорее даже враждебна, ибо голод и нужда — естественные состояния, при наличии которых социалистическая иерархия, захватившая полицейский и экономический аппарат, может управлять, не боясь восстаний, сводя их опасность к *minimum*'у. Поэтому прав один из авторов «Вех», назвавший рус<скую> соц<иалистическую> интеллигенцию «апостолом» скудости и бедности, врагом обилия и довольства, независимо от того, кто обладает этим довольством и обилием⁸⁹. Также вполне

понятно, почему социалисты «интересуются» лишь проблемой распределения ранее и не ими накопленных и созданных богатств и запасов: ведь это кардинальный вопрос удержания ими власти в своих руках [независимо от других причин, из которых одна из главных — религиозная ненависть ко всему большому, красочному в истинном значении этого слова, реальному, жизненному, полноправному].

Адрес Сили Стахурского: Париж, Rue des Belles Feuilles № 48bis, А.В. Беланину для С.В. Стахурского.

В седьмой симфонии Бетховена и тематических аналогах [по поводу первой части Fis-moll'ной сонаты Шумана].

27 ноября (нов<ого> ст<иля>).

Выражаясь грубо, но образно, можно было бы сказать: большевизм — это меньшевистская теория, оседлавшая эсеровскую практику.

И раздадутся скоро громкие и смелые слова по адресу социализма «А ведь король-то голый!».

В конце концов, большевики — яркое и естественное продолжение народовольцев или, лучше сказать, народовольцы, ставшие во весь рост.

К десятилетию со дня смерти Л.Н. Толстого (1910 г. — 7 ст<арого> ст<иля> нояб<ря> 1920 г.). Не великим старцем земли Русской, а великой загадкой земли Русской надо было назвать Л.Н. Толстого. Его игра антиномий — антиномии самой России. Разгадывающий их — разгадает загадку российского сфинкса. Один из величайших художников — один из величайших разрушителей художественных ценностей (и своих прежде всего). Последователь Христа — и безбожник, каких не бывало. Величайший рационалист — и один из первых отрицателей науки — «того, чем люди живы».

Характерно, что известные стороны учения Л. Толстого, стяжавшие ему славу отрицателя и лишь увеличивающие блеск его положительной стороны, его чудесного творческого дара, будучи восприняты <нрзб.> людьми — превращают его последователей в жалкую бесцветную слякоть у подножия этого великана.

Вечная история лягушки и вола, вороны в павлиньих перьях и прочих маскарадов, лишь питающих аргументы пессимистов.

Такое положение вещей вряд ли может быть лестным для Толстого, ибо его назначение, как и назначение всякого гения

на гранях мира
Не снисходить, а возвышать⁹⁰.

Утрата своего лика, своей индивидуальности — жесточайшее оскорбление, какое только может нанести мнимый «последователь», «поклонник» своему кумиру. Поэтому будем преклоняться перед Толстым, но не будем толстовцами.

Его противоречия, его антиномии как антиномии Канта, горячим поклонником которого он был, будят мысль, будят совесть.

Будем же мыслить, будем совестливы! И этим почтим его память.

5 декабря (нов<ого> ст<иля>).

Одна из глав «Червя-Победителя» начнется так: Как ни старались люди⁹¹ «дружными, хотя и не условленными усилиями» подрубить тот сук, на котором сидели, как ни расходовали груды бумаги и перьев, как ни проливали ведра чернил, отстаивая необходимость возвращения людей к звериному виду (существованию), как ни орали и ни надсаживались на всех перекрестках, улицах и площадях, говоря прямо и в иносказаниях о том, что чудное дитя человеческого гения и лучших проявлений социального инстинкта, имя которому «город» — должен быть разрушен, что должны перестать дымить трубы и пылать форсунки, что травой должны порости его развалины и ямами покрытые улицы. Как ни распинались за уголовника-дегенерата, говоря, что все должно быть отдано ему на съедение, а здоровые и трудоспособные и пальцем не смеют пошевелить в защиту себя и своих семей, ибо не они, а он — «сын земли», одним словом, как ни отстаивали «земной рай», рай не торопился пока сходить на землю, и на земле жилось и дышалось легко, вольно, полной грудью. Поля цвели и несли свои дары, красоту и любовь городу, город отдавал полям лучшее, что у него было — дух и мысль, и оба в мире, согласии благословили жизнь великую, могучую и прекрасную.

Была ночь, и над городом стояло спокойное и лучезарное зарево, не хищное, бунтарское, мигающее и злое зарево разрушения и ненависти, а спокойное и ровное зарево жизни и мира, зарево ночного труда. С шумных и перегруженных движением улиц жизнь ушла в свои замки, в каменные, бетонные дворцы-дома, где читались лекции, где артисты играли и пели, где писались великие книги и производились выкладки, <как> чудо, точного гения. Дело шло к полночи, улицы чуть поредели, но железные дороги — сердце и легкие великой страны — не знали отдыха, и их работа шла так же мощно, ровно и неизменно под лучами дуговых фонарей, как и под лучами солнца.

До отхода курьерского поезда на П... оставалось всего каких-нибудь 5–6 минут.

Великие изгои: Пушкин, Фет, Тютчев, Майков, Алексей Толстой, Константин Леонтьев, Тургенев, Достоевский, Аполлон Григорьев, Мечников, Менделеев, Соловьев, Хомяков, Лопатин, Сергей Трубецкой, вся московская религиозно-философская школа. Говоря короче: все и вся в области лучших достижений русского гения. В пользу кого? Кого же? Каковы имена тех туманов, затмивших и заслонивших перечисленные имена? А вот они: Писарев, Добролюбов, Чернышевский, Лавров, Бакунин, Некрасов, Михайловский, Глеб Успенский, Максим Горький, шлиссельбуржец Морозов, Надсон.

Хороши сопоставления. Тютчев — Надсон. Достоевский — Чернышевский. Пушкин — Некрасов. Менделеев — Морозов. Соловьев — Михайловский. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно — от зрелища развалин родной страны и миллионов трупов родного народа.

Итак, вот загадка: кто же они — «ликующие, праздно болтающие, умывающие руки в крови»?⁹² Кто? Я полагаю, что элементарно честного (буржуазный, впрочем, предрассудок) человека ответ не затруднит.

Заглавие такое: Красное иго. Замечания о второй русской смуте.

Глава в «Замечаниях»: Святая ложь. О «защитном цвете».

В общем такие главы. О методе. Вольные и невольные иллюзии. Исторические параллели. Социализм и смута, или в чем настоящая сущность большевизма. Кто виноват? Культура и интеллигенция. Великие изгои. Святая ложь. Готтентотская мораль. Иностранные дела. Немножко философии.

7 декабря (нов<ого> ст<иля>).

Обманутое человечество. Глава в «Красном иге». Настроение «И взял я из рук ангела книгу и съел ее; и она в устах моих была сладка как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем»⁹³ [Теософия и социализм, противопоставленные религии и науке].

Грозное предостережение дано смертным смертному

«О, бурь уснувших не буди,
Под ними хаос шевелится!»⁹⁴

Лишь Всемогущей Деснице надлежит касаться хаоса — для Творческой Гармонии, рука же смертного, потревожившего хаос, ведет к безвидной и неустроенной земле и тьме над бездной, и кому исправить это разрушение как не Всемогущему, уже раз воззвавшему лепоту сего мира из первозданного хаоса — да смилуется Он над нами в бесконечной своей благодати и да простит нам, бессильным, слабым и ничтожным бунтовщикам, наш «бунт» против Предвечной Гармонии.

Ход развития (эволюции) философии Булгакова мне представляется трихотомичным: 1) Материалистический монизм и социализм (марксизм), 2) Философский идеализм. Религиозный реализм и 3) «просветленный материализм». Полный и гармоничный круг развития, внутри сложенный цикл, достигающийся в удел немногим.

Что же, наконец, соединяет Толстого с социалистами, что делает его любезным их сердцу, несмотря на все кажущееся противоречие между его и их учением. В том-то и дело, что противоречие это лишь кажущееся, и цель у них общая: тело- и духоубийство. А все вместе: человекоубийство [сатана же бе человекоубийца искони]. Социалисты знают, что то зло, против которого приглашает бороться Толстой — это они, ибо они — *summa criminalia*⁹⁵. Они знают, что толстовское непротивление злу здесь на земле без признания соколовища на небеси есть лишь утверждение смерти и небытия как некоего самодовлеющего принципа. Они знают, что Толстой, отняв у человека разум [науку], красоту [искусство] и любовь [эрос], оголив человека на этой земле и заставив его беспомощно ковыряться в примитивно обрабатываемом болоте, с головой выдает им оскотинившего<ся> человека или попросту достигает того, чего стремятся достигнуть они.

Не Толстой и Достоевский, а или Толстой, или Достоевский. Нельзя служить одновременно Богу и дьяволу.

Служение шестидесятников естественным наукам — это лишь выбор из двух «зол» (религия и наука) наименьшего. Тем более, что служение это было лишь агитационным, и ни один из сих молодых людей не отметил ни малейшей ценности работой в этой области (не считать же в самом деле научно ценной популярную белиберду Писарева⁹⁶). В действительности же революция с одинаковым удовольствием отправляет в лучший мир химика, тенора и священнослужителя.

И пусть обманывают они дураков и слабовольных. Землю они ненавидят так же, как и небо, ибо и земля-то на небе.

9 декабря (нов<ого> ст<иля>).

Вот еще саморазоблачение негодяев о их «любви беззаветной к народу»⁹⁷:

Чего жалеть рабов-солдат
С душою бескрылою и куцей —
Пусть гибнут, пусть себе добрят
Поля грядущих революций!⁹⁸

Высказались ясно.

Ясно также, что и суровое царствование императора Николая I, и «мрачная беспроектная (!) реакция» во времена императора Александра III — это не что иное, как сознательная, идеально обдуманная и мудрая политика, направленная на то, чтобы отвести злодейскую руку с горящим фитилем, протянувшуюся к тому всероссийскому пороховому погребу, который сложился в результате непрерывной борьбы русского народа за существование и должен был бы быть разгружен естественным путем после отражения последней и самой страшной опасности — германской. Но слабые руки кроткого и милостивого непротивленца императора Николая II не могли и не хотели удерживать меч, «ограждающий вход»; подлая лапа «борцов за свободу» сделала свое дело... Оглушительный взрыв — Россия в развалинах, и на них ожившие трупные черви интеллигентов со своей иностранной гвардией и жужжащие навозные мухи иностранной спекуляции. Но дальше произошло нечто гораздо худшее. Провоцировав пресловутыми 14-ю пунктами Вильсона⁹⁹ революцию в непостижимо великом, но измученном германском народе, воспользовавшись ею для своей лже-победы, так называемые союзники (Антанта) уничтожили даже худший из возможных выходов — жизнь под железной ферулой¹⁰⁰ водворившей порядок Германии, они отдали окончательно русский народ на гибель под красным ярмом социал-интеллигенции. И он гибнет в страшных пытках.

Доколе?

Доколе, Господи!

Глава в «Красном иге». Прогресс и «прогресс».

Российская радикал- и социал-интеллигенция очень любила и любит говорить о прогрессе. Последний упоминается при всяком удобном случае: они даже

свои газеты окрестили прогрессивными, и не будь <это слово> так длинно, так смешно, то, пожалуй, современный образ правления в России они, наверное, прозвали бы так — Российская Социалистическая Федеративная Советская и Прогрессивная Республика (Р.С.Ф.С.П.Р.) — целых шесть букв. Там, где сознательные пролетарии не знают ни одной <буквы>, — оно, пожалуй, как будто бы и много.

Однако шутки в сторону: надо серьезно попытаться выяснить, что именно эти милостивые государи подразумевают под словом «прогресс» и как их понимание прогресса отличается от общепринятого; и почему, напр<имер>, газета «Киевская мысль»¹⁰¹ — орган прогрессивный, а газета «Речь»¹⁰² — реакционный («большевики справа», как выразился г. <нрзб.> в статье «Политическая туманность», «Киевская мысль», лето 1917 г.). Или почему Некрасов — поэт прогрессивный, а Алексей Толстой — реакционный, и т. д. и т. д.?

Лжемилостивые государи, несмотря на их явное бессилие в области теоретической спекуляции, пытались неоднократно давать разъяснения по данному предмету криво, развязно, бойко, не краснея. Одна такая «работа» даже дидактически-назывательно озаглавлена так: «Что такое прогресс» и принадлежит перу небезызвестного Михайловского. Далее разбор статьи Мих<айловского>, некоторых статей Доброл<юбова> (особенно переписки со Славутинским¹⁰³), Черныш<евского>, Писарева, Скабич<евского>. Словарь «Большая энциклопедия». Выдержки из статьи <нрзб.> о свободе слова. Статья Плеханова: критика Гамсуна (Карено — реакционер)¹⁰⁴. Закончить словами «реакционера» А. Толстого:

Брось...
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой¹⁰⁵.

Творческий дух человечества выдержал прогресс Филиппа II, Святейшей инквизиции, иезуитов, Тридцатилетней войны. Авось выдержит и прогресс господ социалистов.

Общественность (или демократия) и соборность.

Первая — собрание номеров *bête humaine*¹⁰⁶, вторая — индивидуумов, сохранивших свои души. Первых влечет как стадо баранов такой же баран, как они, и только часто еще упрямее, вздорнее, ничтожнее самого ничтожного из них. Вторые — соединение общностью свободного волеустремления, все их упование на лучших, талантливых, Богом избранных, воплощающих в себе это согласное волеустремление.

В первой — мрак, эгоизм, злоба, хитрость, взаимный обман, лицемерие, во второй — свет, любовь, честность, взаимное доверие, искренность.

В первой — рабство и ее участники, рабы.

Во второй — свобода и ее участники, свободные.

Надо составить «Краткий курс философской пропедевтики» в трех частях. Введение в философию. Логика. Психология. Для гимназий и самообразования.

Характерное свойство революционно-социалистической интеллигенции — ее полное безделье, бесплодность и паразитизм, оттого они так и любят Л. Толстого, проповедующего паразитическое ковыряние в земле. О паразитизме социалистов («дегенератов») см. <Х.Дж.Ф.> Спурел. «Патриотизм с биологической точки зрения». Перевод с английского. Москва, 1914.

Сбывающиеся мечты, творимая легенда.

Поклонники Писарева и Чернышевского могут искренне пожалеть об отсутствии своих кумиров, а принципиальное неверие помешает им даже утешиться мыслью, что с того света они видят творимую легенду наших дней.

«Париж, 5 декабря. Из картинной галереи Эрмитажа на днях похищено 12 полотен Рембрандта и Моне. Одно из творений великого голландца было найдено у одной подмосковной крестьянки. Баба изрезала холст и употребила его для чистки пары ножей. Вторая картина была использована как пакля для забивки оконных щелей»¹⁰⁷. Газета «Presse du Soir», 11 декабря 1920 г. Константинополь.

Да, борцам за свободу пришлось много выстрадать — это правда, но зато они теперь могут быть удовлетворены полностью: ибо если пара сапог выше Шекспира, как о том вещал борец Писарев, то почему пара ножей не выше Рембрандта? Думаю, и господа капиталисты тоже могут пребывать в радости великой: Рембрандт, трактуемый как пакля, не есть ли то же, что предпочтение Оффенбаха Баху и Россини Бетховену. И не вы ли, милостивые государи, жрецы золотого тельца, заставили Рихарда Вагнера петь в опереточном хоре и перелagать «Фаворитку»¹⁰⁸ для двух корнет-а-пистонов?

Конечно, социализм есть лишь негатив капитализма и как таковой не внес в сокровищницу человеческой культуры ничего нового... Новое в нем разве только неслыханная сверхвиртуозная лживость, ныне уже трактуемая как правда. Между прочим, одним из характерных проявлений этой социалистической «Правды» наших дней является утверждение, гласящее, что материализм есть учение пролетариев, а спиритуализм — учение буржуазии, в то время как того типа материализм, который исповедуют в наше время социалисты, есть изобретение буржуазии XVIII века, а основатель спиритуалистического идеализма и самый гениальный его представитель Платон — решительный противник капиталистически-буржуазного строя и автор грандиозной социально-классической утопии.

Христианство с момента его появления было религией униженных и оскорбленных, или, выражаясь современным «прогрессивным жаргоном», «трудящихся и эксплуатируемых»; таким оно осталось и по наше время, ибо на зов «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вас» менее всего могут отозваться «здесь получающие награду свою», ибо «легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царствие небесное»¹⁰⁹.

И какой насмешкой, чтобы не сказать больше, отзываются слова журналиста, свою статью озаглавившего «Капитуляция коммунизма», выражающегося такими изречениями: «насаждать капиталистов, обещая им неприкосновенность их

доходов и откуп от регулирования между предпринимателями и рабочими — это ли не полная капитуляция коммунизма?».

Это ли не *sancta simplicitas*¹¹⁰ — воскликнет мыслящий читатель, прочитав такой, с позволения сказать, афоризм. Да ведь чем отличается, в конце концов, коммунизм от капитализма? Только тем, что в нем знающие дело капиталисты замещены не знающими его лидерами, зато с ног до головы начиненными партийной отсебятиной да еще тем, что вместо присвоения прибавочной стоимости здесь происходит похищение всего продукта труда рабочего, низведенного до состояния раба?

[В Р.С.Ф.С.Р. ведь нет рабочих, а есть лишь солдаты на фронте труда. А про солдат уж сказано социалистом там же «Чего жалеть рабов-солдат!»]

В статье г. Варшавский¹¹¹ [«Капитуляция коммунизма» — его статья] тем же милым детским лепетом: «Если после всей этой крови, пролитой во имя террора, коммунизму пришлось через три года пойти на поклон к “буржую”, чтобы он вывел их из нищеты и разорения, то что стоит коммунизм как хозяйственная система» [«Капитуляция коммунизма». С. Варшавский. Press du Soir. Константинополь, 7 дек<абря> 1920 г.].

Во-первых, достигнув *maximum*'а нищеты и разорения, социалисты достигли желательного *ad finem*¹¹² так или:

Бесконечно постыдны заботы и грезы
О тепле и довольстве родного угла¹¹³.

И во-вторых, иностранный буржуй, изгоняющий отечественного промышленника, — это ли не идеал для интеллигентов, борьбу с родиной, с самим понятием отечества поставивших во главу угла?

Автор этих строк сам слышал на студенческой сходке в конце октября 1917 года выкрик приблизительно такого содержания: буржуй ушел и не вернется, а если вернется, так это будет чужой, а не свой, лучше — немецкий, английский, американский — какой угодно, только не свой [французский не был упомянут, очевидно, вследствие того, что он был безвозвратно скомпрометирован в глазах сознательного элемента слугою деньгам, правовому порядку]. На выкрик ответили одобрительным ропотом, и все, в конце концов, свелось к тому, что опять так:

Бесконечно постыдны заботы и грезы
О тепле и довольстве родного угла.

Нет, милая деточка, г. Варшавский, не капитулировал социализм, а, наоборот, победил по всему фронту: Россию разорил и с головою выдал иностранному буржую.

NB. Говорю — социализм, ибо у меня нет охоты быть *plus royaliste que le roi-même*¹¹⁴, а сам Маркс отождествлял коммунизм с социализмом. Кроме того, не надо быть особенно проницательным для того, чтобы прозреть в практикуемом «умеренными» социалистами различении социализма и коммунизма тот же метод защитного цвета: всю мерзость и грязь социализма приписывать коммунизму, а социализм оказывается белее снега. Конечно, для «сознательных» рыцарей «святой лжи» такой маневр естественен и понятен, хотя и не весьма ловок, но

наивные люди, принимающие его за чистую монету (указанное различие), восхищающиеся социализмом и негодующие на коммунизм, очень напоминают извозчика, ни за что не соглашающегося везти за пятнадцать копеек, но с благодарностью принимающего пятиалтынный.

Еще одно лишнее доказательство в пользу того, что русский социалист — прежде всего, государственный изменник: когда летом 1920 г. большевики повели наступление на Польшу, эс-эрская газета «Родина» [ей бы более подходило название «Страна и революция»] писала приблизительно следующее, подобно тому, как Герцен во время наступления прежней русской автократии на Польшу желал ей разгрома: «Так и мы желаем разгрома нынешней русской автократии в ее нашествии на Польшу». За точность не ручаюсь, но смысл такой. Но ведь вела наступление революционно-социалистическая Красная армия на буржуазно-помещичью страну. Стоя на добросовестно социалистической точке зрения не только естественно, но прямо-таки необходимо было желать разгрома польско-буржуазной армии русско-социалистической уже потому, что насильственный переворот существующих земельных отношений поставлен во главу угла программы социал<истов>-рев<олюционеров>, и в этом, т. е. в 99/100, по существу они — большевики. Но ведь как-никак побеждала фактически русская армия, результатом победы было бы фактическое расширение русской территории или во всяком случае разгром жесточайшего смертельного врага России — Польши. А этого-то и не могли помыслить российские социалисты и революционеры, всегда бывшие прежде всего государственными изменниками и пораженцами — еще со времен Стеньки Разина и Емельки Пугачева.

Конечно, и большевики сражались не за Россию (это выходило у них *volens-polens*¹¹⁵), а за свою власть, которой угрожало дальнейшее продвижение поляков. При первой возможности они заключили <бы> такой же позорный мир с Польшей, как и с так называемыми Эстонией и Латвией.

Часто встречающийся термин «психология познания» представляет собою такое же *contradictio in adjecto*, как реже употребляемый термин «логика чувств». Можно говорить о «психологии восприятия», но не о «психологии познания». Точно так же, как можно говорить лишь о «логике науки о чувствах», а не о «логике чувств». Вообще, там, где говорится о трансцендентальном субъекте, и речи не может быть о психологии как науке, тесно связанной с конкретным «я», конкретным субъектом; точно так же, как там, где речь идет о конкретном «я», конкретном субъекте, и упоминания не может быть о логике как науке, связанной с трансцендентальным субъектом и только с ним.

И что такое так называемая логическая ошибка, как не вторжение конкретного «я» в сферу трансцендентального субъекта? Ведь, строго говоря, только утверждение существования логической ошибки, ибо там, где есть ошибка — нет логики, а там, где есть логика, не может быть ошибки. Выражаясь фигурально, логическая ошибка всегда — *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*¹¹⁶.

Идеологию русской революционной интеллигенции можно определить еще так: импотенция, возведенная в принцип. Вот почему разруха, обнищание и одичание ни в коем случае не могут быть трактуемы как признаки поражения рус<ских> социалистов. Наоборот: каждый сгоревший дом, каждая остановившаяся машина, каждая разрушенная усадьба, сожженная книга (не партийная, конечно) и картина, каждый убитый ученый и действительно полезный рабочий, гражданин, каждая развращенная и обесчещенная женщина есть уже непосредственный плюс этих господ. В этой-то легчайшей достижимости своего «идеала» (!) их дьявольское несомненное преимущество и их необъятная сила, ибо разрушение есть, а созидание будет. Эта их колоссальная сила, вытекающая из занятой ими позиции (а вовсе не в признании их действительной, положительной силы), может быть компенсирована лишь жесточайшими репрессиями по отношению к ним, репрессиями, которые должны быть оправданы даже потому, что, применяя такие репрессии, мы будем иметь дело не с подавлением индивидуальности, а лишь с борьбой против безличного зла — импотенции, возведенной в принцип, слабости, ставшей силой. Если же стоять на демократической точке зрения, интересов абсолютного большинства, то такие репрессии более будут оправданны, ибо естественно пожертвовать интересами и даже жизнью ничтожной кучки дегенератов и преступников ради бытия многомиллионного народа.

В конце концов, вся радикальщина может быть сведена к уголовщине — оттого-то все они, от Толстого и до большевика, так любят уголовника и так холодно пренебрежительны к страданиям его жертвы.

Глава. А ведь король-то голый. О Толстом.

Для профанов в музыке придумана цыганщина, для профанов в литературе — бульварные и тенденциозные романы, для профанов театра — фарс и оперетта, и наконец, для профанов науки и философии — теософия и оккультизм. В общем для профанов придуманы суррогаты. Суррогат — это спекуляция на принципе наименьшей траты сил, так сделать, чтобы «этак как-нибудь не учиться и не думать».

Ну, а желающих «уважения и денег» больше, чем нужно. Вот они и просвещают почтеннейшую публику: им уважение и деньги, почтеннейшей публике — безделие.

Как похожи оккультисты и теософы своей поддельностью на социалистов с их склонностью к суррогату. Спиритуализм, который некоторые из них, большей частью пошлые дамы, смешивают со спиритизмом, так же омерзителен, как и материализм последних. И про них, и про других можно сказать, перефразируя тургеневского «Дурака»: «Житье подлецам меж дураками»¹¹⁷.

В «Черве-Победителе» инженер, сын машиниста, дополнительным трудом и строгой бережливостью скопившего себе состояньице, на которое купил именьице-дачу при линии железной дороги (в 30 верстах уездный город — черты Овруч — Седльце). В дочь машиниста, курсистку, влюбится музыкант, а сама дочь влюбится в сына профессора [образ Юры <нрзб.> и его родителей]. Сам инженер — практичный малый, но очень любящий свою специальность, стоит на

практической> точке зрения и решает получить богатую невесту — ухаживает за Л.Б. (имение — 1 ½ версты от Овруч — Седльце), неожиданно влюбляется. Затем неожиданно для себя с войной вспыхивает патриотическим пылом, уходит с железно<одорожным> батальоном — приезжает с <нрзб.> в осень 1914 г. — узнает, что невеста его изменила с кучером Василием Дрызло, освобожденным от воинской повинности стараниями своей другой любовницы — матери Л., воздействовавшей на воинского начальника через его истеричную жену [Минские]. Описать беспорядки, устроенные мобилизованными при помощи сельских «учителей» Вошина и Дрызло. Революция. Убийство Дрызлом инженера, разгром дачи машиниста, убийство родителей Т. (курсистки), ее сумасшествие и изнасилование.

20 (7) декабря.

Так же как и на родине прекрасна зимняя луна, плывущая среди пушистых волн облаков, так же прекрасны ночные силуэты деревьев и домов, то же чувство овладевает моею душою. То ли? О, нет, это лишь запасы прошлого — они, быть может, неисчерпаемы, быть может, настоящее — ложь (это, конечно, так) и лишь прошлое есть, а потому и будет, так или иначе, в настоящем меня нет. Оно и не коснется меня. Оно может погубить меня, вернее, мое тело, но души моей не коснется. Да, и ничьей души не коснется, ибо те, кого она коснется, уже бездушная падаля. Жив Господь, жива душа моя!

Сегодня я был у обедни и у молебна Святителю Николаю Мирликийскому Чудотворцу. Раздавали вот это воззвание¹¹⁸. Как далеко оно от обычного тона шаблонного красноречия, какое умное чувство водило пером писавшего, как преобразился лицом митрополит Антоний — печать страдальческой просветленности разума и кротости лежит на всем его облике и говорит красноречивые слова.

Да не угасает никогда гнев мой на поработителей и растрителей лика человеческого, на слуг Зверя и пособников его. Господи, дай мне свершить то, к чему влечет меня душа моя — образ и подобие Твое.

Социализм, поставив во главу угла эгоизм, в сущности, выкинул лозунг «*divide et impera*»¹¹⁹ и потому представляет собою гнуснейшую форму антиобщественности. Разделив человека на пролетария и буржуа, он намеренно отстраняет самое важное, ясно просвечивающее сквозь эфемерную и иллюзорную обложку т<ак> называемых классовых различий, — отстраняет человечность. Но нелепость и лживость такой комбинации очевидна.

Разделить людей можно лишь в соперничестве, а потому скудость нужна социалистам как воздух. И они всегда будут ненавидеть изобилие и богатство, кто бы им ни владел. Борьба с частной инициативой ведется, в сущности, вовсе не во имя общности, а лишь во имя скудости, которая одна нужна антиобщественному социализму.

Утверждение, что «социализм погибнет среди развалин», нелепо, потому что развалины и есть именно конкретный социализм как его воплощенный идеал. Развалина — это есть именно атомизированная разумно-эгоистическая особь, ли-

шенная связей, когда-то дававших ей смысл как участницы гармонии. Несомненно, что индивидуум возможен только в обществе (а не в стаде), поэтому-то враги индивидуализма, социалисты, конечно, и враги общества, и сторонники стада.

Итак, всякое созидание — какими бы оно лозунгами ни прикрывалось — направлено против социализма так же определенно и несомненно, как пушка или пулемет, наведенные на Красную армию. Допустить созидание — как бы то ни было и чего бы то ни было — значит «немножко умереть». Но и наоборот — всякий созидатель — что бы то ни было и где бы то ни было [если это только не другие разрушения, что является самоотрицанием созидания, т. е. 0 в конечном результате] — убивает социализм.

Но социализм не дремлет и создает такие условия, при которых созидание <нрзб.> делается абсолютно невозможно.

Германия имеет право обратиться к союзникам, а Россия — к социалистам с такими словами: «Вы — не победители, а мошенники!» И будут правы.

К главе «Интеллигенция». Символами ее являются два образа из «Братьев Карамазовых» — Смердяков и Иван. И может она сказать про себя: «Кто же я сам, о, Господи!», сказать как Лоренцо, герцог ди Спандаро¹²⁰: «Сын ли рыцаря крестноносца, всю кровь отдавшего Господу, или сын грязного конюха, отвратительного обманщика и вора, обокравшего господина во время его молитвы?» [Андреев. «Черные маски»].

«Ты, кажется, большой идиот и уж конечно... страшный мерзавец!» [«Братья Карамазовы». Т. I]. Это про Смердякова — революционную интеллигенцию.

Покаявшийся Смердяков — долго и нелепо. Возможен только повесившийся [или повешенный, это обычно то же] Смердяков.

И вот один и тот же человек создает шедевр благородства формы и содержания — «Черные маски» и произведение, в котором лапидарное содержание соперничает с жалкой беспомощностью формы, — «Сашка Жегулев».

«Кто же я, о, Господи!»

Социалист так относится к уголовнику, как алгебраическая формула к ее численному частному значению.

Чтобы ни говорил революционно-социалистический Смердяков, останется, конечно, прав Шекспир.

Монарх не может умереть один:
В свое паденье увлекает он
Все близкое, как горный водопад.
Он — колесо гигантского размера,
Стоящее на высоте горы;
И тысячи вещей прикреплены
К его огромным и могучим спицам;
Падет оно — ужасное паденье
Разделяет с ним все вещи мелочные.
Еще монарх ни разу не вздохнул,
Чтобы народ с ним вместе не стонал.
[Шекспир. «Гамлет»¹²¹]

Жена проф<ессора> <нрзб.> [«Червь-Победитель»] будет яркой теософкой и спириткой, и будет интриговать против М<нрзб.> (В. Петр) за его преданность чистой науке. Итак, профессор будет против <науки>, за «реакционность», а его супруга за «научность».

Международные плуты [Лига Наций].

«... Часто повторяющееся учение о безостановочном движении человечества на пути к большему и к большему совершенству, или вообще о какой-то эволюции путем мирового процесса — противоречит той априорной схеме, что до каждого данного момента прошло уже бесконечное время и что поэтому все, что могло явиться вовремя, давно должно было бы существовать» [Шопенгауэр <А>. Мир как воля и предст<авление. СПб., 1893>, т. II, стр. 224, перевод <Н.М.> Соколова, издание <М.В.> Попова]. Это убийственное для теории прогресса утверждение может быть парализовано следующим рассуждением: время есть форма созерцания, свойственная человеческому сознанию и вместе с ним сосуществующая. Прогресс есть функция времени, поэтому постольку-поскольку мы говорим о времени, мы можем говорить и о прогрессе; отстранив же понятие времени, мы eo ipso¹²² отстраняем и сознание [= познание], вне которого человек не может мыслить ничего [или mutatis mutandis должен мыслить одно голое не — источник, кстати сказать, апофатического богословия]. Кроме того, мысля о бесконечном времени, прошедшем до данного момента, мы должны разбить его на два участка: время, прошедшее до возникновения чел<овеческого> сознания, и время, прошедшее от возникновения сознания до настоящего времени. Так как мы знаем только второй участок, а относительно первого не знаем даже, есть ли он, то оперирование в данном рассуждении логикой, так как мы можем оперировать лишь последним из слагаемых, будет явным нарушением закона тождества. Бесконечное время есть *contradictio in adjecto*.

Но вот, однако, с чем нельзя не согласиться:

«те, которые уверяют, будто бы они познали... первое вещей и, следовательно, первоначальное бытие, т. е. бытие абсолютное, и как бы там ни вздумали называть эту первичную сущность — процессами, причинами, монадами, или как бы то ни было иначе, в силу которых этот мир из этих существ происходит, или падает, или приводится в бытие, или производится, или “испускается” — говорят на веру, являются болтунами, если не совсем шарлатанами» [ibid., стр. 225].

Прямо против всякой теософии.

Начать заключительную главу «Красного ига», немножко философии там.

События текущего момента как будто бы намеренно направлены к воскрешению и вящему подтверждению пессимистической доктрины, несмотря на то что философской мысли не надо было тратить много усилий для доказательства прѳтов ψεῦδος¹²³ личного оценочного мировоззрения. Le roi est mort — vive le roi!¹²⁴ И подавленный фактами безграничного торжества зла и страданий, и так изнемогающий человеческий интеллект опять вступает на скользкий путь пессимизма и отрицания. Но будем беспристрастны — поскольку это в наших силах и поскольку отвратительное и ужасное зрелище дает нам возможность сохранить беспристрастие. Итак, pro и contra пессимизма.

Про

«Подумайте только, до чего дошли бы в своих притязаниях поборники любой господствующей метафизики, если бы вера в их учения была такой крепкой и такой нелепой, как им этого хочется! Оглянитесь при этом на все войны, волнения, мятежи и революции, которые были в Европе от восьмого до восемнадцатого столетия. Как мало можно найти между ними таких, зерном которых или предметом для которых не были бы какие-либо вероисповедные споры — т. е. те же метафизические проблемы! Они чаще всего давали повод народам восстать один на один. Не представляет ли все это тысячелетие из себя — одно непрерывное убийство то на поле битвы, то на эшафоте, то на площадях, — из-за метафизических обстоятельств?» [*ibid.*, стр. 227].

Если бы гениальный пессимист дожил до нашего времени, то как бы обогатился черный груз его аргументировки, какую подавляющую силу приобрел бы он при виде распятой России и гнусного буржуазно-социалистического шабаша вокруг золотого тельца — нового бога осатаневшей *bête humaine*.

Хорошо говорит Шопенгауэр о материалистах-сенсуалистах [это, конечно, одно и то же] и через их голову нашим русским социалистам:

«человек их конструкций, говоря в терминах анатомии, должен быть *Anencephalus*¹²⁵, *tête de scapaud*¹²⁶, только с органами чувств, но без мозга» [*ibid.*, стр. 26].

Как характерно, что в наше проклятое время ослиные уши теософии неизменно украшают кровавый лик уголовного-социал-людоеда — по видимости, будто антипод *de facto* — верный друг и сотрудник последнего — подобно толстовству, вырывающему из-под ног жертвы — мыслящего и чувствующего человека — последнюю опору — точное знание и ортодоксальную религию.

27 дек<абря> (нов<ого> ст<иля>).

Диалоги между неофиткой и теософом.

Теософ. Здравсте, мадам. Чем могу служить?

Неофитка. Хочу философствовать.

Теософ. К вашим услугам.

Неофитка. Но нельзя ли как-нибудь так... полегче. *Vous me comprenez?*¹²⁷

Теософ (услужливо). Так, чтобы не учиться и не думать?

Неофитка (покраснев, стыдливо). Да нет. Впрочем, да, вы угадали... *c'est cela*¹²⁸, именно как-нибудь так, чтобы не учиться и не думать... а то все эти Канты, Платоны... непонятно и скучно (краснея еще гуще).

Теософ. Напрасно вы конфузитесь. Вы стоите на верной дороге и интуитивно прониклись сущностью дела. Наука и философия отжили свое, и наступает пора великих мистических озарений, когда, воспитав в себе очи, существующие или заглушенные нашей грубой рационалистической наукой, органы чувств, человек начнет познавать непознаваемое и видеть невидимое.

Неофитка. Ах, что вы говорите? В самом деле?

Теософ (скоро, с увлечением). Уверю вас.

Неофитка. Я так и знала, предчувствовала. Я всегда говорила этим сухим профессорам: господа, вы можете говорить мне все, что угодно, я не знаю ваших сухих рассуждений и наук, но я сердцем постигаю, сердцем чувствую... вот тут мне что-то говорит, что я права... и вы можете там себе говорить, что угодно... даже смеяться. Я сердцем чувствую... Послушайте, нельзя ли вызвать дух покойного Сержа, моего мужа, я так перед ним виновата... Он перед смертью говорил, знаете, таким слабым изнемогающим голосом: ты мне изменишь, и вот мне все кажется, что он знает, мне по ночам чудится, что он здесь, вот тут возле самой меня, и я вскакиваю, кричу ... представьте себе, мне так кажется, что он уже рассердился... Ах! что вам сказала (закрыв лицо руками), это останется *entre nous, n'est ce pas*¹²⁹?

Теософ (невозмутимо). Будьте спокойны. По интересующему вас предмету должен вам сообщить, что я послезавтра в зале Теософского общества читаю доклад «О способах общения с умершими», приходите послушать. А пока могу вам предложить вот эту мою книгу.

Дама (схватила <книгу> с жадностью и читает заглавие «Разговор с Александром Македонским»). Ах, какая прелесть... Очень, очень благодарю вас. Я бы говорила, с вами говорила без конца... но меня ждут здесь на углу (<нрзб.>). Я не могу больше. Послезавтра буду обязательно на вашей лекции. До свидания.

Теософ. До свидания.

Склонив голову, дама грациозно выпархивает.

Обосновать введение в философскую пропедевтику — психологии и логики преимущество перед другими философскими дисциплинами, след<уя> текстам Шопенгауэра:

«Только сознание дано нам непосредственно, поэтому основы философии должны покоиться, прежде всего, на фактах сознания» [Шопенгауэр <А>. Мир к<ак> в<оля> и п<редставление>, т. II, стр. 6, перев<од Н.М.> Соколова, изд<ание> М.В. Попова. С.-Петербург, 1893 г.].

Среди отвратительной возни всероссийской преступности ярко выделяются ее две разновидности: активные преступники — уголовщина всех видов и рангов — грабящая и убивающая; и пассивные — интеллигенция, благословляющая, объясняющая, оправдывающая, прощающая и поощряющая уголовника, — ее воплощение Л. Толстой.

Но и свет во тьме светит, и тьма не объяла его: в глубине русского духа восстал из праха и пепла Достоевский — поистине совесть русского народа — в противоположность бессовестному обскуранту, мракобесу, служителю зла — гр<афу> Л. Толстому — тьме и хаосу русского бунта. Достоевский и Толстой — антиподы русской души.

Дегенерат и идиот Надсон говорит, слезливо марая:

Бесконечно постыдны заботы и грезы
О тепле и довольстве родного угла.

А Гёте? (он выше или ниже Надсона, товарищи российские социал-прогрессисты? А, ну-ка, ответь<те> же?). Гёте утверждает несколько другое:

«Я полагаю, что каждый должен бы начать с себя и устроить свое собственное благо, откуда неминуемо последует и общее благо» [Разговоры Гёте с Эккерманом¹³⁰].

Ну что? Буржуазия, контрреволюция, мещанская идеология и стенка? А?

Коротки руки, товарищи. Сжечь его произведения вам не дадут, а сам творец «Фауста» отстоит от тебя, тов<ариш> рев<олюционный> дем<ократ>, так далеко. Когда бы вверх могла поднять свое рыло революционная демократия, то и тогда бы не заметила его света обычными глазами.

Индукция есть частный случай гносеологии. И этот факт — еще лишнее подтверждение, что логика есть лишь первооснова и, т<аким> образом, — обоснование общей морфологии. Пока начинается работа. Аналогия и индукция.

Логика, так же как и морфология, есть наука a priori.

Уже одно допущение опыта (эксперимента) есть скрытое признание свободы воли, ибо опыт в своей основе есть вмешательство, т. е. произвольное начатие причинного ряда. Таким образом, в основе эмпирического естествознания положена грандиозная антиномия: для доказательства частного применения закона причинности при постулате единообразия природы мы должны прибегнуть к методу, скрыто или открыто признающему разрыв единства причинного ряда и постулирующему многообразие природы в лице сознания и его объекта (или в лице трансцендентального субъекта познающей свободы и его объекта — познаваемого модуса причинно связанной, эмпирической реальности). Ясно, что это ведет к самоотрицанию монизма и к необходимости признать хотя бы дуализм [отсюда дорога открыта вообще в метафизику] со всеми вытекающими из этого признания последствиями.

Чем-то идиотически немощным веет от слов Фауста в знаменитой сцене, исправлении слов Евангелия от Иоанна «В начале было слово»¹³¹, словно во второй раз Писарев критикует Пушкина — только в тысячу раз гнуснее и <нрзб.>. Это оттого, что здесь яснее чем где бы то ни было чувствуется дерзость (не дерзание, а именно дерзость) конечного человеческого, пытающегося стать ровень с бесконечным, божественным.

О двенадцати коленах Израилевых и Богоизбранности еврейского народа.

Дилетантизм весьма сроден ретроградству: как там, так и здесь лень и нежелание мыслить, сюда надо отнести экономический материализм и социализм, рациональное христианство и борьбу с культурой Л. Толстого [кричащей пошлости, этого «зачинщика» лишь <нрзб.> цыганского романса и оперетки]. Сюда же надо отнести и отвратительный, презрительного смеха достойный дилетантизм Шопенгауэра с его худо скрыт<ой> под маской уважения ненавистью к математическому естествознанию и методологической эмпирике, что делает его врагом величайшего естествоиспытателя-математика Ньютона, с которым полемизирует

смеха и жалости достойными дилетантскими измышлениями Гёте (теория цветов), но это ничто по сравнению с тою пакостью, с какой он выступает против победоносной теории микроорганизмов, возрождая Аристотелевские выдумки о *generatio aequivoca*¹³² и выдвигая против Пастера какого-то Пюше¹³³. Эта отвратительная болтовня совершенно компрометирует то здоровое, что высказано этим насквозь недобросовестным мыслителем.

Отвратительная дилетантская болтовня его делается совершенно невыносимой на стр. 376, 377, 379 II тома «Мир как воля и представление», пер<евод Н.М.> Соколова и прим. (*ibid.*, 383, 384).

«Источником этого зла (механического материализма. — В.И.) то, что при экспериментах значительная ручная работа изгоняет из практики теоретическую работу мышления; функции последнего должны принять на себя тигель и Вольтов столб. Отсюда возникает глубокое отвращение этих экспериментаторов ко всякой философии» (*ibid.*).

Отвращение это совершенно определено того же свойства, какое возникает у всякого честного труженика к болтовне бездельника. Но когда этот бездельник пытается, оседлав труженика, предписывать ему законы и вместо единственного уже достойного его труда — познания и овладения природой — требует от него нелепых и часто бессмысленных выходов в угоду своей теоретической позиции, тогда скажем ему «руки прочь» и намекнем, что он — паразит.

«Пес возвращается на блевотину» — по поводу самодовольства русских революционеров (соц<иалисты>-рев<олюционеры>).

Можно было бы сказать, что большевизм есть содержание русс<кой> рев<олюции>, а соц<иалисты>-рев<олюционеры> — его облик.

План работы «Сущность христианства». Две части. I. Христианство как религия и II. Христианство как мировоззрение (философия христианства).

«Массы не имеют содержания больше, чем каждый отдельный индивидуум. Этика имеет дело не с поступками и размышлениями, а с волею; воля же имеет место всегда только в индивидуумах... Народ — это отвлеченное понятие, действительно существует только индивидуум» (Шопенгауэр. Мир как воля и представление, т. II, перевод <Н.М.> Соколова, стр. 714).

Последнее надо исследовать и установить законы индивидуализации понятий.

¹ Вероятно, слово «стольпинской» В.Н. Ильин употребляет в переносном смысле, подразумевая свой путь из Киева в Одессу, а затем — в Стамбул (Константинополь). Сравнение связано с тем, что председатель Совета министров П.А. Столыпин был известен своей переселенческой политикой (переселением крестьян из европейской части России в Сибирь, в незаселенные районы).

² Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сон» (1841).

³ Из стихотворения И.И. Дмитриева «Чужеземное растение» (1826).

⁴ Один из главных персонажей романа «Кровь», который планировал написать В.Н. Ильин.

⁵ Подразумевается последний научный труд Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907) «К познанию России» (1906), в котором проанализированы результаты переписи населения 1897 г. в России, рассмотрены перспективы будущего развития страны.

⁶ «Le Journal d' Orient» («Газета Востока») — ежедневная газета на французском языке, выходила в Стамбуле в 1918–1924, 1926–1971 гг.

⁷ Речь идет об издании: Кузнецов К.А. Идея современного общества и государства. Одесса, 1919. В.Н. Ильин приводит цитату, которую правовед и музыковед Константин Алексеевич Кузнецов (1883–1953) взял из исследования Р.Ю. Вишпера «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма» (М., 1894. С. 130).

⁸ Всякий человек один (*лат.*).

⁹ Речь идет о брошюре «Китай или мы?» (Курск, 1904), на которую откликнулся В.Г. Короленко критической статьей «Курский проект устранения желтой опасности» (1904).

¹⁰ Мейербер Джакомо (Meyerbeer; 1791–1864), немецкий и французский композитор. Родился в Германии. С 1827 г. преимущественно жил в Париже, стоял у истоков жанра «Большой французской оперы». Автор знаменитых опер «Роберт-дьявол» (1831), «Гугеноты» (1836), «Пророк» (1849), «Африканка» (1865).

¹¹ Первые слова из стихотворения Дж. Байрона в переводе М.Ю. Лермонтова: «Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей! / Вот арфа золотая: / Пускай персты твои, промчавшись по ней, / Пробудят в струнах звуки рая».

¹² Издание уменьшенное и испорченное (*фр.*).

¹³ В дневнике отсутствует стихотворение, записанное В.Н. Ильиным (вероятно, на отдельном листке).

¹⁴ Так В.Н. Ильин называет большевиков по названию одного из мест их ссылки — села Шушенское (совр. Красноярский край).

¹⁵ Последние строки из стихотворения А.А. Фета «Муза» (1887).

¹⁶ Имеется в виду стихотворение А.В. Кольцова «Лес» (1837) и строки: «Где ж девалася / Речь высокая, / Сила гордая, / Доблесть царская?»

¹⁷ Пс. 140, 2.

¹⁸ Иезавель — жена израильского царя Ахава. Согласно Библии (IV Цар. IX), Иезавель выбросили из окна, а ее тело растерзали собаки.

¹⁹ В Библии (Чис. 16) повествуется о том, что во время странствия евреев по пустыне Корей, Дафан и Авирон восстали против Моисея и потребовали священства для себя. Бог наказал восставших: они были поглощены разверзшейся землей («...расселась земля под ними; и разверзла земля уста свои, и поглотила их и дома их, и всех людей Кореевых и все имущество» — Чис. 16, 31–32).

²⁰ Генерал Иван Павлович Романовский (1877–1920) был убит 5 апреля 1920 г. в здании русского посольства в Стамбуле (Константинополе) поручиком Мстиславом Харузиным, который считал генерала виновным в неудачах Добровольческой армии.

²¹ Сокращение, которое означает тональность ре-бемоль-мажор.

²² Служба «Двенадцати Евангелий» совершается в четверг, вечером, на Страстной неделе. Названа по числу отрывков из всех четырех Евангелий, которые читаются на богослужении и повествуют о страданиях и смерти Иисуса Христа.

²³ Тропарь из песнопений на церковной службе в субботу Страстной недели, в переводе с церковнославянского: «Благообразный Иосиф, сняв с креста Пречистое Твое Тело, обвинил плащаницей и благоуханиями умастив, положил в новом гробе».

²⁴ Цитата из Евангелия от Матфея, в переводе с церковнославянского: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил» (Мф. 27, 46).

²⁵ Из православного молитвослова, последние строки из молитвы святого Макария Великого, которая читается утром.

²⁶ Из библейской книги Исход, в переводе на русский язык: «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий» (Исх. 3, 14).

²⁷ Горе без конца (*нем.*).

²⁸ Так называемые (*фр.*).

²⁹ Тройной экстракт, эссенция (*фр.*).

³⁰ Пьеса Л.Н. Андреева «Черные маски» (1908) подверглась критике в печати за «непонятность», подчеркнутый символизм персонажей, отсутствие разграничения между реальным и воображаемым.

³¹ Роман «Сашка Жегулев» написан Л.Н. Андреевым в 1911 г., в описании главного героя, его жизни присутствуют мессианские и агиографические образы и мотивы.

³² Так в тексте дневника.

³³ Пьеса Максима Горького «Мещане» вышла в издательстве «Знание» в 1902 г. В.Н. Ильин с некоторой иронией помещает М. Горького в один ряд с классическими героями из произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского.

³⁴ Вероятно, в данном случае подразумевается стремление французского философа и социолога Огюста Конта (Comte; 1798–1857) создать светскую «позитивную религию» (позитивистскую церковь), главными идеями которой провозглашались культ всего человечества и организация общества на основе нравственной солидарности.

³⁵ Джордж Генри (George; 1839–1897), американский экономист, публицист. Создал учение, согласно которому земля должна принадлежать всем людям, а каждый человек может владеть только созданным им самим продуктом. В книге «Прогресс и бедность» («Progress and Poverty», 1879) предлагал ввести всеобщий земельный налог, чтобы уничтожить прибыль на основе земельной ренты.

³⁶ Искусство и наука (*лат.*).

³⁷ Из стихотворения В.Я. Брюсова «В горнем свете» (1918).

³⁸ Неточная цитата из оды Ф. Шиллера «К радости» («An die Freude», 1785). В оригинале: «Wollust ward dem Wurm gegeben, / Und der Cherub steht vor Gott» («Сладострастие дано червю, а Херувим стоит перед Богом», *нем.*).

³⁹ Пер Гюнт — главный герой одноименной пьесы Г. Ибсена (1867).

⁴⁰ Неточная цитата из пьесы Г. Ибсена «Бранд» (1865) в переводе А. и П. Ганзен: «Пляшите, но куда — вопрос печальный — / Вас пляска заведет в последний час?» (Действие первое).

⁴¹ В.Н. Ильин полностью цитирует стихотворение К.Д. Бальмонта «В моем саду» из сборника «Будем как солнце» (1903).

⁴² Пильц Александр Иванович (1870–1944), государственный деятель. В феврале 1920 г. эвакуировался из Одессы в Стамбул (Константинополь), где жил некоторое время. В июне 1920 г. прибыл в Крым, где при генерале П.Н. Врангеле исполнял обязанности начальника гражданского управления. С ноября 1920 г. в эмиграции, жил в Болгарии.

⁴³ Вокруг государственной игры (*нем.*).

⁴⁴ Агапеев Владимир Петрович (1876–1956), генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. С 1918 г. в Добровольческой армии. С августа 1919 г. представитель Вооруженных сил на Юге России при союзническом командовании в Стамбуле (Константинополе). После убийства генерала И.П. Романовского (см. выше примеч. 20) в апреле 1920 г. был уволен с должности. В эмиграции жил в Сербии, с 1942 г. — в Австрии, с 1948 г. — в Южной Америке (Чили, Аргентине).

⁴⁵ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944), филолог-классик, переводчик, историк культуры. До 1922 г. жил в России, профессор Петербургского (Петроградского) университета. С 1922 г. профессор Варшавского университета.

⁴⁶ Богданов Александр Александрович (1873–1928), революционный деятель, писатель, философ. Разработал идею «тектологии» (всеобщей организационной науки), концепции пролетарской культуры и пролетарского университета, которые противопоставлялись традиционному образованию, «буржуазной» культуре и науке.

⁴⁷ Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), обер-прокурор Святейшего синода в 1880–1905 гг., был для революционной интеллигенции воплощением зла и объектом особой ненависти.

⁴⁸ Район в европейской части Стамбула (современное название Бейоглу).

⁴⁹ В.Н. Ильин дает обобщенный образ «прогрессивной» интеллигенции, к которой, по его мнению, относятся литературовед Александр Николаевич Пыпин (1833–1904), театральные критик и журналист Всеволод Андреевич Чаговец (1877–1950), крестьянский поэт-самоучка Матвей Иванович Ожегов (1860–1934), пролетарский поэт Василий Дмитриевич Александровский (1897–1934). Какого Трубицына имел в виду В.Н. Ильин, установить не удалось.

⁵⁰ Речь идет о сонате для фортепиано № 1 (ор. 11) Роберта Шумана в тональности фадиез-минор (fis-moll).

⁵¹ Лешетицкий Теодор (Leszetycki; 1830–1915), польский пианист и композитор. В 1862–1878 гг. преподавал в Петербургской консерватории по классу фортепиано, затем жил в Вене.

⁵² Падеревский Игнаций Ян (Paderewski; 1860–1941), польский пианист и композитор. Ученик Т. Лешетицкого. Участвовал в политической жизни, с января 1919 по декабрь 1919 г. — премьер-министр и министр иностранных дел Польши.

⁵³ Строки из стихотворения И.А. Бунина «Одиночество» (1903).

⁵⁴ Фраза из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (Часть 3, глава «О старых и новых скрижалях»).

⁵⁵ Начало второго четверостишия из стихотворения Ф.И. Тютчева «Душа моя — Элизиум теней...» (1836). В.Н. Ильин допустил одну ошибку: вместо «тобою» написал «ею».

⁵⁶ Диотима — персонаж из диалога Платона «Пир», жрица из города Мантиней, у которой Сократ учился «философии любви» (учение об Эросе как средстве достигнуть блага и бессмертия).

⁵⁷ Из стихотворения С.Я. Надсона «Я вчера еще рад был отречься от счастья...» (1882): «Я твердил, что покуда на свете есть слезы / И покуда царит непроглядная мгла, / Бесконечно постыдны заботы и грезы / О тепле и довольстве родного угла».

⁵⁸ Тем самым (*лат.*).

⁵⁹ Вот так (*фр.*).

⁶⁰ <Только> слово, фраза (*фр.*).

⁶¹ Что они и делают (*лат.*).

⁶² Последние строки из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828): «Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв».

⁶³ Строки из стихотворения А.К. Толстого «Против течения» (1867): «Дружно гребите во имя прекрасного / Против течения!»

⁶⁴ Последние строки из стихотворения А.А. Фета «Оброчник» (1889).

⁶⁵ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...» (1832).

⁶⁶ Сборник А.А. Фета «Вечерние огни» вышел в четырех выпусках (1883–1891).

⁶⁷ «Мелодии» — раздел из 1-го выпуска сборника «Вечерние огни» (1883).

⁶⁸ Цитата из стихотворения А.А. Фета «Певице» (1857).

⁶⁹ Речь идет о брошюре: Ювенал. Отцы и дети большевизма. Константинополь, 1919. Согласно исследованию М. Шрубы, под псевдонимом Ювенал скрывался публицист и журналист Сергей Николаевич Дурасович (1878–1921), сотрудник газеты «Новое время»,

автор книги «Мировая угроза. Этапы русской революции» (Константинополь, 1921) (см.: [Шруба 2018]).

⁷⁰ Неустановленное лицо.

⁷¹ Неустановленное лицо.

⁷² Неточная цитата из стихотворения А.А. Фета «Все, все мое, что есть и прежде было...» (1887): «Блаженных грез душа не поделила: / Нет старческих и юношеских снов».

⁷³ См. выше примеч. 55.

⁷⁴ Прочь, непосвященные! (*лат.*). Фраза из «Энеиды» Вергилия, А.С. Пушкин взял ее эпиграфом к стихотворению «Поэт и толпа» (1828).

⁷⁵ Мф. 6, 21.

⁷⁶ Подлинное бытие есть (*греч.*).

⁷⁷ Из дневника неясно, о каком концерте идет речь (возможно, в дневник была вложена программа, которая утеряна).

⁷⁸ Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936), с 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий, в 1919–1920 гг. возглавлял Высшее церковное управление на Юге России.

⁷⁹ Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский; 1873–1965), с 1916 г. архиепископ Кишиневский и Хотинский, отстранен от должности Синодом Румынской Православной Церкви, в 1919 г. эмигрировал в Стамбул (Константинополь), в 1920–1924 гг. управляющий русскими приходами в Стамбуле (Константинополе).

⁸⁰ Антидор, части священного хлеба (просфоры), середина которого была употреблена для священнодействия, раздается верующим в конце православной литургии.

⁸¹ Вероятно, невольная ошибка В.Н. Ильина, и имеется в виду дворянский род Тушиных.

⁸² Указание на характер исполнения музыкального произведения: *andantino* (*итал.*) — немного скорее, чем спокойно (*andante*), *mosso* (*итал.*) — одушевленное, живое исполнение.

⁸³ Цитата из трагедии У. Шекспира «Макбет» (в переводе А.И. Кронеберга).

⁸⁴ Название первой части 7-й симфонии Л. Бетховена. Указание на характер исполнения музыкального произведения: *poco sostenuto* (*итал.*) — немного сдержанно.

⁸⁵ Противоречие в определении (*лат.*).

* Таким образом, здесь социализм — принцип не конститутивный, а регулятивный. — *Примеч. В.Н. Ильина.*

⁸⁷ Великое Существо (*фр.*). О культе человечества (*Grand Être*) см. примеч. 34.

⁸⁸ Публицист, социолог, литературовед, теоретик народничества Николай Константинович Михайловский (1842–1904) разработал субъективный метод в социологии, согласно которому исходный пункт исследования — не общество, а отдельная личность.

⁸⁹ Один из авторов сборника «Вехи» (1909), которого подразумевает В.Н. Ильин, — это С.Л. Франк, в статье «Этика нигилизма» он писал: «Интеллигенция любит только справедливое распределение богатства, но не самое богатство: скорее, она даже ненавидит и боится его. В ее душе любовь к бедным обращается в любовь к бедности. Она мечтает накормить всех бедных, но ее глубочайший неосознанный метафизический инстинкт противится насаждению в мире действительного богатства» [Вехи 1991, с. 190].

⁹⁰ Цитата из стихотворения А.А. Фета «Горная высь» (1886).

⁹¹ В.Н. Ильин, вступая в спор с Л.Н. Толстым, пишет главу с явной отсылкой к его роману «Воскресение», который начинается: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробирающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали дере-

вья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весною даже и в городе» [Толстой 1975, с. 7].

⁹² Неточная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862): «От ликующих, праздно болтающих, / Обагривших руки в крови / Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви!»

⁹³ Цитата из «Откровения» Иоанна Богослова (Откр. 10, 10).

⁹⁴ Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (1836): «О, бурь заснувших не буди — / Под ними хаос шевелится!»

⁹⁵ Совокупность преступников (*лат.*).

⁹⁶ Возможно, В.Н. Ильин подразумевает рецензии Д.И. Писарева на различные научно-популярные брошюры (преимущественно ученых-материалистов — Я. Молешотта, К. Фохта, Л. Бюхнера).

⁹⁷ Вторая строка из стихотворения А.А. Архангельского (псевдоним поэта А.А. Амосова, 1854–1915): «Мы жертвою пали борьбы роковой, / Любви беззаветной к народу». Написано в конце 1870-х — начале 1880-х гг., позднее текст стал основой революционной песни.

⁹⁸ Неточная цитата из стихотворения поэта В.В. Князева (1887–1937), вошедшего в его сборник «Красное Евангелие» (1918): «...чего жалеть рабов-солдат / С душою бескрылою и куцей — / Пусть гибнут сотнями, добрят / Поля грядущих революций».

⁹⁹ «14 пунктов Вудро Вильсона» — проект мирного договора, разработанный для завершения Первой мировой войны 28-м президентом США Вудро Вильсоном (Wilson; 1856–1924; годы президентства: 1913–1921) и представленный Конгрессу 8 января 1918 г., частично стал основой Версальского мирного договора 1919 г.

¹⁰⁰ *Ferula* (*лат.*) — розга.

¹⁰¹ Ежедневная газета «Киевская мысль» выходила в 1906–1918 гг., имела либерально-демократическое направление.

¹⁰² Ежедневная газета «Речь» выходила в 1906–1918 гг. в Санкт-Петербурге (Петрограде), фактически была органом конституционно-демократической партии, т. е. придерживалась умеренно либерального направления.

¹⁰³ Писатель Степан Тимофеевич Славутинский (1821–1884) сотрудничал с журналом «Современник», дружил и переписывался с Н.А. Добролюбовым.

¹⁰⁴ В.Н. Ильин имеет в виду статью Г.В. Плеханова «Сын доктора Стокмана» (1908) с разбором пьесы К. Гамсуна «У царских врат» и негативной характеристикой ее героя Ивара Карено («типичный реакционер»).

¹⁰⁵ Сокращенная цитата из стихотворения А.К. Толстого «Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинизме» (1872), последнее четверостишие полностью: «Брось же, Миша, устрашенья, / У науки нрав не робкий, / Не заткнешь ее теченья / Ты своей дрянною пробкой!»

¹⁰⁶ Человеческое животное (*фр.*).

¹⁰⁷ Очевидно, что история с похищением картин Рембрандта и К. Моне придумана журналистами газеты с пропагандистскими целями. О похищении картин из Эрмитажа в 1920 г. ничего неизвестно. Картины К. Моне находились в России в собрании С.И. Щукина, которое было национализировано в ноябре 1918 г. и передано в 1919 г. в «Первый музей новой западной живописи» в Москве (в Эрмитаже картины К. Моне в то время не выставлялись).

¹⁰⁸ Р. Вагнер написал квартет на темы из оперы Г. Доницетти «Фаворитка» (1840).

¹⁰⁹ Мк. 10, 25.

¹¹⁰ Святая простота (*лат.*).

¹¹¹ Вероятно, имеется в виду журналист Сергей Иванович Варшавский (1879–1945), который эмигрировал из России в 1920 г., прибыв из Севастополя в Стамбул (Константинополь), в дальнейшем жил в Праге.

¹¹² До конца (*лат.*).

¹¹³ См. выше примеч. 57.

¹¹⁴ Более роялистом, чем сам король (*фр.*).

¹¹⁵ Волей-неволей (*лат.*).

¹¹⁶ Переход в другой род, другую область (*греч.*) — одно из определений логической ошибки.

¹¹⁷ В.Н. Ильин перефразировал последние слова из стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Дурак» (1878): «Житье дуракам между трусами».

¹¹⁸ В дневнике воззвание отсутствует.

¹¹⁹ Разделяй и властвуй (*лат.*).

¹²⁰ Лоренцо, герцог ди Спадаро — главный герой пьесы Л.Н. Андреева «Черные маски» (1908).

¹²¹ В.Н. Ильин цитирует трагедию У. Шекспира «Гамлет» в переводе А.И. Кронеберга.

¹²² Тем самым (*лат.*).

¹²³ Первичной лжи (*греч.*).

¹²⁴ Король умер — да здравствует король! (*фр.*).

¹²⁵ Безмозглый (*лат.*).

¹²⁶ Жабья голова (*фр.*).

¹²⁷ Вы меня понимаете? (*фр.*).

¹²⁸ Действительно (*фр.*).

¹²⁹ Между нами, не так ли? (*фр.*).

¹³⁰ Эккерман Иоганн Петер (Eckermann; 1792–1854), немецкий поэт. Друг и секретарь И.В. Гёте. Автор трехтомного труда «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни, 1823–32» («Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens, 1823–32», 1836–1848).

¹³¹ В.Н. Ильин имеет в виду рассуждение Фауста над Евангелием от Иоанна: «Но после небольшого колебания / Я отклоняю это толкованье. / Я был опять, как вижу, с толку сбит: / “В начале было Дело”, — стих гласит» [Гёте 1982, с. 61].

¹³² Самозарождение (*лат.*). Во 2-м томе труда «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэр часто ссылался на Аристотеля, но его учение о самозарождении (возникновении живых существ из неживого вещества) он считал лишь «вероятным» и только на «самых низких ступенях» жизни (см.: [Шопенгауэр 1993, с. 358]).

¹³³ Французский химик и микробиолог Луи Пастер (Pasteur; 1822–1895) начал работать над проблемой самозарождения микроорганизмов и опровержением этой теории только в 1859 г. Его противником был французский врач, ботаник, зоолог Феликс Архимед Пуше (Rouchet; 1800–1872), упоминание о котором А. Шопенгауэр включил в третье, прижизненное издание 1859 г. «Мира как воли и представления», незадолго до своей смерти (1860): «Реальность *generatio aequivoca* и несостоятельность странного предположения, что в атмосфере повсюду и всегда парят миллионы зародышей всевозможных грибков и яиц всевозможных инфузорий, пока некоторые из них случайно не найдут подходящую среду, совсем недавно (1859) убедительно и успешно показал Пуше во французской академии к большой досаде остальных ее членов» (цит. по: [Там же, с. 359]).

ИЗ ПРАГИ В БЕЙРУТ: ПИСЬМО ГЕОРГИЯ СЕРОВА БРАТУ АЛЕКСАНДРУ (9 ОКТЯБРЯ 1923 г.)

Публикация и вступительная статья Г.А. Серова и Т.В. Бахер

Октябрьский переворот навсегда разлучил двух братьев, сыновей живописца В.А. Серова (1865–1911), известных нам по картине «Дети» (1899) [Климова 2016]. Обнаруженное в бейрутском доме Серовых небольшое, очень теплое письмо пронизано любовью и грустью. Мальчики с картины никогда больше не увидятся. 24 сентября 1929 г. Георгий (Юрий) Серов умрет во время репетиции на сцене парижского театра. Александр Серов переживет брата на тридцать лет и будет предан земле на православном кладбище Успения Пресвятой Богородицы в Бейруте.

* * *

Георгий (Юрий) Валентинович Серов (1894–1929) — актер театра и кино, театральный режиссер.

В 1915 г. он стал членом Студенческой драматической студии Е.Б. Вахтангова (Мансуровской), которую покинул весной 1919 г. и был принят в Первую студию Художественного театра. Будучи хорошим художником, совмещал актерскую работу с заведованием постановочной частью Первой студии МХТ, славился мастерством наложения театрального грима. В 1922 г. во время европейских гастролей Первой студии МХТ Георгий Серов и его супруга, актриса Ольга Пыжова (1894–1972), тяжело заболевшая, отстали от труппы в Ревеле. 13 июля труппа отправилась в Берлин, супруги надеялись присоединиться к ней в Праге. Газета «Жизнь» от 13 июля 1922 г. писала:

К сожалению, поездка студии омрачена болезнью артистки О.И. Пыжовой, заболевшей брюшным тифом и вынужденной, таким образом, остаться

*В.А. Серов. Дети. Саша и Юра Серовы.
1899 г. Холст, масло. Русский музей,
Санкт-Петербург, Россия*

со своим мужем артистом Г.В. Серовым в Ревеле до выздоровления. Они надеются соединиться с труппой в Праге [Егошина 2014, с. 287].

Серьезность положения описывала актриса С.В. Гиацинтова:

Хорошее настроение было испорчено болезнью Ольги Пыжовой. С ней случилось что-то вроде перитонита. Сначала врачи не знали диагноза, и почти умирающую, страдающую невыносимо, мы оставили ее с мужем в Ревеле, а сами поехали дальше — выхода не было. Уже в Берлине узнали, что Ольге сделали операцию, она спасена, — и облегченно вздохнули [Гиацинтова 1989, с. 211].

*Георгий Валентинович Серов. 1920-е гг.
Семейный архив
Г.А. Серова в Бейруте*

Фраза в письме Георгия: «Жена моя сейчас в Париже, где играет с Худ<ожественным> Театром. Она у них там в премьершах и после болезни это первое ее выступление» — дает возможность уточнить, что Ольга Пыжова к осени 1923 г. уже присоединилась к труппе МХТ и принимала участие в парижских гастроях театра. Во втором гастрольном сезоне Художественного театра в Америке (ноябрь 1923 — май 1924) [Ковалев 2014] она с успехом сыграла в спектаклях Варю в «Вишневом саде» и Мирандолину в пьесе «Хозяйка гостиницы» [Ольга Пыжова]. Ольга Ивановна Пыжова вернулась в Россию, играла в театре и кино, пробовала себя в режиссуре, стала прославленным театральным педагогом.

В одной из публикаций приводятся слова Михаила Чехова от 30 июля 1923 г. о возвращении артистов после гастролей в Москву: «С Серовым вообще не было разговора» (цит. по: [Сомина 1995]). О причинах, побудивших Георгия Серова остаться за границей, доподлинно ничего не известно. В октябре 1923 г. Г. Серов пишет брату: «Через год думаю вернуться в Россию». Можно предположить, что отложить возвращение на родину заставила работа, которая становилась все более насыщенной: Георгий Серов участвует в спектаклях Пражской группы МХТ (Ежевикин в «Селе Степанчиково», Епиходов в «Вишневом саде», Африкан Савич Коршунов в «Бедности не порок», Бритен в «Битве жизни»). В 1924 г. актер снялся в своем, по нашим сведениям, первом фильме — «Власть тьмы» по мотивам пьесы Льва Толстого у режиссера Конрада Вине (Wiene). Всего известно о семи киноработах Г.В. Серова: «Die Macht der Finsternis» («Власть тьмы», Германия, 1924), «Maldone» («Малдон», Франция, 1928), «Wolga Wolga» («Волга-Волга», Германия, 1928), «Der Adjutant des Zaren» («Царский адъютант», Германия, 1929), «Aufbruch des Blutes» («Зов крови», Германия-Чехословакия, 1929), «Der Hund von Baskerville» («Собака Баскервилей», Германия, 1929), «Der weiße Teufel» («Белый дьявол», Германия, 1930). В 1925 г. в качестве режиссера Георгий Серов поставил «Ревизора» в Театре на Виноградах в Праге. Имя актера Серова упоминается среди участников Пражской группы МХТ, приехавших в Париж летом 1926 г. Журнал «Иллюстрированная Россия» писал о многочисленных гастроях театра:

После блестящего турне по Германии, Чехии, Венгрии, Австрии и по балканским странам пражская группа Московск<ого> Худож<ественного> Театра приехала на ряд спектаклей в Париж. Гастроли труппы продлятся с 2-го по 12-ое июня в театре «Ателье»-Монмартр [К гастролям... 1926].

К этому времени, вероятно, относится знакомство Г.В. Серова с основателем и руководителем театра «Ателье» актером и режиссером Шарлем Дюлленом (Dullin). В 1927 г. Георгий Серов становится актером театра «Ателье». Через два года на сцене этого театра он умрет, репетируя роль Корбаччио в пьесе «Вольпоне».

К сожалению, обстоятельства не позволяют нам ознакомиться с документами Г.В. Серова, хранящимися в РГАЛИ, которые могли бы внести точность в описание творческой деятельности артиста. Отметим только, что, судя по аннотации, в которой упоминаются в том числе 46 рисунков — «эскизы костюмов и декораций к спектаклям Пражского драматического театра и Парижского театра «Ателье»»¹, — в 1920-е гг. Георгий Серов активнейшим образом занимался художественным оформлением спектаклей.

* * *

Александр Валентинович Серов (1891–1959), один из первых русских гидроавиаторов, студент императорского Санкт-Петербургского политехнического института, подпоручик, выпускник и инструктор Санкт-Петербургской и Бакинской авиационных школ (1916), в 1919 г. перешел на сторону белых, служил в Славяно-Британском авиационном корпусе. После эвакуации из Архангельска оказался в Новороссийске, откуда началась его эмиграция, окончившаяся в Бейруте, где он, обладая обширными инженерными знаниями, много сделал для развития гидрографии и кораблестроения в подмандатной Франции Сирии и независимой Ливанской Республике.

Георгий Серов, судя по всему, получил бейрутский адрес брата от матери, Ольги Федоровны: «Мама мне писала, что Лиза с Танюшей уехали к тебе. Наверное уже вы встретились»². Но как же долго и какими окольными путями шли письма! Георгий из Праги отправил письмо брату в Бейрут в октябре 1923 г., но когда оно дошло до адресата? Летом 1924 г. Александр из Дамаска пишет письмо матери в Финляндию. В нем он

*Александр Валентинович Серов.
Бейрут, конец 1920-х гг.
Семейный архив Г.А. Серова
в Бейруте*

¹ РГАЛИ. Серов Георгий Валентинович (1897–1929) — артист. Ф. 2726. Ед. хр. 28. Дата: 1917–1929 // <https://rgali.ru/obj/10468871> (дата обращения 01.02.2021).

² Лиза — жена А.В. Серова Елизавета Федоровна (урожд. Гейченко; 1890–1967); Танюша — их дочь. Приехали в Ливан летом 1923 г.

*Александр Валентинович Серов.
Бейрут, конец 1920-х гг.
Семейный архив Г.А. Серова
в Бейруте*

*Фотография Георгия Валентиновича
Серова с дарственной надписью «Моему
брату на добрую память».
Семейный архив Г.А. Серова в Бейруте*

обращается с просьбой: «Пришли мне адреса Миши и Юры, а то не <знаю?> куда им писать»³.

К письму Георгия была приложена фотография с надписью: «Моему брату на добрую память». В серовском доме в Бейруте хранятся еще ряд студийных и бытовых фотографий Георгия Серова, вырезки из газет. Вероятно, переписка братьев продолжалась до смерти Георгия. Но письмо сохранилось только одно, самое первое, после того как братья оказались за пределами России.

Напиши мне подробно о себе, и неужели мы еще долго не увидимся, как бы хотелось повидаться и посмотреть друг на друга. <...> Напиши мне поскорей. Дай Бог тебе всякого успеха. Целую крепко. Твой Юра.

³ Фонд Серова. Материалы Александра Валентиновича Серова (1892–1962), [1891–1959]. Открытое письмо Ольге Федоровне Серовой. Из Дамаска в Финляндию. Изображение — фотография Александра Валентиновича Серова с теодолитом летом 1924 г. // <http://fondserova.ru/wp-content/uploads/2020/08/1-2.jpg> (дата обращения: 01.02.2021).

Источники и литература

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Гиацинтова 1989 — Гиацинтова С.В. С памятью наедине / лит. запись Н.Э. Альтман, предисл. С.В. Образцова, послесл. К.Л. Рудницкого. 2-е изд. М.: Искусство, 1989. 543 с.

Егошина 2014 — Егошина О. Хроника гастролей первой студии МХАТ 1922 года // Вопросы театра. 2014. № 1/2 (вып. XV). С. 280–296.

К гастролям Пражской группы Московского Художественного Театра в Париже // Иллюстрированная Россия. 1926. Май. № 22 (55). С. 9.

Климова 2016 — Климова Т. До и после 1917. Судьбы героев портретов Серова. Послесловие к выставке. АЛЕКСАНДР И ГЕОРГИЙ СЕРОВЫ. URL: <https://www.domrz.ru/upload/iblock/e20/e203a96ab6919bfcc7d0a6505ec97580.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Года. 1923.

Милый мой Саша!

Напиши мне о себе. Я сейчас с театром в Праге и проведу здесь почти с неделей под с театром.

Мама мне писала, что была с танцами уехала к тебе. Наверное уже вы встретились. Как давно мы не виделись! Не собираешься ли в Европу? Чтобы мамочка о тебе писала тебе свою фотографию, в замке.

Очень бы хотел видеть твоего. Жена моя сейчас в Париже где играет с Оуд. театром. Она у них там в примерщик и после болозми это первое ее выступление. Напиши мне подробно о себе и кучером мое еще долго не увидишь, как бы хотелось познакомиться и познакомиться друг на друга. Я все время в

Года. 1923.

Милый мой Саша!

Напиши мне о себе. Я сейчас с театром в Праге и проведу здесь почти с неделей под с театром.

Мама мне писала, что была с танцами уехала к тебе. Наверное уже вы встретились. Как давно мы не виделись! Не собираешься ли в Европу? Чтобы мамочка о тебе писала тебе свою фотографию, в замке.

Люба всего, всего хорошего поклонись от меня Любе и девочку поцелуй

Напиши мне поскорей

Дай Бог тебе всякого успеха

Удачи крепко

Твой Гора

Письмо Георгия Валентиновича Серова брату Александру Валентиновичу Серову из Праги в Бейрут. 9 октября 1923 г. Семейный архив Г.А. Серова в Бейруте

Ковалев 2014 — *Ковалев Е.С.* Американские гастроли МХТ 1923–1924 годов и их воздействие на американскую актерскую школу // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13324> (дата обращения: 01.02.2021).

Ольга Пыжова — Ольга Пыжова. Биография на сайте «Кино-театр.ру». URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/acter/w/sov/3537/bio/> (дата обращения 01.02.2021).

Сомина 1995 — *Сомина В.* «В Праге ли, в Париже ли мы повсюду выжили...» (О Георгии Серове и Григории Хмаре). URL: <http://madan.org.il/ru/groups/v-prage-li-v-parizhe-li-my-povsyudu-vyzhili-o-georgii-serove-i-grigorii-hmare> (дата обращения: 01.02.2021).

ПИСЬМО ГЕОРГИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА СЕРОВА
БРАТУ АЛЕКСАНДРУ ВАЛЕНТИНОВИЧУ СЕРОВУ
ИЗ ПРАГИ В БЕЙРУТ,
9 ОКТЯБРЯ 1923 г.

9 окт<ября> 1923 г<ода>

Милый мой Саша!

Напиши мне о себе. Я сейчас с театром в Праге и пробуду здесь почти с целый год с театром.

Мама мне писала, что Лиза с Танюшей уехали к тебе. Наверное уже вы встретились. Как давно мы не видались! Не собираешься ли в Европу?

Чтобы напомнить о себе, посылаю тебе свою фотографию, взамен очень бы хотел иметь твою.

Жена моя сейчас в Париже, где играет с Худ<ожественным> Театром. Она у них там в премьершах и после болезни это первое ее выступление. Напиши мне подробно о себе, и неужели мы еще долго не увидимся, как бы хотелось повидаться и посмотреть друг на друга. Я все время в разъездах. Был во многих городах Европы, где играл с театром. Да, заделался актером настоящим! Через год думаю вернуться в Россию. А сейчас буду пока жить в Праге, где репетирую с театром. Прага будет нашей базой, пиши по адресу

Tschechoslovakie Praga II
Vinogradski Divadlo
Georg Seroff.

Пока всего, всего хорошего, поклонись от меня Лизе и девочку поцелуй.

Напиши мне поскорей.

Дай Бог тебе всякого успеха.

Целую крепко

Твой Юра

«ЧТО МЫ КАК-ТО ЕЩЕ ОСТАЛИСЬ НЕЗАТРОНУТЫМИ —
ПРОСТО ЧУДО»:

ПИСЬМА Д.И. ЧИЖЕВСКОГО К А.Л. БЕМУ 1944 г.

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии А.А. Бабикова*

Памяти Олега Коростелева

Настоящая работа представляет собой продолжение публикации писем Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977) к Альфреду Людвиговичу Бему (1886–1945?), хранящихся в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге. Десять писем Чижевского к Бему 1942–1943 гг., сопровождаемые нашим введением о научных занятиях, обстоятельствах жизни и переписки двух ученых в годы Второй мировой войны, опубликованы в предыдущем выпуске «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» ([Чижевский 2020]).

Письма 1942–1943 гг. посвящены главным образом вопросам подготовки и публикации Чижевским исследований по истории украинской литературы, русской литературы и сравнительной истории славянских литератур. В публикуемой здесь последней части писем к Бему Чижевский подробно рассказывает о своих архивных находках, продолжении комениологических изысканий и новых научных проектах: книге о Гоголе, работе о ранних произведениях Достоевского, составлении коллекции рисунков славянских писателей.

На первый взгляд может показаться, что образ жизни и занятий Чижевского в 1944 г. мало изменился в сравнении с предыдущими годами: он все так же обстоятельно пишет из Галле в Прагу своему старому другу об учениках, семинарах, редких встречах с коллегами, архивных находках, бытовых и академических невзгодах, все так же вынужденно сдержан в оценках происходящего. Однако внутренне в 1944 г. изменилось многое — Чижевский ждал скорого краха нацистской Германии, который он точно предсказал еще в начале Второй мировой войны. В письмах 1944 г. заметно предчувствие близящихся перемен в его личной и в университетской жизни, ожидание освобождения от многолетнего надзора гестапо, встречи с женой и дочерью, посещения коллег и научных центров в других странах. В декабре 1944 г. он писал Бему: «Как видите, и мне не о чем новом писать. Все — или старое, или планы и предположения о будущем». В этом году Чижевский практически лишился даже тех небольших возможностей опубликовать свои работы, которые еще имел в 1940–1943 гг. Увидела свет лишь задержавшаяся в печати третья часть «Украинского литературного барокко» (1944).

В письме к Ф.А. Степуно от 26 октября 1944 г. Чижевский следующим образом метафорически обрисовал положение, в котором оказались ученые в Европе, и в первую очередь русские эмигранты: «...мы все сидим на небольших скалах среди волнующегося моря, — и если упасть со скалы в море, то Бог его знает, куда оно

нас выбросит, во всяком случае, вряд ли на ту же самую скалу... Пока я держусь на скале» [Чижевский 2014, с. 736–737].

Предчувствие его не обмануло: с июня 1945 г., когда он, оставив свою ценную библиотеку, корреспонденцию и множество рукописей, спешно переехал в Марбург, в его жизни начался десятилетний период неустроенности и безуспешных поисков постоянного академического места, который закончился лишь в 1956 г., когда Чижевский получил приглашение Гейдельбергского университета возглавить Институт славистики.

Последнее письмо Чижевского в архиве Бема датировано 27 декабря 1944 г. Мы не знаем, был ли получен на него ответ, старался ли Чижевский узнать о судьбе своего друга и коллеги, который бесследно исчез 16 мая 1945 г. Косвенное подтверждение тому, что он не оставлял попыток сноситься с Прагой, содержится в письме Чижевского к Степуну от 18 февраля 1945 г.: «Сейчас как-то отрезан от всех. Письма ходят плохо: Ваше — замечательное исключение, а то даже из Берлина получаю письма через 5–6 дней. <...> Из Праги тоже ничего не слышно. <...> Так что “перекликающихся голосов” все меньше» [Чижевский 2014, с. 744].

Все публикуемые письма машинописные, по новой орфографии, с чернильными и карандашными рукописными вставками, подчеркиваниями и исправлениями. Написание дат, сокращений (с точкой или без) не унифицируется. Письма печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Конъектуры даны в угловых скобках.

Источники и литература

LA PNP — Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze (Литературный архив Музея национальной письменности в Праге). Фонд А.Л. Бема (№ 34/43).

Чижевский 2007 — *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь. 848 с.

Чижевский 2014 — «Если уж чистая философия слишком обременительна, то, м.б., лучше печатать серьезные историко-литературные статьи»: Д.И. Чижевский / публ., вступ. ст., примеч. В.В. Янцена // *Современные записки (1920–1940)*. Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: НЛО, 2014. Т. 4. С. 709–744.

Чижевский 2020 — «...Там, вероятно, будут спорить и украинцы, и русские»: Д.И. Чижевский в работе над историей украинской и русской литературы. Письма Д.И. Чижевского к А.Л. Бему 1942–1943 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.А. Бабинова // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына* / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2020. С. 221–263.

1

Галле — Прага

18.4.1944

Христос воскрес!

Дорогой Альфред Людвигович!

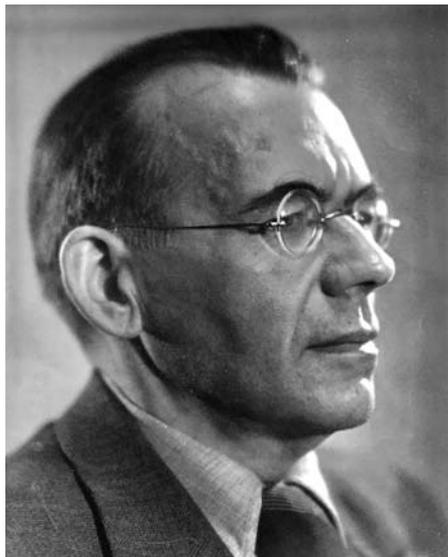
Мои наилучшие (*sic!*) поздравления и пожелания ко дню Воскресения Христова! Очень рад был именно в воскресенье получившемуся Вашему письму.

Интересна Ваша работа о «луковке». Надеюсь, скоро выйдет. Писал ли или говорил я Вам, что есть сходный мотив в стихотворном катехизисе Бриделя¹ (переизданном Вашицей²). Мотив, впрочем, встречающийся и в средневековой литературе (кажется, есть что-то в одной из работ Весельского (пражского, покойного)). Интересна и Ваша хрестоматия. Будет ли она печататься и для кого предназначается? Для нас тут всякая литература, не слишком трудная, которую можно достать, — просто спасение.

Здесь, впрочем, для рабочих и даже военнопленных печатается русская литература в довольно широких размерах (мне в руки попали два тома Гоголя, «Дым» Тургенева, избранные рассказы Лескова — и даже Аверченко и т. п.), но получать ее очень трудно. Перепечатывается все это довольно дилетантски, с опечатками (старыми, новых мало) и т. п.

Третий выпуск моей книги об укр.<аинской> барочной поэзии печатается (найден в цензуре, где почти год он был «утерян»)³. Зато оба выпуска ист.<ории> укр.<аинской> литературы, написанные в прошлом году, кажется, никогда не выйдут ввиду стесненного положения издателя. Сейчас начинаю писать книгу о Гоголе, которую хочу кончить в течение лета⁴. Коменского копию рукописи почти целиком уже переправил в Прагу: корректура по рукописи отнимает много времени и очень малоинтересна, так как приходится следить глазами за лат.<инским> текстом, не входя в его содержание⁵. Кроме того, есть мелочи для Фасмера; сейчас собираюсь писать статью для небольшого сборника, который, вероятно, выйдет к 60-летию Вашицы. А кроме того, набрался материал к теме «мир как книга» (из славян Штитный, Коменский, Бридель, Небеский, Неруда, Скворода). В прошлом семестре слушатели лекций и курсов были, но в семинаре как-то шла работа довольно вяло. В летнем — на этой неделе начинающемся — семестре читаю о Гоголе (2 часа) и пр<о>должаю курс чешской лит.<ературы> (1 час), в семинаре будем заниматься Тютчевым. Но будут ли студенты, кроме 2–3 местных жителей и словацкого студента, побывавшего у Вас (он все же приезжает сюда на днях), не знаю. Банский (словак), действительно, очень мил. Здесь ему мешает еще плохое знание нем.<ецкого> языка: т. е. мешает в таких случаях, как рефераты и т. п. Работал он пока над кое-каким архивным материалом, но хотелось бы дать ему работу более содержательную. Надеюсь получить через него привет от Лосского. Из Словакии получаю книги, но письма — очень редко.

Здесь последнее время жил В.В. Леонтович, ездивший для чтения лекций в Берлин — настоящий подвиг, по-моему. Вероятно, будет также продолжать и в этом семестре. Жду его не сегодня-завтра (живет он у одного из наших богословов)⁶. О смерти Струве⁷ еще не слышал. О болезни Прокоповича⁸ также. Гергард⁹

*Д.И. Чижевский. Галле. 1944.
Архив А.Л. Бема. Прага*

был, проездом в Грецию (как переводчик), в Белграде и встретился с Соловьевым¹⁰, от которого привез кое-что новое. Но там никто не работает, не говоря уже о печатании. О переездах в Прагу слышал. От Степуна давно ничего не имел: он на Пасху должен был вернуться в Дрезден. Получил привет — через одного русского инженера — от В.В. Зеньковского. Но все это (кроме Соловьева) — только приветы, а как кому живется, об этом здесь и не слышно. Даже и немецкие друзья начинают исчезать из поля зрения, несмотря на то, что живут часто в нескольких часах езды (или жили — напр.<имер,> в Берлине). Об Иванове-Разумнике кто-то мне сообщал, что у него есть продажные рукописи (или автографы). Если он в продаже их заинтересован, то я, кажется, сейчас мог бы этому посодействовать, имея знакомого собирателя.

Квартира Фасмера действительно сгорела — об этом Вы знаете, — но библиотека сгорела не вся; к сожалению, сгорела и часть его рукописей — их-то ему прежде всего следовало бы устроить вне Берлина. Впрочем, упрекая в этом Фасмера, я также почти ничего не устроил вне города — это и нелегко и так мешает работе, что лучше уж пожить последнее время в нормальных условиях, чем наперед разрушать самому всякую возможность как-то — пока есть случай — «двигаться дальше». Библиотеки не высылают книг (некоторые вывезли все свои запасы целиком — напр.<имер> Берлинская, некоторые, впрочем, неважные, — сгорели), наша библиотека постаралась спрятать целые отделы — часть их еще доступна в семинарах, конечно, — далеко не все, но, напр.<имер,> исчезновение журналов — почти всех — потеря для работы чрезвычайно тяжелая. Впрочем, у меня готового материала наберется еще на несколько месяцев, а м.<ожет> б.<ыть>, и на один-два года.

Недавно нашел греческую легенду (житие), которая во всяком случае сильно повлияла на житие Исаакия (в летописи и Печ.<ерском> патерике). На нее как-то никто не обратил внимания: между тем она входила в состав патерика, переведенного и по-славянски (им, впрочем, кажется, занимался ван Вейк¹¹, но не успел — если обратил на это сходство внимание — о этом напечатать).

Сейчас здесь предстоит некоторое передвижение славистов. Уход Геземанна¹² и переход фон Арнима из Граца в Вену¹³ требует заместителей, а их вовсе уже нет! Вымерли...

Пасху отпраздновал сравнительно скромно. Три яйца удалось все же выкрасть, но, напр.<имер,> о сырной пасхе, которую еще два года тому назад с огромным успехом изготовил по собственной инициативе один мой ученик из Иены, и думать не приходится. У немцев праздники прошли тоже малозаметно. Были,

правда, в гостях в отпуску старые знакомые, напр.<имер> Гергардт и один ученик, живущий теперь в Ревеле. В связи с приездом Гергардта была замечательная домашняя музыка (он прекрасный гобоист, следовательно, для старинной музыки незаменим). Но почти каждый день и часто и ночью — тревоги¹⁴. Днем особенно неприятны, так как часто мешают пообедать.

Из Праги почти ничего не слышу. Только кое-кто из чехов пишет иногда. Надеюсь, что удастся получить «Новые вехи»¹⁵, если они выйдут (в Варшаве был затеян подобный же укр.<аинский> журнал, от участия в котором я отказался — конечно, он вовсе и не вышел). Такой случайности связей с друзьями и знакомыми еще никогда не переживал.

Один наш студент, занимающийся в фотогр.<афическом> институте фотографией, почему-то выбрал меня моделью для своих пробных (в известном смысле «экзаменационных») снимков. Поэтому у меня оказалось значительное количество прекрасных снимков, из которых один позволяю себе послать Вам. Снят он в январе.

Сердечный привет и наилучшие (*sic!*) пожелания от Вашего

Дмитрия Чижевского

¹ Бридел Бедржих (Bridel; 1619–1680) — чешский прозаик и поэт-мистик, переводчик, католический миссионер. В это время Чижевский готовил к публикации статью о Бриделе (Ke komposici Bridelovy básně *Co Bůh? Člověk? // Akord*. 1943–1944. № 11. S. 364–374).

² См.: [Чижевский 2020, примеч. 45 к письму 2].

³ Имеется в виду следующее издание: *Чижевський Д.* Український літературний барок. Нариси. Частина третя. Прага, 1944.

⁴ См.: [Чижевский 2020, примеч. 18 к письму 2].

⁵ См.: [Там же, примеч. 15 к письму 2].

⁶ Леонтович Виктор Владимирович (1902–1959) — историк, правовед, специалист по церковному праву, автор книги «История либерализма в России (1762–1914)», выпускник Русского юридического факультета в Праге. В письме от 9 января 1943 г. к Ф.А. Степуну Чижевский упомянул Леонтовича: «Сейчас сидит у меня Леонтович, переехавший из Берлина в Галле (и ездящий на лекции в Берлин); живет он не у меня, а у проф. Вольфа (богослова) и просит Вам кланяться» [Чижевский 2014, с. 730].

⁷ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, социолог и философ.

⁸ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) — экономист, политический деятель, автор множества трудов по экономике. В 1922 г. в Берлине учредил Экономический кабинет, который с 1924 г. работал в Праге. В 1938 г. Прокопович переехал в Швейцарию.

⁹ Герхардт Дитрих (см.: [Чижевский 2020, примеч. 2 к письму 2]).

¹⁰ См.: [Там же, примеч. 27 к письму 2].

¹¹ Вейк Николас (Николай Васильевич) ван (Wijk; 1880–1941) — голландский филолог-славист, профессор Лейденского университета, с 1928 г. иностранный член-корреспондент Академии наук СССР.

¹² В 1941 г. Герхард Геземан занял должность директора пражского Славянского института ([Чижевский 2020, примеч. 5 к письму 3]).

¹³ Арним Бернд Дитрих Ханс фон (Arnim; 1899–1946) — немецкий славист, с 1941 г. заведующий кафедрой славянской филологии в университете Граца, с 1944 г. заведующий кафедрой болгарского языка в Венском университете.

¹⁴ Имеются в виду воздушные тревоги.

¹⁵ «Новые вехи. Орган свободной русской мысли» — выходивший в Праге сборник статей по вопросам философии, социологии, экономики и политики. Вышли: Кн. 1 (1944) и Кн. 2 (1945).

2

Галле – Прага

7.5.44

Дорогой Альфред Людвигович!

Спасибо за письмо. Мое здоровье поправляется постепенно. Но я, собственно, ни на один день не прерывал ни лекций, ни хождения в город. Расшибся я все же чрезвычайно удачно... Надеюсь, что никаких последствий не будет. Чему приписать обморок, сказать трудно: во всяком случае, вряд ли недоеданию, так как случился он после довольно обильного ужина¹.

Банский приехал сюда и очень сожалел, что по дорог<е> в Галле не мог остаться в Праге дольше (он запоздал по болезни) и посетить Вас лично.

Сборник в честь Вашицы должен быть всего-навсего номером Брненского «Акorda» (вероятно, двойным)². Места они дают очень мало. Но, вероятно, всякой статье будут рады и могут ведь поместить ее, если нужно, и в след.<ующем> номере. Списывался я с Я. Заградничком (поэтом)³.

Бургардт, кажется, собирается переходить в Гёттинген⁴. Вообще в славистике кризис. Нет кандидатов на освобождающиеся места — или кандидаты слишком уж слабые.

Семестр уже пошел более или менее полным ходом. На лекциях неожиданно «много» (по нынешним временам) слушателей, т. е. 5 и 7 чел.<овек>, но в семинаре н<и>кого почти не осталось.

Сердечные приветы и наилучшие (*sic!*) пожелания Вам и всем Вашим.

Жму руку

Ваш Дмитрий Чижевский

¹ О своем падении из окна (балкона) второго этажа Чижевский рассказывал ученикам с различными колоритными подробностями ([Чижевский 2007, с. 609]).

² Журнал «Akord» (1928–1944; 1945–1948) — культурно-каатолический, позже в основном литературный ежемесячник, выходивший под редакцией Ярослава Дурича и Яна Заградничка. Изначально издавался в Праге, с 1934 г. — в Брно. В июне 1944 г. власти протектората прекратили выпуск журнала.

³ Заградничек Ян (Zahradníček; 1905–1960) — чешский поэт, редактор журнала «Akord».

⁴ См.: [Чижевский 2020, примеч. 19 к письму 2].

3

Галле – Прага

7.7.44

Дорогой Альфред Людвигович!

И мои перспективы печатания не такие розовые: оба тома ист.<ории> лит.<ературы> (которые мне кой-чем нравятся — между тем как я далеко не все-

ми своими работами доволен) лежат в цензуре и когда ее пройдут, неизвестно. Печатать удастся только мелочи (кое-что набирается у Фасмера¹, была корректура статьи в сборник Вашице). Фасмера последняя тетрадь вышла, но почти целиком сгорела в Лейпциге, так что ее получили, кажется, только заграничные библиотеки: сюда она не пришла, сам Фасмер ее не получил, оттиски получили только некоторые из авторов. Но Ф.<асмер>, не унывая, печатает дальше: набирается довольно быстро. Мне там удалось поместить главным образом несколько мелочей.

Из лекций о Гоголе (2 недельных часа при 7–8 слушателях) пока книги еще не получилось. Писалось плохо. В след.<ующем> семестре собираюсь читать — в том же масштабе — о Достоевском, — тогда надеюсь кончить кое-что из давно начатого — в частности, статью о Гофманне (*sic!*) и Достоевском.

Очень было бы интересно видеть Вашу хрестоматию. У меня в этом семестре, несмотря на недостаток текстов, кое-что читать еще можно, но студентов старших слишком мало: читаем Тютчева с 3-мя чел.<овеками> и памятники 13 в. (галицко-волынскую летопись, повесть о Евпатии Коловрате, житие Александра Невского, проповеди Серрапиона) с 2-мя (!) чел.<овеками>. А дальше текстов и совсем не будет.

У Вас ведь есть мои оба первых обзора пушкинской литературы? Третий в наборе, но из него пока выпущено кое-что интересное, что войдет в 4-ый².

Мне на каникулах, очевидно, никуда не удастся выехать. Мо<ж>но ли будет отдохнуть здесь — вопрос. Беспокойств больших пока нет. Да, кстати, сейчас и в деревне не очень спокойно.

Хотелось бы устроить (вероятно, у Фасмера) хоть некоторые главы интересной диссертации одного моего ученика о Лескове — о богословских темах у Лескова: работа почти кончена, — во всяком случае, окончательно обработаны некоторые типы и темы³. Будет еще об этом читать в семинаре. В семинаре живее — бывает человек 10–15. Последний доклад был о рисунках (!! Карла Чапека. Обсуждение тем, связанных с периодизацией ист.<ории> лит.<ературы>, мне многое самому уяснило, хотя остается еще очень неясный вопрос о реализме. Во всяком случае, для собственных исторических работ я приобрел из этих бесед довольно много.

Новых книг и журналов почти что нет, а старых достать нельзя. Правда, есть что перечитывать и даже читать, что есть в руках. Вероятно, после конца семестра (12 авг. <уста>) возьмусь снова вплотную за Коменского, которого бóльшая часть уже в Праге.

Из земляков и знакомых старого времени пока не появлялся здесь никто. Кроме — впрочем, мне в Киеве еще незнакомого — Геппенера⁴, который — письменно — мог сообщить мне кое-что о Киеве, в частности о Маслове С.И.⁵

Иногда удается кое-что еще в сохран<я>ющихся на поверхности архивах находить — недавно 6 писем Лейбница в списках 17 в. (т. е. современных). Но не удастся пока установить, известны ли они уже или нет, — нового издания Лейбница уже нельзя нигде получить. Пишу о справках в разные города и жду пока ответа.

Пока — всего лучшего Вам и Вашим! Сердечный привет!

Дружески Ваш

Дмитрий Чижевский

¹ Имеется в виду журнал «Zeitschrift für slavische Philologie», который редактировал М. Фасмер.

² Третий обзор вышел только в 1947 г. (Čyževskyj D. Die neuere Puškin-Forschung. III // Zeitschrift für slavische Philologie. 1947. Vol. 19, № 2. S. 390–410).

³ См.: [Чижевский 2020, примеч. 8 к письму 2].

⁴ О киевском корреспонденте Чижевского Н.В. Геппенере см.: [Там же, с. 227].

⁵ Маслов Сергей Иванович (1880–1957) — историк литературы, книговед и педагог, профессор Киевского университета, в 1939–1950 гг. заведовал отделом древней украинской и русской литературы Библиотеки АН УССР.

4

Галле – Прага

27.12.44

Дорогой Альфред Людвигович!

Искреннее спасибо за Ваше письмо. И я молчал довольно долго. Последнее время было здесь столько тревог — почти каждый день и ночь и притом часто по 2–3 раза, что дневная работа моя должна была как-то сократиться. Так как сократить приготовление к лекциям (я читаю два недельных часа о Достоевском) было бы трудно, пришлось почти совершенно прекратить переписку. Пользуюсь каникулами (недолгими — с 20.12. до 8.1.), чтобы наверстать упущенное. К сожалению, многие коллеги и друзья, находящиеся на военной службе, писем почти что совсем не получают, так что пишешь им как-то «впустую». Одному другу, застрявшему в Голландии (часть его никакого участия в военных действиях до сих пор не принимала), я написал за последние два месяца 5–6 коротких писем, как узнаю из его письма, пришедшего одновременно с Вашим, он ни одного из них не получил. И так бывает часто. В Прагу письма доходят. Я в постоянной переписке (связанной с Коменским) с некоторыми из чешских коллег и даже переслал им в последнее время несколько рукописей статей (богемистских), которые уже набраны, но когда выйдут, неизвестно. В рукописи их по крайней мере прочтут 2–3 человека, которым они интересны. Собираюсь на днях разослать небольшую заметку о новых письмах Пуркинье¹, мною найденных, — дал переписать ее на машинке в 25 экземплярах — это еще более примитивный способ распространения, чем Ваша литография! Книга о Гоголе подвинулась очень мало. Хотя есть весь материал и все мысли. Лекции о Достоевском показывают, что у меня есть достаточно материала и для книги о Достоевском — пока, может быть, скорее для большой работы о ранних произведениях Достоевского. На лекциях, конечно, приходилось все время говорить о Ваших работах, — надеюсь, что кое-кто из слушателей их хотя бы отчасти прочтет (слушателей не так много — всего 7 человек, притом никогда не бывающих все сразу, вместе, на лекции). Главная тема моей работы о ранних произведениях Дост.<оевского> была бы подготовка позднего стиля Дост.<оевского> в ранних новеллах; новое истолкование «Хозяйки» подготовлено уже давно (в начале войны я вел семинар на тексте «Хозяйки»). В семинаре в этом семестре читаем «Однодума» Лескова, дающего много материала для самых

разнообразных экскурсов — от языка 18 века до богословских тем Лескова. Но о б<о>госл.<овских> темах Лескова пи<ш>ет один ученик диссертацию, отдельные уже готовые главы довольно интересны, — к сожалению, как пастор, он почти не имеет времени сейчас, и работа подвигается, действительно, черепашью шагом. Ввиду закрытия прифронтовых университетов есть несколько новых студентов, в том числе одна докторантка, очень хорошо владеющая языками. Она, кстати, привезла мне поклон от Николая Онуфриевича Лосского — слухи о его смерти, конечно, миф. Докторантка эта, между прочим, переводила на нем.<ецкий> язык одну новую статью Лосского, которая, очевидно, и должна появиться в недалеком будущем. Вышедшая же недавно «Этика»² до нас пока так и не дошла.

Ваши теперешние занятия — не исключение. И здесь очень многим приходится работать подобным же (и даже гораздо менее привлекательным — напр.<имер,> в бюро) образом. Что мы как-то еще остались незатронутыми — просто чудо. В частности, здесь остались все чешские студенты (медики), между тем как немецкие, в том числе очень способные и работавшие научно, заняты самыми странными вещами — историк искусства какими-то химическими реакциями, в которых он ничего не смыслит, а некоторые даже охраной фабрик или иностранных рабочих. У меня, ввиду перехода сюда новых студентов, количество слушателей почти не сократилось. Но в некоторых специальностях (странным образом, напр.<имер,> в математике) пустота и в семинарах, и в аудиториях.

Георгий Флоровский мне уже писал два раза. «Новых вех» не видел. От Степуна было обстоятельное письмо из Верхней Баварии, куда он поехал на несколько недель, но застрял там, сломав себе левую руку. Впрочем, к Новому году он собирался вернуться в Дрезден. Он почти что кончил новую книгу (воспоминания с характерными для него философскими отступлениями) — начало ее было в «Совр.<еменных> Зап.<исках>», а дальнейшие главы он мне читал — или же я слушал его чтение в более широком кругу в Дрездене, так что дошел с ним до войны 1914 г.³ Как он пишет, осталась ему только глава о 1917 г. Здесь его, кажется, очень затрудняло отсутствие исторического материала, который, конечно, при работе над такой книгой нужен, как поддержка памяти, сохраняющей факты, но не сохраняющей дат, чисел, а часто и имен. Сергей Иосифович⁴ сейчас в Верхней Силезии у родственников своей жены. Удалось добыть для него кой-что из вещей и книг, так как он в Варшаве потерял все. К счастью, значительная часть его готовых работ сохранилась, утрачена только небольшая книга о религии Достоевского.

Книга Г. Флоровского⁵, к счастью, дошла до меня. Вообще же она сохранилась только в очень немногих экземплярах — остальные сгорели в Белграде. Такая же почти участь и моей книги о Гегеле в России (русской, в которой много нового, и для меня н<а>мечен план более обширной — по содержанию, не по объему — работы по истории русской мысли 19 века)⁶. Мне удалось получить один экземпляр года полтора тому назад. Надеюсь, что сохранятся хоть рукописи нескольких чешских работ (о «Лабиринте» Коменского, о Чаадаеве), которые безнадежно застряли в издательствах, а также история древнерусской литературы. Хотя я давно уже пишу все с оттисками на машинке, но сейчас не редки и такие случаи, что все оттиски погибают.

С Бургардтом я состою в переписке, но как-то почти уже не касаемся научных тем. Не знаю, над чем он работает и работает ли вообще. Маланюк⁷ где-то в Моравии. Оч<е>нь способный человек — молодой Антонович, с которым я также переписываюсь и даже довольно интенсивно — это, пожалуй, из молодого поколения человек с наибольшим количеством новых тем и с наименьшим (*sic!*) — предрас-судков — политических, национальных и научных. Из немецких славистов интересны ученики Фасмера Раммельмейер⁸ (сейчас исчезнувший с горизонта где-то в армии) и Сечкарев⁹ (устроенный недавно ассистентом<м> в Граце и возобновивший научную работу — до этого он должен был служить в канцелярии). Гергардт сейчас тоже в Граце, но на военной службе. Правда, за годы службы ему удалось очень основательно изучить новогреческий, осетинский и армянский языки. Так как он и прекрасный индогерманист, то думаю, что будущее его обеспечено. Сейчас мы делаем попытку устроить его без габилитационной работы (что сейчас возможно) приват-доцентом славистики или индогерманистики в Эрлангене. Следует, впрочем, упомянуть еще Браунера (прив.<ат>-доц.<ента> в Бреславле); впрочем, о нем приходится судить почти что только на основании его рукописной работы об укр.<аинской> романтике; его диссертация о чешских словарях 16 в. хороша, но особого впечатления не производит; с ним я только переписывался, в то время как остальных встречал чаще.

Как видите, и мне не о чем новом писать. Всё — или старое, или планы и предположения о будущем. Но так, кажется, сейчас у всех. А сейчас, с почти полным прекращением высылки библиотеками книг, работа становится еще труднее. Впрочем, для мелких статей у меня готового материала очень много. Много и разных рукописных и печатных находок, которые, конечно, в ближайшее время пристроить некуда.

Буду очень рад узнать о дальнейших результатах Ваших новых работ, а особенно будет приятно видеть их хотя бы в литографированном виде. В частности, интересно, нет ли в воспоминаниях Балатри¹⁰ упоминаний о русских былинах (ведь об этом — целый ряд мелких, но ценных замечаний в воспоминаниях иностранных музыкантов в России — второй половины 18 в.).

Я занялся собиранием рисунков славянских писателей — в первую очередь всего опубликованного. Уже читал доклады о Чап<е>ке и о Пушкине. В частности, есть надежда осветить источники художественно<г>о стиля рисунков Пушкина, в которых всякий специалист сразу же узнает типичный «бидермайер». В ближайшем будущем буду докладывать, вероятно, о Норвиде¹¹. Материала, несмотря на полное пренебрежение к нему исследователей, масса! (Лермонтов, Полонский, Словацкий, Блок и Белый, Брюсов, даже Толстой и т. д. Маяковский, конечно, Шевченко, Кулиш).

Буду очень рад снова о Вас услышать. Не сообщите ли адреса Иванова-Разумника: теперь это может быть полезно и для него, и для меня. Я уже раньше собирался ему писать, но с того времени ушло много, и адрес его, вероятно, иной¹².

Фасмер, кстати, при случае всегда спрашивается о Вас. Он по-прежнему, несмотря на потерю библиотеки, работает очень интенсивно и сейчас очень занят судьбой русских ученых-беженцев. Книга его о греческих заимствованиях в

сербо-хорв.<атском> языке печатается. Журнал пока тоже печатается, но кроме корректур, к сожалению, не удается видеть ничего. Новый номер почти готов. Очень поразил всех выход «Славии»¹³. Я ее еще не видел — у нас в библиотечке она не получилась еще. Есть ли в ней что-нибудь интересное?

Уже и сейчас «фораларм» (предтревога), надо надеть по крайней мере ботинки на всякий случай¹⁴.

Желаю Вам и Вашим всего наилучшего (*sic!*)!

Сердечно Ваш Дмитрий Чижевский

¹ Пуркине Ян Эвангелиста (Purkyně; 1787–1869) — чешский физиолог, анатом, педагог и общественный деятель.

² Имеется в виду труд Н.О. Лосского «Условия абсолютного добра. Основы этики» (Братислава, 1944).

³ Ф.А. Степун в 1938–1945 гг. работал над книгой воспоминаний, изданной сначала на немецком языке (1947–1950), затем по-русски в двух томах под названием «Бывшее и несбывшее» (1956).

⁴ Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) — философ, теоретик педагогики и литературовед.

⁵ Речь идет о книге Г.В. Флоровского «Пути русского богословия» (1937), вскоре после выхода ставшей библиографической редкостью, см.: [Чижевский 2020, примеч. 11 к письму 4].

⁶ «Гегель в России» (Париж, 1939).

⁷ Маланюк Евгений Филимонович (1897–1968) — украинский поэт, публицист, общественный деятель.

⁸ См.: [Чижевский 2020, примеч. 8 к письму 7].

⁹ См.: [Там же, примеч. 7 к письму 7].

¹⁰ Балатри Филиппо (Balatri; 1675–1756) — итальянский певец, живший в России в 1698–1701 гг. Речь идет о сделанной П.В. Отоцким в 1938 г. в Праге сенсационной находке рукописи Балатри под названием «Жизнь и путешествия Ф.Б., рожденного в Пизе». Значительная часть рукописи касалась жизни в Москве в канун петровских реформ. А.Л. Бем обсуждал с П.В. Отоцким издание этой рукописи.

¹¹ Норвид Циприан Камиль (Norwid; 1821–1883) — польский поэт, драматург, прозаик и живописец.

¹² См.: [Чижевский 2020, примеч. 34 к письму 2].

¹³ Выходящий в Праге с перерывами с 1922 г. журнал «Slavia. Časopis pro slovanskou filologii».

¹⁴ В письме к Ф.А. Степуну от 2 декабря 1944 г. Чижевский подробнее описал вынужденные перерывы, вызванные воздушными тревогами: «Последнее время тревоги слишком часты и иногда продолжительны. Но Галле почти не пострадало. Только окраины. Во время последних двух налетов пострадали преимущественно 2 больницы. В окрестностях, напротив, довольно много неприятного — так, напр., очень сильно пострадал Мерзебург — всего в 20 верстах от нас. Необходимость сидеть во время тревог в весьма недостаточном собственном погребке в саду — или, что еще хуже — ходить в недалекий бункер, не совсем достроенный, с грязной и глинистой почвой, наполненный сотнями саксонцев, — малоутешительна. Впрочем, в бункере, несмотря на шум, удается читать (Диккенса), в то время как в погребке присутствие трех-четырех обитателей нашего дома (впрочем, очень милых) заставляет попросту терять время» [Чижевский 2014, с. 739].

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ВОПРОСОВ О П.А. КРОПОТКИНЕ:
ПИСЬМО Г.П. МАКСИМОВА К ДЖ. ВУДКОКУ*

*Публикация, вступительная статья и комментарии
Н.И. Герасимова*

Научная историография русского анархизма середины XX в. уникальна и заслуживает отдельного исследования. Когда Н.А. Бердяев писал, что «анархизм — явление русского духа», он вряд ли мог себе представить ситуацию, что именно в «стране безграничной свободы духа» творческое наследие русских анархистов будет исследоваться меньше всего [Бердяев 2015, с. 264, 267]. Безусловно, в СССР писали и про «антитеологизм» М.А. Бакунина, и про концепцию безгосударственного коммунизма П.А. Кропоткина, и про участие «махновцев» в Гражданской войне, но что это были за исследования? Как справедливо отмечает один из самых известных российскому читателю историков анархического движения П.В. Рябов: «Даже наиболее интересные из опубликованных в советское время работ, посвященных философии анархизма, носят описательный и фрагментарный характер, “за деревьями не замечают леса” и в лучшем случае могут быть использованы в качестве материала для написания общих фундаментальных исследований по данной теме. Большая же часть книг и статей советских исследователей, посвященных анархизму, не отличается и этими достоинствами» [Рябов 2007, с. 4]. В вышедшей в 2019 г. монументальной книге «Российский анархизм в XX в.» Д.И. Рублев продолжает мысль П.В. Рябова и добавляет, что изучение анархистского движения в советской историографии в основном существовало «в соответствии с догматами марксистско-ленинской теории» [Рублев 2019, с. 9]. Даже в 1980-х гг., когда в свет стали выходить действительно интересные работы, отличающиеся свободным и беспристрастным владением архивными источниками (в первую очередь сочинения Н.М. Пирумовой¹), книжный рынок наполняли труды про анархистов — сторонников «мелкобуржуазной идеологии». Типичный пример — «Революция и анархизм» С.Н. Канева, где можно встретить такие строки: «Анархистские теории революции со свойственным им заигрыванием с крайней революционностью не раз вводили в заблуждение революционных борцов, хотя всегда были разновидностью мелкобуржуазной, мнимой революционности» [Канев 1987, с. 319].

* В 2021 г. исполняется 100 лет со дня смерти П.А. Кропоткина. Публикуемый здесь материал приурочен к этому важному для каждого историка общественно-политической мысли событию.

¹ О роли Н.М. Пирумовой в истории академических исследований русского анархизма в СССР см.: [Ульянова 2013].

Русские эмигранты об анархистах, разумеется, писали, но предметом их исследования был анархизм как своеобразная концепция, «вплетенная» в различного рода историософские размышления. Возможно, наиболее ярко это выражено в книге Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (1955), где философ предлагает оригинальное концептуальное прочтение левых радикальных идей в истории России, среди которых анархизм занимает особое место. Его коллега П.Б. Вышеславцев в своих многочисленных очерках чаще всего вспоминает об анархистах в тех случаях, когда речь заходит о феномене власти и о подходах к его изучению (с точки зрения этики, права и т. д.). Оригинальное сочетание религиозно-философского и философско-правового подходов к этой проблеме лучше всего представлено в публикациях мыслителя в журнале «Путь» [Вышеславцев 1926; 1934]. Правовед и философ Е.В. Спекторский полагает, что в истории русского анархизма можно выделить «три ветви» теории: М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин и Л.Н. Толстой. Как историк идей он, разумеется, пытается усмотреть связь между содержанием каждой концепции и способами развития мысли, которые явно или неявно присутствуют в трудах теоретиков. По мнению Е.В. Спекторского, М.А. Бакунин старался опираться на философию истории, П.А. Кропоткин — на философию природы, Л.Н. Толстой — на этику [Спекторский 1922]. И.А. Ильин, сделавший до своего отъезда из России весомый вклад в изучение анархизма (благодаря не только своим переводам на русский язык таких знаменитых на рубеже XIX–XX вв. исследователей анархизма, как П. Эльцбахер [Эльцбахер 1906], сотрудничеству с анархо-гуманистом А.А. Боровым [Рублев, Рябов 2011], но и весьма ценным комментариям к философии М. Штирнера [Ильин 1911]), уже в Европе писал об анархистах как о чем-то общем, как об абстрактном явлении, с которым необходимо в первую очередь бороться. В эмигрантский период творчества детали этой проблемы мало интересовали И.А. Ильина [Герасимов 2017а].

Не секрет, что покинувшие Россию после становления большевистской власти историки, правоведа и философы были стеснены в финансовых средствах настолько, что любая фундаментальная научная работа требовала от них немалых усилий. Позволить себе масштабные исследования по анархизму в русской диаспоре просто никто не мог. Усугублял положение и своеобразный «посттравматический синдром» — анархисты ассоциировались не только с общей «красной» повесткой, которая привела многих людей к изгнанию из России, но и с движением «махновцев», которые, как известно, заключали несколько союзов с большевиками в годы Гражданской войны. Пожалуй, большая и лучшая часть того, что мы можем прочитать в эмигрантской печати о русском анархизме, написана в жанре общественно-политической и философской публицистики. Анархизм в научной и научно-просветительской печати русского зарубежья представлен главным образом как средство, а не как цель. Русские эмигранты-интеллектуалы рассуждали о М.А. Бакунине и П.А. Кропоткине по одной причине — они хотели понять, как развивалась революционная мысль в России, почему русская история привела к Исходу 1920 г., можно ли было избежать этой трагедии.

В период 1921–1937 гг. анархистов в России становится все меньше и меньше. В 1921 г. целый ряд ключевых активистов анархо-синдикализма большевики вы-

сылают в Германию. В том же году они расстреливают теоретика ассоциационного анархизма Л. Черного. В 1924 и 1925 гг. лояльные советской власти пананархисты братья А.Л. и В.Л. Гордины покидают Россию, понимая, что большевистские власти не готовы мириться даже с «лоялистами». В 1929 г. анархо-гуманист А.А. Боровой как «неразоружившийся анархист» ссылается в Вятку. Он остается в России, но возможности печатать свои сочинения и говорить о своих взглядах у него не было. В 1937 г. мистический анархист А.А. Солонович после всех лагерных мук умирает в тюрьме. Пестрая «палитра» революционеров исчезает под давлением политических обстоятельств [Рублев 2019, с. 436–450]. В СССР не остается почти никого, кто мог бы препятствовать стремительной идеологизации творческого наследия анархизма в академических исследованиях. Например, известный советский ученый С.Я. Лурье после публикации таких своих работ, как «Антифон, творец древнейшей анархической системы» [Лурье 1925] и «Предтечи анархизма в древнем мире» [Лурье 1926] в анархо-синдикалистском издательстве «Голос труда», в дальнейшем сосредоточится исключительно на классической филологии и к прежним увлечениям возвращаться больше не будет.

Русские анархисты-эмигранты имели еще меньше шансов попасть в академический мир, чем покинувшие Россию интеллектуалы. Вовлеченные в революционную борьбу, они развивали русскоязычную периодическую печать для трудового сектора русской диаспоры. Попытки издавать свои собственные исторические очерки в академических издательствах не предпринимались, как за редким исключением² не предпринимались и попытки повлиять на западноевропейскую и американскую науку в целом.

Стоит признать, что вплоть до 1980-х гг. ни в СССР, ни в русском зарубежье не было издано ни одной масштабной академической и свободной от идеологических шор работы по русскому анархизму. Означает ли это, что и европейское, и американское научные сообщества после революции 1917 г. были холодны к этой теме? Вовсе нет. Именно благодаря западным ученым творческое наследие русских анархистов в середине XX в. продолжало осмысляться на страницах академических изданий, а усилиями таких историков, как П. Аврич (Avrich) и Дж. Вудкок (Woodcock), проекты фундаментальных научных исследований по истории русского анархизма продолжали жить. И П. Аврич, и Дж. Вудкок старались обращаться за консультациями к участникам событий, связанным с анархистским движением. Например, не переведенная на русский язык книга «Голос анархиста: устная история анархизма в Америке» П. Аврича представляет собой сборник интервью, которые ученый успел взять у многих публицистов, печатавшихся в анархистской прессе (в том числе и у русских анархистов) [Avrich 1995].

Письмо Г.П. Максимова к Дж. Вудкоку является доказательством того, что пускай и в форме своеобразных консультаций, но русское зарубежье все же влияло на западные академические исследования творческого наследия русских анархи-

² Марк Мрачный (Клаванский) (1892–1975) — русский анархист-эмигрант, после получения в 1934 г. научной степени доктора медицинских наук в области психиатрии стал одной из ключевых фигур в истории психоанализа середины XX в., разрабатывал психоаналитический подход к анализу феномена социальной отчужденности, страха свободы и др.

стов. Более того, из содержания письма явствует, что у канадского историка не было доступа к источникам, благодаря которым можно было бы полноценно воссоздать историю русского революционного движения XIX–XX вв. (не говоря уже об отдельных обстоятельствах жизни людей в пореволюционной России). Смог бы Дж. Вудкок написать свою книгу о П.А. Кропоткине [Woodcock, Avakumovic 1950], если бы Г.П. Максимов подробно не ответил на присланные 19 вопросов? Скорее всего, в итоге это было бы неноваторское историческое сочинение, в котором бы воспроизводились уже известные американской науке факты.

Григорий Петрович Максимов (1893–1950) — одна из ключевых фигур русской анархистской эмиграции³. Без изучения истории его деятельности невозможно понять феномен рабочего движения русской диаспоры середины XX в. Несмотря на то что Г.П. Максимов прошел через все ключевые этапы развития русского левого политического радикализма в России — от стремительного развития анархо-синдикализма на территории Российской империи в 1905 г. до «пожара» Гражданской войны 1917–1921 гг., — именно после высылки из страны в 1921 г. ему лучше всего удалось проявить организаторские способности (это и создание многочисленных акций о большевистском терроре в СССР, и интеграция русских анархистских групп зарубежья в целостные союзы и движения). В США Г.П. Максимов, зарабатывая себе на жизнь трудом разнорабочего, читал публичные лекции в Чикаго, Детройте и Акроне. Талант публициста и мыслителя позволил ему встать у руля целого ряда важных для русского рабочего движения периодических изданий, главными из которых, пожалуй, являются «Дело труда» и «Дело труда — Пробуждение». Г.П. Максимов не только редактировал статьи, решал технические и финансовые вопросы издательского дела, но и помещал в журналы свои собственные очерки по истории анархистского движения. Безусловно, это были не академические работы — они написаны в публицистической манере, с разного рода (иногда, пожалуй, лишними) отступлениями и комментариями, без ссылок на современные исследования по социальным и политическим наукам. Вместе с тем эти очерки бесконечно талантливы и важны и для своего времени, и для своего читателя (рабочие и политические активисты русского зарубежья). Монументальный труд Г.П. Максимова «Гильотина за работой. 20 лет террора в России» [Maximov 1940], к сожалению, так и не издан на русском языке, хотя это сочинение имело успех в мире и переиздавалось неоднократно (3-е издание осуществлено в 2013 г.) [Maximov 2013].

Последнее обстоятельство говорит о том, что личность русского анархиста-эмигранта нуждается в большем обсуждении на страницах научных публикаций. Начиная с 1993 г. о Г.П. Максимова говорят в академических работах, но всегда в ряду с другими революционерами. Историки очень редко останавливаются и на обзоре его теории «переходного периода», и на его «революционном оборончестве» в годы Второй мировой войны. За исключением некоторых сочинений А.В. Шубина [Шубин 1993], В.В. Дамье [Дамье 2011] и Д.И. Рублева [Рублев 2012], встретить хоть сколько-то идейную рецепцию творческого наследия мыслителя-

³ Более подробно о биографии Г.П. Максимова см.: [Герасимов 2016].

революционера крайне трудно. Даже о его издательской деятельности мы знаем все еще очень мало [Герасимов 2017б]. Вместе с тем известно, что к концу 1940-х гг. авторитет Г.П. Максимова в среде русской трудовой диаспоры США был огромен. Для молодых товарищей он являлся человеком, который своими глазами видел, как происходят революция, политический террор и гражданская война. В 1949 г. Г.П. Максимов получает письмо от Дж. Вудкока с просьбой проконсультировать его по вопросам, возникшим в ходе работы над книгой о П.А. Кропоткине.

Джордж Вудкок (1912–1995) — профессор Университета Британской Колумбии в Ванкувере, член Канадского королевского общества (1968), обладатель медали заслуженного биографа от Университетской библиотеки Британской Колумбии (1973), лауреат Премии Томаса Генри Пентленда Молсона в области искусств (1976)⁴. Из-за своей неприязни к идее государственных наград в 1994 г. отказался от Ордена Канады. Западному филологическому научному сообществу он известен прежде всего как основатель журнала «Канадская литература» (*Canadian Literature*, 1959), первого литературоведческого академического издания, целиком посвященного канадским писателям и литературным критикам. Массовый читатель знает его как автора многочисленных биографических работ, в частности о П.-Ж. Прудоне, О. Уайльде и П.А. Кропоткине. В годы Второй мировой войны Дж. Вудкок познакомился с Т.С. Элиотом, О. Хаксли и Дж. Оруэллом. Знакомство с последним вылилось в тесную дружбу.

Впрочем, историки знают и о временной конфронтации двух интеллектуалов в 1940-х гг. Дж. Вудкок всегда придерживался пацифистских взглядов, тогда как Дж. Оруэлл полагал, что в особых случаях (например, мировая война) пацифизм превращается в молчаливое одобрение действий тоталитарных сил. Британский писатель обвинил своего друга в том, что его пацифистскую позицию можно обозначить как «профашистскую». На страницах журнала «Партизан Ревью» (*Partisan Review*) 1942–1946 гг. читатель может проследить ход полемики между канадским пацифистом и британским писателем-антифашистом (этот сюжет хорошо изучил историк П. Дэвисон, см.: [Davison 2013]).

После Второй мировой войны Дж. Вудкок решил написать книгу о П.А. Кропоткине. В качестве соавтора он выбрал молодого историка, еще студента, эмигранта из Югославии, И. Авакумовича (1926–2014), который специализировался по истории радикальных политических теорий. К 1949 г. Дж. Вудкок уже опубликовал книгу «Анархия или хаос» [Woodcock 1944] и большой биографический очерк о британском анархисте У. Годвине (Godwin) [Woodcock 1946]. Опыт работы с историей международного анархизма у него был, но с историей русского анархизма — нет. Видимо, это обстоятельство вынудило его написать письмо Г.П. Максимова. К сожалению, точно сказать, кто дал Дж. Вудкоку почтовый адрес русского эмигранта, пока невозможно. Тем не менее из письма следует, что канадский историк, вероятно, уже знал о существовании журнала «Дело труда», редактором которого в прошлом как раз и был Г.П. Максимов.

⁴ Более подробно о биографии Дж. Вудкока см.: [Douglas 1998].

Книга Дж. Вудкока и И. Авакумовича «Князь-анархист: биография Петра Кропоткина» («The anarchist prince: A biographical study of Peter Kropotkin») впервые вышла в свет в 1950 г. в Лондоне в издательстве «T.V. Boardman and Company». Она состоит из введения, 10 глав и библиографии. Несмотря на то что критики в целом встретили это сочинение с большим интересом, было отмечено, что книге не хватает полноценной источниковой базы, что многие факты из жизни П.А. Кропоткина воспроизведены по его автобиографии «Записки революционера» [Karpovich 1953]. В последующем именно это обстоятельство заставит американского историка М.А. Миллера (Miller) написать монографию «Кропоткин» [Miller 1976], в которой будут учтены замечания, высказанные в адрес сочинения Дж. Вудкока и И. Авакумовича⁵. Г.П. Максимов и Дж. Вудкок не стали друзьями, но их сотрудничество на этом не закончилось. По сведениям П. Аврича, Дж. Вудкок работал над составлением и изданием книги русского анархиста-эмигранта «Конструктивный анархизм» [Avrich 1967].

К сожалению, в фонде Г.П. Максимова не сохранилось письмо Дж. Вудкока, но, исходя из ответов, можно понять, что именно интересовало канадского историка. Стоит сделать несколько замечаний.

Подробный анализ отношения П.А. Кропоткина к Первой мировой войне обусловлен не только тем, что на момент написания письма (1949 г.) Вторая мировая война закончилась совсем недавно. Сам Г.П. Максимов в период 1939–1945 гг. оказался в ситуации, когда ему, как и П.А. Кропоткину, нужно было сформулировать аргументированную позицию анархиста к происходящему в мире: должен ли противник государства поддерживать какую-либо сторону в сложившемся военном конфликте, и если да, то какую? Пускай влияние Г.П. Максимова распространялось исключительно на русских анархистов-эмигрантов и участников рабочих союзов в США и Канаде, его мнение по этому вопросу помогало определиться целому слою русской диаспоры.

Внутри теории анархизма всегда было много самостоятельных идейных течений. Г.П. Максимов как теоретик анархо-синдикализма, разумеется, излагает свое особое видение личности П.А. Кропоткина в становлении анархо-синдикалистского движения. Он ничего не пишет о дискуссиях, сложившихся вокруг проблемы участия анархистов в революционном синдикализме, как не пишет и о том, что, несмотря на участие кропоткианцев (Ж. Грав, Э. Реклю и т. д.) в создании сети независимых профсоюзных организаций по всему миру, к теории анархо-синдикализма они относились неоднозначно [Дамье 2012]. Другими словами, следует помнить, что Г.П. Максимов часто пристрастен в изложении фактов.

Письмо Г.П. Максимова к Дж. Вудкоку находится в Архиве Института социальной истории в Амстердаме, в отделе русских коллекций, в личном фонде русского анархиста-эмигранта (International Institute of Social History, G.P. Maximov Papers — Arch. 00852, inv. nr. 3, 10–23 pp.). Язык оригинала письма — английский.

⁵ На работу Дж. Вудкока и И. Авакумовича также опирается американский биолог и историк науки Ли Алан Дугаткин (Dugatkin), написавший монографию о П.А. Кропоткине в 2011 г. [Dugatkin 2011].

Текст машинописный. Информация и комментарии об упомянутых персоналиях и изданиях приводятся в конце публикации.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Аврич 2006 — *Аврич П.* Русские анархисты 1905–1917. М.: Центрполиграф, 2006. 272 с.

Анархизм в истории России 2007 — Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник / В.Д. Ермаков, П.И. Талеров. СПб.: Соларт, 2007. 724 с.

Атабекян 1917а — *Атабекян А.М.* Кровавая неделя в Москве. Впечатления и размышления очевидца гражданской войны. М., 1917. 16 с.

Атабекян 1917б — *Атабекян А.М.* Открытое письмо П.А. Кропоткину // Анархия. 1917. № 23. С. 1–8.

Бакунин 1892 — *Бакунин М.А.* Парижская коммуна и понятие о государственности / с предисл. П.А. Кропоткина. Женева: «Анархическая библиотека». Новая русская типография, 1892. 20 с.

Бердяев 1955 — *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955. 160 с.

Бердяев 2015 — *Бердяев Н.А.* Анархизм — явление русского духа // Анархизм: pro et contra, антология / сост., вступ. ст., коммент. П.И. Талерова. СПб.: РХГА, 2015. С. 264–277.

Вышеславцев 1926 — *Вышеславцев Б.П.* Два пути социального движения // Путь. 1926. № 4. С. 127–138.

Вышеславцев 1934 — *Вышеславцев Б.П.* Проблема власти и ее религиозный смысл // Путь. 1934. № 4. С. 3–21.

Герасимов 2016 — *Герасимов Н.И.* Г.П. Максимов и история русской анархистской эмиграции // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 93–120.

Герасимов 2017а — *Герасимов Н.И.* Проблема анархизма в воззрениях философов права русского зарубежья // Нравственное измерение и человеческий потенциал права / отв. ред. В.М. Артемов. М.: Проспект, 2017. С. 243–250.

Герасимов 2017б — *Герасимов Н.И.* Дело труда — Пробуждение — анархистский эмигрантский журнал // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX в.): Сб. науч. тр. / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Институт Российской истории РАН; отв. ред. П.А. Трибунский. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 391–396.

Группа анархистов-коммунистов безначальцев 1905 — Группа анархистов-коммунистов безначальцев. Заявление // Листок группы «Безначалие». Париж, 1905. № 1. Апр. С. 1–2.

Дамье 2011 — *Дамье В.В.* Берлинский центр российской анархистской эмиграции (1920-е годы) // Прямухинские чтения 2009 года. М.: Тип. «Футурус», 2011. С. 60–63.

Дамье 2012 — *Дамье В.В.* К 170-летию Кропоткина: Петр Кропоткин и революционный синдикализм: Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений. К 170-летию со дня рождения П.А. Кропоткина (Материалы и исследования). Дмитров, 2012. Кимры: Кимрская типография, 2012. С. 91–100.

Ильин 1911 — *Ильин И.А.* Идея личности в учении Штирнера. Опыт по теории индивидуализма // Вопросы философии и психологии. 1911. № 22, кн. 106 (2). С. 55–93.

Канев 1987 — *Канев С.Н.* Революция и анархизм. Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917). М.: Мысль, 1987. 327 с.

- Кропоткин 1922 — *Кропоткин П.А.* Этика. Происхождение и развитие нравственности. М.; Пг.: Голос труда, 1922. Т. 1. 274 с.
- Лапоть Гр. 1919 — *Лапоть Гр.* Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наши отношения с ними. Нью-Йорк: Изд. Федерации Союзов русских рабочих США и Канады, 1919. 10 с.
- Лурье 1925 — *Лурье Я.С.* Антифон, творец древнейшей анархической системы. М.: Голос труда. 1925. 160 с.
- Лурье 1926 — *Лурье Я.С.* Предтечи анархизма в древнем мире. М.: Голос труда. 1926. 247 с.
- Любина 2002 — *Любина Г.И.* Мария Исидоровна Гольдсмит // *Природа*. 2002. № 5. С. 91–93.
- Рублев 2012 — *Рублев Д.И.* «Теория анархизма М.А. Бакунина... до сих пор представляется в ложном свете» Письмо Г.П. Максимова к П.Б. Аксельроду. 1923 г. // *Исторический архив*. 2012. № 5. С. 197–201.
- Рублев 2017 — *Рублев Д.И.* Лев Фишелев (Максим Раевский): биография и идеи забытого теоретика российского анархизма начала XX в. // *ACTA ERUDITORUM*. 2017. № 24. С. 47–52.
- Рублев 2019 — *Рублев Д.И.* Русский анархизм в XX в. М.: Родина, 2019. 704 с.
- Рублев 2020 — *Рублев Д.И.* Газета «Голос труда» (1911–1917 гг.): история издания и роль в политической жизни русского зарубежья // На пороге перемен: книжные, архивные и музейные коллекции. Материалы научной конференции (Четвертые Рязановские чтения. Москва, 15–16 марта 2018 г.) / сост. И.Ю. Новиченко, Е.Н. Струкова; ред. Е.А. Лосева. М.: Гос. публ. ист. б-ка, 2020. С. 88–105.
- Рублев, Рябов 2011 — *Рублев Д.И., Рябов П.В.* Алексей Алексеевич Боровой // *Россия и современный мир*. 2011. № 2. С. 221–239.
- Рябов 2007 — *Рябов П.В.* Философия классического анархизма (проблема личности). М.: Вузовская книга, 2007. 340 с.
- Спекторский 1922 — *Спекторский Е.В.* Русский анархизм // *Русская мысль*. 1922. № 1–2. С. 232–253.
- Старостин 1970 — *Старостин Е.В.* О встречах В.И. Ленина и П.А. Кропоткина (К вопросу датировки) // *Археографический ежегодник за 1968*. М.: Наука, 1970. С. 225–229.
- Ульянова 2013 — *Ульянова Г.Н.* Наталия Михайловна Пирумова (1923–1997): Судьба историка в зеркале эпохи. К 90-летию со дня рождения // *История и историки: Историко-графический вестник*. 2013. Т. 2011–2012. № 1. С. 271–303.
- Черный 1923 — *Черный Л.* Новое направление в анархизме: Ассоциационный анархизм. Нью-Йорк: Изд. рабочего союза «Самообразование», 1923. 408 с.
- Шубин 1993 — *Шубин А.В.* Проблема социальной революции в идеологии российской эмиграции 20–30-х гг. (по материалам эмигрантской периодики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 17 с.
- Эльцбахер 1906 — *Эльцбахер П.* Анархизм / пер. Н.Н. Вокач, И.А. Ильин. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 327 с.
- Avrich 1967 — *Avrich P.* Russian anarchists. Princeton: Princeton University Press, 1967. 332 p.
- Avrich 1995 — *Avrich P.* Anarchist voice. Oral history of anarchism in America. Princeton: Princeton University Press, 1995. 574 p.
- Avrich 2012 — *Avrich P., Avrich K.* Sasha and Emma: The Anarchist Odyssey of Alexander Berkman and Emma Goldman. Cambridge: Belknap Press, 2012. 582 p.
- Davison 2013 — *Davison P.* George Orwell: A life in letters. N.Y.: Liveright, 2013. 560 p.
- Douglas 1998 — *Douglas F.* The gentle anarchist: A life of George Woodcock. Washington: University of Washington Press, 1998. 244 p.
- Dugatkin 2011 — *Dugatkin L.A.* The prince of evolution. Peter Kropotkin's adventures in science and politics. Middletown: Create Space Independent Publishing, 2011. 136 p.

- Karpovich 1953 — *Karpovich M.* The Anarchist Prince: A Biographical Study of Peter Kropotkin. By Woodcock George and Avakumovic Ivan (L.: T. V. Boardman and Company. 1950. 463 p.) // The American Historical Review. 1953. Vol. 58, Iss. 2. P. 381–382.
- Maximov 1940 — *Maximov G.P.* The guillotine at work. Twenty years of terror in Russia. Chicago: The Chicago section of the Alexander Berkman Fund, 1940. 624 p.
- Maximov 2013 — *Maximov G.P.* The guillotine at work. Twenty years of terror in Russia. Hastings: Christie Books, 2013. Vol. 1. 234 p.
- Miller 1976 — *Miller M.A.* Kropotkin. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 342 p.
- Selbuz 2006 — *Selbuz C.* Biography of Armenian anarchist Alexander Atabekian // Abolishing the Borders from Below. 2006. № 25. P. 2–17.
- Woodcock 1944 — *Woodcock G.* Anarchy or chaos. L.: Freedom Press, 1944. 124 p.
- Woodcock 1946 — *Woodcock G.* William Godwin: A biographical study. L.: The Porcupine Press, 1946. 260 p.
- Woodcock, Avakumovic 1950 — *Woodcock G., Avakumovic I.* The anarchist prince: a biographical study of Peter Kropotkin. L.: T. V. Boardman and Company, 1950. 463 p.

1 февраля 1949 г. Чикаго, Иллинойс, 47-я улица

Дорогой друг¹ Джордж Вудкок! Получил Ваши 19 вопросов по поводу Петра Кропоткина накануне своего отъезда из Чикаго. Вернулся буквально несколько дней назад² — этим объясняется, почему я не ответил Вам сразу.

Вот ответы:

Первая группа русских анархистов образовалась в 1890-х гг. в Женеве (Швейцария). Она называлась «Анархистская библиотека»³, это была издательская группа. Инициатором группы был доктор А.М. Атабекян⁴, армянин. Первой изданной брошюрой была «Парижская коммуна и понятие о государственности» М.А. Бакунина со вступительной статьей П.А. Кропоткина⁵.

Нет, Кропоткина не было.

Журнал «Хлеб и воля»⁶ издавался в Женеве (Швейцария) с августа 1903 по ноябрь 1905 г. (24 номера). Он прекратил свое существование, так как редактор товарищ К. Оргеиани⁷ уехал в Россию для революционной борьбы в Грузии.

Не знаю, но предположу, что было напечатано около 2000–3000 копий. Журнал издавался не для эмигрантского круга, а для нелегальной транспортировки в Россию. В зарубежье его присутствие было незначительным.

Редактором «Хлеба и воли» был К. Оргеиани, грузин, он же К. Илиашвили, настоящее имя — Г. Гогелия. Он умер 21 декабря 1921 г.⁸ в Республике Грузия.

Кропоткин принимал активнейшее участие в «Хлебе и воле». Статьи, как правило, публиковались анонимно. По словам Марии Гольдсмит⁹, верной ученицы и одной из ближайших его подруг, следующие статьи в «Хлебе и воле» принадлежат П. Кропоткину:

«Мирный исход или революция?» — «The peaceful end or revolution?»¹⁰

«Нужен ли анархизм в России?» — «Do Russia need anarchism»

«Революция началась» — «The revolution begin»

«Русская революция» — «The Russian revolution»

«Крестьянское восстание» — «The peasant uprising»

«Организация или вольное соглашение» — «The organization or free agreement»

«Бакунин» — «Bakunin»

«Русский рабочий союз» — «The Russian labor Union»

Все русские анархистские группы были анархо-коммунистическими¹¹, но сильно отличались друг от друга по вопросам тактики, следовательно, никакого единства не было¹². Численность этих групп всегда была невелика. Обычно название издания в то же время было и названием группы. Вплоть до 1914 г. в Европе существовали следующие анархо-коммунистические группы¹³:

Женевская группа «Хлеб и воля», 1903–1905 гг.

Группа «Черное знамя», 1904 г., Женева. Эта группа издала 1 или 2 номера журнала под тем же названием¹⁴.

Группа «Безначалие», 1905 г., Париж. Эта группа издала один выпуск под тем же названием и еще 3 выпуска издала в России¹⁵.

Группа «Буревестник», 1906–1910 гг., Париж. Группа издала 19 номеров журнала под тем же названием¹⁶.

Группа «Бунтарь», 1906 г., Париж. Группа издала всего 1 номер журнала под тем же названием¹⁷.

Лондонская группа «Хлеб и воля», 1906–1914 гг. Эта группа издавала «Листки «Хлеба и воли»»¹⁸. Кропоткин входил в состав редакционной коллегии, осуществлял корректуру и писал статьи. После того как газета прекратила свое существование, группа стала издавать брошюры под редакцией Кропоткина.

В конце 1906 г. из всех фракций в Женеве была сформирована «Женевская организация анархо-коммунистов». В ее планы входило издание журнала под названием «Голос пролетария» как свободной площадки для всех анархо-коммунистов. Это так и не было реализовано.

Группа «Анархист», 1908–1909 гг., Париж. Эта группа опубликовала 4 номера журнала под тем же названием¹⁹.

Группа «Общинники», 1910–1912 (?) гг., Париж. Эта группа выпускала журнал «Молот»²⁰. Сколько выпусков всего было, точно не знаю.

Группа «Рабочее знамя», 1913 г., Цюрих, Швейцария. Сколько всего выпусков было, точно сказать не могу²¹.

Группа «Рабочий мир», 1911–1914 гг., Париж. В ноябре 1913 г. произошло собрание всех существующих групп. Они согласились объединиться в общую «Федерацию русских анархистских групп». Под этим заглавием они продолжили издавать «Рабочий мир»²². Адрес издания и секретаря коллегии были изменены, возможно, в целях конспирации, и перенесены в Лондон: Лондон, Джубили-стрит, д. 16. А. Шапиро (London, Jubilee street, 16, A. Shapiro). Но А. Шапиро²³ не был ни редактором, ни секретарем журнала. В действительности редколлегия была перенесена в Париж. В то же самое время Кропоткин начал писать статьи для журнала. В июне 1914 г. К. Оргеиани отказался работать в редколлегии, и издание прекратило свое существование. В течение 1912–1913 гг. было выпущено 9 номеров журнала, а в течение 1914 г. — 5.

Перед войной 1914–1918 гг. в США существовало множество анархо-коммунистических групп в разных городах. Участниками этих групп были по преимуществу

рабочие и крестьяне, которые в основном были политическими мигрантами²⁴. Небольшая часть из них создала Союз русских рабочих²⁵. Анархистские группы очень быстро стали самой значимой частью всех местных объединений, а Союз русских рабочих стал анархо-синдикалистской организацией. Количество активных участников Союза русских рабочих к 1917 г. приближалось к отметке в 10 000 человек. В 1912 г. газета Союза русских рабочих «Голос труда»²⁶ стала еженедельной. Редактором этой газеты был анархо-синдикалист Максим Раевский²⁷, главный редактор парижского «Буревестника». «Голос труда» как печатный орган Союза русских рабочих прекратил свое существование в 1917 г., когда большая часть рабочих активистов вернулась в Россию и уже там продолжила издавать газету. В США существовали и другие анархистские издания, но они в большей степени зависели от «Голоса труда», например «Рабочая мысль»²⁸. Существовали также Русские отделения Индустриальных рабочих мира с анархо-синдикалистскими журналами. Союз русских рабочих, Русские отделения Индустриальных рабочих мира и другие анархистские группы издавали грандиозные объемы анархистской литературы и почти все труды П. Кропоткина.

Русское анархистское движение отказалось разделить взгляды П. Кропоткина по поводу войны.

Влияние Кропоткина на анархистское сообщество в России перед 1914 г. было огромным — даже те, кто не соглашался с его взглядами по вопросу тактики, находились под влиянием его философии. Это влияние оставалось сильным даже после 1914 г.

Кропоткин был редактором журнала «Листки «Хлеба и воли»». Это единственная официальная должность, которую он занимал в русском анархистском движении. Черкезов²⁹ вообще не занимал никакой должности.

Шапиро жил в Лондоне с 1902 по 1917 г. Он был преданным учеником и поклонником Кропоткина. Он принадлежал к лондонской группе «Хлеб и воля», и когда группа издавала «Листки «Хлеба и воли»», а также брошюры, он помогал Кропоткину в технических вопросах. Шапиро отказался принять позицию Кропоткина по поводу войны. Он был арестован и заключен в концентрационный лагерь как иностранец³⁰. После войны Шапиро находился в очень дружеских отношениях с Кропоткиным: он навещал его изредка, но никогда не говорил с ним о войне. Шапиро как секретарь нашего анархо-синдикалистского издательства «Голос труда»³¹ делает все для дальнейших публикаций сочинений Кропоткина.

См. п. V.

У Кропоткина не было личных связей с людьми из «Буревестника», но он с симпатией воспринял их новую социально-политическую позицию, известную сейчас как анархо-синдикализм.

В Западной Европе были и другие группы, но они по преимуществу были анархо-коммунистическими. Несколько последователей Прудона (например, Лев Черный³²) и Штирнера не меняют сути дела.

Группа «Хлеб и воля» в целом не поддерживала Кропоткина по поводу войны в 1914 г. Впрочем, Черкезов и еще некоторые другие — поддерживали.

Русские анархисты в большинстве своем поддерживали взглядов Кропоткина на войну, но многие из них не видели особой разницы между позицией Кропоткина

и позицией Плеханова. Многие видели, что Кропоткин несмотря на свои убеждения оставался анархистом и революционером: настаивая на войне против Германии, он не защищал существующий социальный порядок. Это заметили даже социалисты. Он не поддерживал западные силы как таковые, но полагал, что силы, выступающие за Свободу и Прогресс, в случае победы Германии, вероятно, будут уничтожены.

Кстати, среди молодых русских анархистов было несколько фанатиков, которые подробно описали смерть Кропоткина и даже написали некролог.

Не думаю, что у Кропоткина были какие-либо контакты <по вопросу войны> с анархистами в России, это было просто невозможно. С русскими анархистами-эмигрантами — да, он общался со всеми, кто поддерживал его позицию, например с Марией Гольдсмит, с Йозефом Яновским³³ в самом начале войны. Пожалуйста, не забывайте, что некоторые русские анархисты из Парижа выступали против Германии, сражались с Германией.

Ни до, ни после Октябрьской революции у Кропоткина не было прямых контактов с русскими анархистами. Помните, что на тот момент ему было 75 лет. У него были проблемы со здоровьем. Он был весь поглощен написанием «Этики»³⁴ и других научных трудов.

Тем не менее он всегда выражал большой интерес к анархистскому движению, с особым вниманием изучал анархистскую периодику. Я приведу несколько примеров.

Однажды, когда он еще жил в Москве, во время своей прогулки по Поварской улице он заметил вывеску нашего «Вольного Голоса Труда»³⁵ и без всяких колебаний зашел в помещение издательства вместе с женой, а потом очень дружески пообщался со всеми нашими товарищами. Он спросил о деятельности нашей организации и дал несколько советов. Во второй раз он посетил наше издательство в переулке Чернышевского. Он обратил внимание товарищей на одну мою статью в газете «Голос труда» и сказал: «Такие статьи нужно публиковать отдельной брошюрой и распространять тысячами, как мы это делали в наше время». Меня не было в двух этих случаях в издательстве, но я сам навещал Кропоткина дважды: первый раз в Москве, второй раз в Дмитрове.

Какие-то молодые люди послали ему письмо, в котором просили совет, какого направления в анархизме стоит придерживаться. Кропоткин переслал это письмо А. Шапиро и попросил помочь этим молодым ребятам, для которых, как он сам полагает, лучшим решением был бы анархо-синдикализм (конечно, если они настроены решительно).

Поддерживал ли он Керенского? Вы о чем? Я ничего подобного не слышал. Он поддерживал революцию и принцип федерализма. Да, это правда — он выступал на Всероссийском демократическом совещании³⁶. Туда он был приглашен как все старые уважаемые революционеры. Да, он выступал, но в своем выступлении говорил о революции, а не в поддержку Керенского.

Нет, я уже говорил почему. Наше издательство — исключение.

Связи Кропоткина с Лениным? Никаких связей никогда не было.

Да, Кропоткин встретился с Лениным 8 или 10 мая 1919 г. в Москве в доме Бонч-Бруевича, который был управляющим делами Совнаркома. Эта встреча

состоялась по просьбе Ленина³⁷. О чем они говорили — кроме Бонч-Бруевича, никто не знает. В 1930 г. в Ленинграде в журнале «Звезда» (в двух томах) Бонч-Бруевич опубликовал свои «Воспоминания о П.А. Кропоткине»³⁸. В этих «Воспоминаниях» он пишет, что разговор был о кооперативном движении, а Ленин излагал свои дальнейшие планы на революцию. Кропоткин замечал: «По целому ряду вопросов и способы действия, и организацию мы признаем разные, но цели наши одинаковые. Я не откажусь помочь вам и вашим товарищам, но эта помощь будет выражена в форме критики. Я могу рассказать вам о всех неверных и неправильных решениях, которые уже были вами сделаны»³⁹. Ленин попросил Кропоткина рассказать обо всем.

После этой встречи Кропоткин написал Ленину два письма: первое датируется 4 марта 1920 г.⁴⁰, об очень трудном экономическом положении служащих почтамта и телеграфа города Дмитрова, а также в целом о ситуации в стране. Второе письмо датируется 21 декабря 1920 г. с критикой метода взятия заложников⁴¹.

Дорогой Джордж Вудкок, журнал «Звезда» вы, вероятно, сможете найти в Лондонской библиотеке, если нет — обратитесь к нашему «Делу труда» за январь–февраль 1931 г., № 52–63, в статье Аршинова «П.А. Кропоткин и большевики», страница 7⁴².

Как ему удавалось это делать? Он жил благодаря своему очень скромному заработку. Время от времени он получал деньги из США для политических заключенных в России. Это стало возможным благодаря его письменным воззваниям и обращениям. Эти деньги, он отправлял в Россию целевым образом или высылал их уже в Красный крест⁴³, секретарем которого был А. Шапиро, а казначеем — Рудольф Роккер⁴⁴. Это было возможно в том числе и потому, что часть своих собственных денег Кропоткин отправлял на общее дело, когда редактировал «Листики», брошюры и 2–3 выпуска «Хлеба и воли» в 1909 г.

Нет, не было никаких контактов.

Дорогой товарищ, я очень надеюсь, что вы смогли разобраться с моим ужасным английским, ведь это самый настоящий сизифов труд для меня — писать на английском. Смеею надеяться, что эти заметки помогут вам. Желаю вам удачи с новой книгой.

Сердечно ваш, Максимов

¹ Пометка «Dear friend» сделана от руки.

² Начиная с 1930-х гг. Г.П. Максимов часто выступал с лекциями перед русскими рабочими-эмигрантами в разных городах США. Известно о его лекциях в Акроне, Сент-Луисе и Детройте (см.: [Герасимов 2016]).

³ См.: [Аврич 2006, с. 239; Selbuz 2006].

⁴ Атабекян Александр Моисеевич (1868–1933) — теоретик анархизма, врач, политический деятель. Двоюродный брат И.Н. Атабекяна (1870–1916), марксиста, переводчика Манифеста Коммунистической партии и других работ К. Маркса и Ф. Энгельса на армянский язык. Родился в городе Шуша (Елисаветпольская губерния, Российская империя) в семье врача. К княжескому роду Атабекянов относится целый ряд видных военачальников и государственных деятелей Карабаха (например, Иванэ (Мелик-Вани) II Джрабердский (1766–1854)). В 1889–1896 гг. А.М. Атабекян учился на медицинском факультете Женев-

ского университета. В Женеве издавал анархическую литературу на русском и армянском языках. В 1891 г. специально приехал в Лондон для встречи с П.А. Кропоткиным. Вместе они создали «Анархистскую библиотеку» — первую издательскую группу, которая выпускала в свет сочинения анархистов на русском языке. В 1896 г. А.М. Атабекян завершил обучение в Женевском университете и получил диплом врача. В 1914 г. полевой врач в русской армии, начальник полевого госпиталя на Кавказе. С февраля 1917 г. участник многочисленных дискуссий о Временном правительстве, член Московской федерации анархических групп. В «Открытом письме П.А. Кропоткину» критиковал «оборончество» друга и единомышленника, указывая на «захватнический характер» не только Германии и Австро-Венгрии, но и самой России (см.: [Атабекян 19176]). Октябрьскую революцию встретил отрицательно, называя ее «братоубийственной бойней, вызванной распрями между социалистами двух разных толков» (см.: [Атабекян 1917a]). Весной 1918 г. вместе с Г.Б. Сандомирским основал издательство «Почин» (1918–1922), которое выпускало анархо-коммунистические сочинения (как самого А.М. Атабекяна, так и П.А. Кропоткина). После закрытия издательства посвятил себя врачебной деятельности. Дети А.М. Атабекяна (Александр (1896–1952); Арсен (1902–1960); Ариана (1910–1977)) сокращали свою фамилию до «Атабек» (жили в СССР). Александр стал инженером, Арсен — врачом-эндокринологом, Ариана — кинорежиссером. К числу наиболее значимых книг А.М. Атабекяна стоит отнести «Против власти. Сборник статей» (1918) и «Социальные задачи домовых комитетов» (1918).

⁵ См.: [Бакунин 1892].

⁶ Хлеб и воля: Орган анархистов-коммунистов. Главный редактор К. Оргеани (Г. Гогелия), в журнале также сотрудничали П.А. Кропоткин, М.И. Гольдсмит, В. Черкезов и др. (1903, № 1, авг. — 1905, № 24, нояб.). Женева (в действительности журнал издавался в Лондоне). Среди современников издательская группа стала известна как «Хлебовольцы». Вклад этой группы в распространение анархо-коммунизма среди российских левых радикалов начала XX в. сложно переоценить. Например, в период с 1904 по 1905 г. абсолютно все русские анархо-коммунисты находились под влиянием идей «хлебовольцев». На 1-м съезде группы в Лондоне в декабре 1904 г. в общих чертах были обозначены главные стратегические и тактические приоритеты в борьбе за идеалы анархо-коммунизма. Среди методов обсуждалась идея масштабной стачки трудящихся, которая должна спровоцировать массовые волнения. Массовые волнения должны, по идее, перерасти в народное восстание (начало социальной революции). На 2-м съезде группы в Лондоне (сентябрь 1906 г.) П.А. Кропоткин в своем выступлении выдвинул принцип, согласно которому анархисты не должны быть членами какой-либо партии (даже революционной, даже социалистической). Ситуация в России была объявлена особым социально-политическим феноменом, требующим отдельного анализа. С социально-философской точки зрения анархо-коммунизм, было принято, отвергает какую-либо переходную форму социума между капитализмом и будущим безгосударственным коммунизмом. В дальнейшем все эти дискуссии были систематизированы и изложены П.А. Кропоткиным в книге «Хлеб и воля» (впервые опубликована на французском языке в 1892 г. под названием «La Conquête du Pain» с предисловием географа Э. Реклю (Reclus) в издательстве «Tresse et Stock» (Paris)), на русском языке этот труд вышел только в 1919 г. (издательство «Голос труда» (Петроград–Москва)).

⁷ Гогелия Георгий Ильич (1878–1924) — русско-грузинский анархист. Известен также как К. Оргеани и И. Иаишвили. В 1895 г. окончил Озургетское духовное училище, а затем поступил в Кутаисскую духовную семинарию. В 1897 г. бросил учебу и уехал во Францию. Окончил агрономический факультет колледжа Нанс. Посещал лекции по химии в Женевском университете. После смерти М.А. Бакунина количество анархистов в Европе резко сократилось. Прочитав сочинения П.А. Кропоткина, Г.И. Гогелия примкнул к анархистам и открыл «новую главу» в истории русского анархизма. В 1900 г. по его инициативе в Же-

неве была создана «Группа русских анархистов за границей». В 1903 г. начинается активное сотрудничество Г.И. Гогелии с П.А. Кропоткиным. Создается группа «Хлеб и воля». В 1905 г. Г.И. Гогелия становится одним из влиятельнейших анархистов в России. Свою деятельность сосредотачивает не в Петрограде и Москве, а в Сухуми и Тифлисе. Вскоре снова эмигрирует во Францию, где издает сочинения своего друга, анархо-коммуниста В. Черкезешвили. В 1914 г. Г.И. Гогелия заболел туберкулезом. В 1917 г. вернулся в Россию. Долго жить в климате Петрограда ему было противопоказано — в том же году он уехал в Грузию. Умер в 1924 г. в туберкулезной больнице Тифлиса. В своем эссе «Анархизм или социализм?» И. Сталин критикует изданные Г.И. Гогелией работы В. Черкезешвили.

⁸ В настоящее время известно, что Г.И. Гогелия умер в 1924 г. См.: Biographical Dictionary of Georgia (in Georgian). National Parliamentary Library of Georgia. URL: <http://www.nplg.gov.ge/bios/en/00007405/> (дата обращения: 21.04.2021).

⁹ Гольдсмит Мария Исидоровна (урожд. Андросова, печатавшаяся также под псевдонимом Корн; 1871–1933) — русско-французский ученый, участница революционного анархического движения, переводчица сочинений П.А. Кропоткина с французского языка на русский, сотрудница таких анархистских изданий, как «Листки “Хлеб и воля”» (1906–1907) и «К оружию» (1903–1904). В 1894 г. окончила факультет естественных наук Парижского университета, затем работала в лаборатории биолога Ива Делаж (Delage). Защитила докторскую диссертацию по сравнительной зоопсихологии в 1915 г. Из-за своего увлечения социологией (переводила на русский язык труды Г. Спенсера) познакомилась с П.А. Кропоткиным в 1903 г. В дальнейшем сочетала научную и революционную деятельность (как и сам П.А. Кропоткин). К наиболее важным трудам М.И. Гольдсмит стоит отнести «Эволюционные теории» (1909) и «Революционный синдикализм и анархизм. Борьба с капиталом и властью» (1920). Более подробно о научных достижениях М.И. Гольдсмит см.: [Любина 2002].

¹⁰ Г.П. Максимов использовал транслитерацию и свой перевод названия статей П.А. Кропоткина на английский.

¹¹ Анархо-коммунизм на рубеже XIX–XX вв. был доминирующим направлением в анархизме во всем мире. Несмотря на то что труды М.А. Бакунина продолжали переиздаваться на разных языках, анархо-коллективизм как теорию постепенно сменил безгосударственный антиавторитарный коммунизм (анархо-коммунизм). Это случилось прежде всего благодаря П.А. Кропоткину, наиболее влиятельному теоретику анархизма после смерти М.А. Бакунина. Анархо-коммунизм, как и анархо-коллективизм, предлагает модель будущего общества, в котором свободные производственные коммуны связаны друг с другом принципом международного федеративного договора. Внутренняя социальная организация каждой коммуны представляет собой самоуправляемую общину без публичной политической власти. Если анархо-коллективизм все же допускал, что индивид вправе получить весь произведенный продукт (используя средства производства, находящиеся в собственности у коммуны), то анархо-коммунизм в этом отношении шел дальше — полагал, что собственность должна быть отменена как таковая. В то время исключение составляли лишь анархо-индивидуалисты в лице Б. Такера (Tucker) и Л. Спунера (Spooner), выступавшие за право человека владеть собственностью в предполагаемом мире без государства (при наличии свободного рынка).

¹² Это хорошо иллюстрируется взаимоотношениями женеvской группы «Хлеб и воля» (1903–1905), с одной стороны, и парижского «Безначалия» (1905) — с другой. Обе группы были анархо-коммунистическими. «Безначальцы» полагали, что хлебовольцы недостаточно радикальны. В своих собственных прокламациях «безначальцы» предлагали активно использовать террор в отношении политиков и крупных фабрикантов (см.: [Группа анархистов-коммунистов безначальцев 1905], что как раз не поддерживали «хлебовольцы».

¹³ Нижеприведенная информация о периодических изданиях анархо-коммунистов до 1914 г. сверена с Библиографическим словарем-справочником под редакцией В.Д. Ермакова, П.И. Талерова (см.: [Анархизм в истории России 2007]).

¹⁴ Черное знамя: журнал анархистов-коммунистов / ред. И. Гроссман (1905, № 1, дек.). Geneva.

¹⁵ Безначалие: листок группы «Безначалие»: Орган группы анархистов-коммунистов / ред. Н. Романов, М. Сущинский, Е. Литвин (1905, № 1, апр.; № 2/3, июнь–июль; № 4, сент.). Paris; Geneva.

¹⁶ Буревестник: Орган синдикального анархизма: Орган русских анархистов-коммунистов / изд. Женевской группы анархистов-коммунистов «Буревестник»; ред. М. Дайнов (гл. ред. 1906–1908), Н. Рогдаев (гл. ред. 1908–1910), М. Раевский, А. Гроссман и др.; тир. 5000 экз. В начале 1908 г. издание перенесено в Париж. С августа 1909 г. (№ 13) — главный пропагандистско-агитационный орган «Союза русских анархистов-коммунистов» (1906, № 1, 20 июня — 1910, № 19, февр.). Geneva; Paris.

¹⁷ Бунтарь: Орган русских анархистов-коммунистов (1906, № 1, 1 дек.; 1908, № 2/3). Paris.

¹⁸ Листки «Хлеб и воля»: Газета: Орган коммунистов-анархистов / гл. ред. П.А. Кропоткин; члены ред.: М. Гольдсмит, В. Забрешнев, И. Книжник-Ветров, П. Кушнир, А. Шапиро (1906, № 1, 30 окт. — 1907, № 18, 5 июля). London.

¹⁹ Анархист: Орган русских анархистов-коммунистов [«чернознаменцев» и «Анархического крестьянского союза»] / ред. Г.Б. Сандомирский, Б. Скворцов, В. Стоцкий и др. (1907, № 1, 30 окт., Geneva (напеч. в Финляндии) — 1909, № 4, апр., Paris). Девиз журнала: «Высшее право есть право восстания!»

²⁰ Молот: Журнал парижских анархистов-коммунистов / ред. А. Карелин, А. Виноградов, В. Волин, В. Забрешнев; тир. 300 экз. (1912, № 1, окт. — 1913, № 2). Париж.

²¹ Рабочее знамя: Газета Лозаннской группы анархистов-коммунистов; Орган русских анархистов-коммунистов (1915, № 1, март — 1916, № 7, нояб.; 1917, № 1, 5 марта, № 2, 10 марта). Под ред. А. Ге. Losanna.

²² Рабочий мир: Орган Цюрихской группы анархистов-коммунистов «Рабочий мир» / ред. А. Ге, И. Гроссман, Е. Артемьев (1912, № 1, июль — 1913, № 9); далее с января 1914 г. — Орган федерации зарубежных групп русских анархистов-коммунистов / ред. А. Ге, Г. Гогелия, М. Гольдсмит (1914, № 1, февр. — № 5, июнь). London; Paris.

²³ Шапиро Александр Моисеевич (1883–1946) — активист русского анархического движения, а после революции 1917 г. — один из влиятельных деятелей русской анархистской эмиграции. Присоединился к анархистскому движению в 1900 г. Вместе с Р. Роккером (Rockey) в Великобритании издавал журнал «Жерминаль» (Germinal) (1900–1909). Принципиальный противник войны. В 1916 г. за антивоенную пропаганду был арестован британской полицией и помещен в тюрьму. Выйдя из тюрьмы в 1917 г., приехал в Россию, где сразу же стал активным участником «Союза анархо-синдикалистской пропаганды». Редактировал газету «Голос труда» в 1917–1918 гг. С 1921 г. противник большевизма. В 1922 г. Шапиро был выслан за пределы России. В эмиграции — активный участник международного анархо-синдикалистского движения. Умер в Нью-Йорке.

²⁴ Из известных политических мигрантов, покинувших Российскую империю и начавших революционную борьбу в среде русской диаспоры в США, были Э. Гольдман и А. Беркман. И Э. Гольдман, и А. Беркман еще в России освоили рабочие профессии (например, Э. Гольдман работала на ткацкой фабрике в Санкт-Петербурге). Их исходной идейной установкой был анархо-коммунизм. Влияние анархиста И. Моста (пропагандирующего террор) оказалось роковым. В 1892 г. Эмма и Александр организовали покушение на фабриканта Г.К. Фрика. Покушение оказалось неудачным (Г.К. Фрик выжил, А. Беркман был

осужден на 14 лет тюремного заключения). После этого случая они встали на путь организованной борьбы, осуждая террор. Более подробно см.: [Avrich 2012].

²⁵ Союз русских рабочих в США и Канаде — рабочая организация анархистской направленности в Северной Америке, созданная усилиями трудовой русской эмиграции. После революции 1905 г. в России число политических активистов в среде русской рабочей диаспоры в США стало стремительно расти. Получив поддержку от Индустриальных рабочих мира (Industrial Workers of the World), Союз русских рабочих стал одной из ключевых русских политических левых организаций в США и Канаде. Вплоть до 1912 г. организация в большей степени была анархо-коммунистической, но под влиянием синдикализма провозгласила себя анархо-синдикалистской. Благодаря Союзу русских рабочих в свет вышли труды теоретиков анархизма в России (но пока еще не эмигрировавших в США), например Г.П. Максимова (см.: [Лапоть Гр. 1919]). В 1914 г. на съезде Союза в Детройте газета «Голос труда» становится печатным органом Федерации союзов русских рабочих США и Канады. Из-за «красной угрозы» специальной прокурорской группой (в состав которой входил Дж.Э. Гувер (Hoover), будущий глава ФБР) все рабочие союзы и объединения стали проверяться на предмет «большевистского заговора». Прокурорские проверки были и в отношении многих активистов Союза русских рабочих. В 1919 г. организация официально распалась (после того как многих анархистов и социалистов, бывших уроженцев Российской империи, выслали за пределы страны на «Советском ковчеге» (специальный рейс корабля «Vuford») в Петроград (в том же году)).

²⁶ Голос труда: Орган русских анархистов-синдикалистов; Орган «Союза русских рабочих в США и Канаде» / ред. 1911–1914: А.К. Родэ-Червинский, А.А. Карелин, 1914–1917: М. Раевский, В. Волин. New York. В мае–июне 1917 г. редакция в полном составе выехала в Россию. С августа 1917 г. издание возобновлено в Петрограде. Более подробно см.: [Рублев 2020].

²⁷ Фишилев Лев Иосифович (он же — Максим Раевский; 1880–1931) — русский теоретик анархо-синдикализма. В 1892–1899 гг. учился в классической гимназии при Нежинском Историко-филологическом институте графа А.А. Безбородко. После окончания гимназии эмигрировал в Европу, где посещал университетские лекции в Германии и Швейцарии. В Берлине сблизился с немецкими социал-демократами. В 1903 г. осознал себя анархистом. В 1906–1910 гг. работал над анархо-синдикалистским журналом «Буревестник». Печатался в «Хлебе и воле» и других периодических русскоязычных изданиях анархистской прессы. Подписывался как «М.Р.» или «Максим Раевский». Критиковал террористическую тактику анархистской группы «Черное знамя», практику экспроприации, настаивал на организованной рабочей борьбе с применением метода систематических забастовок. Как и Г.П. Максимов, считал, что «переходный период» между капитализмом и будущим анархистским обществом логически неизбежен. В 1917 г. в России находился в эпицентре революционного движения. Под его влиянием оказался не только Г.П. Максимов, но и другие русские анархисты, такие как В.М. Волин, Е.З. Ярчук и А.А. Боровой. Умер 19 сентября 1931 г. См. подробнее: [Рублев 2017].

²⁸ Рабочая мысль: Орган вольных рабочих Америки / ред. А. Шнабель (1916, № 1 — 1917, № 11, июнь). Нью-Йорк.

²⁹ Черкезишвили Варлаам Асланович (он же — Черкезов; 1846–1925) — грузинский революционер, анархо-коммунист. Участник революционных кружков в России 1860-х гг. Сотрудничал с Г.И. Гогелией и П.А. Кропоткиным в 1903–1905 и 1917 гг.

³⁰ Г.П. Максимов имеет в виду арест и тюремное заключение А. Шапиро за антивоенную агитацию в 1916 г.

³¹ «Голос труда» — анархо-синдикалистское книжное издательство, возникшее после переезда газеты «Голос труда» из США в Россию. Просуществовало в период 1917–1926 гг. Книжные магазины «Голоса труда» были в Петрограде/Ленинграде и Москве.

³² Турчанинов Павел Дмитриевич (он же — Лев Черный; 1878–1921) — русский анархист, теоретик ассоциационного анархизма. Выступал с критикой анархо-коммунизма. Полагал, что будущее общество должно представлять из себя федеративную сеть производственных ассоциаций. Если капитализм предлагает рынок и деньги в качестве информационного инструмента, сообщающего, что и в каком количестве производить, ассоциационный анархизм опирается на идею информационных бюро, собирающих данные о делах в той или иной ассоциации (тем самым регулируя экономическую слаженность ассоциаций). Расстрелян в 1921 г. Главный труд Л. Черного «Новое направление в анархизме: Ассоциационный анархизм» вышел в 1923 г. в Нью-Йорке посмертно (см.: [Черный 1923]).

³³ Яновский Шауль-Йосеф (1864–1939) — русско-еврейский анархист, активист идиш-движения, редактор, переводчик. Покинул Российскую империю и эмигрировал в США в 1885 г. В 1889 г. был редактором первой анархистской газеты на идиш — «Вархайт». Принципиальный противник метода террора, который пропагандировал американский анархист И. Мост; считал, что террор не способствует революции, полагал необходимым не насильственные, а просвещенческие меры в обществе, сторонник культурного воспитания рабочих. Переводил на идиш произведения Л.Н. Толстого, П.А. Кропоткина, Б. Шоу. Издавал анархистскую литературу в переводах на разные языки, в том числе на немецкий. По специальности — страховой агент. Умер в Нью-Йорке.

³⁴ П.А. Кропоткин планировал написать к концу жизни двухтомное философское сочинение по этике. Завершен был лишь первый том. В 1922 г. анархо-синдикалисты посмертно издали последнее сочинение князя-анархиста (см.: [Кропоткин 1922]).

³⁵ В 1918 г. Союз анархо-синдикалистской пропаганды (САСП) распался на отдельные группы. Г.П. Максимов, Е.З. Ярчук и др. организовали группу «Вольный голос труда». В том же году они стали издавать одноименную газету (до декабря 1918 г.). Газета «Вольный голос труда» технически основывалась на издательстве «Голос труда». Сведений о том, что группа Г.П. Максимова и Е.З. Ярчука могла позволить себе собственное издательство и уличные вывески, нет.

³⁶ Всероссийское демократическое совещание (Государственное совещание в Москве) — масштабный политический форум 12–15 августа 1917 г., инициированный Временным правительством во главе с А.Ф. Керенским. Главная задача совещания — обсуждение политической ситуации в стране и объединение вокруг правительства лояльных власти разных политических сил. Помимо представителей от разных политических партий и общественно-политических движений к участию приглашались влиятельные революционеры конца XIX столетия, среди которых был П.А. Кропоткин. Помимо самого П.А. Кропоткина, на форуме выступили с речью такие известные политические деятели, как П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, А.И. Гучков, Г.В. Плеханов, Е.К. Брешко-Брешковская и др.

³⁷ См.: [Старостин 1970].

³⁸ *Бонч-Бруевич В.Д.* Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. 1930. № 4. С. 177–194; *Бонч-Бруевич В.Д.* Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. 1930. № 6. С. 182–211.

³⁹ Г.П. Максимов воспроизводит цитату по памяти.

⁴⁰ *Кропоткин П.А.* Письмо В.И. Ленину. 4 марта 1920 г. // ГА РФ. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 105. Л. 20–21.

⁴¹ *Кропоткин П.А.* О заложниках: Письмо В.И. Ленину // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 478. Л. 1–4.

⁴² *Аришинов П.А.* П.А. Кропоткин и большевики. По Воспоминаниям о П.А. Кропоткине В.Д. Бонч-Бруевича // Дело труда. 1931. № 62–63. С. 7–13.

⁴³ Анархистский Красный Крест — международная организация, осуществляющая помощь заключенным в тюрьму анархистам. Политический Красный Крест — общее на-

звание для сети организаций, которые осуществляли финансовую и юридическую помощь политическим заключенным в Российской империи, далее — в СССР. Первая такая организация была создана бывшими участниками кружка «чайковцев» (куда входил и П.А. Кропоткин) в 1874–1875 гг. Из-за идеологических разногласий между анархистами и социал-демократами с 1906 г. был образован отдельный Анархистский Красный Крест. С 1918 г. организация была переименована в Анархистский Черный Крест.

⁴⁴ Рудольф Рокер (Rocker; 1873–1958) — немецкий политический деятель, один из основоположников теории анархо-синдикализма. Автор главных программных документов Международной ассоциации труда (МАТ). Активист и организатор профсоюзного движения в Германии, Нидерландах и США. Автор таких книг, как «Анархо-синдикализм» («Anarcho-syndicalism», 1938) и «Национализм и культура» («Nationalismus und Kultur», 1949). Один из ближайших друзей Г.П. Максимова.

ХРОНИКА

М.Ю. Сорокина

«РУССКИЙ АДРЕС БЕЛГРАДА: ЮРИЙ ЛОБАЧЕВ (1909–2002)»:
МЕЖДУНАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ВЫСТАВКА

В сентябре–ноябре 2021 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына экспонировалась новая художественно-документальная выставка «Русский адрес Белграда: Юрий Лобачев (1909–2002)».

Это очередной совместный научно-исследовательский и выставочный проект кураторов ДРЗ Марины Сорокиной и Дарьи Жмылевой и профессора Белградского университета Ирины Антанасиевич (Республика Сербия), представляющий российской публике и специалистам ранее неизвестный пласт художественной культуры Сербии, сформированный русскими именами в жанре комикса / графического романа / рисованных историй. Уже проведенные три выставки, посвященные русским художникам комикса в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) / Королевстве Югославия в межвоенный период XX в., а также изданные по материалам выставок художественно-документальные каталоги пользовались большим успехом, о них появилось много отзывов в СМИ и в соцсетях.

Кроме того, выставка «Русский адрес Белграда: Юрий Лобачев (1909–2002)» открывала новый научно-исследовательский и выставочный проект Дома русского зарубежья — «Пространства общей памяти: историческое наследие русского зарубежья в Европе», целью которого является возвращение на родину художественно-документального наследия представителей разных волн русской эмиграции, чей выдающийся вклад в историю, культуру и науку стран рассеяния давно стал достоянием этих стран и народов, но мало или почти неизвестен в России.

Особое место в истории русского зарубежья занимает Белград — прекрасная столица Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославия / СФРЮ / Республики Сербии — как важнейшее пространство встречи, взаимодей-

*Афиша выставки,
художник Марко Шерер (Сербия)*

Семья Лобачевых на фоне центральной площади Белграда, фотоколлаж, художник Д. Жмылева

ствия и взаимовлияния русской и сербской культур. Сегодня русский маршрут Белграда насчитывает многие сотни имен и исторических и культурных памятников, которые, за исключением традиционных — храма Св. Троицы, Русского дома, русских участков Нового кладбища и др., — пока еще недостаточно освоены российским общественным сознанием.

Топонимика столицы Сербии тесно связана с Россией, ее историей, культурой и наукой, а также с деятельностью представителей русской диаспоры. На улицах Белграда мы встречаемся с именами великих русских писателей — Анны Ахматовой, Антона Чехова, Максима Горького, Михаила Лермонтова, Николая Гоголя, Льва Толстого, Федора Достоевского, Ивана Тургенева, Александра Солженицына, Владимира Набокова и др.; известных дипломатов — Николая Гартвига и Григория Щербины; исторических деятелей — Александра Невского и императора Николая II; советских генералов, освобождавших Белград и Балканы от нацизма в годы Второй мировой войны, — Владимира Жданова и Федора Толбухина; выдающихся деятелей русской культуры — Владимира Немировича-Данченко, Андрея Тарковского; нашего великого соотечественника, пионера космонавтики Юрия Гагарина и многих других.

Отдельное место в русской топонимике Белграда занимают имена выдающихся русских эмигрантов XX в. — философа Николая Бердяева, шахматиста Александра Алехина, генерала Федора Махина, а также тех из них, кто внес значительный

Карта странствий Ю.П. Лобачева, художник А. Гайич (Сербия)

вклад в развитие югославской и сербской науки и культуры, — математика Николая Салтыкова, архитектора Николая Краснова, художников Игоря Васильева и Юрия Лобачева. Улица Лобачева, одного из основателей югославского и русского комиксов, — единственная улица в Европе, названная именем художника-комиксиста.

Открытие международной художественно-документальной выставки «Русский адрес Белграда: Юрий Лобачев (1909–2002)» состоялось в Доме русского зарубежья 24 сентября 2021 г. Новой экспозиции предшествовала ее электронная версия под названием «Русские в Сербии: Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник», в мае 2020 г. размещенная на официальном сайте ДРЗ ввиду пандемийных ограничений; к ее открытию был издан каталог с одноименным названием.

Выступая с приветственным словом на открытии выставки, основатель и директор Дома русского зарубежья Виктор Александрович Москвин подчеркнул, что с самого начала деятельности ДРЗ сербская тема всегда была одной из ведущих, а сотрудничество с сербскими коллегами неизменно дает очень хорошие практические результаты — новые кинофильмы, выставки, историко-документальные издания. Многие годы работники Дома активно сотрудничают с различными сербскими культурными и научными учреждениями и организациями соотечественников, собирая, изучая и представляя в России и Сербии вклад русской эмиграции в культурную, научную и общественную жизнь Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославия в период между Первой и Второй мировыми войнами.

С сербской стороны организаторов и гостей приветствовал Временный поверенный в делах Республики Сербии в Москве доктор Славолуб Царич. «Ны-

Выступает директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин

Временный поверенный в делах Республики Сербии в Москве доктор Славолуб Царич

нешняя выставка несет мощный позитивный заряд. Она подчеркивает российско-сербские взаимоотношения и выполняет важную миссию сближения наших народов», — отметил дипломат. Приветственные адреса организаторам и гостям открытия выставки направили директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД РФ А.Б. Нуризаде и руководитель Россотрудничества Е.А. Примаков.

Проводившая церемонию открытия куратор выставки, заведующая Отделом истории российского зарубежья ДРЗ Марина Сорокина отметила, что русский художник Юрий Лобачев, которого в Сербии хорошо знают под псевдонимом Джордже Стрип, — один из основателей югославского комикса и великолепный иллюстратор. Сын российского императорского консула, он родился в Старой Сербии в городке Скадар-на-Бояне и провел первую половину жизни в Югославии, а вторую — в СССР, вернувшись на родину предков в 1955 г. Здесь Юрий Павлович жил в Ленинграде, тесно сотрудничал с советскими журналами и газетами, а также внес большой вклад в образовательную литературу, оформляя школьные учебники с использованием шарад и ребусов, которыми увлекался с детства. Но никогда художник не забывал страну своего детства и юности и в 1980-е гг. выпустил уникальное издание к 600-летию битвы на Косовом поле — иллюстрированный сборник сербского эпоса. Неудивительно, что в Сербии уже опубликованы три тома художественного наследия Лобачева и еще два готовятся к печати, а в Белграде Школа комиксов носит его имя.

Почетным гостем открытия выставки стал сын Юрия Павловича — Дмитрий Юрьевич Лобачев, который предоставил для экспозиции многие артефакты и фотографии из домашнего архива. Выступая на открытии, он особо отметил, что его отец в годы Второй мировой войны был членом эмигрантской антифашистской организации «Союз советских патриотов». Художник помогал партизанам, а с 1944 г. — Красной армии, с которой дошел до самой Вены. Ю.П. Лобачев был переводчиком и фронтовым

Куратор выставки М.Ю. Сорокина

Д.Ю. Лобачев на открытии выставки

художником. Присутствующие на открытии выставки гости горячо приветствовали Дмитрия Юрьевича и всех членов семьи Лобачевых, ныне живущих в Москве.

О сербских страницах жизни Юрия Лобачева рассказала научный сотрудник Института новейшей истории Сербии доктор истории Милана Живанович. Она подчеркнула, что вклад русской эмиграции в научную и культурную жизнь Сербии всегда остается в памяти потомков, и высказала уверенность, что будущие совместные проекты ДРЗ и сербских коллег откроют еще не одну новую страницу «общего пространства памяти» российского и сербского народов.

Выставочный проект «Русский адрес Белграда: Юрий Лобачев (1909–2002)» осуществлен Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына при поддержке сербских институций — филологического факультета Белградского университета, Союза комикс-художников Республики Сербии, Архива Югославии, Исторического архива г. Белграда, при активном содействии российских и сербских государственных архивов — Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга и других, которым кураторы проекта выражают искреннюю признательность.

Одна из витрин выставки

М.Ю. Сорокина

«РУССКИЕ В СЕРБИИ:
АЛЕКСЕЙ И ИВАН ШЕНШИНЫ, УЧЕНЫЙ И ХУДОЖНИК»:
МЕЖДУНАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ВЫСТАВКА

В ноябре 2021 — марте 2022 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына экспонировалась международная художественно-документальная выставка «Русские в Сербии: Алексей и Иван Шеншины, ученый и художник», осуществленная ДРЗ при поддержке российских и сербских институций — филологического факультета Белградского университета, Союза комикс-художников Республики Сербии, Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива г. Москвы, Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова, Государственного архива Пензенской области, Исторического архива г. Белграда, Интернет-портала «Русская Сербия» — и частных коллекционеров.

Новая экспозиция продолжила программу двух выставочных проектов Дома русского зарубежья и его сербских партнеров — «Русские в Сербии» и «Пространства общей памяти: историческое наследие русского зарубежья в Европе».

Созданные с целью возвращения на родину художественно-документального наследия разных волн русской эмиграции, эти проекты постоянно вводят в широкий общественный и научный оборот новые имена русских беженцев и эмигрантов XX в. — художников, ученых, дипломатов, архитекторов, представителей других профессиональных сообществ, чей вклад в мировую историю, культуру и науку давно признан выдающимся, но пока мало известен в России.

В то же время эта выставка — очередная совместная работа профессора Белградского университета Ирины Антанасиевич (Республика Сербия) и кураторов Дома русского зарубежья Марины Сорокиной и Дарьи Жмылевой. На протяжении последних лет они открывают для российской публики и специалистов ранее неизвестный пласт художественной культуры Сербии, сформированный русскими именами в жанре комикса / графического романа / рисованных историй. Уже проведенные три выставки и опуб-

*Афиша выставки,
художник Д. Жмылева*

Шеншины. Страницы семейного альбома

ликованные на их основе художественно-документальные каталоги пользовались большим успехом, о них появилось много отзывов в СМИ и в социальных сетях.

Новая выставка впервые представила в Москве — и в России — творчество и наследие братьев Шеншиных — художника Ивана Ивановича Шеншина (1899–1944), ставшего в эмиграции талантливым автором югославского комикса, и известного ученого-агробиолога, профессора Белградского университета Алексея Ивановича Шеншина (1891–1954). Экспозиция познакомила посетителей не только с художественным и научным творчеством братьев, но и с драматической историей всей семьи Шеншиных на фоне глобальных исторических катаклизмов XX в.

Шеншины — пензенская ветвь известного дворянского рода. Старший из братьев — Алексей Шеншин — специалист по лесоразведению, участник Белого движения, в эмиграции жил сначала в сербском Нови-Саде, куда приехал из беженских лагерей Египта, а затем много лет преподавал в Белградском университете. Младший — Иван — также участник Гражданской войны на стороне Белого движения. Корнет гвардейского кавалерийского полка, он был эвакуирован из Крыма в 1920 г. и затем перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где и служил в Белграде штатным художником, в том числе в журнале «Веселый четверг» («Весели четвртак»).

Графические романы (комиксы) И.И. Шеншина познакомили широкую балканскую и европейскую аудиторию первой половины XX в. со многими произведениями русской и советской литературы («Старик Хоттабыч» и др.), европейской классики («Собор Парижской Богоматери», «Похождения бравого солдата Швейка», «Марко Королевич» и др.). Как считает один из кураторов выставки, автор монографии о русских художниках-комиксистах в Югославии, профессор Ирина Антанасиевич, талантливый переводчик и сценарист, Иван Шеншин не столько пересказывал классические истории, сколько создавал оригинальные авторские импровизации на заданную тему. Особенно сильно это чувствуется в ко-

Коллаж из кадрoв комикса И. Шеншина «Храбрый солдат Швейк» по роману Я. Гашека

микс-романе «Храбрый солдат Швейк» («Храбри војник Швейк») по роману Я. Гашека, который был очень любим читателями именно из-за полного «включения» Швейка в балканские реалии.

К сожалению, наследие и художника И.И. Шеншина, чье имя присутствует во многих зарубежных энциклопедиях (Франции и Бельгии, например), и профессора А.И. Шеншина остается почти неизвестным на родине. Впервые в России на выставке были представлены оригинальные листы комиксов, рисованных И.И. Шеншиным, а также документы и фотографии братьев Шеншиных, выявленные в архивах России и Сербии.

Особое значение для экспозиции имели документы, обнаруженные в пензенских государственных архивах благодаря содействию пензенских краеведов, историков, архивистов.

Открывая выставку в Доме русского зарубежья 30 ноября 2021 г., директор Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова М.Н. Осипова отметила, что род Шеншиных — древнейший дворянский род Пензенской области. На пензенской земле родились и учились многие

Обложка югославского журнала «Мика Миш». Кадр из комикса И. Шеншина «Газават»

известные русские писатели (А.Н. Радищев, А.И. Куприн, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский и др.), а дед братьев Шеншиных, Владимир Александрович Шеншин, был другом поэта М.Ю. Лермонтова. Сегодня, продолжила Марина Николаевна, мы очень рады возвращению на родину наследия многих новых замечательных литераторов и ученых — Романа Гуля, Ивана и Алексея Шеншиных, Алексея Дуракова, Ильи Голенищева-Кутузова. Она выразила уверенность, что благодаря сотрудничеству с Домом русского зарубежья таких имен на карте Пензенской области будет появляться все больше и больше.

Директор ДРЗ В.А. Москвин, который также выступил на открытии выставки, вспомнил лето 1999 г., когда он вместе с Ю.А. Трубниковым и директором парижского издательства «YMCA-Press» Н.А. Струве во время дней «YMCA-Press» в Пензе и передачи книжного дара Пензенской областной библиотеке посетил родовую усадьбу «Колтовское» Н.В. Вырубова. Сразу после этой поездки В.А. Москвин отправился в Югославию, где увидел разбомбленные дома и улицы Белграда, и контраст между Пензой и Белградом после бомбежки тогда поразил его. Директор Дома поблагодарил создателей выставки за постоянное внимание к теме русского комикса в Югославии, ранее почти неизвестного в России, а сейчас вызывающего большой интерес. В.А. Москвин также тепло поздравил профессора И. Антанасиевич, удостоенную в соответствии с Указом Президента России В.В. Путина от 24 ноября 2021 г. российской государственной награды — медали Пушкина. По знаковому совпадению профессор узнала о награде в Пензе, где принимала участие в XIII Межрегиональной книжной выставке-ярмарке. Во время церемонии открытия выставки «Русские в Сербии: Алексей и Иван Шеншины, ученый и

М.Н. Осипова и В.А. Москвин

В.А. Москвин поздравляет И. Антанасиевич

*Кураторы выставки И. Антанасиевич
и М. Сорокина*

художник» директор Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова М.Н. Осипова и директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин подписали договор о сотрудничестве между институтами.

Куратор выставки заведующая Отделом истории российского зарубежья ДРЗ Марина Сорокина обратила внимание присутствующих, что Дом русского зарубежья уже несколько десятилетий обращается к историко-культурной тематике, связанной с русским присутствием на Балканах, и прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии, а выставка братьев Шеншиных — уже четвертая за последние пять лет, по-

священная наследие художников-комиксистов в Югославии.

Профессор Ирина Антанасиевич призналась, что, когда проект по популяризации наследия русского комикса Королевства Югославия только стартовал в ДРЗ, трудно было представить, что он принесет столько ярких научных и выставочных результатов — с каждой выставкой открываются все новые и новые имена русских художников, ученых, дипломатов, интенсивно и плодотворно работавших в эмиграции в этой балканской стране.

Фрагмент выставки, художник Д. Жмылева

Явление русского комикса в Югославии было одновременно явлением европейского комикса, эти комиксы печатались во Франции, Бельгии, Скандинавии, отметила профессор Антанасиевич. И хотя еще недавно бытовало мнение, что в этом жанре нет русских имен, важным результатом работы над проектом стало признание значительного вклада именно русских художников в развитие европейского графического романа. Она также с благодарностью вспомнила своего коллегу, сербского исследователя Здравко Зупана, который ввел ее в тему, и свою недавно ушедшую маму, которая была бы так счастлива в день открытия выставки.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

В.В. Леонидов

ВЕЛИКИЙ БИБЛИОТЕКАРЬ

Великий библиотекарь: к 120-летию со дня рождения Маргариты Ивановны Рудомино: в 2 т. М.: Пашков дом, 2020. Т. 1: Дело жизни. Друзья и соратники М.И. Рудомино и ее библиотеки. — 480 с.; Т. 2: Книги моей судьбы. Избранные статьи, воспоминания, письма, интервью, документы М.И. Рудомино. — 432 с.

A Great Librarian. In Celebration of the 120th Anniversary of Margarita Rudomino: in 2 vol. — Moscow: Pashkov House, 2020. Vol. 1: The Business of Life. Friends and Associates of Margarita Rudomino and Her Libraries. — 480 p.; Vol. 2: The Books of My Destiny. Selected Articles, Memoirs, Letters, Interviews, Documents of Margarita Rudomino. — 432 p.

Герой романа Э. Хемингуэя «Иметь и не иметь» (1937) Гарри Морган говорил: «Человек один ни черта не может». И у нас есть подобная поговорка — один в поле не воин. Своими фантастическими достижениями Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990) опровергла все вышесказанное.

Да и Хемингуэя, ставшего кумиром для целого поколения советской молодежи, открыли в СССР во многом благодаря этой удивительной женщине. Вообще очень трудно измерить, что значила созданная ею и доведенная до огромного, общепризнанного всем миром культурного центра Государственная библиотека иностранной литературы. В стране, где властвовала жесткая идеология, одним из краеугольных камней которой была ксенофобия.

А началось все в 1921 г., в голоде и холоде. Только что кончилась Гражданская война. Казалось, мысли были об одном — выжить. А эта непонятная девушка со странной, непролетарской фамилией привозит в Москву из Саратова большую коллекцию книг на иностранных языках и на пятом этаже неотапливаемого дома в Денежном переулке пытается открыть библиотеку Неофилологического института. Потом оттуда ее выгнал всемогущий Луначарский, но она, доказывая во всех инстанциях, что пролетариям надо изучать иностранные языки, сумела добиться своего. И сквозь все годы репрессий, чисток, борьбы с формализмом и космополитизмом не только сохранила библиотеку, но и добилась для нее строительства нового, большого здания.

Она кочевала вместе с книгами и коллективом своих соратников с одной улицы на другую, с Разина в Исторический музей, потом в Столешников. Библиотека

обрастала филиалами, стала Государственной библиотекой иностранной литературы. И, что, пожалуй, главное — одним из немногих центров, где ощущался дух свободы.

Маргарита Ивановна брала на работу даже тех, от кого встречные шарахались на улицах, тех, кого не принимали по причине классового происхождения, потом — лиц, причастных к диссидентству. Для нее главным было знание своего дела и, конечно, порядочность.

Библиотека собрала миллионы книг, на проходившие здесь семинары, конференции и выставки стремилась вся Москва. Самые известные интеллектуалы, приезжавшие в столицу СССР, считали за честь выступить в ГБИЛ.

Но, когда в 1973 г. понадобилась должность для дочери одного из руководителей Советского государства, заслуги Маргариты Ивановны не помогли... Ее просто вышвырнули на пенсию.

С новыми ветрами перестройки об этой удивительной женщине вспомнили, была даже серьезная попытка добиться присвоения ей звания Героя Социалистического Труда. Но — не успели.

Сын Маргариты Ивановны, экономист Адриан Васильевич Рудомино, со времени смерти матери в 1990 г. делал все для справедливого восстановления ее памяти. Открывались мемориальные доски, проходили конференции, издавались книги. И сейчас, когда уже нет и его, эстафету подхватил сын А.В. Рудомино Василий. Именно он стал главным «мотором» двух великолепно изданных томов, вышедших в московском издательстве «Пашков дом» в 2020 г. и объединенных под названием «Великий библиотекарь».

От этих книг, напечатанных на прекрасной бумаге, от обильно рассыпанных по страницам уникальных фотографий, от впервые опубликованных документов словно веет каким-то благородством. Тем, что всегда было отличительной чертой Маргариты Ивановны Рудомино.

Первый том «Дело жизни» посвящен воспоминаниям о Маргарите Ивановне тех, кто ее знал, и тех, кто продолжил дело жизни этой великой женщины. Здесь и академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, и Корней Иванович Чуковский, и германист Лев Копелев. О величии наследия Рудомино размышляют директор Российской государственной библиотеки Вадим Дуда и бессменный руководитель Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, работавший четверть века назад в ГБИЛ, Виктор Александрович Москвин. Конечно, представлены статьи Адриана Васильевича Рудомино и его сестры Марианны, также верно хранящей память матери. О своей любимой бабушке пишет Василий Рудомино. А еще — целый ряд восхищенных строк директоров крупнейших библиотек мира. Также о Маргарите Ивановне вспоминают те, кому посчастливилось работать рядом с ней.

Второй том «Книги моей судьбы» безраздельно отдан самой героине. Здесь интервью Маргариты Ивановны, заявка на книгу, которую она так и не успела написать. Очень интересные воспоминания легендарного летописца свидетельств неподцензурной советской интеллигенции Виктора Дувакина (профессор МГУ, изгнанный за поддержку Даниэля и Синявского, он обходил с магнитофоном незаурядных людей и записывал их рассказы). Опубликованы различные выступле-

ния Маргариты Ивановны на международных конгрессах, куда ее часто и охотно приглашали. Долгие годы она была одной из тех, кого называли лицом страны, и одной из тех, кому удалось предотвратить полное закрытие железного занавеса.

Словом, двухтомник «Великий библиотекарь» — более чем достойное издание о замечательной женщине и выдающемся человеке.

РЕЗЮМЕ

УДК 821.161.1

Т.В. Марченко

**Год Ивана Бунина в Доме русского зарубежья:
Форум, выставка, издания**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

В 2020 г. в России прошел Год Бунина, 150-летие писателя отмечалось на государственном уровне. Дом русского зарубежья активно подключился к празднованию юбилея первого нобелевского лауреата по литературе. Организатор юбилейных мероприятий, создатель выставки и автор опубликованных текстов предлагает обзор главных событий бунинианы в ДРЗ, рассказывает о реализованных программах, о научном, литературном и музейно-просветительском сотрудничестве, инициированном бунинским юбилеем как национальным и международным проектом.

Ключевые слова: Иван Алексеевич Бунин, Нобелевская премия по литературе, 150-летний юбилей, музей, архивы, выставка, документы, биография и творчество писателя, русское зарубежье, рецепция русской литературы во Франции и в мире.

УДК 821.161.1

Т.В. Марченко

Иван Алексеевич Бунин:

«Совсем как птица был я всю жизнь...»

Предисловие к португальскому изданию «Темных аллея»

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

В 2020 г. в лиссабонском издательстве «D. Quixote» («Дон Кихот») вышло первое издание «Темных аллея» Ивана Бунина в переводе на португальский язык. Перевод

осуществили Нина и Филиппе Герра, давно и целенаправленно знакомящие маленькую страну на крайнем западе Европы — и весь огромный, читающий на португальском мир от Африки до Латинской Америки — с русской классикой и современными авторами. Книга в прекрасном оформлении вышла в юбилейный для Бунина год. По-русски текст публикуется впервые.

Ключевые слова: Бунин, «Темные аллеи», перевод на португальский язык, биография, творчество, поэтика и стиль.

УДК 82.0 + 821.161.1 + 82.09

А.К. Жолковский

**Заметки о двух нарративных приемах Бунина:
эффект «воронки» и «авторские» персонажи**

Лос-Анджелес, США, Университет Южной Калифорнии
E-mail: alik@usc.edu

На материале нескольких коротких рассказов Бунина рассматриваются два повествовательных приема, характерных для его новеллистики и сочетающих сильнейшую модернистскую выразительность с убедительной реалистической натурализацией (= мотивировкой). Эффект «воронки» строится на комбинации ряда элементарных типовых приемов выразительности, создавая ненавязчиво нарастающее устремление к эффектной развязке. «Авторский» (= авторствующий, читательствующий, редакторствующий или иной литературно активный) персонаж подспудно активизирует метатекстуальный и жизнетворческий планы повествования.

Ключевые слова: «Легкое дыхание», «Грамматика любви», «В некотором царстве», «Визитные карточки», Чехов, Мопассан, модернизм, натурализация, повествование, поэтика выразительности, приемы выразительности, «воронка», «авторский» персонаж.

УДК 82.09

И.В. Кочергина

**И.А. Бунин: «Мне недавно прислали вырезку...»
(Об авторстве фельетона «Выстрел в рот» в газете «Известия» за 1925 г.)**

Москва, ГБОУ «Пятьдесят седьмая школа»
E-mail: irepismo@gmail.com

В статье приводятся итоги исследования, цель которого — определить авторство фельетона «Выстрел в рот» в газете «Известия» от 26 июля 1925 г. Изложены результаты архивных изысканий и почерковедческой экспертизы, в ходе которых были сопоставлены записка П.А. Виленского из фонда Андрея Белого (РГАЛИ) и письмо П. Шубина, сотрудника «Известий» (РГАСПИ). На основании экспертизы был сделан вывод, что эти рукописные источники написаны одним лицом — П.А. Шубиным-Виленским. В качестве дополнительных источников изучены письма других сотрудников редакции «Известий» этого периода с упоминанием имени Шубина, а также машинописный вариант фельетона «Выстрел в рот» с правками автора, сохранившийся в редакционных материалах газеты. Дан краткий очерк деятельности Шубина-Виленского как журналиста и общественного деятеля, особое внимание уделено дореволюционному периоду и его работе в крупных периодических изданиях. Сделан обзор публикаций Шубина-Виленского в «Известиях» за 1925 г. Статьи и фельетоны Шубина по преимуществу касались русской эмиграции, социал-демократических партий и — реже — внутренней политики. К особенностям стиля автора можно отнести пропагандистские приемы, характерные для советской прессы 1920-х гг. Пересказан фельетон «Выстрел в рот» и проанализирована та его часть, которая касалась повести Бунина «Митина любовь». Сделан вывод о пропагандистском характере заметки Шубина. Освещено также отношение Бунина к этой публикации: упоминаются отклики на нее в публицистике писателя. В приложениях приведен фрагмент фельетона Шубина «Выстрел в рот», а также записка на визитной карточке Шубина, адресованная А. Белому.

Ключевые слова: И.А. Бунин, П.А. Шубин, пропаганда, русская эмиграция, 1920-е гг., «Известия».

УДК 821.161.1 + 82.09

М.Д. Шраер

«Был Мартынов галстук, бледно-серый...»: Поэт Бунин и прозаик Бунин в романе Набокова «Подвиг»

Честнат Хилл, США, Бостонский Колледж
E-mail: shrayerm@bc.edu

В статье рассматривается вопрос о присутствии И.А. Бунина в романе В.В. Набокова «Подвиг». В созданном Набоковым образе писателя Бубнова преломляется толь-

ко меняющееся отношение «прилежного ученика» Набокова к «великому мастеру» Бунину, но и отражается вопрос о литературном влиянии Бунина, реальном и потенциальном. Внешний образ, характер и литературная аура Бубнова в «Подвиге» — это, вероятно, не только первая попытка Набокова внедрить тень Бунина в текст художественной прозы, но и один из первых метакритических выпадов Набокова-ученика в адрес Бунина-учителя.

Ключевые слова: И.А. Бунин, В.В. Набоков, соперничество, эмиграция, русская поэзия, русская проза, американская проза, роман Набокова «Подвиг», портреты писателей, версификация.

УДК 821.1 61.1 + 82-1/-9 + 82-31

Л.Г. Панова

Годы учения, странствий и воспитания чувств русского художника в юности: «Жизнь Арсеньева» с точки зрения жанра

Лос-Анджелес, США, независимый исследователь
E-mail: lada_panova@hotmail.com

Эта статья — попытка разобраться с жанром прославленного, но мало исследованного эмигрантского романа Ивана Бунина. До настоящего времени «Жизнь Арсеньева» классифицировалась как завуалированно-автобиографическое бессюжетное повествование; в редких случаях она именовалась *Künstlerroman*’ом (романом повзреления «художника»). В статье приводятся разнообразные доводы в поддержку последней дефиниции. «Жизнь Арсеньева» рассматривается на фоне романов воспитания / формирования / повзреления как «художников», так и *everyman*’ов в диапазоне от Иоганна Вольфганга Гёте до Марселя Пруста; от Ивана Гончарова и Льва Толстого до *Künstlerroman*’ов со-эмигрантов Бунина. Вскрывается полноценный сюжет романа — тщательно продуманный сценарий повзреления юного творца, а также металитературная надстройка, возведенная и над сюжетом, и над фигурой Алексея Арсеньева.

Производимая в статье контекстуализация «Жизни Арсеньева» позволяет выйти на эстетическую проблематику романа, а именно — на вопрос о соотношении в нем модернизма и традиции. Преобладание традиции, особенно русского XIX столетия, над модернизмом легко объяснимо. В намерения Бунина-эмигранта входило запечатлеть «старую» — утраченную — Россию.

Ключевые слова: Иван Бунин, «Жизнь Арсеньева», *Künstlerroman* (роман повзреления «художника»), *Bildungsroman* (роман воспитания / формирования / повзреления), автобиография, русский эмигрантский дворянский *Künstlerroman*, разбор одного произведения, интертекстуальность, И.В. Гёте, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький, М. Пруст, русский дворянин, Автор, металитературность, первая волна русской эмиграции, советская метрополия, русская диаспора.

УДК 930

П.А. Трибунский

Собирание материалов И.А. Бунина в предвоенной Чехословакии

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: pt2140@yandex.ru

Статья посвящена усилиям двух эмигрантских учреждений, Русского заграничного исторического архива и Русского культурно-исторического музея в Праге, по собиранию материалов писателя И.А. Бунин в предвоенной Чехословакии.

Ключевые слова: И.А. Бунин, В.Ф. Булгаков, Русский культурно-исторический музей в Праге, Русский заграничный исторический архив, коллекция.

УДК 94(497) + 94 (497.11) + 94 (470+571)

М.Ю. Сорокина

Нестор русской Сербии: Алексей Арсеньев

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье определяется значение деятельности выдающегося историка русской эмиграции в Югославии Алексея Борисовича Арсеньева.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, межвоенная Югославия, соотечественники, А.Б. Арсеньев.

УДК 94(497.1)

А.Б. Арсеньев

Русский Белград:

масоны, теософы, оккультисты, буддисты

Нови-Сад, Республика Сербия, независимый исследователь
E-mail: arsenjev@neobee.net

В статье представлено несколько обществ и группировок «русского Белграда» межвоенного периода. О них сохранились скудные сведения, которые впервые объединены в настоящей работе. Это дает возможность подробнее узнать про существовавшие в Белграде масонскую ложу «Максим Ковалевский» (1926–1940), теософскую ложу «Ярослав Мудрый» (1925–1947), про кружки оккультистов и про религиозную

жизнь примерно 500 калмыков, прибывших в Сербию в составе Донского казачьего корпуса при Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

Состав обеих белградских лож был немногочисленным (до 20 членов в каждой), но их деятельность была заметной на фоне всего русского зарубежья в целом. Журнал «Оккультизм и йога» (1933–1938) под редакцией А.М. Асеева, выходивший при опеке супругов Н.К. и Е.И. Рерихов, считался форпостом оккультного учения среди русских, обосновавшихся в Европе. Буддийский храм в Белграде, построенный руками калмыков, был единственным в Европе тех лет.

Ключевые слова: русская эмиграция в Белграде, русские масоны, ложа «Максим Ковалевский», русские теософы, ложа «Ярослав Мудрый», русские оккультисты, журнал «Оккультизм и йога», калмыки, буддийский храм в Белграде.

УДК 94(497.1)

М. Живанович

**Вклад Алексея Борисовича Арсеньева
в сохранение русского наследия в Сербии**

Белград, Республика Сербия, Институт новейшей истории Сербии
E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

В статье представлена многогранная деятельность Алексея Борисовича Арсеньева, направленная на сохранение русского наследия в Сербии.

Ключевые слова: А.Б. Арсеньев, русская эмиграция, Сербия, Югославия, наследие.

УДК 94(497) + 94 (497.11) + 94 (470+571)

И. Антанасиевич, А.Б. Арсеньев, М.Ю. Сорокина
«Душа, как сны, вольна...»:
Екатерина Таубер об Илье Голенищеве-Кутузове

И. Антанасиевич
Белград, Республика Сербия, Университет Белграда
E-mail: antiira@mail.ru

А.Б. Арсеньев
Нови-Сад, Республика Сербия, независимый исследователь
E-mail: arsenjev@neobee.net

М.Ю. Сорокина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье публикуется текст письма поэтессы Е.Л. Таубер сербскому литературоведу О. Джуричу с воспоминаниями о белградском периоде жизни поэта и филолога-романиста и слависта И.Н. Голенищева-Кутузова.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, межвоенная Югославия, И.Н. Голенищев-Кутузов, Е.Л. Таубер, О. Джурич.

УДК 821.161.1

Н.Ю. Масоликова
«Стихи и звезды остаются, а остальное — все равно» (Г. Иванов):
Неизвестное стихотворение Виктора Ирецкого

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: nmasolikova@mail.ru

Публикация неизвестного стихотворения высланного из России на «философском пароходе» русского писателя-эмигранта первой волны В.Я. Ирецкого (1882–1936).

Ключевые слова: В.Я. Ирецкий, русское зарубежье, «философский пароход».

УДК 94 (497.1)

О.П. Янчевецкая
Дневники
(1909–1910, 1918–1920, 1935–1936)

Публикация, вступительная статья и комментарии И.В. Просветова

И.В. Просветов
Москва, «АС РУС Медиа»
E-mail: prosvetov@forbes.ru

Первая публикация дневников выдающейся певицы русского зарубежья, хранившихся в семейном архиве. Ольга Янчевецкая покинула Россию в ноябре 1920 г. и, будучи на тот момент лишь начинающей певицей, сделала блестящую артистическую карьеру в эмиграции. В середине 1930-х она стала самой известной исполнительницей романсов в Югославии и пользовалась популярностью вплоть до своей кончины в 1978 г. Сохранившиеся дневниковые записи отражают три разных периода биографии Янчевецкой и позволяют понять, как развивался ее талант и складывался путь к успеху. Помимо этого, они являются интересным источником по культуре России начала XX в., истории Гражданской войны и русской эмиграции.

Ключевые слова: Ольга Янчевецкая, романс, Серебряный век, Гражданская война, эмиграция, Югославия.

УДК 93/94-930.1

**«Русская эмиграция разложилась ниже всякой критики»:
Из воспоминаний М.Ф. Скородумова**

*Публикация, вступительная статья, подготовка текста
и комментарии М.М. Горинова-мл.*

М.М. Горинов
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

Публикуется фрагмент воспоминаний М.Ф. Скородумова из фонда Всероссийской мемориальной библиотеки архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Он посвящен двум основным сюжетам: строительству Памятника русским воинам на Новом кладбище в Белграде и взаимоотношениям внутри русской монархической эмиграции. Воспоминания представляют необычную, критическую характеристику автором русской эмиграции.

Ключевые слова: М.Ф. Скородумов, Памятник Русской славы, Союз русских военных инвалидов, Белград.

УДК 94(4)

Ф.Б. Поляков
**Партизанский эпизод в биографии А.В. Исаченко:
свидетельства и документы**

Вена, Австрия, Институт славистики Венского университета
E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

В статье на материале документов из семейного архива лингвиста, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. профессора Братиславского университета, А.В. Исаченко рассматриваются обстоятельства его адаптации в академической среде Словацкого государства и Чехословакии и проводится реконструкция малоизвестного эпизода его биографии — участия в поддержке партизанского движения в Восточной Словакии.

Ключевые слова: русская эмиграция в Словакии, история славистики, русская наука в зарубежье, участие русской эмиграции в антифашистском движении, А.В. Исаченко.

УДК 7.07:929 + 94(47P+497.1+87) + [75+76+7.041.5+7.049.6+7.047]: (497.1+87)

В.Л. Шульгин
**Россия — Югославия — Венесуэла:
Жизнь изгнанника «с палитрой и кистью в руке»**

Москва, независимый исследователь
E-mail: shumos1101@gmail.com

В статье приводятся результаты большого исследования и полноценного «открытия нового имени» — художника русского зарубежья М.М. Хрисогонова (1891–1982), рисовальщика-портретиста, педагога, художника-живописца. Раскрывается неизвестная ранее биография, собранная по материалам архивов, редких и малоизвестных публикаций, личной переписки автора статьи. Воспроизводятся фрагменты писем и записей самого Михаила Хрисогонова, воспоминаний лиц, знавших его, фотографии разных лет. Статья проиллюстрирована впервые публикующимися работами Михаила Хрисогонова: портретами, пейзажами, натюрмортами, в том числе портретами поэта Игоря Северянина, общественного деятеля В.В. Шульгина, поэта Д. Кобякова.

Ключевые слова: художник Михаил Хрисогонов, представители русского зарубежья в Королевстве Югославия и Венесуэле, русские гимназии и кадетские корпуса в Югославии.

УДК 94(497.1) + 929

Е.К. Межинская Милованович
О деятельности М.М. Хрисогонова в Белграде

Белград, Галерея Сербской академии наук и искусств
E-mail: milanijelena@gmail.com

Статья освещает деятельность Михаила Михайловича Хрисогонова (1891–1982), художника и педагога, в период его жизни в Королевстве СХС / Югославии, дается описание его работ, связанных с Белградом. М. Хрисогонов преподавал чистописание и рисование в русских учебных заведениях в Словении, Боснии и Воеводине. Как портретист он внес свой вклад и в сербскую историю искусства, написав портрет одной из известнейших сербских поэтесс — Десанки Максимович, а также портреты многих известных в сербской среде между двумя мировыми войнами русских эмигрантов (Б.В. Адамовича, И.А. Ильина, П.Б. Струве, Я.М. Хлытчиева, И.В. Северянина, С.Н. Сластикова-Калужанина и др.).

Ключевые слова: Михаил Михайлович Хрисогонов, художник, русские эмигранты, Белград, Королевство СХС / Югославия.

УДК 929.82.94

Е.В. Кривцова
«И видел я другого ангела...»
(«Огненный Ангел» Сергея Прокофьева в собрании
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына)

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: ekriv@yandex.ru

В статье рассматриваются произведения великого русского композитора С.С. Прокофьева — опера «Огненный Ангел» и Третья симфония (сочиненная на тематическом материале оперы) как единое культурно-историческое явление мирового значения. Также вводятся новые материалы и документы, поступившие в музейное собрание Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына и посвященные сотрудничеству С.С. Прокофьева и Б.Н. Демчинского в создании либретто 2-й редакции оперы «Огненный Ангел».

Ключевые слова: С.С. Прокофьев, Б.Н. Демчинский, «Огненный Ангел», либретто оперы, Третья симфония, Русский исход, эмиграция.

УДК 303.4

К.Б. Ермишина

Сто лет евразийской идее:

Обзор современных исследовательских подходов к изучению евразийства

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

В статье дан обзор основных концепций и литературы о евразийстве. После издания первых евразийских текстов в России в начале 1990-х гг. исследователи разделились на тех, кто основным подходом избрал критику евразийских идей с точки зрения идеологических предпочтений, и тех, кто выбрал объективный аналитический подход. В начале 2000-х гг. были опубликованы многие архивные тексты, что стало причиной появления новой волны работ, однако позже фиксируются падение интереса к евразийству и кризис исследовательских программ. В настоящее время структуралистский, диалектический и архивно-исторический методы исследования наиболее значимы, но они не дают представления о евразийстве как о целостном явлении. В работе также названы имена авторов, которые, отталкиваясь от евразийства, построили свои альтернативные геополитические концепции, проанализировано направление, исследователи которого сосредоточены исключительно на архивных источниках, освещена ситуация с изучением евразийства в Европе и в США.

Ключевые слова: история евразийства, евразийствоведение, русское зарубежье, философия русской эмиграции, политическая доктрина, исследовательские методы, персонализм, идеократия.

УДК 929, 93/94

Н.В. Ликвинцева

Пасха в эмигрантском Париже 1920-х гг.:

По материалам неопубликованных дневников П.Е. Ковалевского

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

В статье анализируется, как описано празднование Пасхи в дневниках П.Е. Ковалевского 1923–1929 гг. (по архивным материалам), на чем сделаны акценты у автора, как отражена в дневниковых записях церковно-общественная жизнь русского Парижа, какие новые коннотации появляются в пасхальном тексте русского зарубежья.

Ключевые слова: история русского зарубежья, церковь, Пасха, дневники П.Е. Ковалевского.

УДК 314.743

С.А. Бешанова, Е.Н. Ельцова

**«Здесь, в Тунизии, нет родных и кровных печальников...»:
Служение митрофорного протоиерея Константина Михаловского в Тунисе**

С.А. Бешанова

Тунис, Высший институт языков, Университет Карфагена

E-mail: svetlanabechanova@yahoo.fr

Е.Н. Ельцова

Тунис, Высший институт языков, Университет Карфагена

E-mail: elcova-elena@mail.ru

Статья посвящена жизни митрофорного протоиерея Константина Михаловского и его заботе о сохранении русских имен от забвения в Тунисе. Прибыв с семьей на одном из кораблей Русской эскадры в Бизерту, протоиерей Константин на долгие годы стал олицетворением православной церкви, входил в Комитет по строительству храма-памятника кораблям Русской эскадры в Бизерте, затем выступил инициатором строительства Храма Воскресения Христова в Тунисе. Усилия о. Константина также были направлены на сохранение русских имен умерших на чужбине и на создание общих русских могил. В этом ему оказывали помощь Тунисский отдел Союза русских офицеров — участников Великой войны и Приходской совет Воскресенской церкви. В статье представлены результаты поисковой работы с архивными документами и метрическими книгами по восстановлению биографических сведений о семи военных, чьи имена так хотел сохранить митрофорный протоиерей Константин Михаловский.

Ключевые слова: русская община Туниса, протоиерей Константин Михаловский, православная церковь, сохранение русских имен, французское военное кладбище Гаммарт.

УДК 94(417) + 94(47).084, 325.25

А.С. Быкова

**Русские жители
ирландского дома для беженцев «Сент-Эндрюс»**

Грейстоунз, Ирландия, Археологическое и историческое общество Грейстоунза

E-mail: abykovaireland@gmail.com

В статье анализируется участие Ирландии в помощи русским беженцам из Китая в 1950-е гг. и рассказывается о создании в Дублине специального дома для беженцев «Сент-Эндрюс», его обустройстве. Представлены краткие биографии его жильцов.

Ключевые слова: русские эмигранты в Ирландии, белая эмиграция, беженцы в Ирландии, европейские беженцы из Китая, Ирландский Красный Крест, Ирландия в 1950-е гг.

УДК 94(47).084.3 + 94(47).084.5 + 94(47).084.6 + 929.2

**«Для русских мы, великие князья, смесь идола с идиотом»:
Письма великого князя Александра Михайловича в эмиграции**

Публикация, вступительная статья и комментарии К.В. Сак

К.В. Сак

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: ksenia.sak@gmail.com

В научный оборот впервые вводится уникальный исторический источник — избранные письма великого князя Александра Михайловича в эмиграции, адресованные его дочери Ирине Юсуповой. Они охватывают период с 1918 по 1930 г. Основная тема писем посвящена проблемам идентичности и адаптации члена бывшей правящей династии к новым социокультурным условиям западного мира. Наряду с бытовыми деталями, в них отражены проблемы деклассирования, социализации и трансформации мировоззренческих установок. Как видно из писем, их автор справился с основными вызовами эмиграции и, идентифицируя себя с династией Романовых, успешно интегрировался в новую среду.

Ключевые слова: Александр Михайлович, Ксения Александровна, Юсуповы, эмиграция, Дом Романовых, эго-документы.

УДК 930.253

В.Н. Ильин

Дневник 1920 г.

Публикация, вступительная статья и комментарии О.Т. Ермишина

О.Т. Ермишин

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: oleg_ermishin@mail.ru

Автор публикуемого дневника — В.Н. Ильин (1890–1974), будущий философ, богослов, литературный критик, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Первые два года эмиграции (1920–1922) Ильин прожил в Стамбуле (Константинополе). В дневнике он писал о личных переживаниях, излагал свое мнение о революции в России, составлял планы будущих литературных и философских трудов. Дневник показывает творческую эволюцию В.Н. Ильина от

увлечения музыкой и литературой к философии, которая стала в будущем его сферой деятельности.

Ключевые слова: русская эмиграция, революция, русская культура, музыка, литература, философия, религия, В.Н. Ильин.

УДК 929

**Из Праги в Бейрут:
Письмо Георгия Серова брату Александру (9 октября 1923 г.)**

Публикация и вступительная статья Г.А. Серова и Т.В. Бахер

Г.А. Серов
Бейрут, Ливан, Орден инженеров и архитекторов
E-mail: gregoire.serof@gmail.com

Т.В. Бахер
Тир, Ливан, независимый исследователь
E-mail: tatiana.baher@yandex.ru

Публикация письма актера Георгия Валентиновича Серова брату Александру Валентиновичу и фотографий, изображающих Г.В. и А.В. Серовых, которые хранятся в семейном архиве Григория Александровича Серова в Бейруте.

Ключевые слова: Г.В. Серов, А.В. Серов, О.И. Пыжова, переписка, Пражская студия МХТ, русские в Ливане.

УДК 929 + 821.16

**«Что мы как-то еще остались незатронутыми — просто чудо»:
Письма Д.И. Чижевского к А.Л. Бему 1944 г.**

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии А.А. Бабикова*

А.А. Бабилов
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Настоящая работа представляет собой продолжение публикации писем русско-украинского ученого, слависта, архивиста, историка литературы Д.И. Чижевского к историку литературы, критику и общественному деятелю русской эмиграции А.Л. Бему из пражского архива последнего. Первая часть писем, относящаяся к 1942–1943 гг., была опубликована в «Ежегоднике Дома русского зарубежья» за 2020 г. В на-

стоящем издании публикуются письма 1944 г. Впервые вводящийся в научный оборот материал имеет большое значение для изучения взаимоотношений русских эмигрантских и западных ученых в Германии и Чехословакии во время Второй мировой войны. Публикуемые письма снабжены комментариями. Работа посвящена памяти выдающегося исследователя русской эмиграции Олега Коростелева.

Ключевые слова: Д.И. Чижевский, А.Л. Бем, история украинской и русской литературы, эмигрантские архивные материалы, русская эмиграция в Чехословакии и Германии, славистика в Германии в 1940–1945 гг.

УДК 93/94

**Деятнадцать вопросов о П.А. Кропоткине:
Письмо Г.П. Максимова к Дж. Вудкоку**

Публикация, вступительная статья и комментарии Н.И. Герасимова

Н.И. Герасимов

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Данная публикация состоит из двух частей: вводного текста и письма русского анархиста-эмигранта Г.П. Максимова к известному канадскому историку Дж. Вудкоку. В этом письме Г.П. Максимов отвечает на присланные 19 вопросов о революционной деятельности теоретика анархо-коммунизма П.А. Кропоткина. Автор публикации перевел сохранившееся письмо в фонде Г.П. Максимова с английского на русский язык, снабдил комментариями и примечаниями. Вводный текст предлагает вниманию читателя обзор научной историографии русского анархизма XX в. Автор статьи делает вывод, что вплоть до 1980-х гг. ни в СССР, ни в русском зарубежье не было написано ни одной фундаментальной работы по истории русского анархистского движения. Вместе с тем он отмечает, что иногда русские эмигранты (как в случае с Г.П. Максимовым) консультировали европейских и американских историков (в том числе и Дж. Вудкока) по вопросам, связанным с историей революционного движения в России.

Ключевые слова: Г.П. Максимов, П.А. Кропоткин, Дж. Вудкок, русская анархистская эмиграция, история русского анархизма.

УДК 94(497) + 94 (497.11) + 94 (470+571)

М.Ю. Сорокина

**«Русский адрес Белграда: Юрий Лобачев (1909–2002)»:
Международная художественно-документальная выставка**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье дается обзор международной художественно-документальной выставки «Русский адрес Белграда: Юрий Лобачев (1909–2002)», состоявшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Выставка впервые представила в России неизвестный пласт художественной культуры Сербии, созданный русскими именами в жанре комикса / графического романа / рисованных историй.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, межвоенная Югославия, русский комикс, Юрий Лобачев, история искусства.

УДК 94(497) + 94 (497.11) + 94 (470+571)

М.Ю. Сорокина

**«Русские в Сербии: Алексей и Иван Шеншины, ученый и художник»:
Международная художественно-документальная выставка**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье дается обзор международной художественно-документальной выставки «Русские в Сербии: Алексей и Иван Шеншины, ученый и художник», состоявшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Выставка впервые представила в России неизвестный пласт научной мысли и художественной культуры Сербии, созданный русскими именами, — как в жанре комикса / графического романа / рисованных историй, так и в области науки.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, русское научное зарубежье, межвоенная Югославия, Сербия, русский комикс, графический роман, история искусства, история науки.

УДК 929

В.В. Леонидов
Великий библиотекарь

<Рец.: **Великий библиотекарь: к 120-летию со дня рождения Маргариты Ивановны Рудомино:** в 2 т. М.: Пашков дом, 2020. Т. 1: Дело жизни. Друзья и соратники М.И. Рудомино и ее библиотеки. — 480 с.; Т. 2: Книги моей судьбы. Избранные статьи, воспоминания, письма, интервью, документы М.И. Рудомино. — 432 с.>

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

Рецензия посвящена двухтомнику «Великий библиотекарь», который издан к 120-летию со дня рождения создателя и директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Маргариты Рудомино (1900–1990).

Ключевые слова: Маргарита Ивановна Рудомино, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы.

SUMMARY

T.V. Marchenko

Ivan Bunin Anniversary in the Centre for Studies of Russia Abroad: Forum, Exhibition, Editions

In 2020, the 150th anniversary of the first Nobel laureate in literature Ivan Bunin was celebrated at the state level. The Centre for Studies of Russia Abroad has actively joined this solemnization. The chief of the anniversary events, incl. the creation of the exhibition, holding the forum and texts publications, offers an overview of the key Buniniana arrangements in the Centre for Studies of Russia Abroad, and tells about the implemented drafts, about scholar, museum and educational cooperation initiated by the Bunin anniversary as a national and international project.

Keywords: Ivan Bunin, Nobel Prize in Literature, 150th anniversary of the writer, museum, archives, exhibition, documents, literary biography and work, Russian diaspora, reception of Russian literature in France and in the world.

T.V. Marchenko

Ivan A. Bunin:

“Like a Flyer, I’ve Been All My Life...”

Foreword to the Portuguese Edition of “Dark Alleys”

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tvmarch@mail.ru

In 2020, the Lisbon publishing house D. Quixote issued the first edition of Ivan Bunin “Dark Alleys” in Portuguese. Nina and Philippe Guerra, who for a long time are strictly acquainting the small country in the extreme West of Europe – and the whole world reading in Portuguese from Africa to Latin America – with Russian classics and modern authors, carried out the translation. I persuaded the translators to take this adventure, regardless of difficulties to promote an unknown author, even a Nobel laureate, on the tiny book market, helped with obtaining the copyright, wrote the preface, and consulted a little in the process. We all experienced great joy when the beautifully designed book came out in Bunin’s anniversary year. The text appears in Russian for the first time.

Keywords: Bunin, “Dark Alleys”, translation into Portuguese, biography, creative work, poetics and style.

A.K. Zholkovsky

**On Ivan Bunin’s Two Narrative Strategems:
The “Funnel” Effect and the “Authorial” Characters**

Los Angeles, USA, University of Southern California

E-mail: alik@usc.edu

Drawing on the examples from several short stories by Ivan Bunin, the paper focuses on two techniques recurrent in his narrative prose, which disguise a pronouncedly modernist thrust with a persuasive realistic naturalization. The “funnel” effect combines several elementary expressive devices to create an “organic” crescendo leading to a striking denouement. The “authorial” (= acting like an author, reader, editor or some other actor of the literary process) character unobtrusively activates the metaliterary and *zhiznetvorcheskii* (= life-into-art, “life-creationist”) levels of the narrative.

Keywords: “Light Breathing”, “A Grammar of Love”, “In a Certain Kingdom”, “The Visiting Cards”, Anton Chekhov, Guy de Maupassant, Modernism, naturalization, narrative, expressive devices, “funnel”, “authorial” character.

I. V. Kochergina

**Ivan Bunin: “I’ve Been Recently Sent a Newspaper Clipping”
(About the Authority of Fellieton “Shot in the Mouth”
in the Newspaper “Izvestia” for 1925)**

Moscow, School 57

E-mail: irepismo@gmail.com

This article presents the results of the study, the purpose of which is to determine the authorship of the article “Shot in the Mouth” in the newspaper “Izvestia” dated July 26, 1925. The article presents the results of archival research and handwriting examination, in the course of which a note by Petr Vilensky from the Andrei Bely fund (Russian State Archive of Literature and Art) and a letter from P. Shubin, an employee of “Izvestia” (Russian State Archive of Socio-Political History), were compared. Based on the examination, it was concluded that these handwritten sources were written by one person — Petr A. Shubin-Vilensky. As additional sources, letters from other editorial staff of this period mentioning Shubin’s name are cited, as well as a typewritten version of the article “Shot in the mouth” with the author’s corrections, preserved in the editorial materials of the newspaper. A brief outline of Shubin-Vilensky’s activities as a journalist and public figure is given, special attention is paid to the pre-revolutionary period and his work in major periodicals. A review of Shubin-Vilensky’s publications in “Izvestia” for 1925 is made. Shubin’s articles and *feuilletons* mainly

dealt with the Russian emigration, social democratic parties and, less often, domestic politics. The peculiarities of the author's style include propaganda techniques characteristic of the Soviet press of the 1920s. The article "Shot in the mouth" has been retold and the part of it that dealt with Bunin's story "Mitya's Love" has been analyzed. A conclusion is made about the propaganda nature of Shubin's article. The attitude of Bunin to this publication is also highlighted, the responses to it in his journalism are mentioned. The Appendices contain a fragment of Shubin's article "Shot in the Mouth" concerning the story "Mitya's Love", as well as a note on Shubin's business card addressed to Andrei Bely.

Keywords: Ivan Bunin, Petr Shubin, propaganda, Russian emigration, 1920s, "Izvestia".

M.D. Shrayer

**"The Tie Martin Had on that Day, Pale Gray with Pink Stripes...":
Bunin the Poet and Bunin the Fiction Writer
in Nabokov's Novel "Glory"**

Chestnut Hill, USA, Boston College
E-mail: shrayerm@bc.edu

The article examines the question of I.A. Bunin's presence in V.V. Nabokov's novel "Glory" (Russian "Podvig"). The image of the writer Bubnov, placed by Nabokov in the pages of his novel, not only registers the changing attitude of Nabokov the "diligent disciple" to the "great master" Bunin, but also reflects the matter of Bunin's literary influence, both real and potential. Bubnov's characterization and literary aura in "Glory" could be regarded not only as Nabokov's first attempt to insert Bunin's shadow into the text of his artistic prose, but also as one of the first metacritical jabs of Nabokov the disciple at Bunin the master.

Keywords: Ivan Bunin, Vladimir Nabokov, rivalry, emigration, Russian poetry, Russian prose, American prose, "Glory" by Vladimir Nabokov, portraits of writers, versification.

L.G. Panova

**The Years of Apprenticeship, Wanderings and Sentimental Education
of the Russian Artist as a Young Man:
"The Life of Arsen'ev" from the Genre Standpoint**

Los Angeles, USA, independent researcher
E-mail: lada_panova@hotmail.com

This is an attempt to identify the genre of the famous but understudied exilic novel by Ivan Bunin. Until now, "The Life of Arsen'ev" has been described as a veiled plotless autobiography; sometimes it has been categorized as a *Künstlerroman* (a novel about an "artist's" growth to maturity). The article provides arguments in support of the latter definition. "The Life of Arsen'ev" is read against a broad literary background covering coming-of-age novels

about protagonists with or without special talent, from Johann Wolfgang Goethe to Marcel Proust, from Ivan Goncharov to Leo Tolstoy to *Künstlerromane* by Bunin's co-émigrés. Reconstructing the novel's plot, the article shows it to be a thoroughly planned scenario of the protagonist's formation as a writer. It also pinpoints a metaliterary superstructure erected over both the plot and the figure of Aleksei Arsenëv.

The contextualization of "The Life of Arsenëv" undertaken in the article posits an aesthetic question: what is its balance of modernity and tradition? Both are involved, but the tradition, especially that of the Russian nineteenth century, prevails. As an émigré, Bunin strove to capture the "old" — gone — Russia.

Keywords: Ivan Bunin, "The Life of Arsenëv", *Künstlerroman* (a novel about an "artist's" growth to maturity), *Bildungsroman* (coming-of-age novel), autobiography, Russian émigré "gentry" *Künstlerroman*, close reading, intertextuality, Goethe, Leo Tolstoy, Anthon Chekhov, Maxim Gorkii, Marcel Proust, Russian aristocrat, Author, metaliterariness, first wave of Russian emigration, Soviet metropolia, Russian diaspora.

P.A. Tribunskii

Collecting of Ivan Bunin's Materials in Pre-WWII Czechoslovakia

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of the Russian Abroad

E-mail: pt2140@yandex.ru

The article is dedicated to the efforts of two émigré institutions, the Russian Historical Archive Abroad and the Russian Cultural and Historical Museum in Prague, of collecting I.A. Bunin's materials in pre-WWII Czechoslovakia.

Keywords: I.A. Bunin, V.F. Bulgakov, Russian Cultural-Historical Museum at Prague, Russian Historical Archive Abroad, collection.

M.Yu. Sorokina

Nestor of Russian Serbia: Alexey Arsenyev

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

The article defines the significance of the activities of the outstanding historian of Russian emigration in Yugoslavia Alexey Borisovich Arsenyev.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, interwar Yugoslavia, compatriots, Alexey Arsenyev.

A.B. Arsenyev

**Russian Belgrade:
Masons, Theosophies, Occultists, Buddhists**

Novi Sad, Republic of Serbia, independent researcher

E-mail: arsenjev@neobee.net

The article presents several societies and groups of “Russian Belgrade” of the interwar period. Scarce data about them have been preserved, for the first time combined. This gives an opportunity to learn more about the ones that existed in Belgrade: the Masonic Lodge “Maxim Kovalevsky” (1926–1940), the Theosophical Lodge “Yaroslav the Wise” (1925–1947), about circles of occultists and about the religious life of about 500 Kalmyks who arrived in Serbia as part of the Don Cossack Corps under the Russian Army of General P.N. Wrangel.

The composition of both Belgrade lodges was small (up to 20 members in each), but their activities were noticeable against the background of the whole Russian Abroad as a whole. Journal of Occultism and Yoga (1933–1938) edited by A.M. Aseev, who came out with the bricks of his wife N.K. and E.I. Roerich, was considered an outpost of occult teachings among the Russians who settled in Europe. The Buddhist temple in Belgrade, built by the Kalmyks, was unique in Europe in those years.

Keywords: Russian emigration to Belgrade, Russian Freemasons, Maxim Kovalevsky Lodge, Russian theosophists, Yaroslav the Wise Lodge, Russian occultists, Occultism and Yoga magazine, Kalmyks, Buddhist temple in Belgrade.

M. Zhivanovich

**Alexey Borisovich Arsenyev’s Contribution
To the Conservation of the Russian Heritage in Serbia**

Belgrade, Republic of Serbia, Institute for Recent History of Serbia

E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

The article presents the multidimensional activity of the Alexey Borisovich Arsenyev regarding the conservation of the Russian heritage in Serbia.

Keywords: Alexey Borisovich Arsenyev, Russian emigration, Serbia, Yugoslavia, heritage.

I. Antanasijevich, A.B. Arsenyev, M.Yu. Sorokina
“The Soul, Like Dreams, is Free...”:
Ekaterina Tauber about Ilya Golenishchev-Kutuzov

I. Antanasijevich
Belgrade, Republic of Serbia, The University of Belgrade
E-mail: antiira@mail.ru

A.B. Arsenyev
Novi Sad, Republic of Serbia, independent researcher
E-mail: arsenjev@neobee.net

M.Yu. Sorokina
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article contains the text of the letter of the poetess E.L. Tauber to the Serbian literary critic O. Djurić with memories about the Belgrade period of the life of the poet and philologist-romanist and slavist I.N. Golenishchev-Kutuzov.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, interwar Yugoslavia, I.N. Golenishchev-Kutuzov, E.L. Tauber, O. Djurić.

N.Yu. Masolikova
“Poems and Stars are Remaining, the Rest is Silence” (G. Ivanov):
The Unknown Poem by Viktor Iretsky

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: nmasolikova@mail.ru

The publication of the forgotten text of the Russian writer of the “first wave of emigration” Viktor Iretsky (1882–1936).

Keywords: V.Ya. Iretsky, Russia Abroad, “philosophical ship”.

O.P. Yanchevetskaya
Diaries

(1909–1910, 1918–1920, 1935–1936)

The publication, introduction and comments of I. V. Prosvetov

I. V. Prosvetov
Moscow, “AS RUS Media”
E-mail: prosvetov@forbes.ru

The first publication of the diaries of an outstanding Russian singer abroad, kept in the family archive. Olga Yanchevetskaya left Russia in November 1920 and, being at that time only a beginner singer, made a brilliant artistic career in emigration. By the mid 1930-s, she became the most famous romance singer in Yugoslavia and enjoyed popularity until her death in 1978. The surviving diary entries reflect three different periods of Yanchevetskaya's biography and allow us to understand how her talent developed and the path to success took shape. In addition, they are an interesting source on the culture of Russia at the beginning of the 20th century, the history of the civil war and Russian emigration.

Keywords: Olga Yanchevetskaya, romance, Silver age, civil war, emigration, Yugoslavia.

**“Russian Emigration Decomposed Below any Criticism”:
From the Memoirs of M.F. Skorodumov**

The publication, introduction, preparation of the text and comments by M.M. Gorinov-jr.

M.M. Gorinov-jr.
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

The publication of the fragment of the memoirs of M.F. Skorodumov from the fund of Russian memorial library of the Archive of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. It is devoted to the two main subjects: the construction of the Monument to Russian soldiers at the New Cemetery in Belgrade and the relationship within the Russian monarchist emigration. The memoirs represent an unusual, critical characterization by the author of the Russian emigration.

Keywords: M.F. Skorodumov, Monument of Russian glory, Union of Russian military invalids, Belgrade.

F.B. Poljakov

**A Partisan Episode in the Biography of A.V. Isachenko:
Evidence and Documents**

Vienna, Austria, Department of Slavonic Studies, University of Vienna

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

The article based on documents from the linguist A.V. Isachenko's family archive, who was in the late 1940s — early 1950s Professor of Bratislava University, reveals the circumstances of his adaptation in the academic environment of the Slovak state and Czechoslovakia, along with a less known episode of his biography — his participation in supporting the partisan movement in Eastern Slovakia.

Keywords: Russian emigration in Slovakia, history of Slavic studies, Russian scholars abroad, participation of Russian emigration in the anti-fascist movement, A.V. Isachenko.

V.L. Shulgin

**Russia — Yugoslavia — Venezuela:
Emigre Life “With a Palette and a Brush in Hand”**

Moscow, independent researcher

E-mail: shumos1101@gmail.com

The article contains results of a big research and full “opening of a new name” — the name of Russia Abroad painter M.M. Hrisogonov (1891–1982), portraits drawer, teacher, painter. The article has unknown before biography, based on the archives, rare and little known publications, article author private correspondence. There are fragments of letters and notes by Michail Hrisogonov, memories of the people who knew him, photos from different periods. The article is illustrated with first published Michail Hrisogonov's outstanding works: portraits, landscapes, still-life painting, and it includes earlier unknown portraits of Igor Severjanin, public figure V.V. Shulgin, poet D. Kobjakov.

Keywords: painter Michail Hrisogonov, Russia Abroad representatives in Yugoslavia and Venezuela, Russian gymnasiums and cadet corps in Yugoslavia.

J.K. Mezhinski Milovanovich

On the work of M.M. Khrisogonov in Belgrade

Belgrade, SASA Gallery — Serbian Academy of Sciences and Arts

E-mail: milanijelena@gmail.com

This paper discusses the work of Mikhail Mikhailovich Khrisogonov / Michail Khrisogonov (1891–1982), a painter and a pedagogue, while he lived in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia, that is, when his work was based in Belgrade. He

taught calligraphy and drawing in Russian educational institutions in Slovenia, Bosnia and Vojvodina. As a portraitist, he gave his contribution to the Serbian history of art by making a portrait of one of the most famous Serbian poetesses — Desanka Maksimović, but also of some famous Russian émigrés who were active in regions populated by Serbs between the two world wars (B.V. Adamovich, I.A. Ilyin, P.B. Struve, Ya. Khlichiev, I. Severyanin, S. Slastikov Kaluzhanin).

Keywords: Michail / Mikhail Mikhailovich Khrisogonov, Painter, Russian émigrés, The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia.

E.V. Krivcova

**“And I Saw Another Angel...”
 (“Fiery Angel” by Sergey Prokofiev in the Collection
 of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: ekriv@yandex.ru

The article considers the works of the great Russian composer S.S. Prokofiev — the opera “Fiery Angel” and the Third Symphony (composed on the thematic material of the opera) — as a single cultural and historical phenomenon of global significance. New materials and documents, acquired by the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad and dedicated to S.S. Prokofiev’s and B.N. Demchinsky’s collaboration in creating the “Fiery Angel” 2nd edition’s libretto, are being introduced into the scientific circulation.

Keywords: S.S. Prokofiev, B.N. Demchinsky, “Fiery Angel”, opera libretto, Third Symphony, Russian Exodus, emigration.

K.B. Ermishina

**One Hundred Years of the Eurasian Idea:
 Review of Modern Research Approaches to the Study of Eurasianism**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

The article covers the main academic trends in the study of Eurasianism as they have developed since the early 1990s. With the appearance of the first publications by thinkers of the Eurasianist group, scholars were divided into those who chose their main approach as the criticism of Eurasian ideas and those who chose a historical approach. Most of the works that contain Eurasianist thought, however, are less directly related to scholarship and have more in common with journalism. In the early 2000s, many archived texts by Eurasianist thinkers were published for the first time, which led to the emergence of a new wave of scholarly works. Soon, however, researchers noted a decline in interest in Eurasianism and this collided with

an unrelated economic crisis in research programs. Currently, the structuralist, dialectical, and archival-historical approaches to scholarship on the Eurasianists are the most significant, but none of these approaches presents the idea of Eurasianism as a holistic phenomenon. The author of the article presents a new approach to Eurasianist scholarship based on the works of L.N. Gumilyov that presents an understanding of the diverse manifestations of Eurasianism as a single phenomenon, as well as defending this approach from narrow academic criticism and fragmented journalistic focus, which the author frames as unproductive from a scientific perspective. The article provides an overview of the latest literature on Eurasianism, mentions authors who, starting with a base in Eurasianism, developed alternative geopolitical concepts, and shows the direction of researchers working exclusively with archival sources to highlight the current state of research on Eurasianism in Europe and in the United States.

Keywords: Russian studies, the history of Eurasianism, the Russian diaspora, the philosophy of Russian emigration, political doctrine, research methods, personalism, ideocracy.

N.V. Likvintseva

**Easter in Emigrant Paris of 1920s Years: According to the Materials
of the Unpublished Diaries of P.E. Kovalevsky**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

The author of the article examines how the celebration of Easter is described in the Diaries of P.E. Kovalevsky of 1923–1929 years (based on Archival materials), on what the author emphasized, how there the religious and social life of Russian Paris is reflected, what new connotations appear in the Easter text of the Russian diaspora.

Keywords: history of Russia Abroad, church, Easter, Diaries of P.E. Kovalevsky.

S.A. Bechanova, E.N. Eltsova

**“Here in Tunisia there are no Kin and Blood Bleeding Hearts”:
Allegiance of Mitred Protopriest Konstantin Mikhalovsky in Tunisia**

S.A. Bechanova
Tunisia, Higher Institute of Languages of Tunis, University of Carthage
E-mail: svetlanabechanova@yahoo.fr

E.N. Eltsova
Tunisia, Higher Institute of Languages of Tunis, University of Carthage
E-mail: elcova-elena@mail.ru

The article is devoted to the life of mitred protopriest Konstantin Mikhalovsky and his allegiance to Russian names to be preserved from oblivion in Tunisia. Arriving with his

family on one of the Russian squadron ships in Bizerte protopriest Konstantin became the embodiment of the Orthodox Church for many years; he was on the committee to build a memorial church for the ships of the Russian squadron in Bizerte, then took the lead in building the Church of the Resurrection in Tunis. Father Constantine's efforts were also directed towards the preservation of Russian names of those who died in outland and the creation of Russian common graves. In this, he was assisted by the Tunisian branch of the Union of Russian officers of the Great War and the Parish Council of the Church of the Resurrection. This article presents the results of searching the archival documents and metric books to reconstruct the biographical data of 7 military men whose names mitred protopriest Konstantin Mihalovsky wanted to preserve.

Keywords: French military cemetery Gammart, Orthodox Church, preservation of Russian names, protopriest Konstantin Mikhalovsky, Russian community in Tunisia.

A.S. Bykova

Russian Residents of the Irish Refuge House St. Andrews

Greystones, Ireland, Greystones Archaeological & Historical Society
E-mail: abykovaireland@gmail.com

The article deals with the setup of a special accommodation for Russian Chinese refugees in St. Andrews, Dublin, Ireland in 1950s. The brief biographies of the residents are given.

Keywords: Russian emigres in Ireland, White Russians, refugees in Ireland, European refugees from China, Irish Red Cross, Ireland 1950s., St. Andrews.

“For the Russians, We, the Great Princes, a Mixture of Idol and Idiot”: Letters of the Grand Duke Alexander Mikhailovich from Exile

The publication, introduction and comments by K.V. Sak

K.V. Sak

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: ksenia.sak@gmail.com

For the first time, a unique historical source is introduced into the scientific circulation. It is selected letters of grand duke Alexander Mikhailovich in exile, addressed to his daughter Irina Yusupova. They cover the period from 1918 to 1930. The main topic of the letters is devoted to the problems of identity and adaptation of a member of the former ruling dynasty to the new socio-cultural conditions of the Western world. Along with everyday details, they reflect the problems of declassing, socialization and transformation of ideological attitudes. As can be seen from the letters, their author coped with the main challenges of emigration and, identifying himself with the Romanov dynasty, successfully integrated into the new environment.

Keywords: Alexander Mikhailovich, Ksenia Alexandrovna, Yusupovs, emigration, House of Romanovs, ego-documents.

V.N. Ilyin

Diary of 1920th

The publication, introduction and comments by O.T. Ermishin

O.T. Ermishin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: oleg_ermishin@mail.ru

The author of the published diary is V.N. Ilyin (1890–1974), future philosopher, theologian, literary critic, professor of the St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris. Ilyin lived in Istanbul (Constantinople) for the first two years of emigration (1920–1922). In the diary he wrote about personal experiences, described his opinion on the revolution in Russia, and made the plans for future literary and philosophical works. The diary shows V.N. Ilyin's creative evolution from music and literature to philosophy, which became his field of activity in the future.

Keywords: Russian emigration, revolution, Russian culture, music, literature, philosophy, religion, V.N. Ilyin.

From Prague to Beirut:

Letter from Georgy Serov to His Brother Alexander (October 9, 1923)

The publication and introduction by G.A. Seroff and T.V. Baher

G.A. Seroff

Beirut, Lebanon, Ordre Des Ingenieurs Et Des Architectes

E-mail: gregoire.serof@gmail.com

T.V. Baher

Tyre, Lebanon, independent researcher

E-mail: tatiana.baher@yandex.ru

The publication of a letter from the actor Georgy Serov to his brother Alexander and photographs depicting G.V. Serov, which are stored in the family archive of Grigory Alexandrovich Serov in Beirut.

Keywords: G.V. Serov, A.V. Serov, O.I. Pyzhova, correspondence, Prague Studio of the Moscow Art Theater, Russians in Lebanon.

**“That We Somehow Still Remained Untouched Is Just a Miracle”:
D.I. Chizhevsky’s Letters to A.L. Bem from 1944**

*The publication, preparation of the text, introduction
and comments by A.A. Babikov*

A.A. Babikov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: andreybabikov1@gmail.com

This work is a continuation of the publication of the letters of the Russian-Ukrainian slavist, archivist, literary historian D.I. Chizhevsky to literary historian, critic and public figure of the Russian emigration A.L. Bem from the Prague archive of the latter. The first part of the letters, relating to 1942–1943, was published in the Yearbook of the House of Russian Abroad for 2020. Letters from 1944 are published in this edition. The material introduced into scholar circulation for the first time is of significant importance for the study of the relationship between Russian emigrants and Western scientists in Germany and Czechoslovakia during the Second World War. Published letters are provided with comments. The work is dedicated to the memory of the outstanding researcher of Russian emigration Oleg Korostelev.

Keywords: D.I. Cyževsky (Chizhevsky), A.L. Bem, history of Ukrainian and Russian literature, Russian emigration archival materials, Russian emigration in Germany and Czechoslovakia, Slavic studies in Germany in 1940–1945.

**Nineteen Questions about P. Kropotkin:
Letter from G. Maximov to G. Woodcock**

The publication, introduction and comments by N.I. Gerasimov

N.I. Gerasimov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

This publication consists of two parts: an introductory text and a letter from the Russian anarchist-emigrant G. Maximov to the famous Canadian historian G. Woodcock. In this letter, G. Maximov answers the 19 questions about the revolutionary activity of anarcho-communist theorist P. Kropotkin. The author of the publication has translated the letter, preserved in G. Maximov’s collection from English into Russian and supplied it with comments and notes. The author concludes that no fundamental work on the history of the Russian anarchist movement was written either in the USSR or in the Russian diaspora until 1980s. At the same time, he notes that sometimes Russian emigrants (as in the case of G. Maximov) consulted European and American historians (including G. Woodcock) on issues related to the history of the revolutionary movement in Russia.

Keywords: G. Maximov, P. Kropotkin, G. Woodcock, Russian anarchist emigration, history of Russian anarchism.

M. Yu. Sorokina

**“Russian Address of Belgrade: Yurii Lobachev (1909–2002)”:
International Art and Documentary Exhibition**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

The article provides an overview of the exhibition “Russian Address of Belgrade: Yurii Lobachev (1909–2002)” held at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad. The exhibition presented for the first time in Russia an unknown layer of the artistic culture of Serbia, created by Russian names in the genre of comics / graphic novels / drawn stories.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, interwar Yugoslavia, Russian comics, Yurii Lobachev, history of art.

M. Yu. Sorokina

**“Russians in Serbia: Aleksei and Ivan Shenshin, Scientist and Artist”:
International Art and Documentary Exhibition**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

The article provides an overview of the International art and documentary exhibition “Russians in Serbia: Aleksei and Ivan Shenshin, scientist and artist” held at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad. For the first time in Russia the exhibition presented an unknown layer of the scientific thought and artistic culture of Serbia, created by the Russian names — both in the genre of comics / graphic roman / drawn stories and in the field of science.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, Russian scientific diaspora, interwar Yugoslavia, Serbia, Russian comics, graphic roman, history of art, history of science.

V.V. Leonidov
The Great Librarian

<A Great Librarian. In Celebration of the 120th Anniversary of Margarita Rudomino: in 2 vol. — Moscow: Pashkov House, 2020. Vol. 1: The Business of Life. Friends and Associates of Margarita Rudomino and Her Libraries. — 480 p.; Vol. 2: The Books of My Destiny. Selected Articles, Memoirs, Letters, Interviews, Documents of Margarita Rudomino. — 432 p.>

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

The review is dedicated to two-volume “The Great Librarian”, in Celebration of the 120th Anniversary of creator and director of the All-Russian State Library of the Foreign Literature Margarita Rudomino (1900–1990) was published.

Keywords: Margarita Rudomino, The All-Russian State Library of Foreign Literature.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антанасиевич Ирина,

доктор филологических наук, профессор Белградского университета (Республика Сербия);

научные интересы: история и поэтика русского комикса, визуальная культура, русская литература и эмиграция на Балканах.

11000, Белград, Республика Сербия, Студентски трг, 1
antiira@mail.ru

Арсеньев Алексей Борисович,

независимый исследователь;

научные интересы: исследование жизни и деятельности русской эмиграции в Югославии.

21000, Нови-Сад, Республика Сербия, Радничка, 41Б
arsenjev@neobee.net

Бабиков Андрей Александрович,

старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: литература и культура русской эмиграции, критическая мысль, научные центры, общественные организации и объединения русской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
andreybabikov1@gmail.com

Бахер (Кувашева) Татьяна Владимировна,

независимый исследователь;

научные интересы: история русского присутствия в Ливане.

tatiana.baher@yandex.ru

Бешанова Светлана Анатольевна,

преподаватель русского языка в Высшем институте языков г. Туниса Университета Карфагена (Universite de Carthage, Institut Superier des Langues de Tunis) и Русском доме в Тунисе, вице-президент Тунисской ассоциации «Российское наследие»;

научные интересы: российское культурно-историческое и мемориальное наследие в Тунисе; методика преподавания русского языка как иностранного, русского языка для детей соотечественников.

34, av. de la Liberte, 1002, Tunis, Tunisie
svetlanabechanova@yahoo.fr

Быкова Анна Сергеевна,

кандидат политических наук, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Ирландия; исследователь;

научные интересы: представители белой русской эмиграции, проживавшие в Ирландии, а также поиск и идентификация русских могил в Ирландии.

abykovaireland@gmail.com

Герасимов Николай Игоревич,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: общественно-политическая мысль русского зарубежья, социальная философия русской эмиграции, история русской философии, история анархистской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nickgerasimow@yandex.ru

Горинов-младший Михаил Михайлович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: научное и эпистолярное наследие русского зарубежья; российское медицинское зарубежье; русские эмигранты — участники Движения Сопротивления во Франции; Движение Сопротивления в Европе и русские эмигранты-возвращенцы; историческое краеведение российского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

mihail_gorinov@mail.ru

Ельцова Елена Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент Высшего института языков г. Туниса Университета Карфагена (Universite de Carthage, Institut Superier des Langues de Tunis), президент Тунисской ассоциации «Российское наследие»;

научные интересы: лингвокультурология, российское культурно-историческое и мемориальное наследие в Тунисе, африканский текст русской литературы.

14, av. Ibn Maja, Cite El Khadhra, 1003, Tunis, Tunisie

elcova-elena@mail.ru

Ермишин Олег Тимофеевич,

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–30-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

rfm@bfrz.ru

Ермишина Ксения Борисовна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история евразийского движения, богословие архим. Софрония (Сахарова), В.Н. Лосского и других значительных философов и богословов эмиграции, древнерусская история, культура и музыка.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
xenia_ermishina@mail.ru

Живанович Милана,

PhD, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии;

научные интересы: русско-сербские отношения в XX в., русская эмиграция, русские некрополи в Югославии в XX в.

11000, Белград, Республика Сербия, Трг Николе Пашића, д. 11
milana.zivanovic@yahoo.com

Жолковский Александр Константинович,

кандидат филологических наук; профессор славянских языков и литератур Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес, США);

научные интересы: теория литературы, русская поэзия и проза XIX–XX вв.

90089-4353, USA, CA, Los Angeles, Taper Hall 255, University Park
alik@usc.edu

Кочергина Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, преподаватель ГБОУ г. Москвы «Пятьдесят седьмая школа»;

научные интересы: литературная эмиграция первой волны.

119019, Москва, Малый Знаменский пер., д. 7/10, стр. 5
irepismo@gmail.com

Кривцова Елена Владимировна,

историк-архивист (Москва);

научные интересы: история отечественной музыкальной культуры первой половины XX в.; жизнь и творчество С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича.

ekriv@yandex.ru

Леонидов Виктор Владимирович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история культуры русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
viktor-leonidov@yandex.ru

Ликвинцева Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: культура и церковная жизнь русского зарубежья, богословская и религиозно-философская мысль XX в., творчество матери Марии (Скобцовой).

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
natalia.likvintseva@gmail.com

Марченко Татьяна Вячеславовна,

доктор филологических наук, заведующая отделом культуры Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской литературы XIX–XX вв., литература русского зарубежья, поэтика художественной прозы, творчество Бунина, Шмелева, Осоргина, литературные музеи России, история присуждения Нобелевской премии русским писателям (по архивным материалам), парижский текст русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

tvmarch27@gmail.com

Масоликова Наталья Юрьевна,

ведущий научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского научного зарубежья; история психологии; некрополистика.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nmasolikova@gmail.com

Межинская Милованович (Mežinski Milovanović) Елена Константиновна,

искусствовед, заместитель директора и хранитель галереи Сербской академии наук и искусств в Белграде;

научные интересы: деятельности русских художников-эмигрантов в Сербии и Югославии между двумя мировыми войнами.

Белград, Галерея Сербской академии наук и искусств

11000, Белград, Сербия, Кнеза Михаила, 35

milanijelena@gmail.com

Панова Лада Геннадьевна,

кандидат филологических наук; независимый исследователь;

научные интересы: поэтика, теория литературы, литературный язык; модернизм в русской литературе (символисты; М. Кузмин, О. Мандельштам, А. Ахматова); авангард (В. Хлебников; Д. Хармс); Е. Замятин; русские писатели-эмигранты (В. Ходасевич, И. Бунин, В. Набоков и др.); XIX в. русской литературы (А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Лесков); история русской литературы (русская египтомания; тоpos Клеопатры от Александра Пушкина до Анны Ахматовой; Вечная Женственность; нумерология); русская литература и итальянская классика (Данте Алигьери и Франческо Петрарка); лингвистика (семантика, лексикография, грамматика); поэтический язык О. Мандельштама.

lada_panova@hotmail.com

Поляков Федор Борисович,

доктор философии (Dr. phil. habil.), профессор, заведующий кафедрой русской литературы, директор Института славистики Венского университета (Вена, Австрия);

научные интересы: история российского зарубежья, русская культура в европейском контексте, литература русской эмиграции в XX в., история византистики и славистики.

1090, Wien, UniCampus, Institut für Slawistik der Universität Wien

fedor.poljakov@univie.ac.at

Просветов Иван Валериевич,

шеф-редактор специальных проектов «АС РУС Медиа».

123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 13/15

prosvetov@forbes.ru

Сак Ксения Васильевна,

кандидат исторических наук, доцент Первого МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет);

научные интересы: история России XX в., династия Романовых, революция 1917 г., русская эмиграция, история Второй мировой / Великой Отечественной войны.

119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 2, стр. 4

ksenia.sak@gmail.com

Серов Григорий Александрович (1930–2022),

архитектор, член Ордена инженеров и архитекторов (Бейрут);

научные интересы: архитектура, градостроительство, урбанистика.

1100, Bir Hassan, Beit-Al-Mouhandess Street, Beirut, Lebanon, Order of Engineers and Architects

gregoire.serof@gmail.com

Сорокина Марина Юрьевна,

кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского зарубежья, социальная история науки, в том числе научного зарубежья, некрополистика российского зарубежья, архивы зарубежья, история Второй мировой войны.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

msorokina61@gmail.com

Трибунский Павел Александрович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

pt2140@yandex.ru

Шраер Максим Давидович,

PhD, профессор кафедры восточных, славянских и немецких исследований Бостонского Колледжа (Бостон, США);

научные интересы: эмиграция; еврейская литература в диаспоре; русско-израильская литература; Шоа (Холокост); транслингвализм; война в Украине; история тоталитаризма в России.

02467-3804, USA, MA, Chestnut Hill, Commonwealth Avenue 140, Lyons Hall 210, Boston College

shrayerm@bc.edu

Шульгин Виктор Львович,

кандидат технических наук; независимый исследователь;

научные интересы: биография и творчество художника М. Хрисогонова, семейная история.

shumos1101@gmail.com.

СОДЕРЖАНИЕ

POST ANNIVERSARIUM ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН (1870–1953)

<i>Т.В. Марченко.</i> Год Ивана Бунина в Доме русского зарубежья: форум, выставка, издания.	7
<i>Т.В. Марченко.</i> Иван Алексеевич Бунин: «Совсем как птица был я всю жизнь...» Предисловие к португальскому изданию «Темных аллей».....	19
<i>А.К. Жолковский.</i> Заметки о двух нарративных приемах Бунина: эффект «воронки» и «авторские персонажи»	31
<i>И.В. Кочергина.</i> И.А. Бунин: «Мне недавно прислали вырезку...» (Об авторстве фельетона «Выстрел в рот» в газете «Известия» за 1925 г.)	42
<i>М.Д. Шраер.</i> «Был Мартынов галстук, бледно-серый...»: Поэт Бунин и прозаик Бунин в романе Набокова «Подвиг»	52
<i>Л.Г. Панова.</i> Годы учения, странствий и воспитания чувств русского художника в юности: «Жизнь Арсеньева» с точки зрения жанра	75
<i>П.А. Трибунский.</i> Собрание материалов И.А. Бунина в предвоенной Чехословакии	121

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСЕЯ БОРИСОВИЧА АРСЕНЬЕВА

<i>М.Ю. Сорокина.</i> Нестор русской Сербии: Алексей Арсеньев	145
<i>А.Б. Арсеньев.</i> Русский Белград: масоны, теософы, оккультисты, буддисты	147
<i>М. Живанович.</i> Вклад Алексея Борисовича Арсеньева в сохранение русского наследия в Сербии.	176
<i>И. Антанасиевич, А.Б. Арсеньев, М.Ю. Сорокина.</i> «Душа, как сны, вольна...»: Екатерина Таубер об Илье Голенищеве-Кутузове	180

<i>Н.Ю. Масоликова.</i> «Стихи и звезды остаются, а остальное — все равно» (Г. Иванов): Неизвестное стихотворение Виктора Ирещкого	193
<i>О.П. Янчевецкая.</i> Дневники (1909–1910, 1918–1920, 1935–1936). Публикация, вступительная статья и комментарии И.В. Просветова	195
«Русская эмиграция разложилась ниже всякой критики»: Из воспоминаний М.Ф. Скородумова. Публикация, вступительная статья, подготовка текста и комментарии М.М. Горинова-мл.	236
<i>Ф.Б. Поляков.</i> Партизанский эпизод в биографии А.В. Исаченко: свидетельства и документы	259

ОТКРЫТИЕ ИМЕНИ.
ХУДОЖНИК МИХАИЛ ХРИСОГОНОВ:
СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ, СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ, ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Т.В. Марченко.</i> Неизвестные известные русские: художник Михаил Хрисогонов	277
<i>В.Л. Шульгин.</i> Россия — Югославия — Венесуэла: Жизнь изгнанника «с палитрой и кистью в руке»	281
<i>Е.К. Межинская Милованович.</i> О деятельности М.М. Хрисогонова в Белграде	331
<i>П.Ф. Евграфов.</i> Я буду помнить	342

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Е.В. Кривцова.</i> «И видел я другого ангела...» («Огненный Ангел...» Сергея Прокофьева в собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына).	345
<i>К.Б. Ермишина.</i> Сто лет евразийской идее: обзор современных исследовательских подходов к изучению евразийства	369
<i>Н.В. Ликвинцева.</i> Пасха в эмигрантском Париже 1920-х гг.: По материалам неопубликованных дневников П.Е. Ковалевского	386
<i>С.А. Бешанова, Е.Н. Ельцова.</i> «Здесь, в Тунизии, нет родных и кровных печальников...»: Служение митрофорного протоиерея Константина Михаловского в Тунисе	397
<i>А.С. Быкова.</i> Русские жители ирландского дома для беженцев «Сент-Эндрюс»	414

ПУБЛИКАЦИИ

«Для русских мы, великие князья, смесь идола с идиотом»:
 Письма великого князя Александра Михайловича в эмиграции.
 Публикация, вступительная статья и комментарии К.В. Сак 441

В.Н. Ильин. Дневник 1920 г. Публикация, вступительная статья
 и комментарии О.Т. Ермишина 483

Из Праги в Бейрут: Письмо Георгия Серова брату Александру (9 октября 1923 г.).
 Публикация и вступительная статья Г.А. Серова и Т.В. Бахер 539

«Что мы как-то еще остались незатронутыми — просто чудо»:
 Письма Д.И. Чижевского к А.Л. Бему 1944 г. Публикация, подготовка
 текста, вступительная статья и комментарии А.А. Бабикова 545

Девятнадцать вопросов о П.А. Кропоткине:
 Письмо Г.П. Максимова к Дж. Вудкоку. Публикация, вступительная
 статья и комментарии Н.И. Герасимова 556

ХРОНИКА

М.Ю. Сорокина. «Русский адрес Белграда: Юрий Лобачев (1909–2002)»:
 Международная художественно-документальная выставка 577

М.Ю. Сорокина. «Русские в Сербии: Алексей и Иван Шеншины,
 ученый и художник»: Международная художественно-документальная
 выставка 582

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

В.В. Леонидов. Великий библиотекарь <Рец.:> Великий библиотекарь:
 к 120-летию со дня рождения Маргариты Ивановны Рудомино:
 в 2 т. М.: Пашков Дом, 2020. Т. 1: Дело жизни. Друзья и соратники
 М.И. Рудомино и ее библиотеки. — 480 с.; Т. 2: Книги моей судьбы.
 Избранные статьи, воспоминания, письма, интервью, документы
 М.И. Рудомино. — 432 с. 589

Резюме 592

Summary 609

Сведения об авторах 624

CONTENTS

POST ANNIVERSARIUM IVAN ALEXEYEVICH BUNIN (1870–1953)

- T.V. Marchenko.* Ivan Bunin Anniversary in the Centre for Studies of Russia Abroad:
Forum, Exhibition, Editions. 7
- T.V. Marchenko.* Ivan A. Bunin: “Like a Flyer, I’ve Been All My Life...”
Foreword to the Portuguese Edition of “Dark Alleys” 19
- A.K. Zholkovsky.* On Ivan Bunin’s Two Narrative Strategems: The “Funnel” Effect
and the “Authorial” Characters 31
- I.V. Kochergina.* Ivan Bunin: “I’ve Been Recently Sent a Newspaper Clipping”
(About the Authority of Fellierton “Shot in the Mouth” in the Newspaper “Izvestia”
for 1925) 42
- M.D. Shroyer.* “The Tie Martin Had on that Day, Pale Gray with Pink Stripes...”:
Bunin the Poet and Bunin the Fiction Writer in Nabokov’s Novel “Glory” 52
- L.G. Panova.* The Years of Apprenticeship, Wanderings and Sentimental Education
of the Russian Artist as a Young Man: “The Life of Arsen’ev” from the Genre
Standpoint. 75
- P.A. Tribunskii.* Collecting of Ivan Bunin’s Materials in Pre-WWII Czechoslovakia. 121

FOR THE ANNIVERSARY OF ALEXEY BORISOVICH ARSENYEV

- M.Yu. Sorokina.* Nestor of Russian Serbia: Alexey Arsenyev. 145
- A.B. Arsenyev.* Russian Belgrade: Masons, Theosophies, Occultists, Buddhists. 147
- M. Zhivanovich.* Alexey Borisovich Arsenyev’s Contribution to the Conservation
of the Russian Heritage in Serbia. 176
- I. Antanasijevich, A.B. Arsenyev, M.Yu. Sorokina.* “The Soul, Like Dreams, is Free...”:
Ekaterina Tauber about Ilya Golenishchev-Kutuzov 180

<i>N.Yu. Masolikova</i> . “Poems and Stars are Remaining, the Rest is Silence” (G. Ivanov): The Unknown Poem by Viktor Iretsky	193
<i>O.P. Yanchevetskaya</i> . Diaries (1909–1910, 1918–1920, 1935–1936). <i>The publication, introduction and comments of I. V. Prosvetov</i>	195
“Russian Emigration Decomposed Below any Criticism”: From the Memoirs of M.F. Skorodumov. <i>The publication, introduction, preparation of the text and comments by M.M. Gorinov-jr.</i>	236
<i>F.B. Poljakov</i> . A Partisan Episode in the Biography of A.V. Isachenko: Evidence and Documents	259

THE NAME DISCOVERY.
ARTIST MIKHAIL KHRISOGONOV:
THE FAMILY HISTORY, BIOGRAPHY PAGES, CREATIVE HERITAGE

<i>T.V. Marchenko</i> . Unknown famous Russians: artist Mikhail Khrisogonov.	277
<i>V.L. Shulgin</i> . Russia — Yugoslavia — Venezuela: Emigre Life “With a Palette and a Brush in Hand”	281
<i>J.K. Mezhinski Milovanovich</i> . On the work of M.M. Khrisogonov in Belgrade	342

ARTICLES

<i>E.V. Krivcova</i> . “And I Saw Another Angel...” (“Fiery Angel” by Sergey Prokofiev in the Collection of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad)	345
<i>K.B. Ermishina</i> . One Hundred Years of the Eurasian Idea: Review of Modern Research Approaches to the Study of Eurasianism	369
<i>N.V. Likvintseva</i> . Easter in Emigrant Paris of 1920s Years: According to the Materials of the Unpublished Diaries of P.E. Kovalevsky	386
<i>S.A. Bechanova, E.N. Eltsova</i> . “Here in Tunisia there are no Kin and Blood Bleeding Hearts”: Allegiance of Mitred Protopriest Konstantin Mikhalovsky in Tunisia	397
<i>A.S. Bykova</i> . Russian Residents of the Irish Refuge House St. Andrews	414

PUBLICATIONS

“For the Russians, We, the Great Princes, a Mixture of Idol and Idiot”: Letters of the Grand Duke Alexander Mikhailovich from Exile. <i>The publication, introduction and comments by K.V. Sak</i>	441
--	-----

<i>V.N. Ilyin. Diary of 1920th. The publication, introduction and comments</i> <i>by O.T. Ermishin</i>	483
From Prague to Beirut: Letter from Georgy Serov to His Brother Alexander (October 9, 1923). <i>The publication and introduction by G.A. Seroff and T.V. Baher</i>	539
“That We Somehow Still Remained Untouched Is Just a Miracle”: D.I. Chizhevsky’s Letters to A.L. Bem from 1944. <i>The publication, preparation</i> <i>of the text, introduction and comments by A.A. Babikov</i>	545
Nineteen Questions about P. Kropotkin: Letter from G. Maximov to G. Woodcock. <i>The publication, introduction and comments by N.I. Gerasimov</i>	556

ACADEMIC EVENTS

<i>M.Yu. Sorokina. “Russian Address of Belgrade: Yurii Lobachev (1909–2002)”:</i> International Art and Documentary Exhibition	577
<i>M.Yu. Sorokina. “Russians in Serbia: Aleksei and Ivan Shenshin, Scientist and Artist”:</i> International Art and Documentary Exhibition	582

NEW EDITIONS

<i>V.V. Leonidov. The Great Librarian. <A Great Librarian. In Celebration of the 120th</i> <i>Anniversary of Margarita Rudomino: in 2 vol. — Moscow: Pashkov House, 2020.</i> Vol. 1: The Business of Life. Friends and Associates of Margarita Rudomino and Her Libraries. — 480 p.; Vol. 2: The Books of My Destiny. Selected Articles, Memoirs, Letters, Interviews, Documents of Margarita Rudomino. — 432 p.>.....	589
Summary in Russian	592
Summary in English	602
About Authors	624

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Е-361 2021–2022 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — Москва : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2022. — 640 с. : ил.

ISSN 2313-7517

Очередной выпуск «Ежегодника...» открывается двумя юбилейными разделами. Один из них посвящен 150-летию со дня рождения И.А. Бунина (1870–1953), великого писателя, первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе. В данном разделе публикуются доклады известных отечественных и зарубежных ученых, прозвучавшие в рамках международного научно-просветительского форума «Классик и современник...» (ДРЗ, 12–13 октября 2020 г.) и анализирующие проблемы поэтики, жанра, переводов произведений И.А. Бунина, а также архивные разыскания. Юбилейным приношением известному исследователю русской эмиграции в Сербии А.Б. Арсеньеву стал раздел, включающий новую работу самого юбиляра о неизвестных страницах истории русского Белграда, а также публикации уникальных дневников и воспоминаний певицы О.П. Янчевецкой, поэта Е.Л. Таубер, слависта А.В. Исаченко, писателя В.Я. Ирецкого и др.

Семейная история, страницы биографии, творческое наследие художника М.М. Хрисогонова, работавшего в Югославии и Венесуэле, представлены в рубрике «Открытие имени». Издание новых документов из фондов Дома русского зарубежья и других архивов традиционно составляет важную часть выпуска: эпистолярный великого князя Александра Михайловича, наброски композитора С.С. Прокофьева к опере «Огненный Ангел», переписка славистов Д.И. Чижевского и А.Л. Бема, дневники религиозных мыслителей В.Н. Ильина и П.Е. Ковалевского. На страницах издания широко освещена жизнь русских диаспор в Тунисе, Ирландии, Ливане.

«Ежегодник...» завершается обзором выставочной деятельности Дома русского зарубежья и рецензиями на новые издания. Многие иллюстрации в выпуске публикуются впервые.

УДК 08
ББК 79.1

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2021–2022

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор *М.Л. Максимова*
Корректоры *О.А. Савичева, Н.С. Самбу*
Верстка *П.А. Сандомирского*

Подписано в печать 23.09.22. Формат 70×100/16. Бумага писчая.
Гарнитура Minion Pro. Печ. л. 32,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48
www.domrz.ru

ООО «Викмо-М»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, офис 65
Тел.: +7 (495) 629-04-82
E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Отдел продаж: +7 (495) 137-84-06
Книжный киоск Дома русского зарубежья (1-й этаж):
+7 (495) 137-84-01

Отпечатано
АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный двор»
142300, Московская обл., Чехов г., ул. Полиграфистов, д. 1
Телефон: +7 (499) 270-73-59
Сайт: www.chpd.ru

ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
И ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

Шмеман Александр, протопресвитер

Основы русской культуры : Беседы, 1970–1971 / протопресвитер Александр Шмеман ; [предисл. С.А. Шмемана ; вступ. ст. М.А. Васильевой, А.А. Тесли ; сост., подгот. текста и коммент. М.А. Васильевой]

Цикл радиобесед «Основы русской культуры» (1970–1971) выдающегося церковного деятеля и богослова протопресвитера Александра Шмемана (1921–1983) публикуется полностью впервые. Занимающий особое место в наследии Шмемана радицикл охватывает большое историческое пространство, выстраивая панораму русской культуры от эпохи введения христианства в Киевской Руси до XX века. Беседы представляют попытку анализа многосложных узлов и неразрешимых антиномий русской культуры, приведших к тектоническим социальным сломам в начале XX века, к «революции — как обрыву личной и национальной судьбы» сразу нескольких поколений, к исчезновению «дореволюционной России» как культурной цивилизации, к трагедии Русского исхода, частью которого был и сам Александр Шмеман, — родившийся в эмиграции, но осознававший себя «безусловно русским».

Издание сопровождается предисловием сына священника, вступительной статьей, повествующей об эдичионной истории текста и связанных с ней архивных и текстологических разысканиях, а также обширными комментариями. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей русской культуры.

Струве Н.А.

Встреча с Россией : Статьи, доклады, воспоминания, беседы, письма и другие материалы : [К 90-летию со дня рождения Н.А. Струве] / Никита Струве ; сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Ликвинцевой и Т.В. Викторовой ; вступ. ст. Т.В. Викторовой ; пер. с фр. Т.В. Викторовой, С.В. Дубровиной, Н.В. Ликвинцевой

Главная тема книги — встреча России и русского зарубежья в рассказах свидетеля и участника исторических событий, легендарного издателя, главного редактора «УМСА-Press» и «Вестника РХД», профессора Никиты Алексеевича Струве (1931–2016). В сборник, задуманный как продолжение книги «Православие и культура» (последнее прижизненное издание которой вышло в 2000 г.), включены материалы, появившиеся в последующие годы в «Вестнике РХД», статьи из ранних, ныне малодоступных номеров журнала, неопубликованные материалы из личного архива Н.А. Струве, переводы его французских статей на богословские и литературные темы, яркие портреты выдающихся современников, отклики на книги и фильмы, доклады, выступления, беседы, интервью, а также письма к А.И. Солженицыну, представляющие картину культурной и церковной жизни российской глубинки и живописное описание первых встреч с россиянами и той страной, где сын русских эмигрантов «никогда и не вообразал... побывать на своем веку», и где, с первой поездки в 1990 г. «сразу же почувствовал себя дома».

Издание сопровождается вступительной статьей и обширными примечаниями, и адресовано широкому кругу читателей, интересующихся российской историей и культурой.

Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева, Е.Ю.)

Путь : Богословские и религиозно-философские сочинения ; Публицистические очерки ; Воспоминания, письма, записные книжки / Мать Мария (Скобцова ; Елизавета Кузьмина-Караваева) ; [сост. Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой ; науч. ред., вступ. ст. и примеч. Н.В. Ликвинцевой ; оформл. Е.Л. Марголис]

В книгу матери Марии (Скобцовой; Е.Ю. Кузьминой-Караваевой; 1891–1945), религиозного мыслителя, поэта, прозаика и художника, вошли богословские и религиозно-философские сочинения и публицистика 1930-х гг., по большей части написанные вскоре после ее монашеского пострига. В них она, в частности, размышляет о сути монашества и аскетизма, о синтезе духовной и светской культуры, о Богородице и материнстве. Издание дополняют письма и дневниковые записи этого периода, а также мемуарные очерки.

Восстановленная составителями подробная Хроника жизни и творчества матери Марии представляет детали ее многогранной и яркой деятельности. В Приложениях собраны воспоминания ее друзей и сподвижников, а также черновики и наброски, позволяющие проникнуть в творческую лабораторию автора. Часть материалов публикуется впервые. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой русской эмиграции, а также специалистам по богословию XX века.

Бунин. Эмиграция. Творчество : К 150-летию со дня рождения писателя : Выставка в Музее русского зарубежья, 29 октября 2020 – 31 января 2021 / Департамент культуры города Москвы ; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; [вступ. слово: В.А. Москвин; авт. текста: Т.В. Марченко; дизайн: В.А. Кулишов]

В издании представлен историко-документальный рассказ о жизни и творчестве И.А. Бунина в эмиграции, где писатель пробыл 33 года (1920–1953) и где им были созданы такие шедевры, как «Солнечный удар», «Митина любовь», «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи». Издание основано на материалах выставки в Музее русского зарубежья, приуроченной к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина. Эмигрантский период его жизни и творчества стал предметом отдельной экспозиции впервые. Выставка представляет фигуру всемирно известного русского писателя в широком историко-культурном контексте русского зарубежья, показывает его жизнь на чужбине в разных ипостасях: беженец, глава русского литературного Парижа, нобелевский лауреат, автор упоительной любовной прозы...

Экспозиция создана на основе материалов из музейного, архивного и библиотечного собрания Дома русского зарубежья им. А. Солженицына с привлечением экспонатов из других российских музеев и архивов и с использованием обширного материала, предоставленного бунинским собранием библиотеки Лидского университета (Великобритания). Редкие фотографии первой половины XX века, автографы, книги, исторические реликвии позволяют окунуться в подлинную жизнь зарубежной России, буквально увидеть ее собственными глазами. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся судьбами русской культуры и истории.

Эти и другие книги можно купить
в книжном киоске Дома русского зарубежья
г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. «Таганская» (кольцевая)),
тел.: +7 (495) 137-84-01

Отдел продаж издательства «Русский путь»:
+7 (495) 137-84-06